ЛЕ
М29
т14

СОБРАНІЕ

ТРАКТАТОВЪ и КОНВЕНЦІЙ,

ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

По порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

СОСТАВИЛЪ

Ф. Мартенсъ,

Непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,
членъ Institut de France.

Томъ XIV.

ТРАКТАТЫ СЪ ФРАНЦІЕЮ.

1807—1820.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

1905.

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕН. ДРУЖ. Р.С.Ф.С.Р.
Отдел 8
4993

Нѣкоторыя другія сочиненія того же автора:

„Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными Державами“ (съ историческими очерками).

„Трактаты съ Австріею“, томы I — IV (IV т. въ 2-хъ частяхъ); всего 5 томовъ, изданныхъ съ 1874 по 1878 годъ.

„Трактаты съ Германіею“, томы V (VI) — VIII (IX); всего 4 тома, изданные съ 1880 по 1888 годъ.

„Трактаты съ Англіею“, томы X — XII, съ 1648 по 1898 годъ.

„Трактаты съ Франціею“, томъ XIII, съ 1717 по 1807 г., изд. въ 1902 г.

„О правѣ частной собственности во время войны“ (1869).

„О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ“ (1873).
Переведено на нѣмецкій языкъ.

„Восточная война и Брюссельская конференція 1874 — 1878“ (1878). Переведено на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: „La Paix et la Guerre (1901 г.).

„La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale“ (Bruxelles 1879). Переведено на русскій, нѣмецкій и англійскій языки.

„Le conflit entre la Russie et la Chine, ses origines, son développement et sa portée universelle“ (Bruxelles 1880).

„La question Egyptienne et le droit international“ (Bruxelles 1882).

„Mémoire sur le télégraphe en Chine“ (Copenhague 1883).

„La Conférence du Congo à Berlin et la politique coloniale des Etats modernes“ (Bruxelles 1896).

„Mémoire sur l'affaire Zappa“ (Athènes 1893).

„La Conférence de la paix à La Haye“ (Paris 1901).

„Современное международное право цивилизованныхъ народовъ“ (2 тома), переведено на нѣмецкій, французскій, испанскій, сербскій, японскій и персидскій языки.

СОБРАНІЕ

ТРАКТАТОВЪ и КОНВЕНЦІЙ,

ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ БИБЛІОТЕКА

RECUEIL

DES

TRAITÉS ET CONVENTIONS,

CONCLUS PAR

LA RUSSIE AVEC LES PUISSANCES ÉTRANGÈRES,

PUBLIÉ

D'ORDRE DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES

PAR

F. de Martens,

MEMBRE PERMANENT DU CONSEIL DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES,

MEMBRE DE L'INSTITUT DE FRANCE.

Tome XIV.

TRAITÉS AVEC LA FRANCE.

1807—1820.

ST. PÉTERSBOURG.

Imprimerie A. BÖHNKE, Nowy Péréoulok № 2.

1905.

ЛЕ
М29
12/3

СОБРАНІЕ

ТРАКТАТОВЪ и КОНВЕНЦІЙ,

ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

По порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

СОСТАВИЛЪ

Ф. Мартенсъ,

Непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,
членъ Institut de France.

Томъ XIV.

ТРАКТАТЫ СЪ ФРАНЦІЕЮ.

1807—1820.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

1905.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
524505

Печатается съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія.

PRÉFACE.

Lorsqu'il y a précisément trois ans, je publiais le XIII-e volume du présent Recueil des traités, contenant l'histoire documentée des relations diplomatiques de la Russie avec la France depuis leur origine jusqu'à la paix de Tilsit en 1807, j'estimais qu'un volume suffirait pour contenir tous les actes franco-russes depuis 1807 jusqu'à nos jours. Mais plus j'étudiais les matériaux abondants des archives, relatant le grand drame Napoléonien, plus je découvrais des faits nouveaux, propres à caractériser les hommes et les choses de cette époque historique, à jamais mémorable; je dus me convaincre par conséquent de l'impossibilité de condenser dans un même volume tous les actes depuis 1807 jusqu'à l'époque actuelle. Je me suis vu obligé par la force des choses de consacrer à cette période, non pas un, mais deux volumes.

Ainsi le présent volume comprend seulement les actes et l'histoire des re-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда я, ровно три года тому назадъ, издалъ тринадцатый томъ настоящаго „Собранія трактатовъ“, заключающій въ себѣ документальную исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей съ самаго ихъ начала до Тильзитскаго мира 1807 года, я былъ увѣренъ, что одного тома будетъ достаточно для изданія всѣхъ франко-русскихъ актовъ съ 1807 года по настоящее время. Но чѣмъ больше я сталъ изучать богатѣйшіе архивные матеріалы, повѣствующіе о великой героической драмѣ Наполеона I, чѣмъ больше открывалось новыхъ фактовъ для вѣрной характеристики людей и положенія вещей въ этой вѣчно памятной исторической эпохѣ, тѣмъ нагляднѣе обнаружилась для меня совершенная невозможность втиснуть въ этотъ томъ всѣ акты за время съ 1807 года по настоящую минуту. Я принужденъ былъ силою вещей рѣшиться посвятить этому времени не одинъ томъ, но два.

Такимъ образомъ настоящій томъ обнимаетъ только акты и исторію ди-

lations diplomatiques entre la Russie et la France depuis 1807 jusqu'à 1820. Le troisième et dernier volume, tractant des relations diplomatiques franco-russes, qui formera le XV volume de la présente publication contiendra toutes les transactions internationales, conclues entre la Russie et la France depuis 1820 jusqu'à nos jours. Prenant en considération que parmi les matériaux des archives, concernant cette époque récente, peu de chose a été livré à la publicité, j'ai lieu de croire que ce dernier volume des relations franco-russes présentera également un intérêt incontestable.

Dans le présent volume mes esquisses historiques ont atteint parfois une grande extension à cause de l'abondance excessive des archives du Ministère des Affaires Etrangères de Russie et de France en documents concernant l'époque Napoléonienne.

Je me bornerai à signaler quelques épisodes sur lesquelles je me suis particulièrement arrêté.

La conduite perfide du fameux général et diplomate de l'Empereur Napoléon, Caulaincourt, crée par lui duc de Vicence, offrira certainement un intérêt palpitant pour l'historien et le moraliste. Les esquisses très détaillées sub №№ 499—501 et 508 (particulièrement à partir de la page 178) signalent les pièces justificatives qui confirment la vérité connue que Napoléon est tombé victime bien moins de son avidité du pouvoir et de son ambition, que de l'ingratitude et de la trahison de ceux qu'il a comblés de ses bienfaits. La trahison de Caulaincourt n'était pas généralement bien

пломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей съ 1807 года по 1820 годъ. Въ послѣднемъ третьемъ томѣ франко-русскихъ дипломатическихъ сношеній, или въ XV томѣ настоящаго изданія, будутъ отпечатаны всѣ международные акты, заключенные между Россіей и Франціей съ 1820 года по настоящее время. Принимая во вниманіе, что архивные матеріалы, обнародованные по сіе время, относительно этого послѣдняго періода, довольно скудны, я увѣренъ, что послѣдній томъ франко-русскихъ дипломатическихъ отношеній также представитъ несомнѣнный интересъ.

Въ настоящемъ томѣ мои историческіе очерки достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ въ виду исключительнаго богатства архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Россіи и Франціи актами, относящимися къ наполеоновской эпопеѣ.

Ограничусь краткимъ указаніемъ на нѣкоторые выдающіеся эпизоды, рельефно отмѣченные въ настоящемъ томѣ.

Животрепещущій интересъ историка и моралиста вызоветъ измѣнническій образъ дѣйствія знаменитаго генерала и дипломата императора Наполеона I, Коленкура, возведеннаго своимъ Государемъ въ званіе герцога Висанскаго. Въ подробныхъ историческихъ очеркахъ, за №№ 499—501 и 508-мъ (въ особенности со стран. 178), приведены документальные источники, подтверждающіе общеизвѣстную истину, что Наполеонъ палъ жертвою столько же своего собственнаго властолюбія и тщеславія, сколько и неблагодарности и измѣны со стороны облагодѣтель-

connue, quoiqu'elle fût parfaitement à la hauteur de celle de Bernadotte, de Talleyrand et de tant d'autres.

Voici pourquoi les détails concernant le départ de Napoléon pour l'île d'Elbe (pag. 214 et suiv) et surtout la proclamation du 1 (13) mars 1815, sans précédent dans l'histoire des relations internationales qui déclarait le grand législateur de la France contemporaine et le plus grand capitaine de tous les temps — en dehors de la protection des lois divines et humaines, doivent inspirer des sentiments d'indignation et de trouble.

Depuis l'avénement de Louis XVIII au trône de France les relations entre les deux pays accusèrent un caractère particulier. L'Empereur Alexandre et son ambassadeur à Paris, Pozzo di Borgo, considéraient comme un droit légitime d'intervenir systématiquement dans les affaires intérieures de la France et de les soumettre à un contrôle vigilant. L'Empereur Alexandre n'avait pas de grande sympathie ni pour le roi de France, ni pour ses proches parents, ni en général pour la dynastie des Bourbons. L'échec du projet de mariage du duc de Berry, héritier du trône, avec la Grand' Duchesse Anna Pavlovna ne devait pas contribuer à l'amélioration des relations mutuelles entre les deux monarques (voir № 508, pag. 262 et suiv).

Quelquefois des représentants de la France à la cour de Russie, fins observateurs, communiquaient à leur gou-

ствованныхъ имъ лицъ. Измѣна Коленкура не всѣмъ была вполнѣ извѣстна, хотя она вполнѣ стоитъ на высотѣ измѣны Бернадотта, Тальерана и многихъ другихъ.

Вотъ почему подробности отправленія Наполеона на островъ Эльбу (стр. 214 и слѣд.) и въ особенности небывалая въ исторіи международныхъ отношеній прокламація 1-го (13-го) марта 1815 года, объявившая великаго законодателя современной Франціи и величайшаго военнаго генія всѣхъ временъ внѣ покровительства божескихъ и человѣческихъ законовъ, должны возбуждать чувства и негодованія, и недоумѣнія.

Съ воцаренія на французскомъ престолѣ короля Людовика XVIII отношенія между Россіей и Франціей приняли совершенно особенный характеръ. Императоръ Александръ I и его посолъ въ Парижѣ, Поццо ди Борго, считали за собою неотъемлемое и законное право систематически вмѣшиваться въ дѣла внутренней политики Франціи и установить за ними постоянный и строгій надзоръ. Императоръ Александръ I не питалъ особеннаго расположенія ни къ личности французскаго короля, ни къ его ближайшимъ родственникамъ, ни вообще къ династіи Бурбоновъ. Неудачный исходъ проекта женитьбы дюка де Берри, наслѣдника французскаго престола, на В. К. Аннѣ Павловнѣ, не могъ содѣйствовать улучшенію взаимныхъ отношеній обоихъ монарховъ. (См. № 508 стр. 262 и слѣд.).

Иногда также наблюдательные представители Франціи при русскомъ Высочайшемъ дворѣ сообщали своему пра-

vernement des renseignements sur la situation intérieure du pays qui étaient de nature à altérer chez Louis XVIII et ses conseillers leurs sentiments de respect et de sympathie pour la Russie.

Ainsi en 1816, le comte de la Moussaye, chargé d'affaires de France à St.-Pétersbourg écrivait entr'autre à son gouvernement ce qui suit: „Que serait la Russie sans l'influence de ses baïonnettes? Les sciences, les arts, tout ce qui rend la paix glorieuse y est inconnue. Tributaire de l'Europe entière par ses besoins ou ses fantaisies, elle ne peut pas même vêtir et armer les soldats, par lesquels seuls elle existe". Selon son avis, ce n'est „qu'un concours de circonstances et de fautes, dont l'histoire offre peu d'exemples, qui a donné à la Russie une prépondérance et un éclat qu'elle n'eût pas obtenu par elle-même. La politique insouciante du siècle qui vient de finir a transformé en couronne Impériale le casque scythe des Tsars de Moscou, et a toléré le partage de la Pologne"...

Toutefois le comte de la Moussaye, aussi bien que le comte de Noailles qui le remplaça en qualité d'ambassadeur, s'accordaient à reconnaître que l'Empereur Alexandre était un ami sincère de la France et qu'il prenait avec énergie la défense de ses intérêts internationaux.

„L'union de mon pays avec le vôtre", dit l'Empereur en 1816 à l'ambassadeur de France, „ne peut qu'être utile à tous les deux; nous ne pouvons nous heurter, nous ne pouvons avoir de prétentions l'un sur l'autre. En nous donвительству такія свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Россіи, которыя должны были охлаждать короля Людовика XVIII и его совѣтниковъ въ ихъ чувствахъ уваженія и расположенія къ Россіи.

Такъ, въ 1816 году французскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ, графъ де ла Муссэ, писалъ своему правительству, между прочимъ, слѣдующее: „Что стало бы съ Россіей безъ ея штыковъ? Наука, искусство, все, что дѣлаетъ миръ славнымъ, здѣсь неизвѣстны. Будучи данницею всей Европы вслѣдствіе своихъ потребностей и фантазій, Россія даже не въ состояніи одѣвать и вооружать своихъ солдатъ, благодаря которымъ она существуетъ". По его мнѣнію, только „стеченіе обстоятельствъ и ошибокъ, подобнаго которому трудно найти въ исторіи, дали Россіи также преобладаніе и блескъ, которыхъ она сама, собственными силами, не достигла бы. Беззаботная политика истекшаго вѣка превратила скиѳскій шлемъ московскихъ царей въ императорскую корону и позволила раздѣлъ Польши"...

Однако, въ то же время графъ де ла Муссэ и замѣнившій его со званіемъ французскаго посла графъ Ноайль единодушно признавали, что Императоръ Александръ I былъ искренно расположенъ къ Франціи и энергически охранялъ ея международные интересы.

„Союзъ моей страны съ вашею", сказалъ Императоръ въ 1816 году французскому послу, „только можетъ быть выгоденъ обоимъ народамъ. Мы не можемъ сталкиваться и не можемъ имѣть претензій другъ къ другу. Да-

nant la main, nous assurons le repos de l'Europe“ (voir page 368).

En terminant je me fais un agréable devoir de réïtérer l'expression de ma gratitude la plus sincère à mes collaborateurs de longue date le comte N. de Sancé et Monsieur M. Mouromtsew.

F. M.

Avril 1905.

вая другъ другу руку, мы обезпечиваемъ спокойствіе Европы“ (см. стр. 368).

Въ заключеніе считаю очень пріятнымъ долгомъ повторить мою искреннѣйшую признательность моимъ многолѣтнимъ сотрудникамъ: гр. Н. Э. Сансе и М. И. Муромцеву.

Ф. М.

Апрѣль 1905.

INDEX.

№ 496.

PAGES.

1807, 11 (23) juillet. Convention de démarcation entre la Russie et la France, signée à Bélostok.

№ 497.

1808, 24 janvier (5 février). Convention de Paris concernant l'achat en Russie de vivres pour la flotte française 1
№ 496 33
№ 497 37

№ 498.

1808, 30 septembre (12 octobre). Convention d'alliance, conclue à Erfurt 39
№ 498 68

№ 499.

1813, 20 mai (1 juin). Armistice conclu à Gebersdorf.

№ 500.

1813, 23 mai (4 juin). Armistice signé à Pleiswitz.

№ 501.

1813, 14 (26) juillet. Acte concernant une prolongation d'armistice, signé à Neumarkt 73
№ 499 181
№ 500 183
№ 501 188

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 496.

СТРАН.

1807 г., іюля 11-го (23-го). Демаркаціонная конвенція между Россіей и Франціей, подписанная въ Бѣлостокѣ.

№ 497.

1808 г., января 24-го (февр. 5-го). Парижская конвенція относительно покупки въ Россіи припасовъ для французскаго флота. 1
№ 496 33
№ 497 37

№ 498.

1808 г., сентября 30-го (окт. 12-го). Союзная конвенція, заключенная въ Эрфуртѣ 39
№ 498 68

№ 499.

1813 г., 20-го мая (1-го іюня). Актъ перемирія, заключенный въ Геберсдорфѣ.

№ 500.

1813 г., 23-го мая (4-го іюня). Актъ перемирія, подписанный въ Плейсвицѣ.

№ 501.

1813 г., 14-го (26-го) іюля. Актъ относительно продолженія перемирія, подписанный въ Неймарктѣ 73
№ 499 181
№ 500 183
№ 501 188

№ 502.

PAGES.

1814, 30 mars (11 avril). Traité concernant l'abdication de Napoléon et de sa dynastie au trône de France, signé à Paris.

№ 503.

1814, 29 mars (10 avril). Protocole concernant le traité susmentionné sub № 502.

№ 504.

1814, 18 (30) mai. Déclaration du prince de Talleyrand, concernant le traité sub

№ 502 191
№ 502 205
№ 503 212
№ 504 213

№ 505.

1814, 11 (23) avril. Convention d'armistice signée à Paris par les plénipotentiaires des puissances alliées, d'une part, et par S. M. R. le lieutenant de la France, de l'autre.

№ 506.

1814, 16 (28) mai. Convention de Paris, concernant le ravitaillement des armées

alliées 214
№ 505 217
№ 506 225

№ 507.

1814, 18 (30) mai. Traité de paix de Paris 235
№ 507 238

№ 508.

1815, 1 (13) mars. Déclaration de Vienne contre Napoléon I. (Recueil complet de Lois

№ 25.790) 260
№ 508 271

№ 502.

СТРАН.

1814 г., марта 30-го (апрѣля 11-го). Трактатъ касательно отреченія отъ французскаго престола Наполеона I и его династіи, подписанный въ Парижѣ.

№ 503.

1814 г., марта 29-го (апрѣля 10-го). Протоколъ, относящійся до вышеприведеннаго трактата за № 502.

№ 504.

1814 г., мая 18-го (30-го). Декларація князя Тальерана касательно трактата за

№ 502 191
№ 502 205
№ 503 212
№ 504 213

№ 505.

1814 г., апрѣля 11-го (23-го). Конвенція о перемиріи, подписанная въ Парижѣ уполномоченными союзныхъ державъ, съ одной стороны, и Е. К. В. намѣстникомъ Франціи, съ другой.

№ 506.

1814 г., мая 16-го (28-го). Парижская конвенція относительно продовольствія

союзныхъ армій 214
№ 505 217
№ 506 225

№ 507.

1814 г., мая 18-го (30-го). Парижскій мирный трактатъ 235
№ 507 238

№ 508.

1815 г., марта 1-го (13-го). Вѣнская декларація противъ Наполеона I. (П С. З.

№ 25790) 260
№ 508 271

№ 509.

PAGES.

1815, 15 (27) mars. Acte d'accession de la France au traité d'alliance du 13 (25) mars, signé à Vienne par les plénipotentiaires de la Russie, de l'Angleterre, de l'Autriche et de la Prusse. (Voir t. III, p. 177).

1815, 28 mai (9 juin). Acte du congrès de Vienne. (Voir t. III, № 79—96, p. 207—534).

№ 510.

1815, 5 (17) septembre. Convention militaire, signée à Paris 274
№ 509 278
№ 510 279

1815, 14 (26) septembre. Acte de la Sainte Alliance. (Voir t. IV, partie I, № 99, p. 1 et ss.). . . . . .

1815, 7 (19) novembre. Acte d'accession du roi de France et de Navarre à l'Acte de la Sainte Alliance.

№ 511.

1815, 8 (20) novembre. Traité de paix, conclu à Paris 283
№ 511 290

№ 512.

1815, 8 (20) novembre. Convention de Paris concernant la liquidation de l'indemnité de guerre par la France.

№ 513.

1815, 8 (20) novembre. Convention de Paris au sujet de l'entretien en France de l'armée alliée d'occupation.

№ 514.

1815, 8 (20) novembre. Convention de Paris au sujet du mode de liquidation des réclamations d'argent élevées par les sujets des gouvernements alliés.

1815, 8 (20) novembre. Acte de reconnaissance et de garantie de la neutralité perpétuelle de la Suisse. (Voir t. IV, partie I, № 101, p. 12 et ss.) 302

№ 512 305
№ 513 310
№ 514 327

№ 509.

СТРАН.

1815 г., марта 15-го (27-го). Актъ присту̀пленія Франціи къ союзному трактату отъ 13-го (25-го) марта, подписанному въ Вѣнѣ уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. (См. т. III, стр. 177).

1815 г. мая 28-го (іюня 9-го). Актъ Вѣнскаго конгресса. (См. т. III, №79—96, стр. 207—534).

№ 510.

1815 г., сентября 5-го (17-го). Военная конвенція, подписанная въ Парижѣ . . . 274
№ 509 278
№ 510 279

1815 г., сентября 14-го (26-го). Актъ Священнаго Союза (См. т. IV, ч. I, № 99, стр. 1 и слѣд.). . . . . .

1815 г., ноября 7-го (19-го). Актъ присту̀пленія Е. В. короля Французскаго и Наваррскаго къ Акту Священнаго Союза.

№ 511.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Мирный трактатъ, заключенный въ Парижѣ . . . 283
№ 511 290

№ 512.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Парижская конвенція относительно уплаты Франціею военной контрибуціи.

№ 513.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Парижская конвенція относительно содержанія во Франціи оккупаціонной союзной арміи.

№ 514.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Парижская конвенція относительно порядка удовлетворенія денежныхъ претензій подданныхъ союзныхъ государствъ.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Актъ признанія и гарантіи постояннаго нейтралитета Швейцаріи. (См. т. IV., ч. I, № 101, стр. 12 и слѣд.) 302

№ 512 305
№ 513 310
№ 514 327

№ 515.

PAGES.

1816, 15 (27) septembre. Convention concernant la liquidation des dettes entre la France et le ci-devant duché de Varsovie, signée à Paris 355
№ 515 370
1817, 29 mai (10 juin). Traité concernant les duchés de Parme, Piacenza et Guastalla et la principauté de Lucques.
(Voir t. IV, partie I, № 107, p. 55 et ss.).

№ 516.

1818, 13 (25) avril. Convention de Paris concernant la liquidation des créances, élevées à la charge du gouvernement français 372
№ 516 381
1818, 27 septembre (9 octobre) au 9 (21) novembre. Actes du congrès d'Aix-la-Chapelle. (Voir t. VII, № 288—296, pages 291—328).

№ 517.

1819, 20 janvier (2 février). Protocole de Paris, concernant le payement des derniers cent millions de la contribution de guerre 395
Protocole 408
Annexe. Arrangement définitif pour régler le mode et les époques de l'acquittement des derniers cent millions de l'indemnité pécuniaire à fournir par la France 409

1819, 8 (20) juillet. Recès général de la commission de délimitation, signé à Francfort s. M. (Voir t. IV, partie I, № 110—121, pag. 146—265) . . . . . .

№ 518.

1820, 8 (20) juin. Acte d'accession de la France à l'acte de délimitation, signé à Francfort s. M. 412
№ 518 427

ANNEXE.

1809, 23 décembre (1810, 4 janvier). Convention concernaut la Pologne signée à St. Pétersbourg. 430

№ 515.

СТРАН.

1816 г., сентября 15-го (27-го). Конвенція относительно разочтенія взаимныхъ долговъ Франціи и бывшаго герцогства Варшавскаго, подписанная въ Парижѣ . 355
№ 515 370
1817 г., мая 29-го (іюня 10-го). Трактатъ относительно герцогствъ Пармы, Піаченцы, Гвасталлы и княжества Лукскаго.
(См. т. IV, ч. I, № 107, стр. 55 и слѣд.).

№ 516.

1818 г., апрѣля 13-го (25-го). Парижская конвенція относительно долговыхъ обязательствъ французскаго правительства . . 372
№ 516 381
1818 г., сентября 27-го (октября 9-го) по 9-ое (21-ое) ноября. Акты Ахенскаго конгресса. (См. т. VII, № 288—296, стр. 291—328).

№ 517.

1819 г., января 20-го (февраля 2-го). Парижскій протоколъ относительно уплаты послѣднихъ ста милліоновъ военной контрибуціи 395
Протоколъ 408
Приложеніе. Окончательное соглашеніе объ опредѣленіи способовъ и сроковъ возмѣщенія послѣднихъ ста милліоновъ франковъ денежнаго вознагражденія, уплачиваемаго Франціею 409
1819 г., іюля 8-го (20-го). Общее постановленіе о разграниченіи, подписанное во Франкфуртѣ на Майнѣ. (См. т. IV, ч. I, № 110—121, стр. 146—265). . . . . .

№ 518.

1820 г., іюня 8-го (20-го). Актъ присту-
пленія Франціи къ акту разграниченія, подписанному во Франкфуртѣ на Майнѣ 412
№ 518 427

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1809 г. декабря 23-го (1810 г., января 4-го). С.-Петербургская конвенція относительно Польши. 430

№ 496.

1807, 11 (23) juillet. Convention de démarcation entre la Russie et la France, signée à Belostok.

№ 496.

1807 г., іюля 11-го (23-го). Демаркаціонная конвенція между Россіей и Франціей, подписанная въ Бѣлостокѣ.

№ 497.

1808, 24 janvier (5 février). Convention de Paris concernant l'achat en Russie de vivres pour la flotte française.

La paix de Tilsit ne devait pas seulement faire cesser les hostilités entre la Russie et la France, mais encore modifier complétement tout l'ordre politique en Europe. Depuis cette date les destinées de toutes les nations européennes se trouvaient désormais entre les mains de deux souverains: l'empereur Napoléon et Alexandre I. Pour sauvegarder ce nouvel ordre de choses, le maintien d'un accord entre eux était d'une nécessité absolue. Tout ce qui pouvait y porter atteinte risquait de compromettre la nouvelle constellation politique de l'Europe, créée à Tilsit.

On se demande: le maintien de cet accord entre Napoléon et Alexandre était-il possible? Les conventions de Tilsit ne contenaient-elles pas elles-mêmes des germes de dissentiment et de rupture?

On ne saurait répondre à ces questions que par l'exposé scrupuleux des pourparlers diplomatiques et des relations personnelles entre le Tsar de Russie et l'empereur des Français après la signature des actes de Tilsit. L'étude des documents des archives y relatifs fournit la preuve qu'une rupture complète entre les deux alliés était inévitable et fatale. Immédiatement après s'être quittés à Tilsit, les deux souverains ont dû se convaincre qu'ils ont manqué de franchise

№ 497.

1808 г., января 24-го (февр. 5-го). Парижская конвенція относительно покупки въ Россіи припасовъ для французскаго флота.

Тильзитскій миръ не только долженъ былъ прекратить военныя дѣйствія между Россіей и Франціей, но также совершенно измѣнить всю политическую систему Европы. Отнынѣ судьба всѣхъ европейскихъ народовъ должна была находиться въ рукахъ двухъ монарховъ: императоровъ Наполеона и Александра I. Для сохраненія этого новаго порядка вещей абсолютно нужно было поддержаніе полнаго согласія между двумя Государями. Все, что могло нарушить такое согласіе, было опасно для созданнаго въ Тильзитѣ новаго политическаго положенія Европы.

Спрашивается: возможно-ли было вообще сохраненіе согласія между Наполеономъ и Александромъ? Не скрывался ли въ самыхъ Тильзитскихъ соглашеніяхъ зародышъ раздора и разрыва?

На эти вопросы можно только отвѣтить объективнымъ изложеніемъ дипломатическихъ переговоровъ и личныхъ сношеній между русскимъ Царемъ и императоромъ французовъ послѣ подписанія Тильзитскихъ актовъ. Изученіе относящихся сюда архивныхъ документовъ вполнѣ убѣждаетъ въ роковой необходимости наступленія полнаго разрыва между обоими союзниками. Немедленно послѣ ихъ разлуки въ Тильзитѣ, оба Государя должны были убѣдиться,

l'un vis-à-vis de l'autre et que bien des questions restées non élucidées devaientfatalement soulever des malentendus, des défiances mutuelles et de regrettables déceptions. L'événement a prouvé bientôt que l'Empereur Alexandre I accueillit les promesses verbales de Napoléon comme des engagements formels sur lesquels on pouvait compter. Malgré ses défiances marquées à l'égard de l'émpereur des Français, il croyait au début pouvoir faire fonds sur sa parole et se berçait de l'espoir de gouverner toute l'Europe de concert avec lui.

En attendant Napoléon ajoutait lui-même très peu d'importance aux promesses verbales. N'a-t-il pas dit un jour „qu'il est très utile quelquefois d'en donner". Enfin, une fois que les engagements écrits n'étaient pas toujours exécutés, n'était-ce pas de la candeur de supposer que des promesses verbales puissent à ses yeux avoir une force obligatoire quelconque?

Quoi qu'il en soit, si dans ses épanchements avec l'Empereur de Russie à Tilsit, Napoléon donnait libre cours à son imagination méridionale et admettait même l'éventualité du partage de l'Empire Ottoman, il ne gardait pas moins tout son sang-froid politique et restait inébranlable quant à l'exécution de ses plans gigantesques. L'amitié et l'alliance de la Russie lui étaient nécessaires pour arriver à ses fins, aussi était-il décidé à y porter pour le moment tous les sacrifices et à complaire par tous les moyens à l'Empereur Alexandre I, son ami et son allié.

Dans ces vues Napoléon jugeait nécessaire de ne pas laisser s'altérer les sentiments chaleureux d'Alexandre et d'appliquer tout son zèle à en entretenir l'ardeur. C'est par ces considérations que s'explique l'ordre, donné au général Savary, immédiatement après les entrevues de Tilsit, de se rendre à St.-Pétersbourg pour être attaché à la personne de l'Empereur de Russie jusqu'à l'arrivée de l'ambassadeur de France.

Avant son départ de Königsberg, Napoléon fit appeler Savary et lui donna les instructions suivantes:

„Je viens de faire la paix; on me dit que j'ai eu tort, que je serai trompé; mais, ma foi, c'est assez faire la guerre; il faut donner du repos au monde. Je veux vous envoyer à St.-Pétersbourg, en attendant que j'aie fait choix d'un ambassadeur; je vous donnerai pour l'Empereur Alexandre une lettre qui sera votre lettre de créance. Vous ferez là mes affaires. Souvenez vous que je ne veux faire la guerre avec qui

что они не были откровенны другъ съ другомъ и что много осталось невыясненныхъ вопросовъ, долженствовавшихъ неизбѣжно вызывать недоразумѣнія, взаимное недовѣріе и опасное разочарованіе. Оказалось весьма скоро, что Императоръ Александръ I принялъ словесныя обѣщанія Наполеона за формальныя обязательства, на которыя можно положиться. Несмотря на сильное недовѣріе къ императору французовъ, всетаки онъ въ началѣ вѣрилъ его словамъ и надѣялся, вмѣстѣ съ нимъ, управлять всею Европою.

Между тѣмъ самъ Наполеонъ относился весьма скептически къ обѣщаніямъ, даннымъ на словахъ. „Иной разъ весьма полезно кое-что обѣщать", сказалъ онъ когда-то. Наконецъ, если и письменныя обязательства далеко не всегда имъ исполнялись, то наивно было думать, что словесныя обѣщанія будутъ имѣть въ его глазахъ какую либо силу.

Однако, если Наполеонъ, въ своихъ изліяніяхъ съ русскимъ Императоромъ въ Тильзитѣ, и давалъ полную свободу своей южной фантазіи и даже допускалъ возможность раздѣленія Оттоманской имперіи, то всетаки на дѣлѣ онъ оставался холоднымъ политикомъ и неумолимымъ исполнителемъ своихъ грандіозныхъ плановъ. Для исполненія этихъ плановъ ему нужны были дружба и союзъ съ Россіей: для этой цѣли онъ готовъ приносить пока всѣ жертвы и стараться угодить всѣми средствами своему другу и союзнику—Императору Александру I.

Въ виду этой цѣли Наполеонъ считалъ необходимымъ не давать остывать горячимъ чувствамъ Александра, но, напротивъ, поддерживать ихъ самымъ дѣятельнымъ образомъ. Этимъ соображеніемъ объясняется приказаніе, данное имъ генералу Савари, немедленно послѣ Тильзитскихъ свиданій, отправиться въ С.-Петербургъ и состоять при особѣ русскаго Императора до прибытія французскаго посла.

Передъ отъѣздомъ изъ Кенигсберга, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Савари и далъ ему слѣдующее наставленіе.

„Я только-что заключилъ миръ. Мнѣ говорятъ, что я ошибся и буду обманутъ. Но, говоря по правдѣ, довольно воевать, надо дать міру покой. Я, до избранія посла, намѣренъ послать въ Петербургъ васъ. Я дамъ вамъ письмо къ императору Александру, которое замѣнитъ вамъ вѣрительную грамоту. Вы исполните тамъ мои порученія: помните только, что я не хочу войны съ кѣмъ бы то ни было, и пусть это послужитъ

que ce soit et établissez-vous sur ce principe-là. Ce serait me déplaire beaucoup que de ne pas m'éviter de nouveaux embarras. Voyez Talleyrand, il vous dira ce qu'il y a à faire pour le moment et ce qui a été réglé entre l'Empereur de Russie et moi. Je vais laisser reposer l'armée dans les pays que je dois encore occuper et faire achever le paiement des contributions. C'est le seul cas qui pourrait ramener des difficultés; mais tenez le pour dit que je n'en rabattrai rien. Vous aurez à presser le départ d'un ambassadeur; faites en sorte que le choix tombe sur un homme qui ne vienne pas chez nous pour y faire ce qu'ont fait ceux que nous avons déjà eus."

„Je vous ferai envoyer le traité secret après que j'aurai reçu vos premiers rapports. Dans vos conversations, évitez soigneusement tout ce qui peut choquer. Par exemple, ne parlez jamais de guerre; ne frondez aucun usage, ne remarquez aucun ridicule; chaque peuple a ses usages et il n'est que trop dans l'habitude des Français de rapporter tout aux leurs et de se donner pour modèles. C'est une mauvaise marche qui vous empêchera de réussir en vous rendant insupportable à toute la société".

„Enfin, si je puis resserrer mon alliance avec ce pays et y faire quelque chose de durable, ne négligez rien pour cela". C'est ainsi que Napoléon termina ses instructions.

„Vous avez vu comme j'ai été trompé avec les Autrichiens et les Prussiens ; j'ai confiance dans l'Empereur de Russie et il n'y a rien entre les deux nations qui s'oppose à un entier rapprochement. Allez y travailler" *).

Pour compléter ces recommandations verbales Napoléon munit Savary d'instructions écrites, conçues en termes très laconiques et signées à Königsberg, le 13 juillet 1807. Elles constataient entre autres que Savary se rendait à St.-Pétersbourg „seulement comme aide-de-camp et comme militaire et qu'il n'a aucun titre diplomatique". Il est autorisé à expédier, le cas echéant, des courriers avec des rapports, mais „toutes les lettres qu'il fera passer par la poste,

*) Mémoires du duc de Rovigo (Savary). Paris 1828, t. III, p. 149 etc.; Recueil de la Société Imp. historique russe, t. LXXXIII, Notes, t. LXXXIX préface, page LXII.

основаніемъ вашихъ дѣйствій. Мнѣ бы далеко не понравилось, еслибъ не удалось избѣгнуть новыхъ затрудненій. Повидайте Талейрана, онъ скажетъ вамъ, что нужно дѣлать въ настоящее время и что условлено между русскимъ Императоромъ и мною. Я намѣренъ дать отдыхъ арміи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя пока необходимо занимать, и покончить со взиманіемъ контрибуцій. Это единственно возможный случай, могущій вызвать затрудненія, но, да будетъ вамъ извѣстно, что я ничего не уступлю въ этомъ дѣлѣ. Вамъ придется поторопить отъѣздъ посла; постарайтесь, чтобъ выборъ палъ на человѣка, который не явился бы къ намъ дѣлать то же самое, что дѣлали уже перебывавшіе у насъ послы".

„Я пришлю вамъ", продолжалъ Наполеонъ,— „секретный договоръ, по полученіи вашихъ первыхъ донесеній. Въ вашихъ разговорахъ избѣгайте всего, что могло бы оскорбить. Такъ, напримѣръ, никогда не говорите о войнѣ, не порицайте никакого обычая; не замѣчайте ничего смѣшнаго: у каждаго народа свои привычки, а природѣ французовъ слишкомъ присуще стремленіе все мѣрять по себѣ и выставлять себя образцами. Это было бы плохое средство и помѣшало бы вамъ достигнуть успѣха сдѣлавъ васъ невыносимымъ для всего общества".

„Наконецъ, если возможно скрѣпить союзъ мой съ этой страной",—закончилъ свое наставленіе Наполеонъ,— „и создать что либо прочное въ этомъ отношеніи, то ничѣмъ не пренебрегайте для достиженія этой цѣли".

„Вы видѣли, какъ я былъ обманутъ Австрійцами и Пруссаками. Я довѣряю русскому Императору, и между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать полному ихъ сближенію. Поработайте же для этого" *).

Въ дополненіе къ этому словесному наставленію, Наполеонъ далъ Савари еще письменную, очень лаконическую, инструкцію отъ 13-го іюля 1807 года, подписанную въ Кенигсбергѣ. Въ этой инструкціи было, между прочимъ, сказано, что Савари отправляется въ С.-Петербургъ исключительно „какъ адъютантъ и военный, и не имѣетъ никакого дипломатическаго характера". Ему разрѣшается отправлять, въ случаѣ надобности, курьеровъ съ донесеніями, но всѣ

*) Mémoires du duc de Rovigo (Savary). Paris, 1828, t. III, p. 149 et suiv. — Срав. Сборникъ И. Р. И. Общ. т. LXXXIII, Notes; т. LXXXIX, предисловіе, стр. LXII.

il aura besoin de les écrire comme si elles devaient être lues par l'Empereur Alexandre".

Savary arriva à St.-Pétersbourg le 6 août 1807 à 3 heures de l'après-midi. A huit heures du soir, il fut reçu par l'Empereur auquel il remit la lettre de Napoléon du 1 (13) juillet. Cette première audience, qui eut lieu au palais de Kamenoy-Ostrow, prouva aussitôt qu'Alexandre I faisait un cas exceptionnel du représentant de son ami et allié. L'Empereur exprima à Savary la conviction qu'à Tilsit tous les comptes entre la Russie et la France étaient désormais réglés et que la paix ne sera jamais troublée entre ces deux grandes puissances.

Mais à cette même première audience Alexandre I ne dissimula pas non plus son désir de voir exécuté tout ce qui a été promis à Tilsit et sur quoi les deux souverains étaient tombés d'accord.

„Napoléon m'a donné à Tilsit des marques d'attachement que je n'oublierai jamais", dit-il à Savary. „Eh bien, plus j'y pense, et plus je suis content de l'avoir vu. Je crains toujours d'oublier un seul mot de l'énorme quantité des choses qu'il m'a dites dans un si court intervalle de temps. C'est un homme extraordinaire, et il faut reconnaître, messieurs, que, quoique nous ayons quelques droits à votre estime, vous avez une supériorité marquée et qu'il faudrait être insensé pour la contester".

Après ces courtoisies, l'Empereur Alexandre aborda immédiatement les affaires et demanda à Savary s'il était muni d'instructions pour négocier. Savary répondit négativement. Quant au futur ambassadeur de France, il se borna à donner l'assurance que Napoléon ne manquerait pas d'arrêter son choix sur une personne qui conviendrait au Tsar et qui serait „tout-à-fait dans les principes du grand événement de Tilsit".

Le lendemain de son arrivée, Savary fut invité à dîner et présenté à l'Impératrice Elisabeth. Il fut placé à la droite de l'Empereur et ne fut pas en reste pour cette distinction sans précédent. Lorsque l'Empereur lui demanda: „Général, comment trouvez vous Pétersbourg?"—il répondit sans hésiter: „Etonnant, Sire, et l'Italie n'offre rien de semblable".

письма, отправляемыя по почтѣ, онъ долженъ писать такъ, какъ бы ихъ долженъ былъ читать самъ Императоръ Александръ".

Савари прибылъ въ Петербургъ 6-го августа 1807 года, въ 3 часа пополудни. Въ 8 часовъ вечера онъ уже былъ принятъ Государемъ Императоромъ, которому онъ вручилъ письмо Наполеона отъ 1-го (13-го) Іюля. Эта первая аудіенція, состоявшаяся въ Каменноостровскомъ дворцѣ, тотчасъ обнаружила совершенно исключительное значеніе, которое Александръ I желалъ придать представителю своего друга и союзника. Государь выразилъ Савари убѣжденіе, что въ Тильзитѣ были покончены навсегда всѣ счеты между Россіей и Франціей и что отнынѣ обѣ великія державы всегда будутъ жить въ мирѣ другъ съ другомъ.

Но на этой же первой аудіенціи Александръ I не могъ скрыть своего желанія привести въ исполненіе то, что было обѣщано въ Тильзитѣ и относительно чего согласились оба императора.

„Наполеонъ далъ мнѣ въ Тильзитѣ такія доказательства дружбы, которыя я никогда не забуду",—сказалъ онъ Савари...—„Чѣмъ больше я вспоминаю о томъ, что тамъ происходило, тѣмъ больше радъ, что его видѣлъ. Я постоянно боюсь забыть хоть одно слово изъ той огромной массы вещей, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ въ такое короткое время. Это человѣкъ изумительный и, нужно признаться, господа, что хотя мы имѣемъ кое-какія права на ваше уваженіе, но за вами должно признать положительное превосходство и надо быть слабоумнымъ, чтобъ это оспаривать".

Послѣ этихъ любезностей Императоръ Александръ немедленно перешелъ къ дѣлу и спросилъ Савари, имѣетъ ли онъ инструкціи для переговоровъ? Савари отвѣтилъ отрицательно. Что же касается будущаго французскаго посла, то Савари ограничился только завѣреніемъ, что Наполеонъ непремѣнно остановитъ свой выборъ на такомъ лицѣ, которое будетъ угодно Царю и будетъ проникнуто „началами великаго Тильзитскаго событія".

На другой день послѣ пріѣзда, Савари былъ приглашенъ къ Царскому обѣду и былъ представленъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ сидѣлъ по правую руку отъ Государя. Савари не остался въ долгу за такую небывалую любезность. Когда, послѣ обѣда, Государь его спросилъ: „Какъ, генералъ, вамъ нравится Петербургъ?"—онъ, не обинуясь, отвѣтилъ: „Ваше Величество, Петербургъ изумителенъ, и въ Италіи не увидѣть ничего подобнаго".

„N'oubliez pas de dire à l'Empereur", saisit aussitôt Alexandre I, „ce que vous voyez de notre climat. Je sais qu'il craint le froid, mais malgré cela, je ne le tiens pas quitte de venir me voir. Il aura un appartement que je lui ferai chauffer au même degré qu'en Egypte. Mais avant je veux aller le visiter et causer encore avec lui".

Après ces observations générales, l'Empereur passa habilement aux questions politiques qui l'intéressaient et vint à parler de la question d'Orient. Napoléon, dit-il à Savary, m'avoua qu'il se considérait libre de tout engagement vis-à-vis de la Porte Ottomane „et par une extrême bonté de sa part, m'a fait espérer"...

Alexandre I ne termina pas cette phrase dans l'espoir de la voir achevée par Savary. Mais celui-ci persistait à se référer à l'absence d'instructions et évitait avec intention des entretiens aussi dangereux.

Cette réserve de Savary n'empêcha pas moins l'Empereur de lui rappeler les projets ébauchés par lui avec Napoléon à Tilsit au sujet de la chute de l'Empire Ottoman...

„L'Empereur", dit Alexandre I, „qui juge mieux que personne a paru voir aussi que l'Empire de Constantinople ne pouvait longtemps encore occuper une place parmi les puissances de l'Europe. Nous avons beaucoup parlé de cela; et j'avoue que si cette puissance doit s'écrouler un jour, la position de la Russie lui fait espérer d'hériter d'une partie de la dépouille. L'Empereur a la bonté de me comprendre là-dessus et je m'en rapporte entièrement à lui quand il croira le moment arrivé"... (Rapport de Savary à Napoléon du 6 août 1807).

C'est dans ce ton amical que l'Empereur Alexandre I continuait à entretenir ses rapports personnels avec le représentant de son puissant allié. Dans ses entretiens avec Savary, il se plaisait à revenir aux „soirées nocturnes" qu'il avait passées avec Napoléon à Tilsit. Il ne cessait de développer les idées qui avaient eu l'approbation des deux augustes interlocuteurs, et Savary se faisait un devoir de constater que le Tsar était „de toute son âme dévoué à l'ouvrage de Tilsit".

Toutefois Savary ne dissimulait pas à Napoléon que l'Empereur Alexandre était seul dé-

„Не забудьте",—подхватилъ немедленно Государь,—„сказать императору о томъ, какъ вы находите нашъ климатъ. Я знаю, что онъ боится холода, но, несмотря на то, я разсчитываю, что онъ меня навѣститъ. У него будетъ помѣщеніе, которое я прикажу натопить до египетской температуры. Но сперва я самъ его навѣщу и поговорю еще съ нимъ".

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Императоръ искусно опять перешелъ на интересующіе его политическіе вопросы и въ частности на Восточный вопросъ. Наполеонъ,—сказалъ онъ Савари,—мнѣ признался, что онъ считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи Оттоманской имперіи и, прибавилъ онъ, „побуждаемый чрезмѣрною добротой, онъ мнѣ далъ надежду"...

Александръ I не окончилъ этой фразы, надѣясь, что Савари ее окончитъ. Но послѣдній продолжалъ ссылаться на отсутствіе инструкцій и умышленно избѣгалъ подобныхъ опасныхъ разговоровъ.

Такая осторожность Савари однако не остановила Государя напомнить о планахъ, которые онъ развивалъ въ Тильзитѣ вмѣстѣ съ Наполеономъ относительно паденія Оттоманской имперіи.

„Императоръ", сказалъ Александръ I, „судящій лучше, чѣмъ кто либо, казалось, также убѣдился, что Константинопольская имперія не въ состояніи будетъ долго занимать мѣсто среди европейскихъ государствъ. Мы много объ этомъ говорили, и я признаюсь, что если это государство должно когда-нибудь исчезнуть, то Россія, по своему положенію, въ правѣ надѣяться получить часть этого наслѣдства. Императоръ такъ добръ, что понимаетъ меня въ этомъ отношеніи и я совершенно полагаюсь на него, когда онъ увидитъ, что моментъ наступилъ"... (Донесеніе Савари Наполеону отъ 6 августа 1807 г.).

Въ этомъ дружескомъ тонѣ Императоръ Александръ I продолжалъ свои личныя сношенія съ представителемъ своего великаго союзника. Онъ любилъ постоянно возвращаться, въ бесѣдахъ съ Савари, „къ ночнымъ вечерамъ", которые онъ проводилъ въ Тильзитѣ съ Наполеономъ. Онъ не переставалъ развивать идеи, одобренныя тогда обоими августѣйшими собесѣдниками, и самъ Савари долженъ былъ подтвердить, что Царь „всею душою преданъ Тильзитскому дѣлу".

Однако, Савари не скрывалъ отъ Наполеона, что только самъ Императоръ Александръ всею

voué de toute son âme à l'alliance avec la France. Ni l'Impératrice-mère, Marie Féodorovna, qui exerçait un grand pouvoir, ni les hauts fonctionnaires qui constituaient l'entourage de l'Empereur, ni l'opinion publique ne témoignaient aucune sympathie pour cette combinaison. Savary était sans cesse dans le cas de le remarquer et souvent d'une manière assez blessante pour lui.

L'Impératrice Marie Féodorovna le reçut au palais de la Tauride. „L'accueil fut froid", écrivait Savary, „et ne dura pas tout-à-fait une minute" *). Savary se vengea, en écrivant dans son rapport du 23 août, que l'Impératrice-mère était hautaine et qu'elle avait „peu d'esprit". Mais il ne dut pas moins convenir qu'elle exerçait un grand pouvoir, car tous les fonctionnaires civils et militaires qui recevaient une nomination ou un avancement au service étaient tenus de se présenter à elle, et non pas à l'Impératrice régnante.

Quant à la haute société de St.-Pétersbourg, elle manifestait ouvertement son manque de sympathie pour la France et pour une alliance avec elle. En Russie, écrivait Savary, les Orlow, les Kotschoubey, les Lopoukhine et les Strogonow signifient plus que tous les ministres. Cette haute aristocratie assumait précisément une attitude manifestement hostile à l'égard de la nouvelle politique de l'Empereur et du représentant de la France à la Cour Impériale. Czartorysky, Novosiltzew, Strogonow et Kotschoubey refusaient avec obstination de le recevoir, et les représentants de la haute société de St.-Pétersbourg à cette époque ne lui rendaient que rarement ses visites.

Enfin, même l'opinion publique se prononçait contre une alliance avec la France. Il est vrai, comme le fait observer Savary lui-même, qu'il serait erronné de parler de l'opinion publique à St.-Pétersbourg et de lui attribuer la même importance que dans les autres pays. „Le peuple", dit-il, „qui partout ailleurs est compté pour quelque chose dans l'Etat, n'est rien ici". Il n'y a point de classes sociales indépendantes qui fussent loin du trône et proches à la nation. Il n'existe que le pouvoir Impérial, la haute aristocratie et les masses populaires, constituées d'esclaves.

*) Toutes les données au sujet du séjour de Savary à St.-Pétersbourg sont puisées dans le t. LXXXIII du Recueil de la Société Impériale historique russe: „La Mission du général Savary à St.-Pétersbourg" et dans les „Mémoires du Duc de Rovigo" (Savary).

душою преданъ союзу съ Франціей. Но ни вліятельнѣйшая Императрица-Мать Марія Ѳеодоровна, ни самые близкіе къ Государю сановники, ни общественное мнѣніе Россіи не сочувствовали союзу съ Франціей. Савари постоянно приходилось это чувствовать, и иногда весьма непріятнымъ образомъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна приняла его въ Таврическомъ дворцѣ. „Пріемъ былъ холодный", пишетъ Савари, „и продолжался безъ малаго одну минуту" *). Савари отомстилъ ей, написавъ въ своемъ донесеніи отъ 23-го августа, что Императрица-Мать очень высокомѣрна и „не умна". Но въ то же время онъ принужденъ былъ признать ея огромное вліяніе, ибо всѣ военные и гражданскіе чины, получавшіе новыя назначенія или повышенія по службѣ, должны были представляться ей, а не царствующей Императрицѣ.

Что касается высшаго петербургскаго общества, то оно открыто выражало свою нелюбовь къ Франціи и союзу съ нею. Въ Россіи, писалъ Савари, Орловы, Кочубеи, Лопухины и Строгоновы больше значатъ, чѣмъ всѣ министры. Между тѣмъ именно эта высшая аристократія относилась явно враждебнымъ образомъ къ новой политикѣ Государя и къ представителю Франціи при Высочайшемъ дворѣ. Чарторыжскій, Новосильцовъ, Строгоновъ и Кочубей упорно отказывались принять Савари и тогдашніе представители петербургскаго высшаго общества рѣдко ему отдавали визиты.

Наконецъ, даже общественное мнѣніе было противъ союза съ Франціей. Правда, самъ Савари замѣчаетъ, что было бы ошибочно говорить объ общественномъ мнѣніи Петербурга и придавать ему здѣсь такое значеніе, какое оно имѣетъ во всѣхъ другихъ странахъ. „Народъ", объясняетъ Савари, „который вездѣ, въ другихъ странахъ, есть кое-что въ государствѣ, здѣсь ничего не значитъ". Независимаго общества, которое стояло бы далеко отъ престола и близко къ народу, не существуетъ. Существуетъ только императорская

*) Всѣ данныя относительно пребыванія Савари въ С.-Петербургѣ заимствованы изъ тома LXXXIII „Сборника И. Р. И. Общества" („La Mission du général Savary à St.-Pétersbourg) и „Mémoires du Duc de Rovigo" (Savary).

Savary ne pouvait être que très flatté des prévenances gracieuses de l'Empereur Alexandre et devait se trouver satisfait des bons procédés du comte Roumiantsow et d'un petit nombre d'hommes de cour. Il ne sentait pas moins une sourde opposition partout, où elle pouvait se produire librement. Il redoutait que l'Empereur lui-même ne finisse par subir l'influence de cette opposition dont ses meilleurs amis de jeunesse faisaient partie et se crut autorisé d'attirer l'attention sérieuse d'Alexandre I sur cette circonstance.

„J'ai eu lieu en plusieurs occasions de remarquer", dit Savary à l'Empereur en septembre 1807, „depuis que je suis à Pétersbourg, combien l'opinion de la haute noblesse était éloignée du système que Votre Majesté suit aujourd'hui. Je n'ai adressé aucune question pour en deviner la cause, que je n'attribuais d'abord qu'au changement subit des circonstances, et il était naturel d'espérer qu'un peu de temps et la volonté du maître rassureraient cet esprit d'opposition qui observait encore quelque mesure dans son mécontentement. Aujourd'hui il n'est guère possible de voir quelque chose de pire, et un étranger qui arriverait à St.-Pétersbourg pourrait douter qu'il y existe un maître *(sic!)* que l'on y respecte en entendant comme on l'ose s'exprimer".

Savary alla encore plus loin dans ce requisitoire contre les Russes qui ne sympathisaient pas avec l'alliance française. „Il me semble", dit-il à l'Empereur, „que Votre Majesté aurait beaucoup à gagner en éloignant les hommes trop prononcés dans l'opposition et en les remplaçant par d'autres dont les principes connus aideraient à l'exécution de ce que Votre Majesté se propose, sans quoi il est possible qu'avant peu l'intrigue, la faction même et les cris de tout le commerce ne vous forcent encore à balancer entre l'Angleterre et nous. Je vous avoue, Sire, que je prévois ce moment".

L'Empereur Alexandre I ne se formalisa nullement de cette intervention d'un étranger dans la direction à donner aux affaires intérieures de l'Empire. Il prit Savary par la main et lui dit:

„Général, le choix est tout fait et rien ne peut le changer. Ne discutons pas là-dessus et attendons les événements. Je n'ai aucune arrière-

власть, высшая аристократія и народная масса изъ рабовъ.

Савари могъ гордиться необычайно милостивымъ вниманіемъ Императора Александра и могъ быть доволенъ любезнымъ съ нимъ обращеніемъ гр. Н. П. Румянцева и немногихъ придворныхъ чиновъ. Но онъ чувствовалъ глухую оппозицію всюду, гдѣ она только могла свободно обнаруживаться. Онъ опасался, что самъ Государь мало по малу подпадетъ вліянію этой оппозиціи, къ которой принадлежали лучшіе его друзья юности, и онъ считалъ себя въ правѣ обратить серьезное вниманіе Александра I на это обстоятельство.

„Я имѣлъ неоднократно случай замѣтить", сказалъ Савари Государю въ сентябрѣ 1807 года, „съ тѣхъ поръ, что я въ Петербургѣ, насколько мнѣніе высшаго дворянства далеко отъ системы, нынѣ принятой Вашимъ Величествомъ. Я не спрашивалъ, какая тому причина, которую я вначалѣ искалъ во внезапномъ измѣненіи обстоятельствъ. Было натурально надѣяться, что пройдетъ немного времени и воля Государя успокоитъ этотъ духъ оппозиціи, который еще соблюдалъ извѣстную мѣру въ своемъ неудовольствіи. Въ настоящее же время нельзя не видѣть, что положеніе вещей стало хуже, и иностранецъ, прибывшій въ С.-Петербургъ, можетъ усомниться, существуетъ ли Государь (sic!), котораго почитаютъ, если услышитъ, какъ о немъ осмѣливаются отзываться".

Савари пошелъ еще дальше въ своемъ обвиненіи Русскихъ, несочувствующихъ союзу ихъ отечества съ Франціей. „Мнѣ кажется", сказалъ онъ Императору, „что Ваше Величество много выиграли бы удаленіемъ лицъ, слишкомъ дѣлающихъ оппозицію, и замѣною ихъ такими лицами, извѣстныя убѣжденія которыхъ содѣйствовали бы исполненію предначертаній Вашего Величества. Въ противномъ случаѣ возможно, что весьма скоро происки, даже крамола и крики всего торговаго міра заставятъ еще васъ колебаться между Англіей и нами. Признаюсь вамъ, Государь, что я предвижу этотъ моментъ".

Императоръ Александръ I нисколько не разсердился на такое вмѣшательство иностранца въ направленіе внутреннихъ дѣлъ своей имперіи. Онъ взялъ Савари за руку и сказалъ:

„Генералъ! Выборъ окончательно сдѣланъ и ничто его измѣнить не можетъ. Не будемъ объ этомъ спорить и подождемъ событій. У

pensée sur tout ce qui a été fait et vous avez dû observer ici qu'il n'y a personne qui ait pu me faire changer mes déterminations. Ne voyez pas l'opinion dans quelques misérables dont je ne me sers point et qui sont trop lâches pour entreprendre quelque chose. Il n'y a pas ici assez d'esprit ni de résolution pour cela".

Enfin, s'échauffant visiblement l'Empereur ajouta: „Mon intention est de mettre tout sur un autre pied, même autour de moi. J'aime mes parents beaucoup, mais je regne et je veux que l'on ait pour moi des égards". A ces mots l'Empereur s'arrêta subitement et en serrant la main à Savary, il ajouta: „Vous voyez, général, que j'ai bien de la confiance en vous, puisque je vous entretiens de l'intérieur de ma famille. Je compte sur votre discrétion et sur votre attachement pour moi". (Extrait des rapports de Savary du 23 septembre 1807).

Toutefois Savary ne se trouvait pas rassuré. Selon lui l'Empereur Alexandre n'usait pas d'énergie suffisante à l'égard des Anglais. Il prit l'engagement à Tilsit de proposer sa médiation entre l'Angleterre et la France. Dans le cas, où celle-ci ne devait pas aboutir, il était tenu de suspendre aussitôt toute relation commerciale avec la Grande-Bretagne, de s'associer au système continental de Napoléon et de déclarer la guerre à l'Angleterre.

Savary trouvait que le gouvernement russe ne mettait pas assez d'empressement à remplir ces engagements, car l'influence de l'Angleterre dominait dans les hautes sphères à St.-Pétersbourg, ainsi que dans le commerce et l'industrie. Tout le commerce russe d'exportation se trouvait entre les mains des Anglais et la rupture des relations commerciales avec l'Angleterre devait nécessairement impliquer des pertes immenses pour la couronne aussi bien que pour la nation*). Bien que l'Empereur s'efforçât de rassurer le représentant de Napoléon, son allié, en affirmant „qu'il se moquait des cris du commerce" et qu'il „saurait bien les faire taire", Savary ne persistait pas moins dans ses craintes. Ces „balivernes" et „ces bagatelles", comme les qualifiait le Tsar, ne lui donnaient pas la possibilité de jouir en toute quiétude des faveurs et des distinctions que lui prodiguait l'Empereur

*) Comp. mon „Recueil des Traités", t. XI, p. 135 et suiv.

меня нѣтъ ни малѣйшей задней мысли относительно всего совершившагося, и вы должны были бы здѣсь замѣтить, что нѣтъ человѣка, который былъ бы въ состояніи измѣнить мои рѣшенія. Не усматривайте общее мнѣніе въ воззрѣніяхъ нѣсколькихъ негодяевъ, которыхъ услугами я не пользуюсь и которые слишкомъ трусливы, чтобъ предпринять что бы то ни было. Здѣсь нѣтъ на это ни достаточно ума, ни рѣшимости".

Наконецъ, Государь, видимо разгорячась, прибавилъ: „Я рѣшился все измѣнить, даже вокругъ себя. Я очень люблю своихъ родныхъ, но я царствую, и я требую, чтобъ меня почитали". На этихъ словахъ Государь вдругъ остановился и, пожавъ руку Савари, сказалъ: „Вы видите, генералъ, что я вамъ вполнѣ довѣряю, ибо я говорю съ вами о моихъ семейныхъ дѣлахъ. Я полагаюсь на вашу скромность и на вашу преданность мнѣ". (Изъ донесенія Савари отъ 23-го сентября 1807 года).

Между тѣмъ Савари не успокоился. Онъ находилъ, что Императоръ Александръ I недостаточно энергично поступаетъ съ англичанами. Онъ обязался въ Тильзитѣ предложить свое посредничество между Англіей и Франціей. Въ случаѣ неудачнаго исхода этого посредничества, онъ долженъ былъ немедленно прекратить всѣ торговыя сношенія съ Англіей, приступить къ континентальной системѣ Наполеона и объявить Англіи войну.

Савари находилъ, что русское правительство медлитъ исполненіемъ этихъ обязательствъ, ибо вліяніе Англіи господствовало въ высшихъ петербургскихъ сферахъ и во всемъ промышленно-торговомъ мірѣ. Вся отпускная русская торговля была въ рукахъ Англичанъ и прекращеніе торговыхъ оборотовъ съ Англіей явилось бы раззореніемъ какъ для казны, такъ и для народа*). Несмотря на то, что Императоръ старался успокаивать представителя Наполеона, своего союзника, доказывая ему, что онъ, Императоръ, „смѣется надъ криками торговцевъ и заставитъ ихъ замолчать", все таки Савари не успокоился. Эти „глупости" и „пустяки", по словамъ русскаго Царя, не давали Савари возможности спокойно наслаждаться ласками и почестями, которыя сыпались на него щедрою царскою рукою. Онъ видѣлъ, что Россія медлитъ объявленіемъ войны Англіи и

*) Срав. мое „Собр. трактатовъ", т. XI, стр. 135 и слѣд.

d'une main si généreuse. Il voyait que la Russie ne mettait aucun empressement à déclarer la guerre à l'Angleterre et que les sympathies de toutes les sphères influentes de la Cour étaient assurées aux ennemis de Napoléon.

Aussi ne cessait-il pas, dans ses entretiens avec l'Empereur, de revenir à ses avertissements quant à la fragilité de l'alliance française tant qu'elle n'était appuyée que par le Souverain.

Dans cet ordre d'idées, il poussa un jour les choses très loin. A la fin d'octobre, au retour de l'Empereur d'un voyage à l'intérieur de la Russie, Savary fut invité dès le lendemain à dîner à la table impériale. Dans la société de Pétersbourg circulait dans ce moment une brochure anonyme intitulée: „Réflexions sur le traité de paix entre la France et la Russie"; la politique de Napoléon et d'Alexandre I, qui a abouti au traité de Tilsit, y était fortement prise à partie.

Se référant à cette brochure, Savary accusait ouvertement les dignitaires de la Cour et particulièrement Orlow, Novosiltzew, Kotchoubey et Strogonow d'avoir répandu cet écrit et contribué ainsi à créer un abîme entre l'Empereur de Russie et la nation. L'Empereur fut indigné de la teneur de cette brochure „qui dénote assez clairement les sentiments de ces messieurs, et ceux, qui à St.-Pétersbourg l'ont reçu, sans en faire part, sont des traîtres".

„Votre Empereur", poursuivit Alexandre I, „est plus heureux que moi; il a trouvé des hommes, et il en a beaucoup formé. Indépendamment de cela, il a organisé son affaire comme bon lui a semblé. Tout le bien qui existe chez vous est son ouvrage...".

„Moi, au contraire, je n'ai pas même assez de ce qu'on appelle *hommes* chez vous, pour composer un ministère, et indépendamment de cela; j'ai trouvé mille abus à réformer, des gens en place indignes d'y être. Le règne de Catherine est celui qui a jeté le germe de mécontentement qui m'occupe. Feu l'Empereur a fait pis encore. Sous ces deux règnes, les domaines de la couronne étaient livrés à *l'exploitation* de tous ces hommes sordides que les événements d'alors ont rendu si célebres. Sous Paul, on donnait 9000 paysans comme une bague de diamants".

„Je me suis fortement prononcé contre cette manière de gouverner; je ne donne rien à ces

что всѣ симпатіи русскихъ вліятельныхъ придворныхъ кружковъ на сторонѣ враговъ Наполеона.

Вотъ почему Савари неустанно возвращался, въ бесѣдахъ съ русскимъ Императоромъ, къ своимъ предостереженіямъ относительно непрочности союза съ Франціей, пока этотъ союзъ держится только однимъ Государемъ.

Въ этомъ смыслѣ Савари пошелъ разъ очень далеко. Въ концѣ октября, послѣ возвращенія Государя изъ путешествія внутри Россіи, Савари, на другой же день, былъ приглашенъ къ императорскому столу. Въ то время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ ходила по рукамъ анонимная брошюра, подъ заглавіемъ: „Разсужденія о мирномъ трактатѣ между Франціей и Россіей", въ которой сильно критиковалась политика Наполеона I и Александра I, приведшая къ Тильзитскому миру.

Ссылаясь на эту брошюру, Савари прямо обвинялъ придворныхъ чиновъ, и въ частности Орлова, Новосильцова, Кочубея и Строгонова въ томъ, что они распространяютъ это произведеніе и стараются создать бездну между русскимъ Императоромъ и его народомъ. Государь былъ крайне возмущенъ содержаніемъ брошюры, которая, по его словамъ, „достаточно наглядно объясняетъ чувства этихъ господъ, и тѣ, которые въ Петербургѣ ее получили, не сообщивъ ее кому слѣдуетъ, измѣнники".

„Вашъ Государь", продолжалъ Императоръ, „счастливѣе меня; онъ нашелъ людей и изъ нихъ онъ многихъ самъ образовалъ. Независимо отъ этого, онъ устроилъ свое управленіе, какъ хотѣлъ. Все хорошее, что у васъ существуетъ— его дѣло..."

„Я же, напротивъ, не имѣю достаточно даже того, что вы называете *людей* для образованія министерства и, кромѣ того, я нашелъ тысячу злоупотребленій, требовавшихъ отмѣны, и людей недостойныхъ тѣхъ мѣстъ, которыя они занимали. Царствованіе Екатерины виновно въ томъ недовольствѣ, о которомъ я говорю. Покойный Императоръ еще хуже повелъ дѣла. Во время этихъ двухъ царствованій казенныя земли были отданы на *эксплуатацію* всѣхъ этихъ мерзкихъ людей, которыхъ тогдашнія событія сдѣлали столь извѣстными. Въ царствованіе Павла давали 9000 душъ, какъ даютъ брильянтовый перстень".

„Я рѣшительно возсталъ противъ такого образа правленія", продолжалъ Императоръ

gens-là, et en second lieu, je veux sortir la nation de cet état de barbarie dans lequel la laissait ce trafic d'hommes. Je dis même plus. Si la civilisation était assez avancée, j'abolirais cet esclavage, dût-il m'en coûter la tête".

L'Empereur Alexandre I ne s'arrêta pas à ces confidences significatives. Il ajouta judicieusement que comme tout son entourage ne cesse d'affirmer journellement que Napoléon ne songe qu'à le rassurer et à le tromper pour gagner du temps, le souverain de la France doit absolument faire quelque chose pour la Russie. „La moindre condescendance de l'Empereur", dit-il à Savary, „fera ici un effet bien heureux". Sans cela tout le monde assure, ajouta l'Empereur, que Napoléon „ne nous pardonnera pas et qu'il finira par nous donner une *tape* lorsqu'il n'aura plus besoin de nous".

Enfin, en comparant les deux nations, l'Empereur n'hésita pas à affirmer que les Russes étaient plus „frivoles" que les Français. Il est appelé à écouter toutes les récriminations dirigées contre la France et se trouve forcé d'en tenir compte. Quoiqu'il en soit, il a une confiance absolue dans l'amitié de Napoléon et n'admet pas la possibilité d'une rupture, bien que son entourage intime ne cesse de la lui faire pressentir.

„Certainement", fit observer Alexandre I, „il est possible que l'Empereur tire encore l'épée en Europe, mais qu'il conserve un ressentiment contre nous et qu'il veuille nous donner cette tape, foi d'homme d'honneur, je ne le crois pas". Quant au mécontentement causé par l'alliance française, l'Empereur donnait à ce sujet au représentant de Napoléon une explication fort simple: à l'époque des guerres de Catherine on se battait pour dépouiller les vaincus, cela a changé de nos jours et de là vient le mécontentement.

„Nous sommes un peu Asiatiques", ajouta l'Empereur avec cet aimable sourire qui lui était familier (Rapports de Savary du 4 nov. 1807).

Le général Savary devait être flatté de la courtoisie exquise de l'Empereur de Russie et de la manière aimable avec laquelle il s'est prononcé sur le compte de la nation française. Il doit avoir particulièrement goûté l'opinion énoncée, en dernier lieu, par ce souverain au sujet des Russes, lorsqu'il disait qu'ils sont „un

Александръ I въ своихъ откровенныхъ объясненіяхъ съ представителемъ Наполеона I.— „Я ничего не даю этимъ господамъ и, сверхъ того, я желалъ бы вывести народъ изъ того состоянія варварства, въ которомъ его держитъ эта торговля людьми. Я даже скажу больше. Еслибъ цивилизація его была достаточно развита, я бы отмѣнилъ рабство, хотя бы это мнѣ стоило жизни".

Императоръ Александръ I не остановился на этихъ знаменательныхъ откровенностяхъ. Онъ остроумно прибавилъ, что такъ какъ каждый день окружающіе его твердятъ, что Наполеонъ только желаетъ его успокоить и надуть для выигрыша времени, то Наполеонъ долженъ что нибудь сдѣлать для Россіи. „Малѣйшая уступчивость императора Наполеона", сказалъ онъ Савари, „произведетъ здѣсь наилучшее впечатлѣніе". А то всѣ говорятъ, прибавилъ Государь, что Наполеонъ „намъ не проститъ и не преминетъ нанести намъ ударъ, когда мы больше не будемъ ему нужны."

Наконецъ, Императоръ даже не задумался, сравнивая французскій народъ съ русскимъ, сказать, что послѣдній несравненно „легкомысленнѣе" перваго. Онъ принужденъ выслушивать всѣ нареканія на Францію и съ ними считаться. Однако, онъ безпредѣльно вѣритъ въ дружбу къ нему Наполеона и не допускаетъ и мысли о разрывѣ между ними, хотя такой разрывъ и предсказываютъ всѣ близкія къ нему лица.

„Впрочемъ", замѣтилъ Александръ I, „возможно, что императоръ еще будетъ воевать въ Европѣ. Но чтобъ онъ питалъ противъ насъ какую либо злобу и чтобъ онъ намѣренъ былъ нанести намъ ударъ, этому я, какъ честный человѣкъ, не вѣрю". Неудовольствіе же миромъ съ Франціей самъ Государь объяснилъ представителю Наполеона весьма просто: во времена екатерининскихъ войнъ сражались для ограбленія побѣжденныхъ; въ настоящее время это измѣнилось и потому является неудовольствіе.

„Мы немножко Азіяты"—прибавилъ Государь съ свойственною ему милою улыбкою. (Изъ донесенія Савари отъ 4-го ноября 1807 г.).

Генералъ Савари долженъ былъ быть польщенъ какъ изысканными любезностями русскаго Императора, такъ и лестнымъ отзывомъ о французскомъ народѣ въ сравненіи съ русскимъ. Вѣроятно ему въ особенности понравился послѣдній отзывъ Государя о Русскихъ, что они „немножко Азіяты", ибо въ его

peu asiatiques", car dans ses rapports à son gouvernement, il le prend sur un ton très hautain quand il s'agit de la Russie et de la nation russe.

D'ailleurs Alexandre I contribua, pour sa part, à confirmer le général français dans ces idées. Il parlait avec un dédain manifeste des adversaires de sa politique à cette époque et assurait sans scrupule à Savary „qu'on cause beaucoup chez nous (en Russie), mais l'on n'entreprend jamais rien". Mais en même temps, sous forme de son *caeterum censeo*, l'Empereur répétait que Napoléon devait garantir à la Russie quelque acquisition aux dépens de la Porte, car dans ce cas tout le monde serait enchanté de l'alliance française.

Dans ses entretiens intimes avec le représentant militaire de Napoléon, l'Empereur Alexandre I revenait souvent à la solution de la question d'Orient par le démembrement de la Turquie d'Europe. Mais Savary déclinait systématiquement toute négociation définitive sur cette question délicate, en se prévalant de l'absence de tout caractère diplomatique de ses fonctions. En dehors de cela, il n'avait pas d'instructions précises sur cette question, car Napoléon lui-même ne désirait ni la chute de l'Empire Ottoman, ni l'agrandissement de la Russie aux dépens de la Turquie. Savary ne recevait que des instructions catégoriques de son gouvernement pour *forcer* la Russie de faire telle chose ou telle autre.

Les lettres du Ministre des Affaires Etrangères de France à Savary étaient probablement dictées par Napoléon lui-même, car ce n'est qu'ainsi qu'on peut s'expliquer leur ton péremptoire.

Ces lettres s'expriment sans cesse dans ces termes: la Russie *doit* déclarer la guerre à l'Angleterre, elle *doit* renvoyer la légation de Suède de St.-Pétersbourg, elle *doit* déclarer la guerre simultanément à l'Angleterre et à la Suède, elle *doit* jeter le masque et tenir un langage digne de sa puissance et de sa grandeur, elle *doit* évacuer les principautés Danubiennes, bien que l'acte de l'armistice conclu avec la Turquie ne soit pas ratifié par l'Empereur Alexandre I; enfin elle *doit* „chasser" de Russie l'ambassadeur anglais Lord Gower et tous les résidents anglais. (Voir dépêches de Champagny du 14 septembre, 13 octobre 1807 et autres).

L'Empereur Napoléon confirmait lui-même, dans ses lettres à Savary, ce caractère péremptoire de ses réclamations ayant pour objet la

донесеніяхъ своему правительству явно выступаетъ высокомѣрный тонъ, когда онъ говоритъ о Россіи и русскомъ народѣ.

Впрочемъ, самъ Александръ I содѣйствовалъ укрѣпленію такого мнѣнія французскаго генерала. Онъ съ открытымъ пренебреженіемъ относился къ противникамъ своей тогдашней политики и, не стѣсняясь, убѣждалъ Савари, что „и у насъ (въ Россіи) очень много болтаютъ, но никогда ничего не предпринимаютъ". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ своего Caeterum censeo, Государь повторялъ, что Наполеонъ долженъ обезпечить за Россіею какое нибудь пріобрѣтеніе на счетъ Турціи, ибо тогда всѣ будутъ восхищаться союзомъ съ Франціей.

Къ разрѣшенію Восточнаго вопроса въ смыслѣ дѣлежа турецкихъ владѣній въ Европѣ неоднократно возвращался Императоръ Александръ I въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ съ военнымъ представителемъ Наполеона. Но Савари обязанъ былъ систематически отклонять рѣшительные переговоры объ этомъ щекотливомъ предметѣ, ссылаясь на неимѣніе дипломатическаго характера. Сверхъ того онъ не имѣлъ никакихъ точныхъ инструкцій по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что самъ Наполеонъ I нисколько не желалъ ни паденія Оттоманской имперіи, ни увеличенія Россіи на счетъ Турціи. Савари только получалъ отъ своего правительства категорическія инструкціи *заставить* Россію сдѣлать то или другое.

Письма французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ къ Савари были, по всей вѣроятности, продиктованы самимъ Наполеономъ. Только такимъ предположеніемъ можно объяснить себѣ повелительный ихъ тонъ.

Въ этихъ письмахъ постоянно говорится, что Россія „*должна*" объявить войну Англіи; она „*должна*" выслать шведскую миссію изъ Петербурга; она „*должна*" одновременно объявить войну и Англіи, и Швеціи; она „*должна*" снять маску и заговорить языкомъ, достойнымъ ея могущества и величія; она „*должна*" вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, не взирая на неутвержденіе Императоромъ Александромъ заключеннаго съ Турціею акта перемирія; наконецъ, она *должна* „выгнать" изъ Россіи англійскаго посланника лорда Гоуэра и всѣхъ англійскихъ подданныхъ. (Срав. депеши Шампаньи отъ 14-го сентября, 13-го октября 1807 г. и др.).

Самъ императоръ Наполеонъ подтверждалъ въ своихъ письмахъ къ Савари категорическій характеръ своихъ требованій, которыя заклю-

déclaration de guerre à l'Angleterre et à la Suède et l'évacuation des principautés Danubiennes par les armées russes. (Lettre de Napoléon à Savary du 1 novembre 1807).

En attendant, Savary ne pouvait rien obtenir par la simple raison que les deux alliés comprenaient d'une manière toute différente les engagements contractés à Tilsit. Ces divergences s'accentuaient surtout dans la question du partage de la Turquie; tandis que l'Empereur Alexandre et le comte Roumiantsow, son Ministre des Affaires Etrangères, l'appelaient de tous leurs voeux, l'Empereur Napoléon et ses conseillers intimes s'y opposaient de la manière la plus absolue. Savary comprenait parfaitement cette situation, et se voyant impuissant à y remédier, il insista sur la nomination au plus tôt des deux ambassadeurs à Pétersbourg et à Paris.

Ces nominations eurent lieu en automne 1807, à la grande satisfaction de Savary. Le comte Pierre Alexandrovitch Tolstoy fut nommé au poste d'ambassadeur de Russie à Paris, et le marquis Laforest—à celui d'ambassadeur de France à Pétersbourg. A la suite de quelques justes observations faites à Savary au sujet du choix de celui-ci, Napoléon s'empressa de nommer à ce poste Caulaincourt, duc de Vicence, une ancienne connaissance de l'Empereur Alexandre.

Le choix que fit Alexandre I du comte Tolstoy pour le représenter auprès de Napoléon, fut une cause de surprise pour les uns, et de chagrin pour d'autres. On le jugea „malheureux“ pour l'alliance franco-russe, créée par les actes de Tilsit *). C'était un homme de guerre qui avait joué un rôle éminent dans les campagnes contre Napoléon, qu'il n'aimait pas. Il se défiait du nouveau système politique inauguré par son souverain et n'attendait rien de bon d'une alliance avec la France.

C'est pour ces motifs que le comte Tolsto refusait avec obstination le poste qui lui était proposé. Après la conclusion du pacte de Tilsit, il se retira dans ses terrés avec l'intention d'y suivre les événements sans y prendre une part active. Mais l'Empereur Alexandre en décida autrement: il avait une confiance sans borne dans le comte Tolstoy et le força à se soumettre à la volonté de son souverain. Dans une

*) Voir Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. LXXXIX, préface, page LXX.

чались въ объявленіи войны Англіи и Швеціи и въ очищеніи русскими войсками занятыхъ ими Дунайскихъ княжествъ. (Письмо Наполеона къ Савари отъ 1-го ноября 1807 года).

Между тѣмъ Савари ничего не въ состояніи былъ достигнуть по той простой причинѣ, что оба союзника совершенно различнымъ образомъ понимали принятыя на себя въ Тильзитѣ обязательства. Въ особенности они абсолютно расходились по вопросу о раздѣлѣ Турціи: Императоръ Александръ и его Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, гр. Румянцевъ, мечтали о такомъ раздѣлѣ; императоръ Наполеонъ и его ближайшіе совѣтники были абсолютно противъ такого раздѣла. Это непримиримое разногласіе отлично понималъ Савари и, видя свою безпомощность, онъ сталъ настаивать на скорѣйшемъ назначеніи пословъ французскаго въ С.-Петербургъ и русскаго въ Парижъ.

Эти желанныя для Савари назначенія состоялись осенью 1807 года: графъ Петръ Александровичъ Толстой былъ назначенъ русскимъ посломъ въ Парижъ и маркизъ Лафоре французскимъ посломъ въ Петербургъ. Но вслѣдствіе мѣткихъ замѣчаній, сдѣланныхъ Савари противъ послѣдняго назначенія, вмѣсто Лафоре былъ назначенъ Наполеономъ I старый знакомый Императора Александра I—Коленкуръ, герцогъ Висенскій.

Выборъ Александромъ I графа Толстого въ качествѣ своего представителя при Наполеонѣ однихъ удивлялъ, а другихъ огорчалъ. Этотъ выборъ названъ былъ „несчастіемъ“ для русско-французскаго союза, созданнаго Тильзитскими актами*). Графъ Толстой былъ человѣкъ военный, игравшій выдающуюся роль во время войны противъ Наполеона, котораго онъ не любилъ. Онъ относился съ великою недовѣрчивостью къ новой политической системѣ своего Государя и не ожидалъ никакого добра отъ союза съ Франціей.

Вотъ почему гр. Толстой упорно отказывался принять предложенный ему постъ. Послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ онъ отправился въ свое имѣніе, гдѣ надѣялся оставаться постороннимъ зрителемъ грядущихъ событій. Но Императоръ Александръ рѣшилъ иначе: онъ питалъ къ графу Толстому безпредѣльное довѣріе и заставилъ его покориться волѣ своего Государя. Въ письмѣ отъ 20-го августа 1807 года

*) Срав. Сборникъ И.Р.Истор. Общ. т. LXXXIX, предисловіе, стр. LXX.

lettre du 20 août 1807, l'Empereur écrivait au comte Tolstoy très gracieusement, en français:

„Mon cher ami, je vois que la proximité des femmes ne vaut rien pour toute résolution où il faut de l'énergie. La vôtre n'est cependant nullement parvenue à changer mon intime conviction, qui est que vous êtes plus propre que tout autre au poste que je vous destine et j'attends de votre attachement pour moi, que vous vous rendiez à votre destination. Ce ne sera pas pour toujours; après que vous y aurez passé quelque temps, si vous voyez que vous ne réussissez pas à vous y accoutumer, vous me l'écrirez et je vous promets d'avoir égard à vos désirs. Mettez vous bien en tête que je n'ai nullement besoin d'un diplomate, mais d'un brave et loyal militaire, et sans contredit vous l'êtes".

Il semble que le comte Tolstoy ne comprenait pas lui-même pourquoi, pour ce poste difficile d'ambassadeur de Russie à Paris, l'Empereur avait besoin d'un "brave et loyal militaire" et non d'un diplomate. Mais il ne put ne pas se soumettre à la volonté de son Souverain et arriva à St.-Pétersbourg à la fin d'août pour recevoir ses instructions et ses pleinspouvoirs. C'est ici qu'il fit connaissance de Savary, sur lequel il produisit une bonne impression. Savary recommanda le comte Tolstoy à Napoléon comme „un franc et loyal militaire qui est un peu intimidé de cette mission par la seule crainte de ne pas être agréable à la Cour de France".

L'Empereur lui-même recommanda chaudement le comte Tolstoy à Savary et fit tout pour lui assurer une brillante reception de la part de Napoléon. Il dit à Savary au sujet du comte Tolstoy: „J'ai le plus grand désir que le comte Tolstoy réussisse chez vous; j'éprouverais une peine mortelle s'il ne plaisait pas à l'Empereur, et je serais fort embarrassé pour le remplacer". C'est pourquoi l'Empereur exprima à Savary le désir que le comte Tolstoy restât toujours auprès de Napoléon, le suivît aux manoeuvres et aux chasses, et surtout aux chasses, car Napoléon y pense souvent aux affaires et en parle. (Rapports de Savary du 23 août 1807).

Muni d'instructions détaillées du 14 septembre, le comte Tolstoy se mit en route pour prendre possession de son poste d'ambassadeur. Ces instructions exposaient en détail la marche des rapports diplomatiques entre la Russie et la France dans le cours des dix dernières années et pas-

Государь весьма милостиво пишетъ по французски гр. Толстому:

„Мой дорогой другъ, я вижу, что близость женщинъ совсѣмъ не полезна для принятія рѣшенія, требующаго энергіи. Впрочемъ, ваше рѣшеніе нисколько не въ состояніи было измѣнить мое глубокое убѣжденіе, что именно вы болѣе, чѣмъ всякій другой, отвѣчаете тому мѣсту, которое я предназначаю вамъ, и я ожидаю отъ вашей преданности, что вы отправитесь по назначенію. Это не навсегда. Если послѣ нѣкотораго времени вы убѣдитесь, что не можете тамъ привыкнуть, вы мнѣ напишете, и я вамъ обѣщаю уважить ваши желанія. Помните хорошенько одно, что мнѣ нуженъ вовсе не дипломатъ, а храбрый и честный воинъ, какимъ вы безспорно являетесь".

Кажется, самъ гр. Толстой не совсѣмъ понималъ, почему Государю понадобился на труднѣйшемъ посту русскаго посла въ Парижѣ „храбрый и честный воинъ", а не дипломатъ. Но онъ не могъ не подчиниться волѣ своего Государя и въ концѣ августа прибылъ въ Петербургъ для полученія своихъ инструкцій и полномочія. Тутъ онъ познакомился съ Саварп, на котораго произвелъ хорошее впечатлѣніе. Савари отрекомендовалъ гр. Толстого Наполеону, какъ „искренняго и честнаго военнаго человѣка, который немного боится своей миссіи только изъ опасенія непонравиться французскому Двору".

Самъ Государь очень горячо отрекомендовалъ графа Толстого Савари и все сдѣлалъ, чтобъ обезпечить ему блестящій пріемъ со стороны Наполеона. Савари онъ сказалъ о графѣ Толстомъ: „Я имѣю величайшее желаніе, чтобъ гр. Толстой имѣлъ у васъ успѣхъ. Я былъ бы несказанно несчастливъ, еслибъ онъ не понравился Императору, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи замѣнить его другимъ". Поэтому Государь выразилъ Савари желаніе, чтобъ гр. Толстой постоянно находился при Наполеонѣ, сопровождалъ бы его на маневрахъ и на охотахъ. Въ особенности во время охоты Наполеонъ часто думаетъ и говоритъ о дѣлахъ. (Изъ донесеній Савари отъ 23-го августа 1807 г.).

Будучи снабженъ весьма подробными инструкціями отъ 14-го сентября, гр. Толстой отправился въ путь для занятія своего посольскаго поста. Въ этихъ инструкціяхъ очень обстоятельно излагается ходъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей за

saient en revue les engagements contractés par le traité de paix de Tilsit.

Il y était fait mention entr'autre que l'Empereur prend une part sincère au sort du roi de Prusse, son ancien allié, et qu'il espère que Napoléon n'augmentera pas les contributions qui lui ont été imposées.

On attirait l'attention particulière du comte Tolstoy sur la question d'Orient à la solution delaquelle, conformément aux intérêts de la Russie, Napoléon avait promis son actif concours. L'Empereur espère obtenir, avec la médiation de l'empereur des Français la réunion de la Moldavie et de la Valachie à ses domaines et faire du Danube la frontière de l'Empire de Russie.

„Je n'attends pas de trop grandes oppositions à mes vues", est-il dit dans ces instructions, „puisqu'elles sont de l'intérêt de l'Empereur des Français et qu'elles répondent assez aux vues qu'il a sur l'Empire Ottoman". Napoléon doit comprendre que la nation russe attend avec impatience des preuves réelles pour confirmer l'utilité pratique d'une alliance entre la Russie et la France.

Aux termes du traité de Tilsit, l'Empereur prit l'engagement d'évacuer les principautés Danubiennes, mais en vertu d'un accord verbal entre lui et Napoléon, cette évacuation pouvait être ajournée à un temps indéfini. Le comte Tolstoy devait comme par une initiative personnelle faire des ouvertures au sujet de la réunion des principautés Danubiennes à l'Empire et de la transformation de la Serbie en principauté. Mais s'il remarquait que le gouvernement français accueillait avec une malveillance manifeste les intentions de la Russie au sujet de la Porte, il devrait s'abstenir d'y insister.

On recommandait en outre à l'ambassadeur, de Russie de surveiller avec vigilance tous les projets et les actes du gouvernement français, sans rien épargner pour obtenir des informations puisées à des sources secrètes.

Arrivé à Paris au commencement de novembre, le comte Tolstoy ne fut pas reçu le même jour comme Savary à St.-Pétersbourg, ni par le Ministre des Affaires Etrangères de France, ni par Napoléon. Il resta vingt-quatre heures à attendre la réponse de Champagny à la demande qu'il lui avait adressée au sujet de son audience.

Malgré cet incident, le comte Tolstoy fut reçu par le Ministre des Affaires Etrangères de France

истекшее десятилѣтіе и дается анализъ обязательствъ, установленныхъ Тильзитскимъ мирнымъ трактатомъ.

Между прочимъ здѣсь было высказано, что Государь Императоръ принимаетъ искреннее участіе въ судьбѣ прусскаго короля, его бывшаго союзника, и онъ надѣется, что Наполеонъ не увеличитъ наложенныхъ на него тягостей.

Но особенное вниманіе графа Толстого обращено было на Восточный вопросъ, для разрѣшенія котораго, согласно интересамъ Россіи, Наполеонъ обѣщалъ свою дѣятельную помощь. Государь надѣется, что при посредничествѣ императора Французовъ онъ достигнетъ присоединенія Молдавіи и Валахіи и обращенія Дуная въ границу русской Имперіи.

„Я не ожидаю очень большой оппозиціи моимъ видамъ", сказано было въ инструкціи, „ибо они соотвѣтствуютъ пользѣ императора Французовъ и согласны съ его видами относительно Оттоманской имперіи". Наполеонъ долженъ понять, что русскій народъ жаждетъ доказательствъ въ подтвержденіе дѣйствительной пользы союза Россіи съ Франціей.

На основаніи Тильзитскаго мирнаго трактата Государь обязался вывести русскія войска изъ Дунайскихъ княжествъ. Но на основаніи словеснаго между нимъ и Наполеономъ соглашенія такая эвакуація можетъ быть отсрочена на неопредѣленное время. Графъ Толстой долженъ, какъ-бы отъ себя, сдѣлать предложенія о присоединеніи Дунайскихъ княжествъ и обращеніи Сербіи въ княжество. Но если онъ замѣтитъ, что французское правительство относится къ исполненію русскихъ желаній, относительно Турціи, явно недоброжелательно, то долженъ будетъ удержаться отъ настаиванія на нихъ.

Наконецъ, русскому послу вмѣняется въ обязанность бдительнѣйшимъ образомъ слѣдить за всѣми планами и дѣйствіями французскаго правительства, ничего не жалѣя для полученія свѣдѣній изъ секретныхъ источниковъ.

По прибытіи своемъ въ Парижъ въ самомъ началѣ ноября, графъ Толстой не былъ принятъ въ тотъ же день, какъ Савари въ Петербургѣ, ни французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, ни Наполеономъ. Онъ долженъ былъ ждать въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ отвѣта отъ Шампаньи на вопросъ: когда онъ можетъ принять посла русскаго Императора.

Но затѣмъ гр. Толстой былъ принятъ французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ

de la manière la plus amicale. L'accueil que lui fit Napoléon fut gracieux au plus haut degré. L'Empereur venait d'acheter à la princesse Caroline une grande maison meublée, qu'il paya un million de francs. Cette maison, écrivait-il à Savary le 1 novembre 1807, „j'en fais présent à l'Empereur pour logerses ministres. Il faudra", ajoute l'Empereur en propriétaire soigneux, „que les meubles en soient conservés avec soin, afin que cela n'occasionne pas de grandes dépenses lors du renouvellement de ses ambassadeurs. Vous prierez l'Empereur d'agréer cette maison comme un hommage de ma part. Si, par échange, il veut faire présent pour mes ambassadeurs d'un hôtel meublé, je ne m'y oppose pas, je vous autorise à le recevoir".

A l'audience solennelle à Fontainebleau, le 6 novembre, en réponse au discours du comte Tolstoy, Napoléon déclara qu'il considère les vingt jours passés à Tilsit avec l'Empereur Alexandre comme les plus heureux de sa vie, qu'il apprécie hautement l'amitié du Tsar et qu'il estime la nation russe. Napoléon s'engagea ensuite avec l'ambassadeur dans un entretien intime qui ne dura pas moins de deux heures. Dès ce premier échange d'idées de notables divergences s'accusèrent entre les deux gouvernements. Tout l'entretien se porta principalement sur la question comment le traité de Tilsit détermine-t-il les obligations mutuelles de la Russie et de la France par rapport à la Prusse, la Turquie et l'Angleterre.

Le comte Tolstoy s'appliquait à démontrer qu'aux propres termes du traité, Napoléon avait pris l'engagement de retirer ses troupes des possessions prussiennes. Il ajouta qu'il avait reçu l'ordre d'insister énergiquement sur l'exécution de cette clause. Napoléon répondit que le traité de Tilsit ne contenait pas de pareil engagement en faveur de la Prusse et ajouta aussitôt: d'ailleurs la Russie ne retire pas ses armées de la Moldavie et de la Valachie!

Lorsque l'ambassadeur de Russie revenait avec persistance à la question de l'évacuation du territoire prussien, en démontrant que tant que cette opération n'était pas exécutée, la paix ne pouvait être considérée comme définitivement rétablie, Napoléon s'écria avec dépit: „vous avez tort de vous intéresser tant à lui (roi de Prusse), vous verrez qu'il vous jouera encore de mauvais

самымъ дружескимъ образомъ. Пріемъ со стороны Наполеона былъ въ высшей степени милостивый. Императоръ купилъ у принцессы Каролины большой меблированный домъ, за который заплатилъ одинъ милліонъ франковъ. Этотъ домъ,—писалъ онъ Савари 1-го ноября 1807 года, — „я приношу въ подарокъ Императору Александру для помѣщенія его посланниковъ". Какъ хорошій хозяинъ, Наполеонъ прибавилъ: „Нужно, чтобъ мебель въ домѣ содержалась аккуратнымъ образомъ, чтобы предупредить большія издержки въ случаѣ перемѣны пословъ. Вы попросите Государя принять этотъ домъ въ знакъ почтенія съ моей стороны. Если же онъ, въ обмѣнъ, пожелалъ бы подарить моимъ посламъ меблированный домъ, то я ничего противъ этого не имѣю, и я васъ уполномочиваю его принять".

На торжественномъ пріемѣ въ Фонтенебло 6-го ноября, Наполеонъ, въ отвѣтъ на рѣчь графа Толстого, заявилъ, что 20 дней, проведенныхъ имъ вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ въ Тильзитѣ, онъ считаетъ счастливѣйшими днями своей жизни, что онъ высоко цѣнитъ дружбу русскаго Царя и почитаетъ русскій народъ. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ вступилъ съ посломъ въ откровенную бесѣду, которая продолжалась не менѣе двухъ часовъ. Уже во время этого перваго обмѣна мыслей выяснилось существенное разногласіе между обоими правительствами. Весь разговоръ вертѣлся около вопроса: какимъ образомъ Тильзитскій трактатъ опредѣляетъ взаимныя обязательства Россіи и Франціи въ отношеніи Пруссіи, Турціи и Англіи.

Гр. Толстой доказывалъ, что въ силу буквальнаго смысла постановленій этого трактата Наполеонъ обязался вывести свои войска изъ прусскихъ владѣній. Онъ прибавилъ, что ему повелѣно энергическимъ образомъ настаивать на исполненіи этого обязательства. Наполеонъ отвѣтилъ, что въ Тильзитскомъ трактатѣ нѣтъ такого обязательства въ пользу Пруссіи, и затѣмъ немедленно прибавилъ: впрочемъ, Россія не выводитъ своихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи!

Когда же русскій посолъ все возвращался къ вопросу объ эвакуаціи прусскихъ владѣній, доказывая, что, пока эта операція не совершилась, миръ собственно не возстановленъ, Наполеонъ съ досадою воскликнулъ: „Напрасно вы такъ заступаетесь за короля прусскаго; вы увидите, что онъ еще съ вами сыграетъ плохія шутки". Но гр. Толстой

tours“. Lorsque le comte Tolstoy insista sur la nécessité de rappeler sans retard les troupes françaises de la Prusse, Napoléon dit avec une impatience marquée: „D'ailleurs, j'évacue, j'ai même retiré déjà quelques troupes, cela ne va pas si vite, on ne déplace pas une armée comme on prend une prise de tabac“.

Passant à la question d'Orient, l'Empereur des Français dit qu'il connait, par les rapports de Savary, l'intention de l'Empereur Alexandre de prendre possession des principautés Danubiennes. A son avis, la France n'a aucun intérêt à procéder au partage de l'Empire Ottoman. Il serait disposé au contraire de se charger d'en garantir l'intégrité. L'acquisition de l'Albanie ou de la Morée ne saurait nullement le séduire.

Toutefois, si la Russie songe sérieusement à s'emparer de la Moldavie et de la Valachie, il est tout disposé à aller au devant de ses désirs. Mais dans ce cas Napoléon devra réclamer quelque compensation pour lui-même là, où il le jugerait convenable. Le comte Tolstoy était naturellement curieux de savoir où Napoléon se proposait de chercher cette compensation. Le souverain de la France hésita longtemps de s'expliquer sur cette question délicate. Il finit en faisant un grand effort par répondre: „*Eh bien, c'est en Prusse!*“

Toutefois Napoléon déclina catégoriquement de préciser d'avantage ses vues quant à la Prusse.

A la suite de ses entretiens ultérieurs, le comte Tolstoy crut pouvoir s'arrêter aux conclusions suivantes: si la Russie évacue les principautés Danubiennes, Napoléon en fera de même sur le territoire prussien; si elle garde la Moldavie et la Valachie et qu'elle déplace sa frontière jusqu'au thalweg du Danube, Napoléon réclamera une compensation aux dépens de la Prusse. Enfin, il consent même au démembrement de la Turquie et à la prise de Constantinople par la Russie. Mais dans ce cas il doit obtenir un accroissement de territoire équivalent. Cependant il refusa net de dire où et aux dépens de qui, il se proposait de s'adjuger cette compensation.

Le comte Tolstoy ne pouvait que prendre acte de ces importantes déclarations de l'empereur des Français pour les communiquer à son gouvernement. Il ne se jugeait pas autorisé à

продолжалъ настаивать на скорѣйшемъ выводѣ французскихъ войскъ изъ предѣловъ Пруссіи; тогда Наполеонъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ, сказалъ: „Впрочемъ, я очищаю, и даже вывелъ кое-какія войска. Это такъ скоро не дѣлается. Нельзя перевести съ мѣста на мѣсто цѣлую армію такъ легко, какъ берется щепотка табаку“.

Перейдя вслѣдъ затѣмъ къ Восточному вопросу, императоръ французовъ сказалъ, что изъ донесеній Савари ему извѣстно намѣреніе Императора Александра присоединить Дунайскія княжества къ своимъ владѣніямъ. Но, по его убѣжденію, Франція не имѣетъ ни малѣйшаго интереса приступить къ раздѣлу Оттоманской имперіи. Напротивъ, онъ даже готовъ взять на себя гарантію ея неприкосновенности. Поэтому пріобрѣтеніе Албаніи или Морен его нисколько не прельщаетъ.

Однако, если Россія серьезнымъ образомъ желаетъ завладѣть Молдавіею и Валахіею, то онъ охотно готовъ пойдти ей навстрѣчу. Только въ такомъ случаѣ Наполеонъ долженъ потребовать для себя какого нибудь вознагражденія тамъ, гдѣ это ему покажется наиболѣе справедливымъ. Гр. Толстой естественно любопытствовалъ знать, *гдѣ* Наполеонъ намѣтилъ себѣ свое вознагражденіе. Властитель Франціи долго не желалъ отвѣтить на этотъ щекотливый вопросъ. Наконецъ, онъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ, отвѣтилъ: „*Ну да, въ Пруссіи!*“

Но затѣмъ Наполеонъ категорически уклонился вступить въ болѣе точное опредѣленіе своихъ видовъ относительно Пруссіи.

Изъ дальнѣйшаго разговора гр. Толстой могъ вывести только слѣдующія заключенія: если Россія очиститъ Дунайскія княжества, то Наполеонъ очиститъ прусскія владѣнія; если она оставитъ за собою Молдавію и Валахію и отодвинетъ свою границу до тальвега Дуная, то Наполеонъ потребуетъ себѣ вознагражденія на счетъ Пруссіи. Наконецъ, онъ даже согласенъ на раздѣлъ Турціи и на захватъ Константинополя Россіей. Только въ такомъ случаѣ онъ долженъ получить соотвѣтственное приращеніе. Но гдѣ и на счетъ кого—Наполеонъ наотрѣзъ отказался высказаться.

Гр. Толстой могъ только принять къ свѣдѣнію и сообщенію своему правительству чрезвычайно важныя заявленія императора французовъ. Онъ не считалъ себя въ правѣ всту-

entrer en discussion au sujet de ces combinaisons de Napoléon et il avait même quelque difficulté à suivre l'essor de la fantaisie méridionale de ce grand capitaine. Ainsi un jour Napoléon aborda la question de la possibilité d'une campagne aux Indes anglaises, et lui demanda son avis quant à la formation d'une immense armée, composée de troupes russes, françaises et persannes pour la conquête de ce pays.

En général une guerre, sans trève ni merci contre l'Angleterre, — telle était la pensée qui le préoccupait continuellement, sans lui laisser un moment de repos. C'est pourquoi demandait-il avec insistance que l'Empereur Alexandre I déclarât sans retard la guerre à l'Angleterre et forçât le roi de Suède de rompre toute relation avec elle et de se joindre au blocus continental.

„Quand même vous seriez contraint de recourir aux armes", dit Napoléon, „ce que je crois assez probable, ce *Roi a la tête près du bonnet*, cela ne doit pas vous effrayer; vous ne pouvez que retirer des avantages d'une guerre avec la Suède".

Les réclamations énergiques du comte Tolstoy au sujet de l'évacuation des provinces prussiennes par les troupes françaises semblaient avoir produit une certaine impression sur Napoléon: il modifia ses anciennes dispositions et donna l'ordre de procéder au rappel de ses troupes. L'ambassadeur de Russie revenait sans cesse à cette question, se référant aux propres termes du traité de Tilsit. Il dit un jour à Champagny: „Je ne suis pas Prussien, Monsieur, on les aime chez nous encore moins que les Français, mais la Russie ne saurait avoir la moindre confiance dans votre gouvernement, tant que les conditions de la paix de Tilsit à l'égard de la Prusse ne seront pas remplies".

Il est curieux qu'après son premier entretien sérieux avec Napoléon, le comte Tolstoy se rendit compte qu'il n'était pas à sa place à Paris et demanda avec instance son rappel. Il était d'une modestie rare: ce qui l'effraya sérieusement, c'était la perspective d'être appelé en qualité de plénipotentiaire de Russie à prendre part aux négociations qui devaient avoir lieu à Paris pour la conclusion de la paix entre la Russie et la Porte.

„Je ne saurais me charger", écrivait-il de Fontainebleau à la date du 26 octobre (7 novembre) 1807, „d'une œuvre si majeure; je suis décidé à ne pas le faire, je n'ai jamais été négociateur et n'ai rien de ce qu'il faut pour une

пать въ обсужденіе наполеоновскихъ комбинацій и ему иногда трудно было слѣдить за полетомъ южной фантазіи великаго завоевателя. Такъ, Наполеонъ заговорилъ съ нимъ о возможности похода на англійскую Индію. Онъ спросилъ, что онъ думаетъ о составленіи изъ русскихъ, французскихъ и персидскихъ войскъ огромной арміи для завоеванія Индіи.

Вообще война, непримиримая и безпощадная, противъ Англіи была идея, которая постоянно занимала Наполеона и не давала ему покоя. Поэтому Наполеонъ настаивалъ на скорѣйшемъ объявленіи Императоромъ Александромъ I войны Англіи и на принужденіи имъ же шведскаго короля прекратить всѣ сношенія съ этою страной и вступить въ континентальную систему.

„Если даже", сказалъ Наполеонъ, „вы будете вынуждены воевать, что мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, ибо этотъ король (шведскій) очень вспыльчивъ, то это не должно васъ пугать. Вы извлечете изъ войны съ Швеціей только выгоды".

Энергическое требованіе графа Толстого относительно эвакуаціи французскихъ войскъ изъ прусскихъ провинцій, казалось, подѣйствовало на Наполеона: онъ измѣнилъ свои прежнія распоряженія и отдалъ приказаніе приступить къ выводу своихъ войскъ. Русскій посолъ постоянно возвращался къ этому вопросу, ссылаясь на буквальное предписаніе Тильзитскаго мира. Шампаньи онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я не пруссакъ; пруссаковъ у насъ любятъ еще меньше, чѣмъ французовъ. Но Россія не можетъ питать ни малѣйшаго довѣрія къ вашему правительству, пока условія Тильзитскаго мира относительно Пруссіи не будутъ исполнены".

Чрезвычайно любопытно, что послѣ перваго же серьезнаго разговора съ Наполеономъ гр. Толстой пришелъ къ убѣжденію, что онъ не на мѣстѣ въ Парижѣ и потому онъ настойчиво сталъ просить о своемъ отозваніи. Скромность его поистинѣ рѣдкая: его серьезно пугала перспектива быть уполномоченнымъ Россіи для переговоровъ въ Парижѣ о заключеніи мира между Россіей и Турціей.

„Я не могу взять на себя такое великое дѣло",—писалъ онъ изъ Фонтенебло 26-го октября (7-го ноября) 1807 года. „Я рѣшилъ не участвовать въ немъ; я никогда не велъ дипломатическихъ переговоровъ и не имѣю никакихъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
524505.

vocation aussi difficile. Déjà, à présent, je me trouve souvent très embarrassé, manquant de talents et de lumières pour lutter contre un ministère, composé de gens si habiles et si profondément versés dans les affaires; il est plus fort que moi de pouvoir me retenir et il est impossible que ma vivacité ne nuise pas à la longue aux affaires".

Cette remarquable modestie d'un homme de guerre qui avait des antécédents militaires éclatants est presque touchante et tout-à-fait exceptionnelle. A aucune époque nous ne voyons des diplomates de hazard, ou de profession, parler de leurs capacités et de leurs connaissances dans des termes aussi modestes que le comte Tolstoy en 1807. Il est très probable que ces rares qualités, ce profond sentiment du devoir, cette absence complète de présomption aient déterminé l'Empereur Alexandre à fixer son choix sur sa personne pour le poste important d'ambassadeur, bien que ce choix ait paru inexplicable à première vue. C'est par cette simplicité de caractère du comte, si séduisante, que s'explique le ton si essentiellement cordial des lettres que le Tsar adressait à son sujet fidèle qu'il ne cessait d'appeler son „cher ami".

Mais cette honnête modestie gagne encore d'importance si l'on prend connaissance des rapports officiels et des lettres autographes du comte Tolstoy. Ses rapports ne sont, quant au contenu et au style, nullement inférieurs à ceux des autres représentants du gouvernement Impérial à l'étranger à cette époque. Quant à ses lettres, elles captivent le lecteur par la droiture des convictions et l'honnêteté des intentions. Si en nommant le comte Tolstoy ambassadeur à Paris, l'Empereur Alexandre désirait y avoir un observateur ferme et incorruptible et un homme entièrement dévoué à sa personne, il ne pouvait faire un meilleur choix. A ce point de vue il est impossible d'appeler cette nomination „un malheur". Mais d'autre part, on comprend que le comte Tolstoy, n'étant pas un partisan aveugle de l'alliance franco-russe, ne se laissât pas éblouir par les faveurs et les distinctions exceptionnelles que lui prodiguaient Napoléon et les personnes de son entourage.

„Les vues de Bonaparte à notre égard sont évidentes", écrivait-il à Roumiantzow à la date du 26 octobre (7 novembre) 1807, „il les a souvent annoncées dans ses publications politiques et jusqu'à cette heure, rien ne nous prouve encore qu'il ait cessé d'être conséquent dans ses plans.

талантовъ для такого труднаго дѣла. Уже и теперь я часто бываю въ затрудненіи, ибо не имѣю ни способностей, ни познаній для борьбы съ правительствомъ, обладающимъ столь способными и всесторонне дѣловитыми людьми. Я не въ состояніи сдерживаться, и моя живость не можетъ въ концѣ концовъ не вредить ходу дѣлъ".

Такая удивительная скромность военнаго человѣка, имѣвшаго за собою блестящее боевое прошлое, почти трогательна и представляется совершенно исключительною. Никогда и ни въ какія времена случайные или профессіональные дипломаты не выражались такъ скромно о своихъ способностяхъ и познаніяхъ, какъ гр. П. А. Толстой въ 1807 году. Вѣроятно этою рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ и тѣни самомнѣнія объясняется необъяснимый на первый взглядъ выборъ Императора Александра именно гр. Толстого на важнѣйшій посольскій постъ. Этою чарующею простотою всего характера графа объясняется также задушевный тонъ писемъ Царя къ своему вѣрноподданному, котораго онъ постоянно называетъ своимъ „милымъ другомъ".

Эта честная скромность получаетъ еще особенное значеніе, если познакомиться съ оффиціальными донесеніями или собственноручными письмами гр. Толстого. Его донесенія ни по содержанію, ни по стилю нисколько не хуже донесеній другихъ современныхъ представителей Императорскаго правительства заграницею. Въ письмахъ же его рѣшительно подкупаетъ прямота убѣжденій и честность намѣреній. Если Императоръ Александръ I, назначая гр. Толстого въ Парижъ, желалъ имѣть тамъ стойкаго и неподкупнаго наблюдателя и вполнѣ преданнаго ему человѣка, то лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Съ этой точки зрѣнія это назначеніе нельзя назвать „несчастіемъ". Но, съ другой стороны, понятно будетъ, что гр. Толстой, не принадлежа къ слѣпымъ приверженцамъ франко-русскаго союза, не закрывалъ своихъ глазъ на двусмысленность французской политики несмотря на чрезвычайную милость и исключительныя почести, которыхъ онъ удостоивался со стороны Наполеона и его приближенныхъ

„Виды Наполеона относительно насъ очевидны",—писалъ онъ графу Румянцеву 26-го октября (7-го ноября) 1807 г.; „онъ о нихъ часто заявлялъ въ своихъ политическихъ сообщеніяхъ и вплоть до настоящей минуты ничто намъ не доказываетъ, что онъ пересталъ быть

Il veut faire de nous une puissance asiatique, nous refouler dans nos anciennes frontières, et porter ainsi sa domination jusque dans le cœur de nos provinces. Par les agrandissements qu'il nous offre contre Constantinople et sur lesquels il élude de s'expliquer, j'ai lieu de supposer qu'il entend nos provinces polonaises"...

Napoléon n'a-t-il pas dit à Varsovie à Poniatovsky: „Adieu, mon prince, vous avez de l'énergie, vous avez 30.000 hommes; organisez les, doublez en le nombre, et ce qui n'a pas pu se faire à présent pourra l'être dans deux ans".

En terminant, le comte Tolstoy croyait devoir avertir son ministre, qu'il est impossible de prévoir jusqu'où „la fantaisie volcanique" de Napoléon pourrait l'entraîner.

Ainsi on voit que le comte Tolstoy acceptait sous toute réserve le nouveau système politique de l'Europe et qu'il ne se laissait nullement séduire par l'alliance de son Souverain avec Napoléon. Toutefois il dissimulait si habilement ses sentiments intimes, qu'après ses premières entrevues avec l'empereur des Français, celui-ci se montra parfaitement satisfait de la manière de voir et de l'attitude de l'ambassadeur de Russie. Napoléon lui fit présent de six chevaux superbes et d'un équipage magnifique.

Mais le jour même, où le comte Tolstoy reçut ce cadeau impérial, il écrivit une lettre touchante à son Souverain dans laquelle il demandait encore une fois son rappel, se considérant incapable d'occuper un poste si élevé et si responsable. Il énonce sa ferme conviction que s'il n'est pas rappelé, il ne pourra que nuire à sa patrie.

Il est curieux que le nouvel ambassadeur de Russie produisit une si bonne impression sur Napoléon et son ministre Champagny que les défiances et la sourde hostilité dont il était animé à leur égard, leur échappèrent complétement. Champagny voyait en lui un homme droit et sincère qui personnellement se préoccupait peu de la Turquie. Il lui semblait, ainsi qu'à Napoléon, que l'objet principal de sa sollicitude était de sauvegarder les intérêts du roi de Prusse. En attendant, cette question ne concernait nullement le Tsar de Russie. Le traité de Tilsit n'a point fixé de terme pour l'évacuation des possessions prussiennes. Quant à la convention spéciale qui devait être conclue à ce sujet, elle

послѣдовательнымъ въ своихъ планахъ. Онъ желаетъ сдѣлать изъ насъ азіатскую державу, вернуть насъ обратно въ наши старыя границы и внести такимъ образомъ свою власть въ самое сердце нашихъ владѣній. Подъ приращеніями, за которыя онъ намъ сулитъ Константинополь и о которыхъ онъ избѣгаетъ объясняться, я имѣю основаніе думать, что онъ разумѣетъ наши польскія провинціи"...

Вѣдь князю Понятовскому Наполеонъ сказалъ въ Варшавѣ: „Прощайте, князь; у васъ есть энергія, есть 30,000 человѣкъ; организуйте ихъ, удвойте ихъ число, и то, чего нельзя было сдѣлать въ настоящее время, можетъ совершиться черезъ два года".

Въ заключеніе графъ Толстой предостерегаетъ своего министра, что нѣтъ никакой возможности предвидѣть, куда поведетъ Наполеона его „вулканическая фантазія".

Такимъ образомъ ясно, что графъ Толстой весьма критически относился къ новой политической системѣ Европы и очень мало увлекался союзомъ своего Государя съ Наполеономъ. Однако, онъ такъ ловко скрывалъ свои искреннія чувства, что послѣ первыхъ встрѣчъ съ императоромъ французовъ, послѣдній выражалъ полное свое удовольствіе на счетъ образа мыслей и поведенія русскаго посла. Наполеонъ подарилъ ему лично 6 превосходныхъ лошадей съ великолѣпнымъ экипажемъ.

Но въ тотъ самый день, когда гр. Толстой получилъ этотъ императорскій подарокъ, онъ написалъ своему Государю трогательное письмо, въ которомъ опять проситъ о своемъ отозваніи, ибо по своимъ способностямъ онъ не въ состояніи занимать такой высокій и отвѣтственный постъ. Гр. Толстой высказываетъ свое твердое убѣжденіе, что если его не отзовутъ, то онъ можетъ только повредить своему отечеству.

Весьма любопытно, что новый русскій посолъ произвелъ на Наполеона и его министра Шампаньи настолько превосходное впечатлѣніе, что они вовсе не замѣтили подозрительности и скрытой враждебности, съ которыми онъ къ нимъ относился. Шампаньи видѣлъ въ немъ человѣка прямого и искренняго, котораго лично нисколько не занималъ вопросъ о Турціи. Ему самому и Наполеону казалось, что главный предметъ вниманія гр. Толстого заключается въ охраненіи интересовъ прусскаго короля. Между тѣмъ этотъ вопросъ совсѣмъ не касается русскаго Царя. Въ Тильзитскомъ трактатѣ нѣтъ срока для очищенія прусскихъ владѣній. Что же касается особенной

*

n'était pas signée jusqu'à cette heure et la Russie ne pouvait pas s'y référer.

Selon les assurances du Ministre des Affaires Etrangères de France, l'Empereur Napoléon retirera ses troupes du territoire prussien aussitôt que l'Empereur Alexandre fera rappeler les siennes des deux principautés Danubiennes. (Dépêche de Champagny à Savary du 8 novembre 1807).

L'Empereur Alexandre I et le comte Roumiantzow étaient d'un avis tout opposé quant au droit de ce Souverain de prendre la défense du roi de Prusse et de réclamer l'évacuation des forteresses prussiennes par les troupes françaises. Ils voyaient dans la contestation de ce droit un reste de méfiance contre la Russie. Aussi crut-on devoir rappeler au comte Tolstoy que l'Empereur Alexandre I considère comme un devoir moral de défendre particulièrement et le plus efficacement possible les intérêts et les droits de son ami et ancien allié — le roi de Prusse. En présence de ces recommandations expresses de son gouvernement, on ne comprend pas qu'il était possible d'accuser le comte Tolstoy de ne se soucier à Paris que des intérêts du roi de Prusse. (Voir dépêche du comte Roumiantzow au comte Tolstoy du 6 novembre 1807).

Quant au désir du gouvernement français de connaître les causes qui retardaient l'évacuation des principautés Danubiennes, ces causes étaient bien simples. Le rappel des troupes devait avoir lieu en vertu d'un armistice conclu entre les armées russe et ottomane sur le théâtre des opérations militaires. Cet armistice n'a pas été conclu. Il est vrai que le baron Budberg, commandant *ad interim* de l'armée russe, a conclu un armistice avec le commandant en chef de l'armée turque; mais il a surpassé ses pouvoirs et inséré dans cet acte des conditions contraires à la dignité et aux intérêts de la Russie. Voici pourquoi l'Empereur Alexandre refusa de confirmer cette convention d'armistice, le baron Budberg fut rappelé de l'armée et les opérations de guerre pouvaient se renouveler en tout temps *).

Toutefois par amour de la paix, l'Empereur Alexandre I donna l'ordre de procéder à un

*) Lettre du comte Roumiantzow au prince Prozorowsky, t. LXXXIX du Recueil de la Société Imp. historique russe, pag. 134; voir également pag. 218 et suiv.

конвенціи по этому предмету, то она по сіе время не подписана и на нее Россія не можетъ ссылаться.

По словамъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, императоръ Наполеонъ очиститъ отъ своихъ войскъ прусскія владѣнія, если Императоръ Александръ выведетъ свои войска изъ обоихъ Дунайскихъ княжествъ. (Изъ депеши Шампаньи къ Савари отъ 8-го ноября 1807 г.).

Императоръ Александръ I и гр. Румянцевъ были совершенно другого мнѣнія относительно своего права заступничества за прусскаго короля и требованія вывода французскихъ войскъ изъ прусскихъ крѣпостей. Они видѣли въ оспариваніи такого права „остатокъ недовѣрія къ Россіи“. Поэтому графу Толстому было еще разъ поставлено на видъ, что Императоръ Александръ I считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ защищать „въ особенности“ и „наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ“ интересы и права своего друга и стараго союзника, короля прусскаго. Имѣя въ виду такія положительныя предписанія правительства, трудно понять основанія обвиненія гр. Толстого въ томъ, что онъ будто бы только и дѣлалъ въ Парижѣ, что заботился объ интересахъ Пруссіи. (Срав. депешу гр. Румянцева къ гр. Толстому отъ 6 нояб. 1807 г.).

Что касается желанія французскаго правительства знать причины неочищенія Дунайскихъ княжествъ русскими войсками, то эти причины весьма простыя. Эвакуація должна была послѣдовать въ силу перемирія, заключеннаго между русскими и турецкими войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій. Такое перемиріе еще не состоялось. Правда, временно командовавшій русскою дѣйствующею арміею, бар. Будбергъ, заключилъ перемиріе съ главнокомандующимъ турецкою арміею. Но генералъ бар. Будбергъ превысилъ свою власть и включилъ въ актъ перемирія такія условія, которыя противорѣчатъ достоинству и интересамъ Россіи. Вотъ почему Императоръ Александръ отказался утвердить эту конвенцію о перемиріи, бар. Будбергъ отозванъ изъ дѣйствующей арміи и военныя дѣйствія могутъ возобновиться во всякое время *).

Однако Императоръ Александръ I, изъ любви къ миру, все-таки отдалъ приказаніе начать

*) Письмо гр. Румянцева кн. Прозоровскому въ т. LXXXIX Сборн. И. Р. Истор. Общ., стр. 134; также стр. 218 и слѣд.

commencement d'évacuation des provinces turques, occupées par les troupes russes.

Mais la Russie désire une paix inaltérable et stable. Napoléon et son Ministre des Affaires Etrangères connaissent les conditions qui doivent y servir de base. Elles se trouvent consignées dans la convention secrète, signée à Tilsit, qui impose aux parties contractantes l'obligation d'affranchir du joug ottoman toutes les provinces de la Turquie d'Europe, à l'exception de Constantinople et de la Roumélie.

En présence d'un semblable accord, demande le comte Roumiantzow, „pourquoi n'obtiendrions nous pas par le traité de paix que le Danube fût la limite des deux Empires?“ L'Empereur Alexandre I énonça la conviction qu'une paix conclue dans ces conditions serait réellement durable. Aussi était-il convaincu que Napoléon lui prêterait son concours pour la conclusion d'une paix de cette nature, et c'est dans ce but que le comte Tolstoy fut muni des pleins-pouvoirs nécessaires pour prendre part aux pourparlers avec la Porte à Paris, où le Sultan avait promis d'envoyer un plénipotentiaire à cet effet. Il appartenait à l'Empereur Napoléon de prouver par cette médiation le prix qu'il ajoutait à ses relations d'amitié et d'alliance avec l'Empereur Alexandre I.

Napoléon ne persista pas moins dans son idée que l'intérêt politique de la France exigeait le maintien de l'Empire Ottoman en Europe, L'accroissement de la Russie par les deux principautés Danubiennes était jugé possible, mais à condition de la concession à la France de certains territoires, sur lesquels il refusait de se prononcer pour le moment. Napoléon sentait „la nécessité de terminer quelque chose“ et consentait à s'entendre à ce sujet avec l'Empereur Alexandre. Dans ce but il désirait avoir une nouvelle entrevue avec lui. (Lettre de Napoléon à Savary du 1 novembre 1807).

En vertu de ces considérations, Savary ne cessait, dans ses entretiens avec l'Empereur Alexandre, d'insister sur la nécessité absolue de conclure sans retard l'armistice avec les Turcs et d'ouvrir les négociations de la paix à Paris. Le comte Tolstoy devait être muni de pleinspouvoirs très étendus à cet effet.

L'Empereur Alexandre consentait aussi bien à l'évacuation qu'au choix de Paris comme siège des négociations de paix. Mais il dit avec une

очищеніе занятыхъ русскими войсками турецкихъ провинцій.

Но Россія желаетъ устойчиваго и прочнаго мира. На какихъ основаніяхъ такой миръ можетъ быть установленъ, императоръ Наполеонъ и его Министръ Иностранныхъ Дѣлъ знаютъ изъ секретной конвенціи, подписанной въ Тильзитѣ и утверждающей обязанность договаривающихся державъ освободить изъ подъ турецкаго ига всѣ турецкія провинціи въ Европѣ, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи.

Въ виду такого соглашенія, спрашиваетъ гр. Румянцевъ: „почему мы не можемъ достигнуть посредствомъ мирнаго трактата, чтобъ Дунай сдѣлался границею Имперіи?“ Императоръ Александръ I выразилъ свое убѣжденіе, что миръ, заключенный на такихъ условіяхъ, дѣйствительно будетъ устойчивъ и проченъ. Вотъ почему онъ увѣренъ былъ, что Наполеонъ поможетъ ему заключить именно такой миръ, и въ виду этой цѣли графъ Толстой получилъ полномочіе для мирныхъ переговоровъ съ Турціей въ Парижѣ, куда султанъ обѣщалъ прислать своего особеннаго уполномоченнаго. Императору Наполеону предстояло доказать своимъ посредничествомъ, насколько онъ дорожитъ дружескими и союзными отношеніями къ Императору Александру I.

Наполеонъ, однако, оставался при своемъ мнѣніи, что политическій интересъ Франціи требуетъ сохраненія въ Европѣ Оттоманской имперіи. Приращеніе же Россіи двумя Дунайскими княжествами возможно только подъ условіемъ пріобрѣтенія Франціей какихъ-то земель, о которыхъ онъ пока отказывался высказаться. Наполеонъ чувствовалъ „необходимость сдѣлать что нибудь“ и изъявилъ согласіе вступить по этому предмету въ соглашеніе съ Императоромъ Александромъ. Для этой цѣли онъ желалъ имѣть съ нимъ новое личное свиданіе. (Письмо Наполеона къ Савари отъ 1-го ноября 1807 года).

На основаніи такихъ соображеній Савари постоянно настаивалъ, въ своихъ разговорахъ съ Императоромъ Александромъ I, на неотложной необходимости поскорѣе заключить перемиріе съ Турками и открыть переговоры о мирѣ въ Парижѣ. Для этого гр. Толстой долженъ былъ получить самыя широкія полномочія.

Императоръ Александръ соглашался и на эвакуацію и на веденіе мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ. Но съ видимою досадою онъ ска-

visible humeur à Savary: „Ma foi! Tout ce que l'Empereur voudra. Je compte uniquement sur lui. Je vous dirai même que dans nos conversations de Tilsit il m'a souvent dit qu'il ne tenait point à cette évacuation, qu'on la traînerait en longueur pour se disposer et qu'il n'était pas possible de souffrir plus longtemps les Turcs en Europe; il me laissait même entrevoir le projet de les jeter en Asie. Ce n'est qu'ensuite qu'il est revenu à leur laisser Constantinople et quelques provinces environnantes".

A ces mots l'Empereur Alexandre cessa l'entretien avec Savary, en lui disant: „Parlons d'autres choses".

Ce n'est qu'avec le comte Roumiantzow que Savary pouvait s'entretenir de la question d'Orient pour connaître à fond les projets russes au sujet de la Turquie. Le comte disait en riant que la Turquie est morte, que sa succession est ouverte, qu'il faudrait publier cet événement pour que tous ceux qui ont des titres à cet héritage se présentent et produisent leurs réclamations. Si Napoléon et l'Empereur Alexandre s'accordent sur le partage de cette succession, assurait Roumiantzow, personne ne sera en mesure de s'y opposer. Lorsque Savary signala la possibilité d'une protestation de la part de l'Europe, le comte Roumiantzow répondit:

„L'Europe ne dira rien. Qu'est l'Europe? Où est-elle, si ce n'est entre vous et nous? Je pense toujours que votre Empereur n'aime pas les bagatelles et nous aurons plaisir à le servir. Il a accordé ces provinces dans ses conversations. Maintenant dites lui de nous laisser faire le reste et de nous dire seulement où il veut que nous nous arrêtions".

„Je vous certifie qu'il sera content de nous. Dites que c'est moi, le fils du maréchal Roumiantzow, qui vous l'ai assuré". (Rapport de Savary à Napoléon du 18 novembre 1807).

Mais l'Empereur Alexandre, ni son Ministre des Affaires Etrangères ne pouvaient admettre la pensée de rattacher le sort de la Prusse et son avenir à celui de la Turquie et des principautés Danubiennes. L'Empereur trouvait presque blessante la proposition de Napoléon quant à la possibilité d'une cession à la France de provinces prussiennes quelconques dans le cas où la Russie prenait possession des principautés Danubiennes.

залъ Савари: „Съ Богомъ! Все, чего хочетъ Императоръ. Я только на него полагаюсь. Я даже вамъ скажу, что въ нашихъ бесѣдахъ въ Тильзитѣ онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что его мало интересуетъ эта эвакуація, что ее можно тянуть для своихъ цѣлей и что невозможно терпѣть болѣе Турокъ въ Европѣ. Онъ мнѣ даже намекалъ о проектѣ выгнать ихъ въ Азію. Только впослѣдствіи онъ высказался въ пользу оставленія за ними Константинополя и сосѣднихъ провинцій".

На этихъ словахъ Императоръ Александръ I прервалъ разговоръ съ Савари, сказавъ ему „Будемъ говорить о другихъ вещахъ".

Только съ гр. Румянцевымъ Савари еще могъ бесѣдовать о Восточномъ вопросѣ, стараясь узнать всю глубину русскихъ плановъ на счетъ Турціи. Графъ смѣясь говорилъ, что Турція умерла, что открылось ея наслѣдство и что нужно публиковать объ этомъ событіи, дабы всѣ имѣющіе на наслѣдство претензіи явились и предъявили свои требованія. Если, доказывалъ гр. Румянцевъ,—Наполеонъ и Императоръ Александръ согласны между собою относительно раздѣла турецкаго наслѣдства, то никто имъ препятствовать не въ состояніи. Когда же Савари указалъ на возможность протеста со стороны Европы, гр. Румянцевъ отвѣтилъ:

„Европа ничего не скажетъ. Что такое Европа? Гдѣ она, если не между вами и нами? Я всегда думалъ, что вашъ Императоръ не любитъ пустяковъ и мы съ удовольствіемъ ему услужимъ. Онъ уступилъ эти провинціи въ своихъ бесѣдахъ. Теперь скажите ему, чтобъ онъ предоставилъ намъ сдѣлать все, что требуется, и пусть онъ только намъ скажетъ, гдѣ, по его мнѣнію, мы должны остановиться".

„Я вамъ ручаюсь, что онъ будетъ нами доволенъ. Скажите ему, что я, сынъ фельдмаршала Румянцева, вамъ это подтвердилъ". (Донесеніе Савари Наполеону отъ 18-го ноября 1807 г.).

Но ни Императоръ Александръ, ни его Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не могли допустить и мысли о томъ, чтобы связать судьбу Пруссіи и ея будущность съ судьбою Турціи и Дунайскихъ княжествъ. Императоръ находилъ почти оскорбительнымъ предположеніе Наполеона о возможности присоединенія къ Франціи какихъ-либо прусскихъ провинцій, въ случаѣ пріобрѣтенія Россіей Дунайскихъ княжествъ.

„Si je devais les (provinces) posséder", dit Alexandre I, „aux dépens de la Prusse, par suite d'un accord passé dans la position actuelle où est le pays dont j'ai été l'allié, j'aime mieux y renoncer. ne voudrais pas de tout l'Empire Ottoman à ce prix; je fais de cela une affaire d'honneur". (Rapport de Savary du 6 décembre 1807).

Cet échange d'idées au sujet des vues de Napoléon quant à la Prusse et de celles d'Alexandre I quant à la Turquie mit fin aux pourparlers à St.-Pétersburg. Savary quitta son poste temporaire à la fin décembre 1807 et Caulaincourt se présenta à St.-Pétersbourg en qualité d'ambassadeur extraordinaire de l'Empereur des Français. Avant d'exposer les circonstances concernant la nomination du nouvel ambassadeur, nous croyons devoir établir le bilan de l'activité intéressante du général Savary à St. Pétersbourg.

La correspondance de Savary avec Napoléon et son Ministre des Affaires Etrangères révèle en lui un esprit lucide, une habileté incontestable et une grande présomption. A la suite de quelques observations critiques que lui adressa Champagny, il jugea possible de répondre au ministre en ces termes: „Je vois Pétersbourg des bords de la Néva et Votre Excellence ne la voit à Paris que des bords de la Seine. Elle devrait s'en rapporter d'avantage à moi et croire que je sais juger ce qu'il est convenable et qui ne l'est pas".

L'Empereur Napoléon trouvait que Savary n'était pas assez respectueux à l'égard de son Ministre des Affaires Etrangères et lui conseillait d'être plus poli, car „un ministre est toujours un ministre".

Mais Savary ne put renoncer à ce ton arrogant qui lui était familier. Lorsqu'il fut question de la nomination d'un nouvel ambassadeur à la Cour Impériale, Savary se crut autorisé de formuler les conditions auxquelles devait répondre le nouveau titulaire. Il condamnait sans pitié tous les ministres français qui ont résidé à St.-Pétersbourg pendant les cinquante dernières années. Selon lui, ils n'avaient laissé aucune trace de leur séjour en Russie. Même le comte de Segur ne fut pas épargné par la critique impitoyable de Savary qui assurait qu'il n'avait que le seul souci: de plaire à l'Impératrice Catherine II. „Il a été courtisan aimable, plutôt que ministre de France". A St.-Pétersbourg il laissa le souvenir de l'homme le plus aimable,

„Если я долженъ владѣть этими княжествами", сказалъ Александръ I, „за счетъ Пруссіи, въ силу соглашенія, состоявшагося въ виду настоящаго состоянія этой страны, которой я былъ союзникомъ, то я лучше откажусь отъ нихъ. За такую цѣну я не желаю имѣть даже всю Оттоманскую имперію. Это для меня вопросъ чести". (Донесеніе Савари 6-го декабря 1807 года).

На этомъ обмѣнѣ мыслей о видахъ Наполеона на счетъ Пруссіи и Александра I относительно Турціи кончились переговоры въ С.-Петербургѣ. Въ концѣ декабря 1807 года Савари покинулъ свой временный постъ и Коленкуръ явился въ Петербургъ, какъ чрезвычайный посолъ Императора французовъ. Прежде чѣмъ изложить обстоятельства, касающіяся назначенія новаго французскаго посла, необходимо подвести итогъ интересной дѣятельности генерала Савари въ С.-Петербургѣ.

Переписка Савари съ Наполеономъ и его Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ обнаруживаетъ свѣтлый умъ, несомнѣнную ловкость и большое самомнѣніе Савари. Министру Шампаньи онъ считалъ возможнымъ писать въ отвѣтъ на сдѣланныя ему критическія замѣчанія: „Я смотрю на Петербургъ съ береговъ Невы, а Ваше Превосходительство смотрите на него изъ Парижа, съ береговъ Сены. Вы должны бы больше на меня полагаться и вѣрить, что я въ состояніи судить о томъ, что прилично или неприлично".

Императоръ Наполеонъ находилъ, что Савари недостаточно почтителенъ къ его Министру Иностранныхъ Дѣлъ и совѣтовалъ ему быть болѣе вѣжливымъ, ибо „Министръ все же Министръ".

Но Савари не могъ отказаться отъ свойственнаго ему дерзкаго тона. Когда зашла рѣчь о новомъ французскомъ послѣ при Высочайшемъ дворѣ, Савари призналъ себя въ правѣ выставить тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять новый посолъ. Онъ жестокимъ образомъ осудилъ всѣхъ французскихъ посланниковъ, бывшихъ за послѣднія 50 лѣтъ въ Петербургѣ. Они, по его словамъ, не оставили послѣ себя никакого слѣда въ Россіи. Даже графъ Сегюръ не устоялъ предъ неумолимой критикой Савари, по словамъ котораго графъ только старался лично нравиться Императрицѣ Екатеринѣ II. „Онъ былъ больше любезнымъ придворнымъ, нежели французскимъ посланникомъ". Въ Петербургѣ онъ оставилъ

à la France il ne laissa qu'un traité de commerce *).

Selon l'avis de Savary, le représentant de la France en Russie doit être „un grand seigneur, un homme supérieur et un homme grand en affaires", et alors „il fera tout ce qu'il voudra avec le gouvernement russe". A l'appui de ce jugement Savary signala comme un fait positif qu'il a réussi à „faire chasser séance tenante" Kotchoubey et Novosiltsow. „Que Mr. de Laforest arrive", écrivait-il à Champaguy à la date du 1 novembre 1807, „et qu'il ait bonne maison; tout ira comme on le voudra et sans secousses".

Mais Laforest n'arriva pas à St.-Pétersbourg, car Napoléon le trouvait trop vieux pour être son représentant auprès du „fournisseur des fourrures", comme se plaisait à s'appeler Alexandre I, lorsqu'il fit cadeau à l'Empereur des Français de pelisses superbes en zibeline et en renard bleu. En remplacement de Laforest, Napoléon nomma comme ambassadeur Caulaincourt que l'Empereur Alexandre I connaissait et dont il estimait le caractère. Le nouvel ambassadeur arriva à St.-Pétersbourg à la moitié de décembre et fut très gracieusement reçu par le Tsar. Savary remit à Caulaincourt „l'ouvrage qu'il avait créé", et fut très généreusement récompensé par l'Empereur: il reçut une tabatière enrichie de très gros diamants, un magnifique collier en amethyste et des fourrures de grande valeur.

Caulaincourt s'installa dans le magnifique hôtel du prince Wolkonsky au quai de la Néva dont Alexandre I avait fait l'acquisition pour en faire don au gouvernement français, en vue d'y établir l'ambassade. D'après le temoignage de Savary, cette maison, un véritable palais, était infiniment plus riche et spacieuse que l'immeuble concédé par Napoléon à l'ambassade de Russie à Paris.

En vertu de ses instructions du 12 novembre 1807, Caulaincourt était appelé à consacrer ses efforts au maintien de l'alliance avec la Russie, nécessaire à Napoléon pour porter un coup décisif à l'Angleterre, non seulement en mer, mais encore aux Indes. La conquête des Indes par une armée alliée franco-russe de 80.000 hommes semblait à Napoléon parfaitement réalisable. Mais si le partage de la Turquie devait être le prix de cette alliance, Napoléon jugeait raisonnable d'entrer dans les vues du gouvernement

*) Voir mon Recueil des Traités et Conventions, t. XIII, pag. 197 et suiv.

по себѣ память любезнѣйшаго человѣка, а Франціи только коммерческій трактатъ *).

По мнѣнію Савари, представитель Франціи въ Россіи долженъ быть „вельможа", „человѣкъ выдающійся, съ большою опытностью" и тогда „онъ сдѣлаетъ все, что захочетъ" съ русскимъ правительствомъ. Въ подтвержденіе своихъ сужденій Савари приводитъ, какъ положительный фактъ, что ему удалось „немедленно прогнать" Кочубея и Новосильцова. „Теперь пусть пріѣзжаетъ Лафорэ",—писалъ онъ 1-го ноября 1807 года Шампаньи,—„и пусть онъ устроится. Все пойдетъ по желанію и какъ по маслу".

Однако Лафорэ не пріѣхалъ въ Петербургъ, ибо Наполеонъ нашелъ, что онъ слишкомъ старъ, чтобъ состоять его представителемъ при „поставщикѣ мѣховъ",—какъ самъ себя назвалъ Александръ I, когда онъ подарилъ Императору французовъ чудныя шубы изъ соболей и черной лисицы. Вмѣсто Лафорэ Наполеонъ назначилъ своимъ посломъ Коленкура, котораго зналъ и уважалъ Александръ I. Новый посолъ прибылъ въ Петербургъ въ половинѣ декабря и былъ чрезвычайно милостиво принятъ Царемъ. Савари передалъ Коленкуру „созданное имъ дѣло" и былъ очень щедро награжденъ Императоромъ: онъ получилъ въ подарокъ табакерку съ крупнѣйшими брилліантами, чудное ожерелье изъ аметистовъ и драгоцѣнные мѣха.

Коленкуръ занялъ роскошный и огромный домъ (князя Волконскаго), на набережной Невы, который Императоръ Александръ I купилъ и подарилъ французскому правительству для его посольства. По словамъ самого Савари, этотъ домъ-дворецъ былъ несравненно помѣстительнѣе и роскошнѣе дома, подареннаго Наполеономъ русскому посольству въ Парижѣ.

На основаніи инструкцій отъ 12-го ноября 1807 года, Коленкуру было вмѣнено въ обязанность стараться о поддержаніи союза съ Россіей, который необходимъ Наполеону для рѣшительнаго пораженія Англіи не только на морѣ, но также въ Индіи. Завоеваніе Индіи франко-русскою союзною арміей въ 80,000 человѣкъ казалось Наполеону дѣломъ совершенно возможнымъ. Но если цѣною этого союза долженъ быть раздѣлъ Турціи, то императоръ Наполеонъ считаетъ благоразумнымъ войдти въ

*) Срав. мое Собр. трактатовъ и конвенцій, т. XIII, стр. 197 и слѣд.

russe. Toutefois il ne désirait nullement ce partage, car il considérait le maintien de l'intégrité de l'Empire Ottoman comme très utile à la France. Ainsi, si la Russie insistait sur la réunion des principautés Danubiennes à ses domaines, Napoléon était disposé à entrer dans un échange d'idées à ce sujet, mais il faisait entendre qu'il comptait recevoir une compensation équitable sur la rive gauche de la Vistule dans le cas où la Russie prendrait possession de ces provinces turques *).

L'Empereur Alexandre était satisfait de la nomination de Caulaincourt au poste d'ambassadeur de France, mais une petite complication surgit dès la première audience. L'Empereur refusa d'accepter la lettre de créance parce qu'il y était désigné comme „allié" et „confédéré". L'Empereur trouvait qu'il etait en effet un allié de Napoléon, mais qu'il n'avait avec lui aucun lien d'un confédéré. Il avait évidemment en vue la confédération du Rhin dont l'Empereur des Français était le chef et il lui répugnait d'assumer la position des membres de cette confédération, tous servilement devoués à Napoléon. Bien que Champagny s'appliquât à expliquer que „confédéré" et „allié" étaient des termes identiques, Alexandre I refusa d'accepter la lettre de créance de Caulaincourt aussi longtemps qu'elle ne serait pas rectifiéé.

Les premiers entretiens de l'Empereur Alexandre avec l'ambassadeur de France suffirent à mettre en lumière les divergences de vues sérieuses entre la Russie et la France, aussi bien dans les affaires de la Prusse, que dans la question d'Orient. L'Empereur de Russie considérait comme une offense personnelle le fait qu'on faisait dépendre d'un accroissement de territoire de la France, aux dépens de la Prusse, l'éxécution d'une promesse faite au sujet de la cession des principautés Danubiennes.

Les rapports du comte Tolstoy de Paris confirmaient ces divergences avec plus d'évidence encore. Il était si convaincu de l'incompatibilité de vues des cabinets de St.-Pétersbourg et des Tuilleries, qu'il craignait de se charger de poursuivre à Paris les négociations de paix avec la Porte, sous la médiation de Napoléon. Aussi, dès la fin d'octobre 1807, suppliait-il l'Empereur de le rappeler de Paris et de le remplacer par un autre négociateur.

*) Recueil de la Société Imp. Histor. Russes, t. LXXXIX, pag. 736 et suiv.

виды русскаго правительства. Однако, онъ нисколько не желаетъ такого раздѣла, ибо считаетъ сохраненіе цѣлости Оттоманской имперіи чрезвычайно полезнымъ для Франціи. Поэтому, если Россія будетъ настаивать на присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Дунайскихъ княжествъ, то Наполеонъ готовъ вступить въ обмѣнъ мыслей по этому предмету, но увѣренъ, что онъ получитъ, въ случаѣ завоеванія Россіей названныхъ турецкихъ провинцій, справедливое вознагражденіе на лѣвомъ берегу Вислы *).

Императоръ Александръ былъ радъ назначенію Коленкура на постъ французскаго посла, но на первой же аудіенціи вышло маленькое затрудненіе: Императоръ отказался принять его кредитивную грамоту, ибо въ ней онъ былъ названъ „союзникомъ" и „членомъ конфедераціи". Государь находилъ, что онъ дѣйствительно „союзникъ" Наполеона, но въ отношеніяхъ конфедеративныхъ съ нимъ не состоитъ. Онъ очевидно имѣлъ въ виду Рейнскую конфедерацію, во главѣ которой стоялъ императоръ французовъ. Признавать за собою положеніе членовъ Рейнской конфедераціи, покорныхъ слугъ Наполеона, Императоръ Александръ не желалъ. Хотя Шампаньи и старался объяснить, что „*confédéré*" тоже самое, что „*allié*", но Александръ I отказался принять кредитивную грамоту Коленкура, пока она не будетъ исправлена.

Изъ первыхъ же бесѣдъ между Императоромъ Александромъ и французскимъ посломъ вполнѣ выяснилась непримиримая противоположность взглядовъ Россіи и Франціи какъ на прусскія дѣла, такъ и на Восточный вопросъ. Русскій Императоръ считалъ себя обиженнымъ, что исполненіе даннаго ему обѣщанія о присоединеніи Дунайскихъ княжествъ теперь ставится въ зависимость отъ приращенія Франціи на счетъ Пруссіи.

Донесенія графа Толстого изъ Парижа еще болѣе ярко подтверждали это разногласіе. Толстой настолько былъ убѣжденъ въ непримиримости взглядовъ Петербургскаго и Тьюильерійскаго кабинетовъ, что страшился взять на себя веденіе въ Парижѣ мирныхъ переговоровъ съ Турціей при посредничествѣ Наполеона. Вотъ почему онъ уже въ концѣ октября 1807 года умолялъ Государя отозвать его изъ Парижа и назначить на его мѣсто другое лицо.

*) См. Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LXXXIX, стр. 736 и слѣд.

Par une lettre du 26 novembre le comte Roumiantzow l'informe que l'Empereur jugeait impossible de donner suite à sa demande de rappel et lui fit parvenir les pleins-pouvoirs pour les négociations de paix. On lui recommandait en même temps d'insister sur l'incorporation à la Russie des principautés Danubiennes. S'il était impossible de l'obtenir, le comte Tolstoy pouvait proposer de son propre chef la cession immédiate de la province de Bessarabie, les principautés Danubiennes devraient être gardées comme gage par la Russie jusqu'à la conclusion de la paix entre la France et l'Angleterre.

Le comte Tolstoy fut très affecté de la teneur de ces instructions et du refus de son rappel. Il persista dans son avis que Napoléon n'était pas l'ami, mais l'ennemi de la Russie. Voici ce qu'il écrivait en russe à l'Empereur Alexandre à la moitié de décembre 1807:

„Mes rapports de Fontainebleau ont suffisamment exposé à Votre Majesté les aspirations ambitieuses du gouvernement français à de nouvelles conquêtes, à l'asservissement des Etats voisins et à l'extension de son pouvoir jusqu'à l'extrémité de l'Europe. L'espoir de rétablir avec ce gouvernement une paix durable et solide est une *illusion* dont se plaisent à se leurrer des esprits faibles qui ne sentent en eux-mêmes aucune force de résistance et qui laissent ainsi échapper le temps et les moyens pour se préparer à la défense".

„L'action de ce pouvoir effréné de l'Empereur Napoléon, — l'activité et l'habileté des hommes qui l'entourent sont extraordinaires; l'Espagne et le Portugal vont tomber sous le joug de la France, et ensuite l'amour de la gloire portera probablement Napoléon à restaurer la Pologne".

„Maintenant, il est encore temps, Sire, d'augmenter les cadres de l'armée russe et de poser les bases à la convocation d'une milice à l'intérieur, comme le gouvernement est en mesure de le faire"...

„Si on néglige de prendre les mesures nécessaires", dit le comte Tolstoy, en terminant sa lettre, „nous verrons subitement et à notre grand étonnement les armées françaises sur nos frontières et les conséquences en seront incalculables".

Le comte Tolstoy ajouta en outre, à cette lettre remarquable, les paroles suivantes: „c'est

Графъ Румянцевъ, письмомъ отъ 26-го ноября, извѣстилъ гр. Толстого, что Государь не можетъ исполнить его желаніе объ отозваніи и посылаетъ ему полномочіе на веденіе мирныхъ переговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписывается настаивать на присоединеніи къ Россіи обоихъ Дунайскихъ княжествъ. Но если достигнуть этого окажется невозможнымъ, то Толстой можетъ отъ себя предложить, чтобъ Бессарабская область была немедленно уступлена, а Дунайскія княжества должны оставаться подъ секвестромъ Россіи до заключенія мира между Франціей и Англіей.

Графъ Толстой былъ крайне огорченъ какъ полученными имъ инструкціями, такъ и отказомъ въ отозваніи. Онъ оставался при своемъ мнѣніи, что Наполеонъ не другъ, но врагъ Россіи. Вотъ что онъ писалъ по-русски, въ половинѣ декабря 1807 года, Императору Александру I:

„Донесенія мои изъ Фонтенебло достаточно представляютъ Вашему Императорскому Величеству дальновидныя желанія и подвиги французскаго правительства къ новымъ пріобрѣтеніямъ чужихъ земель, къ покоренію сосѣдственныхъ государствъ и къ расширенію своего владычества до конца Европы. Надежда возстановить съ симъ правительствомъ долговременный и основательный миръ есть *обманъ*, коимъ ослѣпляются слабые умы, не чувствующіе въ себѣ никакой силы сопротивленія, теряя тѣмъ время и самые способы пріуготовить себя къ оборонѣ".

„Дѣйствіе необузданной власти императора Наполеона,—дѣятельность и искусство людей, его окружающихъ, необыкновенны; Гишпанія и Португалія скоро падутъ подъ иго Франціи, а потомъ возстановленіе Польши будетъ предметомъ его славолюбія".

„Теперь есть еще время, всемилостивѣйшій Государь, усилить Россійскія войска и сдѣлать основаніе внутренняго ополченія въ Имперіи соотвѣтственно правительству, силѣ и возможности онаго..."

„Ежели-жъ,"—кончаетъ свое письмо гр. Толстой—„не примутся нужныя мѣры, то внезапно и съ удивленіемъ увидимъ мы французскія арміи въ границахъ нашихъ и тогда послѣдствія будутъ неисчислимы".

Къ этому замѣчательному письму гр. Толстой еще прибавилъ слѣдующія слова: „Съ угне-

pour moi une consolation de coeur de déposer aux pieds de Votre Majesté mes pensées en toute sincérité et de la supplier encore une fois de vouloir bien me relever d'un service qui m'est si étranger et dans lequel je n'ai nul espoir de réussir".

Cette remarquable franchise du comte Tolstoy ne produisit aucun mécontentement à St.-Pétersbourg. L'Empereur et le comte Roumiantzow continuaient à insister pour qu'il conservât ce poste important. Le comte Tolstoy se persuadait au contraire de plus en plus de l'inutilité pour lui d'y rester, car il ne croyait nullement à la sincérité de l'amitié de Napoléon pour l'Empereur Alexandre. Dans tous leurs entretiens avec l'ambassadeur, l'Empereur des Français et son Ministre des Affaires Etrangères refusaient de consentir à ce que la Moldo-Valachie fût cédée gratuitement à la Russie. Ils exigeaient que la Silésie fut détachée de la Prusse. Lorsque l'ambassadeur de Russie demanda qui devait recevoir ce territoire, Napoléon répondit évasivement qu'il passerait cette province *„à un autre"*, sans dire qui était cet autre. Le comte Tolstoy était persuadé qu'elle était destinée au duché de Varsovie et plus tard à la Pologne restaurée. Selon l'avis de l'ambassadeur, cette combinaison de Napoléon était nécessairement dirigée contre la Russie. Aussi dit-il franchement à celui-ci que tant que la Prusse ne serait pas libérée de la présence des troupes françaises, tant que celles-ci ne seraient rappelées au delà de l'Elbe et que l'inviolabilité de la Prusse ne serait entièrement assurée, il ne cesserait de considérer les intérêts de la Prusse comme identiques à ceux de la Russie.

Ces défiances, énoncées par le représentant de l'Empereur de Russie, son ami de cœur, déplurent à Napoléon qui lui adressa, non sans quelque humeur, les paroles suivantes en janvier 1808:

„Il ne faut pas croire aux projets d'envahissement que l'on me prête; ce sont des folies, cela ne saurait nullement me convenir; qu'est-ce que je pourrais gagner en allant tenter le sort des armes au milieu de votre nation, tous vos moyens réunis, et moi éloigné de mes ressources, je risquerai beaucoup. D'ailleurs si je nourrissais de semblables projets, je ne me serais pas empressé d'évacuer Vienne, comme je l'ai fait, et Berlin ensuite".

„Comment, Sire, Berlin?" demanda l'ambassadeur étonné.

теніемъ сердца повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества искренность моихъ мыслей и повтореніе всеподданнической моей просьбы объ увольненіи меня отъ службы столь мнѣ чуждой и въ коей я ничего успѣть не надѣюсь".

Удивительная откровенность графа Толстого не вызвала неудовольствія въ Петербургѣ: Государь и гр. Румянцевъ продолжали настаивать на сохраненіи графомъ Толстымъ его важнаго поста. Но графъ Толстой все болѣе и болѣе убѣждался въ безполезности занятія имъ этого поста, ибо онъ нисколько не вѣрилъ въ искренность дружбы Наполеона къ Императору Александру. Во всѣхъ бесѣдахъ съ нимъ императоръ французовъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ отказывались безвозмездно согласиться на присоединеніе Валахіи и Молдавіи къ Россіи: они требовали отнятія отъ Пруссіи Силезіи. Когда русскій посолъ спросилъ: кто же получитъ Силезію, Наполеонъ отвѣчалъ уклончиво, что онъ передастъ эту область „другому". Но кто этотъ другой, онъ не говорилъ. Гр. Толстой былъ увѣренъ, что эту область получитъ Варшавское герцогство и впослѣдствіи воскресшая Польша. Эта же комбинація Наполеона, по мнѣнію посла, можетъ быть направлена только противъ Россіи. Поэтому онъ откровенно сказалъ Наполеону, что пока Пруссія не освобождена отъ французскихъ войскъ, пока послѣднія не отступили за рѣку Эльбу и пока неприкосновенность Пруссіи не обезпечена, онъ не перестанетъ смотрѣть на интересы Пруссіи, какъ на идентичные съ интересами Россіи.

Такая подозрительность представителя его сердечнаго друга, русскаго Императора, совсѣмъ не нравилась Наполеону, который съ нѣкоторою злобою сказалъ ему въ январѣ 1808 года слѣдующія слова:

„Не слѣдуетъ вѣрить всѣмъ завоевательнымъ проэктамъ, которые мнѣ приписываютъ. Это сумасбродства; это ни въ какомъ случаѣ не можетъ меня устраивать; что могъ бы я выиграть, еслибъ рѣшился перенести войну въ предѣлы вашего государства? Вы могли бы сосредоточить всѣ ваши силы, я былъ бы далеко отъ моихъ рессурсовъ; я много рисковалъ бы. Впрочемъ, еслибъ я имѣлъ подобные планы, то не поспѣшилъ бы очистить Вѣну, какъ я сдѣлалъ, и потомъ Берлинъ".

„Какъ Берлинъ, Ваше Величество?" – спросилъ удивленно русскій посолъ.

„C'est tout comme", répondit avec impatience Napoléon, „il ne faut pas s'aigrir, vous voyez que depuis votre arrivée les choses ont déjà beaucoup changé à l'égard de la Prusse, nous nous rapprochons assez, le corps de Soult repasse en partie l'Oder, j'ai restitué deux forteresses en Silésie. Toutes les belles phrases que contient la dernière dépêche, que vous avez reçue, sont les mêmes que j'ai débitées à Tilsit, et que l'on me renvoie à présent. Il ne s'agit pas de se tromper, ce serait trop enfant. Il faut que nous fassions une paix stable et solide, et je dois vous avouer que je crains encore la Prusse"...

Le comte Tolstoy était visiblement embarrassé de cette franchise de Napoléon qui trahissait clairement une note de méfiance à l'égard de l'Empereur Alexandre. Aussi s'appliqua-t-il à lui démontrer avec énergie la volonté inébranlable de son Souverain de maintenir avec lui la paix et l'alliance. Napoléon répondit à ces assurances par les paroles suivantes très curieuses:

„Vous me parlez toujours de l'Empereur Alexandre. Certainement je suis assuré de lui et de ses sentiments pour moi, mais je ne suis pas sûr de l'avenir, ni garanti contre les dangers auxquels il peut être exposé. Ce n'est pas les vrais Russes que je crains, mais les *Russes Anglais*".

L'ambassadeur protesta contre ces paroles de l'Empereur, en affirmant que si telle eût été la situation en Russie, il n'aurait pas l'honneur d'être son représentant à Paris. Il se refusait de comprendre les craintes de Napoléon, car pour le moment il ne connaît en Russie que des „Russes Français" dont il n'a rien à redouter.

Le comte Tolstoy retira de ce nouvel entretien avec Napoléon la conviction que la Russie ne peut songer à la prise de possession des principautés Danubiennes qu'à la condition de sacrifier entièrement la Prusse. Quant à Napoléon, il poursuivait avec persistance son projet: celui d'asservir également la Russie et de préparer les voies et moyens pour atteindre ce but. (Rapport du comte Tolstoy du 30 décembre 1807 (11 janvier 1808).

Ce qui le confirma encore plus dans ces convictions, c'est la communication que lui fit Champagny de deux projets de conventions qui devaient servir de base aux futures négociations diplomatiques.

„Да такъ,"—нетерпѣливо отвѣтилъ Наполеонъ,—„не надо сердиться. Вѣдь вы видите, что послѣ вашего пріѣзда положеніе вещей въ отношеніи Пруссіи уже значительно измѣнилось. Мы достаточно сближаемся другъ съ другомъ. Часть корпуса Су уже перешла черезъ Одеръ; двѣ силезскія крѣпости я возвратилъ. Всѣ красивыя фразы, которыми полна послѣдняя полученная вами депеша, суть тѣ самыя, которыя я высказалъ въ Тильзитѣ и теперь получаю обратно. Не нужно себя обманывать: это было бы ребячествомъ. Нужно намъ заключить прочный и устойчивый миръ; я долженъ вамъ сознаться, что еще боюсь Пруссіи"...

Графъ Толстой былъ видимо озадаченъ такою откровенностью Наполеона, въ которой явно слышалась нотка подозрительности въ отношеніи Императора Александра. Поэтому онъ съ энергіею сталъ доказывать Наполеону несокрушимую волю своего Государя сохранять съ нимъ миръ и союзъ. На эти увѣренія Наполеонъ отвѣтилъ слѣдующими любопытными словами:

„Вы мнѣ все говорите объ Императорѣ Александрѣ. Само собою разумѣется, что я могу положиться на него и на его ко мнѣ чувства. Но я не увѣренъ на счетъ будущаго и не обезпеченъ отъ опасностей, которымъ оно можетъ подвергнуться. Я не боюсь настоящихъ Русскихъ, но я боюсь *Русскихъ Англичанъ*".

Посолъ протестовалъ противъ этихъ словъ императора французовъ, доказывая, что еслибъ таково было положеніе вещей въ Россіи, то онъ не имѣлъ бы чести быть представителемъ Россіи въ Парижѣ. Онъ отказался понять опасенія Наполеона, ибо теперь онъ знаетъ въ Россіи только „Русскихъ Французовъ", которыхъ Наполеону едва-ли нужно бояться.

Изъ этого новаго разговора съ Наполеономъ гр. Толстой вынесъ убѣжденіе, что Россія можетъ присоединить Дунайскія княжества не иначе, какъ подъ условіемъ пожертвованія всею Пруссіей. Наполеонъ неуклонно преслѣдуетъ свою цѣль: поработить также Россію и подготовить путь къ достиженію этой цѣли. (Донесеніе гр. Толстого отъ 30-го декабря 1807 г. (11-го января 1808 года).

Въ этомъ своемъ убѣжденіи гр. Толстой еще болѣе укрѣпился, когда Шампаньи сообщилъ ему проекты двухъ конвенцій, долженствовавшіе служить основаніями для будущихъ дипломатическихъ переговоровъ.

Le premier projet concernait la paix entre la Russie et la Porte. Il est curieux que le premier article de cette convention avait pour objet la Prusse: Napoléon prenait l'engagement de retirer ses troupes des provinces prussiennes et de restituer celles-ci au roi. La Russie devait retirer ses troupes des principautés Danubiennes et ne conserver que la province de Bessarabie.

En vertu de la seconde convention, la Russie garantissait à la France la possession de la Silésie. Napoléon prenait, par contre, l'engagement de garantir à la Russie la possession des principautés Danubiennes conjointement avec la Bessarabie qui devraient désormais faire partie intégrante de l'Empire.

On comprend que ces projets français ne pouvaient satisfaire l'ambassadeur de Russie. Il voyait que Napoléon ne songeait à renoncer à aucune de ses combinaisons au sujet de la Prusse et du duché de Varsovie auquel il voulait donner plus de vitalité par l'adjonction de la Silésie. Le comte Tolstoy en était si découragé, qu'il exprima ouvertement ses perplexités au comte Roumiantzow au sujet de la politique de son gouvernement.

„Je ne saurais comprendre", écrivait-il au comte à la date du 14 (26) janvier 1808, „ce qui motive la confiance, que Votre Excellence continue à placer dans les sentiments de Napoléon envers la Russie desquels elle attend l'exécution du traité de Tilsit, et qui doivent encore nous procurer une paix avantageuse et honorable avec la Turquie. Ce n'est pas la marche que le cabinet des Tuilleries a suivie jusqu'à présent qui peut autoriser cette confiance, et l'avenir, que ma position me donne plus de droits de mieux juger que Votre Excellence, dans l'éloignement où elle se trouve du théâtre des grands événements, ne me semble pas offrir plus d'espoir".

Le comte Tolstoy prie le Chancelier de l'Empire de lui expliquer les motifs qui le portent voir „tout couleur de rose", tandis qu'à lui tout se présentait „en noir".

Plus l'ambassadeur avait l'occasion de s'entretenir avec Napoléon au sujet des engagements contractés à Tilsit, plus ses défiances à l'égard de la politique française devenaient sérieuses. Depuis le retour de Savary à Paris, il avait lieu d'observer quelques symptômes de malveillance à son égard. Il eut bientôt l'occasion de

Первый проектъ касался мира между Россіей и Турціей. Любопытно, что первая статья этой мирной конвенціи относилась къ Пруссіи: Наполеонъ обязался вывести свои войска изъ прусскихъ провинцій и возвратить ихъ прусскому королю. Далѣе Россія должна была вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, оставивъ за собою только Бессарабскую область.

На основаніи второй конвенціи Россія обезпечиваетъ за Франціей владѣніе Силезскою провинціей. Наполеонъ же беретъ на себя обязательство обезпечить за Россіей владѣніе Дунайскими княжествами вмѣстѣ съ Бессарабскою областью, которыя присоединяются на вѣчныя времена къ Россіи.

Понятно, что эти французскіе проекты не могли удовлетворить русскаго посла. Онъ не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшаго отказа со стороны Наполеона отъ плановъ относительно Пруссіи и Варшавскаго герцогства, которому онъ желалъ придать больше жизнеспособности посредствомъ присоединенія къ нему Силезіи. Графъ Толстой былъ настолько разочарованъ, что откровенно выразилъ графу Румянцеву свое полное недоумѣніе относительно политики своего правительства.

„Я не умѣю себѣ объяснить",—писалъ онъ 14-го (26-го) января 1808 года гр. Румянцеву,— „то довѣріе, которое Ваше Сіятельство продолжаете оказывать чувствамъ Наполеона въ отношеніи Россіи, отъ которыхъ вы ждете исполненія Тильзитскаго трактата и которыя намъ еще должны обезпечить заключеніе выгоднаго и почетнаго мира съ Турціей. Цѣли, преслѣдуемыя по настоящее время Тюильерійскимъ кабинетомъ, не могутъ оправдывать такое довѣріе, а будущность, на счетъ которой мое положеніе даетъ мнѣ больше правъ лучше судить, чѣмъ Вашему Сіятельству, находящемуся далеко отъ театра великихъ событій, мнѣ кажется, не оставляетъ больше надежды".

Гр. Толстой покорнѣйше проситъ Государственнаго Канцлера объяснить ему мотивы, благодаря которымъ онъ видитъ „все въ розовомъ цвѣтѣ", между тѣмъ какъ ему представляется „все въ черномъ цвѣтѣ".

Чѣмъ чаще приходилось русскому послу говорить съ Наполеономъ о взаимныхъ обязательствахъ, заключенныхъ въ Тильзитѣ, тѣмъ больше онъ утверждался въ своемъ недовѣріи къ французской политикѣ. Съ возвращеніемъ Савари въ Парижъ, онъ сталъ наблюдать симптомы нѣкотораго недоброжелательства въ отно-

se convaincre que Savary chercha à le desservir auprès de Napoléon et le représenta comme un adversaire de l'alliance franco-russe. Au commencement de février Napoléon l'invita à une chasse à laquelle se trouvaient également conviés quelques personnages de l'intimité de l'Empereur. Dans le cours de cette chasse, dans la forêt de St. Germain, une conversation s'engagea entre Napoléon et le comte Tolstoy qui ne dura pas moins de trois heures et qui donna lieu à des élans de franchise mutuelle.

Napoléon commença l'entretien par la question habituelle si l'ambassadeur n'avait pas quelque chose de nouveau à lui communiquer? Mais sans attendre la réponse, il ajouta qu'il lui trouvait l'air inquiet. Le comte Tolstoy répondit que personnellement rien ne l'inquiétait, mais qu'on avait lieu de se préoccuper en Russie de l'issue des pourparlers qu'on poursuivait avec lui, car à Tilsit on se gardait de rattacher les affaires de Turquie à celles de Prusse et de faire dépendre la solution des unes de celle des autres. Il se refusait de comprendre pour quel motif le roi de Prusse devait être sacrifié par le fait qu'on reconnaissait à la Russie le droit de prendre possession de la Moldavie et de la Valachie. Napoléon expliqua sans le moindre scrupule qu'il ne pouvait désirer le démembrement de l'Empire Ottoman et qu'il ne pouvait s'emparer de l'île de Crète et de la Morée, car les Anglais ne voudraient jamais l'admettre. C'est une des raisons. En voici la seconde: en occupant les principautés Danubiennes, la Russie ne manquerait pas d'exercer une action si omnipotente sur les Serbes, les Monténegrins et les Bulgares, qu'il doit redouter la réalisation d'un projet aussi grandiose.

Le comte Tolstoy répondit qu'il ne comprenait toujours pas pourquoi la Prusse devait servir d'objet de compensation. C'est d'autant plus difficile à comprendre que la Prusse est actuellement le seul pays qui sépare la Russie de la France.

„Et comment voulez-vous, Sire", disait le comte Tolstoy, „que nous soyons sans alarmes, lorsque nous vous voyons lever 80,000 h. dans le même instant où vous m'assurez en avoir 800.000 et être embarrassé de les entretenir. Contre qui peuvent-elles être dirigées ces forces imposantes et toujours augmentées? Allié de la Russie, vous n'avez plus d'ennemi sur le continent, et si vous vous en méfiez, vous ne pouvez pas avoir la prétention qu'elle place en vous une confiance aveugle et sans bornes. Ajoutez à cela que vos troupes

шенiи себя. Онъ скоро убѣдился, что Савари наговорилъ на него Наполеону и выставилъ его противникомъ франко-русскаго союза. Въ началѣ февраля Наполеонъ пригласилъ русскаго посла на охоту, въ которой еще участвовали немногія наиблизкія императору лица. Во время этой охоты въ С. Жерменскомъ лѣсу завязался между Наполеономъ и графомъ Толстымъ разговоръ, длившійся не менѣе трехъ часовъ и приведшій къ обоюднымъ взрывамъ откровенности.

Наполеонъ началъ разговоръ обычнымъ вопросомъ: не имѣетъ-ли посолъ сообщить что-нибудь новаго? Но, не дождавшись отвѣта, прибавилъ, что у него видъ безпокойный. Гр. Толстой отвѣтилъ, что его лично ничто не безпокоитъ, только въ Россіи могутъ безпокоиться на счетъ исхода переговоровъ съ нимъ, ибо въ Тильзитѣ никогда не связывали турецкихъ дѣлъ съ прусскими и не ставили рѣшеніе однихъ въ зависимость отъ рѣшенія другихъ. Онъ отказывался понять, почему изъ-за признаннаго за Россіей права завладѣть Молдавіею и Валахіею долженъ страдать король прусскій? Наполеонъ, нисколько не стѣсняясь, объяснилъ послу, что онъ не можетъ желать распаденія Оттоманской имперіи и не можетъ завладѣть островомъ Критомъ и Мореею, ибо Англичане этого не допустятъ. Это одна причина. Другая же слѣдующая: если Россія займетъ оба Дунайскія княжества, то вліяніе ея на Сербовъ, Черногорцевъ и Болгаръ будетъ настолько всеобъемлющее, что онъ долженъ опасаться осуществленія такого грандіознаго плана.

Гр. Толстой отвѣтилъ, что онъ все-таки не понимаетъ, почему именно Пруссія должна служить объектомъ вознагражденія. Это тѣмъ болѣе непонятно, что Пруссія осталась единственною страною, отдѣляющею Россію отъ Франціи.

„Какъ вы хотите, Ваше Величество", сказалъ гр. Толстой, „чтобъ мы не были встревожены, когда мы видимъ, что вы дѣлаете новый наборъ въ 80.000 человѣкъ въ то самое время, когда вы сами говорите, что у васъ армія въ 800.000 человѣкъ, которую вы затрудняетесь содержать. Противъ кого могутъ быть направлены эти огромныя вооруженныя силы, которыя къ тому-же постоянно увеличиваются? Будучи союзникомъ Россіи, вы не имѣете больше на континентѣ враговъ. Если же

occupent toujours le duché de Varsovie, qu'elles y élèvent des retranchements vers nos frontières, et il me semble que ces circonstances parvenues à St.-Pétersbourg n'ont pu qu'y causer de justes appréhensions, n'étant nullement faites pour tranquilliser".

„Ces circonstances, Sire", ajouta solennellement l'ambassadeur de Russie, „me paraissent telles que jamais, et dans aucun cas, je n'aurais osé les laisser ignorer à ma Cour sans me rendre coupable envers ma patrie et mon Souverain".

L'Empereur Napoléon ne se formalisa pas de cette franchise militaire du comte Tolstoy et s'attacha à lui démontrer qu'il serait contraire à ses intérêts de procéder dans ce moment au partage de l'Empire Ottoman, car les Anglais l'empêcheraient de s'emparer d'une province turque quelconque; il comprend parfaitement le désir de la Russie de prendre possession des principautés Danubiennes, ce qui la rendrait maîtresse de la mer Noire. Toutefois si la Russie désire qu'il lui sacrifie son allié (la Turquie), elle doit consentir à lui sacrifier le sien (la Prusse). En ce qui regarde la nouvelle levée, elle était jugée nécessaire pour compléter les cadres de l'armée française. D'ailleurs, ajouta-t-il, la situation de l'Europe n'est pas telle qu'on puisse songer à un désarmement et il espère bien que la Russie non plus ne se propose d'y procéder dans ce moment.

Ici le comte Tolstoy ne put se contenir et en interrompant l'Empereur il lui dit. „Sire, vous m'avez dit que vous avez une armée de 800.000 hommes et que vous avez de la peine à l'entretenir. Avez-vous ces 800.000 hommes, ou non? Si vous ne les avez pas, pourquoi m'avez-vous assuré les avoir? Si vous les avez, pourquoi en augmentez vous le nombre et contre qui devront-ils marcher? Vous ne pouvez pas avoir d'ennemi sur le continent, tant que vous êtes assuré de l'alliance de la Russie. Vous savez que son armée ne s'élève pas au delà de 300.000 hommes. Une semblable différence ne doit-elle pas provoquer des alarmes"?

Le discours de l'ambassadeur de Russie irrita visiblement l'Empereur des Français qui

вы ей не довѣряете, то не можете требовать, чтобъ она питала къ вамъ слѣпое и безграничное довѣріе. Прибавьте еще къ тому, что ваши войска все еще занимаютъ Варшавское герцогство, что они тамъ возводятъ укрѣпленія противъ нашихъ границъ. Мнѣ кажется, что когда эти обстоятельства сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, они должны были вызвать основательныя опасенія, ибо нисколько не могли дѣйствовать успокоительнымъ образомъ".

„Эти обстоятельства", торжественно прибавилъ русскій посолъ, „мнѣ кажутся такими, что никогда и ни въ какомъ случаѣ я не осмѣлился бы ихъ скрыть отъ моего правительства, дабы не провиниться въ отношеніи моего отечества и моего Государя".

Императоръ Наполеонъ не разсердился на такую военную откровенность гр. Толстого и сталъ доказывать, что ему невыгодно раздѣлить теперь же Оттоманскую имперію, ибо Англичане будутъ ему мѣшать завладѣть какою-либо турецкою провинціею; что онъ вполнѣ понимаетъ желаніе Россіи обладать обоими Дунайскими княжествами, потому что тогда она будетъ властительницею надъ Чернымъ моремъ. Однако, если Россія желаетъ, чтобъ онъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ (Турціею), то должна также согласиться пожертвовать ея союзникомъ, т. е. Пруссіею. Что же касается до новаго рекрутскаго набора, то онъ былъ, по словамъ Наполеона, необходимъ для укомплектованія французской арміи. Наконецъ, прибавилъ онъ, положеніе Европы совсѣмъ не таково, чтобъ можно было разоружиться, и онъ надѣется, что и Россія не приступитъ къ разоруженію.

Тутъ гр. Толстой разгорячился и, прервавъ императора Наполеона, сказалъ: „Ваше Величество меня увѣряли, что у васъ армія въ 800.000 человѣкъ и что вамъ трудно ее содержать. Имѣются-ли у васъ эти 800.000 человѣкъ, или не имѣются? Если они у васъ не имѣются, то почему же вы мнѣ сказали, что ихъ имѣете? Если же вы ихъ имѣете, то почему увеличиваете ихъ число и противъ кого они пойдутъ? На материкѣ у васъ не можетъ быть врага, пока вы въ союзѣ съ Россіей. Вамъ извѣстно, что у нея всего не болѣе 300.000 человѣкъ. Развѣ подобная разница не должна вызывать тревоги?"

Рѣчь русскаго посла видимо раздражила императора французовъ, который въ отвѣтъ

dans sa réponse crut devoir s'étendre sur un grand nombre de campagnes qu'il méditait d'entreprendre. Il parla d'une expédition en Angleterre, en Suède, aux Indes, et de la nécessité d'entretenir un effectif nombreux pour surveiller les différents Etats d'Allemagne. Tous ces vastes projets militaires réclamaient nécessairement le concours d'une grande armée.

A la suite de toutes ces objections, faites avec vivacité, Napoléon finit par faire l'observation que la logique du comte Tolstoy n'était pas forte. L'ambassadeur ne se fit pas faute de répondre que celle de Napoléon était loin de le convaincre et qu'il avait l'habitude de juger d'après des faits, et non d'après des paroles.

Cette réponse de l'ambassadeur exaspéra définitivement l'Empereur des Français. Il prit son chapeau des deux mains, le jeta par terre et adressa ensuite la parole au diplomate russe en ces termes:

„Ecoutez, Mr. de Tolstoy, ce n'est plus l'Empereur des Français qui vous parle, c'est un général de division qui parle à un autre général de division; que je sois le dernier des hommes, si je ne remplis pas scrupuleusement ce que j'ai contracté à Tilsit, et si je n'évacue pas la Prusse et le duché de Varsovie, lorsque vous aurez retiré vos troupes de la Moldavie et de la Valachie. Comment pouvez-vous en douter, je ne suis ni un fou, ni un enfant pour ne pas savoir ce que je contracte, et ce que je contracte, je le remplis toujours. Et vous, quelle assurance pouvez-vous me donner?“

„Je ne crois pas, Sire“, répondit le comte Tolstoy de sang-froid, „avoir à vous en donner. Tout ce que mon Souverain promet, il le tient, et l'a prouvé en toute occasion et tout récemment encore“.

Là-dessus Napoléon donna l'assurance que dans six mois tous les malentendus seraient écartés et tous les engagements de Tilsit exécutés. Quant aux défiances avec lesquelles l'ambassadeur de Russie accueillait ses promesses, l'Empereur des Français crut devoir les attribuer au fait qu'il appartenait à un parti notoirement hostile à lui et à la France.

Le comte Tolstoy s'empressa de protester énergiquement contre cette assertion. Il dit à Napoléon que ces paroles ne pouvaient que l'humilier et le pria de vouloir bien ne pas oublier qu'il n'était le partisan ni de l'Angleterre, ni de la France, et qu'il ne voulait être que „Russe et bon Russe“, incapable de se laisser gagner

сталъ распространяться о всѣхъ возможныхъ походахъ, ему предстоящихъ. Онъ говорилъ о походѣ противъ Англіи и Швеціи, о походѣ на Индію и о необходимости содержать большую армію для наблюденія за германскими государствами. Для всѣхъ этихъ военныхъ плановъ онъ долженъ имѣть большую армію.

Всѣ эти возраженія, сдѣланныя съ горячностью, Наполеонъ окончилъ замѣчаніемъ, что логика гр. Толстого очень плоха. Посолъ не остался въ долгу и отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, логика Наполеона совсѣмъ не убѣдительна и что онъ, Толстой, всегда судитъ на основаніи фактовъ, а не однихъ словъ.

Возраженія русскаго посла окончательно взбѣсили императора французовъ. Онъ обѣими руками взялъ свою шляпу, бросилъ ее на землю и обратился къ послу съ слѣдующею рѣчью:

„Послушайте, графъ Толстой. Теперь съ вами говоритъ не императоръ французовъ, но дивизіонный генералъ другому дивизіонному генералу. Да будь я самый презрѣнный человѣкъ, если не исполню добросовѣстнѣйшимъ образомъ то, къ чему я обязался въ Тильзитѣ, и если я не очищу Пруссію и Варшавское герцогство, послѣ вывода вашихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи! Какъ вы можете въ этомъ сомнѣваться? Я не сумасшедшій и не ребенокъ, чтобъ не знать, къ чему я обязался. Къ чему же я обязался, то я всегда исполняю. А какое поручительство вы можете мнѣ дать?“

„Я не думаю“, отвѣтилъ хладнокровно гр. Толстой, „чтобъ я обязанъ былъ вамъ дать такое поручительство. Все, что мой Государь обѣщаетъ, онъ исполняетъ и онъ всегда такъ поступалъ и еще весьма недавно доказалъ это“.

Тогда Наполеонъ высказалъ убѣжденіе, что въ шесть мѣсяцевъ всѣ недоразумѣнія будутъ улажены, а всѣ Тильзитскія соглашенія будутъ исполнены. Недовѣріе же русскаго посла къ его словамъ императоръ французовъ объяснилъ принадлежностью его къ партіи, относящейся чрезвычайно враждебно къ нему и къ Франціи.

Этихъ словъ гр. Толстой не могъ оставить безъ энергическаго возраженія. Онъ сказалъ Наполеону, что эти слова его оскорбляютъ и онъ покорнѣйше просилъ не забывать, что онъ ни приверженецъ Англіи, ни приверженецъ Франціи: онъ желаетъ быть только „Русскимъ и добрымъ Русскимъ“, котораго не могутъ за-

par les séductions de la France et de l'Angleterre. C'est exclusivement au point de vue russe qu'il persistait à défendre les droits de la Russie de réunir à ses domaines les principautés Danubiennes.

Mais tous les arguments de l'ambassadeur de Russie étaient impuissants à déterminer Napoléon à se départir de sa décision de ne céder à la Russie la Moldo-Valachie que contre l'adjonction à la France de la Silésie prussienne. Bien plus, Napoléon termina cette conversation intéressante par ces paroles remarquables et imprévues:

„Et je ne vous dis pas encore que je n'évacuerai pas la Prusse, lors même que vous aurez acquis le Danube pour frontière". (Rapport du comte Tolstoy du 25 janvier (6 février) 1808).

L'ambassadeur pouvait conclure de ces paroles de Napoléon que la reprise des pourparlers au sujet de la réunion des principautés Danubiennes à la Russie était encore possible. Mais il savait que Napoléon aimait à embarrasser ses interlocuteurs par des sorties imprévues sur lesquelles c'eût été de la candeur de faire fonds. Aussi connaissait-il le prix qu'il fallait ajouter à ces dernières paroles de l'Empereur des Français, qui semblaient contenir une lueur d'espérance.

Considérant comme un devoir de maintenir avec Napoléon les relations les plus amicales et de s'efforcer de lui complaire dans la mesure du possible, le comte Tolstoy consentit à signer la convention ci-dessous (№ 497) concernant l'achat en Russie de vivres pour la flotte française que lui proposa le gouvernement français. Il était convaincu de l'inutilité de ce pacte, mais il jugeait impossible de ne pas aller au devant des désirs de Napoléon là où c'était compatible avec les intérêts de la Russie. Les prévisions du comte Tolstoy au sujet de l'absence de tout intérêt pratique pouvant se rattacher à cet acte se sont entièrement justifiées.

En ce qui concerne l'acte de démarcation ci-dessous (№ 496), ce n'est que le complément du traité de paix de Tilsit (№ 495).

влекать никакіе соблазны Франціи или Англіи. Исключительно съ русской точки зрѣнія онъ продолжалъ защищать права Россіи на присоединеніе Дунайскихъ княжествъ.

Однако, никакіе доводы русскаго посла не могли заставить Наполеона отказаться отъ своего рѣшенія не уступать Россіи Молдавію и Валахію иначе, какъ за присоединеніе къ Франціи прусской Силезіи. Этого мало: Наполеонъ покончилъ весь этотъ интересный разговоръ слѣдующими замѣчательными и совершенно неожиданными словами:

„Я вамъ еще не сказалъ, что я не выведу моихъ войскъ изъ Пруссіи даже въ томъ случаѣ, еслибъ вы пріобрѣли Дунай, какъ границу!" (Донесеніе гр. Толстого отъ 25-го января (6-го февраля) 1808 года).

Изъ этихъ словъ гр. Толстой долженъ былъ вывести заключеніе, что переговоры относительно присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ Россіи еще возможны. Но онъ зналъ, что Наполеонъ любилъ озадачивать своихъ собесѣдниковъ совершенно неожиданными выходками, на которыя положиться было бы чрезвычайно наивно. Поэтому онъ зналъ настоящую цѣну послѣднимъ словамъ императора французовъ, въ которыхъ заключался нѣкоторый лучъ надежды.

Считая своимъ долгомъ поддерживать нандружескія отношенія съ Наполеономъ и стараться угождать ему насколько возможно, гр. Толстой согласился подписать нижеслѣдующую конвенцію (№ 497) относительно покупки въ Россіи всякаго рода припасовъ для французскаго флота, предложенную ему французскимъ правительствомъ. Онъ былъ убѣжденъ въ безполезности этого соглашенія, но онъ считалъ невозможнымъ не пойдти навстрѣчу желаніямъ Наполеона тамъ, гдѣ это было возможно съ точки зрѣнія интересовъ Россіи. Предсказаніе графа Толстого относительно отсутствія большого практическаго интереса въ этомъ актѣ вполнѣ оправдалось.

Что же касается до нижеслѣдующаго демаркаціоннаго акта 1807 года (№ 496), то онъ является только дополненіемъ Тильзитскаго мирнаго трактата (№ 495).

№ 496.

Aujourd'hui 11 (23) juillet 1807, nous, comte de Tolstoy, lieutenant-général, commandant au corps russe, commandant

№ 496.

Сего дня 11 (23) іюля 1807 года мы, графъ Толстой, генералъ-лейтенантъ, командующій русскими войсками, ко-

le 1-er régiment des gardes de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier de plusieurs ordres, et

Louis Gabriel Suchet, général de division, grand cordon de la Légion d'honneur, gouverneur du palais impérial de Lacken, commandant le 5-me corps français,

chargés par Nos Souverains respectifs de déterminer les limites et de marquer les poteaux de la ligne de démarcation sur la nouvelle frontière établie entre la Russie et la Saxe, par l'articlie IX du traité de paix, ainsi conçu:

„Afin d'établir, autant qu'il est possible, des limites naturelles entre la Russie et le Duché de Varsovie, le territoire circonscrit par la partie des frontières russes actuelles qui s'étend depuis le Bug jusqu'à l'embouchure de la Lossosna et par une ligne partant de la dite embouchure et suivant le thalweg de cette rivière, le thalweg de la Bobra jusqu'à son embouchure, le thalweg de la Narew depuis le point susdit jusqu'à Suratz, de la Lisa jusqu'à sa source, près le village de Mien, de l'affluent de la Nurseck prenant sa source près le même village, de la Nurseck jusqu'à son embouchure au-dessus de Nurr et enfin le thalweg du Bug en le remontant jusqu'aux frontières russes actuelles, sera réuni à perpétuité à l'Empire de Russie."

Après avoir reconnu la ligne de démarcation tracée ci-dessus, avons procédé à l'exécution de l'article IX et fait marquer des poteaux de la manière suivante, conformément aux indications de la carte annexée au présent travail.

1° En partant de la frontière du Bug, deux poteaux ont été placés à l'embouchure de la Nurseck, l'un avec cette in-

мандиръ перваго гвардейскаго, Е. В. Императора Всероссійскаго полка, кавалеръ разныхъ орденовъ, и

Луи Габріель Сюше, дивизіонный генералъ, кавалеръ большой ленты Почетнаго легіона, губернаторъ Императорскаго дворца въ Лакенѣ, командиръ 5-го французскаго корпуса,

уполномоченные Нашими обоюдными государями опредѣлить предѣлы и означить столбы демаркаціонной линіи по новой границѣ, установленной между Россіей и Саксоніею статьею IX мирнаго трактата, такъ изложенной:

„Для постановленія между Россіею и герцогствомъ Варшавскимъ границъ сколь можно естественныхъ, область, окруженная частію настоящихъ границъ Россійскихъ, простирающеюся отъ Буга до устья Лоссосны, и линіею, идущею отъ помянутаго устья и слѣдующею по талвегу сей рѣки, по талвегу Бобры до ея устья, по талвегу Нарева отъ вышепомянутаго мѣста до Суратца, по талвегу Лисы до ея истока подлѣ деревни Міенъ, по талвегу протока, впадающаго въ Нурчекъ, подлѣ той же деревни выходящаго до его устья выше Нурра и, наконецъ, по талвегу Буга вверхъ до настоящихъ границъ Россійскихъ, присоединяется на вѣчныя времена къ Имперіи Россійской".

По обозрѣніи вышеозначенной демаркаціонной линіи, приступили къ выполненію IX статьи и обозначили столбы слѣдующимъ образомъ, соотвѣтственно указаніямъ карты, приложенной къ настоящему труду.

1° Начиная отъ границы по Бугу, два столба были поставлены при устьѣ Нурчека, одинъ съ надписью „*Коро-*

scription „*Royaume de Saxe, Duché de Varsovie*“ sur la rive droite; l'autre sur la rive gauche portant ces mots en langue russe „*Empire de Russie*“;

de là en remontant la Nurseck, deux poteaux semblables sur le pont de Cechanowiez et deux au passage du moulin de Kutzin.

La nature du terrain rendant l'approche impossible à l'embouchure de l'affluent du Nurseck appellé Mianka, deux poteaux ont été mis un peu plus haut au village de Mien; puis remontant la Markowka, bras du Mianka, deux autres au point d'intersection du chemin de Briansk, par Pruschanka à Wisokie Mazowicki.

2° Au pont de Markowo, l'intervalle entre la Markowka et la source de la Lisa laissant une petite portion de frontière sêche, nous avons déterminé de suivre pour limite la grande route de Markowo à Hodiszewo et de là une ligne droite, jusqu'au premier pont de la Lisa, attendu que cette rivière n'offre audessus de ce point qu'un marais fangeux, sans aucun cours d'eau apparent; en conséquence trois poteaux ont été plantés au pont de Markowo, trois autour de Hodiszewo, laissant un rayon de soixante toises et le village dans la frontière de Saxe; deux autres au pont indiqué ci-dessus, deux au moulin de Lisa, deux en descendant, au village de Pietkowo et enfin deux au pont qui traverse la Lisa à son embouchure près de Suratz.

3° Depuis Suratz descendant la Narew dont tout le cours dans cette partie n'est qu'un marécage parsemé d'isles de roseaux, et d'une grande largeur

левство Саксонское, Герцогство Варшавское“ на правомъ берегу; другой на лѣвомъ берегу съ надписью на русскомъ языкѣ „*Россійская Имперія*“;

отсюда вверхъ по Нурчеку, два подобныхъ же столба на мосту Цехановецкомъ и два у перевоза при Кутчинской мельницѣ.

Такъ какъ почва земли при впаденіи притока именуемаго Мьянка въ Нурчекъ оказывалась недоступною, то два столба поставлены были нѣсколько выше у деревни Міенъ, потомъ слѣдуя по Марковкѣ, рукаву Мьянки, два другихъ столба въ пунктѣ пересѣченія дороги изъ Брянска дорогою изъ Пружанки въ Высокіе Мазовицки.

2° Такъ какъ у моста въ Марково, въ промежуткѣ между Марковкой и источникомъ Лисы, оставался небольшой участокъ сухопутной границы, то мы рѣшили принять за границу большую дорогу изъ Марково въ Годищево и отсюда прямую линію до перваго моста на рѣкѣ Лисѣ, имѣя въ виду, что эта рѣка выше сего моста представляетъ только топкое болото, безъ всякаго признака теченія; вслѣдствіе сего три столба были поставлены у моста въ Марково, три вокругъ Годищево, при чемъ пространство въ шестьдесятъ туазовъ и деревня были оставлены въ предѣлахъ Саксоніи; два другихъ у вышеуказаннаго моста, два близъ мельницы на Лисѣ, два спускаясь ниже при деревнѣ Петково, и, наконецъ, два у моста, перекинутаго чрезъ р. Лису при ея устьѣ близъ Суратца.

3° Отъ Суратца спускаясь по Нареву, все теченіе котораго въ этой части есть ничто иное, какъ болото, усѣянное тростниковыми островками и значи-

d'eaux stagnantes où il est presqu'impossible de déterminer un thalweg; nous avons fait placer sur le terrain ferme des deux rives deux poteaux à Choroscz au bacq de la route Bialystock et deux à Tycotzin sur la route de Knisczin.

4° En prenant le cours de la Bobra à son embouchure dans la Narew près de Wizna, des poteaux semblables ont été placés à l'embouchure et sur les points de Ossowiecz ou de Goniondz, de Stabin, de Serbetowo et de Lipsk.

5° De là remontant le cours de l'eau on trouve près de Bohaze un marais qui a un versant à l'Ouest sous le nom de Bobra et un autre à l'Est sous le nom de Pipilia; la vallée n'est point interrompue, mais au contraire encaissée entre des collines élevées et partout marécageuse, c'est un véritable lit de grande rivière, plus difficile à passer que des eaux courantes et offrant ainsi une limite naturelle des plus heureuses. Selon la lettre et l'esprit de l'article IX des poteaux ont été plantés près du point de partage des eaux à Rohazc, Tomazc et Waruli, plus bas en descendant au confluent de la Pipilia et de la Lossosna, et enfin à l'embouchure de la Lossosna dans le Niémen vis-à-vis Grodno.

Ayant terminé cette opération de concert, nous avons fait dresser la carte et le présent procès-verbal, ajoutant seulement par observation que toutes ces rivières, même les plus petites prises pour limites, malgré le peu d'étendue de leur lit offrent partout une grande largeur de marais impraticables au mois de juillet, époque où la vérification actuelle a eu lieu et formant par conséquent toute l'année, dans l'espace de près

тельной ширины стоячими водами, гдѣ почти невозможно опредѣлить русло, мы поставили на твердой почвѣ обоихъ береговъ два столба въ Хорощѣ при паромѣ бѣлостокской дороги и два въ Тыкотчинѣ на дорогѣ въ Кничинъ.

4° Слѣдуя по теченію Бобра до его впаденія въ Наревъ близъ Визны, подобные же столбы были поставлены при его устьѣ и на пунктахъ Оссовечъ или Гоньондзь, Стабинъ, Сербетово и Липскъ.

5° Отсюда въ верхъ по теченію находится близъ Богаже болото, имѣющее истокъ на западъ подъ именемъ Бобра, а другой на востокъ подъ названіемъ Пипилія; долина совсѣмъ не прерывается, но, напротивъ, заключена между возвышенными холмами: она повсюду болотиста и представляетъ настоящее русло большой рѣки, болѣе трудное для перехода, нежели проточныя воды, и составляетъ такимъ образомъ наиболѣе подходящую естественную границу. Согласно буквѣ и смыслу IX статьи столбы поставлены были близъ пункта раздѣла водъ въ Рохачѣ, Томачѣ и Варули, далѣе, спускаясь ниже, при сліяніи Пипиліи и Лососны, и, наконецъ, при впаденіи Лососны въ Нѣманъ, противъ Гродно.

Окончивъ въ согласіи сію работу, мы приказали составить карту и настоящій протоколъ, присовокупляя только въ видѣ примѣчанія, что всѣ сіи рѣки, даже самыя малыя, принятыя въ качествѣ пограничныхъ, не смотря на небольшую свою ширину, представляютъ повсюду огромныя пространства болотъ непроходимыхъ въ іюлѣ, когда имѣла мѣсто нынѣшняя провѣрка, а, слѣдовательно, образующихъ

de 80 lieues, une très bonne frontière de part et d'autre.

Le comte de Tolstoy ayant été empêché de parcourir lui-même la frontière, a désigné Mr. le comte de Wittgenstein, général-major, chef d'une brigade et chevalier de plusieurs ordres, pour la parcourir à sa place, en souscrivant à tout ce qui a été fait par lui à cet égard.

Fait en double expédition à Bialystock, le 23 (11) juillet 1807.

Lieutenant-général comte de Tolstoy.
Le général de division L. G. Suchet.
Le général-major comte Wittgenstein.

№ 497.

L'intention de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et de S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie et Protecteur de la Confédération du Rhin, étant de faire concourir au plus grand avantage des deux Empires, leurs produits, leur commerce et leur industrie, et voulant en conséquence imprimer aux transactions qui auront lieu à cet effet, le caractère propre à favoriser toute leur extension, et assurer à leurs résultats une garantie indépendante de tous les événements;

Nous, Pierre comte de Tolstoy, lieutenant-général des armées de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Sénateur, Commandant du régiment des gardes de Préobragensky, chevalier des ordres de St. Alexandre Newsky, Ste. Anne de 1ère classe, St. Georges de la 3ème, d'une part,

Et Denis Decrès, Vice-amiral, Mi-

въ продолженіе цѣлаго года, на пространствѣ около 80 миль очень хорошую границу съ той и другой стороны.

Такъ какъ графъ Толстой не могъ самъ объѣхать границы, то поручилъ графу Витгенштейну, генералъ-маіору, бригадному командиру и кавалеру разныхъ орденовъ, объѣхать границу вмѣсто него, и подписалъ все, что сдѣлано было имъ по сему предмету.

Учинена въ двухъ спискахъ въ Бѣлостокѣ, 23 (11) іюля 1807.

Генералъ-лейтенантъ графъ Толстой.
Дивизіонный генералъ Л. Г. Сюше.
Генералъ-маіоръ графъ Витгенштейнъ.

№ 497.

Въ виду намѣренія Е. В. Императора Всероссійскаго и Е. В. Императора Французовъ, короля Италійскаго и протектора Рейнскаго Союза содѣйствовать наибольшей пользѣ двухъ Имперій, ихъ произведеніямъ, торговлѣ и промышленности, желая вслѣдствіе сего придать соглашеніямъ, на сей конецъ имѣющимъ послѣдовать, характеръ, благопріятствующій всей ихъ широтѣ и обезпечивающій ихъ результатамъ силу, независящую ни отъ какихъ событій,

мы, графъ Петръ Толстой, генералъ-лейтенантъ Е. В. Императора Всероссійскаго, чрезвычайный и полномочный посолъ при Е. В. Императорѣ Французовъ, королѣ Италійскомъ, сенаторъ, командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, кавалеръ орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Анны первой степени, Св. Георгія третьей степени и пр., съ одной стороны,

и Денисъ Декрэ, вице-адмиралъ,

nistre de la marine de S. M. l'Empereur des Français, grand officier de l'Empire, grand-aigle de la Légion d'honneur, grand-croix de l'ordre d'Espagne de Charles trois, d'autre part,

L'un et l'autre dûment autorisés par nos augustes Souverains, avons arrêté la convention suivante.

морской министръ Е. В. Императора Французовъ, кавалеръ почетнаго Легіона большаго орла, Испанскаго ордена Карла III большаго креста, съ другой стороны;

и тотъ, и другой, надлежаще уполномоченные своими августѣйшими Государями, согласились о нижеслѣдующей конвенціи.

Article I.

Le Ministre de la marine de France traitera, ou fera traiter en Russie de l'achat des munitions navales dont les circonstances comporteront l'approvisionnement.

Статья I.

Французскій морской министръ будетъ или производить поручитъ производить въ Россіи покупку морскихъ припасовъ, заготовленіе коихъ по обстоятельствамъ окажется возможнымъ.

Article II.

Les munitions achetées conformément à l'article ci-dessus, seront déposées et conservées en Russie sous l'inspection immédiate des agents employés par le gouvernement français et à ses frais, mais sous la protection particulière de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, jusqu'à ce que le Ministre de la marine de France donne des ordres pour leur expédition.

Статья II.

Купленные согласно предыдущей статьѣ припасы будутъ складываться и храниться въ Россіи подъ непосредственнымъ надзоромъ нанятыхъ французскимъ правительствомъ агентовъ и за его счетъ, но будутъ пользоваться особымъ покровительствомъ Е. В. Императора Всероссійскаго во все время, пока французскій морской министръ не сдѣлаетъ распоряженій объ ихъ отправкѣ.

Article III.

Dans le cas (ce qu'à Dieu ne plaise) où la bonne harmonie qui unit si heureusement les deux Empires viendrait à être troublée, S. M. l'Empereur de toutes les Russies, garantit de toute confiscation et sequestre les munitions navales qui se trouveraient alors en Russie, et qui auraient été achetées en vertu, ou sous la foi de la présente convention; et Sa Majesté leur conservera sa protection Impériale, soit qu'elles soient dans leurs

Статья III.

Въ случаѣ, еслибъ, Боже упаси, доброе согласіе, столь счастливо соединяющее обѣ Имперіи, нарушилось, Е. В. Императоръ Всероссійскій обезпечиваетъ отъ всякой конфискаціи и секвестра тѣ морскіе припасы, которые тогда находились бы въ Россіи и были куплены въ силу или въ виду настоящей конвенціи, и Его Величество сохранитъ за ними Императорское свое покровительство, будутъ ли

dépôts, ou qu'elles n'y soient pas encore parvenues.

ARTICLE IV.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies voulant donner une preuve de son désir de concourir au rétablissement de la marine française, consent à ce qu'il soit construit dans les ports de Russie, pour le compte et aux frais de la France, un certain nombre de vaisseaux de ligne et autres bâtiments de guerre, et la même garantie stipulée ci-dessus pour les munitions navales est assurée à ces constructions.

ARTICLE V.

La présente convention sera exécutée selon sa forme et teneur, et dans tout ce en quoi elle ne serait pas suffisamment explicite, elle sera interprétée de bonne foi, selon les règles applicables aux transactions commerciales entre particuliers étrangers à tous événements politiques.

Fait à Paris, le 24 janvier (5 février) 1808.

Comte de Tolstoy.

Decrès.

они уже въ складахъ, или еще сюда не прибудутъ.

СТАТЬЯ IV.

Е. В. Императоръ Всероссійскій, въ доказательство желанія своего споспѣшествовать возстановленію французскаго флота, соглашается, чтобы въ Россійскихъ портахъ было построено для Франціи и за ея счетъ нѣкоторое число линейныхъ кораблей и другихъ военныхъ судовъ, съ распространеніемъ на эти постройки той же гарантіи, какая выговорена выше въ пользу морскихъ припасовъ.

СТАТЬЯ V.

Настоящая конвенція будетъ исполняться по ея буквѣ и содержанію, а въ чемъ она оказалась бы недостаточно ясною, во всемъ томъ она будетъ истолкована добросовѣстно, по правиламъ, примѣняемымъ въ коммерческихъ соглашеніяхъ между партикулярными лицами, не причастными ни къ какимъ политическимъ событіямъ.

Въ Парижѣ, 24 января (5 февраля) 1808 года.

Графъ Толстой.

Декрэ.

№ 498.

1808, 30 septembre (12 octobre). Convention d'alliance, conclue à Erfurt.

№ 498.

1808 г., сентября 30-го (окт. 12-го). Союзная конвенція, заключенная въ Эрфуртѣ.

C'est au commencement de 1808 que le moment semblait venu d'élucider les relations mutuelles entre la Russie et la France; c'était impérieusement commandé par la nécessité de sauvegarder l'alliance contractée à Tilsit. Les dissentiments se manifestaient entre les deux Empereurs alliés

Въ началѣ 1808 года наступилъ моментъ, когда лучшее выясненіе взаимныхъ отношеній между Россіей и Франціей требовалось крайнею необходимостью поддерживать дальнѣйшее существованіе заключеннаго въ Тильзитѣ союза. Разногласія между обоими императорами-союз-

dans toutes les principales questions politiques, mises à l'ordre du jour. Caulaincourt à St. Pétersbourg et le comte Tolstoy à Paris rendaient compte à leurs gouvernements de leurs réclamations mutuelles qu'ils cherchaient en toute conscience à régler par des compromis, mais leurs efforts restaient malheureusement stériles.

Le gouvernement français avait visiblement du déplaisir à traiter avec le comte Tolstoy avec lequel il ne parvenait pas à s'entendre. Selon les assurances de Champagny, l'ambassadeur de Russie ne s'appliquait qu'à sauvegarder les intérêts de la Prusse et se montrait assez indifférent à la réunion des principautés Danubiennes à la Russie. „Tout ce qui touche la maison de Prusse excite en lui les plus tendres émotions". C'est dans ces termes que s'exprimait le ministre des affaires étrangères de France dans une dépêche à Caulaincourt en date du 2/14 janvier 1808. En général, le gouvernement français reprochait au comte Tolstoy de se laisser trop entraîner par ses sentiments personnels. On le soupçonnait même de s'écarter parfois de ses instructions.

D'autre part, Caulaincourt, en rendant compte de ses entretiens avec l'Empereur Alexandre et le comte Roumiantzow ne cessait d'affirmer que le Souverain, aussi bien que le ministre, ne songeaient pas à renoncer aux principautés Danubiennes, mais que l'un et l'autre refusaient catégoriquement leur consentement à l'occupation de la Silésie par la France.

Dans ces conditions l'Empereur Napoléon jugea opportun d'aller au devant des désirs du gouvernement russe quant à la Turquie, et de créer un nouveau terrain pour un accord complet entre les deux alliés. C'est ce problème que devait résoudre sa lettre remarquable adressée à l'Empereur Alexandre I en date 21 janvier (2 février) 1808.

Après le retour de Savary à Paris Napoléon eut quelques entretiens avec lui et s'arrêta à la conviction de la nécessité de consolider ses liens d'alliance avec la Russie et d'élucider plus clairement le plan de leur action commune.

„Aucun sentiment de jalousie ne m'anime contre la Russie", écrivait Napoléon, „mais le désir de sa gloire, de sa prospérité, de son extension. Votre Majesté veut-elle permettre un avis à une personne qui fait profession de lui être tendrement et vraiment dévouée? Votre Majesté a besoin d'éloigner les Suédois de sa capitale;

никами обнаруживались во всѣхъ главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ, поставленныхъ на очередь. Коленкуръ въ С.-Петербургѣ и гр. Толстой въ Парижѣ постоянно доносили о взаимныхъ претензіяхъ, для улаженія которыхъ оба посла добросовѣстнымъ образомъ искали удобной почвы. Но ихъ усилія оказались тщетными.

Французское правительство питало серьезное неудовольствіе противъ гр. Толстого, съ которымъ оно никакъ немогло поладить. Русскій посолъ, по словамъ Шампаньи, исключительно оберегаетъ интересы Пруссіи и довольно равнодушно относится къ присоединенію Дунайскихъ княжествъ къ Россіи. „Все, что касается до прусской династіи, возбуждаетъ въ немъ самыя горячія симпатіи". Такъ писалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Коленкуру 2-го (14-го) января 1808 года. Вообще, графу Толстому французское правительство ставило въ упрекъ, что онъ слишкомъ увлекается своими собственными личными чувствами. Даже его заподозрили въ неисполненіи данныхъ ему инструкцій.

Съ другой стороны, Коленкуръ, донося о своихъ разговорахъ съ Императоромъ Александромъ и графомъ Румянцевымъ, долженъ былъ постоянно подтверждать, что ни Александръ I, ни его министръ не хотятъ отказаться отъ своихъ претензій на Дунайскія княжества, но, въ то же время, оба категорически отказываются согласиться на захватъ Силезіи Франціей.

При такихъ обстоятельствахъ императоръ Наполеонъ призналъ, наконецъ, нужнымъ пойти навстрѣчу русскимъ вождѣленіямъ относительно Турціи и создать новую почву для полнаго соглашенія съ своимъ союзникомъ. Эту задачу должно было разрѣшить его знаменитое письмо къ Императору Александру I отъ 21-го января (2-го февр.) 1808 года.

Послѣ возвращенія Савари въ Парижъ, Наполеонъ имѣлъ съ нимъ нѣсколько бесѣдъ, которыя привели его къ убѣжденію въ необходимости лучше закрѣпить союзныя узы съ Россіей и лучше выяснить планъ общихъ дѣйствій.

„Я не испытываю ни малѣйшаго чувства зависти къ Россіи", пишетъ Наполеонъ, „а только желаю ея славы, процвѣтанія и расширенія. Позволите ли Ваше Величество особѣ, которая выказываетъ вамъ нѣжную и искреннюю привязанность, подать вамъ совѣтъ? Вашему Величеству необходимо удалить Шведовъ отъ

qu'elle étende de ce côté ses frontières aussi loin qu'elle le voudra, je suis prêt à l'y aider de tous mes moyens".

Mais les visées de Napoléon allaient bien plus loin; ce n'est pas en vain qu'il consentit à assister la Russie contre la Suède, cette alliée de la France depuis le XVII siècle.

„Une armée de 50.000 hommes, russe, française, peut-être même un peu autrichienne qui se dirigerait par Constantinople sur l'Asie", poursuit-il, „ne serait pas arrivée sur l'Euphrate qu'elle ferait trembler l'Angleterre et la mettrait aux genoux du continent. Je suis en mesure en Dalmatie; Votre Majesté l'est sur le Danube. Un mois après que nous en serions convenus, l'armée pourrait être sur le Bosphore. Le coup en retentirait aux Indes et l'Angleterre serait soumise".

„Je ne me refuse", poursuit Napoléon, „à aucune des stipulations préalables, nécessaires pour arriver à un si grand but. Mais l'intérêt réciproque de nos deux Etats doit être combiné et balancé. Cela ne peut se faire que dans une entrevue avec Votre Majesté ou bien après de sincères conférences entre Roumiantzow et Caulaincourt et l'envoi ici d'un homme qui fût bien dans le système".

„Mr. de Tolstoy est un brave homme, mais il est rempli de préjugés et de méfiance contre la France et est bien loin de la hauteur des événements de Tilsit et de la nouvelle position où l'étroite amitié qui régne entre Votre Majesté et moi a placé l'univers. Tout peut-être signé et décidé avant le 15 mars. Au 1 mai nos troupes peuvent être en Asie, et à la même époque les troupes de Votre Majesté à Stockholm. Alors les Anglais, menacés dans les Indes, chassés du Levant, seront écrasés sous le poids des événements dont l'atmosphère sera chargée".

„Votre Majesté et moi aurions préféré la douceur de la paix et de passer notre vie au milieu de nos vastes empires, occupés de les vivifier et de les rendre heureux par les arts et les bienfaits de l'administration: les ennemis du monde ne le veulent pas. Il faut être plus grands, malgré nous".

„Il est de la sagesse et de la politique", dit Napoléon en terminant cette lettre remarquable à l'Empereur Alexandre, „de faire ce que le destin ordonne et d'aller où la marche irrésistible des événements nous conduit. Alors cette nuée

своей столицы; протяните съ этой стороны свою границу насколько вамъ угодно будетъ. Я всѣми своими силами готовъ помогать вамъ въ этомъ".

Однако, замыслы Наполеона шли гораздо дальше: онъ недаромъ согласился помогать Россіи противъ Швеціи—этой союзницы Франціи съ половины XVII вѣка.

„Еслибъ армія изъ 50,000 человѣкъ", продолжаетъ онъ, „Русскихъ, Французовъ, пожалуй даже немножко Австрійцевъ, направилась чрезъ Константинополь въ Азію и появилась на Евфратѣ, то она заставила бы трепетать Англію и повергла бы ее къ ногамъ материка. Я готовъ въ Далмаціи; Ваше Величество готовы на Дунаѣ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы условились бы, эта армія могла бы быть на Босфорѣ. Ударъ этотъ отразился бы въ Индіи и Англія была бы покорена".

„Я не отказываюсь", продолжаетъ Наполеонъ, „ни отъ какихъ необходимыхъ предварительныхъ условій для достиженія такой великой цѣли. Но взаимная выгода обоихъ нашихъ государствъ должна быть расчитана и взвѣшена. Это можетъ состояться только при свиданіи съ Вашимъ Величествомъ, или же послѣ зрѣлыхъ обсужденій между Румянцевымъ и Колевкуромъ и присылки сюда человѣка, который былъ бы хорошо знакомъ съ этой системой".

„Г. Толстой прекрасный человѣкъ, но онъ преисполненъ предубѣжденій и недовѣрія къ Франціи и очень далекъ отъ величія Тильзитскихъ событій и того новаго положенія, въ которое поставленъ свѣтъ, благодаря тѣсной дружбѣ, господствующей между Вашимъ Величествомъ и мною. Все можетъ быть подписано и рѣшено до 15-го марта. Къ первому мая наши войска могутъ быть въ Азіи и въ то же время войска Вашего Величества въ Стокгольмѣ. Тогда Англичане, угрожаемые въ Индіи, изгнанные съ Востока, будутъ раздавлены подъ тяжестью событій, которыми будетъ насыщена атмосфера".

„Ваше Величество и я предпочли бы вкушать сладости мира и проводить нашу жизнь среди нашихъ обширныхъ имперій, занимаясь ихъ оживленіемъ и осчастлививая ихъ искусствами и благодѣяніями управленія. Враги всего міра этого не желаютъ. Мы должны быть поневолѣ болѣе великими!"

„Благоразумно и политично", заключаетъ Наполеонъ свое важное письмо къ Императору Александру I, „дѣлать то, что судьба намъ повелѣваетъ, и идти туда, куда ведетъ насъ непреодолимый ходъ событій. Тогда эта тучка

de pygmées qui ne veulent pas voir que les événements actuels sont tels qu'il faut en chercher la comparaison dans l'histoire, et non dans les gazettes du dernier siècle, fléchiront et suivront le mouvement que Votre Majesté et moi aurons ordonné et les peuples russes seront contents de la gloire, des richesses et de la fortune qui seront le résultat de ces grands événements".

„Dans ce peu de lignes, j'exprime à Votre Majesté mon âme tout entière. L'ouvrage de Tilsit réglera les destins du monde. Peut-être de la part de Votre Majesté et de la mienne, un peu de pusillanimité nous portait à préférer un bien certain et présent à un état meilleur et plus parfait; mais puisqu'enfin l'Angleterre ne veut pas, reconnaissons l'époque arrivée des grands changements et des grands événements".

Cette lettre de février que nous venons de citer presque *in extenso*, prouve comme Napoléon comprenait parfaitement les dispositions morales et les vues politiques de son auguste allié, l'Empereur Alexandre. Ce plan, si magistralement ébauché d'une action commune de la Russie et de la France contre la Suède et les Indes, devait nécessairement entraîner une nature aussi impressionnable que celle de l'Empereur de Russie. La perspective d'atteindre Stockholm après l'incorporation de la Finlande, et le consentement de Napoléon au partage de la Turquie devraient, aux yeux d'Alexandre I, relever la valeur de l'alliance française. Mais il n'est guère permis de douter que par cette lettre Napoléon n'ait eu que l'intention de jeter de la poudre aux yeux à son allié et de l'entraîner par le mirage de ces plans politiques si grandioses. De fait il ne désirait ni la chute de l'Empire Ottoman, ni l'accroissement des possessions russes au midi de l'Europe.

Pour amener l'Empereur Alexandre à ajouter une confiance sans réserve aux paroles de son ami et allié, Napoléon devait obtenir préalablement le rappel du comte Tolstoy de son poste d'ambassadeur de Russie à Paris. Il savait parfaitement que le comte se défiait toujours de ses assurances et qu'il ne cessait de prémunir son souverain contre ses intentions perfides à l'égard de la Russie. Voici pourquoi Napoléon insiste sur l'envoi à Paris d'un autre négociateur pour traiter des projets grandioses, ébauchés dans sa lettre du mois de février. Selon l'avis de l'Empereur des Français, le comte Tolstoy n'était pas à la hauteur des vastes combinaisons, projetées à Tilsit.

пигмеевъ, которые не хотятъ понять, что настоящія событія таковы, что подобія имъ слѣдуетъ искать въ исторіи, а не въ газетахъ послѣдняго столѣтія, смирится, послѣдуетъ за движеніемъ, которое мы съ Вашимъ Величествомъ направимъ, и русскій народъ будетъ доволенъ славою, богатствомъ и счастіемъ, которыя будутъ послѣдствіями этихъ великихъ событій".

„Въ этихъ немногихъ строкахъ я высказываю Вашему Величеству всю свою душу. Тильзитское дѣло установитъ судьбу всего свѣта. Можетъ быть нѣкоторое малодушіе со стороны Вашего Величества и моей склоняло насъ предпочесть вѣрное и минутное благо лучшему и болѣе совершенному положенію, но такъ какъ наконецъ Англія не желаетъ этого, то признаемъ, что наступило время важныхъ перемѣнъ и великихъ событій".

Приведенное, почти цѣликомъ, февральское письмо Наполеона служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ глубокаго пониманія Наполеономъ I душевнаго настроенія и политическихъ плановъ своего августѣйшаго союзника Императора Александра. Мастерски набросанный планъ общихъ дѣйствій Россіи и Франціи противъ Швеціи и въ Индіи не могъ не увлечь впечатлительную натуру русскаго Императора. Возможность дойти до Стокгольма, послѣ присоединенія Финляндіи, и согласіе Наполеона на раздѣлъ Турціи не могли не возвысить въ глазахъ Александра I цѣнность его союза съ Франціей. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Наполеонъ своимъ письмомъ только хотѣлъ пустить пыль въ глаза своему союзнику и увлечь его миражемъ великолѣпныхъ политическихъ плановъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не желалъ ни паденія Оттоманской имперіи, ни увеличенія русскихъ владѣній на Югѣ Европы.

Для того, чтобъ Императоръ Александръ слѣпо вѣрилъ въ слова своего друга и союзника, Наполеонъ долженъ былъ добиться удаленія гр. Толстого съ поста русскаго посла въ Парижѣ. Онъ отлично зналъ, что гр. Толстой относится крайне недовѣрчиво къ его словамъ и постоянно предостерегаетъ своего Государя насчетъ коварныхъ его замысловъ относительно Россіи. Вотъ почему Наполеонъ требуетъ присылки въ Парижъ другого человѣка для переговоровъ съ нимъ о грандіозныхъ планахъ, набросанныхъ въ февральскомъ письмѣ. Гр. Толстой не находился, по мнѣнію императора французовъ, на высотѣ великихъ плановъ, проектированныхъ въ Тильзитѣ.

Toutefois aussi longtemps qu'il ne fut rappelé, Napoléon ne manquait pas de lui témoigner les plus grands égards. Le comte Tolstoy ne restait pas moins fidèle à ses défiances et ne cessait d'adresser à ce sujet des avertissements à son gouvernement, bien que celui-ci s'abstenait de combattre ou d'approuver ses vues sur la situation générale de l'Europe. Dans sa lettre au comte Roumiantzow du 16 (28) février 1808, l'ambassadeur dit qu'il reconnait l'inutilité de ses avertissements, mais qu'il ne croit pas moins de son devoir de faire connaître toute la vérité, savoir qu'il est impossible de se fier à l'Empereur des Français et à ses ministres.

„Tout me prouve en lui", écrit le comte Tolstoy dans le rapport susmentionné, „un désir bien prononcé, et formé même depuis Tilsit, de traîner ces affaires en longueur. Dans cette intention il nous a suggéré l'idée d'acquérir la Moldavie et la Valachie, il l'a saisie avec empressement, lorsque S. M. l'Empereur l'énonça, et nous a promis verbalement de la favoriser, tout en stipulant dans le traité l'évacuation de ces deux provinces". Les vues hostiles de Napoléon à l'égard de la Russie ne souffraient aucun doute pour le comte Tolstoy. Il demanda au comte Roumiantzow ce que la Russie pouvait opposer à une armée française de 200.000 hommes? L'ambassadeur de Russie admirait en toute sincérité le génie de Napoléon et son énergie insurmontable, aussi croyait-il de son devoir de prémunir son pays contre le grand danger dont il le voyait menacé. Il redoutait tellement l'action charmeuse de l'Empereur des Français sur son souverain qu'il suppliait celui-ci de décliner toute ouverture de Napoléon au sujet d'une entrevue personnelle. Le comte Tolstoy prévoyait dans une nouvelle rencontre de cette nature: „la perte de la Russie", car il est certain qu'on y signerait des engagements qui „mettront le comble à ses malheurs".

Le comte Tolstoy devait se convaincre bientôt que tous ses avertissements faisaient peu d'impression à St. Pétersbourg et qu'il prêchait dans un désert. Le Vice-Chancelier ne fit aucune réponse à ses appels chaleureux à la prudence, et l'Empereur Alexandre qui l'aimait sincèrement finit par arriver à la conviction que son ambassadeur était un homme d'un caractère difficile et intraitable. La lettre de Napoléon de février produisit sur lui une profonde impression. L'entrevue d'Erfurt eut lieu en dépit des conseils et des supplications du comte Tolstoy.

Однако, пока гр. Толстой не былъ отозванъ, Наполеонъ продолжалъ выказывать ему особенный почетъ и явную милость. Только графъ оставался вѣрнымъ своей подозрительности и неуклонно предостерегалъ свое правительство, несмотря на то, что оно не „опровергало и не одобряло" его взгляды на общее положеніе Европы. Въ письмѣ отъ 16-го (28-го) февраля 1808 года къ графу Румянцеву, посолъ высказываетъ убѣжденіе, что, не смотря на безполезность его предостереженій, онъ все-таки обязанъ сказать всю правду, которая заключается въ томъ, что совершенно нельзя вѣрить императору французовъ и его министрамъ.

„Все меня убѣждаетъ", писалъ гр. Толстой въ упомянутомъ донесеніи, „въ существованіи у Наполеона сильнаго желанія, сложившагося уже въ Тильзитѣ, откладывать эти дѣла въ долгій ящикъ. Съ этимъ умысломъ онъ намъ подсказалъ мысль о пріобрѣтеніи Молдавіи и Валахіи и онъ ее поспѣшно подхватилъ, когда она была принята Его Императорскимъ Величествомъ, и онъ намъ словесно обѣщалъ ее поддерживать въ то время, когда онъ въ трактатѣ постановилъ объ очищеніи этихъ обѣихъ провинцій". Враждебные планы Наполеона противъ Россіи не подлежали для гр. Толстого ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ спросилъ графа Румянцева: что Россія можетъ противопоставить французской арміи въ 200,000 человѣкъ? Русскій посолъ искренно удивлялся геніальнымъ способностямъ и несокрушимой энергіи Наполеона и именно поэтому остерегалъ свое отечество отъ угрожающей ему великой опасности. Онъ настолько опасался чарующаго вліянія личности императора французовъ, что умолялъ своего Государя не принимать предложенія Наполеона о личномъ съ нимъ свиданіи. Въ такомъ новомъ свиданіи Толстой предвидѣлъ „потерю Россіи", ибо на немъ будутъ, навѣрно, подписаны такія соглашенія, которыя „послужатъ завершеніемъ всѣхъ ея несчастій".

Гр. Толстой принужденъ былъ весьма скоро убѣдиться, что его предостереженія производятъ очень мало впечатлѣнія въ Петербургѣ и остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ Вице-Канцлеръ ничего не отвѣтилъ на его горячія воззванія къ осторожности и бдительности, а Императоръ Александръ, искренно любившій гр. Толстого, пришелъ мало по малу къ убѣжденію, что его посолъ человѣкъ тяжелаго и почти несноснаго характера. Февральское письмо Наполеона произвело на него глубокое впечатлѣніе, и Эрфуртское свиданіе сос-

A la fin de février Caulaincourt reçut la lettre de Napoléon du 2 février et la remit aussitôt personnellement à l'Empereur Alexandre qui se mit à la lire en sa présence. Après en avoir lu la première moitié, l'Empereur en resta visiblement satisfait et en poursuivant la lecture il s'écria subitement: „Voilà de grandes choses!“ Ensuite il répéta à plusieurs reprises: „Voilà le style de Tilsit!“ „Voilà le grand homme!“

Après avoir terminé cette lecture, il prit la main de l'ambassadeur de France, avec une visible émotion, et lui dit: „Dites à l'Empereur combien je suis touché de sa confiance, combien je désire le seconder. Vous êtes témoin de la manière dont je reçois sa lettre, je veux vous la lire“. L'Empereur lut la lettre de Napoléon à haute voix en s'arrêtant à chaque phrase et, cette lecture achevée, il dit à l'ambassadeur: „Général, je vous parle franchement, cette lettre me fait grand plaisir: c'est le langage de Tilsit. L'Empereur peut compter sur moi, car je n'ai point changé de ton; vous le savez“.

Ensuite l'Empereur Alexandre se mit à développer avec entraînement les plans politiques, exposés dans la lettre de Napoléon. Il dit que Caulaincourt et le comte Roumiantzow pouvaient commencer les pourparlers et préparer le terrain à un accord complet. Il se serait rendu lui-même volontiers à Paris, fût ce même „comme courrier“, pour voir Napoléon, mais malheureusement il ne peut pas quitter la Russie. Il ne manquera pas de s'y rendre, mais plus tard.

Quant au désir exprimé par l'Empereur des Français au sujet de l'envoi „d'un homme de confiance“, il comprend parfaitement ce désir. Mais où le trouver? „L'Empereur a vu par Tolstoy que je n'en avais pas“, dit Alexandre I à l'ambassadeur de France, „en connaîtriez-vous un ici? J'ai choisi Tolstoy parce qu'il n'est pas intrigant; eh bien, il ne mène pas les affaires. L'Empereur n'est pas content de lui: de vous à moi, je m'en aperçois depuis longtemps“. C'est ainsi que le sort de Tolstoy fut décidé et son crédit aux yeux de l'Empereur fut perdu irrévocablement.

En prenant congé de Caulaincourt, Alexandre I le chargea de témoigner à Napoléon ses sentiments de reconnaissance. Le soir, au bal de

тоялось вопреки совѣтамъ и мольбамъ гр. Толстого.

Въ концѣ февраля Коленкуръ получилъ письмо Наполеона отъ 2-го февраля и немедленно лично его вручилъ Императору Александру, который при немъ сталъ его читать. Прочитавъ первую половину его, Императоръ видимо остался довольнымъ и, продолжая чтеніе, онъ вдругъ воскликнулъ: „Вотъ великія дѣла!“ Затѣмъ онъ нѣсколько разъ повторялъ: „Вотъ тильзитскій стиль!“—„Вотъ онъ, великій человѣкъ!“

Когда же Императоръ кончилъ чтеніе, онъ съ явнымъ воодушевленіемъ взялъ руку французскаго посла и сказалъ ему: „Скажите императору, какъ я тронутъ его довѣріемъ, какъ желаю его поддерживать. Вы можете засвидѣтельствовать, какимъ образомъ я получаю его письмо. Я хочу его вамъ прочесть“. Государь прочелъ вслухъ письмо Наполеона, останавливаясь на каждой фразѣ, и, по окончаніи чтенія, онъ сказалъ послу: „Генералъ, я вамъ скажу откровенно: это письмо доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Это языкъ тильзитскій. Императоръ можетъ на меня расчитывать, ибо я нисколько не перемѣнилъ тона—какъ вамъ извѣстно“.

Вслѣдъ затѣмъ Императоръ Александръ началъ съ увлеченіемъ развивать политическіе планы, изложенные въ письмѣ Наполеона. Онъ сказалъ, что Коленкуръ и гр. Румянцевъ могутъ начать переговоры и подготовить почву для полнаго соглашенія. Онъ самъ охотно отправился бы въ Парижъ, „хотя бы курьеромъ“, для свиданія съ Наполеономъ, но, къ несчастію, онъ не можетъ покинуть Россію. Онъ непремѣнно поѣдетъ, но только впослѣдствіи.

Что же касается желанія императора французовъ о посылкѣ къ нему особенно довѣреннаго лица, то онъ совершенно понимаетъ это желаніе. Но гдѣ ему найти такое лицо? „Императоръ изъ назначенія Толстого могъ видѣть, что у меня нѣтъ такого лица“, сказалъ Александръ I французскому послу. „Можетъ быть, вы знаете кого нибудь изъ здѣшнихъ? Я назначилъ Толстого потому, что онъ не интриганъ. Однако, онъ не ведетъ дѣла. Императоръ имъ недоволенъ. Между нами будь сказано: я давно это замѣтилъ“. Такимъ образомъ судьба гр. Толстого была рѣшена и его кредитъ въ глазахъ своего Государя былъ подорванъ навсегда.

При прощаніи Александръ I поручилъ Коленкуру засвидѣтельствовать Наполеону о его чувствахъ благодарности. Вечеромъ, на

la Cour, il adressa à plusieurs reprises la parole à l'ambassadeur de France et se plaisait à lui répéter: „j'ai relu plus d'une fois la lettre de l'Empereur, voilà des paroles de Tilsit!“ L'ambassadeur lui répondit que Napoléon n'en a jamais proféré d'autres *).

L'enthousiasme de l'Empereur Alexandre paraissait parfaitement sincère, et il donna l'ordre au comte Roumiantzow d'étudier les questions importantes qui faisaient l'objet de la lettre de Napoléon de février. Il fut en outre chargé d'entrer en négociation avec l'ambassadeur de France.

En exécution de cet ordre suprême, le Ministre des Affaires Etrangères rédigea de sa propre main un mémoire secret dans lequel se trouvaient consignées les pensées et les considérations que l'Empereur lui avait préalablement communiquées à ce sujet. Ce mémoire porte le titre: „*Vues générales sur la Turquie*“, et fut dans la suite remis à l'ambassadeur de France dans le but de réfuter les arguments du cabinet français et de créer le terrain pour un accord.

Le mémoire commence par rappeler que l'Empereur des Français avait signalé la nécessité de procéder au partage des provinces turques, en vue d'assurer la paix et la tranquillité de l'Europe. Un accord est intervenu à Tilsit en vue d'expulser les Turcs en Asie, en ne leur laissant en Europe que Constantinople et la Roumélie. Il fut convenu que l'Empereur des Français devait recevoir l'Albanie, la Morée et l'île Crète. La Moldavie et la Valachie devaient former le lot de la Russie avec le Danube, comme frontière de l'Empire, et l'incorporation de la Bessarabie.

„Si l'on ajoute à cette part“, poursuit le comte Roumiantzow, „la Bulgarie, l'Empereur est prêt à consentir à l'expédition de l'Inde à laquelle alors il n'avait pas consenti; pourvu que cette expédition dans l'Inde se fasse comme l'Empereur Napoléon vient de la tracer lui-même, à travers l'Asie-Mineure“.

L'Empereur Alexandre approuvait complètement la pensée de Napoléon de décider l'Empereur d'Autriche à adjoindre un corps d'armée à cette expédition contre les Indes anglaises. En vue de cette coopération il conviendrait de céder à l'Autriche, parmi les provinces turques, la Croatie et la Bosnie. On pourrait en outre

*) Voir *Vandal*, loc. cit., t. I, p. 283 et suiv.

придворномъ балѣ, онъ нѣсколько разъ милостиво заговаривалъ съ французскимъ посломъ и не разъ повторялъ: „Я нѣсколько разъ перечиталъ письмо императора: вотъ это тильзитскія слова!“ На это посолъ отвѣтилъ, что никогда другихъ словъ не произносилъ Наполеонъ *).

Энтузіазмъ Императора Александра казался совершенно искреннимъ, и онъ повелѣлъ графу Румянцеву заняться изученіемъ затронутыхъ въ февральскомъ письмѣ Наполеона чрезвычайно важныхъ вопросовъ. Сверхъ того, ему было поручено вступить въ переговоры съ французскимъ посломъ.

Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія Министръ Иностранныхъ Дѣлъ собственноручно написалъ секретную записку, въ которую были включены всѣ мысли и соображенія самого Государя, сообщенныя имъ предварительно автору. Эта записка носитъ заглавіе: „*Общій взглядъ на Турцію*“ и была впослѣдствіи вручена французскому послу, съ цѣлью опроверженія французскихъ взглядовъ и созданія почвы для соглашенія.

Въ виду мнѣнія императора французовъ, говорится въ началѣ этой записки, для поддержанія въ Европѣ мира и спокойствія необходимо приступить къ раздѣлу турецкихъ провинцій. Въ Тильзитѣ состоялось соглашеніе о томъ, чтобъ изгнать Турокъ обратно въ Азію, оставя за ними въ Европѣ только городъ Константинополь и Румелію. Тогда было согласно, что императоръ французовъ пріобрѣтетъ Албанію, Морею и островъ Критъ. Молдавію и Валахію должна была получить Россія съ тѣмъ, чтобъ Дунай сдѣлался границею Россійской Имперіи и Бессарабія была присоединена къ ней.

„Если къ этой долѣ“, продолжаетъ гр. Румянцевъ, „еще прибавится Болгарія, то Государь готовъ участвовать въ походѣ на Индію, о чемъ тогда не было условлено. Только необходимо, чтобъ походъ на Индію совершался такимъ образомъ, какъ императоръ Наполеонъ самъ его начерталъ,—черезъ Малую Азію“.

Императоръ Александръ вполнѣ одобряетъ мысль Наполеона убѣдить императора австрійскаго дать корпусъ войскъ для участія въ походѣ противъ англійской Индіи. За такую помощь слѣдуетъ уступить Австріи турецкую Кроацію и Боснію. Сверхъ того, можно признать независимость Сербіи. Правда, Сербы

*) Срав. *Vandal*, loc. cit., t. I, p. 283 et suiv.

reconnaître l'indépendance de la Serbie. Il est vrai que les Serbes ont exprimé le désir d'être placés sous le sceptre de la Russie. Mais l'Empereur Alexandre n'a pas l'intention d'y donner suite. Il propose, au contraire, d'ériger la Serbie en royaume et de placer sur ce trône un des archiducs d'Autriche, qui ne serait pas au nombre des plus proches héritiers de la couronne des Habsbourg.

C'est ainsi que devait s'opérer le partage de l'Empire Ottoman, selon les engagements pris à Tilsit. Toutefois dans sa lettre de février, Napoléon va plus loin: il désire un démembrement plus complet de la Turquie. L'Empereur Alexandre consent volontiers à une extension des projets primitifs. Mais il pose une seule condition à son consentement, savoir que dans ces nouvelles acquisitions sa part fût moins grande que celle réservée à son allié.

„Partant de ce principe l'Empereur Alexandre verrait non seulement sans jalousie, mais avec plaisir que l'Empereur Napoléon acquiesse et réunisse à ses Etats, outre ce qui a été mentionné ci-dessus, toutes les îles de l'Archipel, Chypre, Rhodes et même ce qui restera des Echelles du Levant, la Syrie et l'Egypte".

Dans le cas, où la question serait posée de cette manière, l'Empereur Alexandre aurait modifié ses vues quant à la Serbie: il aurait désiré qu'elle fût réunie à l'Autriche avec une grande part de la Macédoine. La partie occidentale de cette province avec Salonique devait être adjugée à la France. La Croatie pouvait également lui être attribuée, à moins que la France ne reconnût à l'Autriche plus de droits sur cette région.

Quant aux nouvelles acquisitions auxquelles la Russie pourrait prétendre à la suite des considérables accroissements de la France et de l'Autriche, ci-dessus exposés, l'Empereur Alexandre juge absolument nécessaire, dans les répartitions à faire, de placer des territoires assignés à l'Autriche comme zone neutre entre les possessions de la Russie et celles de la France, car il est certain que l'amitié et l'alliance des deux pays seront mieux assurées, si leurs domaines ne sont pas adjacents.

En partant de ce principe la Russie devait recevoir comme supplément aux nouvelles acquisitions ci-dessus mentionnées: „la possession de la ville de Constantinople avec un rayon de

выразили желаніе находиться подъ властью Россіи. Но Императоръ Александръ не намѣренъ исполнить такое желаніе. Онъ, напротивъ, предлагаетъ возвести Сербію въ королевство и посадить на сербскій королевскій тронъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, не состоящаго въ числѣ ближайшихъ наслѣдниковъ австрійскаго престола.

Такимъ образомъ, „согласно обязательствамъ, принятымъ въ Тильзитѣ", должно совершиться раздѣленіе Оттоманской имперіи. Однако Наполеонъ, въ своемъ февральскомъ письмѣ, идетъ дальше: онъ желаетъ бо́льшаго раздѣленія Турціи. Императоръ Александръ „охотно" соглашается на такое расширеніе первоначальныхъ предначертаній. Но онъ ставитъ свое согласіе въ зависимость отъ одного условія, а именно, чтобъ его часть новыхъ пріобрѣтеній была непремѣнно меньше части, которую получитъ его союзникъ.

„Исходя изъ этого начала, Императоръ Александръ, не только безъ всякой зависти, но даже съ удовольствіемъ, увидѣлъ бы пріобрѣтеніе и присоединеніе Наполеономъ къ своимъ владѣніямъ, кромѣ вышеозначенныхъ областей, всѣхъ архипелагскихъ острововъ, Кипра, Родоса и даже всего, что останется отъ Леванта, Сиріи и Египта".

Въ случаѣ такой новой постановки вопроса, Императоръ Александръ измѣнилъ бы свой взглядъ насчетъ Сербіи: онъ желалъ бы присоединенія ея къ Австріи вмѣстѣ съ бо́льшею частью Македоніи. Западная часть Македоніи, съ городомъ Салоники, должна была отойти къ Франціи. Кроація также могла бы быть присоединена къ Франціи, если послѣдняя не признала бы за Австріей больше правъ на эту область.

Что же касается новыхъ пріобрѣтеній, на которыя имѣла бы право Россія послѣ вышеизложенныхъ значительныхъ приращеній Франціи и Австріи, то императоръ Александръ убѣжденъ въ необходимости поставить между своими владѣніями и Франціей владѣнія австрійскія, ибо дружба и союзъ между Россіей и Франціей лучше сохранятся, если ихъ обоюдныя владѣнія не будутъ соприкасаться.

Исходя изъ этого начала, Россія должна получить въ видѣ прибавки къ вышеупомянутымъ новымъ пріобрѣтеніямъ: „городъ Константинополь съ окрестною областью въ нѣсколько миль

quelques lieues en Asie, et en Europe une partie de la Roumélie". A l'ouest les nouvelles possessions russes devaient confiner avec les territoires de l'Autriche et la Serbie.

Toutefois Caulaincourt énonça au comte Roumiantzow l'idée que si la Russie prenait possession de Constantinople, la France devrait occuper les Dardanelles, ou du moins la côte asiatique du détroit.

Le comte Roumiantzow s'élevait énergiquement dans son mémoire contre cette prétention de Napoléon, car cette combinaison „détruisait tout-à-fait le principe de l'Empereur de Russie, de ne pas se trouver par le second partage plus mal placé qu'il ne l'était maintenant relativement à ses relations géographiques et commerciales".

Désirant arriver par tous les moyens possibles à un accord définitif avec Napoléon, l'Empereur Alexandre lui proposa au lieu de l'occupation des Dardanelles, les avantages suivants:

1) La France aura la faculté d'organiser une route militaire au Levant et en Syrie, à travers les possessions de l'Autriche et de la Russie.

2) La Russie prend l'engagement de prêter à la France un concours d'allié contre la Turquie ou l'Angleterre dans le cas, où ses possessions au Levant viendraient à être l'objet d'une agression.

3) La Russie promet de s'abstenir de toute conquête sur les côtes asiatiques de la Mer Noire et consent même à l'occupation de Smyrne, et enfin.

4) l'Empereur Alexandre confirme formellement la promesse donnée antérieurement de n'élever aucune prétention au sujet des conquêtes que Napoléon serait dans le cas de faire aux Indes et qui sans réserve devront appartenir à la France.

Telle est la teneur de ce remarquable mémoire du comte Roumiantzow, écrit de sa main d'un bout à l'autre.

A la fin il est fait mention du consentement de l'Empereur Alexandre de se rendre à l'entrevue d'Erfurt, à laquelle le conviait l'Empereur Napoléon. „Mais", dit le mémoire, „S. M. l'Empereur Alexandre suppose qu'avant que de fixer cette entrevue, il serait à désirer que les bases des engagements que l'on y doit prendre soient bien précisées", afin qu'il ne reste à Erfurt qu'à „signer le destin de cette partie du monde".

въ Азіи и съ частью Румеліи въ Европѣ". Къ западу новыя русскія владѣнія граничили бы съ австрійскими владѣніями и Сербіей.

Однако Коленкуръ выразилъ графу Румянцеву мысль, что если Россія пріобрѣтетъ Константинополь, то Франція должна занять Дарданелльскій проливъ или, по меньшей мѣрѣ, азіатскій берегъ этого пролива.

Противъ такой претензіи Наполеона графъ Румянцевъ энергическимъ образомъ возражаетъ въ своей запискѣ, ибо занятіе Дарданелловъ или азіатскаго берега пролива „совершенно уничтожило бы принятое Императоромъ Всероссійскимъ основное начало не быть поставленнымъ вслѣдствіе второго раздѣла въ худшее положеніе, чѣмъ онъ находится въ настоящее время относительно своихъ географическихъ и коммерческихъ отношеній".

Желая всѣми средствами придти къ окончательному соглашенію съ Наполеономъ, Императоръ Александръ предложилъ ему, вмѣсто занятія Дарданелльскаго пролива, слѣдующіявыгоды:

1) Франція можетъ устроить военную дорогу чрезъ австрійскія и русскія владѣнія въ Левантъ и въ Сирію:

2) Россія обязывается оказывать союзную помощь противъ Турціи или Англіи, въ случаѣ нападенія на французскія владѣнія въ Левантѣ;

3) Россія обязывается не завоевывать азіатскаго берега Чернаго моря и согласиться даже на занятіе Французами Смирны и, наконецъ,

4) Императоръ Александръ самымъ торжественнымъ образомъ подтверждаетъ уже данное имъ обѣщаніе не предъявлять никакихъ претензій на завоеванія, которыя Наполеонъ сдѣлаетъ въ Индіи. Все, что онъ тамъ завоюетъ, будетъ всецѣло принадлежать одной Франціи.

Таково содержаніе этой весьма замѣчательной записки гр. Румянцева, написанной съ начала до конца собственною его рукою.

Въ заключеніе заявляется о согласіи Императора Александра отправиться въ Эрфуртъ, на свиданіе съ Императоромъ Наполеономъ, куда его пригласилъ послѣдній. „Но", сказано въ запискѣ, „Его Величество Императоръ Александръ полагаетъ, что было бы желательно, до назначенія этого свиданія, точнѣе опредѣлить основанія соглашенія, которое предстоитъ подписать", дабы въ Эрфуртѣ осталось только „подписать судьбу этой части свѣта".

On ne saurait nier que le comte Roumiantzow n'ait touché à toutes les questions vitales de la Russie et tenté de résoudre le grand problème historique de la diplomatie russe, en sauvegardant les intérêts les plus élevés de son pays et en respectant les aspirations séculaires de la nation russe. Son projet de partage de la Turquie était grandiose et reçut la haute approbation de l'Empereur Alexandre qui en parlait avec un entraînement sincère. Si ce projet eût été réalisé au commencement du XIX siècle, avec le concours de Napoléon, tout l'avenir de l'Europe et de la Russie eût reçu une nouvelle direction. Le centre de gravité de la Russie eût été irrévocablement transféré sur les côtes de la Mer Noire, très rapprochée, le Bosphore et les Dardanelles. L'existence politique de la nation russe eût continué à se développer dans le large courant de ses aspirations nationales léguées par le passé.

Mais le destin a tranché autrement cet grand problème. C'est dans les pourparlers diplomatiques entre Alexandre I et Napoléon I qu'on a posé pour la dernière fois sérieusement la question d'implanter le croix russe sur le temple de Sainte Sophie à Constantinople. C'est pour la dernière fois que la Russie eut sérieusement la possibilité de s'établir de pied ferme sur les bords de la Mer de Marmara, d'y concentrer à proximité du cœur du pays les forces vitales de la nation et d'assurer l'accomplissement de sa haute mission historique.

Mais cette tentative ne réussit pas: les défiances mutuelles entre Alexandre I et Napoléon rendirent un accord complet impossible. Par l'effet du destin, d'une part la France fut replacée dans ses anciennes limites historiques et de l'autre, la Russie fut amenée à détourner ses vues de cet Orient, si proche et si sympathique, pour les porter vers l'Extrême Orient, si absorbant et offrant si peu d'attraction...

Le comte Roumiantzow reçut l'ordre d'entrer dans un échange d'idées avec l'ambassadeur de France et d'élaborer un plan de partage des territoires turcs qui pût être confirmé par leurs souverains. Cet échange d'idées était très intéressant, bien qu'il n'ait produit aucun résultat pratique. Les pourparlers se poursuivaient dans le cabinet du Ministre des Affaires Etrangères de Russie et on les gardait dans le plus profond secret. Les représentants de la Russie et de la France étaient assis devant une table, chargée d'une multitude de cartes géographiques et

Нельзя не сказать, что графъ Румянцевъ коснулся жизненныхъ вопросовъ Россіи и сдѣлалъ попытку разрѣшить историческія задачи русской дипломатіи при соблюденіи самыхъ высшихъ интересовъ своего отечества и уваженіи вѣковыхъ стремленій русскаго народа. Его планъ раздѣла Турціи былъ грандіозенъ, и онъ былъ одобренъ Императоромъ Александромъ I, который искренно имъ увлекался. Еслибъ этотъ планъ былъ осуществленъ въ началѣ XIX вѣка, при помощи Наполеона I, вся будущность Европы и Россіи получила бы совершенно новое направленіе. Центръ тяжести Россіи, какъ міровой державы, былъ бы безповоротно перенесенъ на берега близкаго Чернаго моря, Босфорскаго и Дарданелльскаго проливовъ. Государственная жизнь русскаго народа продолжала бы роскошно развиваться въ широкихъ рамкахъ его историко-національныхъ стремленій.

Но судьба рѣшила иначе этотъ великій вопросъ. Въ дипломатическихъ переговорахъ Александра I съ Наполеономъ I въ послѣдній разъ былъ серьезнымъ образомъ поставленъ вопросъ о водруженіи русскаго православнаго креста на храмѣ Св. Софіи въ Константинополѣ. Въ послѣдній разъ была дана Россіи серьезная возможность стать твердою ногою на берегахъ Мраморнаго моря и сосредоточить здѣсь, недалеко отъ сердца Россіи, жизненныя силы своего народа и обезпечить достиженіе его міровыхъ задачъ.

Однако, эта попытка не удалась: взаимное недовѣріе между Александромъ I и Наполеономъ сдѣлало полное соглашеніе между ними невозможнымъ. Судьба, съ одной стороны, вернула Францію въ ея тѣсныя историческія границы и, съ другой, заставила Россію обратить свой взоръ отъ близкаго и симпатичнаго Востока на дальній, всепоглощающій и мало привлекательный Востокъ...

Графу Румянцеву было повелѣно вступить въ обмѣнъ мыслей съ французскимъ посломъ и выработать планъ раздѣленія турецкихъ земель, который могъ бы быть утвержденъ ихъ Государями. Этотъ обмѣнъ мыслей былъ чрезвычайно интересенъ, но онъ не привелъ ни къ какому практическому результату. Переговоры происходили въ кабинетѣ русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ и сохранялись въ величайшемъ секретѣ. За столомъ, занятымъ множествомъ географическихъ картъ, сидѣли представители Россіи и Франціи и дружескимъ об-

s'entretenaient amicalement de la réorganisation de tout le Sud-Est de l'Europe.

Caulaincourt cherchait à démontrer, comme il s'entend de soi-même, que si la Russie obtient les principautés Danubiennes avec la Bulgarie, elle reçoit la part du lion comparativement aux acquisitions de la France. Le comte Roumiantzow s'appliquait à réfuter cette assertion et assurait que la Russie avait des droits légitimes sur Constantinople, si les Turcs étaient expulsés de l'Europe, et que c'est entre ses mains que devait se trouver „la clef au Bosphore et aux Dardanelles".

L'ambassadeur de France répondit à cela: „La clef de la Mer Noire et celle de la Mer de Marmara, c'est beaucoup pour une porte, Mr. le comte, ce serait déjà beaucoup d'en avoir une. Ceci, il me semble, ne serait même proposable qu'en ayant chacun la sienne".

„L'une sans l'autre, ce n'est rien", répliqua immédiatement le comte Roumiantzow, „c'est la géographie et notre mer Noire, plus encore que notre intérêt politique, qui veulent que nous ayons Constantinople. Vous en êtes loin et vous aurez d'assez belles possessions pour n'avoir rien à nous envier".

Lorsque le Ministre des Affaires Etrangères de Russie dit à l'ambassadeur que la France pouvait prendre non seulement la Morée avec l'Archipel, mais encore l'Albanie, l'Egypte et la Syrie, Caulaincourt répondit que le sort de l'Albanie était décidée. L'ambassadeur ajouta ensuite ironiquement: „Vous nous menez tout de suite en Asie, monsieur le comte. Je ne demande pas mieux que de vous suivre; cependant marchons pas à pas, classons nos idées et partageons d'abord l'Europe, car c'est de ce point qu'il faut, je crois, partir".

Lorsqu' enfin le comte Roumiantzow dit franchement que la Russie devait obtenir Constantinople et les deux détroits, Caulaincourt fit observer en souriant:

„La part n'est pas égale. Constantinople à lui seul vaut mieux que tout ce que vous nous offrez en Europe; vous n'êtes pas généreux aujourd'hui, monsieur le comte".

Comte Roumiantzow: „C'est plutôt vous qui auriez tout. Qu'est-ce que Constantinople et ce qui l'entoure quand il n'y aura plus de Turcs? Enfin, comment voyez-vous la chose?"

L'ambassadeur: „Constantinople m'effraye, je vous l'avoue. C'est un beau réveil que d'ouvrir les yeux empereur de Constantinople. De votre frontière actuelle jusque-là, c'est un empire tout

разомъ бесѣдовали о переустройствѣ всей юго-восточной Европы.

Коленкуръ, само собою разумѣется, доказывалъ, что если Россія пріобрѣтетъ Дунайскія княжества, вмѣстѣ съ Болгаріею, то она получитъ львиную долю въ сравненіи съ пріобрѣтеніями Франціи. Гр. Румянцевъ старался опровергнуть это положеніе и доказывалъ, что Россія имѣетъ законныя права на Константинополь, если Турки будутъ изгнаны изъ Европы, а равно въ ея же владѣніи долженъ находиться „ключъ отъ Босфора и Дарданелловъ".

На это французскій посолъ отвѣтилъ: „Ключъ отъ Чернаго моря и ключъ отъ Мраморнаго моря — это много для одной двери. Было бы уже много имѣть одинъ ключъ. Этого, мнѣ кажется, даже нельзя предлагать, ибо каждый долженъ имѣть свой ключъ".

„Одинъ безъ другого — это ничего!" немедленно отвѣтилъ Гр. Румянцевъ. „Вѣдь географія и наше Черное море еще больше, чѣмъ нашъ политическій интересъ, требуютъ, чтобъ мы владѣли Константинополемъ. Вы находитесь отъ него далеко и у васъ будутъ такія прекрасныя владѣнія, что вамъ нечего намъ завидовать".

Когда русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сказалъ французскому послу, что Франція можетъ взять не только Морею съ Архипелагомъ, но также Албанію, Египетъ и Сирію, Коленкуръ отвѣтилъ, что судьба Албаніи рѣшена. „Однако затѣмъ", остроумно прибавилъ посолъ, „вы, графъ, немедленно ведете въ Азію. Я съ удовольствіемъ готовъ за вами слѣдовать, но пойдемте шагомъ, приведемте въ порядокъ наши мысли и подѣлимте сперва Европу, ибо, мнѣ кажется, намъ нужно начать съ этого пункта".

Когда же графъ Румянцевъ, наконецъ, откровенно сказалъ, что Россіи должны принадлежать Константинополь и два пролива, Коленкуръ, съ улыбкою, замѣтилъ:

„Доли не равныя. Одинъ Константинополь больше стоитъ, нежели все, что вы намъ даете въ Европѣ. Сегодня, графъ, вы не великодушны".

Графъ Румянцевъ: „Скорѣе это вы, имѣющіе все получить. Что значитъ Константинополь съ окрестностью, если тамъ нѣтъ болѣе Турокъ? Наконецъ, какъ вы смотрите на дѣло?"

Посолъ: „Константинополь меня пугаетъ—я признаюсь. Это прекрасное пробужденіе—проснуться императоромъ константинопольскимъ. Отъ вашей нынѣшней границы до Константи-

entier. Quelle position, on peut dire, sur deux parties du monde! Ce sont de ces idées avec lesquelles il faut se familiariser pour oser en parler".

Comte Roumiantzow. „La géographie le veut ainsi, autant que l'intérêt de notre commerce; elle a bien voulu autre chose pour vous. Ce n'est pas aussi avantageux que vous le croyez, c'est loin de nous, ce sera une ville et un pays sans habitants, mais notre position est telle que nous ne pouvons pas ne point tenir à Constantinople et aux Dardanelles, à cause de la mer Noire".

L'ambassadeur: „Je ne comprends pas bien la possibilité de l'acquisition de Constantinople, mais si on l'admettait, je vous avoue que je ne consentirais pas à celle des Dardanelles par la même puissance."

Comte Roumiantzow: „A qui les donneriez-vous donc?"

L'ambassadeur: „Je les prendrais pour la France".

Comte Roumiantzow: „Pourquoi cela? Quel avantage trouveriez-vous à vous rapprocher autant de nous?"

A ces questions Caulaincourt répondit sans hésiter que si la Russie prenait Constantinople, la France avait droit à un grand accroissement qui pût y correspondre. Si elle reçoit en Asie la Syrie et l'Egypte, elle doit avoir la possibilité d'entretenir avec ces possessions des relations régulières. Dans ce but l'occupation des Dardanelles est de toute nécessité.

Lorsque le Ministre des Affaires Etrangères de Russie se mit à démontrer à Caulaincourt que le cabinet russe ne saurait admettre l'occupation des Dardanelles par une puissance européenne quelconque, vu que les intérêts du commerce russe exigent que ce détroit fût absolument dans le pouvoir de la Russie, l'ambassadeur répliqua ingénieusement que les produits russes étaient exportés sur des navires étrangers et que la Russie n'avait nul besoin d'une flotte marchande en propre!

„Quel dommage", demanda-t-il au comte Roumiantzow très surpris, „pourriez-vous donc éprouver de notre position aux Dardanelles? Aucun, je vous assure; c'est la vôtre qui peut gêner tout le monde, la nôtre — personne".

„Voyez", s'écrie le comte Roumiantzow, très perplexe, „tout ce que vous acquérez de cette manière; quelle influence! Et nous, qu'aurons-nous? Une ville d'un grand nom et rien de plus.

нополя, — это цѣлая имперія. Какое положеніе, можно сказать, въ двухъ частяхъ свѣта! Это такія мысли, съ которыми нужно свыкнуться, чтобъ рискнуть о нихъ говорить".

Графъ Румянцевъ: „Географія этого требуетъ столько же, сколько и наши торговые интересы. Вамъ она ставитъ другія требованія. Да это и не такъ ужъ выгодно для насъ, какъ вы полагаете; Константинополь отъ насъ далеко; это будетъ городъ и область безъ обывателей. Однако, наше положеніе таково, что мы не можемъ отказаться ни отъ Константинополя, ни отъ Дарданелловъ, имѣя въ виду Черное море".

Посолъ: „Я не совсѣмъ хорошо понимаю возможность завладѣнія Константинополемъ. Однако, если это допустить, то, признаюсь, я не согласился бы на завладѣніе тою же державою Дарданеллами".

Гр. Румянцевъ: „Кому же вы ихъ отдали бы?"

Посолъ: „Я бы ихъ занялъ для Франціи".

Гр. Румянцевъ: „Это для чего? Какую выгоду вы можете имѣть въ томъ, чтобъ такъ приблизиться къ намъ"?

На эти вопросы Коленкуръ не затруднился отвѣтить, что если Россія возьметъ Константинополь, то Франція имѣетъ право на соотвѣтствующее большое приращеніе. Если она получитъ въ Азіи Сирію и Египетъ, то она должна имѣть возможность поддерживать съ этими владѣніями постоянныя сношенія. Для этой цѣли владѣніе Дарданеллами совершенно необходимо.

Когда же русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сталъ доказывать Коленкуру, что Россія не можетъ допустить занятія Дарданелловъ какою либо европейскою державою, ибо уже одни интересы русской торговли требуютъ, чтобъ этотъ проливъ непремѣнно находился во власти Россіи, французскій посолъ очень находчиво возразилъ: русскія произведенія вывозятся на иностранныхъ судахъ, и Россія не нуждается въ собственномъ торговомъ флотѣ!

„Какой же вредъ", спросилъ онъ удивленнаго графа Румянцева, „могло бы вамъ принести наше положеніе на Дарданеллахъ?—Никакого, я васъ увѣряю. Ваше положеніе можетъ безпокоить всѣхъ, но наше—никого!"

„Но посмотрите", воскликнулъ озадаченный гр. Румянцевъ, „что вы такимъ образомъ пріобрѣтаете! Какое вліяніе! А мы? Что же у насъ будетъ? Городъ съ громкимъ именемъ и боль-

J'aimerais cent fois mieux le second". (c. à. d. les Dardanelles.)

Cette comparaison, fit observer l'ambassadeur, n'est pas au détriment de Constantinople.

Les deux négociateurs ne pouvaient s'entendre. Si l'un exprimait un désir, l'autre élevait aussitôt ses prétentions. Si l'un faisait une petite concession, l'autre consentait à en faire une tout aussi insignifiante. On comprend qu'une condescendance de cette nature ne pouvait amener à un accord sérieux sur les questions d'une portée si élevée, qui faisaient l'objet des pourparlers.

Lorsque le comte Roumiantzow eut acquis la conviction que Caulaincourt n'avait pas l'intention de renoncer à l'occupation des Dardanelles par la France, il réclama la cession de la Serbie à la Russie. L'ambassadeur de France ne voulait pas en entendre parler. „De cette manière", répondit-il, „vous vous mettez dans notre poche en disant que vous ne voulez pas nous avoir dans la vôtre". Caulaincourt priait le comte Roumiantzow de jeter un coup d'oeil sur la carte pour se convaincre de l'impossibilité pour la Russie de prendre possession de la Serbie.

„Tout ce que vouz acquérez", ajouta-t-il. „se touche et consolide votre puissance, tout ce que vous nous proposez est pour la nôtre au bout du monde. Vous serez donc en tout état de cause forts partout et nous faibles". *)

Cette causerie amicale et spirituelle entre les représentants de la Russie et de la France sur le partage de l'Empire Ottoman n'aboutit à rien. Le comte Roumiantzow déclara catégoriquement que la Russie ne saurait renoncer ni à Constantinople, ni aux Dardanelles. L'ambassadeur de France persista dans son opinion que si les Russes occupaient Constantinople, les Français devaient se fixer sur les bords des Dardanelles. Le Ministre des Affaires Etrangères ne pouvait consentir à une semblable prétention et c'est pourquoi il rompit l'entretien, en déclarant qu'il en référerait à l'Empereur et qu'il demanderait les instructions de Sa Majesté.

L'Empereur Alexandre approuva évidemment le refus définitif de son Ministre des Affaires

*) Vandal. Napoléon et Alexandre I, t. I, pag. 285 et suiv.

ше ничего. Я во сто разъ предпочелъ бы второе" (т. е. Дарданеллы).

„Это сравненіе", замѣтилъ посолъ, „не въ ущербъ Константинополю".

Оба собесѣдника никакъ не могли согласиться другъ съ другомъ. Если одинъ заявлялъ какое нибудь желаніе, то другой немедленно увеличивалъ свои претензіи. Если одинъ дѣлалъ какую нибудь незначительную уступку, то другой отвѣчалъ такою же малозначущею уступкою. Понятно, что такого рода уступчивость не могла привести къ какому нибудь серьезному соглашенію по міровымъ вопросамъ, о которыхъ велись переговоры.

Когда гр. Румянцевъ убѣдился, что Коленкуръ не намѣренъ отказаться отъ претензіи Франціи на Дарданеллы, онъ потребовалъ уступки Россіи Сербіи. Французскій посолъ и слышать не хотѣлъ о такой уступкѣ. „Такимъ образомъ", отвѣтилъ онъ, „вы забираетесь въ нашъ карманъ, впередъ предупреждая, что не желаете допустить насъ до вашего". Коленкуръ просилъ гр. Румянцева бросить взглядъ на карту, чтобъ убѣдиться въ невозможности владѣнія Россіей Сербіею.

„Все, что вы пріобрѣтаете", прибавилъ онъ, „соприкасается съ вашимъ государствомъ и его упрочиваетъ; все же, что вы намъ предлагаете, находится по отношенію къ нашему государству на краю свѣта. Слѣдовательно вы, во всякомъ случаѣ, будете вездѣ сильны, а мы безсильны" *).

Эта остроумнѣйшая и дружеская бесѣда между представителями Россіи и Франціи о раздѣлѣ владѣній Оттоманской имперіи кончилась ничѣмъ. Гр. Румянцевъ категорически объявилъ, что Россія никому не можетъ уступить ни Константинополя, ни Дарданелловъ. Французскій же посолъ остался при мнѣніи, что если Русскіе находятся въ Константинополѣ, то Французы должны занимать берега Дарданелльскаго пролива. Съ такою претензіей никакъ не могъ согласиться Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и потому онъ, прекратилъ бесѣду заявленіемъ, что доложитъ о всемъ Государю Императору и испроситъ его наставленій.

Императоръ Александръ I очевидно совершенно одобрялъ рѣшительный отказъ своего Ми-

*) Срав. *Vandal.* Napoléon et Alexandre I. t. I, p. 285 et suiv.

Etrangères de consentir à l'occupation des Dardanelles par la France. Il s'énonça dans ce sens d'une manière si catégorique vis-à-vis de l'ambassadeur que celui-ci perdit tout espoir d'atteindre son but. L'Empereur renonça également à l'idée de faire de Constantinople une ville libre, n'appartenant à personne. Il s'appliqua à démontrer à l'ambassadeur de France combien ses vues étaient modestes en ce qui regardait le partage de l'Empire Ottoman.

„Je vous l'assure", disait-il à l'ambassadeur, „je suis modéré dans mes prétentions; je ne demande que ce que l'intérêt du pays me force à exiger, et sur quoi je ne puis céder".

Lorsque Caulaincourt revint encore une fois à cette question, en disant que l'occupation des Dardanelles et de Constantinople par la Russie rendrait le passage du détroit encore plus difficile que celui du Sund, l'Empereur Alexandre lui répondit:

„Ne soyons pas voisins; je me rappelle les bons conseils de l'empereur Napoléon. Je ne puis céder sur ce point. Roumiantzow vous l'aura dit. Moi ni personne ne pourrait sortir de chez moi, ni entrer sans votre permission si vous étiez là. Je suis sans aucun doute sur les intentions de l'empereur Napoléon, mais je ne veux rien faire qui laisse de l'inquiétude à l'opinion, ni de l'incertitude entre nous. On attend depuis longtemps un résultat. Faites qu'il soit digne de l'empereur; il faut qu'on voie enfin les avantages que vous nous avez tacitement promis. Ces échelles du Levant, savez-vous que c'est ce qu'il y a de plus riche, de plus populeux! Smyrne, quelle richesse! En général, votre position est superbe sous tous les rapports".

Cet appel éloquent de l'Empereur Alexandre à la raison et au sentiment d'équité du représentant de la France ne fit sur lui aucune impression. Il persista dans son idée que si la France ne prenait pas possession des Dardanelles, les parts des deux alliés dans le partage de l'Empire Ottoman seraient très inégales. Il s'appliquait à démontrer qu'une guerre entre la Russie et la France est exclue de toute probabilité dans l'avenir, que le seul ennemi dangereux de la Russie dans cette partie rapprochée de l'Orient était l'Autriche et que Napoléon ne se laissait nullement séduire par la proposition de l'Empereur Alexandre de s'emparer de toute l'Asie.

нистра Иностранныхъ Дѣлъ согласиться на завладѣніе Франціей Дарданелльскимъ проливомъ. Онъ высказался послу въ этомъ смыслѣ настолько категорично, что у послѣдняго пропала всякая надежда достигнуть своей цѣли. Государь также отказался отъ мысли устроить изъ Константинополя свободный, никому не принадлежащій городъ. Онъ старался убѣдить французскаго посла въ умѣренности своихъ домогательствъ при раздѣлѣ Оттоманской имперіи.

„Я увѣряю васъ", сказалъ онъ послу, „я умѣренъ въ моихъ притязаніяхъ. Я требую только того, чего требуетъ польза моего народа и отъ чего я отказаться не могу".

Когда Коленкуръ еще разъ возвратился къ вопросу о Дарданеллахъ, сказавъ, что владѣніе ими и Константинополемъ со стороны Россіи поставило бы проходъ черезъ Дарданелльскій проливъ въ худшее положеніе, чѣмъ проходъ черезъ Зундъ, Императоръ Александръ I отвѣтилъ:

„Не будемте сосѣдями! Я припомнаю добрые совѣты императора Наполеона. Я не могу сдѣлать уступки въ этомъ пунктѣ. Румянцевъ вамъ это сказалъ. Ни я, и никто не могъ бы выходить отъ меня или входить безъ вашего позволенія, еслибъ вы тамъ были. Я нисколько не сомнѣваюсь относительно намѣреній императора Наполеона, но я не желаю дѣлать чего либо, что могло бы встревожить общественное мнѣніе и поселить между нами неувѣренность. Уже давно ждутъ какого нибудь результата. Постарайтесь, чтобъ онъ былъ достоинъ императора. Нужно, чтобъ наконецъ увидѣли тѣ выгоды, которыя вы намъ молчаливо обѣщали. Вѣдь Левантскіе порты, знаете-ли, это самые богатые и населенные порты! Смирна — какое богатство! Однимъ словомъ, ваше положеніе во всѣхъ отношеніяхъ превосходное".

Это краснорѣчивое обращеніе Императора Александра къ разсудку и чувству справедливости представителя Франціи нисколько на него не повліяло. Онъ остался при своемъ мнѣніи, что если Франція не будетъ владѣть Дарданелльскимъ проливомъ, то доли обоихъ союзниковъ при раздѣлѣ Оттоманской имперіи будутъ совершенно неравны. Онъ продолжалъ доказывать, что никогда не можетъ быть войны между Франціей и Россіей, что единственный и опасный врагъ Россіи на близкомъ Востокѣ — Австрія и что предложеніе Императора Александра Наполеону взять всю Азію нисколько его не увлекаетъ.

En fin de compte ces pourparlers très intéressants, mentionnés ci-dessus, sur le partage de l'Empire Ottoman aboutrent à un résultat purement négatif. Il était clair qu'un accord entre la Russie et la France était exclu et que les deux alliés étaient pénétrés de défiances l'un vis-à-vis de l'autre. Les compliments et les cadeaux mutuels ne changeaient rien à cette situation. La réponse de l'Empereur Alexandre I du 1 (13) mars 1808 à la fameuse lettre de Napoléon du 2 février était d'une exquise courtoisie, mais dépourvue de valeur pratique et ne contribua nullement à faire avancer les pourparlers secrets, entamés à St.-Pétersbourg.

„Les vues de Votre Majesté", écrivait l'Empereur, „me paraissent aussi grandes que justes. Il était réservé à un génie aussi supérieur que le sien, de concevoir ce plan si vaste, c'est ce même génie qui en guidera l'exécution. J'ai exprimé avec franchise et sans réserve au général Caulaincourt les intérêts de mon empire, et il est chargé de présenter à Votre Majesté mes idées. Elles ont été discutées à fond entre lui et Roumiantzow, et si Votre Majesté y adhère, je lui offre une armée pour l'expédition des Indes, une autre pour l'aider à s'emparer des Echelles situées dans l'Asie Mineure".

Enfin l'Empereur Alexandre fait dépendre son voyage à l'étranger pour une entrevue avec Napoléon de l'acceptation par celui-ci du projet russe de partage de l'Empire Ottoman.

„Si les idées que je propose à Votre Majesté", écrivait Alexandre I, „sont d'accord avec les siennes, je suis prêt à me rendre à l'entrevue qu'elle désire avoir avec moi. Je m'en fais une ête d'avance, et il ne me faut que 15 jours pour arriver à Erfurt"...

Ainsi l'adhésion préalable de Napoléon au projet russe de partage de la Turquie était posée comme condition pour le voyage à Erfurt. Toutefois nous verrons que l'Empereur Alexandre s'y est rendu sans avoir obtenu le consentement de Napoléon à son programme politique.

Bien plus: des faits nombreux ont prouvé à l'Empereur Alexandre que la Porte, loin de vouloir céder à la Russie les principautés Danubiennes et conclure la paix aux conditions proposées par le gouvernement Impérial, prenait des dispositions énergiques pour une nouvelle

Результатъ вышеизложенныхъ интереснѣйшихъ переговоровъ о раздѣлѣ владѣній Оттоманской имперіи между Россіей и Франціей былъ совершенно отрицательный. Было совершенно ясно, что соглашеніе между ними исключено и что оба союзника проникнуты явною подозрительностью въ отношеніи другъ друга. Ни обоюдные комплименты, ни взаимные подарки въ этомъ отношеніи ничего не измѣнили. Отвѣтное письмо Императора Александра I отъ 1-го (13-го) марта 1808 года на знаменитое письмо Наполеона отъ 2-го февраля отличается изысканною любезностью, но малою практичностью: оно нисколько не подвинуло впередъ хода начатыхъ въ Петербургѣ секретныхъ переговоровъ.

„Виды Вашего Величества", писалъ Государь, „кажутся мнѣ столь же великими, какъ и справедливыми. Только такому превосходному генію, какъ вашъ, можно было создать подобный, столь обширный планъ, и тотъ же геній будетъ руководить его исполненіемъ. Я выяснилъ откровенно и безъ утайки генералу Коленкуру интересы моей имперіи, и ему поручено изложить Вашему Величеству мои мысли. Онѣ были основательно обсуждены имъ и Румянцевымъ, и если Ваше Величество согласитесь съ ними, то я предлагаю вамъ одну армію для похода въ Индію, а другую для захвата портовъ въ Малой Азіи".

Наконецъ Императоръ Александръ ставитъ свою заграничную поѣздку для свиданія съ Наполеономъ въ зависимость отъ принятія имъ русскаго проекта раздѣла Турціи.

„Если мысли", писалъ Александръ I, „предлагаемыя мною Вашему Величеству, согласны съ вашими, то я готовъ отправиться на свиданіе, которое Ваше Величество желаете имѣть со мною. Я радуюсь ему заранѣе и мнѣ потребуется не болѣе двухъ недѣль для прибытія въ Эрфуртъ"...

Такимъ образомъ согласіе отправиться въ Эрфуртъ было поставлено въ зависимость отъ предварительнаго согласія Наполеона на русскія требованія при раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Мы увидимъ, что Императоръ Александръ отправился на Эрфуртское свиданіе, не добившись такого согласія.

Этого мало: многочисленные факты доказывали Императору Александру, что Турція не только не намѣрена уступить Россіи Дунайскія княжества и заключить миръ на условіяхъ, выставленныхъ императорскимъ правительствомъ, но даже сильно вооружается къ

campagne. En dehors de cela le gouvernement russe eut l'occasion de saisir deux lettres du général Sebastiani, ministre de France auprès de la Porte, qui trahissaient les menées de ce diplomate contre la Russie.

L'Empereur Alexandre I s'adressa à Caulaincourt, en le priant avec instance de lui expliquer cette manière d'agir incroyable du gouvernement français.

„Parlez-moi clairement", dit-il à l'ambassadeur en avril 1808. „Quel est le but de ces lettres (du général Sebastiani)? L'Empereur a-t-il changé? Veut-il me préparer à un changement? Le général Sebastiani semble craindre que nous ne soyons maîtres de la Turquie avant que vous en ayez seulement franchi les frontières. L'empereur a annoncé de grands projets, je me mis en mesure de le seconder au premier signal, et si mes opérations étaient finies plutôt que les siennes, ne sait-il pas que je ne me presserais que pour employer tous mes moyens à l'aider. Ma conduite depuis Tilsit parle assez haut. On doit savoir la confiance qu'on peut avoir en moi". (Rapport de Caulaincourt à Champagny du 24 avril (6 mai) 1808.)

L'Empereur Alexandre continuait, quant aux apparences, à témoigner une pleine confiance à Napoléon et à lui prouver sa fidélité au pacte de Tilsit. Mais son représentant officiel à Paris ne cessait d'assurer que Napoléon était l'ennemi juré de la Russie et qu'il n'est préoccupé que de la pensée d'exterminer „le colosse russe". Dans ses lettres et ses dépêches le comte Tolstoy ne se faisait aucun scrupule de reprocher à son gouvernement de faire preuve dans ses rapports avec la France d'une aveugle partialité pour cette puissance et d'une absence complète d'énergie et de capacité.

„Nous ne devons nous attendre à rien de la part du gouvernement français", écrivait-il de Paris à la date du 9 (21) juin 1808. „Les preuves de l'attachement le plus sincère ne nous ont valu jusqu'à présent que des assurances banales, des promesses qui ne se réaliseront jamais et qui n'ont été prodiguées que pour gagner le temps nécessaire au développement des affaires d'Espagne"....

„Les protestations de Napoléon", demandait le comte Tolstoy, „peuvent-elles compenser la perte de notre commerce, la décadence de notre prospérité et le tort que ces maux passagers, mais sensibles, doivent faire à l'Empereur dans l'esprit de sa nation?"

новой войнѣ. И этого еще мало: русское правительство захватило два письма генерала Себастіани, французскаго посланника при Портѣ, доказывавшія происки послѣдняго противъ Россіи.

Императоръ Александръ I обратился къ Коленкуру съ настоятельною просьбою объяснить такой невѣроятный образъ дѣйствія французскаго правительства.

„Говорите безъ обиняковъ", сказалъ онъ послу въ апрѣлѣ 1808 года. „Что за цѣль этихъ писемъ (Себастіани)? Развѣ Императоръ измѣнился? Хочетъ онъ меня подготовить къ перемѣнѣ? Генералъ Себастіани какъ будто боится, что мы завладѣемъ Турціей, раньше чѣмъ вы успѣете переступить ея границы. Императоръ возвѣщалъ о великихъ проектахъ; я принялъ мѣры для содѣйствія ему по первому знаку, и еслибъ мои дѣйствія окончились ранѣе, нежели его, то развѣ онъ не знаетъ, что я спѣшу лишь для того, чтобъ всѣми моими средствами придти ему на помощь. Мое поведеніе послѣ Тильзита говоритъ само за себя. Должно было убѣдиться въ довѣріи, которое можно питать ко мнѣ". (Донесеніе Коленкура Шампаньи отъ 24-го апрѣля (6-го мая) 1808 года).

Императоръ Александръ продолжалъ внѣшнимъ образомъ выказывать полное довѣріе къ Наполеону и доказывать свою привязанность къ Тильзитскому союзу. Между тѣмъ его оффиціальный представитель въ Парижѣ неутомимо повторялъ, что Наполеонъ — злѣйшій врагъ Россіи, что онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы уничтожить „русскаго колосса". Графъ Толстой не затруднялся въ своихъ письмахъ и донесеніяхъ обвинять свое правительство въ слѣпой преданности Франціи, въ бездѣятельности и бездарности.

„Намъ ничего нельзя ожидать отъ французскаго правительства", писалъ онъ изъ Парижа 9-го (21-го) іюня 1808 года. „Доказательства самой искренней привязанности не принесли намъ по настоящее время ничего, кромѣ пустыхъ увѣреній и обѣщаній, которыя никогда не будутъ исполнены и расточались исключительно съ цѣлью выиграть нужное время для устройства испанскихъ дѣлъ"...

„Развѣ увѣренія Наполеона", спрашивалъ гр. Толстой, „въ состояніи вознаградить за потери нашей торговли, за упадокъ нашего процвѣтанія и за тотъ вредъ, который эти временныя, но чувствительныя бѣдствія должны наносить Государю въ сердцѣ его народа?"

Le comte Tolstoy était indigné jusqu'au fond de l'âme de la confiance que son gouvernement accordait aux flatteries et aux habiles procédés de l'Empereur des Français dont le but unique était de rassurer l'Empereur Alexandre et de paralyser ses soupçons, bien légitimes et naturels.

Au printemps 1808 l'aide-de-camp de l'Empereur, prince Wolkonsky fut envoyé porteur d'une lettre d'Alexandre I à Napoléon. Il fut honoré d'un accueil très gracieux par le souverain de la France. Au dîner Napoléon s'adressa à lui avec les paroles suivantes:

„Dites à votre Empereur que je suis son ami; qu'il se tienne en garde contre ceux qui cherchent à nous brouiller. Si nous sommes unis, le monde est à nous. Le monde est comme cette pomme que je tiens en main. Nous pouvons la couper en deux, et chacun de nous en aura la moitié. Il faut absolument nous entendre, et la chose est faite“ *).

Le comte Tolstoy était indigné de ces discours banales de Napoléon et convaincu qu'ils produisaient l'effet le plus séduisant à Pétersbourg. Il ignorait que lorsque le prince Wolkonsky, à son retour à Pétersbourg, raconta à l'Empereur l'histoire de la pomme, Alexandre I fit l'observation: „pour le moment il se contente d'une moitié de la pomme, mais plus tard l'envie lui viendra de prendre l'autre moitié“.

En général on laissait complètement ignorer au comte Tolstoy aussi bien les intentions du gouvernement, que les pourparlers palpitants, poursuivis avec Caulaincourt au sujet de la question d'Orient. Il se plaignait de n'avoir reçu de son gouvernement, dans le courant de trois mois, aucune information et aucune instruction. A la fin d'août il n'était pas encore renseigné avec précision au sujet de l'entrevue d'Erfurt qui eut lieu en septembre.

Aussi demandait-il avec instance son rappel, trouvant sa position tout-à-fait ridicule. „Je ne fais rien ici, rien absolument, et je ne suis d'aucune utilité, comme Votre Majesté le sait trop bien elle-même. Tout autre remplirait cette mission mieux que moi et plusieurs personnes beaucoup mieux; car je ne puis me cacher que je deviens ridicule et au gouvernement, auprès duquel je suis accrédité, et au public au milieu

*) Comp. Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LXXXIX, pag. 759.

Графъ Толстой до глубины души возмущался довѣріемъ, съ которымъ его правительство относилось къ ловкимъ и льстивымъ пріемамъ императора французовъ, имѣвшимъ единственною цѣлью убаюкивать Императора Александра и парализовать его естественную и законную подозрительность.

Весною 1808 года флигель-адъютантъ князь Волконскій былъ посланъ съ письмомъ Александра I къ Наполеону. Князь Волконскій удостоился очень милостиваго пріема. За обѣдомъ Наполеонъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Скажите вашему Государю, что я его другъ и чтобъ онъ остерегался тѣхъ, которые желаютъ насъ поссорить. Если мы согласны, то міръ намъ принадлежитъ. Міръ похожъ на яблоко, которое я держу въ рукѣ. Мы можемъ его раздѣлить пополамъ и каждый изъ насъ будетъ имѣть половину. Намъ абсолютно нужно согласіе и дѣло будетъ сдѣлано“ *).

Графъ Толстой возмущался такими „банальными“ рѣчами Наполеона и былъ увѣренъ, что онѣ производятъ чарующее вліяніе въ Петербургѣ. Онъ совершенно не зналъ, что когда князь Волконскій, по возвращеніи въ Петербургъ, разсказалъ Императору Александру исторію съ яблокомъ, Государь замѣтилъ: „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую!“

Вообще гр. Толстой почти ничего не зналъ ни о намѣреніяхъ своего правительства, ни о животрепещущихъ переговорахъ по Восточному вопросу съ Коленкуромъ. Онъ горько жаловался, что въ продолженіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ не получалъ отъ своего правительства никакихъ извѣстій или наставленій. Еще въ концѣ августа онъ не имѣлъ точныхъ извѣстій объ Эрфуртскомъ свиданіи, которое состоялось въ сентябрѣ.

Поэтому гр. Толстой настоятельно просилъ о своемъ отозваніи, находя свое положеніе совершенно смѣшнымъ. „Я здѣсь ничего не дѣлаю“, писалъ онъ въ августѣ своему Государю, „абсолютно ничего, и я совершенно безполезенъ, какъ это слишкомъ хорошо извѣстно Вашему Императорскому Величеству. Всякій другой исполнитъ лучше меня мою должность и многія лица гораздо лучше, ибо

*) Срав. Сборникъ И. Р. И. Общ., т. LXXXIX, стр. 759.

duquel je dois figurer. Mon état me devient insupportable“....

Comme preuve combien cette appréciation de sa position faite par le comte Tolstoy était juste, nous pouvons signaler ces quelques paroles adressées par Napoléon à l'ambassadeur de Russie en septembre.

Napoléon invita l'ambassadeur à une chasse, et au moment du départ, après le déjeuner, il lui adressa la question suivante:

„Avez-vous des nouvelles?“ „Non, Sire“, répondit l'ambassadeur. „J'en ai“, reprit Napoléon, „du 10 août de très fraîches et vous n'en avez pas“, ajouta-t-il en ricanant, „je le sais fort bien, je sais aussi pourquoi“. Il tâcha de donner à entendre au comte Tolstoy qu'il n'en ignorait pas la raison.

Que pouvait répondre l'ambassadeur à ce persifflage blessant au sujet de sa position „insupportable!“

„Je ne sais pas“, dit-il, „s'il est de l'intérêt de la Russie, que Votre Majesté en soit informée avant moi“.

En présence de ces relations entre l'Empereur des Français et le comte Tolstoy, le séjour de celui-ci à Paris devenait tout-à-fait impossible. L'Empereur Alexandre I informa Napoléon que le comte Tolstoy est rappelé de son poste et remplacé par le prince Alexandre Kourakine. Le comte Tolstoy se trouva à l'entrevue d'Erfurt, mais il ne prit aucune part active aux pourparlers diplomatiques qui y étaient poursuivis.

L'Empereur Alexandre quitta St.-Pétersbourg le 14 septembre pour se rendre à l'entrevue avec Napoléon à Erfurt. Ce n'est pas le „cœur léger“ qu'il se mit en route. Au commencement des pourparlers avec Caulaincourt à ce sujet, il déclara catégoriquement qu'il ne se rendrait à cette entrevue qu'après qu'un accord serait intervenu au sujet des questions principales soulevées par la lettre de Napoléon de février. Il voulait savoir d'avance si dans l'élaboration du projet de partage de la Turquie, Napoléon se proposait d'insister sur l'occupation des Dardanelles que le comte Roumiantzow appelait spirituellement „la langue de chat“, à cause de la configuration

я не могу скрыть отъ себя, что я становлюсь смѣшнымъ какъ для правительства, при которомъ я аккредитованъ, такъ и для общества, среди котораго я долженъ находиться. Мое положеніе становится невыносимымъ“...

Въ доказательство вѣрности оцѣнки графомъ Толстымъ своего положенія, можно привести слѣдующія немногія слова Наполеона, сказанныя имъ въ началѣ сентября русскому послу.

Наполеонъ пригласилъ русскаго посла на охоту и въ моментъ отбытія, послѣ завтрака, обратился къ русскому послу съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Не имѣете ли вы чего нибудь новаго?“ —„Нѣтъ, Ваше Величество“, отвѣтилъ посолъ.— „У меня имѣются новости“, сказалъ Наполеонъ, „и совершенно свѣжія, отъ 10-го августа. А у васъ никакихъ нѣтъ новостей“, прибавилъ онъ, злорадствуя„—это я отлично знаю и знаю также почему“. Наполеонъ старался дать понять графу Толстому, что ему извѣстна причина, почему онъ ничего не знаетъ.

Что было отвѣтить графу Толстому на такое обидное глумленіе надъ его „невыносимымъ“ положеніемъ!

„Я не знаю“, отвѣтилъ онъ, „въ интересахъ ли Россіи, что Ваше Величество раньше меня извѣщены“.

Въ виду такихъ отношеній между императоромъ французовъ и графомъ Толстымъ, пребываніе послѣдняго въ Парижѣ становилось абсолютно невозможнымъ. Письмомъ Императора Александра I Наполеонъ былъ извѣщенъ, что графъ Толстой отзывается и на его мѣсто назначается посломъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Гр. Толстой также былъ въ Эрфуртѣ, но онъ не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ происходившихъ тамъ дипломатическихъ переговорахъ.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга на свиданіе съ императоромъ Наполеономъ въ Эрфуртѣ 14-го сентября. Не подлежитъ сомнѣнію, что не „съ легкимъ сердцемъ“ отправился онъ въ путь. Въ началѣ переговоровъ съ Коленкуромъ о свиданіи онъ категорическимъ образомъ объявилъ, что поѣдетъ не раньше, какъ послѣ соглашенія по основнымъ вопросамъ, возбужденнымъ февральскимъ письмомъ Наполеона. Онъ хотѣлъ напередъ знать, будетъ ли Наполеонъ при составленіи проекта раздѣла Турціи настаивать на завладѣніи Дарданеллами, которые графъ Румянцевъ остроумно назвалъ „кошачь-

de la presqu'île de Gallipoli. Toutefois dans ses entretiens avec l'ambassadeur de France, l'Empereur Alexandre cessa peu à peu de parler des réserves qu'il avait faites, et en fin de compte consentit à l'entrevue d'Erfurt sans poser de conditions. Caulaincourt fut très satisfait de cette concession inespérée et ne semblait pas très soucieux d'approfondir quel pouvait être le motif de ce changement.

Il est certain que l'Empereur Alexandre renonça à l'exécution de cette condition préalable, parce qu'il avait pris la décision de ne pas poursuivre à Erfurt les pourparlers au sujet du partage de l'Empire Ottoman. Il arriva peu à peu à la conviction que l'exécution d'un projet quelconque de démembrement de la Turquie eût nécessairement lié la liberté d'action de la Russie pour un nombre d'années et l'eût placée dans l'impossibilié, d'opposer, le cas échéant, un frein aux vues envahissantes de Napoléon. L'histoire de la conquête d'Espagne devait dessiller les yeux à Alexandre I et le convaincre d'une manière définitive de l'imminence d'une guerre entre la Russie et la France dans un avenir rapproché. Si la Russie se bornait à réunir à ses domaines les principautés Danubiennes, déjà occupées par ses armées, elle se réservait la faculté de surveiller avec vigilance toutes les marches et les contremarches de la politique française dans l'Occident de l'Europe. Dans ce cas elle pouvait prévenir une nouvelle destruction de la Prusse ou de l'Autriche et obtenir le consentement de celle-ci à l'incorporation de la Moldavie et de la Valachie par un accord secret avec cette puissance contre Napoléon. Tandis que la conquête de Constantinople et la chute de l'Empire Ottoman n'eussent pas manqué d'amener une des ces grandes catastrophes qui embrassent le monde entier et dont il est impossible de prévoir l'issue. Dans tout état de cause cette catastrophe eût attiré toutes les forces militaires de la Russie du côté de la Mer Noire et l'Empereur Alexandre eût été placé dans la nécessité d'abandonner l'Europe occidentale à son propre sort.

L'Empereur Alexandre ne pouvait se décider à s'engager dans cette politique d'aventures et c'est pourquoi il donna son consentement à l'entrevue d'Erfurt sans poser de conditions.

Toutefois ce changement d'attitude à l'égard de son allié devait rester caché dans les profondeurs de son âme. Il ne pouvait s'en ouvrir à personne. Aussi son entourage intime qui se défiait de

имъ языкомъ", въ виду формы полуострова Галлиполи. Однако, мало по малу Императоръ Александръ сталъ забывать, въ бесѣдахъ съ французскимъ посломъ, объ этомъ условіи и въ концѣ концовъ согласился на свиданіе въ Эрфуртѣ безъ всякихъ условій. Коленкуръ чрезвычайно обрадовался такой неожиданной уступчивости со стороны русскаго Императора и совсѣмъ не ломалъ себѣ головы надъ вопросомъ: какая причина вызвала такую перемѣну?

Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что Императоръ Александръ отказался отъ исполненія выставленнаго имъ условія, потому что рѣшился не продолжать въ Эрфуртѣ переговоровъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Онъ проникся мало по малу убѣжденіемъ, что исполненіе какого либо проекта раздѣла Турціи свяжетъ Россію на многіе годы и лишитъ ее какой либо возможности дать, въ случаѣ нужды, отпоръ завоевательнымъ замысламъ Наполеона. Исторія захвата Испаніи должна была открыть глаза Александру I и убѣдить его окончательно въ неминуемости, въ ближайшемъ будущемъ, борьбы между Россіей и Франціей. Еслибъ Россія только ограничилась присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ, уже занятыхъ ея войсками, то она могла бы продолжать неукоснительнымъ образомъ наблюдать за всѣми ходами французской политики въ Западной Европѣ. Въ такомъ случаѣ, она могла бы предупредить новый разгромъ Пруссіи и Австріи и купить согласіе послѣдней державы на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи тайнымъ соглашеніемъ противъ Наполеона. Напротивъ, завоеваніе Константинополя и паденіе всей Оттоманской имперіи привело бы неизбѣжнымъ образомъ къ міровой катастрофѣ, окончательный исходъ которой никакъ нельзя было предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, такая катастрофа совершенно отвлекла бы всѣ военныя силы Россіи на берега Чернаго моря и заставила бы Императора Александра оставить на произволъ судьбы всю Западную Европу.

Рѣшиться на такую политику приключеній не могъ Императоръ Александръ и потому онъ далъ свое согласіе на свиданіе въ Эрфуртѣ безъ всякихъ условій.

Однако, такое его отношеніе къ своему союзнику должно было оставаться въ тайникахъ его души. Никому онъ не могъ открыться. Вотъ почему близкіе ему люди, питавшіе глу-

Napoléon redoutait-il sérieusement l'issue de la prochaine entrevue avec „l'Antechrist“ de la France, dont le génie et la puissance d'attraction étaient connus de tout le monde. L'Impératrice-Mère Marie Féodorovna formait en quelque sorte le centre intellectuel des ennemis irréconciliables de Napoléon à la Cour Impériale. Elle crut de son devoir de mère de persuader son auguste fils à renoncer à cette course fatale dont elle prévoyait pour la Russie de bien plus grandes calamités que celles, qu'avait amenées l'entrevue de deux souverains à Tilsit.

Avant le départ de l'Empereur l'Impératrice-Mère eut avec lui plusieurs entretiens sérieux dans le but de le détourner de l'exécution de ce projet. Enfin, le 25 août (v. st.), elle écrivit à son fils une longue lettre en français dans la quelle elle mit toute son âme le suppliant de ne pas s'exposer au sort qui a frappé le roi d'Espagne à Bayonne *).

„Inquiète et triste, cher Alexandre, jusqu'au fond de l'âme“, écrivait l'Impératrice Marie Féodorovna, „oppressée par la pensée cruelle de vous voir vous nuire à vous-même, il faut que je vous parle encore une fois; il faut encore une fois retracer à vos yeux, et cela par écrit, les souvenirs de tout ce que je vous ai dit dans nos trois dernières conversations... Ces lignes vous jugeront et me jugeront au tribunal de l'Etre Suprême... Vouz allez nous quitter dans 8 jours pour une entrevue en pays étranger avec Bonaparte, et cela dans une forteresse qui se trouve encore sous sa domination et gardée par ses troupes“.

Ensuite l'Impératrice-Mère passe à l'examen de la situation générale des affaires, au but de l'entrevue proposée, à la question du moment choisi pour cette entrevue et enfin aux conséquences et aux dangers qui peuvent en résulter pour l'Empereur et la Russie.

1. „L'état général des affaires dans l'étranger offre le tableau le plus triste et le plus imposant. L'Europe est soumise aux décrets du tyran sanguinaire qui la gouverne avec un sceptre de fer“. L'Autriche ne succombe pas et jouit de son indépendance, tous les autres souverains

*) *Observation.* Nous citons des passages de cette lettre très intéressante de l'Impératrice-Mère, sans y apporter aucun changement.

бокую подозрительность къ Наполеону, должны были серьезнымъ образомъ бояться за исходъ предстоящаго новаго свиданія съ французскимъ „Антихристомъ“, котораго геніальность и сила увлеченія были общензвѣстны. Духовнымъ центромъ непримиримыхъ враговъ Наполеона при Высочайшемъ дворѣ была Императрица-мать Марія Ѳеодоровна. Она считала своимъ материнскимъ долгомъ сдѣлать все, чтобъ оттоворить своего августѣйшаго сына отъ этой роковой поѣздки, отъ которой она ожидала для Россіи еще большихъ невзгодъ, нежели какія принесло свиданіе обоихъ императоровъ въ Тильзитѣ.

Передъ отъѣздомъ Государя Императрица-мать имѣла съ нимъ нѣсколько серьезныхъ разговоровъ съ цѣлью остановить его отъ исполненія намѣренія поѣхать въ Эрфуртъ. Наконецъ, 25-го августа (ст. ст.) она написала сыну подробное письмо на французскомъ языкѣ, въ которое она вложила всю свою душу, и умоляла его не подвергнуть себя участи испанскаго короля въ Байоннѣ *).

„Я встревожена и опечалена до глубины души, дорогой Александръ“, писала Императрица Марія Ѳеодоровна, „угнетена ужасной мыслью — видѣть васъ вредящимъ самому себѣ; поэтому нужно, чтобы я еще разъ поговорила съ вами; нужно еще разъ, и уже письменно, оживить для васъ воспоминаніе обо всемъ, что я говорила вамъ въ продолженіи нашихъ трехъ послѣднихъ бесѣдъ... Эти строки будутъ вашими и моими судьями на судѣ Верховнаго Существа... Черезъ недѣлю вы покинете насъ, чтобъ отправиться въ чужую страну на свиданіе съ Бонапартомъ и, притомъ, на свиданіе въ крѣпости, находящейся еще подъ его владычествомъ и охраняемой его войсками“.

Затѣмъ Императрица-мать переходитъ къ разсмотрѣнію общаго положенія дѣлъ, къ цѣли предположеннаго свиданія, къ вопросу о времени выбора для свиданія и, наконецъ, къ послѣдствіямъ и опасностямъ свиданія для Государя и Россіи.

1. „Общее положеніе дѣлъ за границей представляетъ въ высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена велѣніямъ кровожаднаго тирана, управляющаго ею съ желѣзнымъ скипетромъ въ рукахъ“. Австрія еще держится и пользуется независимостью.

*) *Примѣчаніе.* Мы приводимъ выписки изъ интереснѣйшаго письма Императрицы-матери, не измѣняя въ немъ ничего.

sont „des esclaves sous la pourpre“. Les Espagnols se sont insurgés. L'Italie et l'Allemagne sont asservies.

En ce qui regarde la Russie, „le premier des mobiles pour signer la paix de Tilsit fut d'épargner le sang humain et de terminer les malheurs de la guerre, mais à la distance de quelques mois, quoique Bonaparte n'avait tenu aucun des engagements pris par ce traité, et en eut enfreint plusieurs, en envahissant des pays dont il avait pris la garantie, nous rompîmes avec l'Angleterre, et anéantîmes notre commerce parce qu'il le voulait“. Napoléon força la Russie de déclarer la guerre à la Suède et d'occuper la Finlande par ses troupes. Ce n'est pas tout.

„La volonté de Bonaparte a paralysé nos opérations contre les Turcs; nous ne sommes ni en paix, ni en guerre, et cependant l'Etat supporte toutes les dépenses de la guerre et je prévois que si Bonaparte a des succès dans ses entreprises, il ne consentira jamais à l'acquisition de la Moldavie et Walachie, si ce n'est peut-être sous des conditions funestes d'agrandissement pour lui et sa famille qui nous donnent des voisins ambitieux ou bien ineptes, menaçant notre Empire de dangers les plus pressants“.

Selon l'Impératrice-Mère Bonaparte se mêle de tout et impose partout sa volonté: même dans les relations de la Russie avec la Perse dont il re-çoit les ambassadeurs.

„Enfin son influence s'étend sur tout, et en vérité il est honteux, mais il est vrai de dire qu'elle s'étend depuis la toilette des soldats jusqu'aux décisions d'affaires d'Etat“.

„Jetons un regard“, poursuit l'Impératrice-Mère, „sur notre intérieur, nous y verrons un mécontentement général, une aversion mêlée d'indignation contre les Français, le commerce anéanti, le prix des premiers besoins monté si excessivement qu'il équivaut pour le pauvre à la famine, un manque de sel, les finances dans un état qui approche de la banqueroute“...

2. Le but de l'entrevue d'Erfurt, selon la conviction de l'Impératrice-Mère, ne serait autre que de lier encore plus étroitement le sort de la Russie et de son Souverain à celui de Napoléon. „Il faut donc que le bien qu'il attend pour lui de cette entrevue soit calculé d'avance

Всѣ прочіе Государи—„рабы подъ пурпуромъ“. Испанскій народъ возсталъ. Италія и Германія порабощены.

Что же касается Россіи, то Тильзитскій миръ мы были вынуждены заключить, съ цѣлью „сберечь человѣческую кровь и прекратить бѣдствія войны. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, хотя Наполеонъ не только не выполнилъ ни одного изъ принятыхъ на себя, по договору, обязательствъ, но нѣкоторыя изъ нихъ нарушилъ, занявъ области, неприкосновенность которыхъ онъ гарантировалъ,—мы довели дѣло до разрыва съ Англіей и уничтожили нашу торговлю, потому что онъ хотѣлъ этого“. Наполеонъ же заставилъ Россію начать войну противъ Швеціи и занять своими войсками Финляндію. Этого мало.

„Воля Бонапарта парализовала наши дѣйствія противъ Турокъ; мы находимся ни въ войнѣ, ни въ мирѣ, а между тѣмъ государство несетъ всѣ издержки войны, и я предвижу, что, если предпріятія Бонапарта увѣнчаются успѣхомъ, онъ никогда не согласится на присоединеніе Молдавіи и Валахіи, а если и согласится, то, быть можетъ, лишь подъ пагубнымъ условіемъ территоріальнаго вознагражденія для него и для его семьи, что создастъ намъ сосѣдей честолюбивыхъ или же неспособныхъ, грозя нашей Имперіи самыми непосредственными опасностями“.

По словамъ Императрицы-матери, Бонапартъ вмѣшивается повсюду и навязываетъ свою волю: даже въ отношенія Россіи къ Персіи, которой пословъ онъ принимаетъ.

„Однимъ словомъ, его вліяніе распространяется на все, и поистинѣ стыдно, но справедливо сказать, что оно простирается начиная съ солдатской формы и кончая рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ“.

„Бросимъ взглядъ“, продолжаетъ Императрица-мать, „на наше внутреннее положеніе; мы увидимъ тамъ всеобщее недовольство, смѣшанное съ негодованіемъ, отвращеніе къ Французамъ, погубленную торговлю; цѣны на предметы первой необходимости возросшими столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это равнозначуще голоду; недостатокъ въ соли, финансовыя средства въ положеніи, близкомъ къ банкротству“...

2. Что касается цѣли Эрфуртскаго свиданія, то, по убѣжденію Императрицы-матери, она можетъ заключаться только въ томъ, чтобы связать еще больше съ судьбою Наполеона судьбу Россіи и ея вѣнценоснаго главы. „Польза, которой онъ ожидаетъ для себя отъ

à jeu sûr; il sent que le prestige commence à s'évanouir, il en cherche un nouveau dans l'amitié de l'Empereur de Russie; l'idole chancelle, mais la présence, les soins généreux de son jeune ami doivent le relever".

L'entrevue d'Erfurt est nécessaire à Napoléon pour ses nouveaux projets et ses guerres sanglantes.

„C'est pour répandre le sang que l'Empereur de Russie est entraîné à ce voyage; c'est pour l'engager par sa conversation astucieuse, pour ainsi dire contre sa propre volonté, à prendre part à cette nouvelle guerre . . . C'est pour nous éblouir par de nouveaux projets d'envahissement et de partage de l'Empire Ottoman, qui tous sont destructeurs pour nous, parce qu'ils augmenteraient la masse de sa puissance"....

3. L'époque de l'entrevue fut choisie par Bonaparte d'une manière très astucieuse. C'est juste au moment, où ses mensonges et sa perfidie se manifestent dans toute leur plénitude, et où les malédictions des peuples opprimés tombent sur lui que l'Empereur de Russie a consenti à lui donner, par cette entrevue, une preuve de confiance et d'amitié et à lui prêter son appui. N'eût-il pas mieux valu „à rester spectateur calme et tranquille, à d'attendre le sort que le Ciel lui prépare peut-être".

4. Enfin l'Impératrice-Mère prévoyait les conséquences les plus fâcheuses de cette entrevue pour l'Empereur, pour l'Etat et pour l'avenir de tous les deux.

„Persuadez vous, cher Alexandre", écrivait l'Impératrice-Mère, „que tous ceux de notre nation qui vous estiment, vous aiment et à qui votre gloire est chère, portent le deuil le plus profond dans leur coeur de cette entrevue qui ternit votre réputation, et lui laisse une tache ineffaçable que la postérité même vous reprochera un jour, tel que soit votre règne futur. La nation entière en doit être non seulement affligée, mais son amour-propre en sera blessé, car sa dignité est compromise dans la personne de son souverain qu'elle regarde comme son Dieu-tutélaire; il est contre sa gloire de le voir céder au vœu de Bonaparte en quittant ses Etats pour le voir et confiant sa personne sacrée à celui qui ne respecte ni loi divine, ni humaine; la nation, dès qu'elle vous saura réuni à lui, perdra confiance dans vos déterminations, dans vos ordres, et tels qu'ils soient, elle les croira arrachés par la force"...

этого свиданія, разсчитана имъ заранѣе и разсчитана навѣрное: онъ чувствуетъ, что его обаяніе начинаетъ исчезать, и ищетъ новаго въ дружбѣ русскаго Императора: кумиръ шатается, но присутствіе, великодушныя заботы его молодого друга должны поддержать его".

Эрфуртское свиданіе нужно Наполеону для его новыхъ плановъ и кровопролитныхъ войнъ.

„Императора Россіи завлекли на это свиданіе именно для того, чтобы проливать кровь и чтобы при помощи лукавыхъ разговоровъ побудить его, такъ сказать, противъ его собственной воли, принять участіе въ новой войнѣ... Все это для того, чтобы ослѣпить насъ новыми проектами занятія и раздѣленія Оттоманской имперіи, которые всѣ гибельны для насъ въ томъ отношеніи, что увеличатъ силы, которыми онъ располагаетъ"...

3. Время для свиданія избрано Бонапартомъ также самымъ лукавымъ образомъ. Именно въ то время, когда его лживость и коварство обнаруживаются во всей полнотѣ и когда на него падаютъ проклятія всѣхъ угнетаемыхъ имъ народовъ, русскій Государь согласился своимъ свиданіемъ съ Бонапартомъ дать ему доказательство довѣрія и дружбы и поддерживать его. Не лучше ли было бы оставаться „спокойнымъ и невозмутимымъ зрителемъ и выжидать судьбы, которую небо, быть можетъ, готовитъ ему".

4. Наконецъ Императрица-мать предвидитъ самыя пагубныя послѣдствія отъ этого свиданія для Государя лично, для государства и для будущности обоихъ.

„Убѣдитесь, дорогой Александръ", писала Императрица-мать, „что всѣ тѣ въ нашемъ народѣ, которые васъ уважаютъ и любятъ и которымъ дорога ваша слава, носятъ въ своемъ сердцѣ величайшую печаль объ этомъ свиданіи, которое чернитъ вашу репутацію и кладетъ на нее неизгладимое пятно, за которое даже грядущія поколѣнія будутъ упрекать васъ, каково бы ни было ваше дальнѣйшее царствованіе. Весь народъ долженъ быть не только опечаленъ этимъ, но онъ будетъ оскорбленъ въ своемъ самолюбіи, такъ какъ его достоинство задѣто въ лицѣ его Государя, на котораго онъ смотритъ какъ на своего Бога—хранителя; видѣть, что онъ уступаетъ желанію Бонапарта, уѣзжая изъ своего государства для свиданія съ нимъ и такимъ образомъ ввѣряя свою священную особу тому, который не уважаетъ ни божескихъ, ни человѣческихъ за-

„Il n'y a que vous seul au monde qui croyez par cette démarche prévenir des maux et faire renaître le bonheur et la paix. Non, Alexandre, il n'en est pas ainsi! Vous vous trompez même d'une manière criminelle“....

L'Impératrice-Mère prédit à son auguste fils que Napoléon le forcera à consentir à prendre part à une guerre contre l'Autriche et contre tous ses ennemis.

Enfin l'auguste Mère supplie son fils de s'arrêter au bord du précipice, vers lequel le pousse Napoléon.

„Ne blessez pas votre nation dans tout ce qui lui est sacré et cher dans votre personne auguste, reconnaissez son amour dans les angoisses du moment et n'allez pas volontairement ployer votre front orné du plus beau diadème devant l'idole de la fortune, mais l'idole maudite de la race présente et future; arrêtez-vous sur le bord du précipice!“ Bonaparte était capable de tout, aussi l'Impératrice-Mère suppliait-elle son fils de renoncer à l'entrevue ou du moins de l'ajourner de quelque temps.

„Alexandre, évitez la (l'entrevue) au nom de Dieu; l'estime d'une nation se perd facilement, mais ne se regagne pas de même; vous la perdrez par cette entrevue et vous perdrez votre empire et votre famille: arrêtez-vous, il en est temps encore, rendez vous à la voix de l'honneur, aux prières, aux supplications de votre mère, elle crie à haute voix à votre coeur, arrêtez-vous, mon enfant, mon ami... Alexandre, j'implore l'assistance divine sur vous, veuille le Saint-Esprit vous guider, répandre sa clarté dans votre esprit et coeur, et mes appréhensions, mes peines se changeront en actions de grâce pour l'Être suprême et en bénédictions pour vous. Adieu!“

Nous avons cru de notre devoir de citer presqu'en entier la lettre peu connue de l'Impératrice Marie Féodorovna à son auguste fils au sujet de l'entrevue d'Erfurt. Il est certain que cette lettre produisit une profonde impression sur l'Empereur Alexandre et réagit sur sa conduite dans le cours des pourparlers avec Napo-

коновъ,—это противно его славѣ. Какъ только народъ увидитъ, что вы находитесь вмѣстѣ съ нимъ, онъ утратитъ довѣріе къ вашимъ рѣшеніямъ, къ вашимъ повелѣніямъ, и, каковы бы они ни были, онъ будетъ считать ихъ исторгнутыми силою“...

„Во всемъ мірѣ лишь вы одни можете вѣрить, что подобнымъ путемъ предотвратите бѣдствія и возродите благополучіе и миръ. Нѣтъ, Александръ, это не такъ. Вы ошибаетесь и даже преступнымъ образомъ“...

Императрица-мать предсказываетъ августѣйшему своему сыну, что Наполеонъ заставитъ его согласиться участвовать въ войнѣ противъ Австріи и противъ всѣхъ враговъ его.

Наконецъ августѣйшая мать умоляетъ своего сына остановиться на краю пропасти, въ которую его тянетъ Наполеонъ.

„Не оскорбляйте вашего народа“, продолжаетъ она свое краснорѣчивое посланіе, „во всемъ томъ, что для него священно и дорого въ вашей августѣйшей особѣ, признайте его любовь въ удрученномъ настроеніи данной минуты и не преклоняйте добровольно своего чела, украшеннаго прекраснѣйшимъ изъ вѣнцовъ, передъ кумиромъ счастья, но кумиромъ, проклятымъ настоящимъ и грядущимъ поколѣніями; остановитесь на краю бездны!“ Вѣдь Бонапартъ способенъ на все! Поэтому Императрица-мать умоляла сына отказаться отъ свиданія, или же, по меньшей мѣрѣ, отсрочить его на нѣкоторое время.

„Ради Бога, Александръ, уклонитесь отъ этого свиданія; уваженіе народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно. Вы потеряете его черезъ это свиданіе и вы потеряете вашу имперію и вашу семью: остановитесь, еще есть время, послушайтесь голоса чести, просьбъ, моленій вашей матери; она громогласно взываетъ къ вашему сердцу, остановитесь, мое дитя, мой другъ... Александръ, я молю помощи Божьей для васъ, чтобъ Святой Духъ руководилъ вами, пролилъ просвѣтленіе въ вашъ умъ и въ ваше сердце, и мои опасенія, мои муки смѣнятся изъявленіями благодарности Верховному Существу и благословеніями васъ. Прощайте!“

Мы считали долгомъ привести почти цѣликомъ мало извѣстное письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ своему августѣйшему сыну касательно Эрфуртскаго свиданія. Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо произвело глубокое впечатлѣніе на Императора Александра и на его поведеніе во время переговоровъ съ импе-

léon à Erfurt. Il est très probable que le refus décisif de l'Empereur Alexandre de prendre part à une guerre contre l'Autriche sur le même pied que la France, et sa décision de ne pas donner de suite au projet de partage de la Turquie ont été inspirées, dans une large mesure, par les touchants avertissements d'une mère adorée.

Toutefois l'Empereur Alexandre ne pouvait pas laisser sans réponse cette lettre de sa mère. Avant son départ pour Erfurt il esquissa de sa propre main cette réponse dans laquelle, en termes respectueux, mais énergiques, il prend la défense de la politique qu'il a suivie depuis le traité de Tilsit. Il s'applique à réfuter, sur tous les quatre points, les arguments consignés dans la lettre de sa mère, et à la rassurer au sujet des conséquences de la prochaine entrevue avec Napoléon à Erfurt.

Nous nous bornerons à citer les passages les plus caractéristiques et les plus importants de cette lettre responsive de l'Empereur Alexandre*).

„Votre lettre, chère Maman", commence l'Empereur, „et le sujet dont elle traite, m'imposent le devoir d'y répondre avec toute la confiance et la franchise, dont je me sens susceptible. Son contenu est trop grave, trop important, pour que je puisse admettre dans ma réponse un autre sentiment que celui de mes devoirs envers ma patrie et la place que j'y occupe".

L'Empereur passe ensuite à la réfutation détaillée des quatre points spécifiés dans la lettre de sa mère:

1. La situation politique générale de l'Europe imposait à la Russie le devoir de se rapprocher avec la France.

„Après la malheureuse lutte que nous avons soutenue contre la France, elle est restée la plus forte entre les trois puissances du continent encore existantes, et telle par sa position, par ses moyens, à pouvoir triompher non seulement de chacune d'elles séparément, mais même de toutes les deux réunies ensemble".

„N'était-il pas de l'intérêt de la Russie d'être bien avec ce colosse redoutable, avec ce seul ennemi vraiment dangereux que la Russie peut avoir?"

*) L'original de cette lettre est également en français.

раторомъ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Весьма вѣроятно, что положительный отказъ Императора Александра участвовать въ войнѣ противъ Австріи, наравнѣ съ Франціей, и уклоненіе отъ развитія проектовъ о раздѣлѣ Турціи въ значительной степени объясняются трогательными предостереженіями со стороны обожаемой матери.

Однако Императоръ Александръ не могъ оставить безъ отвѣта это письмо. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Эрфуртъ онъ собственноручно набросалъ отвѣтъ, въ которомъ почтительнѣйше, но и энергически, защищаетъ свою политику послѣ Тильзитскаго трактата. Онъ старается по всѣмъ четыремъ пунктамъ опровергнуть доводы материнскаго письма и совершенно ее успокоить насчетъ послѣдствій предстоящаго въ Эрфуртѣ свиданія съ Наполеономъ.

Мы ограничимся выпискою изъ отвѣтнаго письма Императора Александра наиболѣе характеристическихъ и важныхъ мѣстъ*).

„Ваше письмо, дорогая матушка", начинаетъ Императоръ, „и предметъ, о которомъ оно говоритъ, налагаютъ на меня обязанность отвѣчать на него съ довѣріемъ и откровенностью, на которыя я чувствую себя способнымъ. Его содержаніе слишкомъ серьезно, слишкомъ важно, чтобы я могъ допустить въ своемъ отвѣтѣ другое чувство, чѣмъ то, которое обусловливается моими обязанностями въ отношеніи къ отечеству и занимаемымъ мною въ немъ положеніемъ".

Вслѣдъ затѣмъ Императоръ переходитъ къ подробному опроверженію по всѣмъ четыремъ пунктамъ письма матери.

1. Общее политическое положеніе Европы требовало отъ Россіи сблизиться съ Франціей.

„Послѣ несчастной борьбы, которую мы вели противъ Франціи, послѣдняя осталась наиболѣе сильною изъ трехъ еще существующихъ континентальныхъ державъ, и, по своему положенію, по своимъ средствамъ, она можетъ одержать верхъ не только надъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, но даже надъ обѣими, взятыми вмѣстѣ".

„Не является ли въ интересахъ Россіи быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ этимъ страшнымъ колоссомъ, съ этимъ врагомъ, по-

*) Оригиналъ этого письма также на французскомъ языкѣ.

Il était de toute nécessité de convaincre la France que ses intérêts politiques pouvaient se concilier avec ceux de la Russie. Dans ce cas on peut être certain qu'elle choisira de préférence l'amitié et l'alliance de la Russie à des rapports d'hostilité. En attendant, la paix sur le continent européen ne saurait être maintenue que par un accord entre la Russie et la France.

„Quel autre moyen pouvait donc avoir la Russie", demande l'Empereur, „pour conserver son union avec la France, que celui d'entrer pour quelque temps dans ses vues et lui prouver qu'elle peut rester sans méfiance sur ses intentions et ses plans?"

„C'est à ce résultat que devaient tendre tous nos efforts, pour pouvoir respirer pendant quelque temps librement et augmenter pendant ce temps si précieux nos moyens, nos forces. Mais ce n'est que dans le plus profond silence que nous devions y travailler et non en publiant nos armements, nos préparatifs sur les places publiques et en déclamant contre celui dont nous nous défions".

2. Passant ensuite au but de la prochaine entrevue l'Empereur Alexandre démontre la complète impossibilité d'y renoncer si l'on reconnaît la nécessité de conserver pour le moment de bonnes relations avec la France. „Il s'agit de terminer tant de choses restées en suspens et sur lesquelles Napoléon ne veut pas venir à la conclusion par intermédiaire ou par écrit. La force étant dans ses mains, il faut en venir à l'entrevue qu'il désire, ou renoncer à cette conclusion si essentielle pour les intérêts de la Russie!"

En dehors de cela il faut sauver l'Autriche, empêcher une nouvelle effusion de sang „et conserver ses moyens pour le vrai moment où elle pourra les employer pour le bien général. Ce moment peut être près, mais il n'a pas sonné encore, l'accélérer serait tout gâter, tout perdre. Tout porte à croire que Napoléon ne veut pas la guerre avec l'Autriche... Si l'entrevue n'aurait que le seul résultat d'avoir empêché une calamité aussi déplorable, elle compenserait encore avec usure les désagréments qui en sont inséparables".

истинѣ опаснымъ, котораго Россія можетъ встрѣтить на своемъ пути?"

Нужно было убѣдить Францію, что ея политическіе интересы могутъ сочетаться съ политическими интересами Россіи. Въ такомъ случаѣ она всегда предпочтетъ дружбу и союзъ съ Россіей враждѣ съ нею. Между тѣмъ миръ на континентѣ европейскомъ можетъ быть поддерживаемъ только союзомъ между Россіей и Франціей.

„Поэтому", спрашиваетъ Императоръ, „какимъ другимъ средствомъ могла располагать Россія для того, чтобы сохранить свое единеніе съ Франціей, какъ не готовностью примкнуть на нѣкоторое время къ ея интересамъ и тѣмъ доказать ей, что она можетъ относиться безъ недовѣрія къ ея намѣреніямъ и планамъ?"

„Къ этому-то результату должны были клониться всѣ наши усилія, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность нѣкоторое время дышать свободно и увеличивать въ теченіе этого столь драгоцѣннаго времени наши средства, наши силы. Но мы должны работать надъ этимъ среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадяхъ о нашихъ вооруженіяхъ, нашихъ приготовленіяхъ и не гремя публично противъ того, къ кому мы питаемъ недовѣріе".

2. Переходя затѣмъ къ цѣли предстоящаго свиданія, Императоръ Александръ доказываетъ фактическую невозможность отказаться отъ него, если нужно пока сохранять добрыя отношенія къ Франціи. „Нужно окончить массу дѣлъ, оставшихся нерѣшенными, и которыя Наполеонъ не желаетъ покончить при помощи посредниковъ или письменнымъ путемъ. Такъ какъ сила въ его рукахъ, то нужно пойти на свиданіе, котораго онъ желаетъ, или же отказаться отъ разрѣшенія этихъ дѣлъ, имѣющихъ столь существенное значеніе для интересовъ Россіи".

Кромѣ того, нужно спасти Австрію и остановить новое кровопролитіе „и сохранить ея силы для подходящаго момента, когда ей окажется возможнымъ употребить ихъ для всеобщаго блага. Этотъ моментъ близокъ, но онъ еще не наступилъ, и ускорять его наступленіе значило бы испортить и погубить все. Все заставляетъ предполагать, что Наполеонъ не желаетъ войны съ Австріей... Еслибы свиданіе имѣло единственнымъ своимъ послѣдствіемъ предотвращеніе столь прискорбнаго бѣдствія, то это съ избыткомъ вознаградило бы за неразлучныя съ нимъ непріятности".

En ce qui regarde l'Espagne, la Providence seule peut décider quelle sera l'issue de la guerre qu'on fait à ce pays. L'armée russe ne s'y rendra pas.

3. Passant à la question de l'époque fixée pour l'entrevue, l'Empereur Alexandre expose à son auguste Mère que Napoléon en a fait le choix et que pour sa part il n'a aucun motif de ne pas l'accepter. Ce fait ne saurait aucunement donner lieu à suspecter sa droiture et sa sincérité. Les échecs de Napoléon en Espagne peuvent n'être que temporaires. Si Napoléon est destiné à tomber, „nous le verrons tranquillement tomber".

„Mais ce que je désire avant tout", poursuit l'Empereur, „c'est qu'on me prouve, d'où déduit-on cette chute si prochaine d'un empire aussi puissant qu'est la France dans ce moment?"

Le génie et les talents de Napoléon sont incontestables et aucun symptôme ne fait présager la chute imminente de l'empire colossal qu'il a créé.

„Si la Providence a décrété la chute de cet empire colossal, je doute qu'elle puisse être soudaine, mais si tel est même le cas, il est plus prudent d'attendre qu'il soit croulé pour prendre son parti. Tel est mon opinion".

4. Enfin l'Empereur répond assez brièvement et avec la conscience de sa dignité à la question des conséquences de la prochaine entrevue. Dieu seul peut en connaître les conséquences.

„Je me contenterai de dire que ce serait criminel de ma part, si je m'arrêtais dans ce que je crois utile aux intérêts de l'empire pour des propos qu'on se permet dans le public sans nulle connaissance de cause, sans approfondir les circonstances, sans vouloir même être éclairés sur les motifs. Cela serait là trahir mes devoirs pour courir après le triste avantage de me trouver d'accord avec le *qu'en dira-t-on* du moment, aussi vacillant que le sont les individus qui le font naître... J'avoue qu'il m'est pénible de voir quand je n'ai en vue que les intérêts de la Russie, que les sentiments qui font le mobile de ma conduite puissent être autant méconnus".

Что же касается Испаніи, то одно только Провидѣніе рѣшитъ, каковъ долженъ быть исходъ начатой противъ нея войны. Русская армія туда не отправится.

3. Переходя къ вопросу о времени, избранномъ для свиданія, Императоръ Александръ доказываетъ своей августѣйшей матери, что Наполеонъ выбралъ это время, и ему уклониться отъ принятія его нѣтъ никакихъ основаній. Онъ не можетъ подавать повода заподозрить его прямоту и искренность. Неудачи Наполеона въ Испаніи могутъ быть временныя. Если же Наполеону суждено будетъ пасть, то „мы спокойно будемъ смотрѣть на его паденіе".

„Но чего я желаю прежде всего", продолжаетъ Императоръ, „такъ это того, чтобы мнѣ доказали, на чемъ основываютъ предположенія о столь близкомъ паденіи столь могущественной Имперіи, какъ Франція настоящаго времени?"

Геній и таланты Наполеона неоспоримы, и нѣтъ никакихъ признаковъ въ пользу неминуемости паденія созданной имъ колоссальной имперіи.

„Если Провидѣніе предрѣшило паденіе этой колоссальной имперіи, я сомнѣваюсь, чтобы оно могло произойти внезапно; но еслибы даже оно было такъ, то болѣе благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затѣмъ уже принять свое рѣшеніе. Таково мое мнѣніе".

4. Наконецъ Императоръ отвѣчаетъ весьма кратко и съ сознаніемъ своего достоинства на вопросъ о послѣдствіяхъ предстоящаго свиданія. Только одному Богу могутъ быть извѣстны эти послѣдствія.

„Я удовольствуюсь сказать, что было бы преступно съ моей стороны, еслибы я пріостановился осуществленіемъ того, что считаю полезнымъ для интересовъ имперіи, подъ вліяніемъ разговоровъ, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ, безъ малѣйшаго знанія дѣла, не углубляясь въ сущность обстоятельствъ, не желая даже узнать побудительныхъ причинъ моего образа дѣйствія. Поступить иначе значило бы измѣнить своему долгу, чтобы погнаться за грустнымъ преимуществомъ оказаться въ согласіи съ этимъ *„что скажутъ?"* данной минуты, столь же шаткимъ, какъ и люди, порождающіе его... Признаюсь, что мнѣ тяжело видѣть, что въ то время, когда я имѣю въ виду лишь интересы Россіи, чувства, руководящія моимъ образомъ дѣйствій, могутъ быть такъ превратно понимаемы".

Malgré le ton très respectueux de la lettre responsive de l'Empereur Alexandre, on ne saurait y méconnaître une certaine irritation au sujet des reproches qui lui ont été adressés par sa mère adorée. Il les considérait comme tout-à-fait immérités et protestait énergiquement contre l'idée que le charme exercé sur lui par Napoléon l'aveuglait au point de ne pas lui laisser voir le précipice vers lequel le poussait son rival. L'Empereur Alexandre avait de l'amour-propre et n'admettait pas la pensée d'un pareil asservissement à la volonté de Napoléon.

On sait qu'immédiatement avant son départ de Russie pour se rendre à Erfurt, l'Empereur écrivit à sa sœur la Grand'Duchesse Catherine Pavlovna en français:

„Bonaparté prétend que je ne suis qu'un sot. *Rira bien qui rira le dernier*, et moi je mets tout mon espoir en Dieu!“ *)

Quoi qu'il en soit, il est certain que les entretiens intimes et les lettres de l'Impératrice Marie Féodorovna devaient produire un effet puissant sur la nature impressionnable de l'Empereur Alexandre qui dès l'enfance s'inclinait devant l'esprit supérieur de son auguste mère. L'Empereur Alexandre arriva à Erfurt avec la ferme résolution de ne pas se laisser séduire par le charme de Napoléon et de lui faire, le cas échéant, une opposition énergique. C'est ce qu'il fit.

Si Napoléon quitta Paris avec des projets grandioses sur le partage de l'Empire Ottoman et sur les décisions à prendre au sujet des destinées de l'Europe entière, de sa civilisation et de son avenir, l'Empereur Alexandre arriva à Erfurt avec la ferme volonté de ne pas procéder au démembrement de la Turquie et de ne décider aucune question touchant à l'avenir de l'Europe. **) Si Napoléon était convaincu que l'œuvre commencée à Tilsit serait achevée à Erfurt dans le sens de l'asservissement de la politique russe à ses vues, l'Empereur Alexandre espérait bien qu'il réussirait à affirmer son indépendance et à dévoiler les visées envahissantes de l'Empereur des Français.

La marche des pourparlers entre les deux Souverains et la convention ci-dessous qui en était le résultat suffisent à expliquer les senti-

*) Voir *mon* Recueil des traités, t. XIII, pag. 306.
**) *Vandal, loc. cit.*, t. I, pag. 406—7.

Не взирая на всю почтительность тона отвѣтнаго письма Императора Александра, все таки нельзя не замѣтить въ немъ нѣкотораго раздраженія по поводу сдѣланныхъ ему упрековъ со стороны обожаемой матери. Онъ считалъ эти упреки совершенно незаслуженными и энергическимъ образомъ протестовалъ противъ мнѣнія, что онъ настолько очарованъ Наполеономъ, что не видитъ пропасти, въ которую тотъ его тянетъ. Императоръ Александръ былъ самолюбивъ и не допускалъ мысли о такомъ порабощеніи волѣ Наполеона.

Извѣстно, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Россіи въ Эрфуртъ Императоръ писалъ своей сестрѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, на французскомъ языкѣ:

„Bonaparté думаетъ, что я больше ничего какъ дуракъ. *Смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣднимъ.* Я же полагаюсь вполнѣ на Бога“ *).

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что интимныя бесѣды и письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны должны были оставить глубокій слѣдъ на впечатлительной натурѣ Императора Александра, который съ дѣтства преклонялся предъ рѣдкимъ умомъ своей августѣйшей родительницы. Императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ съ твердымъ намѣреніемъ не поддаваться обворожительному воздѣйствію Наполеона и дать ему, въ случаѣ надобности, энергическій отпоръ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Если Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Эрфуртъ съ грандіозными планами о раздѣлѣ Оттоманской имперіи и о рѣшеніи судьбы всей Европы, ея цивилизаціи и будущности, то, напротивъ, Императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ съ твердою волею не дѣлить Турціи и не рѣшать никакого вопроса о будущемъ Европы **). Если Наполеонъ былъ увѣренъ, что въ Эрфуртѣ произойдетъ завершеніе дѣла, начатаго въ Тильзитѣ въ смыслѣ порабощенія русской политики его видамъ и цѣлямъ, то, напротивъ, Императоръ Александръ былъ убѣжденъ, что въ Эрфуртѣ ему удастся отстоять свою самостоятельность и раскрыть всѣ завоевательные замыслы императора Французовъ.

Ходъ личныхъ переговоровъ между обоими императорами и результатъ ихъ—нижеслѣдующая конвенція—вполнѣ объясняютъ чувства

*) Срав. *мое* Собр. тракт., т. XIII, стр. 306.
**) *Vandal, loc. cit*, t. I, p. 406—7.

ments de déception avec lesquels Napoléon quitta Erfurt, après les fêtes splendides, qu'il y avait données en l'honneur de son ami et allié.

Dans le cours de leurs entretiens politiques les deux Empereurs marchaient ordinairement de long en large. Ces entretiens se passaient habituellement dans l'immense cabinet de Napoléon. Celui-ci s'efforçait par tous les moyens à obtenir le consentement de l'Empereur Alexandre de prendre une part active à la prochaine guerre avec l'Autriche; mais Alexandre resta ferme dans son refus et Napoléon dit un jour à Caulaincourt avec irritation: „Votre Empereur Alexandre est têtu comme une mule: il fait le sourd sur ce qu'il ne veut pas entendre". Il se passait quelquefois entre les deux monarques des scènes très orageuses pendant lesquelles Alexandre gardait ordinairement le plus grand sang-froid.

Il y eût un jour la scène suivante. Les deux Empereurs marchaient de long en large et parlaient de l'Autriche. Napoléon insistait sur une action militaire commune de la Russie et de la France contre cette puissance. L'Empereur Alexandre fit des objections et démontra l'impossibilité de signer un engagement de cette nature. Napoléon perdit patience et dans un accés de colère jeta son chapeau à terre et se met à le piétiner. Alexandre s'arrêta aussitôt, le regarda fixement, avec un sourire, se tut quelques instants, puis d'un ton calme: „Vous êtes violent", dit-il, „moi, je suis entêté; avec moi, la colère ne gagne donc rien. Causons, raisonnons, ou je pars". A ces mots l'Empereur Alexandre se dirigea vers la porte, Napoléon chercha aussitôt à le retenir et après s'être calmé, se remit à parler des affaires d'Autriche. Des scènes de ce genre ne pouvaient ni relever Napoléon aux yeux de l'Empereur Alexandre, ni contraindre celui-ci à renoncer à sa ferme résolution de prévenir la destruction de l'Autriche. Il consentit seulement à se considérer également en guerre avec l'Autriche, dans le cas où une rupture eclatérait entre celle-ci et la France. *)

Alexandre I observa la même attitude lorsque Napoléon se mit à développer ses vastes projets au sujet du partage de l'Empire Ottoman: il resta ferme dans sa résolution de ne pas entrer dans l'examen de ces combinaisons. Il demandait seulement le consentement de Napoléon à la réunion à la Russie des deux prin-

*) *Vandal, loc. cit.*, t. I, p. 435.

разочарованія, съ которыми Наполеонъ покинулъ Эрфуртъ послѣ сказочныхъ празднествъ, имъ тамъ устроенныхъ въ честь своего друга и союзника.

Во время бесѣдъ о политическихъ вопросахъ, оба императора обыкновенно ходили взадъ и впередъ. Эти разговоры большею частію происходили въ огромномъ кабинетѣ Наполеона. Послѣдній добивался всѣми силами согласія Императора Александра на активное участіе въ предстоящей войнѣ его противъ Австріи. Александръ оставался непреклоненъ въ своемъ отказѣ и Наполеонъ со злобою сказалъ разъ Коленкуру: „Вашъ Императоръ Александръ упрямъ, какъ лошакъ: онъ глухъ, если не хочетъ понять". Иногда Наполеонъ устраивалъ бурныя сцены, въ которыхъ Императоръ Александръ обыкновенно сохранялъ полное свое хладнокровіе.

Разъ случилась слѣдующая сцена. Оба императора ходили взадъ и впередъ и бесѣдовали объ Австріи. Наполеонъ настаивалъ на общихъ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи съ Франціей противъ Австріи. Императоръ Александръ возражалъ и доказывалъ невозможность такого рода обязательства. Тогда Наполеонъ потерялъ терпѣніе, взбѣсился и, бросивъ свою шляпу на полъ, сталъ ее топтать ногами. Александръ немедленно остановился, пристально посмотрѣлъ на него, и, послѣ нѣкотораго молчанія, хладнокровно сказалъ: „Вы горячитесь; я же упрямъ. Гнѣвъ на меня не дѣйствуетъ. Будемъ бесѣдовать и разсуждать, или же я уѣзжаю". При этихъ словахъ Императоръ Александръ направился къ дверямъ. Но Наполеонъ немедленно его остановилъ и, успокоившись, опять сталъ говорить объ австрійскихъ дѣлахъ. Такія сцены не могли ни возвысить Наполеона въ глазахъ Императора Александра, ни заставить послѣдняго отказаться отъ своего твердаго рѣшенія предупредить гибель Австріи. Онъ только согласился также считаться въ войнѣ съ Австріей, если она возникнетъ между ею и Франціей *).

Такимъ же образомъ поступилъ Александръ I, когда Наполеонъ сталъ развивать свои обширные планы относительно раздѣла Оттоманской имперіи: онъ оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи не входить въ критику этихъ плановъ. Онъ только требовалъ согласія Наполеона на присоединеніе къ Россіи обоихъ Дунайскихъ

*) *Vandal, loc. cit.*, t. I, p. 435.

cipautés Danubiennes et la reconnaissance du Danube comme frontière de l'Empire de Russie. Napoléon accepta cette demande dans une forme qui ne pouvait d'aucune manière soulever contre lui l'hostilité de la Porte. L'art. VIII de la convention d'Erfurt ci-dessous porte que Napoléon reconnait ces faits accomplis. En dehors de cela, ce consentement devait être gardé dans le plus grand secret, — ce qu' Alexandre I n'hésita pas à promettre, car toute cette convention devait être tenue secrète pendant dix ans. Ce n'est que dans le cas d'une agression de la Russie par l'Autriche ou une autre puissance à cause de l'incorporation des principautés Danubiennes, que la France était tenue de lui prêter assistance.

Les deux Empereurs convinrent également d'adresser en commun une lettre au roi d'Angleterre et de lui proposer d'entrer en pourparlers pour conclure la paix sur les bases de l'*uti possidetis*. Napoléon désirait qu' Alexandre I lui prêtât un concours actif d'allié contre l'Angleterre et se heurta dans cette question également à un refus catégorique bien qu'il eut reconnu la conquête de la Finlande et sa réunion à la Russie. Il était disposé, en échange d'un secours actif contre l'Angleterre, de reconnaître à la Russie la conquête encore d'autres provinces suédoises jusqu'à Stockholm même, car la Suède était, comme il avait coutume de s'exprimer, „l'ennemi géographique de la Russie".

Mais l'Empereur Alexandre n'avait nullement l'intention d'étendre ses conquêtes dans le Nord au delà de la Finlande et il songeait encore moins à prendre possession de Stockholm. Il était complétement satisfait des acquisitions faites par le traité de Fridrichshamm.

Enfin il a été également question à Erfurt du duché de Varsovie, et Alexander I ne dissimulait nullement ses craintes au sujet des visées de Napoléon. Celui-ci déclara formellement qu'il ne songeait pas au rétablissement de la Pologne et comme preuve de sincérité, il promit de rappeler les troupes françaises du duché. Mais il refusa net d'inclure cette clause dans la convention, assurant que la parole de Napoléon valait plus que tous les actes écrits.

Lorsqu'après la signature de la convention d'alliance du 30 septembre (12 octobre) les deux Empereurs quittèrent la petite ville d'Allemagne qui vit réunis dans son enceinte les deux maîtres du monde sous un éclat sans pareil, ils

княжествъ и на признаніе Дуная границею русской имперіи. Наполеонъ исполнилъ это требованіе въ формѣ, которая не могла вызвать открытой вражды противъ него со стороны Порты. Въ статьѣ VIII-й нижеслѣдующей Эрфуртской конвенціи сказано, что императоръ Наполеонъ признаетъ эти совершившіеся факты. Сверхъ того, это согласіе должно было сохраняться въ глубочайшемъ секретѣ — что Александръ I охотно обѣщалъ, ибо вся конвенція должна была храниться 10 лѣтъ въ абсолютной тайнѣ. Только въ случаѣ нападенія на Россію Австріи или другой державы изъ за присоединенія Дунайскихъ княжествъ, Франція должна придти на помощь Россіи.

Оба Императора также согласились обратиться съ общимъ письмомъ къ королю англійскому и предложить ему вступить въ переговоры о заключеніи мира на основаніи *uti possidetis*. Наполеонъ желалъ, чтобъ Александръ I обѣщалъ ему активную союзную помощь противъ Англіи, но получилъ и въ этомъ вопросѣ категорическій отказъ, несмотря на то, что самъ онъ призналъ завоеваніе Финляндіи и присоединеніе ея къ Россіи. Онъ готовъ былъ, за дѣйствительную помощь противъ Англіи, признать завоеваніе Россіею еще другихъ шведскихъ провинцій, вплоть до Стокгольма, ибо Швеція, какъ онъ выразился, „географическій врагъ Россіи".

Но Императоръ Александръ I нисколько не намѣренъ былъ распространять свои завоеванія на Сѣверѣ за предѣлами Финляндіи и меньше всего думалъ о завоеваніи Стокгольма. Фридрихсгамскій мирный трактатъ удовлетворялъ всѣ его завѣтныя желанія.

Наконецъ, въ Эрфуртѣ также былъ разговоръ о Варшавскомъ герцогствѣ, и Александръ I нисколько не скрывалъ своихъ опасеній относительно плановъ Наполеона. Послѣдній отрицалъ какія бы то ни было предположенія о возстановленіи Польши и, въ видѣ доказательства своей искренности, обѣщалъ вывести изъ герцогства французскія войска. Только онъ наотрѣзъ отказался включить въ конвенцію это обѣщаніе, ибо слово Наполеона крѣпче всякихъ письменныхъ актовъ.

Когда, послѣ подписанія союзной конвенціи отъ 30-го сентября (12-го октября), оба императора покинули маленькій германскій городъ, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ обоихъ повелителей міра при небываломъ блескѣ, они уно-

*

emportaient chacun des impressions toutes différentes.

Napoléon énonçait ouvertement son mécontentement au sujet des résultats de l'entrevue qui ne justifia nullement ses ésperances optimistes, car l'œuvre, commencée à Tilsit, ne fut ni développée, ni achevée à Erfurt.

Alexandre I en fut, au contraire, satisfait, car toutes ses conquêtes furent reconnues et il n'eut à signer aucun engagement qui pût lui causer des embarras. La conduite personnelle de Napoléon le dépouilla, aux yeux d'Alexandre I, de cette auréole de génie et de grandeur, qu'il avait su conserver à l'entrevue de Tilsit.

сили съ собою совершенно противоположныя впечатлѣнія.

Наполеонъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе результатами Эрфуртскаго свиданія, которое совершенно не оправдало его розовыхъ надеждъ, ибо въ Эрфуртѣ дѣло, начатое въ Тильзитѣ, не было ни развито, ни окончено.

Напротивъ, Александръ I былъ доволенъ этимъ свиданіемъ, ибо всѣ сдѣланныя имъ завоеванія были признаны за Россіей и никакихъ неудобныхъ обязательствъ онъ не подписалъ. Личное же поведеніе Наполеона лишило его, въ глазахъ Александра I, того ореола геніальности и величія, который онъ съумѣлъ сохранить во время Тильзитскаго свиданія.

№ 498.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, voulant rendre de plus en plus étroite et à jamais durable l'alliance qui les unit, et se réservant de s'entendre ultérieurement s'il y a lieu, sur les nouvelles déterminations à prendre et les nouveaux moyens d'attaque à diriger contre l'Angleterre, leur ennemie commune et l'ennemie du continent, ont résolu d'établir, dans une convention spéciale les principes qu'ils sont déterminés à suivre invariablement dans toutes leurs démarches pour parvenir au rétablissement de la paix; ils ont à cet effet nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

M. le comte Nicolas de Roumiantzow, son conseiller privé actuel, sénateur, Membre du Conseil, Ministre des affaires étrangères, Ministre du commerce, directeur général du Département des communications des eaux, chambellan actuel, chevalier des ordres de St. André, de St. Alexandre Newsky etc.

№ 498.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза, желая придать соединяющему ихъ союзу болѣе и болѣе тѣсный и навѣки прочный характеръ и предоставляя себѣ войти впослѣдствіи, если потребуется, въ соглашеніе о томъ, какія принять новыя рѣшенія и какія новыя средства борьбы направить противъ Англіи, ихъ общаго врага и врага континента, постановили изложить въ особой конвенціи тѣ начала, коими они неизмѣнно будутъ руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, дабы достигнуть возстановленія мира, и для сего назначили своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

графа Николая Румянцова, своего дѣйств. тайн. совѣтника, сенатора, члена Совѣта, Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Министра Торговли, главнаго директора департамента водяныхъ сообщеній, дѣйствительнаго камергера, кавалера орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго и пр.

Et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin:

M. Jean Baptiste Nompère de Champagny, comte de l'Empire, grand aigle de la Légion d'Honneur, commandeur de l'ordre de la Couronne de fer, chevalier de l'ordre de St. André de Russie etc., son Ministre des relations extérieures,

Lesquels sont convenus de ce qui suit:

ARTICLE I.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, confirment et, en tant que besoin est, renouvellent l'alliance conclue entre eux à Tilsit, s'engageant non seulement à ne faire avec l'ennemi commun aucune paix séparée, mais encore à n'entrer avec lui dans aucune négociation, et à n'écouter aucune de ses propositions que d'un commun accord.

ARTICLE II.

Ainsi résolues de rester inséparablement unies pour la paix comme pour la guerre, les Hautes parties contractantes conviennent de nommer des plénipotentiaires pour traiter de la paix avec l'Angleterre, et de les envoyer à cet effet dans la ville du continent que l'Angleterre désignera.

ARTICLE III.

Dans tout le cours de la négociation, si elle a lieu, les plénipotentiaires respectifs des deux Hautes parties contrac-

и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза:

Жана Баптиста Нонпэръ де Шампаньи, имперскаго графа, кавалера орденовъ Почетнаго Легіона большого орла, Желѣзной Короны командорскаго креста, россійскаго св. Андрея Первозваннаго и пр., своего Министра Внѣшнихъ Сношеній,

которые согласились о нижеслѣдующемъ:

СТАТЬЯ I.

Е В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза подтверждаютъ и въ чемъ слѣдуетъ возобновляютъ союзъ, заключенный между ними въ Тильзитѣ, обязуясь не только не подписывать съ общимъ врагомъ никакого отдѣльнаго мира, но также и не входить съ нимъ ни въ какіе переговоры и не выслушивать никакихъ его предложеній иначе, какъ съ общаго согласія.

СТАТЬЯ II.

Съ таковою рѣшимостью пребывать въ неразрывномъ единеніи какъ относительно мира, такъ и войны, высокія договаривающіяся стороны соглашаются назначить уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ съ Англіею и для сего отправить ихъ въ одинъ изъ городовъ на континентѣ, который будетъ указанъ Англіею.

СТАТЬЯ III.

Въ теченіе всего времени переговоровъ, если таковые состоятся, уполномоченные обѣихъ высокихъ догова-

tantes agiront constamment avec le plus parfait concert, et il ne sera permis à aucun d'eux, non seulement d'appuyer, mais même d'accueillir ou d'approuver, contre les intérêts de l'autre partie contractante, aucune proposition ou demande du plénipotentiaire anglais, qui, prises en elles mêmes et favorables aux intérêts de l'Angleterre, pourraient aussi présenter quelque avantage à l'une des parties contractantes.

ARTICLE IV.

La base du traité avec l'Angleterre sera *l'Uti possidetis*.

ARTICLE V.

Les Hautes parties contractantes s'engagent à regarder comme condition absolue de la paix avec l'Angleterre qu'elle reconnaîtra la Finlande, la Valachie et la Moldavie comme faisant partie de l'Empire de Russie.

ARTICLE VI.

Elles s'engagent également à regarder comme condition absolue de la paix, que l'Angleterre reconnaisse le nouvel ordre de choses établi par la France en Espagne.

ARTICLE VII.

Les deux Hautes parties contractantes s'engagent à ne recevoir de la part de l'ennemi pendant la durée des négociations, aucune proposition, offre ni communication quelconques, sans en faire immédiatement part aux Cours respectives.

Et si les dites propositions sont faites au congrès réuni pour la paix, les plénipотентіаріи договаривающихся сторонъ будутъ постоянно дѣйствовать въ совершеннѣйшемъ между собою согласіи и никому изъ нихъ не будетъ дозволено не только поддерживать, но даже принимать или одобрять, въ противность интересамъ другой договаривающейся стороны, какое либо предложеніе или требованіе англійскаго уполномоченнаго, которыя, будучи сами по себѣ благопріятными интересамъ Англіи, могли бы равнымъ образомъ представлять нѣкоторую выгоду для одной изъ договаривающихся сторонъ

СТАТЬЯ IV.

Основаніемъ для договора съ Англіею будетъ служить начало *uti possidetis*.

СТАТЬЯ V.

Высокія договаривающіяся стороны обязываются считать непремѣннымъ условіемъ мира съ Англіею требованіе, чтобы она признала Финляндію, Валахію и Молдавію входящими въ составъ Россійской Имперіи.

СТАТЬЯ VI.

Равнымъ образомъ онѣ обязываются считать непремѣннымъ условіемъ мира требованіе, чтобы Англія признала новый порядокъ вещей, установленный Франціею въ Испаніи.

СТАТЬЯ VII.

Высокія договаривающіяся стороны обязываются не принимать отъ врага во все продолженіе переговоровъ никакого предложенія, обѣщанія или сообщенія, не извѣстивъ о томъ немедленно подлежащіе Дворы.

Если же означенныя предложенія будутъ сдѣланы на собравшемся мир-

potentiaires devront respectivement se les communiquer.

ном̀ъ конгрессѣ, то уполномоченные должны взаимно сообщать о нихъ другъ другу.

Article VIII.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, d'après les révolutions et changements qui agitent l'Empire Ottoman, et qui ne laissent aucune possibilité de donner et par conséquent aucune espérance d'obtenir des garanties suffisantes pour les personnes et les biens des habitants de la Valachie et de la Moldavie; ayant déjà porté les limites de son Empire jusqu'au Danube de ce côté et réuni la Moldavie et la Valachie à son Empire, ne pouvant qu'à cette condition reconnâitre l'intégrité de l'Empire Ottoman; S. M. l'Empereur Napoléon reconnait la dite réunion, et les limites de l'Empire russe de ce côté portées jusqu'au Danube.

Статья VIII.

Е. В. Императоръ Всероссійскій, въ виду волнующихъ Оттоманскую имперію революцій и перемѣнъ, устраняющихъ всякую возможность дать и, слѣдовательно, всякую надежду получить достаточныя обезпеченія въ личномъ и имущественномъ отношеніи въ пользу жителей Валахіи и Молдавіи, перенесъ уже границы своей Имперіи въ эту сторону до Дуная и присоединилъ къ своей Имперіи Молдавію и Валахію, не находя возможнымъ признать цѣлость Оттоманской имперіи иначе, какъ подъ этимъ условіемъ. Вслѣдствіе сего Е. В. Императоръ Наполеонъ признаетъ помянутое присоединеніе и границы Россійской Имперіи въ эту сторону перенесенными до Дуная.

Article IX.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies s'engage à garder dans le plus profond secret l'article précédent et à entamer soit à Constantinople, soit partout ailleurs, une négociation afin d'obtenir à l'amiable, si cela se peut, la cession de ces deux provinces. La France renonce à sa médiation. Les plénipotentiaires ou agents des deux Puissances s'entendront sur le langage à tenir, afin de ne pas compromettre l'amitié existante entre la France et la Porte, ainsi que la sûreté des Français résidants dans les échelles et pour empêcher la Porte de se jeter dans les bras de l'Angleterre.

Статья IX.

Е. В. Императоръ Всероссійскій обязывается сохранить въ глубочайшемъ секретѣ предшествующую статью и вступить или въ Константинополѣ, или въ какомъ иномъ мѣстѣ въ переговоры, съ цѣлью достигнуть дружественной, если возможно, уступки въ свою пользу этихъ двухъ областей. Франція отказывается отъ своего посредничества. Уполномоченные или агенты об'ѣихъ державъ условятся въ томъ, какъ вести переговоры, чтобы не повредить существующей между Франціею и Портой дружбѣ, равно и безопасности проживающихъ въ Левантѣ Французовъ и чтобы воспрепятствовать Портѣ отдаться въ руки Англіи.

ARTICLE X.

Dans le cas où la Porte Ottomane se refusant à la cession des deux provinces, la guerre viendrait à se rallumer, l'Empereur Napoléon n'y prendra aucune part, et se bornera à employer ses bons offices auprès de la Porte Ottomane. Mais s'il arrivait que l'Autriche ou quelque autre Puissance fit cause commune avec l'Empire Ottoman dans la dite guerre, S. M. l'Empereur Napoléon ferait immédiatement cause commune avec la Russie, devant regarder ce cas comme un de ceux de l'alliance générale qui unit les deux Empires. Dans le cas où l'Autriche se mettrait en guerre avec la France, l'Empereur de Russie s'engage à se déclarer contre l'Autriche et à faire cause commune avec la France, ce cas étant également un de ceux auxquels s'applique l'alliance qui unit les deux Empires.

ARTICLE XI.

Les Hautes parties contractantes s'engagent d'ailleurs à maintenir l'intégrité des autres possessions de l'Empire Ottoman, ne voulant ni faire elles-mêmes, ni souffrir qu'il soit fait aucune entreprise contre aucune partie de cet Empire, sans qu'elles en soyent préalablement convenues.

ARTICLE XII.

Si les démarches faites par les deux Hautes parties contractantes pour ramener la paix sont infructueuses, soit que l'Angleterre élude la proposition qui lui sera faite, soit que les négociations soyent rompues, Leurs Majestés Impé-

СТАТЬЯ X.

Если, вслѣдствіе отказа Оттоманской Порты уступить сказанныя двѣ области, возгорится война, то Императоръ Наполеонъ не приметъ въ ней никакого участія и ограничится оказаніемъ своихъ добрыхъ услугъ при Оттоманской Портѣ. Но еслибъ Австрія или какая либо другая Держава соединились съ Оттоманскою Имперіею въ этой войнѣ, то Е. В. Императоръ Наполеонъ немедленно соединится съ Россіею, обязываясь считать сей случай однимъ изъ тѣхъ, когда вступаетъ въ силу общій, соединяющій двѣ Имперіи, союзъ. Въ томъ же случаѣ, когда Австрія начнетъ войну съ Франціею, Россійскій Императоръ обязывается объявить себя противъ Австріи и соединиться съ Франціею, такъ какъ этотъ случай равнымъ образомъ одинъ изъ тѣхъ, къ коимъ примѣняется связующій обѣ Имперіи союзъ.

СТАТЬЯ XI.

Высокія договаривающіяся стороны обязуются, однако, поддерживать цѣлость прочихъ владѣній Оттоманской Имперіи, не желая ни сами совершать, ни допускать какихъ либо предпріятій противъ какой либо части сей Имперіи, не согласившись предварительно между собою.

СТАТЬЯ XII.

Если принятыя обѣими высокими договаривающимися сторонами мѣры къ возстановленію мира останутся безплодными, вслѣдствіе ли того, что Англія отклонитъ сдѣланное ей предложеніе, или потому, что переговоры

riales se réuniront de nouveau dans le délai d'un an, pour s'entendre sur les opérations de la guerre commune et sur les moyens de la poursuivre avec toutes les forces et toutes les ressources des deux Empires.

ARTICLE XIII.

Les deux Hautes parties contractantes voulant reconnaître la loyauté et la persévérance avec laquelle le Roi de Danemarc a soutenu la cause commune, s'engagent à lui procurer un dédommagement pour ses sacrifices et à reconnaître les acquisitions qu'il aura été dans le cas de faire dans la présente guerre.

ARTICLE XIV.

La présente convention sera tenue secrète au moins pendant l'espace de dix années.

Fait à Erfurt, le 30 septembre (12 octobre) 1808.

Le comte Nicolas de Roumianzoff.

J. B. Nompère de Champagny.

№ 499.

1813, 20 mai (1 juin). Armistice conclu à Gebersdorf.

№ 500.

1813, 23 mai (4 juin). Armistice signé à Pleiswitz.

будутъ прерваны, то Ихъ Императорскія Величества снова будутъ имѣть, въ теченіе года, свиданіе для согласшенія объ операціяхъ совмѣстной войны и о способахъ ея веденія всѣми силами и всѣми средствами обѣихъ Имперій.

СТАТЬЯ XIII.

Высокія договаривающіяся стороны, желая изъявить свою признательность вѣрности и настойчивости, съ каковыми король Датскій поддерживалъ общее дѣло, обязываются предоставить ему вознагражденіе за его жертвы и признать тѣ пріобрѣтенія, которыя онъ могъ сдѣлать въ настоящую войну.

СТАТЬЯ XIV.

Настоящая конвенція будетъ почитаться секретною не менѣе какъ въ продолженіе десяти лѣтъ.

Въ Эрфуртѣ, 30-го сентября (12-го октября) 1808 года.

Графъ Николай Румянцовъ.

Ж. Б. Нонпэръ де-Шампаньи.

№ 499.

1813 г., 20-го мая (1-го іюня). Актъ перемирія, заключенный въ Гебердорфѣ.

№ 500.

1813 г., 23-го мая (4-го іюня). Актъ перемирія, подписанный въ Плейсвицѣ.

№ 501.

1813, 14 (26) juillet. Acte concernant une prolongation d'armistice, signé à Neumarkt.

La convention d'Erfurt (№ 498) marque une époque dans les relations d'alliance entre Alexandre I et Napoléon I, car après l'entrevu dans cette ville les rapports mutuels des deux alliés subirent graduellement une altération pour en arriver à une complète rupture. L'alliance, signée à Tilsit et confirmée à Erfurt, dans les conditions les plus sollennelles ne fut pas de longue durée. Napoléon quitta Erfurt visiblement mécontent et peu satisfait: il se rendait parfaitement compte que cette entrevue était pour lui une „demi-défaite". Il ne jugea pas moins opportun de continuer à entretenir par tous les moyens possibles l'alliance avec la Russie au moment, où les Espagnols levaient l'étendard de la révolte, où l'Autriche se préparait ouvertement à une lutte avec lui, et où l'Angleterre ne manifestait pas le moindre désir de mettre bas les armes et de conclure la paix.

Les deux Empereurs tombèrent d'accord à Erfurt d'adresser des ouvertures au roi d'Angleterre en vue d'entamer des négociations de paix. Dans ce but il adressèrent en commun à ce souverain une lettre du 12 octobre 1808. On notifia en même temps au gouvernement anglais que les alliés étaient disposés d'envoyer des plénipotentiaires pour traiter de la paix dans la ville qui leur serait désignée.

En vue d'accélérer l'issue satisfaisante des pourparlers avec l'Angleterre, l'Empereur Alexandre I ordonna à son Ministre des Affaires Etrangères le comte Roumiantzow de se rendre à Paris et d'y attendre la réponse du gouvernement anglais. Napoléon donna l'ordre d'user de toutes les ressources dont pouvait disposer la capitale de la France pour faire passer agréablement le temps au ministre de Russie, pendant l'absence qu'il devait faire lui-même en Espagne. Sachant que le comte Roumiantzow était grand amateur de livres, de curiosités et de tableaux, Napoléon eut soin de donner des instructions aux conservateurs des musées, des galéries et des bibliothèques pour que tout objet qui aurait plu au diplomat russe lui fût immédiatement offert.

№ 501.

1813 г., 14-го (26-го) іюля. Актъ относительно продолженія перемирія, подписанный въ Неймарктѣ.

Эрфуртская союзная конвенція (№ 498) составляетъ эпоху въ союзныхъ отношеніяхъ Александра I и Наполеона I, ибо послѣ Эрфуртскаго свиданія взаимныя отношенія союзниковъ постепенно охлаждаются и приближаютъ полный разрывъ. Непродолжителенъ былъ союзъ, подписанный въ Тильзитѣ и закрѣпленный въ Эрфуртѣ при самой торжественной обстановкѣ. Наполеонъ покинулъ Эрфуртъ съ чувствомъ явнаго неудовольствія и неудовлетворенности: онъ видѣлъ въ результатахъ Эрфуртскаго свиданія для себя—„полупораженіе". Однако, онъ признавалъ необходимымъ продолжать поддерживать всѣми средствами союзъ съ Россіей въ такое время, когда испанскій народъ поднялъ знамя возстанія противъ него, когда Австрія открыто вооружалась для новой съ нимъ борьбы и когда Англія не обнаруживала ни малѣйшаго желанія положить оружіе и заключить миръ.

Въ Эрфуртѣ оба императора согласились обратиться къ англійскому королю съ предложеніемъ вступить съ ними въ переговоры о мирѣ. Это было сдѣлано общимъ письмомъ обоихъ императоровъ къ королю 12-го октября 1808 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскому правительству было заявлено о готовности союзниковъ послать своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ въ тотъ городъ, который оно выберетъ.

Съ цѣлью ускорить удовлетворительное окончаніе мирныхъ переговоровъ съ Англіей, Императоръ Александръ I повелѣлъ своему Министру Иностранныхъ Дѣлъ гр. Н. П. Румянцеву отправиться въ Парижъ и ждать отвѣта отъ англійскаго правительства. Въ Парижѣ гр. Румянцевъ нашелъ самый блестящій пріемъ со стороны французскаго правительства. Наполеонъ отдалъ приказаніе, во время его поѣздки въ Испанію, занимать русскаго министра всѣми средствами, которыми обладала блестящая столица французской имперіи. Зная страсть гр. Румянцева къ книгамъ, рѣдкостямъ и картинамъ, Наполеонъ отдалъ приказаніе по всѣмъ публичнымъ музеямъ, картиннымъ галлереямъ и библіотекамъ подносить ему немедленно всякую вещь, которая бы ему понравилась.

De retour à Paris, Napoléon continua à témoigner au Ministre des Affaires Etrangères de Russie des égards tout particuliers et le combla de courtoisie. L'Empereur des Français et le Vice-Chancelier de Russie eurent souvent l'occasion de s'entretenir pendant des heures entières. Toutefois ces conférences et ces marques de faveur n'amenèrent aucun résultat important pour les visées de la politique de Napoléon. Les divergences entre les deux alliés s'accentuaient de plus en plus.

L'Empereur Alexandre I était parfaitement satisfait de l'attitude de son ministre à Paris et confirma, dans une lettre autographe du 7 novembre 1808, son consentement à toutes les démarches pouvant assurer le succès des pourparlers avec l'Angleterre au sujet de la paix. Le comte Roumiantzow proposa à Napoléon de l'envoyer avec Talleyrand à Londres pour y entamer les négociations de paix. Il le fit, parce qu'il eut l'occasion de se convaincre à la suite de ses entretiens avec Bonaparte que celui-ci était animé d'un „désir extrême" de la paix et disposé dans ce but à accorder „les plus grandes facilités". (Dépêche du comte Roumiantzow de 18 (30) octobre 1808).

Toutefois à la réception de la réponse anglaise aux ouvertures de paix, Napoléon dicta à son Ministre des Affaires Etrangères Champagny une réponse que le comte Roumiantzow et Champagny lui-même ne purent s'empêcher de trouver presque blessante pour l'Angleterre. Il ne pouvait plus être question du départ du comte Roumiantzow pour Londres. En ce qui concerne le prince de Talleyrand, avec lequel le comte Roumiantzow entretenait les relations les plus intimes, il s'attira à cette époque la colère de Napoléon et dût se retirer de la Cour dans des conditions humiliantes.

En présence de plusieurs personnes, au nombre desquelles se trouvait Talleyrand lui-même, Napoléon s'adressa à Cambacères en lui disant: „Je ne sais si vous savez que c'est le prince de Benevent que voici, qui m'a conseillé de mettre à mort le duc d'Enghien". A une autre occasion Napoléon dit: „C'est le prince de Benevent qui m'a fait faire l'infâme paix de Pressbourg". (Rapport du comte Roumiantzow du 28 janvier (9 février) 1809).

En attendant, le comte Roumiantzow ne se borna pas à suggérer à Napoléon l'idée de l'envoyer conjointement avec Talleyrand à Lon-

Когда Наполеонъ вернулся въ Парижъ, онъ продолжалъ выказывать русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ совершенно исключительное вниманіе и осыпалъ его любезностями. Между французскимъ императоромъ и русскимъ Вице-Канцлеромъ происходили частыя совѣщанія, которыя продолжались часами. Однако результатъ этихъ совѣщаній и любезностей былъ не особенно важный съ точки зрѣнія цѣлей наполеоновской политики. Разногласія между союзниками стали обнаруживаться все чаще и все серьезнѣе.

Императоръ Александръ I былъ вполнѣ доволенъ поведеніемъ своего министра въ Парижѣ и въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го ноября 1808 года подтверждаетъ ему свое полное согласіе на всѣ шаги, могущіе обезпечить благопріятный исходъ переговоровъ съ Англіей о заключеніи мира. Гр. Румянцевъ предложилъ Наполеону, вмѣстѣ съ Талейраномъ, отправиться въ Лондонъ для начатія тамъ мирныхъ переговоровъ. Онъ это сдѣлалъ, ибо изъ разговоровъ съ нимъ вынесъ впечатлѣніе, что у императора „чрезвычайное желаніе заключить миръ", для котораго онъ готовъ сдѣлать „всевозможныя уступки". (Донесеніе гр. Румянцева отъ 18-го (30-го) октября 1808 г.).

Однако на англійскій отвѣтъ на предложеніе вступить въ переговоры о мирѣ, Наполеонъ продиктовалъ своему Министру Иностранныхъ Дѣлъ Шампаньи такой отвѣтъ, который гр. Румянцевъ и самъ Шампаньи должны были признать почти оскорбительнымъ для Англіи. Объ отъѣздѣ гр. Румянцева въ Лондонъ не могло быть рѣчи. Что касается князя Талейрана, съ которымъ гр. Румянцевъ поддерживалъ весьма близкія сношенія, то онъ въ это же время вызвалъ неудержимый гнѣвъ Наполеона и долженъ былъ со стыдомъ удалиться отъ двора.

Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ самъ Талейранъ, Наполеонъ, обратясь къ Камбасересу, сказалъ: „Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что никто иной, какъ здѣсь присутствующій князь Беневентскій, посовѣтовалъ мнѣ казнить герцога Ангіенскаго!" Въ другомъ случаѣ Наполеонъ сказалъ: „Это князь Беневентскій заставилъ меня заключить позорный Пресбургскій миръ". (Донесеніе гр. Румянцева отъ 28-го января 1808 г. (9-го февраля 1809 г.).

Между тѣмъ гр. Румянцевъ не только предложилъ Наполеону мысль послать Талейрана съ нимъ въ Лондонъ, но, по Высочайшему по-

dres, mais lui proposa d'ordre suprême, de l'expédier également avec lui à Vienne, en qualité de plénipotentiaire extraordinaire, pour persuader l'Autriche de ne pas rompre la paix et de cesser ses armements qui visaient directement la France.

Des divergences analogues se produisirent au sujet de la Prusse que Napoléon ne cessait de haïr et d'opprimer. L'Empereur Alexandre I le savait parfaitement, mais il ne pouvait pas, au gré de Napoléon, renoncer à ses anciens sentiments d'amitié pour la maison royale de Prusse. Connaissant par expérience le caractère méfiant de son allié, Alexandre I eut soin de le prévenir, par l'entremise du comte Roumiantzow, que le couple royal prussien devait arriver à St.-Pétersbourg à la fin de 1808, sur son invitation, et que ce voyage n'avait aucune portée politique. (Lettre d'Alexandre I au comte Roumiantzow du 18 décembre 1808).

Ce voyage ne provoqua pas moins des craintes sérieuses à Paris que le comte Roumiantzow s'appliqua à dissiper par tous les moyens possibles. On disait à Paris que ce voyage avait pour but d'organiser une coalition contre la France. (Dépêche du comte Roumiantzow du 5 (17) janvier 1809).

Si les appréhensions de Napoléon au sujet du but politique du voyage du roi de Prusse à Pétersbourg étaient mal fondées, Alexandre I reçut d'autre part de nouvelles preuves de la haîne irrascible de Napoléon à l'egard de la Prusse. Il l'obligea à signer à Berlin une convention, qui rendait considérablement plus onéreuses les obligations pécuniaires et autres, qu'il lui avait imposées. Alexandre reconnut dans cette convention la violation des promesses solennelles que Napoléon lui avait données.

„Je suis en droit de compter“, écrivait Alexandre I à son Vice-Chancelier à Paris en date du 19 décembre 1809, „que tout ce qu'il (Napoléon) m'a promis à Erfurt sera religieusement rempli. Je suis revenu dans mes Etats avec la persuasion intime que rien ne troublerait dorénavant la tranquillité de ce monarque (roi de Prusse). L'Empereur pourra se rappeller de la loyauté que j'ai mise dans toute ma conduite envers lui. J'attends une réciprocité complète de sa part.“

„Qu'est-ce qui serait donc sacré,“ demande l'Empereur, „si les paroles entre les Souverains ne l'étaient pas?“

велѣнію, предложилъ также послать его вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго Наполеона, въ Вѣну, для уговора Австріи не нарушать мира и прекратить свои вооруженія, открыто направленныя противъ Франціи.

Такое же взаимное разногласіе обнаружилось въ отношеніяхъ къ Пруссіи, которую Наполеонъ не переставалъ ненавидѣть и притѣснять. Это отлично зналъ Императоръ Александръ I, но въ угоду Наполеону онъ не могъ отказаться отъ своихъ дружескихъ чувствъ и отношеній къ прусскому королевскому дому. Зная изъ опыта подозрительность своего союзника, Александръ I его предупредилъ черезъ гр. Румянцева, что прусская королевская чета, въ концѣ 1808 года, прибудетъ въ С.-Петербургъ, по его приглашенію, и что эта поѣздка не имѣетъ никакой политической цѣли. (Письмо Александра I къ гр. Румянцеву отъ 18-го декабря 1808 г.).

Между тѣмъ эта поѣздка всетаки вызвала серьезныя опасенія въ Парижѣ, которыя гр. Румянцевъ старался разсѣять всѣми силами. Говорили въ Парижѣ, что цѣль этой поѣздки устроить коалицію противъ Франціи. (Депеша гр. Румянцева отъ 5-го (17-го) января 1809 г.).

Если были неосновательны опасенія Наполеона относительно политической цѣли поѣздки прусскаго короля въ С.-Петербургъ, то, съ другой стороны, Императоръ Александръ I получилъ въ то же самое время новыя доказательства непримиримой ненависти Наполеона къ Пруссіи. Онъ заставилъ ее подписать въ Берлинѣ конвенцію, которая значительнымъ образомъ усилила бремя возложенныхъ на нее денежныхъ и другихъ обязательствъ. Александръ I призналъ въ этой конвенціи нарушеніе данныхъ ему Наполеономъ торжественныхъ обѣщаній.

„Я въ правѣ разсчитывать“, писалъ Александръ I своему Вице-Канцлеру въ Парижъ 19-го декабря 1809 года, „что все то, что Наполеонъ мнѣ обѣщалъ въ Эрфуртѣ, будетъ добросовѣстно исполнено. Я вернулся въ свою страну въ полномъ убѣжденіи, что отнынѣ ничто не потревожитъ спокойствія этого Государя (прусскаго). Императоръ можетъ вспомнить о томъ довѣріи, съ которымъ я относился къ нему. Я разсчитываю на полное взаимство“.

„Что же можетъ еще считаться святымъ“, спрашиваетъ Императоръ, „если данныя Государями другъ другу обѣщанія не святы?“

En exécution de cet ordre suprême, le comte Roumiantzow s'adressa au Ministre des Affaires Etrangères de France pour lui demander des explications. Champagny était visiblement mécontent des questions qui lui étaient posées, et s'appliqua à démontrer que les dispositions de la convention de Berlin n'ont été nullement „arrachées“ de force au roi de Prusse. De plus, il se refusa d'admettre que cet acte contint quoi que ce soit de contraire aux promesses faites à Erfurt. Le comte Roumiantzow ne se départit pas de ses vues, en insistant là-dessus que les engagements contractés à Erfurt en faveur du roi de Prusse, étaient manifestement violés par l'Empereur des Français. (Dépêche du comte Roumiantzow du 27 janvier (8 février) 1809).

On comprend que cette manière d'agir de Napoléon à l'égard du roi de Prusse devait affecter péniblement Alexandre I, au moment où lui-même recevait si cordialement le couple royal prussien. Le roi de Prusse avait même quelque fondement de suspecter Alexandre I de duplicité, car il ne connaissait pas la nature des engagements contractés à Erfurt entre les deux souverains. Alexandre I le sentait instinctivement, et c'est pourquoi il était péniblement impressionné des nouvelles obligations onéreuses que Napoléon venait d'imposer au malheureux roi de Prusse *).

Toutefois c'était la question d'Autriche qui était la véritable pierre d'achoppement pour le maintien de l'accord entre la Russie et la France. Napoléon savait que la guerre avec l'Autriche était inévitable et en vue de cette éventualité, il persuada l'Empereur Alexandre I de signer à Erfurt certains engagements. Toutes les autres questions politiques étaient pour Napoléon d'une importance secondaire au commencement de 1809. Il était persuadé qu'il se rendrait facilement maître de l'insurrection d'Espagne. Il savait en outre que les hésitations du gouvernement russe et la lenteur des opérations de son armée dans les principautés Danubiennes rendaient peu probable la conquête définitive par la Russie de ces riches provinces et d'autres territoires de la Porte.

En ce qui regarde la Suède, Napoléon renonça complètement aux traditions séculaires de la politique française. Il était disposé sans le moindre regret de consentir à l'asservissement

*) Voir *mon* Recueil des traités, t. VII, pag. 5 et suiv.

Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, гр. Румянцевъ обратился къ французскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ съ требованіемъ объясненій. Шампаньи былъ очень недоволенъ поставленными ему вопросами и сталъ доказывать, что постановленія Берлинской конвенціи не были силою „исторгнуты“ отъ прусскаго короля. Кромѣ того, онъ не согласился, что въ этомъ актѣ содержится что либо противное даннымъ въ Эрфуртѣ обѣщаніямъ. Гр. Румянцевъ не уступилъ и продолжалъ настаивать на томъ, что данныя въ Эрфуртѣ Александру I обѣщанія въ пользу прусскаго короля явнымъ образомъ нарушены императоромъ Французовъ. (Донесеніе гр. Румянцева отъ 27 января (8 февраля) 1809 года).

Понятно, что такой образъ дѣйствій Наполеона въ отношеніи прусскаго короля долженъ былъ быть особенно непріятенъ Александру I въ то время, когда самъ онъ радушнымъ образомъ принималъ у себя королевскую прусскую чету. Король прусскій имѣлъ нѣкоторое основаніе заподозрить Александра I въ двуличіи, ибо онъ не могъ знать, какія обязательства были установлены въ Эрфуртѣ между обоими императорами. Это инстинктивно чувствовалъ Императоръ Александръ I, и вотъ почему ему были крайне непріятны новыя тяжелыя обязательства, „исторгнутыя“ Наполеономъ отъ несчастнаго прусскаго короля *).

Однако настоящимъ камнемъ преткновенія для сохраненія союза между Россіей и Франціей въ полной силѣ явился Австрійскій вопросъ. Наполеонъ зналъ, что война съ Австріей неизбѣжна и въ виду этого обстоятельства онъ уговорилъ въ Эрфуртѣ Императора Александра подписать извѣстныя обязательства. Всѣ другіе политическіе вопросы находились для Наполеона, въ началѣ 1809 года, на второмъ планѣ. Онъ былъ увѣренъ, что скоро справится съ испанскимъ возстаніемъ. Онъ зналъ, что нерѣшительность русскаго правительства и медленность движеній русской арміи въ Дунайскихъ княжествахъ сдѣлаютъ невѣроятнымъ окончательное завоеваніе Россіей этихъ богатѣйшихъ или другихъ турецкихъ провинцій.

Относительно Швеціи Наполеонъ коренным образомъ измѣнилъ вѣковыя цѣли французской политики: онъ готовъ былъ, безъ малѣйшаго чувства сожалѣнія, допустить полное

*) Срав. мое „Собраніе трактатовъ“, т. VII, стр. 5 и слѣд.

complet de la Suède par la Russie. Au commencement de l'année 1808 Caulaincourt remit à l'Empereur Alexandre I un mémoire, dans lequel on exposait les moyens par lesquels la Russie devait détruire cet „ennemi géographique“ comme l'Empereur des Français se plaisait à qualifier la Suède par rapport à la Russie. Caulaincourt proposait de prendre possession de Stockholm; la flotte russe deviendrait ainsi maîtresse de la Baltique et l'armée pourrait occuper toute la Suède.

„La Russie“, écrivait l'ambassadeur de France dans son mémoire du 8 (20) avril 1808, „est donc essentiellement intéressée à atteindre ce but. Son intérêt politique le veut, son commerce l'exige, sa gloire le commande“. Voici pourquoi le gouvernement russe doit passer le golfe de Bothnie avec une armée de 18,000 hommes et en tenir en réserve une autre de 30,000 hommes et la conquête de la Suède sera assurée. Il s'agit seulement de se rendre maître de la Baltique, et alors il n'y aura plus de place ni pour les Anglais, ni pour les Suédois. La sécurité de St.-Pétersbourg sera assurée à tout jamais.

Telle est la teneur de ce mémoire intéressant de l'ambassadeur de France qu'il remit personnellement à l'Empereur. En vue de ces dispositions de Napoléon pour la Suède, Alexandre I avait pleine liberté d'action à l'égard de ce pays et la question suédoise ne semblait pas pouvoir devenir une pomme de discorde entre les deux alliés.

Il en était tout autrement de leurs intérêts mutuels à l'égard de l'Autriche. En ce qui regarde cette puissance, Napoléon avait des projets qui ne s'accordaient nullement avec les vues d'Alexandre I et les intérêts de la Russie comme puissance limitrophe de l'Empire des Habsbourg. En attendant Napoléon exigea d'Alexandre, non seulement d'accepter les résultats de la guerre sur le point d'éclater entre la France et l'Autriche, mais il se croyait encore en droit de compter sur le concours actif de la part de la Russie. Aux termes de la convention d'alliance, signée à Erfurt, Alexandre I était obligé de prêter ce concours. Toutefois il comprenait parfaitement tout le danger que cette guerre pourrait offrir à la Russie, car il ne pouvait d'aucune manière consentir à l'anéantissement de l'Autriche. Cette catastrophe eut été encore plus fatale pour la Russie, si une grande Pologne in-

завоеваніе Швеціи Россіей. Въ началѣ 1808 г. Коленкуръ подалъ Императору Александру I записку, въ которой доказывалось, какимъ образомъ Россія должна уничтожить этого своего „географическаго врага“, какъ императоръ французовъ называлъ Швецію по отношенію къ Россіи. Коленкуръ предложилъ завоевать Стокгольмъ и тогда русскій флотъ будетъ господствовать на Балтійскомъ морѣ, а русскія войска займутъ всю Швецію.

„Россія“, писалъ французскій посолъ въ своей запискѣ отъ 8-го (20-го) апрѣля 1808 г., „существеннымъ образомъ заинтересована въ достиженіи этой цѣли. Ея политическій интересъ этого желаетъ, ея торговля этого требуетъ и ея слава ей это предписываетъ“. Поэтому русское правительство должно съ арміею въ 18,000 человѣкъ перейти Ботническій заливъ, держать въ запасѣ другую армію въ 30,000 человѣкъ, и—Швеція будетъ завоевана. Нужно только господствовать надъ Балтійскимъ моремъ и тогда тамъ мѣста не будетъ ни для Англичанъ, ни для Шведовъ. Тогда безопасность С.-Петербурга будетъ обезпечена на вѣки вѣковъ.

Таково содержаніе интересной записки французскаго посла, которую онъ лично вручилъ Государю Императору. Въ виду такого настроенія Наполеона относительно Швеціи, Александръ I имѣлъ неограниченную свободу дѣйствій въ отношеніи этой страны, и Шведскій вопросъ не могъ сдѣлаться яблокомъ раздора между обоими союзниками.

Совершенно другое нужно сказать о взаимныхъ ихъ интересахъ въ отношеніи Австріи. Относительно этой державы Наполеонъ имѣлъ такіе планы, которые совершенно не сходились со взглядами Александра I и съ интересами Россіи, какъ сосѣдней съ Австріей державы. Между тѣмъ Наполеонъ потребовалъ отъ Александра I не только равнодушнаго отношенія къ результатамъ предстоящей между Франціей и Австріей войны, но онъ имѣлъ право разсчитывать на дѣятельную союзную помощь со стороны Россіи. Въ союзной конвенціи, подписанной въ Эрфуртѣ, Александръ I принужденъ былъ обѣщать такую помощь. Однако, онъ отлично понималъ, насколько велика опасность этой войны для Россіи, ибо онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ добровольно согласиться на уничтоженіе Австрійской имперіи. Такая катастрофа была тѣмъ болѣе страшна для Россіи, что на развалинахъ Австріи

dépendante venait à surgir sur les ruines de l'Autriche.

Prenant ces faits en considération, on comprend qu'Alexandre I devait appliquer tous ses efforts en vue de prévenir l'explosion d'une guerre entre la France et l'Autriche. Il s'efforça en premier lieu d'arrêter le cabinet de Vienne sur la pente dangereuse, sur laquelle il s'était engagé. Il crut devoir prévenir l'Empereur François I, par l'entremise de son ambassadeur le prince Kourakine, que si l'Autriche attaquait la France, la Russie se verrait obligée de remplir ses obligations d'alliée et d'épouser la cause de Napoléon*).

D'autre part Alexandre I usa de toute son influence à Paris pour rassurer Napoléon au sujet des intentions belliqueuses de l'Autriche et empêcher une rupture avec elle. La mission du comte Roumiantzow à Paris avait principalement pour but d'exercer une pression sur le cabinet des Tuilleries dans ce sens.

Par les instructions autographes, adressées au comte Roumiantzow en date du 18 décembre 1808, l'Empereur Alexandre I exprimait l'assurance que l'Autriche n'attaquerait pas la France, vu que toutes les mesures militaires, qu'elle a cru devoir prendre, ont un caractère exclusivement défensif. Alexandre I croyait avoir atteint son but — celui de prévenir la violation de la paix par l'Autriche.

„Vous vous rappellerez", écrivait l'Empereur à son Vice-Chancelier, „que dans nos conversations à Erfurt, je croyais toujours que le plus utile serait de produire en Europe un système qui tendrait à empêcher qu'entre les trois grandes puissances restantes (la Russie, la France et l'Autriche) aucune des trois ne pût troubler la paix générale du continent. Ce système n'est possible qu'autant qu'il existe une balance entre les forces de ces puissances". La Russie ne redoute pas l'Autriche et désire sa consérvation. La France également ne doit pas la craindre et doit désirer son maintien.

Le comte Roumiantzow partageait complétement ces vues de son Souverain au sujet de la question d'Autriche. Il trouvait également absolument necéssaire de prévenir l'explosion de la guerre austro-française et proposa de passer par Vienne, en revenant en Russie, pour empêcher le gouvernement autrichien de provoquer l'Empereur des Français.

*) Voir t. III, page 27 et suiv. du présent „Recueil des traités".

могла бы создаться независимая великая Польша.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, понятны будутъ неустанныя старанія Александра I предупредить возникновеніе войны между Франціей и Австріей. Онъ направилъ, прежде всего, всѣ свои усилія къ тому, чтобъ остановить Вѣнскій кабинетъ на томъ опасномъ пути, на который онъ сталъ. Онъ предупредилъ черезъ своего посла, князя Куракина, австрійскаго императора Франца I, что если Австрія нападетъ на Францію, то Россія принуждена будетъ исполнить свои союзныя обязательства и вступить на сторону Наполеона *).

Съ другой стороны Александръ I употребляетъ все свое вліяніе въ Парижѣ, чтобъ успокоить Наполеона относительно воинственныхъ плановъ Австріи и остановить полный съ нею разрывъ. Миссія гр. Румянцева въ Парижѣ имѣла ближайшею цѣлью воздѣйствовать на Тьюльерійскій кабинетъ именно въ этомъ смыслѣ.

Въ написанной собственноручно инструкціи графу Румянцеву отъ 18-го декабря 1808 года Императоръ Александръ I выражаетъ увѣренность, что Австрія не нападетъ на Францію, ибо всѣ принятыя ею военныя мѣры имѣютъ исключительно оборонительный характеръ. Цѣль—предупредить нарушеніе мира со стороны Австріи—казалась Александру I достигнутою.

„Вы помните", писалъ Государь своему Вице-Канцлеру, „что въ нашихъ бесѣдахъ въ Эрфуртѣ я всегда былъ того мнѣнія, что наиболѣе желательною была бы для Европы такая система, которая препятствовала бы тому, чтобъ ни одна изъ трехъ оставшихся великихъ державъ (Россія, Франція и Австрія) не могла нарушить общаго мира на континентѣ. Такая система только возможна подъ условіемъ существованія равновѣсія между силами этихъ государствъ". Россія не боится Австріи и желаетъ ея сохраненія. Франція также не должна бояться Австріи и должна желать ея сохраненія.

Графъ Румянцевъ совершенно раздѣлялъ воззрѣнія своего Государя на Австрійскій вопросъ. Онъ также находилъ абсолютно необходимымъ предупредить возникновеніе австро-французской войны и предложилъ, на обратномъ пути въ Россію, заѣхать въ Вѣну, чтобъ остановить австрійское правительство отъ вызова императору Французовъ.

*) См. томъ III, стр. 27 и слѣд. настоящаго „Собр. трактатовъ".

„Plus j'étudie ce qui se passe ici," écrivait-t-il à Alexandre I en date de Paris, le 26 octobre (7 novembre) 1808, „plus j'examine l'avenir, plus je me persuade, Sire, que Votre Majesté Impériale ne peut assez surveiller la Cour de Vienne, si Elle veut... éteindre la guerre déjà allumée et empêcher qu'il ne s'en allume une dont les résultats pourraient devenir fâcheux aux intérêts de votre Empire."

Toutefois le comte Roumiantzow trouvait parfaitement légitimes les craintes de l'Autriche au sujet de sa propre sécurité. Elle est parfaitement en droit de se défier des résultats de l'entrevue d'Erfurt à laquelle elle n'a pas été conviée. C'est pourquoi l'Autriche a lieu de tout craindre de la part de Napoléon et de son allié.

Au retour de Napoléon d'Espagne en janvier 1809, lorsque le comte Roumiantzow avait avec lui des entretiens qui duraient des heures entières, il se persuada de plus en plus que le maître de la France avait résolu d'écraser l'Autriche et de la réduire au rang d'une puissance secondaire. Napoléon dit sans détour au comte Roumiantzow qu'il regrettait de ne pas avoir proposé à Alexandre I à Erfurt de contraindre l'Autriche à désarmer. Il exprimait l'assurance qu'il serait bientôt à Vienne comme un maitre inexorable.

„L'Autriche", dit un jour Napoléon au comte Roumiantzow, „veut un soufflet; je m'en vais le lui donner sur les deux joues et vous allez la voir même me remercier et me demander mes ordres sur laquelle le faire?"

Une autre fois Napoléon dit au Ministre des Affaires Etrangères de Russie: „Je donnerai les coups de bâton à l'Autriche". Le ministre répondit à cela avec sang-froid: „Pourvu, Sire, que vous ne lui laissez pas trop de tâches bleues, car notre intérêt serait alors de les compter. Nous ne la pouvons pas désirer abîmer".

Ces épanchements avaient lieu presque journellement et le comte Roumiantzow renonça à en rendre compte dans ses rapports. Il aurait dû remplir des cahiers entiers, s'il eût voulu reproduire exactement ce qui se disait. Il s'engagea à raconter tout oralement à son souverain. (Dépêche du 30 janvier (11 février) 1809).

Toutefois dans le cours de ces franches explications Napoléon se laissait souvent entraîner

„Чѣмъ болѣе я изучаю все, что здѣсь происходитъ", писалъ онъ Александру I изъ Парижа 26-го октября (7-го ноября) 1808 года, „чѣмъ болѣе я углубляюсь въ будущее, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, Государь, что Ваше Императорское Величество не можете достаточно надзирать за Вѣнскимъ дворомъ, если вы желаете... погасить уже начатую войну и предупредить, чтобъ не началась другая, которой послѣдствія могутъ оказаться пагубными интересамъ вашей Имперіи".

Однако гр. Румянцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ совершенно естественными опасенія Австріи относительно ея собственной безопасности. Она имѣетъ полное право относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ результатамъ Эрфуртскаго свиданія, къ которому она не была допущена. Поэтому Австрія должна всего бояться отъ Наполеона и его союзника.

Когда Наполеонъ вернулся въ январѣ 1809 г. изъ Испаніи и гр. Румянцевъ имѣлъ съ нимъ бесѣды, продолжавшіяся часами, онъ все болѣе убѣждался въ рѣшимости повелителя Франціи сокрушить Австрію и низвести ее на степень незначительной державы. Наполеонъ откровенно сказалъ гр. Румянцеву, что сожалѣетъ о томъ, что не предложилъ въ Эрфуртѣ Александру I заставить Австрію разоружиться. Онъ высказывалъ увѣренность, что скоро будетъ въ Вѣнѣ, въ качествѣ неумолимаго повелителя.

„Австрія", сказалъ разъ Наполеонъ гр. Румянцеву, „желаетъ получить пощечину. Я ей дамъ ее по обѣимъ щекамъ, и вы увидите, что она меня даже поблагодаритъ и спроситъ меня, какую щеку подставить".

Другой разъ Наполеонъ сказалъ русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ: „Я отдую Австрію палкой". На это Министръ хладнокровно замѣтилъ: „Лишь бы вы не надѣлали слишкомъ много синяковъ, ибо наши интересы тогда заставятъ насъ ихъ считать. Мы не можемъ желать ея погибели".

Эти откровенныя объясненія почти ежедневно имѣли мѣсто, и гр. Румянцевъ отказывался давать о нихъ отчетъ въ своихъ донесеніяхъ. Онъ долженъ былъ бы исписывать цѣлыя тетради, еслибъ пожелалъ точнымъ образомъ передать все сказанное. Онъ обязался устно разсказать все своему Государю. (Донесеніе отъ 30-го января (11-го февраля) 1809 года).

Однако, въ продолженіи этихъ откровенныхъ объясненій Наполеонъ весьма часто увле-

et donnait libre cours à ses sentiments de haîne et d'indignation. Se rendant parfaitement compte qu'une guerre avec l'Autriche lui causerait de grands embarras en présence de l'insurrection en Espagne, il n'hésita pas de proposer au Ministre des Affaires Etrangères de Russie le projet d'un partage des territoires de l'Autriche entre la Russie et la France.

Des ouvertures de cette nature prouvaient jusqu'à quel point les projets de Napoléon étaient incommensurables et forçaient le comte Roumiantzow à observer la plus grande circonspection dans ses entretiens avec l'Empereur des Français. Il s'abstenait d'entrer dans aucune explication au sujet du sort de l'Autriche et n'encourageait point l'espoir de Napoléon que la Russie pourrait favoriser l'écrasement de cette puissance.

Cette prudence du comte Roumiantzow finit par impatienter Napoléon qui un jour s'écria avec vivacité: „Notre alliance finira par être honteuse; vous ne voulez rien et vous vous méfiez de moi"! (Dépêche du comte Roumiantzow du 30 janvier (11 février) 1808).

Quoi qu'il en soit, le comte Roumiantzow ne se départit pas de son sang-froid à l'égard des vastes projets de Napoléon et obligea l'Empereur des Français de se placer sur le terrain des faits réels. Napoléon fit entendre qu'il reclamerait de la Russie le concours de 40,000 hommes qui devront être placés entièrement à sa disposition. En ce qui regarde le sort réservé à l'Autriche, il jugeait le plus opportun de la fractionner en petits royaumes pour les partager entre les Archiducs.

L'Empereur Alexandre I approuvait complétement la prudence de son Ministre des Affaires Etrangères et n'abandonnait pas l'espoir de prévenir une guerre entre l'Autriche et la France. Il fit part au comte Roumiantzow de ses entretiens avec le prince Schwarzenberg, l'ambassadeur d'Autriche nouvellement accrédité à St.-Pétersbourg, auquel il déclarait qu'il était toujours disposé de mettre un frein à l'ambition insatiable de la France, si celle-ci manifestait l'intention de réaliser ses projets belliqueux. Dans le cas où la France viendrait à attaquer l'Autriche sans aucune provocation de la part de celle-ci, la Russie sera prête à lui porter secours. L'Empereur s'est imposé comme but suprême de sa politique de maintenir l'équilibre entre les grandes puissances.

L'Empereur Alexandre espérait par ces expli-

кался и давалъ полную свободу своимъ чувствамъ злобы и негодованія. Сознавая, что предстоящая война съ Австріей ему чрезвычайно неудобна въ виду народнаго возстанія въ Испаніи, онъ не задумался предложить русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ мысль о раздѣлѣ всѣхъ австрійскихъ земель между Россіей и Франціей.

Подобнаго рода предложенія, обнаруживая всю необъятность плановъ Наполеона, заставили графа Румянцева выказывать крайнюю осмотрительность въ его сношеніяхъ съ императоромъ французовъ. Онъ не входилъ ни въ какія объясненія насчетъ будущей судьбы австрійской имперіи и не подавалъ Наполеону ни малѣйшей надежды, что Россія желаетъ разгрома Австріи.

Такая осторожность гр. Румянцева вывела, наконецъ, Наполеона изъ терпѣнія и онъ разъ съ азартомъ воскликнулъ: „Нашъ союзъ наконецъ сдѣлается позорнымъ. Вы ничего не хотите и вы мнѣ не довѣряете!" (Донесеніе гр. Румянцева отъ 30-го января (11 февраля) 1808 г.).

Гр. Румянцевъ все таки не измѣнилъ своего хладнокровнаго отношенія къ наполеоновскимъ грандіознымъ планамъ и заставилъ императора французовъ стать на почву реальныхъ фактовъ. Тогда Наполеонъ сталъ объяснять, что отъ Россіи онъ потребуетъ только союзной арміи въ 40,000 человѣкъ, которая должна находиться въ полномъ его распоряженіи. Что же касается до будущей судьбы Австріи, то онъ полагалъ бы цѣлесообразнымъ выкроить изъ нея мелкія королевства и раздавать ихъ австрійскимъ эрцгерцогамъ.

Императоръ Александръ I вполнѣ одобрялъ осторожность своего Министра Иностранныхъ Дѣлъ и не переставалъ лелѣять надежду, что ему удастся предупредить войну между Австріей и Франціей. Онъ сообщилъ гр. Румянцеву о своемъ объясненіи съ вновь назначеннымъ въ Петербургѣ австрійскимъ посломъ, княземъ Шварценбергомъ, которому онъ сказалъ, что всегда готовъ положить предѣлы ненасытному властолюбію Франціи, если она намѣрена осуществить свои завоевательные замыслы. Въ случаѣ ничѣмъ не вызваннаго со стороны Австріи нападенія Франціи, Россія готова будетъ придти ей на помощь. Императоръ Александръ поставилъ высшею цѣлью своей политики — сохраненіе политическаго равновѣсія между великими державами.

Такими объясненіями съ австрійскимъ по-

cations avec l'ambassadeur d'Autriche avoir réussi au commencement de 1809 à prévenir une rupture entre l'Autriche et la France (Lettre d'Alexandre I au comte Roumiantzow du 2 février 1809).

Dans tout état de cause, l'Empereur Alexandre I et son Vice-Chancelier étaient parfaitement d'accord là-dessus que la Russie ne saurait admettre „l'écrasement de l'Autriche".

En février 1809, le comte Roumiantzow quitta Paris pour retourner en Russie. Ce départ indisposa fortement Napoléon qui espérait au moyen d'un accord direct avec le Vice-Chancelier s'assurer de la coopération de la Russie. Le départ du comte Roumiantzow fut qualifié de „fuite" et Napoléon ne le lui pardonna jamais *). Il nous semble que le comte Roumiantzow n'avait plus rien à faire à Paris après l'arrivée du prince Kourakine, nouvellement accrédité en qualité d'ambassadeur de Russie. En vue des vastes projets de Napoléon au sujet de l'Autriche, il ne restait au comte Roumiantzow que de choisir entre ces deux alternatives: soit de remplir le désir de Napoléon en liant par de nouveaux engagements les destinées de la Russie aux projets ambitieux de la France, ou bien de sauvegarder la liberté d'action de la Russie dans l'éventualité d'une rupture entre la Russie et la France. Le comte Roumiantzow ne pouvait se prononcer pour la première de ces alternatives sans outrepasser ses pouvoirs et ses instructions; il s'arrêta à la seconde et son départ de Paris était l'issue la plus naturelle de la position périlleuse dans laquelle l'avait placé l'Empereur des Français.

D'ailleurs le comte Roumiantzow savait parfaitement que Napoléon ne réussirait jamais à forcer le nouvel ambassadeur de signer des engagements quelconques contre l'Autriche. Par son caractère le prince Kourakine n'était pas homme à prendre des décisions irréfléchies: tout ce qu'il faisait, il le faisait sans précipitation. Il eut soin de communiquer à l'Empereur avec satisfaction qu'il réussit d'abréger la route de Vienne à Paris: au lieu de 18 jours il ne mit que 13 pour ce voyage et s'étonnait lui-même de cette rapidité.

Par ses sentiments politiques, le prince Kourakine partageait complétement les vues de son prédecesseur, le comte Tolstoy. Il se défiait au même degré que lui de la politique ambitieuse

*) Voir *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 57.

сломъ Императоръ надѣялся, что ему удалось въ началѣ 1809 года предупредить разрывъ между Австріей и Франціей. (Письмо Александра I къ гр. Румянцеву отъ 2-го февраля 1809 года).

Во всякомъ случаѣ Императоръ Александръ I и его Вице-Канцлеръ были совершенно согласны въ томъ, что Россія не можетъ допустить „уничтоженія Австріи".

Въ февралѣ 1809 года гр. Румянцевъ уѣхалъ изъ Парижа обратно въ Россію. Этотъ отъѣздъ сильно огорчилъ Наполеона, который надѣялся посредствомъ особеннаго соглашенія съ русскимъ Вице-Канцлеромъ закрѣпить за собою союзную помощь Россіи. Отъѣздъ гр. Румянцева былъ названъ „бѣгствомъ", котораго Наполеонъ никогда не могъ ему простить *). Намъ кажется, что гр. Румянцеву нечего было дѣлать въ Парижѣ послѣ прибытія туда вновь назначеннаго русскаго посла, князя А. Б. Куракина. Въ виду грандіозныхъ плановъ Наполеона насчетъ Австріи графу Румянцеву оставалось только сдѣлать выборъ между двумя альтернативами: *или* исполнить желаніе Наполеона относительно закрѣпленія новымъ обязательствомъ судьбы Россіи съ тщеславными планами Франціи, *или же* сохранить свободу дѣйствій Россіи въ случаѣ разрыва между Австріей и Франціей. *Перваго*—гр. Румянцевъ сдѣлать не могъ безъ нарушенія своего полномочія и инструкцій; *второе*—онъ сдѣлалъ, и отъѣздъ его изъ Парижа былъ самымъ естественнымъ выходомъ изъ крайне опаснаго положенія, въ которое его поставилъ императоръ французовъ.

Наконецъ, гр. Румянцевъ отлично зналъ, что новаго русскаго посла Наполеонъ не заставитъ подписать какихъ либо обязательствъ, направленныхъ противъ Австріи. По своему характеру князь Куракинъ не въ состояніи былъ принять никакихъ скороспѣлыхъ рѣшеній: все что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ медленно и не спѣша. Онъ съ восторгомъ сообщилъ своему Государю, что ему удалось путь изъ Вѣны въ Парижъ сократить на нѣсколько дней: вмѣсто 18 дней, онъ сдѣлалъ его въ 13 дней, и самъ удивлялся своей скорости.

По своимъ политическимъ чувствамъ князь Куракинъ былъ единомышленникомъ своего предшественника—графа Толстого. Онъ относился не съ меньшимъ недовѣріемъ, чѣмъ Тол-

*) См. *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 57.

de l'Empereur des Français. Dans son premier rapport de Vienne, en date de 10 (22) janvier 1809, le prince Kourakine seplaint amérement de se voir transféré à Paris! A Vienne, il jouissait de la confiance de son souverain et son activité répondait à ses convictions intimes, tandis qu'à Paris il se trouve réduit simplement à un rôle d'observateur, car il n'a rien à y faire. „Aucun des ministres de l'Empereur Napoléon, „poursuit-il dans son rapport de janvier", ni Mr. de Champagny, ni le prince de Bénévent ne m'ont parlé encore d'affaires: ils ont l'air de l'éviter soigneusement".

Bien plus, les ministres français n'étaient pas seuls à éviter de parler d'affaires avec le prince Kourakine: ses chefs le faisaient également! Le prince se plaint amérement de ne recevoir ni instructions, ni informations de St. Pétersbourg.

Ces plaintes que nous trouvons déjà dans les premiers rapports de l'ambassadeur dénotent parfaitement son caractère personnel, ainsi que l'attitude de ses chefs à son égard. Aussi longtemps que le comte Roumiantzow se trouvait à Paris, il n'y avait pas de nécessité pour l'ambassadeur de recevoir des directions de St. Pétersbourg: le comte connaissait parfaitement les vues et les intentions de son souverain et pouvait le renseigner dans toute occasion. Le prince Kourakine était évidement peu satisfait du séjour à Paris du Vice-Chancelier qui effaçait complétement l'ambassadeur, assez terne par lui-même. Il est probable que le prince ne dissimulait pas ce déplaisir et c'est ce qui explique le départ du comte Roumiantzow.

Du reste, à un moment où le Vice-Chancelier était depuis longtemps rentré à St. Pétersbourg et où le prince Kourakine se trouvait par la marche des evénements placé dans une position très critique, le gouvernement le laissait des mois entiers sans nouvelles et sans direction. Aussi le prince Kourakine écrivait-il au comte Roumiantzow ces lignes curieuses à St. Pétersbourg en date du 11 (23) juillet 1809.

„C'est déjà depuis le 11 avril dernier que je suis sans nouvelles de Votre Excellence et sans réponses aux différentes demandes que je lui ai adressées à plusieurs reprises. Je ne puis me persuader qu'un si long silence de sa part ait une autre cause que quelque accident par lequel ses

стой, къ властолюбивой политикѣ императора французовъ. Въ первомъ же своемъ донесеніи изъ Вѣны отъ 10-го (22-го) января 1809 года князь Куракинъ горько жалуется на то, что его перевели изъ Вѣны въ Парижъ! Въ Вѣнѣ онъ пользовался довѣріемъ своего Государя и его дѣятельность отвѣчала всѣмъ его внутреннимъ убѣжденіямъ. Между тѣмъ какъ въ Парижѣ онъ принужденъ ограничиваться исключительно наблюденіемъ, ибо дѣлать ему нечего. „Ни одинъ изъ министровъ императора Наполеона", продолжаетъ онъ въ своемъ январьскомъ донесеніи, „ни Шампаньи, ни князь Беневентскій, еще не говорили со мною о дѣлахъ; они показываютъ видъ, что старательно этого избѣгаютъ".

Этого мало: не только французскіе министры избѣгаютъ говорить о дѣлахъ съ княземъ Куракинымъ, но даже его собственное начальство не желаетъ говорить съ нимъ о дѣлахъ! Князь горько жалуется, что ему не даютъ никакихъ инструкцій и ничего не пишутъ изъ С.-Петербурга.

Такія горькія жалобы князя Куракина въ первомъ же донесеніи отлично характеризуютъ его самого и также отношеніе къ нему начальства. Пока гр. Румянцевъ находился въ Парижѣ, послу не было особенной надобности получать инструкціи изъ Петербурга: графъ отлично зналъ всѣ виды и планы своего Государя и могъ направлять посла во всѣхъ случаяхъ. Очевидно князь Куракинъ не особенно доволенъ былъ пребываніемъ въ Парижѣ Вице-Канцлера, который совершенно затмѣвалъ мало интереснаго посла. Вѣроятно князь не скрывалъ своего неудовольствія и въ этомъ обстоятельствѣ также кроется причина отъѣзда гр. Румянцева изъ Парижа.

Впрочемъ, когда Вице-Канцлеръ уже давно былъ въ Петербургѣ и князь Куракинъ былъ поставленъ ходомъ событій въ весьма трудное положеніе, правительство оставляло его иногда въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ безъ всякихъ извѣстій и наставленій. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно любопытно то, что писалъ князь Куракинъ графу Румянцеву въ Петербургъ 11-го (23-го) іюля 1809 года:

„Вотъ уже съ 11-го апрѣля я не получаю отъ Вашего Сіятельства никакихъ извѣстій и остаюсь безъ отвѣтовъ на различные вопросы, съ которыми я неоднократно къ вамъ обращался. Я не могу себѣ представить, чтобъ такое продолжительное молчаніе съ вашей

lettres se soient perdues (*sic!*) Je compte trop sur son amitié pour croire qu'elle puisse me laisser volontairement dans un aussi long oubli qui par toutes les considérations possibles m'est on ne peut plus pénible dans l'exécution de mes fonctions ici".

Il faut convenir que la position du prince Kourakine à Paris était étrange: les ministres français évitent de causer avec lui et le gouvernement russe oublie son existence durant des mois entiers! On se demande pourquoi le laissait-on au poste qu'il occupait?

Pour être juste il faut dire qu'au commencement du séjour du prince à Paris, Napoléon le traitait très gracieusement: on l'invitait avec le comte Roumiantzow, ou bien sans ce ministre, aux fêtes de Cour les plus intimes, auxquelles les autres membres du corps diplomatique n'étaient pas conviés. Ainsi, à l'un des bals de Cour, avant le départ même du comte Roumiantzow, Napoléon prit à part le Vice-Chancelier et l'ambassadeur et s'entretint avec eux durant des heures entières de la situation politique de l'Europe. Il attaqua avec violence l'Autriche en disant que „pour toutes ses impertinences" il lui donnera „un bon soufflet". „Je parie", ajouta-t-il, „que dans 40 jours je serai à Vienne. Il n'y a pas un seul homme dans cette monarchie, tout y est pourri". Un seul homme fait exeption—c'est-l'archiduc Charles (Dépêche du prince Kourakine du 18 (30) janvier 1809).

Ces menaces continuelles à l'adresse de l'Autriche impressionnaient péniblement le prince Kourakine qui emporta de Vienne un profond attachement à la haute société de cette capitale et la conviction intime de la nécéssité de l'existence de l'Autriche pour le maintien de l'équilibre politique en Europe. Il suppliait son souverain de prendre la défense de cet Empire et de ne pas laisser à Napoléon la possibilité d'exécuter le plan qu'il avait conçu quant à l'écrasement de cette monarchie. Enfin le prince Kourakine se fit un devoir d'exposer à Napoléon avec énergie les dispositions conciliantes de l'Empereur d'Autriche et de ses peuples.

En attendant les instructions adressées au

стороны имѣло какую-нибудь другую причину, кромѣ какого-нибудь несчастія, благодаря которому ваши письма потерялись (sic!). Я разсчитываю на вашу дружбу, недопускающую мысли, чтобъ вы нарочно оставили меня въ такомъ продолжительномъ забытьѣ, которое въ силу всевозможныхъ соображеній для меня чрезвычайно тяжело при исполненіи моихъ здѣшнихъ обязанностей".

Нельзя не сказать, что чрезвычайно странно было положеніе русскаго посла князя Куракина въ Парижѣ: французскіе министры его избѣгаютъ систематически и съ нимъ не разговариваютъ, а русское правительство забываетъ объ его существованіи въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ! Спрашивается: для чего его оставляли на занимаемомъ имъ посту?

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ началѣ парижскаго пребыванія князя Куракина Наполеонъ относился къ нему чрезвычайно милостиво: вмѣстѣ съ графомъ Румянцевымъ, или отдѣльно, онъ приглашался на самыя интимныя придворныя торжества, на которыя не приглашались другіе члены дипломатическаго корпуса. Такъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ передъ самымъ отъѣздомъ гр. Румянцева, Наполеонъ взялъ въ сторону Вице-Канцлера и посла, и, въ продолженіи двухъ часовъ, съ ними бесѣдовалъ о политическомъ положеніи Европы. Онъ сильнѣйшимъ образомъ опять нападалъ на Австрію, сказавъ, что „за всѣ ея дерзости" онъ ей дастъ „хорошую пощечину". „Я готовъ пари держать", прибавилъ онъ, „что въ 40 дней я буду въ Вѣнѣ. Нѣтъ въ этомъ государствѣ ни одного человѣка, все въ немъ сгнило". Исключеніе составлялъ только одинъ человѣкъ—эрцгерцогъ Карлъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 18-го (30-го) января 1809 г.).

Эти постоянныя угрозы противъ Австріи страшно печалили князя Куракина, который вывезъ изъ Вѣны сердечную привязанность къ высшему обществу австрійской столицы и глубокое убѣжденіе въ неотложной необходимости въ Европѣ Австрійской монархіи для поддержанія политическаго равновѣсія. Онъ умолялъ своего Государя заступиться за Австрію и не дать Наполеону возможности совершить задуманный имъ разгромъ этой державы. Наконецъ и самъ князь Куракинъ энергическимъ образомъ защищалъ предъ Наполеономъ миролюбіе австрійскаго императора и его народовъ.

Между тѣмъ въ полученной княземъ Кура-

prince Kourakine en février lui recommandaient de ne jamais perdre de vue que l'Empereur des Français était l'allié le plus proche du Souverain de Russie, que l'ambassadeur était appelé à entretenir cette alliance par tous les moyens possibles, que même une altération apparente de cet accord était inadmissible et finalement que l'ambassadeur devait se garder de toute intimité avec le représentant d'Autriche à Paris. Il était très pénible au prince Kourakine d'exécuter ces instructions et particulièrement la dernière ayant trait, au ministre d'Autriche. Ce poste était occupé par le comte de Metternich dont il était l'ami et dont le dévouement pour la Russie n'était pour lui l'objet d'aucun doute. (Dépêches au princc Kourakine du 2 (14) février et du 18 (30) mai 1809).

En attendant, le moment d'une rupture entre la France et l'Autriche s'approchait de plus en plus. Celui d'un changement fatal dans les relations d'alliance entre la Russie et la France ne devait également pas tarder à se produire.

Après le départ du comte Roumiantzow de Paris, Napoléon écrivit à l'Empereur Alexandre I qu'il a été heureux de faire connaissance plus intimement avec un homme d'Etat russe qui a toutes les conditions requises pour mettre en exécution leurs plans élévés „pour le bonheur du monde“ (Lettre de Napoléon 14 février 1809). L'Empereur Alexandre répondit dans un esprit également courtois qu'il est très heureux d'apprendre que le comte Roumiantzow soit complètement initié aux grands projets de l'Empereur des Français, et c'est pourquoi il exprimait l'espoir que le moment était venu pour exercer en commun une action énérgique contre—l'Angleterre! En ce qui regarde l'eventualité d'une guerre entre l'Autriche et la France, Alexandre I promit d'appliquer tous ses efforts pour arrêter le cabinet de Vienne sur la pente épineuse sur laquelle il semblait s'être engagé. (Lettre d'Alexandre I à Napoléon du 19 mars 1809).

Tous ces efforts de l'Empereur de Russie restèrent malheureusement complètement stérile. A la fin du mois de mars Napoléon informa son allié que l'Autriche était prête à la guerre et que la garde française avait reçu l'ordre de se rendre en Allemagne. Napoléon crut devoir communiquer, en même temps, à Alexandre I que l'Autriche „triomphe dans toute la Turquie“ et qu'elle paralyse ainsi l'exécution des voeux de la Russie au sujet de l'incorporation des principautés Danu-

кинымъ февральской инструкціи ему вмѣнялось въ обязанность никогда не забывать, что самый близкій союзникъ русскаго Царя императоръ французовъ, что этотъ союзъ всегда долженъ быть поддерживаемъ посломъ всѣми силами, что даже кажущееся ослабленіе этого союза недопустимо и что, наконецъ, посолъ долженъ остерегаться дружиться съ австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Все это исполнить было очень тяжело для князя Куракина, въ особенности послѣдній совѣтъ относительно австрійскаго посланника. Этотъ постъ занималъ графъ Меттернихъ, съ которымъ князь Куракинъ не только былъ друженъ, но въ преданность котораго Россіи онъ слѣпо вѣрилъ. (Депеши къ кн. Куракину отъ 2-го (14-го) февраля и 18-го (30-го) мая 1809 года).

Между тѣмъ, моментъ кровавой развязки между Франціей и Австріей приближался все болѣе и болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ приближался моментъ рокового переворота въ союзныхъ отношеніяхъ между Россіей и Франціей.

Послѣ отъѣзда гр. Румянцева изъ Парижа Наполеонъ написалъ Императору Александру I, что онъ былъ радъ поближе познакомиться съ русскимъ государственнымъ человѣкомъ, который въ состояніи приводить въ исполненіе ихъ возвышенные планы, составленные „для счастья міра“. (Письмо Наполеона отъ 14-го февраля 1809 года). Императоръ Александръ отвѣтилъ въ такомъ же любезномъ духѣ, сказавъ, что ему особенно пріятно быть увѣреннымъ въ полномъ знакомствѣ гр. Румянцева съ великими планами императора французовъ. Вотъ почему онъ выразилъ надежду, что наступилъ моментъ для энергическихъ общихъ дѣйствій противъ — Англіи. Что же касается возможности войны Австріи противъ Франціи, то Александръ I обѣщалъ употребить всѣ средства, чтобъ остановить Вѣнскій кабинетъ на скользкомъ пути, на который онъ сталъ. (Письмо Александра I къ Наполеону отъ 19-го марта 1809 года).

Но эти старанія Александра I оказались весьма скоро совершенно тщетными. Въ концѣ марта Наполеонъ извѣстилъ своего союзника, что Австрія готова къ войнѣ и что французская гвардія отправляется въ Германію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ сообщилъ, что Австрія „взяла въ свои руки всю Турцію“ и такимъ образомъ парализуетъ исполненіе желаній Россіи относительно присоединенія Дунайскихъ княжествъ. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Я

biennes. Il disait en terminant: „J'ai compté et je compte sur l'alliance de Votre Majesté; mais il faut agir, et je me confie en Elle". (Lettre de Napoléon I du 24 mars 1809).

Bien que les Autrichiens aient déjà commencée la guerre au mois d'avril, Alexandre I entretenait toujours encore l'espoir d'arrêter la marche des événements et de persuader le cabinet de Vienne de la folie de son ardeur belliqueuse. Lorsque cet espoir devait s'évanouir sous la pression des faits accomplis, il écrivait à son allié qu'il pouvait compter sur lui et qu'il est en voie de prendre toutes les dispositions pour les opérations militaires contre l'Autriche. Il est vrai, ajoute l'Empereur, que ses ressources ne sont pas considérables, car il doit faire face à deux autres guerres, „mais tout ce qui est possible, sera fait". Telles étaient les paroles peu consolantes de l'Empereur Alexandre I à la veille de la grande lutte de la France avec l'Autriche.

Ces paroles devaient produire un effet désastreux sur Napoléon qui comptait sérieusement sur l'adjonction immédiate d'un corps russe de 50.000 hommes à l'armée française, appelée à combattre l'Autriche. Il était convaincu que les troupes russes occuperaient aussitôt l'Autriche et détourneraient de leur déstination une fraction considérable des forces autrichiennes dirigées contre la France.

Rien de pareil n'arriva. Il est vrai que l'armée russe sous les ordres du prince Galitzine occupa la Galicie, mais son attitude était si pacifique, que l'Autriche n'avait rien à redouter de cet ennemi. C'était plutôt une promenade militaire de l'armée russe, qu'une campagne à proprement parler. Les troupes autrichiennes et russes évitaient soigneusement de se rencontrer et grâce aux succès éclatants de Napoléon, elles réuissirent facilement à résoudre ce problème.

Cette politique d'Alexandre I à l'égard de Napoléon porta celui-ci à l'accuser de duplicité et à le trouver peu clairvoyant quant aux véritables intérêts de la Russie *). La colère de Napoléon au sujet de la manière d'agir d'Alexandre I n'avait pas de bornes. Tandis que Caulaincourt l'informait soigneusement des compliments qu'Alexandre I prodiguait dans ses entretiens avec lui au sujet de la nation fran-

*) Voir *Vandal.* Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 82 et suiv.

разсчитывалъ и продолжаю разсчитывать на союзъ съ Вашимъ Величествомъ. Но нужно дѣйствовать, и я вамъ довѣряю". (Письмо Наполеона I отъ 24-го марта 1809 г).

Когда война уже была начата Австрійцами въ началѣ апрѣля, Александръ I все еще питалъ надежду, что ему удастся остановить ходъ событій и убѣдить Вѣнскій кабинетъ въ безразсудствѣ его воинственнаго задора. Когда же эта надежда должна была рушиться подъ давленіемъ совершившихся фактовъ, онъ писалъ своему союзнику, что „онъ можетъ на него положиться" и что онъ готовится къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австріи. Правда, прибавилъ Государь, его средства не велики, ибо онъ долженъ вести еще двѣ войны. „*Но все, что возможно, будетъ сдѣлано*" — таковы были неутѣшительныя слова Императора Александра I наканунѣ великой войны Франціи съ Австріею.

Эти слова должны были произвести ошеломляющее дѣйствіе на Наполеона, который весьма серьезнымъ образомъ разсчитывалъ на немедленное присоединеніе русской арміи въ 50,000 человѣкъ къ французскимъ войскамъ, сражающимся противъ Австріи. Онъ былъ увѣренъ, что русскія войска немедленно вступятъ въ Австрію и отвлекутъ значительную часть австрійскихъ вооруженныхъ силъ, направленныхъ противъ французскихъ арміи.

Ничего подобнаго не случилось. Правда, русская армія, подъ начальствомъ князя Голицына, вступила въ австрійскую Галицію, но она вела себя настолько миролюбиво въ занятой области, что Австріи нечего было опасаться этого врага. Это была скорѣе военная прогулка русской арміи, нежели военный походъ. Австрійскія и русскія войска тщательнымъ образомъ старались не встрѣчаться и, благодаря неожиданнымъ блестящимъ побѣдамъ Наполеона, имъ удалось разрѣшить эту легкую задачу.

Такая политика Александра I въ отношеніи Наполеона вызвала обвиненія его въ вѣроломствѣ и въ близорукости относительно пониманія собственныхъ интересовъ Россіи *). Гнѣвъ Наполеона по поводу образа дѣйствій Александра I былъ безпредѣленъ. Когда Коленкуръ ему исправно сообщалъ о всѣхъ комплиментахъ, которые Александръ I въ разговорахъ съ нимъ расточалъ насчетъ француз-

*) Срав. *Vandal.* Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 82 et suiv.

çaise et du génie militaire de Napoléon, celui-ci s'écriait avec indignation: „Des compliments et des phrases ne sont pas des armées; ce sont des armées qu'éxigeait la circonstance".

Bien plus: lorsqu'on fit part à Napoléon des opérations militaires en Gallicie où le prince Galitzine refusait de prêter son concours à Poniatovsky,— Napoléon, pressé par les Autrichiens s'écria avec fureur: „Traitresse conduite"! *).

D'autre part, l'Empereur Alexandre I continuait dans ses lettres à Napoléon et dans ses entretiens avec l'ambassadeur de France, de blâmer la conduite de l'Autriche et d'exalter les brillants succès des armées françaises. Après la défaîte des Autrichiens, en juin 1809, le colonel Gorgoli fut chargé de porter au camps de Napoléon une lettre dans laquelle on démontrait que les Autrichiens avaient reçu „des leçons terribles et méritées". Napoléon n'avait pas besoin d'un accroissement de gloire militaire, mais „nos ennemis" se sont chargés de lui fournir de nouveaux lauriers.

Toutefois Napoléon ne changea pas son jugement quant à la manière dont Alexandre I s'acquitta de ses devoirs d'allié. Au contraire: plus la guerre se prolongeait et plus il remportait de victoires sur l'Autriche, sans aucun concours, plus il ressentait d'amertume contre son allié et son ami. La guerre de 1809 fit une brêche profonde dans l'alliance entre la Russie et la France: depuis cette époque des germes de défiance mutuelle et de suspicion systématique poussent des racines profondes pour aboutir à la guerre de 1812.

On peut signaler des symptômes sans nombre constatant les progrès de cette altération dans les rapports mutuels entre les deux Etats depuis l'été 1809. Nous citerons comme un des plus significatifs la lettre de Champagny à Caulaincourt du 2 juin 1809 dictée par Napoléon à son Ministre des Affaires Etrangères **).

„M. l'Ambassadeur, l'Empereur ne veut pas que je vous cache que les dernières circonstances lui ont fait beaucoup perdre de la confiance que lui inspirait l'alliance de la Russie, et qu'elles sont pour lui des indices de la mauvaise foi de ce cabinet. On n'avait jamais vu prétendre garder l'ambassadeur de la puissance à laquelle

*) Voir *Vandal*, loc. cit., t. II, p. 94 et suiv.

**) Voir *Vandal*. Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 95 et suiv.

скаго народа и военнаго гепія Наполеона, послѣдній съ негодованіемъ воскликнулъ: „Комплименты и фразы не суть армін; положеніе вещей требовало армій".

Этого мало. Когда Наполеону доложили о военныхъ дѣйствіяхъ въ Галиціи, гдѣ князь Голицынъ отказался идти на помощь Понятовскому, тѣснимому австрійскими войсками, Наполеонъ съ яростью воскликнулъ: „Это поведеніе предательское"! *).

Съ своей стороны, Императоръ Александръ I продолжалъ, въ своихъ письмахъ къ Наполеону и въ бесѣдахъ съ французскимъ посломъ, осуждать образъ дѣйствій Австріи и восторгаться блестящими побѣдами французскихъ войскъ. Послѣ погрома австрійцевъ, въ іюнѣ 1809 года, полковникъ Горголи отвезъ въ лагерь Наполеона письмо, въ которомъ доказывалось, что австрійцы получили „страшный и заслуженный урокъ". Наполеонъ не нуждался въ увеличеніи своей военной славы, но „нашимъ врагамъ" угодно было еще прибавить новые лавры.

Однако Наполеонъ не измѣнилъ своей оцѣнки исполненія Александромъ I союзныхъ обязательствъ. Напротивъ, чѣмъ дольше продолжалась война и чѣмъ болѣе блестящія побѣды одерживалъ онъ одинъ надъ австрійцами, тѣмъ больше накоплялись въ его душѣ чувства горечи и негодованія противъ Императора Александра I, его союзника и друга. Война 1809 года положила глубокую брешь въ союзъ между Россіей и Франціей. Съ этого времени сѣмена взаимнаго недовѣрія и систематической подозрительности пускаютъ глубокіе корни и вырастаютъ въ войну 1812 года.

Симптомовъ такого развитія взаимныхъ отношеній между обоими союзными государствами очень много съ лѣта 1809 года. Одно изъ самыхъ знаменательныхъ— письмо Шампаньи къ Коленкуру отъ 2-го іюня 1809 года, продиктованное Наполеономъ своему Министру Иностранныхъ Дѣлъ **).

„Г. посолъ, Императоръ не желаетъ, чтобъ я скрылъ отъ васъ, что послѣднія событія заставили его много утратить довѣрія, которое ему внушалъ союзъ съ Россіей: они служатъ ему доказательствами вѣроломства этого кабинета. Никогда еще не видано было, чтобъ удерживали посла той державы, кото-

*) Срав. *Vandal*, loc. cit., t. II, p. 94 et. suiv.

**) *Vandal*. Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 95 et suiv.

on déclarait la guerre... Six semaines sont écoulées, et l'armée russe n'a pas fait un mouvement, et l'armée autrichienne occupe le grand-duché comme une de ses provinces".

„Le coeur de l'Empereur est blessé", poursuit Champagny; „il n'écrit pas à cause de cela à l'Empereur Alexandre; il ne peut pas lui témoigner une confiance qu'il n'éprouve plus. Il ne dit rien; il ne se plaint pas; il renferme en lui-même son déplaisir, mais il n'apprécie plus l'alliance de la Russie... Quarante mille hommes que la Russie aurait fait entrer dans le grand-duché, auraient rendu un véritable service, et auraient au moins entretenu, quelque illusion sur un fantôme d'alliance".

„L'Empereur a mieux aimé que je vous écrivisse ces mots que de vous envoyer dix pages d'instructions, mais il veut que vous regardiez comme annulées vos anciennes instructions. Ayez l'attitude convenable, paraissez satisfait; mais ne prenez aucun engagement, et ne vous mélez en aucune manière des affaires de la Russie avec la Suède et la Turquie... Que la Cour de Russie soit toujours contente de vous autant que vous paraissez l'être d'elle; par cela même que l'Empereur ne croit plus à l'alliance de la Russie, il lui importe davantage que cette croyance dont il est désabusé, soit partagée par toute l'Europe".

A la fin de la lettre on recommande à Caulaincourt de la détruire immédiatement pour qu'il n'en reste aucune trace.

Cette lettre, très franche, du Ministre des Affaires Etrangères de France confirmait le changement complet des sentiments de Napoléon à l'égard d'Alexandre I. Depuis ce moment l'alliance n'existe entre eux que sur papier, et non de fait. Ce changement s'est-il opéré exclusivement parce que Napoléon était mécontent de la mollesse du concours que lui prêtait la Russie ou bien parce qu'il était convaincu que le moment était venu de régler par les armes ses comptes avec la Russie — c'est une question qu'il serait difficile de résoudre d'après les matériaux puisés dans les archives. Il est certain que Napoléon avait des motifs sérieux de se plaindre de la conduite d'Alexandre I qui partageait la conviction de son ambassadeur à Paris que l'Autriche est „le boulevard naturel" de la Russie contre la France, devenue maîtresse absolue de

рой объявлена война... Прошло шесть недѣль, а русская армія шагу не сдѣлала и австрійская армія занимаетъ великое герцогство, какъ одну изъ своихъ провинцій".

„Сердцу Императора нанесена рана", продолжаетъ Шампаньи, „и вотъ причина, почему онъ не пишетъ Императору Александру. Онъ не въ состояніи показать ему довѣріе, котораго больше не питаетъ. Онъ ничего не говоритъ и не жалуется; онъ скрываетъ внутри себя свое неудовольствіе, но онъ больше не цѣнитъ союзъ съ Россіей...Сорокъ тысячъ человѣкъ, которыхъ Россія могла бы ввести въ великое герцогство, могли бы сослужить дѣйствительную службу и могли бы, по меньшей мѣрѣ, поддержать нѣкоторую иллюзію призрака союза".

„Императоръ предпочелъ, чтобъ я вамъ написалъ вышесказанное вмѣсто инструкціи въ десять страницъ, но онъ желаетъ, чтобы вы считали уничтоженными ваши прежнія инструкціи. Сохраните приличное поведеніе, показывайте видъ, что довольны, но не принимайте никакого обязательства и никоимъ образомъ не вмѣшивайтесь въ дѣла Россіи съ Швеціей и Турціей... Пускай русскій дворъ всегда будетъ доволенъ вами, какъ и вы покажете видъ, что довольны имъ. Именно потому, что Императоръ больше не вѣритъ въ союзъ съ Россіей, онъ въ особенности желаетъ, чтобъ эта вѣра, которой у него нѣтъ, была бы раздѣляема всею Европою".

Въ концѣ письма Коленкуру предписывается немедленно уничтожить это письмо, чтобъ не осталось отъ него никакого слѣда.

Это чрезвычайно откровенное письмо французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ подтвердило полную перемѣну чувствъ Наполеона къ Александру I. Отнынѣ союзъ между ними существуетъ только на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Совершилась ли такая перемѣна исключительно подъ вліяніемъ неудовольствія на пассивный характеръ русской союзной помощи, или же, вслѣдствіе убѣжденія Наполеона, что наступилъ моментъ для кровавой расправы также съ Россіей, — это вопросъ, который трудно рѣшить на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ имѣлъ вѣскія причины быть недовольнымъ образомъ дѣйствія Императора Александра I, который соглашался съ своимъ посломъ въ Парижѣ, что Австрія есть „естественная плотина" Россіи противъ господ-

l'Europe centrale. Après la destruction de ce boulevard la Russie était la seule puissance en Europe avec laquelle Napoléon avait à compter.

Après les victoires éclatantes remportées sur l'Autriche et le traité de paix de Vienne, Napoléon dut arriver à la conclusion que la Russie pouvait seule lui résister dans sa marche tendant à établir son omnipotence en Europe. La conscience de cette vérité incontestable devait confirmer Napoléon dans sa résolution de préparer le terrain à la dissolution de l'alliance franco-russe. L'étrange attitude de l'armée russe en Galicie lui fournit le prétexte de modifier sa politique à l'égard de la Russie.

Son caractère passionné et la conscience de disposer des déstinées de l'Europe occidentale aménèrent sans retard une altération d'intimité entre les deux alliés. La lettre du 2 juin recommandait à Caulaincourt de ne changer en rien ses rapports avec l'Empereur Alexandre et ses ministres et de s'appliquer à dissimuler le changement survenu dans les sentiments de Napoléon à l'égard de son allié. En attendant Napoléon, à son retour à Paris, crut devoir en présence de tout le monde traiter d'une manière différente l'ambassadeur de Russie. Le prince Kourakine eût lieu de constater qu'il était plus rarement invité à la Cour, que Napoléon évitait de causer avec lui intimement et qu'il n'était plus de sa part l'objet d'aucune courtoisie particulière. Napoléon exprima en même temps sans détour son mécontentement au courrier diplomatique de la Russie au sujet des opérations militaires de l'armée russe alliée. (Dépêches du prince Kourakine du 21 octobre (2 novembre) et 3 (15) novembre 1809).

Il est vrai, dans ses lettres du théâtre de la guerre, l'Empereur des Français continuait à assurer Alexandre I que rien n'était changé quant à ses sentiments d'amitié et à la solidité de l'alliance. Trois aides de camps du Tsar se trouvaient en juillet dans son quartier général: le comte Tchernyschew, le prince Gagarine et Gorgoli. Leur présence devait attester l'intimité des rapports entre les deux alliés. Napoléon écrivait en même temps à Alexandre I, qu'il renouvelle sa reconnaissance „pour les preuves d'amitié" qu'il lui a données dans les circonstances actuelles et le priait, en même temps, „de ne jamais douter

ствующей надъ центральною Европою Франціи. Послѣ уничтоженія этой плотины Россія оставалась единственною въ Европѣ державою, съ которою Наполеонъ еще долженъ былъ считаться.

Послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Австріею и заключенія Вѣнскаго мирнаго трактата, Наполеонъ долженъ былъ придти къ этому же заключенію: только союзная Россія могла еще ему противодѣйствовать на пути къ установленію его владычества надъ всею Европою. Сознаніе этой несомнѣнной истины должно было укрѣпить въ Наполеонѣ рѣшеніе подготовить почву для расторженія франко-русскаго союза. Странный образъ дѣйствій русской арміи въ Галиціи далъ Наполеону внѣшній поводъ къ измѣненію своей политики въ отношеніи Россіи.

Страстность натуры Наполеона и сознаніе, что онъ повелитель надъ всѣми западно-европейскими народами привели къ тому, что симптомы охлажденія между обоими союзниками стали обнаруживаться весьма скоро. Въ письмѣ отъ 2-го іюня Коленкуру предписано было ни сколько не измѣнять своихъ сношеній съ Императоромъ Александромъ и его министрами, но стараться всѣми силами скрывать перемѣну чувствъ Наполеона къ своему союзнику. Между тѣмъ самъ Наполеонъ сталъ иначе относиться къ русскому послу, послѣ своего возвращенія въ Парижъ. Князь Куракинъ сталъ замѣчать, что Наполеонъ не такъ часто приглашалъ его ко двору, избѣгалъ говорить съ нимъ интимнымъ образомъ и никакихъ особенныхъ любезностей ему не оказывалъ. Русскому же дипломатическому курьеру Наполеонъ совершенно откровенно высказалъ полное неудовольствіе по поводу военныхъ дѣйствій русской союзной арміи. (Донесенія кн. Куракина отъ 21-го октября (2-го ноября) и 3-го (15-го) ноября 1809 года).

Правда, въ своихъ письмахъ съ театра войны, императоръ французовъ продолжалъ увѣрять Александра I въ неизмѣнности его чувствъ дружбы и союза. Въ іюлѣ находились въ его главной квартирѣ три флигель-адъютанта русскаго Царя: гр. Чернышевъ, кн. Гагаринъ и Горголи. Ихъ присутствіе должно было доказывать близость отношеній обоихъ союзниковъ. Въ это самое время Наполеонъ писалъ своему союзнику, что онъ возобновляетъ свою благодарность „за доказательства дружбы", данныя ему при настоящихъ обстоятельствахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проситъ „никогда

de la vérité et de la constance“ de ses sentiments d'amitié. (Lettre du 18 juillet 1809 de Schönbrunn).

Quelques jours après, dans une lettre du 27 juillet, Napoléon dissimule avec peine son mécontentement au sujet de la conduite de son allié. Dans l'éventualité où l'Autriche n'accepterait pas les conditions de paix proposées et renouvellerait les opérations militaires, Napoléon exprima sérieusement le désir que l'armée „pût agir activement et d'une manière plus immédiate (*sic!*)“. „Jusqu'à cette heure“, ajoute Napoléon, „j'ignore où elle est, sa force et les intentions précises de Votre Majesté sur elle“.

Ces paroles trahissent clairement les sentiments d'irritation de Napoléon à l'égard d'Alexandre I qui, jusqu'à présent, n'avaient pas affectés leurs rapports mutuels; mais lorsque l'Autriche fut dans la nécessité de signer les conditions de la paix qui lui étaient imposées et lorsque Napoléon eût la conscience des conséquences des brillantes victoires qu'il venait de remporter, ses relations avec Alexandre I subirent involontairement un changement. Cette réaction des événements se manifesta au moment même de la conclusion de la paix avec l'Autriche.

Une fois que la Russie était l'alliée de la France pendant la guerre avec l'Autriche, elle avait droit de prendre part aux pourparlers de paix et à la conclusion de traité. En attendant, ce pacte fut signé seulement par les plénipotentiaires de l'Autriche et de la France. Ce n'est pas tout: Napoléon obligea l'Autriche de céder à la Russie une fraction de la Galicie, c.-à-d. une petite région avec une population de 400.000 hommes. Cette compensation misérable, offerte à la Russie pour un concours qui lui a coûté de grands sacrifices fut consignée, sous forme d'article séparé, dans l'instrument de paix entre la France et l'Autriche. Le prince Kourakine, comme on le voit d'après la dépêche du 21 octobre (2 novembre) 1809, aussi bien que l'Empereur Alexandre, accueillirent cette compensation offerte dans cette forme comme une offense imméritée. Le prince Kourakine disait avec raison que jusqu'à cette époque Napoléon avait coutume de traiter ainsi seulement les membres de la confédération du Rhin, placés sous son patronage.

Cette provocation, jetée par Napoléon à Alexandre I, était particulièrement sensible par le fait que le duché de Varsovie avait reçu un accroissement territorial bien plus considérable

не сомнѣваться въ искренности и непзмѣнности“ его дружескихъ чувствъ. (Письмо отъ 18-го іюля 1809 г. изъ Шенбруна).

Черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ отъ 27-го іюля, Наполеонъ обнаруживаетъ скрытое неудовольствіе поведеніемъ союзника. Въ виду возможности непринятія Австріею предписанныхъ имъ условій мира и возобновленія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ выражаетъ серьезное желаніе, чтобъ русская армія дѣйствовала „активнымъ и болѣе непосредственнымъ образомъ“ (sic!). „По сей часъ“, прибавляетъ Наполеонъ, „я не знаю, ни гдѣ она находится, ни ея силу, ни точныя намѣренія Вашего Величества относительно нея“.

Въ этихъ словахъ Наполеона весьма ясно выражаются чувства неудовольствія его противъ Александра I, которыя пока не измѣняли еще ихъ взаимныхъ отношеній. Но когда Австрія должна была подписать предписанныя ей условія мира и Наполеонъ сталъ чувствовать послѣдствія одержанныхъ имъ блестящихъ побѣдъ, отношенія его къ Александру I стали неизбѣжнымъ образомъ измѣняться. Такое воздѣйствіе на него событій обнаружилось уже при заключеніи мира съ Австріей.

Если Россія была союзницею Франціи во время войны противъ Австріи, то имѣла право участвовать въ мирныхъ переговорахъ и въ заключеніи мирнаго трактата. Между тѣмъ мирный трактатъ былъ подписанъ уполномоченными только Австріи и Франціи. Этого мало: Наполеонъ заставляетъ Австрію уступить Россіи часть Галиціи, т. е. маленькую область съ народонаселеніемъ въ 400.000 человѣкъ. Это мизерное вознагражденіе за оказанную Россіей помощь, стоившую ей все таки значительныхъ жертвъ, было включено, въ видѣ особенной статьи, въ мирный трактатъ между Франціей и Австріей. Не только князь Куракинъ, какъ видно изъ его донесенія отъ 21-го октября (2-го ноября) 1809 года, но и самъ Александръ I не могъ непризнать въ такомъ вознагражденіи, данномъ въ такой формѣ, незаслуженное оскорбленіе. Князь Куракинъ былъ правъ, сказавъ, что до того времени Наполеонъ поступалъ такимъ образомъ только съ членами Рейнскаго Союза, находящимися подъ его протекторатомъ.

Брошенный Наполеономъ Александру I такимъ образомъ вызовъ былъ особенно чувствителенъ потому, что герцогство Варшавское получило несравненно большее территоріаль-

que la Russie. En plaçant la Russie dans le traité avec l'Autriche dans une position inférieure à celle faite au duché de Varsovie, Napoléon porta un coup mortel à l'alliance contractée avec une mise-en-scène sans précédents à Tilsit et Erfurt.

L'Empereur des Français ne faisait pas moins semblant d'avoir complètement satisfait tous les vœux de son ami par les dispositions du traité de Vienne! Dans une lettre de 10 octobre de Schönbrunn, il écrit à Alexandre I que „conformément à ses désirs, la plus grande partie de la Galicie ne change point de maître", et qu'il eut soin de ses intérêts comme il eut fait lui-même.

Il poursuit ensuite „la prospérité et le bien-être du duché de Varsovie exigent qu'il soit dans les bonnes grâces de Votre Majesté, et les sujets de Votre Majesté peuvent tenir pour certain que dans aucun cas, dans aucune hypothèse, ils ne doivent espérer aucune protection de moi".

L'assurance donnée par Napoléon qu'à la conclusion de la paix avec l'Autriche, il avait en vue les vœux légitimes de la Russie concernant la Pologne pouvait être parfaitement exacte. Mais il avait tort d'affirmer qu'il ait rempli tous les vœux de la Russie dans ces circonstances. Il savait très bien jusqu'à quel point la question polonaise affectait les intérêts vitaux de la Russie et inspirait des craintes sérieuses à l'Empereur Alexandre. Le projet du rétablissement de la Pologne émanait de Paris et trouvait dans le gouvernement français l'écho le plus sympathique. Napoléon s'occupait sérieusement de cette question, malgré le danger de provoquer la rupture de l'alliance avec Alexandre I.

Au commencement de mars, c.-à.-d. avant l'explosion de la guerre avec l'Autriche, Napoléon donna l'ordre de rédiger un mémoire sur le rétablissement de la Pologne. Le prince Kourakine réussit à en obtenir une copie et la fit parvenir à St. Pétersbourg. On s'appliqua à démontrer dans ce document curieux la possibilité de rétablir la Pologne dans ses anciennes limites entre la Dvina et le Dniepr. (Dépêche du prince Kourakine du 27 mars 1909).

Les craintes d'Alexandre I étaient complètement justifiées par l'attitude de Napoléon en Pologne et par les mênées des Polonais eux-mêmes que l'Empereur des Français encourageait

ное приращеніе, чѣмъ Россія. Поставивъ же въ своемъ мирномъ трактатѣ съ Австріей Россію въ еще худшее положеніе, чѣмъ Варшавское герцогство, Наполеонъ нанесъ смертельный ударъ союзу, заключенному при небывалой торжественной обстановкѣ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

Между тѣмъ императоръ французовъ дѣлалъ видъ, какъ будто онъ постановленіями Вѣнскаго мирнаго трактата вполнѣ удовлетворилъ всѣ желанія своего союзника и друга! Въ письмѣ отъ 10-го октября изъ Шенбруна онъ пишетъ Александру I, что „согласно его желаніямъ бо́льшая часть Галиціи остается въ прежнемъ положеніи" и что онъ соблюдалъ его интересы настолько, насколько онъ самъ бы ихъ соблюдалъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Процвѣтаніе и благосостояніе Варшавскаго герцогства требуютъ, чтобъ оно пользовалось милостью Вашего Величества, и подданные Вашего Величества должны знать, что ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ случайностяхъ, они не могутъ разсчитывать на какое́ либо съ моей стороны покровительство".

Утвержденіе Наполеона, что при заключеніи мирнаго трактата съ Австріей онъ имѣлъ въ виду законныя желанія Россіи относительно Польши, представляется совершенно правильнымъ. Но совершенно неосновательно его утвержденіе, что онъ исполнилъ въ этомъ отношеніи всѣ желанія Россіи. Онъ отлично зналъ, насколько польскій вопросъ живо затрагивалъ жизненные интересы Россіи и вызывалъ серьезныя опасенія въ Императорѣ Александрѣ. Мысль о возстановленіи Польши исходила изъ Парижа и находила во французскомъ правительствѣ самый сочувственный откликъ. Наполеонъ серьезно занимался этимъ вопросомъ, не взирая на рискъ вызвать разрушеніе союза съ Александромъ I.

Въ началѣ марта, т. е. до начала войны съ Австріей, Наполеонъ приказалъ составить записку о возстановленіи Польши. Князь Куракинъ добылъ себѣ копію съ этой записки и препроводилъ ее въ С.-Петербургъ. Въ этомъ любопытномъ актѣ доказывалась возможность возстановленія старой Польши и въ прежнихъ ея границахъ, между Двиною и Днѣпромъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 27 марта 1809 года).

Опасенія Александра I были вполнѣ законны и постоянно находили пищу въ образѣ дѣйствія самого Наполеона въ Польшѣ и въ агитаціяхъ самихъ поляковъ, которымъ императоръ фран-

d'une manière notoire. Alexandre I attira sur ces faits l'attention sérieuse de Caulaincourt déjà en juin 1809; ensuite, en août, il adressa une lettre autographe à Napoléon, dans laquelle il lui rappelait les promesses formelles, données à Tilsit et à Erfurt.

„Mes intérêts," écrivait Alexandre I, „se trouvent dans les mains de Votre Majesté. J'aime à placer une confiance entière dans son amitié pour moi. Elle peut m'en donner un gage certain, en se rappellant ce que je lui ai bien souvent répeté à Tilsit et à Erfurt sur les intérêts de la Russie par rapport à la ci-devant Pologne et que j'ai chargé depuis son ambassadeur de lui exprimer en mon nom."

Mais Alexandre I ne se borna pas à rappeler les promesses sollennelles données lors des entrevues des deux Empereurs. Il insista en outre sur la position difficile dans laquelle l'a placé la guerre de la France avec l'Autriche. Il avait à cette époque sur les bras quatre guerres non terminées dont deux étaient provoquées par son alliance avec la France. Mais fermément convaincu de l'amitié de Napoléon et de sa fidélité, Alexandre I crut de son devoir de remplir dans la mesure de ses forces ses obligations d'allié.

Lorsque à la conclusion de la paix de Frederiksham avec la Suède la Russie obtint la Finlande, Alexandre I écrivit à Napoléon en septembre 1809: „C'est maintenant que le système d'union avec la France acquiert aux yeux de ma nation tout son crédit".

Les épanchements d'amitié que nons venons de citer et les promesses de garder à l'avenir les engagements contractés étaient incapables d'effacer les sentiments de méfiance provoqués par la guerre avec l'Autriche. Napoléon ne pouvait pas oublier la mollesse de la coopération russe, et Alexandre I était au fond de l'âme indignée des clauses du traité de Vienne concernant la Pologne. Depuis ce moment, la question polonaise devint un cauchemar pour Alexandre I et un instrument de manœuvre politique pour Napoléon. Pour les deux souverains la question polonaise devint un objet de dépit et une pomme de discorde.

Nous verrons que tous les efforts, tentés pour lui enlever ce caractère aigu, restèrents stériles et toutes les combinaisons politiques, conçues dans le but de la résoudre d'une manière satisfaisante pour les deux parties, échouèrent par la force

цузовъ явнымъ образомъ потворствовалъ. Александръ I обратилъ серьезное вниманіе Коленкура на эти обстоятельства уже въ іюнѣ 1809 года. Затѣмъ въ августѣ онъ обратился къ Наполеону съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ въ торжественной формѣ напоминалъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ императоромъ французовъ въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ.

„Мои интересы", писалъ Александръ I, „покоятся въ рукахъ Вашего Величества. Я желаю основывать полное мое довѣріе на вашей дружбѣ ко мнѣ. Она можетъ дать мнѣ вѣрное ручательство, что вы вспомните то, что я часто повторялъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ относительно интересовъ Россіи касательно прежней Польши и о чемъ я поручилъ вашему послу объясниться отъ моего имени".

Но Александръ I не удовольствовался напоминаніемъ о торжественныхъ обѣщаніяхъ, данныхъ во время личныхъ свиданій обоихъ императоровъ. Онъ еще напоминаетъ о томъ трудномъ положеніи, въ которое его поставила война Франціи противъ Австріи. У него были еще не окончены четыре войны, изъ которыхъ двѣ были послѣдствіями союза съ Франціей. Однако, будучи твердо увѣренъ въ силѣ дружбы и союза съ Наполеономъ, Александръ I счелъ долгомъ, по мѣрѣ силъ своихъ, исполнить свои союзныя обязательства.

Когда же былъ заключенъ Фридрихсгамскій мирный трактатъ съ Швеціей, и Россія пріобрѣла Финляндію, Императоръ Александръ I, въ сентябрѣ 1809 года, писалъ Наполеону, что „теперь союзъ съ Франціей пріобрѣтетъ въ глазахъ моего народа всю свою цѣну".

Только-что приведенныя взаимныя объясненія въ дружбѣ и намѣреніи поддерживать и впредь святость союза не въ состояніи были затушевать чувства неудовольствія и недовѣрія, оставшіяся послѣ австрійской войны. Наполеонъ не могъ забыть пассивность русской союзной помощи, а Александръ I былъ въ душѣ возмущенъ постановленіями Вѣнскаго мирнаго трактата относительно Польши. Съ этого времени Польскій вопросъ становится пугаломъ для Александра I и политическимъ орудіемъ для Наполеона. Для обоихъ же монарховъ Польскій вопросъ былъ предметомъ досады и яблокомъ раздора.

Мы увидимъ, что всѣ старанія лишить этотъ жгучій вопросъ его остраго характера остаются тщетными и всѣ политическія комбинаціи разрѣшить его удовлетворительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ разбиваются о непреодолимую

des circonstances. Ce n'est qu'après la guerre de 1812 et la chute définitive de Napoléon que la question polonaise reçut une solution.

Toutefois, quand même les deux Empereurs prévoyaient déjà en 1809 la signification fatale du rétablissement éventuel de la Pologne, ils ne cherchaient pas moins en toute conscience à ajourner le moment de cette crise. Napoléon et Alexandre I cherchaient, chacun pour sa part, à éviter tout ce qui pourrait porter atteinte à leur alliance et à trouver une issue aux complications qui semblaient la menacer. Napoléon s'efforçait en particulier à rassurer par tout les moyens son allié quant au duché de Varsovie, quelque peu agrandi par le traité de Vienne. Il ne cessait de démontrer à Alexandre I que toutes ses dispositions en faveur de la Pologne n'avaient rien de commun avec le projet d'un rétablissement de ce royaume.

Par ordre de Napoléon, Champagny écrivit le 20 octobre une lettre au comte Roumiantzow, dans laquelle il proteste avec énergie contre l'intention attribuée à l'Empereur des Français de vouloir rétablir la Pologne.

„L'Empereur," écrivit Champagny, „veut non seulement ne point faire naître l'idée de la reconnaissance de la Pologne, si éloignée de sa pensée, mais il est disposé à concourir avec l'Empereur Alexandre à tout ce qui pourra en effacer le souvenir dans le cœur des anciens habitants. Sa Majesté approuve que les mots de *Pologne* et de *Polonais* disparaissent non seulement de toutes les transactions politiques, mais même de l'histoire. Elle engagera le roi de Saxe à se prêter à tout ce qui pourra tendre à ce but; tout ce qui pourra servir à maintenir dans la soumission les habitants de la Lithuanie sera approuvé par l'Empereur et exécuté par le roi de Saxe. Les inconvénients qui se sont montrés depuis le traité de Tilsit ne se reproduiront plus; on fera tout ce qui est propre à les prévénir. Il y a donc tout lieu de penser que l'événement qui accroit la puissance du roi de Saxe, loin d'entretenir dans les cœurs des anciens Polonais une espérance chimérique, leur prouvera le peu de réalité de celle qui'ils avaient pu conserver"...

Malheureusement on peut signaler des faits incontestables pour réfuter ces vues rassurantes de Napoléon au sujet de la question du rétablissement de la Pologne, qu'il avait soulevée

силу обстоятельствъ. Только послѣ отечественной войны 1812 года и окончательнаго разгрома имперіи Наполеона I Польскій вопросъ получилъ свое окончательное рѣшеніе.

Однако, если оба императора уже въ 1809 году смутно предвидѣли такое роковое значеніе вопроса о возстановленіи Польши, то все-таки они оба добросовѣстнымъ образомъ старались отдалить моментъ наступленія кризиса. Ни Наполеонъ, ни Александръ I не желали обострять взаимныя отношенія, но старались поддерживать связующій ихъ союзъ и находить выходъ изъ угрожающихъ его существованію затрудненій. Въ частности Наполеонъ старался всѣми средствами успокоить своего союзника насчетъ созданнаго и возведиченнаго имъ въ Вѣнскомъ мирномъ трактатѣ Варшавскаго герцогства. Онъ не уставалъ доказывать Александру I, что всѣ его мѣропріятія на пользу Польши далеки отъ мысли о возстановленіи прежней Польши.

По повелѣнію Наполеона, Шампаньи написалъ 20-го октября письмо графу Румянцеву, въ которомъ самымъ энергическимъ образомъ протестуетъ противъ приписываемаго императору французовъ намѣренія возстановить Польшу.

„Императоръ", писалъ Шампаньи, „не только не желаетъ зарожденія идеи о возстановленіи Польши, столь далекой отъ его мыслей, но онъ готовъ содѣйствовать Императору Александру во всемъ, чѣмъ можетъ быть вырвана самая память о ней изъ сердецъ ея прежнихъ обывателей. Его Величество одобряетъ, чтобъ слова *Польша* и *Поляки* исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ актовъ, но даже изъ исторіи... Онъ заставитъ короля саксонскаго сдѣлать все, дабы эта цѣль была достигнута, и все, что можетъ быть сдѣлано для покорности жителей Литвы, будетъ одобрено Императоромъ и исполнено саксонскимъ королемъ. Неудобства, выяснившіяся послѣ Тильзитскаго трактата, не повторятся, и все нужное будетъ сдѣлано для ихъ предотвращенія. Поэтому вполнѣ естественно думать, что если событія и увеличили могущество саксонскаго короля, то все-таки они въ сердцахъ старыхъ Поляковъ не только не поддержатъ химерической надежды, но докажутъ, насколько мало осуществима та надежда, которую они могли еще сохранить"...

Къ сожалѣнію, положительные факты опровергали такой розовый взглядъ Наполеона на поставленный имъ самимъ вопросъ о возстановленіи прежней Польши. Еслибъ онъ

lui-même. S'il avait été sincère dans ses discours et dans ses lettres, il aurait du convenir que ses actes ne s'accordaient pas avec ses paroles. Aussi l'Empereur Alexandre crut-il devoir accueillir ses promesses avec une extrême réserve. Ces défiances se manifestèrent à maintes reprises et durent nécessairement causer du déplaisir à Napoléon et altérer les relations mutuelles des deux Empereurs.

En novembre 1809 Napoléon dit au prince Kourakine que le gouvernement russe devait prendre ses mesures pour dissiper toutes les traces des chimères polonaises. „Pour moi", poursuit-il, „je n'ai jamais eu des vues sur la Pologne, ni n'en aurai; je ne désire que votre tranquillité. Ce que j'ai fait pour le duché de Varsovie, j'ai cru devoir le faire, pour lui donner une existence et pour le consolider"...

Le prince Kourakine était enchanté de cette franchise de Napoléon sans remarquer la contradiction flagrante qu'il y avait entre ses paroles et ses actes.

En juillet 1809, le comte Roumiantzow adressa une note au duc de Vicence à la date du 15 (27) dans le but de poser catégoriquement la question polonaise. A l'époque de la signature du traité de Tilsit, écrivit le comte Roumiantzow, la Russie était en guerre avec la Turquie et avec la Perse. Pour faire face à ses obligations d'alliée, elle s'engagea dans deux autres guerres: avec l'Angleterre et la Suède. Bien plus: la Russie consentit à accéder au système continental, très ruineux pour elle. Enfin, comme allié de Napoléon, Alexandre I se vit forcé de commencer une cinquième guerre — celle avec l'Autriche et c'est au cours de celle-ci que se manifestèrent clairement les aspirations des Polonais au rétablissement du royaume avec le concours de la France. Les Polonais considèrent le duché de Varsovie comme le germe du royaume, appelé à être restauré dans l'avenir.

Prenant tous ces faits en considération, poursuit le Chancelier de l'Empire dans sa note, l'Empereur Alexandre m'a donné l'ordre d'entrer dans un échange d'idées au sujet de ces intrigues polonaises. Il ajoutait en même temps que son auguste Maître était assuré d'obtenir ce résultat, vu que dès le commencement de la campagne contre l'Autriche Napoléon s'était montré disposé à entrer dans cet ordre d'idées.

La réponse de Napoléon à ces ouvertures formelles se fit attendre à St.-Pétersbourg plus

былъ искренъ въ своихъ словахъ и письмахъ, то долженъ бы былъ признать, что его дѣйствія не были согласны съ его словами. Вотъ почему Императоръ Александръ I не могъ не относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ его обѣщаніямъ. Такое недовѣріе неоднократно обнаруживалось и должно было вызвать неудовольствіе Наполеона и постепенно измѣнить взаимныя отношенія обоихъ императоровъ.

Князю Куракину Наполеонъ сказалъ въ ноябрѣ 1809 года, что русское правительство должно принять всѣ мѣры для искорененія всякихъ слѣдовъ польскихъ химеръ. „Что касается меня", продолжалъ онъ, „я никогда никакихъ видовъ въ отношеніи Польши не имѣлъ и не буду имѣть. Я только желаю вашего спокойствія. То, что я сдѣлалъ для Варшавскаго герцогства, я считалъ нужнымъ сдѣлать, съ цѣлью дать ему жить и укрѣпиться"...

Князь Куракинъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ откровенностей Наполеона и совершенно не замѣчалъ явнаго несоотвѣтствія словъ съ фактами.

Въ іюлѣ 1809 года гр. Румянцевъ обратился къ герцогу Висанскому съ нотою отъ 15-го (27-го) числа, которою Польскій вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Въ моментъ заключенія Тильзитскаго союзнаго трактата, писалъ гр. Румянцевъ, Россія была въ войнѣ съ Турціей и Персіей. Для исполненія своихъ союзныхъ обязанностей она начала еще двѣ войны: съ Англіей и Швеціей. Этого мало: Россія еще приступила къ разорительнѣйшей континентальной системѣ. Наконецъ, какъ союзникъ Наполеона, Императоръ Александръ I началъ еще пятую войну съ Австріей. И вотъ во время этой послѣдней войны совершенно наглядно обнаружилось стремленіе Поляковъ къ воскрешенію своего королевства при содѣйствіи Франціи. Созданное Наполеономъ Варшавское герцогство разсматривается Поляками, какъ ячейка будущаго возстановленнаго польскаго королевства.

Имѣя въ виду всѣ эти факты, Императоръ Александръ I, продолжаетъ Государственный Канцлеръ въ своей нотѣ, приказалъ ему вступить въ обмѣнъ мыслей объ этихъ польскихъ интригахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ увѣренность Императора Александра I, что посолъ получитъ требуемое разрѣшеніе, ибо уже въ началѣ кампаніи противъ Австріи Наполеонъ выразилъ свою готовность въ этомъ отношеніи.

Отвѣтъ Наполеона на это формальное предложеніе долго не получался въ Петербургѣ:

de trois mois. A la fin d'octobre, le Chancelier de l'Empire adressa une nouvelle note à l'ambassadeur de France et insista sur la nécessité de règler la question de Pologne au moyen d'une convention spéciale.

Ce qui portait le comte Roumiantzow à revenir sans cesse à cette question, c'est qu'il avait les renseignements les plus précis au sujet de la ferme intention de Napoléon de rétablir la Pologne. Il apprit entr'autres de la duchesse de Courlande, avec laquelle Talleyrand entretenait des relations suivies, que Napoléon avait pris la résolution de réunir „toutes les parties de la Pologne".

„C'est-à-dire", écrivit-il à l'Empereur en date de Fridriksham le 23 août 1809, „qu'il faudra que Votre Majesté aye l'obligeance de détacher de son Empire, ce qui lui est déjà incorporé depuis plus de 30 ans".

L'Empereur Alexandre partageait complètement les craintes de son Ministre des Affaires Etrangères. En juillet 1809, avant la signature du traité de Schönbrunn, il lui écrivait que „les intrigues polonaises et la lenteur du prince Galitzin paraissent avoir produit quelques effets. Mais l'amitié personnelle (de Napoléon) pour moi parait se maintenir, à en juger par toutes les assurances qu'il m'a fait donner par Gagarine". (Lettre du 31 juillet 1809).

Il est vrai qu' Alexandre I ne conserva pas longtemps cette confiance dans les assurances d'amitié de Napoléon. Les preuves des vues ambitieuses de l'Empereur des Français se produisirent avec abondance. Napoléon lui-même se plaisait parfois à donner libre cours à son irritation dans des termes qui devaient dissiper toute espèce de doutes au sujet de ses projets gigantesques. Ainsi dans un entretien avec Gagarine il ne se fit aucun scrupule de déclarer „qu'il traite avec l'Autriche, parcequ'elle a encore une armée sur pied. Si elle l'eut perdue, je n'aurais plus traité avec elle". Alexandre I en tira la conclusion que „nous devons être contents de n'avoir pas trop aidé à priver l'Autriche de son armée". (Lettre d'Alexandre I au comte Roumiantzow du 4 août 1809).

C'est pourquoi Alexandre I ne se bornait pas à approuver le projet d'une convention spéciale avec Napoléon au sujet de la Pologne, mais insistait sur la nécessité de la conclure le plutôt

прошло больше трехъ мѣсяцевъ. Тогда, въ концѣ октября, Государственный Канцлеръ обращается съ новою нотою къ французскому послу и настоятельнымъ образомъ требуетъ выясненія Польскаго вопроса посредствомъ заключенія особенной конвенціи.

Къ постоянному возвращенію къ этому вопросу гр. Румянцевъ былъ принужденъ достовѣрными свѣдѣніями, имъ получаемыми, относительно твердаго рѣшенія Наполеона воскресить Польшу. Между прочимъ отъ герцогини Курляндской, бывшей въ близкихъ отношеніяхъ къ Талъерану, онъ узналъ, что Наполеонъ рѣшилъ соединить вмѣстѣ „всѣ части Польши".

„Это значитъ", писалъ онъ Государю изъ Фридрихсгама 23-го августа 1809 года, „нужно, чтобъ Ваше Величество согласились отдѣлить отъ вашей Имперіи то, что къ ней было присоединено больше 30 лѣтъ тому назадъ".

Императоръ Александръ совершенно раздѣлялъ опасенія своего Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Въ іюлѣ 1809 года, до подписанія Шенбрунскаго мирнаго трактата, онъ писалъ ему, что „польскіе происки и медленность князя Голицына, кажется, произвели нѣкоторое дѣйствіе. Но личная дружба ко мнѣ (Наполеона), кажется, сохранилась, если судить по всѣмъ увѣреніямъ, переданнымъ мнѣ Гагаринымъ". (Письмо отъ 31-го іюля 1809 года).

Правда, Александръ I недолго продолжалъ вѣрить этимъ объясненіямъ въ дружбѣ и любви Наполеона. Доказательства властолюбивыхъ замысловъ императора французовъ стали увеличиваться въ геометрической пропорціи. Самъ Наполеонъ давалъ иногда свободу своимъ чувствамъ неудовольствія и злобы въ такихъ выраженіяхъ, которыя должны были устранить малѣйшія сомнѣнія относительно его грандіозныхъ плановъ. Такъ, въ разговорѣ съ княземъ Гагариннымъ, онъ не удержался замѣтить, что онъ „переговаривается съ Австріей, потому что она еще имѣетъ въ полѣ армію". „Еслибъ она ея лишилась", продолжалъ Наполеонъ, „я больше не вступилъ бы съ ней ни въ какіе переговоры". Отсюда Александръ вывелъ заключеніе, что „мы должны быть довольны, что не слишкомъ помогали лишить Австрію ея арміи". (Письмо Александра I къ гр. Румянцеву отъ 4-го августа 1809 г.).

Вотъ почему Александръ I не только одобрялъ мысль о заключеніи особенной конвенціи съ Наполеономъ относительно Польши, но настаивалъ на скорѣйшемъ ея осуществле-

possible. Aussi le comte Roumiantzow écrivait-il à la date du 21 octobre 1809 à Caulaincourt qu'il est appelé d'ordre suprême à lui renouveler ses ouvertures au sujet de la conclusion d'une convention concernant la Pologne. Il ajoutait en même temps que l'Empereur désirait que Caulaincourt reçût au plutôt les plein-pouvoirs nécessaires pour la conclusion de ce pacte „qui rassurât une fois pour toutes complètement la sécurité avec laquelle l'Empire de Russie a possédé des provinces acquises par les prédécesseurs de Sa Majesté lors de la chute du royaume de Pologne".

Plus cette question brûlante semblait devoir rester incertaine, plus on voyait surgir des faits nombreux qui trahissaient les projets secrets de Napoléon. A la fin d'octobre (le 28), le comte Roumiantzow écrivit à l'ambassadeur de France que la lettre du duc de Cadore du 8 (20) octobre lui avait causé une grande satisfaction parcequ' elle contenait la promesse de Napoléon que le rétablissement de la Pologne ne serait admis dans aucun cas. Même selon les assurances du Ministre des Affaires Etrangères de France, les termes de „Pologne" et de „Polonais" seraient désormais effacés du dictionnaire politique. En attendant voici ce qui s'était passé: la lettre du duc de Cadore était datée du 8(20) octobre, et le 14 (26) octobre Napoléon ratifiait à Vienne une convention avec le Saxe, dont l'art X portait que les troupes du roi de Saxe prendront le nom de „troupes polonaises et que „l'armée polonaise" sera placée sous le commandement d'un chef spécialement nommé. Ce n'est pas tout: les journaux annonçaient ouvertement que Poniatowsky sera roi de Pologne et qu'il devra épouser une princesse saxonne. Tous ces faits portaint le gouvernement russe à désirer qu'une convention au sujet de la Pologne fût conclue avec la France dans le plus bref délai possible.

Cette insistance du gouvernement russe au sujet de la conclusion de ce pacte irritait Napoléon au plus haut degré. Il n'aimait pas à démasquer son jeu avant terme, il aimait encore moins à subir dans ses actes une contrainte quelconque, fût-elle exercée par un ami ou un allié. A la fin de l'année 1809, il avait bien des raisons pour cacher son jeu à Alexandre I dont la molle coopération dans la guerre contre l'Autriche lui avait causé de graves déceptions.

ніи. Вотъ почему гр. Румянцевъ, по Высочайшему повелѣнію, писалъ 21-го октября 1809 г. Коленкуру, что онъ обязанъ возобновить свое предложеніе о заключеніи конвенціи относительно Польши. При этомъ онъ прибавилъ, что Государь желаетъ, чтобъ Коленкуръ скорѣе получилъ полномочіе на заключеніе конвенціи, „которая разъ навсегда и всецѣло обезпечила бы за Россіею безопасность владѣнія провинціями, которыя были пріобрѣтены предшественниками Его Императорскаго Величества послѣ паденія Польскаго королевства".

Чѣмъ больше проходило времени безъ разрѣшенія этого жгучаго вопроса, тѣмъ больше накапливалось новыхъ фактовъ, подтверждавшихъ сокровенные планы Наполеона. Въ самомъ концѣ октября (23-го числа) гр. Румянцевъ писалъ французскому послу, что письмо герцога Кадорскаго отъ 8-го (20-го) октября его чрезвычайно обрадовало, ибо въ немъ герцогъ далъ положительныя обѣщанія отъ имени Наполеона, что возстановленіе Польши ни въ какомъ случаѣ не будетъ допущено. Даже слова: „Польша" и „Поляки" будутъ отнынѣ, по словамъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, похерены и вычеркнуты навсегда изъ политическаго словаря. Между тѣмъ, вотъ что случилось: письмо герцога Кадорскаго отъ 8-го (20-го) октября, а 14-го (26-го) октября въ Вѣнѣ Наполеонъ утвердилъ конвенцію съ Саксоніей, въ статьѣ X-ой которой сказано, что войска саксонскаго короля будутъ называться „польскими войсками" и что „польскою арміею" будетъ командовать особоназначенное лицо. Этого мало: въ газетахъ открыто говорятъ, что Понятовскій будетъ польскимъ королемъ и что онъ женится на саксонской принцессѣ. Всѣ эти факты заставляютъ русское правительство желать скорѣйшаго заключенія конвенціи съ Франціей относительно Польши.

Эти настоятельныя требованія русскаго правительства относительно скорѣйшаго заключенія конвенціи о Польшѣ вызывали крайнее неудовольствіе Наполеона. Онъ не любилъ до поры до времени раскрывать свои карты. Еще меньше любилъ онъ дѣйствовать подъ постороннимъ давленіемъ какого либо лица, хотя бы „друга и союзника". Въ концѣ 1809 года онъ имѣлъ много причинъ не раскрывать своихъ картъ передъ императоромъ Александромъ I, въ союзной помощи котораго онъ сильно разочаровался во время войны противъ Австріи.

Toutefois lorsqu'après son divorce avec Josephine, Napoléon prit la résolution de rechercher la main de la grande-duchesse Anna Pavlovna, il fut obligé de dissimuler sa mauvaise humeur et d'aller au devant de son allié. Il savait par les rapports de son représentant à la cour de Russie, que l'Empereur était très surpris des clauses du traité de Schönbrunn, et particulièrement de celle qui assignait à la Russie une fraction de la Galicie, bien que cette puissance n'ait pris aucune part à la signature de ce pacte. Il semblait que la France en fit don à la Russie, pour ainsi dire par faveur.

Toutes ces circonstances, prises ensemble portèrent Napoléon à autoriser Caulaincourt à entrer en pourparlers avec le comte Roumiantzow pour la conclusion d'une convention au sujet de la Pologne et à la signer au nom de la France. Mais sans donner à son ambassadeur des instructions précises, Napoléon se réserva la faculté de ne pas ratifier cette transaction et de reprendre le cas échéant sa pleine liberté d'action dans la question de Pologne.

Il n'est guère probable que dès le principe Napoléon ait accueilli avec déplaisir les ouvertures du gouvernement russe au sujet de cette convention pour le motif qu'il aurait été indigné de l'idée que la France devenait complice du „crime politique“ de 1772 en signant un acte qui consacrait le partage de la Pologne.*) L'histoire du régne de Napoléon fournit des preuves nombreuses que des considérations sentimentales de cette nature n'avaient aucune prise sur lui dans la poursuite de ses projets ambitieux. Le principe que le but justifie les moyens était pour lui un axiome indiscutable. Il ne se laissait jamais arrêter par l'idée de commettre un „crime politique“ dans le genre du partage de la Pologne, si cela lui semblait commandé par sa passion immodérée du pouvoir et par son ambition. C'est une vérité incontestable sur laquelle il n'y a pas à insister.

En prenant en considération les faits ci-dessus exposés, on comprend que l'issue finale des pourparlers au sujet de la convention polonaise ne pouvait être douteuse.

*) *Vandal.* Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 222 et suiv.

Однако, когда Наполеонъ рѣшился, послѣ развода съ Жозефиной, просить руки Великой Княжны Анны Павловны, онъ принужденъ былъ скрывать свое неудовольствіе и идти навстрѣчу своему союзнику Александру I. Онъ зналъ изъ донесеній своего представителя при русскомъ дворѣ, что русскій Императоръ былъ пораженъ при чтеніи статей Шенбрунскаго мирнаго трактата. Ему было извѣстно, что Александръ I былъ совершенно озадаченъ статьею Шенбрунскаго трактата, которою Россія пріобрѣтаетъ часть Галиціи, не участвовавъ въ подписаніи этого акта. Выходило, какъ будто Франція дѣлаетъ Россіи подарокъ изъ милости.

Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя побудили Наполеона разрѣшить Коленкуру вступить съ графомъ Румянцевымъ въ переговоры о заключеніи конвенціи относительно Польши и уполномочить его подписать ее именемъ Франціи. Но не давая своему послу никакихъ опредѣленныхъ инструкцій, Наполеонъ оставилъ за собою полную возможность отвергнуть подписанную имъ конвенцію и, смотря по обстоятельствамъ, возвратить себѣ въ Польскомъ вопросѣ неограниченную свободу дѣйствій.

Едва ли можно думать, что Наполеонъ съ самаго начала относился враждебно къ русскому предложенію о польской конвенціи, такъ какъ его возмущала идея, что подписаніемъ подобнаго акта, признающаго раздѣлъ Польши, Франція приняла бы участіе въ „политическомъ преступленіи“, совершенномъ въ 1772 году *). Исторія царствованія Наполеона представляетъ безчисленное множество доказательствъ, что ему чужды были такія сантиментальныя чувства въ преслѣдованіи своихъ властолюбивыхъ плановъ. Для него былъ аксіомою извѣстный принципъ: цѣль оправдываетъ средства. Никогда онъ не останавливался въ своихъ замыслахъ соображеніями о невозможности совершенія „политическаго преступленія“, въ родѣ раздѣла Польши, если это было согласно съ его безпредѣльнымъ властолюбіемъ и тщеславіемъ. Это безспорное положеніе не нуждается въ подробныхъ доказательствахъ.

Если принять въ соображеніе вышеизложенные факты, то окончательный исходъ переговоровъ о польской конвенціи не могъ подлежать сомнѣнію.

*) *Vandal*, Napoléon et Alexandre I, t. II, p. 222 et suiv.

Napoléon était très mécontent des lettres adressées en octobre par le comte Roumiantzow à Caulaincourt dans lesquelles le ministre insistait sur la nécessité de signer sans retard la convention proposée. „Ces lettres me peinent“, disait-il. Ayant déclaré à la face de l'Europe „mes intentions au sujet du duché de Varsovie, je ne sais plus ce que l'on veut; je ne puis détruire des chimères et combattre des nuages. Je laisse Votre Majesté juge qui est le plus dans le langage de l'alliance et de l'amitié, d'Elle ou de moi. Commencer a se défier, c'est avoir déjà oublié Tilsit et Erfurt. Votre Majesté sera-t-Elle assez bonne pour approuver cet épanchement?“

Cette lettre caractéristique de l'Empereur des Français confirme d'une manière irréfutable un changement réel, survenu dans les sentiments de Napoléon pour Alexandre I et pour l'alliance avec la Russie. La question qu'il pose dans cette lettre au sujet de la fidélité à l'alliance, prouve que celle-ci était déjà ébranlée et problématique. Au point de vue de l'Empereur Alexandre cette alliance eut gagné en force vitale et en fermeté par la signature de la convention sur la Pologne qui eut dissipé tous les doutes quant aux intentions de Napoléon de restaurer l'ancien royaume. Au point de vue de l'Empereur des Français cette convention eut arraché de ses mains une arme qui, le cas échéant, pouvait lui servir pour porter des coups sensibles à la Russie. Il avait lieu de se demander s'il était raisonnable de se lier les mains et de renoncer à cette arme? Il était certain qu'il ne devait pas songer à le faire.

Voici pourquoi Napoléon était désagréablement surpris d'apprendre que Caulaincourt avait signé la dite convention avec le comte Roumiantzow à la date du 23 décembre 1809 (4 janvier 1810). Le Chancelier de l'Empire était très satisfait du résultat obtenu. Il s'applique à démontrer dans une lettre à Champagny que cette convention aura pour résultat „de cimenter à jamais l'alliance des deux Empires“. L' échange des ratifications devait s'effectuer dans le courant de 50 jours. En attendant Napoléon s'abstint de ratifier cette convention et cette décision porta un coup fatal à l'alliance franco-russe, conclue à Tilsit et confirmée à Erfurt.

Pour se rendre compte de la responsabilité

Наполеонъ былъ очень недоволенъ октябрьскими письмами гр. Румянцева къ Колэнкуру, заключавшими настоятельное требованіе поскорѣе подписать предложенную конвенцію. Эти письма его „опечалили“. Объявивъ предъ лицомъ всей Европы свои намѣренія относительно Варшавскаго герцогства, онъ „не понимаетъ, чего еще отъ него желаютъ“. „Я не могу“, продолжалъ онъ, „разрушать химеры и сражаться съ облаками. Я предоставляю Вашему Величеству судить, кто изъ насъ больше остался вѣренъ союзу и дружбѣ — вы или я. Если начать другъ другу не довѣрять, то значитъ уже забыты Тильзитъ и Эрфуртъ. Можно ли разсчитывать, что Ваше Величество изволите одобрить эти откровенности?“

Это характерное письмо императора французовъ неопровержимымъ образомъ подтверждаетъ существенную перемѣну, происшедшую въ его чувствахъ къ Александру I и къ союзу съ Россіей. Поставленный Наполеономъ въ его письмѣ вопросъ о вѣрности союзу доказываетъ, что самый союзъ шатокъ и проблематиченъ. Съ точки зрѣнія Александра I этотъ союзъ получилъ бы новую жизненную силу и устойчивость, если бы подписаніемъ конвенціи о Польшѣ было уничтожено малѣйшее сомнѣніе въ рѣшимости Наполеона не воскрешать Польши. Съ точки зрѣнія императора французовъ подобная конвенція вырвала бы изъ его рукъ орудіе, которымъ въ случаѣ надобности онъ могъ нанести Россіи весьма чувствительный ударъ. Спрашивалось: разумно ли было связывать себѣ руки и отказываться отъ такого орудія? Само собою разумѣется—нѣтъ!

Вотъ почему Наполеонъ былъ непріятно пораженъ, когда Колэнкуръ сообщилъ ему, что 23-го декабря 1809 года (4-го января 1810 г.) онъ подписалъ съ графомъ Румянцевымъ конвенцію относительно Польши. Государственный Канцлеръ былъ чрезвычайно доволенъ достигнутымъ результатомъ. Въ письмѣ къ Шампаньи отъ 28-го декабря онъ доказываетъ, что эта „полезная конвенція“ будетъ имѣть послѣдствіемъ „закрѣпленіе навсегда союза между обѣими имперіями“. Въ продолженіе 50 дней долженъ былъ совершиться обмѣнъ ратификацій. Но конвенція не была ратифицирована Наполеономъ и это его рѣшеніе нанесло роковой ударъ франко-русскому союзу, основанному въ Тильзитѣ и подтвержденному въ Эрфуртѣ.

Съ цѣлью выяснить отвѣтственность обѣихъ

des deux parties contractantes dans cette affaire, il importe de constater que le comte Roumiantzow n'avait nullement lieu de mettre en doute les pleinpouvoirs de Caulaincourt pour signer la convention projetée. Au commencement de décembre 1809 celui-ci se présenta chez le Chancelier et lui fit une déclaration en ces termes: „j'ai l'ordre de vous satisfaire sur tout". Le comte Roumiantzow devait nécessairement conclure de son entretien avec l'ambassadeur de France que „l'utilité de l'alliance a été pesée et reconnue" à Paris. En vue de prévenir tout malentendu le comte crut devoir libeller aussitôt un résumé de cet entretien et avant de l'expédier à son souverain, il le montra à l'ambassadeur avec prière de corriger les inexactitudes qui auraient pu s'y être glissées. L'ambassadeur approuva complétement ce compte-rendu, qui constatait entr'autres le consentement de ce diplomate de signer la convention sur la Pologne. Il fit au nom de Napoléon la promesse „*positive*" que l'Empereur des Français ne songeait pas au rétablissement de la Pologne et que l'ambassadeur est autorisé à signer les engagements les plus „*positifs*" dans ce sens. La seule correction que proposa Caulaincourt de faire dans le resumé du ministre consistait dans la prière de souligner les mots „positive" et „positifs". (Rapport du comte Roumiantzow à l'Empereur du 3 décembre 1809).

Prenant en considération tout ce qui précède, le comte Roumiantzow ne pouvait guère douter que l'ambassadeur de France ne fût muni des pleinpouvoirs nécessaires pour signer la convention projetée.

Bien plus: dans son discours d'ouverture au corps législatif, Napoléon dit: „Mon ami et allié, l'Empereur de Russie, a réuni à son vaste Empire la Finlande, la Moldavie, la Valachie et un district de la Galicie. Je ne suis jaloux de rien de ce qui peut arriver de bien à cet Empire. Mes sentiments pour son illustre souverain sont d'accord avec ma politique". Le Chancelier de l'Empire était surpris de voir que les principautés Danubiennes étaient comprises par Napoléon parmi les acquisitions de la Russie, tandis qu'il savait parfaitement qu'elles appartenaient encore à la Porte. Mais, en même temps, le Chancelier ne pouvait s'empêcher de reconnaître dans ces paroles de l'Empereur des Français la ferme intention de conserver intacte l'alliance avec la Russie. La convention de Po-

договаривающихся сторонъ въ этомъ дѣлѣ, нужно, прежде всего, констатировать, что гр. Румянцевъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ полномочіи Коленкура подписать проектированную конвенцію. Въ началѣ декабря 1809 г. послѣдній пришелъ къ Государственному Канцлеру и объявилъ: „Я получилъ приказаніе удовлетворить васъ во всемъ". Гр. Румянцевъ долженъ былъ изъ бесѣды съ французскимъ посломъ вывести заключеніе, что въ Парижѣ взвѣсили какъ слѣдуетъ „пользу союза" и признали ее. Желая предупредить малѣйшее недоразумѣніе, гр. Румянцевъ самъ набросалъ на бумагу содержаніе своей бесѣды съ Коленкуромъ и раньше чѣмъ отправить этотъ отчетъ Государю показалъ его послу съ просьбою исправить его, если въ немъ имѣются неточности. Посолъ вполнѣ одобрилъ этотъ отчетъ, въ которомъ было, между прочимъ, сказано, что посолъ выразилъ полную готовность заключить конвенцію относительно Польши. Отъ имени Наполеона онъ далъ „*положительное*" обѣщаніе, что императоръ французовъ не желаетъ возстановленія Польши и что посолъ уполномоченъ подписать самыя „*положительныя*" обязательства въ этомъ смыслѣ. Коленкуръ сдѣлалъ только одну поправку въ отчетѣ гр. Румянцева: онъ просилъ подчеркнуть слова „положительное" и „положительныя". (Донесеніе гр. Румянцева на Высочайшее имя отъ 3-го декабря 1809 года).

Принимая во вниманіе вышеизложенное, трудно было гр. Румянцеву сомнѣваться относительно полномочія французскаго посла подписать проектированную конвенцію.

Мало того: въ своей тронной рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса Наполеонъ сказалъ, что его „союзникъ и другъ, Императоръ Всероссійскій, присоединилъ къ своей обширной Имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и область въ Галиціи. Я ни въ чемъ не ревную эту Имперію и желаю ей всего хорошаго. Мои чувства къ ея августѣйшему монарху согласны съ моею политикою". Государственный Канцлеръ удивлялся тому, что Наполеонъ объявляетъ русскими пріобрѣтеніями Дунайскія княжества, хотя онъ отлично знаетъ, что они еще принадлежатъ Турціи. Однако, въ то же время Канцлеръ не могъ не видѣть въ словахъ императора французовъ твердаго намѣренія сохранять неприкосновенность союза съ Россіей. Польская конвенція должна.

*

logne devait être le moyen le plus efficace pour la consolider.

Les rapports du prince Kourakine devaient dissiper dans la pensée de l'Empereur Alexandre et de son Ministre des Affaires Etrangères les moindres doutes quant aux intentions de Napoléon de conclure la convention qu'on désirait à St.-Pétersbourg, et établir en même temps une complète certitude au sujet des pleinpouvoirs du duc de Vicence. Lorsque le prince Kourakine insistait auprès de Champagny pour obtenir une réponse aux ouvertures du gouvernement russe, au sujet de la convention de Pologne, celui-ci donna l'assurance à l'ambassadeur, à la fin de novembre 1809, que Caulaincourt devait recevoir prochainement des instructions qui lui prescrivent de donner pleine satisfaction à la Russie. Champagny déclara en outre à l'ambassadeur que la convention projetée devait contenir les clauses suivantes: 1) La France ne désire pas le rétablissement de la Pologne. 2) Elle assure sa garantie au partage de la Pologne. 3) Les termes „Pologne" et „Polonais" devront désormais être effacés de tous les actes politiques et diplomatiques. (Rapport du prince Kourakine du 26 nov. 1809).

Le prince Kourakine eut bientôt l'occasion de se convaincre de la bouche de l'Empereur des Français jusqu'à quel point son Ministre des Affaires Etrangères était autorisé à lui donner des promesses aussi formelles.

„On a toujours chez vous", lui dit Napoléon, „les mêmes inquiétudes au sujet de la Pologne. Je ne sais pourquoi ceci n'est pas encore arrangé, ni pourquoi le duc de Vicence s'est tenu en réserve sur ce point, malgré les instructions que je lui ai fait donner". En poursuivant cet entretien, Napoléon démanda subitement: „Mais pourquoi cette convention que vous désirez si vivement, ne se serait-elle pas faite ici, ainsi que je l'avais cru, en m'attendant que vous en receviez les pleinpouvoirs, puisqu'ici se trouvaient réunies toutes les facilités pour la conclure, par ma présence et celle du roi de Saxe". (Dépêche du prince Kourakine du 19 (31) décembre 1809).

La seule réponse que le prince Kourakine pouvait faire à cette observation de Napoléon était que telle était la volonté de son souverain que cet acte fût conclu à St.-Pétersbourg.

Cette réponse ne devait pas satisfaire l'Empereur des Français qui en général n'était pas très content de l'attitude du nouvel ambassadeur de Russie et lui reprochait de prendre avec trop

была служить лучшему закрѣпленію этого союза.

Донесенія князя Куракина должны были уничтожить въ сознаніи Императора Александра I и его Министра Иностранныхъ Дѣлъ малѣйшіе слѣды сомнѣнія въ желаніи Наполеона заключить желаемую Петербургскимъ кабинетомъ конвенцію и, съ другой стороны, установить увѣренность въ полномочіи герцога Висенскаго. Когда князь Куракинъ сталъ настаивать передъ Шампаньи на скорѣйшемъ отвѣтѣ на русскія предложенія относительно польской конвенціи, послѣдній увѣрялъ русскаго посла, въ концѣ ноября 1809 года, что Колэнкуръ получитъ инструкцію, предписывающую ему дать Россіи полное удовлетвореніе. Въ польской конвенціи должно быть сказано, объявилъ Шампаньи русскому послу, что 1) Франція не желаетъ возстановленія Польши, что 2) она даетъ свою гарантію въ отношеніи раздѣла Польши и 3) слова „Польша" и „Поляки" отнынѣ будутъ вычеркнуты изъ всѣхъ государственныхъ и дипломатическихъ актовъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 26-го ноября 1809 года).

Насколько французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ былъ правъ, давая русскому послу такія положительныя обѣщанія, князь Куракинъ могъ весьма скоро убѣдиться изъ устъ самого императора французовъ.

„У васъ", сказалъ ему Наполеонъ, „все еще существуютъ тѣ же тревоги относительно Польши. Я не понимаю, почему это дѣло еще не улажено и почему герцогъ Висенскій былъ въ этомъ вопросѣ настолько неуступчивъ, не взирая на данныя ему отъ меня инструкціи". Вслѣдъ затѣмъ, продолжая бесѣду, Наполеонъ вдругъ спросилъ: „Однако, почему эта конвенція, которой вы такъ живо добиваетесь, не заключается здѣсь, — какъ я это думалъ? Я ожидалъ, что вы получите на это полномочіе, ибо здѣсь на лицо всѣ удобства для ея заключенія, благодаря тому, что я и король саксонскій находимся здѣсь". (Донесеніе кн. Куракина 19-го (31-го) декабря 1809 г.).

Князь Куракинъ могъ отвѣтить на послѣднее замѣчаніе Наполеона только одно: такова воля его Государя, чтобъ этотъ актъ былъ заключенъ въ С.-Петербургѣ.

Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить императора французовъ, который, вообще, не особенно былъ доволенъ поведеніемъ новаго русскаго посла, который слишкомъ энергически

d'énergie la défense de son pays et de témoigner une défiance trop manifeste à l'égard de la politique de la France, amie et alliée. Napoléon ne dissimulait pas son mécontentement à ce sujet même vis-à-vis des courriers diplomatiques russes, qu'il avait coutume de recevoir et d'honorer de sa conversation.

A la fin de l'année 1809, Napoléon reçut en audience de congé Gorgoli et profita de l'occasion pour exprimer ses griefs contre la Russie sur deux points essentiels. Premièrement il se plaignait de ce qu'on accueillait à St.-Pétersbourg avec une confiance absolue toutes les intrigues anglaises qui lui attribuaient l'intention de rétablir la Pologne, tandis qu'il ne songeait pas et n'avait jamais songé à ce projet.

Le second sujet de ses griefs était l'affaire du comte Cassini, qui étant d'origine piémontaise fut admis au service de Russie et occupait le poste de chargé d'affaires à Rome. Napoléon donna l'ordre de l'arrêter et se proposait de le faire juger, se basant la-dessus que le comte Cassini, en sa qualité d'italien, devait être considéré comme sujet français et qu'on l'accusait de comploter contre son gouvernement. Le prince Kourakine s'appliquait, de son côté, à démontrer que le comte Cassini devait être considéré comme sujet russe, parcequ'il était admis au service de Russie. Si le gouvernement russe, assurait l'ambassadeur, eût toléré que les autorités françaises infligent une punition au comte Cassini, il eut reconnu à Napoléon un droit d'intervention dans les affaires intérieures de la Russie.

Napoléon déclara catégoriquement à Gorgoli qu'il trouvait que le point de vue du prince Kourakine était faux et qu'il n'avait pas le droit d'exiger de lui qu'il liberât le comte Cassini. Il ne songe pas à intervenir dans les affaires intérieures de la Russie, mais il n'admet pas non plus l'intervention de celle-ci dans celles de France. Il ne saurait tolérer également que des Français admis au service d'un Etat étranger perdissent par ce fait leur nationalité française.

„Si Mr. de Richelieu et de Langeron", poursuivait Napoléon dans son entretien avec Gorgoli, „arrivaient aujourd'hui en France, rien ne m'empêcherait de les faire pendre demain".

„Le prince Kourakine", poursuivit-le, „me fatigue et m'ennuie par ses réclamations con-

защищалъ достоинство своего отечества и замѣтно подозрительно относился къ политикѣ его французскаго союзника и друга. Наполеонъ не скрывалъ своего неудовольствія поведеніемъ князя Куракина даже отъ русскихъ дипломатическихъ курьеровъ, которыхъ онъ принималъ и удостаивалъ продолжительными разговорами.

Въ самомъ концѣ 1809 года Наполеонъ удостоилъ прощальной аудіенціей Горголи и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ выразить свое неудовольствіе противъ Россіи въ двухъ главныхъ пунктахъ. Во-первыхъ, онъ былъ недоволенъ, что въ С.-Петербургѣ вѣрятъ всѣмъ англійскимъ интригамъ, приписывающимъ ему намѣреніе возстановить Польшу. Между тѣмъ у него такого намѣренія нѣтъ и не было.

Второй пунктъ наполеоновскихъ обвиненій касался дѣла графа Кассини, который, будучи пьемонтцемъ по происхожденію, вступилъ въ русскую государственную службу и занималъ постъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Римѣ. Наполеонъ приказалъ его арестовать и хотѣлъ судить на томъ основаніи, что гр. Кассини, будучи итальянцемъ, долженъ былъ считаться подданнымъ, котораго онъ обвинялъ въ заговорѣ противъ его правительства. Князь Куракинъ доказывалъ, что гр. Кассини долженъ считаться русскимъ подданнымъ, ибо былъ принятъ на русскую государственную службу. Еслибъ русское правительство, по словамъ посла, допустило наказаніе гр. Кассини на основаніи распоряженій французскихъ властей, то оно признало бы право вмѣшательства Наполеона во внутреннія дѣла Россіи.

Наполеонъ категорически объявилъ Горголи, что онъ ни въ какомъ случаѣ не признаетъ правильности точки зрѣнія кн. Куракина, который пристаетъ къ нему съ требованіемъ объ освобожденіи гр. Кассини. Онъ не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россійской имперіи, но и не допуститъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Франціи. Равнымъ образомъ онъ никогда не допуститъ, чтобъ французы, поступившіе на службу иностранныхъ государствъ, переставали считаться французами. „Еслибъ", продолжалъ Наполеонъ въ бесѣдѣ съ Горголи, „герцогъ Ришелье и Ланжеронъ пришли сегодня во Францію, то меня ничто не остановило бы завтра же ихъ повѣсить".

Наконецъ, „князь Куракинъ", продолжалъ онъ, „меня утомляетъ и мнѣ надоѣдаетъ своими

tinuelles à l'occasion de Cassini. Mes principes à cet égard sont invariablement fixés et rien ne m'en fera départir". (Dépêche du prince Kourakine du 21 décembre 1809 (2 janvier 1810).

Toutes ces petites collisions prouvaient d'une manière évidente que Napoléon avait changé d'idée quant à l'utilité pour lui de l'alliance avec la Russie. Un coup fatal et définitif y fut porté par le refus de l'Impératrice Marie Feodorovna de donner sa fille la Grand-Duchesse Anna Pavlovna en mariage à l'Empereur des Français Arrivé en 1809 à l'apogée de la gloire et de la toute-puissance, Napoléon dût ressentir profondément ce coup, porté à son amour-propre. Il était convaincu qu'il faisait un grand honneur à la maison Impériale de Russie, en demandant la main de l'une des Grand-Duchesses, tandis que l'Empereur Alexandre I ne voyait en lui qu'un chercheur d'aventures, auquel il ne voulait pas confier le sort d'une soeur bien-aimée. D'autre part, il voulait obtenir au plus vite la ratification de la convention polonaise et différait longtemps de communiquer à Napoléon le refus blessant au sujet du mariage de sa soeur.

„Alexandre", écrit Sorel dans son ouvrage classique (l'Europe et la révolution française, t. VII, 430)" cherche à filer son refus du mariage. Napoléon va filer son refus de ratification". En fin de comptes, il importait pour l'amour-propre; de Napoléon de prévenir un refus formel de St.-Pétersbourg et d'y opposer le fait accompli d'un traité de mariage, conclu avec une autre princesse. Il était de toute nécessité de représenter à la nation française et à l'Europe le choix que fit Napoléon de l'archiduchesse Marie-Louise non comme le résultat d'une première demande, suivie d'un echec et tenue dans le plus grand mystère, mais comme la seule proposition sérieuse qui ait été faite. Voici la raison pour laquelle les ouvertures faites à St. Pétersbourg furent gardées dans le plus profond secret et confiées à la connaissance d'un cercle de personnes très restreint. Voici pourquoi Napoléon, sans attendre l'arrivée à Paris du courrier de Caulaincourt porteur du refus du 6 février 1810, notifia au prince Schwarzenberg, ambassadeur d'Autriche sa résolution de demander la main de Marie-Louise. L'ambassadeur d'Autriche était muni des pouvoirs nécessaires pour dresser l'acte de mariage qui fut signé le lendemain, 7 février.

постоянными жалобами по дѣлу Кассини. Мои принципы въ этомъ отношеніи неизмѣнно установлены и ничто меня не заставитъ отъ нихъ отказаться". (Донесеніе кн. Куракина отъ 21-го декабря 1809 г. (2-го января 1810 г.).

Всѣ эти мелкія столкновенія явнымъ образомъ указывали на происшедшую перемѣну въ пониманіи со стороны Наполеона пользы для него союза съ Россіей. Окончательный и роковой ударъ этому союзу былъ нанесенъ отказомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны выдать свою дочь Великую Княжну Анну Павловну за императора французовъ. Наполеонъ, будучи въ 1809 году въ зенитѣ славы и всемогущества, не могъ не чувствовать этого удара, нанесеннаго его самолюбію. Онъ былъ убѣжденъ, что просьбою руки русской Великой Княжны онъ оказываетъ великую честь русскому Императорскому дому, между тѣмъ какъ Императоръ Александръ I смотрѣлъ на него, какъ на искателя приключеній, за которымъ онъ не желалъ видѣть замужемъ свою любимую сестру. Съ другой же стороны, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало получить поскорѣе ратификацію польской конвенціи и потому долго медлилъ сообщить обидный для Наполеона отказъ.

„Александръ", пишетъ Сорель въ своемъ классическомъ трудѣ („L'Europe et la révolution française", t. VII, 430), старается „волочить свой отказъ" въ бракѣ; Наполенъ будетъ „тянуть свой отказъ въ ратификаціи". Въ концѣ концовъ самолюбіе Наполеона абсолютно требовало предупредить полученіе формальнаго отказа изъ С.-Петербурга и противопоставить этой непріятности фактъ заключенія брачнаго договора съ другою принцессою. Нужно было представить французскому народу и Европѣ выборъ Наполеономъ австрійской эрцгерцогини Маріи-Луизы не какъ результатъ неудачи перваго секретнѣйшаго предложенія, но какъ единственное серьезное предложеніе, которое было вообще сдѣлано. Вотъ почему предложеніе, сдѣланное въ С.-Петербургѣ, сохранялось въ величайшей тайнѣ и было извѣстно весьма немногимъ лицамъ. И вотъ почему Наполеонъ, не дождавшись прибытія въ Парижъ курьера Колэнкура съ отказомъ, 6-го февраля 1810 года, заявилъ австрійскому послу князю Шварценбергу о своемъ рѣшеніи просить руки Маріи-Луизы. Австрійскій посолъ имѣлъ полномочіе на подписаніе брачнаго договора, который и былъ совершенъ на другой же день, 7-го февраля.

Napoléon considérait ce nouveau mariage uniquement comme un acte politique et y procéda, dit Sorel, „comme à une opération de guerre, à l'investissement d'une capitale, à un autre Austerlitz“. Après en avoir fini avec „l'opération militaire“ du mariage. Napoléon aborda aussitôt l'affaire de la convention de Pologne et dicta à son Ministre des Affaires Etrangères les instructions suivantes à ce sujet: „Présentez moi un projet de convention à substituer à celle du duc de Vicence. Faites lui connaître que je ne puis approuver cette convention, parcequ'il n'y a pas de dignité et qu'il y a des choses auxquelles il n'était pas autorisé. Je ne puis pas dire que *le royaume* de *Pologne ne sera jamais rétabli* car, ce serait dire que si un jour les Lithuaniens, ou toute autre circonstance, allaient le rétablir, je serais obligé d'envoyer des troupes pour m'y opposer. Cela est donc contraire à ma dignité“.

„Mon but“, poursuit Napoléon, „est de tranquilliser la Russie et, pour l'atteindre, il suffit d'un article rédigé dans les termes suivants: „L'Empereur Napoléon s'engage à ne jamais donner aucun secours ni assistance à quelque puissance ou à quelque soulèvement intérieur que ce puisse être qui tendraient à rétablir le royaume de Pologne“.*)

Bien plus, tous les autres articles de la convention, signée par Caulaincourt, devaient être modifiés dans le sens de la première clause, dictée par Napoléon. Au lieu de la promesse faite par Caulaincourt au sujet d'une intervention de Napoléon pour empêcher le rétablissement de la Pologne, il fallait déclarer l'intention de celui-ci de s'abstenir de toute intervention. L'article II de la convention portait que les deux parties contractantes n'admettraient pas l'usage de termes: *Pologne* et *Polonais*. Napoléon est indigné de cette disposition, bien qu'il l'ait dictée lui-même. Maintenant, en février 1810, après l'échec du mariage russe, il trouvait cet engagement“ ridicule et absurde“. Toutefois, en octobre 1809, il promettait par la plume de son Ministre des Affaires Etrangères que les mots *Pologne* et *Polonais* seraient désormais effacés du dictionnaire politique. En février 1810, il consentit à ne pas user de ces termes pour désigner dans les actes publics des pays „qui faisaient partie de l'ancienne

*) *Vandal*, loc. cit., t. II., p. 283. *Sorel*, loc. cit., t. VII (1904), p. 432.

Наполеонъ смотрѣлъ на свой бракъ исключительно какъ на политическое дѣло и устроилъ его, по словамъ Сореля, „какъ военную операцію, какъ осаду какой-нибудь столицы, какъ новый Аустерлицъ“. Покончивъ „военную операцію“ съ бракомъ, Наполеонъ тотчасъ же перешелъ къ дѣлу о польской конвенціи и продиктовалъ своему Министру Иностранныхъ Дѣлъ слѣдующую инструкцію: „Представьте мнѣ проектъ конвенціи взамѣнъ конвенціи герцога Висенскаго. Скажите ему, что я не могу одобрить этой конвенціи, ибо въ ней не соблюдено достоинство и имѣются вещи, на которыя онъ не былъ уполномоченъ. Я не могу сказать, что *королевство польское никогда не будетъ возстановлено*, ибо это значило бы сказать, что если когда нибудь Литовцы, или какія либо событія возстановятъ его, то я принужденъ былъ бы отправить войска, чтобы этому сопротивляться. Это противно моей чести“.

„Моя цѣль“, продолжаетъ Наполеонъ, „заключается въ томъ, чтобъ успокоить Россію, для достиженія ея достаточно составить статью въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Императоръ Наполеонъ обязывается никогда не оказывать никакой помощи или содѣйствія какой либо державѣ или какому бы то ни было внутреннему движенію, направленному къ возстановленію королевства Польскаго“ *).

Этого мало: всѣ другія статьи подписанной Колэнкуромъ конвенціи должны были быть измѣнены въ смыслѣ первой продиктованной Наполеономъ статьи. Вмѣсто обѣщаннаго Колэнкуромъ вмѣшательства Наполеона для препятствованія возстановленію Польши, нужно было поставить воздержаніе отъ вмѣшательства. Во второй статьѣ конвенціи было сказано, что обѣ договаривающіяся стороны не допустятъ даже употребленія словъ: „Польша“ и „Поляки“. Наполеонъ возмущенъ такимъ постановленіемъ, хотя прежде онъ самъ его диктовалъ. Теперь, въ февралѣ 1810 года, послѣ неудачнаго исхода „русскаго брака“, онъ нашелъ такое обязательство „смѣшнымъ и безразсуднымъ“. Однако, въ октябрѣ 1809 года онъ обѣщалъ, черезъ своего Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что слова „Польша“ и „Поляки“ будутъ имъ вычеркнуты изъ политическаго словаря. Въ февралѣ 1810 года онъ только согласился не употреблять въ публичныхъ актахъ назва-

*) *Vandal*, loc. cit., t. II, p. 283.— *Sorel*, loc. cit., t. VII (1904), p. 432.

Pologne“ — ce qui naturellement ne devait pas exclure la possibilité d'en faire usage par rapport à la nouvelle Pologne, à créer sous le sceptre du roi de Saxe.

C'est dans le sens de ces instructions que Champagny écrivit au comte Roumiantzow, à la date du 10 février, et adressa des instructions à Caulaincourt le 12 février. Dans sa lettre au Chancelier de l'Empire, Champagny exprime le regret de Napoléon de n'avoir pu immédiatement ratifier la convention au sujet de la Pologne. Tout en approuvent „le fond“ de cet acte, il croit devoir insister sur la modification de certains termes qu'il trouve contraires à ses sentiments de dignité. La convention ne tenait pas suffisamment compte„ de la délicatesse de son cabinet“. Il sera facile à Caulaincourt de dissiper ces petits malentendus par un échange d'idées, plein de franchise avec le comte Roumiantzow.

Les rapports de Paris du prince Kourakine confirmèrent entièrement le changement notable, qui s'est produit dans les vues politiques de l'Empereur des Français. Napoléon évitait toute rencontre avec l'ambassadeur de Russie et toute occasion de causer avec lui. Au commencement de février le prince Kourakine était souffrant et retenu dans son lit par un accès de goutte, lorsque le duc de Cadore se rendit chez lui. Ce fut le 9 février n. s. Sur son insistance le prince Kourakine le reçut, bien qu'alité.

D'ordre suprême, le duc de Cadore lui fit part que Napoléon prit la résolution d'épouser l'archiduchesse Marie-Louise dans l'espoir d'avoir des enfants, qu'il regrettait que le sort n'ait pas voulu qu'il devint beau-frère d'Alexandre I vu que la grand-duchesse Anna Pavlovna était trop jeune et que Catherina Pavlovna avait déjà disposé de son coeur en faveur d'un autre.

Le prince Kourakine profita de cette visite inattendue pour lui demander ce qui en était de la ratification de la convention au sujet de Pologne. Le duc de Cadore répondit que Napoléon n'avait pas encore pris de décision définitive à ce sujet *(sic!)* et que la convention était encore toujours entre ses mains. Mais il avoua confidentiellement à l'ambassadeur que Napoléon n'était pas satisfait de la rédaction de cette pièce et „surtout de la manière positive dont on y exprime que l'ancien royaume de Pologne ne

нія „Польша“ и „Поляки“ для обозначенія земель, „бывшихъ въ составѣ старой Польши“— что, само собою разумѣется, не исключало возможности употребленія такихъ названій въ отношеніи новой Польши, создаваемой подъ скипетромъ саксонскаго короля.

Въ смыслѣ этихъ предписаній Наполеона Шампаньи писалъ графу Румянцеву 10-го февраля и далъ инструкціи Колэнкуру отъ 12-го февраля. Въ письмѣ къ Государственному Канцлеру Шампаньи выражаетъ искреннее сожалѣніе Наполеона о томъ, что онъ не въ состояніи былъ немедленно дать свою ратификацію на конвенцію относительно Польши. Онъ одобряетъ „сущность“ этого акта, но долженъ требовать измѣненія нѣкоторыхъ выраженій, противныхъ его чувству достоинства. Въ конвенціи недостаточно было обращено вниманія на „деликатность его кабинета“. Всѣ эти маленькія недоразумѣнія Колэнкуръ уладитъ откровеннымъ обмѣномъ мыслей съ графомъ Румянцевымъ.

Донесенія князя Куракина изъ Парижа совершенно подтвердили крупную перемѣну, происшедшую въ политическихъ планахъ императора французовъ. Наполеонъ избѣгалъ встрѣчаться съ русскимъ посломъ и видимо избѣгалъ вступать съ нимъ въ разговоры. Въ началѣ февраля князь Куракинъ былъ боленъ подагрой и лежалъ въ постели, когда къ нему пріѣхалъ вечеромъ герцогъ Кадорскій. Это было 9 февраля (нов. ст.). По настоятельному требованію герцога кн. Куракинъ принялъ его въ постели.

Герцогъ Кадорскій сообщилъ ему, по Высочайшему повелѣнію, что Наполеонъ рѣшился жениться на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ, надѣясь имѣть отъ нея дѣтей; что онъ очень сожалѣетъ, что судьба не хотѣла, чтобы онъ сдѣлался зятемъ Александра I, ибо Великая Княжна Анна Павловна еще слишкомъ молода, а Екатерина Павловна уже отдала свое сердце другому.

Кн. Куракинъ воспользовался этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, чтобы спросить, какъ обстоитъ дѣло съ ратификаціей конвенціи о Польшѣ. Кадоръ отвѣтилъ, что Наполеонъ еще не принялъ окончательнаго рѣшенія (sic!) и что конвенція все еще у него. Однако, конфиденціальнымъ образомъ онъ признался послу, что Наполеонъ недоволенъ редакціей этого акта и въ особенности „положительною формою, въ которой тамъ выражено, что старое Польское королевство никогда не будетъ возстановлено“.

sera jamais rétabli.“ Il ne désire pas ce rétablissement et ne sera probablement jamais dans le cas de coopérer à cette oeuvre. Toutefois il ne saurait prendre l'engagement d'empêcher que cet événement ne se produise sous l'êmpire de circonstances quelconques. (Dépêche du prince Kourakine du 28 janvier (9 février) 1810).

Dans une lettre au comte Roumiantzow de la même date, l'ambassadeur croit devoir ajouter que si même la convention était ratifiée, les sentiments de Napoléon à l'égard de la Russie ont notablement changé et que „la bonne grâce“ ne semble plus exister comme autrefois.

On peut se représenter facilement avec quel sentiment de profonde déception l'Empereur Alexandre I et son Ministre des Affaires Etrangères accueillirent ces rapports du prince Kourakine et les explications verbales de Caulaincourt. En janvier 1810, Alexandre I entretenait encore l'espoir que Napoléon consentait à ratifier la convention de Pologne et à dissiper ainsi les craintes que ses projets quant à l'avenir de ce pays pouvaient inspirer à la Russie. Il assurait son allié qu'il n'était animé que d'un seul désir: „consolider notre alliance“.

Lorsqu'on apprit à St.-Pétersbourg le refus de Napoléon de ratifier la convention, signée par Caulaincourt en vertu de pleinpouvoirs, très étendus, dont il était muni à cet effet, le gouvernement Impérial manifesta aussitôt son déplaisir, aussi bien par ses explications avec Caulaincourt que par ses instructions au prince Kourakine.

Au commencement de mars 1810, le Chancelier de l'Empire exposa dans une dépêche détaillée au prince Kourakine la manière d'agir peu conciliante du Cabinet français. Les pouvoirs de Caulaincourt ne laissaient aucun doute quant à la faculté dont il disposait de signer la convention, élaborée en commun. L'Empereur Alexandre était persuadé qui le traité de Tilsit et l'alliance resteraient à l'avenir la pierre angulaire de la tranquillité et de l'équilibre en Europe.

En attendant, tandis que l'Empereur Alexandre s'acquittait d'une manière „aussi noble, aussi généreuse“ de ses devoirs d'allié, il voyait sans cesse renaître au sein des Polonais un esprit de trouble et de s'édition, qui était de tout temps le trait distinctif de cette nation. Quatre notes furent adressées au gouvernement français pour attirer son attention sur ce mouvement dangereux et réclamer son concours pour le contenir. Elles restèrent toutes sans réponse.

Онъ не желаетъ такого возстановленія и навѣрно никогда не будетъ содѣйствовать такому дѣлу. Однако, онъ не можетъ принять на себя обязательства препятствовать совершенію такого событія въ силу какихъ-либо обстоятельствъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 28-го января (9-го февр.) 1810 года).

Въ письмѣ къ графу Румянцеву отъ того же числа посолъ вѣрно замѣчаетъ, что если конвенція и будетъ ратификована, то всетаки прежнія чувства Наполеона къ Россіи измѣнились и прежнее „доброе расположеніе“ не можетъ уже существовать.

Не трудно себѣ представить чувство глубокаго разочарованія, съ которымъ Императоръ Александръ I и его Министръ Иностранныхъ Дѣлъ приняли донесенія кн. Куракина и словесныя объясненія Коленкура. Въ январѣ 1810 года Александръ I еще лелѣялъ надежду, что Наполеонъ утвердитъ польскую конвенцію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожитъ всѣ опасенія насчетъ его вредныхъ для Россіи замысловъ относительно Польши. Онъ увѣрялъ своего союзника, что его воодушевляетъ только одно желаніе: „закрѣпить нашъ союзъ“.

Но когда въ С.-Петербургѣ былъ полученъ отказъ Наполеона отъ конвенціи, подписанной Коленкуромъ въ силу данныхъ ему широкихъ полномочій, неудовольствіе Императорскаго правительства обнаружилось въ сильной степени, какъ въ объясненіяхъ съ Коленкуромъ, такъ и въ инструкціяхъ кн. Куракину.

Въ самомъ началѣ марта 1810 г. Государственный Канцлеръ въ подробной депешѣ излагаетъ князю Куракину недружелюбный характеръ дѣйствій французскаго кабинета. Полномочія Коленкура не оставляли никакого сомнѣнія въ правѣ его подписать составленную общими силами конвенцію. Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что Тильзитскій миръ и союзъ останутся и на будущее время краеугольнымъ камнемъ спокойствія и равновѣсія Европы.

Между тѣмъ въ то самое время, когда Императоръ Александръ I столь „благороднымъ и великодушнымъ образомъ“ исполнялъ принятыя на себя обязательства, вытекающія изъ союза, онъ сталъ получать все чаще и чаще доказательства возрожденія въ Полякахъ того духа безпокойства и смутъ, которымъ всегда отличался этотъ народъ. Четыре ноты были отправлены къ французскому правительству, въ которыхъ заключалась просьба обратить вниманіе на это опасное движеніе и по-

La Russie ne persista pas moins dans le cours de la guerre de 1809 à remplir fidèlement ses obligations d'allié à l'égard de la France et contre l'Autriche. La récompense de cette fidélité exemplaire fut la convention militaire, signée à Vienne et visant entr'autres la Russie. Ce fait devait nécessairement blesser l'Empereur.

Dans ces conjonctures, Napoléon résolut d'autoriser son ambassadeur à donner à la Russie pleine satisfaction par la signature de la convention projetée. Cinquante jours fixés pour la ratification ce cet acte s'écoulèrent et c'est deux semaines après l'expiration de ce terme que le comte Roumiantzow apprit la réponse déclinatoire de Napoléon. On se demande quels motifs pouvaient justifier ce refus inattendu et inouï?

„Elle (la convention)", poursuit le Chancelier de l'Empire dans sa dépêche du 4 (16) mars 1810, „ne l'apas été (ratifiée), dit-on, parcequ'elle est trop positive; parcequ'elle n'offre aucune réciprocité. Trop positive? — mais peut-elle être trop, quand il s'agit du repos de tant de millions d'individus? Elle n'offre aucune réciprocité? — mais ne porte-t-elle pas en dot tout l'avantage que la France a déjà retiré de notre alliance et tous ceux qu'elle va en retirer encore?"

Tout le but de la convention signée consiste à confirmer formellement l'engagement de ne rétablir dans aucun cas le royaume de Pologne. Si cet engagement n'est pas formulé d'une manière catégorique dans la convention, elle perd toute portée pratique.

En vertu de ces considérations, le comte Roumiantzow élabora un contre-projet de convention et formula ses „observations" au sujet du nouveau projet français, présenté par Caulaincourt. Par exemple l'art. V du dit projet statuait pour la Russie et le duché de Varsovie l'obligation de ne pas étendre à l'avenir leur territoire. Le projet russe ne parle que du duché de Varsovie et n'admet pas entre lui et la Russie un principe de parité, vu qu'en qualité de province du royaume de Saxe, il ne saurait ni faire la guerre, ni acquérir des territoires quelconques.

En ce qui regarde la Russie, selon les assurances du Chancelier de l'Empire, „elle ne

мочь остановить его. Но всѣ эти ноты оставались безъ отвѣта!

Между тѣмъ Россія продолжала, во время войны 1809 года вѣрно исполнять свои союзныя обязательства въ отношеніи Франціи и противъ Австріи. Наградой за такую безпримѣрную вѣрность союзу явилась военная конвенція, подписанная въ Вѣнѣ и направленная противъ Россіи. Этотъ актъ не могъ не оскорбить Императора.

Тогда Наполеонъ рѣшился уполномочить своего посла дать Россіи полное удовлетвореніе подписаніемъ проектированной конвенціи. Прошли 50 дней, назначенныхъ для ратификаціи этого акта, и только черезъ двѣ недѣли послѣ истеченія этого срока гр. Румянцевъ узнаетъ объ отказѣ Наполеона дать свою подпись. Спрашивается: какими же мотивами оправдывается такой неожиданный и неслыханный отказъ?

„Говорятъ", продолжаетъ Государственный Канцлеръ въ своей депешѣ отъ 4-го (16-го) марта 1810 года, „что конвенцію не утверждаютъ потому, что она слишкомъ положительна и не представляетъ никакой взаимности. Слишкомъ положительна? Однако, возможно ли это, когда идетъ рѣчь о судьбѣ многихъ милліоновъ лицъ? — Она не представляетъ никакой взаимности? Однако, развѣ она не принесла Франціи всѣ тѣ выгоды, которыя эта страна уже пріобрѣла благодаря нашему съ нею союзу и еще пріобрѣтетъ въ будущемъ?"

Вся цѣль подписанной конвенціи заключается въ формальномъ подтвержденіи обязательства не возстановлять, ни въ какомъ случаѣ, польскаго королевства. Если это обязательство не будетъ выражено въ конвенціи самымъ категорическимъ образомъ, то она потеряетъ всякое практическое значеніе.

На основаніи этихъ соображеній гр. Румянцевъ составилъ контръ-проектъ конвенціи и представилъ свои критическія „замѣчанія" на новый французскій проектъ, представленный Коленкуромъ. Напримѣръ, въ 5-ой статьѣ проекта было установлено для Россіи и Варшавскаго герцогства обязательство не расширять въ будущемъ своихъ владѣній. Въ русскомъ проектѣ говорится только о герцогствѣ Варшавскомъ и не допускается равенство его съ Россіей, ибо герцогство, какъ провинція саксонскаго короля, не можетъ ни вести войны, ни дѣлать какихъ либо территоріальныхъ пріобрѣтеній.

Что касается Россіи, то, по словамъ Государственнаго Канцлера, „она никогда не

commencera jamais de guerres; elle n'a pas besoin d'extension; mais si elle se trouve provoquée, peut-elle prendre un engagement qui annulle d'avance tous ses succès et laisse toutes ses guerres sans dédommagement?" En vue de ces considérations, le contre-projet russe établissait que le duché de Varsovie „ne pourra accroître son territoire aux dépens des provinces qui faisaient partie de l'ancien royaume de Pologne". La Russie prenait également l'engagement de ne faire aucune acquisition aux dépens de ces mêmes provinces, sauf le cas, où elle serait attaquée par l'un de ses voisins.

On ne saurait se dissimuler qu'il y avait un certain manque de logique dans l'argumentation du comte Roumiantzow. Une fois que le duché de Varsovie, comme province du royaume de Saxe, n'avait pas le droit de s'engager de ne pas faire des accroissements de territoire quelconques, il n'avait pas élgalement celui de promettre de ne pas étendre son territoire aux dépens des provinces, qui faisaient partie de l'ancien royaume de Pologne.

Le prince Kourakine était chargé aussitôt après la réception du contre-projet russe et des instructions du 4 mars 1810, de les remettre au duc de Cadore et de lui demander une réponse sans retard. L'ambassadeur s'acquitta de cette mission, mais la réponse se fit longtemps attendre. Quand elle arriva, les deux alliés ne s'entendaient plus au sujet de l'utilité des rapports, établis à Tilsit. La convention au sujet de la Pologne ne fut jamais ratifiée par Napoléon et ne servit qu'à illustrer l'altération d'intimité et les défiances mutuelles survenues entre la France et la Russie.

En vue de ce caractère exclusif de la convention polonaise de décembre 1809, nous croyons devoir nous arrêter sur la marche ultérieure des pourparles diplomatiquers, ayant pour objet les différents contre-projets qui surgissaient tant à Pétersbourg, qu'à Paris. Le texte primitif de la convention de décembre sera imprimé sous forme *d'annexe* au présent volume.

Bien qu'après son mariage, Napoléon se livrait entièrement aux jouissances de la lune de miel, il ne s'occupait pas moins des affaires de l'Etat et la question de la convention de Pologne le préoccupait particulièrement. Il énonça des observations très acerbes au sujet du contre-projet russe et refusait de comprendre les motifs qui por-

начнетъ войнъ, она не нуждается въ приращеніи, но если ее вызываютъ, то можетъ ли она подписать обязательство, которое впередъ уничтожило бы всѣ ея побѣды и оставило всѣ ея войны безъ вознагражденія?" Въ виду этого соображенія въ русскомъ контръ-проектѣ было сказано, что Варшавское герцогство обязывается не расширять „свою территорію на счетъ областей, входившихъ въ составъ прежняго Польскаго королевства". Россія же обязывается не дѣлать никакихъ пріобрѣтепій на счетъ этихъ же областей, исключая случая, когда она будетъ аттакована однимъ изъ сосѣдей.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой нелогичности въ аргументаціи гр. Румянцева. Если Варшавское герцогство, какъ „провинція саксонскаго короля", не можетъ обязываться не дѣлать никакихъ территоріальныхъ приращеній, то оно равнымъ образомъ не можетъ принять обязательства не расширять своей территоріи насчетъ польскихъ областей, входившихъ въ составъ прежняго Польскаго королевства.

Князю Куракину было поручено, по полученіи русскаго контръ-проекта и инструкцій отъ 4-го марта 1810 года, немедленно представить ихъ герцогу Кадорскому и просить о скорѣйшемъ отвѣтѣ. Посолъ исполнилъ это приказаніе, но долго не получалъ никакого отвѣта. Когда же отвѣтъ былъ данъ, то оказалось, что оба союзника совсѣмъ разошлись въ пониманіи пользы отношеній, заключенныхъ въ Тильзитѣ. Конвенція о Польшѣ никогда не была ратификована Наполеономъ и осталась только положительнымъ доказательствомъ взаимнаго отчужденія и непримиримой подозрительности Россіи и Франціи.

Въ виду такого исключительнаго значенія польской конвенціи отъ декабря 1809 года, необходимо остановиться на дальнѣйшемъ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ о разныхъ контръ-проектахъ по тому же вопросу, появлявшихся въ свѣтъ то въ С.-Петербургѣ, то въ Парижѣ. Текстъ первоначальной декабрьской конвенціи отпечатанъ будетъ въ видѣ *приложенія* къ настоящему тому.

Хотя Наполеонъ, послѣ бракосочетанія, всецѣло отдавался радостямъ медоваго мѣсяца, но всетаки онъ не переставалъ заниматься государственными дѣлами. Въ частности его очень занималъ вопросъ о польской конвенціи. Онъ высказалъ весьма ѣдкія критическія замѣчанія на русскій контръ-проектъ и отказался понять мо-

taient le gouvernement russe à insister pour que la Francc prît l'engagement de ne pas concourir au rétablissement de la Pologne. Il était disposé de prendre cet engagement pour lui-même, mais refusait catégoriquement de le faire pour le compte d'autres puissances et d'exercer sur elles, le cas échéant, une pression par les armes. Il est certain que Napoléon ne perdait pas de vue la possibilité de coopérer ainsi indirectement au rétablissement du royaume de Pologne. Il se serait toujours trouvée une puissance, disposée à agir dans la direction qu'il lui aurait indiquée. Enfin le duché de Varsovie, sa création, pouvait facilement servir d'instrument entre ses mains pour porter un coup sensible à la Russie par le rétablissement de la Pologne.

Alexandre I prévoyait ce danger, ainsi que ses conseillers les plus intimes qui insistaient auprès de lui sur la nécessité absolue de faire adopter le projet russe de la convention. En attendant Napoléon trouvait que la rédaction en était „trop dogmatique, inusitée, contraire à la prudence humaine“, et qu'il serait „déshonorant“ pour lui de l'accepter.

D'autre part, Napoléon ne pouvait pas désirer une rupture avec la Russie en 1810, après la guerre sanglante avec l'Autriche, qu'il venait de terminer. Il devait désirer le maintien de la paix. La situation politique de l'Europe lui commandait ainsi de conserver pour le moment ses relations d'alliance avec Alexander I. Aussi s'est-il imposé le devoir, dans ces conjonctures de traîner en longueur les pourparlers au sujet de la convention de Pologne et d'éviter une rupture immédiate. Il était disposé à donner à la Russie de temps à autre des avertissements au sujet des conséquences fatales que sa colère pouvait avoir pour elle. Mais il prît la ferme résolution de se réserver à lui-même le choix du moment pour une rupture définitive avec cette Puissance.

Malgré la maladie sérieuse qui le retenait au lit pendant des semaines, le prince Kourakine ne cessait d'insister auprès de Champagny en vue d'obtenir une réponse aux dernières ouvertures de la Russie. On lui répondait généralement que Napoléon était tellement absorbé par les soins de faire sa cour à sa jeune femme, qu'il n'avait pas le temps de s'occuper des affaires de l'Etat. A cette époque, l'ambassadeur eut lieu de se convaincre que le gouvernement français loin de faciliter à la Russie la conclusion à la bourse

тивы, заставлявшіе русское правительство продолжать настаивать на своемъ требованіи, чтобъ Франція обязалась не содѣйствовать возстановленію Польши. Онъ готовъ былъ дать такое обязательство за себя, но на отрѣзъ отказался обязаться также за другія державы и препятствовать имъ силою оружія это сдѣлать. При этомъ Наполеонъ навѣрно не упустилъ изъ виду возможности посредственнаго его содѣйствія возстановленію польскаго королевства. Всегда нашлась бы какая либо держава, готовая дѣйствовать въ указанномъ имъ направленіи. Наконецъ, само Варшавское герцогство, созданное имъ, имѣло полную возможность служить въ его рукахъ цѣлесообразнымъ орудіемъ для нанесенія Россіи чувствительнаго удара посредствомъ воскрешенія Польши.

Эту опасность предвидѣлъ Императоръ Александръ I и ближайшіе его совѣтники, убѣждавшіе его въ неотложной необходимости настаивать на принятіи русской редакціи конвенціи. Между тѣмъ Наполеонъ признавалъ эту редакцію слишкомъ „догматическою“, „необычайною и противною человѣческому разуму“, которой онъ принять не можетъ, не желая себя „обезчестить“.

Однако, съ другой стороны, Наполеонъ не могъ желать въ 1810 году разрыва съ Россіей послѣ только-что оконченной кровопролитной войны съ Австріей. Онъ долженъ былъ желать сохраненія мира. Сохраненіе союзныхъ отношеній къ Императору Александру I требовалось пока всѣмъ политическимъ положеніемъ Европы. Вотъ почему Наполеонъ поставилъ себѣ задачею: волочить переговоры о польской конвенціи насколько возможно и не вызывать немедленнаго разрыва. Онъ готовъ былъ давать Россіи, при случаѣ и отъ времени до времени, предостереженія относительно опасныхъ для Россіи послѣдствій наполеоновскаго гнѣва. Но онъ твердо рѣшился оставить въ своихъ рукахъ опредѣленіе момента для окончательнаго разсчета съ Россіей.

Князь Куракинъ, несмотря на свою серьезную болѣзнь, приковывавшую его въ продолженіе многихъ недѣль къ постели, постоянно надоѣдалъ Шампаньи просьбами ускорить отвѣтъ на послѣднія русскія предложенія. Но онъ обыкновенно получалъ въ отвѣтъ, что Наполеонъ всецѣло посвятилъ себя ухаживанію за молодою супругою, такъ что совсѣмъ не имѣетъ времени заниматься государственными дѣлами. Въ то же время посолъ убѣдился, что французское правительство не только не содѣй-

de Paris, de l'emprunt dont elle avait besoin, se plaisait à lui créer des entraves sur ce terrain. Aussi le prince Kourakine écrivait-il à son gouvernement, déjà en mars 1810: „Les circonstances ont changées du tout au tout".

A la fin d'avril, le prince Kourakine s'est suffisamment remis de sa cruelle maladie pour pouvoir faire une visite à Champagny. C'est avec intention qu'il s'abstint de parler de la convention, au début de cette entrevue et qu'il abandonna à Champagny le soin d'aborder ce sujet — ce que celui-ci fit en effet, en disant que Napoléon trouve des difficultés de ratifier la convention, vu qu'il ne saurait se porter garant que la Pologne ne serait point rétablie. D'après les assurances de Champagny, Caulaincourt devait être rendu responsable de cette malencontreuse affaire, parcequ'il avait outrepassé ses pouvoirs et qu'il s'était mépris sur le sens des instructions qui lui avaient été adressées.

„Qu'il n'appartenait qu'à la Divinité seule", dit avec un accent pathétique le Ministre des Affaires Etrangères de France, „d'arrêter que le royaume de Pologne ne sera jamais rétabli et . . . que l'Empereur Napoléon trouvait hors de son pouvoir un semblable engagement, et qu'il ne pouvait s'obliger qu'à ne pas participer, ni directement, ni indirectement à tout ce qui pourrait contribuer à cet événement." (*sic!*)

L'ambassadeur de Russie se mit à combattre avec ardeur les arguments de Champagny, en démontrant qu'en vertu de son alliance avec la France, la Russie avait le droit d'exiger de celle-ci la promesse qu'elle n'admettrait pas le rétablissement de la Pologne, qui a été de tout temps l'ennemi juré de la sécurité de la Russie. Ces considérations n'avaient aucune prise sur le Ministre des Affaires Etrangères de France: il se bornait à répéter qu'il n'a fait qu'énoncer son avis personnel et que Napoléon n'avait pas encore pris de décision.

Toutefois le prince Kourakine ne put s'empêcher de conclure de cet entretien que tout en effet avait changé. Le prince exprime son étonnement de ce que le gouvernement français refusait de garantir l'emprunt que la Russie était en voie de conclure à Paris. Sans cette garantie de la part de Napoléon, cet emprunt n'avait aucune chance de succès.

Le duc de Cadore écouta de sang-froid l'ambassadeur et lui répondit par le discours suivant, très curieux: „L'Empereur n'emprunte jamais de

ствуетъ заключенію на парижской биржѣ русскаго займа, въ которомъ нуждалась Россія, но, напротивъ, противодѣйствуетъ исполненію этого ея желанія. Словомъ, кн. Куракинъ уже въ мартѣ 1810 года писалъ своему правительству: „Обстоятельства совершенно измѣнились".

Наконецъ, въ концѣ апрѣля, князь Куракинъ оправился отъ своей жестокой болѣзни настолько, что могъ навѣстить Шампаньи. Онъ нарочно не началъ разговора о конвенціи и предоставилъ Шампаньи самому перейти на этотъ предметъ—что тотъ и сдѣлалъ, сказавъ, что Наполеонъ затрудняется утвердить конвенцію, ибо не можетъ поручиться за невозстановленіе Польши. По словамъ Шампаньи, Коленкуръ кругомъ виноватъ въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, ибо превысилъ свое полномочіе и не понялъ данныхъ ему инструкцій.

„Только отъ самого Божества зависитъ", сказалъ патетически французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, „не возстановлять польскаго королевства и... императоръ Наполеонъ находитъ, что не въ его власти подписать подобное обязательство и что онъ не можетъ обязаться не участвовать, ни посредственно, ни непосредственно, во всемъ томъ, что можетъ содѣйствовать такому событію" (sic)!

Русскій посолъ съ жаромъ сталъ оспаривать аргументацію Шампаньи, доказывая что въ силу своего союза съ Франціей Россія имѣетъ право требовать завѣренія со стороны союзницы, что она не допуститъ возстановленія Польши, которая всегда была заклятымъ врагомъ безопасности Россіи. Никакіе доводы не дѣйствовали на французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ: онъ только повторялъ, что выразилъ свое личное мнѣніе; а Наполеонъ же своего рѣшенія еще не постановилъ.

Однако, князь Куракинъ не могъ не вывести изъ этого разговора съ Шампаньи заключенія, что дѣйствительно „все измѣнилось". Князь высказалъ свое удивленіе, что французское правительство отказывается дать гарантію на заемъ, который русское правительство желало заключить въ Парижѣ. Безъ гарантіи Наполеона этотъ заемъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на успѣхъ.

Герцогъ Кадорскій хладнокровно выслушалъ посла и затѣмъ отвѣтилъ слѣдующею любопытною рѣчью: „Императоръ никогда не бе-

ses propres sujets, et cette garantie il la considère comme l'équivalent d'un emprunt qu'il ouvrirait dans son Empire. C'est une mesure qu'il serait obligé, malgré ses relations intimes avec la Russie, de soumettre d'après la constitution au Corps Législatif,—et il croit toujours qu'il serait entièrement inconvenable d'y faire discuter une affaire, qui regarde aussi directement une puissance étrangère".

Le prince Kourakine n'eut pas la présence d'esprit de répondre que le Corps Législatif était un enfant très docile entre les mains de Napoléon et, qu'en 1810, il ne dépendait que de lui de faire adopter telle mesure législative qui lui paraitrait convenable. Il s'appliqua au contraire à démontrer que la Russie avait le droit de compter sur l'appui de la France, parceque cette alliance imposait au trésor et au commerce russes des sacrifices immenses; que le banquier Lafitte aurait déclaré que sans cette garantie du gouvernement français, il serait impossible de placer l'emprunt russe etc. Ces arguments furent d'un effet nul sur Napoléon et son Ministre des Affaires Etrangères. Il est possible que tous deux prévoyant la possibilité d'une rupture avec la Russie, ne voulaient pas augmenter ses ressources pécuniaires, qui se trouvaient dans un profond désarroi. En fin de compte, Napoléon consentit seulement à commander en Russie pour 30 millions de francs, différents matériaux, jugés nécessaires pour la flotte.

Les pourparlers au sujet de la capture des navires de commerce russes dans la Baltique par les corsaires français aboutirent à des résultats tout aussi stériles. Les navires et les marchandises russes étaient à tout moment confisqués, en vertu des décisions portées pas les tribunaux de prise français.

Le prince Kourakine fit valoir toutes ses connaissances en matière de droit international pour convaincre le Ministre des Affaires Etrangères de France que les principes généralement reconnus du droit susmentionné étaient violés par les corsaires et les tribunaux de prise français. Il démontrait avec ardeur que la France était la première à défendre le principe que le pavillon neutre couvre la marchandise ennemie; que Napoléon devrait s'ériger en défenseur des principes de la Neutralité armée contre l'Angleterre, „que la Baltique n'était qu'une mer fermée (Mare clausum)" et qu'il devrait prescrire à ses corsaires d'observer" les mêmes régles que le roi de Danemark vient d'établir avec tant de sagesse".

ретъ взаймы у своихъ собственныхъ подданныхъ, а такую гарантію онъ считаетъ равносильной займу, заключаемому въ своей собственной имперіи. Это такая мѣра, которую онъ, не взирая на свои близкія отношенія къ Россіи, долженъ будетъ, въ силу конституціи, предоставить Законодательному корпусу, и онъ думаетъ, что было бы совершенно неумѣстно вызывать въ немъ прені, столь непосредственно касающіяся иностранной державы".

Князь Куракинъ не нашелся сказать на это, что Законодательный корпусъ очень покорное дитя Наполеона, отъ котораго въ 1810 году вполнѣ зависѣло бы провести какую угодно законодательную мѣру. Онъ, напротивъ, сталъ доказывать, что Россія имѣетъ право на поддержку Франціи, ибо союзъ съ нею наноситъ русской казнѣ и торговлѣ неисчислимыя жертвы, что парижскій банкиръ Лафитъ прямо объявилъ, что безъ правительственной гарантіи со стороны Наполеона русскаго займа помѣстить нельзя будетъ и т. п. Эти доводы нисколько не убѣдили ни Наполеона, ни его Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Весьма вѣроятно, что оба предвидѣли возможность разрыва съ Россіей и не могли желать увеличенія ея денежныхъ средствъ, дѣйствительно находившихся въ большомъ разстройствѣ. Въ концѣ концовъ Наполеонъ только согласился заказать въ Россіи на 30 милліоновъ франковъ всякаго рода матеріаловъ, нужныхъ для французскаго флота.

Не менѣе неудаченъ былъ исходъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ по дѣлу о захватѣ французскими корсарами русскихъ коммерческихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ. Русскіе суда и товары постоянно конфисковались на основаніи рѣшеній французскихъ призовыхъ судовъ.

Князь Куракинъ воспользовался всѣми своими свѣдѣніями изъ области международнаго права, чтобъ убѣдить французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ въ нарушеніи французскими корсарами и призовыми судами общепризнанныхъ международныхъ законовъ. Онъ краснорѣчиво доказывалъ, что сама Франція всегда поддерживала начало: нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ; что Наполеонъ долженъ былъ бы противъ Англіи поддерживать начала Вооруженнаго нейтралитета; что „Балтійское море закрытое море (Mare clausum)" и что онъ долженъ былъ бы предписать своимъ корсарамъ соблюдать „тѣ же самыя правила, которыя такъ мудро установилъ датскій король".

Le duc de Cadore ne fut nullement séduit par les arguments pressants de l'ambassadeur.

„Le principe fondamental de la Neutralité armée que le pavillon couvre la marchandise", répliqua-t-il au prince Kourakine, „n'est plus observé par la France. et ne peut plus l'être depuis qu'elle s'est vue forcée d'imiter l'Angleterre dans les mesures arbitraires contre la navigation des neutres; que celles de la France ne pourront qu'être maintenues tant que l'Angleterre ne se désistera pas des siennes".

Герцогъ Кадорскій нисколько не убѣдился краснорѣчивыми аргументами русскаго посла.

„Основное положеніе Вооруженнаго нейтралитета", возразилъ онъ князю Куракину, „что флагъ покрываетъ грузъ, больше не соблюдается Франціей и не можетъ быть ею соблюдаемо съ того момента, когда она принуждена была послѣдовать примѣру Англіи въ принятіи произвольныхъ мѣръ противъ мореплаванія нейтральныхъ, и эти мѣры должны остаться въ силѣ до тѣхъ поръ, пока Англія не отмѣнитъ своихъ мѣропріятій".

Ayant reçu du Ministre des Affaires Etrangères de France ce refus catégorique, le prince Kourakine termina ce long rapport du 18 (30) avril 1810 par cette triste reflexion: „Sur ce point comme sur les deux autres, je n'ai pu rien obtenir de décisif et de satisfaisant".

Выслушавъ такой категорическій отказъ изъ устъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, кн. Куракинъ съ грустью заключаетъ свое длинное донесеніе отъ 18-го (30-го) апрѣля 1810 года: „Ни по этому дѣлу, ни относительно двухъ другихъ, я не въ состояніи былъ добиться ничего рѣшительнаго и удовлетворительнаго".

Malgré cette conclusion peu consolante, le prince Kourakine ne resta pas moins convaincu que le gouvernement russe devait persister dans ses démarches pour obtenir de Napoléon la ratification de la convention concernant la Pologne. Il trouvait que c'était nécessaire pour la dignité de la Russie, car beaucoup de monde avait connaissance de cette affaire et un échec définitif eut été humiliant pour elle. „Nous nous sommes déjà trop avancés sur le compte de cette convention", écrivait-il à son gouvernement, „et par égard pour notre dignité, comme pour nos intérêts, nous devons tâcher de la faire accepter, ratifier. et mettre en pleine exécution par l'Empereur Napoléon. Nous le devons à nous-mêmes, nous le devons pour comprimer l'esprit d'insurrection des anciens Polonais; nous le devons pour attester à l'Europe que la France nous menage, et consent à tout ce que nous croyons devoir être nécessaire à notre tranquillité".

Не взирая на такое неутѣшительное заключеніе, кн. Куракинъ всетаки остался убѣжденнымъ, что русское правительство должно продолжать свои усилія получить утвержденіе Наполеономъ конвенціи относительно Польши. Онъ признавалъ это необходимымъ для русскаго достоинства ибо многіе знали объ этомъ дѣлѣ и окончательная неудача была бы униженіемъ Россіи. „Мы уже слишкомъ далеко пошли по части этой конвенціи", писалъ онъ своему правительству, „и во вниманіе къ нашему достоинству и нашимъ интересамъ, намъ нужно стараться, чтобъ она была принята, утверждена и всецѣло исполнена императоромъ Наполеономъ. Этого мы должны добиться изъ уваженія къ намъ самимъ; мы должны это сдѣлать для истребленія революціоннаго духа старыхъ поляковъ; мы обязаны это сдѣлать, чтобъ доказать Европѣ, что Франція насъ боится и соглашается на все признаваемое нами необходимымъ для нашего спокойствія".

En vue de ces considérations, l'ambassadeur proposait de faire toute espèce de concessions quant à la forme, pourvu que l'essence de la convention fût maintenue et ratifiée par Napoléon.

Въ виду этихъ соображеній посолъ предлагалъ идти на всевозможныя уступки въ словахъ, лишь бы суть конвенціи была сохранена и одобрена Наполеономъ.

L'Empereur Alexandre était disposé à faire toutes les concessions demandées en ce qui regarde la rédaction de cette pièce, mais il ne pouvait renoncer au pacte même qui avait pour objet d'assurer la sécurité de la Russie vis-à-vis de la Pologne. Il recommanda à son ambassadeur à Paris d'insister avec énergie pour que la convention fût ratifiée dans le plus bref délai possible. Kourakine ne devait jamais perdre

Императоръ Александръ I, съ своей стороны, былъ согласенъ на всевозможныя уступки относительно словъ, но не могъ отказаться отъ самой цѣли конвенціи, заключавшейся въ обезпеченіи безопасности Россіи отъ Польши. Онъ предписалъ своему послу въ Парижѣ настаивать самымъ энергическимъ образомъ на скорѣйшемъ утвержденіи конвенціи. Куракинъ долженъ былъ постоянно помнить, что Госу-

de vue que l'Empereur désirait à tout prix „conserver la plus intime alliance avec l'Empereur Napoléon, son ami".

Quant aux affirmations du duc de Cadore que Caulaincourt aurait outrepassé ses pouvoirs, en signant la convention sur la Pologne, le Chancelier de l'Empire donna l'ordre au prince Kourakine de rappeler au chef de cabinet la lettre qu'il lui avait adressée à lui comte Roumiantzow, en date du 20 octobre 1809, et qui disait que Napoléon, loin de songer au rétablissement de la Pologne, prit la résolution d'arracher du cœur de ses habitants tout ce qui pourrait leur rappeler leur pays et d'effacer de l'histoire les mots: „Pologne" et „Polonais". Le gouvernement russe lui-même ne désire rien d'autre, ajoutait le comte Roumiantzow, en terminant ses instructions du 11 mai 1810.

Toutefois près d'un mois s'est écoulé sans que le prince Kourakine fût dans le cas de faire une communication quelconque au sujet de cette convention. A la fin de mai, le comte Roumiantzow écrivait que l'Empereur était très surpris du silence de l'ambassadeur et du gouvernement français à ce sujet. Les bruits au sujet du rétablissement du trône de Pologne gagnent journellement de consistance et sont en quelque sorte justifiés par le refus de Napoléon de ratifier la convention.

„Soyons de bonne foi. Mr. l'ambassadeur", écrit le comte Roumiantzow à la date du 30 mai 1810, „cette convention, faite pour nous donner à cet égard sécurité, — qui nous a proposé de la porter à son achèvement? L'ai-je signée tout seul"?

Le prince Kourakine était complètement désespéré. Il était convaincu que Napoléon ne consentirait jamais à signer la convention dans son texte primitif. Bien plus: il trouvait qu'on pouvait renoncer à la rédaction de l'article premier telle qu'elle avait été arrêtée et se contenter de l'engagement pris par l'Empereur des Français de ne pas coopérer au rétablissement de la Pologne. S'il consentait à prendre cet engagement, on ferait bien d'en finir avec cette contestation périlleuse. Mais en vue des reproches qui lui adressait le Chancelier de l'Empire, il devait insister pour que ce pacte fût ratifié dans son ancienne rédaction. Ses efforts furent complètement stériles.

Le duc de Cadore mit l'ambassadeur de Russie dans l'embarras en cherchant à lui démontrer que la France n'avait aucun intérêt à signer cette convention qui ne comportait aucune réciprocité. „Si par exemple", demanda le Ministre

дарь желаетъ во что бы то ни стало „сохранять самый тѣсный союзъ съ императоромъ Наполеономъ, своимъ другомъ".

Что же касается утвержденія герцога Кадорскаго, что Колэнкуръ превысилъ свое полномочіе, подписывая конвенцію о Польшѣ, то Государственный Канцлеръ приказалъ кн. Куракину напомнить герцогу, письмо его къ нему, графу Румянцеву, отъ 20-го октября 1809 года, въ которомъ было сказано, что императоръ Наполеонъ не только не думаетъ о возстановленіи Польши, но что онъ даже рѣшился вырвать изъ сердца ея обывателей самую память о ней вычеркнуть изъ исторіи слова „Польша" и „Поляки". Ничего другого не желаетъ и само русское правительство, — заключилъ гр. Румянцевъ свою инструкцію отъ 11-го мая 1810 года.

Однако, опять прошелъ почти мѣсяцъ и кн. Куракинъ ничего не сообщаетъ о конвенціи. Въ концѣ мая гр. Румянцевъ пишетъ, что Государь чрезвычайно изумленъ молчаніемъ посла и французскаго правительства по дѣлу польской конвенціи. Слухи о возстановленіи польскаго престола крѣпнутъ съ каждымъ днемъ и находятъ твердое основаніе въ неутвержденіи Наполеономъ конвенціи.

„Будемте же честны", пишетъ гр. Румянцевъ 30-го мая 1810 года, „кто намъ предложилъ эту конвенцію съ цѣлью обезпечить нашу безопасность? Развѣ я одинъ ее подписалъ?"

Князь Куракинъ былъ въ полномъ отчаяніи. Онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ никогда не подпишетъ конвенціи въ прежней редакціи. Этого мало: онъ даже находилъ, что можно было бы отказаться отъ первой статьи и удовольствоваться согласіемъ императора французовъ обязаться не помогать возстановленію Польши. Если онъ приметъ такое обязательство, то слѣдовало бы покончить этотъ опасный споръ. Однако, въ виду дѣлаемыхъ ему Государственнымъ Канцлеромъ упрековъ, онъ долженъ былъ продолжать настаивать на утвержденіи конвенціи въ первоначальной редакціи. Его усилія оказались совершенно тщетными.

Герцогъ Кадорскій озадачилъ русскаго посла, когда сталъ ему доказывать, что Франціи нѣтъ никакого разсчета подписывать конвенцію, ибо она не заключаетъ въ себѣ никакой взаимности. „Еслибъ, напримѣръ", спро-

des Affaires Etrangères de France, „vous vous prêtériez à nous garantir aussi la possession du Piémont“? (sic!).

Kourakine ne put guère prendre au sérieux une semblable proposition du duc de Cadore. Mais ce qui semble surprenant, c'est qu'après cette étrange sortie il ait continué à se plaindre au duc de sa position sans issue; d'une part on lui reproche à St.-Pétersbourg de ne rien faire pour obtenir la ratification de la convention sur la question de Pologne et, d'autre part,—à Paris, on l'éconduit par de bonnes paroles et de nouvelles ouvertures qui étaient en dehors de toutes ses prévisions.

Par bonté de cœur le duc de Cadore chercha à le consoler, en lui disant: les reproches de votre gouvernement ne visent qu'à un seul but — de vous porter à „mettre une nouvelle chaleur à vos représentations“.... „Je ne saurais croire que l'on ne soit pas parfaitement content de vous“ (sic!).

Il est curieux que le prince Kourakine ne remarquait nullement l'attitude quelque peu ironique du ministre français à son égard. Il accueillit sans objection les consolations que le duc crut devoir lui adresser au sujet du déplaisir causé à l'Empereur Alexandre et au Chancelier de l'Empire par l'échec de ses démarches pour cette malheureuse convention.

Ce qui est encore plus curieux, c'est de voir l'insistance de l'ambassadeur à poursuivre le but proposé, malgré sa conviction intime quant à l'inutilité de ces efforts. Il semble que le sentiment de sa dignité personnelle aurait dû l'arrêter de continuer ses obsessions auprès du Ministre des Affaires Etrangères de France. De fait, il ne donnait pas de repis au duc de Cadore: dix jours après ce dernier entretien, il le pressait de lui répondre quand la convention serait-elle enfin ratifiée par Napoléon? Le duc lui répondait à peine, que Napoléon ne lui avait rien dit, qu'il était très absorbé par les affaires et qu'il ne pouvait l'importuner à ce sujet. Là-dessus Kourakine, dissimulant avec peine son émotion, passa „d'un ton de gaieté“ à d'autres questions. Il toucha entr'autres aux affaires de Suède et avec l'intention évidente d'amuser le Ministre, il attira son attention sur les fréquentes ommissions en matière d'ancienne étiquette de Cour que l'on commettait à son égard. Dans toutes les réunions la première place est réservée au prince Schwarzenberg, ambassadeur d'Autriche,

силъ французскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ, „вы согласились съ своей стороны поручиться намъ за владѣніе Пьемонтомъ?“ (sic!).

Куракинъ, конечно, не въ состояніи былъ серьезно отнестись къ такому неожиданному требованію герцога Кадорскаго. Но нельзя не удивляться тому, что и послѣ этой выходки онъ продолжалъ жаловаться герцогу на свое безвыходное положеніе: изъ Петербурга сыплются на него постоянные упреки, что онъ ничего не дѣлаетъ и не можетъ добиться утвержденія конвенціи о Польшѣ. Между тѣмъ въ Парижѣ его проводятъ добрыми словами и неожиданными новыми предложеніями.

Герцогъ Кадорскій, по добротѣ души, нашелъ утѣшеніе для русскаго посла, сказавъ ему, что упреки его правительства имѣютъ единственную цѣль—„дать больше жара вашимъ представленіямъ“... „Я не могу себѣ представить“, прибавилъ герцогъ, „чтобъ вами не были совершенно довольны“ (sic!).

Весьма любопытно, что князь Куракинъ не замѣчалъ ироническаго къ нему отношенія французскаго министра. Онъ принялъ безъ возраженій его утѣшенія относительно чувства неудовольствія, которое вызываетъ въ Императорѣ Александрѣ и Государственномъ Канцлерѣ неуспѣшность его хлопотъ насчетъ злосчастной конвенціи.

Но еще любопытнѣе неустанныя настоянія посла достигнуть поставленной цѣли, несмотря на собственное его убѣжденіе въ безполезности его стараній. Казалось бы, что сознаніе собственнаго достоинства должно было остановить его отъ назойливыхъ приставаній къ французскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ. На дѣлѣ же посолъ не давалъ покоя герцогу Кадорскому: черезъ 10 дней послѣ послѣдняго разговора онъ опять обратился къ нему съ вопросомъ—когда же, наконецъ, будетъ утверждена Наполеономъ конвенція? Герцогъ „еле-еле отвѣтилъ“, что Наполеонъ ничего ему не сказалъ; что онъ ужасно занятъ дѣлами и что онъ не можетъ ему надоѣдать. Тогда Куракинъ, плохо скрывая свое внутреннее волненіе, „веселымъ тономъ“ перешелъ къ другимъ вопросамъ. Онъ заговорилъ, между прочимъ, о шведскихъ дѣлахъ и, очевидно желая развеселить французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, обратилъ его вниманіе на постоянныя нарушенія по отношенію къ нему прежняго придворнаго этикета. Теперь во всѣхъ случаяхъ первен-

tandis qu'autrefois ce droit de priorité lui était reconnu sans conteste.

Le duc de Cadore ne trouva aucun plaisir à ces plaintes de l'ambassadeur; bien que dites d'un ton de gaiété elles ne l'amusèrent nullement. Il se borna à se référer au mariage de Napoléon avec Marie-Louise qui justifiait cette position privilégiée de l'ambassadeur d'Autriche. (Dépêche du 4 (16) juin 1810).

Toutefois, pour être juste, il faut dire que le prince Kourakine comprenait tout ce qu'il y avait d'humiliant dans ces démarches pressantes au nom de la Russie. Il écrivait souvent au Chancelier de l'Empire qu'il faut abandonner ces bsessions, car Napoléon est animé de mauvaises intentions à l'égard de la Russie et que par la convention de Pologne il n'a voulu que „leurrer" son allié — le Tsar de Russie.

„Ne sommes nous pas", écrivait Kourakine au comte Roumiantzow à la date du 5 (17) juin 1810, „la seule des grandes puissances du continent, restée encore intacte avec son territoire et toutes ses forces? C'est en développant et en faisant craindre celles-là, que nous réussirons mieux que par toutes nos complaisances à faire rechercher notre amitié".

„Soyons ses amis, sans être sa dupe. Marchons d'un pas égal avec elle en tout, et ne mettons pas plus de chaleur qu'elle dans nos relations mutuelles".

Enfin le prince ajoute que dans le cours de sa longue carrière, il n'a jamais éprouvé autant d'humiliations que ces derniers temps en poursuivant les négociations au sujet de la convention sur les affaires de Pologne.

En présence de ces aveux au sujet du caractère humiliant de ses sollicitations pour obtenir cette ratification, il y a lieu de s'étonner qu'il se soit livré à ces démarches. Les instructions reçues de St.-Pétersbourg ne pouvaient l'obliger de s'humilier personnellement et d'humilier son pays.

Le prince Alexandre Kourakine dût se convaincre définitivement de la stérilité de ses négociations au sujet de la convention, à l'arrivée à Paris de son frère Alexis, chargé par l'Empereur Alexandre I de féliciter Napoléon à l'occasion de son mariage.

Napoléon honora d'un accueil très gracieux l'ambassadeur extraordinaire de Russie. Il lui

ство отдается австрійскому послу, князю Шварценберу, тогда какъ прежде это право признавалось всегда за нимъ.

Герцогу Кадорскому совсѣмъ не понравилась эта жалоба русскаго посла и нисколько его не развеселила, хотя и была сказана „веселымъ тономъ". Онъ только сослался на бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой, оправдывавшій привилегированное положеніе австрійскаго посла. (Донесеніе отъ 4-го (16-го) іюня 1810 г.).

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что кн. Куракинъ самъ понималъ унизительность подобныхъ домогательствъ отъ имени Россіи. Онъ неоднократно писалъ Государственному Канцлеру, что непремѣнно слѣдуетъ бросить эти „приставанія", ибо Наполеонъ проникнутъ злою волею къ Россіи и конвенціей о Польшѣ только желалъ „провести" своего союзника—русскаго Царя.

„Развѣ мы" писалъ Куракинъ 5-го (17-го) іюня 1810 года гр. Румянцеву, „не единственная великая континентальная держава, которая еще осталась неприкосновенна въ своей территоріи и во всемъ своемъ могуществѣ? Только развитіемъ этого могущества и внушеніемъ страха предъ нимъ мы заставимъ искать нашей дружбы и достигнемъ этой цѣли лучше, чѣмъ всѣми любезностями".

„Будемте его (Наполеона) друзьями, но не будемъ въ дуракахъ. Во всемъ пойдемъ съ нимъ въ ногу и не покажемъ больше, чѣмъ онъ, предупредительности, въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ".

Наконецъ, князь прибавляетъ, что во всей своей долгой карьерѣ онъ никогда не испытывалъ столько униженія, какъ въ послѣднее время, ведя переговоры о польской конвенціи.

Въ виду такого признанія унизительности его домогательствъ остается только удивляться сдѣланнымъ имъ шагамъ. Полученныя имъ изъ Петербурга инструкціи не могли заставить его унижаться лично и унижать свое отечество.

Въ совершенной безплодности переговоровъ о конвенціи окончательно долженъ былъ убѣдиться князь Александръ Борисовичъ Куракинъ послѣ прибытія въ Парижъ его родного брата, князя Алексѣя Борисовича, на котораго Императоръ Александръ I возложилъ порученіе поздравить Наполеона съ бракосочетаніемъ.

Наполеонъ удостоилъ чрезвычайнаго русскаго посла очень милостивымъ пріемомъ. Онъ

donnait l'assurance qu'il était résolu de maintenir l'alliance avec la Russie. „La France", dit-il au prince Alexis Kourakine, „ne doit jamais être l'ennemie de la Russie. C'est une vérité incontestable. La position locale ne peut lui donner aucun sujet de rupture. Je n'ai pour ennemi naturel que la mer et l'Angleterre. Quand même les circonstances politiques, si cela pouvait arriver, dictaient un jour une rupture entre la Russie et la France, j'aimerai toujours l'Empereur Alexandre, et mes sentiments personnels pour lui ne varieront jamais."

Le prince Alexis Kourakine écouta avec attention ces déclarations d'amour de Napoléon et ne dit pas un mot de la convention, bien qu'il eût parlé de la Pologne en général et des dangers dont la Russie était menacée par le rétablissement éventuel du royaume etc. Napoléon qualifia de „bavardage" tous ces bruits de restauration polonaise et s'appliquait à démontrer que s'il a forcé l'Autriche à céder à la Russie une fraction de la Galicie, c'était la meilleure preuve en faveur de l'impossibilité du rétablissement de la Pologne. (Rapport du prince Alexis Kourakine du 30 mai (11 juin).

Quelques jours après ce premier entretien, le prince Alexis Kourakine fut invité à une chasse impériale. Ici Napoléon aborda lui-même l'affaire de la convention et posa aussitôt la question d'une manière catégorique. „Cette négociation", dit-il, „s'accroche au premier article, sur lequel votre Ministère insiste et qui met de la froideur entre les deux Cours; mais comment puis-je m'engager à ce que la Pologne ne soit jamais rétablie; et pourquoi me demander une chose qui n'appartient qu'à la seule divinité de contracter? Cette obligation porte sur un événement qui, quoique peu vraisemblable, ne serait peut-être pas dans la puissance humaine de prévenir. Lors de mon entrevue avec l'Empereur Alexandre à Erfurt, une nouvelle guerre sur le continent n'était guère dans le calcul des probabilités, et malgré cela, j'en ai une bonne à soutenir."

En terminant Napoléon déclara sa résolution en ces termes: „Si je prenais un semblable engagement, je serais obligé de venir à votre secours, et je ne veux verser le sang français ni pour ni contre les Polonais." (Rapport du 9 (21) juin 1810).

Napoléon resta inébranlable dans ces vues.

увѣрялъ его въ своей рѣшимости сохранять союзъ съ Россіей. „Франція", сказалъ онъ князю Алексѣю Борисовичу, „никогда не должна быть врагомъ Россіи. Это неопровержимая истина. Мѣстоположеніе Россіи устраняетъ возможность какого-либо съ нею разрыва. Моимъ естественнымъ врагомъ является только море и Англія. Еслибъ даже политическія обстоятельства, паче чаянія, и вызвали когда-нибудь разрывъ между Россіей и Франціей, то все-таки я буду любить Императора Александра и мои личныя къ нему чувства никогда не измѣнятся".

Князь Алексѣй Куракинъ со вниманіемъ выслушалъ эти объясненія въ любви и ни словомъ не коснулся конвенціи, хотя говорилъ вообще о Польшѣ, объ опасности, которой угрожаетъ Россіи воскресеніе этой страны и т. п. Наполеонъ назвалъ всѣ слухи о возстановленіи Польши „болтовнею" и доказывалъ, что если онъ заставилъ Австрію уступить Россіи область въ Галиціи, то это лучшее доказательство въ пользу невозможности возстановленія Польши. (Донесеніе кн. Алексѣя Борисовича Куракина отъ 30-го мая (11-го іюня).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой первой бесѣды съ Наполеономъ князь Алексѣй Борисовичъ получилъ приглашеніе участвовать въ императорской охотѣ. Тутъ самъ Наполеонъ заговорилъ о конвенціи относительно Польши и немедленно поставилъ вопросъ ребромъ. „Эти переговоры", сказалъ Наполеонъ, „спотыкаются о первую статью, на которой настаиваетъ ваше правительство и которая приводитъ къ охлажденію между обоими дворами. Но какъ же я могу подписать обязательство, что Польша никогда не будетъ возстановлена? Почему отъ меня требуютъ обязательства, которое только одно Божество могло бы подписать? Такое обязательство касается событія, которое хотя и весьма невѣроятно, но всетаки предупредить его выше силъ человѣческихъ. Во время моего свиданія съ Императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ, новая война на континентѣ нисколько не казалась правдоподобною и, не взирая на это, я долженъ былъ вести очень серьезную войну".

Въ заключеніе Наполеонъ объявилъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: „Еслибъ я подписалъ подобное обязательство, то я былъ бы принужденъ придти къ вамъ на помощь, но я не желаю проливать французскую кровь ни за, ни противъ Поляковъ". (Донесеніе отъ 9-го (21-го) іюня 1810 года).

На этой точкѣ зрѣнія Наполеонъ остался

Le prince Alexis resta plus de deux mois à Paris et eut souvent l'occasion de rencontrer Napoléon, mais celui-ci évitait de lui parler de la convention polonaise ou bien revenait aux idées qu'il avait déja énoncées à ce sujet.

„Je pourrais, par exemple", lui dit un autre jour Napoléon, „m'obliger à ne contribuer ni directement ni indirectement à rien qui puisse donner lieu au rétablissement de la Pologne, ou si vous l'aimiez mieux, nous pourrions nous garantir réciproquement les limites actuelles des deux Empires, en nommant toutes les possessions qui les comprennent. Voilà ce que je puis consentir. Je n'ai jamais eu l'idée de rétablir la Pologne."

Napoléon était non seulement disposé à entrer immédiatement en pourparlers pour la signature d'une convention sur les nouvelles bases proposées, mais il demanda au prince Alexis Kourakine si son frère, l'ambassadeur, avait les pleinpouvoirs pour signer un acte de cette nature. Dans tous les cas, il voulait poursuivre les négociations à Paris, sous sa direction personnelle et immédiate.

Lorsque le prince Alexis Kourakine se trouva forcé de lui répondre que son frère n'était pas muni de semblables pleinpouvoirs, il cessa de parler de ses ouvertures. Le prince Alexandre faillit périr lors du fameux incendie chez le prince de Schwarzenberg, il fut renversé par la foule, ses habits prirent feu et c'est avec peine qu'on le retira de l'incendie par les pieds. Ses cheveux furent la proie des flammes et tout son corps gardait des traces de brûlure. L'ambassadeur fut malade pendant plusieurs mois après cette catastrophe qui éclata le 1 juillet.

Son frère resta encore un mois et demi à Paris et ne quitta cette ville que lorsque tout danger de vie pour le prince Alexandre fut écarté. Il eut son audience de congé chez Napoléon le 19 (7) août. Après un long silence, l'Empereur reparla à cette occasion de la convention polonaise et dit très catégoriquement au prince Kourakine: „Je ne veux pas le rétablissement de la Pologne". Il ne prend de l'intérêt qu'aux affaires de l'Angleterre, de l'Espagne, de l'Italie et non à celles de la Pologne.

Le prince Kourakine écouta respectueusement cette déclaration et n'eut pas le temps de répondre quoi que ce fût à l'Empereur qui s'était évidemment préparé à cette conversation

непоколебимымъ. Князь Алексѣй Борисовичъ пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Парижѣ и неоднократно встрѣчался съ Наполеономъ, но послѣдній или избѣгалъ говорить съ чрезвычайнымъ русскимъ посломъ о польской конвенціи, или же повторялъ прежде высказанное мнѣніе.

„Я могъ бы, напримѣръ", сказалъ ему какъ то Наполеонъ, „обязаться ни непосредственно, ни посредственно не содѣйствовать ни въ чемъ возстановленію Польши, или еслибъ вы предпочли, то мы могли бы дать другъ другу взаимную гарантію настоящихъ границъ обѣихъ имперій, перименовавъ всѣ владѣнія, входящія въ ихъ составъ. Вотъ на что я могъ бы согласиться. Я никогда не имѣлъ мысли возстановлять Польши".

Наполеонъ не только выразилъ свою готовность немедленно вступить въ переговоры о подписаніи новой конвенціи на предложенныхъ имъ новыхъ основаніяхъ, но онъ спросилъ князя Алексѣя Борисовича, имѣетъ ли его братъ, посолъ, полномочіе подписать подобный актъ. Онъ желалъ во всякомъ случаѣ вести переговоры въ Парижѣ подъ своимъ непосредственнымъ и личнымъ руководствомъ.

Когда князь Алексѣй Борисовичъ принужденъ былъ отвѣтить, что братъ его такого полномочія не имѣетъ, Наполеонъ прекратилъ дальнѣйшій разговоръ о своемъ предложеніи. На знаменитомъ пожарѣ у князя Шварценберга чуть не погибъ князь Александръ Борисовичъ: при давкѣ его повалили, одежда загорѣлась на немъ и съ трудомъ его вытащили изъ огня. Волосы его сгорѣли и на всемъ тѣлѣ были обжоги. Посолъ былъ боленъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 1-го іюля, когда случилась эта катастрофа.

Братъ его остался еще полтора мѣсяца въ Парижѣ и выѣхалъ, когда миновала опасность для жизни князя Александра Борисовича. 19-го (7-го) августа онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у Наполеона. На аудіенціи послѣдній, послѣ долгаго молчанія, опять самъ заговорилъ о польской конвенціи. Опять онъ категорически сказалъ князю: „Я не желаю возстановленія Польши". Его интересуютъ только дѣла англійскія, испанскія и итальянскія, но не польскія.

Князь Куракинъ почтительно выслушалъ это заявленіе и ничего не успѣлъ сказать императору французовъ, который очевидно приготовился къ этой бесѣдѣ съ чрезвы-

avec l'ambassadeur extraordinaire de Russie et voulait absolument lui énoncer tout ce qui s'était accumulé dans son âme. Napoléon parlait avec chaleur, rapidement et d'une manière saccadée, sans laisser à son interlocuteur la possibilite de placer un mot.

„Les intrigues", dit-il, „ne conviennent qu'à un roi de Prusse et aux petits princes d'Allemagne, qui ne savent, ni ne peuvent se conduire autrement. Toutes les fois que vous me soupçonnerez d'intrigues, vous m'offenserez grièvement, ce sera prouver qu'en dépit de ma sollicitude à conserver notre alliance, vous cherchez une occasion de vous brouiller avec moi, mais ce sera bien malgré moi que je me verrai obligé de faire agir mes troupes contre vous, de conduire 400.000 h. dans le Nord, de verser le sang sans avoir aucun but, sans prévoir aucun avantage qui puisse m'y décider."

„Toute guerre", poursuit Napoléon, „que la Russie aura avec la France, ou que je serai forcé de faïre à la Russie, sera contraire à mes intentions, car elle ne saurait avoir d'autre résultat que la perte de 200.000 Français. Je le répète, je ne veux ni ne puis vouloir aucune rupture entre la France et la Russie."

Ces paroles prophétiques de Napoléon devaient nécessairement faire une profonde impression sur le prince Kourakine. Il n'était l'ennemi ni de la France, ni de Napoléon, mais il pressentait l'imminence d'une catastrophe, dont personne ne pouvait prévoir l'issue. Il donnait à Napoléon les assurances les plus positives quant aux sentiments d'amitié et à la sincérité de l'alliance de son Souverain, qui continue à considérer l'accord avec la France comme la pierre angulaire de la paix en Europe.

Napoléon, pour sa part, ne cessait d'énoncer ses sentiments de sympathie pour l'Empereur Alexandre et s'appliquait à démontrer, qu'il a contribué à réaliser les vœux les plus chers des Souverains de Russie. C'est grâce à lui que les principautés Danubiennes: la Moldavie et la Valachie étaient incorporées à l'Empire de Russie. Il approuvait parfaitement que la rive gauche du Danube fût reconnue comme frontière de la Russie.

„Le Danube, d'un côté", dit Napoléon d'un accent pathétique, „et la Finlande de l'autre, ne

чайнымъ русскимъ посломъ и непремѣнно хотѣлъ высказать все, что накопилось на душѣ его. Наполеонъ говорилъ горячо, отрывисто и скоро, не давая послу возможности вставить хоть одно слово.

„Заниматься интригами", сказалъ Наполеонъ, „достойно только короля прусскаго и маленькихъ германскихъ государей, которые не умѣютъ и не могутъ дѣйствовать инымъ образомъ. Каждый разъ, когда вы меня заподозрѣваете въ интригахъ, вы меня кровнымъ образомъ оскорбляете. Этимъ вы доказываете, что не взирая на мои старанія сохранить нашъ союзъ, вы ищете случая, чтобы разсориться со мною. Но это будетъ совершенно противно моему желанію, еслибъ я былъ принужденъ двинуть мои войска противъ васъ, вести на сѣверъ 400.000 человѣкъ, проливать кровь совершенно безцѣльно и не предвидя ни малѣйшей пользы, которая могла бы руководить мною".

„Всякая война", продолжалъ Наполеонъ, „начатая Россіей противъ Франціи, или же которую я принужденъ былъ бы вести противъ Россіи, была бы противна моимъ намѣреніямъ, ибо она не можетъ имѣть никакого другого результата, кромѣ потери 200.000 французовъ. Я повторяю, что не желаю и не могу желать никакого разрыва между Франціей и Россіей".

Эти пророческія слова Наполеона не могли не произвести на князя Куракина глубокаго впечатлѣнія. Онъ не былъ врагомъ ни Франціи, ни Наполеона, но онъ предчувствовалъ неизбѣжность катастрофы, исходъ которой никто не въ состояніи былъ предвидѣть. Онъ увѣрялъ Наполеона въ искренности чувствъ дружбы и союза своего Государя, который продолжаетъ считать согласіе Россіи съ Франціей краеугольнымъ камнемъ европейскаго мира.

Наполеонъ также продолжалъ выражать свои личныя чувства расположенія къ Императору Александру и старался доказать, что онъ содѣйствовалъ осуществленію самыхъ завѣтныхъ желаній русскихъ Государей. Вѣдь благодаря ему Дунайскія княжества, Молдавія и Валахія, присоединены къ владѣніямъ Россійской Имперіи. Онъ вполнѣ одобряетъ, чтобъ лѣвый берегъ Дуная составлялъ границу Россіи.

„Дунай, съ одной стороны", сказалъ Наполеонъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ, „и Финляндія

sont-ce pas là, depuis le règne de Pierre le Grand, les rêves de vos ancêtres, qui se trouvent être réalisés?“

En esquissant ce tableau éclatant des nouvelles conquêtes de la Russie, Napoléon donna évidemment un trop libre cours à sa fantaisie méridionale. Il savait parfaitement que les Principautés Danubiennes n'étaient pas encore ni conquises par la Russie, ni cédées à celle-ci par la Porte. Il savait encore mieux que sa ferme intention était de s'opposer par tous les moyens possibles à la réalisation de ce vœu chimérique entretenu par tous les souverains de Russie. Enfin, c'est avec un cynisme rare qu'il déclara à ce même prince Kourakine qu'il sympathisait particulièrement à cette conquête de la Russie, par ce qu'elle aura pour conséquence de lui aliéner pour toujours le bon vouloir de l'Autriche. „Cet agrandissement“, dit Napoléon, „vous faira toujours un ennemi de l'Autriche, car je vous dirai qu'elle vous craint tout autant qu'elle me craint moi.“

Si on se rappelle qu'au moment même où Napoléon se livrait à ces épanchements, il entretenait des relations très intimes avec le Cabinet de Vienne, on comprendra combien la politique autrichienne devait être entre ses mains une arme docile pour appuyer la Porte contre la Russie. Ainsi dans l'affaire de l'incorporation des Principautés Danubiennes la Russie avait à lutter non seulement avec la Turquie, mais encore avec l'Autriche et la France.

Telle était la teneur du dernier entretien du prince Alexis Kourakine avec Napoléon. Le prince quitta Paris avec la conviction que Napoléon ne signerait jamais la convention au sujet de la Pologne et qu'il n'ajoutait plus aucun prix à l'alliance avec la Russie. On comprend l'impression que devaient produire sur Alexandre I ces discours de Napoléon, empreints d'une franchise sans réserve. L'idée de la conclusion du pacte au sujet de la Pologne devait tomber d'elle-même. Mais si l'Empereur Alexandre dût renoncer au projet de convention, il était loin d'être convaincu que Napoléon ait abandonnée l'idée de vouloir rétablir la Pologne comme „une barrière naturelle“ contre la Russie. Il est hors de doute que Napoléon entretenait cette pensée dans son for intérieur *).

*) *Sorel*, L'Europe et la révolution française, t. VII, p. 457.

съ другой, развѣ со временъ царствованія Петра Великаго не въ этомъ заключаются грезы вашихъ предковъ, которыя такимъ образомъ получили плоть и кровь?“.

Нарисовавъ такую блестящую картину новыхъ пріобрѣтеній Россіи, Наполеонъ далъ очевидно слишкомъ большую свободу своей южной фантазіи. Онъ отлично зналъ, что Дунайскія княжества еще не завоеваны Россіей и не уступлены ей Турціей. Онъ еще лучше зналъ свое собственное твердое намѣреніе всѣми силами препятствовать осуществленію этой „грезы“ предковъ русскихъ Государей. Наконецъ, онъ съ рѣдкимъ цинизмомъ объявилъ тому же князю Куракину, что завоеванію Дунайскихъ княжествъ Россіей онъ сочувствуетъ въ особенности потому, что благодаря этому Австрія сдѣлается непримиримымъ врагомъ Россіи! „Это приращеніе“, сказалъ Наполеонъ, „обратитъ Австрію въ постояннаго вашего врага, ибо могу васъ увѣрить, она васъ боится столько же, сколько боится меня“.

Если вспомнить, что въ то самое время, когда Наполеонъ высказывалъ эти откровенности, онъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ, то понятно будетъ, насколько австрійская политика являлась для него послушнымъ и весьма цѣлесообразнымъ орудіемъ для поддержанія Турціи противъ Россіи. Такимъ образомъ въ дѣлѣ присоединенія Дунайскихъ княжествъ Россія должна была бороться не только съ Турціей, но также съ Австріей и Франціей.

Такова была сущность послѣдняго разговора князя Алексѣя Борисовича Куракина съ Наполеономъ. Князь уѣхалъ изъ Парижа съ полнымъ убѣжденіемъ, что Наполеонъ никогда не подпишетъ конвенціи относительно Польши и уже не дорожитъ союзомъ съ Россіей. Понятно, какое дѣйствіе должны были произвести всѣ эти откровенныя рѣчи Наполеона на Императора Александра I. Мысль о заключеніи польской конвенціи должна была пасть сама собою. Но если Императоръ Александръ принужденъ былъ отказаться отъ этой конвенціи, то онъ, однако, нисколько не убѣдился въ отсутствіи у Наполеона мысли возстановить Польшу, какъ „естественный оплотъ“ противъ Россіи. Что таково было внутреннее убѣжденіе Наполеона, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію *).

*) *Sorel*, L'Europe et la révolution française, t. VII, p. 457.

Les preuves évidentes au sujet du changement survenu dans les idées de Napoléon quant à l'alliance avec la Russie se multipliaient journellement, aussi depuis l'année 1810 Alexandre I songea-t-il sérieusement à prendre des mesures en vue d'une rupture éventuelle avec la France. Toutes les assurances écrites et verbales de l'Empereur de Français quant à son intention de rester fidéle aux engagements contractés à Tilsit et à Erfurt furent impuissantes à arrêter Alexandre I dans la voie de ses préparatifs de guerre.

Lorsque Napoléon lui écrivit de Laecken à la date du 16 mai 1810: „jamais Votre Majesté n'aura à se plaindre de la France", Alexandre I ne se borna pas à le remercier, mais lui répondit en ces termes: „rien de mon côté n'a été négligé pour prouver en toute occasion le principe que je professe pour l'union la plus étroite entre nous." (Lettre de l'Empereur Alexandre I, novembre 1810). Si en août Napoléon assurait son ami que la durée de l'alliance formait l'objet de ses vœux journaliers, Alexandre I s'empressa de lui répondre que l'accord entre les deux Empires constituait le gage le plus sûr de la tranquillité en Europe.

Il était évident que les deux monarques n'avaient plus de confiance l'un en l'autre et l'alliance conclue à Tilsit ne semblait plus viable. A part les sentiments de méfiance, qu'il éprouvait pour Napoléon et sa politique, Alexandre I trouvait cette alliance avec la France très ruineuse pour son pays. Le blocus continental et la guerre avec l'Angleterre qui lui étaient imposées amenèrent un desarroi complet dans le commerce et les finances de la Russie. Le gouvernement russe se trouvait dans la nécessité de chercher l'occasion de conclure un emprunt à l'étranger pour faire face à ses dépenses. Il se heurtait à des difficultés à Londres, aussi bien qu'à Amsterdam, pour faire aboutir cette opération qui échoua également à la bourse de Paris à défaut de l'appui de Napoléon.

En attendant, Napoléon ne cessait de faire parvenir des plaintes à Alexandre de ce que celui-ci n'observait pas assez scrupuleusement le blocus continental.

En octobre 1810, Napoléon adressait une longue lettre au Tsar dans laquelle il lui exposait ses griefs directement et à mots couverts. Napoléon lui écrivait que l'Angleterre est en

Положительныя доказательства перемѣны взгляда Наполеона на союзъ съ Россіей увеличивались чуть не съ каждымъ днемъ и потому Александръ I уже съ 1810 года серьезно сталъ принимать мѣры на случай разрыва съ Франціей. Никакія словесныя или письменныя увѣренія императора французовъ въ его вѣрности соглашеніямъ, подписаннымъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, не въ состояніи были остановить Александра I въ его приготовленіяхъ на случай войны.

Когда Наполеонъ писалъ ему 16-го мая 1810 г. изъ Лакена, что „никогда Ваше Величество не будете имѣть повода жаловаться на Францію", то Александръ I не только поблагодарилъ, но еще отвѣтилъ, что „съ моей стороны ничего не было упущено, чтобы при всякомъ случаѣ доказать мою вѣрность самому тѣсному между нами союзу". (Письмо Императора Александра I отъ ноября 1810 г.). Если въ августѣ 1810 г. Наполеонъ опять увѣрялъ своего друга, что „продолженіе и постоянство союза" составляютъ предметъ его ежедневныхъ желаній, то Александръ I ему отвѣчалъ, что этотъ союзъ между обѣими имперіями составляетъ оплотъ спокойствія всей Европы.

Оба монарха очевидно больше другъ другу не довѣряли и союзъ, заключенный въ Тильзитѣ, лишился твердой почвы и потерялъ свою жизнеспособность. Въ частности въ Императорѣ Александрѣ I не только укоренялось недовѣріе къ Наполеону и его политикѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивалось глубокое убѣжденіе, что союзъ съ Франціей крайне разорителенъ для Россіи. Навязанная ей континентальная система и война съ Англіей привели къ полному разстройству торговлю и финансы Россіи. Русское правительство принуждено было искать случая заключить за границею заемъ для покрытія своихъ государственныхъ расходовъ. Ни въ Лондонѣ, ни въ Амстердамѣ оно не могло помѣстить своего займа. Осталась одна парижская биржа, но и тутъ заемъ не состоялся, благодаря отказу Наполеона дать свою поддержку.

Между тѣмъ императоръ французовъ не уставалъ жаловаться Александру I, что онъ недостаточно строго и добросовѣстно поддерживаетъ континентальную систему!

Въ октябрѣ 1810 г. Наполеонъ написалъ Царю длинное письмо, наполненное открытыми и двусмысленными обвиненіями. Наполеонъ писалъ, что Англія совсѣмъ разоряется и про-

voie de se ruiner, les faillites à Londres se succédent à l'infini, le commerce est entièrement paralysé. Les autorités françaises ont confisqué à Francfort et en Suisse de grands dépôts de denrées coloniales anglaises. Six cents navires marchands anglais ont dû quitter les eaux de la Prusse et du Mecklenbourg dans la Baltique. Il ont pris la direction des ports russes: „Si Votre Majesté les admet", écrivait Napoléon, „la guerre dure encore; si Elle les séquestre et confisque leur chargement, . . . le contre-coup qui frapperait l'Angleterre sera terrible. . . . Il dépend de Votre Majesté d'avoir la paix ou de faire la guerre!"

L'Empereur Alexandre I assurait Napoléon qu'il observait le blocus continental d'une manière scrupuleuse et au détriment des intérêts économiques de la nation. Il n'y a que 30 navires étrangers qui sont entrés dans les ports russes de la Baltique. En ce qui concerne les 600 navires marchands anglais, dont Napoléon faisait mention dans sa lettre, ils ne sont pas entrés dans des ports russes et ont probablement repris le chemin de l'Angleterre.

En attendant, la haîne sans borne de Napoléon pour l'Angleterre le portait à prendre les mesures les plus insensées à l'egard du commerce anglais, qui ne manquaient pas de réagir d'une manière fâcheuse sur le bien-être de la nation française. Ainsi publia-t-il un nouveau tarif qui interdisait toute importation en France de denrées coloniales non seulement à bord de navires anglais, mais même sous pavillon neutre. Le Ministre des Affaires Etrangères de France s'appliquait à démontrer à l'ambassadeur russe que ce tarif, prohibitif au plus haut degré, aurait eu de très bons résultats pour la France: le fisc serait en voie de s'enrichir et la nation n'aurait qu'à se féliciter de sa prospérité. Au lieu de café et de sucre, les Français consomment le matin du vin, de la bière et différents potages — ce qui, au dire de Champagny — était très hygiénique et utile (sic!). (Dépêche du prince Kourakine du 22 décembre 1810 (3 janvier 1811).

Mais Napoléon ne se contentait pas d'assurer ainsi, comme il le prétendait, le bien-être de sa nation, il voulait que les autres pays, sans exclure la Russie, suivent l'exemple de la France et se mettent à consommer le matin du vin, de la bière et differents potages. Il insista auprès de l'Empereur Alexandre I pour l'adoption en Russie du tarif français.

валивается: въ Лондонѣ господствуютъ банкротства и полный застой въ торговлѣ. Во Франкфуртѣ и въ Швейцаріи французскія власти конфисковали громадные запасы англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Шестьсотъ англійскихъ торговыхъ судовъ должны были покинуть прусскія и мекленбургскія воды на Балтійскомъ морѣ. Они отправились въ русскіе порты. „Если Ваше Величество ихъ примете", писалъ Наполеонъ, „то война еще продолжится; если же вы ихъ задержите и конфискуете ихъ грузы, то... ударъ, нанесенный Англіи, будетъ ужасный... Отъ Вашего Величества зависитъ имѣть миръ или войну!"

Императоръ Александръ I увѣрялъ Наполеона, что онъ добросовѣстнымъ и разорительнымъ для своего народа образомъ поддерживаетъ континентальную систему. Всего только 30 иностранныхъ судовъ зашли въ русскіе балтійскіе порты. Что же касается 600 англійскихъ торговыхъ судовъ, о которыхъ писалъ Наполеонъ, то они не заходили въ русскіе порта и вѣроятно вернулись въ Англію.

Между тѣмъ безпредѣльная ненависть Наполеона къ Англіи заставила его предпринять самыя безразсудныя мѣры противъ англійской торговли, которыя жестокимъ образомъ отзывались на благосостояніи самого французскаго народа. Онъ издалъ новый тарифъ, совершенно прекратившій привозъ во Францію колоніальныхъ товаровъ не только на англійскихъ судахъ, но и подъ флагами нейтральныхъ народовъ. Французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ доказывалъ русскому послу, что этотъ запретительнѣйшій тарифъ оказался чрезвычайно благодѣтельнымъ для Франціи: казна богатѣетъ и народъ процвѣтаетъ. Французы, вмѣсто кофе и сахара, стали по утрамъ потреблять вино, пиво и разные супы — что, по словамъ Шампаньи — чрезвычайно здорово и полезно (sic!). (Донесеніе кн. Куракина отъ 22-го декабря 1810 г. (3-го января 1811 г.).

Однако Наполеонъ не удовольствовался такимъ образомъ облагодѣтельствовать свой собственный народъ: онъ желалъ, чтобъ всѣ другіе европейскіе народы, не исключая русскаго, послѣдовали примѣру французовъ и стали пить по утрамъ вино, пиво и потреблять разные супы. Онъ обратился къ Императору Александру I съ требованіемъ ввести въ Россіи французскій тарифъ.

L'Empereur Alexandre I déclina catégoriquement cette exigence. En exécution de ses obligations d'allié, il consentit à porter de grands sacrifices; mais les tarifs de douane et les dispositions sur le commerce et l'industrie ne concernent pas l'alliance et sont du ressort de l'administration intérieure de l'Etat

„Quant à l'adoption des lois commerciales d'un tarif étranger", écrivait le Chancelier de l'Empire au prince Alexandre Kourakine à la date du 24 novembre 1810, „sans en examiner l'application aux sources et à la marche des richesses de sa propre nation, Sa Majesté ne se le permettra jamais. Ce serait montrer trop peu de sollicitude pour la fortune de ses sujets; Elle en affaiblirait par là l'amour auquel Elle désire et se persuade avoir des droits. Un grand Empire a de grands intérêts à ménager dans l'étendue de ses propres limites, et dans les rapports de la plus extrême amitié, il doit garder sa propre marche. L'alliance est dans l'harmonie des principes. Celle-ci sera conservée, Sa Majesté le promet. Vous pouvez en donner, mon prince, l'assurance."

Le comte Roumiantzow développe ces mêmes pensées, avec plus de détail, dans sa dépêche du 27 novembre 1810, à laquelle se trouvait annexé en copie, le rapport de Caulaincourt à Napoléon que le Chancelier réussit à se procurer par une voie secrète.

Après un dîner chez l'Empereur le 6 novembre, l'ambassadeur de France fut honoré d'un long entretien sur la nouvelle phase des relations mutuelles entre la Russie et la France. Le blocus continental était la question du jour et fut nécessairement l'objet principal de cet échange d'idées. Caulaincourt énonça les vues de son gouvernement que „toute cargaison de denrées coloniales doit être confisquée, quelque que soit son pavillon, comme appartenant au commerce anglais ou venant de lui."

A cette exigence incroyable de l'ambassadeur de France, l'Empereur Alexandre I répondit qu'il s'acquittait jusqu'à cette heure scrupuleusement des devoirs que lui imposaient l'alliance et le blocus continental, „mais qu'il ne pouvait adopter chaque jour de nouvelles mesures; qu'il fesait aujourd'hui ce qu'il fesait avant; qu'il nuisait réellement à l'Angleterre,

Императоръ Александръ I категорически отвергъ это требованіе. Во исполненіе своихъ союзныхъ обязанностей, онъ согласился принести огромныя жертвы, но таможенные тарифы и вообще распоряженія по торговлѣ и промышленности не касаются союза, ибо относятся къ области внутренняго государственнаго управленія.

„Что касается принятія торговыхъ законовъ иностраннаго тарифа", писалъ Государственный Канцлеръ князю Александру Куракину 24-го ноября 1810 года, „безъ опредѣленія примѣнимости ихъ къ источникамъ и движенію богатствъ собственнаго народа, то Государь никогда на это не рѣшится. Это значило бы слишкомъ мало обращать вниманія на благосостояніе своихъ подданныхъ и онъ самъ ослабилъ бы такимъ образомъ дѣйствія ту любовь къ нему подданныхъ, которою онъ дорожитъ и на которую считаетъ за собою права. Великое государство обязано охранять великіе интересы въ предѣлахъ своей территоріи и въ отношеніяхъ самой возвышенной дружбы оно обязано сохранять свою независимость. Союзъ заключается въ гармоніи основныхъ началъ. Онъ останется неприкосновеннымъ— Его Величество это обѣщаетъ и вы можете, князь, дать въ этомъ увѣреніе".

Эти самыя мысли гр. Румянцевъ еще болѣе подробно развиваетъ въ своей депешѣ отъ 27-го ноября 1810 года, при которой была приложена копія съ донесенія Коленкура Наполеону, которую Государственному Канцлеру удалось получить какимъ то путемъ.

Послѣ обѣда у Государя 6-го ноября, французскій посолъ удостоился продолжительной бесѣды о новѣйшемъ фазисѣ взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи. Континентальная система была злобою дня и естественнымъ образомъ сдѣлалась главнымъ предметомъ бесѣды. Коленкуръ высказалъ мнѣніе своего правительства, „чтобъ всякій грузъ колоніальныхъ товаровъ былъ конфискованъ, все равно подъ какимъ флагомъ онъ привезенъ, какъ принадлежащій торговлѣ Англичанъ или привезенный отъ нихъ".

На это невѣроятное требованіе французскаго посла, Императоръ Александръ I отвѣтилъ, что онъ до сихъ поръ добросовѣстно исполняетъ обязательства, вытекающія изъ союза съ Наполеономъ и изъ континентальной системы, но „онъ не можетъ принимать каждый день новыя мѣры; что онъ дѣлаетъ сегодня то, что дѣлалъ раньше, и что

puisqu'il confisquait tout ce qui était anglais."

„On ne fait pas grâce aux Anglais", poursuivait l'Empereur; „mais je ne puis fermer mes ports aux Américains, parceque je ne le dois pas, parceque je ne veux pas me brouiller avec des gens qui ne m'ont rien fait et qui sont les ennemis les plus naturels des Anglais."

„Je suis en guerre avec l'Angleterre", dit l'Empereur en terminant, „et j'y resterai; je défie qu'on me trouve une relation quelconque avec cette puissance. La baisse de mon change n'annonce que trop les sacrifices que j'ai fait à la cause commune; les privations, la gêne que j'ai imposés à mon Empire. Me suis-je plaint? Mon Empire les a supportés, il les supportera; rien ne me fera changer".

Il s'entend de soi-même que Caulaincourt se chargea de défendre la politique de son souverain, en s'appliquant à démontrer tout son désintéressement et la nécessité absolue de briser l'omnipotence de l'Angleterre. Le blocus continental était l'arme la plus dangereuse pour l'Angleterre, inventée par le génie de Napoléon. Mais pour que son application fût possible, il eût fallu que toute l'Europe et toutes les possessions non-anglaises ne formassent qu'un seul grand Etat, gouverné par un seul pouvoir souverain et dominé par les mêmes intérêts communs. Il eût fallu en outre qu'il n'y ait aucune différence de climat et de productions du sol et qu'il existât une complète uniformité de gouts, de besoins et d'intérêts dans l'humanité entière. Comme ces conditions ne se trouvaient pas réalisées, le blocus continental était par la force des choses condamné à un échec inévitable.

Quant aux mesures d'administration intérieure et de législation, prises par Napoléon, comme le tarif douanier de 1810, les gouvernements étrangers avaient tout lieu de douter de leur désintéressement. L'Empereur Alexandre n'hésita pas à exprimer à l'ambassadeur de France ses doutes personnels à ce sujet en termes suivants:

„Parlons franchement, quel est pour la France le but des mesures que vous prenez? C'est d'avoir seuls les bénéfices du commerce des denrées coloniales, d'en avoir le monopole. Je ne m'y oppose pas; je ne me mêle pas de ce

онъ осязательнымъ образомъ вредитъ Англіи, ибо конфискуетъ все, что есть англійское".

„Въ отношеніи Англичанъ", продолжалъ Императоръ, „поступаютъ безпощадно, но я не могу закрыть своихъ портовъ для Американцевъ, потому что я не обязался это дѣлать и потому что я не намѣренъ ссориться съ людьми, которые мнѣ ничего не сдѣлали и являются наиболѣе естественными врагами Англичанъ".

„Я нахожусь въ войнѣ съ Англіей", заключилъ Государь, „и останусь въ войнѣ. Я желалъ бы, чтобъ мнѣ показали какія либо мои сношенія съ этою державою... Только паденіе курса мнѣ слишкомъ даетъ чувствовать приносимыя мною общему дѣлу жертвы, лишенія и неудобства, которымъ я подвергъ свой народъ. Но развѣ я жаловался? Мой народъ ихъ выносилъ и будетъ выносить и ничто меня не заставитъ измѣнить все это".

Само собою разумѣется, что Колэнкуръ защищалъ политику своего Государя, доказывая все безкорыстіе ея и неотложную необходимость сломить навсегда могущество Англіи. Континентальная система была опаснѣйшимъ для Англіи орудіемъ, придуманнымъ геніальнымъ умомъ Наполеона. Но для осуществленія ея требовалось, чтобъ вся Европа и всѣ не-англійскія владѣнія составляли одно великое государство, въ предѣлахъ котораго царствовала бы единая верховная власть и господствовали единые общіе интересы. Наконецъ требовалось, чтобъ не было различныхъ климатовъ, разнородныхъ произведеній природы и разнообразныхъ потребностей и вкусовъ и противоположныхъ интересовъ. Въ отношеніи наполеоновской континентальной системы вышеозначенныя условія не существовали и потому окончательная ея неудача была неизбѣжна.

Что же касается принятыхъ Наполеономъ внутреннихъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ, въ родѣ вышеупомянутаго французскаго таможеннаго тарифа 1810 года, то всѣ иностранныя правительства имѣли полное основаніе сомнѣваться въ ихъ безкорыстіи. Императоръ Александръ не затруднился высказать французскому послу свои личныя сомнѣнія въ слѣдующихъ словахъ:

„Будемъ говорить откровенно: въ чемъ заключается для Франціи цѣль этихъ принятыхъ у васъ мѣръ? Это—имѣть только вамъ однимъ всѣ выгоды отъ торговли колоніальными товарами, имѣть въ отношеніи ихъ монополію.

qui se passe chez les autres. Qu'on agisse de même envers moi!"

Ces franches explications d'Alexandre I, au sujet du blocus continental et du tarif français, n'exercèrent aucune action sur la politique de Napoléon pour la rendre moins exigeante vis-à-vis de la Russie. Au contraire, il poursuivit ses préparatifs en vue d'une collision avec cette puissance. Le quartier général de son armée était établi à Hambourg; des régiments et des munitions d'artillerie étaient sans cesse dirigés du midi de l'Europe vers le nord. Un maréchal de France, Bernadotte fut élevé au trône de Suède, sans aucune entente préalable à ce sujet avec Alexandre I, très intéressé à la solution de la question de la succession au trône en Suède. A la suite de la réunion de la Finlande à la Russie un certain malaise s'était produit entre les deux pays voisins.

Bien plus: en décembre 1810 Napoléon promulgua un décret pour réunir aux possessions françaises les villes hanséatiques et le duché d'Oldenbourg sous prétexte que „la grande politique de l'Empereur l'exigeait", comme le déclarait Champagny au prince Kourakine. Lorsque l'ambassadeur de Russie se plaignait à Napoléon et à son Ministre des Affaires Etrangères que le blocus continental avait amené la Russie à une ruine complète et arrêté l'essor de son commerce et de son industrie, que les maisons de banque à St.-Pétersbourg avaient cessé de délivrer des lettres de change et des chéques pour l'étranger, qu'il était impossible d'y transférer des capitaux,—il recevait toujours la même réponse que ce blocus était absolument nécessaire pour consommer la perte de l'Angleterre.

Lorsque le prince Kourakine, ainsi que les membres de l'ambassade, se trouvèrent dans l'impossibilité de toucher leur traitement et les sommes d'argent qu'ils attendaient de Russie et se trouvaient ainsi dans une position sans issue, Napoléon se refusait tout de même de reconnaître que le blocus continental fût désastreux pour la Russie. Il n'eut pas moins pitié de cette situation embarassante des diplomates russes et chargea le comte d'Estève, trésorier de la couronne, de se rendre chez l'ambassadeur pour lui proposer de lui avancer la somme qu'il jugerait nécessaire pour lui et son personnel. Toutefois le prince Kourakine déclina cette proposition dans l'espoir que son gouvernement finirait par trouver les moyens de lui faire parvenir les fonds destinés à l'entretien de son ambas-

Я не противлюсь этому, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ у другихъ. Пусть такъ же дѣйствуютъ и по отношенію ко мнѣ!"

Откровенныя объясненія Александра I относительно континентальной системы и французскаго тарифа нисколько не повліяли на политику Наполеона въ смыслѣ смягченія тона его вызывающихъ требованій къ Россіи. Напротивъ, онъ продолжалъ готовиться къ войнѣ съ нею: въ Гамбургѣ была устроена главная квартира его арміи и изъ южной Европы отправлялись на сѣверъ полки и артилерійскіе обозы. На шведскій престолъ возводится французскій маршалъ Бернадотъ безъ всякаго предварительнаго уговора съ Александромъ I, который былъ чрезвычайно заинтересованъ въ разрѣшеніи вопроса о шведскомъ престолонаслѣдіи. Вслѣдствіе присоединенія къ Россіи Финляндіи значительно обострились отношенія между Россіей и Швеціей.

Этого мало: въ декабрѣ 1810 года Наполеонъ сдѣлалъ распоряженіе о присоединеніи къ французскимъ владѣніямъ ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго, ибо „великая политика Императора этого требуетъ" — сказалъ Шампаньи князю Куракину. Когда русскій посолъ доказывалъ Наполеону и его Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что континентальная система привела Россію къ полному разоренію и застою всякой промышленности и торговли, что петербургскіе банкирскіе дома перестали выдавать какіе либо векселя или чеки на заграничные банкирскіе дома, что нѣтъ возможности переводить изъ Россіи за границу деньги,—на всѣ эти печальные факты получался только одинъ отвѣтъ: для гибели Англіи континентальная система необходима!

Когда ни князь Куракинъ, ни члены русскаго посольства не могли получить изъ Россіи ни своего казеннаго содержанія, ни своихъ частныхъ денегъ и потому находились въ безвыходномъ положеніи, Наполеонъ всетаки не повѣрилъ въ разорительность для Россіи континентальной системы. Но онъ сжалился надъ несчастными членами русскаго императорскаго посольства и послалъ къ послу графа Эстефъ, короннаго казначея, съ предложеніемъ дать имъ всѣмъ въ ссуду такую сумму, какую они пожелаютъ. Однако, князь Куракинъ не принялъ этого любезнаго предложенія, въ надеждѣ, что его правительство сумѣетъ перевести въ Парижъ требуемыя для посольства деньги. (Донесеніе князя Куракина отъ 23-го декабря 1810 г. (4-го января 1811 г.).

sade. (Dépêche du prince Kourakine du 23 decembre 1810 (4 janvier 1811).

Vers la fin de 1810 se trouvait à Paris l'aide-de-camp de l'Empereur, comte Tschernischew, que Napoléon connaissait depuis longtemps et qu'il se plaisait à distinguer. Pour cette fois, le comte devait se persuader que les dispositions avaient changé et qu'on ne faisait plus la cour à la Russie. Napoléon ne jugea pas nécessaire de l'inviter à faire partie de sa suite à la revue, et c'est du fond d'une loge qu'il eut la permission d'admirer ce beau spectacle militaire. A son audience de congé, Napoléon donna libre cours à tous les sentiments qui s'étaient accumulés dans son âme contre la Russie et s'énonça sans aucune réserve sur tous les chefs d'accusation.

Il exprima ses regrets de ce que l'Empereur Alexandre refusa de lui accorder la main de sa sœur. Ayant pris la résolution de se marier, sa première pensée se porta à une princesse russe, mais ayant reçu un refus, il s'adressa aussitôt à l'Autriche, et le prince Schwarzenberg s'acquitta parfaitement de cette négociation.

„Ce n'est point", ajouta aussitôt Napoléon, „que j'aie à me plaindre de ce qui est arrivé; la femme que j'ai me convient et me plait, vous l'avez vue. Mais comme chez les souverains la politique doit entrer dans tout, j'avoue que votre alliance m'aurait bien plus convenu."

Toutefois cet échec dans la question du mariage ne devait pas faire de Napoléon un ennemi de la Russie, et le porter à désirer une rupture avec cette puissance. Il assurait le comte Tschernischew qu'il n'avait pas le moindre désir „de s'enfouir dans les glaçons de la Pologne, ni de chercher à entrer dans les plaines de l'Ukraine, que c'eût été une ambition d'Alexandre (le Grand)."

Toutefois Napoléon ne contestait pas la possibilité d'une guerre entre la Russie et la France. Il savait que l'Empereur Alexandre s'y préparait et lui-même prenait ses mesures en conséquence. A son avis, il n'y avait que deux choses qui pourraient amener une collision entre ces deux pays: premièrement, si la Russie faisait une paix séparée avec l'Angleterre, et secondement, si elle passait le Danube.

„S'il ne s'agit que du thalveg du Danube", dit Napoléon à Tschernischew, „j'y consens avec plaisir; plus du thalveg, je vous fais la guerre: L'existence de la Turquie est un objet

Въ концѣ 1810 года находился въ Парижѣ флигель-адъютантъ Государя графъ Чернышевъ, котораго Наполеонъ зналъ давно и всегда любилъ отличать. На этотъ разъ гр. Чернышевъ долженъ былъ убѣдиться, что прошла пора ухаживанія за русскими. Наполеонъ даже не пригласилъ его въ свою свиту на парадъ и только изъ ложи позволилъ ему любоваться блестящимъ военнымъ зрѣлищемъ. На прощальной его аудіенціи Наполеонъ далъ волю накопившимся въ его душѣ чувствамъ неудовольствія и злобы противъ Россіи и совершенно откровенно высказался по всѣмъ главнымъ обвинительнымъ пунктамъ.

Онъ выразилъ сожалѣніе по поводу отказа Императора Александра выдать за него свою сестру. Рѣшившись жениться, онъ прежде всего думалъ о русской Великой Княжнѣ, но, получивъ отказъ, онъ немедленно обратился къ Австріи, и князь Шварценбергъ все отлично устроилъ.

„Впрочемъ", немедленно прибавилъ Наполеонъ, „не подумайте, что я имѣю причину быть недовольнымъ тѣмъ, что случилось. Жена, которую я имѣю, мнѣ нравится, — вы ее видѣли. Но такъ какъ у Государей политика замѣшана во всемъ, то признаюсь, что союзъ съ вами мнѣ гораздо больше нравился".

Однако, эта неудача съ женитьбою не могла обратить Наполеона во врага Россіи и заставить его желать съ нею войны. Онъ увѣрялъ гр. Чернышева, что не питаетъ ни малѣйшаго желанія „зарываться въ льдины Польши, или пытаться войти въ равнины Украйны. Это было бы достойно тщеславія Александра Великаго".

Но Наполеонъ не отрицалъ возможности войны между Россіей и Франціей. Онъ зналъ, что Императоръ Александръ готовится къ ней и онъ самъ принималъ подготовительныя мѣры. По его мнѣнію, для войны между Россіей и Франціей имѣются только двѣ причины: во-первыхъ, въ случаѣ заключенія Россіей отдѣльнаго мира съ Англіей и, во-вторыхъ, въ случаѣ перехода Россіи черезъ Дунай.

„Если", сказалъ Наполеонъ Чернышеву, „идетъ рѣчь только о тальвегѣ Дуная, я на все согласенъ съ удовольствіемъ. Но если перейдете тальвегъ, я вамъ объявлю войну. Су-

trop important pour la balance politique de l'Europe, pour que je puisse avec indifférence la voir démembrer davantage."

Cet avertissement de Napoléon au sujet du danger fatal qu'entraînerait à sa suite le passage du Danube par les troupes russes est très significatif, vu que ce passage était déjà un fait accompli. Il avait lui-même demandé à Tschernischew pourquoi les Russes avaient-ils passé le Danube et s'ils se proposaient d'avancer jusqu'à Constantinople? Il eut soin de prévenir le comte Tschernischew que si même pour sa part, il fermait l'œil sur cette marche agressive des Russes, l'Autriche ne saurait jamais la tolérer, car elle ne cesse de se défier de la politique russe sur la presqu'île des Balkans.

Toutefois, ajouta aussitôt Napoléon, „c'est votre affaire et pas la mienne; mon eau ne va pas jusque là et c'est une question autrichienne et non une question française."

Il faut avouer que ces discours de Napoléon ne pêchaient pas par un excès de logique: tantôt il déclare que le passage du Danube par les Russes est pour la France un *casus belli*, tantôt il s'applique à démontrer que ce passage est indifférent pour lui, mais que l'Autriche sera forcé de déclarer la guerre. Les assurances données par Tschernischew que le passage du Danube par une fraction de l'armée russe avait été commandé par les nécessités de la guerre, ne produisirent aucune impression sur Napoléon qui savait parfaitement que personne en Russie ne songeait à la prise de Constantinople. Mais Napoléon prenait plaisir à ces salto mortale dans ses épanchements intimes.

Ce n'est que par cette singularité de caractère qu'on peut expliquer l'étrange question qu'il posa à brûle pourpoint à Tschernischew: „si les généraux russes pillaient beaucoup en Turquie"?

Le comte en fut très étonné et se mit à lui démontrer d'une manière sérieuse que le pillage était inconnu dans l'armée russe et que dans tous les cas les officiers et les généraux ne se livraient pas à ce genre d'occupation. Napoléon répondit en riant que Tschernischew avait tort de ne pas être franc avec lui, car il savait parfaitement que les soldats russes n'étaient pas des „pillards" comme les siens. Mais „qu'il ne se hazarderait pas à répondre pour nos (russes) commandans d'avant-garde et pour nos colonels de cosaques."

Dans le cours de cet entretien, qui dura près

ществованіе Турціи слишкомъ важно для политическаго равновѣсія Европы, чтобъ я могъ равнодушно смотрѣть на еще бо́льшее ея расчлененіе".

Такое предостереженіе со стороны Наполеона насчетъ роковой опасности перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай было весьма знаменательно, потому что этотъ переходъ былъ уже совершившимся фактомъ. Онъ самъ спросилъ гр. Чернышева: зачѣмъ русскія войска перешли черезъ Дунай? Развѣ они собираются дойти до Константинополя? Онъ самъ предостерегалъ гр. Чернышева, что еслибъ даже онъ и согласился смотрѣть сквозь пальцы на такое наступленіе русскихъ войскъ на Константинополь, то никогда Австрія этого не допуститъ, ибо она совершенно не довѣряетъ политикѣ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Впрочемъ, прибавилъ немедленно Наполеонъ, „это ваше дѣло, а не мое. Мои воды тамъ не текутъ и это вопросъ австрійскій, а не французскій".

Нельзя сказать, чтобъ эти рѣчи Наполеона отличались большою логичностью: то онъ говоритъ, что для Франціи переходъ русской арміи черезъ Дунай есть casus belli, то онъ доказываетъ, что для него такой переходъ безразличенъ, но что Австрія начнетъ войну. Увѣренія гр. Чернышева, что переходъ нѣкоторой части русской арміи черезъ Дунай былъ вызванъ военною необходимостью, не произвели никакого впечатлѣнія на Наполеона, который, впрочемъ, отлично зналъ, что о взятіи Константинополя никто не думалъ въ Россіи. Но Наполеону очевидно нравились такіе внезапные скачки, или salto mortale, въ „откровенныхъ" бесѣдахъ.

Этою слабостью его объясняется, между прочимъ, поставленный Чернышеву, ни съ того, ни съ сего, вопросъ: „Развѣ ваши генералы много грабятъ въ Турціи?"

Гр. Чернышевъ былъ очень удивленъ такимъ вопросомъ и серьезно сталъ доказывать, что въ русской арміи грабежъ неизвѣстенъ и что, во всякомъ случаѣ, генералы и офицеры такимъ дѣломъ не занимаются. На это Наполеонъ, смѣясь, отвѣтилъ, что Чернышевъ напрасно съ нимъ не откровененъ, ибо ему отлично извѣстно, что русскіе солдаты не такіе „грабители", какъ его. Однако „онъ не берется отвѣчать за русскихъ начальниковъ передовыхъ отрядовъ и за русскихъ казачьихъ полковниковъ".

Вся эта трехчасовая бесѣда совершенно

de trois heures, le comte Tschernischew eut lieu de se convaincre de la justesse d'une pensée que Napoléon avait énoncée maintes fois, savoir: qu'un refroidissement avait surgi incontestablement dans les rapports entre la Russie et la France et que l'amitié d'autrefois n'existait plus. Napoléon signalait la convention de Pologne comme la seule cause de ce changement, assurant que l'honneur ne lui permettait pas de la signer. Il ne pouvait pas se déclarer l'ennemi d'une nation qui lui avait témoigné tant de dévouement et de confiance.

Mais l'Empereur des Français cachait avec intention un grand nombre d'autres causes qui contribuaient fatalement à accélérer une rupture définitive entre les deux Empereurs-alliés. La convention polonaise ne servait pour ainsi dire que de thermomêtre pour mesurer le degré de chaleur de l'alliance franco-russe.

Depuis le commencement de l'année 1811, les chances d'une rupture entre la Russie et la France augmentent journellement. Les symptômes alarmants se suivent les uns après les autres pour confirmer l'imminence de la guerre. Le tribunal de l'histoire n'a pas encore décidé la question sur qui devait peser la plus grande part de responsabilité de cette guerre de 1812? Il nous semble que les deux parties étaient coupables, mais non dans une égale mesure. Il est hors de doute que l'ambition sans bornes de Napoléon était le levier principal qui le portait à changer la situation politique de l'Europe, telle qu'elle fut créer à Tilsit et à Erfurt. S'il avait pu imposer un frein à ses projets ambitieux, si les dernières victoires remportées sur l'Autriche et le mariage avec Marie-Louise, cette princesse de l'ancienne maison des Habsbourg, ne l'avaient pas complètement grisé, il eût certainement respecté davantage les droits légitimes et les intérêts de son allié —l'Empereur Alexandre I.

D'autre part, il est certain que celui-ci subissait de plus en plus l'influence du courant antifrançais qui dominait à la Cour et dont l'Impératrice-Mère, objet d'un culte général, était le centre. La lettre de l'Impératrice que nous avons citée plus haut, piqua au vif son amour-propre et le porta à une très grande réserve à l'entrevue d'Erfurt. Plus Napoléon cherchait à être franc et expansif, plus Alexandre I devenait défiant et circonspect. Le refus de lui accorder la main d'une princesse russe fit déborder le vase, — c'était une injure

убѣдила гр. Чернышева въ справедливости только одного положенія, неоднократно высказаннаго Наполеономъ, а именно, что между Россіей и Франціей существуетъ несомнѣнное охлажденіе, приведшее къ измѣненію ихъ дружескихъ отношеній. Наполеонъ указывалъ на конвенцію относительно Польши, какъ на единственную причину такой перемѣны, увѣряя гр. Чернышева, что его честь не позволила ему ее подписать. Онъ не могъ объявить себя врагомъ народа, который постоянно ему выказывалъ столько преданности и довѣрія.

Но императоръ французовъ умышленно скрылъ множество другихъ причинъ, содѣйствовавшихъ роковому приближенію полнаго разрыва между обоими Императорами-союзниками. Польская конвенція служила только градусникомъ для опредѣленія настоящей температуры франко-русскаго союза.

Съ начала 1811 года разрывъ между Россіей и Франціей приближается исполинскими шагами. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ и подтверждаетъ неизбѣжность войны между обѣими союзными державами. Безпристрастный судъ исторіи еще не рѣшилъ безапелляціонно вопросъ: кто болѣе виноватъ въ войнѣ 1812 года? Намъ кажется, что обѣ стороны виноваты, но не въ одинакой степени. Нѣтъ сомнѣнія, что ненасытное властолюбіе Наполеона послужило главнымъ и непосредственнымъ рычагомъ для измѣненія созданнаго въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ политическаго положенія Европы. Еслибъ Наполеонъ зналъ какую либо границу своимъ властолюбивымъ помысламъ и еслибъ блестящій исходъ австрійской войны, въ связи съ бракосочетаніемъ его съ Маріей-Луизою изъ стариннаго дома Габсбурговъ, не вскружили окончательно ему голову, то онъ продолжалъ бы относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ законнымъ правамъ и интересамъ своего союзника — Императора Александра I.

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что Императоръ Александръ все болѣе и болѣе поддавался господствующему при его дворѣ антифранцузскому теченію, центромъ котораго была обожаемая августѣйшая Императрица-Мать. Вышеприведенное письмо ея чувствительно задѣло его самолюбіе и заставило его быть чрезвычайно сдержаннымъ на свиданіи въ Эрфуртѣ. Чѣмъ Наполеонъ дѣлался экспансивнѣе и откровеннѣе, тѣмъ Александръ I становился подозрительнѣе и осторожнѣе. Отказъ выдать за Наполеона

sanglante pour celui qui disposait en maître de tous les peuples de l'occident de l'Europe.

Toutefois, si Alexandre I n'eut pas continué à insister sur la signature de l'art. I de la convention de Pologne, dans sa rédaction primitive, et s'il n'eut pas sacrifié les intérêts du vaste Empire russe à ceux du duché d'Oldenbourg, la guerre de 1812 eut été ajournée à un temps indéfini. Entr'temps la Russie eut pu s'occuper de l'exécution du traité d'Erfurt et prendre pied sur le Danube par l'incorporation des deux principautés. La guerre de 1812 fit échouer pour toujours l'exécution de ce vaste projet, qui eut certes complètement changé les destinées politiques de la nation russe.

Les événements prirent un cours différent et la Russie ne put jamais dans la suite rentrer en possession de ce qu'elle a perdu au commencement du siècle dernier. Les difficultés auxquelles elle s'est heurtée sur le terrain d'Orient en Europe, ouvrirent par la force des choses une voie nouvelle à l'évolution de la politique russe, en la poussant dans les déserts, les steppes et les régions fertiles du continent asiatique, d'une part à proximité de ses frontières et de l'autre dans les espaces infinis de l'Extrème Orient...

Pour imprimer une nouvelle direction à sa politique à l'égard de la Russie, Napoléon avait besoin d'hommes nouveaux. En février 1811, il écrivait à Alexandre I qu'il nommait le général comte Lauriston, comme son représentant à la Cour de Russie en remplacement de Caulaincourt. Par ce changement Napoléon tenait à constater qu'il désapprouvait la „légéreté“ avec laquelle Caulaincourt consentit à signer la convention sur la Pologne. Quelques mois après, il fit un changement dans la direction du Ministère des Affaires Etrangères: à la place de Champagny, duc de Cadore, en somme peu capable, il nomma le duc de Bassano, sur lequel il croyait pouvoir se reposer plus sûrement que sur son prédecesseur.

Quant à Alexandre I, il ne fit aucun changement dans le personnel de sa diplomatie, le comte Roumiantzow resta Chancelier de l'Empire et Ministre des Affaires Etrangères et le prince Kourakine continua à représenter la Russie à la Cour des Tuileries, malgré ses infirmités physiques et son insuffisance intel-

русскую Великую Княжну переполнилъ чашу, ибо явился кровною обидою для властителя надъ всѣми западно-европейскими народами.

Но еслибъ Императоръ Александръ I не продолжалъ настаивать на подписаніи Наполеономъ I именно его редакціи первой статьи конвенціи о Польшѣ и еслибъ онъ изъ-за интересовъ Ольденбургскаго герцогства не пожертвовалъ пользою великой Россійской Имперіи, война 1812 года во всякомъ случаѣ была бы отсрочена на неопредѣленное время. Въ продолженіе этого времени Россія могла бы привести въ исполненіе Эрфуртскій трактатъ и присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ стать твердою ногою на Дунаѣ. Война 1812 года навсегда удалила исполненіе этого великаго плана, осуществленіе котораго навѣрно совершенно измѣнило бы политическую будущность русскаго народа.

Обстоятельства однако сложились совершенно иначе и Россія никогда впослѣдствіи не въ состояніи была вернуть то, что она потеряла въ началѣ прошлаго столѣтія. Плотины, созданныя на ближнемъ Востокѣ въ Европѣ, направили, силою вещей, русло русской государственной жизни въ дебри — пустыни и богатыя области — ближней и дальней Азіи...

Для новаго направленія своей политики въ отношеніи Россіи Наполеону нужны были новые люди. Въ февралѣ 1811 года онъ писалъ Александру I, что на мѣсто Коленкура онъ назначаетъ своимъ представителемъ при Россійскомъ дворѣ генерала графа Лористона. Этою перемѣною Наполеонъ желалъ констатировать свое неодобреніе Коленкуру за „легкомысліе“ въ подписаніи польской конвенціи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ также смѣнилъ своего Министра Иностранныхъ Дѣлъ: на мѣсто малоспособнаго Шампаньи, герцога Кадорскаго, былъ назначенъ герцогъ Бассано, на котораго Наполеонъ могъ болѣе положиться, чѣмъ на его предшественника.

Императоръ Александръ I никакихъ перемѣнъ не сдѣлалъ: графъ Румянцевъ остался его Государственнымъ Канцлеромъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, а князь Куракинъ продолжалъ представлять Россію при Тюльерійскомъ дворѣ, несмотря на свои постоянные физическіе недуги и умственную немощь. На-

lectuelle. Napoléon lui témoignait ouvertement son dédain et lui faisait entendre qu'il ne comprenait pas les motifs qui portaient Alexandre I à le maintenir à un poste aussi responsable.

Ce qui sert à illustrer le mieux la conduite du prince Kourakine, c'est son attitude dans la malheureuse affaire de la réunion du duché d'Oldenbourg aux possessions françaises. L'Empereur Alexandre I, influencé à un certain point par ses sentiments de parenté avec la maison d'Oldenbourg, fut indigné à juste titre de cette disposition de l'Empereur des Français, qui constituait une violation flagrante de l'art. XII du traité de Tilsit. Cette clause assurait au duc „la pleine et paisible possession de ses Etats".

„Le duché d'Oldenbourg", écrivait le comte Roumiantzow à la date du 11 Mars 1811 au prince Kourakine, „dont notre Empire à fait un duché souverain; ce berceau, ce patrimoine de nos Maîtres qui depuis plus de neuf cents ans se conserva sans interruption dans la même maison, ravi à son légitime souverain, incorporé à la France par le seul et unique motif, qu'il est à la bienséance de cet Empire".

En vertu de ses instructions, le prince Kourakine s'adressa au duc de Cadore avec une protestation contre cette prise de possession, en lui démontrant que l'Empereur Alexandre I en était indigné non seulement en raison de ses sentiments de parenté, mais parcequ'il reconnaissait combien il était dangereux de tolérer de semblables violations arbitraires des traités internationaux.

Le Ministre des Affaires Etrangères de France ne contesta nullement que cette mesure de Napoléon ne fût contraire au traité de Tilsit, mais il s'appliqua à démontrer qu'il avait exécuté l'article susmentionné en restituant le duché à son souverain légitime. Mais depuis, les circonstances avaient changé, et Napoléon s'est vu forcé de réunir le duché à ses possessions, parcequ'il était devenu un entrepôt de marchandises de contrebande anglaises.

Toutefois, ajouta le duc de Cadore, Napoléon est tout disposé d'indemniser le duc de la perte de ses domaines. On lui propose en échange Erfurt avec un territoire avoisinant et en outre une somme de plusieurs millions de francs.

полеонъ открыто выказывалъ ему свое пренебреженіе и недоумѣвалъ, какія причины заставляютъ Александра I сохранять князя на такомъ высоко-отвѣтственномъ посту.

Лучшею иллюстраціей образа дѣйствія князя Куракина служитъ его поведеніе въ роковомъ дѣлѣ присоединенія герцогства Ольденбургскаго къ французскимъ владѣніямъ. Императоръ Александръ I, отчасти подъ вліяніемъ родственныхъ чувствъ къ Ольденбургскому дому, справедливо возмутился такимъ распоряженіемъ императора французовъ, которымъ прямо нарушалась статья XII-я Тильзитскаго трактата. Въ силу этой статьи за герцогомъ Ольденбурскимъ было обезпечено „полное и спокойное владѣніе областей" ему принадлежащихъ.

„Герцогство Ольденбургское", писалъ графъ Румянцевъ 11-го марта 1811 года князю Куракину, „было обращено Россіею въ независимое герцогство; эта колыбель и эта отчина нашихъ Государей, которая въ продолженіе болѣе 900 лѣтъ безпрерывно сохранялась въ одномъ домѣ, отнята отъ ея законнаго владѣльца и присоединена къ Франціи по тому единственному мотиву, что такъ угодно французской Имперіи".

Князь Куракинъ, въ силу полученныхъ инструкцій, обратился къ герцогу Кадорскому съ протестомъ противъ захвата Ольденбургскаго герцогства, доказывая ему, что Императоръ Александръ I возмущенъ не только изъ родственныхъ чувствъ, но также изъ сознанія той опасности, которую представляютъ такія своевольныя нарушенія международныхъ трактатовъ.

Французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ нисколько не отрицалъ, что распоряженіе Наполеона противорѣчитъ Тильзитскому трактату, но онъ сталъ возражать, что Наполеонъ исполнилъ вышеприведенную статью возвращеніемъ завоеваннаго имъ Ольденбургскаго герцогства законному государю. Съ тѣхъ же поръ обстоятельства измѣнились и Наполеонъ принужденъ былъ присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство, ибо оно сдѣлалось складочнымъ мѣстомъ для англійскихъ контрабандныхъ товаровъ.

Впрочемъ, прибавилъ Кадоръ, Наполеонъ согласенъ вполнѣ вознаградить герцога за потерю его владѣній. Ему предлагается взамѣнъ Эрфуртъ съ окрестною областью и еще капиталъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ. Въ

Dans ces conditions, le duc ne subira aucune perte et jouira des mêmes revenus que par le passé. Mais, ajouta le ministre français, la décision de l'Empereur est irrévocable et ne saurait être modifiée dans aucun cas.

En vue de cette déclaration catégorique, réitérée à plusieurs reprises, l'Empereur Alexandre I donna l'ordre au prince Kourakine de remettre personnellement au duc de Cadore la protestation formelle de la Russie contre cette prise de possession du duché d'Oldenbourg. Le prince Kourakine s'acquitta de cette mission d'une manière qui ne fut pas très habile. Lorsque le duc de Cadore se rendit chez l'ambassadeur pour lui notifier la nomination d'un nouveau représentant de la France à St.-Pétersbourg, le prince Kourakine crut devoir le prévenir qu'il recevrait de lui dans quelques heures une déclaration, contenant la protestation contre l'incorporation du duché d'Oldenbourg. Le duc de Cadore exprima son étonnement à ce sujet, et au reçu du pli susmentionné, connaissant ce qu'il contenait, il le renvoya sans l'ouvrir! Là-dessus le prince Kourakine envoya la déclaration une seconde fois au duc de Cadore avec une lettre d'accompagnement, et le pli lui fut encore une fois restitué. L'ambassadeur se décida de faire une troisième tentative et se rendit personnellement chez le duc de Cadore pour lui remettre cette pièce, mais celui-ci refusa de la recevoir, et le prince Kourakine eut l'heureuse inspiration de déposer le pli sur la table et de se retirer. Mais le Ministre des Affaires Etrangères le surpassa en ruse et en tenacité: il se rendit chez l'ambassadeur, déposa sur sa table ce pli intéressant et s'empressa de s'esquiver. Ainsi l'ambassadeur ne réussit pas à s'acquitter de la mission dont il était chargé et sa seule réponse aux reproches que lui adressait le Chancelier de l'Empire à ce sujet fut que c'était en dehors de son pouvoir d'exécuter les ordres de l'Empereur, une fois que le duc de Cadore refusait d'accepter la note. Il jugea au dessous de sa dignité de poursuivre des démarches à l'infini à ce sujet.

Il est certain que la conduite du duc de Cadore était indigne d'un homme d'Etat sérieux. Mais Kourakine n'avait pas moins une faute à se reprocher: s'il n'eut pas prévenu le Ministre des Affaires Etrangères de France de son intention de lui envoyer „dans quelques heures“ la note de protestation, celui-ci l'eût reçu et déca-

такомъ случаѣ герцогъ Ольденбургскій ничего не потеряетъ и будетъ имѣть тотъ же доходъ, какой онъ имѣлъ отъ своего герцогства. Но, заключилъ категорическимъ образомъ французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, рѣшеніе его Государя безповоротно и ни въ какомъ случаѣ не будетъ измѣнено.

Въ виду столь категорическаго заявленія, которое неоднократно повторялось, Императоръ Александръ I рѣшилъ предписать князю Куракину вручить лично герцогу Кадорскому формальный протестъ Россіи противъ захвата Ольденбургскаго герцогства. Князь Куракинъ исполнилъ это Высочайшее повелѣніе не особенно удачно. Когда герцогъ Кадорскій былъ у посла, чтобъ объявить о назначеніи въ С.-Петербургъ новаго французскаго посла, князь его предупредилъ, что черезъ нѣсколько часовъ онъ получитъ отъ него декларацію, заключающую въ себѣ протестъ противъ захвата Ольденбургскаго герцогства. Кадоръ выразилъ большое удивленіе и когда онъ получилъ пакетъ отъ русскаго посла, то, зная что въ немъ заключается, онъ его вернулъ, не вскрывая! Тогда князь Куракинъ, при письмѣ, вторично послалъ декларацію и—опять получилъ обратно свой пакетъ. Тогда посолъ, въ третій разъ, самъ отправился къ Кадору и хотѣлъ ему вручить протестъ, но тотъ снова отказался, и князь Куракинъ догадался положить свой пакетъ на столъ и уйти. Но французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ былъ хитрѣе и упрямѣе: онъ пришелъ къ русскому послу, положилъ интересный русскій пакетъ къ нему на столъ и быстро исчезъ! Такимъ образомъ русскому императорскому послу не удалось исполнить полученное Высочайшее повелѣніе, и князь Куракинъ, въ отвѣтъ на сдѣланный ему по этому поводу выговоръ, могъ только спросить Государственнаго Канцлера: да какъ же ему было исполнить Высочайшее повелѣніе, если герцогъ Кадорскій отказывался принять его ноту? Онъ считалъ ниже своего достоинства продолжать до безконечности хожденіе съ пакетомъ и безъ онаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что поведеніе герцога Кадорскаго было совершенно недостойно серьезнаго государственнаго человѣка. Но, съ другой стороны, несомнѣнна также вина князя Куракина: еслибъ онъ не предупредилъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ о своемъ намѣреніи „черезъ нѣсколько часовъ“ при-

cheté et le fait de la remise de l'acte de protestation entre les mains du duc de Cadore eût té constaté. (Dépêche du prince Kourakine du 31 mars (12 avril) 1811).

Cette maladresse du prince Kourakine eut deux conséquences fatales: 1) l'histoire de la migration du pli contenant la note de protestation devait nécessairement irriter encore plus les deux parties, et 2) le refus catégorique du gouvernement français de recevoir cette pièce plaça l'Empereur Alexandre I dans la nécessité de communiquer cette note aux principales puissances de l'Europe par voie d'une circulaire. Napoléon fut très indigné quand il eut connaissance de cet acte et trouva que ce „manifeste russe“ était une injure personnelle à son adresse. Il ne put oublier cet incident qu'il était disposé de considérer presque comme une déclaration de guerre.

Aussi le comte Roumiantzow avait-il raison quand il reprochait au prince Kourakine d'avoir repris la note qu'il était tenu de remettre au ministre français, coûte que coûte. Il avait le tort d'avoir fourni au duc de Cadore la possibilité de commencer ce jeu indigne. Le prince Kourakine a dû naturellement être très affecté de la rédaction de la circulaire russe qui constatait que le duc de Cadore avait réussi à le forcer à reprendre sa note.(Voir la dépêche du comte Roumiantzow du 11 mars et le rapport de Kourakine du 24 janvier (5 février) 1811).

Il y avait encore une question qui provoqua une forte irritation de Napoléon contre la Russie. L'Empereur venait de sanctionner un nouveau tarif douanier, qui impliquait une augmentation de droits assez considérable. Il fut obligé par les circonstances de prendre cette mesure dont la légalité ne pouvait d'ailleurs pas être contestée. Mais Napoléon l'accueillit comme une tentative de répressailles contre la France, car son commerce devait souffrir de cette élévation de droits.

Il fit aussitôt sentir son déplaisir à l'ambassadeur de Russie qu'il traita avec froideur. Il observa cette même attitude à l'égard de tous les Russes, établis à Paris. D'autre part, les Polonais et tout ce qui leur tenait de près, étaient particulièrement favorisés par l'Empereur des Français. (Dépêche du prince Kourakine du 24 janvier (5 février) 1811).

слать ему ноту съ протестомъ, то тотъ, не зная содержанія пакета, принялъ бы его и вскрылъ и фактъ представленія протеста въ руки герцога Кадорскаго былъ бы констатированъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 31-го марта (12-го апр.) 1811 г.).

Эта оплошность князя Куракина имѣла два роковыхъ послѣдствія: 1) исторія странствованія пакета съ нотою протеста не могла не раздражить еще болѣе обѣ стороны и 2) положительный отказъ французскаго правительства принять протестъ заставилъ Императора Александра I сообщить свою ноту циркулярно всѣмъ главнѣйшимъ европейскимъ державамъ. Когда Наполеонъ узналъ о русскомъ циркулярѣ, онъ былъ крайне возмущенъ, находя, что этотъ русскій „манифестъ“ есть лично ему нанесенное оскорбленіе. Онъ не могъ забыть этого факта и усматривалъ въ немъ чуть не объявленіе войны.

Такимъ образомъ гр. Румянцевъ былъ правъ, когда упрекалъ князя Куракина въ томъ, что онъ взялъ назадъ ноту, которую обязанъ былъ представить во что бы то ни стало. Онъ былъ виноватъ въ томъ, что далъ герцогу Кадорскому возможность начать его недостойную игру. Однако, князю Куракину естественно было очень непріятно, что въ циркулярной нотѣ русскаго правительства было сказано, будто герцогу Кадорскому удалось заставить его взять обратно свою ноту. (Сравн. депешу гр. Румянцева отъ 11-го марта и донесеніе кн. Куракина отъ 24-го января (5-го февр.) 1811 года).

Былъ еще другой вопросъ, вызывавшій сильное раздраженіе Наполеона противъ Россіи. Императоръ Александръ I утвердилъ новый таможенный тарифъ, въ которомъ значительно были повышены таможенныя ставки. Онъ былъ принужденъ обстоятельствами принять такую мѣру, относительно законномѣрности которой, впрочемъ, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но Наполеонъ усматривалъ въ ней репрессалію противъ Франціи, ибо ея торговля должна была страдать отъ повышенія таможенныхъ пошлинъ въ силу новаго тарифа.

Наполеонъ немедленно далъ почувствовать свое неудовольствіе русскому послу: онъ сталъ относиться къ нему весьма холодно. Такую же холодность онъ сталъ показывать и всѣмъ русскимъ, находившимся въ Парижѣ. Съ другой же стороны, поляки и все польское стали пользоваться явнымъ расположеніемъ императора

Dans ces conditions, on comprend que Napoléon considérait le moment venu de faire une scène au représentant de la puissance étrangère, dont il avait à se plaindre. Au commencement des scènes de ce genre se passaient habituellement en tête à tête et plus tard en public, à la veille d'une déclaration de guerre. C'est ainsi que Napoléon traita le comte Morkow en 1803 (v. t. XIII, p. 285 et suiv.), et le comte Metternich avant la guerre de 1809. Napoléon fit des scènes analogues au prince Kourakine en 1811, à deux reprises: d'abord en tête à tête et ensuite en présence de tout le corps diplomatique et de la Cour. La première fois ce n'était qu'une répétition et le spectacle même eut lieu à la solennité du 3 (15) août, jour de naissance de Napoléon, célébré avec beaucoup de pompe. Parfois Napoléon organisait plusieurs répétitions, si l'importance de la pièce et la haute position des acteurs le réclamaient.

En mai 1811 Napoléon organisa une première répétition pour le prince Kourakine. Celui-ci demanda une audience pour remettre une lettre de félicitation de l'Empereur Alexandre à l'occasion de la naissance du roi de Rome. Elle fut fixée au lendemain, à 9 heures du matin, à St.-Cloud. Il est évident que Napoléon était tout préparé à faire une scène à l'ambassadeur avec tous les effets voulus, — en quoi il était maître passé. Cette scène durait deux heures entières pendant lesquelles Napoléon ne s'était pas assis, mais marchait de long en large, tantôt s'approchant de l'ambassadeur, tantôt s'éloignant de lui, tantôt gesticulant des mains, tantôt observant une grande réserve et un grand sang-froid. Le prince Kourakine passa par des moments très pénibles pendant cette entrevue désagréable, qui ne semblait pas devoir prendre fin.

„Cette promenade", écrivait-il au Chancelier de l'Empire dans son rapport du 25 avril (7 mai) 1811 au sujet de cet entretien, „qui était un premier essai de ce genre pour mes jambes valétudinaires soutenu (après l'incendie chez le prince Schwarzenberg) a duré sans interruption pendant tout l'entretien".

Dès le début, Napoléon mit le prince Kourakine dans l'embarras par ces mots: „L'Empereur Alexandre ne m'aime plus comme autrefois; il est entouré de mal intentionnés, qui ont tâche d'introduire dans son cœur le soupçon

французовъ. (Донесеніе кн. Куракина отъ 24-го января (5-го февр.) 1811 года).

При такихъ обстоятельствахъ понятно, что Наполеонъ считалъ наступившимъ моментъ, когда нужно было „сдѣлать сцену" представителю иностранной державы, поведеніемъ которой онъ былъ не доволенъ. Сперва такая сцена дѣлалась обыкновенно глазъ на глазъ, а потомъ — наканунѣ объявленія войны — публично. Такъ поступилъ Наполеонъ съ графомъ Морковымъ въ 1803 году (см. т. XIII, стр. 285 и слѣд.) и съ графомъ Меттернихомъ передъ началомъ войны 1809 года. Совершенно такія же сцены устроилъ Наполеонъ въ 1811 году князю Куракину два раза: сперва глазъ на глазъ, а потомъ публично—передъ всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ и дворомъ. Въ первый разъ была только репетиція, а въ торжественный день 3-го (15-го) августа, въ день рожденія Наполеона, былъ самый спектакль, при необыкновенно блестящей обстановкѣ. Иногда Наполеонъ устраивалъ нѣсколько репетицій, если того требовали важность пьесы и знатность актеровъ.

Въ маѣ 1811 года Наполеонъ устроилъ первую репетицію для князя Куракина. Послѣдній просилъ аудіенціи для врученія поздравительнаго письма Императора Александра по случаю рожденія короля римскаго. На другой день, въ 9 часовъ утра, въ Сенъ-Клу, была назначена аудіенція. Очевидно Наполеонъ былъ готовъ провести свою сцену со всѣми эфектами, на которые онъ былъ великій мастеръ. Сцена тянулась цѣлыхъ два часа, въ продолженіи которыхъ Наполеонъ не садился, но ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то приближаясь къ послу, то отъ него удаляясь, то жестикулируя, то выказывая большую сдержанность и хладнокровіе. Бѣдному князю Куракину очень было жутко, когда происходила эта длиннѣйшая и непріятнѣйшая сцена.

„Эта прогулка", писалъ онъ Государственному Канцлеру 25-го апрѣля (7-го мая) 1811 г. въ своемъ отчетѣ о „бесѣдѣ" съ Наполеономъ, „была первымъ опытомъ подобнаго рода для моихъ выздоравливающихъ ногъ (послѣ пожара у князя Шварценберга), и продолжалась безъ перерыва во время всего разговора".

Наполеонъ съ самаго начала озадачилъ князя Куракина словами: „Императоръ Александръ больше меня не любитъ, какъ прежде; онъ окруженъ недоброжелателями, поставившими себѣ цѣлью сѣять въ его сердцѣ подозритель-

et la méfiance contre moi; jamais je n'ai songé à lui faire la guerre, et je n'ai pu le vouloir; ses troupes sont braves; cette guerre serait entièrement sans but pour moi, je n'aurais que des coups à y recevoir; cependant je ne vous déguiserai pas, j'arme, je dois le faire; vos armements sont considérables, qu'on n'avoue pas, et sur lesquels on garde un profond mystère chez vous, m'y forcent; des avis de tous côtés m'en ont donné l'entière certitude; on m'écrit de Stockholm qu'on a retiré de la Finlande trois divisions et des troupes sont retirées de la Turquie et dirigées vers les frontières du duché de Varsovie."

Cette entrée en matière prit au dépourvu le prince Kourakine qui se borna à nier tous ces mouvements de troupes russes et assura qu'ils étaient commandés par des nécessités militaires d'administration intérieure.

„Eh bien", répliqua avec vivacité l'Empereur, „si cela est comme vous le croyez, pourquoi ne pas le dire? Cela aurait été une réponse; j'aurais dû en être satisfait; je n'aurais pas à me plaindre, comme je le fais, de ce silence mystérieux, qu'on veut observer chez vous sur ce point vis-à-vis de moi!"

En attendant, lorsque Caulaincourt demanda des explications au comte Roumiantzow au sujet des armements russes, il obtint pour toute réponse des généralités et la négation de faits incontestables.

„Comment voulez-vous", demanda Napoléon, „que j'y sois indifférent, et que je n'y voie pas une intention directement dirigée contre moi?"

L'ambassadeur protesta énergiquement contre les intentions belliqueuses imputées à la Russie et assura positivement que son Souverain nourrissait pour Napoléon invariablement les mêmes sentiments d'amitié et de fidélité à l'alliance qu'autrefois, qu'il ne songeait pas à la guerre et qu'il ne désirait que le maintien de la paix générale.

Napoléon donna au prince Kourakine la possibilité d'énoncer toute sa pensée et quand il eut fini, il s'écria avec vivacité:

„Ah! prince Kourakine, par tout ce que vous dites, je vois que vous n'êtes pas du secret de votre Cabinet. Vous répétez ce qu'on vous écrit; votre conviction vous anime et vous ignorez la résolution, qui sans doute y est déjà prise, et sans laquelle on n'aurait pu agir, comme on agit. Comment m'attribuer des intentions que je n'ai pas eues et que je n'ai pas. Comment croire à des

ность и недовѣріе противъ меня. Никогда я не думалъ вести противъ него войну и я не могъ этого желать. У него храбрыя войска; эта война была бы для меня безцѣльной; я только могъ бы нести одинъ уронъ за другимъ. Однако, я не скрою отъ васъ: я вооружаюсь и долженъ вооружаться; меня къ тому принуждаютъ ваши вооруженія, которыя значительны, хотя вы въ томъ не признаетесь и храните ихъ въ глубокой тайнѣ. Со всѣхъ сторонъ мнѣ это подтверждаютъ: изъ Стокгольма мнѣ пишутъ, что три дивизіи выведены изъ Финляндіи и войска изъ Турціи направляются къ границамъ Варшавскаго герцогства".

Такое вступленіе застало совершенно врасплохъ князя Куракина, который могъ только или отрицать всѣ эти передвиженія русскихъ войскъ или доказывать, что они вызваны внутренними военными соображеніями.

„Хорошо", отвѣтилъ съ живостью Наполеонъ, „если это такъ, какъ вы думаете, почему же мнѣ этого не говорятъ? Это былъ бы отвѣтъ и я долженъ былъ бы имъ удовлетвориться и не пенять — какъ я дѣлаю — на таинственное молчаніе, котораго хотятъ у васъ держаться въ этомъ вопросѣ по отношенію ко мнѣ!"

Между тѣмъ, когда Коленкуръ просилъ у графа Румянцева объясненій по поводу русскихъ вооруженій, онъ получилъ, въ видѣ отвѣта, общія фразы и простое отрицаніе положительныхъ фактовъ.

„Какъ же вы хотите", спросилъ Наполеонъ, „чтобъ я оставался равнодушенъ и не замѣчалъ замысловъ, прямо противъ меня направленныхъ?"

Посолъ энергически протестовалъ противъ обвиненія Россіи въ воинственныхъ намѣреніяхъ и утверждалъ самымъ положительнымъ образомъ, что его Государь продолжаетъ питать къ Наполеону прежнія и неизмѣнныя чувства дружбы и союза, что онъ войны не желаетъ и что онъ только и думаетъ о сохраненіи всеобщаго мира.

Наполеонъ далъ князю Куракину высказаться и, когда онъ кончилъ, съ живостью воскликнулъ:

„Ахъ, князь Куракинъ, изъ всего того, что вы сказали, я вижу, что вы не знаете секретовъ вашего кабинета. Вы повторяете то, что вамъ пишутъ; вы проникнуты вашимъ убѣжденіемъ и не знаете рѣшенія, которое навѣрно тамъ уже принято и безъ котораго нельзя было бы такъ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ. Какимъ образомъ мнѣ приписываютъ намѣре-

fantômes! Vous me menacez et jamais je ne crains la menace“...

„Vous voulez la guerre“, dit Napoléon en accentuant chaque parole, „moi je ne la veux pas. Eh bien soit, nous nous battrons; nous acheverons de désoler le continent; nous répandrons beaucoup de sang; nous ferons souffrir de nouveau l'humanité, et qu'est ce que nous aurons à y gagner l'un et l'autre? Rien absolument! Nous ne ferons que nous épuiser mutuellement“...

Après avoir énoncé ces vues prophétiques au sujet des conséquences probables d'une guerre éventuelle, Napoléon passa à l'énumération de ses griefs contre la Russie.

Ils étaient assez nombreux. Rien que la nécessité de mobiliser l'armée lui coûtait cent millions de francs. En dehors de cela, les armements de la Russie le privaient de la possibilité de conclure la paix avec l'Angleterre et augmentaient ses difficultés en Espagne. L'attitude, assumée par la Russie, paralysait partout l'exécution de ses vues politiques.

„Quand une grande puissance, comme la Russie, se lève“, poursuit l'Empereur des Français, „il est naturel qu'elle distrait des autres affaires qu'on a sur les bras. L'Empereur Alexandre ne m'aime plus. Il oublie ce qu'il me doit. Il veut oublier qu'après la bataille de Friedland, je pourrais être en 10 jours à Wilna, que j'aurais pu rétablir le royaume de Pologne — ce que vous craignez tant à tort, et ce que je n'ai pu vouloir depuis. Disons les choses comme elles sont: vous en voulez au duché de Varsovie; vous voulez l'envahir!“

On comprend que le prince Kourakine fut très indigné de ces soupçons de l'Empereur des Français et répliqua avec vivacité contre l'imputation à son souverain de projets envahissants à l'égard du duché de Varsovie. Mais les assurances et les protestations de l'ambassadeur de Russie n'eurent aucun effet sur Napoléon, qui lui répondit avec sang-froid:

„Quelque soin que vous preniez, prince Kourakine, pour m'en dissuader, je le soutiens cependant; je vous répète que vous ne savez rien de ce que veut votre Cabinet; vous n'êtes pas dans son secret, tout ce qu'on fait chez vous n'a que ce but.“

„Mais à présent“, poursuit Napoléon, „il y

нія, которыхъ я не имѣлъ и не имѣю? Почему вѣрятъ въ призраки! Вы мнѣ угрожаете и никогда я не боюсь угрозъ“...

„Вы желаете войны“, сказалъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ Наполеонъ. „Я ее не желаю. Пусть такъ — будемъ сражаться; мы докончимъ опустошеніе материка; мы прольемъ много крови; мы снова заставимъ страдать человѣчество и — что же мы оба выиграемъ отъ того? Рѣшительно ничего! Мы только себя взаимно истощимъ“...

Высказавъ такой пророческій взглядъ на вѣроятныя послѣдствія будущей войны, Наполеонъ перешелъ къ исчисленію всѣхъ своихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Россіи.

Такихъ пунктовъ было довольно много. Уже самая необходимость мобилизовать свои арміи стоила ему сто милліоновъ франковъ. Сверхъ того, вооруженія Россіи лишаютъ его возможности заключить миръ съ Англіей и увеличиваютъ его затрудненія въ Испаніи. Положеніе, принятое Россіей, парализуетъ повсюду исполненіе его политическихъ плановъ.

„Если такая великая держава, какъ Россія вооружается“, продолжалъ императоръ французовъ, „то естественно, что она отвлекаетъ отъ другихъ текущихъ дѣлъ“. „Императоръ Александръ“, прибавилъ онъ съ горечью, „меня больше не любитъ. Онъ забываетъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ. Онъ намѣренно забываетъ, что послѣ сраженія при Фридландѣ я могъ бы въ 10 дней быть въ Вильнѣ; что я могъ бы возстановить королевство польское—чего вы такъ напрасно боитесь, но чего я ни тогда не желалъ ни съ тѣхъ поръ не могъ желать. Взглянемъ на вещи, какъ онѣ есть: вамъ хочется взять Варшавское герцогство, вы хотите его занять!“

Само собою разумѣется, что князь Куракинъ былъ крайне возмущенъ такими подозрѣніями императора французовъ и съ жаромъ возразилъ противъ обвиненій своего Государя въ завоевательныхъ замыслахъ относительно Варшавскаго герцогства. Но увѣренія и протесты русскаго посла нисколько не подѣйствовали на Наполеона, который хладнокровно ему отвѣтилъ:

„Какъ бы вы, князь, ни старались меня разувѣрить, все-таки я остаюсь при своемъ. Я вамъ повторяю, что вы ничего не знаете о томъ, что замышляетъ вашъ кабинетъ; вы не знаете его тайнъ; все, что дѣлается у васъ, направлено только къ этой цѣли“.

„Но въ настоящее время“, продолжалъ На-

va de mon honneur de soutenir l'intégrité de cet Etat, qui existe sous ma protection; j'y suis engagé d'honneur; je ne pourrai pas permettre que vous en preniez un pouce de terrain".

„Pourquoi l'Empereur Alexandre a-t-il rejeté à Tilsit le premier plan que je lui ai proposé? Il n'aurait pas eu alors les inquiétudes que lui donne ce duché de Varsovie. Pourquoi en 1809 l'armée russe a-t-elle marché et agi avec tant de lenteur? Si elle s'était empressée d'occuper la Galicie, comme elle aurait dû le faire, la Galicie vous serait restée. Ce n'est pas ma faute que vous ne l'avez pas voulu"...

Ensuite l'Empereur exprima son étonnement de ce qu'Alexandre I ne consentit pas à accepter la convention de Pologne avec les quelques modifications de l'art. I, telles qu'il les proposait. On exigeait de lui de signer une obligation „plus qu'humaine". Pourquoi, demanda Napoléon, cette convention „est elle tombée dans l'oubli, malgré tous les résultats utiles et agréables qu'elle aurait dû avoir pour vous? Pourquoi l'Empereur Alexandre ne vous a-t-il pas chargé de sa conclusion avec moi? Pourquoi ne vous a-t-il pas envoyé le plein-pouvoir?"

Napoléon répétait à plusieurs reprises qu'Alexandre I avait évidemment l'intention de conclure la paix avec l'Angleterre et substituer l'accord avec cette puissance à celui avec la France. La Russie désire la guerre, mais Napoléon se refusait de comprendre quel intérêt elle pouvait y trouver.

„Je marcherai contre vous avec 400.000 hommes", dit-il dans un nouvel accès d'irritation; „j'en rassemblerai davantage s'il le faudra, je déploierai contre vous d'autres forces que celles que j'avais avant la paix de Tilsit". „L'état d'aveuglément où l'on est chez vous, ressemble beaucoup à celui où l'on était à Berlin avant la bataille de Jena, et j'ai lieu de m'en étonner!"

Ces paroles devaient nécessairement blesser l'ambassadeur de Russie, qui se trouvait forcé d'écouter non seulement cette assimilation de la grande Russie à la petite Prusse, mais encore cette prédiction d'un désastre de Jena pour sa patrie. Le prince Kourakine tenta à plusieurs reprises d'arrêter l'Empereur des Français, qui se mit à élever la voix et à parler avec plus de chaleur. Mais ce fut en vain, Napoléon dé-

полеонъ, „дѣло моей чести поддерживать неприкосновенность этого государства, существующаго подъ моимъ покровительствомъ. Я обязанъ къ тому честью и не могу позволить, чтобъ вы отняли у него хоть пядь земли".

„Почему Императоръ Александръ отвергъ въ Тильзитѣ первый планъ, который я ему предложилъ? Тогда онъ не имѣлъ бы тѣхъ тревогъ, которыя теперь ему причиняетъ Варшавское герцогство. Почему въ 1809 году русская армія двигалась и дѣйствовала съ такою медленностью? Еслибъ она поспѣшила занять Галицію, какъ она должна была сдѣлать, Галиція осталась бы за вами. Не моя вина, что вы этого не пожелали"...

Далѣе императоръ выразилъ свое удивленіе, что Александръ I не согласился принять конвенцію о Польшѣ съ тѣми немногими измѣненіями редакціи первой статьи, которыя онъ предложилъ. Отъ него требовали обязательства „сверхчеловѣческаго", которое онъ не могъ подписать. Почему, спросилъ Наполеонъ, эта конвенція „предана забвенію, не взирая на всѣ полезныя и пріятныя послѣдствія, которыя она могла бы имѣть для васъ? Почему Императоръ Александръ не поручилъ вамъ ее со мною заключить? Почему онъ не снабдилъ васъ полномочіемъ?"

Наполеонъ неоднократно повторялъ, что Александръ I очевидно намѣренъ заключить миръ съ Англіей и замѣнить союзъ съ нимъ союзомъ съ Англіей. Россія желаетъ войны, но Наполеонъ отказывался понять, въ чемъ могла быть для нея польза отъ такой войны.

„Я поведу противъ васъ", сказалъ онъ опять разгорячась, „400,000 человѣкъ; я соберу еще больше, если понадобится; я употреблю противъ васъ другія силы, не тѣ, которыя имѣлъ передъ Тильзитскимъ миромъ. Ослѣпленіе, въ которомъ ваши находятся, очень походитъ на то, что было въ Берлинѣ передъ Іенскимъ сраженіемъ и—я имѣю основаніе этому удивляться!"

Эти слова не могли не оскорбить русскаго посла, который вынужденъ былъ выслушать изъ устъ Наполеона не только сопоставленіе великой Россіи съ маленькою Пруссіей, но еще предсказаніе для его отечества Іенскаго погрома. Князь Куракинъ неоднократно порывался остановить императора французовъ, который говорилъ все громче и все съ большимъ жаромъ. Но это

clara presqu'en criant que la circulaire russe au sujet d'Oldenbourg était une offense et une menace; qu'il ne s'était attendu à rien de pareil de la part d'un allié; qu'il n'y fera aucune réponse; qu'il ne sait pas quel est au fond le désir de l'Empereur Alexandre; s'il veut obtenir pour son oncle une partie du duché de Varsovie, ou Danzig avec un territoire avoisinant ou bien la province d'Erfurt — eh bien qu'il le dise!

Mais pour un Oldenbourg quelconque, s'écria Napoléon, deux grandes puissances doivent-elles se faire la guerre?!

Napoléon termina ce remarquable requisitoire contre la Russie par ces paroles curieuses: „Tenez, prince Kourakine, maintenant que vous entrez chez moi le casque sur la tête, ces assurances ne peuvent produire sur moi l'effet qu'elles auraient immanquablement eus, si vous vous étiez présenté le bâton blanc à la main".

Le prince Kourakine répondit à cela immédiatement qu'il est arrivé avec le bâton blanc comme un héraut de paix et de concorde.

C'est par ces paroles que se termina cet entretien historique entre l'Empereur Napoléon et le prince Kourakine qui dans son rapport circonstancié du 25 avril (7 mai) exprime toujours encore l'espoir de pouvoir réussir à régler les questions de la convention polonaise et du duché d'Oldenbourg, si on le munit des pleinpouvoirs nécessaires à cet effet. Dans ces conditions, selon ses assurances, la paix de l'Europe pourrait être sauvegardée. Le prince Kourakine ne reçut pas ces pleinpouvoirs et la marche fatale des événements ne fut pas suspendue par de nouveaux pourparlers au sujet de la Pologne et du duché d'Oldenbourg. L'Empereur des Français continuait à produire les mêmes accusations et l'Empereur Alexandre I — à se défier des paroles de son ami et allié.

Dans une lettre du 6 avril 1811, Napoléon disait que „la répétition est la plus puissante figure de rhétorique". S'inspirant de ce principe, Napoléon persistait à répéter les mêmes accusations, qu'il avait énoncées au prince Kourakine. Seulement la forme variait selon qu'elles étaient énoncées verbalement ou par écrit. Dans le premier cas, sa nature méridionale le portait à s'entraîner et à s'échauffer; dans le second — chaque mot était pesé et longuement médité. Mais si dans les deux cas les mêmes considérations se reproduisaient, il ne saurait y avoir

ему не удалось. Наполеонъ продолжалъ почти кричать, что русскій циркуляръ относительно Ольденбурга есть оскорбленіе и угроза: что онъ ничего подобнаго не ожидалъ отъ союзника; что онъ на него не отвѣтитъ; что онъ не знаетъ, чего собственно желаетъ Императоръ Александръ; что если онъ хочетъ имѣть для своего дяди часть Варшавскаго герцогства, или Данцигъ съ окрестною областью, или Эрфуртскую провинцію,—то пусть онъ скажетъ.

Но развѣ изъ-за какого-то Ольденбурга, воскликнулъ Наполеонъ, могутъ сражаться два великія государства?!

Этузамѣчательную двухчасовую обвинительную рѣчь противъ Россіи Наполеонъ кончилъ слѣдующими любопытными словами. „Послушайте, князь, теперь, когда вы ко мнѣ вошли съ каскою на головѣ, ваши увѣренія не могутъ произвести на меня того впечатлѣнія, которое они навѣрно произвели бы, еслибъ вы представились съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ".

На это князь Куракинъ немедленно отвѣтилъ, что онъ пришелъ именно съ бѣлымъ жезломъ, какъ герольдъ мира и согласія.

На этихъ словахъ кончилась эта историческая бесѣда между императоромъ Наполеономъ и русскимъ посломъ, княземъ Куракинымъ, который, въ своемъ длиннѣйшемъ донесеніи отъ 25-го апрѣля (7-го мая), все еще выражаетъ надежду, что если ему дадутъ полномочія, то ему удастся покончить вопросы относительно Польской конвенціи и герцогства Ольденбургскаго. Въ такомъ случаѣ, по его твердому убѣжденію, миръ Европы не будетъ нарушенъ. Князь Куракинъ этихъ полномочій не получилъ и роковой ходъ событій не былъ прерванъ новыми переговорами о судьбѣ Польши или участи герцога Ольденбургскаго. Императоръ французовъ продолжалъ повторять свои обвиненія, а Императоръ Александръ I продолжалъ не вѣрить словамъ своего друга и союзника.

Въ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1811 года Наполеонъ писалъ, что „повтореніе есть наиболѣе могучая фигура риторики". Руководствуясь этимъ началомъ, Наполеонъ сталъ постоянно повторять тѣ самыя обвиненія, которыя онъ высказалъ князю Куракину. Только редакція ихъ постоянно измѣняется, смотря по тому, высказываетъ ли онъ ихъ устно, или письменно. Въ первомъ случаѣ его южная натура заставляла его увлекаться и горячиться; во второмъ каждое слово было взвѣшено и строго обдумано. Если же въ обоихъ случаяхъ

aucun doute quant à la nature et au but des questions posées.

Au milieu du mois de mars l'Empereur Alexandre I reçut une longue lettre de Napoléon du 28 février 1811, dans laquelle celui-ci revenait avec insistance sur le refroidissement qu'il croyait remarquer dans les sentiments de son ami et de son allié de Tilsit, sur le caractère essentiellement hostile à la France du nouveau tarif russe, sur la nature blessante du „manifeste" au sujet de l'incorporation du duché d'Oldenbourg etc.

„Déjà notre alliance", écrit Napoléon, „n'existe plus dans l'opinion de l'Angleterre et de l'Europe: fût-elle aussi entière dans le cœur de Votre Majesté qu'elle l'est dans le mien, cette opinion générale n'en serait pas moins un grand mal. Que Votre Majesté me permette de lui dire avec franchise, Elle a oublié le bien qu'Elle a retiré de l'alliance". Là-dessus Napoléon spécifie en détail toutes les nouvelles acquisitions territoriales de la Russie.

En vertu du traité de Tilsit la Russie devait restituer à la Porte la Moldavie et la Valachie, maintenant il se trouve qu'elle les a réunies à ses domaines. En attendant, ces deux provinces constituent le tiers de la Turquie d'Europe. Ainsi la Russie „anéantit cet Empire, mon plus ancien allié . . . Mais sans ma confiance dans la continuation de son amitié, plusieurs campagnes très malheureuses n'eussent pas amené la France à voir dépouiller ainsi son ancien allié".

En dépit de ces assurances, Napoléon savait parfaitement que „l'ancien allié de la France" n'avait nullement perdu les principautés Danubiennes, quelle que fût son amitié pour Alexandre I.

En ce qui concerne la Suède, écrit Napoléon, „je consentais à ce que Votre Majesté gardât la Finlande, qui est le tiers de la Suède et qui est une province si importante pour Votre Majesté qu'on peut dire que depuis cette réunion il n'y a plus de Suède, puisque Stockholm est maintenant aux avant-postes du royaume. Cependant la Suède, malgré la fausse politique de son roi, était aussi un des anciens amis de la France".

On comprend facilement combien le ton de cette lettre devait blesser l'amour-propre de l'Empereur Alexandre I. A en croire Napoléon

повторяются тѣ же самыя положенія, то не можетъ быть сомнѣнія относительно существа и цѣлей поставленныхъ вопросовъ.

Въ серединѣ марта Императоръ Александръ I получилъ отъ Наполеона длиннѣйшее письмо отъ 28-го февраля 1811 года, въ которомъ подробнымъ образомъ развиваются положенія о прекращеніи въ сердцѣ русскаго Императора любви къ своему тильзитскому другу и союзнику, о непріязненномъ въ отношеніи Франціи характерѣ новаго русскаго таможеннаго тарифа, объ оскорбительномъ характерѣ русскаго „манифеста" по поводу присоединенія герцогства Ольденбургскаго и т. п.

„Нашъ союзъ", пишетъ Наполеонъ, „больше уже не существуетъ во мнѣніи Англіи и Европы. Да если и пребудетъ онъ въ сердцѣ Вашего Величества такимъ цѣльнымъ, какимъ онъ остается въ моемъ, [всетаки это общее мнѣніе составляетъ великое несчастіе. Да позволитъ мнѣ Ваше Величество сказать откровенно, что вы забыли тѣ выгоды, которыя далъ вамъ союзъ". Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ подробно исчисляетъ всѣ русскія новѣйшія территоріальныя пріобрѣтенія.

Въ силу Тильзитскаго трактата Россія должна была возвратить Турціи Молдавію и Валахію, теперь же она ихъ присоединила. Между тѣмъ эти двѣ области составляютъ одну треть всей европейской Турціи. Такимъ образомъ Россія, пишетъ Наполеонъ, „уничтожила это государство, моего наиболѣе стараго друга... Безъ моего довѣрія въ сохраненіи ея дружбы, нѣсколько очень несчастныхъ войнъ не заставили бы Францію допустить такого ограбленія стараго союзника".

Однако Наполеонъ отлично зналъ, что „старый союзникъ" Франціи совсѣмъ не потерялъ Дунайскихъ княжествъ, несмотря на дружбу Императора французовъ съ Александромъ I.

Въ отношеніи Швеціи „я согласился", пишетъ Наполеонъ, „чтобъ Ваше Величество сохранили Финляндію, которая составляетъ треть Швеціи и является провинціей настолько для Васъ важной, что можно сказать послѣ этого присоединенія больше не существуетъ Швеціи, ибо Стокгольмъ находится теперь на аванпостахъ этого королевства. Между тѣмъ Швеція, не взирая на вѣроломную политику ея короля, также принадлежитъ къ старымъ друзьямъ Франціи".

Не трудно себѣ представить, насколько такой тонъ письма Наполеона долженъ былъ задѣть самолюбіе Императора Александра I.

c'est lui qui aurait fait cadeau à la Russie de la Finlande et y aurait incorporé les principautés Danubiennes. Mais quand il ajoute qu'Alexandre subit l'influence des personnes qui ne cessent de le calomnier, on ne saurait s'étonner des sentiments d'irritation que la lecture de cette lettre devait soulever dans le cœur du Souverain de Russie. Napoléon se plut en outre à constater une fois de plus qu'il ne dépendait que de lui de restaurer la Pologne après la bataille de Friedland et après le désastre de l'Autriche en 1809.

„Puisque je ne l'ai pas fait dans aucune de ces circonstances", poursuit Napoléon, „c'est donc que le rétablissement de la Pologne n'était pas dans mes intentions. Mais si je ne veux rien changer à l'état de la Pologne, j'ai le droit aussi d'exiger que personne ne se mêle de ce que je fais en deça de l'Elbe (*sic!*)".

Bien plus: Napoléon dit à Alexandre I sans détour qu'en rompant l'alliance et „en brûlant les conventions de Tilsit", il rendait la guerre presque inévitable. „Tout cela est sans doute bien fâcheux", dit Napoléon en terminant sa lettre et en priant l'Empereur Alexandre de la lire, „dans un bon esprit".

On comprend que l'Empereur Alexandre ne pouvait laisser sans réfutation les accusations que Napoleon lançait contre lui en paroles et dans ses lettres. L'Empereur était profondément convaincu de la justice de sa cause et se voyait forcé de relever le gant que Napoléon lui avait jeté par l'occupation du duché d'Oldenbourg. Il était pénétré de l'amour de la paix, et ce n'est que sur la provocation de Napoléon qu'il jugea de son devoir de chevalier de répondre par des mesures analogues: les armements français donnèrent lieu à ceux de la Russie. L'Empereur Alexandre ne pouvait se décider à assumer la terrible responsabilité de rompre la paix de l'Europe et il était disposé à faire tous les sacrifices, compatibles avec son honneur et sa dignité, pour prévenir une guerre entre la Russie et la France.

Au commencement de mars 1811, l'Empereur ébaucha au crayon de sa propre main un projet de lettre détaillée à Napoléon qui fut recopiée et envoyée à destination. Cette lettre fut signée par l'Empereur le 13 mars et mérite une attention toute particulière.

„Ni mes sentiments ni ma politique n'ont

Если вѣрить Наполеону, то онъ подарилъ Финляндію Россіи и присоединилъ къ ней еще Дунайскія княжества. Если же онъ еще прибавляетъ, что Александръ подпалъ подъ вліяніе людей, неустанно клевещущихъ на него, то понятно чувство раздраженія, которое оставило у Государя наполеоновское письмо. Наполеонъ еще разъ подтвердилъ, что отъ него исключительно зависѣло возстановить Польшу послѣ битвы при Фридландѣ и послѣ погрома Австріи въ 1809 году.

„И такъ какъ я этого не сдѣлалъ", продолжаетъ Наполеонъ, „ни въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ, то это доказываетъ, что возстановленіе Польши не входило въ мои виды. Однако, если я ничего не желаю измѣнять въ положеніи Польши, то я имѣю право требовать, чтобы никто не вмѣшивался въ то, что я дѣлаю за Эльбою" (sic!).

Этого мало: Наполеонъ прямо говоритъ Александру I, что послѣдній, разорвавъ союзъ и „сжегши Тильзитскіе акты", дѣлаетъ войну почти неизбѣжною. „Все это безъ сомнѣнія весьма прискорбно!"—оканчиваетъ свое письмо Наполеонъ, прося Императора Александра прочесть его въ „добромъ настроеніи".

Совершенно понятно, что Императоръ Александръ I не могъ оставить безъ опроверженія обвиненія, которыя Наполеонъ выставлялъ противъ него какъ на словахъ, такъ и въ своихъ письмахъ. Императоръ былъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своей и считалъ себя вынужденнымъ поднять перчатку, которую бросилъ ему Наполеонъ захватомъ Ольденбургскаго герцогства. Онъ былъ проникнутъ любовью къ миру и только на вызовъ императора французовъ онъ считалъ своимъ рыцарскимъ долгомъ отвѣтить тѣмъ же: французскія вооруженія вызвали русскія. Императоръ Александръ не могъ согласиться взять на себя страшную отвѣтственность за нарушеніе европейскаго мира и готовъ былъ принести всѣ жертвы, согласныя съ его честью и достоинствомъ, для предупрежденія войны между Россіей и Франціей.

Въ началѣ марта 1811, года Государь собственноручно, карандашемъ, составилъ проектъ подробнаго письма къ Наполеону, которое затѣмъ было переписано и отправлено въ половинѣ марта по назначенію. Подписано оно было Государемъ 13-го марта 1811 года и заслуживаетъ глубокаго вниманія.

„Ни мои чувства, ни моя политика", писалъ

pas changé", écrit le Tsar „et je ne désire que le maintien et la consolidation de notre alliance. Ne m'est-il pas plutôt permis de supposer que c'est Votre Majesté qui a changé à mon égard?... Votre Majesté m'accuse d'avoir protesté contre l'affaire d'Oldenbourg, mais pouvais-je ne pas le faire? Un petit coin de terre que possédait l'unique individu qui appartient à ma famille, qui a passé par toutes les formalités qu'on a exigées de lui, membre de la confédération, et par là sous la protection de Votre Majesté, et dont les possessions se trouvent garanties par un article du traité de Tilsit, s'en trouve dépossédé sans que Votre Majesté m'en a dit un mot préalablement!"

„De quelle importance ce coin de terre pouvait être pour la France, et ce procédé prouvait-il à l'Europe l'amitié de Votre Majesté pour moi? Aussi toutes les lettres écrites de partout à cette époque prouvent qu'on l'a envisagé comme un désir que Votre Majesté a eu de nous blesser." En ce qui regarde sa protestation, l'Empereur Alexandre affirme que sa rédaction même prouve sa ferme résolution de maintenir l'accord avec la France.

„Votre Majesté suppose", poursuit Alexandre I, „que mon oukaze sur le tarif est dirigé contre la France. Je dois combattre cette opinion comme gratuite et peu juste. Ce tarif a été impérieusement commandé par la gêne extrême du commerce maritime, par l'importation énorme par terre de marchandises étrangères de prix, par les droits excessifs mis dans les Etats de Votre Majesté sur les produits russes et par la baisse effrayante de notre change. Il a deux buts en vue: le premier c'est qu'en prohibant avec la plus grande sévérité le commerce anglais, d'accorder quelques facilités au commerce américain comme le seul par mer dont la Russie puisse se servir pour exporter les produits trop volumineux pour pouvoir l'être par terre; le 2-d -restreindre autant que faire se peut l'importation par terre, comme la plus désavantageuse pour notre balance de commerce".

En vue de cet objectif du nouveau tarif, l'Empereur Alexandre I exprima l'espoir que Napoléon voudra bien se convaincre qu'il n'est dirigé ni contre la France, ni contre toute autre

Царь, „не измѣнились, и я ничего другого не желаю, какъ сохраненія и укрѣпленія нашего союза. Не позволено ли скорѣе мнѣ предполагать, что именно Ваше Величество измѣнились въ отношеніи меня?... Ваше Величество обвиняете меня въ протестѣ по Ольденбургскому дѣлу. Но развѣ я могъ не протестовать? Маленькимъ кускомъ земли владѣло единственное лицо, принадлежащее къ моему семейству и подчинившееся всѣмъ условіямъ, предъявленнымъ ему, какъ члену конфедераціи, и, слѣдовательно, состоявшему подъ покровительствомъ Вашего Величества, и эти владѣнія были ему гарантированы статьею Тильзитскаго трактата: они отняты у него, и Ваше Величество объ этомъ не предупредили меня ни единымъ словомъ!"

„Какое значеніе этотъ клочекъ земли могъ имѣть для Франціи, и такой образъ дѣйствія доказывалъ ли Европѣ дружбу Вашего Величества ко мнѣ? Вотъ почему всѣ письма, отовсюду поступившія въ то время, подчеркиваютъ, что въ дѣйствіи этомъ видѣли желаніе Вашего Величества насъ оскорбить". Что же касается протеста, то Императоръ Александръ утверждаетъ, что самая редакція его доказываетъ твердое его рѣшеніе поддерживать союзъ свой съ Франціей.

„Ваше Величество", продолжаетъ Александръ I, „предполагаете, что мой указъ о тарифѣ направленъ противъ Франціи. Я долженъ опровергнуть это мнѣніе, какъ неосновательное и мало справедливое. Этотъ тарифъ былъ непреодолимымъ образомъ вызванъ чрезвычайнымъ паденіемъ морской торговли, громаднымъ сухопутнымъ привозомъ иностранныхъ цѣнныхъ товаровъ, чрезвычайными пошлинами, установленными на русскія произведенія во владѣніяхъ Вашего Величества и страшнымъ паденіемъ нашего курса. Онъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: 1) запрещая англійскую торговлю съ наибольшею строгостью, предоставить нѣкоторое облегченіе американской торговлѣ, единственной, которою Россія можетъ воспользоваться для вывоза моремъ заграницу своихъ произведеній, слишкомъ громоздкихъ для сухопутной отправки; 2) ограничить насколько возможно сухопутный привозъ, какъ наиболѣе невыгодный для нашего торговаго баланса".

Въ виду такихъ цѣлей новаго тарифа Императоръ Александръ I выразилъ надежду, что Наполеонъ убѣдится, что онъ не направленъ ни противъ Франціи, ни противъ другой какой

puissance de l'Europe. Il est en tous points conforme aux principes du système continental. Quant au grief de Napoléon de ne pas avoir été consulté à ce sujet par Alexandre I, cette disposition, relevant exclusivement du ressort de l'administration intérieure, ne comportait pas la nécessité d'une entente préalable avec les gouvernements étrangers.

„Mais que Votre Majesté me permette encore une observation", poursuit le Tsar. „Est-il juste de sa part de m'en faire la remarque quand Elle-même a tenu la même conduite et m'a tout aussi peu averti sur les mesures qu'Elle a jugé devoir prendre sur le commerce non seulement dans son empire, mais dans toute l'Europe. Cependant ces mesures ont eu une réaction bien plus forte sur le commerce de la Russie que celles du tarif russe n'en auront sur celui de la France"...

Dans cette lettre remarquable, l'Empereur Alexandre I ne se contenta pas d'établir sa pleine liberté d'action dans le domaine de la législation douanière, mais il jugea en même temps opportun de réfuter les accusations que lui adressait Napoléon quant à la violation des engagements de Tilsit.

„Je crois pouvoir dire à juste titre", écrivait-il, „que la Russie a observé plus scrupuleusement le traité de Tilsit que la France et ce qu'Elle cite sur la Moldavie et la Valachie ne peut jamais être imputé à la Russie comme infraction des clauses de ce traité... La convention d'Erfurt m'assure la possession de la Moldavie et de la Valachie, par conséquent je me trouve entièrement en règle. Quant à la conquête de la Finlande, elle n'était pas dans ma politique, et Votre Majesté doit se rappeler que je n'ai entrepris la guerre contre la Suède qu'à la suite du système continental. Le succès de mes armes m'a valu la possession de la Finlande".

Après avoir fait justice de ces reproches de Napoléon, l'Empereur Alexandre prend lui-même l'offensive contre son ami et son allié.

„Mais si Votre Majesté", poursuit-il, „cite les avantages que la Russie a retirés de son alliance avec la France, ne puis-je pas citer à mon tour ceux, retirés par la France, et les immenses réunions qu'elle a faites d'une partie

либо европейской державы. Онъ совершенно согласенъ съ основными положеніями континентальной системы. Что же касается упрека Наполеона въ томъ, что Александръ I его не спрашивалъ объ этой мѣрѣ до ея обнародованія, то, будучи мѣрою внутренней администраціи, она не нуждалась въ предварительномъ обмѣнѣ мнѣній съ иностранными правительствами.

„Но Ваше Величество позволите мнѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе", продолжаетъ Царь. „Справедливо ли съ вашей стороны дѣлать мнѣ по этому поводу упрекъ, когда вы сами поступили такимъ же образомъ и не подумали предупредить меня о мѣрахъ, которыя признали нужными принять относительно торговли не только въ вашей имперіи, но во всей Европѣ. Однако, эти мѣропріятія оказали на торговлю Россіи несравненно болѣе сильное дѣйствіе, нежели можетъ имѣть русскій тарифъ на торговлю Франціи"...

Императоръ Александръ, въ своемъ замѣчательномъ письмѣ, не удовольствовался оговорить самымъ рѣшительнымъ образомъ свою полную свободу въ области внутренняго таможеннаго законодательства, но призналъ не менѣе нужнымъ отпарировать обвиненія его Наполеономъ въ нарушеніи подписанныхъ въ Тильзитѣ обязательствъ.

„Я считаю себя въ полномъ правѣ сказать", писалъ онъ, „что Россія болѣе добросовѣстно, чѣмъ Франція, соблюдала Тильзитскій трактатъ, и то, что вы приводите касательно Молдавіи и Валахіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ вину Россіи, какъ нарушеніе постановленій этого акта... Эрфуртская конвенція обезпечиваетъ за мною владѣніе Молдавіей и Валахіей, и слѣдовательно я поступаю совершенно правильно. Что касается завоеванія Финляндіи, то оно не было въ моихъ политическихъ планахъ, и Ваше Величество должны припомнить, что я предпринялъ войну противъ Швеціи только вслѣдствіе континентальной системы. Успѣхъ моего оружія доставилъ мнѣ пріобрѣтеніе Финляндіи".

Давъ отпоръ Наполеону въ его упрекахъ и обвиненіяхъ, Императоръ Александръ приступаетъ затѣмъ самъ къ аттакѣ своего друга и союзника.

„Однако", продолжаетъ онъ свое письмо, „если Ваше Величество исчисляете выгоды, извлеченныя Россіей изъ ея союза съ Франціей, то не могу ли и я, съ своей стороны, указать на выгоды, полученныя Франціей, и на громадныя

de l'Italie, du Nord de l'Allemagne, de la Hollande etc?“

Mais l'Empereur Alexandre ne croit pas devoir renforcer cette attaque par la spécification des événements politiques qui attestent l'habileté de Napoléon à profiter de l'alliance avec la Russie pour l'accomplissement de ses projets de conquête. Il se borne à poser la question délicate, ci-dessus mentionnée et à constater le fait que seuls les armements de Napoléon l'ont placé dans la nécessité de transformer les cadres de quelques régiments de son armée. Les concentrations de troupes françaises dans l'Allemagne du Nord, à proximité des frontières russes, et les mesures militaires, prises dans le duché de Varsovie trahissaient avec évidence les intentions hostiles de Napoléon à l'égard de la Russie.

„Tel est l'état exact des choses“, poursuit Alexandre I. „Votre Majesté, si Elle veut être juste reconnaîtra qu'on ne peut pas être plus scrupuleux que je l'ai été dans le maintien du système que j'ai embrassé“.

„Au reste ne convoitant rien à mes voisins, aimant la France — quel intérêt aurais-je à vouloir la guerre? La Russie n'a pas besoin de conquêtes et peut-être ne possède que trop de terrain. Le génie si supérieur que je reconnais à Votre Majesté pour la guerre ne me laisse aucune illusion sur la difficulté de la lutte qui pourrait s'élever entre nous“.

„D'ailleurs mon amour-propre est attaché au système d'union avec la France. L'ayant établi comme un principe de politique pour la Russie, ayant dû combattre assez longtemps les anciennes opinions qui y étaient contraires, il n'est pas raisonnable de me supposer l'envie de détruire mon ouvrage et de faire la guerre à Votre Majesté, et si Elle la désire aussi peu que moi, très certainement elle ne se fera pas“...

En terminant cette longue lettre, Alexandre I fait appel encore une fois aux sentiments d'union et d'amitié de Napoléon en l'assurant qu'il ne dépend que de lui non seulement de consolider l'alliance entre les deux nations, mais encore de rendre impossible toute rupture entre elles. Si la guerre venait à éclater, ce ne serait que parce que Napoléon l'aura voulu. „Je saurais alors“, dit l'Empereur Alexandre I, „combattre et vendre chèrement mon existence“.

пріобрѣтенія, сдѣланныя вами насчетъ Италіи, сѣверной Германіи, Голландіи и т. д.?“

Но Императоръ Александръ не нашелъ полезнымъ усугублять эту аттаку подробнымъ перечнемъ всѣхъ политическихъ событій, служившихъ доказательствомъ несомнѣннаго умѣнья Наполеона пользоваться союзомъ съ Россіей для завершенія своихъ завоевательныхъ замысловъ. Онъ ограничился постановкою вышеприведеннаго щекотливаго вопроса и подтвержденіемъ того положительнаго факта, что только вооруженія, предпринятыя Наполеономъ, заставили его также приступить къ переформированію нѣсколькихъ полковъ своей арміи. Сосредоточеніе французскихъ войскъ въ сѣверной Германіи, близъ русскихъ границъ, и военныя мѣры, принятыя въ Варшавскомъ герцогствѣ, явнымъ образомъ обнаруживали враждебныя намѣренія Наполеона противъ Россіи.

„Таково дѣйствительное положеніе вещей“, продолжаетъ Александръ I. „Если Ваше Величество желаете быть справедливымъ, то признаете, что нельзя быть болѣе, чѣмъ я, добросовѣстнымъ въ поддержаніи системы, мною принятой“.

„Впрочемъ, ничего не желая отъ моихъ сосѣдей, любя Францію, — какой интересъ могъ бы я имѣть, чтобъ желать войны? Россія не нуждается въ завоеваніяхъ и, можетъ быть, даже владѣетъ слишкомъ многими землями. Столь выдающійся военный геній, который я признаю за Вашимъ Величествомъ, не оставляетъ у меня никакой иллюзіи на счетъ опасностей войны, могущей между нами возникнуть“.

„Къ тому жъ мое самолюбіе меня связываетъ съ союзною системою съ Франціей. Если я поставилъ ее какъ политическій принципъ для Россіи, если былъ вынужденъ довольно долго бороться противъ старыхъ воззрѣній ей противныхъ, то неразумно приписывать мнѣ намѣреніе разрушить мое дѣло и воевать съ Вашимъ Величествомъ, и если вы также мало, какъ я, этого желаете, то войны навѣрное не будетъ“...

Въ заключеніе своего длиннаго письма Александръ I еще разъ взываетъ къ чувствамъ союза и дружбы Наполеона, увѣряя его, что только отъ него одного зависитъ не только еще болѣе закрѣпить союзъ между обоими народами, но сдѣлать вообще всякій разрывъ между ними совершенно невозможнымъ. Если война возникнетъ, то только потому, что Наполеонъ ее пожелаетъ. Въ такомъ случаѣ „я сумѣю сражаться“, кончаетъ свое письмо

On comprend que cette lettre du Tsar, si empreinte de franchise, ne pouvait en aucune manière faire une bonne impression sur Napoléon. Il n'y trouva ni de nouvelles propositions, ni des réponses aux questions qu'il avait posées. Les deux parties trahissaient des défiances mutuelles et se montraient disposées à défendre leurs droits et leurs intérêts par la voie des armes.

Dans ces conditions, l'arrivée à St.-Pétersbourg du comte Lauriston, nouvellement accrédité en qualité d'ambassadeur, était impuissante à arrêter les deux puissances dans la voie qui devait les amener fatalement à un dénouement sanglant. Le nouvel ambassadeur était certainement animé des meilleures intentions pour empêcher la guerre, mais dut se convaincre bientôt de la complète stérilité de ses efforts en vue d'obtenir ce but. Il remit à l'Empereur Alexandre une nouvelle lettre de Napoléon du 6 avril qui, à côté d'assurances d'amitié et d'attachement, contenait des menaces nullement dissimulées. Si on mettait en balance les unes et les autres, il est certain que les menaces l'eussent considérablement emporté.

Napoléon fait entendre encore une fois que la Russie s'expose à subir le même sort que la Prusse en 1807 et l'Autriche en 1809; il croit devoir prévenir son ami et allié de ne pas se laisser entraîner pas des „fantômes", tout en l'assurant qu'il restera toujours „l'ami de la personne de Sa Majesté", même si „la fatalité" le forçait à prendre les armes contre lui. Dans tous les cas Napoléon se gardera de prendre l'offensive et aura soin de conformer sa conduite à la sienne.

Le comte Lauriston s'appliqua à remplir ses instructions en assurant l'Empereur Alexandre des intentions pacifiques de son souverain et en exprimant quelques défiances au sujet des armements de la Russie.

Alexandre I lui proposa d'envoyer un de ses aides-de-camp dans les localités de l'Empire, où l'on procédait, à son avis, à la mobilisation de l'armée. On pourrait se convaincre qu'il n'y a point de concentration de troupes ni aux frontières du duché de Varsovie, ni à leur proximité. Quant aux mouvements de l'armée française dans l'Allemagne du Nord c'est un fait positif et incontestable qui ne saurait être réfuté par les belles phrases émanant de la

Императоръ Александръ I, „и дорого продать свою жизнь".

Совершенно понятно, что откровенное письмо Царя не могло произвести на императора французовъ хорошаго впечатлѣнія. Онъ не нашелъ въ немъ никакихъ новыхъ предложеній и никакихъ отвѣтовъ на поставленные имъ вопросы. Обѣ стороны обнаружили явную взаимную недовѣрчивость и готовность съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права и интересы.

При такихъ обстоятельствахъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ новаго французскаго посла, графа Лористона никакъ не могъ остановить приближеніе обѣихъ державъ къ роковой кровавой развязкѣ. Новый посолъ имѣлъ, по всей вѣроятности, наилучшія намѣренія предупредить войну, но весьма скоро долженъ былъ убѣдиться въ совершенной безуспѣшности подобныхъ стараній. Онъ вручилъ Императору Александру новое письмо Наполеона отъ 6-го апрѣля 1811 года, въ которомъ, рядомъ съ объясненіями въ дружбѣ и привязанности, имѣются совершенно открытыя угрозы. Если тѣ и другія поставить на вѣсы, то навѣрно послѣднія значительно перевѣсили бы первыя.

Наполеонъ опять угрожаетъ Россіи судьбою Пруссіи въ 1807 году и Австріи въ 1809 году; онъ предупреждаетъ своего друга и союзника, чтобъ онъ не увлекался „призраками", утѣшая его въ то же время увѣреніемъ, что самъ онъ навсегда останется его „личнымъ другомъ", даже когда „злой рокъ" заставитъ его съ оружіемъ въ рукахъ идти противъ него. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ никогда не нападетъ на Императора Александра и свое поведеніе будетъ сообразовать съ его поведеніемъ.

Графъ Лористонъ исполнилъ данныя ему инструкціи и сталъ увѣрять Императора Александра въ абсолютно миролюбивыхъ намѣреніяхъ Наполеона, но, съ другой стороны, выражалъ подозрѣнія относительно русскихъ вооруженій.

Александръ I предложилъ ему отправить одного изъ своихъ адъютантовъ въ тѣ мѣста Имперіи, гдѣ, по его мнѣнію, производится мобилизація русскихъ войскъ. Ни на границахъ Варшавскаго герцогства, ни вблизи этихъ границъ не происходитъ сосредоточенія русской арміи. Что же касается, напротивъ, передвиженія французской арміи въ сѣверной Германіи, то это положительный и безспорный фактъ, который не можетъ быть опровергнутъ

plume de Napoléon ou de la bouche de son ambassadeur.

„Qui de nous deux est donc celui qui arme?“ demanda à Napoléon l'Empereur Alexandre dans sa lettre du 6 mai 1812, par laquelle il répondit à celle du 6 avril. „Mon armée est dans ses cantonnemens habituels et celle de Votre Majesté est en pleine marche“.

Si Napoléon ne cesse de rappeler le sort de la Prusse et de l'Autriche en 1807 et 1809, il semble oublier complètement que „la Prusse et l'Autriche voulaient (*sic!*) la guerre. Moi je ne la veux pas, je ne convoite rien à personne et n'ai envie d'aucun agrandissement. Je ne désirais que la conservation intacte du traité de Tilsit“, violé par l'expulsion du duc d'Oldenbourg de ses possessions légitimes.

La correspondance personnelle des deux alliés ne contribua nullement à écarter ces divergences et à dissiper ces malentendus. Les négociations diplomatiques ne réussirent également pas à rétablir les anciennes relations d'alliance. La guerre semblait l'unique moyen de résoudre le conflit. Personne à cette époque n'eût songé à recourir à l'arbitrage d'un tiers pour aplanir ces difficultés.

Le duc de Bassano, qui venait d'être nommé au poste de Ministre des Affaires Etrangères, déployait beaucoup de zèle en vue d'arriver à une solution pacifique. Il faisait entendre au prince Kourakine que Champagny fut éloigné des affaires parce qu'il se permettait de soustraire à la connaissance de Napoléon les dépêches et les instructions du comte Roumiantzow que lui communiquait le représentant de Russie! Le prince Kourakine fut lui-même très surpris de cette découverte, sans vouloir entrer en discussion à ce sujet; pour sa part, il trouvait le duc de Cadore „peu capable“. Celui-ci traitait le prince du haut de sa grandeur et lui faisait entendre que son gouvernement ne le chargeait d'aucune mission et ne le munissait d'aucun pleinpouvoir.

Lorsque après sa nomination Bassano se mit à fréquenter l'ambassadeur de Russie et cherchait à lui exposer qu'il serait possible de régler la question d'Oldenbourg, si la Russie consentait à reconnaître le fait accompli, le prince Kourakine crut devoir lui déclarer qu'il n'était pas autorisé à poursuivre des négociations de cette nature. Quand Bassano lui déclara

прекрасными фразами изъ подъ пера Наполеона или изъ краснорѣчивыхъ устъ его посла.

„Кто же изъ насъ обоихъ вооружается?“ спросилъ Императоръ Александръ I Наполеона въ письмѣ отъ 6-го мая 1811 года, которымъ онъ отвѣтилъ на письмо его отъ 6-го апрѣля. „Моя армія стоитъ на своихъ обыкновенныхъ квартирахъ, а войска Вашего Величества находятся въ полномъ передвиженіи“.

Если же Наполеонъ постоянно вспоминаетъ о судьбахъ Пруссіи и Австріи въ 1807 и 1809 годахъ, то онъ совершенно забываетъ, что „Пруссія и Австрія (sic!) желали войны, а я ея не желаю, никому не завидую и никакого приращенія не ищу“, писалъ Александръ. „Я только желаю полнаго сохраненія Тильзитскаго трактата“, нарушеннаго лишеніемъ герцога Ольденбургскаго его законныхъ владѣній.

Личная переписка обоихъ императоровъ-союзниковъ нисколько не устранила существующія между ними разногласія и нисколько не уладила возникшій раздоръ. Дипломатическіе переговоры также не приводили къ возстановленію прежнихъ союзныхъ отношеній. Война осталась единственнымъ средствомъ для разрѣшенія этого столкновенія. Никто въ тѣ времена и не заикнулся объ обращеніи къ третейскому суду для окончанія спора

Новый французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, дюкъ Бассано, обнаружилъ очень много рвенія къ улаженію возникшихъ недоразумѣній. Онъ доказывалъ князю Куракину, что Шампаньи получилъ отставку, ибо, какъ оказалось, скрывалъ отъ Наполеона содержаніе депешъ и инструкцій графа Румянцева, сообщенныхъ ему княземъ Куракинымъ! Самъ князь былъ озадаченъ такимъ открытіемъ, но спорить не желалъ; самъ онъ считалъ герцога Кадорскаго только „мало способнымъ“. Послѣдній же, съ своей стороны, смотрѣлъ на князя немного свысока и неоднократно упрекалъ его въ томъ, что правительство его ничего ему не поручаетъ и ни на что его не уполномочиваетъ.

Когда Бассано, послѣ своего назначенія, сталъ посѣщать русскаго посла и доказывать ему, что Ольденбургскій вопросъ можно уладить подъ условіемъ признанія со стороны Россіи совершившагося факта, князь Куракинъ долженъ былъ признаться, что онъ не уполномоченъ на веденіе такого рода дипломатическихъ переговоровъ. Когда затѣмъ Бассано объявилъ ему,

ensuite que Napoléon était disposé à ne plus prendre ombrage de la circulaire russe au sujet du duché d'Oldenbourg et à la considérer comme non avenue, l'ambassadeur se trouva embarrassé de donner une réponse et se borna à répéter que par la réunion du duché à ses domaines Napoléon viola le traité de Tilsit. A la suite de cette réponse, toute naturelle, mais qui avançait peu les affaires, Bassano fit observer „qu'il n'était pas du tout préparé à cet argument!" Le prince Kourakine fut très surpris de ces paroles du Ministre des Affaires Etrangères de France, bien qu'elles exprimassent parfaitement son état de perplexité: au point de vue du gouvernement français les récriminations étaient sans objet, il était désirable d'en arriver à un accord en vue du fait accompli. (Dépêches du prince Kourakine des 6 (18) et 8 (20) mars 1811).

Une semaine après, Bassano se rendit de nouveau chez l'ambassadeur de Russie et se mit à se plaindre du manque de sincérité du gouvernement russe et du peu de cas qu'il faisait de son alliance avec Napoléon. Comme preuve à l'appui, il signalait les concentrations continuelles des troupes russes sur la frontière de l'Ouest. Le prince Kourakine contesta au début l'exactitude de ces renseignements, mais finit par les admettre, et crut pouvoir justifier ces mesures militaires par les embarras financiers du trésor (*sic!*).

Bassano eut quelque difficulté à comprendre la finesse de ces explications et demanda avec insistance que le gouvernement russe finisse par s'énoncer clairement sur la nature de ses vœux. Kourakine répondit à cela que la France, ayant violé le traité de Tilsit devait être la première à formuler des ouvertures.

Comme Bassano s'abstint d'en faire aucune, Kourakine proposa, comme de lui-même, l'idée d'indemniser le duc d'Oldenbourg, par la cession d'une partie du duché de Varsovie que le roi de Saxe pourrait céder en échange d'Erfurt avec un territoire adjacent. Cette idée plût au ministre français et il promit de la soumettre à Napoléon. L'ambassadeur était convaincu que Napoléon ne désirait pas de rupture avec la Russie et eût été très heureux de trouver une solution pacifique à la crise actuelle. Il suppliait son gouvernement de lui donner des instructions et de le munir des pouvoirs nécessaires pour traiter la question d'Oldenbourg.

что Наполеонъ готовъ болѣе не обижаться русскимъ циркуляромъ по Ольденбурскому дѣлу и считать его несуществующимъ, русскій посолъ не зналъ, что отвѣтить, и могъ только повторить, что присоединеніемъ герцогства Ольденбургскаго къ своимъ владѣніямъ Наполеонъ нарушилъ Тильзитскій трактатъ. На такой естественный, но мало полезный отвѣтъ Бассано только замѣтилъ, что „онъ совершенно не былъ подготовленъ выслушать такой доводъ!" Князя Куракина очень изумило это заявленіе французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, хотя оно вполнѣ ясно выражало его недоумѣніе: съ точки зрѣнія французскаго правительства безполезны были пререканія, но было желательно придти къ какому нибудь соглашенію въ виду совершившагося безповоротно факта. (Донесеніе князя Куракина отъ 6-го (18-го) и 8-го (20-го) марта 1811 года).

Черезъ недѣлю Бассано опять пришелъ къ русскому послу и сталъ ему жаловаться на неискренность русскаго Императора и на пренебреженіе союзомъ съ Наполеономъ. Въ видѣ доказательствъ онъ приводилъ постоянныя передвиженія и сосредоточеніе русскихъ войскъ на западныхъ границахъ. Князь Куракинъ сперва оспаривалъ основательность этихъ свѣдѣній, но затѣмъ согласился ихъ признать. Однако, въ объясненіе такихъ военныхъ мѣропріятій, онъ выставилъ—финансовыя затрудненія казны (*sic!*).

Бассано не совсѣмъ понялъ остроуміе этого объясненія движенія русскихъ войскъ къ западнымъ границамъ и сталъ настаивать на томъ, чтобъ русское правительство наконецъ высказалось, чего оно собственно желаетъ. Куракинъ возразилъ, что Франція нарушила Тильзитскій трактатъ и поэтому она должна прежде сдѣлать свои предложенія.

Когда же Бассано никакого предложенія не сдѣлалъ, то Куракинъ, отъ себя, подалъ мысль о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго частью Варшавскаго герцогства, которую король саксонскій могъ бы уступить, получивъ взамѣнъ Эрфуртъ съ окрестностью. Эта мысль очень понравилась французскому министру и онъ обѣщалъ доложить о ней Наполеону. Самъ посолъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ не желаетъ разрыва съ Россіей и былъ бы очень радъ выйти мирнымъ путемъ изъ настоящаго кризиса. Онъ умолялъ свое правительство дать ему инструкцію и снабдить его полномочіемъ на веденіе переговоровъ по Ольденбургскому дѣлу. Онъ

Il ne reçut ni les unes ni les autres, aussi Napoléon ne pouvait-il guère le considérer comme un diplomate, investi de la confiance de son gouvernement et initié à ses vues. (Dépêches du prince Kourakine du 15 (27) mars et du 27 mars (9 avril) 1811).

C'est dans ce même sens que s'énonçait Napoléon à toute occasion qui se présentait.

En avril le comte Tschernischew arriva à Paris, porteur de la lettre de l'Empereur Alexandre I, du mois de mars. Napoléon aimait à s'entretenir avec ce jeune officier russe, qui se distinguait par son esprit et son élégance, et se montrait à son égard moins réservé qu'avec d'autres personnages officiels russes. Cette fois également Napoléon se livra à des confidences dont Tschernischew crut devoir rendre un compte exact à son souverain.

Napoléon commença par lui exprimer son mécontentement au sujet de la lettre de l'Empereur Alexandre. „Cependant je vois d'après tout, mon cher ami", dit-il, „que malgré la célérité de vos deux courses, la lettre que vous m'apportez et toute votre mission se bornent à m'adresser quelques reproches. Nous voilà donc tout aussi avancé qu'avant votre départ". A cette époque-là Napoléon honora Tschernischew d'un long entretien, que nous avons résumé plus haut.

Le jeune officier russe aborda lui-même la question d'Oldenbourg et signala le projet du prince Kourakine d'indemniser le duc par la cession du duché de Varsovie. Napoléon eut de la peine à se contenir pour laisser à son interlocuteur le temps d'énoncer sa pensée: il se mit à arpenter la chambre avec précipitation, une grande excitation se trahissait dans tous ses mouvements, il s'arrêta finalement et prononça avec colère ces paroles significatives:

„Non, Monsieur, heureusement nous ne sommes pas encore réduit à cette extrémité: donner le duché de Varsovie pour l'Oldenbourg serait le comble de la démence. Quel effet produirait sur les Polonais la cession d'un pouce de leur territoire au moment où la Russie nous menace. Tous les jours, Monsieur, on me répète de toute part que votre projet est d'envahir le duché. Eh bien! nous ne sommes pas encore tous morts. Je ne suis pas plus fanfaron qu'un autre. Je sais que vos moyens sont grands, que votre armée est aussi belle que brave et j'ai trop livré de batail-

не получилъ ни того, ни другого, и Наполеонъ не могъ смотрѣть на князя Куракина какъ на лицо, которое пользуется довѣріемъ своего правительства и которому хорошо извѣстны его намѣренія. (Донесенія князя Куракина отъ 15-го (27-го) марта и 27-го марта (9-го апрѣля) 1904 г.).

Въ этомъ именно смыслѣ неоднократно высказывался Наполеонъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Парижъ гр. Чернышевъ съ мартовскимъ письмомъ Императора Александра I. Наполеонъ любилъ бесѣдовать съ этимъ умнымъ и элегантнымъ русскимъ офицеромъ и бывалъ съ нимъ откровеннѣе, нежели съ другими русскими официальными лицами. На этотъ разъ Наполеонъ опять пустился съ нимъ въ откровенности, о которыхъ Чернышевъ представилъ подробный отчетъ своему Государю.

Наполеонъ, прежде всего, выразилъ Чернышеву свое неудовольствіе на письмо Императора Александра. „По всему я вижу, милый другъ", сказалъ Наполеонъ, „что, несмотря на скорость вашихъ двухъ поѣздокъ, привезенное вами письмо и вся ваша миссія исчерпываются нѣсколькими упреками по моему адресу. Итакъ мы остаемся на томъ же мѣстѣ, на которомъ находились передъ послѣднимъ вашимъ отъѣздомъ". Тогда Наполеонъ удостоилъ Чернышева весьма долгимъ разговоромъ, о которомъ данъ выше отчетъ.

Молодой русскій офицеръ самъ заговорилъ о герцогствѣ Ольденбургскомъ и высказалъ мысль князя Куракина о возможности вознагражденія герцога Ольденбургскаго передачею ему Варшавскаго герцогства. Наполеонъ съ трудомъ могъ удержаться, чтобъ дать кончить Чернышеву: онъ сталъ ходить большими шагами по комнатѣ; во всѣхъ его движеніяхъ видно было сильное возбужденіе; наконецъ онъ остановился и съ горячностью произнесъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Нѣтъ, милостивый государь мой, къ счастью мы еще не принуждены принять такую крайнюю мѣру: уступить Варшавское герцогство за Ольденбургъ было бы верхомъ безумія. Какое впечатлѣніе произвела бы на Поляковъ уступка одной пяди ихъ земли въ моментъ, когда Россія намъ угрожаетъ. Каждый день мнѣ со всѣхъ сторонъ доносятъ, что вашъ планъ заключается въ захватѣ герцогства. Однако мы еще не всѣ умерли. Я не болѣе фанфаронъ, чѣмъ всякій другой. Я знаю, что ваши силы велики, что ваша армія столько же прекрасна,

les pour ne pas connaître à combien peu de choses tient leur sort, mais comme les chances sont égales, dans le cas que le Dieu de la victoire se range de notre côté, je ferai repentir la Russie de sa démarche et c'est alors qu'elle pourra perdre non seulement ses provinces polonaises, mais aussi la Crimée".

Dans le cours de cette scène orageuse Napoléon énonçait, en élevant la voix, ses menaces contre la Russie et son déplaisir au sujet de la conduite de l'Empereur Alexandre. Toutefois le comte Tschernischew lui était sympathique et désirant lui prouver que le déplaisir que lui causait la politique de son gouvernement ne portait aucune atteinte à ses sentiments personnels, il eut recours à son procédé habituel: après avoir marché de long en large il s'arrêtait de temps en temps devant lui et lui pinçait l'oreille. Le comte avait souvent les larmes aux yeux à force de douleur, mais il savait que c'était la preuve la plus éclatante des sympathies de Napoléon et le supportait avec courage. Ainsi tout en lui pinçant l'oreille Napoléon demanda à Tschernischew si l'Empereur Alexandre lui attribuait sérieusement l'intention de rétablir la Pologne?

Napoléon finit par lui dire: „Maintenant voulez-vous que je vous dévoile ma pensée sur tout ceci? La voilà: j'entends dire que l'Empereur Alexandre veut la paix; l'Empereur Napoléon la désire aussi. Mr. le comte Roumiantzow la veut pareillement et à coup sûr Champagny a le même désir. Cela n'empêche pourtant pas d'avoir les inquiétudes et de craindre que la guerre ait lieu".

Le compte-rendu de cet entretien de Tschernischew avec Napoléon est très long et très intéressant. L'entretien dura plus de quatre heures et Napoléon aborda tous les sujets. L'Empereur Alexandre fut si satisfait de l'attitude de Tschernischew qu'il fit de sa propre main l'annotation suivante, très curieuse, sur le rapport détaillé du comte du 9 (21) avril 1811: „Pourquoi n'ai-je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme". Tschernischew avait 25 ans à cette époque.

Toutefois cette longue entrevue de Napoléon avec le comte Tschernischew, durant laquelle il ne cessait de pincer l'oreille du jeune officier de

сколько храбра, и я достаточно часто давалъ сраженія, чтобъ не знать, отъ какихъ ничтожныхъ обстоятельствъ зависитъ ихъ исходъ. Но такъ какъ шансы равны, то если Богъ побѣды будетъ на нашей сторонѣ, я заставлю Россію пожалѣть о ея рѣшеніи, и вотъ тогда она можетъ потерять не только свои польскія области, но и Крымъ".

Въ продолженіи этой бурной сцены Наполеонъ возвышеннымъ голосомъ высказывалъ свои угрозы противъ Россіи и свое негодованіе на образъ дѣйствія Императора Александра. Однако лично онъ любилъ гр. Чернышева и, желая ему доказать, что его неудовольствіе противъ русскаго правительства и его политики нисколько не уменьшаетъ его чувства личнаго къ нему расположенія, Наполеонъ прибѣгъ къ своему обычному средству: шествуя взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ отъ времени до времени останавливался предъ Чернышевымъ, бралъ его за ухо и больно щипалъ. У графа Чернышева отъ боли иногда слезы выступали на глазахъ, но онъ зналъ, что удостоился высшаго знака личнаго расположенія императора французовъ и потому мужественно терпѣлъ. Держа Чернышева за ухо и больно его ущипывая, Наполеонъ спросилъ: неужели Императоръ Александръ серьезно приписываетъ ему намѣреніе возстановить Польшу?

Наконецъ, Наполеонъ сказалъ: „Хотите, чтобъ я вамъ теперь совершенно откровенно высказался обо всемъ этомъ? Вотъ что я думаю: мнѣ говорятъ — Императоръ Александръ желаетъ мира; Императоръ Наполеонъ также его желаетъ. Графъ Румянцевъ равнымъ образомъ за миръ и Шампаньи навѣрно также. Но все это нисколько не мѣшаетъ тревожиться и опасаться возникновенія войны".

Отчетъ объ этомъ разговорѣ гр. Чернышева съ Наполеономъ весьма длиненъ и очень интересенъ. Разговоръ продолжался болѣе четырехъ часовъ и Наполеонъ говорилъ рѣшительно обо всемъ. Императоръ Александръ настолько былъ доволенъ гр. Чернышевымъ, что собственноручно написалъ на подробнѣйшемъ его донесеніи отъ 9-го (21) апрѣля 1811 года слѣдующія любопытныя слова: „Какъ жаль, что у меня не много министровъ, какъ этотъ молодой человѣкъ". Чернышеву было тогда не болѣе 25 лѣтъ.

Однако длиннѣйшая бесѣда Наполеона съ гр. Чернышевымъ, сопровождавшаяся болѣзненнымъ щипаніемъ ушей молодого гвардей-

la garde ne contribua nullement à dissiper les divergences entre la Russie et la France et à prévenir la guerre de 1812. Cet entretien fournit une nouvelle preuve des dispositions qui animaient le grand Corse; les sentiments d'ambition et d'omnipotence luttaient sans cesse dans son âme avec la conscience du danger que devait nécessairement offrir une guerre avec la Russie. On serait disposé à croire qu'il eût été heureux de conserver la paix avec la Russie au prix de quelque satisfaction de son amour-propre, blessé particulièrement par le „manifeste“ russe au sujet de l'affaire d'Oldenbourg.

скаго офицера, нисколько не способствовала улаженію возникшихъ между Россіей и Франціей разногласій и не предупредила возникновенія войны 1812 года. Эта бесѣда могла только служить новымъ доказательствомъ душевнаго настроенія великаго корсиканца: въ немъ безпрерывно боролось чувство властолюбія и тщеславія съ неотвязчивымъ сознаніемъ роковой опасности войны съ Россіей. Иногда думается, что онъ былъ бы несказанно счастливъ, еслибъ могъ сохранить миръ съ Россіей, получивъ нѣкоторое удовлетвореніе своему самолюбію, оскорбленному въ особенности русскимъ „манифестомъ“ по Ольденбургскому дѣлу.

En présence de cette situation, les conversations de Napoléon avec le comte Schouvalow, arrivé à Paris chargé d'une mission spéciale, ou bien avec le prince Kourakine étaient sans objet. Dans le cours d'un entretien avec le comte Schouvalow, qui dura une heure et demie, Napoléon lui dit qu'il avait de la peine à comprendre que l'Empereur Alexandre persistât à maintenir au poste important de Paris un homme qui ne semblait plus avoir la confiance de son maître, ni celle du Ministre des Affaires Etrangères. „Kourakine“, dit Napoléon à Schouvalow, „est un homme de sens et d'honneur. Ce n'est pas un aigle, mais qu'importe, il est bon Russe“. Il donnait en même temps les assurances les plus catégoriques, au sujet de ses intentions pacifiques.

Въ виду такого положенія вещей безполезны были бесѣды Наполеона и съ графомъ Шуваловымъ, пріѣзжавшимъ въ Парижъ съ особеннымъ порученіемъ, а также съ княземъ Куракинымъ. Графу Шувалову Наполеонъ сказалъ, въ продолженіи полуторачасовой бесѣды, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ Императоръ Александръ можетъ сохранять на такомъ важномъ посту, какъ Парижскій, въ качествѣ посла, человѣка, къ которому ни онъ самъ, ни его Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не питаютъ никакого довѣрія. „Куракинъ“, сказалъ Наполеонъ Шувалову, „человѣкъ разсудительный и честный. Это не орелъ; но—ничего, онъ добрый русскій человѣкъ“. Въ то же время Наполеонъ рѣшительно увѣрялъ въ своемъ миролюбіи.

„Je ne veux pas faire la guerre à la Russie“, dit-il au comte Schouvalow; „ce serait un crime à moi, car je la ferais sans but, et je n'ai pas encore perdu la tête, Dieu merci!. Je ne suis pas fou; les préparatifs que je fais, feront crier guerre à toute l'Europe“. (Rapport du comte Schouvalow du 3 (15) mai 1811).

„Я не хочу воевать съ Россіей“, сказалъ онъ гр. Шувалову, „это было бы съ моей стороны преступленіе, ибо я воевалъ бы безъ цѣли, но я еще не потерялъ голову, слава Богу! Я не сошелъ съ ума. Дѣлаемыя мною приготовленія заставятъ кричать о войнѣ всю Европу“. (Донесеніе гр. Шувавалова отъ 3-го (15-го) мая 1811 года).

Les conclusions auxquelles le comte Tschernischew s'est arrêté à la suite de sa longue audience chez Napoléon étaient qu'il était décidé de faire la guerre à la Russie et que ce n'était plus le moment de poursuivre des négociations diplomatiques. On ne saurait en espérer aucun résultat satisfaisant, il fallait par conséquent se préparer sérieusement à la guerre. C'est dans ce sens qu'il s'est énoncé dans une lettre au comte Roumiantzow du 5 (17) juillet 1811.

Окончательный выводъ, къ которому пришелъ гр. Чернышевъ послѣ своей продолжительной аудіенціи у Наполеона, былъ тотъ, что Наполеонъ рѣшилъ воевать съ Россіей и что прошла пора для дипломатическихъ переговоровъ. Никакого благотворнаго результата отъ этихъ переговоровъ ожидать нельзя и потому остается только серьезнѣйшимъ образомъ готовиться къ войнѣ. Въ этомъ смыслѣ высказался гр. Чернышевъ въ письмѣ къ гр. Румянцеву отъ 5-го (17-го) іюля 1811 года.

Le prince Kourakine était d'un avis tout contraire: il était convaincu que le temps des

Совершенно другого мнѣнія былъ князь Куракинъ: онъ былъ убѣжденъ, что время

pourparlers diplomatiques n'était pas encore passé, aussi était-il très peiné de ne recevoir de son gouvernement ni instructions, ni pleins pouvoirs à cet effet. Jusqu'à son départ de Russie Caulaincourt entretenait également l'espoir d'une solution pacifique. Le comte Lauriston, son successeur, s'appliquait aussi à justifier à certains égards les actes de l'Empereur Alexandre afin de ne pas accentuer encore davantage les malentendus entre la Russie et la France.

Toutefois cette attitude des représentants français à la Cour de St.-Pétersbourg ne faisait qu'irriter Napoléon qui se laissait complètement dominer par ses sentiments de colère et d'indignation contre la Russie. „J'entretiens à la Cour de Russie", dit-il à Krusemark, ministre de Prusse, „non pas des ambassadeurs de France, mais des courtisans de l'Empereur Alexandre, qui ne voient les choses que par ses yeux. C'était le cas avec Caulaincourt, il en est de même avec Lauriston". (Rapport du comte Tschernischew du 31 decembre 1811 [12 janvier 1812]).

Personne ne faisait de reproche analogue au prince Kourakine. Il n'aimait pas Napoléon, n'avait aucune confiance en lui et ne subissait nullement son prestige. Mais il redoutait au plus haut degré une guerre avec lui et croyait de son devoir de faire son possible pour l'éviter. Aussi croyait-il à la possibilité de dissiper les divergences sérieuses, survenues entre la Russie et la France, malgré les faits sans nombre, qui ne laissaient aucun doute sur l'imminence d'une catastrophe. En attendant, ces faits se multipliaient à l'infini.

En ouvrant la session du Corps Législatif en juin 1811, Napoléon prononça un discours, rempli de reproches à l'adresse de la Russie. En juillet, Bassano assurait l'ambassadeur que Napoléon, déférant au désir, exprimé par Alexandre I, donna l'ordre de rappeler les troupes françaises, cantonnées dans l'Allemagne du Nord. Mais l'ambassadeur eut l'occasion d'apprendre par d'autres sources d'information, dignes de foi, que ce n'était pas exact: le nombre des troupes françaises dans l'Allemagne du Nord, loin de diminuer, augmentait graduellement.

Lorsque le prince Kourakine se présenta chez Bassano, au commencement d'août, pour lui lire les instructions du comte Roumiantzow du 9 juin, le Ministre des Affaires Etrangères de France crut devoir lui faire les observations suivantes: „Mais je vois que nous ne sommes

для дипломатическихъ переговоровъ еще не ушло и потому былъ крайне огорченъ, что не получалъ отъ своего правительства ни инструкцій, ни полномочія. Коленкуръ также до своего выѣзда изъ Россіи лелѣялъ надежду на возможность мирной развязки. Его преемникъ, графъ Лористонъ, съ своей стороны старался оправдывать, до нѣкоторой степени, дѣйствія Императора Александра съ цѣлью не обострять напрасно отношеній между Россіей и Франціей.

Но такое поведеніе французскихъ пословъ въ Петербургѣ вызывало сильное неудовольствіе Наполеона, который все болѣе и болѣе поддавался чувствамъ гнѣва и негодованія противъ Россіи. „Я содержу при С.-Петербургскомъ дворѣ", сказалъ онъ прусскому посланнику Круземарку, „не пословъ Франціи, но куртизановъ Императора Александра, которые на все смотрятъ его глазами. Такъ было съ Коленкуромъ, а теперь то же самое съ Лористономъ". (Донесеніе гр. Чернышева отъ 31-го декабря 1811 г. (12-го января 1812 года).

Князю Куракину никто подобнаго упрека не дѣлалъ. Онъ не любилъ Наполеона, не вѣрилъ ему и не поддавался его вліянію. Но онъ чрезвычайно боялся войны съ нимъ и считалъ своимъ долгомъ стараться изо всѣхъ силъ предупредить ее. Вотъ почему онъ продолжалъ вѣрить въ возможность улаженія возникшихъ между Россіей и Франціей серьезныхъ разногласій, не взирая на постоянное увеличеніе фактовъ, доказывавшихъ неизбѣжность катастрофы. Такихъ фактовъ накоплялось все больше и больше.

Когда Наполеонъ, въ іюнѣ 1811 года, открылъ засѣданіе Законодательнаго Корпуса, онъ произнесъ рѣчь, которая была полна упрековъ по адресу Россіи. Въ іюлѣ Бассано увѣрялъ русскаго посла, что Наполеонъ, изъ уваженія къ выраженному Александромъ желанію, отдалъ французскимъ войскамъ въ сѣверной Германіи приказаніе вернуться назадъ. Однако изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ кн. Куракинъ узналъ, что это—неправда: число французскихъ войскъ въ сѣверной Германіи не уменьшалось, но постепенно увеличивалось.

Когда князь Куракинъ явился къ Бассано въ началѣ августа и прочелъ ему полученныя отъ графа Румянцева инструкціи отъ 9-го іюня, французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ замѣтилъ: „Однако, я вижу, что мы впередъ не подвинулись, а остаемся, гдѣ были до при-

pas plus avancés, que nous étions avant l'arrivée de ce courrier, que vous attendiez avec impatience et depuis si longtemps; on vous refuse le pleinpouvoir nécessaire pour la négociation, qui devait détruire les difficultés existantes entre nous; on ne vous donne aucune instruction sur ce que vous avez à dire ou à faire".

Là-dessus Bassano déclara, de la manière la plus catégorique, que Napoléon jugeait impossible de restituer le duché d'Oldenbourg, que son honneur ne saurait l'admettre, que l'Europe entière ne manquerait pas de dire qu'il révoquait cette disposition sous le coup des menaces de l'Empereur Alexandre. Par conséquent, demanda Bassano à l'ambassadeur de Russie: „Sur quoi voulez-vous que nous discutions? Que puis-je être en état de vous proposer, quand vous ignorez la pensée de l'Empereur Alexandre?" D'ailleurs Bassano promit de faire son rapport à Napoléon à ce sujet et de lui demander des instructions.

Dans quelques jours le prince Kourakine apprit que Bassano était revenu de Rambouillet, où se trouvait Napoléon, et supposa que le Ministre français avait reçu de nouvelles instructions. Le prince se rendit chez lui immédiatement. „Je remarquai", écrivait-il au comte Roumiantzow à la date du 1 (13) août 1811 au sujet de cette entrevue, „que sa réception fut froide, cérémonielle, réservée et même assez embarrassée".

Lorsque l'ambassadeur demanda à Bassano, s'il avait reçu de nouvelles instructions, celui-ci répondit: „Ma réponse sera très courte. J'en suis vraiment peiné. J'ai fait un rapport très détaillé à l'Empereur de tout ce que vous m'avez chargé de porter à sa connaissance. Sa Majesté m'a écouté avec beaucoup d'attention, mais n'a pas jugé à propos de me donner aucun ordre, ni de s'expliquer sur rien".

Le prince Kourakine devait en conclure qu'il était impossible de récupérer le duché d'Oldenbourg et qu'en insistant sur cette réclamation, la Russie ne ferait qu'aggraver le danger de la situation et précipiter l'explosion d'une guerre. Kourakine dut enfin se persuader que l'heure des pourparlers diplomatiques était passée. Il dut convenir lui-même que Napoléon poursuivait irrévocablement son but de transformer la Russie en puissance asiatique, qui ne pût compter que sur elle-même. D'ailleurs s'il conservait encore quelques illusions au sujet de l'imminence d'une guerre avec la France, la scène historique que Napoléon lui fit à la so-

бытія этого курьера, котораго вы ожидали съ нетерпѣніемъ и такъ долго. Вамъ отказываютъ въ необходимомъ для переговоровъ полномочіи, которое должно было устранить существующія между нами разногласія. Вамъ не даютъ никакого наставленія, что вы можете сказать или сдѣлать"...

Вслѣдъ затѣмъ Бассано снова категорически объявилъ, что для Наполеона совершенно невозможно возвратить Ольденбургское герцогство, что его честь этого не допускаетъ, что вся Европа сказала бы, что подъ страхомъ угрозы со стороны Императора Александра онъ отмѣнилъ свое распоряженіе. Слѣдовательно, спросилъ Бассано русскаго посла: „О чемъ желали бы вы говорить со мною? Что я могу вамъ предложить, если вы не знаете намѣреній Императора Александра?" Впрочемъ, Бассано обѣщалъ доложить Наполеону о своемъ разговорѣ съ посломъ и просить его инструкцій.

Черезъ нѣсколько дней князь Куракинъ узналъ о возвращеніи Бассано изъ Рамбулье, гдѣ находился Наполеонъ: онъ предположилъ, что французскій Министръ получилъ новыя инструкціи. Князь немедленно его навѣстилъ. „Я замѣтилъ", доносилъ онъ графу Румянцеву 1-го (13-го) августа 1811 года объ этомъ свиданіи, „что поведеніе его было холодное, церемонное, осторожное и даже довольно смущенное".

Когда посолъ спросилъ Бассано, получилъ ли онъ новыя инструкціи, послѣдній отвѣтилъ: „Мой отвѣтъ будетъ очень кратокъ. Я объ этомъ истинно сожалѣю. Я сдѣлалъ Императору весьма обстоятельный докладъ обо всемъ, что вы мнѣ поручили довести до его свѣдѣнія. Его Величество выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, но не призналъ нужнымъ ни дать мнѣ какое либо приказаніе, ни что либо сказать!"

Изъ этого свиданія съ Бассано князь Куракинъ долженъ былъ вывести заключеніе, что нельзя получить обратно герцогство Ольденбургское и, настаивая на своемъ требованіи, Россія только увеличитъ опасность положенія и ускоритъ приближеніе войны. Куракинъ долженъ былъ убѣдиться наконецъ, что время дипломатическихъ переговоровъ прошло. Онъ самъ сознался, что Наполеонъ неукоснительно стремится къ своей цѣли: обратить Россію въ „азіатскую державу", которая можетъ разсчитывать только на себя. Впрочемъ, еслибъ у Куракина еще остались малѣйшія сомнѣнія относительно неизбѣжности

lennité du 3 (15) août dut lui ouvrir les yeux définitivement.

Il y avait ce jour-là grande réception aux Tuileries à l'occasion de l'anniversaire de sa naissance. Avant de quitter la salle de trône où se trouvaient réunis les membres du corps diplomatique, Napoléon s'approcha de l'ambassadeur de Russie, s'arrêta devant lui et pendant deux heures consécutives lui débita en élevant la voix, ses griefs contre l'Empereur Alexandre et sa politique. Durant cet entretien, il eut recours simultanément aux reproches, aux accusations et aux menaces et tout cela à si haute voix que non seulement le prince de Schwarzenberg, ambassadeur d'Autriche et le représentant du royaume de Naples qui se trouvaient à côté du prince Kourakine, mais les autres diplomates eurent la possibilité de l'entendre. Dans tout état de cause, il était clair pour tous les assistants que cet entretien de deux heures avec le représentant de Russie était un événement de la plus haute portée politique et devant amener des conséquences fatales. Parmi les assistants un grand nombre pouvait se rappeler que précisément à la même date, il y a trois ans, Napoléon avait fait une scène analogue au comte Metternich, ministre d'Autriche. Quelques mois après éclata la guerre entre la France et l'Autriche.

Le prince Kourakine en fut très affecté et en premier lieu, physiquement. Avec ses pieds, fortement atteints de la goutte, il dut rester debout deux heures entières à écouter des reproches et des accusations, si blessantes pour son amour-propre national. „J'avoue", écrit le prince au Chancelier de l'Empire dans sa dépêche du 3 (15) août en rendant compte de cette scène, „que j'en suis inconsolable. J'ai eu le chagrin de m'entendre répéter par l'Empereur, devant tout le monde, tout ce qu'il a daigné me dire à l'audience particulière qu'il m'accorda il y a trois mois, tout ce qu'il a dit ensuite dans le même sens et sur les mêmes objets au comte Schouvalow, tous ses griefs et toutes ses plaintes contre la Russie, le mécontentement, que lui avaient causé les dernières dépêches que j'avais reçues".

Napoléon s'appliqua encore à démontrer qu'en qualité de chef de la Confédération du Rhin, il avait le droit de disposer des posses-

войны съ Франціей, то историческая сцена, приготовленная Наполеономъ для него въ торжественный день 3-го (15-го) августа, должна была окончательно открыть ему глаза.

Въ этотъ день былъ большой пріемъ въ Тьюльери по случаю дня рожденія Наполеона. Предъ уходомъ изъ тронной залы, гдѣ были собраны всѣ члены дипломатическаго корпуса, Наполеонъ подошелъ къ русскому послу, остановился передъ нимъ и въ продолженіи *двухъ* часовъ громко высказывалъ всѣ свои обвиненія противъ Императора Александра и его политики. Наполеонъ то упрекалъ, то обвинялъ, то угрожалъ Россіи. Весь разговоръ происходилъ настолько громко, что не только рядомъ стоявшіе съ русскимъ посломъ, австрійскій посолъ князь Шварценбергъ и представитель королевства неаполитанскаго, но и другіе дипломаты могли слышать все. Во всякомъ случаѣ для всѣхъ присутствовавшихъ было ясно, что двухчасовой разговоръ съ представителемъ Россіи является событіемъ огромной политической важности, которое должно имѣть роковыя послѣдствія. Многіе изъ присутствовавшихъ не могли не вспомнить, что ровно три года назадъ, въ тотъ же самый день Наполеонъ устроилъ подобную же сцену австрійскому посланнику, графу Меттерниху. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возникла война между Франціей и Австріей.

На бѣднаго князя Куракина вся эта сцена произвела крайне удручающее впечатлѣніе: онъ былъ совсѣмъ подавленъ и прежде всего физически. На своихъ больныхъ отъ жестокой подагры ногахъ онъ долженъ былъ стоять въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ и выслушивать упреки и обвиненія, обидные для его національнаго самолюбія. „Признаюсь", писалъ князь Государственному Канцлеру въ своемъ подробномъ отчетѣ объ этой сценѣ отъ 3-го (15-го) августа, „я въ отчаяніи. Мнѣ больно, что Императоръ повторилъ предъ всѣми все то, что онъ соблаговолилъ мнѣ сказать на частной аудіенціи три мѣсяца тому назадъ, все то, что онъ впослѣдствіи въ томъ же смыслѣ и о тѣхъ же вещахъ говорилъ графу Шувалову, всѣ его претензіи и всѣ жалобы противъ Россіи и неудовольствіе, причиненное ему послѣдними полученными мною депешами".

Наполеонъ опять доказывалъ, что въ качествѣ главы Рейнскаго Союза онъ имѣлъ право распорядиться владѣніями одного изъ членовъ

sions de l'un de ses membres; qu'il n'aurait jamais supposé que le petit duché d'Oldenbourg pût provoquer une rupture entre la Russie et la France; que c'est la Russie qui désire cette rupture et non la France; qu'il ne saurait céder „un pouce de terrain" du duché de Varsovie; „qu'il avait cru avoir payé tous ses comptes envers la Russie à Tilsit, à Friedland et à Austerlitz, comme il l'avait fait envers l'Autriche" *(sic!)*, que si l'Empereur Alexandre a dit au comte Lauriston qu'il est prêt à faire la guerre, lui Napoléon déclare, pour sa part, qu'il est prêt à entrer en campagne.

„Je ne veux la guerre", s'écria subitement Napoléon, „je ne veux aller la chercher si loin dans le Nord; je ne veux rétablir la Pologne et les Polonais le savent ... si je suis forcé à la guerre, je puis être battu aussi; mais si je ne le suis pas, le rétablissement de la Pologne en sera le premier résultat. Je suis prêt encore à tranquiliser la Russie sur ce point par une convention comme celle qui allait se conclure, et qu'il ne m'a pas été possible de ratifier à cause d'un mot, d'une phrase, que le comte Roumiantzow a voulu y insérer, et que je n'ai pu admettre, parcequ'il est au-dessus des forces humaines d'y souscrire et de l'exécuter. Je suis prêt à signer cette convention, pourvu que le comte Roumiantzow ne s'avise pas d'insister sur cette phrase que la Pologne ne sera jamais rétablie".

A la fin de cette scène, Napoléon fit observer, en baissant la voix, que si on semble à St.-Pétersbourg si impatient de faire la guerre, on ferait bien de se rappeler que l'on peut choisir à son gré le moment de commencer une guerre, mais que personne ne peut savoir quand et comment elle peut se terminer. Si le comte Roumiantzow se plait à tourner tout en plaisanterie et à faire des calembours à tout propos, il ne saurait rivaliser avec lui sur ce terrain, vu qu'il a l'habitude de traiter les choses sérieusement.

Les rapports du prince Kourakine ne modifièrent nullement les sentiments de profonde défiance que l'Empereur Alexandre nourrissait à l'égard de son ami et de son allié. Le Chancelier de l'Empire s'empressa d'informer l'ambassadeur que l'Empereur persiste à considérer la prise de possession du duché d'Oldenbourg comme une violation flagrante des engagements, contractés à Tilsit. Si, comme l'assure Bassano, des intérêts politiques d'un ordre supérieur ont forcé Napoléon de s'emparer de ce territoire,

этого Союза; что онъ никакъ не предполагалъ, что маленькое Ольденбургское герцогство можетъ вызвать разрывъ между Россіей и Франціей; что этого разрыва желаетъ Россія, а не Франція; что „ни одной пяди" Варшавскаго герцогства онъ уступить не можетъ; „что онъ полагалъ, что свелъ съ Россіей всѣ свои счеты въ Тильзитѣ, при Фридландѣ и Аустерлицѣ; какъ онъ это сдѣлалъ съ Австріей" (sic!); что если Императоръ Александръ сказалъ графу Лористону, что готовъ воевать, то онъ, Наполеонъ, теперь также объявляетъ, что и онъ готовъ къ войнѣ.

Но Наполеонъ вдругъ воскликнулъ: „Я не хочу этой войны; я не желаю воевать такъ далеко на сѣверѣ; я не намѣренъ возстановлять Польшу, и Поляки это знаютъ... Если меня вызовутъ на войну, я также могу быть побитымъ, но если этого не случится, то возстановленіе Польши будетъ первымъ послѣдствіемъ. Я еще готовъ успокоить Россію на этотъ счетъ конвенціею, въ родѣ той, которая была проектирована и которую я не могъ ратификовать изъ-за одного слова, одной фразы, которую гр. Румянцевъ хотѣлъ включить, но которую я не могъ допустить, ибо выше силъ человѣческихъ ее подписать и исполнить. Я готовъ подписать эту конвенцію, если только гр. Румянцевъ откажется настаивать на фразѣ, что Польша никогда не будетъ возстановлена".

Въ концѣ этой сцены Наполеонъ, понижая голосъ, замѣтилъ, что если въ С.-Петербургѣ такъ рвутся на войну, то пусть не забываютъ, что можно знать, когда начать войну, но никто не знаетъ, какъ и когда она окончится. Если гр. Румянцевъ, прибавилъ Наполеонъ, смѣется надъ всѣмъ и тѣшится своимъ талантомъ дѣлать обо всемъ каламбуры, то онъ такого таланта не имѣетъ и ко всему относится серьезнымъ образомъ.

Донесенія князя Куракина нисколько не измѣнили чувствъ глубокаго недовѣрія, съ которыми Императоръ Александръ относился къ своему другу и союзнику. Государственный Канцлеръ извѣстилъ посла, что Государь продолжаетъ смотрѣть на присоединеніе герцогства Ольденбургскаго къ Франціи, какъ на явное нарушеніе подписанныхъ въ Тильзитѣ обязательствъ. Если же, по словамъ Бассано, высшіе государственные интересы заставили Наполеона захватить герцогство, то Государь думаетъ,

l'Empereur estime qu'un intérêt politique de la même importance devrait le convaincre de la nécessité de réparer le plus tôt possible la criante injustice, qu'il a commise. (Dépêche du comte Roumiantzow du 9 (21) juillet 1811).

On comprend que le rapport du prince Kourakine avec le compte-rendu au sujet de la scène du 15 août n'était pas de nature à ajouter quelque tempérament aux sentiments d'irritation d'Alexandre I.

„Notre Auguste Maître", écrivait le Chancelier de l'Empire au prince Kourakine à la date du 25 septembre 1811, „a observé avec autant de surprise que de peine, que l'Empereur des Français semble être dans l'opinion que Sa Majesté désire la possession de Danzig ou de quelque partie du duché de Varsovie. L'Empereur ne saurait se rendre compte de ce qui a pu donner lieu à une pareille supposition; mais comme elle est absolument dénuée de fondement, Sa Majesté vous prescrit, mon prince, de déclarer de la manière la plus positive, qu'elle ne forme aucune vue quelconque sur Danzig, ni sur aucune partie du duché de Varsovie".

Le prince Kourakine s'acquitta de cette mission et donna connaissance à Bassano d'une partie de la dépêche de septembre du Chancelier de l'Empire, mais il ne resta pas moins convaincu que s'il avait été muni de pleins-pouvoirs nécessaires pour négocier avec Napoléon et d'instructions précises pour formuler des propositions, la paix eût été maintenue. Bassano se plaisait à l'entretenir très habilement dans cette conviction en lui démontrant très sérieusement que s'il avait reçu les pleins-pouvoirs et les instructions — toutes les difficultés eussent pu être aplanies dans les vingt-quatre heures! Comme l'assurait le Ministre des Affaires Etrangères de France, Napoléon ignorait les droits de l'Empereur de Russie sur le duché d'Oldenbourg et n'avait nullement l'intention de faire quelque chose qui pût être blessant pour son allié. Le prince Kourakine supplie encore une fois, en désespéré, de lui envoyer ces pièces pour reprendre les négociations. (Dépêche du 29 octobre (10 novembre) 1811).

L'Empereur Alexandre se décida finalement de suivre le conseil de son ambassadeur à Paris et de confier à un plénipotentiaire spécial le soin d'entrer en pourparlers avec le gouvernement français pour élucider les prétentions et

что такой же высшій государственный интересъ долженъ былъ бы его убѣдить въ крайней необходимости поскорѣе загладить вопіющее правонарушеніе, имъ совершенное. (Депеша гр. Румянцева отъ 9-го (21) іюля 1811 года).

Понятно, что донесеніе кн. Куракина съ отчетомъ о сценѣ, происшедшей 15-го августа, никакъ не могло смягчить чувства неудовольствія Александра I.

„Нашъ августѣйшій Государь", писалъ Государственный Канцлеръ князю Куракину 25-го сентября 1811 года, съ такимъ же удивленіемъ, какъ и съ болью, замѣтилъ, что императоръ французовъ повидимому думаетъ, что Его Величество желаетъ владѣть Данцигомъ или какою-либо частью Варшавскаго герцогства. Государь не въ состояніи себѣ объяснить, какимъ образомъ могло зародиться подобное предположеніе. И такъ какъ оно лишено малѣйшаго основанія, то Государь Императоръ повелѣваетъ вамъ, князь, объявить самымъ положительнымъ образомъ, что онъ не имѣетъ никакихъ видовъ ни на Данцигъ, ни на какую-либо часть Варшавскаго герцогства".

Князь Куракинъ исполнилъ полученное Высочайшее повелѣніе и прочелъ Бассано часть сентябрьской депеши Государственнаго Канцлера. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ остался при своемъ убѣжденіи, что еслибъ ему дали полномочіе для переговоровъ съ Наполеономъ и точныя инструкціи и предложенія, которыя онъ могъ бы сдѣлать, то миръ былъ бы сохраненъ. Въ этомъ убѣжденіи весьма ловко поддерживалъ посла герцогъ Бассано, который серьезно ему доказывалъ, что если онъ, посолъ, получитъ полномочіе и надлежащія инструкціи, то въ 24 часа всѣ затрудненія будутъ улажены! По словамъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Наполеонъ не зналъ о правахъ русскаго Императора на Ольденбургское герцогство и нисколько не желалъ обидѣть своего союзника. Князь Куракинъ еще разъ въ отчаяніи умоляетъ графа Румянцева послать ему поскорѣе точныя инструкціи и полномочіе на веденіе переговоровъ. (Донесеніе отъ 29-го октября (10-го ноября) 1811 года).

Императоръ Александръ наконецъ рѣшился послѣдовать совѣту своего посла и вступить въ переговоры съ французскимъ правительствомъ для лучшаго выясненія взаимныхъ претензій и разногласій. Только не на

les divergences mutuelles. Mais ce n'est pas au prince Kourakine que tomba en partage cette mission difficile et flatteuse. L'Empereur fit choix à cet effet du jeune comte Nesselrode qui occupait à ce moment le poste de conseiller d'ambassade à Paris! Le conseiller du prince Kourakine fut appelé à cette mission délicate et périlleuse.

L'Empereur Alexandre I avait hautement apprécié aussi bien le mémoire du comte Nesselrode (octobre 1811) que ses explications personnelles. Ce jeune diplomate démontrait la nécessité absolue de nommer un plénipotentiaire à Paris, auquel on pût confier le soin de signer un accord sur les principaux points en litige. Le comte Nesselrode en signalait cinq. Quant à l'affaire d'Oldenbourg il était d'avis que Napoléon était dans l'impossibilité de restituer le duché et qu'il fallait, par conséquent, chercher un autre moyen pour indemniser le duc et donner une satisfaction à la Russie. Au sujet de la question polonaise, le comte Nesselrode fait l'observation suivante très judicieuse:

„Je n'ai jamais attaché un grand prix à une déclaration formelle ou à un traité, par lequel l'Empereur Napoléon s'engageait à abandonner une fois pour toutes ce qu'on appelle le rétablissement de la Pologne, car tant que nous serons en paix avec lui, il n'y songera pas et si la guerre a lieu aucune convention ne l'en empêcherait."

Il eût été difficile de ne pas reconnaître parfaitement juste ce raisonnement qui blâmait implicitement l'insistance que mettait le gouvernement russe à maintenir son projet de rédaction de la convention polonaise.

Le comte Nesselrode démontrait en outre la nécessité impérieuse de garantir l'inviolabilité de la Prusse contre quelques nouveaux plans d'invasion de Napoléon et de s'affranchir du système continental, si ruineux pour la Russie.

Ces mêmes pensées furent élaborées en détail par le comte Nesselrode dans les instructions dont il devait être muni pour s'acquitter de cette mission à Paris, qui par un concours de circonstances resta à l'état de projet, bien que l'Empereur Alexandre chercha plus tard à en réduire l'importance, en assurant qu'elle avait pour but „un simple éclaircissement des faits". Comme les preuves attestant la décision irrévocable de Napoléon de faire la guerre se mul-

долю князя Куракина должна была пасть эта труднѣйшая и почетнѣйшая задача. Государь выбралъ для ея исполненія—молодого графа К. Р. Нессельроде, занимавшаго въ то время должность совѣтника посольства въ Парижѣ! Совѣтникъ князя Куракина былъ избранъ для столь деликатной миссіи.

Императору Александру I очень понравились какъ записка гр. Нессельроде (октября 1811 года), такъ и личныя его объясненія по этому дѣлу. Молодой графъ доказывалъ неотложную необходимость назначенія въ Парижъ довѣреннаго и уполномоченнаго лица, на которое можно возложить обязанность подписать соглашеніе по всѣмъ главнѣйшимъ спорнымъ пунктамъ. Такихъ пунктовъ гр. Нессельроде насчиталъ всего пять. По Ольденбургскому дѣлу графъ былъ того мнѣнія, что Наполеонъ возвратить Ольденбургское герцогство не можетъ и потому нужно найти какое нибудь вознагражденіе для герцога и какое нибудь удовлетвореніе для Россіи. Что же касается Польскаго вопроса, то гр. Нессельроде дѣлаетъ слѣдующее весьма разумное замѣчаніе:

„Я никогда не придавалъ большой цѣны формальной декларацiи или какому нибудь трактату, посредствомъ которыхъ императоръ Наполеонъ отрекся бы разъ навсегда отъ того, что называется возстановленіемъ Польши, ибо пока мы будемъ съ нимъ въ мирѣ, онъ объ этомъ не подумаетъ, если же будемъ въ войнѣ, то никакая конвенція его не остановитъ".

Трудно было не согласиться съ этимъ разсужденіемъ, заключающимъ въ себѣ неопровержимую критику русскихъ настоящій относительно редакціи такъ называемой польской конвенціи.

Сверхъ того гр. Нессельроде доказывалъ крайнюю необходимость обезпечить неприкосновенность прусской монархіи противъ новыхъ завоевательныхъ плановъ Наполеона и освободиться отъ разорительной для Россіи континентальной системы.

Эти мысли были подробно разработаны самимъ графомъ Нессельроде въ инструкціи, которую онъ получилъ для исполненія своей парижской миссіи. Но послѣдняя всетаки не состоялась, несмотря на то, что Императоръ Александръ I впослѣдствіи умалилъ ея значеніе, говоря, что она только имѣла цѣлью „выяснить фактическое положеніе вещей". Когда Александръ I сталъ получать все новыя доказательства въ пользу неизбѣжности войны по

tipliaient à l'infini, l'Empereur Alexandre renonça au projet d'envoyer le comte Nesselrode à Paris. Des indices et des faits de cette nature se produisaient journellement. Le prince Kourakine adressait de Paris des lettres et des rapports désespérés.

„Je dois dire avec chagrin", écrivait-il au comte Roumiantzow à la date du 10 (22) novembre 1811, „qu'on n'oppose ici à notre loyauté que malveillance, à notre fidélité dans nos engagements que perfidie, à notre amour de la paix que l'appas du brigandage et l'habitude des bouleversements". Voici pourquoi le prince Kourakine persiste à croire qu'il faut contraindre Napoléon à jeter le masque devant l'Europe. Il semble perdre de vue que devant la Russie il a jeté le masque depuis longtemps et qu'Alexandre I devait savoir à la fin de l'année 1811 si la France se préparait à la guerre ou si elle aspirait à la paix.

Le prince Kourakine signalait lui-même dans ses rapports des faits qui ne laissaient subsister aucun doute à ce sujet. Ainsi au commencement de décembre annonça-t-il que Napoléon refusa de faire délivrer un passeport à Mr. Labensky, qui devait se rendre à son poste de consul général à Rio Janeiro. Dans sa lettre du 12 décembre, Bassano déclarait pour motiver ce refus que Napoléon „se refusera à toute démarche qui pourrait être considérée de sa part comme une renonciation au traité de Tilsit" *(sic!)*.

Le prince Kourakine se refusait de comprendre le rapport qui pouvait exister entre le traité de Tilsit ou l'alliance entre la Russie et la France et le départ du consul général de Russie pour son poste au Brésil. Il faisait observer très judicieusement que si on refusait le passeport à Labensky pour la raison que le Brésil est un allié de l'Angleterre, on devait tenir compte du fait qu'un ministre de Turquie se trouvait à Paris, bien que la Russie, alliée de la France fût en guerre avec la Porte. D'ailleurs Napoléon n'a jamais protesté contre la présence d'un représentant du Brésil à la Cour de St.-Pétersbourg.

Ce fait de l'arrestation du consul général de Russie était un indice important, qui caractérisait les dispositions du gouvernement français à la fin de 1811. Le prince Kourakine en

непоколебимому рѣшенію Наполеона, онъ отказался отъ мысли послать въ Парижъ гр. Нессельроде. Число такихъ доказательствъ и фактовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Князь Куракинъ писалъ письма и донесенія изъ Парижа, которыя были полны отчаянія.

„Я долженъ съ грустью сказать", писалъ онъ графу Румянцеву 10-го (22-го) ноября 1811 года, „что здѣсь за нашу лояльность платятъ только злонамѣренностью, за нашу добросовѣстность въ отношеніи принятыхъ обязательствъ только вѣроломствомъ, за нашу любовь къ миру только разбойничьими захватами и страстью къ разрушенію". Вотъ почему кн. Куракинъ продолжаетъ думать, что надо заставить Наполеона предъ всею Европою сбросить маску. При этомъ онъ совершенно упускалъ изъ виду, что предъ Россіею Наполеонъ давно уже сбросилъ маску, и Александръ I долженъ былъ въ концѣ 1811 года знать, готовится ли Франція къ войнѣ съ Россіей, или жаждетъ сохраненія мира.

Самъ князь Куракинъ приводилъ въ своихъ донесеніяхъ факты, которые едва ли оставляли какое либо въ томъ сомнѣніе. Такъ, въ началѣ декабря онъ донесъ, что императоръ Наполеонъ отказалъ князю въ выдачѣ паспорта для выѣзда изъ предѣловъ Франціи русскому генеральному консулу въ Pio де Жанейро, Лабенскому, который долженъ былъ отправиться на свой постъ. Бассано привелъ, въ своемъ письмѣ отъ 12-го декабря, въ видѣ мотива отказа, то соображеніе, что Наполеонъ „не позволитъ себѣ никакого шага, который могъ бы быть толкуемъ, какъ отреченіе отъ Тильзитскаго трактата" (sic!).

Князь Куракинъ никакъ не могъ понять, какое отношеніе имѣетъ Тильзитскій трактатъ, или союзъ Россіи съ Франціей, къ вопросу о выѣздѣ русскаго генеральнаго консула изъ Франціи къ своему посту въ Бразиліи. Онъ совершенно основательно замѣчаетъ, что если отказываютъ въ выдачѣ паспорта Лабенскому по той причинѣ, что Бразилія въ союзѣ съ Англіею, то турецкій посланникъ находился въ Парижѣ, несмотря на войну Россіи, союзницы Франціи, съ Турціею. Кромѣ того, Наполеонъ никогда не протестовалъ противъ пребыванія бразильскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ.

Этотъ фактъ насильственнаго задержанія русскаго генеральнаго консула во Франціи былъ весьма характеристиченъ, какъ показатель настроенія французскаго правительства

signalait encore d'autres. Ainsi Napoléon fit doubler la conscription de ses soldats et s'adressa au roi de Prusse pour exiger le libre passage de ses troupes par ses domaines.

Il ne laissait pas moins échapper aucune occasion pour faire étalage de ses intentions pacifiques et reprocher au Tsar ses dispositions hostiles. Il ne se faisait aucun scrupule quant au choix des moyens.

Lorsque au commencement de 1812, le comte Tschernischew arriva à Paris, en qualité de courrier diplomatique, Napoléon profita d'un entretien avec un homme qui lui était sympathique pour faire déborder pendant deux heures consécutives toute la haine qui s'était concentrée dans son âme contre Alexandre I. Sur le rapport détaillé du 14 (26) février 1812 que le comte Tschernischew adressa à ce sujet à son Souverain, Alexandre I fit de sa propre main des notes marginales et souligna certaines phrases qui attirèrent particulièrement son attention et son déplaisir. Nous mettrons entre parenthèse les observations de l'Empereur dans les passages que nous citerons de ce rapport du comte Tschernischew. Toute cette conversation eut lieu en présence du duc de Bassano.

Napoléon commença par la question de Pologne et exprima son vif regret de ce que dans un entretien avec Lauriston, le Chancelier de l'Empire avait signalé „le dessein de rétablir a Pologne et les intrigues varsoviennes comme les causes principales de cet état de fermentation dans lequel se trouvait l'Europe". [*Alexandre I:* „jamais rien de pareil n'a été articulé"]. Napoléon assurait ne jamais avoir songé au rétablissement de la Pologne.

En général les causes des divergences, survenues avec la Russie ne tiennent pas à des questions de politique étrangère, mais à des intérêts français. Elles concernent en premier lieu le système continental, vis-à-vis duquel la Russie ne remplit pas les engagements qu'elle a contractés à Tilsit. Si le gouvernement russe n'avait pas admis dans ses ports les navires anglais, sous prétexte qu'ils sont américains, les Anglais eussent été forcés de demander la paix.

Napoléon ne renoncera jamais au système continental et il répéta au comte Tschernischew ce qu'il avait dit à mainte occasion savoir: „qu'il nous ferait la guerre du moment où il apprendrait que nous aurions renoncé aux mesu-

въ концѣ 1811 года. Князь Куракинъ приводилъ еще другіе. Наполеонъ предписалъ двойную конскрипцію солдатъ и обратился къ прусскому королю съ требованіемъ о пропускѣ своихъ армій чрезъ прусскія владѣнія.

Между тѣмъ Наполеонъ очень ловко пользовался всякимъ случаемъ, чтобъ доказать свое миролюбіе и враждебное настроеніе противъ него русскаго Царя. Для этой цѣли всѣ средства ему казались пригодными.

Когда въ началѣ 1812 года опять явился въ Парижъ гр. Чернышевъ въ качествѣ дипломатическаго курьера, Наполеонъ воспользовался случаемъ, чтобы въ продолженіи двухчасовой бесѣды съ пріятнымъ ему человѣкомъ повторить всѣ упреки и вылить всю злобу, которые накопились въ его душѣ противъ Александра I. На подробнѣйшемъ донесеніи гр. Чернышева отъ 14-го (26-го) февраля 1812 года, въ которомъ онъ даетъ отчетъ о своемъ разговорѣ, Александръ I собственноручно сдѣлалъ на поляхъ свои замѣчанія или подчеркивалъ фразы, вызывавшія его особенное вниманіе или неудовольствіе. Мы поставимъ въ скобкахъ эти замѣчанія Императора въ мѣстахъ, цитированныхъ изъ донесенія гр. Чернышева. Весь разговоръ происходилъ въ присутствіи герцога Бассано.

Наполеонъ началъ съ Польскаго вопроса и выразилъ свое глубокое сожалѣніе, что Государственный Канцлеръ, недавно въ бесѣдѣ съ Лористономъ, сказалъ, что „планъ возстановленія Польши и варшавскіе происки являются главными причинами того безпокойства, которое охватило всю Европу". [*Александръ I:* „никогда ничего подобнаго не было сказано"]. По словамъ Наполеона онъ никогда и не думалъ о возстановленіи Польши.

Вообще причины возникшихъ съ Россіею разногласій происхожденія не иностраннаго, но совершенно французскаго. Они касаются, прежде всего, континентальной системы, въ отношеніи которой Россія не исполняетъ своихъ обязательствъ, установленныхъ Тильзитскимъ трактатомъ. Еслибъ русское правительство не пропускало въ свои гавани англійскихъ судовъ подъ предлогомъ, что это американскія суда, то Англичане были бы принуждены просить мира.

Наполеонъ никогда не откажется отъ своей континентальной системы и онъ повторилъ графу Чернышеву то, что неоднократно уже говорилъ, а именно: „что онъ объявитъ намъ (Россіи) войну съ той самой минуты, когда узнаетъ

res arrêtées par les décrets de Berlin et de Milan auxquelles Votre Majesté s'était engagée par le traité de Tilsit". (*Alexandre* souligna les mots ci-dessus cités et écrivit en marge: „Jamais le traité de Tilsit n'a rien stipulé sur les décrets de Berlin et de Milan qui n'y sont pas nommés seulement").

Napoléon crut devoir rappeler à Alexandre par l'entremise de son interlocuteur, le comte Tschernischew, qu'il n'avait réclamé de lui à Tilsit rien d'autre que son consentement à cesser tout rapport de commerce avec l'Angleterre. Une fois que ce consentement fut obtenu, la paix et l'alliance entre la France et la Russie furent signées. Mais aujourd'hui la France ne saurait fermer les yeux sur la violation manifeste des engagements de Tilsit par la Russie. L'Empereur Alexandre ne fit aucune observation au sujet des griefs formulés à ce sujet par Napoléon.

Napoléon passa ensuite à l'affaire d'Oldenbourg et au „manifeste", promulgué par la Russie à cette occasion. „L'Empereur Alexandre", dit-il au comte Tschernischew, „m'a défié par cette protestation, il m'a ce qu'on appelle jeté le gant; comme je désire sincèrement le maintien de la paix avec la Russie, je ne l'ai point ramassé et me suis abstenu d'y répondre jusqu'à présent, ne pouvant le faire convenablement que par une déclaration de guerre". Il s'est borné à informer les puissances étrangères qu'il se réservait de s'expliquer dans la suite sur cette affaire. Si la Russie eût consenti à un compromis quelconque, l'affaire eût été aussitôt terminée; si elle persiste à garder le silence, sa réponse à lui ne se fera pas attendre longtemps.

„Dans le cas cependant, où vous persisteriez dans votre silence et dans la continuation de la marche que vous avez adoptée", poursuivit Napoléon, „je suis décidé à publier que le duc d'Oldenbourg n'ayant pas envoyé son contingent pour la dernière guerre d'Autriche [*Alexandre:* „Il n'a pas été même requis de le faire, car le contingent existait à peine et commençait seulement à se former"] et, par conséquent, ayant manqué à ses devoirs de membre de la Confédération du Rhin, je le déclare avoir perdu ses droits sur le duché, sur lequel je ne reconnais pas ceux de la Maison Impériale de Russie". L'Empereur s'animait visiblement à mesure que durait cette conversation, tout en conser-

о нашемъ отреченіи отъ мѣропріятій, установленныхъ Берлинскимъ и Миланскимъ декретами и подписанныхъ Вашимъ Величествомъ въ Тильзитскомъ трактатѣ". [*Александръ* I подчеркнулъ приведенныя слова и написалъ на полѣ: „Никогда Тильзитскій трактатъ ничего не постановлялъ насчетъ Берлинскаго и Миланскаго декретовъ, которые даже въ немъ не упомянуты"].

Наполеонъ напомнилъ Александру, черезъ своего собесѣдника гр. Чернышева, что въ Тильзитѣ онъ ничего другого не требовалъ отъ него, какъ согласія прекратить всѣ торговыя сношенія съ Англіей. Съ момента полученія этого согласія миръ и союзъ между Франціей и Россіей были подписаны. Но теперь французское правительство не можетъ закрывать глазъ предъ явнымъ нарушеніемъ Россіей принятаго въ Тильзитѣ обязательства. Императоръ Александръ не сдѣлалъ противъ этого обвиненія со стороны Наполеона никакихъ замѣчаній.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ опять перешелъ къ Ольденбургскому дѣлу и къ русскому о немъ „манифесту". „Императоръ Александръ", сказалъ онъ гр. Чернышеву, „бросилъ мнѣ вызовъ своимъ протестомъ; онъ мнѣ бросилъ, какъ говорится, перчатку. И такъ какъ я искренно желаю сохраненія мира съ Россіей, то я не принялъ вызова и удерживался до сихъ поръ на него отвѣтить, ибо приличнымъ образомъ я могъ бы на него отвѣтить только объявленіемъ войны". Онъ только сообщилъ иностраннымъ державамъ, что насчетъ этого дѣла онъ объяснится впослѣдствіи. Еслибъ Россія пошла на какую нибудь сдѣлку по этому дѣлу, то оно было бы немедленно кончено; если же она продолжаетъ хранить молчаніе, то его отвѣтъ не заставитъ долго себя ждать.

„Однако въ случаѣ, если вы будете упорствовать въ вашемъ молчаніи", заявилъ Наполеонъ, „и продолжать принятый вами образъ дѣйствія, то я рѣшился обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, что герцогъ Ольденбургскій не послалъ своего контингента войскъ для послѣдней войны противъ Австріи [*Александръ I:* „Его даже не просили объ этомъ, ибо его контингентъ едва существовалъ и только началъ было формироваться"] и потому, вслѣдствіе неисполненія имъ своихъ обязанностей члена Рейнскаго союза, я объявляю его лишеннымъ правъ на герцогство, на которое я не признаю правъ русскаго Императорскаго дома". По мѣрѣ продолженія

vant son sangfroid. Il finit par prendre à partie l'Empereur Alexandre personnellement à cause du silence qu'il gardait avec obstination.

„L'Empereur Alexandre m'a-t-il déjà battu", dit-il à Tschernischew, „pour me traiter d'une manière aussi humiliante; sommes nous donc devenus si méprisables à ses yeux, qu'il ne nous juge plus digne de nous accorder une réponse ni de vouloir entrer en explication avec nous?" [*Alexandre*: „Le prince Kourakine a été muni de ceux nécessaires pour tout entendre, mais on ne pouvait lui donner ceux de conclure sans référer à la Cour, et c'est là, ce qu'on a exigé"].

Si l'Empereur Alexandre, poursuivait Napoléon, ne voulait pas traiter à Paris, on aurait pu se réunir dans une ville d'Allemagne quelconque. Si le prince Kourakine ne jouit pas de la confiance de l'Empereur, il ne dépendait que de lui de nommer un autre plénipotentiaire, par exemple le comte Nesselrode. Pour quelle raison ne le voit-on pas arriver, demanda Napoléon. Je l'attends depuis quatre mois. Enfin vous Tschernischew, pourquoi n'avez-vous pas reçu les pleins-pouvoirs nécessaires, demanda l'Empereur des Français.

En regard de cette question Alexandre I fit l'annotation suivante: „Des pouvoirs à un jeune officier! Cela serait assez plaisant!"

D'ailleurs, ajouta Napoléon, sa politique est si ronde que la personne du plénipotentiaire lui est indifférente, fût-ce même le comte Morkof, pourvu qu'il s'explique et qu'il entre en négociation.

„Comme je ne sais pas agir et ne pas agir, faire et ne pas faire, marcher et ne pas marcher, une fois qu'on m'a inspiré de la méfiance", poursuivit Napoléon, „et que je me suis vu forcé de me préparer sérieusement à la guerre, je l'ai fait tout de bon". Il se prépare à la guerre plus que jamais, mais il n'a pas moins quelque espoir que la Russie se ravisera pour entrer en explication avec lui.

„Quant à moi", déclarait Napoléon à son jeune interlocuteur qui avait toutes ses sympathies, „je puis vous assurer positivement que je ne commencerai pas la guerre cette année *(sic!)* à moins que vous ne violiez le territoire du duché de Varsovie ou celui du roi de Prusse que je considère comme mon allié".

Pour prouver la sincérité de ses intentions

разговора императоръ французовъ замѣтно сталъ воодушевляться, хотя вообще сохранялъ хладнокровіе. Онъ перешелъ къ личнымъ нападкамъ на Императора Александра за его упорное молчаніе.

„Развѣ Императоръ Александръ", сказалъ онъ гр. Чернышеву, „меня уже разбилъ, чтобъ обращаться со мною столь унизительнымъ образомъ. Развѣ мы въ его глазахъ стали настолько презрѣнны, что онъ насъ уже не считаетъ достойными получить отвѣтъ или вступить съ нимъ въ какіе нибудь переговоры? [*Александръ*: „Князь Куракинъ былъ уполномоченъ выслушивать всякія объясненія, но нельзя же было его уполномочить къ подписи безъ донесенія своему двору, и вотъ этого именно требовали"].

Если Императоръ Александръ, продолжалъ Наполеонъ, не хотѣлъ вести переговоровъ въ Парижѣ, то можно было собраться въ какомъ нибудь германскомъ городѣ. Если князь Куракинъ не пользовался довѣріемъ своего Государя, то отъ него зависѣло назначить другого уполномоченнаго, напримѣръ графа Нессельроде. Почему онъ непріѣзжаетъ? спросилъ Наполеонъ. Четыре мѣсяца я его жду. Наконецъ, почему вы, Чернышевъ, не получили полномочія? спросилъ императоръ французовъ.

Противъ этого вопроса Александръ I написалъ: „Полномочіе молодому офицеру! Это было бы довольно забавно!"

Впрочемъ, прибавилъ Наполеонъ, его политика такъ проста, „что ему собственно все равно, кого бы ни послали, хотя бы самого графа Моркова, лишь бы онъ объяснился и вступилъ въ переговоры".

„И такъ какъ я не умѣю дѣйствовать и не дѣйствовать", продолжалъ Наполеонъ, „дѣлать и не дѣлать, двигаться и не двигаться, то разъ вселили во мнѣ недовѣріе и я считаю себя вызваннымъ серьезно готовиться къ войнѣ, я это дѣлаю всецѣло". Онъ готовится къ войнѣ больше, чѣмъ когда либо, но все еще питаетъ надежду, что Россія опомнится и съ нимъ объяснится.

„Что касается меня", увѣрялъ Наполеонъ своего юнаго и любимаго собесѣдника, „я могу положительнымъ васъ увѣрить что не начну войны въ нынѣшнемъ году *(sic!)*, если только вы не вступите на территорію Варшавскаго герцогства или короля прусскаго, котораго я считаю своимъ союзникомъ".

Съ цѣлью доказать свое искреннее миролю-

pacifiques Napoléon signalait les bases sur lesquelles encore aujourd'hui une entente complète pouvait s'établir entre la France et la Russie. Un accord de cette nature était possible s'il reposait sur les trois principes suivants: 1) L'exécution du traité de Tilsit dans le sens du maintien du système continental avec quelques clauses supplémentaires; 2) la conclusion d'un traité de commerce avec la France avec admission d'un tarif qui ne fût pas onéreux pour elle; 3) l'indemnisation du duc d'Oldenbourg, mais pas au détriment du duché de Varsovie ou de la ville de Danzig.

Napoléon se montra complètement disposé à entrer en pourparlers sur ces bases et se flattait de l'espoir qu'un accord ne manquerait pas s'établir, vu que lui et Alexandre étaient animés d'un égal désir de conserver la paix. Il n'admettait pas qu'on pût soulever le moindre doute au sujet de ses intentions pacifiques.

„J'avoue", dit-il au comte Tschernischew, „qu'il y a de cela deux ans, je n'aurais jamais cru à la possibilité d'une rupture entre la Russie et la France, du moins de notre vivant, et comme l'Empereur Alexandre est jeune et moi je dois vivre longtemps, je plaçais la garantie du repos de l'Europe dans nos sentiments réciproques; ceux que je lui ai voués sont toujours restés les mêmes; vous pouvez l'en assurer de ma part et lui dire que si la fatalité veut que les deux plus grandes puissances de la terre se battent pour des pécadilles de demoiselles *(sic!)*, je le ferai en galant chevalier, sans aucune haine, sans nulle animosité et si les circonstances le permettent je lui offrirai même à déjeuner ensemble aux avant-postes!"

Enfin Napoléon pria Tschernischew de se charger d'être son plénipotentiaire et de faire tout pour prévenir une effusion du sang d'une centaine de mille de braves seulement parce que nous ne sommes pas d'accord sur la couleur d'un ruban" *(sic!)*.

En prenant congé du comte Tschernischew, Napoléon le pria encore une fois de prévenir l'Empereur Alexandre que s'il ne tient pas absolument à une rupture avec la France, il n'a qu'à nommer son plénipotentiaire pour conclure un accord entre les deux Empires. Le moment n'est pas encore perdu, mais lorsque les canons commenceront à parler, il ne pourra plus être question de pourparlers diplomatiques.

бie, Наполеонъ указалъ тѣ основы, на которыхъ даже теперь еще можетъ состояться полное соглашеніе между Франціей и Россіей. Такое соглашеніе вполнѣ возможно на слѣдующихъ трехъ началахъ: 1) исполненіе Тильзитскаго трактата въ смыслѣ сохраненія континентальной системы съ допущеніемъ нѣкоторыхъ дополненій; 2) заключеніе коммерческаго трактата съ Франціей безъ обиднаго для нея тарифа и 3) вознагражденіе Ольденбургскаго герцога, но только не на счетъ герцогства Варшавскаго или города Данцига.

Наполеонъ выразилъ полную готовность вступить въ переговоры на этихъ началахъ и былъ увѣренъ, что соглашеніе состоится, ибо онъ и Александръ не могутъ не желать сохраненія мира. Онъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своего миролюбія.

„Признаюсь", сказалъ онъ гр. Чернышеву, „два года тому назадъ, я не допускалъ бы даже и мысли о возможности разрыва между Россіей и Франціей, поменьшей мѣрѣ, пока мы оба живы. И такъ какъ Императоръ Александръ молодъ, а я долженъ жить долго, то я видѣлъ ручательство мира Европы въ нашихъ взаимныхъ чувствахъ. Тѣ чувства, которыя я къ нему питаю, всегда оставались неизмѣнными—въ этомъ вы можете его увѣрить и сказать ему отъ меня, что если ужъ судьба рѣшила, чтобъ двѣ величайшія державы въ мірѣ воевали другъ съ другомъ изъ-за сущихъ пустяковъ (pécadilles de démoiselles), то я буду сражаться, какъ учтивый кавалеръ, безъ малѣйшей ненависти, безъ всякой злобы и, если обстоятельства позволятъ, то даже предложу ему вмѣстѣ со мною завтракать на аванъ-постахъ".

Наконецъ, Наполеонъ поручилъ графу Чернышеву быть его уполномоченнымъ и сдѣлать все, чтобъ предупредить пролитіе крови сотни тысячъ храбрецовъ изъ-за того только, что „мы не согласны между собою относительно цвѣта ленточки" (sic!).

Прощаясь съ графомъ Чернышевымъ, Наполеонъ еще разъ просилъ его предупредить Императора Александра, что если онъ не желаетъ во что бы ни стало разрыва съ Франціей, то пусть скорѣе назначитъ своего уполномоченнаго для заключенія соглашенія между обѣими имперіями. Время еще не ушло, но когда заговорятъ пушки, — наступитъ конецъ всѣмъ дипломатическимъ переговорамъ.

Telle est la teneur de cet entretien de Napoléon avec le comte Tschernischew, qui a duré deux heures. Le compte-rendu du comte présente un intérêt particulier rien que par ce fait qu'il a résumé, en 8 feuilles d'un grand format, cette conversation importante et qu'il usa pour la plupart du temps des propres termes de Napoléon. Il est évident qu'il devait être doué d'une mémoire phénoménale pour pouvoir reproduire avec autant de précision cet échange d'idées. Par sa nature, cet entretien, avec les observations de l'Empereur Alexandre, fournit une nouvelle preuve au sujet de l'imminence fatale de la guerre entre les deux plus grandes puissances du monde, car selon l'avis de l'Empereur Alexandre, en 1812 il ne fallait plus songer à des pourparlers ou à un accord quelconque avec Napoléon. On ne saurait toutefois ne pas admirer le génie supérieur et l'habileté diplomatique, avec lesquels l'Empereur des Français réussit à exposer tout en sa faveur les questions litigieuses du moment.

Le comte Tschernischew fut porteur d'une lettre de Napoléon (du 24 février n. st.), dans laquelle il confirme son désir d'arranger „les affaires fâcheuses survenues depuis quinze mois". La lettre est très courte et fait dépendre de la bonne volonté d'Alexandre I l'aplanissement de toutes les difficultés dangereuses. „Il ne dépend que de Votre Majesté de tout terminer", écrivait Napoléon.

La réponse de l'Empereur Alexandre, du 27 mars 1812, est incontestablement sèche et froidement cérémonieuse. L'Empereur constate qu'il a écouté avec attention le rapport que lui a fait le comte Tschernischew au sujet de son entrevue avec Napoléon. „Les communications que le prince Kourakine est chargé de faire au Ministère de Votre Majesté", poursuit Alexandre I, „de même que celle dont il s'est déjà acquitté précedemment, prouveront au monde entier, combien j'ai toujours été prêt à tout terminer. Je resterai constamment dans ces sentiments et tout ne dépend que de Votre Majesté". C'est là toute la lettre, rédigée par l'Empereur lui-même.

En attendant, la force des choses semblait rendre de plus en plus imminente une solution sanglante des divergences entre les deux alliés. Les efforts désespérés, tentés en vue de prévenir la guerre furent impuissants à arrêter la marche fatale des événements. De nouvelles causes d'irritation mutuelle ne cessaient de surgir journellement. Ainsi Napoléon se mit en colère

Таково содержаніе двухчасового разговора Наполеона съ графомъ Чернышевымъ. Донесеніе графа представляетъ совершенно исключительный интересъ уже потому, что на 8 листахъ большого формата онъ пересказывалъ, обыкновенно собственными словами самого Наполеона, содержаніе этой знаменательной бесѣды. Очевидно графъ Чернышевъ обладалъ феноменальною памятью, если передавалъ все точнымъ образомъ. По существу, это донесеніе, съ замѣчаніями Императора Александра, подтверждаетъ роковую неизбѣжность войны между обѣими величайшими державами, ибо, по мнѣнію Императора Александра, въ 1812 году никакіе переговоры и никакое соглашеніе съ Наполеономъ не были болѣе мыслимы. Но нельзя не удивляться геніальному уму и великой дипломатической ловкости императора французовъ, съ которыми онъ сумѣлъ освѣтить спорные вопросы въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ.

Графъ Чернышевъ привезъ съ собою письмо Наполеона отъ 24 февраля (нов. ст.), въ которомъ послѣдній подтверждаетъ свое желаніе уладить „злосчастныя дѣла, возникшія пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ". Письмо очень кратко и улаженіе всѣхъ опасныхъ разногласій ставится въ немъ въ полную зависимость отъ доброй воли Александра I. „Только отъ Вашего Величества зависитъ все покончить", писалъ Наполеонъ.

Отвѣтъ Императора Александра I отъ 27 марта 1812 года отличается несомнѣнною сухостью и холодною церемонностью. Государь подтверждаетъ, что онъ со вниманіемъ выслушалъ отчетъ гр. Чернышева о его бесѣдѣ съ Наполеономъ. „Сообщенія", продолжаетъ затѣмъ Александръ I, „которыя поручено князю Куракину сдѣлать министерству Вашего Величества, равно и тѣ, которыя онъ уже раньше представилъ, докажутъ всему міру, насколько я всегда былъ готовъ все покончить. Я всегда останусь въ этихъ чувствахъ, и все зависитъ только отъ Вашего Величества". Вотъ и все письмо, составленное самимъ Государемъ.

Между тѣмъ сила обстоятельствъ все болѣе и болѣе приближала обѣ союзныя державы къ кровавой развязкѣ. Отчаянныя усилія, сдѣланныя передъ самою войною для предупрежденія ея, оказались совершенно безсильными остановить роковое теченіе событій. Постоянно прибавлялись новые неожиданные поводы взаимнаго раздраженія. Такъ, Наполеонъ чрезвычайно

en apprenant que le comte Tschernischew réussit à acheter chez un certain Michel et quelques complices les plans de mobilisation de l'armée française. Les criminels furent punis selon toute la rigueur des lois, mais le rôle assumé par le comte Tschernischew dans cette affaire provoqua l'indignation de l'Empereur des français. Celui-ci en prit prétexte pour représenter la conduite de la Russie sous un jour peu favorable. En général tous les efforts de Napoléon tendaient à faire tomber sur le gouvernement russe toute la responsabilité de la rupture de la paix. Sous ce rapport, le prince Kourakine n'avait pas tort en assurant au Chancelier de l'Empire que sa décision irrévocable de n'entrer dans aucune explication avec Napoléon rendait la guerre inévitable et en faisait retomber la responsabilité sur la Russie. En mai 1811 des pourparlers et un accord étaient encore possibles. Même après l'entretien du 15 août une issue pacifique des pourparlers n'était pas exclue. Mais à l'heure actuelle le moment d'un semblable accord était „entièrement passé“ et Napoléon dut renoncer à l'idée de conserver la paix.

„Il faut dire la vérité toute entière“, écrit le prince Kourakine au Chancelier de l'Empire à la date du 3 (15) février 1812, „nous lui avons donné lieu de rejeter une grande partie sur nous seuls le tort d'avoir provoqué cette guerre . . . ., puisque nous paraissons aux yeux de toute l'Europe n'avoir voulu connaître, ni écouter aucune proposition tendante à conserver la paix, et cependant il eut été facile d'entrer au moins en pourparlers pour cet objet“. Ces pourparlers eussent manifesté clairement la pureté des intentions de la Russie et la modération de ses exigences. Maintenant Napoléon a poussé ses préparatifs militaires si loin, qu'il ne saurait plus s'arrêter. En ce qui regarde la Russie, „nous n'avons plus de notre côté le choix des déterminations“.

Il est curieux que le comte Nesselrode partageait sur ce point complètement les vues de son ancien chef. Il présenta au commencement de mars un mémoire à l'Empereur dans lequel il disait entr'autre: „notre silence a conduit Napoléon sur la Vistule, des explications en lui ôtant le prétexte de poursuivre ses préparatifs l'auraient arrêté derrière l'Elbe. . . . C'est là, Sire, ce que m'a déterminé à Vous conseiller dès mon retour de Paris de ne pas rejeter la négociation que Napoléon Vous offrait avec tant d'insistance. Conséquent dans mon opinion je

разгнѣвался, когда узналъ, что графу Чернышѐву удалось „купить отъ нѣкоего „Мишель“ и другихъ мобилизаціонные планы французской арміи. Преступники были наказаны по всей строгости законовъ, но роль гр. Чернышева въ этомъ дѣлѣ вызвала полное негодованіе императора французовъ. Послѣдній воспользовался также и этимъ случаемъ, чтобъ выставить образъ дѣйствія Россіи въ непривлекательномъ видѣ. Вообще всѣ старанія Наполеона были направлены къ тому, чтобъ сложить всю вину за нарушеніе мира на русское правительство. Князь Куракинъ былъ правъ, когда доказывалъ Государственному Канцлеру, что неизмѣнное его рѣшеніе не вступать ни въ какія объясненія съ Наполеономъ дѣлаетъ войну неизбѣжной и всю вину въ томъ возлагаетъ на Россію. Въ маѣ 1811 года, переговоры и соглашеніе были еще возможны. Даже послѣ разговора 15 августа можно было еще серьезно надѣяться на мирный исходъ дипломатическихъ переговоровъ. Но теперь моментъ для такого соглашенія „совершенно прошелъ“, и Наполеонъ принужденъ былъ отказаться отъ мысли сохранить миръ.

„Нужно сказать всю правду“, пишетъ кн. Куракинъ Государственному Канцлеру 5 (15-го) февраля 1812 года, „мы дали ему возможность сложить на насъ однихъ бо̀льшую часть вины за эту войну..., ибо въ глазахъ всей Европы мы являемся не желавшими ни знать, ни выслушивать никакого предложенія, направленаго къ сохраненію мира. Однако, не трудно было вступить по крайней мѣрѣ въ переговоры объ этомъ предметѣ“. Эти переговоры рельефно обнаружили бы чистоту намѣреній Россіи и умѣренность ея требованій. Теперь же Наполеонъ зашелъ такъ далеко въ своихъ военныхъ приготовленіяхъ, что остановиться не можетъ. Что касается Россіи, то „у насъ уже больше нѣтъ выбора рѣшенія“.

Весьма любопытно, что графъ Нессельроде вполнѣ раздѣлялъ эти взгляды своего бывшаго начальника. Въ началѣ марта онъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ: „наше молчаніе привело Наполеона на Вислу; объясненія, лишавшія его предлога продолжать свои приготовленія, остановили бы его за Эльбою... Вотъ что, Государь, побудило меня, послѣ моего возвращенія изъ Парижа, совѣтовать вамъ не отвергать переговоровъ, которые Наполеонъ предлагалъ намъ съ такою настойчивостью. Будучи

suis encore aujourd'hui d'avis qu'une explication qui précéderait les hostilités ne saurait détériorer en rien la position de Votre Majesté. Elle aurait tout à y gagner et rien à y perdre". En partant de ce principe le comte Nesselrode insistait sur l'opportunité de renouveler les pourparlers avec Napoléon et signala les points principaux qui devraient servir de base à cette négociation. Il insistait particulièrement sur l'évacuation immédiate de la Prusse par les troupes françaises.

Après de longues hésitations Alexandre I prit la résolution de suivre les conseils de son ambassadeur à Paris et du comte Nesselrode. Il donna l'ordre au prince Kourakine de faire des propositions précises à Napoléon en vue d'aplanir les difficultés sérieuses, survenues entre les deux gouvernements. Il est permis de douter de la sincérité de ces propositions et de penser qui'Alexandre I n'avait en vue que de gagner du temps pour achever ses préparatifs militaires. On peut soulever ces mêmes doutes au sujet de l'insistance de Napoléon à poursuivre les négociations diplomatiques. En dehors de cela, au commencement de 1812, lorsque Alexandre I fit part de ses propositions par l'organe du prince Kourakine, la guerre était si imminente, qu'il semblait impossible d'en empêcher l'explosion. Toutefois une tentative dans ce seus a été faite et elle émanait de l'Empereur Alexandre.

A la fin de février, le Chancelier de l'Empire informa le prince Kourakine que l'Autriche et la Prusse avaient proposé à St.-Pétersbourg leur médiation en vue d'arranger les difficultés pendantes entre la Russie et la France. On répondit aux deux puissances par un refus, parceque l'Empereur ne renonça pas à l'espoir que ces difficultés ne puissent être réglées par la voie de pourparlers directs. En outre il ne se rend pas compte pour quel motif ces deux puissances supposent „qu'il est mal avec la France". (Dépêche du comte Roumiantzow du 20 février 1812).

Quatre jours après, l'Empereur Alexandre I rédigea de sa propre main une longue dépêche au prince Kourakine, qui par plus d'une considération mérite une attention particulière. En premier lieu elle trahit le désir manifeste de l'Empereur de réduire ses exigences. On remarque en outre dans le langage de cette pièce un certain regret de l'Empereur au sujet du

послѣдователенъ въ моемъ мнѣніи, я еще и сегодня думаю, что объясненія, предшествующія военнымъ дѣйствіямъ, не могутъ ни въ чемъ ухудшить положенія Вашего Величества. Вы отъ нихъ только выиграете и ничего не потеряете". Исходя изъ этого взгляда, графъ Нессельроде настаивалъ на возобновленіи переговоровъ съ Наполеономъ, при чемъ указалъ и тѣ главныя начала, на которыхъ они должны происходить. Въ особенности настаивалъ онъ на немедленномъ очищеніи Пруссіи отъ французскихъ войскъ.

Послѣ долгихъ колебаній Александръ I рѣшился послѣдовать настоятельнымъ совѣтамъ своего посла въ Парижѣ и гр. Нессельроде. Онъ предписалъ князю Куракину сдѣлать Наполеону опредѣленныя предложенія для уланженія возникшихъ крупныхъ недоразумѣній. Можно сомнѣваться въ искренности этихъ предложеній и можно думать, что Александръ I только желалъ выиграть время для окончанія своихъ военныхъ приготовленій. Такія же сомнѣнія вполнѣ умѣстны также и въ отношеніи настоятельныхъ требованій Наполеона продолжать дипломатическіе переговоры. Кромѣ того, въ началѣ 1812 года, когда Александръ I сообщилъ чрезъ князя Куракина свои новыя предложенія, война была уже такъ близка, что остановить ея возникновеніе было почти немыслимо. Тѣмъ не менѣе попытка была сдѣлана и она исходила отъ Императора Александра.

Въ концѣ февраля Государственный Канцлеръ сообщилъ князю Куракину, что Австрія и Пруссія предложили въ С.-Петербургѣ свое посредничество для улаженія недоразумѣній, возникшихъ между Россіей и Франціей. Обѣимъ державамъ было отвѣчено отказомъ, потому что Государь не теряетъ надежды, что возникшія недоразумѣнія будутъ улажены непосредственными переговорами. Къ тому же онъ не понимаетъ, на какомъ основаніи эти двѣ державы полагаютъ, что онъ находится „въ такихъ дурныхъ отношеніяхъ съ Франціей?" (Депеша гр. Румянцева отъ 20-го февраля 1812 года).

Чрезъ четыре дня Императоромъ Александромъ I собственноручно была составлена длиннѣйшая депеша къ князю Куракину, которая, по многимъ соображеніямъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Прежде всего, она обнаруживаетъ явное желаніе Государя смягчить свои требованія. Кромѣ того, нельзя не замѣтить изъ тона этой депеши Императора

ton par trop catégorique de ses déclarations antérieures et notamment de celle concernant l'affaire d'Oldenbourg.

„Lorsque l'Empereur", écrit Alexandre I, „a jugé nécessaire de mettre en réserve ses droits sur l'Oldenbourg, Sa Majesté avait lieu de présumer qu'on ne donnerait pas en France à cet acte aussi simple, qu'indispensable pour sa dignité, un sens plus étendu qu'Elle ne voulait Elle-même lui assigner. En l'accompagnant des assurances les plus positives, Sa Majesté a cru avoir tout fait pour tracer les justes limites dans lesquelles Elle voulait que cet acte fût circonscrit".

„On n'a jamais voulu convenir en France de ces limites et on s'est attaché à lui supposer plus d'extension et de suite qu'il n'en a jamais eu dans l'intention de celui de qui il avait émané".

Une fois que ce point de vue fut adopté à Paris, toutes les explications, même „les plus franches et les plus claires", étaient impuissantes à faire renoncer à cette interprétation complètement fausse de la déclaration russe sur l'affaire Oldenbourg.

Ces paroles trahissent évidemment un certain regret qu'éprouvait Alexandre I au commencement de 1812 au sujet de ce qui était arrivé. Il est certain que ce prétendu manifeste russe sur l'incident Oldenbourg souleva chez Napoléon une profonde indignation et le porta à des mesures militaires très énergiques. Il se refusait de croire que pour le duché d'Oldenbourg Alexandre I se déciderait à mettre en jeu le sort de la Russie. En attendant, il déclina catégoriquement l'offre de Napoléon d'indemniser le duc d'Oldenbourg en constituant en sa faveur un autre duché et jugea inutile d'énoncer des vœux quelconques à ce sujet. La question de la convention polonaise, comme le fait observer justement le comte Nesselrode, n'avait aucune portée sérieuse, vu que le rétablissement de la Pologne eût nécessairement dépendu non pas de cette convention, mais des circonstances c. a. d. de l'état des relations entre la Russie et la France. Il était impossible, à la veille de la guerre, de réparer toutes les fautes, commises après l'entrevue d'Erfurt.

Dans sa dépêche, adressée au prince Kourakine au mois de février, l'Empereur Alexandre semble nourrir encore l'espoir de maintenir la

нѣкоторое сожалѣніе относительно сдѣланныхъ имъ прежде категорическихъ заявленій, напримѣръ по Ольденбургскому дѣлу.

„Когда Императоръ", пишетъ Александръ I, „призналъ нужнымъ оговорить свои права на Ольденбургъ, Его Величество имѣлъ основаніе предполагать, что во Франціи не придадутъ столь простому и необходимому для его достоинства акту бо̀льшее значеніе, нежели онъ самъ ему придавалъ. Сопровождая его самыми положительными увѣреніями, Его Величество полагалъ, что онъ все сдѣлалъ для опредѣленія точныхъ границъ, въ которыхъ онъ желалъ, чтобъ этотъ актъ былъ понятъ".

„Но во Франціи никогда не желали считаться съ этими границами и этому акту стали придавать больше важности и дѣйствія, чѣмъ то было когда либо въ намѣреніяхъ того, отъ кого онъ исходилъ".

Разъ эта точка зрѣнія была усвоена въ Парижѣ, никакія объясненія, даже „самыя откровенныя и ясныя", не могли заставить отказаться отъ ложнаго совершено истолкованія русской декларацін по Ольденбургскому дѣлу.

Изъ этихъ словъ Императора Александра I нельзя не вывести заключенія, что нѣкоторое сожалѣніе о случившемся охватило его душу въ началѣ 1812 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ называемый русскій манифестъ по Ольденбургскому дѣлу сильнѣйшимъ образомъ возмутилъ Наполеона и вызвалъ его на самыя рѣшительныя военныя мѣры. Онъ не могъ себѣ представить чтобы Александръ I изъ-за Ольденбургскаго герцогства поставилъ на карту судьбу Россіи. Между тѣмъ готовность Наполеона вознаградить герцога Ольденбургскаго созданіемъ для него новаго герцогства была категорически отвергнута Императоромъ Александромъ, который считалъ излишнимъ высказать по этому предмету какія-либо свои пожеланія. Вопросъ же о Польской конвенціи, по справедливому замѣчанію гр. Нессельроде, не имѣлъ никакого серьезнаго значенія, ибо возстановленіе Польши зависѣло не отъ этой конвенціи, а отъ обстоятельствъ, т. е. отъ состоянія взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи. Но наканунѣ войны невозможно было поправить всѣ ошибки, сдѣланныя послѣ Эрфуртскаго свиданія.

Императоръ Александръ, въ своей февральской депешѣ на имя кн. Куракина, повидимому еще питаетъ надежду, что сохраненіе

paix. Il insiste sur la manière scrupuleuse avec laquelle il s'est acquitté de ses devoirs d'allié, et comme preuve palpable de ce fait, il signale la ruine complète du commerce et de l'industrie russe grâce à la stricte observation du système continental. Pour terminer l'Empereur s'arrête aux conclusions définitives suivantes dont l'ambassadeur devait s'inspirer dans ses pourparlers avec le gouvernement français:

1) Pour l'affaire d'Oldenbourg il n'y a pas lieu de reprendre spécialement les pourparlers, l'Empereur s'étant borné à reserver ses droits, basés sur les traités existants et n'ayant reclamé aucune indemnité en faveur du Duc.

2) „Le projet de la mission spéciale a toujours été restreint et dans son objet et dans son époque".

3) Si le Cabinet des Tuileries persiste à considérer la question d'Oldenbourg „comme indécise et nécessaire à décider, c'est à lui d'énoncer la manière dont il voudrait qu'elle le fût. Le Cabinet de St.-Pétersbourg est prêt à y apporter toutes les facilités".

4) L'Empereur autorise le prince Kourakine à donner toutes les explications qu'on lui demandera et à recevoir *ad referendum* toutes les ouvertures qui lui seront faites.

Enfin, 5) si malgré cela aucun accord n'était intervenu, la faute en retomberait sur la France, qui se défie de la Russie, concentre ses troupes et prête l'oreille aux Polonais qui ne font que semer des germes de discorde et de guerre.

Telles étaient les instructions, redigées *manu proprio* par l'Empereur Alexandre, qui laissaient une porte ouverte à de nouveaux pourparlers avec Napoléon. Son langage conciliant ne laisse aucun doute, ainsi que le désir de prévenir la guerre. On ne saurait en dire autant des instructions du 27 mars, adressées par le Chancelier de l'Empire au prince Kourakine. On y prescrit au prince Kourakine de poser à Napoléon certaines conditions catégoriques dont l'inéxecution serait considérée comme une déclaration de guerre. Il est survenu évidemment dans les idées de l'Empereur Alexandre un changement, qui le porta à poser à Napoléon des conditions qui rendaient le maintien de la paix impossible.

мира возможно. Онъ ссылается на свою добросовѣстность въ исполненіи союзныхъ обязательствъ. Лучшимъ ея доказательствомъ служитъ полное разореніе русской торговли и промышленности, благодаря континентальной системѣ. Въ заключеніе Императоръ Александръ выставляетъ слѣдующіе окончательные выводы, которые должны служить руководящими началами послу при его переговорахъ съ французскимъ правительствомъ.

Во 1-хъ, по Ольденбургскому дѣлу нѣтъ надобности возбуждать спеціальные переговоры, ибо Императоръ ограничился оговорками своихъ правъ, основанныхъ на существующихъ трактатахъ, и никакого вознагражденія для герцога не требовалъ.

Во 2-хъ, „вопросъ о спеціальной миссіи былъ всегда ограничиваемъ по отношенію какъ къ предмету, такъ и времени".

Въ 3-хъ, если однако Тюльерійскій кабинетъ продолжаетъ считать Ольденбургскій вопросъ „невыясненнымъ и долженствующимъ быть рѣшеннымъ, то его дѣло высказаться относительно формы, въ которой онъ желалъ бы его рѣшить. С.-Петербургскій кабинетъ готовъ облегчить это дѣло всѣми средствами".

Въ 4-хъ, Государь уполномочиваетъ князя Куракина давать всѣ требуемыя объясненія и принимать для сообщенія всѣ дѣлаемыя ему предложенія.

Наконецъ, въ 5-хъ, если соглашеніе все-таки не состоится, то виновата будетъ только одна Франція, которая относится недовѣрчиво къ Россіи, собираетъ войска и внимаетъ голосу Поляковъ, которые только сѣютъ сѣмена раздора и войны.

Такова собственноручно написанная Императоромъ Александромъ инструкція, которая оставляла открытою дверь для новыхъ дипломатическихъ переговоровъ съ Наполеономъ. Ея примирительный тонъ бросается въ глаза и желаніе русскаго Государя предупредить войну выступаетъ въ ней рельефнымъ образомъ. Совершенно другое надо сказать объ инструкціи отъ 27-го марта, которую Государственный Канцлеръ преподалъ князю Куракину. Въ ней предписывается послу предъявить Наполеону извѣстныя категорическія требованія, неисполненіе которыхъ должно было считаться за объявленіе войны. Очевидно, произошла новая перемѣна въ мысляхъ Императора Александра, заставившая его поставить Наполеону условія, которыя дѣлали сохраненіе мира совершенно невозможнымъ.

Dans sa dépêche du 27 mars 1812, le Chancelier de l'Empire prescrivit au prince Kourakine de déclarer à Napoléon, que du moment, où ses troupes passeraient l'Oder, la Russie se considérera en guerre avec la France. Comme le maintien de l'indépendance et de l'intégrité de la Prusse constitue une question vitale pour la Russie, les conditions essentielles de tous pourparlers ultérieurs seront: 1) l'évacuation de la Prusse par les troupes françaises jusqu'à l'Oder, et 2) la réduction de la garnison de Danzig. Ces conditions une fois acceptées par Napoléon, on pourra entamer des négociations avec lui. Quant au système continental, l'Empereur est disposé à l'observer à l'avenir, mais il refuse catégoriquement de reconnaître comme obligatoires pour lui les décrets de Berlin et de Milan. Il ne les a pas signés et ils sont pour lui d'une valeur nulle. Si un accord venait à s'établir sur l'affaire d'Oldenbourg, l'Empereur consentirait à retirer le „manifeste" qui a provoqué l'indignation de l'Empereur des Français.

Il semblait difficile d'admettre sérieusement que Napoléon se fût soumis à ces conditions humiliantes et qu'il consentit à évacuer les possessions prussiennes pour faire droit aux réclamations de la Russie. Le prince Kourakine ne devait pas moins s'acquitter de ces instructions, bien qu'il ne se fit aucune illusion quant au résultat des pourparlers.

Ayant reçu avec les instructions du 27 mars une lettre de l'Empereur à Napoléon, de la même date, il se rendit chez le duc de Bassano pour le prier de lui obtenir une audience pour remettre cette pièce à destination et lui fit part en même temps de la dépêche du Chancelier de l'Empire. Bassano exprima sa satisfaction à la suite de la déclaration du comte Roumiantzow que moyennant certaines conditions le manifeste d'Oldenbourg pourrait être rétiré. Il convint également que les décrets de Berlin et de Milan furent promulgués six mois après la signature du traité de Tilsit. Mais il s'abstint de laisser tomber un mot au sujet de la réclamation de la Russie quant à l'évacuation de la Prusse par les troupes françaises.

Ce n'est pas sans peine que l'ambassadeur de Russie obtint l'honneur d'une audience auprès de Napoléon pour lui remettre la lettre de son souverain. Napoléon ne faisait que l'ajourner sous les prétextes les plus différents — c'était tantôt la chasse, tantôt un service divin, ou bien

Государственный Канцлеръ предписалъ князю Куракину, въ депешѣ отъ 27-го марта 1812 года, объявить Наполеону, что если его войска перейдутъ рѣку Одеръ, то Россія будетъ считать себя въ войнѣ съ Франціей. И такъ какъ сохраненіе независимости и цѣлости Пруссіи составляетъ для Россіи жизненный вопросъ, то первыми условіями всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ являются: во 1-хъ, очищеніе Пруссіи отъ французскихъ войскъ до Одера и, во 2-хъ, уменьшеніе гарнизона Данцига. Только когда Наполеонъ подчинится этимъ условіямъ, переговоры съ нимъ могутъ начаться. Что касается континентальной системы, то Государь намѣренъ и впредь ее поддерживать. Но онъ положительно отказывается признавать обязательность для себя Берлинскаго и Миланскаго декретовъ. Онъ ихъ не подписывалъ и для него они не обязательны. Наконецъ, если состоится соглашеніе по Ольденбургскому дѣлу, то Государь согласенъ взять назадъ свой „манифестъ", вызвавшій такое негодованіе императора французовъ.

Трудно было серьезно думать, чтобъ Наполеонъ подчинился столь унизительнымъ условіямъ и согласился, по требованію Россіи, очистить отъ своихъ войскъ прусскія владѣнія. Но князь Куракинъ долженъ былъ исполнить полученныя инструкціи, хотя немогъ питать никакихъ иллюзій относительно исхода его переговоровъ.

Получивъ, съ инструкціями 27-го марта, также письмо Государя къ Наполеону отъ того же числа, онъ отправился къ герцогу Бассано просить исходатайствовать ему ауді-енцію для врученія письма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ ему прочесть депешу Государственнаго Канцлера. Бассано высказалъ свое удовольствіе по поводу заявленія гр. Румянцева о томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ ольденбургскій манифестъ можетъ быть взятъ назадъ. Онъ согласился также, что декреты Берлинскій и Миланскій были изданы 6 мѣсяцевъ послѣ подписанія Тильзитскаго трактата. Но Бассано ни однимъ словомъ не обмолвился насчетъ русскаго требованія эвакуаціи Пруссіи отъ французскихъ армій.

Не скоро добился русскій посолъ чести быть принятымъ Наполеономъ для врученія ему письма Государя. Наполеонъ постоянно откладывалъ ауді-енцію подъ разными предлогами: то онъ былъ на охотѣ то на богослуженіи, то времени не имѣлъ... (Донесеніе

l'absence de temps libre. (Rapport du prince Kourakine du 14 (26) avril 1812).

L'ambassadeur finit par être reçu. Il s'en suivit une longue conversation avec des récriminations mutuelles et des explications stériles. „Le duc de Bassano", déclara Napoléon, „m'a déjà dit que vous voulez avant tout me faire évacuer la Prusse. Cela m'est impossible. Cette demande est un outrage. C'est me mettre le couteau sur la gorge. Mon honneur ne me permet pas de m'y prêter. Vous êtes gentilhomme; comment pouvez-vous me faire une proposition pareille? Où a-t-on eu la tête à St.-Pétersbourg de croire que par des menaces on m'amenerait à ce que l'on a désiré? Négocions, négociez avec Bassano"....

A cette déclaration péremptoire de Napoléon, le prince Kourakine répondit catégoriquement que tant qu'il n'aurapas reçu la promesse d'évacuation de la Prusse, il devra s'abstenir d'entrer dans des pourparlers quelconques.

Napoléon coupa aussitôt la parole à l'ambassadeur avec ces mots: „Vous agissez comme la Prusse avant la bataille de Jena; elle exigeait l'évacuation du Nord de l'Allemagne. Je ne puis aujourd'hui consentir davantage à celle de la Prusse; il y va de mon honneur".

En réponse à ce refus catégorique, l'ambassadeur de Russie rappela à l'Empereur des Français qu'à Tilsit il avait insisté lui-même sur l'opportunité de reconnaître la Prusse „comme Etat intermédiaire et indépendant", et c'est pourquoi l'occupation de ce pays par ses troupes constitue une violation flagrante de ce principe fondamental.

„Je ne saurais y consentir", répondit vivement Napoléon, „négocions, arrangeons nous et si vous avez l'intention de négocier, ne parlez pas de cette clause". Toutefois tout en conviant l'ambassadeur de Russie à entrer en pourparlers et à chercher à aplanir les difficultés survenues entre la France et la Russie, Napoléon ajouta aussitôt que le maréchal Davout a déjà passé la Vistule, que le roi de Prusse est son allié et que le comte Lauriston a désormais reçu l'ordre de quitter St.-Pétersbourg! Le prince Kourakine en fut frappé comme d'un coup de foudre. Aux termes de ses instructions, le passage de l'Oder par les troupes françaises devait constituer un *casus belli*. En attendant, elles avaient déjà passé la Vistule. Enfin si l'ambassadeur de France avait reçu l'ordre de demander ses passeports et de quitter la Russie, la

князя Куракина отъ 14-го (26-го) апрѣля 1812 года).

Наконецъ посолъ удостоился аудіенціи. Произошла длинная бесѣда со взаимными обвиненіями и безплодными объясненіями. „Герцогъ Бассано мнѣ уже сказалъ", объявилъ Наполеонъ, „что вы желаете заставить, меня прежде всего, очистить Пруссію. Это для меня невозможно. Такое требованіе — оскорбленіе. Это значитъ приставить ножъ къ горлу, Моя честь не позволяетъ мнѣ этому подчиниться. Вы дворянинъ, какимъ образомъ можете вы мнѣ дѣлать такое предложеніе? Что было въ головахъ въ С.-Петербургѣ, если полагали, что угрозами меня можно довести до того, чего отъ меня желаютъ? Будемъ вести переговоры; займитесь ими съ Бассано"...

На это категорическое заявленіе Наполеона князь Куракинъ категорически отвѣтилъ: пока онъ не получитъ обѣщанія эвакуаціи Пруссіи, онъ долженъ воздержаться отъ всякихъ переговоровъ.

Тогда Наполеонъ перебилъ русскаго посла словами: „Вы поступаете какъ Пруссія передъ Іенскою битвою: она требовала очищенія сѣверной Германіи. Я еще менѣе могу согласиться на очищеніе Пруссіи. Это вопросъ моей чести".

Въ отвѣтъ на такой рѣшительный отказъ русскій посолъ напомнилъ императору французовъ, что въ Тильзитѣ онъ самъ настаивалъ на признаніи Пруссіи за „государство посредствующее и независимое" и потому занятіе ея французскими войсками явнымъ образомъ нарушаетъ этотъ основной принципъ.

„Я не могу на это согласиться", живо отвѣтилъ Наполеонъ, „будемъ вести переговоры, устроимся и... если вы намѣрены вести переговоры, то не говорите объ этомъ требованіи". Однако, пригласивъ русскаго посла вести переговоры и приложить стараніе уладить всѣ возникшія между Франціей и Россіей затрудненія, Наполеонъ немедленно прибавилъ, что маршалъ Даву уже перешелъ Вислу, что прусскій король его союзникъ и что графъ Лористонъ имѣетъ приказаніе выѣхать изъ С.-Петербурга! Князь Куракинъ какъ громомъ былъ ошеломленъ этими сообщеніями. По его инструкціямъ переходъ французскихъ войскъ черезъ Одеръ долженъ былъ считаться за casus belli. Между тѣмъ они уже перешли Вислу. Наконецъ, если французскій посолъ получилъ приказаніе потребовать паспортъ и выѣхать изъ

guerre était déclarée et il ne lui restait plus rien à faire à Paris.

Aussi le prince Kourakine déclara-t-il immédiatement à l'Empereur des Français qu'il se proposait de quitter Paris sans retard. Napoléon lui fit observer à ce sujet qu'il était tenu d'attendre les ordres de son souverain. Le prince ne persista pas moins dans sa résolution de partir sans attendre des ordres de St.-Pétersbourg, une fois que le comte Lauriston avait quitté cette capitale.

Cette conversation de Napoléon avec l'ambassadeur de Russie durait déjà plus de deux heures, lorsque le prince Kourakine s'apperçut que l'Empereur ne s'était pas même donné la peine d'ouvrir la lettre d'Alexandre I. Il crut devoir lui rappeler l'existence de cet écrit; alors Napoléon prit cette lettre laconique, la lut dans l'espace d'une minute et s'écria avec une ironie peu dissimulée: „Eh bien! Voilà une lettre dont je suis content. Elle est convenable et parfaitement en règle".

Nous avons vu plus haut qu'elle ne contenait absolument rien, ni une proposition quelconque, ni une nouvelle pensée. Elle disait seulement que tout dépendait du bon vouloir de Napoléon. Rien de plus! Si Napoléon affirmait que cette lettre lui convenait, cela ne pouvait être qu'une ironie. C'est ce que le prince Kourakine ne comprit pas, tout comme il ne comprit pas le sarcasme de Napoléon, lorsque celui-ci lui proposa de signer un acte établissant un „armistice illimité"! Il n'y avait pas encore de guerre, on poursuivait des pourparlers pour aplanir toutes les difficultés, on entretenait encore l'espoir de maintenir la paix et Napoléon proposait de conclure un armistice pour un terme indéfini. Cette proposition n'était évidemment qu'une amère ironie.

Le prince Kourakine ne l'accueillit pas moins avec tout le sérieux nécessaire et répondit à Napoléon qu'il eut signé volontiers cet acte, mais qu'il était dans l'impossibilité de le faire, faute de pleinpouvoir à cet effet. Mais il s'empressa d'ajouter qu'il était prêt à le signer *sub spe rati* c. a. d. *ad referendum* en réservant à son gouvernement le droit de ratification.

Napoléon se persuada que cette plaisanterie lui réussit parfaitement et n'y revint plus. Il se mit à exposer à l'ambassadeur de Russie les préparatifs qu'il cru devoir faire en vue d'une guerre avec son pays. Il avoua qu'il avait sous les armes une armée de 500.000 hommes, ce

Россіи, то значитъ война объявлена, и ему нечего оставаться въ Парижѣ.

Поэтому князь Куракинъ объявилъ императору французовъ, что и онъ также тотчасъ выѣдетъ изъ Парижа. На это Наполеонъ замѣтилъ, что онъ обязанъ ждать приказаній своего Государя. Князь, однако, остался при своемъ рѣшеніи, даже безъ приказанія, уѣхать, если гр. Лористонъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга.

Разговоръ Наполеона съ русскимъ посломъ продолжался уже около двухъ часовъ, когда князь Куракинъ замѣтилъ, что императоръ даже не раскрылъ врученное ему письмо Александра. Онъ напомнилъ ему о существованіи этого письма. Тогда Наполеонъ взялъ лаконическое письмо Александра, прочелъ его въ одну минуту и съ явною насмѣшкою воскликнулъ: „Вотъ письмо, которое мнѣ нравится. Оно прилично и вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ".

Выше мы видѣли, что въ письмѣ Александра собственно ничего не содержалось, ни какого нибудь предложенія, ни новой мысли. Въ немъ было сказано, что все зависитъ отъ доброй воли Наполеона. Больше ничего! Только иронически Наполеонъ могъ сказать, что это письмо ему нравится. Князь Куракинъ не понялъ этой иронiи, какъ онъ не понялъ и глубокаго сарказма Наполеона, когда тотъ ему предложилъ подписать актъ, устанавливающій „безсрочное перемиріе"! Еще не было войны, еще продолжаются переговоры объ улаженіи всѣхъ затрудненій, еще высказываются надежды на сохраненіе мира, а между тѣмъ Наполеонъ предлагаетъ заключить перемиріе на вѣчныя времена. Кромѣ злой иронiи, ничего другого не заключалось въ этомъ предложеніи.

Однако князь Куракинъ отнесся къ нему совершенно серьезно и отвѣтилъ Наполеону, что онъ съ удовольствіемъ подписалъ бы такой актъ, но у него нѣтъ на это полномочія. Впрочемъ, онъ немедленно самымъ любезнымъ образомъ прибавилъ, что готовъ подписать такой актъ *sub spe rati*, т. е. съ донесеніемъ своему правительству, оставляя ему утвердить его или не утвердить!

Наполеонъ увидѣлъ, что его шутка вполнѣ удалась и, больше къ ней не возвращался. Онъ сталъ объяснять русскому послу, какія приготовленія имъ сдѣланы для войны противъ его отечества. Онъ признался, что у него готова небывалая армія въ 500,000 человѣкъ; что все

qui ne s'est jamais vu jusque là; que toutes les dispositions étaient faites pour leur ravitaillement; que l'Autriche et la Prusse avaient pris l'engagement de faire marcher leurs troupes contre la Russie et qu'il ne signerait jamais la promesse de retirer les siennes du territoire prussien. Si la Russie lui a posé une pareille condition, il semble évident qu'elle se propose de le traiter comme elle traitait autrefois les rois de Pologne. Lorsque le prince Kourakine lui déclara qu'il n'avait pas le droit de retirer sa réclamation au sujet de l'évacuation de la Prusse, Napoléon lui répondit séchement: dans ce cas les pourparlers diplomatiques deviennent sans objet.

Ces paroles significatives de Napoléon marquèrent la fin du dernier entretien que le prince Kourakine eut avec ce souverain. La conversation durait deux heures et demi et amena le résultat auquel on devait s'attendre: on reconnut de part et d'autre q'un accord entre la Russie et la France était complètement impossible et la guerre — inévitable.

Le prince Kourakine prit congé de Napoléon, le remercia de ses bons procédés à son égard et ajouta en terminant qu'il ne sera probablement plus dans le cas de passer le seuil de son cabinet. Napoléon fut très gracieux avec lui à cette occasion et lui dit, en lui tendant la main, qu'il esperait le revoir encore une fois pour la conclusion de la paix. (Rapport du prince Kourakine du 14 (26) avril 1812).

Après cette déclaration formelle de Napoléon qu'il ne retirerait jamais ses troupes de la Prusse et que tous pourparlers étaient désormais inutiles, il semble qu'il ne restait au prince Kourakine qu'à informer son gouvernement de ce qui est arrivé et qu'à attendre de nouvelles instructions. Une fois que l'Empereur des Français lui avait dit que l'ambassadeur de France à St.-Pétersbourg avait reçu l'ordre de quitter la Russie et les troupes françaises — celui de se rapprocher des frontières russes, les négociations diplomatiques ne pouvaient être qu'un passe-temps oiseux.

Mais le prince Kourakine en jugea autrement; il rédigea le projet de deux conventions: l'une sur l'armistice et l'autre sur les points en litige. Le premier article de la convention sur l'armistice établissait qu'à un terme fixé le territoire prussien devait être évacué par les troupes françaises. Ce n'est pas pour son propre plaisir

готово для ихъ прокормленія; что Австрія и Пруссія обязались выставить свои войска противъ Россіи и что онъ никогда не подпишетъ обязательства вывести свои войска изъ Пруссіи. Если же Россія поставила ему подобное требованіе, то, очевидно, она желаетъ обращаться съ нимъ, какъ обращалась въ прежнія времена съ польскими королями. Когда же князь Куракинъ принужденъ былъ ему отвѣтить, что онъ не имѣетъ права взять назадъ свое требованіе объ эвакуаціи Пруссіи, то Наполеонъ коротко ему отвѣтилъ: въ такомъ случаѣ всѣ дипломатическіе переговоры совершенно излишни.

На этихъ знаменательныхъ словахъ Наполеона кончилась послѣдняя бесѣда, которую имѣлъ съ нимъ князь Куракинъ. Разговоръ ихъ продолжался два съ половиною часа и привелъ къ результату, котораго нужно было ожидать: обнаружилась совершенная невозможность какого-либо соглашенія между Россіей и Франціей и роковая неизбѣжность войны между ними.

Князь Куракинъ простился съ Наполеономъ, благодарилъ его за добрыя къ нему отношенія и въ заключеніе прибавилъ, что едва ли онъ когда-нибудь еще перешагнетъ порогъ его кабинета. Наполеонъ очень милостиво съ нимъ разстался и, подавая ему на прощаніе руку, сказалъ, что онъ надѣется еще разъ встрѣтиться съ нимъ для заключенія мира. (Донесеніе князя Куракина отъ 14-го (26) апрѣля 1812 года).

Послѣ категорическаго заявленія Наполеона о томъ, что никогда, онъ своихъ войскъ изъ Пруссіи не выведетъ и что всѣ переговоры излишни, казалось-бы князю Куракину слѣдовало только донести объ этомъ своему правительству и ждать новыхъ инструкцій. Если самъ императоръ французовъ сказалъ, что французскому послу въ С.-Петербургѣ приказано покинуть Россію и что французской арміи предписано приблизиться къ русскимъ границамъ, то, конечно, всякіе дипломатическіе переговоры были бы напрасною тратою времени и безсмысленнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее.

Но князь Куракинъ разсудилъ иначе: онъ всетаки составилъ проекты двухъ конвенцій — одинъ о перемиріи и другой о спорныхъ пунктахъ. Первая статья конвенціи о перемиріи постановляла, что въ опредѣленный срокъ прусская территорія должна быть очищена отъ французскихъ войскъ. И князь составилъ

et comme passe-temps que le prince se livra à la rédaction de ces pièces, mais dès le lendemain de sa conversation décisive avec Napoléon il se fit un devoir de les remettre au duc de Bassano! Celui-ci connaissant que l'Empereur avait pris congé de l'ambassadeur de Russie fut naturellement très surpris de cette démarche du prince Kourakine. Ne voulant pas blesser l'amour-propre de ce vieillard, il jugea opportun de l'entretenir dans ses illusions. Aussi accueillit-il gracieusement ces deux projets, remercia le prince et exprima l'espoir au sujet de la possibilité d'établir un accord et d'éviter la guerre. (Rapport du 16 (28) avril 1812.)

Cet excellent prince Alexandre Borissovitch fut ravi de cet accueil du Ministre des Affaires Etrangères de France et attendit avec impatience la réponse qui lui avait été promise. Mais ce fut pour lui occasion d'une déception à laquelle il ne croyait pas devoir s'attendre.

Quelques jours se passent et Kourakine ne parvient ni à voir Bassano, ni à recevoir de lui une réponse quelconque. Ses visites et ses lettres dans lesquelles il demandait avec instance des éclaircissements restaient inaperçues. Le temps pressait. Enfin quatre jours après la remise des projets de convention, Bassano reçoit aimablement l'ambassadeur de Russie. Lorsque celui-ci lui demande avec une fievreuse impatience quelle était la décision de l'Empereur, le Ministre lui répond avec un calme imperturbable: „Je n'en sais rien; l'Empereur n'a pas eu le temps de prendre une résolution!“

Bien plus, il se passent encore plusieurs jours et l'ambassadeur de Russie ne reçoit aucune communication. C'est alors que le prince prend la décision d'envoyer un courrier spécial à St.-Pétersbourg pour rendre compte de tout ce qui est arrivé. Un passeport du Ministère des Affaires Etrangères de France était nécessaire pour l'expédition de ce courrier diplomatique. Généralement ces passeports étaient immédiatement délivrés à la réquisition des ambassades et légations. Un refus était considéré comme équivalent à une interruption forcée des relations des agents diplomatiques avec leurs gouvernements.

Cette affaire donna lieu à un incident imprévu et sans précédent: comme de coutume, le prince Kourakine s'adressa à Bassano par lettre pour le prier de faire délivrer un passeport au courrier diplomatique russe, mais il attend vainement l'envoi de ce passeport par le Ministère

эти два проекта не для собственнаго удовольствія или ради полезнаго время препровожденія, но черезъ день послѣ приведеннаго рѣшительнаго разговора съ Наполеономъ онъ лично понесъ ихъ къ герцогу Бассано! Послѣдній, зная о прощаніи своего императора съ русскимъ посломъ, не могъ не быть чрезвычайно изумленъ этимъ шагомъ князя Куракина. Но онъ не хотѣлъ обидѣть старика, и считалъ даже полезнымъ поддерживать въ немъ несбыточныя мечты. Поэтому онъ любезно принялъ оба проекта, поблагодарилъ князя и выразилъ надежду, что соглашеніе возможно и война будетъ предупреждена. (Донесеніе отъ 16-го (28-го) апрѣля 1812 г.).

Добрѣйшій князь Александръ Борисовичъ очень обрадовался такому пріему со стороны французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться обѣщаннаго отвѣта. Но тутъ постигло посла совершенно неожиданное разочарованіе.

Проходитъ нѣсколько дней и Куракинъ не видитъ Бассано и не получаетъ отъ него никакого отвѣта. Личныя посѣщенія и письменныя просьбы о дачѣ скорѣйшаго отвѣта остаются безъ результата. Между тѣмъ время не терпитъ. Наконецъ, на четвертый день послѣ врученія проектовъ конвенцій Бассано любезно принимаетъ русскаго посла. Когда же послѣдній, въ лихорадочномъ волненіи, ставитъ ему вопросъ: каково рѣшеніе императора насчетъ его проектовъ, Бассано флегматично отвѣчаетъ: „Ничего не знаю, императоръ еще не успѣлъ принять рѣшенія!“

Проходитъ опять нѣсколько дней и никакого сообщенія не удостанвается получить русскій посолъ. Тогда князь Куракинъ рѣшаетъ отправить особеннаго курьера въ С.-Петербургъ съ донесеніями о всемъ случившемся. Для такого русскаго дипломатическаго курьера нужно было имѣть паспортъ отъ французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Всегда такіе паспорты немедленно выдавались по требованіямъ всѣхъ посольствъ и миссій. Отказъ въ ихъ выдачѣ былъ бы равносиленъ насильственному прекращенію сношеній иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ съ ихъ правительствами.

Съ княземъ Куракинымъ случился совершенно неожиданный и небывалый казусъ: онъ, обычнымъ образомъ, письмомъ, просилъ Бассано выдать русскому дипломатическому курьеру требуемый паспортъ. Ему паспорта не посылаютъ изъ французскаго Министерства Иностранныхъ

des Affaires Etrangères. C'est alors que le prince Kourakine se persuada que tout cela se faisait pour empêcher le départ de son courrier, porteur de dépêches pour St.-Pétersbourg.

Enfin le prince Kourakine reussit à voir Bassano qui s'empressa de lui faire part qu'on a reçu du comte Lauriston des rapports très satisfaisants. L'Empereur Alexandre continue a être très gracieux pour le comte Lauriston et a traité avec lui de toutes les questions sauf de celle de l'évacuation du territoire prussien (*sic!*). Cette fois encore le prince Kourakine ne saisit pas le caractère sarcastique de cette observation et repliqua assez naivement que l'Empereur Alexandre n'avait pas à en parler avec l'ambassadeur de France, vu que c'est lui qui était chargé de poursuivre des pourparlers à ce sujet à Paris. Bassano ne répondit rien à cette judicieuse observation.

Le prince profita de l'occasion pour lui demander pour quel motif on ne délivrait pas de passeport à son courrier? A cette interpellation Bassano répondit presque avec désespoir: „Vous m'embarrassez beaucoup, je ne puis vous le donner. L'Empereur vous prie de différer l'envoi de votre courrier.“ Le prince Kourakine fut tellement surpris de cette réponse qu'il n'eut pas l'idée de demander à Bassano pour quel motif et dans quel but Napoléon désirait suspendre l'envoi du courrier russe? Peut-être l'Empereur voulait-il profiter de l'occasion pour envoyer à St.-Pétersbourg la réponse aux projets de convention qui lui avaient été communiqués? Mais le prince insista pour que le passeport lui fût délivré sans retard. Bassano s'écria la-dessus avec un désespoir simulé: „Mais grand Dieu, vous ne voulez donc pas sentir qu'il ne dépend pas de moi de vous donner ce passeport. Je ne puis le faire. Je dois prendre auparavant de nouveaux ordres de l'Empereur!“

Le prince Kourakine, agité et indigné au dernier degré, dit au duc de Bassano qu'il ne connaît pas dans l'histoire du passé de semblable procédé avec un ambassadeur d'une puissance, qui n'a pas encore cessé d'être alliée et amie. Aussi demanda-t-il formellement qu'on fît un rapport à Napoléon au sujet de la réclamation de l'ambassadeur de Russie pour obtenir un passeport pour son courrier. Quelques heures après le prince Kourakine fut en possession de ce document. (Depêche du 20 avril (2 mai) 1812.)

L'histoire du passeport ne fut pas la dernière des mésaventures dont eut à se plaindre

Дѣлъ. Только тогда князь Куракинъ догадывается, что все дѣлается для задержанія его курьера съ донесеніями въ С.-Петербургъ.

Наконецъ князю Куракину удается видѣть Бассано, который радостно ему сообщаетъ, что отъ графа Лористона получены весьма удовлетворительныя донесенія. Императоръ Александръ продолжаетъ быть милостивымъ къ графу Лористону и обо всемъ съ нимъ говорилъ, только не объ эвакуаціи прусскихъ земель (*sic!*). Князь Куракинъ опять не понялъ саркастическаго характера этого замѣчанія и довольно наивно возразилъ: да Императору Александру нечего было и говорить объ этомъ съ французскимъ посломъ, ибо ему, въ Парижѣ, поручено вести объ этомъ переговоры. Бассано ничего не отвѣтилъ на это остроумное предположеніе.

Тогда князь воспользовался случаемъ, чтобъ спросить Бассано, почему не выдается паспортъ его курьеру? На этотъ прямой вопросъ Бассано почти съ отчаяніемъ отвѣтилъ: „Вы ставите меня въ большое затрудненіе. Я не могу вамъ его дать. Императоръ проситъ васъ повременить отправленіемъ вашего курьера“. Князь Куракинъ былъ такъ озадаченъ этимъ отвѣтомъ, что не догадался спросить герцога Бассано: по какой причинѣ и съ какою цѣлью Наполеонъ желаетъ остановить отправленіе русскаго курьера? Можетъ быть императоръ желаетъ послать съ нимъ въ С.-Петербургъ отвѣтъ на сообщенные ему проекты конвенцій? Вмѣсто того князь сталъ настоятельно требовать немедленной выдачи паспорта. Тогда Бассано съ напускнымъ отчаяніемъ воскликнулъ: „Боже мой, вы не хотите понять, что не отъ меня зависитъ дать вамъ этотъ паспортъ. Я не могу этого сдѣлать. Я долженъ сперва исходатайствовать новое Высочайшее повелѣніе!“.

Тогда князь Куракинъ, взволнованный и возмущенный до крайности, сказалъ герцогу Бассано, что изъ исторіи всѣхъ временъ ему неизвѣстно подобное обращеніе съ посломъ державы, которая еще не перестала быть „союзною и дружескою“. Поэтому онъ категорически потребовалъ доложить Наполеону о просьбѣ русскаго посла выдать паспортъ его курьеру. Черезъ нѣсколько часовъ князь Куракинъ получилъ нужный ему паспортъ. (Донесеніе отъ 20-го апрѣля (2-го мая) 1812 года).

Исторіею съ паспортомъ не кончились злоключенія послѣдняго русскаго посла при особѣ

le dernier des ambassadeurs de Russie auprès de la personne de Napoléon I. Il semble que le prince Kourakine ne fut pas suffissamment édifié par l'incident que nous venons de relater pour se convaincre de la complète inutilité de tous pourparlers diplomatiques au sujet de ses projets de convention. Non, de gaieté de cœur il se plut à s'attirer de nouveaux mécomptes.

L'affaire du passeport une fois réglée, il adressa une note au duc de Bassano, à la date du 25 avril (7 mai), pour lui rappeler que deux semaines se sont passées depuis qu'il lui avait remis ses dernières propositions et que jusqu'à présent il n'a été honoré d'aucune réponse. Ce silence, ajoute malicieusement le prince, le confirme dans l'idée que Napoléon „a fait le choix de la guerre" et c'est pourquoi, il a pris la résolution de quitter Paris.

Quatre jours se passèrent sans que le prince Kourakine eut reçu la moindre réponse. Enfin par une note du 8 mai n. st. le Ministre des Affaires Etrangères de France répond à l'ambassadeur en l'invitant à lui communiquer ses pleinspouvoirs pour la conclusion de la convention!! Le prince Kourakine fut visiblement indigné de cette insolente question du duc de Bassano et lui répondit aussitôt qu'il n'avait pas besoin de pleinpouvoir spécial, qu'en qualité d'ambassadeur de Sa Majesté, il avait aux termes de ses instructions générales, le droit de signer la convention telle qu'elle a été communiquée. (Depêche du 26 avril (8 mai) 1812).

Bien que la question au sujet du plein-pouvoir, posée par Bassano, pût être considérée insolente, elle n'avait pas moins quelque raison d'être. Napoléon et Bassano savaient parfaitement que le prince Kourakine n'avait pas le pleinpouvoir requis pour signer le projet de convention, rédigé par lui. Nous avons vu plus haut que l'Empereur Alexandre ne l'avait autorisé qu'a recevoir *ad refcrendum* toute proposition éventuelle du gouvernement français. Ainsi le prince Kourakine avait-il dépassé ses pouvoirs en affirmant, qu'en qualité d'ambassadeur et qu'aux termes de ses instructions générales, il avait le droit de tout signer. S'il eut signé une de ces conventions, il est probable qu'elle aurait eu le même sort que celles, signées dans le temps par le comte Morkow et Oubril. Voici pourquoi cette question insolente au sujet du pleinpouvoir avait en quelque sorte un fondement légal et Napoléon, ainsi que son Ministre, semblaient mieux connaître l'étendue des pleins-

Наполеона I. Князь Куракинъ не убѣдился только что изложенною исторіею въ совершенной безполезности всякихъ дипломатическихъ переговоровъ о проектахъ его конвенцій. Нѣтъ, онъ сталъ неутомимо добиваться новыхъ „исторій".

Какъ только кончилось дѣло съ паспортомъ, князь написалъ 25-го апрѣля (7-го мая) ноту къ герцогу Бассано, въ которой напомнилъ ему, что прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлалъ свои послѣднія предложенія, и всетаки онъ не имѣетъ никакого отвѣта. Такое молчаніе, остроумно прибавилъ князь Куракинъ, убѣждаетъ его, что Наполеонъ уже „отдалъ предпочтеніе войнѣ" и потому онъ, посолъ, рѣшился покинуть Парижъ.

Прошло четыре дня и опять никакого отвѣта не получилъ князь Куракинъ. Наконецъ, потою отъ 8-го мая (нов. ст.), французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отвѣчаетъ послу покорнѣйшею просьбою сообщить свои полномочія для заключенія конвенціи!! Князь Куракинъ видимо былъ озадаченъ дерзкимъ запросомъ герцога Бассано и немедленно отвѣтилъ, что ему особеннаго полномочія не нужно, что онъ, какъ посолъ Его Императорскаго Величества, имѣетъ право, въ силу своихъ общихъ полномочій, подписать конвенцію на сообщенныхъ условіяхъ. (Донесеніе отъ 26-го апрѣля (8-го мая) 1812 г.).

Хотя вопросъ о полномочіи, поставленный герцогомъ Бассано, могъ считаться дерзкимъ, однако, онъ имѣлъ свое фактическое основаніе. Наполеонъ и Бассано отлично знали, что князь Куракинъ дѣйствительно не имѣлъ полномочія подписать составленный имъ проектъ конвенціи. Мы видѣли выше, что Императоръ Александръ предоставилъ ему только право принимать всѣ предложенія съ условіемъ донесенія. Стало быть, князь Куракинъ очевидно превысилъ свою власть, сказавъ, что, въ качествѣ посла и на основаніи своихъ общихъ полномочій, онъ можетъ все подписать. На дѣлѣ онъ не имѣлъ такого права. Еслибъ онъ подписалъ какую либо конвенцію, то она навѣрно подверглась бы участи конвенцій, подписанныхъ въ свое время, безъ полномочій, графомъ Морковымъ и Убри. Вотъ почему дерзкій вопросъ насчетъ полномочія имѣлъ свое законное основаніе, и Наполеонъ и его Министръ лучше знали полномочія русскаго посла, чѣмъ онъ самъ.

pouvoirs de l'ambassadeur de Russie, qu'il ne la connaissait lui-même.

Il se passe un jour et le prince Kourakine ne reussit pas à voir le duc de Bassano. Ayant fini par l'attraper, le prince lui déclare avec fermeté qu'il quitte Paris. Bassano prend un air effrayé et le persuade de rester. Bassano lui demande s'il a reçu le pleinpouvoir. Kourakine lui répond avec indignation: vous savez bien que je n'ai pas de pleinpouvoir spécial! Alors Bassano déclare solennellement à l'ambassadeur:

„Non, nous ne sérions pas à deux de jeu. J'ai mes pleinpouvoirs, vous n'avez pas les vôtres. Plus d'une année nous avons demandé que Vous en fussiez revêtu. Avant que vous le soyez, comment voulez-vous que je puisse négocier avec vous? Je ne puis nullement accéder à ce mode de procéder.“ (Dépêche du prince Kourakine du 27 avril (9 mai) 1812).

Ce furent les dernières paroles adressées par le Ministre des Affaires Etrangères de France à l'ambassadeur de cette puissance alliée et amie. Napoléon était sur le point de partir pour l'Allemagne et Bassano quitta Paris deux jours après cet entretien avec le prince Kourakine pour suivre son souverain, en laissant sans réponse toutes les propositions et les projets de l'ambassadeur de Russie. Il ne put même pas obtenir de passeports pour lui-même et les membres de l'ambassade. Il ne quitta pas moins Paris pour s'établir pour quelque temps aux environs, à Bellevue. Il ne reçut ses passeports qu'au commencement de juillet, de Dresde, lorsque les opérations militaires étaient déjà en train! Dans sa lettre, adressée de Dresde au prince Kourakine, Bassano se montrait surpris d'apprendre qu'il n'avait pas reçu les passeports plutôt. Il prétendait avoir fait des dispositions avant son départ pour qu'ils fussent expédiés à l'ambassade de Russie *(sic!!)*.

Dailleurs, il crut devoir informer le prince Kourakine, en termes fort courtois, qu'on ne lui laisserait passer le Rhin que lorsque on aura reçu l'avis de source officielle française que le comte Lauriston avait quitté la Russie sans empêchement. Ensuite, par une lettre, datée de Thorn le 12 juin, Bassano déclara au prince Kourakine que Napoléon ne saurait accepter ses dernières propositions, vu que son exigence au sujet de l'évacuation du territoire prussien était contraire à son honneur.

Проходитъ день и князю Куракину съ трудомъ удается повидать герцога Бассано. Поймавъ его, князь твердо объявляетъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Парижа. Бассано принимаетъ испуганный видъ и уговариваетъ посла остаться. Тогда посолъ требуетъ отвѣта на свои предложенія. Бассано спрашиваетъ: А что, полномочіе вы получили? Куракинъ съ негодованіемъ отвѣчаетъ: вѣдь вы знаете, что у меня нѣтъ особеннаго полномочія! Тогда Бассано торжественно заявляетъ послу:

„Нѣтъ, мы не составимъ партіи. У меня есть полномочіе, у васъ его нѣтъ. Больше года мы просили, чтобъ вамъ его дали. Раньше чѣмъ вы не будете уполномочены, какъ вы хотите, чтобъ я вступилъ съ вами въ переговоры? Я никоимъ образомъ не могу согласиться на такой образъ дѣйствія“. (Донесеніе князя Куракина отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1812 года).

Это были послѣднія слова, сказанныя французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ послу союзной и дружеской державы. Наполеонъ уже уѣхалъ въ Германію и герцогъ Бассано, черезъ два дня послѣ этого разговора съ княземъ Куракинымъ, также выѣхалъ вслѣдъ за своимъ Государемъ, оставивъ всѣ представленія и проекты русскаго посла безъ отвѣтовъ. Даже паспортовъ для себя и членовъ посольства князь Куракинъ не могъ получить. Онъ все-таки выѣхалъ изъ Парижа въ окрестности, въ Бельвю, гдѣ поселился на время. Наконецъ, только въ началѣ *іюля*, изъ Дрездена онъ получилъ свои паспорты, когда военныя дѣйствія были уже въ полномъ ходу! Бассано очень удивлялся, въ своемъ письмѣ къ князю Куракину изъ Дрездена, что князь не получилъ паспорты раньше. Онъ, будто бы, до отъѣзда сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи ихъ въ русское посольство *(sic)!!*.

Впрочемъ, Бассано, въ весьма любезныхъ выраженіяхъ, предупредилъ князя Куракина, что черезъ Рейнъ его пропустятъ не раньше, какъ послѣ полученія французскимъ правительствомъ извѣстія о благополучномъ отъѣздѣ графа Лористона изъ Россіи. Затѣмъ, въ письмѣ изъ Торна отъ 12-го іюня, Бассано объявилъ князю Куракину, что Наполеонъ не можетъ принять его послѣднихъ предложеній, ибо требованіе эвакуаціи прусскихъ земель было противно его чести.

C'est ainsi que se termina la mission du prince Kourakine à la Cour de l'Empereur des Français, Napoléon I. Après avoir reçu ses passeports, le prince Kourakine ne parvenait toujours pas à quitter la France. Il s'établit à Sèvres et les autorités françaises mirent en œuvre toute leur habileté pour l'empêcher de partir et lui susciter toute espèce de difficultés. En dehors de cela, le manque d'argent était également une cause qui le retenait. Il avait 300,000 fr. de dettes et il avait en outre besoin de 140,000 fr. pour son voyage, comme il l'assurait lui-même. (Rapport à Sa Majesté, en date de Sèvres le 5 (17) juillet 1812).

Ce n'est qu'en septembre que le prince quitta la France pour se rendre à Hambourg et se proposait d'arriver en Russie en passant par le Danemark et la Suède. Mais les autorités françaises en Allemagne refusèrent de le laisser passer. Il dut rebrousser chemin vers le midi et se rendre à Vienne, où il arriva tout malade en décembre 1812.

Au moment où se poursuivaient à Paris les négociations diplomatiques que nous venons d'exposer et qui ont abouti à une rupture, Alexandre I et Napoléon se livraient également à des pourparlers à St.-Pétersbourg qui amenèrent des résultats analogues.

En avril (le 25), le duc de Bassano adressa une longue lettre au Chancelier de l'Empire dans laquelle il reproduit en détail toutes les récriminations connues de Napoléon contre Alexandre I. Il s'appliqua à démontrer que le but principal du traité de Tilsit et de l'alliance franco-russe consistait dans le rétablissement „de la paix maritime", au moyen d'une pression à exercer sur l'Angleterre pour la forcer de se soumettre et de signer la paix. En attendant, la Russie refusa de reconnaître comme obligatoires pour elle les clauses du traité de Tilsit et les décrets de Berlin et de Milan.

Le nouveau tarif russe de 1810 était „un coup inattendu", qui „annula le traité de Tilsit". Le manifeste pour l'affaire d'Oldenbourg était une provocation de la part de la Russie qui „jetait publiquement le gant à la France." Il est évident, comme le disait Bassano, que par le tarif de 1810 la Russie se proposait de protéger son commerce, mais elle protégeait en même temps le commerce et la navigation de l'Angleterre. Par son manifeste sur l'affaire d'Oldenbourg, qui ne concernait

Такъ кончилось посольство князя А. Б. Куракина при дворѣ императора французовъ Наполеона I. Послѣ полученія паспортовъ князь Куракинъ всетаки долго не могъ выѣхать изъ Франціи. Онъ поселился въ Севрѣ, и тутъ французскія власти изощряли свою ловкость, чтобы препятствовать его отъѣзду. Ему дѣлали всевозможныя затрудненія. Но была еще особенная причина, затормозившая его отъѣздъ, а именно—недостатокъ въ деньгахъ. У него было долговъ до 300,000 франковъ и для путешествія ему нужно было не менѣе 140,000 франковъ — по его собственнымъ словамъ. (Донесеніе на Высочайшее имя отъ 5-го (17-го) іюля 1812 года изъ Севра).

Только въ сентябрѣ князь уѣхалъ изъ Франціи въ Гамбургъ и оттуда онъ намѣренъ былъ, чрезъ Данію и Швецію, добраться до Россіи. Но французскія власти въ Германіи отказали ему въ пропускѣ. Онъ долженъ былъ вернуться на югъ и отправился въ Вѣну, куда прибылъ въ декабрѣ 1812 года совершенно больнымъ.

Въ то самое время, когда происходили въ Парижѣ только-что изложенные дипломатическіе переговоры, окончившіеся полнымъ разрывомъ, въ С.-Петербургѣ также велись переговоры между Александромъ I и Наполеономъ, которые привели къ той же конечной цѣли.

Въ апрѣлѣ (25-го) герцогъ Бассано обратился къ Государственному Канцлеру съ длиннымъ письмомъ, въ которомъ онъ повторяетъ въ подробности всѣ извѣстныя уже обвиненія Наполеона противъ Императора Александра. Доказывается, что главная цѣль Тильзитскаго трактата и франко-русскаго союза заключалась въ возстановленіи „мира на морѣ" путемъ принужденія Англіи покориться и подписать миръ. Между тѣмъ Россія отказалась признать для себя обязательными какъ постановленія Тильзитскаго трактата, такъ и декреты Берлинскій и Миланскій.

Новый русскій тарифъ 1810 года былъ „неожиданнымъ ударомъ, сразу уничтожившимъ Тильзитскій трактатъ". Манифестъ же по Ольденбургскому дѣлу оказался „вызовомъ, открыто брошеннымъ Франціи". Очевидно, по словамъ Бассано, что своимъ декабрьскимъ указомъ 1810 года Россія желала благопріятствовать не своей торговлѣ, а торговлѣ и судоходству Англіи. Своимъ манифестомъ по Ольденбургскому дѣлу, которое не касалось Россіи, она желала

pas directement la Russie, elle a voulu se créer un prétexte de guerre avec la France. En attendant, le vœu sincère de Napoléon de maintenir l'alliance et la paix, d'entrer en pourparlers et d'elaborer les bases d'un accord ne pouvait se réaliser, parceque personne n'était autorisé par l'Empereur Alexandre de poursuivre les négociations et de signer un accord.

Telle était en résumé la teneur de la lettre de Bassano. Que pouvait répondre le Chancelier de l'Empire à ce réquisitoire au mois de mai 1812, lorsque la guerre était déjà commencée? Il se borna à exprimer sa reconnaissance pour cette longue et „intéressante communication" du duc de Bassano et à lui déclarer que l'Empereur Alexandre lui a donné l'ordre „de ne point réfuter encore les griefs qu'il avait allégués, et de ne point relever des assertions qui reposent pour la plupart sur des faits entièrement dénaturés ou sur des suppositions tout-à-fait gratuites."

Ce qui frappe dans ces pourparlers diplomatiques, si pleins d'un intérêt dramatique, qui ont précédé la guerre de 1812 et la chute d'un colosse de génie, comme l'était Napoléon, c'est l'ardeur systématique des deux adversaires à vouloir s'abuser. Il est certain que malgré la ferme résolution de Napoléon de faire la guerre, il est saisi de temps en temps d'un sentiment de crainte, qu'il a peine à surmonter, quant à l'issue du drame historique qui va de se dérouler. Quant à Alexandre I, par sa nature même, il était facilement accessible à l'action de toute espèce de sentiments et d'impressions. Il devait songer avec angoisse et avec chagrin aux conséquences terribles que pouvait entraîner à sa suite la lutte gigantesque et sans précédent qui était sur le point d'éclater.

C'est le comte de Narbonne qui fut chargé de porter à St.-Pétersbourg la lettre du duc de Bassano; il remit également à l'Empereur Alexandre une lettre de Napoléon du 25 avril, de la même date que celle du Ministre des Affaires Etrangères. Malgré toutes les avanies faites au prince Kourakine, Napoléon confirme dans cet écrit son désir de prévenir la guerre et parle de sa „constance dans les sentiments de Tilsit et d'Erfurt". „Toutefois", ajoute Napoléon, „Votre Majesté me permettra de l'assurer que si la fatalité devait rendre la guerre inévitable entre nous, elle ne changerait en rien les sentiments que Votre Majesté m'a inspirés et qui sont à l'abri de toute vicissitude et de toute altération." C'était la dernière lettre de Napo-

создать себѣ предлогъ для войны съ Франціей. Между тѣмъ искреннее желаніе Наполеона, въ видахъ сохраненія союза и мира, вступить въ переговоры и выработать соглашеніе, не могло осуществиться, ибо никто не былъ уполномоченъ Императоромъ Александромъ вести переговоры и подписать соглашеніе.

Таково было вкратцѣ содержаніе письма герцога Бассано. Что было отвѣчать Государственному Канцлеру на этотъ обвинительный актъ въ маѣ 1812 года, когда война была уже начата? Онъ ограничился выраженіемъ благодарности за длинное и „интересное сообщеніе" герцога Бассано и заявилъ, что Императоръ Александръ повелѣлъ ему „не опровергать упрековъ, которые вы сдѣлали, и не касаться положеній, которыя большей частью основываются на фактахъ, совершенно искаженныхъ, или на предположеніяхъ, совершенно вздорныхъ".

Въ этихъ драматическихъ дипломатическихъ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ 1812 года и паденію такого геніальнаго колосса, какъ Наполеонъ I, чрезвычайно поражаетъ систематическій самообманъ обѣихъ спорящихъ сторонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что несмотря на рѣшимость Наполеона вести войну, его все-таки отъ времени до времени охватываетъ непреодолимое чувство боязни за исходъ начатой исторической драмы. Императоръ же Александръ I уже по своей натурѣ подчинялся вліянію всевозможныхъ чувствъ и впечатлѣній. Онъ долженъ былъ съ трепетомъ и грустью думать о возможныхъ послѣдствіяхъ предстоящей исполинской и никогда небывалой борьбы.

Письмо герцога Бассано привезъ въ С.-Петербургъ графъ Нарбонъ, который представилъ также Императору Александру письмо Наполеона отъ 25-го апрѣля, т. е. отъ того же числа, которымъ было помѣчено письмо герцога Бассано. Въ своемъ письмѣ Наполеонъ, не взирая на всѣ мытарства, устроенныя князю Куракину, снова подтверждаетъ свое желаніе предупредить войну, ибо онъ не перестаетъ „пребывать въ чувствахъ Тильзитскихъ и Эрфуртскихъ". „Впрочемъ", прибавляетъ Наполеонъ, „Ваше Величество позвольте мнѣ увѣрить васъ, что если судьба и сдѣлаетъ войну между нами неизбѣжною, то все-таки она нисколько не измѣнитъ чувствъ, которыя Ваше Величество вселили во мнѣ и которыя стоятъ

léon à Alexandre I avant la catastrophe de 1812.

L'Empereur Alexandre I répondit à cette lettre de Napoléon de Wilna, où il se trouvait en vue des opérations militaires contre la grande armée française. La lettre est plus longue que celle de Napoléon et porte l'empreine d'une plus grande pureté de sentiments.

„J'y (dans la lettre) ai vu", écrit Alexandre I, „avec plaisir que Votre Majesté se rapelle de Tilsit et d'Erfurt. Mes sentiments, comme ma politique sont constamment les mêmes et je ne désire rien tant que d'éviter la guerre entre nous. Dans ce but unique, j'ai sacrifié depuis un an tous les avantages militaires qui se sont présentés à moi. C'est la preuve la plus concluante que je puis donner à Votre Majesté combien peu la guerre ou les envahissements sont dans ma pensée. Je prie pareillement Votre Majesté de croire que dans aucune circonstance mes sentiments pour sa personne n'éprouveront la moindre altération et qu'Elle me retrouvera toujours ce que j'étais à Tilsit et à Erfurt". (Lettre d'Alexandre I du 7 (19) mai 1812.)

выше всякихъ превратностей и измѣнчивости". Это было послѣднее письмо Наполеона къ Александру I до катастрофы 1812 года.

Императоръ Александръ отвѣтилъ на это письмо изъ Вильны, гдѣ онъ находился въ виду предстоящихъ военныхъ дѣйствій противъ великой французской арміи. Письмо его длиннѣе письма Наполеона и отличается болѣе теплымъ чувствомъ.

„Я съ удовольствіемъ въ немъ (письмѣ) увидѣлъ", пишетъ Александръ, „что Ваше Величество вспоминаете о Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Мои чувства, какъ и моя политика, постоянно оставались тѣми же, и я ничего другого не желаю, какъ предупредить войну между нами. Этой единственной цѣли я приносилъ въ жертву въ продолженіи года всѣ военныя выгоды, которыя мнѣ представлялись. Это наиболѣе убѣдительное доказательство, которое я могу дать Вашему Величеству въ томъ, насколько мало война или завоеванія занимаютъ мои мысли. А равнымъ образомъ прошу Ваше Величество вѣрить, что никакія обстоятельства ни въ чемъ не въ состояніи будутъ измѣнить мои чувства къ вашей особѣ и что вы найдете меня всегда такимъ, какимъ я былъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ". (Письмо Александра отъ 7-го (19-го) мая 1812 г.).

On comprend que ces assurances d'estime mutuelle étaient impuissantes à arrêter la marche fatale des événements. Elles prouvent seulement que les deux Empereurs nourissaient encore quelque espoir que l'un d'eux ferait une concession et que la paix pourrait être sauvegardée. Le comte Lauriston exprima un espoir analogue au Chancelier de l'Empire à la fin d'avril, en lui disant qu'il avait la conviction intime que la paix serait maintenue. „Je vous donne ma parole d'honneur", dit l'ambassadeur de France après l'arrivée de son courrier, „que dans tout ce que m'a apporté le courrier, je ne vois rien qui m'empêche de croire, qu'il est grandement possible d'éviter la guerre. Faites donc, je vous prie, de votre côté tout ce qu'il faut pour cela."

En faisant son rapport à l'Empereur à ce sujet, le Chancelier de l'Empire crut devoir ajouter dans sa lettre du 11 (23) avril, qu'il doutait de la complète sincérité de l'ambassadeur, bien que celui-ci l'ait assuré que le maintien de la paix lui semblait possible.

Ces doutes étaient parfaitement justifiés car presque le même jour, où le comte Lauriston s'énonçait dans un sens aussi pacifique vis-à-vis

Понятно, что эти увѣренія во взаимномъ личномъ уваженіи нисколько не останавливали роковаго хода событій. Они только доказываютъ, что оба императора все-таки питали нѣкоторую надежду, что одинъ изъ нихъ уступитъ и тогда миръ будетъ сохраненъ. Такую же надежду выразилъ еще въ концѣ апрѣля гр. Лористонъ Государственному Канцлеру, сказавъ, что онъ увѣренъ въ сохраненіи мира. „Я даю вамъ мое честное слово", сказалъ французскій посолъ послѣ прибытія своего курьера, „что во всемъ привезенномъ мнѣ курьеромъ я ничего не нахожу, что могло бы мнѣ препятствовать думать, что весьма возможно предупредить войну. Прошу васъ, дѣлайте съ вашей стороны все, что можно, для той же цѣли".

Государственный Канцлеръ, донося объ этомъ Государю Императору, въ письмѣ отъ 11-го (23-го) апрѣля, однако, прибавляетъ, что сомнѣвается въ полной искренности посла, увѣряющаго его въ возможности сохраненія мира.

Такія сомнѣнія были весьма основательны, ибо почти въ тотъ же день, когда гр. Лористонъ высказался столь миролюбивымъ обра-

du comte Roumiantzow, Napoléon lui-même déclara, au prince Kourakine que son ambassadeur à St.-Pétersbourg avait reçu l'ordre de quitter la Russie. Cette notification, émanant de la bouche même de Napoléon, força le prince Kourakine à déclarer que dans ce cas, il partirait également et demanderait ses passeports. C'est ce qu'il fit. En attendant Napoléon pris prétexte de cette demande de passeports pour accuser l'Empereur Alexandre d'avoir pris l'initiative de la déclaration de guerre.

Le Chancelier de l'Empire trouvait ce procédé peu consciencieux et conseillait à son Maître d'écrire à Napoléon qu'il n'avait jamais donné l'ordre au prince Kourakine de demander ses passeports. Ce „malentendu" ne saurait être invoqué comme une cause d'une guerre qui peut entraîner à sa suite une terrible effusion de sang des peuples européens.

En effet, ayant reçu à Wilna la nouvelle du passage de la frontière russe par la grande armée française, l'Empereur Alexandre I écrivit une lettre à Napoléon, en date du 13 (25) juin, dans laquelle il protestait contre la note remise par le comte Lauriston, aux termes de laquelle Napoléon se considérait en guerre avec la Russie du moment, où le prince Kourakine avait réclamé ses passeports.

L'Empereur Alexandre rappelle à Napoléon qu'il ne doit pas ignorer que le prince Kourakine avait agi dans cette circonstance de son propre chef et qu'il fut désapprouvé par son Souverain. Enfin Alexandre ajouta:

„Si Votre Majesté n'est pas intentionnée de verser le sang de nos peuples pour mésentendu de ce genre (*sic!*) et qu'Elle consente à retirer ses troupes du territoire russe, je regarderai ce qui s'est passé comme non avenu, et un accomodement entre nous sera possible. Dans le cas contraire Votre Majesté me forcera de ne plus voir en Elle qu'un ennemi que rien n'a provoqué de ma part. Il dépend de Votre Majesté d'éviter à l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre."

Ainsi à la mi-juin, lorsque le territoire russe était déjà envahi par l'armée française, l'Empereur Alexandre admettait encore la possibilité du maintien de la paix. D'accord avec le Chancelier de l'Empire, il pensait que la cause de guerre provenait d'un „malentendu", provoqué par la demande de passeport du prince Kourakine. Il n'est guère probable que l'Empereur Alexandre ait réellement partagé cette conviction, et ce n'est que par un sentiment de crainte de-

разомъ графу Румянцеву, самъ Наполеонъ объявилъ князю Куракину, что его посолъ въ С.-Петербургѣ получилъ приказаніе выѣхать изъ Россіи. Такое заявленіе изъ устъ самого Наполеона заставило князя Куракина объявить, что въ такомъ случаѣ и онъ уѣдетъ и потребуетъ свои паспорты. Это онъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ Наполеонъ воспользовался требованіемъ со стороны князя Куракина паспортовъ, чтобы обвинить Императора Александра въ объявленіи ему войны.

Государственный Канцлеръ находилъ такой предлогъ недобросовѣстнымъ и совѣтовалъ Государю написать Наполеону, что онъ никогда не приказывалъ князю Куракину требовать паспорты. Это „недоразумѣніе" не можетъ служить причиною войны, которая должна вызвать пролитіе потоковъ крови европейскихъ народовъ.

И дѣйствительно, когда Императоръ Александръ I получилъ въ Вильнѣ извѣстіе о переходѣ русской границы великою французскою арміею, онъ написалъ Наполеону письмо отъ 13-го (25-го) іюня, въ которомъ протестуетъ противъ поданной графомъ Лористономъ ноты, въ силу которой Наполеонъ считаетъ себя въ войнѣ съ Россіей съ момента требованія княземъ Куракинымъ паспортовъ.

Императоръ Александръ напоминаетъ Наполеону, что ему извѣстно, насколько князь Куракинъ поступилъ своевольно въ данномъ случаѣ, вызвавъ полное неодобреніе своего Государя. Наконецъ Александръ прибавляетъ:

„Если Ваше Величество не намѣрены проливать кровь нашихъ народовъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія *(sic!)* и если вы согласитесь вывести ваши войска съ русской территоріи, то я посмотрю на случившееся, какъ на небывшее, и соглашеніе между нами будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ Ваше Величество меня принудите смотрѣть впредь на васъ, только какъ на врага, котораго я, съ своей стороны, ничѣмъ не вызвалъ. Еще зависитъ отъ Вашего Величества спасти человѣчество отъ ужасовъ новой войны".

Итакъ, еще въ половинѣ іюня, когда французская армія уже вступила на русскую территорію, Императоръ Александръ все еще считалъ возможнымъ допустить мысль о сохраненіи мира! Вмѣстѣ съ Государственнымъ Канцлеромъ онъ полагалъ, что причина войны заключается въ „недоразумѣніи", вызванномъ требованіемъ княземъ Куракинымъ своихъ паспортовъ. Совершенно невозможно, чтобы Императоръ Александръ I дѣйствительно раздѣ-

vant l'inconnu de l'avenir et de responsabibilité morale devant la nation, qu'on peut expliquer cet espoir de prévenir l'explosion de la guerre même après la violation du territoire russe, consommée par les troupes françaises.

Dans tout état de cause, cette lettre du mois de juin était la dernière, adressée par l'Empereur Alexandre à son „ami et allié“ de l'époque des traités de Tilsit et d'Erfurt.

La rupture entre la Russie et la France devait nécessairement entraîner à la suite le départ de l'ambassadeur de France. Par une lettre du 22 mai (3 juin), le comte Lauriston fit part au comte Soltykow, qui gérait *ad interim* le Ministère des Affaires Etrangères, que par ordre de Napoléon, il devait quitter la Russie et priait qu'on lui délivrait des passeports pour lui et le personnel de son ambassade. Le comte Soltykow ne se considérait pas autorisé de faire droit à la réclamation de l'ambassadeur de France. Il porta la lettre du comte Lauriston à la connaissance du Chancelier de l'Empire, qui se trouvait auprès de l'Empereur à Wilna, et lui demanda ses instructions. Quelques semaines se passèrent sans réponse. Par une nouvelle lettre du 26 juin, le comte Soltykow crut devoir rappeler au comte Roumiantzew que l'ambassadeur de France était encore toujours dans la capitale, bien que la guerre ait indubitablement éclaté.

Mais un ordre suprême à ce sujet fut signé à la date du 22 juin; le comte Soltykow n'en eût connaissance qu'après l'expédition de sa lettre au Chancelier de l'Empire. Aux termes de cet ordre suprême, permission était accordée au comte Lauriston et aux „diplomates accrédités par les Etats de la Confédération du Rhin“ et aux consuls, de quitter la Russie par la voie d'Oranienbaum et de se rendre où cela pouvait leur convenir, soit sur un bâtiment de guerre russe, soit sur un navire marchand frêté par eux. Il était dit en outre dans cet écrit, „qu'on devait les traiter en se conformant à la gravité des circonstances, mais avec tous les égards et la courtoisie dûs à leur personne“.

Ce n'est que le 28 juin (10 juillet) que le comte Lauriston reçut ses passeports du comte Soltykow, auquel il ne laissait pas de repos par ses incessantes réclamations à ce sujet. Il se proposait de quitter la Russie par la voie de terre, en passant par Riga et Polangen. Mais le comte Soltykow lui déclara catégoriquement qu'il ne pouvait disposer que de la voie mari-

лялъ ,такое убѣжденіе, и только чувствами страха предъ скрытою будущностью и тяжестью нравственной отвѣтственности предъ своимъ народомъ можно себѣ объяснить надежду остановить возникновеніе войны даже послѣ нарушенія французскими войсками неприкосновенности русской территоріи.

Во всякомъ случаѣ іюньское письмо Императора Александра было послѣднее, адресованное къ „другу и союзнику“ времепъ Тильзитскаго и Эрфуртскаго трактатовъ.

Разрывъ между Россіей и Франціей долженъ былъ естественнымъ образомъ вызвать отъѣздъ изъ Россіи французскаго посла. Письмомъ отъ 22-го мая (3-го іюня) гр. Лористонъ сообщилъ графу Салтыкову, временно управлявшему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, что по повелѣнію Наполеона онъ долженъ покинуть Россію и потому проситъ выдать паспорты ему и всѣмъ членамъ посольства. Гр. Салтыковъ не считалъ себя въ правѣ исполнить требованіе французскаго посла собственною властью. Онъ сообщилъ Государственному Канцлеру, находившемуся при Государѣ въ Вильнѣ, о письмѣ гр. Лористона и просилъ инструкцій. Проходитъ нѣсколько недѣль безъ всякаго отвѣта. Новымъ письмомъ отъ 26-го іюня гр. Салтыковъ напоминаетъ графу Румянцеву, что французскій посолъ все еще въ столицѣ, не взирая на несомнѣнное начало войны.

Но уже 22-го іюня было подписано Высочайшее повелѣніе, дошедшее до гр. Салтыкова послѣ отправленія имъ его письма къ Государственному Канцлеру. Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи было постановлено о свободномъ пропускѣ изъ Россіи гр. Лористона и другихъ „аккредитованныхъ особъ отъ державъ Рейнскаго союза“ и консуловъ черезъ Ораніенбаумъ моремъ на русскомъ военномъ суднѣ куда пожелаютъ, или, по ихъ желанію, на нанятыхъ ими купеческихъ судахъ. Притомъ было прибавлено, чтобъ „обошлись бы съ ними хотя и со важностію обстоятельствамъ приличною, но съ тѣмъ вмѣстѣ и съ пристойнымъ къ нимъ вниманіемъ и особою вѣжливостію“.

Только 28-го іюня (10-го іюля) гр. Лористонъ получилъ свои паспорты отъ гр. Салтыкова, которому онъ не давалъ покоя требованіями скорѣйшей ихъ выдачи. Онъ хотѣлъ выѣхать изъ Россіи сухимъ путемъ, черезъ Ригу и Полланген. Но гр. Салтыковъ категорически объявилъ, что только морской путь для него открытъ. Тогда гр. Лористонъ очень

time. Effrayé de cette nouvelle, il demanda au comte Soltykow ce qui adviendrait de lui s'il devenait la proie des Anglais? Soltykow s'abstint de répondre à cette intéressante question et le comte Lauriston dût s'embarquer au risque de tomber entre les mains des Anglais qui lui étaient odieux.

испугался и спросилъ гр. Салтыкова: но что, если Англичане меня захватятъ? На этотъ интересный вопросъ гр. Салтыковъ отказался отвѣтить, и гр. Лористонъ долженъ былъ подвергнуться риску попасть въ руки ненавистныхъ Англичанъ.

C'est ainsi que cessèrent toutes les relations diplomatiques entre Alexandre I et Napoléon et que s'évanouirent les projets grandioses qui faisaient l'objet des entraînements des deux alliés à l'époque des entrevues de Tilsit et d'Erfurt. La guerre prit ses droits et devait se charger de trancher ce que ne purent aplanir ni la correspondance personelle des deux souverains, ni les efforts communs de leurs ministres et de leurs représentants diplomatiques.

Такимъ образомъ прекратились всѣ дипломатическія сношенія между Императоромъ Александромъ I и Наполеономъ и кончились всѣ грандіозные планы, которыми оба союзника увлекались во время свиданій въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Война вступила въ свои права и должна была рѣшить все, что не могли уладить ни личная переписка обоихъ Государей, ни старанія ихъ министровъ и дипломатическихъ представителей.

Ce n'est pas le lieu d'exposer la marche des évenements militaires qui ont signalé les années 1812, 1813 et 1814, ni de reproduire le récit des tentatives diplomatiques, faites au cours des opérations de guerre en vue de rétablir la paix entre les Etats belligérants. Dans de précédents volumes du présent ouvrage nous avons signalé les données principales, puisées aux archives, concernant la formation d'une coalition européenne des puissances contre Napoléon *). Nous nous bornerons ici à compléter ces renseignements par quelques matériaux, puisés aux archives et qui concernent spécialement les rapports entre la Russie et la France.

Здѣсь не мѣсто ни излагать ходъ военныхъ событій 1812, 1813 и 1814 годовъ, ни повторять разсказъ о попыткахъ, сдѣланныхъ въ продолженіи военныхъ дѣйствій съ цѣлью возстановить миръ между воюющими государствами. Въ другихъ, уже изданныхъ, томахъ настоящаго изданія приведены всѣ главнѣйшія архивныя данныя, относящіяся до образованія европейской коалиціи державъ противъ Наполеона *). Здѣсь мы ограничимся только дополненіемъ этихъ данныхъ нѣкоторыми новыми архивными матеріалами, спеціально касающимися отношеній Россіи и Франціи.

Après la défaite inouie de la grande armée française, Napoléon, comme on sait, quitta cette armée, en l'abandonnant au gré du sort et se hâta de revenir à Paris. Il choisit la voie de Varsovie, où il arriva dans les premiers jours de décembre 1812. Ici, en présence de l'ambassadeur de France et des ministres polonais, il prononça le 5 décembre un discours, qui trahit avec évidence les illusions qu'il se faisait au sujet de sa position politique. Malgré le désastre complet de son armée, Napoléon espérait pouvoir entreprendre dans quelques mois une nouvelle campagne contre la Russie et la contraindre de faire la paix.

Послѣ неслыханнаго погрома великой французской арміи, Наполеонъ, какъ извѣстно, покинулъ свою армію, оставивъ ее на произволъ судьбы, и поспѣшилъ въ Парижъ. Онъ выбралъ путь черезъ Варшаву, куда прибылъ въ первыхъ числахъ декабря 1812 года. Здѣсь, въ присутствіи французскаго посла и польскихъ министровъ, онъ произнесъ 5-го декабря рѣчь, которая явнымъ образомъ обнаружила иллюзіи императора французовъ относительно его политическаго положенія. Не взирая на полный разгромъ всей его арміи, Наполеонъ все таки полагалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ въ состояніи будетъ начать новый походъ противъ Россіи и принудить ее къ миру.

Dans ce discours Napoléon convient de deux fautes qu'il a commises dans le cours de cette déplorable expédition: il eut tort d'aller à Moscou et d'y rester si longtemps. C'était une

Въ этой рѣчи Наполеонъ сознается въ двухъ ошибкахъ во время своего столь плачевнаго похода: онъ напрасно пошелъ въ Москву и напрасно тамъ такъ долго оставался. Это

*) Voir t. III à partir du № 76, pag. 70 et suiv; t. VII depuis le № 254, p. 40 et suiv; t. XI depuis le № 413, pag. 165 et suiv.

*) Срав. т. III, съ № 76, стр. 70 и слѣд; т. VII, съ № 254, стр. 40 и слѣд.; т. XI, съ № 413, стр. 165 и слѣд.

entreprise grande et hardie, „mais il est vrai que du sublime au ridicule le pas est petit“. Il fut vaincu non par les Russes, mais par les éléments et particulièrement par les gelées inouies qui lui ont fait perdre 35,000 chevaux

„Jusqu'au 6 novembre“, poursuit Napoléon, „j'étais maître de l'Europe; je ne le suis plus... Mes soldats m'ont prié de quitter l'armée (*sic!*); ma présence n'y était plus nécessaire.“... Par Dresde il continuera sa route jour et nuit jusqu'à Paris, où il tombera „comme une bombe“ à minuit. „Le lendemain“, poursuit l'Empereur, „on sera si étonné de mon retour que l'on ne parlera plus d'autre chose dans la capitale et dans toute la France, et l'on oubliera ce qui est arrivé (*sic!*). Il me faut de l'argent et des bras, je vais en chercher, je me prépare une nouvelle armée de 300,000 h. avec laquelle je marcherai le printemps prochain et je détruirai les moscovites.“

La marche connue des opérations militaires a dû convaincre Napoléon qu'il s'est amèrement trompé quant aux dispositions de la nation française et à la facilité d'avoir raison des moscovites. En mai 1813, après plusieurs défaites des armées françaises, Napoléon fut forcé de demander un armistice. Les pourparlers devaient avoir lieu à Gäbersdorf. Napoléon nomma comme plénipotentiaire Caulaincourt, duc de Vicence, avec l'intention manifeste de profiter des sympathies connues de l'Empereur Alexandre pour ce diplomate, en vue de préparer le terrain à des négociations séparées entre la Russie et la France.

Mais cette ruse ne réussit pas, car le comte Nesselrode informa Caulaincourt par une lettre de Wuerchen le 8 (20) mai 1813, qu'il ne sera pas reçu en qualité de plénipotentiaire français, vu que l'Empereur considère plus opportun de confier à des officiers le soin de conclure un armistice. Caulaincourt répondit à cela qu'il n'avait aucune mission diplomatique et que ses pleinpouvoirs ne concernent exclusivement que l'armistice. Après avoir reçu une assurance de cette nature, Alexandre I ne pouvait plus refuser de reconnaître Caulaincourt comme plénipotentiaire français, mais il choisit pour son plénipotentiaire le lieutenant-général comte Schouvalow et le roi de Prusse — le lieutenant-général Kleist. Il fut strictement recommandé à ces deux négociateurs militaires de n'entrer dans aucune discussion au sujet de la situation politique des

было великое и отважное предпріятіе, но „правда, что отъ высокаго до смѣшного только маленькій шагъ“. Онъ былъ побѣжденъ не Русскими, но стихіями и, въ частности, неслыханными морозами, благодаря которымъ онъ въ нѣсколько дней потерялъ 35,000 лошадей.

„До 6-го ноября“, продолжалъ Наполеонъ, „я былъ властителемъ надъ Европою, — имъ я пересталъ быть... Мои солдаты умоляли меня покинуть армію (*sic!*); мое присутствіе тамъ болѣе было не нужно“. Черезъ Дрезденъ онъ днемъ и ночью будетъ продолжать свой путь до Парижа, куда онъ прибудетъ въ полночь, „какъ бомба“. „На другое утро“, продолжалъ императоръ, „всѣ будутъ такъ удивлены моимъ пріѣздомъ, что ни о чемъ другомъ и рѣчи не будетъ въ столицѣ и во всей Франціи. И всѣ забудутъ о томъ, что случилось (*sic!*). Мнѣ нужны деньги и люди, я иду ихъ искать. Я приготовлю новую армію въ 300,000 человѣкъ, во главѣ которой я стану будущею весною и уничтожу московитовъ“...

Извѣстный ходъ военныхъ дѣйствій долженъ былъ убѣдить Наполеона въ томъ, что онъ жестоко ошибался относительно какъ французскаго народа, такъ и легкости разгромить московитовъ. Въ маѣ 1813 года послѣ неоднократныхъ пораженій французскихъ войскъ, Наполеонъ принужденъ былъ просить о перемиріи. Переговоры должны были происходить въ Геберсдорфѣ. Наполеонъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ Коленкура, герцога Висанскаго, съ явнымъ намѣреніемъ воспользоваться несомнѣннымъ расположеніемъ къ нему Императора Александра I, чтобъ подготовить почву для сепаратныхъ соглашеній между Россіей и Франціей.

Но эта хитрость не удалась, ибо графъ Нессельроде, письмомъ изъ Вюршена отъ 8-го (20-го) мая 1813 года, увѣдомилъ Коленкура, что онъ не будетъ принятъ въ качествѣ французскаго уполномоченнаго, такъ какъ Государь признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ уполномочить къ заключенію перемирія офицеровъ. Тогда Коленкуръ отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакого дипломатическаго порученія и что его полномочіе исключительно касается до заключенія перемирія. Получивъ такое удостовѣреніе, Александръ I не могъ отказать въ признаніи Коленкура французскимъ уполномоченнымъ, но самъ онъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ генералъ-лейтенанта гр. Шувалова, а прусскій король—генералъ-лейтенанта Клейста. Обоимъ военнымъ уполномоченнымъ было строго предписано не входить ни въ какія разсужденія

Etats belligérants et de ne traiter que des affaires militaires en tant qu'elles concernaient la question de l'armistice. Il était secrétement prescrit au comte Schouvalow de chercher à conclure un armistice de quatre semaines — ce qui était reconnu nécessaire pour l'état de l'armée russe.

Toutefois c'est Caulaincourt lui-même qui trahit les motifs secrets qui avaient provoqué sa nomination comme plénipotentiaire pour la conclusion de l'armistice. Malgré la promesse formelle de ne traiter dans ces pourparlers avec les délégués russe et prussien que des questions militaires concernant l'armistice, Caulaincourt trouva moyen de faire au comte Schouvalow des communications politiques de la plus haute importance. Elles attestent avec une telle évidence un acte de haute trahision que le rôle assumé par Caulaincourt dans cette circonstance ne peut que provoquer des sentiments de surprise et de répulsion. Le comte Schouvalow porta ces faits à la connaissance de l'Empereur Alexandre par des rapports en date de Gäbersdorf, le 19 (31) mai, et de Plesswitz, le 21 mai (2 juin) 1813.

„Sire", écrivait le comte Schouvalow dans son premier rapport, „le duc de Vicence a encore saisi le moment où Mr. de Kleist était sorti de la chambre pour me dire ce qui suit en me disant qu'il ne me fesait ces confidences, que parcequ'il était sûr que Votre Majesté Impériale en serait seule instruite".

„Tâchons donc à nous arranger, me dit-il. L'Empereur Napoléon a je crois consenti à la médiation de l'Autriche. Je ne sais au reste s'il y a consenti formellement. Profitons du moment, il est bon, nous sommes dans un moment de faiblesse, nos troupes sont dispersées. Le général Bertrand est du côté de Strigau. Les autres colonnes vous présentent le flanc en marchant. Quand nous avons des succès, on ne peut plus nous faire entendre raison *(sic!)* Vous nous laissez faire, aussi nos troupes sont fatiguées. C'est notre moment de faiblesse. Mais n'oubliez pas ce que je vous dis, il nous viendra des renforts considérables. Si nous mettons le pied dans le duché de Varsovie la guerre durera des années".

„Voilà, Sire, toutes les phrases, autant que je m'en rappelle, du duc de Vicence et vraiment il y en a qui lui coûteraient la tête si on le savait."

Caulaincourt revenait souvent à ces épanche-

о политическомъ положеніи воюющихъ государствъ, а говорить лишь о военныхъ дѣлахъ насколько они относятся къ перемирію. Графу Шувалову было секретно предписано добиваться заключенія перемирія на четыре недѣли,—что требовалось состояніемъ русской арміи.

Однако, Коленкуръ самъ обнаружилъ тѣ тайныя цѣли, которыми было вызвано назначеніе его въ качествѣ уполномоченнаго къ заключенію перемирія. Несмотря на обѣщаніе ограничиваться въ переговорахъ съ русскимъ и прусскимъ военными уполномоченными только военными вопросами, касающимися перемирія между воюющими арміями, Коленкуръ нашелъ возможнымъ сдѣлать графу Шувалову чрезвычайно интересныя политическія сообщенія. Эти сообщенія такъ явно отзываются измѣною своему Государю, что принятая на себя Коленкуромъ роль не можетъ не вызвать удивленія и отвращенія. Вотъ что графъ Шуваловъ доносилъ Императору Александру изъ Геберсдорфа 19-го (31-го) мая и изъ Плесвитца 21-го мая (2-го іюня) 1813 г. „Государь", писалъ гр. Шуваловъ въ первомъ донесеніи, „герцогъ Висанскій еще воспользовался минутою, когда г. Клейстъ вышелъ изъ комнаты, чтобъ сказать мнѣ нижеслѣдующее, прибавивъ, что онъ вступаетъ со мною въ эти откровенности въ увѣренности, что только одному Вашему Императорскому Величеству онѣ будутъ доложены".

„Постараемся же устроиться, сказалъ онъ мнѣ. Я думаю, что императоръ Наполеонъ согласился на посредничество Австріи. Впрочемъ, я не знаю, согласился ли онъ формальнымъ образомъ. Воспользуемся моментомъ, онъ благопріятенъ: мы находимся въ моментѣ слабости, наши войска разбросаны. Генералъ Бертранъ стоитъ близъ Стригау. Другія колонны открываютъ вамъ свои фланги, двигаясь впередъ. Когда мы побѣждаемъ, насъ нельзя заставить быть разумными *(sic!)*. Вы насъ оставляете въ покоѣ, между тѣмъ наши войска утомлены. Это нашъ моментъ слабости. Но не забывайте, что я вамъ говорю: мы получимъ значительныя подкрѣпленія. Если мы вступимъ въ Варшавское герцогство, то война затянется на годы".

„Таковы, Государь", продолжаетъ свое донесеніе гр. Шуваловъ, „всѣ рѣчи герцога Висанскаго, насколько я помню, и, по правдѣ сказать, есть между ними такія, которыя стоили бы ему головы, еслибъ объ нихъ узнали".

Коленкуръ неоднократно возвращался къ

ments qui troublaient à un haut degré le comte Schouvalow. Il était convaincu que Caulaincourt dissimulait „quelque finesse infernale“. De fait, le duc de Vicence commettait un acte de perfide trahison, en proposant ses services pour livrer son Souverain et bienfaiteur. Napoléon était entouré de traîtres et quelques uns parmi eux, comme Bernadotte, ont fait une brillante carrière. La perfidie et la trahison ne sont pas toujours punies, malheureussement elles sont quelquefois récompensées avec éclat.

On comprend que ces confidences du duc de Vicence aient produit sur le comte Schouvalow la plus pénible impression. D'une part, il était frappé de la gravité de ces révélations perfides de Caulaincourt qu'il avait connu comme ambassadeur de l'Empereur Napoléon à St.-Pétersbourg. D'autre part, il se rappelait les ordres qu'il avait reçus de s'abstenir de tous pourparlers politiques. Aussi se trouvait-il dans une position très délicate quand Caulaincourt cherchait toute occasion pour reprendre ses confidences, qui changeaient selon les circonstances. Le but était toujours le même: de livrer Napoléon à ses ennemis.

Un jour Caulaincourt dit au comte Schouvalow que par sentiment de profond dévouement pour l'Empereur Alexandre, il conseillait de conclure la paix au plutôt, car la Russie en avait besoin. Dans deux mois l'armée française aura doublé de force et il sera difficile de lui résister.

Toutefois Caulaincourt ajouta aussitôt: „Si vous êtes sûrs que l'Autriche agisse avec vous, vous faites bien de ne pas songer à faire la paix avec nous, mais si vous n'en êtes pas sûrs, vous n'avez pas de temps à perdre“.

Ce qui est incroyable, c'est qu'en tenant de pareils propos Caulaincourt faisait entendre qu'il parlait avec le consentement de Napoléon. D'après ses paroles on pouvait croire que Napoléon lui-même favorisait l'idée d'une coalition européenne contre lui.

Un autre jour Caulaincourt exprime, d'une manière très confidentielle, au comte Schouvalow „son étonnement de ce que nous (les Alliés) avons agis aussi faiblement contre l'armée ennemie, que nous lui laissions faire tranquillement des marches extravagantes telles que celle sur Breslau, que les corps français étaient faibles et

этимъ откровенностямъ, которыя сильно смущали графа Шувалова. Онъ былъ увѣренъ, что у Коленкура какая-то „адская хитрость“. На самомъ же дѣлѣ герцогъ Висанскій чинилъ актъ подлой измѣны и предлагалъ свои услуги выдать головою своего Государя и благодѣтеля. Наполеонъ I былъ окруженъ измѣнниками, и многіе изъ нихъ, какъ Бернадотъ, сдѣлали блестящія карьеры. Не всегда подлость и измѣна караются, но къ несчастію, часто онѣ награждаются самымъ блестящимъ образомъ.

Совершенно понятно, что эти откровенности герцога Висанскаго произвели на графа Шувалова крайне непріятное впечатлѣніе. Съ одной стороны, онъ былъ пораженъ важностью измѣнническихъ откровенностей Коленкура, котораго онъ помнилъ какъ посла императора Наполеона въ Петербургѣ. Съ другой стороны, онъ зналъ данное ему положительное приказаніе не вступать ни въ какіе политическіе переговоры. Поэтому онъ былъ поставленъ въ очень щекотливое положеніе, когда Коленкуръ явно искалъ всякаго случая, чтобы возобновить свои откровенности, которыя постоянно измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ. Но цѣль ихъ оставалась та же: выдать Наполеона его врагамъ.

Однажды Коленкуръ сказалъ гр. Шувалову, что изъ чувства глубокой преданности къ Императору Александру онъ совѣтуетъ поскорѣе заключить миръ, въ которомъ нуждается Россія. Черезъ два мѣсяца французская армія будетъ вдвое больше и тогда трудно будетъ ей противостоять.

Впрочемъ, немедленно прибавилъ Коленкуръ: „Если вы увѣрены, что Австрія будетъ дѣйствовать съ вами, то вы поступаете разумно, если не думаете заключать съ нами мира. Но если вы въ томъ не увѣрены, вамъ нечего терять времени“.

Совершенно невѣроятно, что Коленкуръ, держа такого рода рѣчи, давалъ однако понять, что онъ говоритъ съ согласія самого Наполеона! Изъ его словъ слѣдовало заключить, что самъ Наполеонъ желалъ образованія противъ себя европейской коалиціи!

Другой разъ Коленкуръ таинственно выражаетъ гр. Шувалову „свое удивленіе, что мы (союзники) такъ слабо дѣйствовали противъ непріятельской арміи; что мы позволяемъ ей спокойно дѣлать изумительные марши, какъ напримѣръ, на Бреславль; что корпуса французскихъ войскъ были слабы и разбросаны:

dispersés, que le maréchal Marmont avait craint d'être attaqué dans sa marche, que son corps qui avait été de 28.000 h., était réduit à la moitié, qu'il n'avait de cartouches que dans les gibernes de soldats, que tel autre maréchal n'avait que dix charges par canon".

„Le duc de Reggio", poursuivait ses confidences ce diplomate qui avait toute la confiance de Napoléon, „n'a que 12.000 h. et Mr. Bulow le laisse faire ce qu'il veut, et il pourrait le détruire; les cosaques pourraient travailler sur les derrières de l'armée française, prendre les munitions, intercepter les courriers, enfin leur faire un mal épouvantable".

Telles étaient les indications précieuses que le duc de Vicence donna aux ennemis de sa patrie et de son souverain. Mais il ne s'en tint pas là. Il s'appliqua à démontrer au comte Schouvalow combien l'armistice qu'on négociait dans ce moment était avantageux et nécessaire à Napoléon, mais très préjudiciable et dangereux pour les alliés.

„Et puis", disait Caulaincourt au comte Schouvalow, „le jour où Breslau est pris, vous convenez d'une suspension d'armes! Que n'ai-je pas fait pour vous le faire sentir, avant l'échange des pleinpouvoirs. Si au lieu de cela, vous m'aviez dit, voilà nos dernières conditions, et si vous n'y consentez pas je romps la suspension d'armes, je vous donne autant d'heures pour vous décider".

„De plus", continuait Caulaincourt, „pendant 3 ou 4 jours que nous étions en pourparlers avant l'échange des pleinpouvoirs, pourquoi n'avez vous pas soutenus vos prétentions par des fortes attaques? Savez-vous que l'armistice est tout à notre avantage. Je vous confierai même, que l'Empereur Napoléon était si pressé de savoir qu'il était conclu, que non seulement il m'envoya trois courriers pour savoir si j'avais fini, mais qu'il vient lui-même à la rencontre du mien".

Ces discours perfides du duc de Vicence fournirent à l'Empereur Alexandre la preuve très précieuse d'un fait incontestable — savoir qu'il pouvait compter sur la trahison dans le camps de Napoléon. Il est hors de doute pour l'histoire que ce n'est ni le génie militaire des commandants des troupes alliés, ni l'intelligence politique des Monarques alliés qui ont contribué à vaincre Napoléon; il fut lui-même cause de sa chute, car il croyait aveuglement à son propre

что маршалъ Мармонъ боялся быть атакованнымъ во время своего марша; что его корпусъ, состоявшій изъ 28,000 человѣкъ, уменьшился на половину; что у него только и было патроновъ, что въ патронницахъ солдатъ; что такой-то другой маршалъ имѣлъ только по 10 зарядовъ на пушку".

„Вотъ герцогъ Реджіо", продолжалъ развивать свои откровенности довѣреннѣйшее лицо Наполеона, „имѣлъ только 12,000 человѣкъ, и Бюловъ позволяетъ ему дѣлать, что онъ хочетъ, хотя могъ бы его уничтожить. Казаки могли бы насѣдать на арьергардъ французской арміи, забирать военную аммунпцію, перехватывать курьеровъ, словомъ наносить ей страшный вредъ".

Таковы были драгоцѣнныя указанія, которыя герцогъ Висанскій далъ врагамъ своего отечества и Государя. Но этого мало: онъ сталъ доказывать графу Шувалову, насколько перемиріе, о которомъ они ведутъ переговоры, выгодно и необходимо Наполеону, но весьма невыгодно и опасно союзникамъ.

„И дальше", доказывалъ Коленкуръ графу Шувалову, „въ день взятія Бреславля вы соглашаетесь на остановку военныхъ дѣйствій! Какъ я старался, чтобы дать вамъ это понять до обмѣна полномочій. Еслибъ, вмѣсто того, вы мнѣ сказали: вотъ наши послѣднія условія, и если вы ихъ не принимаете, то я прерываю перемиріе и даю вамъ столько-то часовъ для принятія рѣшенія".

„Сверхъ того", продолжалъ Коленкуръ, „въ продолженіи 3 или 4 дней, что мы вели переговоры до обмѣна полномочій, почему вы не поддерживали вашихъ требованій сильными атаками? Знаете ли вы, что это перемиріе вполнѣ въ нашей выгодѣ? Я вамъ скажу довѣрительно, что Императоръ Наполеонъ до такой степени интересовался знать, подписано ли оно, что не только посылалъ ко мнѣ трехъ курьеровъ, чтобъ узнать, кончилъ ли я, но самъ пошелъ навстрѣчу моему курьеру".

Измѣнническія рѣчи герцога Висанскаго послужили Императору Александру драгоцѣннымъ доказательствомъ того неоспоримаго факта, что онъ и союзники могли всегда разсчитывать на измѣну въ самомъ лагерѣ Наполеона. Для исторіи же не подлежитъ сомнѣнію, что не великій геній союзныхъ военачальниковъ и не великій политическій умъ союзныхъ монарховъ побѣдили Наполеона: онъ самъ былъ причиною своего паденія, ибо слѣпо вѣрилъ въ

génie et comptait naïvement sur la reconnaissance des hommes. Les ennemis les plus dangereux se trouvaient dans son propre camps.

Quoiqu'il en soit, on signa à Gäbersdorf un armistice de 36 heures (№ 499) qui fut prolongé à Plesswitz (№ 500) et à Neumarkt (№ 501). Il est certain que si, d'après le temoignage de Caulaincourt, Napoléon avait besoin de cet armistice, l'Empereur Alexandre et ses alliés d'autre part, ne ressentaient pas moins la nécessité d'une suspension des opérations militaires. Les armées alliées se trouvaient dans une situation déplorable et l'armistice était pour elles d'une urgence absolue.

собственный геній и наивно полагался на благодарность людей. Его худшіе враги находились въ его собственномъ лагерѣ.

Какъ бы то ни было, въ Геберсдорфѣ было подписано перемиріе на 36 часовъ (№ 428), которое затѣмъ было продолжено въ Плесвитцѣ (№ 500) и въ Неймаркгѣ (№ 501). Нѣтъ сомнѣнія, что если, по свидѣтельству Коленкура, Наполеонъ нуждался въ этомъ перемиріи, то, съ другой стороны, Императоръ Александръ и его союзники никакъ не меньше нуждались во временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Союзныя войска находились въ очень плачевномъ состояніи и перемиріе явилось абсолютною необходимостью.

№ 499.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, le Roi de Prusse et l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, Médiateur de la Confédération Suisse etc., voulant que leurs armées respectives conviennent d'un armistice:

Le comte de Shouvaloff, lieutenant-général, aide-de-camp-général de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier de plusieurs ordres etc.;

Monsieur de Kleist, lieutenant-général au service de S. M. Prussienne, tous deux nommés pour négocier, conclure et signer le dit armistice par Mr. Barclay de Tolly, général en chef, commandant en chef les armées combinées russes et prussiennes,

Et le duc de Vicence, général de division, grand écuyer de France, sénateur, grand aigle de la légion d'honneur, grand cordon de l'orde de St. André etc., nommé par S. A. le prince de Neuchâtel, major-général de l'armée française, pour le même objet; s'étant réunis au village de

№ 499.

Вслѣдствіе желанія Ихъ Величествъ Императора Всероссійскаго, Короля Прусскаго и Императора Французовъ, протектора Рейнскаго Союза, медіатора Швейцарскаго Союза и пр., чтобы между обоюдными ихъ арміями состоялось соглашеніе о перемиріи,

Графъ Шуваловъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ Е. В. Императора Всероссійскаго, кавалеръ разныхъ орденовъ и пр.,

и фонъ-Клейстъ, генералъ-лейтенантъ, состоящій на службѣ Е. В. Прусскаго короля,—оба назначенные Главнокомандующимъ соединенными Россійскими и Прусскими арміями, Барклаемъ де Толли, для переговоровъ, заключенія и подписанія вышеупомянутаго перемирія,

и герцогъ Висанскій, дивизіонный генералъ, оберъ-шталмейстеръ Франціи, сенаторъ, кавалеръ большого креста Почетнаго Легіона и пр., назначенный для той же цѣли Его Свѣтлостью княземъ Невшательскимъ, генералъ-майоромъ Французской арміи, собравшись

Gäbersdorf à l'effet de conclure un armistice, ont échangé leurs pleinspouvoirs et sont convenus:

въ селеніи Геберсдорфъ для заключенія перемирія, размѣнялись своими полномочіями и согласились о нижеслѣдующемъ.

Article I.

A dater d'aujourd'huy, à deux heures après midi, époque de l'échange, il y aura une suspension d'armes de trente six heures.

Статья I.

Начиная отъ сего дня, съ двухъ часовъ по полудни, когда совершился размѣнъ, военныя дѣйствія будутъ пріостановлены на тридцать шесть часовъ.

Article II.

Les hostilités ne pourront recommencer que douze heures après qu'on aura réciproquement prévenu au Quartier-général de chaque armée.

Статья II.

Непріятельскія дѣйствія могутъ быть возобновлены не иначе, какъ спустя двѣнадцать часовъ послѣ взаимнаго предварительнаго о семъ извѣщенія главной квартиры каждой арміи.

Article III.

Les plénipotentiaires se réuniront au village de Plesswitz, qui est entre les avants-postes respectifs. Ce village et un rayon d'un quart de lieue autour, est déclaré neutre, à l'effet d'y continuer les négociations entamées.

Статья III.

Уполномоченные соберутся въ селеніи Плесвитцъ, лежащемъ между обоюдными аванпостами, каковое селеніе съ прилегающею мѣстностью на четверть мили въ окружности объявляется нейтральнымъ, дабы продолжать въ ономъ начатые переговоры.

Article IV.

Un poste de 40 hommes d'infanterie 20 de cavalerie légère de chaque armée, sera placé en dehors du village, de chaque côté et fournira les gardes d'honneur aux plénipotentiaires respectifs.

Статья IV.

Отрядъ изъ 40 человѣкъ пѣхоты и 20 человѣкъ легкой кавалеріи отъ каждой арміи будетъ расположенъ внѣ селенія и будетъ выставлять почетные караулы для обоюдныхъ уполномоченныхъ.

Fait à Gäbersdorf, le 1 juin 1813, et signé en double expédition.

Caulaincourt, duc de Vicence.
Le comte de Schouvaloff.
De Kleist.

Заключено въ Геберсдорфѣ, 1 іюня 1813 года, въ двухъ экземплярахъ.

Коленкуръ, герцогъ Висанскій.
Графъ Шуваловъ.
Фонъ-Клейстъ.

№ 500.

Cejourd'hui 23 may (4 juin) les plénipotentiaires nommés par les puissances bélligérantes.

Le comte de Schouvaloff, lieutenant-général, aide-de-camp-général de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, grand croix de l'ordre de St. Wladimir de la 2-de classe, grand' croix de l'ordre de St. Anna etc.

Et Mr. de Kleist, lieutenant-général au service de S. M. le Roi de Prusse, grand croix de l'aigle rouge de Prusse, de St. Wladimir de la 2-de classe etc.

Munis des pleinspouvoirs de S. E. Mr. le général d'infanterie Barclay de Tolly, général-en-chef des armées combinées.

Le duc de Vicence, grand-écuyer de France, général de division, sénateur, grand aigle de la légion d'honneur, grand croix des ordres de St. André de Russie etc.,

Plénipotentiaire nommé par S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la confédération du Rhin, Médiateur de la confédération Suisse etc. muni des pleinspouvoirs de S. A. S. le Prince de Neuchâtel, vice-connétable, major-général de l'armée;

Après avoir échangé leurs pleinspouvoirs à Gäbersdorff le 20 mai (1 juin) et signé une suspension d'armes de 36 heures, s'étant réunis au village Plesswitz, neutralisé à cet effet, entre les avant-postes des armées respectives, pour continuer les négociations d'un armistice propre à suspendre les hostilités entre toutes les troupes belligérantes, n'im-

№ 500.

Сего 23-го мая (4-го іюня) [1813-го года] уполномоченные, назначенные воюющими державами:

Графъ Шуваловъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ Е. В. Императора Всероссійскаго, кавалеръ орденовъ Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени и др.,

и фонъ-Клейстъ, генералъ-лейтенантъ Е. В. короля Прусскаго, кавалеръ орденовъ прусскаго Краснаго Орла большаго креста, Св. Владиміра 2-й степени и др.,

снабженные полномочіями отъ Его Высокопр—ва генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли, главнокомандующаго соединенными арміями;

Герцогъ Висанскій, оберъ-шталмейстеръ Франціи, дивизіонный генералъ, сенаторъ, кавалеръ орденовъ Почетнаго Легіона большаго креста, россійскаго Св. Андрея и др.,

уполномоченный, назначенный Е. В. Императоромъ Французовъ, королемъ Италійскимъ, протекторомъ Рейнскаго Союза, медіаторомъ Швейцарскаго Союза, и снабженный полномочіями отъ Е. В. князя Невшательскаго, вице-конетабля, генералъ-майора арміи;

по размѣнѣ своихъ полномочій въ Геберсдорфѣ 20-го мая (1-го іюня) и по подписаніи перемирія на 36 часовъ, собравшись въ селеніи Плесвитцъ, объявленномъ въ виду сего нейтральнымъ между аванпостами обоюдныхъ армій, для продолженія переговоровъ о перемиріи, имѣющемъ пріостановить военныя дѣйствія между всѣми вой-

porte sur quel point elles se trouvent, sont convenus des articles suivans.

ARTICLE I.

Les hostilités cesseront sur tous les points à la notification du présent armistice.

ARTICLE II.

L'armistice durera jusqu'au 8 (20) juillet inclus, plus 6 jours pour le dénoncer à son expiration.

ARTICLE III.

Les hostilités ne pourront en conséquence recommencer que six jours après la dénonciation de l'armistice aux quartiers-généraux respectifs.

ARTICLE IV.

La ligne de démarcation entre les armées belligérantes est fixée ainsi qu'il suit:

En Silésie la ligne de démarcation de l'armée combinée partant des frontières de la Bohème, passera par Dittersbach, Pfaffendorf, Landeshut, suivra le Bobr jusqu'à Roudelstadt, passera de là par Bolkenhayn, Striegau, suivra le Striegauerwasser jusqu'à Canth et joindra l'Oder, en passant par Bettlem, Oltaschin et Althoff.

L'armée combinée pourra occuper les villes de Landeshut, Roudelstadt, Bolkenhayn, Striegau et Canth, ainsi que leurs fauxbourgs.

La ligne de l'armée française, partant aussi de la frontière qui touche à la

ками воюющихъ, въ какомъ бы мѣстѣ они ни находились, согласились о слѣдующихъ статьяхъ.

СТАТЬЯ I.

Съ объявленіемъ настоящаго перемирія военныя дѣйствія прекратятся на всѣхъ пунктахъ.

СТАТЬЯ II.

Перемиріе будетъ продолжаться до 8-го (20-го) іюля включительно и сверхъ того 6 дней, назначаемыхъ для его отмѣны по наступленіи срока.

СТАТЬЯ III.

Вслѣдствіе сего военныя дѣйствія не могутъ возобновиться раньше, какъ спустя 6 дней по заявленіи обоюднымъ главнымъ квартирамъ объ отмѣнѣ перемирія.

СТАТЬЯ IV.

Демаркаціонная линія между воюющими арміями устанавливается нижеслѣдующимъ образомъ.

Въ Силезіи демаркаціонная линія соединенной арміи, начинаясь отъ границъ Богеміи, пойдетъ чрезъ Дитгерсбахъ, Пфаффендорфъ, Ляндесхутъ, направится по Бобру до Рудельштадта, пойдетъ отсюда чрезъ Болкенхайнъ, Штригау, направится по Штригауервассеру до Канта и примкнетъ къ Одеру, слѣдуя чрезъ Беттлемъ, Ольташинъ и Альтхофъ.

Соединенная армія можетъ занимать города Ландесхутъ, Рудельштадтъ, Болькенхайнъ, Штригау и Кантъ, равно какъ ихъ предмѣстья.

Линія французской арміи, начинаясь также отъ границы Богемской, пойдетъ

Bohème passera par Seyffershau, Alt-Ramnitz, suivra le cours de la petite rivière qui se jette dans le Bobr pas loin de Bertelsdorf, ensuite le Bobr jusqu'à Lahn, de là à Neukirch sur la Katzbach, par la ligne la plus directe, d'où elle suivra le cours de cette rivière jusqu'à l'Oder.

Les villes de Parchwitz, Liegnitz, Goldberg et Lahn, quelle que soit la rive sur laquelle elles sont situées, pourront, ainsi que les fauxbourgs, être occupées par les troupes françaises.

Tout le territoire entre la ligne de démarcation des armées combinées et françaises sera neutre et ne pourra être occupé par aucunes troupes, même par le landsturm. Cette disposition s'applique par conséquent aussi à la ville de Breslau.

Depuis l'embouchure de la Katzbach la ligne de démarcation suivra le cours de l'Oder, jusqu'à la frontière de Saxe, longera la frontière de Saxe et de Prusse, et joindra l'Elbe en partant de l'Oder pas loin de Mühlrose et suivant la frontière de Prusse, de manière que toute la Prusse appartiendra à l'armée combinée et toute la Saxe, le pays de Dessau et les petits Etats environnants des Princes de la confédération du Rhin appartiendront à l'armée française.

Les enclaves prussiens dans la Saxe seront considérés comme neutres et ne pourront être occupés par aucunes troupes.

L'Elbe jusqu'à son embouchure, fixe et termine la ligne de démarcation entre les armées belligérantes, à l'exception des points indiqués ci-après.

L'armée française gardera les îles et

чрезъ Зейферсхау, Альтъ-Рамнитцъ, направится по теченію рѣчки, впадающей въ Бобръ недалеко отъ Бертельсдорфа, затѣмъ по Бобру до Лана, отсюда въ Нейкирхъ на Катцбахѣ по наиболѣе прямой линіи, откуда по теченію этой рѣки направится до Одера.

Города Пархвитцъ, Лигнитцъ, Гольдбергъ и Ланъ, на какомъ бы берегу они ни находились, могутъ быть, съ ихъ предмѣстьями, заняты французскими войсками.

Вся территорія между демаркаціонными линіями соединеннныхъ и французскихъ армій будетъ нейтральною и не можетъ быть занимаема никакими войсками, даже ополченскими. Постановленіе это, вслѣдствіе сего, примѣняется также и къ городу Бреславлю.

Отъ устья Катцбаха демаркаціонная линія направится по теченію Одера до границы Саксоніи, пойдетъ вдоль границы Саксоніи и Пруссіи и примкнетъ къ Эльбѣ, начинаясь у Одера недалеко отъ Мюльрозе и слѣдуя по границѣ Пруссіи такимъ образомъ, что вся Пруссія будетъ принадлежать соединенной арміи, а вся Саксонія, область Дессау и маленькія сосѣднія государства князей Рейнскаго Союза—французской арміи.

Прусскія владѣнія, лежащія въ Саксоніи, будутъ почитаться нейтральными и не могутъ быть занимаемы ничьими войсками.

Эльба до своего устья составляетъ и заканчиваетъ собою демаркаціонную линію между воюющими арміями, за исключеніемъ ниже сего означенныхъ пунктовъ.

Французская армія удержитъ за со-

tout ce qu'elle occupera dans la 32-ème division militaire le 27 mai (8 juin) à minuit.

Si Hambourg est assiégé, cette ville sera traitée comme les autres villes assiégées, tous les articles du présent armistice, qui leur sont relatifs, lui sont applicables.

La ligne des avant-postes des armées belligérantes, à l'époque du 27 mai (8 juin) à minuit, formera pour la 32-ème division militaire, celle de démarcation de l'armistice, sauf les rectifications militaires que les commandants respectifs pourront juger nécessaires. Ces rectifications seront faites de concert par un officier d'Etat-major de chaque armée, d'après le principe d'une parfaite réciprocité.

бою острова и все что она будетъ занимать въ 32-мъ военномъ участкѣ 27-го мая (8-го іюня) въ 12 часовъ ночи.

Если Гамбургъ находится въ осадѣ, то будетъ состоять на одинаковомъ съ другими осажденными городами положеніи, съ примѣненіемъ къ нему всѣхъ относящихся къ нимъ статей настоящаго перемирія.

Для 32-го военнаго участка демаркаціонную линію перемирія будетъ составлять линія аванпостовъ воюющихъ армій, каковою она будетъ въ 12 часовъ ночи 27-го мая (8-го іюня), съ послѣдующими, однако, военными исправленіями, которыя могутъ признать необходимыми обоюдные командующіе. Эти исправленія будутъ произведены по соглашенію офицеромъ главнаго штаба каждой арміи на основаніи совершенной взаимности.

Article V.

Les places de Dantzig, Modlin, Zamosce, Stettin et Custrin seront ravitaillées tous les cinq jours suivant la force de leur garnison, par les soins des commandants des troupes du blocus.

Un commissaire nommé par le commandant de chaque place sera près de celui des troupes assiégeantes pour veiller à ce qu'on fournisse exactement les vivres stipulés.

Статья V.

Крѣпости Данцигъ, Модлинъ, Замосцье, Штетинъ и Кюстринъ будутъ снабжаться продовольствіемъ чрезъ каждые пять дней соотвѣтственно численности своихъ гарнизоновъ по распоряженіямъ командующихъ осадными войсками.

Для наблюденія за исправностью поставокъ положенныхъ припасовъ при командующемъ осадными войсками будетъ состоять коммиссаръ, назначенный комендантомъ каждой крѣпости.

Article VI.

Pendant la durée de l'armistice chaque place aura, au delà de son enceinte, un rayon d'une lieue de France. Ce terrain sera neutre. Magdebourg aura, par consé-

Статья VI.

Въ продолженіи перемирія каждая крѣпость будетъ располагать за своею чертою райономъ въ одно французское лье. Эта полоса будетъ нейтральна.

quent, sa frontière ou une lieue sur la rive droite de l'Elbe.

Согласно съ симъ Магдебургъ будетъ имѣть свою границу, или одно лье, на правомъ берегу Эльбы.

Article VII.

Un officier français sera envoyé dans chaque place assiégée, pour prévenir le commandant de la conclusion de l'armistice et de son ravitaillement. Un officier russe ou prussien pourra l'accompagner, pendant la route soit en allant, soit en revenant.

Статья VII.

Въ каждую осажденную крѣпость будетъ отправленъ французскій офицеръ для предупрежденія коменданта о заключеніи перемирія и о снабженіи его продовольствіемъ. На пути туда и обратно его можетъ сопровождать русскій или прусскій офицеръ.

Article VIII.

Des commissaires nommés de part et d'autre dans chaque place règleront le prix des vivres qui seront fournis. Le compte arrêté à la fin de chaque mois, par les commissaires chargés de veiller au maintien de l'armistice, sera soldé au quartier-général par le payeur de l'armée.

Статья VIII.

Назначенные отъ той и другой стороны въ каждую крѣпость коммиссары установятъ цѣну припасовъ, которые будутъ поставлены. По счету сихъ поставокъ, составляемому въ концѣ каждаго мѣсяца коммиссарами, на коихъ будетъ возложенъ надзоръ за соблюденіемъ перемирія, будетъ производиться уплата въ главной квартирѣ казначеемъ арміи.

Article IX.

Des officiers d'Etat-major seront nommés de part et d'autre pour rectifier de concert la ligne générale de démarcation, sur les points qui ne seraient pas déterminés par un courrant d'eau, et sur lesquels il pourrait y avoir quelque difficulté.

Статья IX.

Отъ обѣихъ сторонъ будутъ назначены офицеры главнаго штаба для исправленія по взаимному соглашенію генеральной демаркаціонной линіи въ тѣхъ пунктахъ, которые не опредѣлены теченіемъ водъ и на которыхъ могло бы встрѣтиться какое-либо затрудненіе.

Article X.

Tous les mouvements des troupes seront réglés de manière à ce que chaque armée occupe sa nouvelle ligne le 31 mai (12 juin); tous les corps ou partis de l'armée combinée qui peuvent être au-delà de l'Elbe ou en Saxe, rentreront en Prusse.

Статья X.

Всѣ движенія войскъ будутъ разсчитаны такимъ образомъ, чтобы каждая армія заняла свою новую линію 31-го мая (12-го іюня); всѣ корпуса или части соединенной арміи, которые находились бы за Эльбою или въ Саксоніи, возвратятся въ Пруссію.

ARTICLE XI.

Les officiers de l'armée combinée et de l'armée française seront expédiés conjointement, pour faire cesser les hostilités sur tous les points, en faisant connaître l'armistice. Les commandants en chef respectifs les muniront de pouvoirs nécessaires.

ARTICLE XII.

On nommera de part et d'autre deux commissaires officiers généraux pour veiller à l'exécution des stipulations du présent armistice. Ils se tiendront dans la ligne de démarcation de Neumarckt pour prononcer sur les différends qui pourraient survenir.

Ces commissaires devront s'y rendre dans les 24 heures, afin d'expédier les officiers et les ordres qui doivent être envoyés en vertu du présent armistice.

Fait et arrêté le présent acte en douze articles et en double expédition les jour, mois et an que dessus.

Le comte de Schouvaloff.
De Kleist.
Caulaincourt, duc de Vicence.

СТАТЬЯ XI.

Офицеры соединенной арміи и арміи французской будутъ совмѣстно командированы для прекращенія враждебныхъ дѣйствій на всѣхъ пунктахъ объявленіемъ о перемиріи. Обоюдные главнокомандующіе снабдятъ ихъ требуемыми полномочіями.

СТАТЬЯ XII.

Отъ той и другой стороны будутъ назначены два генерала въ качествѣ коммиссаровъ для наблюденія за исполненіемъ постановленій настоящаго перемирія. Они будутъ находиться въ неймарктской демаркаціонной линіи для разрѣшенія могущихъ возникнуть разногласій.

Означенные коммиссары должны прибыть сюда въ 24 часа, дабы отправить офицеровъ и приказы, которые должны быть посланы на основаніи настоящаго перемирія.

Настоящій актъ изъ двѣнадцати статей и въ двухъ экземплярахъ составленъ въ день, мѣсяцъ и годъ, означенные выше.

Графъ Шуваловъ.
Фонъ-Клейстъ.
Коленкуръ, герцогъ Висанскій.

№ 501.

Les Puissances belligérantes ayant jugé nécessaire de prolonger l'armistice, conclu à Plesswitz, le 23 mai (4 juin), ont nommé à cette fin pour leurs plénipotentiaires:

M. le comte de Schouvaloff, lieutenant-général, aide-de-camp-général de S. M.

№ 501.

Воюющія державы, признавъ необходимымъ продолжить перемиріе, заключенное въ Плесвитцѣ 23-го мая (4-го іюня), назначили для сего своими уполномоченными:

Графа Шувалова, генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта Е. В.

l'Empereur de toutes les Russies, grand croix de l'ordre de St. Wladimir de la 2-de classe etc.

M. le baron de Krusemark, général-major au service de S. M. le Roi de Prusse, grand croix de l'ordre de l'aigle rouge, chevalier de l'ordre du mérite,

munis des pleinpouvoirs de S. E. Mr. le général d'infanterie Barclay de Tolly, général-en-chef des armées combinées.

Mr. le baron du Moustier, général de division, colonel en second du corps des chasseurs à pied de la garde Impériale, chambellan de S. M. l'Empereur et Roi, l'un des commandeurs de la légion d'honneur,

et M. le baronde Flahault, aide-de-camp de S. M. l'Empereur et Roi, général de brigade, officier de la légion d'honneur, commandeur de l'ordre de St. Henry de Saxe;

munis des pleinpouvoirs de S. A. S. le prince de Neuchâtel, vice-connétable, major-général de l'armée.

Lesquels, après avoir échangé leurs pleinpouvoirs à Neumarkt, en Silésie le 14 (26) juillet 1813 sont convenus des articles suivants.

Императора Всероссійскаго, кавалера орденовъ Св. Владиміра 2-й степени и др.,

Барона Круземарка, генералъ-майора Е. В. короля Прусскаго, кавалера орденовъ Краснаго Орла 1-й степени, за заслуги и др.,

снабженныхъ полномочіями отъ Его Высокопр—ства генерала-отъ-инфантеріи Барклай-де-Толли, главнокомандующаго генерала соединенныхъ армій;

Барона Дюмутье, дивизіоннаго генерала, подполковника корпуса пѣшихъ императорской гвардіи егерей, камергера Е. В. императора и короля, одного изъ командоровъ почетнаго легіона;

и барона де-Фляхо, адъютанта Е. В. императора и короля, бригаднаго генерала, кавалера орденовъ почетнаго легіона офицерскаго креста и св. Генриха Саксонскаго командорскаго креста,

снабженныхъ полномочіями отъ Е. Св. В. князя Невшательскаго, вице-конетабля, генералъ-майора арміи;

кои, по размѣнѣ своихъ полномочій въ Неймаркѣ, въ Силезіи, 14-го (26-го) іюля 1813 года, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Article I.

L'armistice, signé à Plesswitz le 4 juin, est prolongé jusqu'au 10 août (29 juillet).

Статья I.

Перемиріе, подписанное въ Плесвитцѣ 4-го іюня, продолжено до 29-го іюля (10-го августа).

Article II.

Aucune des Parties contractantes ne pourra dénoncer l'armistice avant la dite époque.

Статья II.

Ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ отказаться отъ перемирія ранѣе означеннаго срока.

ARTICLE III.

Si ce terme expiré, l'armistice est dénoncé par l'une d'elles, elle en fera six jours d'avance la notification au quartier-général de l'autre partie.

ARTICLE IV.

Les hostilités ne pourront en conséquence recommencer que six jours après la dénonciation de l'armistice aux quartiers-généraux respectifs.

ARTICLE V.

La dite convention sera envoyée par les officiers français à Stettin et à Custrin, et quant aux places de Dantzig, Modlin et Zamosc, les dépêches cachetées du major-général de l'armée française et le traité pour la prolongation de l'armistice seront portés par un officier russe aux gouverneurs de Dantzig, Modlin et Zamosc, qui en rapportera les réponses cachetées dans huit jours.

ARTICLE VI.

Quant aux difficultés survenues sur la quotité de subsistances à fournir aux garnisons des places pendant la durée de la prolongation de l'armistice, on convient de s'en référer, de part et d'autre aux plénipotentiaires des puissances belligérantes à Prague, sous la médiation de l'Autriche, et en prenant pour base ce qui s'est pratiqué en pareille circonstance.

СТАТЬЯ III.

Если по истеченіи сего срока которая либо изъ сторонъ пожелаетъ отказаться отъ перемирія, то сдѣлаетъ объ этомъ за шесть дней впередъ заявленіе въ главную квартиру другой стороны.

СТАТЬЯ IV.

На семъ основаніи враждебныя дѣйствія не могутъ возобновиться ранѣе, какъ по прошествіи шести дней послѣ заявленія въ подлежащія главныя квартиры объ отказѣ отъ перемирія.

СТАТЬЯ V.

Настоящая конвенція будетъ отправлена въ Штетинъ и Кюстринъ съ французскими офицерами; что же касается крѣпостей Данцига, Модлина и Замосцье, то запечатанныя депеши генералъ-майора французской арміи и списокъ конвенціи о продолженіи перемирія будутъ отосланы къ губернаторамъ Данцига, Модлина и Замосцье съ русскимъ офицеромъ, который привезетъ отъ нихъ запечатанные отвѣты въ теченіи недѣли.

СТАТЬЯ VI.

Что касается затрудненій, возникшихъ по вопросу о томъ, сколько поставлять продовольствія крѣпостнымъ гарнизонамъ во время продолженія перемирія, то по нимъ надлежитъ обѣимъ сторонамъ обращаться къ уполномоченнымъ воюющихъ Державъ въ Прагѣ, которые рѣшатъ эти вопросы при посредничествѣ Австріи и принимая за основаніе то, что въ подобномъ случаѣ соблюдалось.

ARTICLE VII.

Toutes les clauses et conditions de la convention de Plesswitz seront exécutées pendant la prolongation de l'armistice telle qu'elle est réglée ci-dessus.

Fait et arrêté le présent acte en sept articles et en double expédition, les jour, mois et an que dessus.

Le comte de Schouvaloff.
Le général de Krusemarck.
Le général Dumoustier.
Le baron de Flahault.

СТАТЬЯ VII.

Всѣ постановленія и условія Плесвитцкой конвенціи будутъ исполняться во время продолженія сего перемирія, какъ таковое опредѣлено выше.

Настоящій актъ въ семи статьяхъ и въ двухъ экземплярахъ составленъ въ вышеписанные годъ, мѣсяцъ и число.

Графъ Шуваловъ.
Генералъ Круземаркъ.
Генералъ Дюмутье.
Баронъ де Фляхо.

№ 502.

1814, 30 mars (11 avril). Traité, concernant l'abdication de Napoléon et de sa dynastie au trône de France, signé à Paris.

№ 502.

1814 г., марта 30-го (апрѣля 11-го). Трактатъ касательно отреченія отъ французскаго престола Наполеона I и его династіи, подписанный въ Парижѣ.

№ 503.

1814, 29 mars (10 avril). Protocole, concernant le traité susmentionné sub № 502.

№ 503.

1814 г., марта 29-го (апрѣля 10-го). Протоколъ, относящійся до вышеприведеннаго трактата за № 502.

№ 504.

1814, 18 (30) mai. Déclaration du prince de Talleyrand, concernant le traité sub № 502.

Les opérations militaires des puissances alliées contre Napoléon, après l'armistice de Plesswitz, amenèrent des résultats éclatants pour les alliés auxquels ils ne pouvaient s'attendre d'aucune manière. Après la fameuse „bataille des nations" à Leipzig, l'Allemagne entière fut évacuée par les troupes françaises et les armées alliées passèrent le Rhin pour transporter le théâtre de la guerre dans le cœur de la France.

A partir de ce moment les vues des puissances alliées sur *le but* de la guerre se modifiè-

№ 504.

1814 г., мая 18-го (30-го). Декларація князя Тальерана касательно трактата за № 502.

Военныя дѣйствія союзныхъ державъ противъ Наполеона послѣ Плесвитцкаго перемирія привели къ такимъ блестящимъ для союзниковъ результатамъ, которыхъ они сами никакъ не ожидали. Послѣ знаменитой „битвы народовъ" при Лейпцигѣ вся Германія очистилась отъ французскихъ войскъ и союзныя арміи перешли черезъ Рейнъ и перенесли театръ войны въ нѣдра Франціи.

Съ этого момента коренным образомъ измѣнился взглядъ союзныхъ державъ на *цѣль* са-

rent entièrement. Avant que la frontière française ne fût franchie, les Cabinets alliés se faisaient un devoir d'être modérés dans leurs prétentions, et le retour de la France à ses anciennes limites avant la revolution était considéré comme le but suprême, idéal, auquel pouvaient tendre les opérations militaires et les victoires, remportées sur ce pays. Mais après l'invasion de la France par les alliés et les nouvelles défaites, subies par Napoléon, on posa catégoriquement la question de le dépouiller, lui et sa dynastie, du trône de France.

L'Empereur Alexandre subissait entièrement cette action des événements. Lorsque à l'époque de l'expulsion de Napoléon de Russie, on posa pour la première fois la question du but de la guerre, il ne partagea pas l'avis du Chancelier de l'Empire, qui s'appliquait à démontrer que la Russie devait arrêter ses opérations à ses frontières et remettre le glaive dans le fourreau. Le comte Roumiantzow insistait la-dessus que la Russie n'avait pas „à se charger seul de labourer, pour ainsi dire, avec péril tout le champ de la commune européenne".

Selon l'avis d'un autre conseiller de l'Empereur dans les questions de politique étrangère, du comte Nesselrode, la Russie devait se joindre aux autres puissances de l'Europe et poursuivre la guerre avec la France, jusqu'à ce que celle-ci ne fût replacée dans ses anciennes limites entre le Rhin, les Alpes, les Pyrénées et l'Escault.

„C'est là assurément", écrivait le comte Nesselrode en décembre 1812, „le *maximum* de vœux que nous puissions former dans l'état actuel de l'Europe".

L'Empereur Alexandre approuva ces vues du comte Nesselrode, et força l'Autriche et la Prusse à se joindre à lui et à l'Angleterre pour affranchir l'Europe occidentale du joug de Napoléon. Dans le cours de l'année 1813, les conditions de paix proposées à Napoléon allaient toujours croissant en vue de restreindre les limites territoriales de la France et d'enlever à Napoléon toute possibilité d'attenter à l'indépendance des nations en Europe. Les conditions de paix, proposées à Napoléon au congrès de Prague en 1813, différaient notablement de celles. faites à Francfort s. M. par le prince de Metternich à Saint-Aignan, diplomate français *), Les puissances alliées n'avaient pas l'intention

мой войны. До перехода черезъ французскую границу союзные кабинеты считали необходимымъ быть умѣренными въ своихъ претензіяхъ, и высшею идеальною цѣлью всѣхъ военныхъ дѣйствій и побѣдъ надъ Франціей считалось возвращеніе этой державы въ старыя дореволюціонныя ея границы. Послѣ же вступленія союзныхъ армій во Францію и послѣ новыхъ пораженій, нанесенныхъ Наполеону, былъ категорически поставленъ вопросъ о лишеніи его и его потомства французскаго престола на вѣчныя времена.

Императоръ Александръ вполнѣ поддавался такому вліянію обстоятельствъ. Когда, въ моментъ изгнанія Наполеона изъ Россіи, былъ впервые поставленъ вопросъ о цѣли войны, онъ не соглашался съ мнѣніемъ Государственъ-Канцлера, доказывавшаго, что Россія должна остановиться на своей границѣ и вложить мечъ въ ножны. Графъ Румянцевъ доказывалъ, что Россіи нѣтъ никакой надобности „принять исключительно на себя, такъ сказать, обрабатываніе, сопряженное съ опасностями, земли всей европейской общины".

По мнѣнію же другого царскаго совѣтника въ вопросахъ внѣшней политики, гр. К. В. Нессельроде, Россія должна соединиться съ другими европейскими державами и продолжать войну противъ Франціи до тѣхъ поръ, пока она не будетъ поставлена въ старыя границы между Рейномъ, Альпами, Пиринеями и Шельдою.

„Въ этомъ", писалъ въ декабрѣ 1812 года гр. Нессельроде, „навѣрно долженъ заключаться maximum желаній, которыя мы можемъ имѣть при современномъ состояніи Европы".

Императоръ Александръ I одобрилъ мнѣніе гр. Нессельроде и заставилъ Австрію и Пруссію соединиться съ нимъ и съ Англіею для освобожденія Западной Европы изъ подъ ига Наполеона. Въ продолженіи 1813 года мирныя условія, предложенныя Наполеону, шли все crescendo въ смыслѣ ограниченія территоріальныхъ границъ Франціи и лишенія Наполеона возможности вновь посягнуть на независимость европейскихъ народовъ. Условія, предложенныя Наполеону на Пражскомъ мирномъ конгрессѣ 1813 года, значительно отличались отъ предложеній, сдѣланныхъ княземъ Меттернихомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ чрезъ французскаго дипломата Сентъ-Эньяна *).

*) En vue d'éviter des répétitions, nous renvoyons le lecteur aux volumes précédents de la

*) Во избѣжаніе повтореній, отсылаемъ читателей къ прежде изданнымъ томамъ настоящаго изда-

de détruire la France comme Etat indépendant, car „la conservation de cette puissance", écrivait le comte Nesselrode à la fin de décembre 1813 à son Souverain, „est indispensable pour le bien-être de l'Europe". Mais à son avis, la France n'avait rien à faire à l'ordre de choses que les puissances alliées se proposaient d'établir d'un commun accord au sujet des territoires, affranchis du pouvoir de Napoléon. La France doit être placée dans ses frontières „naturelles et justes" et doit être privée du droit d'intervenir dans les dispositions des gouvernements alliés.

Tel fut le programme qui fut solennellement sanctionné par le traité de Chaumont, signé au nom de la Russie, l'Angleterre, l'Autriche et la Prusse (voir t. III, № 73, pag. 148 et suiv).

Dans le cours des négociations de paix à Chatillon, ce programme des alliés devait trouver son application. De fait, il amena l'abdication de Napoléon, après l'entrée des armées alliées à Paris.

Le congrès de Chatillon fut convoqué au commencement de février 1814, sur l'initiative du prince de Metternich, qui entretenait toujours l'espoir qu'il était encore possible de conserver le trône de France à Napoléon, à Marie Louise et à leur fils et que cette combinaison ne trouverait pas d'obstacle de la part des puissances alliées.

Napoléon choisit encore cette fois pour le représenter à cette réunion le duc de Vicence, qui joua derechef un rôle assez équivoque: son désir ardent de la paix le poussa à trahir Napoléon. A la question, posée par Caulaincourt si l'armistice serait signé dans le cas, où la France consentirait à rentrer dans ses anciennes frontières, l'Empereur Alexandre fit répondre qu'il serait préférable de signer immédiatement un traité de paix préliminaire. Caulaincourt consentit à ces ouvertures et au commencement de février 1814, les plénipotentiaires des quatre puissances alliées et de la France se réunirent à Chatillon pour signer les conditions du traité préliminaire.

Союзныя державы не имѣли намѣренія разрушить Францію, какъ независимое государство, ибо „сохраненіе этой державы", писалъ гр. Нессельроде въ концѣ декабря 1813 г. своему Государю, „необходимо для благоденствія Европы". Однако, по его мнѣнію, Франціи нѣтъ никакого дѣла до новыхъ порядковъ и территоріальныхъ измѣненій, которыя союзныя державы, по общему соглашенію, установятъ въ Западной Европѣ изъ земель, освобожденныхъ изъ подъ власти Наполеона. Франція должна быть поставлена въ свои „естественныя" и „справедливыя" границы и должна быть лишена права вмѣшиваться въ распоряженія союзныхъ правительствъ.

Такова программа, которая получила торжественное подтвержденіе въ Шомонскомъ союзномъ трактатѣ, подписанномъ отъ имени Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. (См. т. III, № 73, стр. 148 и слѣд.).

Въ продолженіи переговоровъ о мирѣ въ Шатильонѣ эта программа союзныхъ державъ должна была быть приведена въ исполненіе. На самомъ дѣлѣ она привела къ низложенію Наполеона послѣ вступленія союзныхъ армій въ Парижъ.

Мирный конгрессъ въ Шатильонѣ былъ созванъ въ началѣ февраля 1814 года по почину австрійскаго канцлера князя Меттерниха, который все еще питалъ тайную надежду, что сохраненіе на французскомъ престолѣ Наполеона, Маріи Луизы и ихъ сына еще возможно и не встрѣтитъ препятствій со стороны союзныхъ державъ.

Наполеонъ назначилъ опять своимъ уполномоченнымъ на этотъ конгрессъ герцога Висанскаго, который опять игралъ довольно двусмысленную роль: его пламенное желаніе мира заставляло его предать Наполеона. На вопросъ Коленкура: будетъ ли подписано перемиріе, если Франція согласится возвратиться въ свои старыя границы, Императоръ Александръ приказалъ отвѣтить, что лучше всего немедленно заключить трактатъ преліминарнаго мира. Коленкуръ согласился на это предложеніе и въ началѣ февраля 1814 года собрались въ Шатильонѣ уполномоченные четырехъ союзныхъ державъ и Франціи для подписанія условій преліминарнаго мира.

---

présente publication, où se trouvent consignés un grand nombre de faits et de documents concernant les événements de 1812 à 1815. Nous signalons plus particulièrement le t. III, p. 92 et suiv.; t. VII, pag. 152 et suiv.; t. XI, pag. 195 et suiv.

нія, въ которыхъ приведено множество фактовъ и документовъ, относящихся къ событіямъ 1812 по 1815 годъ. Въ особенности т. III, стр. 92 и слѣд.; т. VII, стр. 152 и слѣд., т. XI, стр. 195 и слѣд.

Le comte Razoumowsky fut désigné comme plénipotentiaire de la Russie. Les instructions dont il était muni à la date du 22 janvier (3 février) 1814 exposent avec beaucoup de clarté les vues de l'Empereur Alexandre et de ses alliés sur le but qu'on se proposait d'atteindre au congrès de Chatillon. On recommandait, en premier lieu, au comte Razoumowsky de ne jamais perdre de vue la promesse faite à l'Angleterre qu'on n'admettrait d'aucune manière dans cette réunion un débat sur des questions „du code maritime". L'Angleterre savait parfaitement combien l'interprétation arbitraire des principes du code maritime par le gouvernement anglais et les tribunaux de prise était avantageuse pour la destruction du commerce étranger et l'accroissement des richesses de la nation anglaise. Aussi était-il de la plus haute importance d'empêcher que ces principes ne fussent élucidés à un congrès international, dans le sens de restrictions à imposer aux actes d'arbitraire et de violence, auxquels se livraient les croiseurs anglais. Le comte Razoumowsky reçut l'ordre de ne pas admettre la violation de cet engagement, contracté vis-à-vis de l'Angleterre.

Quant aux questions qui devaient faire l'objet des pourparlers diplomatiques, les instructions du comte Razoumowsky les partagent en deux catégories distinctes dont l'une concerne les limites de la France et l'autre — la situation générale de l'Europe. Quant au premier point les plénipotentiaires commenceront par demander que la France rentre dans les limites qu'elle avait avant la révolution. La possibilité de s'écarter dans le détail de ce principe fondamental n'était pas exclue d'une manière absolue. En ce qui concerne la nouvelle organisation de l'Europe, les puissances exigent que l'Allemagne constitue une union d'Etats indépendants, la Suisse — une fédération sous le protectorat de l'Europe, l'Italie — un groupe d'Etats souverains, l'Espagne — un Etat indépendant avec ses anciennes limites, sous le sceptre de Ferdinand VII, et enfin la Hollande — un Etat indépendant avec le prince d'Orange comme souverain.

L'indépendance nationale de tous ces Etats ne sera assurée que si „le chef du gouvernement français renoncera à tous les titres qui ressortent de ses rapports de souveraineté ou de protectorat sur l'Italie, l'Allemagne et la Suisse".

Les sacrifices qu'on imposait à Napoléon aux

Русскимъ уполномоченнымъ былъ назначенъ гр. Разумовскій. Въ данныхъ ему инструкціяхъ отъ 22-го января (3-го февраля) 1814 года весьма ясно изложенъ взглядъ Императора Александра и его союзниковъ на назначеніе Шатильонскаго мирнаго конгресса. Прежде всего вмѣняется въ долгъ графу Разумовскому постоянно имѣть въ виду данное союзными державами Англіи обѣщаніе ни въ какомъ случаѣ не допускать на конгрессѣ обсужденія вопросовъ „морского кодекса". Англія отлично знала, насколько произвольное толкованіе англійскими правительствомъ и призовыми судьями началъ морского кодекса выгодно для уничтоженія торговли иностранныхъ народовъ и обогащенія англійскаго народа. Поэтому разъясненіе этихъ началъ на международномъ конгрессѣ, въ смыслѣ ограниченія произвола и насилій со стороны англійскихъ крейсеровъ и каперовъ, она старалась предупредить всѣми средствами. Графу Разумовскому было предписано не допускать нарушенія даннаго Англіи обѣщанія.

Переходя къ опредѣленію главныхъ предметовъ предстоящихъ на конгрессѣ дипломатическихъ переговоровъ, инструкція графу Разумовскому дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: 1) о границахъ Франціи и 2) объ общемъ положеніи Европы. Относительно перваго пункта „уполномоченные начнутъ требовать, чтобъ Франція вернулась въ границы, которыя она имѣла до революціи". Нѣкоторыя отступленія отъ этого основного принципа безусловно не исключаются. Что же касается новаго устройства Европы, то союзныя державы потребуютъ, между прочимъ, чтобъ Германія составляла союзъ независимыхъ государствъ, Швейцарія — федерацію подъ европейскимъ покровительствомъ, Италія — группу независимыхъ государствъ, Испанія — независимое государство съ прежними границами и подъ скипетромъ Фердинанда VIII, наконецъ, Голландія — независимое государство подъ властью принца Оранскаго

Національная независимость всѣхъ этихъ государствъ будетъ обезпечена только въ томъ случаѣ, если „глава французскаго правительства откажется отъ всѣхъ своихъ правъ, вытекающихъ изъ его суверенитета или протектората надъ Италіею, Германіею и Швейцаріею".

Громадны были жертвы, которыя требова-

termes des instructions du comte Razoumowsky et des plénipotentiaires des autres alliés étaient immenses. Mais il n'était pas encore question de l'abdication de Napoléon ni dans ces instructions, ni au cours des débats au congrès de Chatillon au sujet du traité de paix préliminaire. Mais tant que cette réunion siégeait, les troupes françaises subirent un échec après l'autre, aussi ne pouvait-il être plus question de concessions à faire de la part des alliés. Ces nouvelles défaites de l'armée française attestaient clairement l'impuissance de Napoléon et c'est dès ce moment que fut posée la question de le dépouiller du trône de France.

L'Empereur Alexandre s'énonça précisement dans ce sens dans un mémoire secret, rédigé à Troyes le 3 (15) février, et qui servit à compléter les instructions du comte Razoumowsky.

Toute la marche des opérations militaires, dit ce mémoire, „prouve évidemment que le but de la guerre n'a jamais été stipulé d'une manière péremptoire, mais que ce même but a varié selon les événements".

„Revenant maintenant au point où nous sommes parvenus", poursuit le mémoire, „Sa Majesté croit que la situation dans laquelle les deux armées belligérantes sont placées, ne permet plus d'autre développement utile, que celui qui peut résulter du sort des combats... La destruction du pouvoir politique de Napoléon n'est pas le premier but de l'effort que l'on va faire, mais il peut le dévenir si la fortune des armes, l'exemple de la capitale et les dispositions manifestes des provinces autorisent les Alliés à l'avouer ouvertement".

„Sa Majesté ne partage pas la manière de voir des Alliés sur le peu d'importance qu'ils paraissent mettre à *la déchéance* de Napoléon, si elle pouvait devenir une mesure justifiée par la prudence. Elle la regarderait, au contraire, comme l'accomplissement de la délivrance de l'Europe, comme le plus grand exemple de justice et de morale que l'on pourrait offrir au monde, et enfin comme le plus grand bonheur qui pourrait arriver à la France, dont la situation intérieure ne peut jamais être indifférente au repos de ses voisins".

En terminant, l'Empereur Alexandre exprimait la ferme conviction qu'à l'avenir aucun échec accidentel, ni aucune bataille perdue ne sauraient compromettre le triomphe définitif

лись отъ Наполеона, на основаніи инструкцій графа Разумовскаго и уполномоченныхъ остальныхъ союзниковъ. Но всетаки объ отреченіи Наполеона отъ престола еще не было рѣчи ни въ этихъ инструкціяхъ, ни въ переговорахъ о прелиминарномъ мирномъ трактатѣ на Шатильонскомъ конгрессѣ. Однако, пока продолжались эти переговоры, французскія войска терпѣли одно пораженіе за другимъ и вслѣдствіе этого объ уступчивости со стороны союзныхъ державъ не могло быть рѣчи. Эти новыя пораженія французскихъ войскъ доказали явнымъ образомъ безсиліе Наполеона и съ этого момента ставится вопросъ о лишеніи его французскаго престола.

Въ этомъ именно смыслѣ былъ высказанъ взглядъ Императора Александра въ секретной запискѣ отъ 3-го (15-го) февраля, составленной въ Троа и послужившей дополненіемъ къ инструкціи, данной графу Разумовскому.

Весь ходъ военныхъ дѣйствій, говорится въ этой запискѣ, „наглядно доказываетъ, что цѣль этой войны никогда не была установлена незыблемымъ образомъ, но что эта цѣль измѣнялась, смотря по обстоятельствамъ".

„Обращаясь теперь", продолжаетъ записка, „къ тому пункту, къ которому мы пришли, Его Величество думаетъ, что положеніе, занимаемое обѣими дѣйствующими арміями, не допускаетъ больше иного полезнаго развитія, кромѣ того, которое дается судьбою битвъ... Разрушеніе политическаго могущества Наполеона не есть первая цѣль новаго предстоящаго усилія, но оно можетъ сдѣлаться цѣлью, если успѣхъ оружія, примѣръ столицы и явное настроеніе провинцій дадутъ союзникамъ право открыто въ томъ признаться".

„Его Величество не раздѣляетъ образа мыслей союзниковъ касательно малаго значенія, которое они, повидимому, придаютъ *низложенію* Наполеона, еслибъ оно могло стать мѣрою, оправдываемою благоразуміемъ. Напротивъ, Его Величество усматривалъ бы въ ней завершеніе освобожденія Европы, наивысшій примѣръ справедливости и морали, какой только можетъ быть данъ міру, и, наконецъ, какъ высшее счастье для Франціи, внутреннее состояніе которой никогда не можетъ быть безразлично для спокойствія ея сосѣдей".

Въ заключеніе, было выражено непоколебимое убѣжденіе Императора Александра, что отнынѣ никакія случайныя пораженія и даже потерянныя битвы не могутъ воспрепятство-

des Alliés. Aussi ne saurait-il être question d'un armistice à conclure avec Napoléon: il doit signer les conditions de la paix que lui proposeront les grandes puissances alliées, agissant comme mandataires de l'Europe entière.

Le fait suivant prouve jusqu'à quel point la marche des opérations militaires a brusquement changé les vues de l'Empereur Alexandre sur le but immédiat de la guerre.

En janvier 1814, le prince de Metternich soumit à son souverain un mémoire détaillé sur le but éventuel de la guerre générale contre la France et en donna communication à l'Empereur Alexandre. Dans cette pièce, il pose également la question de savoir, si les puissances alliées ont l'intention de se déclarer contre Napoléon et sa dynastie au profit des Bourbons? L'Empereur Alexandre y répondit, d'une manière très catégorique, que les Alliés n'avaient pas même le droit d'examiner cette question vu qu'un changement de dynastie ne constitue pas le but de la guerre et que cette question n'a pas de sens à l'heure actuelle. Bien plus: d'après les paroles d'Alexandre I les puissances alliées n'avaient pas à intervenir dans cette affaire intérieure de la France, car un monarque que le vœu général de la nation repousserait ne pourrait jamais espérer de régner paisiblement. Telle fut la réponse de l'Empereur Alexandre à la question, posée par le prince de Metternich dans son mémoire du 14 (26) janvier 1814 au sujet d'un changement de dynastie en France (voir t. III, pag. 153). Deux semaines après, à la moitié de février, l'Empereur Alexandre voit dans la déchéance de Napoléon et de sa postérité le but suprême de toutes les opérations des Alliés et le gage du bien-être de la nation française et de l'Europe entière. Ce changement incroyable dans les vues de l'Empereur Alexandre fut la conséquence de sa nature impressionnable et le résultat inévitable des événements. C'est surtout la marche des pourparlers au congrès de Chatillon qui le confirma dans la pensée qu'il était possible de poser la question de la déchéance de Napoléon.

Toutefois l'Empereur Alexandre semble avoir perdu de vue que ni la suite des opérations militaires, ni la conduite équivoque de Caulaincourt ne pouvaient décider la question importante entre toutes de savoir, si la nation française désirait la déchéance de Napoléon et aspirait à l'avénement des Bourbons? Les Alliés se sont facilités la solution de cette question en

вать окончательному торжеству союзниковъ. Поэтому и рѣчи быть не можетъ о перемиріи съ Наполеономъ: онъ долженъ подписать тѣ условія мира, которыя ему предпишутъ великія союзныя державы, дѣйствующія отъ имени всей Европы.

Насколько круто ходъ военныхъ событій измѣнилъ образъ мыслей Императора Александра относительно ближайшей цѣли войны, видно изъ слѣдующаго факта.

Въ январѣ 1814 года князь Меттернихъ представилъ своему Государю и сообщилъ Императору Александру подробную записку о возможныхъ цѣляхъ общей войны противъ Франціи. Въ этомъ актѣ онъ также поставилъ вопросъ: намѣрены ли союзныя державы объявить себя противъ Наполеона и его династіи и въ пользу Бурбоновъ? Императоръ Александръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ весьма категорически въ томъ смыслѣ, что союзныя державы даже права не имѣютъ обсуждать этотъ вопросъ, ибо перемѣна династіи во Франціи не есть цѣль войны и этотъ вопросъ не имѣетъ въ настоящее время смысла. Этого мало: по словамъ Александра I, союзныя державы не должны вмѣшиваться въ это внутреннее дѣло Франціи, ибо „монархъ, который противенъ общему желанію народа, никогда не въ состояніи будетъ разсчитывать на мирное царствованіе“. Таковъ былъ отвѣтъ Императора Александра на вопросъ о династіи во Франціи, поставленный княземъ Меттернихомъ въ своей запискѣ отъ 14-го (26-го) января 1814 года (Сравн. т. III, стр. 153). Черезъ двѣ недѣли, въ половинѣ февраля, Императоръ Александръ усматриваетъ въ низложеніи Наполеона и его потомства высшую цѣль всѣхъ дѣйствій союзниковъ и залогъ счастья и благоденствія для французскаго народа и всей Европы! Такая изумительная метаморфоза во взглядахъ Александра I явилась естественнымъ послѣдствіемъ его впечатлительной натуры и неизбѣжнымъ результатомъ событій. Въ особенности ходъ переговоровъ на Шатильонскомъ мирномъ конгрессѣ долженъ былъ убѣдить его въ возможности поставить вопросъ о низложеніи Наполеона.

Однако Императоръ Александръ совершенно упустилъ изъ виду, что ни ходъ военныхъ событій, ни двусмысленное поведеніе Коленкура нисколько не рѣшали перваго и кардинальнаго вопроса: дѣйствительно ли французскій народъ желалъ низложенія Наполеона и жаждалъ воцаренія Бурбоновъ? Союзныя державы очень облегчили себѣ разрѣшеніе этого

prenant pour l'expression du vœu de la nation française la perfidie et la trahison de quelques hommes d'Etat français, comblés des bienfaits de Napoléon. En attendant, il y avait un abîme entre des hommes, comme le prince de Talleyrand et Fouché, et le reste de la nation qui sentait instinctivement que jamais la France n'avait atteint cet apogée de grandeur, inaccessible aux autres nations, auquel l'avait élévée le génie militaire et législatif de Napoléon I.

En tenant compte des faits ci-dessus exposés, on comprend que les pourparlers diplomatiques, poursuivis au congrès de Chatillon, durent aboutir à un échec complet. Commencés le 24 janvier (5 février), ils finirent par une rupture le 7 (19) février 1814. Ainsi cette assemblée n'a siégé que pendant deux semaines. Pour exposer la marche des négociations nous profiterons des rapports du comte Razoumowsky, dont les volumes précédents de la présente publication ne font qu'une courte mention.

Dès la première séance du congrès de Chatillon le 24 janvier (5 février), Caulaincourt se livra sans réserve lui-même et Napoléon aux Alliés. Il trahit d'une manière si manifeste son désir ardent d'obtenir „coûte que coûte“ la signature du traité de paix, que les plénipotentiaires des Alliés furent inébranlables dans leur décision de ne faire aucune concession importante à Napoléon.

„L'extrême condescendance du plénipotentiaire français“, écrivait le comte Razoumowsky, „et son empressement d'aller en avant étaient tels, qu'il aurait voulu, je pense, épuiser la négociation dans un jour, ou au moins en accélérer la marche autant que possible“. (Rapport du comte Razoumowsky du 24 janvier (5 février) 1814).

A la seconde séance, Caulaincourt „d'un ton humble et consterné“ annonça aux représentants des Alliés: „que son rôle était celui des sacrifices, qu'il était prêt à souscrire à nos demandes“, poursuit le comte Razoumowsky, „pourvu qu'on les lui fasse promptement et en une fois“. Ainsi le duc de Vicence démasqua complètement son jeu et trahit l'impatience fiévreuse de Napoléon de signer la paix au plus vite. Si l'on prend en considération que les succés des Alliés ne faisaient qu'augmenter leur confiance dans le triomphe final de leur cause, on comprend que les demandes les plus modérées du plénipotentiaire français devaient se

вопроса, принявъ за выраженіе желанія французскаго народа предательство и измѣну облагодѣтельствованныхъ Наполеономъ французскихъ государственныхъ дѣятелей. Между тѣмъ цѣлая непроходимая пропасть отдѣляла лицъ, въ родѣ князя Тальерана и Фуше, отъ французскаго народа, который инстинктивно чувствовалъ, что никогда еще Франція не стояла на той почти недосягаемой для другихъ народовъ высотѣ, на которую возвелъ ее военный и законодательный геній Наполеона I.

Имѣя въ виду вышеизложенныя обстоятельства, совершенно понятно будетъ полное фіаско дипломатическихъ переговоровъ на мирномъ конгрессѣ въ Шатильонѣ, которые начались 24-го января (5-го февраля) и кончились 7-го (19-го) февраля 1814 года, слѣдовательно продолжались ровно двѣ недѣли. Для изложенія хода переговоровъ мы воспользуемся донесеніями гр. Разумовскаго, о которыхъ только вскользь упомянуто было въ предыдущихъ томахъ настоящаго изданія.

На первомъ же засѣданіи членовъ мирнаго конгресса въ Шатильонѣ 24-го января (5-го февраля) Коленкуръ выдалъ себя и Наполеона головою союзникамъ. Онъ столь явнымъ образомъ обнаружилъ свое пламенное желаніе „во что бы ни стало, добиться подписанія мирнаго трактата, что рѣшеніе уполномоченныхъ союзныхъ державъ, не дѣлать Наполеону никакихъ существенныхъ уступокъ, должно было сдѣлаться непоколебимымъ.

„Крайняя уступчивость французскаго уполномоченнаго“, доноситъ гр. Разумовскій, „и его готовность идти впередъ были таковы, что въ одинъ день, я полагаю, онъ желалъ бы исчерпать всѣ переговоры или, по меньшей мѣрѣ, ускорить ихъ ходъ насколько возможно“. (Донесеніе гр. Разумовскаго отъ 24-го января (5-го февраля) 1814 г.).

Во второмъ засѣданіи Коленкуръ, „тономъ приниженнымъ и растеряннымъ“, объявилъ представителямъ союзныхъ державъ, что „его роль состоитъ въ принесеніи жертвъ“, что „онъ готовъ подписать наши требованія“, доносилъ гр. Разумовскій, „лишь бы ему поставили ихъ поскорѣе и сразу“. Такимъ образомъ герцогъ Висанскій совершенно раскрылъ свои карты и обнаружилъ горячее желаніе Наполеона, какъ можно скорѣе заключить миръ. Если къ этому еще прибавить, что успѣхи союзныхъ армій постоянно укрѣпляли вѣру союзниковъ въ окончательное торжество ихъ дѣла, то всѣ даже самыя умѣренныя желанія французскаго упол-

heurter à une résistance inexorable des autres membres de la conférence.

Lorsque Caulaincourt exprima le désir d'être renseigné sur l'ordre de choses que les Alliés se proposaient d'établir pour les Etats de l'Europe sur les ruines de l'Empire français, le comte Razoumowsky lui répondit très catégoriquement: „que cet objet était entièrement distinct de ce que nous avions à dire à la France".

„Caulaincourt", dit Razoumowsky dans son rapport du 26 janvier (7 février) 1814, „n'a point répondu à mon observation, mais sa mine et son altération ont exprimé son angoisse". Les représentants des Alliés déclarèrent à Caulaincourt qu'ils ne se proposaient de traiter avec lui que des limites territoriales de la France. En ce qui regarde cet objet, on lui notifia la décision des puissances alliées de replacer la France dans „les anciennes limites". Cette exigence troubla considérablement Caulaincourt, qui refusa de donner une réponse immédiate et demanda à refléchir jusqu'au soir.

„Mais ce qui est le plus important à observer", dit Razoumowsky dans son rapport, „c'est l'extrême anxiété de Mr. de Caulaincourt et son impatience de conclure; elle met incontestablement à découvert la position critique de son chef. Il ne sait point déguiser que prêt à capituler, il souscrira à tout, et cette marche justifie complètement la supposition que j'ai formée dès le premier jour, que *coûte que coûte*, il veut le plus promptement possible la paix, pourvu qu'elle se signe avec *Napoléon*".

Cette disposition d'esprit du plénipotentiaire français se manifestait sans cesse dans le cours des débats du congrès. Il était évident qu'il redoutait sérieusement l'éventualité de la déchéance de Napoléon. Au début des conférences de Chatillon, les Alliés n'avaient pas encore formulé une réclamation de cette nature. Elle fut amenée par la marche fatale des circonstances.

A la réunion du 11 février n. st., le comte Razoumowsky proposa aux membres du congrès d'ajourner les réunions de quelque temps, en vue de la nécessité de recevoir du quartier-général des Souverains alliés de nouvelles instructions. Le comte voulait évidemment tirer profit des nouvelles, annonçant les succés des opérations militaires des Alliés, qui ne furent pas suspendues pendant les négociations de paix.

помоченнаго встрѣчали неумолимый отпоръ со стороны остальныхъ членовъ конференціи.

Когда Коленкуръ выразилъ желаніе знать, какое новое территоріальное устройство европейскихъ государствъ намѣрены союзники водворить на развалинахъ французской имперіи, графъ Разумовскій ему весьма категорически отвѣтилъ, что „это дѣло не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы имѣемъ сказать Франціи".

„Коленкуръ" продолжалъ гр. Разумовскій свое донесеніе отъ 26-го января (7-го февр.) 1814 года, „ничего не отвѣтилъ на мое замѣчаніе, но въ его лицѣ и смущеніи отражалась охватившая его грусть". Представители союзныхъ державъ объявили Коленкуру, что съ нимъ они намѣрены говорить только о территоріальныхъ границахъ Франціи. Въ этомъ отношеніи французскому уполномоченному было сообщено рѣшеніе союзныхъ державъ возвратить Францію въ „ея старыя границы". Такое требованіе сильно смутило Коленкура, и онъ отказался дать немедленно свой отвѣтъ. Онъ просилъ времени до вечера, чтобъ подумать.

„Однако", доноситъ гр. Разумовскій, „самое важное и достойное вниманія заключается въ чрезвычайномъ волненіи Коленкура и его нетерпѣніи покончить, которыми онъ неопровержимо обнаруживаетъ критическое положеніе своего Государя. Онъ совершенно не умѣетъ скрыть, что будучи готовъ капитулировать, онъ все подпишетъ, и такое поведеніе вполнѣ подтверждаетъ высказанное мною въ первый же день предположеніе, что онъ *во что бы то ни стало* и скорѣйшимъ образомъ желаетъ мира, лишь бы онъ былъ заключенъ съ *Наполеономъ*".

Такое душевное настроеніе французскаго уполномоченнаго постоянно обнаруживалось во время засѣданій конгресса. Очевидно было, что онъ страшно боялся возможности лишенія Наполеона престола. Въ началѣ конференціи въ Шатильонѣ, союзныя державы еще не выставляли такого требованія. Но оно было поставлено роковымъ теченіемъ обстоятельствъ.

Въ засѣданіи отъ 11-го февраля (нов. ст.) гр. Разумовскій предложилъ членамъ конгресса отсрочить засѣданія на нѣкоторое время, въ виду необходимости получить изъ главной квартиры союзныхъ Государей новыя инструкціи. Графъ очевидно желалъ воспользоваться извѣстіями объ удачномъ для союзниковъ ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя не были пріостановлены переговорами о мирѣ. Коленкуръ не-

Caulaincourt protesta énergiquement contre ce projet, en trahissant de nouveau son ardeur pour la paix et ses craintes pour l'avenir.

La proposition du comte Razoumowsky ne fut pas moins adoptée et les séances du congrès furent remises à quelques jours. Pendant ce délai, le comte reçut de l'Empereur Alexandre I un projet de traité préliminaire avec ordre de le prendre pour base des pourparlers et de le signer, s'il était accepté par les plénipotentiaires des autres puissances alliées et celui de Napoléon.

„Fidèle au principe", était-il dit dans les instructions au comte Razoumowsky du 3 (15) février 1814, „que c'est d'après les opérations militaires que doit se guider la marche des négociations, l'Empereur a jugé que le moment était venu, où il pouvait autoriser Votre Excellence à signer l'acte précité".

Ce projet de traité préliminaire, rédigé au quartier général russe, était très désavantageux pour Napoléon et n'aurait pu être accepté qu'au moment, où il eût perdu tout espoir de battre les armées alliées et de les expulser du territoire français. Mais, en février 1814, Napoléon n'avait pas lieu de considérer la situation comme entièrement désespérée.

Le projet russe reconnait Napoléon comme Empereur des Français et c'est avec lui que l'on conclut „une paix éternelle". Aux termes de l'art. II du traité „Sa Majesté l'Empereur des Français renonce, pour lui et ses successeurs, à la totalité des acquisitions faites par la France depuis le commencement de la guerre de 1792". Il s'engage en outre de ne pas intervenir soit directement, soit indirectement dans les affaires des Etats voisins et renonce aux titres de roi d'Italie et de protecteur de la Confédération du Rhin.

Il est hors de doute que ces conditions étaient très onéreuses et blessantes pour l'amour-propre de Napoléon, mais elles ne reconnaissaient pas moins ses droits à la couronne Impériale de France.

Dès la réception de ce projet de traité, le comte Razoumowsky s'empressa de le soumettre à l'examen des plénipotentiaires des Alliés, et déclara qu'il avait reçu l'ordre de le signer et de faire des démarches pour le faire accepter par le représentant de la France. Après que les plénipotentiaires des Cours alliées eurent approuvé cet acte, le congrès fut convoqué pour

медленно и энергически возсталъ противъ этого предложенія, снова обнаруживая свою жажду мира и боязнь за будущее.

Однако, предложеніе гр. Разумовскаго было всетаки принято и засѣданія конгресса были отсрочены на нѣсколько дней. Въ продолженіи этой отсрочки графъ получилъ отъ Императора Александра I проектъ прелиминарнаго мирнаго трактата, съ предписаніемъ принять его, какъ основаніе для переговоровъ, и подписать его, если онъ будетъ одобренъ уполномоченными другихъ союзныхъ державъ и Наполеона.

„Оставаясь вѣрнымъ принципу", было сказано въ инструкціи графу Разумовскому отъ 3-го (15-го) февраля 1814 года, при которой проектъ мирнаго трактата былъ препровожденъ, „что соотвѣтственно ходу военныхъ событій должны вестись переговоры о мирѣ, Государь рѣшилъ, что наступилъ моментъ, когда онъ можетъ уполномочить Ваше Превосходительство подписать упомянутый актъ".

Этотъ проектъ прелиминарнаго мирнаго трактата, составленный въ русской главной квартирѣ, былъ чрезвычайно невыгоденъ для Наполеона и могъ бы быть имъ принятъ развѣ только въ тотъ моментъ, когда онъ потерялъ бы малѣйшую надежду разбить союзныя арміи и изгнать ихъ изъ предѣловъ Франціи. Но въ февралѣ 1814 года Наполеонъ еще не находился въ подобномъ положеніи.

Въ русскомъ проектѣ Наполеонъ признается императоромъ французовъ и съ нимъ заключается „вѣчный миръ". Въ силу статьи II-й трактата: „Его Величество Императоръ Французовъ отказывается за себя и свое потомство отъ всей совокупности пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Франціей съ начала войны 1792 года". Сверхъ того, онъ обязывается не вмѣшиваться, ни прямо, ни косвенно, въ дѣла сосѣднихъ государствъ и отказывается отъ своихъ титуловъ короля Италіи и протектора Рейнскаго Союза.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія были крайне тяжелы и обидны для самолюбія Наполеона, но они всетаки признавали его право на французскій императорскій престолъ.

Получивъ проектъ мирнаго трактата, гр. Разумовскій немедленно сообщилъ его на предварительное разсмотрѣніе уполномоченныхъ союзныхъ державъ и заявилъ, что онъ получилъ предписаніе подписать его и требовать принятія его отъ представителя Франціи. Послѣ того какъ уполномоченные союзныхъ государствъ одобрили этотъ актъ, былъ со-

le 5 (17) février. A cette réunion, le comte Razoumowsky remit également copie de ce projet à Caulaincourt, qui en prit lecture avec une profonde attention. C'est avec un vif intérêt que les plénipotentiaires suivirent l'expression de la figure du duc de Vicence pendant cette lecture, cherchant à deviner l'impression qu'il en aurait gardée. Mais Caulaincourt ne trahit aucune émotion et après avoir pris connaissance du projet, il déclara avec beaucoup de calme qu'il ne saurait énoncer son avis immédiatement et qu'il demandait quelque temps pour réflechir et se conformer à ses instructions.

Les conclusions que le comte Razoumowsky crut devoir tirer de cette attitude du plénipotentiaire français furent très significatives. „Mr. de Caulaincourt", écrivit-il à son gouvernement à la date du 5 (17) février, „ne fera point de difficulté de souscrire toutes les stipulations du Traité et son Maître sera trop heureux d'obtenir une paix quelconque, pourvu qu'elle le tire d'affaire pour le moment et prolonge son existence à venir".

Après que le projet du traité préliminaire fût remis à Caulaincourt, un délai de quelques jours lui fut accordé pour recevoir les instructions définitives de Napoléon. Mais celui-ci jugea impossible d'accepter ce projet. Dans une lettre à l'Empereur d'Autriche du 21 février, Napoléon se prononça catégoriquement contre les conditions de paix qu'on lui proposait. Il refusa positivement de céder la Belgique et particulièrement Anvers. Il supplia son auguste beau-père de ne point risquer une nouvelle bataille dont l'issue pourrait avoir des conséquences fatales pour les puissances alliées. Aussi proposa-t-il à l'Empereur François II et à ses alliés de revenir aux conditions de paix qu'ils lui avaient notifiées eux-mêmes à Francfort par l'entremise du baron de St. Aignan.

D'après les paroles de Napoléon, les conditions de paix préliminaire qui lui ont été communiquées ne peuvent s'expliquer que par le désir de l'Angleterre d'amener la destruction complète de la France et la soif de vengeance de l'Empereur Alexandre.

François II répondit à Napoléon par une lettre du 27 février, que l'Angleterre n'aspire

званъ конгрессъ на 5-е (17-ое) февраля. Въ этомъ засѣданіи гр. Разумовскій вручилъ копію съ проекта мирнаго трактата Коленкуру, который прочелъ его съ большимъ вниманіемъ. Съ напряженнымъ интересомъ слѣдили всѣ уполномоченные союзныхъ державъ за выраженіемъ лица герцога Висанскаго во время этого чтенія, желая замѣтить впечатлѣніе, которое произведетъ на него трактатъ. Но Коленкуръ совершенно не смутился и весьма хладнокровно, послѣ прочтенія проекта, заявилъ, что онъ не можетъ тотчасъ же высказать своего мнѣнія и проситъ немного времени, чтобъ подумать и сообразоваться съ своими инструкціями.

Заключеніе, которое гр. Разумовскій вывелъ изъ такого поведенія французскаго уполномоченнаго, было весьма понятно. „Коленкуръ", писалъ онъ своему правительству 5-го (17-го) февраля, „нисколько не затруднится подписать всѣ постановленія трактата и его Государь будетъ чрезвычайно счастливъ получить какой нибудь миръ, лишь бы выйти изъ нынѣшнихъ затрудненій и сохранить въ будущемъ свое положеніе".

Послѣ вученія Коленкуру проекта прелиминарнаго мирнаго трактата, ему предоставлено было нѣсколько дней для полученія отъ Наполеона окончательныхъ инструкцій. Но послѣдній считалъ совершенно невозможнымъ принять этотъ проектъ. Въ письмѣ къ австрійскому императору отъ 21-го февраля, Наполеонъ самымъ категорическимъ образомъ протестуетъ противъ предложенныхъ ему условій мира. Онъ положительно отказывается уступить Бельгію и, въ частности, Антверпенъ. Онъ умоляетъ своего августѣйшаго тестя не рисковать новою битвою, исходъ которой можетъ имѣть роковыя послѣдствія для союзныхъ державъ. Поэтому Наполеонъ предлагаетъ австрійскому императору Францу II и его союзникамъ возвратиться къ условіямъ мира, которыя они сами предложили ему во Франкфуртѣ на Майнѣ чрезъ барона Сентъ-Эньянскаго.

По словамъ Наполеона, сообщенныя ему условія предварительнаго мира можно только объяснить желаніемъ Англіи совершенно уничтожить Францію и жаждою мести со стороны Императора Александра.

Францъ II отвѣтилъ Наполеону, письмомъ отъ 27-го февраля, что Англія не желаетъ унич-

pas à la destruction de la France et que l'Empereur Alexandre ne nourrit aucun sentiment de vengeance. Il importe d'assurer une paix durable en Europe et les conditions proposées par les puissances alliées n'ont en vue que ce but, et elles ne sauraient y renoncer.

Les plénipotentiaires des puissances alliées répondirent dans ce même sens à Caulaincourt au congrès de Chatillon dont les séances furent reprises le 16 (28) février. Dans cette réunion, le représentant de la France supplia de lui accorder encore un délai de 10 jours pour recevoir la décision définitive de Napoléon. Les représentants des Alliés, après en avoir délibéré, y consentirent et la prochaine séance fut ajournée au 10 mars.

A cette date, tous les membres du congrès se réunirent, ainsi qu'il fut convenu. Caulaincourt déclara qu'il n'avait pas encore reçu de réponse définitive de Napoléon. Les plénipotentiaires des puissances ne dissimulèrent pas leur surprise et leur impatience à ce sujet. La-dessus Caulaincourt tira de son portefeuille une déclaration et en fit la lecture. Dans cette communication il annonçait, plutôt de son propre chef, que la France reconnaissait l'indépendance de l'Allemagne, de l'Italie et de l'Espagne. Mais cette pièce ne faisait pas mention de l'acceptation du traité préliminaire. Les représentants reconnurent que des pourparlers ultérieurs étaient désormais sans objet, vu que Caulaincourt avait refusé de signer le projet du traité préliminaire. Mais celui-ci supplia qu'on lui accordât un nouveau délai et le terme en fut fixé au 13 mars.

Il y eut ce jour là deux réunions du congrès, l'une — le matin et une seconde — le soir. Dans la première séance, le plénipotentiaire de la France s'appliqua à démontrer qu'aux termes de la déclaration qu'il avait remise au congrès, l'Empereur Napoléon renonçait à l'Italie, à l'Allemagne et à la Hollande et, qu'en général, il remplissait les 6/7 des réclamations formulées. Il insista longuement sur la défense de cette thèse. „Caulaincourt“, écrivait le comte Razoumowsky à son gouvernement à la date du 1 (13) mars, „parla, ou pour mieux dire, il divagua avec chaleur pendant très longtemps. Le plus grand calme eut lieu de notre part, en lui observant que les pièces qu'il citait ne menaient à aucune conclusion et ne présentaient que des idées vagues“.

Les représentants des Cours alliées déclarè-

тоженія Франціи и Императоръ Александръ I никакихъ чувствъ мести не питаетъ. Нужно обезпечить устойчивый миръ въ Европѣ, и предложенныя Наполеону союзными державами мирныя условія имѣютъ въ виду только эту цѣль. Отъ этихъ условій союзники отказаться не могутъ.

Въ такомъ же смыслѣ отвѣтили Коленкуру уполномоченные союзныхъ державъ на Шатильонскомъ мирномъ конгрессѣ, засѣданія котораго возобновились 16-го (28-го) февраля. Въ этомъ засѣданіи Коленкуръ умолялъ дать ему еще десять дней для полученія окончательнаго рѣшенія Наполеона. Представители союзныхъ державъ, послѣ взаимнаго совѣщанія, согласились дать этотъ срокъ и отложили слѣдующее засѣданіе до 10-го марта.

Въ этотъ день опять сошлись всѣ члены конгресса. Коленкуръ объявилъ, что онъ еще не получилъ отъ Наполеона рѣшительнаго отвѣта. Уполномоченные союзныхъ державъ не скрывали своего удивленія и нетерпѣнія. Тогда Коленкуръ вынулъ изъ своего портфеля декларацію и прочелъ ее. Въ этомъ актѣ Коленкуръ объявилъ, скорѣе отъ себя лично, что Франція признаетъ независимость Германіи, Италіи и Испаніи. Но принятія прелиминарнаго трактата въ этомъ актѣ не было. Представителямъ союзныхъ державъ казалось, что дальнѣйшіе переговоры совершенно излишни, ибо Коленкуръ отказался подписать проектъ прелиминарнаго мира. Но онъ опять умолялъ дать ему еще нѣкоторое время для полученія рѣшенія Наполеона. Опять дана была отсрочка до 13-го марта.

Въ этотъ день были два засѣданія конгресса: одно утромъ, другое вечеромъ. Въ утреннемъ засѣданіи уполномоченный Франціи доказывалъ, что въ поданной имъ декларації императоръ Наполеонъ отказывается отъ Италіи, Германіи и Голландіи и вообще исполняетъ 6/7-хъ всѣхъ предъявленныхъ ему требованій. Онъ весьма долго доказывалъ это положеніе. „Коленкуръ“, писалъ гр. Разумовскій своему правительству 1-го (13-го) марта, „говорилъ, или, лучше сказать, разводилъ съ жаромъ очень долго. Полная тишина соблюдалась съ нашей стороны, но ему было замѣчено, что приведенные имъ акты не приводятъ ни къ какому заключенію и представляютъ только неопредѣленныя мысли“.

Представители союзныхъ державъ объявили

rent au plénipotentiaire français qu'ils attendaient recevoir de lui un contre-projet, basé exactement sur leur projet de paix préliminaire, tandis qu'il leur parle en détail et d'une manière confuse des conditions de paix, proposées à Francfort s. M., ne tenant aucun compte que depuis lors les circonstances avaient complètement changé. Néanmoins Caulaincourt suppliait de lui donner un sursis jusqu'au soir pour présenter une réponse précise et circonstanciée.

Là-dessus les plenipotentiaires des Alliés, après en avoir délibéré encore une fois, déclarèrent à Caulaincourt „que la détermination de sa part d'accepter ou de rejeter nos propositions, ou de donner un contre-projet devait s'effectuer dans les 24 heures!“ Ils lui notifièrent, en outre, que les conditions de Francfort ne faisaient point partie des instructions dont les plénipotentiaires des Alliés se trouvaient munis.

A la séance du soir, Caulaincourt tenta encore une fois de traîner les choses en longueur et de retarder l'issue fatale du congrès. Il déclara au début, qu'une fois que les communications qu'il avait faites aux séances précédentes n'ont pas été acceptées par les membres du congrès, il demande de lui accorder le temps nécessaire pour envoyer un courrier à Napoléon pour recevoir les instructions définitives qui lui font défaut.

Là-dessus, sous forme de réponse, les plénipotentiaires lui firent la lecture d'une déclaration qui manquait essentiellement de clarté. Elle était conçue en ces termes: „nous avons l'ordre de déclarer que la négociation est rompue par le gouvernement français, que nous exécutons cet ordre en faisant cette déclaration; que nous ne refusons pas l'envoi d'un courrier du plénipotentiaire français à son Maître, accompagné d'un officier au quartier-général des Souverains alliés, mais qu'à moins de recevoir de nouveaux ordres, nous ne pouvions agir qu'en conformité des ordres ci-dessus“.

Le comte Razoumowsky fait observer dans son rapport, „que le duc de Vicence ne comprit pas d'abord le sens de la déclaration, mais après qu'elle lui fut répétée, il en fut visiblement frappé; il nous déclara qu'il se conformerait à notre première demande, et que si nous voulions fixer une conférence demain soir, il nous présenterait un contre-projet“. Toutefois le duc insista que la déclaration, qui venait d'être lue,

французскому уполномоченному, что они ожидали получить отъ него контръ-проектъ, буквально основанный на ихъ проектѣ прелиминарнаго мира, между тѣмъ какъ онъ пространно и запутанно говоритъ объ условіяхъ мира, предложенныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, совершенно забывая, что съ тѣхъ поръ обстоятельства существенно измѣнились. Въ отвѣтъ Коленкуръ умолялъ дать ему еще время до вечера, когда онъ представитъ подробный и точный отвѣтъ.

Тогда уполномоченные союзныхъ державъ, послѣ новаго совѣщанія, сообщили Коленкуру, что „его рѣшеніе принять или отвергнуть наши предложенія, или представить контръ-проектъ должно состояться въ 24 часа!“. Сверхъ того, они объявили, что франкфуртскія условія совершенно не входятъ въ инструкціи уполномоченныхъ союзныхъ державъ.

Въ вечернемъ засѣданіи Коленкуръ снова старался затянуть роковой исходъ Шатильонскаго мирнаго конгресса. Въ началѣ засѣданія онъ заявилъ, что въ виду непринятія предложенныхъ имъ въ прежнихъ засѣданіяхъ конгресса декларацій и замѣчаній, онъ проситъ дать ему срокъ для отправленія курьера къ Наполеону, чтобъ получить окончательныя инструкціи, которыхъ онъ не имѣетъ.

Тогда уполномоченные союзныхъ державъ прочли французскому уполномоченному, въ видѣ отвѣта, декларацію, которая не отличалась большою ясностью. Въ этой декларацiи они заявили: „мы получили приказаніе объявить, что переговоры прерваны французскимъ правительствомъ и мы исполняемъ это приказаніе посредствомъ настоящей декларацiи; мы не будемъ препятствовать отправленію французскимъ уполномоченнымъ курьера къ своему Государю, въ сопровожденіи офицера отъ главной квартиры союзныхъ монарховъ; но до полученія новыхъ приказаній мы не можемъ дѣйствовать иначе, какъ согласно съ вышеупомянутымъ приказаніемъ“.

Графъ Разумовскій продолжаетъ въ своемъ донесеніи, что „герцогъ Висанскій сперва не понялъ смысла этой декларацiи, но когда она была повторена, онъ былъ видимо пораженъ и объявилъ, что принимаетъ наше первое требованіе, и еслибъ мы согласились назначить завтра вечеромъ слѣдующее засѣданіе, то онъ намъ представитъ свой контръ-проектъ“. При этомъ герцогъ настаивалъ не

ne fût pas consignée au protocole du congrès. Les plénipotentiaires des puissances consentirent à tenir compte de la demande du plénipotentiaire français: la déclaration ne fut pas portée au protocole et une nouvelle réunion fut fixée pour le lendemain.

On ne saurait ne pas convenir avec Caulaincourt que la déclaration des représentants des alliés laissait beaucoup à désirer quant à la clarté. Si les auteurs de cet acte jugeaient possible de déclarer, qu'en vertu des ordres reçus, ils devaient considérer les négociations du congrès rompues par la conduite du gouvernement français, il n'y avait plus de nécessité de les poursuivre et d'attendre un contre-projet français. En attendant, les représentants des alliés accordèrent un nouveau délai au duc de Vicence, et celui-ci leur présenta en effet, à la séance du 15 (3) mars, un contre-projet de traité, contenant 30 articles.

En vertu de ce contre-projet, la France conservait l'île d'Elbe, le prince Eugène—l'Italie. Le Pape était rétabli dans ses domaines, ainsi que le roi de Saxe. Les îles Ioniennes, comme par le passé, faisaient partie du royaume d'Italie etc.

Le représentant français fit la lecture de son contre-projet et, selon le témoignage du comte Razoumowsky, semblait très agité dans cette circonstance. „Le duc de Vicence", écrit le représentant de Russie, „a montré dans tout le cours de la séance une agitation et un défaut de contenance extrêmes. Les lèvres et les mains lui tremblaient en lisant son contre-projet".

Quoi qu'il en soit, après l'audition du contre-projet les plénipotentiaires des Alliés déclarèrent à Caulaincourt qu'ils trouvaient ses ouvertures complètement impossibles, mais qu'ils ne se proposent pas moins de se réunir pour en délibérer.

Trois jours après, le 18 mars, il y eut une nouvelle séance du congrès dans laquelle Caulaincourt s'appliqua à démontrer qu'il ne fallait pas considérer son projet comme un *ultimatum*, mais l'accepter seulement comme base de pourparlers. Les représentants des alliés refusèrent péremptoirement d'adopter ce point de vue: ils signifièrent qu'ils s'en tiennent strictement à la déclaration faite le 13 mars.

Enfin arriva le 7 (19) mars — jour fatale

включать прочитанную декларацію союзниковъ въ протоколъ конгресса. Уполномоченные союзныхъ державъ согласились исполнить это желаніе французскаго уполномоченнаго: декларація не была включена въ протоколъ и новое засѣданіе было назначено на слѣдующій день.

Нельзя не согласиться съ Коленкуромъ, что декларація представителей союзныхъ державъ въ отношеніи ясности оставляла желать весьма многого. Если авторы акта считали возможнымъ объявить, что въ силу полученныхъ ими приказаній они должны считать переговоры и засѣданія мирнаго конгресса прерванными образомъ дѣйствія французскаго правительства, то нечего было продолжать ихъ и ждать французскаго контръ-проекта. Между тѣмъ представители союзныхъ государствъ дали Коленкуру новый срокъ и въ засѣданіи 15-го (3-го) марта онъ дѣйствительно представилъ свой контръ-проектъ мирнаго трактата состоявшій изъ 30 статей.

На основаніи этого контръ-проекта за Франціею оставляется островъ Эльба; за принцемъ Евгеніемъ Италія; папа возстановляется въ своихъ владѣніяхъ; король саксонскій также; Іоническіе острова остаются за итальянскимъ королевствомъ и т. д.

Герцогъ Висанскій прочелъ свой контръ-проектъ, и, по словамъ гр. Разумовскаго, онъ при этомъ сильно волновался. „Герцогъ Висанскій", писалъ гр. Разумовскій, „въ продолженіи всего засѣданія выказывалъ чрезвычайное волненіе и недостатокъ хладнокровія. Его губы и руки тряслись, когда онъ читалъ свой контръ-проектъ".

Уполномоченные союзныхъ державъ, по выслушаніи французскаго контръ-проекта, заявили Коленкуру, что они находятъ его проектъ совершенно невозможнымъ, но всетаки соберутся на совѣщаніе.

Черезъ 3 дня, т. е. 18-го марта, происходило новое засѣданіе конгресса, въ которомъ Коленкуръ выбивался изъ силъ, чтобы доказать, что представленный имъ проектъ мирнаго трактата слѣдуетъ считать не за ультиматумъ, но исключительно какъ основаніе для переговоровъ. Представители соединенныхъ державъ наотрѣзъ отказались принять эту точку зрѣнія: они объявили, что остаются при сдѣланной ими въ засѣданіи 13-го марта декларації.

Наконецъ 7-го (19-го) марта наступилъ

de la rupture et du départ des membres du congrès de Chatillon. Les répresentants des Alliés refusèrent d'entrer dans une discussion quelconque du contre-projet français qui selon eux, „ne s'éloigne pas seulement des bases de la paix proposées par les Cours alliées, mais qu'il est essentiellement opposé à leur esprit." Dans ces conjonctures, selon la déclaration des représentants des Alliés, toute négociation de paix ultérieure était sans objet et ne pouvait aboutir au but désiré.

A cette même date, le 19 mars, les représentants des puissances quittèrent Chatillon.

On connait la marche ultérieure des événements. Le congrès de Chatillon, qualifié par un historien de „comédie diplomatique" *) amena la chute tragique de Napoléon et de son immense Empire. L'armée autrichienne occupa Lyon, l'armée anglaise — Bordeaux, et les alliés se portèrent en même temps sur Paris, où ils entrèrent aux cris de „Vive le Roi!" La proclamation du prince de Schwarzenberg, commandant en chef des armées alliées, du 31 mars aux habitants de Paris leur promet au nom des gouvernements alliés, le rétablissement de l'ordre légal en France et à la nation française — la tranquillité et la paix.

Dans sa proclamation à la population de Paris du 1 avril, l'Empereur Alexandre I alla plus loin. Il déclara que les Souverains alliés ont pris irrévocablement la décision de ne plus entretenir de relations quelconques, ni avec Napoléon Bonaparte personnellement, ni avec aucun membre de sa famille. „Les Souverains alliés respecteront l'intégrité de l'ancienne France telle qu'elle a été sous ses rois légitimes" et conformément à la constitution que la nation française va se donner.

Enfin une note spéciale, remise au duc de Vicence au nom des souverains alliés disait „que les puissances alliées ont cédé au vœu de la France. Elles ont pris l'engagement de ne plus traiter avec l'Empereur Napoléon qui a été le seul obstacle à la paix. Elles se proposent de traiter avec lui, s'il le désire, des intérêts qui lui sont personnels et de ceux de sa famille." Mais

*) *Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe (Paris 1891), t. I, p. 6.

роковой день разрыва и разъѣзда членовъ Шатильонскаго мирнаго конгресса. Уполномоченные союзныхъ державъ отказались вступить въ какія-либо разсужденія относительно французскаго контръ-проекта, который, по ихъ словамъ, „не только отдаляется отъ основаній мира, предложенныхъ союзными дворами, но существеннымъ образомъ противорѣчитъ ихъ духу". При такихъ обстоятельствахъ, по заявленію представителей союзныхъ государствъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры о мирѣ безполезны, ибо не могутъ привести къ желанной цѣли.

Въ тотъ же самый день 19-го марта представители союзныхъ державъ выѣхали изъ Шатильона.

Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Шатильонскій мирный конгрессъ, названный однимъ историкомъ „дипломатическою комедіею"*), привелъ къ трагическому паденію Наполеона и его великой имперіи. Австрійская армія заняла Ліонъ, англійская—Бордо и, въ то же время, союзныя арміи пошли на Парижъ, въ который онѣ вступили при кликахъ: „Да здравствуетъ король!" Въ прокламаціи главнокомандующаго союзными арміями князя Шварценберга къ жителямъ Парижа, отъ 31-го марта, имъ обѣщается, отъ имени союзныхъ правительствъ, возстановленіе законнаго порядка во Франціи и спокойствія и мира для французскаго народа.

Императоръ Александръ I, въ своей прокламаціи къ парижскому населенію отъ 1-го апрѣля, пошелъ гораздо дальше. Онъ объявилъ непоколебимое рѣшеніе союзныхъ Государей больше не имѣть никакихъ сношеній съ Наполеономъ Бонапартомъ, ни съ нимъ лично, ни съ кѣмъ либо изъ членовъ его семьи. Союзные Государи „будутъ уважать неприкосновенность старой Франціи въ томъ положеніи, въ какомъ она была подъ властью своихъ законныхъ королей" и на основаніи конституціи, которую французскій народъ самъ себѣ дастъ.

Наконецъ, въ особенной нотѣ, врученной герцогу Висанскому отъ имени союзныхъ монарховъ, было объявлено, что „союзныя державы уступили желанію Франціи. Онѣ приняли обязательство больше не имѣть сношенія съ императоромъ Наполеономъ, который былъ единственнымъ препятствіемъ для заключенія мира. Онѣ согласны на переговоры съ нимъ,

*) *Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe (Paris 1891), t. I, p. 6.

il ne saurait être question de conclure la paix avec lui au nom de la France.

Ainsi, au moment de l'entrée des armées alliées à Paris la sentence sur Napoléon et sa dynastie était irrévocablement et inéxorablement prononcée. Par la force des circonstances Napoléon fut amené à signer l'acte d'abdication.

Les actes ci-dessous, signés à des dates différentes se rapportent tous à ce grand événement historique dans les destinées de la France et de l'Europe.

№ 502.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies, l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême et le Roi de Prusse, stipulant tant en leur nom, qu'en celui de tous leurs alliés, d'une part,

et S. M. l'Empereur Napoléon, de l'autre,

ayant nommé pour leurs plénipotentiaires respectifs, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies,

le sieur Charles Robert comte de Nesselrode, son conseiller privé, secrétaire d'Etat, chambellan actuel, chevalier de l'ordre de St. Alexandre Newsky, grand-croix de celui de St. Vladimir de la seconde classe etc.

et S. M. l'Empereur Napoléon,

les sieurs Armand Augustin Louis de Caulaincourt, duc de Vicence, son grand-écuyer, sénateur, Ministre des relations extérieures, grand-aigle de la Légion d'honneur, chevalier des ordres de St. André et de plusieurs autres,

Michel Ney, duc d'Elchingen etc., maréchal de l'Empire, grand aigle de la Légion d'honneur, chevalier de la couronne de fer etc.

если онъ этого желаетъ, о личныхъ его интересахъ и интересахъ его семьи". Но о заключеніи съ нимъ мира, отъ имени Франціи, не можетъ быть рѣчи.

Такимъ образомъ, въ моментъ вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, приговоръ надъ Наполеономъ и его династіею былъ уже произнесенъ безповоротно и неумолимо. Наполеонъ I принужденъ былъ непреодолимою силою обстоятельствъ подписать актъ отреченія отъ престола.

Нижеслѣдующіе акты, подписанные въ разное время, относятся всѣ къ этому великому историческому моменту въ судьбѣ Франціи и Европы.

№ 502.

Ихъ Величества Императоръ Всероссійскій, Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій и Король Прусскій, дѣйствуя какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всѣхъ своихъ союзниковъ, съ одной стороны,

и Е. В. Императоръ Наполеонъ съ другой,

назначили своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій

графа Карла Роберта Нессельроде, своего тайнаго совѣтника, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго камергера, кавалера орденовъ св. Александра Невскаго, св. Владиміра 2-й степени и др.

и Е. В. Императоръ Наполеонъ

Армана Огюстэна Людовика Коленкура, герцога Висанскаго, своего оберъ-шталмейстера, сенатора, министра внѣшнихъ сношеній, кавалера орденовъ Почетнаго Легіона большого креста, св. Андрея и мн. др.;

Мишеля Нея, герцога Эльхингенскаго и пр., маршала Имперіи, кавалера орденовъ Почетнаго Легіона большого креста, Желѣзной Короны и др.;

et Jacques Ethienne Alexandre Macdonald, duc de Tarente, maréchal de l'Empire, grand aigle de la Légion d'honneur, chevalier de la couronne de fer etc.

Les plénipotentiaires ci-dessus nommés, après avoir procédé à l'échange de leurs pleinpouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivans:

ARTICLE I.

S. M. l'Empereur Napoléon renonce pour lui et ses successeurs et descendants, ainsi que pour chacun des membres de sa famille, à tout droit de souveraineté et de domination, tant sur l'empire Français et le royaume d'Italie, que sur tout autre pays.

ARTICLE II.

Leurs Majestés l'Empereur Napoléon et l'Impératrice Marie Louise conserveront ces titres et qualités, pour en jouir leur vie durant.

La mère, les frères, sœurs, neveux et nièces de l'Empereur conserveront également, partout où ils se trouveront, les titres de princes de sa famille.

ARTICLE III.

L'île de l'Elbe, adoptée par S. M. l'Empereur Napoléon pour le lieu de son séjour, formera, sa vie durant, une principauté séparée, qui sera possédée par lui en toute souveraineté et propriété.

Il sera donné en outre en toute propriété à l'Empereur Napoléon un revenu annuel de deux millions de francs en

и Жака Этьена Александра Макдональда, герцога Тарантскаго, маршала Имперіи, кавалера орденовъ Почетнаго Легіона большого креста, Желѣзной Короны и др.

Вышепомянутые уполномоченные, по размѣнѣ своихъ полномочій, согласились о слѣдующихъ статьяхъ.

СТАТЬЯ I.

Е. В. Императоръ Наполеонъ отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ и нисходящихъ потомковъ, равно и за каждаго изъ членовъ своей фамиліи, отъ всякаго права на верховную власть и господство какъ надъ Французскою Имперіей и Итальянскимъ королевствомъ, такъ и надъ всякою другою страною.

СТАТЬЯ II.

Ихъ Величества Императоръ Наполеонъ и Императрица Марія Луиза сохранятъ эти свои титулы и званія и будутъ ими пользоваться пожизненно.

Мать, братья, сестры, племянники и племянницы Императора равнымъ образомъ сохранятъ всюду, гдѣ бы ни находились, титулы принцевъ его фамиліи.

СТАТЬЯ III.

Островъ Эльба, избранный Е. В. Императоромъ Наполеономъ мѣстомъ своего пребыванія, будетъ въ теченіе его жизни составлять особое княжество, которымъ онъ будетъ владѣть на правѣ полной верховной власти и собственности.

Императору Наполеону будетъ предоставленъ, кромѣ того, въ полную собственность ежегодный доходъ въ два

rentes sur le grand livre de France; dont un million reversible à l'Impératrice.

милліона франковъ, въ видѣ ренты, записанной въ государственную долговую книгу Франціи, изъ коихъ одинъ милліонъ перейдетъ къ Императрицѣ.

ARTICLE IV.

Toutes les Puissances s'engagent à employer leurs bons offices, pour faire respecter, par les Barbaresques, le pavillon et le territoire de l'île d'Elbe, et pour que, dans ses rapports avec les Barbaresques, elle soit assimilée à la France.

СТАТЬЯ IV.

Всѣ державы обязываются дружески содѣйствовать тому, чтобы Варварійскія государства уважали флагъ и территорію острова Эльбы и чтобы въ своихъ сношеніяхъ съ Варварійскими государствами онъ былъ приравниваемъ къ Франціи.

ARTICLE V.

Les duchés de Parme, Plaisance et Guastalla seront donnés en toute propriété et souveraineté à S. M. l'Impératrice Marie Louise. Ils passeront à son fils et à sa descendance en ligne directe.

Le prince son fils prendra, dès ce moment, le titre de prince de Parme, Plaisance et Guastalla.

СТАТЬЯ V.

Герцогства Парма, Піаченца и Гвасталла отдаются въ полную собственность и верховное владѣніе Ея Величеству Императрицѣ Маріи Луизѣ. Они перейдутъ къ ея сыну и къ его, въ прямой линіи, нисходящему потомству.

Принцъ, ея сынъ, приметъ теперь же титулъ принца Пармскаго, Піаченцскаго и Гвастальскаго.

ARTICLE VI.

Il sera réservé dans les pays auxquels l'Empereur Napoléon renonce, pour lui et sa famille, des domaines, ou donné des rentes sur le grand livre de France, produisant un revenu annuel, net et déduction faite de toutes charges, de deux millions cinq cent mille francs. Ces domaines ou rentes appartiendront en toute propriété, et pour en disposer comme bon leur semblera, aux princes et princesses de sa famille, et seront répartis entr'eux de manière à ce que le revenu de chacun soit dans la proportion suivante, savoir :

СТАТЬЯ VI.

Въ странахъ, отъ которыхъ Императоръ Наполеонъ отказывается за себя и свою фамилію, будутъ выдѣлены имѣнія, или назначены по государственной долговой книгѣ Франціи денежныя суммы, приносящія ежегоднаго чистаго, за всѣми вычетами, дохода 2.500.000 франковъ. Эти имѣнія, или денежныя суммы, будутъ принадлежать въ полную собственность и предоставляются въ неограниченное распоряженіе принцамъ и принцессамъ его фамиліи и будутъ распредѣлены между ними такимъ образомъ, чтобы доходъ каждаго опредѣлялся въ слѣдующемъ размѣрѣ:

A Madame Mère 300.000 francs.

Au roi Joseph et à la reine 500.000 francs.

Au roi Louis 200,000 francs.

A la reine Hortense et à ses enfants 400.000 francs.

Au roi Jérôme et à la reine 500.000 francs.

A la princesse Elisa 300.000 francs.

A la princesse Pauline 300.000 francs.

Les princes et princesses de la famille de l'Empereur Napoléon conserveront, en outre, tous les biens meubles et immeubles, de quelque nature que ce soit, qu'ils possédent à titre particulier, et notamment les rentes dont ils jouissent (également comme particuliers) sur le grand livre de France ou le *Monte Napoleone* de Milan.

Матери Императора 300.000 фр.

Королю Іосифу и королевѣ 500.000 франковъ.

Королю Людовику 200.000 фр.

Королевѣ Гортензіи и ея дѣтямъ 400.000 фр.

Королю Іерониму и королевѣ 500.000 франковъ.

Принцессѣ Елизѣ 300.000 фр.

Принцессѣ Полинѣ 300.000 фр.

Принцы и принцессы фамиліи Императора Наполеона сохранятъ, кромѣ того, всякаго рода движимое и недвижимое имущество, коимъ они владѣютъ на правахъ частныхъ лицъ, а также денежные доходы, коими они пользуются (равнымъ образомъ какъ частныя лица) по государственной долговой книгѣ Франціи или *Monte Napoleone* въ Миланѣ.

ARTICLE VII.

Le traitement annuel de l'Impératrice Joséphine sera réduit à un million en domaines ou en inscriptions sur le grand livre de France. Elle continuera à jouir, en toute propriété, de tous ses biens meubles et immeubles particuliers, et pourra en disposer conformément aux lois françaises.

СТАТЬЯ VII.

Ежегодное обезпеченіе императрицы Жозефины ограничивается однимъ милліономъ съ земель или на счетъ государственной долговой книги Франціи. Она будетъ продолжать пользоваться, на правѣ полной собственности, всѣмъ своимъ частнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и можетъ распоряжаться таковымъ согласно французскимъ законамъ.

ARTICLE VIII.

Il sera donné au prince Eugène, vice-roi d'Italie, un établissement convenable hors de France.

СТАТЬЯ VIII.

Вице-король Итальянскій принцъ Евгеній будетъ приличнымъ образомъ устроенъ внѣ Франціи.

ARTICLE IX.

Les propriétés que S. M. l'Empereur Napoléon possède en France, soit comme

СТАТЬЯ IX.

Принадлежащія Е. В. Императору Наполеону во Франціи имѣнія, состав-

domaine extraordinaire, soit comme domaine privé, resteront à la couronne.

Sur les fonds placés par l'Empereur Napoléon, soit sur le grand livre, soit sur la banque de France, soit sur les actions des forêts, soit de toute autre manière, et dont S. M. fait l'abandon à la couronne, il sera réservé un capital qui n'excédera pas deux millions, pour être employé en gratifications, en faveur des personnes qui seront portées sur l'état que signera l'Empereur Napoléon, et qui sera remis au gouvernement français.

ARTICLE X.

Tous les diamants de la couronne resteront à la France.

ARTICLE XI.

L'Empereur Napoléon fera retourner au trésor et aux autres caisses publiques toutes les sommes et effets qui en auraient été déplacés par ses ordres, à l'exception de ce qui provient de la liste civile.

ARTICLE XII.

Les dettes de la Maison de S. M. l'Empereur Napoléon, telles qu'elles se trouvent au jour de la signature du présent traité, seront immédiatement acquittées sur les arrérages dûs par le trésor public à la liste civile, d'après les états qui seront signés par un commissaire nommé à cet effet.

ARTICLE XIII.

Les obligations du *Monte Napoleone* de Milan envers tous ses créanciers, soit

ляющія его экстраординарный надѣлъ или частную собственность, остаются въ пользу государства.

Изъ фондовъ, помѣщенныхъ Императоромъ Наполеономъ въ государственные займы, или во французскій банкъ, или въ лѣсныя акціи или всякимъ другимъ образомъ и уступаемыхъ Его Величествомъ въ пользу государства, будетъ выдѣленъ капиталъ, не превышающій двухъ милліоновъ и назначаемый для вознагражденія лицъ, по списку, который подпишетъ Императоръ Наполеонъ и который будетъ переданъ французскому правительству.

СТАТЬЯ X.

Всѣ коронные брилліанты остаются въ пользу Франціи.

СТАТЬЯ XI.

Императоръ Наполеонъ возвратитъ въ казну и другія публичныя кассы всѣ суммы и процентныя бумаги, которыя были взяты отсюда по его приказамъ, за исключеніемъ того, что ему слѣдовало по цивильному листу.

СТАТЬЯ XII.

Долги дома Е. В. Императора Наполеона, какіе окажутся ко дню подписанія настоящаго трактата, будутъ немедленно покрыты на счетъ остатковъ, подлежащихъ уплатѣ государственнымъ казначействомъ по цивильному листу, согласно вѣдомостямъ, которыя будутъ подписаны назначеннымъ для сего комиссаромъ.

СТАТЬЯ XIII.

Обязательства *Monte Napoleone* въ Миланѣ ко всѣмъ его кредиторамъ,

français, soit étrangers, seront exactement remplies, sans qu'il soit fait aucun changement à cet égard.

ARTICLE XIV.

On donnera tous les sauf-conduits nécessaires pour le libre voyage de S. M. l'Empereur Napoléon, de l'Impératrice, des Princes et Princesses, et de toutes les personnes de leur suite qui voudront les accompagner ou s'établir hors de France, ainsi que pour le passage de tous les équipages, chevaux et effets qui leur appartiennent.

Les Puissances alliées donneront en conséquence des officiers et quelques hommes d'escorte.

ARTICLE XV.

La garde Impériale française fournira un détachement de douze à quinze cents hommes de toute arme, pour servir d'escorte jusqu'à St.-Tropez, lieu de l'embarquement.

ARTICLE XVI.

Il sera fourni une corvette armée, et les bâtiments de transport nécessaires pour conduire, au lieu de sa destination, S. M. l'Empereur Napoléon, ainsi que sa maison. La corvette demeurera en toute propriété à Sa Majesté.

ARTICLE XVII.

S. M. l'Empereur Napoléon pourra emmener avec lui, et conserver pour sa garde, 400 hommes de bonne volonté, tant officiers que sous-officiers et soldats.

какъ французскимъ, такъ и иностраннымъ, будутъ въ точности выполнены, безъ всякихъ въ этомъ отношеніи перемѣнъ.

СТАТЬЯ XIV.

Для свободнаго проѣзда Е. В. Императора Наполеона, Императрицы, Принцевъ и Принцессъ и всѣхъ лицъ ихъ свиты, которыя пожелаютъ ихъ сопровождать или поселиться внѣ Франціи, равно какъ для провоза всѣхъ принадлежащихъ имъ экипажей, лошадей и имущества, будутъ выданы всѣ нужныя пропускныя свидѣтельства.

Союзныя державы предоставятъ для той же цѣли офицеровъ и извѣстное число людей въ качествѣ эскорта.

СТАТЬЯ XV.

Отъ Императорской гвардіи будетъ снаряженъ отрядъ численностью отъ 1.200 до 1.500 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, который будетъ служить конвоемъ до С-тъ Тропэ, мѣста посадки на суда.

СТАТЬЯ XVI.

Для переѣзда Е. В. Императора Наполеона, равно какъ его дома, въ мѣсто назначенія, будутъ даны вооруженный корветъ и необходимыя транспортныя суда. Корветъ останется въ полной собственности Его Величества.

СТАТЬЯ XVII.

Е. В. Императоръ Наполеонъ можетъ взять съ собою и держать въ качествѣ своей стражи 400 человѣкъ добровольцевъ, какъ офицеровъ, такъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ.

ARTICLE XVIII.

Tous les Français qui auront suivi S. M. l'Empereur Napoléon ou sa famille, seront tenus, s'ils ne veulent perdre leur qualité de français, de rentrer en France dans le terme de trois ans, à moins qu'ils ne soient compris dans les exceptions que le gouvernement français se réserve d'accorder après l'expiration de ce terme.

ARTICLE XIX.

Les troupes polonaises de toute arme qui sont au service de France auront la liberté de retourner chez elles, en conservant armes et bagages, comme un témoignage de leurs services honorables. Les officiers, sous-officiers et soldats conserveront les décorations qui leur ont été accordées, et les pensions affectées à ces décorations.

ARTICLE XX.

Les Hautes puissances alliées garantissent l'exécution de tous les articles du présent traité. Elles s'engagent à obtenir qu'ils soient adoptés et garantis par la France.

ARTICLE XXI.

Le présent traité sera ratifié, et les ratifications en seront échangées à Paris dans le terme de deux jours, ou plutôt si faire se peut.

Fait à Paris, le 30 mars (11 avril) 1814.

(L. S.) Le comte Ch. R. de Nesselrode.
(L. S.) Caulaincourt duc de Vicence.
(L. S.) Maréchal duc de Tarente Macdonald.
(L. S.) Maréchal duc d'Elchingen Ney.

СТАТЬЯ XVIII.

Всѣ Французы, которые послѣдуютъ за Е. В. Императоромъ Наполеономъ или его семействомъ, обязаны, если не желаютъ утратить французскаго подданства, возвратиться во Францію въ трехлѣтній срокъ, кромѣ тѣхъ, въ пользу коихъ французское правительство найдетъ возможнымъ сдѣлать исключеніе по истеченіи означеннаго срока.

СТАТЬЯ XIX.

Польскія войска всѣхъ родовъ оружія, состоящія на французской службѣ, вольны будутъ возвратиться домой, сохранивъ оружіе и обозъ, въ знакъ отличныхъ заслугъ. Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты сохранятъ пожалованные имъ ордена и соединенныя съ ними пенсіонныя права.

СТАТЬЯ XX.

Высокія союзныя державы гарантируютъ исполненіе всѣхъ статей настоящаго трактата. Онѣ обязываются настоять, чтобы эти статьи были приняты и гарантированы Франціею.

СТАТЬЯ XXI.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и размѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Парижѣ въ теченіе двухъ дней, или и ранѣе, если это окажется возможнымъ.

Въ Парижѣ, 30-го марта (11-го апрѣля) 1814 года.

(М. П.) Графъ К. Р. Нессельроде.
(М. П.) Коленкуръ, герцогъ Висанскій.
(М. П.) Маршалъ герцогъ Тарантскій Макдональдъ.
(М. П.) Маршалъ герцогъ Эльхингенскій Ней.

№ 503.

Protocole.

Les plénipotentiaires de S. M. l'Empereur Napoléon et ceux des puissances alliées s'étant réunis aujourd'hui, sont convenus des articles du traité qui fixe les arrangements relatifs à l'Empereur Napoléon et à sa famille.

Lord Castlereagh, ministre de S. M. Britannique, a déclaré que l'Angleterre ne pouvait intervenir comme partie au susdit traité, mais a promis de rapporter l'acte d'accession de sa Cour dans le plus bref délai, en tant que cela concerne la libre possession et paisible jouissance en toute souveraineté de l'isle d'Elbe et des duchés de Parme, Plaisance et Guastalla. Lord Castlereagh a aussi promis de donner les passeports et sûretés nécessaires pour le voyage.

Les plénipotentiaires de S. M. l'Empereur Napoléon ayant insisté pour qu'il soit accordé à S. M. l'Impératrice Marie Louise en toute propriété deux millions de revenu annuel pour elle et ses héritiers, à prélever sur les fonds placés par l'Empereur, soit sur le grand livre, soit sur la Banque de France, soit sur les actions des forêts, soit de toute autre manière et dont Sa Majesté fait l'abandon à la Couronne.

Les plénipotentiaires des Cours alliées ont déclaré que le gouvernement provisoire de France s'étant refusé à prendre sur lui cette détermination, leurs Cours s'engageaient à employer leurs bons of-

№ 503.

Протоколъ.

Уполномоченные Е. В. Императора Наполеона и союзныхъ державъ, собравшись сего числа, пришли къ согласію о статьяхъ трактата, коимъ опредѣляются мѣры, касающіяся Императора Наполеона и его семейства.

Министръ Его Британскаго Величества лордъ Кастльри объявилъ, что Англія не можетъ принять участія въ вышепомянутомъ трактатѣ на правахъ стороны, но обѣщалъ въ кратчайшій срокъ сообщить актъ приступленія своего Двора къ тѣмъ постановленіямъ, которыя относятся къ свободному владѣнію и мирному, на правахъ верховной власти, пользованію островомъ Эльбою и герцогствами Парма, Піаченца и Гвасталла. Лордъ Кастльри равнымъ образомъ обѣщалъ предоставить паспорты и все нужное для охраны переѣзда.

Уполномоченные Е. В. Императора Наполеона настаивали на томъ, чтобы Е. В. Императрицѣ Маріи Луизѣ былъ пожалованъ, въ полную ея и ея наслѣдниковъ собственность, ежегодный доходъ въ два милліона, на счетъ фондовъ, которые были помѣщены Императоромъ или въ государственные займы, или во Французскій банкъ, или въ лѣсныя акціи, или какимъ-либо инымъ образомъ, и которые Его Величество уступаетъ государству.

Уполномоченные союзныхъ Дворовъ объявили, что такъ какъ временное французское правительство отказалось взять на свою отвѣтственность подобное рѣшеніе, то ихъ Дворы обязались

fices auprès du nouveau Souverain de la France, pour que cette dotation soit accordée à S. M. l'Impératrice Marie Louise.

Il a ensuite été convenu avec les plénipotentiaires des puissances alliées que le gouvernement provisoire de France remettrait aux plénipotentiaires de S. M. l'Empereur Napoléon une déclaration contenant leur adhésion et leur garantie pleine et entière aux stipulations du susdit traité, qui concernent la France.

Paris, le 10 avril 1814.

Nesselrode.
Metternich.
Hardenberg.

№ 504.

Le soussigné Ministre et Secrétaire d'Etat au Département des Affaires Etrangères ayant rendu compte au Roi de la demande que Leurs Excellences Messieurs les plénipotentiaires des Cours alliées ont reçu de leurs Souverains l'ordre de faire relativement au Traité du 11 avril auquel le gouvernement provisoire à accédé, il a plu à Sa Majesté de l'autoriser à déclarer, en Son nom, que les clauses de ce traité à la charge de la France seront fidèlement exécutées. Il a, en conséquence, l'honneur de le déclarer par la présente note à Son Excellence Monsieur le comte de Nesselrode, Secrétaire d'Etat et plénipotentiaire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies.

Il prie etc.

Le prince de Bénévent.

Paris, le 30 mai 1814.

сдѣлать дружественныя представленія новому Государю Франціи въ пользу назначенія сказанной дотаціи Е. В. Императрицѣ Маріи Луизѣ.

Засимъ состоялось соглашеніе съ уполномоченными союзныхъ державъ о томъ, что временное французское правительство вручитъ уполномоченнымъ Е. В. Императора Наполеона декларацію о своемъ присоединеніи къ постановленіямъ вышепомянутаго трактата, относящимся къ Франціи, и своей полной и совершенной ихъ гарантіи.

Парижъ, 10-го апрѣля 1814 года.

Нессельроде.
Меттернихъ.
Гарденбергъ.

№ 504.

Нижеподписавшійся Министръ и Статсъ-Секретарь Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, по докладѣ Королю ходатайства, сообщеннаго Ихъ Превосходительствами уполномоченными союзныхъ Дворовъ, во исполненіе повелѣнія своихъ Государей относительно трактата 11-го апрѣля, къ коему временное правительство приступило, получилъ полномочіе Его Величества объявить отъ Его имени, что постановленія сего трактата, возлагающія на Францію обязательства, будутъ въ точности исполнены. Вслѣдствіе сего онъ имѣетъ честь объявить объ этомъ настоящею нотою Его Превосходительству графу Нессельроде, Статсъ-Секретарю и уполномоченному Е. В. Императора Всероссійскаго.

Онъ проситъ и пр.

Князь Беневентскій.

Парижъ, 30-го мая 1814 года.

№ 505.

1814, 11 (23) avril. Convention d'armistice signée à Paris par les plénipotentiaires des puissances alliées, d'une part, et par S. M. R. le lieutenant de la France, de l'autre.

№ 506.

1814, 16 (28) mai. Convention de Paris, concernant le ravitaillement des armées alliées.

Après que Napoléon eût abdiqué au trône de France et que l'île d'Elbe lui fut désignée par les puissances alliées comme lieu de résidence, il fallait l'y transférer. La Russie, l'Autriche, l'Angleterre et la Prusse désignèrent à cet effet des commissaires spéciaux qui eurent la mission d'accompagner Napoléon jusqu'à la côte maritime c. a. d. jusqu'au port de Fréjus, où un navire français devait le recevoir à son bord.

Le comte Schouwalow fut nommé commissaire russe. Ses rapports au comte Nesselrode, au sujet des incidents qui ont signalé le voyage de Napoléon présentent un intérêt incontestable. On peut en conclure jusqu'à quel point les Français différaient dans leurs sentiments pour leur Empereur qui les avait élevés à un apogée de gloire militaire et de puissance politique.

Napoléon lui-même s'énonçait très franchement quant à ses sentiments pour les souverains alliés et le gouvernement français de Louis XVIII. Son indignation contre l'Empereur Alexandre n'avait pas de bornes. Il savait que l'ami et l'allié de Tilsit était l'auteur principal de sa déchéance. Il causait gracieusement avec les commissaires d'Autriche et d'Angleterre, témoignait ouvertement du mépris au commissaire prussien; quant au commissaire russe, il le détestait franchement. Ce n'est que pendant les derniers jours de ce voyage, fait en commun, qu'il changea d'attitude à l'égard du comte Schouwalow.

En ce qui concerne les sentiments de Napoléon pour le gouvernement provisoire français,

№ 505.

1814 г., апрѣля 11-го (23-го). Конвенція о перемиріи, подписанная въ Парижѣ уполномоченными союзныхъ державъ, съ одной стороны, и Е. К. В. намѣстникомъ Франціи, съ другой.

№ 506.

1814 г., мая 16-го (28-го). Парижская конвенція относительно продовольствія союзныхъ армій.

Послѣ отреченія Наполеона отъ французскаго престола и назначенія ему союзными державами острова Эльбы, какъ мѣстопребыванія, нужно было его туда доставить. Россія, Австрія, Англія и Пруссія назначили своихъ особыхъ комиссаровъ, которые должны были сопровождать Наполеона до морского берега, т. е. до порта Фрежюсъ, гдѣ для него приготовленъ былъ французскій корабль.

Русскимъ комиссаромъ былъ гр. Шуваловъ. Его донесенія графу Нессельроде о всѣхъ приключеніяхъ во время путешествія Наполеона представляютъ несомнѣнный интересъ. Изъ нихъ можно заключить, насколько были разнообразны чувства французовъ къ ихъ императору, поставившему ихъ на недосягаемую высоту военной славы и политическаго могущества.

Самъ Наполеонъ, на первыхъ-же порахъ, очень откровенно высказывался относительно своихъ чувствъ къ союзнымъ Государямъ и къ французскому правительству Людовика XVIII. Его возмущеніе противъ Императора Александра было безпредѣльно. Онъ узналъ, что главнымъ виновникомъ его паденія былъ его Тильзитскій другъ и союзникъ. Онъ милостиво разговаривалъ съ австрійскимъ и англійскимъ комиссарами; онъ выказывалъ открыто презрѣніе къ прусскому комиссару; русскаго-же комиссара онъ откровенно ненавидѣлъ. Только въ послѣдніе дни общаго путешествія Наполеонъ измѣнилъ свое поведеніе въ отношеніи гр. Шувалова.

Что же касается чувствъ Наполеона къ временному французскому правительству, то

il avait tout le droit de le mépriser et de le haïr. Le comte Schouwalow trouvait également que la conduite de celui-ci était odieuse.

„J'ai appris“, écrivait le comte Schouwalow au comte Nesselrode, „que non seulement on l'a (Napoléon) privé de sa vaisselle, de son linge, de ses livres, enfin de quantité de choses, mais que même il n'a pas pu avoir des objets que son beau-père lui avait donné, comme du vin de Tokay, ni même des petits souvenirs de l'Impératrice, auxquels il parait tenir beaucoup“. Dans le cours du voyage, on lui a volé pendant la nuit 80.000 frs. (Lettre du comte Schouwalow du 15 (27) avril 1814).

Cette appréciation sévère et équitable de la conduite révoltante du gouvernement français fait d'autant plus d'honneur au comte Schouwalow, que c'était pour lui très pénible de se trouver près de Napoléon et de sentir son animosité à tout instant.

„Je suis très mal, très mal“, écrivait-il le 9 (21) avril, „parcequ'il est furieux contre l'Empereur; c'est de la démence de le montrer“.

Il est curieux que le comte Schouwalow était convaincu que Napoléon n'avait pas encore joué son dernier rôle et qu'il reviendrait infailliblement de l'île d'Elbe.

„Toutes mes reflexions sur ce que je vois“, écrivait-il au comte Nesselrode, „me confirment dans l'opinion que cet homme est bien loin d'avoir renoncé à ses projets; il a un parti en France et en Italie, qui travaillera pour lui, et il s'attend à être demandé par les Français au bout de quelque temps“.

Toutefois des faits nombreux, dont il était témoin semblaient contredire ces convictions du comte Schouwalow. Il était indigné de l'attitude des populations dans les départements du midi, qui se trouvaient sur son chemin. En Provence la populace injuriait Napoléon et demandait sa mort. Révolté de cette conduite, celui-ci ne put s'empêcher de dire au sous-préfet d'Aix: „Mr. le sous-préfet. La Provence s'est déshonorée. Je m'étais livré seul, ne croyant pas avoir besoin d'escorte, et on s'est porté aux plus affreux excés. Du reste, je lui dois la justice, qu'elle ne m'a jamais fournie un bataillon brave. Le Gascon est bavard, mais courageux; le Provençal est bavard et lâche!“

онъ имѣлъ всѣ права презирать и ненавидѣть его. Гр. Шуваловъ также находилъ поведеніе послѣдняго въ отношеніи Наполеона вполнѣ отвратительнымъ.

„Я узналъ“, писалъ гр. Шуваловъ графу Нессельроде, „что у него (Наполеона) не только отняли его посуду, бѣлье, книги, словомъ многія вещи, но что ему даже не оставили вещей, данныхъ ему его тестемъ, какъ напримѣръ токайское вино, и даже отняли маленькія бездѣлушки, напоминавшія ему Императрицу и которыми онъ очень дорожилъ“. Во время пути, ночью, у него еще украли 80.000 франковъ. (Письмо гр. Шувалова отъ 15-го (27-го) апрѣля 1814 г.).

Строгая и справедливая оцѣнка со стороны гр. Шувалова возмутительнаго образа дѣйствія французскаго правительства дѣлаетъ тѣмъ болѣе честь графу, что ему чрезвычайно тяжело было находиться при Наполеонѣ и чувствовать его ненависть къ нему на каждомъ шагу.

„Я чувствую себя очень плохо, очень скверно“, писалъ онъ 9-го (21-го) апрѣля, „потому что онъ взбѣшенъ противъ Государя. Безуміе это показывать“.

Любопытно, что гр. Шуваловъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Наполеонъ еще не сыгралъ своей роли и непремѣнно вернется съ острова Эльбы.

„Всѣ мои размышленія о томъ, что я вижу“, писалъ онъ графу Нессельроде, „утверждаютъ меня въ мнѣніи, что этотъ человѣкъ далекъ отъ мысли отказаться отъ своихъ проектовъ. У него есть партія во Франціи и въ Италіи, которая будетъ для него работать, и онъ увѣренъ, что по истеченіи нѣкотораго времени французы пожелаютъ имѣть его обратно“.

Однако такому убѣжденію графа Шувалова явно противорѣчили многіе факты, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Онъ глубоко былъ возмущенъ поведеніемъ народонаселенія въ южныхъ департаментахъ Франціи, чрезъ которые лежалъ его путь. Въ Провансѣ чернь оскорбляла Наполеона и требовала его смерти. Послѣдній не могъ не возмутиться такимъ поведеніемъ и сказалъ су-префекту въ Эксѣ: „Г. су-префектъ! Провансъ себя обезчестилъ. Я одинъ пришелъ къ вамъ, считая военный конвой излишнимъ, и я былъ свидѣтелемъ самыхъ отвратительныхъ безчинствъ. Впрочемъ, я долженъ отдать справедливость вашей провинціи въ томъ, что она никогда не поставила мнѣ ни одного храбраго батальона.

Les détails que le comte Schouwalow communiquait au sujet des débordements de la populace française sur la route de Lyon à la côte maritime excitaient en lui tantôt de la répulsion, tantôt de l'hilarité. Hommes, femmes et enfants entouraient la voiture dans laquelle se trouvait Napoléon et criaient à tue-tête: „A bas le tyran! A bas Nicolas!“ Cette dernière exclamation s'explique par le fait qu'un journal français avait annoncé que le véritable nom de Napoléon était Nicolas et c'est pourquoi la foule criait: à bas Nicolas!

„Une populace“, écrivait le comte Schouwalow, „ivre de haîne, et quelques uns de vin, hommes, femmes, enfants, vieillards, hurlant comme des cannibales et grimpant sur la voiture, où était Napoléon avec le comte Bertrand. — „Ouvrez les portières, tirons le de là, qu'il soit pendu!“ criaient-ils“.

Le comte Schouwalow dut avec ses collégues disperser cette foule à coup de poing. Il était convaincu que si les portes de la voiture n'avaient pas été fermées à clef, ces monstres en eussent tiré Napoléon pour le pendre sur les lieux.

Enfin Napoléon arriva sans accident à Fréjus, où l'attendait une frégatte française pour le conduire à l'île d'Elbe. Il refusa d'y monter à bord et demanda la permission de profiter d'une frégatte anglaise, amarrée dans ce port — cette permission lui fut accordée.

Immédiatement avant son départ, Napoléon invita à diner les quatre commissaires des alliés. A ce diner il fut très aimable avec le comte Schouwalow, qu'il plaça à sa droite. Il était causant et développa entre'autres cette pensée, que les puissances alliées en exigeant de lui la cession du port d'Anvers rendirent impossible la signature de la paix. Sans la possession d'Anvers la France ne saurait avoir de flotte militaire, fortement organisée qui pût résister à l'Angleterre. Il comprenait parfaitement les avantages que cette place pouvait offrir en cas de guerre avec la Grande-Bretagne.

En développant ces pensées avec beaucoup d'entrain pendant ce dernier dîner avant le départ pour l'île d'Elbe, Napoléon se pencha vers le comte Schouwalow et lui souffla à l'oreille:

Гасконецъ—болтунъ, но храбрецъ; Провансалъ—болтунъ и трусъ!“

Подробности, которыя гр. Шуваловъ сообщилъ о неистовствахъ французской черни на пути отъ Ліона до морского берега, вызывали въ немъ то чувство отвращенія, то неудержимый смѣхъ. Мужчины, женщины и дѣти окружали карету, въ которой сидѣлъ Наполеонъ, и неистово кричали: „Долой тиранна! Долой Николая!“ Послѣдній возгласъ объясняется тѣмъ фактомъ, что въ одной французской газетѣ было сказано, что настоящее имя Наполеона—Николай! Вотъ почему толпа кричала: „A bas Nicolas!“

„Эта чернь“, писалъ гр. Шуваловъ, „опьянѣвшая отъ ненависти, а нѣкоторые отъ вина, мужчины, женщины, дѣти и старики орали, какъ канибалы, и лѣзли на карету, въ которой находился Наполеонъ съ графомъ Бертраномъ. „Отворяйте дверцы, вытащимъ его оттуда, повѣсимъ его!“ кричали они“.

Графъ Шуваловъ съ другими товарищами должны были кулаками отгонять эту толпу. Онъ былъ увѣренъ, что еслибъ дверцы кареты не были заперты на ключъ, то эти люди-звѣри вытащили бы Наполеона изъ кареты и на мѣстѣ же его повѣсили.

Наконецъ Наполеонъ благополучно прибылъ въ Фрежюсъ, гдѣ ожидалъ его французскій фрегатъ, чтобы отвезти на островъ Эльбу. Но Наполеонъ отказался сѣсть на этотъ фрегатъ и просилъ позволенія поѣхать на стоявшемъ въ портѣ англійскомъ фрегатѣ—что ему было разрѣшено.

Передъ самымъ отъѣздомъ Наполеонъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ четырехъ союзныхъ комиссаровъ. За этимъ обѣдомъ онъ былъ чрезвычайно милостивъ съ графомъ Шуваловымъ и посадилъ его по правой сторонѣ отъ себя. Онъ былъ весьма разговорчивъ и развивалъ, между прочимъ, ту мысль, что союзныя державы, требуя отъ него отказа отъ владѣнія Антверпеномъ, сдѣлали подписаніе мира съ нимъ невозможнымъ. Безъ владѣнія Антверпеномъ, доказывалъ Наполеонъ, Франція не въ состояніи имѣть хорошій военный флотъ, который былъ бы способенъ давать отпоръ англійскому флоту. Онъ превосходно понималъ огромнѣйшее преимущество Антверпенскаго порта во время войны съ Англіей.

Развивая эти мысли съ большимъ увлеченіемъ въ продолженіе послѣдняго обѣда до отъѣзда на островъ Эльбу, Наполеонъ вдругъ наклонился къ графу Шувалову и шепнулъ ему

„Je ne pouvais pas céder Anvers, et c'est à cause d'Anvers que je perds la couronne."

Après ce dîner intéressant, Napoléon prit congé des quatre commissaires des puissances alliées et monta à bord de la frégatte anglaise pour se rendre au lieu de son exil.

Les puissances poursuivirent en attendant l'œuvre de la dissolution de son empire et de la pacification de la France. Le chef de la dynastie des Bourbons fut reconnu lieutenant de la France jusqu'à son élévation au trône restauré des Rois de France sous le nom de Louis XVIII. C'est avec lui que furent conclus les deux actes ci-dessous, concernant l'armistice et le ravitaillement des armées alliées, qui occupaient Paris et les départements du Nord-Est. Ces actes servirent à préparer la conclusion de la paix définitive à Paris.

на ухо: „Я не могъ уступить Антверпенъ и вотъ изъ-за Антверпена я потерялъ корону".

Послѣ этого интереснаго обѣда Наполеонъ простился съ четырьмя комиссарами союзныхъ державъ и сѣлъ на англійскій фрегатъ, чтобы отправиться на свой островъ, въ заточеніе.

Между тѣмъ союзныя державы продолжали свое дѣло разрушенія имперіи Наполеона и усмиренія Франціи. Глава Бурбонской династіи былъ признанъ намѣстникомъ Франціи до своего воцаренія на возстановленномъ престолѣ французскихъ королей, въ качествѣ Людовика XVIII, и съ нимъ были заключены два нижеслѣдующіе акта перемирія и относительно содержанія союзныхъ войскъ, занимавшихъ Парижъ и сѣверо-восточные департаменты. Эти акты служили подготовленіемъ для заключенія окончательнаго мира въ Парижѣ.

№ 505.

Au Nom de la très sainte et indivisible Trinité.

Les Puissances alliées réunies dans l'intention de mettre un terme aux malheurs de l'Europe et de fonder son repos sur une juste répartition de forces entre les Etats qui la composent; voulant donner à la France, revenue à un gouvernement dont les principes offrent les garanties nécessaires pour le maintien de la paix, des preuves de leur désir de se placer avec elle dans des relations d'amitié; voulant aussi faire jouir la France, autant que possible, d'avance des bienfaits de la paix, même avant que toutes les dispositions en aient été arrêtées, ont résolu de procéder conjointement avec S. A. R. Monsieur, Fils de France, Frère du Roi, lieutenant général du royaume de France, à une suspension d'hostilités entre les forces respectives et au rétablissement d'anciens rapports d'amitié entr'elles.

№ 505.

Во имя Пресвятой и нераздѣлимой Троицы.

Союзныя державы, соединившіяся съ цѣлью положить конецъ бѣдствіямъ Европы и основать ея спокойствіе на соразмѣрномъ распредѣленіи силъ между государствами, входящими въ ея составъ; желая дать Франціи, возвратившейся къ правленію, представляющему въ своихъ началахъ необходимыя ручательства сохраненія мира, доказательства ихъ готовности находиться съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ; желая также предоставить Франціи, насколько возможно ранѣе, пользованіе благодѣяніями мира, даже до постановленія всѣхъ по этому предмету положеній, рѣшили приступить сообща съ Его Королевскимъ Высочествомъ Господиномъ, Сыномъ Франціи, Братомъ Короля, Намѣстникомъ Французскаго королевства, къ пріостановкѣ враждебныхъ дѣйствій между ихъ обоюдными войсками и къ

S. M. l'Empereur de toutes les Russies pour lui et ses alliés d'une part, et S. A. R. Monsieur, Frère du Roi, lieutenant général du royaume de France, d'autre part, ont nommé en conséquence des plénipotentiaires pour convenir d'un acte, lequel, sans préjuger les dispositions de la paix, renferme les stipulations d'une suspension d'hostilités, et qui sera suivi, le plutôt que faire se pourra, d'un traité de paix, savoir:

возстановленію между Ними прежнихъ дружественныхъ отношеній.

Вслѣдствіе сего Е. В. Императоръ Всероссійскій за себя и своихъ союзниковъ, съ одной стороны, и Е. К. В. Господинъ, Братъ Короля, Намѣстникъ Французскаго королевства, съ другой, назначили уполномоченныхъ къ заключенію акта, который, не предосуждая постановленій о мирѣ, содержалъ бы въ себѣ условія пріостановки непріятельскихъ дѣйствій, и за которымъ въ возможно скорѣйшемъ времени послѣдуетъ мирный трактатъ, а именно:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies
le sieur Charles Robert comte de Nesselrode, conseiller privé, secrétaire d'Etat, chambellan actuel, chevalier des ordres de St. Alexandre-Newsky etc.

Е. В. Императоръ Всероссійскій
Графа Карла Роберта Нессельроде, тайнаго совѣтника, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго камергера, кавалера орденовъ Св. Александра Невскаго и др.

Et S. A. R. Monsieur, Frère du Roi, lieutenant général du royaume de France,
le sieur Charles Maurice de Talleyrand Périgord, prince de Bénévent, grand-aigle de la Légion d'honneur, chevalier des ordres de St. André etc., sénateur, président du gouvernement provisoire.

и Е. К. В. Господинъ, Братъ Короля, Намѣстникъ Французскаго королевства
Карла Макрикія Талейранъ Перигора, князя Беневентскаго, кавалера орденовъ Почетнаго Легіона большого креста, Св. Андрея и др.,

Lesquels, après l'échange de leurs pleinspouvoirs, sont convenus des articles suivants:

кои, по размѣнѣ своихъ полномочій, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ:

Article I.

Toutes hostilités sur terre et sur mer sont et demeurent suspendues entre les Puissances alliées et la France, savoir: pour les armées de terre aussitôt que les généraux commandants les armées françaises et places fortes auront fait connaitre aux généraux commandants les troupes alliées qui leur sont

Статья I.

Всѣ враждебныя дѣйствія на сушѣ и морѣ пріостанавливаются между союзными державами и Франціею, а именно: для сухопутныхъ войскъ — какъ только генералы, командующіе французскими арміями и крѣпостями, извѣстятъ командующихъ генераловъ союзныхъ войскъ, имъ противостоя-

opposées, qu'ils ont reconnu l'autorité du lieutenant général du royaume de France; et, tant sur mer qu'à l'égard des places et stations maritimes, aussitôt que les flottes et ports du royaume de France, ou occupés par les troupes françaises, auront fait la même soumission.

щихъ, о томъ, что они признаютъ власть Намѣстника Французскаго королевства, а по отношенію къ морю и морскимъ крѣпостямъ и станціямъ, какъ только флоты и порты Французскаго королевства, или занятые французскими войсками, заявятъ о такомъ же своемъ подчиненіи.

Article II.

Pour constater le rétablissement des rapports d'amitié entre les Puissances alliées et la France, et pour la faire jouir, autant que possible d'avance, des avantages de la paix, les Puissances alliées feront évacuer par leurs armées le territoire français tel qu'il se trouvait le 1 janvier 1792, à mesure que les places occupées encore hors de ces limites par les armées françaises, seront évacuées et remises aux Alliés.

Статья II.

Въ доказательство возстановленія дружественныхъ отношеній между союзными державами и Франціею и дабы предоставить оной, насколько возможно раньше, пользованіе выгодами мира, союзныя державы предпишутъ очистить отъ своихъ армій французскую территорію на томъ пространствѣ, которое она занимала 1 января 1792 года, по мѣрѣ того какъ укрѣпленныя мѣста, занятыя еще внѣ этихъ границъ французскими арміями, будутъ очищаемы и сдаваемы союзникамъ.

Article III.

Le lieutenant général du royaume de France donnera, en conséquence, aux commandants de ces places l'ordre de les remettre dans les termes suivants, savoir: les places situées sur le Rhin non comprises dans les limites de la France du 1 janvier 1792 et celles entre le Rhin et les mêmes limites, dans l'espace de dix jours, à dater de la signature du présent acte; les places de Piémont et dans les autres parties de l'Italie qui appartenaient à la France, dans celui de quinze jours; celles de l'Espagne, dans celui de vingt jours, et toutes les autres places sans exception, qui se trouvent occupées par les troupes françaises, de manière à ce que la remise

Статья III.

Согласно сему Намѣстникъ Французскаго королевства дастъ приказъ командующимъ сими укрѣпленными мѣстами сдать ихъ въ слѣдующіе сроки: укрѣпленія, лежащія на Рейнѣ за границами Франціи 1 января 1792 г., и тѣ, которыя находятся между Рейномъ и этими границами, въ теченіе десяти дней отъ подписанія настоящаго акта; укрѣпленія Пьемонта и въ другихъ частяхъ Италіи, принадлежавшихъ Франціи, въ теченіе пятнадцати дней; укрѣпленія Испаніи въ теченіе двадцати дней, а всѣ безъ исключенія другія укрѣпленія, занимаемыя французскими войсками, въ такой срокъ, чтобы окончательная ихъ передача

totale puisse être effectuée jusqu'au 1 juin prochain.

Les garnisons de ces places sortiront avec armes et bagages, et les propriétés particulières des militaires et employés de tout grade. Elles pourront emmener l'artillerie de campagne dans la proportion de trois pièces par chaque millier d'hommes, les malades et blessés y compris.

La dotation des forteresses et tout ce qui n'est pas la propriété particulière, demeurera et sera remis en entier aux alliés, sans qu'il puisse en être distrait aucun objet. Dans la dotation sont compris non seulement les dépôts d'artillerie et de munitions, mais encore toutes autres provisions de tout genre, ainsi que les archives, inventaires, plans, cartes, modèles etc.

D'abord après la signature de la présente convention, des commissaires des Puissances alliées et français, seront nommés et envoyés dans les forteresses pour constater l'état où elles se trouvent, et pour régler en commun l'exécution de cet article.

Les garnisons seront dirigées par étapes sur les différentes lignes dont on conviendra pour leur rentrée en France.

Le blocus des places fortes en France sera levé sur le champ, par les armées alliées.

Les troupes françaises, faisant partie de l'armée d'Italie, ou occupant les places fortes dans ce pays ou dans la Méditerrannée, seront rappelées sur le champ par S. A. R. le lieutenant général du royaume.

могла состояться до 1-го іюня сего года.

Гарнизоны сихъ укрѣпленій выступятъ съ оружіемъ и обозами и съ частною собственностью, принадлежащею военнымъ и гражданскимъ чинамъ всѣхъ степеней. Имъ предоставляется взять съ собою полевую артиллерію въ количествѣ трехъ орудій на каждую тысячу человѣкъ, считая въ томъ числѣ больныхъ и раненыхъ.

Снаряженіе крѣпостей и все то, что не составляетъ частной собственности, останется на мѣстѣ и будетъ полностью сдано союзникамъ, ничего не удерживая. Въ снаряженіе включаются не только склады артиллеріи и военныхъ запасовъ, но и всякаго рода другіе припасы, равно какъ архивы, инвентари, планы, карты, модели и т. п.

По подписаніи настоящей конвенціи первымъ дѣломъ будутъ назначены союзными державами и Франціей комиссары, которые будутъ посланы въ крѣпости для освидѣтельствованія состоянія, въ какомъ онѣ находятся, и для улаженія сообща исполненія настоящей статьи.

Гарнизоны будутъ направлены для возвращенія во Францію этапами по различнымъ линіямъ, о коихъ послѣдуетъ соглашеніе.

Осада укрѣпленныхъ мѣстъ во Франціи будетъ снята союзными арміями немедленно.

Французскія войска, входящія въ составъ Итальянской арміи или занимающія укрѣпленія въ Италіи или на Средиземномъ морѣ, будутъ немедленно отозваны Е. К. В. Намѣстникомъ королевства.

ARTICLE IV.

Les stipulations de l'article précédent seront appliquées également aux places maritimes, les Puissances contractantes se réservant toutefois de régler dans le traité de paix définitive le sort des arsenaux, vaisseaux de guerre armés et non-armés qui se trouvent dans ces places.

ARTICLE V.

Les flottes et les bâtiments de la France demeureront dans leur situation respective, sauf la sortie des bâtiments chargés de missions; mais l'effet immédiat du présent acte à l'égard des ports français sera la levée de tout blocus par terre ou par mer, la liberté de la pêche, celle du cabotage, particulièrement de celui qui est nécessaire pour l'approvisionnement de Paris, et le rétablissement des relations de commerce, conformément aux règlements intérieurs de chaque pays, et cet effet immédiat, à l'égard de l'intérieur, sera le libre approvisionnement des villes et le libre transit des transports militaires ou commerciaux.

ARTICLE VI.

Pour prévenir tous les sujets de plaintes et de contestations qui pourraient naître à l'occasion des prises qui seraient faites en mer, après la signature de la présente convention, il est réciproquement convenu, que les vaisseaux et effets qui pourraient être pris dans la Manche et dans les mers du Nord, après l'espace de douze jours, à compter

СТАТЬЯ IV.

Постановленія предыдущей статьи будутъ примѣнены равнымъ образомъ и къ морскимъ укрѣпленіямъ, но договаривающіяся державы сохраняютъ за собою право опредѣлить въ окончательномъ мирномъ трактатѣ судьбу арсеналовъ и военныхъ вооруженныхъ и невооруженныхъ кораблей, которые находятся въ сихъ укрѣпленіяхъ.

СТАТЬЯ V.

Флоты и суда французскіе останутся въ прежнемъ своемъ положеніи, за исключеніемъ выхода судовъ съ порученіями; но немедленнымъ послѣдствіемъ настоящаго акта по отношенію къ французскимъ портамъ будетъ снятіе всякой блокады съ суши и съ моря; свобода рыболовства; свобода каботажа, въ особенности того, который необходимъ для продовольствія Парижа, и возстановленіе коммерческихъ сношеній на основаніи внутреннихъ уставовъ каждой страны; а непосредственнымъ результатомъ по отношенію къ внутреннимъ областямъ будетъ свободное снабженіе продовольствіемъ городовъ и свободная перевозка военныхъ и коммерческихъ грузовъ.

СТАТЬЯ VI.

Для предупрежденія всякихъ поводовъ къ жалобамъ и спорамъ, которые могли бы возникнуть по случаю призовъ, учиненныхъ на морѣ послѣ подписанія настоящей конвенціи, взаимно условлено, чтобы корабли и грузы, захваченные въ Ламаншѣ и въ сѣверныхъ моряхъ по прошествіи двѣнадцати дней послѣ размѣна ратификацій

de l'échange des ratifications du présent acte, seront, de part et d'autre, restitués; que le terme sera d'un mois, depuis la Manche et les mers du Nord jusqu'aux îsles Canaries... jusqu'à l'équateur, et enfin de cinq mois dans toutes les autres parties du monde, sans aucune exception, ni autre distinction plus particulière de temps et de lieu.

настоящаго акта, обоюдно были возвращены; чтобы этотъ срокъ былъ мѣсячный на пространствѣ отъ Ламанша и сѣверныхъ морей до Канарскихъ острововъ... до экватора и, наконецъ, пятимѣсячный для всѣхъ другихъ частей свѣта, безъ всякихъ исключеній или какихъ либо иныхъ особенныхъ отличій въ отношеніи времени и мѣста.

Article VII.

De part et d'autre les prisonniers, officiers et soldats de terre et de mer, ou de quelque nature que ce soit, et particulièrement les ôtages, seront immédiatement renvoyés dans leurs pays respectifs, sans rançon et sans échange. Des commissaires seront nommés réciproquement pour procéder à cette libération générale.

Статья VII.

Обоюдные плѣнные, офицеры и солдаты, сухопутные и морскіе и всякаго другого рода и въ особенности заложники будутъ немедленно отправлены въ свои земли безъ выкупа и безъ размѣна. Для производства этого общаго освобожденія будутъ обоюдно назначены комиссары.

Article VIII.

Il sera fait remise par les co-belligérants immédiatement après la signature du présent acte, de l'administration des départements ou villes actuellement occupées par leurs forces, aux magistrats nommés par S. A. R. le lieutenant général du royaume de France. Les autorités royales pourvoiront aux subsistances et aux besoins des troupes jusqu'au moment où elles auront évacué le territoire français, les Puissances alliées voulant, par un effet de leur amitié pour la France, faire cesser les réquisitions militaires aussitôt que la remise au pouvoir légitime aura été effectuée. Tout ce qui tient à l'exécution de cet article, sera réglé par une convention particulière.

Статья VIII.

Немедленно по подписаніи настоящаго акта послѣдуетъ со стороны воюющихъ союзниковъ передача управленія въ департаментахъ или городахъ, нынѣ занятыхъ ихъ войсками, чинамъ, назначеннымъ Е. К. В. Намѣстникомъ Французскаго королевства. Королевскія власти озаботятся продовольствіемъ и потребностями войскъ до выхода ихъ съ французской территоріи, ибо, съ своей стороны, союзныя державы, изъ дружбы къ Франціи, желаютъ прекратить военныя реквизиціи тотчасъ по воспослѣдованіи передачи управленія въ руки законной власти. Все относящееся до исполненія сей статьи будетъ опредѣлено особенною конвенціей.

ARTICLE IX.

On s'entendra respectivement aux termes de l'article deuxième, sur les routes, que les troupes des Puissances alliées suivront dans leur marche, pour y préparer les moyens de subsistance, et des commissaires seront nommés pour régler toutes les dispositions de détail, et accompagner les troupes jusqu'au moment où elles quitteront le territoire français.

En foi de quoi etc.

Fait à Paris, le 11 (23) avril, l'an de grâce 1814.

(L. S.) Le comte de Nesselrode.
(L. S.) Le prince de Bénévent.

Approuvé et ratifié:

Charles Philippe. (L. S.)

Article secret.

Les places fortes, qui doivent être évacuées par la France, étant débloquées aussitôt après la signature de la présente convention, toutes réquisitions de la part des commandants de ces places auront à cesser.

Les propriétés publiques et particulières des dites places seront conservées intactes; celles qui auraient été distraites et qui existent encore en tout ou en partie seront restituées.

Cette dernière stipulation est particulièrement applicable à la banque de Hambourg.

Le gouvernement français s'offre de donner les ordres nécessaires pour l'exécution de cet article.

Le présent article secret aura la même

СТАТЬЯ IX.

Стороны взаимно условятся, согласно второй статьѣ, о путяхъ, которыми направятся войска союзныхъ державъ въ ихъ походѣ, на предметъ заготовленія на оныхъ средствъ продовольствія, и будутъ назначены комиссары для опредѣленія въ подробностяхъ всѣхъ распоряженій и сопровожденія войскъ до выхода изъ предѣловъ французской территоріи.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Парижѣ, 11-го (23-го) апрѣля 1814-го года.

(М. П.) Графъ Нессельроде.
(М. П.) Князь Беневентскій.

Одобрено и ратификовано:

Карлъ Филиппъ (М. П.).

Статья секретная

Такъ какъ укрѣпленныя мѣста, подлежащія очищенію со стороны Франціи, немедленно по подписаніи настоящей конвенціи освобождаются отъ осады, то всѣ реквизиціи командующихъ сими укрѣпленіями должны быть прекращены.

Собственность публичная и частная сказанныхъ укрѣпленій будетъ сохранена въ неприкосновенности; та, которая отнята, но въ цѣломъ или части еще существуетъ, будетъ отдана обратно.

Это послѣднее постановленіе въ особенности относится къ Гамбургскому банку.

Французское правительство обязуется сдѣлать необходимыя распоряженія къ исполненію этой статьи.

Настоящая секретная статья будетъ

force et valeur comme s'il était textuellement inséré à la convention de ce jour.

En foi de quoi etc.

Fait à Paris, le 11 (23) avril, l'an de grâce 1814.

(L. S.) Le comte de Nesselrode.
(L. S.) Le prince de Bénévent.

Approuvé et ratifié:

Charles Philippe,

par Monsieur:

Le baron de Vitrolles. (L. S.)

Article additionnel.

Le terme de dix jours admis en vertu des stipulations de l'article troisième de la convention de ce jour pour l'évacuation des places sur le Rhin, et entre ce fleuve et les anciennes frontières de la France, est étendu aux places, forts et établissements militaires, de quelque nature qu'ils soient, dans les Provinces-Unies des Pays-Bas.

Le présent article additionnel aura la même force et valeur etc.

En foi de quoi etc.

Fait à Paris, le 11 (23) avril, l'an de grâce 1814.

(L. S.) Le comte de Nesselrode.
(L. S.) Le prince de Bénévent.

Approuvé et ratifié:

Charles Philippe,

par Monsieur:

Le baron de Vitrolles.

имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ она буквально была включена въ конвенцію, подписанную сего числа.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Парижѣ, 11-го (23-го) апрѣля 1814-го года.

(М. П.) Графъ Нессельроде.
(М. П.) Князь Беневентскій.

Одобрено и ратификовано:

(Подписалъ) Карлъ Филиппъ.

(Скрѣпилъ) Бар. де-Витролль. (М. П).

Дополнительная статья.

Десятидневный срокъ, установленный на основаніи постановленій статьи третьей конвенціи сего числа, для очищенія укрѣпленій на Рейнѣ и между этою рѣкою и старыми границами Франціи, распространяется на укрѣпленныя мѣста и военныя учрежденія всякаго рода въ Соединенныхъ Нидерландскихъ провинціяхъ.

Настоящая дополнительная статья будетъ имѣть ту же силу и дѣйствіе и пр.

Въ увѣреніе чего и т. д.

Въ Парижѣ, 11-го (23-го) апрѣля 1814-го года.

(М. П.) Графъ Нессельроде.
(М. П.) Князь Беневентскій.

Одобрено и ратификовано:

(Подписалъ) Карлъ Филиппъ.

(Скрѣпилъ) Баронъ де-Витролль.

№ 506.

Les hautes Puissances alliées: S. M. L'Empereur de toutes les Russies, S. M. L'Empereur d'Autriche, et S. M. le Roi de Prusse, d'une part, et S. M. le Roi de France et Navarre, d'autre part.

Voulant terminer tout ce qui tient à l'exécution de l'article VIII du traité d'armistice du 23 avril dernier ont nommé respectivement des commissaires, savoir:

Pour les hautes Puissances alliées:

M. le baron de Bulow, Ministre d'Etat et des finances de Prusse, chevalier, chargé des pleinspouvoirs des trois Souverains alliés, assisté de

M. de Cancrin, général-major, Intendant général de l'armée russe, chevalier, etc.

M. le chevalier de Barbier, conseiller d'Etat intime de S. M. L'Empereur d'Autriche, Vice-président de la chambre des finances et chevalier.

M. le baron de Prochaska, lieutenant-général, Intendant général de l'armée autrichienne, chevalier.

M. le comte de Lothum, général-major, conseiller intime d'Etat, Intendant-général de l'armée prussienne, chevalier.

Et pour S. M. le Roi de France,

M. le comte Dulauloy, lieutenant-général, conseiller d'Etat et chevalier.

M. le comte Doumers, lieutenant-général et commandeur de la Légion d'honneur.

M. le comte Charpentier, lieutenant-général et chevalier.

№ 506.

Высокія союзныя Державы: Е. В. Императоръ Всероссійскій, Е. В. Императоръ Австрійскій и Е. В. Король Прусскій, съ одной стороны, и Е. В. Король Французскій и Наварскій, съ другой,

желая привести къ окончанію все, касающееся исполненія статьи VIII трактата о перемиріи отъ 23 прошлаго апрѣля, назначили своими комиссарами, а именно:

Высокія союзныя Державы:

Барона Бюлова, Прусскаго министра государственнаго и финансовъ, кавалера, снабженнаго полномочіями трехъ союзныхъ Государей, и въ качествѣ его помощника

Канкрина, генералъ-майора, главнаго интенданта русской арміи, кавалера и пр.;

Кавалера де Барбіе, тайнаго государственнаго совѣтника Е. В. Императора Австрійскаго, вице-президента финансовой палаты и кавалера;

Барона Прошаска, генералъ-лейтенанта, главнаго интенданта австрійской арміи, кавалера;

Графа Лотемъ, генералъ-майора, тайнаго государственнаго совѣтника, главнаго интенданта прусской арміи, кавалера;

и Е. В. Французскій Король:

Графа Дюлолуа, генералъ-лейтенанта, государственнаго совѣтника и кавалера;

Графа Думеръ, генералъ-лейтенанта и командора ордена Почетнаго Легіона;

Графа Шарпантье, генералъ-лейтенанта и кавалера;

M. le comte Charles de la Grange, lieutenant-général et chevalier.

M. le comte Michaux, lieutenant général et chevalier.

M. le baron Marchant, maître des requêtes au Conseil d'Etat, Intendant général de l'armée et chevalier.

Et M. le chevalier Sartelon, commissaire ordonnateur et chevalier.

Lesquels, après avoir échangé leurs pleinspouvoirs sont convenus de ce qui suit.

ARTICLE I.

Les réquisitions de vivres et boissons venant à cesser, le gouvernement français se charge de faire fournir avec la plus stricte régularité, les subsistances nécessaires à toutes les troupes, sans exeption dans toutes les villes et autres endroits où elles se trouvent logées ou cantonnées, ainsi que pendant les marches et les jours de repos. Ces fournitures de subsistances pour les troupes seront faites, ou par étapes de la part des habitans du pays, ou au moyen de magasins à établir dans les lieux d'étapes qui devront être désignés.

Dans le premier cas, ces fournitures seront réglées entre les commissaires que le gouvernement français nommera et les intendances générales de chaque puissance, et dans le second cas, le tarif ci-annexé, servira de base pour les distributions de subsistanes à faire aux troupes.

Les fourrages et la paille nécessaires pour les chevaux de trait et de cavalerie, seront fournis de la même manière, d'après ce tarif.

Dans tous les endroits qui ont souf-

Графа Карла де ля Гранжъ, генералъ-лейтенанта и кавалера;

Графа Мишо, генералъ-лейтенанта и кавалера;

Барона Маршанъ, рекетмейстера Государственнаго Совѣта, главнаго интенданта арміи и кавалера,

и кавалера Сартелонъ, комиссара-казначея и кавалера,

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, согласились о нижеслѣдующемъ.

СТАТЬЯ I.

Въ виду послѣдовавшей отмѣны реквизицій жизненныхъ припасовъ и напитковъ, французское правительство принимаетъ на себя обязанность поставлять, съ строжайшею правильностью, необходимые продукты всѣмъ войскамъ, безъ исключенія, во всѣхъ городахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ они квартируютъ или стоятъ на бивакахъ, равно и во время походовъ и на дневкахъ. Таковыя поставки войскамъ припасовъ будутъ производиться или по этапамъ, отъ мѣстныхъ обывателей, или изъ магазиновъ, которые имѣютъ быть устроены въ заранѣе назначенныхъ мѣстахъ этаповъ.

Въ первомъ случаѣ порядокъ поставокъ будетъ опредѣленъ по соглашенію между комиссарами, назначенными отъ французскаго правительства, и главными интендантствами каждой державы, а во второмъ—основаніемъ для производства выдачъ войскамъ припасовъ будетъ служить тарифъ, при семъ прилагаемый.

Необходимый для обозныхъ лошадей и кавалеріи фуражъ и солома будутъ поставляться тѣмъ же способомъ, по сему тарифу.

Во всѣхъ мѣстахъ, пострадавшихъ

fert par les fréquents passages, ou par le séjour des troupes, le gouvernement français fera fournir, non seulement la paille nécessaire pour les chevaux, mais aussi une quantité suffisante pour le couchage des troupes.

отъ частыхъ проходовъ или пребыванія войскъ, французское правительство озаботится о поставкѣ нужной соломы не только для лошадей, но и въ достаточномъ количествѣ для ночевокъ войскъ.

ARTICLE II.

Il sera remis, de la part de chaque puissance aux commissaires du gouvernement français, des tableaux qui désigneront les jours de marche et de repos de chaque corps de troupes, ainsi que le nombre d'hommes et de chevaux, d'après lequel les magasins d'étapes devront être établis et suffisamment fournis de subsistances, de fourrages et de paille, afin que ces troupes puissent être pourvues de tout ce qu'elles peuvent exiger d'après les tarifs et les réglemens.

Il sera aussi fourni dans chaque lieu d'étapes un nombre suffisant de voitures pour le transport des effets militaires, ainsi que des soldats fatigués ou malades.

СТАТЬЯ II.

Отъ каждой державы будутъ даны комиссарамъ французскаго правительства росписанія дней похода и остановокъ каждаго отряда войскъ, а также числа людей и лошадей, согласно съ коимъ должны быть устроены этапные магазины и достаточно снабжены припасами, фуражемъ и соломой, чтобы войска могли получать все то, что они могутъ требовать на основаніи тарифовъ и положеній.

Каждое этапное мѣсто будетъ также снабжено достаточнымъ числомъ подводъ для перевозки военнаго имущества, равно какъ отсталыхъ и больныхъ солдатъ.

ARTICLE III.

De distance en distance, c'est-à-dire dans chaque troisième ou quatrième station d'étapes, il sera établi un dépôt pour y recevoir, au moins cent cinquante à deux cents malades, blessés ou convalescents; lesquels dépots devront être adaptés à y recevoir au cas de besoin, un plus grand nombre d'individus. Les voitures nécessaires pour leur transport seront également fournies par les habitans du pays et à défaut de moyens de ceux-ci, le gouvernement français y fera suppléer par des entrepreneurs, ou de telle autre manière qu'il trouvera convenable.

СТАТЬЯ III.

На извѣстныхъ разстояніяхъ; именно на каждой третьей или четвертой этапной станціи, будетъ устроено депо для пріема по крайней мѣрѣ отъ 150 до 200 больныхъ, раненыхъ и выздоравливающихъ; эти депо должны быть приспособлены къ пріему, въ случаѣ нужды, и большаго числа людей. Необходимыя для ихъ передвиженія подводы равнымъ образомъ доставятъ мѣстные обыватели, а при недостаткѣ ихъ средствъ французское правительство пополнитъ ихъ подрядными или другимъ способомъ, какой найдетъ удобнымъ.

Ces dépôts seront placés dans un ou plusieurs batimens, et ils devront être fournis de tout ce qui est nécessaire, tant pour la subsistance que pour le traitement de ces malades, blessés ou convalescents.

A cet effet, il sera formé, dans chaque dépôt, un magasin de comestibles et de boissons, ainsi que de tout ce qui est nécessaire pour leur traitement, le tout de très bonne qualité. Ce magasin devra être approvisionné au moins pour huit jours, et de quatre en quatre jours les objets consommés devront être remplacés.

Les médecins, chirurgiens et gens de service devront y être établis par les autorités locales ou les plus voisines.

ARTICLE IV.

Le gouvernement français se charge de même de l'entretien de tous les hôpitaux actuellement existants, et de les fournir de tout ce qui est nécessaire pour le traitement et la nourriture des malades et blessés, sur le pied fixé par les règlemens militaires des différentes troupes alliées.

Le service de plusieurs hôpitaux n'ayant pas été fait avec les soins qu'exigeait la conservation des blessés et des malades, on a dû y faire suppléer par des entrepreneurs.

Les livraisons de ceux-ci devant être payées au moyen de réquisitions militaires en argent, pour remplacer celles en nature, il sera fait de ce chef un décompte qui sera liquidé entre des commissaires français et ceux que les puissances alliées dénommeront à cet effet,

Эти депо будутъ помѣщаться въ одномъ или нѣсколькихъ зданіяхъ и должны быть снабжены всѣмъ необходимымъ какъ для продовольствія, такъ и лѣченія больныхъ, раненыхъ и выздоравливающихъ.

Для сего въ каждомъ депо будетъ устроенъ складъ пищевыхъ продуктовъ и напитковъ, а равно всего необходимаго для лѣченія, все очень хорошаго качества. Этотъ складъ долженъ имѣть запасовъ по крайней мѣрѣ на 8 дней и чрезъ каждые четыре дня израсходованные матеріалы должны замѣняться новыми.

Врачи, хирурги и служителя должны быть поставлены сюда мѣстными или ближайшими сосѣдними властями.

СТАТЬЯ IV.

Равнымъ образомъ французское правительство принимаетъ на себя содержаніе всѣхъ нынѣ существующихъ госпиталей и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для лѣченія и продовольствія больныхъ и раненыхъ по положеніямъ, какъ опредѣлено военными уставами различныхъ союзныхъ войскъ.

Такъ какъ хозяйство нѣкоторыхъ госпиталей ведется не съ тою тщательностью, какой требуетъ безопасность раненыхъ и больныхъ, то недостатки въ этомъ отношеніи должны быть восполнены подрядчикомъ.

А такъ какъ доставляемое по подрядамъ подлежитъ уплатѣ денежными военными реквизиціями, взамѣнъ натуральныхъ, то будетъ произведенъ по сему предмету расчетъ между комиссарами французскими и комиссарами, назначенными для этой цѣли

et le montant de ce décompte, ainsi liquidé, sera ensuite payé par le gouvernement français.

Tous les hôpitaux seront entretenus de la manière indiquée ci-dessus, aussi longtemps qu'il s'y trouvera des malades ou blessés des troupes alliées.

Chaque hôpital aura un directeur français et les autres employés nécessaires pour le service, et des commissaires seront désignés par les puissances alliées pour y surveiller le traitement et la nourriture des malades et blessés.

Il sera établi en outre des dépôts pour y rassembler les convalescents à leur sortie des hôpitaux, et le gouvernement français se charge de les y faire nourrir et traiter de manière à accélérer leur prompt rétablissement; après quoi on en formera des transports de trois à quatre cents hommes qui seront dirigés sur les routes d'étapes, munis de voitures en nombre suffisant, tant pour faciliter la marche aux plus faibles, que pour le transport de leurs armes et effets. Le gouvernement français se charge, en général, de faire procurer à ces transports, toutes les facilités et tous les secours qui pourront contribuer au soulagement et à la santé des convalescents.

Dans chaque hôpital il sera formé un petit magasin de souliers et bottes, chemises, caleçons, pantalons, gilets à manches et capottes, pour en fournir à ces convalescents suivant leurs besoins.

ARTICLE V.

Des officiers d'Etat-major et des chirurgiens en chef des armées alliées res-

отъ союзныхъ державъ, и составленный ими счетъ будетъ затѣмъ уплаченъ французскимъ правительствомъ.

Всѣ госпитали будутъ содержаться вышеозначеннымъ образомъ во все время, пока въ нихъ будутъ находиться больные или раненые изъ союзныхъ войскъ.

Каждый госпиталь будетъ имѣть французскаго доктора и другихъ необходимыхъ для службы чиновъ; союзныя же державы назначатъ отъ себя комиссаровъ для надзора за лѣченіемъ и довольствіемъ больныхъ и раненыхъ.

Сверхъ того будутъ устроены депо для выздоравливающихъ, выписанныхъ изъ госпиталей; французское правительство принимаетъ на себя обязанность ихъ довольствовать и лѣчить здѣсь такъ, чтобы ускорить ихъ поправленіе, а по наступленіи онаго изъ нихъ будутъ сформированы транспорты въ составѣ отъ трехсотъ до четырехсотъ человѣкъ, которые будутъ направлены по этапнымъ дорогамъ, снабженнымъ въ пунктахъ остановокъ достаточнымъ количествомъ подводъ какъ для облегченія пути болѣе слабымъ, такъ и для перевозки ихъ снаряженія и имущества. Вообще французское правительство обязуется предоставить симъ транспортамъ всѣ удобства и всякое вспоможеніе, которое можетъ содѣйствовать облегченію и здоровью поправляющихся.

Въ каждомъ госпиталѣ будетъ устроенъ небольшой складъ башмаковъ и сапогъ, рубахъ, портовъ, шароваръ, куртокъ и шинелей для раздачи нуждающимся выздоравливающимъ.

СТАТЬЯ V.

Офицеры генеральнаго штаба и главные хирурги союзныхъ армій останутся

teront en France pour exercer la surveillance sur tous les hôpitaux et pour faire fournir aux malades, blessés et convalescents tout ce qui est fixé par les règlemens militaires. Un général de chaque puissance aura la surveillance en chef de toute cette partie du service des armées, et le gouvernement français désignera les autorités locales et centrales auxquelles ces généraux, ainsi que les officiers d'Etat-major, pourront s'adresser pour tout ce qui concerne les hôpitaux et dépôts de convalescents.

Le gouvernement français s'engage de plus à faire droit, dans le plus court délai, aux plaintes et aux réclamations qui pourront être faites relativement au service dans ces établissements.

Tous les officiers, militaires, employés et gens de service qui resteront en France, tant pour les hôpitaux, que pour régler tout ce que la marche des troupes ou d'autres commissions militaires pourront encore exiger, y conserveront les logements et traitements militaires qui leur competent.

Le gouvernement français nommera des commissaires chargés d'accompagner chaque colonne de troupes, et ces commissaires veilleront à ce que toutes les fournitures stipulées, ainsi que tout ce que le service des troupes des puissances alliées exigera durant leur marche, soient ponctuellement exécutés.

во Франціи для надзора надъ всѣми госпиталями и для распоряженій о выдачѣ больнымъ, раненымъ и выздоравливающимъ всего положеннаго по военнымъ уставамъ. Одинъ генералъ отъ каждой державы будетъ имѣть главный надзоръ за всею этою частью службы армій, а французское правительство назначитъ мѣстныхъ и центральныхъ начальниковъ, къ которымъ эти генералы, а также офицеры генеральнаго штаба могутъ обращаться по всѣмъ дѣламъ, касающимся госпиталей и депо для выздоравливающихъ.

Французское правительство, независимо отъ сего, обязывается удовлетворять въ кратчайшій срокъ жалобы и требованія, которыя могли бы быть заявлены относительно порядковъ въ сихъ учрежденіяхъ.

Всѣ офицеры, военные, чиновники и служителя, которые останутся во Франціи какъ для госпиталей, такъ и для всѣхъ распоряженій, которыя могутъ еще потребоваться походомъ войскъ или другими военными комиссіями, сохранятъ въ ней слѣдующія имъ квартиры и содержаніе.

Французское правительство назначитъ комиссаровъ для сопровожденія каждой колонны войскъ, и эти комиссары будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ выговоренныя поставки, равно какъ и все потребное для обслуживанія войскъ союзныхъ державъ во время похода, въ точности были выполнены.

Article VI.

Les puissances alliées se sont chargées, suivant l'usage établi de tout temps, de faire transporter les prisonniers français qui se trouvent dans leurs Etats, jusqu'

Статья VI.

Союзныя державы, согласно установившемуся стародавнему обычаю, обязываются принять на себя перевозку французскихъ плѣнныхъ, находящихся

aux frontières de leurs Empires et de leur fournir, jusque-là, la nourriture et les traitements stipulés.

Le gouvernement français enverra, en conséquence, des commissaires pour faire recevoir les prisonniers dans des villes à désigner, à la frontière de chaque Empire, et pour les faire conduire ensuite en France à ses frais.

Les puissances alliées en agiront de même à l'égard des officiers et soldats de leurs troupes qui étaient prisonniers en France.

ARTICLE VII.

Dans le cas où il y aurait lieu à interpréter les diverses dispositions qui précédent, toutes les interprétations seraient en faveur des troupes alliées.

ARTICLE VIII.

Relativement aux impôts directs et indirects que les puissances alliées seraient dans le cas de réclamer sur les départements français qu'elles ont occupés et pour le temps de l'occupation.

Relativement à tous les magasins d'effets militaires, de sel, de tabac et d'autres objets saisis, ainsi qu'aux prix provenant de la vente de tout ou partie des magasins.

Relativement aux bois qui pourraient avoir été vendus.

Et enfin, relativement aux réquisitions d'objets d'habillement, équippement et autres qui pourraient avoir été faites par les troupes alliées.

Les dispositions suivantes ont été convenues, afin d'éviter tous comptes, toutes

въ ихъ владѣніяхъ, до границъ своихъ Имперій и довольствовать ихъ до этихъ границъ пищею и положеннымъ содержаніемъ.

Съ своей стороны французское правительство отправитъ комиссаровъ для пріемки плѣнныхъ въ назначенные на границахъ каждой Имперіи города и доставки ихъ затѣмъ во Францію на свой счетъ.

Подобнымъ же образомъ будутъ дѣйствовать союзныя державы по отношенію къ офицерамъ и солдатамъ своихъ войскъ, бывшимъ въ плѣну во Франціи.

СТАТЬЯ VII.

Въ случаѣ, еслибъ явилась надобность въ истолкованіи различныхъ вышеизложенныхъ постановленій, всѣ истолкованія должны быть въ пользу союзныхъ войскъ.

СТАТЬЯ VIII.

Относительно прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, которые союзныя державы имѣли бы право требовать съ французскихъ департаментовъ, ими занятыхъ, за время занятія;

относительно всѣхъ складовъ военнаго имущества, соли, табака и другихъ захваченныхъ предметовъ, равно какъ выручекъ отъ продажи всѣхъ или части складовъ;

относительно лѣсовъ, которые могли быть проданы;

наконецъ, относительно реквизицій предметовъ обмундированія, снаряженія и другихъ, которыя могли послѣдовать со стороны союзныхъ войскъ,—

нижеслѣдующія постановленія приняты по взаимному соглашенію сторонъ;

explications, toutes demandes et répétitions respectives.

ARTICLE IX.

Le gouvernement français payera une somme nette de 25 millions de francs et les hautes puissances alliées bornent toutes leurs prétentions au payement de la dite somme.

ARTICLE X.

Toutes les réclamations résultantes des dispositions du traité d'armistice, que les puissances alliées auraient pû se croire en droit de faire au gouvernement français, seront satisfaites et éteintes par le payement de la somme de 25 millions de francs.

ARTICLE XI.

Les sels, tabacs, effets militaires de toutes espèces et tous autres, y compris les objets de subsistance qui se trouveront encore exister dans les magasins français, seront remis immédiatement et sans le moindre délai aux agents du gouvernement français.

Toutefois il est bien entendu:

d'un côté, que toutes les ventes d'objets saisis dans les magasins, si les dits objets en sont sortis, recevront, au profit des alliés, leur plein et entier effet.

Et d'un autre, que les magasins de subsistances bien qu'ils soient remis aux agents du gouvernement français, n'en pourront pas moins être employés pour assurer la subsistance des troupes alliées, tant qu'elles seront sur le territoire français.

дабы избѣжать обоюдно всякихъ счетовъ, всякихъ объясненій, всякихъ домогательствъ и встрѣчныхъ требованій.

СТАТЬЯ IX.

Французское правительство уплатитъ круглую сумму въ 25 милліоновъ франковъ, и высокія союзныя державы ограничиваютъ всѣ свои претензіи уплатою сказанной суммы.

СТАТЬЯ X.

Уплатою 25 милліоновъ франковъ удовлетворяются и погашаются всѣ проистекающія изъ постановленій трактата о перемиріи требованія, которыя союзныя державы могли бы почитать себя въ правѣ предъявить къ французскому правительству.

СТАТЬЯ XI.

Соль, табакъ, военное имущество всякаго рода и всѣ другіе предметы, въ томъ числѣ жизненные припасы, которые окажутся еще въ наличности во французскихъ складахъ, будутъ немедленно, безъ всякаго отлагательства, сданы агентамъ французскаго правительства.

Однако, разумѣется само собою:

съ одной стороны, что всѣ продажи предметовъ, захваченныхъ въ складахъ, если сказанные предметы отсюда вышли, возымѣютъ полную и совершенную силу въ пользу союзниковъ;

съ другой стороны, склады продовольствія, хотя и сданные агентамъ французскаго правительства, могутъ тѣмъ не менѣе расходоваться для обезпеченія потребностей союзныхъ войскъ, пока послѣднія будутъ на французской территоріи.

ARTICLE XII.

Toutes ventes de bois faites par les agents des puissances alliées et non consommées par l'exploitation et l'enlèvement du bois, seront sans nul effet.

СТАТЬЯ XII.

Всѣ продажи лѣсовъ, учиненныя агентами союзныхъ державъ и не сопровождавшіяся эксплоатаціей и вывозомъ лѣса, не будутъ имѣть никакой силы.

ARTICLE XIII.

Le payement des vingt-cinq millions se fera à Paris, entre les mains des personnes qui seront désignées par les puissances alliées.

СТАТЬЯ XIII.

Уплата 25 милліоновъ франковъ послѣдуетъ въ Парижѣ, тѣмъ лицамъ, которыхъ назначатъ союзныя державы.

ARTICLE XIV.

Les payements se feront en espèces métalliques au cours de ce jour et ne pourront jamais avoir lieu et sous aucun prétexte en papier quel qu'il soit ou de toute autre manière que celle expliquée ci-dessus.

СТАТЬЯ XIV.

Платежи будутъ сдѣланы металлическою монетою, по дневному курсу, и ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не бумажными знаками какого бы то ни было рода, и никакимъ инымъ способомъ, кромѣ вышеизъясненнаго.

ARTICLE XV.

Le premier payement se fera au mois de décembre prochain et sera d'un million.

Les vingt-quatre autres millions seront payés, en douze payements egaux, de deux millions chacun.

Ces payements se feront de mois en mois et de manière que le premier payement s'effectuera dans le mois de janvier 1815 et le dernier payement dans le mois de décembre de la même année 1815.

СТАТЬЯ XV.

Первый платежъ будетъ произведенъ въ декабрѣ сего года въ количествѣ одного милліона.

Остальные двадцать четыре милліона будутъ уплачены двѣнадцатью равными частями, по два милліона каждая.

Эти платежи будутъ ежемѣсячные и послѣдуютъ такимъ образомъ, что первый платежъ будетъ сдѣланъ въ январѣ 1815 года, а послѣдній въ декабрѣ того же 1815 года.

ARTICLE XVI.

Il sera remis aux commissaires des puissances alliées ou autres personnes, désignées pour cet objet, des effets à ordre pour les sommes à payer chaque

СТАТЬЯ XVI.

Комиссары союзныхъ державъ, или другія для сего назначенныя лица, получатъ векселя на суммы, подлежащія каждомѣсячной уплатѣ, и таковая

mois et cette remise d'effets ne pourra entraîner aucune espèce de frais ou dépenses, pour les puissances alliées.

La remise de ces effets devra être entièrement terminée d'ici au 6 juin.

Les personnes désignées par les puissances alliées s'entendront avec le ministère des finances du gouvernement français sur la nature et l'espèce des effets qui seront remis, et à cet égard les hautes puissances alliées seront traitées de la manière la plus favorable.

ARTICLE XVII.

Les hautes puissances alliées donneront immédiatement les ordres les plus précis pour empêcher toutes demandes de contributions ou autres qui seraient étrangères à la subsistance des troupes, aux secours à leur donner dans les hôpitaux, aux moyens de transport à fournir dans les marches, enfin, à tout ce qui doit être fourni, en vertu des articles, un, deux trois, quatre, cinq et six de la présente convention.

Et dans le cas où il serait contrevenu aux ordres qui seront donnés à cet égard, il sera réglé des indemnités par les gouvernements respectifs.

Fait à Paris, le 28 mai 1814.

(L. S.) Le Baron de Bulow.
(L. S.) George Cancrin.
(L. S.) Le chev. de Barbier.
(L. S.) Le Baron Prochaska.
(L. S.) Gén. Dulauloy.
(L. S.) Baron Marchant.

Approuvé et ratifié:

Alexandre.

выдача векселей не должна вовлекать союзныя державы ни въ какого рода расходы или убытки.

Выдача сихъ векселей должна быть вполнѣ окончена къ 6-му іюня.

Назначенныя союзными державами лица войдутъ въ соглашеніе съ министерствомъ финансовъ французскаго правительства на счетъ рода и свойства выдаваемыхъ векселей и въ этомъ отношеніи высокія союзныя державы будутъ удовлетворены самымъ выгоднымъ для нихъ образомъ.

СТАТЬЯ XVII.

Высокія союзныя державы немедленно дадутъ самыя точныя приказанія, чтобы воспрепятствовать всякимъ требованіямъ контрибуцій или инымъ, кромѣ относящихся къ продовольствію войскъ, подачѣ помощи въ госпиталяхъ, средствамъ перевозки, доставляемымъ въ пути, наконецъ, ко всему тому, что должно быть доставлено въ силу статей I, II, III, IV, V и VI настоящей конвенціи.

И въ случаѣ, еслибъ данныя на сей предметъ приказанія были нарушены, подлежащія правительства назначатъ вознагражденія.

Въ Парижѣ, 28-го мая 1814 года.

(М. П.) Баронъ Бюловъ.
(М. П.) Георгій Канкринъ.
(М. П.) Шев. де Барбье.
(М. П.) Баронъ Прошаска.
(М. П.) Ген-лъ Дюлолуа.
(М. П.) Баронъ Маршанъ.

Одобрено и ратификовано.

Александръ.

№ 507.

1814, 18 (30) mai. Traité de paix de Paris.

La correspondance que l'Empereur Alexandre entretenait avant la catastrophe de 1814 avec les Bourbons, rétablis sur le trône de France, présente un certain intérêt en ce qu'elle caractérise la nature de ses relations avec ces princes.

Dès le début de l'année 1813 Louis, comte Lille, entra en correspondance avec Alexandre I et formula ses droits au trône de France. L'Empereur accueillit ces ouvertures avec peu d'empressement et laissa sans réponse quatre lettres que lui avait adressées le chef de cette dynastie. Il est évident, qu'en 1813 Alexandre I n'éprouvait aucune sympathie pour cette dynastie et l'idée de son rétablissement sur le trône de France ne le préoccupait nullement. Au contraire, il n'attendait des Bourbons aucun profit pour la France et en 1813 il n'était pas encore question de la déchéance de Napoléon.

En février 1813, Louis envoya le comte de La Ferronays en mission auprès de l'Empereur Alexandre. Après avoir félicité l'Empereur au sujet des victoires éclatantes, remportées sur Napoléon, l'usurpateur, il lui proposa d'adresser une proclamation à la nation française dans laquelle le titre de „légitime Souverain de France" serait reconnu à ce prince. Louis doutait de la possibilité d'un soulèvement général de toute la France ou „du royaume": C'eût été une espérance chimérique, mais il serait possible provoquer des révoltes dans certaines parties du territoire français, par exemple en Normandie et il serait disposé de faire une tentative dans ce sens.

Cette lettre du 2 (14) février 1813 resta sans réponse.

Au commencement d'avril (le 7 n. st.), Louis adressa à l'Empereur Alexandre une nouvelle lettre dans laquelle il s'applique à flatter, avec une certaine platitude, la vanité du Tsar.

„Les événements", dit-il, „ont marché avec une rapidité, je dirais incroyable, si quelque chose pouvait l'être de la nation russe, gouvernée par Alexandre I, mais du moins inouie. Déjà l'Allemagne est libre, bientôt les drapeaux de Votre

№ 507.

1814 г., мая 18-го (30-го). Парижскій мирный трактатъ.

Для характеристики отношеній Императора Александра къ Бурбонамъ, возстановленнымъ на французскомъ престолѣ, интересна переписка, которую онъ имѣлъ съ ними до катастрофы 1814 года.

Людовикъ, графъ Лильскій, вступилъ въ переписку съ Александромъ I съ начала 1813 г., заявивъ свои претензіи на французскій престолъ. Императоръ отнесся чрезвычайно холодно къ этимъ претензіямъ и ничего не отвѣтилъ на четыре письма, полученныя имъ отъ главы Бурбонской династіи. Очевидно, что въ 1813 году у Александра I не было никакого сочувствія къ этой династіи, и мысль о возстановленіи ея на французскомъ престолѣ его нисколько не увлекала. Напротивъ, отъ Бурбоновъ онъ не ожидалъ никакой пользы для Франціи, и въ 1813 году не было еще серьезно рѣчи о низложеніи Наполеона съ французскаго престола.

Въ февралѣ 1813 года Людовикъ послалъ къ Императору Александру графа Де-ла-Ферронэ, въ качествѣ своего посланника. Поздравивъ Императора съ великими побѣдами надъ узурпаторомъ Наполеономъ, онъ предлагаетъ ему обнародовать прокламацію къ французскому народу, въ которой былъ бы признанъ за нимъ титулъ „законнаго суверена Франціи". Людовикъ сомнѣвается въ возможности общаго возстанія во всѣхъ частяхъ Франціи или „королевства". Такое предположеніе было бы химерою. Но все-таки можно было бы вызвать возстаніе въ нѣкоторыхъ частяхъ французской территоріи, напр. въ Нормандіи, и онъ готовъ сдѣлать въ этихъ видахъ попытку.

На это письмо отъ 2-го (14-го) февраля 1813 года никакого отвѣта не послѣдовало.

Въ началѣ апрѣля (7-го числа по нов. ст.) Людовикъ опять обратился къ Императору Александру съ письмомъ, въ которомъ очень грубо льститъ тщеславію Царя.

„Событія", писалъ онъ, „совершились со скоростью, которую я призналъ бы невѣроятною, еслибъ что либо могло быть невѣроятнымъ для русскаго народа, управляемаго Александромъ I, но по меньшей мѣрѣ она является

Majesté Impériale flotteront sur les bords du Rhin, et Elle peut aisément se figurer les mouvements que cette idée excite dans l'âme des descendants de Henri IV"...

Cette lettre du futur Louis XVIII ne fut également pas honorée d'une réponse par le Tsar de Russie, à moins que l'on ne considère comme telle la lettre de l'Empereur en date de Dresde le 24 avril 1813. On reconnait facilement dans cet écrit la différence d'attitude, adoptée par les deux correspondants. Louis écrivait à Alexandre: „Monsieur mon Frère et Cousin" et signait: „le bon Frère et Cousin!", tandis qu'Alexandre I lui écrivait: „Monsieur le Comte!" et signait: „Recevez, Monsieur le Comte, les assurances de tous mes sentiments".

En général cette lettre de l'Empereur Alexandre est d'un ton très sec. Il décline catégoriquement l'arrivée sur le continent du duc d'Angoulême et la présence du comte de La Ferronays au quartier général.

Mais Louis XVIII ne se laissa pas rebuter par cette froideur dans ses démarches pour monter sur le trône de France. En novembre 1813, et notamment le 15, il écrit de nouveau à l'Empereur Alexandre, s'appliquant à lui prouver que le moment est venu de le proclamer Roi des Français. Napoléon — cet „usurpateur et tyran" — cherche à égarer les Français et à leur inspirer des craintes au sujet des projets des alliés. „L'unique moyen de lui ravir cette dernière ressource", écrit Louis, „est de montrer à la France, dans le rétablissement d'un pouvoir paternel et légitime, le garant assuré de son indépendance et de son bonheur".

En terminant Louis XVIII assure à l'Empereur Alexandre que Napoléon est entouré de traitres qui n'attendent que le moment de la proclamation de la royauté pour abandonner le camps de l'usurpateur. Le maréchal Soult serait disposé de passer dans le camps du Roi légitime.

Les rapports de l'Empereur Alexandre I avec Louis XVIII se modifiérent entièrement du jour, où la déchéance de Napoléon fut décidée, ce qui arriva après le congrès de Chatillon.

Dans sa lettre à Louis XVIII du 5 (17) avril 1814, Alexandre I l'appelle „Monsieur mon frère" et lui fait part de la mission du général Pozzo di Borgo, appelé à être attaché auprès de sa

неслыханною. Уже Германія свободна; скоро знамена Вашего Императорскаго Величества будутъ развѣваться на берегахъ Рейна, и вы легко можете себѣ представить тѣ чувства, которыя эта мысль возбуждаетъ въ душѣ потомковъ Генриха IV..."

И это письмо будущаго Людовика XVIII не было удостоено отвѣтомъ со стороны русскаго Царя, если не считать за отвѣтъ письмо Императора изъ Дрездена отъ 24-го апрѣля 1813 года. Въ этомъ письмѣ обнаруживается огромное различіе въ положеніи, которое принято было обоими корреспондентами. Людовикъ писалъ Александру: „Monsieur mon Frère et Cousin" и подписывался: „le bon Frère et Cousin!" Александръ I писалъ ему: „Monsieur le Comte!"—и подписывался: „Примите, г. графъ, увѣренія всѣхъ моихъ чувствъ".

Вообще это письмо Императора Александра отличается очень сухимъ тономъ. Онъ категорически отклоняетъ пріѣздъ на континентъ дюка д'Ангулэма и нахожденіе при главной квартирѣ графа Лаферронэ.

Но подобная сухость нисколько не остановила Людовика XVIII въ искательствахъ его попасть на французскій престолъ. Въ ноябрѣ 1813 года, а именно 15-го числа, онъ опять пишетъ Императору Александру, доказывая ему, что теперь наступило время для провозглашенія его королемъ французовъ. Наполеонъ—этотъ „узурпаторъ" и „тиранъ"—желаетъ сбить съ толку французовъ и навести страхъ по поводу плановъ союзниковъ. „Единственное средство", пишетъ Людовикъ, „лишить его этой послѣдней силы заключается въ томъ, чтобъ возстановленіемъ отеческаго и законнаго правительства показать Франціи вѣрнаго защитника ея независимости и благоденствія".

Въ заключеніе, Людовикъ XVIII увѣряетъ Императора Александра, что Наполеонъ окруженъ предателями, которые только ждутъ признанія его, Людовика, королемъ, чтобъ покинуть лагерь узурпатора. Между прочимъ, маршалъ Сульт немедленно готовъ перейти на сторону законнаго короля.

Отношеніе Александра I къ Людовику XVIII кореннымъ образомъ измѣнилось съ того момента, когда Императоръ рѣшилъ низвергнуть Наполеона съ французскаго престола. Это случилось послѣ Шатильонскаго конгресса.

Въ письмѣ къ Людовику XVIII отъ 5-го (17-го) апрѣля 1814 года, Александръ I называетъ его: „Monsieur mon frère" и сообщаетъ ему о присылкѣ къ нему генерала Поццо-ди-

personne. L'Empereur le prie d'avoir entière confiance en lui et de tenir compte de ses conseils.

L'Empereur félicite en même temps le Roi des Français de remonter sur le trône de ses ancêtres et lui recommande avec instance de prendre en considération les vœux de la nation française.

„En attendant", écrivait l'Empereur Alexandre, „si mes entreprises dans cette guerre sainte et opiniâtre, ont été de quelque utilité à la cause de Votre Majesté, si j'ai acquis par là les droits à son amitié et à sa confiance, Elle écoutera avec quelque intérêt le général Pozzo. Je l'ai chargé de lui communiquer le fruit de mes observations et principalement de l'expérience, que j'ai acquis relativement à l'armée... Il n'est point douteux que le royaume de France n'attende son bonheur et sa régénération de Votre Majesté, mais il n'est pas moins vrai aussi qu'il existe une *volonté générale*. Elle subjugera tous les cœurs, si elle manifeste des idées libérales tendantes à maintenir et à raffermir les institutions organiques de la France".

Louis XVIII fut très satisfait de cette lettre de l'Empereur de Russie, car elle confirmait son élection au trône de France. Il était reconnaissant de la nomination de Pozzo di Borgo en qualité de Ministre plénipotentiaire. Bien plus: il accepta avec reconnaissance les bons conseils qu'on lui donnait et promit d'être un maître „paternel" pour la France.

„Votre Majesté Impériale", écrivait-il à Alexandre I en date de Calais le 26 (14) avril 1814, „connait mes vues modérées, attestées par le langage que j'ai constamment tenu aux Français opprimés, Elle doit donc être persuadée des efforts que je ne cesserai de tenter pour asseoir sur des principes conformes à l'intérêt des Français l'autorité paternelle que je désire exercer pour le salut et le bonheur de tous".

L'Empereur Alexandre n'avait pas de sympathie très marquée pour Louis XVIII et consentit au rétablissement des Bourbons sur le trône de France plutôt par haîne pour Napoléon, que par affection pour ce prince et sa dynastie. Il avait des doutes sérieux au sujet des capacités du Roi de France de comprendre les vœux légitimes de son peuple. C'est pourquoi il crut devoir insister particulièrement sur

Борго, который долженъ состоять при немъ. Императоръ проситъ вполнѣ вѣрить ему и цѣнить даваемые ему совѣты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ поздравляетъ короля французовъ съ возвращеніемъ на престолъ и самымъ настоятельнымъ образомъ совѣтуетъ ему считаться „съ національною волею" французскаго народа.

„Впрочемъ", писалъ Императоръ Александръ, „если мои дѣйствія въ этой священной и упорной войнѣ были до нѣкоторой степени полезны интересамъ Вашего Величества, если я такимъ образомъ пріобрѣлъ право на вашу дружбу и довѣріе, то прислушивайтесь со вниманіемъ къ словамъ генерала Поццо, которому я поручилъ сообщить вамъ плоды моихъ наблюденій и въ особенности моего опыта, пріобрѣтеннаго въ отношеніи къ арміи... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что французское королевство ожидаетъ своего счастья и возрожденія отъ Вашего Величества, но равнымъ образомъ справедливо и то, что существуетъ *національная воля*. Вы покорите всѣ сердца, если будете руководствоваться либеральными идеями, направленными къ поддержанію и утвержденію органическихъ учрежденій Франціи".

Людовикъ XVIII былъ очень обрадованъ этимъ письмомъ русскаго Императора, ибо оно подтвердило его избраніе на французскій престолъ. Онъ былъ благодаренъ за назначеніе къ нему Поццо-ди-Борго, въ качествѣ полномочнаго министра. Мало того: онъ принимаетъ съ благодарностью данные ему добрые совѣты и обѣщаетъ быть „отеческимъ" правителемъ Франціи.

„Ваше Величество", писалъ онъ Александру 26-го (14-го) апрѣля 1814 года изъ Калэ, „знаете мои умѣренные взгляды, засвидѣтельствованные рѣчами, съ которыми я постоянно обращался къ угнетаемымъ французамъ. Поэтому вы должны вѣрить моимъ усиліямъ, которыя я не премину употребить для установленія на началахъ, согласныхъ съ пользою Франціи, отеческой власти, которую я желаю осуществлять на благо и счастье всѣхъ".

Императоръ Александръ I не питалъ особеннаго расположенія къ личности Людовика XVIII и согласился на возстановленіе Бурбоновъ на французскомъ престолѣ скорѣе изъ ненависти къ Наполеону, нежели изъ чувства пріязни къ Людовику XVIII и его династіи. Онъ имѣлъ серьезныя опасенія относительно способности французскаго короля понять законныя желанія своего народа. Вотъ

la nécessité de tenir compte de la volonté nationale.

La réponse de Louis XVIII avec la promesse de gouverner les Français d'une manière paternelle pouvait difficilement satisfaire l'Empereur et dissiper ses craintes. L'événement a prouvé bientôt qu'elles n'étaient pas sans fondement, car les nations ne sont pas des enfants que l'on peut conduire et punir d'une „manière paternelle".

Quoi qu'il en soit Louis XVIII monta sur le trône de France et le traité de Paris ci-dessous devait, selon la pensée des grandes puissances alliées, servir de base solide à la nouvelle organisation politique de l'Europe et de la France après les grands événements de la révolution française et de l'Empire de Napoléon. Les grands Monarques alliés ont dû sa convaincre bientôt qu'ils se sont abusés dans cette circonstance comme dans bien d'autres.

почему онъ особенно подчеркнулъ обязанность его уважать національную волю народа.

Отвѣтъ Людовика XVIII, съ обѣщаніемъ опекать французовъ „отеческимъ образомъ", никакъ не могъ удовлетворить Императора и успоконть его опасенія. Будущее весьма скоро показало, что эти опасенія были совершенно основательны, ибо народы не дѣти, которыхъ можно наставлять и наказывать „отеческимъ образомъ".

Какъ бы то ни было, Людовикъ XVIII вступилъ на французскій престолъ, и нижеслѣдующій Парижскій трактатъ долженъ былъ, по мысли великихъ союзныхъ державъ, служить крѣпкимъ фундаментомъ для новаго политическаго устройства Европы и Франціи, послѣ знаменательныхъ событій эпохи французской революціи и имперіи Наполеона I. Весьма скоро великіе союзные монархи должны были убѣдиться, что они ошиблись въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ.

Au Nom de la très-sainte et indivisible Trinité.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et ses Alliés d'une part, et S. M. le Roi de France et de Navarre d'autre part, étant animés d'un égal désir de mettre fin aux longues agitations de l'Europe et aux malheurs des peuples, par une paix solide, fondée sur une juste répartition de forces entre les Puissances, et portant dans ses stipulations la garantie de sa durée, S. M. l'Empereur de toutes les Russies et ses Alliés ne voulant plus exiger de la France, aujourd'hui que, s'étant réplacée sous le gouvernement paternel de ses Rois, elle offre ainsi à l'Europe un gage de sécurité et de stabilité, des conditions et des garanties qu'ils lui avaient à regret demandées sous son dernier gouvernement, Leurs dites Majestés ont nommé des plénipotentiaires pour discuter, arrêter et signer un Traité de paix et d'amitié; savoir:

Во имя пресвятыя и нераздѣлимыя Троицы.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и союзники Его съ одной, и Е. В. Король Французскій и Наварскій съ другой стороны, одушевляемы будучи равномѣрнымъ желаніемъ прекратить долговременныя безпокойства Европы и бѣдствія народовъ прочнымъ миромъ, основаннымъ на справедливомъ распредѣленіи силъ между Державами, и заключающимъ въ постановленіяхъ своихъ ручательство въ прочности онаго, Е. В. Императоръ Всероссійскій и союзники его, не желая болѣе требовать отъ Франціи теперь, когда она, пришедъ паки подъ отеческое правительство своихъ королей, представляетъ такимъ образомъ Европѣ залогъ безопасности и благонадежности тѣхъ условій и ручательствъ, какихъ они по необходимости требовали при послѣднемъ ея правительствѣ, Ихъ реченныя Величества назначили полномоч-

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur André comte de Razoumowsky, son conseiller privé actuel, chevalier des ordres de St. André, de St. Alexandre-Newsky, grand-croix de celui de St. Wladimir de la première classe, et le sieur Charles Robert comte de Nesselrode, son conseiller privé, chambellan actuel, Secrétaire d'Etat, chevalier des ordres de St. Alexandre-Newsky, grand'-croix de St. Wladimir de la seconde classe etc.

et S. M. le Roi de France et de Navarre, Mr. Charles Maurice Talleyrand-Périgord, Prince de Bénévent, grand-aigle de la Légion d'honneur, chevalier de l'ordre de St. André de Russie etc., son Ministre et Secrétaire d'Etat des affaires étrangères.

Lesquels, après avoir échangé leurs pleinspouvoirs trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants:

ARTICLE I.

Il y aura, à compter de ce jour, paix et amitié entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et ses Alliés d'une parte, et S. M. le Roi de France et de Navarre, de l'autre part, leurs héritiers et successeurs, leurs Etats et sujets respectifs à perpétuité.

Les Hautes Parties contractantes apporteront tous leurs soins à maintenir, non-seulement entr'elles, mais encore, autant qu'il dépend d'elles, entre tous les Etats de l'Europe, la bonne harmonie et intelligence si nécessaires à son repos.

ныхъ для соображенія, постановленія и подписанія мирнаго и дружественнаго трактата, а именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій, графа Андрея Разумовскаго, своего Дѣйств. Т. С., орденовъ Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра большаго креста 1-ой степени, кавалера

и графа Карла Роберта Нессельрода, своего Т. С., Дѣйств. каммергера, статсъ-секретаря, орденовъ св. Александра Невскаго, св. Владиміра большаго креста 2-ой степени, и т. д.

и Е. В. Король Французскій и Наварскій Карла Маврикія Талейрана-Перигора, князя Беневентскаго, орденовъ почетнаго Легіона большаго орла, Россійскаго Св. Апостола Андрея и т. д., своего Министра и Государственнаго Секретаря иностранныхъ дѣлъ.

Которые, по размѣнѣ надлежащихъ полномочій своихъ, постановили нижеслѣдующія статьи:

СТАТЬЯ I.

Да будетъ отъ нынѣ на всегда миръ и дружба между Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и союзниками Его съ одной стороны, и Е. В. Королемъ Французскимъ и Наварскимъ съ другой стороны, также между обоюдными ихъ наслѣдниками и преемниками, ихъ Державами и подданными.

Высокія договаривающіяся стороны приложатъ всѣ свои старанія къ сохраненію, не токмо между ими, но сколько отъ нихъ зависитъ, и между всѣми европейскими государствами, добраго согласія и пріязни, толико нужныхъ для ихъ спокойствія.

ARTICLE II.

Le royaume de France conserve l'intégrité de ses limites, telles qu'elles existaient à l'époque du 1 janvier 1792. Il recevra en outre une augmentation de territoire, comprise dans la ligne de démarcation fixée par l'article suivant.

ARTICLE III.

Du côté de la Belgique, de l'Allemagne et de l'Italie, l'ancienne frontière, ainsi qu'elle existait le 1 janvier de l'année 1792, sera rétablie, en commençant de la mer du Nord entre Dunkerque et Nieuport, jusqu'à la Méditerrannée entre Cagnes et Nice, avec les rectifications suivantes:

1) Dans le département de Jemmappe, les cantons de Dour, Merbes-le-Château, Beaumont et Chimay resteront à la France; la ligne de démarcation passera là où elle touche le canton de Dour, entre ce canton et ceux de Boussu et Paturage, ainsi que plus loin entre celui de Merbes-le-Château et ceux de Binch et de Thuin.

2) Dans le département de Sambre et Meuse, les cantons de Valcourt, Florennes, Beauraing et Gedinne appartiendront à la France; la démarcation, quand elle atteint ce département, suivra la ligne qui sépare les cantons précités du département de Jemmappe et du reste de celui de Sambre et Meuse.

3) Dans le département de la Moselle, la nouvelle démarcation, là où elle

СТАТЬЯ II.

Королевство французское сохраняетъ цѣлость своихъ границъ въ такомъ состояніи, какъ оныя были во время 1-го января 1792 года; сверхъ того получаетъ оно земли, заключающіяся въ порубежной линіи, опредѣленной въ слѣдующей статьѣ.

СТАТЬЯ III.

Со стороны Бельгіи, Германіи и Италіи, прежняя граница, такъ какъ оная была по 1-е января 1792 года, будетъ возстановлена, начиная съ моря Сѣвернаго между Дюнкирхеномъ и Нейпортомъ, до Средиземнаго моря между Каньемъ и Ниссою, со слѣдующимъ точнымъ означеніемъ:

1) Въ департаментѣ Жеммапскомъ, кантоны (уѣзды) Дурскій, Мербъ-ле-Шато, Бомонтскій и Шимейскій останутся за Франціею; порубежная черта будетъ простираться тамъ, гдѣ она касается кантона Дурскаго, между симъ кантономъ и кантонами Буссюскимъ и Патюражскимъ, а также и далѣе между кантономъ Мербъ-ле-Шато и кантонами Бентскимъ и Тюинскимъ.

2) Въ департаментѣ Самбрскомъ и Мезскомъ (Мааскомъ), кантоны Валькуртскій, Флоренскій, Боренскій и Жединскій будутъ принадлежать Франціи; порубежная черта, достигши сего департамента, будетъ простираться по линіи, отдѣляющей вышепомянутые кантоны отъ департамента Жеммапскаго и отъ остальной части департамента Самбрскаго и Мезскаго.

3) Въ департаментѣ Мозельскомъ, новая порубежная черта, тамъ, гдѣ

s'écarte de l'ancienne, sera formée par une ligne à tirer depuis Perle jusqu'à Fremersdorf, et par celle qui sépare le canton de Tholey du reste du département de la Moselle.

4) Dans le département de la Sarre, les cantons de Saarbruck et d'Arneval resteront à la France, ainsi que la partie de celui de Lebach, qui est située au midi d'une ligne à tirer le long des confins des villages de Herschenbach, Ueberhosen, Hilsbach et Hall (en laissant ces différents endroits hors de la frontière française), jusqu'au point où près de Querseille (qui appartient à la France), la ligne qui sépare les cantons d'Arneval et d'Ottweiler, atteint celle qui sépare ceux d'Arneval et de Lebach; la frontière, de ce côté, sera formée par la ligne ci-dessus désignée, et ensuite par celle qui sépare le canton d'Arneval de celui de Bliescastel.

5) La forteresse de Landau ayant formé, avant l'année 1792, un point isolé dans l'Allemagne, la France conserve au-delà de ses frontières une partie des départements du Mont-Tonnerre et du Bas-Rhin, pour joindre la forteresse de Landau et son rayon au reste du royaume. La nouvelle démarcation, en partant du point où, près d'Oberstein-bach (qui reste hors des limites de la France), la frontière entre le département de la Moselle et celui du Mont-Tonnerre atteint le département du Bas-Rhin, suivra la ligne qui sépare les cantons de Weissenbourg et de Bergzabern (du côté de la France), des cantons de Pirmasens, Dahn et Anweiler (du côté de l'Allemagne), jusqu'au point

она удаляется отъ прежней, будетъ составлена изъ проводимой линіи, начиная съ Перле до Фремерсдорфа, и изъ линіи, отдѣляющей кантонъ Толейскій отъ остальной части департамента Мозельскаго.

4) Въ департаментѣ Саррскомъ кантоны Сарбрикскій и Арневальскій останутся за Франціею, а также и часть кантона Лебахскаго, лежащая къ Югу отъ проводимой линіи вдоль границъ селеній Гершенбахскаго, Ибергозенскаго, Гильсбахскаго и Гальскаго (оставляя сіи разныя мѣста внѣ границы французской), до того пункта, гдѣ близъ Керселя (принадлежащаго Франціи) линія, отдѣляющая кантоны Арневальскій и Отвейлерскій, достигаетъ до линіи, отдѣляющей кантоны Арневальскій и Лебахскій; граница съ сей стороны составится изъ линіи вышеозначенной, а потомъ изъ той, которая отдѣляетъ кантонъ Арневальскій отъ Близкастельскаго.

5) Какъ крѣпость Ландау до 1792 года составляла отдѣленный пунктъ въ Германіи, то Франція удерживаетъ за ея границами часть департаментовъ Монтоннерскаго и Нижнерейнскаго, для присоединенія крѣпости Ландау и ея межи къ королевству. Новая порубежная черта, начиная съ того пункта, гдѣ близъ Оберштейнбаха (остающагося внѣ французскихъ рубежей) граница между департаментами Мозельскимъ и Монтоннерскимъ касается департамента Нижнерейнскаго, будетъ идти по линіи, отдѣляющей кантоны Вейсенбургскій и Бергцабернскій (со стороны Франціи) отъ кантоновъ Пирмазенскаго, Данскаго и Анвейлерскаго (со стороны Германіи), до того пункта,

où ces limites, près du village de Wolmersheim, touchent l'ancien rayon de la forteresse de Landau. De ce rayon, qui reste ainsi qu'il était en 1792, la nouvelle frontière suivra le bras de la rivière de la Queich, qui, en quittant ce rayon près de Queichheim (qui reste à la France), passe près des villages de Mertenheim, Knittelsheim et Belheim (demeurant également français), jusqu'au Rhin, qui continuera ensuite à former la limite de la France et de l'Allemagne.

Quant au Rhin, le thalweg constituera la limite, de manière cependant que les changements que subira par la suite le cours de ce fleuve, n'auront à l'avenir aucun effet sur la propriété des îles qui s'y trouvent. L'état de possession de ces îles sera établi tel qu'il existait à l'époque de la signature du Traité de Lunéville.

6) Dans le département du Doubs, la frontière sera rectifiée de manière à ce qu'elle commence au-dessus de la Rançonnière, près de Locle, et suive la crête du Jura, entre le Cerneux-Pequignot et le village de Fontenelles, jusqu'à une cime du Jura située à environ 7 ou 8,000 pieds au Nord-Ouest du village de la Brévine, où elle retombera dans l'ancienne limite de la France.

7) Dans le département du Léman, les frontières entre le territoire français, le pays de Vaud et les différentes portions du territoire de la République de Genève (qui fera partie de la Suisse), restent les mêmes qu'elles étaient avant l'incorporation de Genève à la France. Mais le canton de Frangy, celui de St.

гдѣ сіи границы, близъ деревни Волмерсгеймской, касаются прежней межи крѣпости Ландау. Отъ сей межи, имѣющей оставаться такъ, какъ была въ 1792 году, новая граница будетъ простираться по рукаву рѣки Квейха, который, оставляя сію межу близъ Квейхгейма (за Франціею остающагося), идетъ близъ селеній Мертенгеймскаго, Книттельсгеймскаго и Бельгеймскаго (также за Франціею остающихся), до Рейна, который впредь составлять будетъ границу Франціи и Германіи.

Что принадлежитъ до Рейна, то фарватеръ его составитъ границу, но такимъ образомъ, что перемѣны, могущія впредь послѣдовать въ теченіи сей рѣки, ни мало не будутъ въ послѣдствіи времени касаться до собственности острововъ, кои на оной находятся. Состояніе владѣнія сими островами будетъ возстановлено такъ, какъ оное было во время подписанія Люневильскаго трактата.

6) Въ департаментѣ Дубскомъ, граница назначается такимъ образомъ, что оная начинается выше Рансонніера близъ Локла, и по хребту Юры между Серне-Пекиніо и селеніемъ Фонтенелемъ продолжается до вершины Юры, лежащей около семи или восьми тысячъ футовъ къ Сѣверо-Западу отъ деревни Бревини, гдѣ оная опять входитъ въ прежнюю границу Франціи.

7) Въ департаментѣ Леманскомъ, границы между землями французскими, землею Вадтскою и разными частями республики Женевской (которая будетъ составлять часть Швейцаріи), остаются въ такомъ состояніи, какъ были до присоединенія Женевы къ Франціи. Но кантоны Франжискій и Сеньжюль-

Julien (à l'exception de la partie située au Nord d'une ligne à tirer du point où la rivière de la Laire entre, près de Chancy, dans le territoire genevois, le long des confins de Seseguin, Lacouex et Seseneuve, qui resteront hors des limites de la France), le canton de Reignier (à l'exception de la portion qui se trouve à l'Est d'une ligne qui suit les confins de la Muraz, Bussy, Pers et Cornier, qui seront hors des limites françaises), et le canton de la Roche (à l'exception des endroits nommés la Roche et Armanoy, avec leurs districts), resteront à la France. La frontière suivra les limites de ces différents cantons et les lignes qui séparent les portions qui demeurent à la France de celles qu'elle ne conserve pas.

енскій (выключая часть, лежащую къ Сѣверу проводимой линіи отъ пункта, гдѣ рѣка Лера входитъ близъ Шанси въ землю Женевскую, вдоль по границамъ Сесегюиня, Лакуе и Сесенева, кои останутся внѣ предѣловъ Франціи), кантонъ Рейніерскій (выключая часть, находящуюся къ Востоку линіи, идущей по рубежамъ Мюраза, Бюсси, Перса и Корніе, кои будутъ внѣ границъ французскихъ) и кантонъ Рошскій (выключая мѣста, именуемыя Рошъ и Арманоа съ ихъ уѣздами) останутся за Франціею. Граница будетъ идти по рубежамъ сихъ разныхъ кантоновъ и по линіямъ, отдѣляющимъ части, принадлежащія Франціи, отъ тѣхъ, коихъ она не удерживаетъ за собою.

8) Dans le département du Mont-Blanc, la France acquiert la Sous-Préfecture de Chambéry (à l'exception des cantons de l'Hôpital, de St. Pierre d'Albigny, de la Rocette et de Montmélian) et la Sous-Préfecture d'Annecy, à l'exception de la partie du canton de Faverge située à l'Est d'une ligne qui passe entre Ourechaise et Marlens du côté de la France, et Marthod et Ugine du côté opposé, et qui suit après, la crête des montagnes jusqu'à la frontière du canton de Thones; c'est cette ligne qui, avec la limite des cantons mentionnés, formera de ce côté la nouvelle frontière.

8) Въ департаментѣ Монбланскомъ, Франція пріобрѣтаетъ подпрефектуру Шамберійскую (выключая кантоны Лопитальскій, Сеньпіеръ-д'Албиньискій, Росетскій и Монтмеліанскій) и подпрефектуру Аннесійскую, выключая часть кантона Фавержскаго, лежащую къ Востоку линіи, идущей между Урешезомъ и Марленомъ со стороны Франціи, и Мартодомъ и Ужинемъ съ противной стороны, и потомъ продолжающейся по хребтамъ горъ до границы кантона Тонскаго. Сія самая линія съ рубежами помянутыхъ кантоновъ будетъ съ сей стороны составлять новую границу.

Du côté des Pyrénées, les frontières restent telles qu'elles étaient entre les deux Royaumes de France et d'Espagne à l'époque du 1 janvier 1792, et il sera de suite nommé une Commission mixte de la part des deux couronnes, pour en fixer la démarcation finale.

Со стороны горъ Пиринейскихъ, границы остаются, какъ были между обоими королевствами Французскимъ и Испанскимъ до 1 Января 1792 года; немедленно учредится общая коммиссія со стороны обѣихъ Державъ, для окончательнаго назначенія тамъ рубежей.

La France renonce à tous droits de souveraineté, de suzeraineté et de possession sur tous les pays et districts, villes et endroits quelconques situés hors de la frontière ci-dessus désignée, la principauté de Monaco étant toutefois replacée dans les rapports où elle se trouvait avant le 1 janvier 1792.

Les Cours alliées assurent à la France la possession de la principauté d'Avignon, du comtat Venaissin, du comté de Montbéliard et de toutes les enclaves qui ont appartenu autrefois à l'Allemagne, comprises dans la frontière ci-dessus indiquée, qu'elles aient été incorporées à la France avant ou après le 1 janvier 1792. Les Puissances se réservent réciproquement la faculté entière de fortifier tel point de leurs Etats qu'elles jugeront convenable pour leur sûreté.

Pour éviter toute lésion de propriétés particulières, et mettre à couvert, d'après les principes les plus libéraux, les biens d'individus domiciliés sur les frontières, il sera nommé, par chacun des Etats limitrophes de la France, des commissaires, pour procéder, conjointement avec des commissaires français, à la délimitation des pays respectifs.

Aussitôt que le travail des commissaires sera terminé, il sera dressé des cartes signées par les commissaires respectifs, et placé des poteaux qui constateront les limites réciproques.

Франція отказывается отъ всѣхъ правъ государскихъ, властелинскихъ и владѣльческихъ на всѣ земли и уѣзды, города и мѣста, лежащіе внѣ вышеозначенныхъ границъ; княжество же Монакское возстановляется въ тѣ отношенія, въ какихъ находилось оно до 1 января 1792 года.

Союзные Дворы обезпечиваютъ Франціи владѣніе княжествомъ Авиньонскимъ, графствомъ Венессепьскимъ, графствомъ Монбельярдскимъ и всѣми ею вмѣщаемыми землями, нѣкогда принадлежавшими къ Германіи, и включенными въ вышепоказанную границу, хотя бы оныя были присоединены къ Франціи прежде или послѣ 1 января 1792 года. Державы предоставляютъ себѣ взаимно полную власть укрѣплять такой пунктъ въ своихъ государствахъ, какой они найдутъ приличнымъ для своей безопасности.

Во избѣжаніе нарушенія частной собственности и въ охраненіе, по началамъ самымъ благотворнымъ, имуществъ людей, жительствующихъ на границахъ, каждая изъ сопредѣльныхъ державъ Франціи назначитъ коммиссаровъ для приступленія, вмѣстѣ съ коммиссарами французскими, къ разграниченію обоюдныхъ земель.

Коль скоро коммиссары окончатъ сіе дѣло, будутъ сдѣланы чертежи, подписанные обоюдными коммиссарами, и поставлены столпы, означающіе обоюдныя границы.

Article IV.

Pour assurer les communications de la ville de Genève avec d'autres parties du territoire de la Suisse situées sur le lac, la France consent à ce que l'usage

Статья IV.

Въ обезпеченіе сообщенія города Женевы съ другими частями земли Швейцарской, лежащими по озеру, Франція соглашается, чтобы дорога

de la route par Versoy soit commun aux deux pays. Les gouvernements respectifs s'entendront à l'amiable sur les moyens de prévenir la contrebande, et de régler le cours des postes et l'entretien de la route.

чрезъ Версоа была общая обѣимъ землямъ. Обоюдныя правительства согласятся дружелюбно въ разсужденіи средствъ, нужныхъ для предупрежденія тайнаго провоза товаровъ и для учрежденія хода почтъ и содержанія оной дороги.

Article V.

La navigation sur le Rhin, du point où il devient navigable jusqu'à la mer et réciproquement, sera libre, de telle sorte qu'elle ne puisse être interdite à personne; et l'on s'occupera au futur congrès des principes, d'après lesquels on pourra régler les droits à lever par les Etats riverains, de la manière la plus favorable au commerce de toutes les nations.

Il sera examiné et décidé de même, dans le futur congrès, de quelle manière, pour faciliter les communications entre les peuples et les rendre toujours moins étrangers les uns aux autres, la disposition ci-dessus pourra être également étendue à tous les autres fleuves qui, dans leur cours navigable, séparent ou traversent différents Etats.

Статья V.

Судоходство по Рейну съ того мѣста, гдѣ рѣка сія становится судоходною, до моря и обратно, будетъ свободно такимъ образомъ, что оное ни кому возбранено быть не можетъ, и на будущемъ конгрессѣ займутся постановленіемъ правилъ, по которымъ учреждены быть имѣютъ собираемыя прибережными государствами пошлины, сколь можно равнѣе и выгоднѣе для торговли всѣхъ народовъ.

На будущемъ конгрессѣ будетъ также изслѣдовано и рѣшено, какимъ образомъ для облегченія сообщеній между народами, и дабы они всегда менѣе чуждались другъ друга, вышепомянутое постановленіе можетъ быть равномѣрно распространено на всѣ другія рѣки, кои въ судоходномъ теченіи своемъ отдѣляютъ или проходятъ разныя государства.

Article VI.

La Hollande, placée sous la souveraineté de la maison d'Orange, recevra un accroissement de territoire. Le titre et l'exercice de la souveraineté n'y pourront, dans aucun cas, appartenir à aucun prince portant ou appellé à porter une couronne étrangère.

Les Etats de l'Allemagne seront indépendants et unis par un lien fédératif.

Статья VI.

Голландія, состоящая подъ владычествомъ дома Оранжскаго, будетъ въ предѣлахъ своихъ распространена. Титулъ, сопряженный съ верховною властію, и дѣйствіе ея ни въ какомъ случаѣ не могутъ тамъ принадлежать никакому принцу, носящему или призванному носить корону чужестранную.

Германскія области будутъ независимы и соединены общимъ союзомъ.

La Suisse, indépendante, continuera de se gouverner par elle-même.

L'Italie, hors des limites des pays qui reviendront à l'Autriche, sera composée d'Etats souverains.

Швейцарія независимая будетъ и впредь управляема сама собою.

Италія, внѣ границъ земель отходящихъ къ Австріи, будетъ составлена изъ областей державныхъ.

Article VII.

L'île de Malte et ses dépendances appartiendront, en toute propriété et souveraineté, à Sa Majesté Britannique.

Статья VII.

Островъ Мальта и все отъ онаго зависящее, будетъ принадлежать въ полную собственность и обладаніе Его Великобританскому Величеству.

Article VIII.

Sa Majesté Britannique, stipulant pour elle et ses Alliés, s'engage à restituer à Sa Majesté Très-Chrétienne, dans les délais qui seront ci-après fixés, les colonies, pêcheries, comptoirs et établissements de tout genre que la France possédait, au 1 janvier 1792, dans les mers et sur les continents de l'Amérique, de l'Afrique et de l'Asie, à l'exception toutefois des îles de Tabago et de Sainte-Lucie, et de l'Ile de France et de ses dépendances, nommément Rodrigue et les Séchelles, lesquelles Sa Majesté Très-Chrétienne cède en toute propriété et souveraineté à Sa Majesté Britannique, comme aussi de la partie de Saint-Domingue cédée à la France par la paix de Bâle, et que Sa Majesté Très-Chrétienne rétrocède à Sa Majesté Catholique en toute propriété et souveraineté.

Статья VIII.

Его Великобританское Величество, договариваясь за себя и своихъ союзниковъ, обязывается возвратить Его Христіаннѣйшему Величеству, въ нижеозначенные сроки, колоніи, рыбныя ловли, конторы и заведенія всякаго рода, какими Франція владѣла по 1 число января 1792 года на моряхъ и на твердой землѣ Америки, Африки и Азіи, выключая острова Табаго, Сень-Люси и Иль-де Франсъ съ принадлежностями его, а именно: Родригомъ и Сешеллями, которыя Его Христіаннѣйшее Величество уступаетъ въ совершенную собственность и обладаніе Его Великобританскому Величеству, а равно и часть Сень-Доминга, уступленную Франціи по Базельскому мирному трактату, и которую Его Христіаннѣйшее Величество опять уступаетъ Его Католическому Величеству въ полную собственность и обладаніе.

Article IX.

S. M. le Roi du Suède et de Norvége, en conséquence d'arrangements pris avec ses Alliés, et pour l'exécution de l'article précédent, consent à ce que l'île de la Guadeloupe soit restituée à S. M.

Статья IX.

Е. В. Король Шведскій и Норвежскій, вслѣдствіе принятыхъ съ союзниками своими мѣръ, и во исполненіе предыдущей статьи, соглашается, чтобы островъ Гваделупа возвращенъ былъ

Très-Chrétienne, et cède tout les droits qu'il peut avoir sur cette île.

Его Христіаннѣйшему Величеству, и уступаетъ всѣ права, какія онъ на сей островъ имѣть можетъ.

Article X.

S. M. Très-Fidèle, en conséquence d'arrangements pris avec ses Alliés, et pour l'exécution de l'article VIII, s'engage à restituer à S. M. Très-Chrétienne, dans le délai ci-après fixé, la Guyane française, telle qu'elle existait au 1 janvier 1792.

L'effet de la stipulation ci-dessus étant de faire revivre la contestation existante à cette époque au sujet des limites, il est convenu que cette contestation sera terminée par un arrangement amiable entre les deux Cours, sous la médiation de S. M. Britannique.

Статья X.

Ея Вѣрнѣйшее Величество, вслѣдствіе принятыхъ съ ея союзниками мѣръ, и во исполненіе статьи VIII, обязуется возвратить Его Христіаннѣйшему Величеству, въ нижеозначенный срокъ, Гвіану французскую въ такомъ состояніи, какъ оная была по 1 число января 1792 года.

Какъ содержаніе помянутаго постановленія относится къ возобновленію спора, существовавшаго въ то время касательно границъ, то и соглашенось, чтобы сей споръ оконченъ былъ дружелюбно между обоими Дворами, при посредничествѣ Его Великобританскаго Величества.

Article XI.

Les places et forts existants dans les colonies et établissements qui doivent être rendus à S. M. Très-Chrétienne, en vertu des articles VIII, IX et X, seront remis dans l'état où ils se trouveront au moment de la signature du présent Traité.

Статья XI.

Крѣпости и другія укрѣпленныя мѣста въ колоніяхъ и заведеніяхъ, кои имѣютъ быть возвращены Его Христіаннѣйшему Величеству, по силѣ VIII-й, IX-й и X-й статей, отданы будутъ въ такомъ состояніи, въ какомъ найдутся при подписаніи сего трактата.

Article XII.

S. M. Britannique s'engage à faire jouir les sujets de S. M. Très-Chrétienne relativement au commerce et à la sûreté de leurs personnes et propriétés dans les limites de la souveraineté Britannique sur le continent des Indes, des mêmes facilités, privilèges et protection qui sont à présent ou seront accordés aux nations les plus favorisées. De son côté, S. M. Très-Chrétienne

Статья XII.

Его Великобританское Величество обязывается дозволить подданнымъ Его Христіаннѣйшаго Величества пользоваться, относительно торговли и безопасности особъ и собственности ихъ въ предѣлахъ владычества Великобританскаго на твердой землѣ Индіи, такими льготами, привилегіями и покровительствомъ, какія теперь даны или впредь даны будутъ народамъ

n'ayant rien plus à cœur que la perpétuité de la paix entre les deux Couronnes de France et d'Angleterre, et voulant contribuer, autant qu'il est en elle, à écarter dès à présent des rapports des deux peuples ce qui pourrait un jour altérer la bonne intelligence mutuelle, s'engage à ne faire aucun ouvrage de fortification dans les établissements qui lui doivent être restitués, et qui sont situés dans les limites de la souveraineté Britannique sur le continent des Indes, et à ne mettre dans ces établissements que le nombre de troupes nécessaires pour le maintien de la police.

наиболѣе благопріятствуемымъ. Со своей стороны Его Христіаннѣйшее Величество, желая усерднѣйше непрерывнаго продолженія мира между обѣими Державами французскою и англійскою и стараясь по всей возможности споспѣшествовать къ отвращенію отнынѣ въ сношеніяхъ обоихъ народовъ того, что могло бы со временемъ нарушить доброе взаимное согласіе, обязуется не дѣлать никакого укрѣпленія въ поселеніяхъ, которыя ему должны быть возвращены, и кои находятся въ предѣлахъ владычества Великобританскаго на твердой землѣ Индіи, и въ сихъ селеніяхъ такое только помѣщать число войскъ, какое нужно для соблюденія благоустройства.

ARTICLE XIII.

Quant au droit de pêche des Français sur le grand-banc de Terre-Neuve, sur les côtes de l'île de ce nom et des îles adjacentes, et dans le golfe de St. Laurent, tout sera remis sur le même pied qu'en 1792.

СТАТЬЯ XIII.

Что касается до права рыбной ловли Французовъ на большой мели Новой Земли (Terre-Neuve), на берегахъ острова сего имени и прилежащихъ острововъ, и въ заливѣ Святаго Лаврентія, все сіе возстановится попрежнему, какъ было въ 1792 году.

ARTICLE XIV.

Les colonies, comptoirs et établissements qui doivent être restitués à S. M. Très-Chrétienne par S. M. Britannique ou ses Alliés, seront remis, savoir: ceux qui sont dans les mers du Nord ou dans les mers et sur les continents de l'Amérique et de l'Afrique, dans les trois mois, et ceux qui sont au-delà du Cap de Bonne-Espérance dans les six mois qui suivront la ratification du présent Traité.

СТАТЬЯ XIV.

Колоніи, конторы и заведенія, кои имѣютъ быть возвращены Его Христіаннѣйшему Величеству, Е. В. Королемъ Великобританскимъ или его союзниками будутъ отданы, а именно: находящіяся на моряхъ сѣверныхъ, или на моряхъ твердой землѣ Америки и Африки, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а находящіяся за мысомъ Доброй Надежды, въ продолженіи шести мѣсяцевъ послѣ ратификаціи сего трактата.

ARTICLE XV.

Les Hautes Parties contractantes s'étant réservé, par l'article IV de la convention du 23 avril dernier, de régler dans le présent Traité de paix définitive, le sort des arsenaux et des vaisseaux de guerre armés et non armés qui se trouvent dans les places maritimes remises par la France en exécution de l'article II de ladite convention, il est convenu que lesdits vaisseaux et bâtiments de guerre armés et non armés, comme aussi l'artillerie navale et les munitions navales, et tous les matériaux de construction et d'armements, seront partagés entre la France et le pays où les places sont situées, dans la proportion de deux tiers pour la France et d'un tiers pour les Puissances auxquelles lesdites places appartiendront.

Seront considérés comme matériaux et partagés comme tels dans la proportion ci-dessus énoncée, après avoir été démolis, les vaisseaux et bâtiments en construction qui ne seraient pas en état d'être mis en mer six semaines après la signature du présent Traité.

Des commissaires seront nommés, de part et d'autre, pour arrêter le partage et en dresser l'état, et des passeports ou sauf-conduits seront donnés par les Puissances alliées pour assurer le retour en France des ouvriers, gens de mer et employés français.

Ne sont pas compris dans les stipulations ci-dessus, les vaisseaux et arsenaux existant dans les places maritimes qui

СТАТЬЯ XV.

Поелику Высокія договаривающіяся стороны, въ силу статьи конвенціи 23-го истекшаго апрѣля, предоставили себѣ учинить распоряженіе въ настоящемъ окончательномъ мирномъ договорѣ объ арсеналахъ и военныхъ корабляхъ вооруженныхъ и невооруженныхъ, кои находятся въ приморскихъ крѣпостяхъ, отданныхъ Франціею во исполненіе второй статьи реченной конвенціи; то и соглашенось, чтобы помянутые военные корабли и суда вооруженные и невооруженные, а также морская артиллерія и морская муниція и всѣ матеріалы къ строенію и вооруженію принадлежащіе, будутъ раздѣлены между Франціею и тѣмъ государствомъ, гдѣ находятся крѣпости, такъ, что двѣ трети достанутся Франціи, а одна треть тѣмъ Державамъ, которымъ принадлежать будутъ оныя крѣпости.

Строющіеся корабли и суда, кои не могли бы быть выведены въ море чрезъ шесть недѣль послѣ подписанія сего трактата, будутъ почтены матеріалами, и какъ таковые, по разломкѣ, раздѣлены въ вышеозначенной пропорціи.

Будутъ назначены коммиссары съ той и другой стороны для учрежденія сего раздѣла и составленія тому вѣдомости; паспорты же или виды для пропуска имѣютъ быть даны союзными Державами для безопаснаго возвращенія во Францію мастеровыхъ людей, морскихъ служителей и чиновниковъ французскихъ.

Не заключаются въ вышесказанныхъ постановленіяхъ корабли и арсеналы, находящіеся въ приморскихъ крѣпо-

seraient tombés au pouvoir des Alliés antérieurement au 23 avril, ni les vaisseaux et arsenaux qui appartenaient à la Hollande, et nommément la flotte du Texel.

Le gouvernement de France s'oblige à retirer ou à faire vendre tout ce qui lui appartiendra par les stipulations ci-dessus énoncées, dans le délai de trois mois après le partage effectué.

Dorénavant le port d'Anvers sera uniquement un port de commerce.

ARTICLE XVI.

Les Hautes Parties contractantes, voulant mettre et faire mettre dans un entier oubli les divisions qui ont agité l'Europe, déclarent et promettent que, dans les pays restitués et cédés par le présent Traité, aucun individu, de quelque classe et condition qu'il soit, ne pourra être poursuivi, inquiété ou troublé, dans sa personne ou dans sa propriété, sous aucun prétexte, ou à cause de sa conduite ou opinion politique, ou de son attachement, soit à aucune des Parties contractantes, soit à des gouvernements qui ont cessé d'exister, ou pour toute autre raison, si ce n'est pour les dettes contractées envers des individus, ou pour des actes postérieurs au présent Traité.

ARTICLE XVII.

Dans tous les pays qui doivent ou devront changer de maîtres, tant en vertu du présent Traité que des arrangements qui doivent être faits en conséquence, il sera accordé aux habitants

стяхъ, которые достались въ руки союзниковъ до 23 числа апрѣля, ниже корабли и арсеналы, принадлежавшіе Голландіи, и именно флотъ Тексельскій.

Французское правительство обязуется вывесть или велѣть продать все то, что ему будетъ принадлежать по вышеизображеннымъ постановленіямъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ по воспослѣдовавшемъ раздѣлѣ.

Портъ Антверпенскій будетъ впредь единственно коммерческимъ портомъ.

СТАТЬЯ XVI.

Высокія договаривающіяся стороны, желая и повелѣвая предать совершенному забвенію несогласія, тревожившія Европу, объявляютъ и обѣщаютъ, что въ возвращенныхъ и уступленныхъ симъ трактатомъ областяхъ никто, какого бы состоянія и званія онъ ни былъ, не можетъ быть гонимъ, тревожимъ или обезпокоиваемъ, ни лично, ни въ собственности его, ни подъ какимъ предлогомъ, ни по причинѣ его поведенія или политическаго мнѣнія, или по приверженности его къ договаривающимся сторонамъ, или къ правительствамъ, кои перестали существовать, или по какой бы то ни было причинѣ, развѣ токмо за долги частнымъ людямъ, или за дѣла, по заключеніи сего трактата воспослѣдовать могущія.

СТАТЬЯ XVII.

Во всѣхъ земляхъ, кои должны, или впредь должны будутъ состоять подъ властію другихъ государей, какъ по силѣ сего трактата, такъ равно и тѣхъ мѣръ, которыя вслѣдствіе онаго

naturels et étrangers, de quelque condition et nation qu'ils soient, un espace de six ans, à compter de l'échange des ratifications, pour disposer, s'ils le jugent convenable, de leurs propriétés acquises, soit avant, soit depuis la guerre actuelle, et se retirer dans tel pays qu'il leur plaira de choisir.

должны быть приняты, дается природнымъ и чужестраннымъ жителямъ, какого бы званія и народа они ни были, шести-годовый срокъ, считая со времени размѣна ратификацій, на распоряженіе, буде они заблагоразсудятъ, собственностію, пріобрѣтенною ими прежде теперешней войны или послѣ оной, и для отъѣзда въ такое государство, какое избрать пожелаютъ.

Article XVIII.

Les Puissances alliées, voulant donner à S. M. Très-Chrétienne un nouveau témoignage de leur désir de faire disparaître autant qu'il est en elles, les conséquences de l'époque de malheur si heureusement terminée par la présente paix, renoncent à la totalité des sommes que les gouvernements ont à réclamer de la France, à raison de contrats, de fournitures ou d'avances quelconques faites au gouvernement français dans les différentes guerres qui ont eu lieu depuis 1792.

De son côté, S. M. Très-Chrétienne renonce à toute réclamation qu'elle pourrait former contre les Puissances alliées, aux mêmes titres.

En exécution de cet article, les Hautes Parties contractantes s'engagent à se remettre mutuellement tous les titres, obligations et documents qui ont rapport aux créances auxquelles elles ont réciproquement renoncé.

Статья XVIII.

Союзныя Державы, желая оказать Его Христіаннѣйшему Величеству новый опытъ своего усердія касательно уничтоженія, сколько отъ нихъ зависитъ, послѣдствій злополучнаго времени, толь счастливо прекращеннаго настоящимъ миромъ, отказываются отъ всѣхъ суммъ, какія правительства имѣютъ требовать отъ Франціи по контрактамъ, за поставки, или какія бы то ни было ссуды, сдѣланныя французскому правительству во время разныхъ браней, съ 1792 г. происходившихъ.

Его Христіаннѣйшее Величество, съ своей стороны, отказывается отъ всякаго требованія, какое могъ бы онъ чинить на союзныхъ Державъ на томъ же основаніи.

Во исполненіе сей статьи, Высокія договаривающіяся стороны обязуются доставить себѣ взаимно всякіе акты, обязательства и документы, имѣющіе отношеніе къ долговымъ претензіямъ, отъ коихъ они взаимно отказались.

Article XIX.

Le gouvernement français s'engage à faire liquider et payer les sommes qu'il se trouverait devoir d'ailleurs dans

Статья XIX.

Французское правительство обязуется учинить расчетъ и заплатить суммы, кои впрочемъ оно должно бы было въ

des pays hors de son territoire, en vertu de contrats ou d'autres engagements formels passés entre des individus ou des établissements particuliers et les autorités françaises, tant pour fournitures qu'à raison d'obligations légales.

землях внѣ его предѣловъ, по заключеннымъ контрактамъ или другимъ формальнымъ записямъ между частными людьми или заведеніями и французскими начальствами, какъ за поставки, такъ и по законнымъ обязательствамъ.

Article XX.

Les Hautes Parties contractantes nommeront, immédiatement après l'échange des ratifications du présent Traité, des commissaires pour régler et tenir la main à l'exécution de l'ensemble des dispositions renfermées dans les articles XVIII et XIX. Ces commissaires s'occuperont de l'examen des réclamations dont il est parlé dans l'article précédent, de la liquidation des sommes réclamées, et du mode dont le gouvernement français proposera de s'en acquitter. Ils seront chargés de même de la remise des titres, obligations et documents relatifs aux créances auxquelles les Hautes Parties contractantes renoncent mutuellement, de manière que la ratification du résultat de leur travail complétera cette rénonciation réciproque.

Статья XX.

Высокія договаривающіяся стороны, немедленно по размѣнѣ ратификацій сего трактата, назначатъ коммиссаровъ для распоряженія и смотрѣнія за исполненіемъ всѣхъ постановленій, заключающихся въ статьяхъ XVIII-й и XIX-й. Сіи коммиссары займутся разсматриваніемъ помянутыхъ въ предъидущей статьѣ претензій, расчетовъ требуемыхъ суммъ и способа, какой правительство французское для уплаты оныхъ предложитъ. Имъ также поручена будетъ отдача актовъ, обязательствъ и документовъ, относящихся къ долговымъ претензіямъ, отъ которыхъ Высокія договаривающіяся стороны взаимно отказываются, такимъ образомъ, что ратификація постановленій ихъ довершитъ сіе взаимное отреченіе.

Article XXI.

Les dettes spécialement hypothéquées dans leur origine sur les pays qui cessent d'appartenir à la France, ou contractées pour leur administration intérieure, resteront à la charge de ces mêmes pays. Il sera tenu compte, en conséquence, au gouvernement français, à partir du 22 décembre 1813, de celles de ces dettes qui ont été converties en inscriptions au grand-livre de la dette publique de France. Les titres de toutes

Статья XXI.

Долги, обезпеченные именно въ началѣ своемъ залогомъ тѣхъ земель, кои перестаютъ принадлежать къ Франціи, или сдѣланные для внутренняго ихъ управленія, останутся на сихъ самыхъ земляхъ. Вслѣдствіе сего будутъ считаться въ пользу французскаго правительства съ 22 декабря 1813 года тѣ изъ сихъ долговъ, кои вписаны въ большую книгу государственнаго долга Франціи; документы же всѣхъ тѣхъ

celles qui ont été préparées pour l'inscription et n'ont pas encore été inscrites, seront rémis aux gouvernements des pays respectifs. Les états de toutes ces dettes seront dressés et arrêtés par une commission mixte.

долговъ, кои приготовлены были къ таковому вписанію, но еще вписаны не были, имѣютъ быть отданы правительствамъ земель, до которыхъ касаются. Вѣдомости всѣмъ симъ долгамъ будутъ составлены и утверждены общею коммиссіею.

Article XXII.

Le gouvernement français restera chargé de son côté du remboursement de toutes les sommes versées par les sujets des pays ci-dessus mentionnés dans les caisses françaises, soit à titre de cautionnements, de dépôts ou de consignations. De même les sujets français, serviteurs des dits pays, qui ont versé des sommes à titre de cautionnements, dépôts ou consignations, dans leurs trésors respectifs seront fidèlement remboursés.

Статья XXII.

Французское правительство, съ своей стороны, будетъ обязано заплатить всѣ суммы, внесенныя подданными вышеупомянутыхъ земель во французскія казначейства подъ видомъ поручительства, залога, или отдачи на сохраненіе. Равнымъ образомъ и французскимъ подданнымъ, служащимъ въ тѣхъ земляхъ, и положившимъ суммы подъ видомъ поручительства, залога, или на сохраненіе въ ихъ казначейства, будутъ оныя исправно возвращены.

Article XXIII.

Les titulaires de places assujeties à cautionnement, qui n'ont pas de maniement de deniers, seront remboursés avec les intérêts jusqu'à parfait payement, à Paris, par cinquième et par année, à partir de la date du présent Traité.

A l'égard de ceux qui sont comptables, ce remboursement commencera au plus tard six mois après la présentation de leurs comptes, le seul cas de malversation excepté. Une copie du dernier compte sera remise au gouvernement de leur pays, pour lui servir de renseignement et de point de départ.

Статья XXIII.

Почетные чиновники мѣстъ, подверженныхъ денежнымъ поручительствамъ, но неимѣющіе въ своемъ распоряженіи денегъ, будутъ удовлетворяемы съ процентами, до окончательной уплаты въ Парижѣ, пятою долею въ годъ, начиная со дня подписанія сего трактата.

Въ разсужденіи тѣхъ, кои повинны дать отчетъ, уплата сія начнется не позже шести мѣсяцевъ по представленіи ихъ счетовъ, выключая единственный случай злоупотребленія. Копія послѣдняго счета будетъ доставлена правительству ихъ земли; она послужитъ ему къ свѣдѣнію и руководству.

Article XXIV.

Les dépôts judiciaires et consignations faits dans la caisse d'amortissement, en

Статья XXIV.

Денежные судебные залоги и суммы, на сохраненіе положенныя въ казну

exécution de la loi du 28 nivôse an 13 (18 janvier 1805), et qui appartiennent à des habitants des pays que la France cesse de posséder, seront remis, dans le terme d'une année, à compter de l'échange des ratifications du présent Traité, entre les mains des autorités desdits pays, à l'exception de ceux de ces dépôts et consignations qui intéressent des sujets français; dans lequel cas ils resteront dans la caisse d'amortissement, pour n'être remis que sur les justifications résultantes des décisions des autorités compétentes.

погашенія долговъ во исполненіе закона отъ 28 нивоза 13 года (18 января 1805) и которыя принадлежатъ жителямъ земель, коими Франція перестаетъ владѣть, будутъ отданы въ годовой срокъ, считая съ размѣна ратификацій сего трактата, въ руки начальствъ помянутыхъ земель, выключая тѣ изъ сихъ судебныхъ залоговъ и суммъ на сохраненіе положенныхъ, въ коихъ участвуютъ французскіе подданные, въ каковомъ случаѣ останутся оныя въ казнѣ погашенія долговъ, и не иначе будутъ отданы, какъ по доказательствамъ, основаннымъ на рѣшеніи надлежащихъ присутственныхъ мѣстъ.

Article XXV.

Les fonds déposés par les communes et établissements publics dans la caisse de service et dans la caisse d'amortissement, ou dans toute autre caisse du gouvernement, leur seront remboursés par cinquième d'année en année, à partir de la date du présent Traité, sous la déduction des avances qui leur auraient été faites, et sauf les oppositions régulières faites sur ces fonds par des créanciers desdites communes et desdits établissements publics.

Статья XXV.

Суммы, положенныя обществами и публичными заведеніями въ казначейство штатное и въ казначейство погашенія долговъ, или во всякое другое казначейство правительства, будутъ имъ уплачиваемы по пятой доли изъ году въ годъ, начиная со дня подписанія сего трактата, за вычетомъ ссудъ, какія могли быть имъ сдѣланы, и не нарушая формальныхъ протестовъ, учиненныхъ въ разсужденіи сихъ суммъ заимодавцами помянутыхъ обществъ и помянутыхъ публичныхъ заведеній.

Article XXVI.

A dater du premier janvier 1814, le gouvernement français cesse d'être chargé du payement de toute pension civile, militaire et ecclésiastique, solde de retraite et traitement de réforme, à tout individu qui se trouve n'être plus sujet français.

Статья XXVI.

Съ 1 января 1814 года, правительство французское не находится болѣе въ обязанности выдавать всякому перестающему быть французскимъ подданнымъ пенсіи гражданскія, военныя и духовныя, также оклады отставнымъ и содержаніе за реформою остающимся.

ARTICLE XXVII.

Les domaines nationaux acquis à titre onéreux par des sujets français dans les ci-devant départements de la Belgique, de la rive gauche du Rhin et des Alpes, hors des anciennes limites de la France, sont et demeurent garantis aux acquéreurs.

ARTICLE XXVIII.

L'abolition des droits d'aubaine, de détraction et autres de la même nature, dans les pays qui l'ont réciproquement stipulée avec la France, ou qui lui avaient précédement été réunis, est expressément maintenue.

ARTICLE XXIX.

Le gouvernement français s'engage à faire restituer les obligations et autres titres qui auraient été saisis dans les provinces occupées par les armées ou administrations françaises, et, dans le cas où la restitution ne pourrait en être effectuée, ces obligations et titres sont et demeurent anéantis.

ARTICLE XXX.

Les sommes qui seront dues pour tous les travaux d'utilité publique non encore terminés, ou terminés postérieurement au 31 décembre 1812, sur le Rhin et dans les départements détachés de la France par le présent Traité, pas-

СТАТЬЯ XXVII.

Народныя волости, пріобрѣтенныя на условіяхъ обременительныхъ французскими подданными въ преждебывшихъ департаментахъ Бельжскомъ, лѣваго берега Рейна и Альпійскомъ внѣ прежнихъ границъ Франціи, обезпечены и остаются обезпеченными пріобрѣтателямъ.

СТАТЬЯ XXVIII.

Уничтоженіе права на взятіе въ казну имѣнія послѣ умершихъ во Франціи иностранцевъ (droit d'aubaine), а также и права на вычитаемыя деньги изъ наслѣдства, доставшагося чужестранцу (droit de détraction), и другихъ сего рода правъ, въ тѣхъ земляхъ, кои уничтоженіе сіе взаимно постановили съ Франціею, или кои прежде къ ней присоединены были, остается непремѣнно въ своей силѣ.

СТАТЬЯ XXIX.

Французское правительство обязуется приказать возвратить всякія записи и другіе документы, кои могли быть захвачены въ областяхъ, занятыхъ французскими арміями или правленіями; въ случаѣ же, когда таковое возвращеніе оныхъ не могло бы воспослѣдовать, тѣ всѣ записи и документы уничтожаются и остаются ничтожными.

СТАТЬЯ XXX.

Суммы, кои должно будетъ платить за всѣ для пользы государственной начатыя работы, еще не оконченныя, или оконченныя послѣ 31 декабря 1812 года, на Рейнѣ и въ департаментахъ, отдѣленныхъ отъ Франціи по силѣ сего

seront à la charge des futures possesseurs du territoire, et seront liquidées par la commission chargée de la liquidation des dettes des pays.

трактата, имѣютъ быть поставлены на счетъ будущимъ владѣтелямъ тѣхъ областей, и разочтены коммиссіею, которой поручено учинить расчетъ долгамъ оныхъ земель.

Article XXXI.

Les archives, cartes, plans et documents quelconques appartenant aux pays cédés ou concernant leur administration, seront fidèlement rendus en même temps que le pays, ou, si cela était impossible, dans un délai qui ne pourra être de plus de six mois après la remise des pays mêmes.

Cette stipulation est applicable aux archives, cartes et planches qui pourraient avoir été enlevées dans les pays momentanément occupés par les différentes armées.

Статья XXXI.

Архивы, карты, планы и всякіе документы, принадлежащіе уступленнымъ областямъ, или касающіеся до ихъ правленія, будутъ вѣрно сданы въ то самое время, какъ и области, или если бы сіе было невозможно, то отнюдь не позже какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ отдачи самихъ областей.

Сіе постановленіе относится и до архивовъ, картъ и плановъ, которые могли быть захвачены въ областяхъ, временно занятыхъ разными войсками.

Article XXXII.

Dans le délai de deux mois, toutes les Puissances qui ont été engagées de part et d'autre dans la présente guerre enverront des Plénipotentiaires à Vienne, pour régler, dans un congrès général, les arrangements qui doivent compléter les dispositions du présent Traité.

Статья XXXII.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, всѣ Державы, принимавшія участіе съ той и другой стороны въ теперешней войнѣ, отправятъ полномочныхъ въ Вѣну, для учиненія на общемъ конгрессѣ распоряженій, кои должны довершить постановленія сего трактата.

Article XXXIII.

Le présent Traité sera ratifié et les ratifications en seront échangées dans le délai de quinze jours, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi etc.

Fait à Paris, le 18 (30) mai 1814.

(L. S.) André comte de Razoumowsky.

(L. S.) Charles Robert comte de Nesselrode.

(L. S.) Le prince de Bénévent.

Статья XXXIII.

Сей трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи онаго имѣютъ быть размѣнены въ теченіи двухъ недѣль, или ранѣе буде можно.

Во увѣреніе чего и т. д.

Въ Парижѣ, 18-го (30-го) мая 1814 года.

(М. П.) Графъ Андрей Разумовскій.

(М. П.) Графъ Карлъ Робертъ Нессельроде.

(М. П.) Князь Беневентскій.

Article additionnel.

Le duché de Varsovie étant sous l'administration d'un Conseil provisoire établi par la Russie depuis que ce pays a été occupé par ses armes, les deux Hautes Parties contractantes sont convenues de nommer immédiatement une commission spéciale composée de part et d'autre d'un nombre égal de commissaires, qui seront chargés de l'examen, de la liquidation et de tous les arrangements relatifs aux prétentions réciproques.

Le présent article additionnel aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot au traité patent de ce jour. Il sera ratifié et les ratifications en seront échangées en même temps.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 18 (30) mai 1814.

(L. S.) André comte de Rasoumoffsky. (L. S.) Le prince de Bénévent.

(L. S.) Charles Robert comte de Nesselrode.

Articles séparés et secrets.

ARTICLE I.

La disposition à faire des territoires auxquels S. M. Très-Chrétienne renonce par l'article III du traité patent, et les rapports desquels doit résulter un système d'équilibre réel et durable en Europe, seront réglés au Congrès, sur les bases arrêtées par les Puissances alliées entr'elles, et d'après les dispositions générales contenues dans les articles suivants.

Дополнительная статья.

Поелику Герцогство Варшавское состоитъ подъ управленіемъ временнаго Совѣта Россіею учрежденнаго съ того времени, какъ земля сія занята оружіемъ ея, то обѣ Высокія договаривающіяся стороны согласились назначить безъ отлагательства особую комиссію, составленную съ одной и другой стороны изъ равнаго числа комиссаровъ, коимъ будетъ поручено разсмотрѣть и учинить расчеты и всякія распоряженія, относящіяся ко взаимнымъ претензіямъ.

Сія дополнительная статья будетъ имѣть ту же силу и дѣйствіе, какъ бы внесена была отъ слова до слова въ подписанный сего дня трактатъ; будетъ ратификована и ратификаціи оной имѣютъ быть размѣнены въ то же время.

Во увѣреніе чего и т. д.

Въ Парижѣ 18 (30) мая 1814 года.

(М. П.) Графъ Андрей Разумовскій. (М. П.) Князь Беневентскій.

(М. П.) Графъ Карлъ Робертъ Нессельроде.

Отдѣльныя секретныя статьи.

СТАТЬЯ I.

Назначеніе земель, отъ коихъ Его Христіаннѣйшее Величество, въ силу III статьи открытаго трактата, отказывается, и отношенія, изъ коихъ должна проистекать система дѣйствительнаго и прочнаго равновѣсія въ Европѣ, будутъ опредѣлены конгрессомъ на основаніяхъ, установленныхъ соглашеніемъ союзныхъ державъ, и согласно общимъ постановленіямъ, заключающимся въ слѣдующихъ статьяхъ.

ARTICLE II.

Les possessions de S. M. Impériale et Royale Apostolique en Italie seront limitées par le Pô et le Tessin, et le lac Majeur. Le Roi de Sardaigne rentrera en possession de ses anciens Etats, à l'exception de la partie de la Savoie assurée à la France par l'article III du présent traité. Il recevra un accroissement de territoire par l'Etat de Gênes.

Le port de Gênes restera port libre, les Puissances se réservant de prendre à ce sujet des arrangements avec le Roi de Sardaigne.

La France reconnaîtra et garantira, conjointement avec les Puissances alliées, et comme elles, l'organisation politique que la Suisse se donnera sous les auspices desdites Puissances alliées et d'après les bases arrêtées avec elles.

ARTICLE III.

L'établissement d'un juste équilibre en Europe exigeant que la Hollande soit constituée dans des proportions qui la mettent à même de soutenir son indépendance par ses propres moyens, les pays compris entre la mer, les frontières de la France telles qu'elles se trouvent réglées par le présent traité et la Meuse, seront réunis à toute perpétuité à la Hollande. Les frontières sur la rive droite de la Meuse seront réglées selon les convenances militaires de la Hollande et de ses voisins.

СТАТЬЯ II.

Владѣнія Его Императорскаго и Королевско-Апостолическаго Величества въ Италіи будутъ имѣть границами По и Тессинъ и Лаго Маджоре. Король Сардинскій вступитъ въ обладаніе старыми своими владѣніями, за исключеніемъ части Савойи, обезпеченной III статьею настоящаго трактата въ пользу Франціи. Онъ получитъ территоріальное приращеніе присоединеніемъ владѣній Генуи.

Портъ Генуа останется свободнымъ портомъ, по каковому предмету Державы предоставляютъ себѣ войти съ Сардинскимъ Королемъ въ соглашенія.

Франція признаетъ и обезпечиваетъ совмѣстно и одинаково съ союзными Державами политическое устройство, которое введетъ у себя Швейцарія съ одобренія сказанныхъ Державъ и на основаніяхъ, опредѣленныхъ по соглашенію съ ними.

СТАТЬЯ III.

Такъ какъ установленіе твердаго равновѣсія въ Европѣ требуетъ, чтобы Голландія имѣла такіе размѣры, которые дали бы ей возможность поддерживать свою независимость собственными средствами, то земли, находящіяся между моремъ, границами французскими, какъ онѣ опредѣлены настоящимъ трактатомъ, и Масомъ, присоединяются на вѣчныя времена къ Голландіи. Границы на правомъ берегу Маса будутъ опредѣлены по соображенію военныхъ интересовъ Голландіи и ея сосѣдей.

La liberté de navigation sur l'Escaut sera établie sur le même principe qui a réglé la navigation du Rhin dans l'article V du présent traité.

Свобода судоходства на Шельдѣ будетъ установлена на томъ же самомъ началѣ, которое положено въ основаніе правилъ для судоходства по Рейну въ статьѣ V настоящаго трактата.

ARTICLE IV.

Les pays allemands sur la rive gauche du Rhin, qui avaient été réunis à la France depuis 1792, serviront à l'agrandissement de la Hollande et à des compensations pour la Prusse et autres Etats allemands.

СТАТЬЯ IV.

Нѣмецкія земли на лѣвомъ берегу Рейна, которыя съ 1792 года были присоединены къ Франціи, назначаются служить увеличенію Голландіи и на вознагражденія Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ.

ARTICLE V.

La renonciation du gouvernement français, contenue dans l'article XVIII, s'étend nommément à toutes les réclamations qu'il pourrait former contre les Puissances alliées à titre de dotations, de donations, de revenus de la Légion d'honneur, de sénatoreries, de pensions et autres charges de cette nature.

СТАТЬЯ V.

Отказъ французскаго правительства, изложенный въ ст. XVIII, распространяется именно на всѣ требованія, кои оно могло бы предъявить къ союзнымъ державамъ въ силу дотацій, дарственныхъ актовъ, доходовъ Почетнаго легіона, сенаторскихъ пожалованій, пенсій и другихъ подобнаго рода обязательствъ.

ARTICLE VI.

Le gouvernement français, ayant offert, par l'article secret de la convention du 23 avril, de faire rechercher et d'employer tous ses efforts pour retrouver les fonds de la banque de Hambourg, promet d'ordonner les perquisitions les plus sévères pour découvrir lesdits fonds et de poursuivre tous ceux qui pourraient en être détenteurs.

СТАТЬЯ VI.

Французское правительство, предложивъ въ секретной статьѣ конвенціи отъ 23 апрѣля распорядиться розыскомъ и употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы найти фонды Гамбургскаго банка, обѣщаетъ предписать строжайшія разслѣдованія для открытія сказанныхъ фондовъ и преслѣдованія всѣхъ тѣхъ, у кого могли бы они находиться.

Les présents articles séparés et secrets auront la même force et valeur que s'ils étaient insérés mot à mot au traité patent de ce jour. Ils seront ratifiés,

Настоящія отдѣльныя секретныя статьи будутъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ онѣ дословно были внесены въ открытый трактатъ

et les ratifications en seront échangées en même temps.

En foi de quoi, etc.
Fait à Paris, le 18 (30) mai 1814.

(L. S.) André comte de Rasoumoffsky. (L. S.) Le prince de Bénévent.
(L. S.) Charles Robert comte de Nesselrode.

№ 508.

1815, 1(13) mars. Déclaration de Vienne contre Napoléon I. (Recueil complet des Lois № 25790).

Le traité de Paris de 1814 mit fin à la guerre des puissances alliées avec Napoléon. Louis XVIII monta sur le trône de France sans avoir „rien oublié ni rien appris“ pendant la longue durée de son exil. Le roi n'aimait pas l'Empereur Alexandre, mais ne dut pas moins convenir qu'il ne devait qu'à lui exclusivement son avènement au trône de ses ancêtres. Après que l'Empereur Alexandre eut quitté Paris, le roi lui écrivit une lettre dans laquelle il lui exprima ses sentiments de gratitude pour les bienfaits, qu'il lui avait prodigués.

„Si la sainteté des droits“, écrivait-il à l'Empereur à la date du 29 juin 1814, „auxquels vient enfin céder une usurpation longtemps irrésistible, est le garant de mon autorité, cette autorité doit elle-même être le gage d'une union naturelle et nécessaire entre la Russie et la France. C'est de notre étroite alliance qu'ils (les Français) attendront désormais la juste prépondérance que doivent exercer deux Empires entre lesquels l'ambition la plus insensée a pu seule amener une rupture, et que la politique semble rapprocher en raison de la distance qui les sépare.“

L'Empereur Alexandre n'éprouvait également pas des sentiments très tendres pour Louis XVIII; il consentit à son avènement au trône de France, seulement à cause de l'absence de tout autre candidat. Après le départ de l'Empe-

отъ сего числа. Онѣ будутъ ратифицированы и ратификаціи размѣнены одновременно съ онымъ.

Въ увѣреніе сего, и т. д.

Въ Парижѣ, 18-го (30-го) мая 1814 года.

(М. П.) Графъ Андрей Разумовскій. (М. П.) Князь Беневентскій.
(М. П.) Графъ Карлъ Робертъ Нессельроде.

№ 508.

1815 г., марта 1-го (13-го). Вѣнская декларація противъ Наполеона I. (П. С. З. № 25790.).

Парижскимъ мирнымъ трактатомъ 1814 года была закончена война союзныхъ европейскихъ державъ противъ Наполеона. Людовикъ XVIII вступилъ на французскій престолъ, „ничего не забывъ и ничему не научившись“ за продолжительное время своего изгнанія. Король не любилъ Императора Александра, но долженъ былъ сознаться, что только ему онъ обязанъ былъ своимъ восшествіемъ на прародительскій престолъ. Послѣ отъѣзда изъ Парижа Императора Александра, король написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ свои чувства благодарности за благодѣянія, ему оказанныя.

„Если святость правъ“, писалъ онъ Императору 29-го іюня 1814 года, „которымъ наконецъ-то уступила узурпація, бывшая долгое время непобѣдимою, есть гарантія моего авторитета, то послѣдній самъ долженъ служить ручательствомъ естественнаго и необходимаго союза между Россіей и Франціей... Отъ нашего тѣснаго союза французы отнынѣ ожидаютъ справедливаго превосходства, которое должно принадлежать обѣимъ монархіямъ, между коими только самое сумасбродное тщеславіе могло вызвать разрывъ и которыя, казалось бы, политика должна сближать по причинѣ разстоянія, ихъ раздѣляющаго“.

Императоръ Александръ I съ своей стороны не питалъ къ Людовику XVIII никакихъ нѣжныхъ чувствъ: онъ согласился на воцареніе его на французскомъ престолѣ только за отсутствіемъ другого кандидата. Послѣ отъѣзда

reur Alexandre pour l'Angleterre, Pozzo di Borgo fut attaché à la personne du roi de France, en qualité d'envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire. En vertu des instructions dont il était muni, ses attributions étaient bien plus étendues que celles d'un agent diplomatique ordinaire: il devait cumuler les fonctions de surveillant et de conseiller du roi. Il devait surveiller avec vigilance tous les actes du gouvernement royal et l'avertir, le cas échéant, des dangers auxquels il s'exposerait fatalement en se laissant entraîner par les principes de l'ancien régime, antérieur à la révolution.

C'est avec beaucoup d'assurance et un rare discernement que Pozzo di Borgo s'acquitta de cette mission laborieuse pendant les longues années de son séjour à Paris. Il n'a jamais été simplement l'ambassadeur de Russie auprès de la personne du roi de France, mais se crut toujours autorisé à intervenir dans les affaires du gouvernement intérieur de la France et dans sa politique étrangère. Il ne cessait de donner des conseils et insistait sur la révocation des mesures qui, à son avis, pouvaient compromettre la tranquillité intérieure de la France.

Ces conseils de l'ambassadeur de Russie ne provoquait aucun sentiment de colère ou de déplaisir chez les ministres français, si Pozzo di Borgo ne dépassait pas les limites que devaient lui imposer naturellement des considérations d'amour-propre et de tact.

Dans ces conditions, les nombreux rapports du patriote corse et du diplomate russe, publiés en partie pas son fils*), ou conservés dans les archives, présentent un intérêt particulier pour l'étude du gouvernement intérieur de la France après la restauration des Bourbons.

C'est sur ce terrain que se plaça le diplomate russe dès la première audience, dont il fut honoré par le roi Louis XVIII à Compiègne, en avril 1814.

Il conseilla au Roi de remplir bien scrupuleusement son rôle de monarque constitutionnel, car ce n'est qu'à cette condition qu'il pourra assurer à son gouvernement l'autorité et la force nécessaires pour l'apaisement des esprits en France, et la sécurité de l'ordre à l'intérieur.

*) Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, publiée par le comte Charles Pozzo di Borgo. Paris 1890—1897. Voir également Recueil de la Société Impériale Historique Russe t. CXII, 1901.

Александра I въ Англію Поццо ди Борго былъ назначенъ состоять при особѣ французскаго короля въ званіи чрезвычайнаго и полномочнаго посланника. Въ данныхъ ему инструкціяхъ его роль была опредѣлена гораздо шире обязанностей обыкновеннаго дипломатическаго агента: онъ долженъ былъ быть и надзирателемъ, и совѣтникомъ короля. Онъ долженъ былъ постоянно слѣдить за всѣми дѣйствіями французскаго королевскаго правительства и предостерегать его, въ случаѣ надобности, о всѣхъ опасностяхъ, угрожающихъ ему отъ увлеченій дореволюціонными порядками.

Поццо ди Борго съ большимъ апломбомъ и рѣдкимъ умомъ исполнялъ возложенное на него трудное порученіе въ продолженіе многихъ лѣтъ своего пребыванія въ Парижѣ. Онъ никогда не былъ только русскимъ посломъ при особѣ французскаго короля, но считалъ себя въ правѣ постоянно вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія Франціи и во внѣшнюю ея политику. Онъ неукоснительно давалъ совѣты и требовалъ отмѣны мѣропріятій, которыя, по его мнѣнію, могли имѣть роковыя послѣдствія для внутренняго спокойствія Франціи. Эти совѣты русскаго посла нисколько не вызывали гнѣва или неудовольствія французскихъ министровъ, разъ Поццо ди Борго не переходилъ границъ, поставленныхъ чувствами благоразумія и такта.

При такихъ обстоятельствахъ многочисленныя донесенія корсиканскаго патріота и русскаго дипломата, отчасти обнародованныя его сыномъ *), или хранящіяся въ архивахъ, пріобрѣтаютъ особенное значеніе для изученія порядковъ внутренняго управленія Франціи послѣ реставраціи Бурбоновъ.

На эту почву всталъ русскій дипломатъ на первой же аудіенціи, которой его удостоилъ король Людовикъ XVIII, въ апрѣлѣ 1814 года, въ Компьенѣ.

Онъ совѣтовалъ королю исполнять свою роль конституціоннаго монарха самымъ добросовѣстнымъ образомъ, ибо только въ такомъ случаѣ онъ въ состояніи будетъ обезпечить за своимъ правительствомъ тотъ авторитетъ и ту силу, которыя ему нужны для успокоенія

*) Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, publiée par le comte Charles Pozzo di Borgo. Paris 1890—1897. Ср. также Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. CXII, 1901 года.

Les puissances alliées, s'appliquait à démontrer Pozzi di Borgo, attendent de lui avant tout, le maintien de la paix et de l'ordre publique.

Le roi lui répondit qu'il se proposait „de gouverneur d'une manière constitutionnelle." Mais il ajouta aussitôt, qu'il comptait s'écarter de la charte dans les circonstances où cela serait commandé par la nécessité de consolider le trône et d'assurer la sécurité et la liberté de la nation. Pozzo di Borgo crut devoir attirer l'attention sérieuse du Roi sur le danger de toute mesure inconstitutionnelle, qui pourrait facilement provoquer des troubles au sein de la nation française (Rapport du 18 (30) avril 1814).

Pozzo di Borgo exprimait ces mêmes craintes au prince de Talleyrand, qui fut appelé à occuper de nouveau le poste de Ministre des Affaires Etrangères en France. Après avoir trahi Napoléon et vendu pour de fortes sommes à divers gouvernements étrangers, et particulièrement au gouvernement russe, le sort et l'honneur de sa patrie, Talleyrand annonça dans sa première circulaire aux représentants de la France à l'étranger „qu'une époque nouvelle de paix et d'harmonie avec tous les gouvernements va commencer pour notre patrie".

Pozzo di Borgo connaissait parfaitement le prince de Talleyrand, il apprèciait ses hautes capacités diplomatiques, mais il croyait devoir s'en défier.

En vue d'atteindre cette harmonie générale avec tous les gouvernements, la raison recommandait de l'établir avant tout avec le gouvernement russe — ce qui n'était pas facile. Dans ce but, le parti de la Cour en France s'arrêta à un projet de mariage du duc de Berry, le futur roi de France, avec la grande-duchesse Anna Pavlowna. Napoléon subit un échec dans son projet de mariage avec une grande-duchesse russe, grâce au refus catégorique de l'Impératrice-Mère, Marie Feodorovna. Dans le cas présent, cet obstacle n'existait pas, mais il en survint un autre — la question de religion.

„Le mariage du duc de Berry avec S. A. I. M-me la Grande Duchesse Anne", écrivait Pozzo di Borgo au comte Nesselrode le 1 (13) juin 1814, „forme le vœu de tous les partis et de toutes les classes. Le roi, les princes, et ceux dont l'existence est la plus attachée à leur sort,

умовъ во Франціи и обезпеченія внутренняго мира. Союзныя державы, доказывалъ Поццо ди Борго королю, ждутъ отъ него, прежде всего, сохраненія внутренняго мира и общественнаго порядка.

Король отвѣтилъ ему, что онъ намѣренъ „управлять на основаніи конституціи". Но онъ немедленно прибавилъ, что намѣренъ однако дѣлать отступленія отъ нея, вызываемыя необходимостью упрочить престолъ и обезпечить безопасность и свободу народа. Поццо ди Борго не преминулъ обратить серьезное вниманіе короля на опасность всякихъ неконституціонныхъ мѣропріятій, могущихъ вызвать серьезныя волненія въ средѣ французскаго народа. (Донесеніе отъ 18-го (30-го) апрѣля 1814 г.).

Эти опасенія Поццо ди Борго высказывалъ также князю Тальерану, который опять занялъ постъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣ измѣны Наполеону, послѣ продажи, за большія деньги, разнымъ иностраннымъ правительствамъ и въ особенности русскому, судьбы и чести своей родины, Тальеранъ объявилъ въ своемъ первомъ циркулярѣ къ представителямъ реставрированной Франціи за границею, что отнынѣ „начинается для нашего отечества новая эпоха мира и гармоніи со всѣми правительствами".

Поццо ди Борго отлично зналъ князя Тальерана: онъ признавалъ его несомнѣнные дипломатическіе таланты, но совершенно не довѣрялъ ему.

Для достиженія такой „гармоніи со всѣми правительствами" благоразуміе требовало устроить, прежде всего, полную гармонію съ русскимъ правительствомъ—что было не легко. Въ виду этой цѣли французская придворная партія придумала проектъ женитьбы герцога Берри, будущаго короля французскаго, на Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Императоръ Наполеонъ потерпѣлъ фіаско въ своемъ планѣ жениться на русской Великой Княжнѣ, благодаря категорическому отказу Императрицы Матери, Маріи Ѳеодоровны. Въ случаѣ съ герцогомъ Берри этого препятствія не было, но явилось другое, не менѣе непреодолимое. Это вопросъ вѣроисповѣданія.

„Бракосочетаніе дюка де Берри съ Ея И. В. Великой Княжною Анною Павловною", писалъ Поццо ди Борго графу Нессельроде 1-го (13-го) іюня 1814 года, „составляетъ желаніе всѣхъ партій и всѣхъ классовъ. Король, принцы и всѣ тѣ, которыхъ судьба особенно съ-

le regardent comme le meilleur appui du trône. Ceux qui craignent les mesures impolitiques ou sévères, comptent sur l'influence que S. A. I. acquerra dans les conseils des Tuileries pour empêcher les unes et les autres, et la France, en général, voit dans ce lien la stabilité de la famille régnante et le terme des révolutions."

L'insistance de Louis XVIII pour que la Grande Duchesse passât dans le giron de l'Eglise catholique-romaine fut la pierre d'achoppement qui fit échouer ce brillant projet. Lorsqu'on en parla à l'Empereur Alexandre pendant son séjours à Paris, il l'accueillit d'une manière assez favorable. Cette circonstance porta le parti de la Cour à se laisser entrainer de plus en plus par cette idée qui lui était chère. Mais lorsque le roi de France exprima le désir que la grande duchesse abjurât sa foi, l'Empereur Alexandre soumit cette question à la décision du Saint-Synode. Celui-ci s'opposa d'une manière absolue à l'idée du passage de la Grande Duchesse dans le giron de l'Eglise catholique-romaine.

Cette décision fut l'objet d'une grande déception pour les partisans de ce mariage au nombre desquels se trouvait Pozzo di Borgo lui-même. Le comte de Blacas, un homme de l'entourage intime de Louis XVIII, proposa la combinaison suivante pour sortir de cette difficulté: „Le métropolitain catholique de Mohilew", écrivait Pozzo di Borgo à la date du 13 (25) juillet 1814, „après avoir parlé à M-me la Grande Duchesse, pourrait informer le ministre de la maison du roi, comme particulièrement chargé de cette négociation, que la princesse lui parait montrer des dispositions prononcées pour ce culte; que le mariage avec le duc de Berry pourrait décider définitivement S. A. I. à l'adopter publiquement, et que cette union, dans les circonstances actuelles, est propre à accélérer une telle résolution."

Il faut ajouter en outre, que selon les assurances du comte de Blacas, le roi consentirait à ce que la grande duchesse eût dans son palais une Eglise orthodoxe jusqu'au moment, où elle se déciderait de son plein gré à accepter la foi catholique. Enfin il proposa de conserver dans le plus grand secret la lettre du métropolitain de Mohilew, et d'en laisser ignorer la teneur à la grande duchesse elle-même.

„Toute la nation (française)", écrivait Pozzo di Borgo au comte Nesselrode à la date du 28

нами связана, усматриваютъ въ этомъ событіи наилучшую опору престола. Тѣ, которые боятся неполитическихъ или крутыхъ мѣропріятій, разсчитываютъ на вліяніе, которое Ея Императорское Высочество пріобрѣтетъ въ Тюльерійскомъ совѣтѣ, чтобъ останавливать тѣ и другія. Вообще вся Франція видитъ въ этомъ союзѣ прочную основу для царствующей династіи и конецъ революціонныхъ движеній".

Однако требованіе Людовика XVIII, чтобъ Великая Княжна перешла въ лоно римско-католической церкви сдѣлалось камнемъ преткновенія для осуществленія блестящаго плана. Когда заговорили съ Императоромъ Александромъ I о брачномъ проектѣ, во время пребыванія его въ Парижѣ, онъ отнесся къ нему довольно благосклонно. Это обстоятельство заставило французскую придворную партію продолжать увлекаться дорогой ей мыслью. Но когда французскій король выразилъ желаніе чтобъ Великая Княжна отреклась отъ своей вѣры, Императоръ Александръ передалъ вопросъ на рѣшеніе Св. Синода. Послѣдній абсолютно воспротивился переходу русской Великой Княжны въ католичество.

Такое рѣшеніе сильно огорчило сторонниковъ задуманнаго брака, къ которымъ нужно причислить и самого Поццо ди Борго. Тогда ближайшій къ Людовику XVIII человѣкъ, гр. Блака, придумалъ слѣдующій выходъ изъ затрудненія: „Римско-католическій митрополитъ въ Могилевѣ", писалъ Поццо ди Борго 13-го (25) іюля 1814 года, „могъ бы, послѣ личной бесѣды съ Великою Княжною, сообщить Министру королевскаго дома, особенно уполномоченному вести это дѣло, что принцесса повидимому обнаруживаетъ сильное влеченіе къ этому вѣроисповѣданію; что бракъ съ дюкомъ де Берри могъ бы окончательно побудить ее публично принять эту вѣру и что этотъ бракъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, пригоденъ для ускоренія такого рѣшенія".

Нужно еще прибавить, что, по словамъ графа Блака, король согласился бы на то, чтобъ Великая Княжна имѣла въ своемъ дворцѣ собственную православную церковь до тѣхъ поръ, пока она добровольно не рѣшитъ перейти въ католическую вѣру. Наконецъ, онъ предложилъ сохранить въ тайнѣ письмо могилевскаго митрополита даже отъ самой Великой Княжны.

„Вся французская нація", писалъ Поццо ди Борго графу Нессельроде 28-го іюля (9-го

juillet (9 août) 1814, „attend avec le plus vif intérêt la conclusion heureuse de cette affaire“.

„Répondez moi“, écrivait-il une autre fois au comte Nesselrode, „et mettez moi dans le cas de nous conserver ce pays, qui n'est pas aussi indifférent qu'on pourrait le supposer, c'est la France!“

Mais le comte Nesselrode fut obligé de dissiper ces illusions de Pozzo di Borgo quant à la possibilité de ce mariage projeté. Il lui écrivait, à la date du 19 (31) août 1814, que l'Empereur ne saurait d'aucune manière consentir à ce que sa soeur changeât de religion. A son arrivé à St. Pétersbourg, il se persuéda encore plus que cette démarche était impossible. Cette union était reconnue irréalisable, et on recommanda à l'ambassadeur d'éviter à l'avenir des entretiens à ce sujet avec les ministres français. S'ils insistaient sur le réglement de cette affaire, il devait déclarer qu'il ne pouvait donner aucune réponse, à défaut d'instructions.

Pozzo di Borgo fut très peiné de cet échec du projet de mariage, et il persistait à démontrer au comte Nesselrode que la lettre du métropolitain catholique-romain de Mohilew ne signifiait rien, qu'elle n'obligeait à rien, et que la grande-duchesse serait parfaitement libre de professer la foi orthodoxe comme par le passé. Mais tous ces efforts furent stériles: la grande-duchesse épousa non pas le duc de Berry, mais plus tard l'héritier du trône néerlandais qui régna sous le nom de Guillaume II.

A la fin de septembre Pozzo du Borgo reçut l'ordre de l'Empereur Alexandre de se rendre à Vienne pour y prendre part aux travaux du fameux congrès.

Il y avait encore une affaire, d'une nature délicate, dans laquelle Pozzo di Borgo subit un échec complet. En juin 1814, le comte Nesselrode lui écrivit une longue lettre de Londres, dans laquelle il lui confia la mission, par ordre suprême, d'assurer la position de Caulaincourt, duc de Vicence. L'Empereur Alexandre I avait en haut estime cet homme d'Etat français et le recommanda à Louis XVIII avec beaucoup d'insistance. Il crut devoir lui rappeler les services que Caulaincourt avait rendus au roi, particulièrement à l'occasion de son avénement au trône de France. C'est au péril de sa vie qu'il

авг.) 1814 г., „ожидаетъ съ великимъ петерпѣніемъ счастливаго окончанія этого дѣла“.

„Отвѣчайте мнѣ“, писалъ онъ другой разъ графу Нессельроде, „и дайте мнѣ возможность сохранить для насъ эту страну, которая совсѣмъ не такъ безразлична, какъ можно думать: вѣдь это—Франція!“

Но графъ Нессельроде принужденъ былъ разочаровать Поццо ди Борго въ его розовыхъ надеждахъ на возможность проектированнаго брака. Онъ писалъ ему 19-го (31-го) августа 1814 г., что Государь ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на перемѣну его сестрою ея религіи. По прибытіи въ Петербургъ онъ еще больше убѣдился въ абсолютной невозможности такого шага. Этотъ брачный союзъ долженъ былъ считаться немыслимымъ, и Поццо ди Борго предписывается въ будущемъ избѣгать разговоровъ объ этомъ дѣлѣ съ французскими министрами. Если же они будутъ настаивать на скорѣйшемъ его улаженіи, то пусть онъ отвѣтитъ, что за отсутствіемъ инструкцій онъ ничего сказать не можетъ.

Поццо ди Борго былъ очень огорченъ столь неудачнымъ исходомъ брачнаго дѣла и продолжалъ доказывать графу Нессельроде, что письмо могилевскаго римско-католическаго митрополита совершенно ничего не значитъ, ни къ чему не обязываетъ и что Великая Княжна попрежнему могла бы свободно продолжать исповѣдывать православную вѣру. Но всѣ эти старанія остались безуспѣшными: Великая Княжна не вышла замужъ за дюка де Берри, но впослѣдствіи вступила въ бракъ съ наслѣдникомъ нидерландскаго престола, царствовавшимъ подъ именемъ Вильгельма II.

Въ концѣ сентября Поццо ди Борго получилъ отъ Императора Александра повелѣніе пріѣхать въ Вѣну для участія въ занятіяхъ знаменитаго Вѣнскаго конгресса.

Было еще другое щекотливое дѣло, въ которомъ Поццо ди Борго также потерпѣлъ полную неудачу. Въ іюнѣ 1814 г. графъ Нессельроде написалъ изъ Лондона Поццо ди Борго длинное письмо, въ которомъ поручилъ ему, по особенному Высочайшему повелѣнію, устроить судьбу Коленкура, дюка Висанскаго. Императоръ Александръ I питалъ особенное уваженіе къ этому французскому государственному дѣятелю и настоятельно рекомендовалъ его королю Людовику XVIII. Онъ напомнилъ ему огромныя заслуги Коленкура передъ королемъ, въ особенности въ дѣлѣ воцаренія его

défendait les intérêts du roi, et qu'il s'appliquait à les sauvegarder pendant les négociations de paix. En attendant, le roi refusait de faire qui que ce soit pour Caulaincourt, malgré les chaleureuses recommandations de l'Empereur Alexandre.

„Sa Majesté en a été vivement blessée", écrivait le comte Nesselrode à Pozzo di Borgo en date de Londres le 10 (22) juin 1814, „et charge Votre Excellence de le témoigner sans réserve. Son opinion sur le duc de Vicence n'a été démentie dans aucune circonstance; le courage avec lequel il a combattu, dans tous les temps, les idées exagérées de Bonaparte et toute l'atrocité de son système, le service essentiel qu'il a encore dernièrement rendu, et nommément à son roi et à sa patrie, en prévenant la guerre civile par tout ce qu'il a fait pour amener l'abdication, ont encore ajouté à l'estime qu'on lui doit."

Voici pourquoi l'Empereur Alexandre exprime au roi le désir qu'on traite Caulaincourt avec plus de justice, vu qu'il a été dépouillé de ses doubles fonctions, sans avoir obtenu aucune compensation. L'Empereur Alexandre chargea Pozzo di Borgo de déclarer au roi Louis XVIII qu'il aurait voulu voir le duc de Vicence au poste d'ambassadeur de France à la Cour de Russie, et qu'il accueillerait cette nomination comme un service personnel de la part du roi. Si le roi jugeait impossible de le nommer comme représentant de la France à St. Pétersbourg à poste fixe, il ne tiendrait qu'à lui de le charger d'une mission extraordinaire qui impliquerait un séjour prolongé à la Cour de Russie.

Pozzo di Borgo s'acquitta scrupuleusement de la mission délicate dont il était chargé. Il fit au comte de Blacas la lecture *in extenso* de la lettre du comte Nesselrode du 10 (22) juin, et y ajouta tout espèce d'arguments, propres à vaincre les sentiments de haîne, que Louis XVIII nourissait instinctivement pour Caulaincourt. Le ministre de Russie demanda à être reçu en audience par le roi, et pendant cette entrevue qui dura deux heures, Pozzo di Borgo plaida la cause de Caulaincourt avec beaucoup d'énergie, et insista sur sa nomination en qualité de représentant diplomatique de la France à St. Pétersbourg.

на французскомъ престолѣ. Вѣдь дюкъ Висанскій, съ опасностью для своей жизни, защищалъ интересы короля и оберегалъ ихъ во время переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ, теперь король отказывается что либо сдѣлать въ пользу Коленкура, не взирая на неотступныя о томъ просьбы самого Императора Александра.

„Его Величество", писалъ гр. Нессельроде Поццо ди Борго изъ Лондона 10-го (22-го) іюня 1814 года, „чувствуетъ себя серьезно огорченнымъ и предписываетъ Вашему Превосходительству высказать это безъ обиняковъ. Его мнѣніе о дюкѣ Висанскомъ при всякихъ обстоятельствахъ вполнѣ оправдывалось; мужество, съ которымъ онъ во всѣ времена боролся противъ сумасбродныхъ идей Бонапарта и противъ всей его отвратительной системы, существенныя услуги, оказанныя имъ еще въ самое послѣднее время, въ частности королю и отечеству, предупрежденіемъ междоусобной войны его стараніями достичь отреченія,—все это еще болѣе увеличило къ нему уваженіе, на которое онъ имѣетъ право".

Вотъ почему Императоръ Александръ выражаетъ королю желаніе, чтобъ онъ отнесся болѣе справедливо къ Коленкуру, который лишился своихъ двухъ должностей и ничего не получилъ взамѣнъ. Императоръ Александръ поручаетъ Поццо ди Борго объявить Людовику XVIII, что онъ желалъ бы видѣть дюка Висанскаго на посту французскаго посла при русскомъ дворѣ, въ каковомъ назначеніи онъ усмотритъ личное ему одолженіе со стороны короля. Если же король сочтетъ невозможнымъ назначить Коленкура постояннымъ представителемъ Франціи въ Петербургъ, то пусть онъ дастъ ему чрезвычайное порученіе для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія при русскомъ дворѣ.

Поццо ди Борго добросовѣстно исполнилъ возложенное на него деликатное порученіе. Онъ прочелъ цѣликомъ графу Блака письмо графа Нессельроде отъ 10-го (22-го) іюня и прибавилъ всевозможные аргументы, способные побороть тѣ чувства ненависти, которыя Людовикъ XVIII инстинктивно питалъ къ Коленкуру. Русскій посланникъ исходатайствовалъ себѣ особенную аудіенцію у короля, продолжавшуюся два часа. Въ теченіе этой аудіенціи Поццо ди Борго энергически защищалъ Коленкура и настаивалъ на назначеніи его въ Петербургъ, въ качествѣ дипломатическаго представителя Франціи.

Mais Louis XVIII resta inébranlable. Il se référait à ce fait irrécusable que les membres de la famille royale, aussi bien que l'opinion publique ne pourront jamais pardonner à Caulaincourt sa trahison. Lorsque, par égard pour l'Empereur Alexandre, le roi consentit à l'admettre à la Cour, le prince de Condé et le duc de Bourbon lui déclarèrent que tant que le duc de Vicence se présenterait à la Cour, ils s'abstiendront de prendre part aux festivités, ne voulant pas le rencontrer.

Tous les arguments de Pozzo di Borgo ne réussirent pas à ébranler l'obstination du roi Louis XVIII: il déclara que les circonstances et des obstacles insurmontables le forçaient à tenir le duc de Vicence à distance.

Il est certain que cette décision du roi de France dut mécontenter à un haut degré l'Empereur Alèxandre. Toutefois, pour être juste, il faut convenir que le roi avait ses raisons de ne pas accorder sa confiance à Caulaincourt qui avait trahi Napoléon, son bienfaiteur, d'une manière si honteuse, lors des pourparlers avec les Alliés, qui avaient amené son abdication au trône de France. Au nombre des traitres de Napoléon, c'est incontestablement à Caulaincourt que revient une de premières places.

Il est vrai que ce même roi Louis XVIII admit à son intimité et nomma comme son Ministre des Affaires Etrangères un homme comme le prince de Talleyrand, qui trahissait également tout le monde, et ne se faisait aucun scrupule de trahir le Souverain qu'il servait. Toutefois, c'est par Napoléon que Talleyrand ut admis à la retraite, et des sentiments de vengeance pouvaient justifier, en quelque sorte, sa conduite équivoque. Tandis que Caulaincourt jouissait, jusqu'au dernier moment, de la pleine confiance de Napoléon, était appelé à remplir les missions les plus importantes, et ne cessait de le livrer à ses ennemis et à ceux de la France. D'ailleurs Caulaincourt fournit lui-même bientôt la preuve que cette méfiance, que Louis XVIII avait de la peine à surmonter, était parfaitement fondée.

Quoiqu'il en soit, le refus de Louis XVIII de tenir compte du désir de l'Empereur Alexandre, blessa l'amour-propre de celui-ci, et amena entre les deux Souverains un certain refroidissement qui se fit remarquer au congrès de Vienne. La nomination du comte de Noailles au poste d'ambassadeur de France à la Cour

Людовикъ XVIII остался непреклоненъ. Онъ ссылался на тотъ неопровержимый фактъ, что ни члены королевской семьи, ни общественное мнѣніе не могутъ простить Коленкуру его предательства. Когда король согласился, въ угоду Императору Александру, допустить Коленкура ко двору, принцъ Конде и дюкъ Бурбонскій объявили ему, что пока дюкъ Висанскій будетъ являться сюда, они перестанутъ показываться на придворныхъ торжествахъ, не желая съ нимъ встрѣчаться.

Всѣ доводы Поццо ди Борго не могли поколебать короля: онъ объявилъ, что обстоятельства и непреодолимыя препятствія принуждаютъ его удалять отъ себя дюка Висанскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое рѣшеніе французскаго короля должно было вызвать большое неудовольствіе Александра I. Однако, справедливость требуетъ сказать, что король былъ совершенно правъ въ своемъ отказѣ имѣть какое либо довѣріе къ Коленкуру, который самымъ постыднымъ образомъ измѣнилъ своему благодѣтелю, Наполеону, во время переговоровъ съ союзными державами, предшествовавшими отреченію императора французовъ отъ престола. Въ числѣ предателей Наполеона Коленкуру принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Правда, тотъ же король Людовикъ XVIII приблизилъ къ себѣ и назначилъ своимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ такого человѣка, какъ князь Тальеранъ, который равнымъ образомъ все и всѣхъ продавалъ и всегда готовъ былъ предать Государя, которому служилъ. Но всетаки Тальеранъ получилъ отставку отъ Наполеона и могъ оправдывать свои неблаговидные поступки чувствомъ мести. Тогда какъ Коленкуръ до самой послѣдней минуты пользовался довѣріемъ Наполеона, исполнялъ важнѣйшія его порученія и—все таки предалъ его врагамъ императора и Франціи. Впрочемъ, весьма скоро Коленкуръ самъ доказалъ, что непреодолимое къ нему недовѣріе Людовика XVIII имѣетъ самое положительное основаніе.

Какъ бы то ни было, отказъ Людовика XVIII уважить желаніе Императора Александра оскорбилъ самолюбіе послѣдняго и послужилъ новою причиною взаимнаго охлажденія между обоими монархами, которое получило осязательную форму на Вѣнскомъ конгрессѣ. Оно обнаружилось уже при назначеніи графа Ноайль

de Russie en fut l'occasion. Pour bien des motifs ce choix dut provoquer le déplaisir de l'Empereur Alexandre, qui désirait voir Caulaincourt à ce poste. D'ailleurs la personnalité du comte de Noailles était si incolore qu'il ne pouvait guère inspirer de sympathies. Ce n'est que par des intrigues de Cour que Pozzo di Borgo pouvait expliquer ce choix au poste diplomatique, le plus important, d'un homme, depourvu de capacités et de toute expérience diplomatique, L'Empereur Alexandre consentit à le recevoir, et en septembre 1814 le comte de Noailles prit possession de son poste d'ambassadeur de France à la Cour de Russie.

Les instructions dont le prince de Talleyrand crut devoir munir ce nouveau représentant de la France à St.-Pétersbourg sont fort curieuses. On y reconnait le talent particulier de Talleyrand de créer un terrain favorable à toute espèce d'intrigues diplomatiques.

„Quand la France se précipitait vers l'anarchie, la Pologne faisait des efforts pour en sortir" — ces mots servent de début aux instructions du mois de juillet. Talleyrand expose ensuite la marche des relations mutuelles entre la France et la Russie pendant le règne de Cathérine II, de Paul I et d'Alexandre I. En s'arrêtant particulièrement en détail sur les rapports entre Napoléon et Alexandre I, le ministre arrive à la conclusion qu'en 1812 „la Russie fut sauvée par son climat; mais son climat ne l'eût point sauvée, sans la folle présomption et l'aveugle opiniâtreté de son ennemi".

En somme, cette guerre eût comme résultat que la France fut dépouillée de toutes ses conquêtes, tandis que la Russie acquit la moitié de la Pologne, la Finlande, une partie de la Valachie, et 8 millions de nouveaux sujets qu'elle obtint uniquement grâce à la révolution française.

Sans entrer dans l'examen plus détaillé de ces instructions, nous ferons seulement observer qu'elles signalaient à l'attention de l'ambassadeur de France un grand nombre de questions politiques et commerciales dont il avait à s'occuper. L'événement a prouvé que le comte de Noailles ne parvint à la solution d'aucun de ces problèmes. D'après les appréciations de Pozzo di Borgo, et à la lecture de ses rapports de St.-Pétersbourg, on a tout lieu de douter de ses aptitudes à remplir la mission laborieuse dont il était chargé.

французскимъ посломъ при русскомъ дворѣ. Такой выборъ долженъ былъ, по многимъ причинамъ, вызвать неудовольствіе Императора Александра. Не говоря о томъ, что онъ желалъ видѣть Коленкура на этомъ посту, самая личность графа Ноайль была настолько бездвѣтная, что не могла никого привлекать. Только придворными происками могъ Поццо ди Борго объяснить выборъ на важнѣйшій дипломатическій постъ человѣка, не имѣвшаго ни способностей, ни дипломатической опытности. Но Императоръ Александръ всетаки согласился его принять, и въ сентябрѣ 1814 года графъ Ноайль занялъ постъ французскаго посла при русскомъ дворѣ.

Весьма любопытны инструкціи, которыми князь Талейранъ снабдилъ новаго французскаго посла въ Россіи. Въ нихъ рельефно выступаетъ выдающійся талантъ Талейрана создавать почву для всевозможныхъ дипломатическихъ интригъ.

„Когда Франція ринулась въ революцію, Польша сдѣлала усилія, чтобы изъ нея выйти", — такъ начинается іюльская инструкція Талейрана. Вслѣдъ за тѣмъ онъ излагаетъ ходъ взаимныхъ отношеній Франціи и Россіи со временъ французской революціи и въ продолженіе царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I. Характеризируя особенно подробно отношенія между Наполеономъ и Александромъ, Талейранъ приходитъ къ заключенію, что въ 1812 году „Россія была спасена ея климатомъ; но и этотъ климатъ не спасъ бы ее, еслибъ не было сумасшедшаго самомнѣнія и слѣпого упрямства ея врага".

Въ результатѣ войны оказалось слѣдующее: Франція лишилась почти всѣхъ своихъ владѣній, между тѣмъ какъ Россія пріобрѣла половину Польши, Финляндію, часть Валахіи и 8 милліоновъ новыхъ подданныхъ, которые достались Россіи благодаря французской революціи.

Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этой инструкціи, замѣтимъ только, что она намѣтила для французскаго посла множество весьма сложныхъ политическихъ и коммерческихъ задачъ, разрѣшеніемъ которыхъ онъ долженъ былъ заняться. Опытъ показалъ, что графъ Ноайль не разрѣшилъ ни одной изъ этихъ задачъ. Если вѣрить отзыву о немъ Поццо ди Борго и прочесть собственныя его донесенія изъ Петербурга, то можно серьезно усомниться въ его способностяхъ исполнить возложенныя на него порученія.

Mais le comte de Noailles lui-même était d'un avis tout différent quant à ses capacités personnelles. Une semaine après son arrivée à St.-Pétersbourg, il fait un exposé de la situation du jour en Russie qui frappe par la hardiesse de ses appréciations.

„Il y a dans ce pays", écrit-il au prince de Talleyrand le 15 septembre 1814, „à côté des ressources immenses que lui présente son vaste territoire, des vices tels dans son administration, une telle médiocrité dans ses agents, qu'avec tous les moyens d'imposer à l'Europe, elle n'a cependant pas l'énergie vitale qui caractérise les nations occidentales de cette partie du monde; le colosse du Nord n'est pas doué de cette vigueur de constitution qui garantit de toute maladie".

Il est certain que l'organisme politique en Russie avait bien des défectuosités à l'époque d'Alexandre I, et réclamait des réformes fondamentales. Mais il n'appartenait pas au comte de Noailles, après un si court séjour à St.-Pétersbourg, absorbé uniquement par ses visites au monde officiel, de donner une semblable appréciation du régime politique en Russie, et de la nation russe elle-même. Il ne pouvait avoir aucune idée ni de l'un, ni de l'autre.

Dailleurs voici un exemple qui prouve jusqu'à quel point ses jugements étaient superficiels. En décembre 1814, il adressa au prince de Talleyrand une lettre, presque enthousiaste, au sujet de la consolidation du régime royaliste à l'intérieur de la France. „J'apprends toujours avec un nouveau plaisir", écrivait-il le 9 décembre, „la marche heureuse des événements dans notre patrie. C'est une belle chose que ces progrès de l'opinion".

Trois mois après, Louis XVIII prenait la fuite, et la population de Paris acclamait Napoléon avec les cris de „Vive l'Empereur!"

Toutefois si l'ambassadeur de France à St.-Pétersbourg s'est si cruellement mépris au sujet des véritables dispositions de la nation française et de l'armée de Napoléon, il faut rendre justice à d'autres qui, depuis longtemps, s'attendaient au retour de Napoléon de l'île d'Elbe. Ainsi le prince de Metternich s'est toujours prononcé contre l'établissement du Souverain détrôné à l'île

Но самъ гр. Ноайль былъ совсѣмъ другого мнѣнія о своихъ личныхъ качествахъ. Черезъ недѣлю послѣ своего пребыванія въ Петербургѣ онъ даетъ подробную характеристику тогдашняго состоянія Россіи, которая поражаетъ смѣлостью критическихъ соображеній.

„Въ этой странѣ", пишетъ онъ князю Талейрану 15-го сентября 1814 года, „съ ея громадными средствами, присущими обширной территоріи, существуютъ такіе недостатки управленія и такая посредственность его органовъ, что, не взирая на возможность импонировать Европѣ, всетаки она не обладаетъ тою жизненною энергіей, которая отличаетъ западные народы этой части свѣта. Сѣверный колоссъ не одаренъ такимъ здоровымъ организмомъ, который предохраняетъ отъ всякой болѣзни".

Несомнѣнно, что русскому государственному организму временъ Александра I были присущи весьма существенные пороки и неоспоримо, что правительственные порядки Россіи требовали коренныхъ преобразованій. Но не графу Ноайль подобало, послѣ недолгаго пребыванія въ Петербургѣ, занятаго почти исключительно визитами къ высокопоставленнымъ лицамъ, дѣлать приведенную характеристику русскихъ правительственныхъ порядковъ и самого русскаго народа. Ни о томъ, ни о другомъ онъ въ дѣйствительности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Впрочемъ, насколько вообще легкомысленны были сужденія графа Ноайль, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ декабрѣ 1814 года онъ писалъ князю Талейрану почти восторженное письмо о спокойномъ и прогрессивномъ развитіи внутренней государственной жизни Франціи. „Я постоянно и съ новымъ удовольствіемъ", писалъ онъ 9-го декабря, „узнаю о счастливомъ развитіи событій въ нашемъ отечествѣ. Какая чудная вещь такой прогрессъ общественнаго мнѣнія!"

Черезъ 3 мѣсяца Людовикъ XVIII долженъ былъ бѣгствомъ спасаться изъ Парижа, населеніе котораго, съ криками: „да здравствуетъ Императоръ!" встрѣчало Наполеона!

Впрочемъ, если французскій посолъ въ С.-Петербургѣ могъ такъ жестоко ошибаться насчетъ дѣйствительнаго настроенія французскаго народа и наполеоновской арміи, то нужно отдать справедливость другимъ лицамъ, которыя давно предсказывали возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы. Такъ, князь Меттерних всегда былъ противъ поселенія Наполеона на

d'Elbe trouvant cette localité trop rapprochée de la côte d'Italie. Le prince de Talleyrand insistait également sur la nécessité d'exiler Napoléon plus loin de l'Europe, et proposait de l'enyoyer aux îles d'Açores, et même à S-te Hélène.

Napoléon dut avoir connaissance de ces projets, et cela a dû nécessairement précipiter sa décision de reconquerir le trône de France qu'il avait perdu en grande partie grâce à la noire ingratitude et à la trahison de ceux qu'il avait comblés de ses bienfaits. Il y avait, en outre, une autre cause qui justifiait la tentative de Napoléon de reprendre le pouvoir. La désaffection générale et très légitime de la nation provoquée par le régime politique, établi par Louis XVIII ne pouvait rester ignoré de Napoléon, pendant son séjour à l'île d'Elbe: il savait que la grande majorité de la nation regrettait son bannissement et désirait son retour. Il y avait d'ailleurs pour lui encore une raison légitime pour violer les engagements signés, et en particulier l'acte d'abdication. Le gouvernement des Bourbons, non content de s'emparer des objets de valeur qui appartenaient à Napoléon, s'est soigneusement abstenu de lui payer un sou sur les deux millions de francs qu'il s'était engagé de lui servir pour son entretien personnel. Les autres clauses de l'acte, signé à Fontainebleau, n'ont également pas été exécutées.

Dans ces conditions, du moment de son débarquement, la marche de Napoléon à travers la France jusqu'aux portes des Tuileries n'était qu'une suite de triomphes. Les troupes, envoyées à sa rencontre passaient spontanément dans son camps, et il fit son entrée aux Tuileries porté sur les bras par les soldats qui l'adoraient.

Le roi Louis XVIII ne témoigna aucune frayeur lorsqu'il apprit le débarquement de Napoléon. Il convoqua les membres du corps diplomatique et leur tint le discours suivant: „Je vous prie, Messieurs, d'annoncer à vos Cours que je me porte bien, à un peu de goutte près, et que je ne suis nullement inquiet sur cet événement. J'espère qu'il ne troublera pas le repos de l'Europe ni le mien.“ (Dépêche de Boutiaguine, chargé d'affaires de Russie du 7 mars (n. st.) 1815).

Mais bientôt ce sentiment de calme olympien fit place à celui d'une impuissance complète, du désespoir et d'une panique, à mesure

островѣ Эльбѣ, въ такой близости отъ итальянскаго берега. Князь Тальеранъ равнымъ образомъ настаивалъ на удаленіи Наполеона подальше отъ Европы и предлагалъ перевезти его или на Азорскіе острова, или даже на островъ Св. Елены.

Объ этихъ проектахъ долженъ былъ узнать Наполеонъ, и они могли только ускорить его рѣшеніе возвратить себѣ французскій престолъ, потерянный имъ благодаря въ значительной степени черной неблагодарности и измѣнѣ облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Но была еще другая причина для оправданія попытки Наполеона вернуть себѣ императорскую власть. Общее и справедливое неудовольствіе французскаго народа правительственными порядками, устроенными Людовикомъ XVIII, не могло быть тайною для Наполеона на островѣ Эльбѣ. Онъ зналъ, что огромное большинство народа сожалѣетъ объ его изгнаніи и желаетъ его возвращенія. Наконецъ, было и то законное основаніе для нарушенія Наполеономъ подписанныхъ имъ обязательствъ и, въ частности, акта объ отреченіи, что Бурбонское французское правительство не только захватило драгоцѣнности и вещи, лично принадлежащія Наполеону, но даже не уплатило ему ни одного су изъ двухмилліонной суммы франковъ, которую оно обязалось уплачивать ему ежегодно на личное его содержаніе. Равнымъ образомъ не были исполнены и другія постановленія акта, подписаннаго въ Фонтенебло.

При такихъ обстоятельствахъ понятно, почему, съ момента высадки Наполеона, его движеніе къ Парижу вплоть до воротъ Тюльерійскаго дворца было однимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Войска, посланныя ему навстрѣчу, свободно переходили въ его лагерь, и на плечахъ обожающихъ его солдатъ онъ вступилъ въ Тюльерійскій дворецъ.

Король Людовикъ XVIII въ началѣ не испугался, когда узналъ о высадкѣ Наполеона. Онъ созвалъ членовъ дипломатическаго корпуса и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: „Я прошу васъ, Господа, извѣстить ваши дворы, что я чувствую себя хорошо, если не считать легкой подагры, и что я нисколько не тревожусь нынѣшнимъ событіемъ. Я надѣюсь, что оно не нарушитъ ни спокойствіе Европы, ни мое“. (Донесеніе русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Бутягина отъ 7-го марта (нов. ст.) 1815 года).

Но весьма скоро это олимпійское спокойствіе уступило мѣсто чувствамъ полнаго безсилія, отчаянія и неурядицы, по мѣрѣ того,

que le gouvernement de Paris recevait les nouvelles fatales au sujet de la marche triomphale de Napoléon. Les membres du corps diplomatique se réunissaient, deux fois par jour, pour délibérer, et eurent lieu de se convaincre *de visu* du désarroi complet du gouvernement des Bourbons.

„Il paraît", écrivait Boutiaguine au comte Nesselrode à la date du 6 (18) mars, „que la nation entière méconnait la voix de son légitime souverain". Un autre jour il rapporte ce qui suit: „tandis que l'Etat est menacé d'un bouleversement, à la Cour et au Conseil on se déchire pour les places de Ministres."

La nouvelle du débarquement de Napoléon produisit à Vienne et sur les membres du congrès une impression foudroyante. Alexandre I oublia, pour quelque temps, les intrigues révoltantes du prince de Talleyrand contre les vues légitimes de la politique russe, aussi bien que l'ingratitude manifeste de ses Alliés *).

Le comité, constitué des représentants des huit puissances principales, rédigea l'acte, ci-dessous, qui mérite sous bien des rapports une attention sérieuse. Aux termes de cet acte du 1 (13) mars 1815, Napoléon fut déclaré comme „ennemi et perturbateur du repos du monde", et soustrait à la protection des lois civiles et sociales. Cet acte fut traduit en différentes langues de l'Europe et répandu en nombre infini d'exemplaires. Il dut produire une impression immense sur les nations de l'Europe, et porta certainement un coup sensible à Napoléon.

La proclamation du 1 (13) mars 1815 est sans contredit un fait tout-à-fait exceptionnel et sans précédent dans les annales de la diplomatie. Il n'y en a pas eu de semblable, et il n'y en aura jamais, par la simple raison que les chefs de gouvernement et les monarques n'ont pas le moindre droit de déclarer un autre souverain, leur ennemi politique, en dehors des lois divines et humaines. Ni Dieu, ni les hommes ne leur ont jamais conféré ce droit.

Les souverains alliés, réunis au congrès de Vienne, n'avaient pas le moindre droit de déclarer Napoléon, au nom du monde entier —

*) Voir t. III de la présente publication pag. 180.

какъ парижское правительство стало получать роковыя извѣстія о тріумфальномъ шествіи Наполеона. Члены дипломатическаго корпуса собирались на совѣщанія два раза въ день и во-очію видѣли полную безпомощность Бурбонскаго правительства.

„Кажется", писалъ графу Нессельроде Бутягинъ 6-го (18-го) марта, „что вся нація не слушаетъ голоса своего законнаго Государя". Другой разъ онъ доносилъ, что „въ то время, когда государству угрожаетъ переворотъ, при дворѣ и въ совѣтѣ съѣдаютъ другъ друга изъза министерскихъ портфелей".

Извѣстіе о высадкѣ Наполеона произвело въ Вѣнѣ и на членовъ конгресса самое потрясающее впечатлѣніе. Императоръ Александръ I на время забылъ какъ возмутительныя интриги князя Тальерана противъ законныхъ видовъ русской политики, такъ и открытую неблагодарность своихъ союзниковъ *).

Въ комитетѣ изъ представителей главнѣйшихъ восьми державъ былъ составленъ нижеслѣдующій актъ, заслуживающій во многихъ отношеніяхъ серьезнаго вниманія. Въ силу этого акта отъ 1-го (13-го) марта 1815 года Наполеонъ былъ объявленъ „врагомъ и нарушителемъ спокойствія всего міра" и поставленъ внѣ покровительства гражданскихъ и соціальныхъ законовъ. Этотъ актъ былъ переведенъ на разные европейскіе языки и распространенъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Онъ долженъ былъ произвести огромное впечатлѣніе на всѣ европейскіе народы и несомнѣнно нанесъ Наполеону весьма чувствительный ударъ.

Прокламація отъ 1-го (13-го) марта 1815 года является совершенно исключительнымъ и небывалымъ актомъ въ исторіи международныхъ отношеній. Другого подобнаго акта никогда не было и никогда онъ, надо надѣяться, не повторится по той простой причинѣ, что никогда правители и монархи однихъ государствъ не имѣютъ ни малѣйшаго права объявлять другого монарха, ихъ политическаго врага, внѣ покровительства божескихъ и человѣческихъ законовъ. Такого права ни Божество, ни люди имъ не дали и дать не могли.

Союзные Государи на Вѣнскомъ конгрессѣ не имѣли ни малѣйшаго права, отъ имени всего міра, объявить Наполеона врагомъ всего міра.

*) Сравн. томъ III настоящаго собр. тракт. стр. 180.

ennemi de l'humanité. S'ils se sont attribués ce droit, ils ont commis un acte de violence et d'usurpation, privé de toute base juridique et morale. Le gouvernement de Louis XVIII ayant violé tous les engagements contractés avec Napoléon, celui-ci avait, au point de vue juridique, le droit de quitter l'île d'Elbe. Les Bourbons n'ayant tenu aucun compte des vœux légitimes et des droits de la nation française, Napoléon était parfaitement justifié de tenter de rétablir le pouvoir impérial sur les ruines d'un régime politique, déchu par sa propre impuissance et couvert du mépris presque général.

Если они присвоили себѣ такое право, то совершили актъ самоуправства и насилія, который не имѣлъ подъ собою ни правовой, ни нравственной почвы. Въ виду нарушенія правительствомъ Людовика XVIII всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи Наполеона, послѣдній имѣлъ юридическое основаніе возвратиться съ острова Эльбы. Въ виду неуваженія Бурбонами законнѣйшихъ желаній и правъ французскаго народа, Наполеонъ имѣлъ нравственное оправданіе своей попытки возстановить свою императорскую власть на развалинахъ правительственнаго порядка, павшаго отъ собственнаго безсилія и заслужившаго почти всеобщее презрѣніе.

Mais l'acte ci-dessous fut promulgué dans tous les pays de l'Europe, et bien des historiens le considèrent comme le produit d'une haute sagesse politique des gouvernements alliés, et la preuve de la solidarité des intérêts des nations européennes. Pour notre part, il nous semble difficile de trouver une sagesse politique quelconque dans un acte, basé sur une usurpation manifeste. Nous ne saurions admettre qu'un acte, dicté par la volonté de huit souverains de l'Europe et inspiré exclusivement par leurs vues et leurs intérêts, puisse être considéré comme un témoignage de solidarité entre tous les souverains et toutes les nations de l'Europe.

Но нижеслѣдующій актъ былъ обнародованъ во всѣхъ странахъ Европы, и многіе историки считаютъ его актомъ великой государственной мудрости союзныхъ государствъ и доказательствомъ солидарности интересовъ европейскихъ народовъ. Намъ кажется, что трудно найти въ этомъ международномъ актѣ, основанномъ на явномъ самозванствѣ, какую либо государственную мудрость. Едва ли актъ, продиктованный волею восьми европейскихъ монарховъ и вызванный ихъ собственными исключительными интересами и взглядами, можетъ быть признанъ выраженіемъ солидарности интересовъ всѣхъ европейскихъ монарховъ и народовъ.

Les puissances qui ont signé le Traité de Paris réunies en Congrès à Vienne, informées de l'évasion de Napoleon Buonoparte et de son entrée à main armée en France, doivent à leur propre dignité et à l'intérêt de l'ordre social une déclaration solemnelle des sentiments que cet événement leur a fait éprouver.

Дворы, заключившіе трактатъ Парижскій и нынѣ собравшіеся на общій конгрессъ въ Вѣнѣ, узнавъ о бѣгствѣ Наполеона Бонапарте съ острова Эльбы и вторженіи его съ войскомъ во Францію, почитаютъ себя обязанными, какъ для сохраненія собственнаго достоинства, такъ и для выгодъ общественнаго порядка, объявить торжественно, съ какими чувствами они взираютъ на сіе происшествіе.

En rompant ainsi la convention qui l'avait établi à l'île d'Elbe, Buonoparte détruit le seul titre légal auquel son existence se trouvait attachée. En reparaissant en France, avec des projets

Чрезъ нарушеніе конвенціи, даровавшей ему островъ Эльбу, Наполеонъ Бонапарте уничтожаетъ самъ свое единственное законное право на политическое существованіе; являясь снова

de troubles et de bouleversements, il s'est privé lui-même de la protection des lois, et a manifesté, à la face de l'univers, qu'il ne saurait y avoir ni paix ni trève avec lui.

Et quoiqu'intimement persuadés que la France entière se ralliant autour de son Souverain légitime, fera incessamment rentrer dans le néant cette dernière tentative d'un délire criminel et impuissant, tous les Souverains de l'Europe, animés des mêmes sentiments et guidés par les mêmes principes, déclarent, que si, contre tout calcul, il pouvait résulter de cet événement un danger réel quelconque, ils seraient prêts à donner au Roi de France et à la nation française, ou à tout autre gouvernement attaqué, dès que la demande en serait formée, les secours nécessaires pour rétablir la tranquillité publique, et à faire cause commune contre tous ceux qui entreprendraient de la compromettre.

Les Puissances déclarent en conséquence, que Napoléon Buonaparte s'est placé hors des relations civiles et sociales, et que, comme ennemi et perturbateur du repos du monde, il s'est livré à la vindicte publique.

Elles déclarent en même temps que fermement résolues de maintenir intact le Traité de Paris du 30 mai 1814 et les dispositions sanctionnées par ce Traité, ainsi que celles qu'elles ont arrêtées, ou qu'elles arrêteront encore pour le compléter et le consolider, elles emploieront tous leurs moyens et réuniront tous leurs efforts pour que la paix générale, objet des vœux de l'Eu-

во Франціи, съ замыслами мятежей и гибели, онъ самъ себя лишаетъ покрова законовъ и доказываетъ свѣту, что съ нимъ не можетъ быть договоровъ и мира.

Монархи Европы увѣрены, что вся Франція вооружится за своего Государя законнаго и вскорѣ положитъ конецъ симъ послѣднимъ, безсильнымъ покушеніямъ преступнаго властолюбія, но при томъ, одушевляясь одинакими чувствами и слѣдуя однимъ правиламъ, объявляютъ, что если, противъ всякаго ожиданія, впослѣдствіи возникнетъ отъ сего происшествія какая-либо истинная опасность для Короля и народа Французскаго, или инаго Правительства, то они будутъ готовы, по первому требованію, даровать имъ нужное для возстановленія общей тишины пособіе и совокупными силами ополчиться на всѣхъ дерзающихъ нарушать оную.

Они объявляютъ, что Наполеонъ Бонапарте самъ исключилъ себя изъ числа людей, охраняемыхъ щитомъ гражданскихъ и политическихъ установленій; что онъ, какъ открытый врагъ и возмутитель всемірнаго спокойствія, предается праведной мести обществъ.

Они объявляютъ также, что твердо рѣшились блюсти за ненарушимостью Парижскаго трактата 18-го (30) мая 1814 года, и всѣхъ какъ постановляемыхъ симъ трактатомъ условій, такъ равно и тѣхъ, кои для дополненія и утвержденія онаго заключены или будутъ впредь заключены ими: что они всѣми данными имъ отъ Неба средствами и соединенными усиліями будутъ пре-

rope et but constant de leurs travaux, ne soit pas troublée de nouveau, et pour la garantir de tout attentat qui menacerait de replonger les peuples dans les désordres et les malheurs des révolutions.

La présente déclaration, insérée au protocole du congrès réuni à Vienne dans sa séance du 1 (13) mars 1815 sera rendue publique.

Fait et certifié véritable par les Plénipotentiaires des huit puissances signataires du Traité de Paris. A Vienne le 13 mars 1815.

Suivent les signatures dans l'ordre alphabétique des cours.

дохранять драгоцѣнный для Европы миръ, бывшій всегдашнею цѣлію трудовъ Ихъ, отвращая, предупреждая дѣйствіе всякихъ замысловъ, могущихъ снова ввергнуть народы въ бездну революціонныхъ смятеній и бѣдствія.

Сія Декларація, внесенная 1-го (13) марта 1815 года въ протоколъ засѣданій собраннаго въ Вѣнѣ Конгресса, долженствуетъ быть обнародована.

Писано и засвидѣтельствовано Полномочными осьми Державъ, заключившихъ Трактатъ Парижскій. Въ Вѣнѣ 1-го (13) марта 1815 года.

За симъ слѣдуютъ подписанія Полномочныхъ, по азбучному порядку названій Дворовъ (на Французскомъ).

Autriche.

Le prince de Metternich.
Le baron de Wessenberg.

Австрія:

Князь Меттернихъ.
Баронъ Весенбергъ.

Espagne.

P. Gomez Labrador.

Гишпанія:

Педро Гомецъ Лабрадоръ.

France.

Le prince de Talleyrand.
Le duc de Dalberg.
Latour du Pin.
Le comte Alexis de Noailles.

Франція:

Князь Таллейранъ.
Дюкъ Дальбергъ.
Латуръ дю Пенъ.
Графъ Алексѣй де Ноайль.

Grande Bretagne.

Wellington.
Clancarty.
Cathcart.
Stewart.

Великобританія:

Веллингтонъ.
Каткартъ.
Кланкарти.
Стюартъ.

Portugal.

Le comte Palmella.
Saldanha.
Lobo.

Португалія:

Графъ Пальмелла.
Сальданья.
Лобо.

Prusse.

Le prince de Hardenberg.
La baron Humboldt.

Пруссія:

Князь Гарденбергъ.
Баронъ Гумбольдтъ.

Russie.

Le comte de Rasoumoffsky.
Le comte de Stackelberg.
Le comte de Nesselrode

Suède.

Löwenhielm.

№ 509.

1815, 15 (27) mars. Acte d'accession de la France au traité d'alliance, du 13 (25) mars, signé à Vienne par les plénipotentiaires de la Russie, de l'Angleterre, de l'Autriche et de la Prusse (voir t. III, pag. 177).

1815, 28 mai (9 juin). Acte du congrès de Vienne (voir t. III № 79—96, pag. 207—534).

№ 510.

1815, 5 (17) septembre. Convention militaire, signée à Paris.

La marche de Napoléon de Fréjus à Paris, signalée par une suite de triomphes et l'attraction puissante de son nom et de son drapeau démontrèrent avec éclat l'inconsistance complète du régime des Bourbons. Mais Louis XVIII était naturellement d'un avis différent. Il croyait pouvoir compter sur l'attachement sans réserve de la nation française et n'attribuait les succés de Napoléon qu'à l'effet d'une trahison criminelle et d'une perfidie sans précédent.

Quoiqu'il en soit, Louis XVIII fut obligé de s'enfuir de Paris et de chercher un refuge en Belgique. Il adressa à l'Empereur Alexandre une lettre d'Ostende, du 27 (15) mars 1815, dans laquelle il lui dit entre'autre ce qui suit:

Россія:

Графъ Разумовскій.
Графъ Стакельбергъ.
Графъ Нессельродъ.

Швеція:

Лёвенгіельмъ.

№ 509.

1815 г., марта 15-го (27-го). Актъ приступленія Франціи къ союзному трактату отъ 13-го (25-го) марта, подписанному въ Вѣнѣ уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. (См. т. III, стр. 177).

1815 г., мая 28-го (іюня 9-го). Актъ Вѣнскаго конгресса. (См. т. III, № 79—96, стр. 207—534).

№ 510.

1815 г., сентября 5-го (17-го). Военная конвенція, подписанная въ Парижѣ.

Тріумфальное шествіе Наполеона отъ Фрежюса до Парижа и неудержимая притягательная сила его имени и его знамени неопровержимымъ образомъ доказали полную несостоятельность Бурбонскаго режима. Но Людовикъ XVIII, само собою разумѣется, былъ другого мнѣнія: онъ былъ убѣжденъ, что французскій народъ ему преданъ всѣми чувствами своего сердца и что успѣхъ Наполеона есть только результатъ преступной измѣны и неслыханнаго коварства.

Какъ бы то ни было, но король Людовикъ XVIII былъ принужденъ спасаться бѣгствомъ изъ Парижа въ Бельгію. Изъ Остенде онъ написалъ Императору Александру I письмо отъ 27-го (15-го) марта 1815 года, въ которомъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Votre Majesté Impériale aura sans doute appris par quelle suite de trahisons je me suis vu contraint d'abandonner ma capitale pour me renfermer à Lille, où bientôt après il m'a fallu renoncer encore à l'espoir de me défendre. Jamais défection plus funeste n'a plus complètement déjouée toute espèce de résistance. Partout j'ai recueilli les plus touchantes preuves de l'amour de mes sujets; mais partout je n'ai trouvé dans mes troupes que l'impatience d'aller servir un chef dont le nom leur rappelle et semble leur promettre encore la conquête et la dévastation de l'Europe".

Selon l'avis du roi Louis XVIII, toute la force du génie de Napoléon résidait dans l'entraînement fanatique de l'armée française.

„La force de l'homme auquel une partie de mes Etats se trouve maintenant livrée", écrivait-il dans cette même lettre, „ne consiste que dans l'égarement d'une armée devenue étrangère aux sentiments qui animent ses frères et ses citoyens, et cette armée attend de lui tout ce qui doit combler les maux de la France!... C'est avec la plus entière confiance que je sollicite son appui pour moi et pour mon peuple opprimé".

La réponse de l'Empereur Alexandre à ces épanchements du roi de France était assez laconique et réservée. Il se borna à informer le roi qu'il vient de faire choix du général Pozzo di Borgo pour être attaché à sa personne et le suivre partout. Louis XVIII exprima sa pleine satisfaction au sujet de cette nomination et profita de l'occasion pour énoncer encore une fois ses craintes au sujet de l'avenir de la France et de sa dynastie. Il était convaincu de l'amour sans bornes de la nation française, heureuse de vivre sous l'égide de la constitution, „qui chaque jour se serait perfectionnée".

„Je ne puis", poursuit le roi, „douter de l'appui que trouveront en France les étrangers qui n'y paraitront que comme des libérateurs. Je compte particulièrement sur les nobles intentions de Votre Majesté Impériale à l'égard de mes sujets. En n'attaquant que l'ennemi de toute justice et de toute liberté, le triomphe de la Confédération Européenne sera celui de tous les bons Français, et par conséquent le plus conforme aux desseins de Votre Majesté Impériale".

„Ваше Императорское Величество, безъ сомнѣнія, узнали, какимъ рядомъ предательствъ я увидѣлъ себя принужденнымъ покинуть мою столицу, чтобъ укрыться въ Лиллѣ, гдѣ я скоро также долженъ былъ отказаться отъ надежды защищаться. Никогда еще болѣе пагубная измѣна не парализовала столь непреодолимымъ образомъ всякую возможность сопротивленія. Вездѣ я видѣлъ самыя трогательныя доказательства любви моихъ подданныхъ. Но повсюду я находилъ въ моихъ войскахъ только нетерпѣливое желаніе идти служить начальнику, имя котораго имъ напоминаетъ и, повидимому, еще обѣщаетъ завоеваніе и опустошеніе Европы".

По мнѣнію короля Людовика XVIII, вся сила генія Наполеона исключительно заключается въ сумасбродныхъ увлеченіяхъ французскихъ войскъ.

„Сила человѣка", писалъ онъ въ этомъ мартовскомъ письмѣ, „во власти котораго находится въ настоящее время часть моихъ владѣній, заключается только въ заблужденіяхъ арміи, чуждой тѣхъ чувствъ, которыми проникнуты ея братья и сограждане, и эта армія ожидаетъ отъ него всего, что должно довершить бѣдствія Франціи!.. Вотъ почему я съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь съ просьбою о вашей поддержкѣ меня и моего угнетеннаго народа".

Отвѣтъ Императора Александра I на эти изліянія французскаго короля не отличается ни многорѣчіемъ, ни теплотою. Онъ извѣщаетъ короля о назначеніи генерала Поццо-ди-Борго состоять при его особѣ и слѣдовать за нимъ повсюду. Людовикъ XVIII выразилъ полное удовольствіе по поводу этого назначенія, но не упустилъ случая, чтобы вновь высказать свои опасенія относительно будущности Франціи и своей династіи. Онъ былъ увѣренъ въ безпредѣльной къ нему любви французскаго народа, который былъ счастливъ жить подъ покровомъ конституціи, „долженствовавшей совершенствоваться съ каждымъ днемъ".

„Я не могу сомнѣваться", продолжаетъ король, „въ поддержкѣ, которую найдутъ во Франціи иностранцы, явившіеся туда исключительно какъ освободители. Я въ особенности разсчитываю на великодушныя намѣренія Вашего Императорскаго Величества въ отношеніи моихъ подданныхъ. Направляя удары исключительно противъ врага всякой справедливости и всякой свободы, торжество европейской конфедераціи будетъ

L'Empereur Alexandre avait des raisons sérieuses de douter de l'amour des Français pour Louis XVIII, ce représentant du vieux régime, qui monta sur le trône de France après le règne brilliant de Napoléon. Pendant toute la durée de leur exil, le roi et sa famille „n'ont rien oublié et rien appris". L'Empereur Alexandre savait par les rapports de Boutiaguine dans quelles conditions honteuses s'est opérée la fuite du roi au moment, où Napoléon s'approchait de la capitale à la tête des troupes royales qui avaient été envoyées pour arrêter sa marche. Il savait que le roi et les membres de sa famille se hatèrent d'expédier en Angleterre des capitaux considérables en numéraire et tout ce qu'ils purent saisir en fait d'argenterie dans les palais et de monnaies d'argent dans les caisses. (Rapports de Boutiaguine du 6 (18) mars 1815).

Enfin l'Empereur Alexandre avait tout aussi peu de sympathie pour Louis XVIII, que celui-ci en avait pour lui. Ce manque d'attraction était tout-à-fait réciproque. Toutefois dans ces conjonctures l'Empereur ne se croyait pas autorisé de se laisser guider par ses sentiments personnels. Selon ses convictions, Napoléon étant revenu de l'île d'Elbe contrairement aux engagements contractés et ayant troublé la tranquillité de la France et la paix de l'Europe, devait coûte que coûte être dépouillé de son pouvoir. Il n'admettait pas l'idée de conclure un arrangement quelconque et refusait catégoriquement de s'engager dans des pourparlers avec lui.

A son arrivée à Paris, Napoléon écrivit à l'Empereur Alexandre une lettre en date du 4 avril 1815, dans laquelle il lui promettait solennellement de consacrer désormais sa vie exclusivement au bien-être de la nation française, dans les limites fixées par les derniers événements en Europe.

„L'établissement du trône impérial", écrivait-il, „était nécessaire au bonheur des Français. Ma plus douce pensée est de le rendre en même temps utile à l'affermissement du repos de l'Europe. Assez de gloire a illustré tour à tour les drapeaux de diverses nations; les vicissitudes du sort ont assez fait succéder de grands revers à de grands succès. Une plus belle arène est aujourd'hui ouverte aux souverains et je suis

торжествомъ всѣхъ порядочныхъ французовъ и, вслѣдствіе этого, наиболѣе согласнымъ съ намѣреніями Вашего Императорскаго Величества".

Императоръ Александръ имѣлъ вѣскія основанія сомнѣваться въ истинности любви французовъ къ представителю „стараго порядка", Людовику XVIII, вступившему на французскій престолъ послѣ блестящаго царствованія Наполеона. Въ продолженіи своего долгаго изгнанія изъ Франціи ни самъ король, ни его семья „ничего не забыли и ничему не научились". Императоръ Александръ зналъ изъ донесеній Бутягина, при какихъ позорныхъ условіяхъ совершилось бѣгство короля изъ Парижа при приближеніи Наполеона къ столицѣ во главѣ посланныхъ противъ него королевскихъ войскъ. Онъ зналъ, что король и члены его семьи спѣшили отправить въ Англію большія суммы денегъ золотомъ и все серебро, которыя они въ состояніи были захватить въ дворцахъ и кассахъ. (Донесеніе Бутягина отъ 6-го (18-го) марта 1815 года).

Наконецъ, Императоръ Александръ питалъ къ королю Людовику XVIII столь же мало личной симпатіи, сколько и послѣдній къ нему. Отсутствіе личнаго расположенія было вполнѣ взаимное. Однако Императоръ Александръ не считалъ себя въ правѣ руководствоваться при данныхъ обстоятельствахъ чувствами личной симпатіи или антипатіи. По его убѣжденію, Наполеонъ, вернувшись, вопреки принятымъ обязательствамъ, съ острова Эльбы и вновь нарушивъ спокойствіе Франціи и миръ Европы, долженъ былъ, во что бы то ни стало, быть разбитъ и уничтоженъ. Онъ не допускалъ даже мысли о какомъ либо соглашеніи съ нимъ и категорически отказался вступить съ нимъ въ какія-либо сношенія.

По прибытіи своемъ въ Парижъ, Наполеонъ написалъ Императору Александру письмо отъ 4-го апрѣля 1815 года, въ которомъ даетъ торжественное обѣщаніе отнынѣ жить исключительно для блага французскаго народа, въ границахъ, поставленныхъ ему новѣйшими международными событіями.

„Установленіе императорскаго престола", писалъ онъ, „было необходимо для счастья французовъ. Моя задушевная мысль заключается въ томъ, чтобы сдѣлать его въ то же время полезнымъ для закрѣпленія спокойствія въ Европѣ. Достаточно славы поочередно имѣли знамена различныхъ народовъ; достаточно превратности судьбы приводили къ великимъ пораженіямъ послѣ великихъ побѣдъ. Отнынѣ

le premier à y descendre... Si tels sont, comme j'en ai l'heureuse confiance, les sentiments personnels de Votre Majesté, le calme général est assuré pour longtemps".

Cette lettre de Napoléon resta sans réponse. L'Empereur Alexandre jugeait que la déclaration de mars qui plaçait Napoléon en dehors de la protection des lois humaines était une réponse suffisamment catégorique à toutes les communications de l'Empereur des Français.

Le même sort fut réservé à la lettre de Caulaincourt au comte Nesselrode, de la même date. Elle expose la marche triomphale, suivie par Napoléon depuis le lieu du débarquement jusqu'à Paris. Caulaincourt insiste sur l'accueil enthousiaste que la nation française fit à Napoléon et signale le fait indiscutable de l'attachement de l'armée française à son chef adoré.

D'après les assurances de Caulaincourt, Napoléon était résolu de payer tous ces témoignages de fidélité „non par des trophées d'une trop infructueuse grandeur, mais par tous les avantages d'un honorable repos, par tous les bienfaits d'une heureuse tranquillité. C'est à la durée de la paix que tient l'accomplissement des plus nobles vœux de l'Empereur".

Cette lettre resta également sans réponse de la part du comte Nesselrode.

Le règne de cent jours de Napoléon prit fin après la bataille de Waterloo. Les armées alliées occupèrent Paris une seconde fois et les grandes puissances alliées se préparaient à imposer à la France de nouvelles conditions de paix.

Les actes ci-dessous se rapportent à cette époque: le premier (№ 509) confirme l'accession du roi Louis XVIII à l'alliance des quatre grandes puissances contre Napoléon. Le dernier (№ 510) fut provoqué par le fait de l'occupation de Paris par les alliés et la nécessité d'assurer le ravitaillement des troupes.

Enfin l'acte général du congrès de Vienne, se rapportant également à cette époque fut inséré intégralement avec toutes ses annexes dans un des volumes précédents.

болѣе прекрасная арена открывается для Государей, и я первый готовъ на нее вступить... Если таковы личныя чувства Вашего Величества, — въ чемъ я питаю счастливую увѣренность, — то общее спокойствіе обезпечено на многіе годы".

Это письмо Наполеона было оставлено безъ отвѣта. Императоръ Александръ I полагалъ, что мартовская декларація о признаніи Наполеона внѣ покровительства человѣческихъ законовъ, есть достаточно категорическій отвѣтъ на всѣ писанія императора французовъ.

Та же участь постигла письмо Коленкура отъ того же числа къ графу Нессельроде. Въ этомъ письмѣ описывается тріумфальное шествіе Наполеона отъ морского берега, гдѣ онъ высадился, вплоть до Парижа. Коленкуръ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о восторженной встрѣчѣ Наполеона французскимъ народомъ и подчеркиваетъ неопровержимый фактъ привязанности французской арміи къ ея обожаемому начальнику.

За всѣ эти доказательства Наполеонъ, по словамъ Коленкура, рѣшился отплатить „не лаврами слишкомъ безплоднаго величія, но всѣми выгодами почетнаго отдыха и всѣми благодѣяніями счастливаго спокойствія. Въ сохраненіи мира Императоръ увидитъ исполненіе своихъ наиболѣе благородныхъ желаній".

Это письмо также осталось безъ отвѣта со стороны графа Нессельроде.

Стодневное царствованіе Наполеона кончилось на полѣ сраженія при Ватерлоо. Союзныя войска вторично заняли Парижъ и великія союзныя державы готовились предписать Франціи новыя условія мира.

Нижеслѣдующіе акты относятся къ этому времени. Первый актъ (№ 509) подтверждаетъ присоединеніе короля Людовика XVIII къ союзу четырехъ великихъ союзныхъ державъ противъ Наполеона. Послѣдній актъ (№ 510) вызванъ фактомъ занятія Парижа союзными державами и необходимостью обезпечить продовольствіе войскъ.

Наконецъ, генеральный актъ Вѣнскаго конгресса, относящійся къ этому же времени, уже напечатанъ цѣликомъ въ одномъ изъ прежнихъ томовъ, со всѣми приложеніями.

№ 509.

Le soussigné Ministre et Secrétaire d'Etat de S. M. Très-Chrétienne ayant le Département des Affaires Etrangères, a reçu la note que L. L. E. E. M. M. les ambassadeurs représentant au congrès les Puissances signataires du traité de Chaumont lui ont fait l'honneur de lui adresser en lui communiquant le traité de Vienne du 25 de ce mois, par lequel les engagements contractés par le traité de Chaumont susdit sont renouvelés dans la vue de préserver la France en particulier et l'Europe en général, des suites que pourrait avoir l'invasion de Buonaparte et de maintenir l'ordre de choses établi par le traité du 30 mai 1814.

Le soussigné prie L. L. E. E. d'agréer tous ses remerciements de la communication qu'elles ont bien voulu lui faire. Mais il a dès à présent l'honneur de leur annoncer qu'il se trouve suffisamment autorisé par la teneur de ses instructions, à adhérer au nom de S. M. Très-Chrétienne à chacune des stipulations contenues dans le susdit traité du 25 de ce mois, lesquelles seront exécutées de la part de sa dite Majesté dans toute la latitude des moyens dont les circonstances lui permettront de disposer.

Le soussigné a l'honneur etc.

Vienne, le 27 mars 1815.

Talleyrand.

№ 509.

Нижеподписавшійся Министръ и Статсъ-Секретарь Его Христіаннѣйшаго Величества, завѣдывающій Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ, получилъ ноту, которую Ихъ Превосходительства послы, представители на конгрессѣ Державъ, подписавшихъ Шомонскій трактатъ, сдѣлали ему честь адресовать, съ сообщеніемъ ему Вѣнскаго трактата отъ 25-го сего мѣсяца, коимъ обязательства, заключенныя на основаніи помянутаго Шомонскаго трактата, возобновлены въ видахъ предохраненія въ особенности Франціи и вообще Европы отъ послѣдствій, которыя могло бы повлечь за собою нашествіе Бонапарта, и для поддержанія порядка, установленнаго трактатомъ 30-го мая 1814 года.

Нижеподписавшійся проситъ Ихъ Превосходительства принять глубокую его благодарность за сообщеніе, которое они благоволили ему сдѣлать. Вмѣстѣ съ симъ онъ имѣетъ честь имъ заявить, что на основаніи своихъ инструкцій онъ достаточно уполномоченъ къ тому, чтобы отъ имени Его Христіаннѣйшаго Величества присоединиться къ каждому изъ постановленій, вошедшихъ въ упомянутый трактатъ отъ 25-го сего мѣсяца, каковыя и будутъ исполнены со стороны Его реченнаго Величества во всей мѣрѣ тѣхъ средствъ, коими обстоятельства позволятъ ему располагать.

Нижеподписавшійся имѣетъ честь и пр.

Вѣна, 27 марта 1815 года.

Тальеранъ.

№ 510.

Entre Mr. le lieutenant-général Cancrin, Intendant-général des armées Impériales Russes et Mr. de Bulhakow, conseiller d'Etat actuel de S. M. l'Empereur de toutes les Russies d'un coté.

Et M. M. le comte Corvetto, le baron de la Bouillerie et le baron Dudon, conseillers d'Etat de S. M. le Roi de France, de l'autre,

a été conclu l'arrangement suivant.

Article I.

Sur les cinquante millions que la France doit payer pour la solde des armées alliées ainsi qu'il a été convenu par les notes echangées entre les Ministres des Hautes Puissances et ceux de S. M. le Roi de France le 15 août dernier, la France payera à la Russie dix millions.

Article II.

La France payera à la Russie pour effets d'habillements, équipement et remonte une somme de trente millions. Cette somme est calculée sur une force militaire de deux cent cinquante mille hommes, et à raison de cent-vingt francs par homme, conformément aux bases d'arrangement concertées le 1 septembre entre les Ministres des Puissances alliées réunies en conférence.

Article III.

Les sommes déjà touchées par la Russie provenant de la vente des sels saisis dans le Département de la Meurthe et autres ou à tout autre titre, ainsi que

№ 510.

Между генералъ-лейтенантомъ Канкринымъ, главнымъ интендантомъ Императорскихъ Россійскихъ армій, и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Е. В. Императора Всероссійскаго Булгаковымъ, съ одной стороны, и графомъ Корветто, барономъ Делябуйери и барономъ Дюдонъ, статскими совѣтниками Е. В. Короля Франціи, съ другой,

было заключено слѣдующее соглашеніе.

Статья I.

Изъ пятидесяти милліоновъ, которые Франція должна уплатить на жалованье союзныхъ армій, какъ о томъ условлено обмѣномъ нотъ между министрами Высокихъ Державъ и Е. В. Короля Франціи отъ 15-го прошлаго августа, Франція уплатитъ Россіи десять милліоновъ.

Статья II.

Франція уплатитъ Россіи за предметы обмундированія, военное снаряженіе и ремонтъ сумму въ тридцать милліоновъ. Означенная сумма разсчитана на войско въ 250.000 человѣкъ, считая по 120 франковъ на человѣка, согласно основаніямъ соглашенія, установленнымъ 1-го сентября между министрами союзныхъ Державъ, собравшихся на конференцію.

Статья III.

Суммы, полученныя уже Россіею въ видѣ выручки отъ продажи запасовъ соли, захваченныхъ въ департаментѣ Мертскомъ и другихъ, или ка-

la valeur des effets d'habillement et d'équipement fournis à l'armée Russe seront admises en déduction des sommes ci-dessus indiquées.

ARTICLE IV.

Ces déductions sont fixées provisoirement à la somme de neuf millions sept cent mille francs, savoir:

2.200.000 francs, pour effets d'habillement fournis à Paris par les s-rs Damêmer et Brissons d'après les marchés faits avec ces entrepreneurs par la Commission Royale.

1.500.000 qui ont été payés par le trésor Royale en vertu des articles I et XII des arrangements conclus le 15 août dernier entre la dite Commission et l'Intendant-général des armées Impériales Russes.

4.500.000 pour effets d'habillements fournis à Bar le Duc, Châlon sur Marne et Nancy.

500.000 pour effets de diverses natures tels que fers, bois de construction, graisse, chanvre et objets autres que draps, toiles, bottines et semelles.

1.000.000 produit de la vente des sels faite par M. le conseiller privé d'Alopeus à Nancy.

9.700.000 francs.

ARTICLE V.

Les évaluations ci-dessus n'étant que provisoires, il sera fait dans le délai de trois mois une liquidation définitive et contradictoire tant de la valeur des objets fournis que de l'argent reçu.

кимъ либо инымъ образомъ, равно какъ стоимость поставленныхъ для русской арміи предметовъ обмундированія и военнаго снаряженія, признаются подлежащими вычету изъ вышепомянутыхъ суммъ.

СТАТЬЯ IV.

Таковые вычеты, впредь до окончательнаго расчета, исчисляются въ 9.700.000 франковъ, а именно:

2.200.000 фр. за предметы обмундированія, поставленные въ Парижѣ гг. Дамемеръ и Бриссонъ по контрактамъ, заключеннымъ съ этими подрядчиками королевскою коммиссіею.

1.500.000 фр., уплаченныхъ королевскимъ казначействомъ согласно статьямъ I и XII соглашеній, заключенныхъ 15-го прошлаго августа между названною коммиссіею и главнымъ интендантомъ Императорскихъ Россійскихъ армій.

4.500.000 фр. за предметы обмундированія, поставленные въ Баръ-ле-Дюкѣ, Шалонѣ на Марнѣ и Нанси.

500.000 фр. за разнаго рода предметы, какъ то: желѣзныя издѣлія, строевой лѣсъ, сало, пеньку и пр., кромѣ суконъ, холста, полусапогъ и подметокъ.

1.000.000 фр., вырученныхъ тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ отъ продажи соли въ Нанси.

9.700.000 франковъ.

СТАТЬЯ V.

Такъ какъ вышеприведенныя исчисленія только предварительныя, то назначается трехмѣсячный срокъ, въ теченіи коего будетъ произведенъ окончательный, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, расчетъ какъ стоимости по-

Néanmoins la somme de 500,000 francs portée en déduction dans l'article précédent pour fourniture d'effets de diverses natures reste réglée définitivement et à titre de forfait vû l'impossibilité de réunir toutes les quittances qui auraient dû être délivrées.

Comme il serait possible qu'une partie des effets livrés à Châlons, Bar-le-Duc et Nancy ait été payée avec les sommes provenant des sels et que cependant ces sommes ainsi que la valeur des effets ont été portées en déduction, on aura soin, dans la liquidation de vérifier sur quels fonds ont été payés les entrepreneurs afin de ne pas faire une double imputation.

ставленныхъ предметовъ, такъ и полученныхъ денежныхъ суммъ.

Но при этомъ сумма въ 500.000 фр., показанная въ предыдущей статьѣ, какъ слѣдующая къ вычету за поставку разнородныхъ предметовъ, признается окончательно установленной и валовой въ виду невозможности собрать всѣ подлежавшія выдачѣ квитанціи.

Въ предвидѣніи того возможнаго случая, что за часть предметовъ, полученныхъ въ Шалонѣ, Баръ-ле-Дюкѣ и Нанси, уплачено суммами, вырученными за соль, а между тѣмъ эти суммы, какъ и стоимость означенныхъ предметовъ, показаны слѣдующими къ вычету, то надлежитъ озаботиться, при окончательномъ расчетѣ, выясненіемъ, изъ какихъ суммъ уплачивалось подрядчикамъ, дабы не сдѣлать двойного зачета.

Article VI.

La somme de 30.300,000 francs restant à payer sera acquitée ainsi qu'il est indiqué dans la quatrième colonne du tableau ci-dessous.

Статья VI.

Остающаяся къ уплатѣ сумма въ 30.300.000 фр. будетъ погашена какъ указано въ четвертой графѣ нижеслѣдующей табели.

Dates des payements. Сроки платежей.	Créance totale. Суммы всего долга.	Déductions à faire. Вычеты.	Restant à payer. Остатокъ, подлежащій уплатѣ.
1 Janvier n. st. 1816. / 1 Января н. с. 1816 г.	6.650.000	Déduire 1.500.000 fr. pour habillement d'officiers et petits effets . . . . . / Вычесть 1.500.000 фр. за офицерскую обмундировку и мелкія вещи. . .	5.150.000
1 Février n. st. 1816 / 1 Февраля н. с. 1816 г.	6.650.000	à déduire 2.200.000 fr. pour effets reçus à Paris . . . . . / Вычесть 2.200.000 фр. за предметы, полученные въ Парижѣ	4.450.000
1 Mars n. st. 1816 . / 1 Марта н. с. 1816 г.	6.650.000	à déduire 1.500.000 fr. pour les sels à Nancy et les différents effets en bloc. / Вычесть 1.500.000 фр. за соль въ Нанси и различные предметы оптомъ . .	5.150.000

Dates des payements. Сроки платежей.	Créance totale. Суммы всего долга.	Déductions à faire. Вычеты.	Restant à payer. Остатокъ, подлежащій уплатѣ.
1 Avril n. st. 1816 . / 1 Апрѣля н. с. 1816 г.	6.650.000	à déduire 1.500.000 fr. sur les 4.500.000 fr. pour effets reçus à Châlons, Bar le Duc, Nancy . . . . . / Вычесть 1.500.000 фр. въ счетъ 4.500.000 фр. за предметы, полученные въ Шалонѣ, Баръ-ле-Дюкѣ, Нанси	5.150.000
1 Mai n. st. 1816 . / 1 Мая н. с. 1816 г. .	6.650.000	à déduire 1.500.000 pour les mêmes causes que dessus . . . . . / Вычесть 1.500.000 за тѣ-же означенные выше предметы	5.150.000
1 Juin n. st. 1816 . / 1 Іюня н. с. 1816 г.	6.750.000	à déduire 1.500.000 pour *idem* . . . / Вычесть за тѣ-же предметы 1.500.000	5.250.000
	40.000.000		30.300.000

Article VII.

Conformément au § 4 de la note transmise le 1 septembre courant, par les Ministres des Cours réunies au Ministère du Roi de France, les payements seront faits en bons du trésor Royal ou en mandats de la caisse de service sur les receveurs généraux dans les proportions ci-dessus indiquées et de telle sorte que les sommes à payer dans le courant de chaque mois le soient de cinq jours en cinq jours et à partir du mois de janvier prochain n. st.

Статья VII.

Согласно § 4 ноты, посланной 1-го текущаго сентября министрами союзныхъ Дворовъ въ Министерство Короля Франціи, платежи будутъ сдѣланы билетами королевскаго казначейства или ассигновками расходной кассы на генеральныхъ сборщиковъ податей въ вышеозначенной соразмѣрности и такимъ образомъ, чтобы подлежащія платежу въ теченіи каждаго мѣсяца суммы уплачивались чрезъ каждые пять дней, начиная съ будущаго января нов. ст.

Article VIII.

La valeur des sommes en argent que les armées Russes se seraient fait remettre à titre de contributions ou qui auraient été prises dans les caisses, sera admise en déduction des sommes que la France doit à la Russie. L'imputation en sera faite sur les états que remettront les préfets appuyées des pièces justificatives et aura lieu sur les quatre dernières echéances.

Статья VIII.

Денежныя суммы, которыя были бы взысканы русскими войсками въ видѣ контрибуцій или взяты изъ кассъ, признаются подлежащими вычету изъ суммъ, должныхъ Россіи Франціей. Зачетъ таковыхъ послѣдуетъ на основаніи вѣдомостей, которыя представятъ префекты съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ, и будетъ произведенъ въ четыре послѣдніе платежные срока.

ARTICLE IX.

Les traites seront délivrées dans le délai de huit jours. Si par le résultat de la liquidation qui doit être faite ainsi qu'il est expliqué dans l'article V la France se trouve en droit de reclamer une somme excédant celle de neuf millions sept cent mille francs dont la déduction a été faite sur ce qui revient à l'armée russe, la Russie s'engage à remettre la différence à la France dans les mêmes bons du trésor ou mandats qui auront été délivrés sur les receveurs généraux.

Fait à Paris, le 5 (17) septembre 1815.

(L. S.) Georges de Cancrin. (L. S.) Comte Corvetto.
(L. S.) Bulhakow. (L. S.) Dudon.
(L. S.) De la Bouillerie.

1815, 14 (26) septembre. Acte de la Sainte Alliance.

(Voir t. IV, partie I-e, № 99, pag. 1 et suiv.).

1815, 7 (19) novembre. Acte d'accession du Roi de France et de Navarre à l'Acte de la Sainte Alliance.

№ 511.

1815, 8 (20) novembre. Traité de paix, conclu à Paris.

„La France elle-même", dit Sorel dans son ouvrage monumental: „L'Europe et la révolution française" (t. VIII, p. 420), „déchirait le traité de Paris (1814)". Les puissances alliées rendirent les Français responsables des malheurs, qui les frappèrent à la suite du retour de Napoléon

СТАТЬЯ IX.

Векселя будутъ выданы въ теченіи восьми дней. Если въ результатѣ окончательнаго расчета, имѣющаго послѣдовать порядкомъ, изъясненнымъ въ V статьѣ, Франція окажется въ правѣ заявить требованіе на сумму, превышающую 9.700.000 фр., которые вычтены изъ платы, слѣдующей русской арміи, то Россія обязывается возвратить Франціи разницу тѣми же билетами казначейства или ассигновками, выданными на генеральныхъ сборщиковъ податей.

Въ Парижѣ, 5-го (17-го) сентября 1815 года.

(М. П.) Георгій Канкринъ. (М. П.) ГрафъКорветто.
(М. П.) Булгаковъ. (М. П.) Дюдонъ.
(М. П.) Делябуйери.

1815 г., сентября 14-го (26-го). Актъ Священнаго Союза.

(См. т. IV, часть I-я, № 99, стр. 1 и слѣд.).

1815 г., ноября 7-го (19-го). Актъ приступленія Е. В. Короля Французскаго и Наваррскаго къ Акту Священнаго Союза.

№ 511.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Мирный трактатъ, заключенный въ Парижѣ.

„Сама Франція", пишетъ Сорель въ своемъ монументальномъ трудѣ: „L'Europe et la révolution française" (t. VIII, p. 420), „разорвала Парижскій трактатъ 1814 года". Сами французы были признаны союзными державами виновными во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя на

de l'île d'Elbe. Les représentants des Etats Germaniques s'évertuaient particulièrement à démontrer la nécessité absolue d'imposer à la France des limites plus restreints et de la rendre inoffensive à l'avenir.

Le baron de Stein, célèbre homme d'Etat prussien, s'exprimait ainsi à ce sujet dans un mémoire du 18 avril: „tous conviennent que le traité de Paris a laissé la France dans un état de force militaire, dangereux pour la tranquillité de l'Europe". Aussi tous les alliés, à l'exception de la Russie, exigeaient-ils des accroissements de territoire au détriment de la France.

C'est à l'Empereur Alexandre que fut réservé d'assumer la mission difficile mais flatteuse de médiateur dans les relations des alliés avec la France et d'arbitre pour modérer leurs réclamations avides à l'égard des vaincus. Non seulement Louis XVIII, mais Napoléon lui-même, persista à considérer l'Empereur de Russie comme son unique et tout-puissant protecteur, en dépit de la déclaration de mars (№ 508).

Lorsqu'il fut transporté à Plymouth à bord du „Bellorophon", ou lui signifia la décision du prince-régent d'Angleterre de l'envoyer à Sainte Hélène à bord d'un autre bâtiment de guerre anglais le „Northumberland". Napoléon se montra profondément indigné de cette résolution du gouvernement anglais et laissa libre cours à ces sentiments dans un entretien avec Lord Keith. Il dit à l'amiral anglais que c'est de son propre gré qu'il monta à bord du „Bellerophon" et qu'il se plaça sous la protection du pavillon et de l'hopitalité de l'Angleterre; qu'il voulait y vivre en homme privé; qu'il n'a jamais cru tomber dans un guet-appens; que si l'Angleterre refuse de lui accorder un asyle, il se rendra en Amérique; enfin que son expédition à Sainte Hélène est une condamnation à mort et que parmi les souverains, ses ennemis — personne n'eut agi de la sorte.

Lord Keith écouta en silence ce débordement d'une juste indignation et prit toutes les dispositions pour le départ du „Northumberland" avec le ci-devant Empereur des Français.

„Qui m'empêchait", dit Napoléon à Lord Keith, „d'aller chez mon beau-père? ou bien chez l'Empereur Alexandre qui est mon ami? Nous sommes devenus ennemis parcequ'il avait envie de joindre la Pologne à ses possessions

нихъ обрушились вслѣдствіе возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Въ особенности представители германскихъ государствъ доказывали абсолютную необходимость поставить Францію въ болѣе узкія границы и сдѣлать ее безвредною на будущее время.

Знаменитый прусскій государственный человѣкъ, баронъ Штейнъ, въ запискѣ отъ 18-го апрѣля, доказывалъ, что „всѣ согласны въ томъ, что Парижскій трактатъ оставилъ Францію съ такою военною силою, которая опасна для спокойствія Европы". Поэтому всѣ союзники, за исключеніемъ Россіи, потребовали приращенія своихъ территоріальныхъ владѣній на счетъ Франціи.

На долю Императора Александра I выпала очень трудная, но и весьма почетная роль посредника въ отношеніяхъ союзныхъ державъ къ Франціи и арбитра въ отношеніи ихъ ненасытныхъ претензій къ побѣжденнымъ французамъ. Не только Людовикъ XVIII, но даже Наполеонъ продолжалъ считать русскаго Императора своимъ единственнымъ и всесильнымъ покровителемъ, несмотря на мартовскую декларацію (№ 508).

Когда Наполеонъ на „Bellorophon'ѣ" былъ привезенъ въ Плимутъ, ему было объявлено рѣшеніе англійскаго принца—регента отправить его на другомъ англійскомъ военномъ кораблѣ „Northumberland" на островъ Св. Елены. Наполеонъ былъ глубоко возмущенъ такимъ рѣшеніемъ англійскаго правительства и рѣзко высказалъ свои чувства лорду Кейту. Онъ сказалъ этому англійскому адмиралу, что онъ совершенно добровольно вступилъ на палубу „Bellerophon'a" и добровольно поставилъ себя подъ защиту англійскаго флага и гостепріимства; что онъ желаетъ жить въ Англіи только какъ частный человѣкъ; что онъ никакъ не думалъ попасть въ ловушку; что если въ Англіи не хотятъ дать ему убѣжища, то онъ поѣдетъ въ Америку и, наконецъ, что отправка его на островъ Св. Елены есть его смертный приговоръ и что никто изъ его враговъ—монарховъ навѣрное такъ не поступилъ бы съ нимъ.

Лордъ Кейтъ молча выслушивалъ эти выраженія справедливаго негодованія и—принялъ всѣ мѣры для отплытія „Northumberland'a" съ бывшимъ императоромъ французовъ.

„Кто можетъ мнѣ воспретить", сказалъ Наполеонъ лорду Кейту, „идти къ моему тестю, или же къ Императору Александру, который мой другъ?—Мы сдѣлались врагами, ибо онъ желалъ присоединить Польшу къ своимъ вла-

et que ma popularité parmi les Polonais lui était contraire. Mais autrement, il était mon ami et il ne m'aurait sûrement pas traité de cette manière".

Il semble douteux que l'Empereur François d'Autriche eut assuré dignement le sort de Napoléon, s'il eut réussi à se sauver sur le territoire autrichien. Le sort du malheureux duc de Reichstadt semble autoriser des doutes quant aux procédés chevaleresques, dont on aurait usé à l'égard de Napoléon. Mais il est certain que l'Empereur Alexandre n'eut pas terni sa gloire en traitant Napoléon comme on l'a fait à Sainte Hélène ou en lui réservant le sort malheureux du roi de Rome.

Dans sa protestation, écrite du 4 août 1815, Napoléon caractérise en termes énergiques la conduite du gouvernement anglais à son égard et fait appel à l'histoire qui désormais a prononcé sa sentence.

„L'histoire dira", écrit Napoléon, „qu'un ennemi qui fit vingt ans la guerre au peuple anglais, vint librement dans son infortune chercher un asyle sous ses lois. Quelle plus éclatante preuve pouvait-il donner de son estime et de sa confiance? Mais comment répondit-on en Angleterre à une telle magnanimité? On feignit de tendre une main hospitalière à cet ennemi, et quand il se fut livré de bonne foi, on l'immola!"

Quoiqu'il en soit, la réclusion de Napoléon à Sainte Hélène ne sera jamais une page brillante dans l'histoire d'Angleterre. Napoléon descendit de la scène du monde et les puissances alliées eurent la possibilité de régler leurs comptes avec la France et entre elles-mêmes.

A partir de juillet 1815, les représentants des quatre puissances alliées: la Russie, l'Angleterre, l'Autriche et la Prusse se réunirent à Paris en conférence pour élaborer les principales conditions de la paix. Cette conférence sièga dans le magnifique hôtel de l'ambassade d'Angleterre. La première réunion fut signalée par la lecture d'un mémoire du comte Nesselrode qui exposait les principes dirigeants dont devaient s'inspirer les gouvernements alliés pour indemniser les nations des pertes immenses éprouvées grâce aux guerres avec Napoléon. Aucune puissance ne devait agir sans une entente préalable avec les autres et toutes les décisions devaient être prises d'un commun accord.

дѣніямъ и потому что моя популярность среди поляковъ ему не нравилась. Но вообще онъ былъ моимъ другомъ и онъ навѣрно обращался бы со мною иначе".

Можно сомнѣваться въ томъ, что австрійскій императоръ Францъ устроилъ бы достойнымъ образомъ Наполеона, еслибъ онъ успѣлъ спастись на австрійскую территорію. Судьба несчастнаго герцога Рейхштадтскаго заставляетъ не вѣрить въ рыцарское съ Наполеономъ обращеніе въ Австріи. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ навѣрное не запятналъ бы свою славу такимъ обращеніемъ съ Наполеономъ, какого онъ удостоился на островѣ Св. Елены или какое выпало на долю бѣднаго римскаго короля.

Въ письменномъ протестѣ отъ 4 августа 1815 года Наполеонъ въ сильныхъ выраженіяхъ характеризуетъ образъ дѣйствія англійскаго правительства, и исторія, къ которой онъ аппелировалъ, уже постановила свой приговоръ въ этомъ вопросѣ.

„Исторія скажетъ", писалъ Наполеонъ, „что врагъ, ведшій 20 лѣтъ войну противъ англійскаго народа, добровольно пришелъ въ своемъ несчастіи искать убѣжища подъ сѣнью его законовъ. Какое лучшее доказательство его уваженія и довѣрія могъ онъ дать ему? Однако какъ отвѣтили въ Англіи на такое великодушіе? Предательски протянули этому врагу руку гостепріимства и, когда онъ предался довѣрчивымъ образомъ, его закалываютъ!"

Какъ бы то ни было, заключеніе Наполеона на островѣ Св. Елены отнюдь не будетъ блестящею страницею въ исторіи Англіи. Наполеонъ сошелъ со сцены и великія союзныя державы получили полную возможность свести свои счеты съ Франціею и между собою.

Съ іюля 1816 года открылись въ Парижѣ засѣданія конференціи изъ представителей четырехъ союзныхъ державъ, Россіи, Англіи Австріи и Пруссіи, для разработки главнѣйшихъ условій мира. Засѣданія происходили въ великолѣпномъ домѣ англійскаго посольства. Въ первомъ засѣданіи была прочитана записка гр. Нессельроде, въ которой излагаются основныя руководящія начала, въ силу которыхъ союзныя правительства обязаны были вознаградить свои народы за неимовѣрныя жертвы, принесенныя ими благодаря войнамъ противъ Наполеона. Ни одна союзная держава не должна дѣйствовать безъ соглашенія съ другими и всѣ рѣшенія должны быть приняты съ общаго согласія.

Les questions les plus différentes furent discutées dans ces réunions. Au début l'attention se porta particulièrement sur l'entretien des armées alliées sur le territoire français, sur leurs rapports avec les populations locales et les autorités françaises des provinces occupées etc. Mais il s'entend de soi-même que les conditions de la paix future provoquaient le plus de difficultés et de divergences. Toutefois même dans ces questions, les alliés parvenaient à arriver à un accord définitif, grâce à l'action toujours conciliante de l'Empereur Alexandre.

Enfin, en septembre, les plénipotentiaires de la France furent invités à se présenter à la conférence des représentants des quatre puissances alliées et on leur remit l'acte contenant les conditions du traité de paix à conclure. Lord Castelreagh, premier plénipotentiaire d'Angleterre, adressa aux représentants de la France un discours dans lequel il leur dit que les puissances alliées désiraient sincérement concilier leurs devoirs vis-à-vis de leurs nations avec leurs sentiments d'amitié pour le roi de France.

Le lendemain, les plénipotentiaires français présentèrent leur réponse dans laquelle ils n'élevaient d'objection que contre les concessions territoriales, imposées à la France. En vertu de ces clauses, la France devait faire abandon des territoires qui lui avaient été reconnus par le traité de 1814 et rentrer dans les limites de 1790. Les plénipotentiaires français répondaient avec beaucoup de logique que Louis XVIII avait été toujours traité par les puissances alliées comme „un ami et un allié". Les alliés l'ont admis dans leur sein, en l'invitant à signer le traité du 25 mars, dirigé contre l'ennemi commun. Comment se fait-il qu'ils se proposent aujourd'hui de dépouiller leur ami et allié et de lui enlever une grande partie de ses domaines! „Car si l'on ne peut conquérir sur un ami à plus forte raison ne le peut-on pas sur un allié!" répliquaient les négociateurs français.

Louis XVIII fut au désespoir, lorsqu'il prit connaissance des propositions de paix.

„C'est dans l'amertume de mon cœur", écrivait-il à l'Empereur Alexandre à la date du 11 (23) septembre 1815, „que j'ai recours à Votre Majesté Impériale pour lui exprimer avec abandon le sentiment pénible que m'a fait éprouver la lecture des propositions adressées à mon

Самые разнообразные вопросы рѣшались на этихъ совѣщаніяхъ. Въ началѣ особенное вниманіе вызывали вопросы о содержаніи союзныхъ армій на французской территоріи, объ отношеніяхъ ихъ къ народонаселенію и французскимъ провинціальнымъ властямъ и т. п. Но само собою разумѣется, что условія будущаго мира возбуждали наибольшія затрудненія и разногласія. Однако и въ этомъ вопросѣ оказалась возможность союзникамъ придти къ окончательному соглашенію, благодаря постоянному примиряющему воздѣйствію Императора Александра I.

Наконецъ, въ сентябрѣ, уполномоченные Франціи были приглашены въ засѣданіе конференціи представителей четырехъ союзныхъ державъ и имъ былъ врученъ актъ, содержавшій условія будущаго мирнаго трактата. Первый уполномоченный Англіи, лордъ Кастльри, обратился къ представителямъ Франціи съ рѣчью, въ которой онъ сказалъ, что союзныя державы искренно желаютъ соединить свой долгъ въ отношеніи своихъ народовъ съ чувствами дружбы къ французскому королю.

На другой день французскіе уполномоченные представили свой отвѣтъ, въ которомъ они почти исключительно возражаютъ противъ территоріальныхъ уступокъ, предписанныхъ Франціи. Въ силу этихъ обязательствъ Франція должна была отказаться отъ владѣній, признанныхъ за нею мирнымъ трактатомъ 1814 года, и вернуться въ свои границы 1790 года. Французскіе уполномоченные весьма логично отвѣтили, что Людовикъ XVIII всегда признавался союзными державами ихъ „другомъ и союзникомъ". Союзники приняли его въ свою среду, пригласивъ его подписать союзный трактатъ 25-го марта, направленный противъ общаго врага. Какъ же теперь они хотятъ обобрать своего союзника и друга и отнять отъ него большую часть его владѣній?! „Вѣдь если нельзя дѣлать завоеваній на счетъ друга", отвѣтили французскіе уполномоченные, „то еще меньше можно ихъ дѣлать на счетъ союзника".

Король Людовикъ XVIII пришелъ въ отчаяніе, когда ознакомился съ предложенными ему условіями мира.

„Съ горечью въ сердцѣ", писалъ онъ Императору Александру 11-го (23-го) сентября 1815 года, „обращаюсь я къ Вашему Императорскому Величеству, чтобъ откровенно выразить тяжелое чувство, вызванное во мнѣ чтеніемъ предложеній, заявленныхъ моему прави-

Ministère de la part des quatre Cabinets réunis. Ce qui surtout me navre profondément et me porte à désespérer du salut de la malheureuse France, c'est l'idée accablante que Votre Majesté semble avoir autorisé la note qui m'a été envoyée officiellement".

Le roi avait déjà donné son consentement à certaines concessions territoriales, à l'occupation temporaire de la France par les troupes alliées et au payement d'une contribution de guerre. Mais il ne pouvait pas s'attendre à ce qu'on lui imposât d'autres obligations qui devaient amener la France à la ruine et au déshonneur.

„Non, Sire", poursuit le roi, „je ne saurais encore me persuader que votre opinion soit irrévocablement fixée; la confiance que m'inspire votre âme grande et généreuse fait que je me refuse à cette conviction. Mais s'il en était autrement, si j'avais le malheur de m'abuser, si la France n'avait plus à espérer la révocation de l'arrêt dont le but est de la perdre et de la dégrader, si Votre Majesté demeurait inflexible, et qu'elle ne voulût pas employer auprès de ses augustes Alliés l'ascendant que lui donnent ses vertus, l'amitié et une commune gloire, alors je n'hésite pas à vous l'avouer, Sire, que je me refuserai à devenir l'instrument de la perte de mon peuple, et je descendrai du trône plutôt que de consentir à en ternir l'antique splendeur par un abaissement sans exemple".

Il y a un fait curieux que nous croyons devoir signaler. Aux archives du Ministère des Affaires Etrangères la lettre du roi Louis XVIII est suivie de deux projets de lettres du roi à l'empereur d'Autriche et au roi de Prusse, et ces deux projets sont écrits de la main de Pozzo di Borgo! Ce fait sert à expliquer le rôle que jouait ce diplomate corse. Il profitait de sa position officielle de représentant de l'Empereur Alexandre auprès de la personne du roi pour plaider les intérêts de sa patrie — la France*).

L'Empereur Alexandre se chargea en toute sincérité de la défense des intérêts de la France, bien qu'il n'eut pas de sympathies très prononcées pour Louis XVIII et la dynastie des Bourbons. „En 1815", écrit Sorel sur son compte.

*) Voir *Sorel*, L'Europe et la révolution française, t. VIII, p. 486 (Paris 1904).

тельству отъ имени четырехъ союзныхъ кабинетовъ. Что меня въ особенности глубоко огорчаетъ и заставляетъ отчаяваться относительно спасенія бѣдной Франціи, такъ это удручающая меня мысль, что Ваше Величество, кажется, одобряете ноту, сообщенную мнѣ офиціальнымъ образомъ".

Король уже изъявилъ свое согласіе на нѣкоторую территоріальную уступку, на временную оккупацію Франціи союзными войсками и на уплату военной контрибуціи. Но онъ никакъ не ожидалъ, что на него наложатъ еще другія обязательства, которыя должны привести Францію на край гибели и къ безчестію.

„Нѣтъ, Государь", продолжаетъ король, „я еще не могу убѣдить себя, чтобы ваше мнѣніе было принято безповоротно. Довѣріе, которое мнѣ внушаетъ ваша великая и благородная душа, заставляетъ меня этому не вѣрить. Но если дѣло обстоитъ иначе, если я имѣю несчастіе ошибаться, если Франція больше не можетъ надѣяться на отмѣну приговора, имѣющаго цѣлью ее уничтожить и унизить, если Ваше Величество остаетесь непоколебимымъ и не желаете воспользоваться въ отношеніи августѣйшихъ своихъ союзниковъ вліяніемъ, которое основывается на вашихъ добродѣтеляхъ, на дружбѣ и общей славѣ, то въ такомъ случаѣ я, не обинуясь, признаюсь вамъ, Государь, что откажусь быть орудіемъ гибели моего народа и скорѣе сойду съ престола, нежели соглашусь на помраченіе его многовѣковаго блеска безпримѣрнымъ униженіемъ".

Не лишено интереса слѣдующее обстоятельство: при только-что приведенномъ письмѣ короля Людовика XVIII находятся въ актахъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ проекты двухъ писемъ короля къ императору австрійскому и къ королю прусскому. Оба проекта написаны рукою Поццо ди Борго! Это маленькое обстоятельство указываетъ на роль, которую игралъ корсиканскій дипломатъ: онъ пользовался своимъ офиціальнымъ положеніемъ представителя Императора Александра при особѣ французскаго короля для защиты интересовъ своей родины—Франціи *).

Императоръ Александръ искреннимъ образомъ принялъ на себя защиту интересовъ Франціи, хотя не особенно любилъ Людовика XVIII и династію Бурбоновъ. „Въ 1815 году", пишетъ о немъ Сорель, „онъ смотрѣлъ широко, онъ смо-

*) Ср. *Sorel*. L'Europe et la révolution française, t. VIII, p. 486 (Paris 1904).

„il vit de haut, il vit clair, il vit loin et il agit avec autant de simplicité et de droiture que d'énergie et d'habileté". Mais il avait de la difficulté de comprendre pourquoi les conditions de paix proposées devaient déshonorer la France. Le traité de Paris 1814 était comparativement bien plus cruel pour la France, si l'on prend en considération les royaumes et les territoires qu'il lui enlevait. Enfin l'Empereur Alexandre pouvait difficilement accepter l'argument spécieux des plénipotentiaires français quand ils affirmaient que la France ne devait rien perdre, parceque son roi est l'ami et l'allié des grandes puissances alliées.

Le roi Louis XVIII était bien plus leur „protégé" que leur allié et il était pour elles souvent une cause de soucis et d'embarras. Les puissances alliées avaient affaire avec la nation française avec laquelle elles avaient régler leurs comptes à la suite de nouveaux sacrifices imposés à leurs nations par le règne de cent jours du grand Corse.

Toutefois l'Empereur Alexandre prenait énergiquement la défense des Français contre les réclamations démesurées des Prussiens et des Anglais. Le duc de Richelieu, appelé au poste de premier ministre par le roi Louis XVIII, rendit de grands services à la France dans ces temps d'épreuve. L'Empereur Alexandre le connaissait personnellement comme un gouverneur-général très éclairé de la Nouvelle Russie; si on l'appelait „bon Russe", les Français pouvaient avec autant de raison l'appeler: „bon Erançais". C'était „de la tête aux pieds, un parfait gentilhomme au service de l'Etat". C'est en ces termes que Sorel résume le portrait du duc de Richelieu.

Cet homme d'Etat français réussissait toujours à profiter des bonnes dispositions de l'Empereur Alexandre pour la France et pour lui personnellement pour mitiger les réclamations exorbitantes des puissances alliées. Le duc de Richelieu entretenait en outre des relations d'amitié avec des hommes politiques influents en Russie tels que le comte Capodistrias et trouvait en eux un appui constant et désintéressé.

Par une lettre autographe du 5 (17) septembre 1815, le duc de Richelieu exprimait à l'Empereur Alexandre sa profonde reconnaissance pour l'appui que les plénipotentiaires de Russie lui avaient prêté dans les négociations de paix. Il suppliait l'Empereur de vouloir bien

трѣлъ ясно, онъ смотрѣлъ далеко и дѣйствовалъ столь же съ простотою и честностью, сколько съ энергіею и умѣньемъ". Однако ему трудно было понять, почему проектированныя условія мира могли обезчестить Францію. Вѣдь первый Парижскій миръ 1814 года былъ несравненно болѣе жестокъ въ отношеніи Франціи, если имѣть въ виду отнятыя отъ нея этимъ миромъ королевства и владѣнія. Наконецъ, Императору Александру никакъ нельзя было согласиться съ остроумною аргументаціею французскихъ уполномоченныхъ, что Франція теперь ничего не должна терять, ибо ея король—другъ и союзникъ великихъ союзныхъ державъ.

Король Людовикъ XVIII не столько былъ союзникомъ, сколько „protégé" союзныхъ державъ, которымъ онъ доставлялъ очень много заботъ и непріятностей. Союзныя же державы имѣли дѣло съ французскимъ народомъ, съ которымъ онѣ должны были свести счеты вслѣдствіе новыхъ жертвъ, наложенныхъ на ихъ народы стодневнымъ царствованіемъ великаго корсиканца.

Тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ энергически заступался за французовъ противъ чрезмѣрныхъ требованій пруссаковъ и англичанъ. Великую услугу оказалъ Франціи въ это трудное время герцогъ Ришелье, назначенный Людовикомъ XVIII первымъ министромъ. Герцогъ Ришелье былъ лично знакомъ Императору Александру, какъ просвѣщеннѣйшій генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края. Если у насъ его называли „добрымъ Русскимъ", то справедливо французы могли его называть „добрымъ Французомъ". Это былъ человѣкъ съ ногъ до головы „совершенный джентльменъ на службѣ государственной",—какъ его характеризуетъ Сорель.

Этому французскому государственному человѣку постоянно удавалось пользоваться добрымъ расположеніемъ Императора Александра къ Франціи и къ нему лично для смягченія чрезмѣрныхъ требованій союзныхъ державъ. Кромѣ того, герцогъ Ришелье поддерживалъ дружескія отношенія съ нѣкоторыми вліятельными русскими государственными дѣятелями (какъ напр. съ гр. Каподистріа) и находилъ въ нихъ постоянную и безкорыстную поддержку.

Въ собственноручномъ письмѣ отъ 5-го (17-го) сентября 1815 г. къ Императору Александру герцогъ Ришелье выражаетъ свою глубокую благодарность за поддержку, которую ему оказывали въ переговорахъ о мирѣ уполномоченные Россіи. Онъ умоляетъ Государя не отка-

sanctionner les déclarations du comte Capodistrias, même s'il avait outrepassé ses instructions. La situation extérieure de la France est très pénible: „le but des ministres anglais est d'établir en France un ordre de choses qui leur permétte d'y dominer exclusivement, afin de l'empêcher de se relever jamais de l'état d'abaissement et de destruction où elle se trouve aujourd'hui".

L'état intérieur du pays inspirait au duc de Richelieu encore plus de craintes que sa situation extérieure. Il signale, dans sa lettre, la lutte acharnée des partis politiques qui compromet gravement la cause de l'ordre et de la tranquillité dans le pays. Il supplie l'Empereur de l'appuyer, par son action et son langage, dans ces questions de politique extérieure.

„Nous sommes si peu sages, si peu unis", écrit Richelieu, „que nous irons nous mêmes au devant de notre perte; la fureur des partis a fait taire tout patriotisme et je suis assuré que les révolutionnaires céderaient trois provinces, s'ils étaient certains d'obtenir par là une domination exclusive sur le reste de la France".

„Encore une fois", poursuit le duc de Richelieu, „pour nous sauver de l'abîme, nous ne pouvons compter que sur l'appui de Votre Majesté. Qu'elle veuille bien dire qu'elle veut que la France existe et soutenir cette volonté et j'ose espérer que nous nous sauverons. Ce sera par vous, Sire, et uniquement par vous".

Le duc de Richelieu termine cette lettre remarquable par quelques réflexions mélancoliques:

„Il était plus facile et plus doux de planter des jardins et d'établir des villages sur les bords de la mer Noire que de ramener à des principes de sagesse et de morale les têtes des Français d'aujourd'hui".

L'Empereur Alexandre prit en considération la prière du premier ministre de France et le soutint énergiquement dans sa lutte aussi bien avec les ennemis extérieurs de la France qu'avec ceux de l'intérieur. Si les clauses du traité ci-dessous furent supportables et ne portèrent pas atteinte aux forces vitales de la nation, il est certain que celle-ci le devait, pour une grand part, à la protection de l'Empereur de Russie.

зать утвердить заявленія графа Каподистріа даже въ томъ случаѣ, если онъ пошелъ дальше своихъ инструкцій. Внѣшнее положеніе Франціи чрезвычайно тяжелое: совершенно очевидна „цѣль англійскихъ министровъ—установить во Франціи такой порядокъ вещей, который далъ бы Англіи возможность исключительнаго надъ нею господства, чтобъ предупредить воскресеніе ея изъ того состоянія униженія и разгрома, въ которомъ она теперь находится".

Внутреннее состояніе Франціи возбуждало въ герцогѣ Ришелье еще больше опасеній, нежели внѣшнее ея положеніе. Въ своемъ письмѣ Ришелье указываетъ на чрезвычайно ожесточенную борьбу политическихъ партій, вызывающую серьезную опасность для сохраненія порядка и спокойствія въ странѣ. Онъ умоляетъ Государя также и въ этихъ вопросахъ внутренней политики поддерживать его словомъ и дѣломъ.

„Мы такъ мало разсудительны", писалъ Ришелье въ октябрьскомъ письмѣ, „такъ мало согласны, что мы сами идемъ на встрѣчу нашей гибели; ярость партій убила всякій патріотизмъ, и я увѣренъ, что революціонеры согласились бы уступить три провинціи, еслибъ они были увѣрены получить такимъ образомъ исключительное господство надъ остальною Франціею".

„Еще разъ", продолжаетъ герцогъ Ришелье, „чтобъ спастись отъ пропасти, мы можемъ разсчитывать только на поддержку Вашего Величества. Да соблаговолите сказать, что Вы желаете, чтобъ Франція жила, и соблаговолите поддержать такое рѣшеніе, и я смѣю надѣяться, что мы будемъ спасены. Это свершится благодаря вамъ, Государь, и исключительно благодаря вамъ".

Свое знаменательное письмо герцогъ Ришелье оканчиваетъ нѣсколько грустными размышленіями.

„Было легче", пишетъ онъ, „и пріятнѣе разводить сады и устраивать поселки на берегахъ Чернаго моря, нежели возвращать къ принципамъ мудрости и морали головы современныхъ Французовъ".

Императоръ Александръ исполнилъ просьбу французскаго перваго министра и дѣйствительно и энергично поддерживалъ его въ борьбѣ какъ съ внѣшними противниками Франціи, такъ и съ внутренними врагами. Если условія нижеслѣдующаго мирнаго трактата оказались сносными и нисколько не убили жизненныхъ нервовъ и силъ французскаго народа, то, нѣтъ сомнѣнія, что этимъ онъ,

Quant à la situation intérieure de la France l'Empereur Alexandre était tout-à-fait d'accord avec ses alliés que le maintien de l'ordre et de la tranquillité dans ce pays était d'une absolue nécessité pour la sauvegarde de la paix en Europe.

On crut devoir déclarer formellement ces pensées au gouvernement français, au nom des Cours alliées, par deux notes du 8 (20) novembre 1815. Le maintien en France d'une armée alliée d'occupation, sous le commandement supérieur de Lord Wellington avait entre'autre pour but d'assurer l'ordre à l'intérieur et de prévenir toute tentative révolutionnaire qui pût ébranler la sécurité de l'Europe.

Cette attitude empreinte de méfiance et en quelque sorte blessante des gouvernements alliés à l'égard de la France était justifiée par l'expérience d'un passé récent.

Toutefois l'Empereur Alexandre ne laissa pas échapper l'occasion pour témoigner à l'adresse de la France et du roi Louis XVIII toute sa confiance et reconnaître la place qui leur revenait au sein des Etats de l'Europe.

Au moment de fonder la Sainte Alliance, l'Empereur Alexandre s'empressa d'inviter le roi Louis XVIII à y accéder. Le Roi accueillit aussitôt cette invitation et dans une lettre autographe du 7 (19) novembre 1815 exprima sa complète solidarité avec les principes consacrés par l'acte de la Sainte-Alliance.

L'acte, reconnaissant la neutralité de la Suisse, signé à Paris le 8 (20) novembre 1815 est également muni de la signature du duc de Richelieu, en qualité de plénipotentiaire de la France.

прежде всего, обязанъ былъ энергичному покровительству русскаго Императора.

Относительно внутренняго положенія Франціи Императоръ Александръ былъ совершенно согласенъ съ своими союзниками, что сохраненіе порядка и спокойствія въ этой странѣ было безусловно необходимо для поддержанія мира въ Европѣ.

Эта мысль была выражена французскому правительству, отъ имени союзныхъ государствъ, въ двухъ торжественныхъ нотахъ отъ 8-го (20-го) ноября 1815 г. Оставленіе во Франціи союзной оккупаціонной арміи, подъ высшимъ начальствомъ лорда Веллингтона, имѣло, между прочимъ, цѣлью поддержать внутренній въ странѣ порядокъ и предупредить новыя революціонныя попытки, могущія нарушить спокойствіе Европы.

Такое подозрительное и отчасти обидное отношеніе союзныхъ державъ къ Франціи оправдывалось недавнимъ горькимъ опытомъ.

Однако Императоръ Александръ I не упускалъ случая выказывать этой странѣ и королю Людовику XVIII полное свое довѣріе и признавать за ними подобающее имъ мѣсто въ средѣ европейскихъ государствъ.

Когда Императоръ Александръ учредилъ свой „Священный Союзъ“ европейскихъ монарховъ, онъ пригласилъ также Людовика XVIII приступить къ нему. Король немедленно принялъ это приглашеніе и въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го (19-го) ноября 1815 года выразилъ полную солидарность съ принципами Акта Священнаго Союза.

Равнымъ образомъ на актѣ о признаніи вѣчнаго нейтралитета Швейцаріи, подписанномъ въ Парижѣ 8-го (20-го) ноября 1815 года, имѣется также подпись уполномоченнаго Франціи—герцога Ришелье.

№ 511.

Au nom de la très-sainte et indivisible Trinité.

Les Puissances allieés ayant, par leurs efforts réunis et par le succès de leurs armes, préservé la France et l'Europe des bouleversements dont elles étaient menacées par le dernier attentat de Napoléon Buonaparte, et par le sy-

№ 511.

Во имя пресвятой и нераздѣлимой Троицы.

Дворы союзные, предохранивъ своими соединенными усиліями и побѣдами, какъ Францію, такъ и всю Европу отъ смятеній, коими угрожало имъ преступное возвращеніе Наполеона Бонапарте во Францію, и провозгла-

stême révolutionnaire reproduit en France pour faire réussir cet attentat.

Partageant aujourd'hui avec S. M. Très-Chrétienne le désir de consolider, par le maintien inviolable de l'autorité royale et la remise en vigueur de la charte constitutionnelle, l'ordre de choses heureusement rétabli en France, ainsi que celui de ramener, entre la France et ses voisins, ces rapports de confiance et de bienveillance réciproques que les funestes effets de la révolution et du systême de conquête avaient troublés pendant si longtemps.

Persuadées que ce dernier but ne saurait être atteint que par un arrangement propre à leur assurer de justes indemnités pour le passé et des garanties solides pour l'avenir.

Ont pris en considération, de concert avec S. M. le Roi de France, les moyens de réaliser cet arrangement, et ayant reconnu que l'indemnité due aux Puissances ne pouvait être ni toute territoriale, ni toute pécuniaire, sans porter atteinte à l'un ou à l'autre des intérêts essentiels de la France, et qu'il serait plus convenable de combiner les deux modes, de maniére à prévenir ces deux inconvénients, Leurs Majestés Impériales et Royales ont adopté cette base pour leurs transactions actuelles, et se trouvant également d'accord sur celle de la nécessité de conserver, pendant un temps déterminé, dans les provinces frontières de la France, un certain nombre de troupes alliées, elles sont convenues de réunir les différentes dispositions fondées sur ces bases dans un Traité définitif.

шенныя имъ снова въ семъ государствѣ, для утвержденія похищенія своего, пагубныя революціонныя правила.

Раздѣляя съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ искреннее желаніе, чтобы съ одной стороны залогами порядка, благополучно во Франціи возстановленаго были ненарушимость Королевской власти и соблюденіе вполнѣ подтверждаемыхъ положеній конституціонной хартіи, а съ другой утвердились опять взаимныя между Франціею и сопредѣльными ей Державами сношенія довѣренности и дружества, кои были столь долго смущаемы ужасными слѣдствіями революціи и системы завоеваній.

И зная также, что сей послѣдней цѣли можно достигнуть единственно чрезъ доставленіе симъ Державамъ выгодъ, достаточныхъ для вознагражденія за прежнія бѣдствія, и для обезпеченія судьбы ихъ въ будущемъ.

Разсуждали вмѣстѣ съ Е. В. Королемъ французскимъ о средствахъ исполнить на дѣлѣ сіе предположеніе, и признали, что Франція безъ важнаго себѣ ущерба не можетъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ Державъ, ни одною уступкою областей, ни одними денежными пожертвованіями, и что будетъ лучше, для отвращенія всякихъ невыгодныхъ послѣдствій, употребить совокупно оба означенные способа вознагражденія. Ихъ Императорскія и Королевскія Величества рѣшились принять сіе за основаніе новыхъ мирныхъ постановленій, и также признавъ согласно необходимость оставить на опредѣленное время въ пограничныхъ провинціяхъ Франціи нѣкоторое число союзныхъ войскъ, повелѣли собрать и внести въ одинъ окончательный трак-

*

Dans ce but et à cet effet, S. M. L'Empereur de toutes les Russies d'une part et S. M. le Roi de France et de Navarre d'autre part, ont nommé leurs plénipotentiaires pour discuter, arrêter et signer le dit Traité définitif, savoir:

S. M. L'Empereur de toutes les Russies.

Le sieur André prince de *Razoumoffsky*, Conseiller privé actuel, chevalier de l'ordre de St. André, de St. Alexandre-Newsky, etc.;

et le sieur Jean comte de *Capo-d'Istrias*, son Conseiller d'Etat actuel, Secrétaire d'Etat, chevalier grand-croix de l'ordre de St. Wladimir de la seconde classe, etc.;

et S. M. le Roi de France et de Navarre,

Le sieur Armand-Emmanuel Du Plessis Richelieu, duc de *Richelieu*, chevalier de l'ordre royal et militaire de St. Louis, et des ordres de St. Alexandre-Newsky, St. Wladimir et St. George de Russie, pair de France, premier gentilhomme de la chambre de S. M. Très-Chrétienne, son Ministre et Secrétaire d'Etat des affaires étrangères, et Président du Conseil de ses Ministres;

Lesquels, après avoir échangé leurs pleinspouvoirs trouvés en bonne et due forme, ont signé les articles suivants:

татъ всѣ различныя условія, на вышесказанныхъ главныхъ положеніяхъ основанныя.

На сей конецъ, Е. В. Императоръ Всероссійскій съ одной стороны, а съ другой Е. В. Король Французскій и Наваррскій назначили своими полномочными, для разсмотрѣнія, заключенія и подписанія онаго трактата, именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій,

Князя Андрея *Разумовскаго*, своего Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, сенатора и кавалера орденовъ Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, и т. д.,

и графа Ивана *Каподистріа*, своего Дѣйств. Статскаго Совѣтника, статсъ-секретаря и орденовъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста второй степени, и т. д.;

а Е. В. Король Французскій и Наваррскій,

Г. Арманда-Эммануеля дю-Плесси Ришелье, Дюка *Ришелье*, кавалера королевскаго и военнаго ордена Св. Лудовика, и россійскихъ орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра и Св. Георгія; пэра Франціи, Двора его перваго камеръ-юнкера, статсъ-секретаря и Министра Иностранныхъ дѣлъ и президента Совѣта Министровъ.

Кои по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, заключили и подписали нижеслѣдующія статьи:

Article I.

Les frontières de la France seront telles qu'elles étaient en 1790 sauf les

Статья I.

Границы Франціи будутъ тѣ же, кои были въ 1790 году, за исключеніемъ

modifications de part et d'autre qui se trouvent indiquées dans l'article présent:

1. Sur les frontières du Nord, la ligne de démarcation restera telle que le Traité de Paris du 18 (30) mai l'avait fixée, jusque vis-à-vis de Quiévrain; de là elle suivra les anciennes limites des provinces Belgiques, du ci-devant évêché de Liège et du duché de Bouillon, telles qu'elles étaient en 1790, en laissant les territoires enclavés de Philippeville et Marienbourg, avec les places de ce nom, ainsi que tout le duché de Bouillon, hors des frontières de la France; depuis Villers près d'Orval (sur les confins du département des Ardennes et du grand-duché de Luxembourg) jusqu'à Perle, sur la chaussée qui conduit de Thionville à Trèves, la ligne restera telle qu'elle avait été désignée par le Traité de Paris; de Perle, elle passera par Launsdorf, Waldwich, Schardorf, Niederveiling, Pelweiler, tous ces endroits restant avec leurs banlieues à la France, jusqu'à Houvre, et suivra de là les anciennes limites du pays de Sarrebruck, en laissant Sarrelouis et le cours de la Sarre, avec les endroits situés, à la droite de la ligne ci-dessus désignée et leurs banlieues, hors des limites françaises. Des limites du pays de Sarrebruck, la ligne de démarcation sera la même qui sépare actuellement de l'Allemagne les départements de la Moselle et du Bas-Rhin, jusqu'à la Lauter, qui servira ensuite de frontière jusqu'à son embouchure dans le Rhin. Tout le territoire sur la rive gauche de la Lauter, y compris la place de Landau, fera partie de l'Allemagne; cependant la ville de Weissenbourg, traversée par cette rivière, restera toute entière à la

перемѣнъ, означенныхъ въ настоящей статьѣ:

1. На сѣверѣ порубежная черта останется та самая, которая постановлена Парижскимъ трактатомъ 18 (30) мая, до точки напротивъ Кьевреня; оттуда она пойдетъ по старымъ границамъ провинцій Белгическихъ, бывшаго епископства Литтихскаго и герцогства Бульйонскаго такъ какъ оныя были въ 1790 году, оставляя выдавшіяся области Филипвиля и Маріенбурга, и самыя сіи крѣпости, равнымъ образомъ и все герцогство Бульйонское, внѣ предѣловъ Франціи; отъ Вилерса близъ Орваля (на границахъ Департамента Арденскаго и гросъ-герцогства Люксембургскаго), до Перля, по дорогѣ ведущей изъ Тіонвиля въ Триръ, порубежная черта останется та же, которая назначена трактатомъ Парижскимъ; отъ Перля она пойдетъ чрезъ Лаунсдорфъ, Валдвихъ, Шардорфъ, Нидервейлингъ, Пельвейлеръ, оставляя всѣ сіи мѣста съ ихъ выгонами за Франціею, до Гувра, и оттуда по прежнимъ границамъ земли Саррбрикской, оставляя Саррлуи и рѣку Сарру съ мѣстами, лежащими по правую сторону вышеозначенной черты и съ ихъ выгонами внѣ предѣловъ Франціи. Отъ границъ земли Саррбрикской, порубежная черта будетъ та самая, которая отдѣляетъ нынѣ Департаменты Мозельскій и Нижне-Рейнскій отъ Германіи, до рѣки Лаутера, а потомъ сія рѣка будетъ служить границею до впаденія оной въ Рейнъ. Вся земля, лежащая на лѣвомъ берегу Лаутера, и крѣпость Ландау, будутъ принадлежать Германіи; но городъ Вейсенбургъ, чрезъ который протекаетъ оная рѣка,

France, avec un rayon sur la rive gauche n'excédant pas mille toises, et qui sera plus particulièrement déterminé par les commissaires que l'on chargera de la délimitation prochaine.

2. A partir de l'embouchure de la Lauter, le long des départements du Bas-Rhin, du Haut-Rhin, du Doubs et du Jura, jusqu'au canton de Vaud, les frontières resteront comme elles ont été fixées par le Traité de Paris; le thalweg du Rhin formera la démarcation entre la France et les Etats de l'Allemagne; mais la propriété des îles, telle qu'elle sera fixée à la suite d'une nouvelle reconnaissance du cours de ce fleuve, restera immuable, quelques changements que subisse ce cours par la suite du temps. Des commissaires seront nommés de part et d'autre par les Hautes parties contractantes, dans le délai de trois mois, pour procéder à la dite reconnaissance. La moitié du pont entre Strasbourg et Kehl appartiendra à la France, et l'autre moitié au grand-duché de Bade.

3. Pour établir une communication directe entre le canton de Genève et la Suisse, la partie du pays de Gex bornée à l'Est par le lac Léman, au Midi par le territoire du canton de Genève, au Nord par celui du canton de Vaud, à l'Ouest par le cours de la Versoix et par une ligne qui renferme les communes de Collex-Boissy et Meyrin, en laissant la commune de Ferney à la France, sera cédée à la Confédération Helvétique, pour être réunie au canton de Genève. La ligne des douanes fran-

останется весь за Франціею и при ономъ по лѣвому берегу пространство земли (не болѣе какъ въ тысячу тоазовъ поперечника), которое будетъ точнѣе опредѣлено особо назначенными для будущаго разграниченія коммисарами.

2. Отъ устья Лаутера вдоль Департаментовъ Нижне-Рейнскаго, Верхне-Рейнскаго, Дубскаго и горы Юры, до кантона Ваадтландскаго, границы останутся тѣ же, кои постановлены Парижскимъ трактатомъ. Стержень (талвегъ) Рейна будетъ границею между Франціею и Державами германскими; но владѣніе островами предоставляется навсегда тому государству, за коимъ оное будетъ признано послѣ новаго изслѣдованія и опредѣленія настоящаго теченія сей рѣки, какъ бы оное теченіе ни измѣнялось впослѣдствіи. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, обѣими Высокими договаривающимися сторонами будутъ отправлены коммиссары для учиненія означеннаго изслѣдованія. Половина моста между Страсбургомъ и Келемъ будетъ принадлежать Франціи, а другая половина—гросъ-герцогству Баденскому.

3. Для открытія прямаго сообщенія между Женевскимъ кантономъ и Швейцаріею, часть земли Жексъ, сопредѣльная къ востоку съ озеромъ Леманомъ, къ югу съ владѣніями кантона Женевскаго, къ сѣверу съ кантономъ Ваадтландскимъ, а къ западу съ рѣкою Версоа и чертою, которая окружаетъ селенія Коллексъ-Боаси и Мейренъ оставляя Ферней за Франціею, будетъ уступлена Гельветическому Союзу для присоединенія къ кантону Женевскому. Французскія таможни бу-

çaises sera placée à l'Ouest du Jura, de manière que tout le pays de Gex se trouve hors de cette ligne.

4. Des frontières du canton de Genève jusqu'à la Méditerranée, la ligne de démarcation sera celle qui en 1790 séparait la France de la Savoie et du comté de Nice. Les rapports que le Traité de Paris de 1814 avait rétablis entre la France et la principauté de Monaco, cesseront à perpétuité, et les mêmes rapports existeront entre cette principauté et S. M. le Roi de Sardaigne.

5. Tous les territoires et districts enclavés dans les limites du territoire français, telles qu'elles ont été déterminées par le présent article resteront réunis á la France.

6. Les Hautes parties contractantes nommeront, dans le délai de trois mois après la signature du présent Traité, des commissaires pour régler tout ce qui a rapport à la délimitation des pays de part et d'autre, et aussitôt que le travail de ces commissaires sera terminé il sera dressé des cartes et placé des poteaux qui constateront les limites réciproques.

ARTICLE II.

Les places et les districts qui, selon l'article précédent, ne doivent plus faire partie du territoire français, seront remis à la disposition de Puissances alliées, dans les termes fixés par l'article IX de la convention militaire annexée au présent Traité, et S. M. le Roi de France renonce à perpétuité pour Elle, ses héritiers et successeurs, aux droits de souveraineté et de propriété qu'elle à exercés jusqu'ici sur les dites places et districts.

дутъ сведены на западную сторону горы Юры, и вся земля Жексъ должна быть внѣ образуемой оными цѣпи.

4. Отъ предѣловъ Женевскаго кантона до Средиземнаго моря, порубежная черта будетъ та самая, которая въ 1790 году отдѣляла Францію отъ Савоіи и графства Ницскаго. Отношенія зависимости княжества Монако отъ Франціи, снова постановленныя Парижскимъ трактатомъ 1814 года, отнынѣ прекращаются навсегда, и сіе княжество будетъ въ зависимости отъ Е. В. Короля Сардинскаго.

5. Всѣ земли и округа, заключающіеся въ предѣлахъ Франціи, сею статьею означенныхъ, остаются присоединенными ко Франціи.

6. Высокія договаривающіяся стороны, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ подписанія настоящаго трактата, назначатъ коммиссаровъ для точнѣйшаго постановленія всего, что касается до разграниченія владѣній, и по окончаніи онаго будутъ сочинены подробныя всему карты и поставлены столбы для показанія границъ.

СТАТЬЯ II.

Мѣста и округи, кои въ силу предъидущей статьи не долженствуютъ уже быть частію Франціи, будутъ отданы въ распоряженіе союзныхъ Державъ, въ срокъ постановленный IX статьею приложенной къ настоящему трактату военной конвенціи, и Е. В. Король Французскій навсегда отказывается за себя, наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, отъ всякихъ правъ державной власти и собственности, донынѣ ему

ARTICLE III.

Les fortifications de Huningue ayant été constamment un objet d'inquiétude pour la ville de Bâle, les Hautes parties contractantes, pour donner à la Confédération Helvétique une nouvelle preuve de leur bienveillance et de leur sollicitude, sont convenues entre Elles de faire démolir les fortifications d'Huningue, et le gouvernement français s'engage, par le même motif, à ne les rétablir dans aucun temps, et à ne point les remplacer par d'autres fortifications à une distance moindre que trois lieues de la ville de Bâle.

La neutralité de la Suisse sera étendue au territoire que se trouve au Nord d'une ligne à tirer depuis Ugine, y compris cette ville, au midi du lac d'Annecy, par Faverge jusqu'à Lecheraine, et de là au lac du Bourget jusqu'au Rhône, de la même manière qu'elle à été étendue aux provinces de Chablais et de Faucigny, par l'article XCII de l'Acte final du congrès de Vienne.

ARTICLE IV.

La partie pécuniaire de l'indemnité à fournir par la France aux Puissances alliées, est fixée à la somme de sept cents millions de francs. Le mode, les termes et les garanties du payement de cette somme seront réglés par une convention particulière, qui aura la même force et valeur que si elle était textuellement inserée au présent Traité.

принадлежавшихъ надъ означенными мѣстами и округами.

СТАТЬЯ III.

Какъ замѣчено, что укрѣпленія Гюнингена были всегда для города Базеля причиною опасеній и безпокойства, то Высокія договаривающіяся стороны, желая дать Гельветическому Союзу новое доказательство своей дружественной попечительности, согласно положили, что укрѣпленія Гюнингена будутъ срыты и французское правительство, слѣдуя тому же побужденію, обязывается никогда не возобновлять оныхъ, и на разстояніи по крайней мѣрѣ трехъ миль отъ Базеля не строить никакихъ другихъ укрѣпленій.

Земля, лежащая на сѣверѣ черты, проведенной отъ Уджина (со включеніемъ и сего города въ тѣ предѣлы), къ южной сторонѣ озера Аннеси чрезъ Фавержъ до Лешерена, а оттуда къ озеру Борже до Роны, будетъ пользоваться правами и выгодами неутралитета Швейцаріи, на томъ же основаніи, какъ оными, въ силу XCII статьи главнаго акта Вѣнскаго конгресса, пользуются провинціи Чіаблезе и Фосиньи.

СТАТЬЯ IV.

Денежная сумма, которую Франція обязана, какъ часть требуемыхъ отъ нее вознагражденій, заплатить Державамъ союзнымъ, опредѣляется въ семь сотъ милліоновъ франковъ. Образъ уплаты, сроки и обезпеченія сего долга будутъ постановлены особенною конвенціею, которая должна имѣть таковую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ оная была отъ слова до слова внесена въ настоящій трактатъ.

ARTICLE V.

L'état d'inquiétude et de fermentation dont, après tant de secousses violentes, et surtout après la dernière catastrophe, la France, malgré les intentions paternelles de son Roi, et les avantages assurés par la Charte constitutionelle à toutes les classes de ses sujets, doit nécessairement se ressentir encore, exigeant, pour la sûreté de Etats voisins, des mesures de précaution et de garantie temporaires, il a été jugé indispensable de faire occuper pendant un certain temps, par un corps de troupes alliées, des positions militaires le long des frontières de la France, sous la réserve expresse que cette occupation ne portera aucun préjudice à la souveraineté de S. M. Très-Chrétienne, ni à l'état de possession, tel qu'il est reconnu et confirmé par le présent Traité.

Le nombre de ces troupes ne dépassera pas cent cinquante mille hommes. Le commandant en chef de cette armée sera nommé par les Puissances alliées.

Ce corps d'armée occupera les places de Condé, Valenciennes, Bouchain, Cambray, le Quesnoy, Maubeuge, Landrecies, Avesnes, Rocroy, Givet avec Charlemont, Mézières, Sedan, Montmédy, Thionville, Longwy, Bitche et la tête de pont du Fort-Louis.

L'entretien de l'armée destinée à ce service devant être fourni par la France, une convention spéciale réglera tout ce qui peut avoir rapport à cet objet. Cette

СТАТЬЯ V.

Полагая, что смутное и безпокойное состояніе умовъ во Франціи, сіе необходимое слѣдствіе столь долго терзавшихъ оную смятеній и послѣдняго несчастнаго происшествія, можетъ еще, несмотря на отеческія намѣренія короля и даруемыя чрезъ конституціонную хартію всѣмъ классамъ его подданныхъ выгоды, сдѣлаться источникомъ новыхъ бѣдствій, и что по тому безопасность государствъ сопредѣльныхъ требуетъ принятія временныхъ, чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности и охраненія, Высокія державы признали нужнымъ занять на время нѣкоторыя военныя позиціи въ границахъ французскихъ особеннымъ корпусомъ союзныхъ войскъ, притомъ однако же именно постановляя, что сіе военное занятіе не будетъ ни въ чемъ противно правамъ державной власти Его Христіаннѣйшаго Величества и неприкосновенности владѣній его, признанныхъ и утвержденныхъ настоящимъ трактатомъ:

Число сихъ войскъ должно быть не свыше ста пятидесяти тысячъ человѣкъ. Главнокомандующій оными будетъ назначенъ союзными Державами.

Симъ корпусомъ будутъ заняты крѣпости Конде, Валансіенъ, Бушень, Камбре, ле-Кенуа, Мобежъ, Ландреси, Авенъ, Рокруа, Живе съ Шарлемономъ, Мезіеръ, Седанъ, Монмеди, Тіонвиль, Лонгви, Бичь и мостовое укрѣпленіе въ Форъ-Луи.

Содержаніе назначенной для того арміи должна доставлять Франція: все, что относится къ сему, будетъ означено въ особенной конвенціи, которая

convention, qui aura la même force et valeur que si elle était textuellement inserée dans le présent Traité réglera de même les relations de l'armée d'occupation avec les autorités civiles et militaires du pays.

Le maximum de la durée de cette occupation militaire est fixé à cinq ans. Elle peut finir avant ce terme, si, au bout de trois ans, les Souverains alliés, après avoir, de concert avec S. M. le Roi de France, mûrement examiné la situation et les intérêts réciproques et les progrès que le rétablissement de l'ordre et de la tranquillité aura faits en France, s'accordent à reconnaitre que les motifs qui les portaient à cette mesure, ont cessé d'exister. Mais, quel que soit le résultat de cette délibération, toutes les places et positions occupées par les troupes alliées seront, au terme de cinq ans révolus, évacuées sans autre délai, et remises à S. M. Très-Chrétienne ou à ses héritiers et successeurs.

должна имѣть таковую же силу и дѣйствіе, какъ если бы оная была отъ слова до слова внесена въ настоящій трактатъ; въ оной же будутъ опредѣлены отношенія сихъ оставляемыхъ во Франціи войскъ къ гражданскимъ и военнымъ начальствамъ сего государства.

Сіе военное занятіе долженствуетъ продолжаться не болѣе пяти лѣтъ; но можетъ быть прекращено и прежде онаго срока, если чрезъ три года, союзными государями и Е. В. Королемъ французскимъ, по тщательномъ разсмотрѣніи, какъ состоянія и взаимныхъ выгодъ ихъ Державъ, такъ и степени утвержденія порядка и тишины во Франціи, будетъ согласно признано, что уже нѣтъ болѣе тѣхъ причинъ, кои побудили ихъ къ принятію сей мѣры предосторожности. Впрочемъ какое бы за симъ совѣщаніемъ ни послѣдовало рѣшеніе, но по истеченіи пяти лѣтъ всѣ занятыя союзными войсками крѣпости и мѣста будутъ оными оставлены и сданы Его Христіаннѣйшему Величеству или наслѣдникамъ и преемникамъ его.

Article VI.

Les troupes étrangères, autres que celles qui feront partie de l'armée d'occupation, évacueront le territoire français dans les termes fixés par l'article IX de la convention militaire annexée au présent Traité.

Статья VI.

Иностранныя войска, непринадлежащія къ назначаемой для занятія арміи, выйдутъ изъ французскихъ владѣній въ сроки, опредѣляемые IX статьею военной конвенціи, къ настоящему трактату приложенной.

Article VII.

Dans tous les pays qui changeront de Maître, tant en vertu du présent Traité que des arrangements qui doivent être faits en conséquence, il sera accorde

Статья VII.

Во всѣхъ земляхъ, кои перейдутъ во владѣніе другого Государя, какъ въ силу настоящаго трактата, такъ и другихъ имѣющихъ быть вслѣдствіе онаго

aux habitants naturels et étrangers, de quelque condition ou nation qu'ils soient, un espace de six ans, à compter de l'échange des ratifications, pour disposer, s'ils le jugent convenable, de leurs propriétés, et se retirer dans tel pays qu'il leur plaira de choisir.

постановленій, жителямъ какъ природнымъ, такъ и иностраннымъ, какого бы они состоянія и какой бы націи ни были, данъ будетъ, считая со дня размѣна ратификацій, срокъ на шесть лѣтъ, для продажи, если они пожелаютъ, имуществъ своихъ и переселенія въ другое государство по произволу.

Article VIII.

Toutes les dispositions du Traité de Paris du 18 (30) mai 1814, relatives aux pays cédés par ce Traité, s'appliqueront également aux différents territoires et districts cédés par le présent Traité.

Статья VIII.

Всѣ постановленія Парижскаго трактата 18 (30) мая 1814 года, о земляхъ, по оному трактату уступленныхъ, будутъ имѣть равную силу и дѣйствіе, въ отношеніи къ землямъ и округамъ, уступаемымъ чрезъ настоящій договоръ.

Article IX.

Les Hautes parties contractantes s'étant fait présenter les différentes réclamations provenant du fait de la non-exécution des articles XIX et suivants du Traité du 18 (30) mai 1814, ainsi que des articles additionnels de ce Traité, signés entre la France et la Grande-Bretagne, désirant de rendre plus efficaces les dispositions énoncées dans ces articles, et ayant, à cet effet, déterminé, par deux conventions séparées, la marche à suivre de part et d'autre pour l'exécution complète des articles susmentionnés, les deux dites conventions, telles qu'elles se trouvent jointes au présent Traité, auront la même force et valeur que si elles y étaient textuellement insérées.

Статья IX.

Высокія договаривающіяся стороны, обращая вниманіе на разныя требованія, возникшія отъ неисполненія условій, постановленныхъ статьями XIX и слѣдующими трактата 18 (30) мая 1814 года, и дополнительными къ оному трактату, заключенными между Великобританіею и Франціею, статьями, и находя нужнымъ усилить дѣйствіе означенныхъ постановленій, опредѣлили двумя отдѣльными конвенціями точныя правила для совершеннаго съ той и другой стороны исполненія помянутыхъ условій, и сіи двѣ конвенціи, приложенныя къ настоящему трактату, долженствуютъ имѣть таковую же силу, какъ еслибъ оныя были отъ слова до слова внесены въ самый актъ.

Article X.

Tous les prisonniers faits pendant les hostilités, de même que tous les otages qui peuvent avoir été enlevés ou donnés, seront rendus dans le plus court délai

Статья X.

Всѣ взятые въ плѣнъ во время непріязненныхъ дѣйствій, равнымъ образомъ и всѣ аманаты, взятые или данные добровольно, будутъ взаимно воз-

possible. Il en sera de même des prisonniers faits antérieurement au Traité du 18 (30) mai 1814 et qui n'auraient point encore été restitués.

ARTICLE XI.

Le Traité de Paris du 18 (30) mai 1814 et l'Acte final du congrès de Vienne, du 28 mai (9 juin) 1815, sont confirmés et seront maintenus dans toutes celles de leurs dispositions qui n'auraient pas été modifiées par les clauses du présent Traité.

ARTICLE XII.

Le présent Traité, avec les conventions qui y sont jointes, sera ratifié en un seul acte, et les ratifications en seront échangées dans le terme de deux mois, ou plutôt, si faire si peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 8 (20) novembre 1815.

(L. S.) Le prince de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.

(L. S.) Le comte Capo-d'Istrias.

Article additionnel.

Les Hautes Puissances contractantes, désirant sincèrement de donner suite aux mesures dont elles se sont occupées au congrès de Vienne, relativement à l'abolition complète et universelle de la traite des nègres d'Afrique, et ayant déjà, chacune dans ses Etats, défendu sans restriction à leurs colonies et sujets toute part quelconque à ce trafic, s'engagent à réunir de nouveau leurs efforts pour assurer le succès final des principes qu'Elles ont proclamés dans la Déclaration du 23 janvier (4 février) 1815, et à concerter, sans perte de temps, par

вращены, сколь возможно скорѣе. То же самое разумѣется и о взятыхъ въ плѣнъ до заключенія трактата 18 (30) мая 1814 года, кои донынѣ еще не возвращены.

СТАТЬЯ XI.

Парижскій трактатъ 18 (30) мая 1814 года, и окончательный актъ Вѣнскаго конгресса 28 мая (9 іюня) 1815 года, подтверждаются, и всѣ оныхъ постановленія, кои не отмѣнены условіями настоящаго трактата, будутъ соблюдаемы.

СТАТЬЯ XII.

Настоящій трактатъ и приложенныя къ оному конвенціи будутъ ратифицированы однимъ актомъ, и сіи ратификаціи размѣнены чрезъ два мѣсяца, а буде можно, и скорѣе.

Во увѣреніе чего, и т. д.

Въ Парижѣ, 8 (20) ноября 1815 г.

(М. П.) Князь Разумовскій. (М. П.) Ришелье. (М. П.) Графъ Каподистріа.

Дополнительная статья.

Высокія договаривающіяся стороны, искренно желая привести въ исполненіе предположенныя ими на Вѣнскомъ конгрессѣ мѣры для окончательнаго и повсемѣстнаго прекращенія торга африканскими неграми, въ коемъ участіе уже каждою изъ нихъ въ ея владѣніяхъ и колоніяхъ подданнымъ оной совершенно воспрещено, обязываются снова, всѣми возможными стараніями, способствовать признанію правилъ, провозглашенныхъ Ими въ декларації 23 января (4 февраля) 1815 года, и безъ потери времени усло-

leurs Ministres aux Cours de Paris et de Londres, les mesures les plus efficaces pour obtenir l'abolition entière et définitive d'un commerce aussi odieux et aussi hautement réprouvé par les lois de la religion et de la nature.

Le présent article additionnel aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot au Traité de ce jour. Il sera compris dans la ratification du dit Traité.

En foi de quoi, etc.
Fait à Paris, le 8 (20) novembre 1815.
(L. S.) Le prince de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.
(L. S.) Le comte Capo-d'Istrias.

Article séparé.

En exécution de l'article additionnel au Traité du 18 (30) mai 1814, S. M. Très-Chrétienne s'engage à envoyer, sans délai, à Varsovie, un ou plusieurs commissaires pour concourir, en son nom, aux termes du dit article, à l'examen et à la liquidation des prétentions réciproques de la France et du ci-devant duché de Varsovie et à tous les arrangements y relatifs.

S. M. Très-Chrétienne reconnait, a l'égard de S. M. L'Empereur de toutes les Russies, en sa qualité de Roi de Pologne, la nullité de la convention de Bayonne; bien entendu que cette disposition ne pourra recevoir d'application que conformément aux principes établis dans les conventions désignées dans l'article IX du traité de ce jour.

виться чрезъ Министровъ своихъ при Лондонскомъ и Парижскомъ Дворахъ въ принятіи дѣйствительнѣйшихъ мѣръ для окончательнаго и повсемѣстнаго прекращенія торга, столь ненавистнаго и столь противнаго законамъ религіи и природы.

Настоящая дополнительная статья будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ оная была отъ слова до слова внесена въ трактатъ, сего дня заключенный. Оная будетъ включена въ ратификацію означеннаго трактата.

Во увѣреніе чего, и т. д.

Въ Парижѣ, 8 (30) ноября 1815 г.

(М. П.) Князь Разумовскій. (М. П.) Ришелье.

(М. П.) Графъ Каподистріа.

Отдѣленная статья.

Вслѣдствіе дополнительной къ трактату 18 30) мая 1814 года статьи, Его Христіаннѣйшее Величество обязывается отправить немедленно въ Варшаву одного или нѣсколькихъ коммиссаровъ, для общаго съ коммиссарами Его Всероссійскаго Величества разсмотрѣнія и разочтенія взаимныхъ требованій Франціи и бывшаго герцогства Варшавскаго и для подписанія нужныхъ за симъ постановленій.

Его Христіаннѣйшее Величество признаетъ, что Байонская конвенція не налагаетъ никакой обязанности на Е. В. Императора Всероссійскаго, какъ Царя Польскаго, разумѣя при томъ, что исполненіе сего условія должно быть въ точности сообразно съ правилами, начертанными въ конвенціяхъ, о коихъ упоминается въ IX статьѣ трактата, сего дня подписаннаго.

Le présent article séparé aura la même force et valeur, que s'il était inséré mot à mot au Traité de ce jour. Il sera ratifié, et les ratifications en seront échangées en même temps.

En foi de quoi, etc.
Fait à Paris, le 8 (20) novembre 1815.
(L. S.) Le prince de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.
(L. S.) Le comte de Capo-d'Istrias.

№ 512.

1815, 8 (20) novembre. Convention de Paris concernant la liquidation de l'indemnité de guerre par la France.

№ 513.

1815, 8 (20) novembre. Convention de Paris au sujet de l'entretien en France de l'armée alliée d'occupation.

№ 514.

1815, 8 (20) novemrbe. Convention de Paris au sujet du mode de liquidation des réclamations d'argent élévées par les sujets des gouvernements alliés.

1815, 8 (20) novembre. Acte de reconnaissance et de garantie de la neutralité perpétuelle de la Suisse.

(Voir t. IV, partie I, № 101, pag. 12 et suiv.).

C'est avec la mort dans l'âme que le duc de Richelieu signa le traité de 1815. „Je viens de

Настоящая отдѣленная статья будетъ имѣть таковую же силу и дѣйствіе, какъ если бы оная была отъ слова до слова внесена въ главный сего дня трактатъ. Оная будетъ ратификована и ратификаціи размѣнены въ одно время съ главнымъ трактатомъ.

Въ увѣреніе чего, и т. д.
Въ Парижѣ, 8-го (20) ноября 1815 г.
(М. П.) Кн. Разумовскій. (М. П.) Ришелье.
(М. П.) Графъ Каподистріа.

№ 512.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Парижская конвенція относительно уплаты Франціею военной контрибуціи.

№ 513.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Парижская конвенція относительно содержанія во Франціи оккупаціонной союзной арміи.

№ 514.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Парижская конвенція относительно порядка удовлетворенія денежныхъ претензій подданныхъ союзныхъ государствъ.

1815 г., ноября 8-го (20-го). Актъ признанія и гарантіи постояннаго нейтралитета Швейцаріи.

(См. т. IV, часть I-я, № 101, стр. 12 и слѣд.).

Съ великою болью въ сердцѣ подписалъ герцогъ Ришелье мирный трактатъ 1815 года. „Я

signer“, dit-il à un ami, „un traité pour lequel je devrais porter ma tête sur l'échafaud“.

Le lendemain, le 21 novembre, il écrivit une lettre au duc Decazes, dans laquelle il s'exprimait en ces termes à ce sujet. „Tout est consommé; j'ai apposé hier, plus mort que vif, mon nom à ce fatal traité. J'avais juré de ne pas le faire, et je l'avais dit au roi; ce malheureux prince m'a conjuré en fondant en larmes de ne point l'abandonner, et dès ce moment je n'ai plus hésité. J'ai la confiance de croire que sur ce point personne n'aurait mieux fait que moi; et la France, expirant sous le poids qui l'accable, réclamait impérieusement une prompte délivrance“ *).

Richelieu était parfaitement fondé d'affirmer que personne n'eut conclu un meilleur traité avec les alliés, ni obtenu pour la France des conditions plus avantageuses. Il accepta le poste de premier ministre contre son gré et seulement par sentiment de patriotisme. Il était ennemi des intrigues de Cour et plaçait audessus de tout l'indépendance personnelle. Il ne consentit à se rendre à la prière du roi Louis XVIII qu'après avoir obtenu la promesse formelle de l'Empereur Alexandre de lui prêter l'appui constant de sa toute-puissante autorité.

Ce n'est que grâce à cette position personnelle, tout-à-fait exceptionnelle que le duc de Richelieu réussit à mitiger considérablement les conditions de la paix.

La Prusse et les autres Etats Germaniques furent forcés de modérer leurs prétentions territoriales et d'abandonner à la France la rive gauche du Rhin. Au lieu de 1200 millions de contribution de guerre que réclamait Hardenberg, le plénipotentiaire prussien, on n'imposa à la France qu'une indemnité de 800 millions, réduite plus tard à 700.

Toutefois le duc de Richelieu trouvait que même cette somme était immense en présence de l'épuisement financier de la France par les longues guerres de Napoléon. Ce qu'il trouvait surtout humiliant c'est qu'aux termes du traité, le gouvernement français était tenu d'attribuer 138 millions à couvrir les frais de fortifications à élever sur les frontières de la France et dirigées contre elle.

*) *Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe, t. I, p. 97.

только что подписалъ трактатъ“, сказалъ онъ своему другу, „за который долженъ былъ бы положить мою голову на плаху“.

На другой день, 21 ноября, онъ написалъ герцогу Деказу письмо, въ которомъ высказывается въ слѣдующихъ словахъ объ этомъ событіи: „Все кончено. Вчера, ни живъ ни мертвъ, я скрѣпилъ своею подписью этотъ роковой трактатъ. Я далъ клятву этого не дѣлать и высказалъ это королю. Этотъ несчастный государь умолялъ меня со слезами не покидать его и съ этого момента я больше не колебался. Я имѣю увѣренность, что въ этомъ случаѣ никто не поступилъ бы лучше меня, и Франція, изнемогая подъ подавляющею ее тяжестью, настойчиво требовала скорѣйшаго ея избавленія“ *).

Ришелье имѣлъ полное основаніе сказать, что никто лучше его не заключилъ бы мирнаго трактата съ союзными державами и никто не въ состояніи былъ получить болѣе выгодныхъ для Франціи условій. Онъ принялъ постъ перваго министра вопреки своему желанію, только изъ патріотизма. Онъ былъ врагъ придворныхъ происковъ и выше всего ставилъ личную независимость и свободу. Онъ согласился исполнить просьбу короля Людовика XVIII только послѣ торжественнаго обѣщанія Императора Александра постоянно поддерживать его своимъ, всѣхъ подавляющимъ, авторитетомъ.

Только при такомъ исключительномъ личномъ положеніи герцогъ Ришелье могъ добиться значительнаго смягченія условій мира.

Пруссія и другія германскія государства должны были умѣрить свои территоріальныя претензіи и оставить за Франціею лѣвый берегъ Рейна. Вмѣсто 1.200 милліоновъ военной контрибуціи, которой требовалъ прусскій уполномоченный Гарденбергъ, французское правительство должно было сперва уплатить 800 мил. франковъ, а затѣмъ только 700 мил.

Однако для герцога Ришелье и эта сумма казалась чрезмѣрною въ виду разоренія Франціи нескончаемыми наполеоновскими войнами. Въ особенности обиднымъ казалось ему то обстоятельство, что въ силу мирнаго трактата около 138 милліоновъ франковъ французское правительство обязано было внести на покрытіе расходовъ по возведенію укрѣпленій на границахъ Франціи, направленныхъ исключительно противъ нея.

*) *Debidour*. Historie diplomatique de l'Europe, t. I, p. 97.

L'entretien d'une armée d'occupation de 150.000 hommes dans les départements du Nord et de l'Est était également humiliant et onéreux pour le trésor de la France, surtout si l'on prend en considération que le but avoué de cette occupation était de tenir en soumission la nation française et de lui inspirer de la terreur. Les Français furent officiellement reconnus pour des rebelles incorrigbles et des ennemis dangereux de l'ordre public et de la paix internationale en Europe.

La convention ci-dessous (№ 513), au sujet de l'entretien de l'armée alliée d'occupation sous le commandement supérieur du duc de Wellington, ne laissa aucun doute au sujet du caractère onéreux de ces clauses pour le trésor français. Quant à ce qu'il y avait de blessant pour l'amour-propre français dans la présence sur le territoire français d'une armée étrangère, deux opinions ne sauraient subsister à ce sujet.

Enfin la convention, au sujet du mode de liquidation des réclamations d'argent élevées à la charge de la France (№ 514), augmenta considérablement les embarras du trésor. Les nombreuses prétentions des gouvernements et des sujets étrangers devaient être réglées après que leur légalité eut été reconnue à la suite d'un examen scrupuleux. Le mode d'enquête établi par la convention ci-dessous pour la liquidation des réclamations d'argent internationales pourrait être appliqué avec succès même de nos jours.

Quoiqu'il en soit, les actes imprimés ci-dessous constituent une partie intégrante du traité de Paris et furent signés à la même date, le 8 (20) novembre. Les engagements qu'ils imposaient à la nation française étaient très onéreux. Mais les hommes d'Etat français du commencement du siècle passé, qui affirmaient que ces actes constitueraient la perte de la France, se sont étrangement trompés. Même la guerre de 1870—1871, suivie du traité de Francfort de 1871, n'eut pas de conséquences aussi fatales pour cette nation si riche et si pleine de vitalité.

Равнымъ образомъ было обидно и чрезвычайно убыточно для Франціи содержаніе оккупаціонной союзной арміи въ 150.000 человѣкъ въ сѣверныхъ и восточныхъ департаментахъ за счетъ французской же казны. Мало того: открытое назначеніе этой оккупаціонной арміи заключалось въ томъ, чтобы держать въ повиновеніи и страхѣ французскій народъ! Французы были официально признаны неисправимыми бунтовщиками и опасными врагами общественнаго порядка и международнаго мира въ Европѣ.

Нижеслѣдующая конвенція (№ 513) объ условіяхъ содержанія союзной оккупаціонной арміи, подъ главнымъ начальствомъ герцога Веллингтона, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ крайней разорительности этихъ условій для французской государственной казны. Относительно же оскорбительнаго для французскаго самолюбія присутствія на французской территоріи иностранныхъ войскъ не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній.

Наконецъ, конвенція о порядкѣ ликвидаціи денежныхъ претензій къ Франціи (№ 514) въ сильной степени увеличила и безъ того неимовѣрную тяжесть финансовыхъ обязательствъ французской казны. Всевозможные долги и претензіи союзныхъ правительствъ и ихъ подданныхъ, предъявленные Франціи, должны были получить справедливое удовлетвореніе путемъ весьма сложнаго разбирательства ихъ законномѣрности. Нельзя не сказать, что установленный этою конвенціею порядокъ разбирательства международныхъ денежныхъ претензій могъ бы найти примѣненіе и въ настоящее время.

Какъ бы то ни было, ниже отпечатанные акты составляютъ органическую часть Парижскаго мирнаго трактата и подписаны были въ тотъ же день, 8-го (20-го) ноября. Чрезвычайно обременительны для французскаго народа были возложенныя на него этими актами обязательства. Но жестоко ошиблись тѣ французскіе государственные дѣятели начала прошлаго столѣтія, которые утверждали, что эти акты должны вызвать гибель Франціи. Даже война 1870—71 года и Франкфуртскій мирный трактатъ 1871 года не имѣли такого рокового значенія для богатаго и жизнеспособнаго французскаго народа.

№ 512.

Le payement auquel la France s'est engagée vis-à-vis des Puissances alliées, à titre d'indemnité, par l'article IV du Traité de ce jour, aura lieu dans la forme et aux époques déterminées par les articles suivants.

Article I.

La somme de sept cents millions de francs, montant de cette indemnité, sera acquittée, jour par jour, par portions égales, dans le courant de cinq années, au moyen de bons au porteur sur le Trésor royal de France, ainsi qu'il va être dit.

Article II.

Le trésor remettra d'abord aux Puissances alliées quinze engagements de quarante-six millions deux tiers, formant la somme totale de sept cents millions, payables, le premier, le 31 mars 1816, le second, le 31 juillet de la même année, et ainsi de suite, de quatre mois en quatre mois, pendant les cinq années successives.

Article III.

Ces engagements ne pourront être négociés; mais ils seront échangés périodiquement contre des bons au porteur négociables, dressés dans la forme usitée pour le service ordinaire du Trésor royal.

№ 512.

Денежная сумма, которую Франція въ силу IV статьи трактата, сего дня заключеннаго, обязана заплатить союзнымъ Державамъ, будетъ уплачиваема по порядку и въ сроки, означенные въ слѣдующихъ статьяхъ.

Статья I.

Семьсотъ милліоновъ франковъ, долженствующіе составлять сіе вознагражденіе, будутъ выплачиваемы постепенно и ежедневно, равными частями, въ теченіи пяти лѣтъ, ассигнаціями на Французскую королевскую казну (bons au porteur sur le trésor royal), какъ будетъ сказано ниже.

Статья II.

Во-первыхъ, королевская казна выдастъ союзнымъ Державамъ пятнадцать обязательствъ, каждое въ сорокъ шесть милліоновъ и двѣ трети, составляющихъ вмѣстѣ всю вышеозначенную сумму: семьсотъ милліоновъ франковъ. Сіи обязательства должны быть выплачены: первое 31 марта 1816 года, второе 31 іюля того же года, и такъ далѣе, каждое чрезъ четыре мѣсяца въ продолженіе пяти лѣтъ.

Статья III.

Сіи обязательства не будутъ продаваемы, но только въ назначенные сроки обмѣниваемы на ассигнаціи (bons au porteur), писанныя по обыкновенной формѣ, принятой въ королевскомъ казначействѣ; а сіи всегда могутъ быть продаваемы.

ARTICLE IV.

Dans le mois qui précédera les quatre, pendant lesquels un engagement sera acquitté, cet engagement sera divisé par le Trésor de France en bons au porteur, payables à Paris par portions égales, depuis le premier jusqu'au dernier jour des quatre mois.

Ainsi, l'engagement de 46 millions deux tiers, échéant le 31 mars 1816, sera échangé, au mois de novembre 1815, contre des bons au porteur, payables, par portions égales, depuis le 1 décembre 1815, jusqu'au 31 mars 1816. L'engagement de 41 millions deux tiers, échéant le 31 juillet 1816, sera échangé au mois de mars de la même année, contre des bons au porteur payables, par portions égales, depuis le 1 avril 1816 jusqu'au 31 juillet de la même année, et ainsi de suite de quatre mois en quatre mois.

ARTICLE V.

Il ne sera point délivré un seul bon au porteur pour l'échéance de chaque jour; mais cette échéance sera divisée en plusieurs coupures de 1000, 2000, 5000, 10.000 et 20.000 mille francs, dont la réunion formera la somme totale du payement de chaque jour.

ARTICLE VI.

Les Puissances alliées, convaincues qu'il est autant de leur intérêt que de celui de la France, qu'il ne soit pas

СТАТЬЯ IV.

За мѣсяцъ до начала тѣхъ четырехъ, въ кои обязательство должно быть уплачено, королевское французское казначейство раздробитъ оное обязательство на разныя части, представляемыя нѣсколькими ассигнаціями (bons au porteur), кои будутъ выплачиваемы въ Парижѣ одна за другою, ежедневно въ теченіи означенныхъ четырехъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, обязательство въ 46 милліоновъ двѣ трети, коего срокъ 31 марта 1816 года, должно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1815 года быть обмѣнено на ассигнаціи (bons au porteur), кои будутъ выплачиваемы по равнымъ частямъ, ежедневно отъ 1 декабря 1815 года, до 31 марта 1816 года. Обязательство также въ 46 милліоновъ и двѣ трети, коего срокъ 31 іюля 1816 года, должно быть обмѣнено на ассигнаціи (bons au porteur), которыя будутъ выплачиваемы по равнымъ частямъ, ежедневно отъ 1 апрѣля 1816 года, до 31 іюля того же года, и такъ далѣе, въ каждые четыре мѣсяца.

СТАТЬЯ V.

Ассигнаціи будутъ выдаваемы не по одной на полное число слѣдующей въ каждый день уплаты; каждая изъ таковыхъ суммъ должна быть раздѣлена на нѣсколько ассигнацій въ 1.000, въ 2.000, въ 5.000, въ 10.000 и 20.000 франковъ.

СТАТЬЯ VI.

Союзныя Державы, зная, что ихъ собственная польза и польза Франціи требуютъ, чтобы не было вдругъ вы-

émis simultanément une somme trop considérable de bons au porteur, conviennent qu'il n'y en aura jamais en circulation pour plus de cinquante millions de francs à-la-fois.

пускаемо сихъ ассигнацій (bons au porteur), на весьма большую сумму, постановляютъ, что оныхъ въ обращеніи никогда не будетъ болѣе, какъ на пятьдесятъ милліоновъ.

Article VII.

Il ne sera payé par la France aucun intérêt pour le délai de cinq années que les Puissances alliées lui accordent pour le payement des 700 millions.

Статья VII.

За пять лѣтъ, назначаемыхъ союзными Державами для уплаты имъ Франціею 700 милліоновъ франковъ, не полагается съ оной суммы никакихъ процентовъ.

Article VIII.

Le 1 janvier 1816, il sera remis par la France aux Puissances alliées, à titre de garantie de la régularité des payements, une rente sur le grand livre de la dette publique de France, de la somme de 7 millions de francs, au capital de 140 millions. Cette rente servira à suppléer, s'il y a lieu, à l'insuffisance des recouvrements du gouvernement français, et à mettre à la fin de chaque sémestre les payements de niveau avec les échéances de bons au porteur, ainsi qu'il sera dit ci-après.

Статья VIII.

Для обезпеченія исправнаго платежа, французское правительство долженствуетъ 1 января 1816 года выдать союзнымъ Дворамъ записанную въ общую книгу Государственнаго долга Франціи (grand livre de la dette publique), облигацію въ 7 милліоновъ франковъ годоваго дохода, то есть во 140 милліоновъ капитала. Сія облигація будетъ, въ случаѣ нужды, служить замѣною недоимокъ съ французскаго правительства и для уравненія чрезъ каждые полгода суммъ слѣдующихъ къ платежу, съ выплаченными ассигнаціями на казначейство (bons au porteur), какъ будетъ сказано ниже.

Article IX.

Les rentes seront inscrites au nom des personnes que les Puissances alliées indiqueront; mais ces personnes ne pourront être dépositaires des inscriptions que dans le cas prévu à l'article XI ci-après. Les Puissances alliées se réservent en outre le droit de faire faire les transcriptions sous d'autres noms, aussi souvent qu'elles le jugeront nécessaire.

Статья IX.

Облигаціи будутъ надписаны на имя назначенныхъ для сего союзными Державами особъ; но не иначе могутъ быть выданы тѣмъ особамъ, какъ только въ предполагаемомъ статьею XI случаѣ.—Сверхъ того союзныя Державы предоставляютъ себѣ право назначать для надписанія имена и другихъ особъ, когда признаютъ то нужнымъ.

*

Article X.

Le dépôt de ces inscriptions se trouvera sous la garde d'un caissier nommé par les Puissances alliées et d'un autre nommé par le gouvernement français.

Статья X.

Сіи надписанныя облигаціи будутъ храниться подъ надзоромъ кассира, назначаемаго союзными Державами, и другого, назначаемаго правительствомъ французскимъ.

Article XI.

Il y aura une commission mixte composée de commissaires alliés et français, en nombre égal des deux côtés, qui examinera de six mois en six mois, l'état des payements et réglera le bilan; les bons du trésor acquittés constateront les payements. Ceux qui n'auront pas encore été présentés au Trésor de France, entreront dans les déterminations du bilan subséquent; ceux enfin qui seront échus, présentés, et non payés, constateront l'arriéré et la somme d'inscriptions à employer au taux du jour, pour couvrir le déficit. Dès que cette opération aura eu lieu, les bons non payés seront rendus aux commissaires français, et la commission mixte donnera des ordres aux caissiers pour la remise de la somme ainsi fixée, et les caissiers seront autorisés et obligés à la remettre aux commissaires des Puissances alliées, qui en disposeront d'après leur convenance.

Статья XI.

Для разсматриванія платежей и приведенія въ порядокъ сравнительной долговой книги (bilan), чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ будетъ собираться общая коммиссія, составленная изъ коммиссаровъ союзныхъ и французскихъ, по равному съ обѣихъ сторонъ числу; полученныя обратно ассигнаціи на казначейство будутъ доказательствомъ уплаты: тѣ ассигнаціи, которыя до того времени не будутъ представлены въ казначейство, войдутъ въ счетъ долговой книги слѣдующаго срока; а тѣ, о коихъ будетъ найдено, что онымъ срокъ вышелъ, что оныя были представлены, но уплаты не учинено, поступятъ въ число недоимки, и для замѣны оной должно будетъ на ту сумму и по состоящему въ тотъ день курсу выдать надписанныя облигаціи. По опредѣленіи сего, неуплаченныя ассигнаціи казначейства будутъ возвращены французскимъ коммиссарамъ, и общая коммиссія дастъ предписаніе кассирамъ, выдать облигаціи на опредѣленную, какъ сказано выше, сумму. Кассиры будутъ имѣть право и обязанность, выдать оныя коммиссарамъ союзныхъ Державъ, кои по своему усмотрѣнію назначатъ употребленіе сихъ облигацій.

ARTICLE XII.

La France s'engage à rétablir aussitôt entre les mains des caissiers, une somme d'inscriptions égale à celle qui aurait été employée d'après l'article précédent, de manière à ce que la rente stipulée à l'article VIII soit toujours tenue au complet.

ARTICLE XIII.

Il sera payé par la France un intérêt de cinq pour cent par année depuis le jour de l'échéance des bons au porteur, pour ceux de ces bons dont le payement aurait été retardé par le fait de la France.

ARTICLE XIV.

Lorsque les six cents premiers millions de francs auront été payés, les Alliés, pour accélérer la libération entière de la France, accepteront, si cet arrangement convient au gouvernement français, la rente stipulée à l'article VIII, au cours qu'elle aura à cette époque, jusqu'à concurrence de ce qui restera dû des sept cents millions. La France n'aura plus à fournir que la différence, s'il y a lieu.

ARTICLE XV.

Si cet arrangement n'entrait pas dans les convenances de la France, les cent millions de francs qui resteraient dûs, seraient acquittés, ainsi qu'il est dit aux articles II, III, IV et V, et après

СТАТЬЯ XII.

За симъ немедленно Франція обязывается выдать подъ сохраненіе кассирамъ новыя облигаціи на сумму равную той, которая будетъ ими въ силу предыдущей статьи выдана, для того, чтобы въ кассѣ всегда находилось полное означенное въ VIII статьѣ число облигацій.

СТАТЬЯ XIII.

Франція будетъ платить по пяти процентовъ на годъ за просроченныя ассигнаціи казначейства, считая со дня просрочки оныхъ, если въ сей просрочкѣ будетъ виновно правительство французское.

СТАТЬЯ XIV.

Когда первые шестьсотъ милліоновъ франковъ будутъ уплачены, тогда союзныя Державы, для скорѣйшаго совершеннаго освобожденія Франціи отъ долга, примутъ, если то будетъ угодно французскому правительству, означенныя въ VIII статьѣ облигаціи, по курсу, который будетъ существовать въ то время, сколько изъ оныхъ причтется для составленія послѣднихъ ста милліоновъ. Франція должна будетъ только доплатить недостающую сумму, если еще окажется таковой недостатокъ.

СТАТЬЯ XV.

Если же сіе не будетъ согласно съ желаніемъ французскаго правительства, то и достальные сто милліоновъ франковъ будутъ уплачены по порядку, установленному статьями II, III, IV

l'entier payement des sept cent millions, l'inscription stipulée à l'article VIII serait remise à la France.

и V-ою и по окончаніи уплаты всѣхъ семисотъ милліоновъ, облигаціи, означенныя въ статьѣ VIII, будутъ возвращены Франціи.

Article XVI.

Le gouvernement français s'engage à exécuter, indépendamment de l'indemnité pécuniaire stipulée par la présente convention, tous les engagements contractés par les conventions particulières conclues avec les différentes Puissances et leurs co-alliés, relativement à l'habillement et à l'équippement de leurs armées et à faire délivrer et payer exactement les bons et mandats provenant des dites conventions, en tant qu'ils ne seraient pas encore réalisés à l'époque de la signature du traité principal et de la présente convention.

Fait à Paris, le 8 (20) novembre, l'an de grâce 1815.

(L. S.) Le prince de Razoumowsky. (L. S.) Richelieu.

(L. S.) Le comte de Capo-d'Istrias.

Статья XVI.

Кромѣ уплаты сего денежнаго вознагражденія, настоящею конвенціею постановляемаго, французское правительство обязывается исполнить всѣ условія, внесенныя въ частныя конвенціи, заключенныя ею съ разными Державами и союзниками ихъ, о доставленіи одежды и муниціи ихъ войскамъ, и будетъ исправно выплачивать, данныя въ силу оныхъ условій, ассигнаціи и росписки, если по нѣкоторымъ во время подписанія главнаго трактата и сей конвенціи еще не сдѣлано уплаты.

Парижъ, 8 (20) ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1815-е.

(М. П.) Кн. Разумовскій. (М. П.) Ришелье.

(М. П.) Графъ Каподистрія.

№ 513.

Article I.

La composition de l'armée de cent cinquante mille hommes, qui, en vertu de l'article V du Traité de ce jour, doit occuper une ligne militaire le long des frontières de la France, la force et la nature des contingents à fournir par chaque Puissance, de même que le choix des généraux qui commanderont ces troupes, seront déterminés par les Souverains alliés.

№ 513.

Статья I.

Составленіе ста пятидесяти-тысячной арміи, которая въ силу V статьи трактата, сего дня заключеннаго, должна занять линію военныхъ позицій въ границахъ французскихъ, опредѣленіе числа и рода долженствующихъ войти въ составъ оной арміи войскъ каждой Державы и выборъ генераловъ, имѣющихъ оною командовать, будутъ опредѣлены союзными Государями.

ARTICLE II.

Cette armée sera entretenue par le gouvernement français de la manière suivante:

Le logement, le chauffage, l'éclairage, les vivres et les fourrages doivent être fournis en nature. Il est convenu que le nombre total des rations ne pourra jamais être porté au-delà de 200,000 pour hommes, et de 50,000 pour chevaux, et qu'elles seront délivrées suivant le tarif annexé à la présente convention.

Quant à la solde, l'équipement, l'habillement et autres objets accessoires, le gouvernement français subviendra à cette dépense moyennant le payement d'un somme de cinquante millions de francs par an, payable en numéraire de mois en mois, à dater du premier décembre de l'année 1815, entre les mains des commissaires alliés. Cependant les Puissances alliées, pour concourir autant que possible à tout ce qui peut satisfaire S. M. le Roi de France et soulager ses sujets, consentent à ce qu'il ne soit payé dans la première année que 30 millions de francs sur la solde, sauf à être remboursées dans les années subséquentes de l'occupation.

ARTICLE III.

La France se charge également de pourvoir à l'entretien des fortifications et bâtiments militaires et d'administration civile, ainsi qu'à l'armement et à l'approvisionnement des places qui, en vertu de l'article V du Traité de ce jour doivent rester à titre de dépôt entre les mains des troupes alliées.

Ces divers services, pour lesquels on

СТАТЬЯ II.

Содержаніе сей арміи будетъ доставлять французское правительство слѣдующимъ образомъ:

Жилища и все нужное для отопленія и освѣщенія оныхъ, также провіантъ и фуражъ, должны быть доставляемы натурою. Притомъ постановляется, что число раціоновъ не будетъ никогда свыше 200 тысячъ на людей, и 50 тысячъ на лошадей, и что оные будутъ выдаваемы по тарифу, къ настоящей конвенціи приложенному.

Что касается до жалованья, ремонта, муниціи, платья и прочаго, французское правительство на сіи расходы будетъ выдавать ежегодно по пятидесяти милліоновъ франковъ, коммиссарамъ союзниковъ звонкою монетою, по равнымъ частямъ каждый мѣсяцъ, начиная съ 1 декабря 1815 года. Союзныя Державы, стараясь по возможности удовлетворить желаніямъ Е. В. Короля французскаго и доставить его подданнымъ облегченіе, соглашаются, чтобы въ первый годъ выданы были въ жалованье только 30 милліоновъ франковъ, а остальные затѣмъ доплачены въ послѣдующіе годы военнаго занятія.

СТАТЬЯ III.

Франція принимаетъ также на себя и содержаніе укрѣпленій, и публичныхъ зданій, какъ для военныхъ, такъ и для гражданскихъ начальствъ, равно и доставленіе оружія и провіанта въ крѣпости, кои по силѣ V статьи трактата сего дня, должны въ видѣ залога остаться во власти союзныхъ войскъ.

Всѣ сіи обязанности будутъ испол-

se réglera d'après les principes adoptés par l'administration française de la guerre, se feront sur la demande qui en sera adressée au gouvernement français par le commandant en chef des troupes alliées avec lequel on conviendra d'un mode de constater les besoins et les travaux propres à écarter toute difficulté, et à remplir le but de cette stipulation d'une manière qui satisfasse également aux intérêts des parties respectives. Le gouvernement français prendra, pour assurer les différents services énoncés dans cet article et les articles précédents, les mesures qu'il jugera les plus efficaces, et se concertera à cet égard avec le général en chef des troupes alliées.

няемы французскимъ военнымъ начальствомъ на основаніи принятыхъ во Франціи правилъ для содержанія собственныхъ войскъ и вслѣдствіе отношеній отъ главнокомандующаго союзныхъ войскъ къ правительству французскому. Они условятся между собою о лучшихъ средствахъ для свидѣтельствованія потребностей арміи, для устраненія всякаго спора или затрудненія и для исправленія всего сею статьею постановляемаго, съ соблюденіемъ пользъ обоюдныхъ. Французское правительство приметъ по своему усмотрѣнію дѣйствительнѣйшія мѣры для вѣрнѣйшаго исполненія различныхъ обязанностей, на оное возлагаемыхъ сею и предъидущею статьями, и сдѣлаетъ о томъ согласно съ главнокомандующимъ союзной арміи особое положеніе.

Article IV.

Conformément à l'article V du Traité principal, la ligne militaire que les troupes alliées doivent occuper s'étendra le long des frontières qui séparent les départements du Pas-de-Calais, du Nord, des Ardennes, de la Meuse, de la Moselle, du Bas-Rhin et du Haut-Rhin, de l'intérieur de la France. Il est, de plus convenu que ni les troupes alliées, ni les troupes françaises n'occuperont, (à moins que ce ne soit pour des raisons particulières et d'un commun accord), les territoires et districts ci-après nommés savoir: dans le département de la Somme, tout le pays au nord de cette rivière, depuis Ham jusqu'à son embouchure dans la mer; dans le département de l'Aisne, les districts de Saint-Quentin, Vervins et Laôn; dans le département de la Marne, ceux des

Статья IV.

Сообразно съ постановленіями статьи V главнаго трактата, военная линія, которая должна быть занимаема союзными войсками, будетъ простираться вдоль границъ, отдѣляющихъ департаменты Па-де-Кале, Сѣверный, Арденскій, Мозельскій, Нижне-Рейнскій и Верхне-Рейнскій отъ внутреннихъ областей Франціи. Сверхъ того постановляется, чтобъ ни союзными, ни французскими войсками не были занимаемы (развѣ въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ и съ общаго согласія) нижеименованные земли и округи: въ департаментѣ Сомскомъ, вся земля лежащая на сѣверной сторонѣ рѣки Сомы отъ Гама до впаденія оной въ море; въ департаментѣ Энскомъ, округи Сентъ-Кентенскій, Вервенскій и Ланскій; въ департаментѣ Марнскомъ, округи Рейм-

Rheims, Sainte-Ménéhould et Vitry; dans le département da la Haute-Marne, ceux de Saint-Dizier et Joinville; dans le département de la Meurthe, ceux de Toul, Dieuze, Sarrebourg et Blamont; dans le département des Vosges, ceux de Saint-Diez, Brugères et Remiremont; le district de Lure, dans le département de la Haute-Saône, et celui de Saint-Hippolyte, dans le département du Doubs.

Nonobstant l'occupation par les alliés de la portion de territoire fixée par le Traité principal et la présente convention, S. M. Très-Chrétienne pourra entretenir dans les villes situées dans le territoire occupé, des garnisons, dont le nombre, toutefois, ne dépassera pas ce qui est déterminé dans l'énumération suivante:

A Calais	1.000	hommes.
„ Gravelines	500	„
„ Bergues	500	„
„ Sant-Omer	1.500	„
„ Bethune	500	„
„ Montreuil	500	„
„ Hesdin	250	„
„ Ardres	150	„
„ Aires	500	„
„ Arras	1.000	„
„ Boulogne	300	„
„ Saint-Venant	300	„
„ Lille	3.000	„
„ Dunkerque et ses Forts	1.000	„
„ Douai et Fort de Scarpe	1.000	„
„ Verdun	500	„
„ Metz	3.000	„
„ Lauterbourg	200	„
„ Weissembourg	150	„
„ Lichtenberg	150	„

скій, Сентъ-Менегудскій и Витрійскій; въ департаментѣ Верхней Марны, округи Ст. Дизіерскій и Жоанвильскій; въ департаментѣ Мёртскомъ, округи Тульскій, Діезскій, Саррбургскій и Бламонскій; въ департаментѣ Вожскомъ, округи Сенъ-Діезскій, Брюжерскій и Ремирмонтскій; округъ Люрскій въ департаментѣ Верхней Соны и округъ Сентъ-Ипполитскій въ департаментѣ Дубскомъ.

Несмотря на занятіе союзными войсками части земли, означенной въ главномъ трактатѣ и въ настоящей конвенціи, Его Христіаннѣйшее Величество можетъ въ городахъ, находящихся въ оной, содержать гарнизоны; но число войскъ сихъ гарнизоновъ должно быть не свыше опредѣленнаго въ слѣдующей таблицѣ:

Въ Кале	1.000	челов.
„ Гравелинѣ	500	„
„ Бергѣ	500	„
„ Сентъ-Омерѣ	1.500	„
„ Бетюнѣ	500	„
„ Монтрелѣ	500	„
„ Гесдинѣ	250	„
„ Ардрѣ	150	„
„ Эрѣ	500	„
„ Арассѣ	1.000	„
„ Булонѣ	300	„
„ Сенъ-Венантѣ	300	„
„ Лилѣ	3.000	„
„ Дюнкирхенѣ и укрѣпленіяхъ онаго	1.000	„
„ Дуэ и въ крѣпостцѣ Скарпѣ	1.000	„
„ Вердюнѣ	500	„
„ Метцѣ	3.000	„
„ Лаутербургѣ	200	„
„ Вейсенбургѣ	150	„
„ Лихтенбергѣ	150	„

A Petite-Pierre . . .	100	hommes,
„ Phalsbourg . . .	600	„
„ Strasbourg . . .	3000	„
„ Schletstadt . . .	1000	„
„ Neuf-Brisach et Fort Mortier	1000	„
„ Béfort	1000	„

Il est cependant bien entendu que le matériel du génie et de l'artillerie, ainsi que les objets d'armement qui n'appartiennent pas proprement à ces places, en seront retirés et transportés à tels endroits que le gouvernement français jugera convenable, pourvû que ces endroits se trouvent hors de la ligne occupée par les troupes alliées, et des districts où il est convenu de ne laisser aucunes troupes, soit alliées, soit françaises.

S'il parvenait à la connaissance du commandant en chef des armées alliées quelques contraventions aux stipulations ci-dessus, il adresserait ses réclamations à cet égard au gouvernement français, qui s'engage à y faire droit.

Les places ci-dessus nommées étant en ce moment dépourvues de garnisons, le gouvernement français pourra y faire entrer, aussitôt qu'il le jugera convenable, le nombre de troupes qui vient d'être fixé, en en prévenant toutefois d'avance le commandant en chef des troupes alliées, afin d'éviter toute difficulté et retard que les troupes françaises pourraient éprouver dans leur marche.

Article V.

Le commandement militaire, dans toute l'étendue des départements qui resteront occupés par les troupes alliées,

Въ Птитъ-Пьерѣ . . .	100	челов.
„ Фальсбургѣ	600	„
„ Стразбургѣ	3.000	„
„ Шлетштадѣ	1.000	„
„ Ней Бризакѣ и крѣпостцѣ Мортье . . .	1.000	„
„ Бефорѣ	1.000	„

Разумѣется однакоже, что оружіе, инженерныя и артиллерійскія орудія и снаряды, не собственно принадлежащіе къ симъ крѣпостямъ, будутъ изъ оныхъ вывезены въ другія мѣста, по благоразсужденію французскаго правительства, съ тѣмъ только, чтобы оныя мѣста находились внѣ линіи занимаемой союзными войсками, и округовъ, въ коихъ положено не оставлять ни союзныхъ, ни французскихъ войскъ.

Если главнокомандующій союзными войсками получитъ свѣдѣніе о какомъ-либо нарушеніи вышеозначенныхъ условій, то съ жалобою на сіе обратится къ французскому правительству, которое обязывается сдѣлать вслѣдствіе того надлежащія распоряженія.

Въ вышеозначенныхъ крѣпостяхъ теперь нѣтъ гарнизоновъ, и слѣдственно французское правительство, какъ скоро признаетъ то нужнымъ, можетъ въ оныя ввести опредѣленное число войскъ, но извѣстивъ о томъ заранѣе главнокомандующаго союзной арміи, для того, чтобы французскимъ войскамъ на походѣ не было никакого затрудненія и остановки.

Статья V.

Военное начальство по всему пространству департаментовъ, кои будутъ заняты союзными войсками, предо-

appartiendra au général en chef de ces troupes: il est bien entendu cependant, qu'il ne s'étendra pas aux places que les troupes françaises doivent occuper en vertu de l'article IV de la présente convention, et à un rayon de mille toises autour de ces places.

ставляется главнокомандующему сихъ войскъ; изъ сего однакоже исключаются крѣпости по силѣ IV-й статьи настоящей конвенціи занимаемыя французскими войсками, и округи простирающіеся окрестъ оныхъ на тысячу тоазовъ во всѣ стороны.

Article VI.

L'administration civile, celle de la justice, et la perception des impositions et contributions de toute espèce, resteront entre les mains des agents de S. M. le Roi de France. Il en sera de même par rapport aux douanes. Elles resteront dans leur état actuel, et les commandants des troupes alliées n'apporteront aucun obstacle aux mesures prises par les employés de cette administration pour prévenir la fraude; ils leur prêteront même, en cas de besoin, secours et assistance.

Статья VI.

Гражданское управленіе, все касающееся до дѣлъ судныхъ, собиранія податей и налоговъ всякаго рода, предоставляется чиновникамъ Е. В. Короля Французскаго. То же самое разумѣть должно и въ разсужденіи таможенъ. Оныя останутся въ томъ же состояніи, въ коемъ находятся нынѣ, и командующіе союзными войсками не будутъ ни въ чемъ препятствовать дѣйствію мѣръ, принимаемыхъ чиновниками сего вѣдомства, для предупрежденія недозволеннаго торга; они, даже въ случаѣ нужды, будутъ оказывать имъ вспоможеніе.

Article VII.

Pour prévenir tout abus qui pourrait porter atteinte au maintien des règlements de douane, les effets d'habillement et d'équipement et autres articles nécessaires, destinés aux troupes alliées, ne pourront être introduits que munis d'un certificat d'origine, et à la suite d'une communication à faire, par les officiers commandant les différents corps, au général en chef de l'armée alliée, lequel à son tour en fera donner avis au gouvernement français, qui donnera des ordres en conséquence aux employés de l'administration des douanes.

Статья VII.

Дабы предупредить всякое злоупотребленіе въ противность существующихъ таможенныхъ уставовъ, все нужное для одежды и муниціи, и другія необходимыя вещи, привозимыя для союзныхъ войскъ, будутъ впускаемы не иначе, какъ по предъявленіи свидѣтельства о ихъ происхожденіи, и вслѣдствіе сообщенія отъ корпусныхъ начальниковъ къ главнокомандующему союзною арміею, который съ своей стороны увѣдомитъ о томъ французское правительство, а сіе дастъ чиновникамъ таможеннаго вѣдомства надлежащее затѣмъ предписаніе.

ARTICLE VIII.

Le service da la gendarmerie étant reconnu nécessaire au maintien de l'ordre et de la tranquillité publique, continuera à avoir lieu, comme par le passé, dans les pays occupés par les troupes alliées.

СТАТЬЯ VIII.

Жандармскія команды признаны необходимыми для соблюденія общественнаго порядка и тишины, и потому оныя будутъ оставлены на прежнемъ основаніи въ земляхъ, занимаемыхъ союзными войсками.

ARTICLE IX.

Les troupes alliées, à l'exception de celles qui doivent former l'armée d'occupation, évacueront le territoire de France en vingt et un jours après celui de la signature du Traité principal. Les territoires qui, d'après ce Traité, doivent être cédés aux alliés, ainsi que les places de Landau et Sarrelouis, seront remis, par les autorités et les troupes françaises, dans le terme de dix jours, à dater de la signature du Traité.

Ces places seront remises dans l'état où elles se trouvaient le 20 septembre dernier. Des commissaires seront nommés de part et d'autre pour vérifier et constater cet état, et pour délivrer et recevoir respectivement l'artillerie, les munitions de guerre, plans, modèles et archives appartenant tant aux dites places qu'aux différents districts cédés par la France, selon le Traitè de ce jour.

Des commissaires seront également nommés pour examiner et constater l'état des places occupées encore par les troupes françaises, et qui, d'après l'article V du Traité principal, doivent être tenues en dépôt, pendant un certain temps, par les alliés. Ces places seront de même remises aux troupes

СТАТЬЯ IX.

Союзныя войска, за исключеніемъ тѣхъ, изъ коихъ составится армія занятія, выдутъ изъ владѣній французскихъ чрезъ двадцать одинъ день послѣ подписанія главнаго трактата. Земли, кои въ силу онаго трактата уступлены союзникамъ, и крѣпости Ландау и Саррлуи будутъ имъ сданы французскими начальствами и войсками въ теченіи десяти дней, считая съ подписанія трактата.

Сіи крѣпости будутъ сданы въ томъ состояніи, въ коемъ оныя находились 20 сентября сего года. Съ обѣихъ сторонъ будутъ назначены коммиссары для осмотра сихъ крѣпостей, для засвидѣтельствованія о состояніи оныхъ и для взаимной сдачи и принятія артиллеріи, военныхъ припасовъ, плановъ, моделей и архивовъ, принадлежащихъ къ помянутымъ крѣпостямъ и къ разнымъ округамъ, уступленнымъ Франціею по трактату сего дня.

Будутъ также назначены коммиссары для изслѣдованія, въ какомъ состояніи находятся крѣпости еще занимаемыя французскими войсками, и долженствующія, въ силу V-й статьи главнаго трактата, поступить на нѣкоторое время во власть союзниковъ, въ качествѣ залога. Сіи крѣпости также бу-

alliées dans le terme de dix jours, à dater de la signature du Traité.

Il sera nommé aussi des commissaires d'une part par le gouvernement français, de l'autre par le général commandant en chef les troupes alliées, destinées à rester en France et par le général commandant les troupes alliées, qui se trouvent aujourd'hui en possession des places d'Avesnes, Landrécies, Maubeuge, Rocroi, Givet, Montmédy, Longwy, Mézières et Sedan, pour vérifier et constater l'état de ces places et des munitions de guerre, cartes, plans, modèles, etc., qu'elles contiendront au moment, qui sera considéré comme celui de l'occupation en vertu du Traité.

Les Puissances alliées s'engagent à remettre, à la fin de l'occupation temporaire, toutes les places nommées dans l'article V du Traité principal, dans l'état où elles se seront trouvées à l'époque de cette occupation; sauf toutefois les dommages causés par le temps, et que le gouvernement français n'aurait pas prévenus par les réparations nécessaires.

Fait à Paris, le 8 (20) novembre, l'an de grâce 1815.

(L. S.) Le prince de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.

(L. S.) Le comte de Capo-d'Istrias.

ARTICLE ADDITIONNEL.

Les Hautes parties contractantes étant convenues par l'article V du Traité de ce jour, de faire occuper pendant un certain temps, par une armée alliée, des positions militaires en France, et désirant de prévenir tout ce qui pourrait compromettre l'ordre, et la discipline qu'il importe très particulière-

дутъ сданы союзнымъ войскамъ чрезъ десять дней послѣ подписанія трактата.

Сверхъ того будутъ еще назначены коммиссары отъ французскаго правительства, отъ главнокомандующаго союзныхъ войскъ, остающихся во Франціи, и отъ генерала командующаго союзными войсками, кои нынѣ занимаютъ крѣпости Авенъ, Ландреси, Мобёжъ, Рокруа, Живе, Монмеди, Лонгви, Мезіеръ и Седанъ, для изслѣдованія и засвидѣтельствованія, въ какомъ состояніи сіи крѣпости и находящіеся въ оныхъ военные припасы, карты, планы, модели и прочее, будутъ въ то время, съ коего по условіямъ трактата должно считаться начало военнаго занятія.

Союзныя Державы обязываются, по окончаніи сего временнаго занятія, сдать всѣ означенныя въ V-й статьѣ главнаго трактата крѣпости, въ томъ состояніи, въ коемъ оныя будутъ при началѣ онаго, за исключеніемъ однако же тѣхъ поврежденій, кои произойдутъ отъ времени и будутъ самимъ французскимъ правительствомъ оставлены безъ должнаго исправленія.

Въ Парижѣ, 8 (20) ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1815-е.

(М.П.) Князь Разумовскій. (М.П). Ришелье.

(М. П). Графъ Каподистрія.

Дополнительная статья.

Высокія договаривающіяся стороны, положивъ V-ю статьею трактата, сего дня заключеннаго, что нѣкоторыя военныя позиціи во Франціи должны на время быть заняты союзными войсками, и желая предупредить всякое нарушеніе порядка и дисциплины, въ сей арміи особенно нужныхъ, поста-

ment de maintenir dans cette armée, il est arrêté par le présent article additionnel, que tout déserteur, qui de l'un ou de l'autre des corps de la dite armée passerait du côté de la France, sera immédiatement arrêté par les autorités françaises, et remis au commandant le plus voisin des troupes alliées, de même que tout déserteur des troupes françaises, qui passerait du côté de l'armée alliée, sera immédiatement remis au commandant français le plus voisin.

Les dispositions du présent article s'appliqueront également aux déserteurs de côté et d'autre, qui auraient quitté leurs drapeaux avant la signature du Traité, lesquels seront, sans aucun délai, restitués et délivrées aux corps respectifs auxquels ils appartiennent.

Le présent article additionnel aura la même force et valeur, que s'il était inséré mot-à-mot dans la convention militaire de ce jour.

En foi de quoi, etc.
Fait à Paris, le 8 (20) novembre 1815.

(L. S.) Le prince de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.
(L. S.) Le comte de Capo-d'Istrias.

новляютъ для сего настоящею дополнительною статьею, что всѣ бѣглецы, кои перейдутъ изъ какого-либо корпуса вышеупомянутой союзной арміи на французскую сторону, будутъ немедленно останавливаемы и отсылаемы французскими начальствами къ ближайшей военной командѣ союзниковъ. Равнымъ образомъ каждый бѣглецъ съ французской стороны къ союзной арміи будетъ немедленно выдаваемъ ближайшему французскому начальству.

Заключающіяся въ сей статьѣ постановленія относятся равномѣрно и къ тѣмъ дезертирамъ, кои съ той или съ другой стороны оставили свои полки или команды прежде подписанія сего трактата; они также долженствуютъ быть безъ замедленія отосланы въ корпусы, къ коимъ принадлежали.

Сія дополнительная статья должна имѣть таковую же силу и дѣйствіе, какъ если бъ оная была отъ слова до слова внесена въ заключенную сего числа военную конвенцію.

Во увѣреніе чего, и т. д.
Въ Парижѣ, ноября 8-го (20) дня, лѣта отъ Рождества Христова 1815.

(М. П.) Кн. Разумовскій. (М. П.) Ришелье.

(М. П.) Графъ Каподистріа.

Tarif annexé à la convention concernant l'occupation par les troupes alliées de la ligne des positions militaires en France.

Тарифъ приложенный къ конвенціи о занятіи союзными войсками линіи военныхъ позицій во Франціи.

I. Vivres, fourrage, logement, chauffage.

I. О провіантѣ, фуражѣ, квартирахъ и дровахъ.

PORTION ORDINAIRE DU SOLDAT.

ОБЫКНОВЕННАЯ СОЛДАТСКАЯ ПОРЦІЯ.

Deux livres, poids de marc, de pain de méteil, ou une et deux-tiers de farine, ou une et un-sixiéme de biscuit.

2 фунта (марковаго вѣса) хлѣба изъ смѣшанной пшеничной и ржаной муки, или $1^2/_3$ фун. муки, или $1^1/_6$ фун. сухарей.

Un-quatrième de livre de gruau; ou trois-seizièmes de riz; ou une-demi-livre de farine fine de froment, de pois ou lentilles; ou une-demi-livre de pommes de terre, carottes, navets et autres légumes frais.

Une-demi-livre de viande fraîche, ou un quart de lard.

Un-dixième de litre d'eau-de-vie, ou la moitié d'un litre de vin, ou un litre de bièrre.

Un-trentième de livre de sel.

1. Dans le cas où les troupes seraient logés chez les habitants, elles auraient place au feu et à la chandelle. Dans les casernes, le bois de chauffage et de cuisine, et l'éclairage des chambres et corridors seront fournis d'après les localités, conformément au besoin.

Il en sera de même pour les corps-de-garde.

2. Les surrogats ne se donneront pas au gré de la troupe, mais d'après les circonstances. On tâchera de varier les denrées selon les saisons, en se tenant autant que possible aux légumes secs. Le lard ne se donnera que d'un commun accord avec la troupe.

3. La farine, pour le pain, ne sera fournie à la troupe que de son gré; et l'on y ajoutera le bois et les fours nécessaires pour cuire le pain. Le biscuit se donnera seulement en cas de marche ou d'urgence, ou pour compléter la provision de réserve de dix jours dont les troupes doivent être pourvues dans leurs ambulances. Ce complément se donnera outre l'approvisionnement

$^1/_4$ фунта крупъ; или $^3/_{16}$ сарачинскаго пшена; или $^1/_2$ фунта хорошей пшеничной муки, гороху или чечевицы, или $^1/_2$ фун. картофеля, моркови, рѣпы или другихъ какихъ-либо свѣжихъ огородныхъ овощей.

$^1/_2$ фунта свѣжаго мяса, или $^1/_4$ фунта ветчины.

$^1/_{10}$ литры водки, или $^1/_2$ литры винограднаго вина, или 1 литра пива.

$^1/_{30}$ фунта соли.

1. Войска, кои будутъ поставлены на квартиры къ обывателямъ, должны пользоваться общимъ въ покояхъ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Въ казармахъ дрова для отопленія и кухни, и свѣчи для освѣщенія комнатъ и коридоровъ будутъ отпускаемы смотря по обширности мѣста и по надобности.

То же самое будетъ наблюдаемо и въ караульняхъ.

2. Съѣстные припасы, назначаемые взамѣнъ другихъ, будутъ отпускаемы не по желанію войскъ, но по соображенію съ обстоятельствами. Всѣ сіи припасы будутъ стараться перемѣнять, смотря по временамъ года, но по возможности предпочитая другимъ, сушеные огородные овощи. Ветчина будетъ отпускаема не иначе, какъ по согласію войскъ.

3. Мука вмѣсто хлѣба будетъ также выдаваема не иначе, какъ съ согласія войскъ; съ оною будутъ отпускаемы дрова и отводимы для приготовленія хлѣба печи. Сухари будутъ выдаваемы только на время какого-либо похода или въ случаѣ недостатка въ хлѣбѣ, или для пополненія десятидневнаго запаса, коимъ войска снабжаются для переходовъ. Нужное для сего количе-

journalier. Du reste, pour assurer l'exactitude de l'approvisionnement, il est entendu que, dans le délai de deux mois, on montera les magasins de telle sorte, qu'à l'exception de la viande, il y ait toujours pour quinze jours une réserve de vivres et fourrages sous l'inspection des gardes-magasins français. Les administrations des corps d'armée auront le droit d'examiner cette réserve quand il leur paraitra nécessaire.

ство сухарей, будетъ выдаваемо не въ счетъ обыкновенной дневной порціи. Впрочемъ для обезпеченія исправности въ продовольствіи войскъ, постановляется, чтобы въ теченіи двухъ мѣсяцевъ магазины были снабжены всѣмъ нужнымъ, и чтобъ, выключая мяса, всегда находилось въ оныхъ на 15 дней готоваго запаснаго провіанта и фуража подъ надзоромъ французскихъ магазейныхъ смотрителей. Начальства военныхъ корпусовъ будутъ имѣть право, если почтутъ нужнымъ, осматривать сіи запасы.

4. La viande se livrera abattue, sans y comprendre les têtes, pieds, poumons, foie et autres intestins. Si, du gré de la troupe, on préfére de donner le bétail sur pied, le poids en sera fixé d'après une juste estimation, en y comprenant la tête, le suif et tout ce qui est mangeable. Dans ce cas, la peau restera à la troupe.

4. На мясо будетъ отпускаемъ битый скотъ, и въ счетъ опредѣленнаго числа фунтовъ не будутъ включаемы ни голова, ни ноги, ни легкое, печенка и другія внутреннія части скотины. Если по желанію войскъ имъ будетъ отпущенъ скотъ живой, то вѣсъ онаго будетъ назначаемъ по точному расчисленію, полагая въ счетъ и голову, и сало, и все прочее, годное въ пищу. Въ семъ случаѣ и кожа отдается солдатамъ.

5. En marche, et dans d'autres occasions où le soldat sera nourri par étape, le même tarif servira de base. Alors le soldat recevra sa portion, ou un équivalent suffisant, préparé et réparti sur ses deux repas, et le matin une partie du pain avec sa portion d'eau-de-vie.

5. Въ походѣ и другихъ случаяхъ, когда солдаты получаютъ готовое продовольствіе на роздыхахъ и ночлегахъ, сей же самый тарифъ долженствуетъ служить основаніемъ. Каждый солдатъ будетъ получать свою порцію или вмѣсто оной соразмѣрное количество другихъ съѣстныхъ припасовъ, изготовленныхъ и раздѣленныхъ на обѣдъ и ужинъ, сверхъ того поутру часть слѣдующаго ему хлѣба и обыкновенную порцію водки.

6. Les reçus seront donnés par les régiments, compagnies et détachements, par portions et rations, et seront revus et vérifiés, à chaque corps d'armée, par

6. Квитанціи будутъ выдаваемы отъ полковъ, ротъ и отрядовъ, съ означеніемъ числа порцій и раціоновъ, и потомъ разсматриваемы и повѣряемы при

une commission mixte, dont les frais de bureau seront réglés et payés par le gouvernement français.

каждомъ корпусѣ коммиссіею, составленною изъ чиновниковъ французскихъ и принадлежащихъ къ союзной арміи. Канцелярскіе расходы сей коммиссіи опредѣлитъ и приметъ на себя правительство французское.

7. La troupe de plusieurs de ces armées étant accoutumée au tabac à fumer, et les soldats n'étant pas en état de l'acheter aux prix très-hauts qui existent en France, il est convenu que les régiments, compagnies et détachements, pourront demander, par mois, un demi-kilogramme de tabac pour chaque homme présent, en payant soixante centimes le demi-kilogramme de tabac de la qualité inférieure, mais fraîche, qui se vend dans les magasins. Pour éviter, à cette occasion, toute contrebande, on donnera aux régiments des livrets, où seront notées les quantités de tabac délivrées.

7. Какъ во многихъ корпусахъ сей арміи солдаты имѣютъ привычку курить табакъ, и по дорогой цѣнѣ табаку во Франціи были бы не въ состояніи покупать оный, то постановляется, что всякій полкъ, рота или отрядъ могутъ потребовать каждый мѣсяцъ по половинѣ килограмма табаку на каждаго человѣка, платя по 60 сантимовъ за полкилограмма низшаго сорта, но свѣжаго табаку, продаваемаго изъ магазиновъ. Для предупрежденія въ семъ случаѣ всякаго запрещеннаго торга, будутъ полкамъ даны особыя тетради, для означенія количества отпущеннаго имъ табаку.

Portion d'Officier.

Deux livres de pain blanc.

Un quart de gruau fin, ou surrogats.

Deux livres de viande.

Une portion de liqueur de bonne qualité.

Deux chandelles de suif, dont huit à la livre.

Pour éviter différents inconvénients, il est à désirer que cette partie de la portion soit évaluée pour tous les corps d'armée en argent et à un prix moyen par jour, et qu'elle se donne toujours en argent.

En outre

Un-quinzième de stère de bois dur de chauffage, ou

Cette partie de la portion se donnera toujours en nature,

Офицерская порція.

2 фунта бѣлаго хлѣба.

1/4 фунта лучшихъ крупъ, или чего-либо вмѣсто оныхъ.

2 фунта мяса.

Порція хорошей сладкой водки.

Двѣ сальныя свѣчи, считая по восьми на фунтъ.

Желательно, чтобы для избѣжанія всякихъ неудобствъ, сей части дневной порціи сдѣлана была оцѣнка во всѣхъ корпусахъ арміи, по среднимъ цѣнамъ, для выдачи за оную денегъ.

Сверхъ того:

1/15 стера хорошихъ дровъ (bois dur), или, смотря

Сія часть порцій всегда будетъ отпускаема нату-

d'après les localités, du bois léger, de la houille ou de la tourbe, suivant les proportions fixées dans les règlements français.

excepté pendant les marches.

La ration d'été sera de la moitié, et on comptera six mois d'hiver.

Dans les provinces où on brûle généralement de charbon de terre, la commutation entre bois et charbon se fera, tant pour l'officier que pour le soldat, d'après le tarif de commutation des mêmes articles en usage dans l'armée française.

En outre, le logement avec les lits.

Les portions d'officiers et le logement seront donnés d'après le Tableau suivant:

Désignation des grades.	Nombre des Portions de Bouche.	Nombre des Portions de Chauffage.	Nombre des Chambres d'une grandeur convenable.	Nombre d'emplacements pour les Domestiques.
Officiers subalternes.	1	1	1	1 à 2
Capitaines d'infanterie et de cavalerie, et capitaines en second	2	2	2	3[1])
Majors	3	3	3	3[1])
Lieutenants-colonels.	4	3	3	4[1])
Colonels	5	3	3	4[1])

[1]) S'ils commandent un regiment, une portion de bouche, une chambre, une portion de bois, un emplacement de domestique de plus.

по мѣсту, дровъ мягкихъ (bois léger), каменныхъ угольевъ (de la houille), или торфу въ той мѣрѣ, которая положена французскими уставами.

рою, за исключеніемъ времени походовъ.

Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ для топки обыкновенно употребляютъ каменные уголья, оные будутъ выдаваемы, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ, вмѣсто дровъ, по тарифу о перемѣнѣ таковыхъ статей, коему слѣдуютъ во французской арміи.

Лѣтніе раціоны полагаются въ половину, а зимнихъ мѣсяцевъ въ году будетъ считаться шесть.

Сверхъ того, квартира и постели офицерскія.

Порціи и квартиры будутъ назначаться по чинамъ, сообразно съ нижеслѣдующимъ росписаніемъ.

Означеніе чиновъ.	Число порцій для стола.	Число порцій для отопленія.	Число комнатъ приличной величины.	Сколько мѣстъ для служителей.
Младшіе оберъ-офицеры	1	1	1	1 и 2
Капитаны пѣхотныхъ полковъ, ротмистры кавалеріи, штабсъ-капитаны и штабсъ-ротмистры	2	2	2	3[1])
Маіоры	3	3	3	3[1])
Подполковники . .	4	3	3	4[1])
Полковники	5	3	3	4[1])

[1]) Если они командуютъ полками, то получаютъ лишнюю предъ прочими столовую порцію, лишнюю комнату, лишнюю порцію дровъ и помѣщеніе для одного лишняго слуги.

Désignation des grades.	Nombre des Portions de Bouche.	Nombre des Portions de Chauffage.	Nombre des Chambres d'une grandeur convenable.	Nombre d'emplacements pour les Domestiques.
Généraux-majors . .	7	4	4	5[1])
Lieutenants - généraux	9	5	5	7[1])
Généraux de cavalerie ou d'infanterie, ou commandants d'un corps d'armée.	12	—	—	—[2])

1. Les domestiques receveront la portion de soldat, mais d'après l'état effectif de présence, et pas au-delà du nombre déterminé pour chaque armée.

2. Les employés dans les administrations et les officiers de santé seront, d'après leurs grades, assimilés en tout aux militaires.

3. En cas de nécessité, surtout en marche, on se contentera d'un moindre nombre de chambres. Dans les casernes, les quartiers seront réglés d'après les circonstances, et conjointement avec Messieurs les commandants.

FOURRAGES.

Ration légère.

Avoine, cinq-huitièmes de boisseau de Paris.

Foin, dix livres.

Paille, trois livres.

[1]) S'ils commandent une division, ou sont attachés à l'état-major, ils recoivent en tout une portion de plus.

[2]) Les généraux en chef et commandants des corps, habiteront des hôtels convenables, qui seront chauffés au besoin.

Означеніе чиновъ.	Число порцій для стола.	Число порцій для отопленія.	Число комнатъ приличной величины.	Сколько мѣстъ для служителей.
Генералъ-Маіоры .	7	4	4	5[1])
Генералъ-Лейтенанты	9	5	5	7[1])
Генералъ отъ кавалеріи или отъ инфантеріи и корпусные начальники .	12	—	—	—[2])

1. Офицерскіе слуги будутъ получать солдатскія порціи; оныя будутъ однако же отпускаться по настоящему числу людей на лицо и при томъ не свыше положеннаго для каждой арміи.

2. Гражданскіе и медицинскіе чиновники при арміи будутъ уравниваемы во всемъ съ военными, соотвѣтственно ихъ чинамъ.

3. Въ случаѣ недостатка, и особенно во время переходовъ, должно будетъ довольствоваться и меньшимъ числомъ комнатъ. Квартиры въ казармахъ будутъ распредѣляемы по обстоятельствамъ и съ согласія гг. командующихъ.

ФУРАЖЪ.

Легкій раціонъ.

Овса $^{5}/_{8}$ парижской мѣры буассо (boisseau de Paris).

Сѣна 10 фунтовъ.

Соломы 3 фунта.

[1]) Если они командуютъ дивизіею, или находятся при главномъ штабѣ, то получаютъ по одной лишней предъ прочими порціи во всемъ.

[2]) Полнымъ генераламъ и корпуснымъ начальникамъ будутъ отводимы особые удобные для помѣщенія ихъ домы, кои будутъ отапливаемы смотря по надобности и желанію генераловъ.

*

Ration pesante.

Avoine, un boisseau de Paris.
Foin, dix livres.
Paille, trois livres.

1. Les rations pesantes se donneront aux chevaux de selle des officiers, aux chevaux de la cavalerie réguliere, tant pesante que légère; aux chevaux de l'artillerie qui menent les canons et les caissons qui y appartiennent. Tous les autres, ainsi que les chevaux de cosaques, auront la ration légère, excepté le cas où, d'après les règlements particuliers d'une armée, il se trouverait encore des équipages qui dûssent recevoir la ration pesante. Dans les marches ou déplacements qui dureraient plus de 4 jours, tous les chevaux en marche auront la ration pesante.

2. En cas de nécessité, les fourrages pourrout être remplacés, en comptant 6 rations d'orge; et, en cas d'extrême disette, 6 de seigle, aux lieu de 8 rations d'avoine, et une demi-ration légère d'avoine pour 5 livres de foin. Ce dernier surrogat pourra être demandé de droit par les troupes dont la ration de foin est ordinairement moindre de 10 livres, et celle d'avoine plus forte.

3. La paille sera fournie des magasins aux écuries des places, et le fumier restera à la troupe, qui l'enlevera elle-même; chez l'habitant celui-ci fournira la paille, d'après le tarif, et profitera du fumier.

4. Les écuries seront assignées aux régiments et compagnies d'après l'effectif

Тяжелой рацiонъ.

Овса 1 парижскiй буассо.
Сѣна 10 фунтовъ.
Соломы 3 фунта.

1. Тяжелые рацiоны будутъ отпускаться на верховыхъ офицерскихъ лошадей, на лошадей регулярной кавалеріи, тяжелой и легкой, и на лошадей артиллерійскихъ, запрягаемыхъ подъ пушки и принадлежащіе къ онымъ снарядные ящики. На всѣхъ прочихъ лошадей, равно и на казачьихъ, будутъ выдаваемы легкіе рацiоны, за исключеніемъ однако же тѣхъ, кои по особеннымъ установленіямъ армій будутъ должны получать тяжелые рацiоны. Во время переходовъ, продолжающихся болѣе четырехъ дней, всѣ лошади будутъ получать тяжелые рацiоны.

2. Въ случаѣ нужды, могутъ быть выдаваемы шесть рацiоновъ ячменя, а при крайнемъ недостаткѣ, даже шесть рацiоновъ ржи вмѣсто осьми овса, и легкiй полурацiонъ овса, вмѣсто пяти фунтовъ сѣна. Сiи полрацiона овса, вмѣсто пяти фунтовъ сѣна, имѣютъ право требовать тѣ войска, коихъ обыкновенные рацiоны сѣна составляютъ менѣе 10 фунтовъ, а рацiоны овса болѣе прочихъ.

3. Въ городахъ солома будетъ отпускаема изъ магазиновъ въ конюшни полковъ и навозъ оставляется солдатамъ, кои сами должны будутъ свозить оный; когда же войска будутъ стоять у обывателей, то сiи обязаны доставлять солому по тарифу и берутъ себѣ навозъ.

4. Конюшни будутъ отводимы полкамъ и ротамъ по настоящему числу

des chevaux, en y joignant l'éclairage et l'emplacement pour la garde, les bagages et les fourrages.

5. Les fourrages, pour les officiers de différents grades, seront délivrés à chaque troupe d'après les états de son organisation, tels qu'ils existaient avant ce tarif. On les délivrera d'après ces tableaux, sans aucune déduction. Les écuries pour les officiers seront également assignées, d'après l'effectif, avec l'emplacement pour les bagages et les fourrages; mais sans éclairage. On comptera par cheval, 4 pieds en largeur, et 8 pieds en longueur.

Note générale.

Les troupes ne pourront rien demander au-delà de ce tarif, et seront obligées d'acheter à leurs frais les objets qui n'y sont pas compris, tels que savon, beurre, craie, terre de pipe. Les villes arrangeront, à leurs frais, les corps-de-gardes et les guérites.

II. Hôpitaux.

Les hôpitaux en général seront administrés par les autorités françaises d'après l'ordre établi; mais quant à l'entretien des malades, on se conformera aux règlements publiés par chaque armée lors de son entrée en France. Tous les articles nécessaires, les médicaments y compris, seront fournis aux frais du gouvernement français. On ne fournira cependant rien pour les hôpitaux des régiments, excepté l'emplacement et les portions ordinaires que les régiments demanderont comme pour les

лошадей, со всѣмъ потребнымъ для освѣщенія и для помѣщенія сторожей, багажа и фуража.

5. Фуражъ для офицеровъ будетъ отпускаемъ въ каждомъ войскѣ на то число людей и тѣ чины, кои въ ономъ были до подписанія сего тарифа. Сей фуражъ будетъ отпускаемъ согласно съ даннымъ отъ войскъ росписаніемъ безо всякаго вычета. Конюшни для офицерскихъ лошадей будутъ также отводимы по настоящему числу оныхъ со всѣмъ потребнымъ для помѣщенія багажа и фуража, но безъ освѣщенія. Для каждой лошади полагается мѣсто въ четыре фута ширины и восемь футовъ длины.

Общее замѣчаніе.

Войска не могутъ ничего требовать, кромѣ опредѣленнаго въ семъ тарифѣ, и должны будутъ покупать на свой счетъ всѣ вещи, кои въ ономъ не означены, какъ-то: мыло, масло, мѣлъ, мягкую трубочную глину. Караульни и будки для часовыхъ будутъ построены на счетъ городовъ.

II. О гошпиталяхъ.

Всѣ вообще гошпитали имѣютъ состоять подъ вѣдомствомъ французскихъ начальствъ и будутъ управляемы по существующимъ на то правиламъ; но въ томъ, что касается до содержанія больныхъ, должны сообразоваться съ особенными для сего постановленіями, кои каждою арміею объявлены при вступленіи оной во Францію. Всѣ потребности, разумѣя въ томъ числѣ и медикаменты, будутъ доставляемы на счетъ французскаго правительства. Впрочемъ, для полковыхъ лазаретовъ

autres militaires présents. Chaque corps d'armée déléguera à chaque hôpital destiné à ses malades, les médecins et commissaires pour en assurer le bon traitement. On ne pourra refuser d'admettre les militaires qui seront envoyés aux hôpitaux: ceux-ci seront établis à des distances convenables.

III. Charrois.

Lorsque les corps seront en mouvement, le gouvernement français fournira les moyens de transport sur la demande du commandant en chef. Il en sera de même pour le transport des malades. On fournira aussi les relais nécessaires pour les communications entre les différentes parties d'un corps d'armée; mais on observera, à cet égard, beaucoup de réserve. Pour ce qui concerne les convois d'effets militaires qui arrivent à la troupe des pays hors des frontières de France, le transport ne devra se faire par les relais du pays que jusqu'au premier février 1816, et seulement pour des quantités modérées.

IV. Postes.

Toutes les lettres qui concernent le service intérieur des corps et la correspondance avec les autorités françaises qui seront munies de contre-seing officiel, seront reçues aux postes ordinaires

будутъ только отводимы нужныя компаты и отпускаемы по требованію полковъ обыкновенныя порціи, наравнѣ съ прочими состоящими на лицо солдатами. Каждый корпусъ войскъ будетъ присылать, въ назначенные для больныхъ онаго гошпитали, своихъ медиковъ и коммиссаровъ, сколько ихъ, для соблюденія надлежащаго за больными присмотра, будетъ нужно. Всѣ военные чины, присылаемые въ гошпитали, должны быть безпрекословно принимаемы. Гошпитали будутъ учреждены въ нѣкоторомъ одинъ отъ другого разстояніи, смотря по удобности.

III. О подводахъ.

Во время маршей французское правительство будетъ доставлять войскамъ, по требованію главнокомандующаго, нужные для перевозки тяжелыхъ вещей способы. То же самое будетъ соблюдаемо и въ разсужденіи перевозки больныхъ. Для сообщенія между разными отдѣленіями корпусовъ, будутъ также выставляемы лошади, но въ семъ будетъ однакоже наблюдаема строгая умѣренность. Что касается до воинскихъ снарядовъ, доставляемыхъ войскамъ изъ-за границы французской, то перевозка оныхъ на перемѣнныхъ, на счетъ Франціи постановляемыхъ, лошадяхъ, будетъ продолжаться только до 1 февраля 1816 года, и при томъ на небольшое число транспортовъ.

IV. О почтахъ.

Всѣ письма по службѣ, для сношеній корпусовъ между собою и съ французскими начальствами, офиціально въ томъ засвидѣтельствованныя, будутъ принимаемы на почту и доставляемы

et transmises sans payement. Quant aux estafettes et la correspondance particulière des militaires, on les payera suivant la taxe ordinaire. Les courriers et voyageurs, militaires ou non, payeront exactement les chevaux de poste.

безъ платы. За эстафеты и свою частную переписку офицеры и нижніе чины будутъ платить по обыкновенной таксѣ. Курьеры и проѣзжающіе какъ военные, такъ и другаго званія люди, обязаны исправно платить за почтовыхъ лошадей.

V. Douanes

Les effets destinés pour l'habillement de ces troupes jouiront de la libre entrée moyennant des certificats valables. Les militaires qui rejoindront les corps ou quitteront la France, seront libres de tous payements aux douanes pour tout ce qui sert à leur propre usage ou à celui de la troupe.

V. О таможняхъ.

Вещи, назначенныя для обмундированія войскъ, будутъ ввозимы безъ пошлинъ, по предъявленіи надлежащихъ въ томъ свидѣтельствъ. Военные чиновники, пріѣзжающіе къ арміи, или выѣзжающіе изъ Франціи, освобождаются отъ платежа таможенныхъ пошлинъ за всѣ вещи, кои служатъ для ихъ собственнаго употребленія или назначаются для войска.

Arrêté et signé à Paris, le 8 (20) novembre, l'an de grâce 1815.

Постановлено и подписано въ Парижѣ, 8-го (20-го) ноября, въ лѣто отъ Рожд. Хр. 1815-ое.

(L. S.) Le p-ce de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.

(М. П.) Кн. Разумовскій. (М. П.) Ришелье.

(L. S.) Le comte Capo-d'Istrias.

(М. П.) Графъ Каподистріа.

№ 514.

Pour aplanir les difficultés qui se sont élevées sur l'exécution de divers articles du Traité de Paris, du 18 (30) mai 1814, et notamment sur ceux relatifs aux réclamations des sujets des Puissances alliées, les Hautes Parties contractantes désirant faire promptement jouir leurs sujets respectifs des droits que ces articles leur assurent, et prévenir en même temps, autant que possible, toute contestation qui pourrait s'élever sur le sens de quelques dispositions du dit traité, sont convenues des articles suivants.

№ 514.

Для отвращенія затрудненій, встрѣтившихся при началѣ исполненія нѣкоторыхъ условій Парижскаго трактата 18-го (30) мая 1814 года, и именно тѣхъ, кои касаются до требованій подданныхъ союзныхъ державъ, Высокія договаривающіяся стороны, желая, чтобы ихъ взаимные подданные могли скорѣе воспользоваться правомъ, утвержденнымъ за ними чрезъ вышеозначенныя условія, и желая также по возможности предупредить споры, могущіе возникнуть отъ различнаго толкованія нѣкоторыхъ положеній онаго

трактата, согласились постановить нижеслѣдующія статьи.

Article I.

Le traité de Paris du 18 (30) mai 1814, étant confirmé par l'article XI du Traité principal auquel la présente convention est annexée, cette confirmation s'étend nommément aux articles XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXX et XXXI du dit traité, autant que les stipulations, renfermées dans ces articles n'ont pas été changées ou modifiées par le présent acte, et il est expréssément convenu que les explications et les développements que les Hautes Parties contractantes ont jugé à propos de leur donner par les articles suivants, ne préjudicieront en rien aux réclamations de toute autre nature, qui seraient autorisées par le dit traité, sans être spécialement rappelées par la présente convention.

Статья I.

Парижскій трактатъ 18-го (30) мая 1814 года утвержденъ XI статьею главнаго трактата, къ коему прилагается настоящая конвенція. Сіе утвержденіе долженствуетъ относиться и къ тѣмъ изъ условій, заключающихся въ XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXX и XXXI статьяхъ упомянутаго трактата, кои не уничтожены или не перемѣнены настоящимъ актомъ; а по сему и опредѣляется, что изъясненія сихъ условій и дополненія къ онымъ, кои Высокими договаривающимися сторонами постановлены въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, отнюдь не уменьшаютъ законности и даже не касаются требованій другаго рода, кои также утверждены означеннымъ трактатомъ, а въ настоящей конвенціи именно не упомянуты.

Article II.

En conformité de cette disposition, S. M. Très-Chretienne promet de faire liquider dans les formes ci-après indiquées, toutes les sommes que la France se trouve devoir dans les pays hors de son territoire, tel qu'il est constitué par le traité auquel la présente convention est annexée, en vertu de l'article XIX du traité de Paris, du 18 (30) mai 1814, soit à des individus, soit à des communes, soit à des établissements particuliers, dont les revenus ne sont pas à la disposition des gouvernements.

Статья II.

Согласно съ симъ постановленіемъ, Его Христіаннѣйшее Величество обѣщаетъ повелѣть, чтобы по означенному ниже сего порядку было приступлено къ разочтенію (liquidation) всѣхъ денежныхъ суммъ, коими Франція въ земляхъ внѣ ея нынѣшнихъ, трактатомъ, къ коему приложена сія конвенція, опредѣленныхъ владѣній, остается еще въ силу XIX статьи Парижскаго трактата 18-го (30) мая должна какъ частнымъ людямъ, такъ и обществамъ или инымъ заведеніямъ, коихъ доходы не въ распоряженіи правительствъ.

Cette liquidation s'étendra spécialement sur les réclamations suivantes.

1. Sur celles qui concernent les fournitures et prestations de tout genre faites par des communes ou des individus, et en général par tout autre que les gouvernements, en vertu de contrats ou de dispositions émanées des autorités administratives françaises renfermant promesse de payement; que ces fournitures et prestations aient été effectuées dans et pour les magasins militaires en général, ou pour l'approvisionnement des villes et places en particulier, ou enfin aux armées françaises, ou à des détachements de troupes, ou à la gendarmerie, ou aux administrations françaises, ou aux hôpitaux militaires, ou enfin pour un service public quelconque.

Ces livraisons et prestations seront justifiées par les reçus des gardes-magasins, officiers civils ou militaires, commissaires, agents ou surveillants, dont la validité sera reconnue par la commission de liquidation dont il sera question à l'article V de la présente convention.

Les prix en seront réglés d'après les contrats ou autres engagements des autorités françaises, ou, à leur défaut, d'après les mercuriales des endroits les plus rapprochés de celui où la versement a été fait.

2. Sur les arriérés de solde et de traitement, frais de voyage, gratifications et autres indemnités revenant à des militaires ou employés à l'armée française, devenus par les traités de

Такимъ образомъ долженствуютъ быть разочтены (liquidées) въ особенности слѣдующія требованія.

1. Всѣ касающіяся до поставокъ и заимообразныхъ выдачъ всякаго рода, сдѣланныхъ частными людьми или градскими и сельскими обществами и вообще всѣми, кромѣ правительствъ, по контрактамъ или вслѣдствіе иныхъ актовъ французскихъ правительственныхъ мѣстъ, коими обѣщана была плата, для чего бы, впрочемъ, ни были дѣлаемы сіи поставки и заимообразныя выдачи, для военныхъ ли магазиновъ вообще, или для продовольствія городовъ и крѣпостей въ особенности, или, наконецъ, для французскихъ армій, отрядовъ войскъ, жандармскихъ командъ, французскихъ гражданскихъ начальствъ, военныхъ госпиталей, или чего иного.

Сіи поставки и заимообразныя выдачи должны быть доказываемы квитанціями магазинныхъ смотрителей, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, коммиссаровъ, приставовъ или надзирателей; дѣйствительность же оныхъ квитанцій будетъ опредѣлена ликвидаціонною коммиссіею, о коей сказано въ V статьѣ сей конвенціи.

Цѣны будутъ назначаемы по контрактамъ или инымъ обязательствамъ, французскими начальствами заключеннымъ, а въ случаѣ неимѣнія оныхъ, по справочнымъ цѣнамъ мѣстъ ближайшихъ отъ того, куда доставлены вещи по подряду.

2. Недоплаченныя денежныя суммы, слѣдовавшія въ жалованье или на содержаніе, путевыя издержки, единовременныя награжденія и проч. тѣмъ изъ воинскихъ и гражданскихъ чинов-

Paris, du 18 (30) mai 1814, et du 8 (20) novembre 1815, sujets d'une autre Puissance, pour le temps où ces individus servaient dans les armées françaises, ou qu'ils étaient attachés à des établissements qui en dépendaient, tels qu'hôpitaux, pharmacies, magasins ou autres.

La justification de ces demandes devra se faire par la production des pièces exigées par les lois et règlements militaires.

3. Sur la restitution des frais d'entretien des militaires français dans les hospices civils qui n'appartenaient pas au gouvernement, autant que le payement de cet entretien a été stipulé par des engagements exprès: la quotité de ces frais sera justifiée par les bordereaux certifiés par les chefs de ces établissements.

4. Sur la restitution des fonds confiés aux postes aux lettres françaises, qui ne sont pas parvenus à leur destination, le cas de force majeure excepté.

5. Sur l'acquit des mandats, bons et ordonnances de payement fournis, soit sur le trésor public de France, soit sur la caisse d'amortissement, ou leurs annexes, ainsi que des bons donnés par cette dernière caisse; lesquels mandats, bons et ordonnances, ont été souscrits en faveur d'habitants, de communes ou d'établissements situés dans les provinces qui ont cessé de faire partie de la France, ou se trouvent entre les mains de ces habitants, communes et établissements; sans que, de la part de la

никовъ, находившихся при французской арміи, кои, въ силу Парижскихъ трактатовъ 18-го (30) мая 1814 и 8-го (20) ноября 1815 года, сдѣлались подданными другихъ державъ, за все то время, въ продолженіи коего они служили во французской арміи или находились при мѣстахъ, зависѣвшихъ отъ оной, какъ-то гошпиталяхъ, аптекахъ, магазинахъ, и всякихъ другихъ.

Въ доказательство справедливости таковыхъ требованій должны быть представляемы надлежащія по воинскимъ установленіямъ и законамъ доказательства.

3. Слѣдующее за издержки на содержаніе французскихъ солдатъ и офицеровъ въ гошпиталяхъ, правительству непринадлежащихъ, ежели платежъ за сіе содержаніе былъ положенъ особеннымъ условіемъ; сумма таковыхъ издержекъ должна быть доказываема счетами за подписаніемъ начальниковъ оныхъ заведеній.

4. Суммы, ввѣренныя для доставленія французскимъ почтамтамъ и недошедшія до мѣста своего назначенія, изъ того исключаются случаи, когда сіи суммы отняты силою.

5. Слѣдующее къ полученію по *судебнымъ приговорамъ* (mandats), *ассигнаціямъ* (bons) и другимъ *предписаніямъ о выдачѣ денегъ* (ordonnances de paiement), французскаго государственнаго казначейства или кассы погашенія долговъ, или другихъ зависящихъ отъ оныхъ мѣстъ, равнымъ образомъ и по ассигнаціямъ, выданнымъ самою кассою погашенія долговъ; если сіи приговоры, ассигнаціи и предписанія о выдачѣ даны жителямъ, или градскимъ и сельскимъ обществамъ, или заведе-

France, on puisse refuser de les payer, par la raison que les objets par la vente desquels ces bons, mandats et ordonances devaient être réalisés, ont passé sous un gouvernement étranger.

ніямъ, находящимся въ тѣхъ провинціяхъ, кои нынѣ уже не во владѣніи Франціи, или если оныя находятся у таковыхъ жителей, обществъ и заведеній; французское правительство не можетъ отказать въ выдачѣ по онымъ денегъ подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣнія, назначаемыя въ продажу для заплаты по симъ ассигнаціямъ и проч., перешли во владѣніе другихъ Державъ.

6. Sur les emprunts faits par les autorités françaises civiles ou militaires, avec promesse de restitution.

6. Сдѣланныя французскими военными и гражданскими начальствами займы съ обѣщаніемъ платежа.

7. Sur les indemnités accordées pour nonjouissance de biens domaniaux données en bail; sur toute autre indemnité et restitution pour fait d'affermage de biens domaniaux, ainsi que sur les vacations, émoluments et honoraires pour estimation, visite ou expertise de bâtiments et autres objets, faite par ordre et pour compte du gouvernement français, en tant que ces indemnités, restitutions, vacations, émoluments et honoraires ont été reconnus être à la charge du gouvernement, et légalement ordonnés par les autorités françaises alors existantes.

7. Вознагражденія, слѣдующія за невладѣніе государственными имуществами, данными на аренду, и всякаго рода вознагражденія по случаю отдачи на откупъ казенныхъ имѣній; также слѣдующіе по закону судьямъ и присяжнымъ доходы, прибытки и жалованья за оцѣнку, осмотръ и освидѣтельствованіе зданій и другихъ предметовъ, по предписанію французскаго правительства, буде таковыя вознагражденія, доходы, прибытки и жалованья долженствовали быть приняты симъ правительствомъ на его счетъ и буде оныя были признаны на законномъ основаніи существовавшими въ то время французскими начальствами.

8. Sur le remboursement des avances faites par les caisses communales, par ordre des autorités françaises, et avec promesse de restitution.

8. Возвращеніе денежныхъ суммъ, выданныхъ заимообразно изъ казначействъ градскихъ и сельскихъ обществъ по предписанію французскихъ начальствъ и кои было обѣщано возвратить.

9. Sur les indemnités dues à des particuliers pour prise de terrain, démolition, destruction de bâtiments, qui ont eu lieu d'après les ordres des autorités militaires françaises pour l'agrandisse-

9. Вознагражденія, слѣдующія частнымъ людямъ за взятыя у нихъ земли или сломку принадлежавшихъ имъ зданій по приказанію французскихъ военныхъ начальствъ для распро-

ment ou la sûreté des places fortes et citadelles, dans le cas où il est dû indemnité, en vertu de la loi du 10 juillet 1791, et lorsqu'il y aura un engagement de payer, résultant soit d'une expertise contradictoire, réglant le montant de l'indemnité, soit de tout autre acte des autorités françaises.

странения или безопасности крѣпостей и цитаделей, если за сіе закономъ 10 іюля 1791 года положено вознагражденіе и если дано обязательство въ платежѣ, основанное или на судебной описи съ оцѣнкою, или на другомъ какомъ-либо актѣ французскихъ начальствъ.

ARTICLE III.

Les réclamations du Sénat de Hambourg, concernant la banque de cette ville, seront l'objet d'une convention particulière entre les commissaires de S. M. Très-Chrétienne et ceux de la ville de Hambourg.

СТАТЬЯ III.

Требованія Гамбургскаго Сената о суммахъ, принадлежащихъ Банку сего города, будутъ предметомъ особенной конвенціи между коммиссарами Его Христіаннѣйшаго Величества и коммиссарами города Гамбурга.

ARTICLE IV.

Seront également liquidées les réclamations que présentent plusieurs individus, contre l'exécution d'un ordre daté de Nossen, le 8 mai 1813, en vertu duquel on a saisi, a leur prejudice, des denrées coloniales, dont ils avaient acquis une partie du gouvernement français, et en vertu duquel ils ont été contraints de payer une seconde fois pour des cotons, les droits et doubles droits de douanes, quoiqu'ils se fussent libérés, en temps utile, de ce qu'ils devaient légalement. Ces réclamations seront liquidées par les commissions établies par la convention de ce jour, et leur montant sera payé en inscriptions au grand livre de la dette publique, à un cours qui ne pourra pas être au-dessous de 75, de la même manière qu'il a été convenu par la présente convention à l'égard des cautionnements à rembourser.

СТАТЬЯ IV.

Будутъ также разсмотрѣны и приведены въ ясность требованія, представляемыя разными людьми вслѣдствіе даннаго въ Носсенѣ 8 мая 1813 года повелѣнія, по коему у нихъ отняты колоніальныя произведенія, полученныя ими частію отъ самого французскаго правительства, и по коему они были принуждены заплатить вторично какъ обыкновенныя, такъ и двойныя таможенныя пошлины за хлопчатую бумагу, хотя ими были уже прежде внесены въ надлежащее время всѣ законами установленныя подати и пошлины. Сіи требованія поступятъ на разсмотрѣніе коммиссій, въ силу настоящей конвенціи учреждаемыхъ, и слѣдующія по онымъ суммы будутъ заплачены облигаціями, записанными въ *общую книгу* государственныхъ долговъ, по курсу, но однакоже не ниже 75 за 100, тѣмъ же порядкомъ, который опредѣленъ сею конвенціею для возвращенія денежныхъ залоговъ.

ARTICLE V.

Les Hautes Parties contractantes, animées du désir de convenir d'un mode de liquidation propre en même temps à en abréger le terme, et à conduire dans chaque cas particulier à une décision définitive, ont résolu, en expliquant les dispositions de l'article XX du traité du 18 (30) mai 1814, d'établir des *Commissions de liquidation*, qui s'occuperont en premier lieu de l'examen des réclamations, et des *Commissions d'arbitrage* qui décideront dans le cas où les premières ne seraient pas parvenues à s'accorder. Le mode qui sera adopté à cet égard sera le suivant.

1. Immédiatement après l'échange des ratifications du présent traité, la France et les autres Hautes Parties contractantes, ou intéressées à cet objet, nommeront des commissaires-liquidateurs et des commissaires-juges, qui résideront à Paris, et qui seront chargés de régler et faire exécuter les dispositions renfermées dans les article XVIII et XIX du traité du 18 (30) mai 1814, et dans les articles II, IV, VI, VII, X, XI, XII, XIII, XIV, XVII, XVIII, XXII, XXIII et XXIV de la présente convention.

2. Les commissaires-liquidateurs seront nommés par toutes le Parties intéressées qui voudront en déléguer, au nombre que chacune d'elles jugera convenable. Ils seront chargés de recevoir, d'examiner dans l'ordre d'un tableau qui sera établi pour cela, et dans le plus bref délai, et de liquider, s'il y a lieu, toutes les réclamations. Il sera

СТАТЬЯ V.

Высокія договаривающіяся стороны, желая для сего разочтенія постановить такія правила, кои могли бы ускорить окончаніе онаго и служить во всѣхъ случаяхъ вѣрнымъ для рѣшенія руководствомъ, опредѣлили, объясняя такимъ образомъ положенія XX статьи трактата 18-го (30) мая 1814 года, учредить *коммиссіи ликвидаціонныя*, кои сначала займутся *разсмотрѣніемъ* требованій, и *коммиссіи судныя*, для рѣшенія, въ случаяхъ, когда между членами ликвидаціонныхъ коммиссій произойдетъ разногласіе. Порядокъ производства дѣлъ, касающихся до разочтенія, будетъ слѣдующій.

1. По размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата, Франціею, другими Высокими договаривающимися сторонами и тѣми Державами, кои въ семъ дѣлѣ участвуютъ, будутъ немедленно назначены коммиссары для ликвидаціи и коммиссары для суда. Они должны имѣть пребываніе въ Парижѣ и привести въ надлежащій порядокъ и исполненіе все постановленное статьями XVIII и XIX трактата 18-го (30) мая 1814 года и статьями II, IV, VI, VII, X, XI, XII, XIII, XIV, XVII, XVIII, XIX, XXII, XXIII и XXIV-ою настоящей конвенціи.

2. Коммиссары для ликвидаціи будутъ назначаемы всѣми участвующими въ сихъ дѣлахъ Державами, кои пожелаютъ имѣть своихъ коммиссаровъ; число оныхъ не опредѣляется: каждая Держава можетъ назначить съ своей стороны столько коммиссаровъ, сколько признаетъ нужнымъ. Имъ будетъ поручено принимать, разсматривать немед-

libre à chaque commissaire de réunir dans une même commission tous les commissaires des différents gouvernements, pour leur présenter et faire examiner par eux les réclamations des sujets de son gouvernement, ou bien de traiter séparément avec le gouvernement français.

3. Les commissaires-juges seront chargés de prononcer définitivement et en dernier ressort sur toutes les affaires qui leur seront renvoyées en conformité du présent article, par les commissaires-liquidateurs qui n'auront pas pu s'accorder sur elles. Chacune des Hautes Parties contractantes ou intéressées, pourra nommer autant de ces juges qu'Elle trouvera convenable; mais tous ces juges prêteront entre les mains du garde des sceaux de France, et en présence des Ministres des autres Hautes Parties contractantes résidant à Paris, serment de prononcer sans partialité aucune pour les parties, d'après les principes établis par le traité du 18 (30) mai 1814, et par la présente convention.

4. Immédiatement après que les commissaires-juges nommés par la France et par deux au moins des autres parties intéressées auront prêté ce serment, tous ces juges, présents à Paris, se réuniront sous la présidence du doyen d'âge, pour convenir de la nomination d'un ou de plusieurs greffiers et d'un ou de plusieurs commis, qui prêteront

ленно, по порядку, который для сего будетъ установленъ, а потомъ приводить въ надлежащую ясность, и когда слѣдуетъ поставлять въ счетъ (liquider) всѣ поступающія требованія. Всякій коммиссаръ можетъ, по произволу, или созвать всѣхъ коммиссаровъ разныхъ Державъ въ одну коммиссію и предложить имъ на разсмотрѣніе требованія подданныхъ его правительства, или особо отъ другихъ относиться прямо къ правительству французскому.

3. Коммиссары для суда будутъ рѣшить окончательно и безъ аппеляціи всѣ дѣла, кои въ силу сей статьи будутъ къ нимъ присылаемы отъ коммиссаровъ для ликвидаціи и коихъ сіи коммиссары не могли сами рѣшить общимъ согласіемъ. Каждая изъ Высокихъ договаривающихся или участвующихъ въ ономъ дѣлѣ Державъ можетъ назначить коммиссаровъ для суда, сколько заблагоразсудитъ; но всѣ они обязаны, предъ хранителемъ печати французскаго королевства и въ присутствіи министровъ прочихъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, дать клятву, что будутъ рѣшить дѣла безъ всякаго пристрастія къ той или другой сторонѣ и по точной силѣ правилъ, въ трактатѣ 18-го (30) мая 1814 года и въ настоящей конвенціи постановленныхъ.

4. Какъ скоро наименованные Франціею и по крайней мѣрѣ еще двумя другими изъ участвующихъ Державъ коммиссары для суда учинятъ вышеозначенную присягу, то, собравшись въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ нихъ лѣтами, опредѣлятъ для производства дѣлъ одного или нѣсколькихъ секретарей (greffiers), и

serment entre leurs mains, ainsi que pour délibérer, s'il y a lieu, un règlement général sur l'expédition des affaires, la tenue des registres, et autres objets d'ordre intérieur.

одного или нѣсколькихъ канцелярскихъ служителей (commis), кои будутъ ими приведены къ присягѣ. Они также займутся, если нужно будетъ, сочиненіемъ общаго устава для производства дѣлъ, порядка регистратуры и всего касающагося до внутренняго устройства ихъ засѣданій и трудовъ.

5. Les commissaires destinés à former les commissions d'arbitrage étant ainsi institués, lorsque les commissaires-liquidateurs n'auront pu s'accorder sur une affaire, il sera procédé devant les commissaises-juges, comme il va être dit.

5. По учрежденіи такимъ образомъ Судныхъ Коммиссій, всѣ дѣла, по коимъ коммиссары для ликвидаціи не могли сами положить согласнаго рѣшенія, будутъ разсматриваемы коммиссарами для суда, слѣдующимъ образомъ.

6. Dans les cas où les réclamations seraient de la nature de celles prévues par le traité de Paris, ou par la présente convention, et où il ne s'agirait que de statuer sur la validité de la demande, ou de fixer le montant des sommes réclamées, la commission d'arbitrage sera composée de six commissaires-juges, savoir: trois Français, et trois personnes désignées par le gouvernement réclamant. Ces six juges tireront au sort pour savoir lequel d'entre eux devra s'abstenir. Les commissaires étant ainsi réduits au nombre de cinq, statueront définitivement sur la réclamation qui leur sera présentée.

6. Когда требованія принадлежатъ къ роду тѣхъ, о коихъ упомянуто въ Парижскомъ трактатѣ или въ настоящей конвенціи, и когда надлежитъ только, или рѣшить, справедливо ли требованіе, или опредѣлить количество слѣдующихъ по оному денегъ: тогда Судная Коммиссія должна составиться изъ шести коммиссаровъ для суда, то есть, изъ трехъ французскихъ и трехъ назначенныхъ тѣмъ правительствомъ, коего требованіе подлежитъ разсмотрѣнію; и сіи шесть коммиссаровъ рѣшатъ по жеребью, которому изъ нихъ одному должно неприсутствовать въ сей коммиссіи. Остающіеся затѣмъ пять коммиссаровъ рѣшатъ предложенный имъ вопросъ.

7. Dans les cas où il s'agirait de savoir si la réclamation contestée peut être rangée parmi celles prévues dans le traité de Paris, du 18 (31) mai 1814, ou dans la présente convention, la commission d'arbitrage sera composée de six membres, dont trois Français et trois désignés par le gouvernement réclamant. Ces six juges décideront à la majorité, si la réclamation

7. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нужно будетъ рѣшить, принадлежитъ ли представленное требованіе къ числу тѣхъ, о коихъ упомянуто въ Парижскомъ трактатѣ 18 (30) мая 1814 года или въ настоящей конвенціи, Коммиссія Судная будетъ составлена изъ всѣхъ шести членовъ, то есть, трехъ французскихъ коммиссаровъ и трехъ назначенныхъ правительствомъ, коего тре-

est susceptible d'être admise à la liquidation; en cas de partage égal d'opinion, il sera sursis à l'examen de l'affaire, et elle fera la matière d'une négociation diplomatique ultérieure, entre les gouvernements.

8. Toutes les fois qu'une affaire sera portée à la décision d'une commission d'arbitrage, le gouvernement dont le commissaire-liquidateur n'aura pas pu s'accorder avec le gouvernement français, désignera trois commissaires-juges, et la France en désignera autant, les uns et les autres pris parmi tous ceux qui auront prêté ou prêteront, avant de procédér, le serment prescrit. On fera connaître ce choix au greffier, en lui transmettant le dossier des pièces. Le greffier donnera acte de cette désignation et de ce dépôt, et inscrira la réclamation sur le registre particulier qui aura été établi à cet usage. Lorsque, dans l'ordre de ces inscriptions, le tour d'une réclamation sera venu, le greffier convoquera les six commissaires-juges désignés.

S'il s'agit d'un des cas énoncés dans le paragraphe 6 du présent article, les noms de ces six commissaires-juges seront mis dans une urne, et le dernier sortant sera éliminé de droit, de telle sorte que le nombre des juges soit réduit à cinq. Il sera néanmoins libre aux parties de s'en tenir, si elles en conviennent d'un commun accord, à une commission de quatre juges, dont le nombre, pour obtenir un nombre impair,

бованія будутъ разсматриваемы. Сіи шесть коммиссаровъ рѣшатъ по большинству голосовъ, можетъ ли оное требованіе быть принято въ ликвидацію: а въ случаѣ равенства разныхъ мнѣній, дѣло остается безъ рѣшенія и будетъ предметомъ дипломатической негоціаціи между правительствами.

8. Всякій разъ, когда дѣло будетъ представлено на рѣшеніе Коммиссіи Судной, правительство, коего ликвидаціонный коммиссаръ не могъ въ семъ дѣлѣ согласиться съ правительствомъ французскимъ, назначаетъ трехъ коммиссаровъ судныхъ, и такое же число оныхъ назначается Франціею. Тѣ и другіе, или будутъ избраны изъ числа учинившихъ уже присягу, или обязаны будутъ присягнуть, по вышесказанной формѣ, до вступленія въ должность. О выборѣ оныхъ извѣщаютъ секретаря (greffier), коему въ то же время доставляется слѣдующее къ разсмотрѣнію дѣло. Онъ даетъ росписку въ полученіи извѣщенія и дѣла, и заноситъ оное въ особый для сего опредѣленный регистръ. Когда по порядку вписанія дойдетъ очередь до какого-либо требованія, то секретарь приглашаетъ назначенныхъ судныхъ коммиссаровъ къ собранію.

Если дѣло принадлежитъ къ тѣмъ, о коихъ упоминается въ 6-мъ параграфѣ сей статьи, то имена сихъ шести коммиссаровъ судныхъ будутъ положены въ урну, и тотъ, чье имя вынется послѣднее, теряетъ право присутствія, и затѣмъ коммиссаровъ остается только пять. Впрочемъ, предоставляется во всякомъ дѣлѣ на волю правительствъ, по общему согласію, составлять коммиссію изъ четырехъ

sera réduit de la même manière à trois. Dans le cas prévu par le paragraphe 7 du présent article, les six juges, ou les quatre, si les deux parties sont convenues de ce nombre, entrent en discussion sans l'élimination préalable d'un de leurs membres. Dans l'un et l'autre cas, les commissaires-juges, convoqués pour cet effet, s'occuperont immédiatement de l'examen de la réclamation dont il s'agit et prononceront, à la pluralité des voix, en dernier ressort. Le greffier assistera à toutes les séances, et y tiendra la plume. Si la Commission d'arbitrage n'a point décidé d'un chef de réclamation, mais d'une réclamation même, cette décision terminera l'affaire. Si elle a prononcé sur un chef de réclamation, l'affaire, dans le cas que ce chef est reconnu valable, retourne à la Commission de liquidation, pour que cette dernière s'accorde sur l'admissibilité de la réclamation particulière et de la fixation de son montant, ou qu'elle la renvoie de nouveau à une Commission d'arbitrage réduite au nombre de cinq, ou de trois membres. La décision rendue, le greffier donnera à la Commission de liquidation connaissance de chaque sentence prononcée, afin qu'elle la joigne à ses procès-verbaux; ces jugemens devant être envisagés comme faisant partie du travail de la Commission de liquidation.

только членовъ, коихъ число тѣмъ же самымъ порядкомъ будетъ уменьшено до трехъ, для избѣжанія равенства голосовъ. Въ случаяхъ, опредѣленныхъ 7-мъ параграфомъ сей статьи, всѣ шесть коммиссаровъ судныхъ, или всѣ четыре, ежели обѣ стороны согласились на сіе число, участвуютъ въ разсужденіяхъ о дѣлѣ безъ предварительнаго удаленія одного изъ членовъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, коммиссары судные, на сей конецъ созванные, немедленно приступаютъ къ разсмотрѣнію требованій или рода требованій имъ представленныхъ и рѣшатъ окончательно по большинству голосовъ. Секретарь присутствуетъ во всѣхъ засѣданіяхъ, ведетъ онымъ журналъ и управляетъ письмоводствомъ. Когда Судная Коммиссія полагаетъ рѣшеніе не о свойствѣ требованія, а о самомъ требованіи, то симъ рѣшеніемъ оканчивается дѣло. Когда же рѣшитъ только, къ какому роду требованіе принадлежитъ, тогда, буде оное признано слѣдующимъ къ ликвидаціи, дѣло возвращается снова въ Ликвидаціонную Коммиссію, которая разсуждаетъ и рѣшитъ какъ о справедливости самаго требованія, такъ и о количествѣ причитающихся по оному въ уплату денегъ, или, въ случаѣ разногласія, снова представляется дѣло въ Коммиссію Судную, на сей разъ уже уменьшенную, какъ выше означено, до пяти или трехъ членовъ. По объявленіи рѣшенія, секретарь сообщаетъ объ ономъ въ Ликвидаціонную Коммиссію, для приложенія онаго къ дѣлу; ибо сіи рѣшенія принадлежатъ къ производимымъ въ Ликвидаціонной Коммиссіи дѣламъ.

Il est au reste bien entendu, que les commissions établies en vertu du présent article, ne peuvent point étendre leur travail au delà de la liquidation des obligations résultant du présent traité et de celui du 18 (30) mai 1814.

Впрочемъ разумѣется само собою, что коммиссіи, въ силу сей статьи учреждаемыя, должны заниматься единственно разсмотрѣніемъ требованій, кои основаны на постановленіяхъ настоящей конвенціи и трактата 18 (30) мая 1814 года

ARTICLE VI.

Les Hautes Parties contractantes voulant assurer l'accomplissement de l'article XXI du traité de Paris, du 18 (30) mai 1814, et déterminer en conséquence le mode d'après lequel il sera tenu compte à la France, de celles des dettes spécialement hypothéquées dans leur origine sur des pays qui ont cessé d'appartenir à la France, ou contractées pour leur administration intérieure, lesquelles ont été converties en inscriptions au grand livre de la dette publique de France, sont convenues que le montant du capital que chacun des gouvernemens de ces pays respectifs sera dans le cas de rembourser à la France, sera fixé au cours moyen du prix que les rentes du grand livre auront eu entre le jour de la signature de la présente convention et le 20 décembre 1815 (1 janvier 1816). Ce capital sera bonifié à la France sur les états que la commission établie par l'article V de la présente convention, dressera et arrêtera de deux mois en deux mois, après vérification des titres sur lesquels l'inscription a eu lieu.

On ne remboursera pas à la France le montant des inscriptions provenant de dettes hypothéquées sur des immeu-

СТАТЬЯ VI.

Высокія договаривающіяся стороны, желая обезпечить исполненіе XXI статьи Парижскаго Трактата 18 (30) мая 1814 года и вслѣдствіе онаго назначить правила для вознагражденія Франціи за тѣ долги, кои въ началѣ были обезпечены залогами въ областяхъ, непринадлежащихъ уже сей Державѣ, или сдѣланы для расходовъ на внутреннее управленіе оныхъ областей, а потомъ обращены въ облигаціи, записанныя въ общую книгу государственнаго долга Франціи, постановляютъ, что капитальныя суммы, кои слѣдуетъ Франціи получить отъ правительствъ, владѣющихъ вышеупомянутыми областями, будутъ опредѣлены по среднимъ цѣнамъ *облигацій*, между настоящими, во время подписанія сей конвенціи существующими, и тѣми, кои будутъ 20 декабря 1815 года (1 января 1816 года). Сіи капитальныя суммы будутъ уплачиваемы Франціи по вѣдомостямъ, кои учреждаемыми вслѣдствіе V статьи настоящей конвенціи коммиссіями должны быть составляемы и утверждаемы каждые два мѣсяца, по разсмотрѣніи документовъ, въ силу коихъ оные долги вписаны въ общую книгу государственнаго долга.

Франція не имѣетъ права требовать уплаты тѣхъ, вписанныхъ въ общую книгу, облигацій, кои были обезпечены

bles que le gouvernement français a aliénés, quelle que soit la nature de ces immeubles, pourvu que les acquéreurs de ces immeubles aient payé le prix entre les mains des agens du gouvernement français, à moins que les dits immeubles ne se trouvent aujourd'hui (autrement que par voie d'acquisition à titre onéreux, faite pendant la durée de l'administration française) entre les mains, soit des gouvernemens actuels ou d'établissements publics, soit des anciens possesseurs. Le gouvernement français reste chargé du payement des rentes de ces inscriptions.

La compensation entre ce qui sera dû à la France du chef des inscriptions et les paiemens auxquels celle-ci s'est engagée par la présente convention, ne pourra avoir lieu que de gré à gré; sauf ce qui va être dit dans l'article suivant.

залогомъ недвижимыхъ имѣній, проданныхъ потомъ самимъ французскимъ правительствомъ, какого бы, впрочемъ, рода ни были сіи недвижимыя имѣнія, если только купившими оныя отданы деньги подъ росписку чиновниковъ французскихъ. По симъ облигаціямъ правительство французское обязано продолжать платить проценты. Изъ сего правила исключаются однако же тѣ недвижимыя имущества, кои теперь находятся во владѣніи, или нынѣшнихъ правительствъ, или публичныхъ заведеній, или прежнихъ владѣльцевъ, и достались имъ не по продажѣ во время французскаго правленія.

Замѣнять суммы, кои вслѣдствіе сего Франція должна получить за выданныя ею облигаціи, тѣми, кои она чрезъ настоящую конвенцію обязалась заплатить, можно будетъ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія, за исключеніемъ однако же означеннаго въ слѣдующей статьѣ.

ARTICLE VII.

Seront déduits de ces remboursemens:

1. Les intérêts des inscriptions sur le grand livre de l'état, jusqu'à l'époque du 10 (22) décembre 1813; de même, les intérêts que la France pourrait avoir payés postérieurement à cette époque, lui seront bonifiés par les gouvernemens respectifs.

2. Les capitaux et intérêts hypothéqués sur des immeubles aliénés par le gouvernement français, encore bien que les dits capitaux n'aient pas été convertis en inscriptions sur le grand livre de la dette publique, sans toutefois que, par la présente stipulation, il soit dé-

СТАТЬЯ VII.

Изъ суммъ, такимъ образомъ возвращаемыхъ, будутъ вычтены:

1. Слѣдующіе по облигаціямъ общей книги государственнаго долга до 10 (22) декабря 1813 года проценты: съ другой же стороны если Франціею заплачены проценты за истекшее послѣ сего время, то оные будутъ ей возвращены правительствами получившихъ.

2. Капитальныя суммы и проценты, кои были обезпечены залогами недвижимыхъ имуществъ проданныхъ французскимъ правительствомъ, хотя бы впрочемъ сіи суммы и не были обращены въ облигаціи, записанныя въ общую книгу государственнаго долга.

rogé en rien aux lois ou actes du gouvernement qui prononçaient des prescriptions, des déchéances, et en vertu desquelles les créances devaient s'éteindre au profit de la France par voie de confusion ou de compensation.

Впрочемъ сіе постановленіе нимало не уменьшаетъ дѣйствительности бывшихъ законныхъ предписаній правительства о просрочкахъ и потерѣ права на иски, въ силу коихъ долговыя на счетъ Франціи требованія должны были прекратиться *смѣшеніемъ* или *зачетомъ одного долга за другой*.

Article VIII.

Le gouvernement français ayant refusé de reconnaître la réclamation du gouvernement des Pays-Bas, relative au payement des intérêts de la dette d'Hollande qui n'auraient pas été acquittés pour les sémestres de mars et de septembre 1813, on est convenu de remettre à l'arbitrage d'une commission particulière la décision du principe de la dite question.

Cette commission sera composée de sept membres, dont deux à nommer par le gouvernement français, deux par le gouvernement des Pays-Bas, et les trois autres à choisir dans des Etats absolument neutres, et sans intérêt dans cette question, tels que la Russie, la Grande-Bretagne, la Suède, le Danemark, et le Royaume de Naples. Le choix de ces trois derniers commissaires se fera de manière qu'un d'eux soit désigné par le gouvernement français, l'autre par le gouvernement des Pays-Bas, et le troisième par les deux commissaires neutres réunis.

Elle s'assemblera à Paris, le 20 janvier (1 février) 1816. Ses membres prêteront le même serment auquel sont astreints les commissaires-juges qui sont institués par l'article V de la présente convention, et de la même manière.

Aussitôt que la commission sera con-

Статья VIII.

Французское правительство отказалось признать справедливыми требованія правительства нидерландскаго, о платежѣ по голландскому займу процентовъ, невыданныхъ за мартовское и сентябрское полугодіе 1813 года, и для того положено, съ общаго согласія, предоставить сей споръ рѣшенію особливой коммиссіи.

Сія коммиссія должна состоять изъ семи членовъ, изъ коихъ двое будутъ назначены французскимъ правительствомъ, двое нидерландскимъ, а остальные три избраны между подданными постороннихъ и неимѣющихъ въ семъ дѣлѣ участія Державъ, каковы Россія, Великобританія, Швеція, Данія и королевство неаполитанское. Сіи три комиссара должны быть избраны слѣдующимъ образомъ: одинъ назначится французскимъ правительствомъ, другой нидерландскимъ, а третій сими обоими коммиссарами, подданными нейтральныхъ Державъ.

Сія коммиссія соберется въ Парижѣ къ 20 января (1 февраля) 1816 года. Члены оной будутъ приведены къ такой же присягѣ и по тому же порядку, какъ коммиссары судные, установляемые V-ю статьею настоящей конвенціи.

Какъ скоро оная коммиссія будетъ

stituée, les commissaires-liquidateurs des deux Puissances lui soumettront par écrit les argumens, chacun en faveur de son opinion, afin de mettre les arbitres à même de décider lequel des deux gouvernemens, du gouvernement français ou de celui des Pays-Bas, sera tenu à payer les susdits intérêts arriérés, en prenant pour base la disposition du Traité de Paris, du 18 (30) mai 1814, et si le remboursement que le gouvernement des Pays-Bas sera dans le cas de faire à la France des inscriptions des dettes des pays réunis à sa couronne et détachés de la France, peut être exigible sans déduction des rentes de la Hollande, arriérées sur les échéances de 1813.

законнымъ образомъ составлена и откроетъ свои засѣданія, то ликвидаціонные коммиссары обѣихъ Державъ, Франціи и Нидерландовъ, представятъ въ оную письменныя объясненія и доказательства, каждый въ пользу своего мнѣнія, дабы Коммиссія могла по онымъ рѣшить, которое изъ двухъ правительствъ, Французское или Нидерландское, обязано заплатить вышеозначенные невыданные проценты (принимая въ томъ за основаніе постановленія Парижскаго трактата 18 (30) мая 1814 года), и можетъ ли Франція требовать, чтобы правительство нидерландское, за внесенные въ общую книгу долги областей нынѣ отошедшихъ отъ Франціи и присоединенныхъ къ нидерландскому королевству, вознаградило ее безъ вычета той суммы, которую составляютъ невыданные по голландскому займу за 1813 годъ проценты.

ARTICLE IX.

Il sera procédé à la liquidation des intérêts non payés des dettes hypothéquées sur le sol des pays cédés à la France par les traités de Campo-Formio et de Lunéville résultant d'emprunts formellement consentis par les États des pays cédés, ou de dépenses faites pour l'administration effective des dits pays.

Les commissaires-liquidateurs devront prendre pour règle de leurs opérations, et les dispositions des traités de paix, et les lois et actes du gouvernement Français, sur la liquidation ou l'aliénation des créances de la nature de celles dont il s'agit.

СТАТЬЯ IX.

Будетъ также немедленно приступлено къ *разочтенію* невыданныхъ процентовъ по долгамъ, кои были обезпечены залогами недвижимыхъ имуществъ въ областяхъ, уступленныхъ Франціи по Кампо-Формійскому и Люневильскому трактатамъ, и кои произошли отъ займовъ, учиненныхъ съ формальнаго согласія государственныхъ чиновъ означенныхъ областей или отъ расходовъ на управленіе онымп.

Ликвидаціонные коммиссары должны будутъ присемъ разочтеніи руководствоваться какъ постановленіями сихъ мирныхъ трактатовъ, такъ и законами и бывшими отъ французскаго правительства предписаніями о ликвидаціи и о прекращеніи долговыхъ исковъ такого рода.

Article X.

Comme par l'article XXIII du traité du 18 (30) mai 1814, il a été stipulé que le gouvernement français rembourseroit les cautionnemens des fonctionnaires ayant eu maniement de deniers publics, dans les pays détachés de la France, six mois après la présentation de leurs comptes, le seul cas de malversation excepté, il demeure convenu:

1. Que l'obligation de présenter leurs comptes au gouvernement français ne s'étend point aux receveurs communaux: néanmoins, comme le gouvernement français a été intéressé pour certaines portions dans les recettes dont ces comptables étaient chargés, et que, par conséquent, il conserve son recours contre eux, en cas de malversation, aucune réclamation pour restitution de leurs cautionnemens ne sera présentée sans être accompagnée d'un certificat des autorités supérieures du pays auquel ces comptables appartiennent, déterminant la somme qui, après vérification de leurs comptes, aura été reconnue revenir au gouvernement français par la cause susdite, et que celui-ci déduira du cautionnement, ou constatant qu'il ne revient rien à ce gouvernement, sauf, dans l'un et l'autre cas, la déduction de ceux des débets que la France s'est réservés par l'article XXIV de la présente convention.

Статья X.

XXIII статьею Парижскаго трактата 18-го (30) мая 1814 года постановлено, что французское правительство возвратитъ денежные залоги чиновниковъ, кои въ земляхъ отошедшихъ нынѣ отъ Франціи завѣдывали общественною казною, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ представленія ими счетовъ, и за исключеніемъ тѣхъ только, кои будутъ уличены въ похищеніи казенныхъ денегъ; — вслѣдствіе сего нынѣ съ общаго согласія полагается:

1. Что обязанность, представлять французскому правительству счеты, не простирается на сборщиковъ тѣхъ доходовъ, кои принадлежатъ градскимъ или сельскимъ обществамъ. Но какъ французское правительство имѣло право на полученіе нѣкоторой части доходовъ, коими завѣдывали сіи чиновники, и слѣдовательно можетъ имѣть и на нихъ взысканіе за утайку или похищеніе сей части, то для того, при всякомъ требованіи о возвращеніи денежныхъ залоговъ таковыхъ чиновниковъ, должно быть представляемо свидѣтельство отъ высшихъ начальствъ мѣста ихъ служенія, съ показаніемъ суммы, которая, по разсмотрѣніи счетовъ ихъ, будетъ въ силу вышеозначеннаго права слѣдовать французскому правительству и которую посему французское правительство можетъ вычесть изъ возвращаемыхъ имъ денежныхъ залоговъ, или таковое же свидѣтельство въ томъ, что сему правительству ничего получить не слѣдуетъ. Впрочемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, не воспрещается Франціи дѣлать вычетъ на основаніи

2. Les comptes des employés qui ont manié des fonds du gouvernement français et qui étaient tenus à faire apurer leur gestion par la Cour des comptes seront examinés par le gouvernement français, de concert avec le commissaire du gouvernement actuel de la province dans laquelle le comptable a été employé. L'examen de chaque compte se fera dans les six mois qui suivront immédiatement sa présentation; si, dans ce délai, il n'a été rendu aucune décision sur un compte, le gouvernement français renonce à tout recours contre le comptable. Cette stipulation ne déroge pas à l'égard des comptables, au terme de déchéance fixé par l'article XVI, bien entendu que, dans le cas de non-présentations de comptes, le gouvernement se réserve le droit de poursuivre les comptables par les voies ordinaires.

3. Les employés ne pouvant être rendus responsables de ce qui s'est passé relativement à leurs caisses depuis l'entrée des troupes étrangères, il a été expressément convenu que le gouvernement français ne pourra répéter sur eux les soldes qu'ils devaient à cette époque, et que ce ne sera qu'une malversation évidente, commise avant l'entrée de ces troupes, qui puisse autoriser le gouvernement français à retenir totalité ou partie du cautionnement. Dans tous les autres cas, celui-ci sera remprава, которое она себѣ предоставила XXIV статьею настоящей конвенціи.

2. Отчеты чиновниковъ, кои завѣдывали суммами, французскому правительству принадлежавшими, и были обязаны представить свои счеты для пересмотра въ Главный Счетный Судъ, будутъ разсматриваемы вмѣстѣ, французскимъ правительствомъ и коммиссаромъ той Державы, коей нынѣ досталась провинція, гдѣ оные чиновники отправляли свою должность. Пересмотръ каждаго счета долженъ быть непремѣнно приведенъ къ окончанію чрезъ шесть мѣсяцевъ по представленіи онаго; и если въ теченіе сего времени не послѣдуетъ по счету никакого рѣшенія, то французское правительство лишается всякаго права на взысканіе съ подавшаго оный чиновника. Симъ однако-же не отмѣняется, и въ разсужденіи сего рода чиновниковъ, положеніе XVI статьи, о прекращеніи исковаго права чрезъ просрочку; и должно разумѣть, что если счеты ихъ не будутъ представлены, то французское правительство имѣетъ право требовать отъ сихъ чиновниковъ удовлетворенія обыкновеннымъ порядкомъ.

3. Чиновники сего рода не могутъ подлежать никакой отвѣтственности за ущербъ ввѣренной имъ кассы со времени вступленія иностранныхъ войскъ въ области, гдѣ они находились; и для того постановляется, что французское правительство не будетъ требовать отчета въ употребленіи бывшихъ тогда въ ихъ кассѣ денегъ, и что одно лишь доказанное похищеніе казенныхъ денегъ, прежде вступленія чужихъ войскъ, даетъ французскому правительству право на удержаніе, вполнѣ или частію, суммъ,

boursé de la manière énoncée par l'article XIX, paragraphe 2.

составляющихъ денежные ихъ залоги. Впрочемъ, за исключеніемъ сего случая, французское правительство должно непремѣнно возвратить всѣ оные залоги по установленному во 2-мъ параграфѣ XIX статьи порядку.

Article XI.

Conformément à l'article XXV du traité du 18 (30) mai 1814, les fonds déposés par les communes et les établissemens publics dans les caisses du gouvernement, leur seront remboursés, sous la déduction des avances qui leur auraient été faites. Les commissaires-liquidateurs vérifieront le montant des dits dépôts et des avances. Néanmoins, lorsqu'il existerait des oppositions sur ces fonds, le remboursement n'aura lieu qu'après que la mainlevée aura été ordonnée par les tribunaux compétens, ou donnée volontairement par les créanciers opposants. Le gouvernement français sera tenu de justifier des dites oppositions. Il est bien entendu que les oppositions faites par des créanciers non-français n'autoriseront pas le gouvernement français à retenir ces dépôts.

Статья XI.

Въ силу XXV статьи трактата 18-го (30) мая 1814 года, всѣ суммы, положенныя градскими и сельскими обществами или публичными заведеніями на сохраненіе въ государственныя кассы, будутъ онымъ возвращены за вычетомъ лишь того, что прежде имъ было выдано обратно. Ликвидаціонные коммиссары должны разсмотрѣть и повѣрить счеты какъ отданныхъ подъ сохраненіе суммъ, такъ и выданной обратно изъ оныхъ части. Если, однако же, на сіи капиталы предъявятся посторонніе иски, то возвращеніе оныхъ должно послѣдовать не прежде, какъ по снятіи съ нихъ запрещенія надлежащимъ присутственнымъ мѣстомъ, или съ согласія заимодавцевъ, предъявившихъ свои требованія на оныя суммы. Французское правительство обязано будетъ доказывать справедливость сихъ постороннихъ требованій, и само собою разумѣется, что, если таковые иски поступятъ не отъ подданныхъ Франціи, то оные правительству французскому не даютъ права удерживать ввѣренныхъ ему капиталовъ.

Article XII.

Les fonds qui existaient dans la caisse d'agriculture de la Hollande, et qui ont été remis, à titre de dépôt, dans la caisse d'amortissement, dans la caisse de service ou dans toute autre caisse

Статья XII.

Капиталы, принадлежащіе голландской земледѣльческой кассѣ и отданные потомъ на сохраненіе въ кассу погашенія долговъ, или въ казначейство, или другое какое-либо казенное мѣсто, имѣ-

du gouvernement, seront remboursés comme tout autre dépôt, sauf les compensations que les dites caisses pourraient être dans le cas d'imputer sur le dit fonds.

ютъ быть возвращены на томъ же основаніи, какъ и всѣ ввѣренные правительству капиталы, за вычетомъ суммъ, кои окажутся принадлежащими означеннымъ кассамъ.

Article XIII.

Les commissions de liquidation et d'arbitrage établies en vertu de l'article V de la présente convention, s'occuperont aussi de la liquidation des objets relatés dans les articles XXII, XXIII, XXIV, et XXV du traité du 18 (30) mai 1814, et suivront, pour ces objets, la même marche que pour les autres liquidations dont elles sont chargées. Le gouvernement français s'engage à faire remettre, quatre mois après la signature de la présente convention, aux commissaires-liquidateurs respectifs, des états exacts, dressés sur les registres du trésor et autres, de toutes les sommes et créances dont il est question dans les susdits articles; et ces états seront comparés avec les reçus des réclamans, pour être vérifiés de cette manière.

Статья XIII.

Учреждаемые V-ою статьею настоящей конвенціи ликвидаціонные и судные коммиссары займутся также разочтеніемъ суммъ и требованій, о коихъ упомянуто въ XXII, XXIII, XXIV и XXV статьяхъ трактата 18-го (30) мая 1814 г. и въ разсужденіи оныхъ будутъ слѣдовать тѣмъ же правиламъ, кои предписаны для прочихъ имъ порученныхъ ликвидацій. Французское правительство обязывается, чрезъ четыре мѣсяца по подписаніи сей конвенціи, доставить ликвидаціоннымъ коммиссарамъ точныя, по книгамъ государственнаго казначейства и другихъ присутственныхъ мѣстъ составленныя вѣдомости о всѣхъ суммахъ и займахъ, къ коимъ относятся положенія вышеозначенныхъ статей. Сіи вѣдомости будутъ для повѣрки сличаемы съ росписками, отъ самихъ истцовъ представляемыми.

Article XIV.

L'article XXVI du traité du 18 (30) mai 1814, qui décharge le gouvernement français, à dater du 1 janvier n. st. de la même année, du paiement de toute pension civile, militaire et ecclésiastique, solde de retraite et traitement de réforme à tout individu qui se trouve n'être plus sujet français, est maintenu. Quant aux arrérages des pensions jusqu'à l'époque ci-dessus déterminée, le gouvernement français s'engage à les constater, en fournissant des

Статья XIV.

Чрезъ сіе вполнѣ подтверждаются постановленія XXVI статьи трактата 18-го (30) мая 1814 года, въ силу коихъ французское правительство съ 1-го января н. ст. того же года, освобождалось отъ платежа всякихъ гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ пенсій и жалованья отставнымъ или сверхштатнымъ чиновникамъ, буде особы, коимъ оныя слѣдовали, уже не состоятъ въ подданствѣ Франціи. Что же касается до невыданныхъ суммъ, слѣду-

états exacts tirés des registres des pensions, lesquels seront comparés à ceux qui existent auprès des autorités administratives locales.

ющихъ въ пенсіи до означеннаго выше срока, то французское правительство обязывается привести оныя въ извѣстность, представя точныя выписки изъ регистровъ пенсій, кои будутъ потомъ сличены съ вѣдомостями, при мѣстныхъ начальствахъ находящимися.

Article XV.

Comme il s'est élevé des doutes sur l'article XXXI de la paix du 18 (30) mai 1814, concernant la restitution des cartes des pays qui ont cessé d'appartenir à la France, on est convenu que toutes les cartes des pays cédés, et notamment celles que le gouvernement français à fait exécuter, seront exactement remises, avec les planches qui y appartiennent, dans un délai de quatre semaines après l'échange des ratifications du présent traité. Il en sera de même des archives, cartes et planches qui pourraient avoir été enlevées dans les pays momentanément occupés par les différentes armées, ainsi qu'il est stipulé dans le deuxième paragraphe de l'article XXXI du traité susdit.

Статья XV.

Какъ возникли нѣкоторыя сомнѣнія о настоящемъ смыслѣ XXXI статьи трактата 18 (30) мая 1814 года, въ разсужденіи возвращенія картъ и плановъ земель, отошедшихъ отъ Франціи: то нынѣ чрезъ сіе опредѣлительно постановляется, что всѣ планы и карты уступленныхъ Франціею земель, и тѣ именно, кои сдѣланы были по предписанію французскаго правительства, будутъ выданы, также и гравированныя оныхъ доски, въ теченіе четырехъ недѣль послѣ размѣна ратификацій настоящаго трактата. То же самое должно разумѣть объ архивахъ, картахъ и доскахъ, захваченныхъ какимъ-либо образомъ въ тѣхъ земляхъ, кои на время были заняты разными войсками, на основаніи постановленнаго о семъ во второмъ параграфѣ XXVI статьи вышеупомянутаго трактата.

Article XVI.

Les gouvernements qui ont des réclamations à faire au nom de leurs sujets, s'engagent à les faire présenter à la liquidation, dans le délai d'une année, à dater du jour de l'échange des ratifications du présent traité, passé lequel terme il y aura déchéance de tout droit, réclamation et répétition.

Статья XVI.

Правительства, имѣющія требованія отъ имени своихъ подданныхъ, обязываются представить оныя на разсмотрѣніе ликвидаціонныхъ коммиссій въ теченіе одного года, считая со дня размѣны ратификацій настоящаго трактата; по прошествіи же сего срока они лишаются правъ на удовлетвореніе оныхъ требованій.

ARTICLE XVII.

Tous les deux mois, il sera dressé un bordereau des liquidations définitivement arrêtées, agréés, ou jugées, indiquant le nom de chaque créancier, et la somme pour laquelle sa créance doit être acquittée, soit en principal, soit en intérêts-arrérages. Les sommes qui sont à payer en numéraire par le trésor royal, soit pour capitaux, soit pour intérêts, seront remises aux commissaires-liquidateurs du gouvernement intéressé, sur leurs quittances visées par les liquidateurs français. Quant aux créances qui, d'après les articles IV et XIX de la présente convention, doivent être remboursées en inscriptions sur le grand livre de la dette publique, elles seront inscrites aux noms des commissaires-liquidateurs des gouvernemens intéressés, ou de ceux qu'ils désigneront. Ces inscriptions seront prises du fonds de garantie établi par l'article XX de la présente convention, et de la manière qui est stipulée par l'article XXI.

СТАТЬЯ XVII.

Каждые два мѣсяца будетъ составляема вѣдомость о всѣхъ окончательно рѣшенныхъ ликвидаціонныхъ дѣлахъ, признанныхъ и утвержденныхъ требованіяхъ, съ означеніемъ имени каждаго кредитора и суммы причитающейся по его иску, въ уплату какъ самаго капитала, такъ и невыданныхъ за прошлое время процентовъ. Суммы, кои причтется заплатить деньгами изъ французской королевской казны, какъ за капиталы, такъ и за проценты, будутъ выданы ликвидаціоннымъ коммиссарамъ той Державы, коею представлены требованія; а сіи въ пріемѣ денегъ будутъ давать росписки, за скрѣпою французскихъ ликвидаціонныхъ коммиссаровъ. Что же касается до требованій, за кои въ силу IV и XIX статьи настоящей конвенціи должно будетъ выдать облигаціи, вписанныя въ общую книгу государственныхъ долговъ: то сіи облигаціи надписаны будутъ на имя ликвидаціонныхъ коммиссаровъ правительствъ объявившихъ сіи иски, или на имя особъ, коихъ оные коммиссары назначатъ. Сіи облигаціи будутъ выдаваемы изъ суммы, опредѣленной XX статьею настоящей конвенціи для обезпеченія требованій и по установленному въ XXI статьѣ порядку.

ARTICLE XVIII.

Toutes les créances auxquelles il est attaché un intérêt, soit par les termes des lois, soit par ceux du traité du 18 (30) mai 1814, continueront à en jouir au même taux. Quant à celles auxquelles il n'est attaché aucun intérêt, ni par leur nature, ni par le dit Traité,

СТАТЬЯ XVIII.

По всѣмъ долговымъ искамъ, за кои, въ силу законовъ цли постановленій трактата 18-го (30) мая 1814 года, положено платить опредѣленные проценты, будутъ платимы и впредь такіе же; а что касается до тѣхъ, на кои ни по свойству оныхъ, ни въ силу

elles en produiront un de quatre pour cent, à dater de la signature de la présente convention. Tous les intérêts seront payés en numéraire et sur le montant de la valeur nominale de la créance. Les stipulations relatives aux intérêts, seront réciproques entre la France et les autres Puissances contractantes.

вышеупомянутаго трактата, не было доселѣ положено процентовъ, то и за оные со дня подписанія настоящей конвенціи должно будетъ платить по четыре на сто. Всѣ проценты будутъ выплачиваемы чистыми деньгами и сполна на всю означенную въ долговомъ обязательствѣ сумму. Сіи постановленія о процентахъ относятся равнымъ образомъ ко всѣмъ взаимнымъ долгамъ Франціи и прочихъ договаривающихся Державъ.

Article XIX.

Le traité du 18 (30) mai 1814, en réglant les termes dans lesquels les paiemens devaient être accomplis, avait indiqué trois classes de créances. Pour se rapprocher d'une pareille disposition, il a été arrêté, par la présente convention, qu'on adopterait aussi trois classes de remboursemens, comme il suit:

1. Les dépôts judiciaires et consignations faits dans la caisse d'amortissement seront remboursés en argent dans le terme de six mois à compter de l'échange des ratifications de la présente convention, pour autant que la remise des pièces ait eu lieu dans les trois premiers mois de la liquidation. Les objets dont les pièces auront été remises plus tard, seront liquidés dans les trois mois suivans.

2. Les dettes provenant de versemens, de cautionnemens, ou de fonds déposés par les communes et établissemens publics dans la caisse de service, dans la caisse d'amortissement, ou dans toute autre caisse du gouvernement français, seront rem-

Статья XIX.

Въ трактатѣ 18-го (30) мая 1814 года, при назначеніи сроковъ для уплаты, всѣ долговые иски раздѣлены на три класса; согласно съ симъ положено и настоящею конвенціею установить также три рода платежа, именно:

1. Суммы внесенныя для сохраненія въ присутственныя мѣста и тѣ, кои отданы въ кассу погашенія долговъ, будутъ выданы звонкою монетою, чрезъ шесть мѣсяцевъ по размѣнѣ ратификацій сей конвенціи, если документы на оныя будутъ представлены ликвидаціонной коммиссіи въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ. Что касается до требованій сего рода, коихъ доказательства будутъ представлены позднѣе, то разсмотрѣніе и удовлетвореніе по онымъ имѣетъ быть въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ трехъ мѣсяцовъ.

2. Долги, происходящіе отъ удержанія денежныхъ залоговъ, или полученія суммъ отъ городскихъ и сельскихъ обществъ и публичныхъ заведеній, положившихъ свои капиталы въ обыкновенныя казначейства, или въ кассу погашенія долговъ, или въ другое

boursées en inscriptions sur le grand livre de la dette publique, au pair, à condition toutefois que, dans le cas que le cours du jour du règlement fût au-dessous de 75, le gouvernement français bonifiera la différence entre le cours du jour et 75.

3. Les autres dettes non comprises dans les deux paragraphes précédens, seront également remboursées en inscriptions au pair, avec la différence que le gouvernement français ne leur garantit qu'un cours de 60, en s'engageant à bonifier la différence entre le cours du jour et 60.

какое-либо казенное мѣсто, будутъ заплачены выдачею записанныхъ въ общую книгу государственнаго долга облигацій на ту сумму, съ тѣмъ однакоже, что если курсъ того дня, въ который оныя поступятъ въ книгу, будетъ ниже 75 за сто, то французское правительство доплатитъ разность между настоящею цѣною облигаціи и 75 за сто.

3. Прочіе долги, непринадлежащіе къ показаннымъ въ предыдущихъ двухъ параграфахъ, будутъ также уплачены записанными въ общую книгу долговъ облигаціями на сумму оныхъ, съ тою лишь разницею, что симъ заимодавцамъ французское правительство отвѣчаетъ только за курсъ по 60 за сто, обязываясь дополнить разность между настоящимъ курсомъ и 60 за сто.

ARTICLE XX.

Il sera inscrit, le 1 janvier n. st. au plus tard, comme fonds de garantie, sur le grand livre de la dette publique de France, un capital de trois millions cinq cent mille francs de rente, avec jouissance du 10 (22) mars 1816, au nom de deux, de quatre ou de six Commissaires, moitié sujets de Sa Majesté Très-Chrétienne, et moitié sujets des Puissances alliées, lesquels commissaires seront choisis et nommés, savoir: un, deux ou trois par le gouvernement français, et un, deux ou trois par les Puissances alliées.

Ces commissaires toucheront les dites rentes de sémestre.

СТАТЬЯ XX.

Не позднѣе какъ 1 января будущаго года н. с. французское правительство, для обезпеченія платежа слѣдующаго по всѣмъ означеннымъ выше требованіямъ, внесетъ въ общую книгу государственнаго долга облигацій на три милліона пять сотъ тысячъ франковъ годового дохода, начинающагося съ 10 (22) марта 1816 года, и сіи облигаціи будутъ надписаны на имя двухъ, четырехъ или шести коммиссаровъ, изъ коихъ половину должны составлять подданные Его Христіаннѣйшаго Величества, а другую подданные Державъ союзныхъ. Изъ оныхъ будутъ назначаемы одинъ, два или три французскимъ правительствомъ, а остальные одинъ, два или три союзными Державами.

Сіи коммиссары будутъ въ два полугодичные срока получать вышеупомянутый доходъ съ облигацій.

Ils en seront dépositaires sans pouvoir les négocier.

Ils en placeront le montant dans les fonds publics, et ils en recevront l'intérêt accumulé et composé au profit des créanciers.

Dans le cas où les trois millions cinq cent mille francs de rente seraient insuffisans, il sera délivré aux susdits commissaires des inscriptions pour plus fortes sommes, et jusqu'à concurrence de celles qui seront nécessaires pour payer les dettes indiquées par la présente convention.

Ces inscriptions additionnelles, s'il y a lieu, seront délivrées avec jouissance de la même époque que celle fixée pour les trois millions cinq cent mille francs de rente ci-dessus stipulés, et elles seront administrées par les mêmes commissaires et d'après les mêmes principes.

En sorte que les créances qui resteront à solder seront acquittées avec la même proportion d'intérêts accumulés et composés que si le fonds de garantie avait été suffisant dès le commencement. Lorsque les payemens dus aux créanciers auront été effectués, le surplus des rentes non assignées, s'il y en a, ainsi que la proportion d'intérêts accumulés et composés qui leur appartiendra, seront remis à la disposition du gouvernement français.

Они будутъ хранить оныя у себя, но не имѣютъ права продать ихъ.

Получаемый же съ оныхъ доходъ будутъ отдавать за проценты въ государственные банки, и новый съ того доходъ и проценты на проценты должны быть обращаемы на уплату вышеозначенныхъ долговъ Франціи.

Ежели сихъ облигацій на три милліона пять сотъ тысячъ франковъ дохода окажется не довольно, то комиссарамъ будутъ выданы новыя облигаціи на значительнѣйшія суммы, сколько будетъ нужно для совершенной уплаты долговъ, въ настоящей конвенціи означенныхъ.

Сіи дополнительныя облигаціи, если оныя окажутся нужными, будутъ вписаны въ общую книгу тѣмъ же срокомъ какъ и первыя; доходъ съ оныхъ начнется съ того же времени и будетъ получаемъ и употребляемъ тѣми же коммиссарами, по тѣмъ же правиламъ.

Такимъ образомъ для удовлетворенія долговыхъ требованій будетъ въ наличности, кромѣ капитала, столько же причитающихся на оный процентовъ обыкновенныхъ и процентовъ на проценты, какъ если бы и при самомъ началѣ было выдано достаточно для уплаты тѣхъ долговъ число облигацій. Ежели за удовлетвореніемъ всѣхъ кредиторовъ останется еще часть капитала облигаціями и полученныхъ за оные процентовъ обыкновенныхъ и процентовъ на проценты, то сей остатокъ будетъ отданъ правительству французскому.

Article XXI.

A mesure que les bordereaux de liquidation prescrits par l'article XVII

Статья XXI.

По мѣрѣ того, какъ установленныя XVII-ю статьею сей конвенціи вѣдо-

de la présente convention; seront présentés aux commissaires dépositaires des rentes, ceux-ci les viseront: afin qu'ils puissent être inscrits immédiatement sur le grand livre de la dette publique, au débit de leur dépôt et au crédit des commissaires-liquidateurs des gouvernemens réclamans.

мости ликвидацій будутъ представляемы коммиссарамъ, у коихъ должны храниться облигаціи, они долженствуютъ отсылать оные за своею скрѣпою, для внесенія въ общую книгу государственнаго долга, гдѣ показанныя сими вѣдомостями суммы означаются въ отношеніи къ выданнымъ на храненіе облигаціямъ подъ статьею Débet, а въ отношеніи къ ликвидаціоннымъ коммиссарамъ тѣхъ правительствъ, кои представили сіи утвержденныя требованія, подъ статьею Crédit.

Article XXII.

Les Souverains actuels des pays qui ont cessé d'appartenir à la France, renouvellent l'engagement qu'ils ont contracté par l'article XXI de la paix du 18 (30) mai 1814, de tenir compte au gouvernement français, à partir du 10 (22) décembre 1813, de celles des dettes de ces pays qui ont été converties en inscriptions au grand livre de la dette publique de France. Les états de toutes ces dettes seront dressés et arrêtés par les commissaires établis par l'article V de la présente convention, bien entendu que le gouvernement français continuera de payer les rentes de ces inscriptions.

Статья XXII.

Нынѣшніе владѣтели областей отошедшихъ отъ Франціи подтверждаютъ обязательство, принятое ими чрезъ XXI статью мирнаго трактата 18-го (30-го) мая 1814 года, вознаградить французское правительство за выдаваемыя онымъ съ 10-го (22-го) декабря 1813 года суммы по долгамъ вышеозначенныхъ областей, кои внесены въ общую книгу государственнаго долга. Вѣдомость всѣхъ оныхъ долговъ имѣетъ быть сдѣлана и утверждена коммиссіями, V-ю статьею сей конвенціи установляемыми; между тѣмъ французское правительство обязывается платить и впредь проценты за сіи внесенные въ общую книгу долги.

Article XXIII.

Les mêmes gouvernemens renouvellent l'engagement de rembourser aux sujets français serviteurs des pays cédés, les sommes qu'ils ont à réclamer à titre de cautionnemens, dépots ou consignations, dans leurs trésors respectifs. Ces remboursemens se feront de la même manière qui a été convenue par l'article XIX

Статья XXIII.

Оныя правительства подтверждаютъ также данное ими обѣщаніе возвратить французскимъ подданнымъ, отправлявшимъ должности въ уступленныхъ областяхъ, всѣ суммы положенныя ими въ казначейства принадлежащихъ нынѣ новымъ правительствамъ мѣстъ, въ видѣ залоговъ, или для сохраненія, или

de la présente convention à l'égard des sujets de ces pays qui ont fait des versemens de la même nature.

ARTICLE XXIV.

Il est réservé au gouvernement français la faculté de déduire des cautionnemens que par l'article XXII du traité du 18 (30) mai 1814, et par l'article X de la présente convention, il s'est engagé à rembourser, les débets des comptables qu'un jugement de la cour des comptes, rendu avant le 18 (30) mai 1814, aurait déclarés retentionaires de deniers publics. Cette déduction se fera sans préjudice des poursuites qui, en cas d'insuffisance des cautionnemens, pourront être dirigées contre les retentionnaires par les voies ordinaires, et par devant les tribunaux du pays où ces comptables sont domiciliés.

ARTICLE XXV.

Dans les pays cédés par la paix du 18 (30) mai 1814, ou par le présent traité, les souscripteurs d'effet négociables au profit du trésor royal, ou de la caisse d'amortissement, autres que receveurs de contributions directes, qui ne les auraient point acquittés à leur échéance, pourront être poursuivis en remboursement devant les tribunaux ordinaires du pays où ils sont domiciliés, à moins qu'ils n'eussent été contraints de se libérer antérieurement au 18 (30) mai 1814, ou, pour les pays

для *передачи* другимъ. Сіи суммы будутъ возвращены по такому же порядку, какой XIX-ю статьею сей конвенціи установленъ для удовлетворенія требованій сего рода объявляемыхъ самими подданными оныхъ областей.

СТАТЬЯ XXIV.

Французскому правительству предоставляется право, изъ возвращаемыхъ имъ въ силу XXII статьи трактата 18-го (30-го) мая 1814 года и X статьи настоящей конвенціи денежныхъ залоговъ вычесть суммы взыскиваемыя съ чиновниковъ, коимъ таковые залоги принадлежатъ, если сіи взысканія дѣлаются по приговору Главнаго Счетнаго Суда, произнесенному прежде 18-го (30-го) мая 1814 года, и чиновники обвинены въ удержаніи казенныхъ денегъ. Чрезъ сей вычетъ не уничтожается право, въ случаѣ недостаточности денежныхъ залоговъ, подавать по обыкновенному судебному порядку на обвиненныхъ чиновниковъ жалобы въ присутственныя мѣста того государства, гдѣ они имѣютъ жительство.

СТАТЬЯ XXV.

Въ областяхъ, уступленныхъ при заключеніи мира 18-го (30) мая 1814 года или по условіямъ настоящаго трактата, всѣ частные люди (кромѣ сборщиковъ непосредственныхъ податей), подписавшіе обязательства внести въ королевскую казну или въ кассу погашенія долговъ какую-либо сумму и неисполнившіе сей обязанности въ срокъ, могутъ быть понуждаемы къ платежу чрезъ посредство присутственныхъ мѣстъ тѣхъ областей, въ коихъ они имѣютъ жительство; развѣ они дока-

cédés par le présent traité, antérieurement au 8 (20) novembre 1815, entre les mains des nouveaux possesseurs du pays.

жутъ, что были принуждены означенныя въ сихъ обязательствахъ суммы заплатить прежде 18-го (30-го) мая 1814 года, а въ областяхъ, уступленныхъ по настоящему трактату прежде 8-го (20) ноября 1815 года, новымъ владѣтелямъ сихъ областей.

ARTICLE XXVI.

Tout ce qui a été convenu par la présente convention à l'égard du terme dans lequel les créanciers de la France présenteront leurs réclamations à la liquidation, des époques où les bordereaux de liquidations seront dressés, des intérêts alloués aux diverses classes de créances, et du mode dont elles seront payées, s'applique également aux créances que les Français ont à former contre les gouvernemens des pays détachés de la France.

СТАТЬЯ XXVI.

Всѣ установленныя въ сей конвенціи правила о срокахъ, назначаемыхъ кредиторамъ французскаго правительства къ подачѣ своихъ требованій въ ликвидаціонную коммиссію, о времени составленія ликвидаціонныхъ вѣдомостей, о процентахъ, полагаемыхъ за разные роды долговъ, о порядкѣ уплаты оныхъ, будутъ наблюдаемы и при разсмотрѣніи и очищеніи исковъ объявляемыхъ французскими подданными на правительства областей нынѣ отошедшихъ отъ Франціи.

Fait à Paris, le 8 (20) novembre 1815.

(L. S.) Le p-ce de Razoumoffsky. (L. S.) Richelieu.
(L. S.) Le comte de Capo-d'Istrias.

Въ Парижѣ, 8-го (20-го) ноября, въ лѣто отъ Р. Х. 1815.

(М. П.) Кн. Разумовскій. (М. П.) Ришелье.
(М. П.) Графъ Каподистріа.

Article additionnel.

Дополнительная статья.

La maison des comtes de Bentheim et Steinfurt ayant formé contre le gouvernement français une réclamation à différents titres, savoir:

Владѣтельный домъ графовъ Бентгеймскихъ и Штейнфуртскихъ требуетъ денежнаго удовлетворенія отъ французскаго правительства по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

En vertu d'une convention du 22 mai 1804, la somme de. . . fr.	800.000	По конвенціи 22-го мая 1804 года	800.000 фр.
Intérêts à 6 pour cent de cette somme	480.000	За причитающіеся на сію сумму ежегодно 6 %	480.000 „
Pour restitution de contribution foncière	78.200	За несправедливо взысканную поземельную контрибуцію	78.200 „
Déblayement de l'Yssel .	30.000	За очищеніе Исселя. .	30.000 „

Pour diverses aliénations et indemnités. 634.000

Pour revenu du comté de Bentheim depuis la prise de possession par le gouvernement français. 2.225.000

TOTAL . . . fr. 4.247.200

il a été convenu, par forme de transaction, que le gouvernement français paiera à cette maison, pour toute réclamation quelconque:

1. La somme de huit cent mille francs en numéraire, payable par douzièmes, de mois en mois, à commencer du 1 janvier 1816 n. st.

2. Celle de cinq cent dix mille francs en inscriptions au grand livre de la dette publique, au pair, en lui garantissant le cours de 75, ou bonifiant la différence entre le cours du jour et 75. Ces inscriptions seront délivrées d'ici au 1 janvier et avec jouissance du 22 mars 1816 n. st.

Au moyen du paiement de cette somme de 1.310.000 francs, la maison des comtes de Bentheim et Steinfurt renonce à rien demander ni répéter du gouvernement français, à tel titre et par telle cause que soit, le dit abandon étant fait à titre de transaction.

Fait à Paris, 8 (20) novembre 1815.

(L. S.) Le p-ce de Razoumoffsky.

(L. S.) Richelieu.

(L. S.) Le comte Capo-d'Istrias.

Въ вознагражденіе за разныя проданныя имѣнія и проч. . . . . 634.000 фр.

За доходы съ графства Бентгеймскаго во время занятія онаго французскимъ правительствомъ . 2.225.000 „

Итого . . 4.247.200 фр.

Посему со взаимнаго согласія и въ видѣ мировой сдѣлки постановлено, чтобы французское правительство оному дому графовъ Бентгеймскихъ и Штейнфуртскихъ, въ удовлетвореніе всѣхъ его требованій, какого бы они рода ни были, заплатило:

1. Восемьсотъ тысячъ франковъ чистыми деньгами, въ 12 мѣсяцевъ, по равной части каждый мѣсяцъ, начиная съ 1-го января 1816 года н. с.

2. Пятьсотъ десять тысячъ франковъ записанными въ общую книгу государственнаго долга облигаціями на ту сумму, отвѣчая ему за курсъ въ 75 за сто и обѣщаясь дополнить могущую быть разность между настоящимъ курсомъ и 75 за сто. Сіи облигаціи будутъ выданы не позднѣе 1-го января и доходъ съ оныхъ начнется съ 22 марта 1816 года н. ст.

Получивъ оную сумму 1.310.000 франковъ, домъ графовъ Бентгеймскихъ и Штейнфуртскихъ откажется отъ всякихъ иныхъ требованій и исковъ на счетъ французскаго правительства, какого бы рода и подъ какимъ бы видомъ оные ни были; въ чемъ обязывается чрезъ сіе соглашеніе.

Парижъ, ноября 8-го (20) дня 1816 г.

(М. П.) Кн. Разумовскій. (М. П.) Ришельё.

(М. П.) Графъ Каподистріа.

№ 515.

1816, 15 (27) septembre. Convention concernant la liquidation des dettes entre la France et le ci-devant duché de Varsovie, signée à Paris.

Dans une de ses lettres à l'Empereur Alexandre I la célèbre Madame de Staël écrit ce qui suit: „Je ne cesse de souhaiter que le bien de l'Europe se passe par vous, Sire. Vous me paraissez désigné par la Providence pour établir la tolérance dans la religion et le gouvernement représentatif dans l'ordre social. Si vous accomplissez ces deux buts, vous aurez rempli votre destinée... Vous êtes, Sire, par la supériorité de votre esprit mille fois au-dessus de tous les princes existants. Votre Empire est indépendant, tout ce qui pense et tout ce qui souffre du nord jusqu'au midi tourne les yeux vers vous — ne laissez pas échapper un tel sort".

L'Empereur Alexandre I, très accessible à la flatterie, fut certainement séduit par ces paroles émanées de la plume d'une célébrité européenne. Bien plus: il était profondément convaincu que la Providence a fait choix de sa personne pour assurer le bonheur du monde entier et en particulier celui des peuples européens. La chute imprévue de Napoléon réagit d'une manière, en quelque sorte fatale, sur les vues d'Alexandre I quant à sa vocation; depuis ce moment il fut pénétré de la conviction intime qu'il était au centre du monde entier qui gravitait autour de lui. Se considérant ainsi comme la pierre angulaire du monde politique européen et le maître des destinées des nations, Alexandre I s'attribuait le droit légitime et divin d'intervenir dans les affaires intérieures et extérieures de tous les Etats. Il croyait pouvoir exercer ce droit non seulement en Europe, mais aussi en Amérique.

Comme l'ordre politique intérieur des Etats présentait une grande variété, Alexandre I crut devoir dans son attitude à leur égard s'inspirer de principes très différents. En Russie, se conformant à son régime politique, le Tsar était autocrate convaincu; en Pologne, il s'érigeait en défenseur des principes constitutionnels; en Allemagne, en Autriche, en Italie et en Espagne, il appuyait avec zèle la cause de la monarchie

№ 515.

1816 г., сентября 15-го (27-го). Конвенція относительно разочтенія взаимныхъ долговъ Франціи и бывшаго герцогства Варшавскаго, подписанная въ Парижѣ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Александру I знаменитая г-жа де-Сталь пишетъ слѣдующее: „Я не перестаю желать, чтобы вы, Государь, были виновникомъ благосостоянія Европы. Мнѣ кажется, что Промыслъ избралъ васъ для установленія терпимости въ религіи и представительнаго правительства въ соціальномъ порядкѣ. Если вы исполните эти двѣ задачи, вы исполните ваше призваніе... Вы, Государь, благодаря превосходству вашего ума, стоите тысячу разъ выше всѣхъ современныхъ монарховъ, Ваша Имперія независима, и всѣ, кто думаетъ и страдаетъ, отъ сѣвера до юга, обращаютъ свои взоры на васъ. Не упускайте такого жребія!" (Письмо изъ Флоренціи отъ 2-го іюня 1816 г.).

Императоръ Александръ I чрезвычайно любилъ лесть и навѣрно былъ польщенъ письмомъ знаменитой европейской писательницы. Мало того: онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Божій Промыслъ дѣйствительно избралъ его своимъ орудіемъ для облагодѣтельствованія всего міра и, въ частности, европейскихъ народовъ. Неожиданное паденіе Наполеона роковымъ образомъ повліяло на міросозерцаніе Александра I: съ этого времени онъ проникся несокрушимымъ убѣжденіемъ, что онъ — центръ всего міра, который движется вокругъ него. Будучи краеугольнымъ камнемъ всего европейскаго политическаго порядка и руководителемъ судебъ народовъ, Александръ I былъ убѣжденъ, что онъ имѣетъ законное и божеское право вмѣшиваться во всѣ дѣла, внутреннія и внѣшнія, всѣхъ государствъ. Такое право вмѣшательства онъ приписывалъ себѣ не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ.

Итакъ какъ внутренніе порядки государствъ были весьма разнородны, то Александръ I руководился въ отношеніи ихъ самыми разнообразными началами. Въ Россіи Царь былъ убѣжденнымъ самодержцемъ; въ Польшѣ защитникомъ конституціоннаго образа правленія; въ Германіи, Австріи, Италіи и Испаніи онъ энергически поддерживалъ принципы неограниченной монархической власти и абсолютизма,

absolue, enfin en France, il se fit le patron énergique du régime représentatif et l'ennemi déclaré de l'absolutisme royaliste, qui avait à la Cour de France un représentant fanatique dans la personne de Monsieur, frère de Louis XVIII.

En présence de cette variété de dispositions et de vues politiques de l'Empereur de Russie, les contemporains avaient quelque difficulté à discerner la nature des principes qu'il avait adoptés pour sa gouverne. Madame de Staël estimait que le Tsar était le défenseur tout désigné de la tolérance et du constitutionalisme. Le fait a prouvé que cette tolérance ne l'a pas empêché de devenir un instrument docile du fanatisme entre les mains du Mitropolitain Photius. Quant à sa prédilection pour le régime constitutionnel, la triste tournure que prit son règne dans les dernières années ne semble devoir laisser aucun doute à cet égard.

Quoiqu'il en soit, l'Empereur Alexandre était en France un appui puissant pour le régime constitutionnel et Pozzo-di-Borgo dut appliquer tous ses efforts pour contenir les entraînements du parti royaliste. L'ambassadeur du Tsar autocrate s'acquittait de cette mission avec un zèle admirable. Les nombreuses dépêches, qui forment des volumes entiers sont remplies de détails au sujet de cette ingérence continuelle dans les affaires intérieures de la France. Tantôt il s'oppose à l'adoption de telle ou telle loi par les Chambres françaises, tantôt il proteste auprès du roi lui-même contre la nomination ou la démission de tel ou tel ministre français, tantôt il expose au comte d'Artois, futur roi de France, tout le danger de ses menées pour le rétablissement du pouvoir monarchique absolu; enfin c'est lui, ambassadeur de Russie, qui donne des instructions aux ministres français quant à leur attitude dans telle ou telle autre question de politique intérieure ou extérieure.

En un mot, pendant une suite d'années depuis 1815, l'ambassadeur de Russie était le conseiller le plus influent du gouvernement français dans toutes les questions de quelque importance. Les rapports très détaillés et souvent intéressants, livrés en partie à la publicité ces derniers temps *), concernent exclusivement le

*) Voir t. 112 et 119 du Recueil de la Société Impériale Russe historique et „Correspondance

наконецъ, во Франціи явился наиболѣе крѣпкимъ оплотомъ конституціоннаго порядка управленія и самымъ рѣшительнымъ врагомъ королевскаго абсолютизма, представителемъ котораго при французскомъ дворѣ Людовика XVIII былъ братъ послѣдняго—„Monsieur“.

Въ виду такого разнообразія настроеній и политическихъ видовъ русскаго Императора, многіе современники отказывались понять, какихъ собственно политическихъ началъ онъ придерживался. Госпожа де-Сталь полагала, что Царь призванный защитникъ вѣротерпимости и конституціонализма. Факты доказывали, что его вѣротерпимость не мѣшала ему сдѣлаться покорнымъ орудіемъ религіознаго фанатика, митрополита Фотія. Что же касается его любви къ конституціонному порядку управленія, то въ этомъ отношеніи печальный конецъ его царствованія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Какъ бы то ни было, во Франціи Императоръ Александръ былъ крѣпкимъ оплотомъ конституціоннаго порядка, и Поццо ди Борго долженъ былъ всѣми силами противодѣйствовать абсолютистическимъ наклонностямъ крайне-роялистской партіи. Посолъ самодержавнаго русскаго Царя съ неутомимымъ рвеніемъ исполнялъ эту возложенную на него должность: всѣ его обширныя донесенія, составляющія цѣлые тома, полны подробностями относительно его постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи. Онъ противодѣйствуетъ проведенію того или другого закона во французскихъ палатахъ; онъ протестуетъ у самого короля противъ назначенія или отставки того или другого французскаго министра; онъ объясняетъ будущему королю, графу д'Артуа, всю зловредность его происковъ въ пользу возстановленія во Франціи неограниченной монархической власти; наконецъ, онъ, русскій посолъ, даетъ наставленіе французскимъ министрамъ относительно ихъ поведенія въ томъ или другомъ, внутреннемъ или внѣшнемъ, политическомъ вопросѣ.

Однимъ словомъ, русскій посолъ былъ, послѣ 1815 года, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вліятельнѣйшимъ совѣтникомъ французскаго правительства во всѣхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Его подробнѣйшія и интересныя донесенія, часть коихъ обнародована въ недавнее время *), представляютъ

*) См. томы 112-й и 119-й „Сборника Импер. Р. Истор. Общества“ и „Correspondance diploma-

gouvernement intérieur de la France sous la Restauration. Les affaires intérieures étaient au premier plan et absorbaient toute l'attention du représentant d'Alexandre I. Les rapports diplomatiques pour les affaires courantes, se réduisaient, selon les convictions de l'Empereur Alexandre, exclusivement au maintien de la paix entre les peuples par la stricte observation des principes de la Sainte Alliance.

Je passe à l'exposition des rapports diplomatiques entre la Russie et la France après 1815, en puisant mes renseignements dans les rapports publiés ou inédits de Pozzo di Borgo et dans d'autres documents des archives.

On comprend que le second traité de Paris devait produire sur la nation française l'impression la plus pénible. Les Chambres ne furent pas moins obligées de le confirmer sans élever d'objections. Dans l'opinion publique, les concessions territoriales, imposées à la France, ne compromettaient pas son avenir. L'occupation temporaire de quelques départements par les troupes alliées ne portait pas, par elle-même, atteinte à l'indépendance politique de la nation. D'ailleurs cette occupation devait cesser à l'expiration d'un terme de cinq ans.

Mais la nation entière était indignée des charges financières que lui imposaient les traités de novembre 1815. En dehors d'une forte contribution de guerre et de l'entretien d'une immense armée des alliés de 150.000 hommes, on exigeait de la France le règlement d'une infinité de réclamations, élevées à la charge du trésor français par des particuliers et des associations.

D'après le témoignage de Pozzo di Borgo, ces réclamations pécuniaires formaient une somme de près de 2 milliards de francs, et le gouvernement français doutait de la possibilité d'y faire face. (Rapport du 3 (15) décembre 1815).

совершенно исключительный интересъ для исторіи внутренняго управленія Франціи во время реставраціи. Внутреннія французскія дѣла стояли у Поццо ди Борго на первомъ планѣ и почти всецѣло поглощали вниманіе представителя Императора Александра I. Дипломатическія же сношенія по текущимъ международнымъ вопросамъ должны были, по убѣжденію Императора Александра I, исключительно имѣть задачею сохраненіе мира между народами посредствомъ соблюденія завѣтовъ Священнаго Союза.

Перехожу теперь къ изложенію дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею послѣ 1815 года на основаніи обнародованныхъ и необнародованныхъ донесеній Поццо ди Борго и другихъ архивныхъ источниковъ.

Совершенно понятно, что второй Парижскій мирный трактатъ оставилъ во французскомъ народѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Однако французскія законодательныя палаты принуждены были утвердить его безъ всякихъ оговорокъ. По общему мнѣнію, территоріальныя уступки, которыя Франція принуждена была сдѣлать, не были опасны для ея будущности. Временная оккупація союзными войсками французскихъ департаментовъ также, сама по себѣ, не могла подорвать устоевъ государственной самостоятельности французскаго народа. Къ тому же эта оккупація черезъ пять лѣтъ непремѣнно должна была прекратиться.

Но весь французскій народъ былъ возмущенъ небывалыми финансовыми обязательствами, возложенными на него ноябрьскими трактатами 1815 года. Отъ него не только требовалась уплата огромной военной контрибуціи и содержаніе на свой счетъ союзной арміи въ 150.000 человѣкъ, но также удовлетвореніе безчисленныхъ претензій частныхъ лицъ и обществъ, предъявленныхъ къ французской казнѣ.

По словамъ Поццо ди Борго, всѣ эти денежныя обязательства составляли сумму приблизительно въ 2 милліарда франковъ, и французское правительство сомнѣвалось въ возможности исполнить всѣ эти обязательства. (Донесеніе отъ 3 (15-го) декабря 1815 года).

---

diplomatique du comte Pozzo di Borgo“ publiée par comte Charles Pozzo di Borgo (Paris 1890—97). 2. vol.—Nous avons également consulté tous les rapports authentiques du comte Pozzo di Borgo, conservés aux archives du Ministère des Affaires Etrangères.

tique du comte Pozzo di Borgo, publiée par le comte Charles Pozzo di Borgo“, (Paris 1890—97), 2 тома Мы пользовались также всѣми подлинными донесеніями графа Поццо ди Борго, хранящимися въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Le représentant de l'Empereur Alexandre comprenait parfaitement que l'exécution de ces engagements onéreux n'était possible qu'à une seule condition, — celle du maintien en France d'un régime de gouvernement fort. Cette condition ne pouvait exister que tant que le roi remplirait scrupuleusement la promesse, faite sous serment, de gouverner le pays selon la charte.

En attendant, le roi Louis XVIII, aussi bien que son entourage intime, n'avaient aucune sympathie pour le régime constitutionnel. Personnellement toujours en butte à des hésitations, ce n'est que la lucidité de son esprit qui l'empêchait de faire un coup d'Etat et de risquer son trône. Mais les dispositions autocratiques de son frère, le futur roi de France, étaient connues de tout le monde et inspiraient des craintes sérieuses à Pozzo di Borgo.

„Lorsqu'on pense", écrivait-il le 4 (16) décembre 1815 au comte Nesselrode, „à ce qu'un grand prince pourrait faire à la place de ceux que nous avons ici, on regrette sans doute de ne pas avoir ce phénix, mais, comme il convient de les prendre tels qu'ils sont, je vois alors les difficultés réelles qui existent dans la nature des choses et je les juge avec plus d'indulgence".

„La France guillotinée", poursuit l'ambassadeur de Russie, „a perdu les idées de religion et de morale; tout le monde cherche à vendre sa propre obéissance, et, quant à l'honneur, ils n'ont que celui des sergents scrutateurs, c'est-à-dire celui qui donne assez de courage pour faire une mauvaise action".

„Les constitutions sont dans les mœurs et les habitudes plus que dans les lois. Celles de nos jours, faites à la hâte, ne parlent que des droits; quant aux devoirs, qui sont le but véritable de toute bonne institution, personne de nos Solons modernes n'en dit un mot".

En terminant, Pozzo di Borgo énonçait l'assurance que les 25 millions de Français, tout en n'ayant pas à leur tête des gouvernants dignes de cette haute mission, se laisseront gouverner sinon par les hommes, du moins par la force des choses.

Представитель Императора Александра I отлично понималъ, что исполненіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ обязательствъ будетъ возможно только при одномъ условіи, а именно: при сохраненіи во Франціи твердаго правительственнаго порядка. Это же коренное условіе будетъ выполнимо до тѣхъ поръ, пока король будетъ добросовѣстно исполнять данное имъ клятвенное обѣщаніе: управлять страною на основаніи дарованной народу конституціи.

Между тѣмъ, ни самъ король Людовикъ XVIII, ни окружающая его придворная камарилья искренно не сочувствовали конституціонному порядку правленія. Король самъ постоянно колебался, и только несомнѣнный природный умъ заставлялъ его воздерживаться отъ новаго государственнаго переворота и не рисковать своимъ престоломъ. Самодержавныя же тенденціи его брата, будущаго короля, были всѣмъ извѣстны и вызывали серьезнѣйшія опасенія со стороны Поццо ди Борго.

„Если подумаешь", писалъ онъ 4-го (16-го) декабря 1815 года графу Нессельроде, „что могъ бы сдѣлать великій монархъ на мѣстѣ того, котораго мы здѣсь имѣемъ, то нельзя не пожалѣть, что у насъ нѣтъ такого феникса. Но такъ какъ людей надо брать такими, каковы они есть, то я вижу дѣйствительныя трудности, вытекающія изъ сущности вещей, и отношусь къ нимъ съ бо́льшимъ снисхожденіемъ".

„Франція, подвергшаяся гильотинѣ", продолжаетъ русскій посолъ, „лишилась религіозныхъ и моральныхъ понятій. Всѣ стараются продавать свою собственную покорность, а что касается чести, то она сохранилась только въ родѣ той, которая существуетъ у сержантовъ-повѣрщиковъ, то есть честь, которая даетъ довольно храбрости только на то, чтобы совершить какую нибудь подлость".

„Конституціи существуютъ болѣе въ нравахъ и обычаяхъ, нежели въ законахъ. Современныя намъ, состряпанныя на скорую руку, только говорятъ о правахъ; что касается обязанностей, составляющихъ цѣль всякаго хорошаго учрежденія, то никто изъ нашихъ нынѣшнихъ Солоновъ не обмолвится о нихъ даже словомъ".

Въ заключеніе Поццо ди Борго высказываетъ увѣренность, что хотя 25 милліоновъ французовъ и не обладаютъ правителями, стоящими на высотѣ призванія, но все-таки можно управлять Франціею—не людьми, но силою вещей.

Ce qui aux yeux de l'ambassadeur de Russie constituait un véritable danger pour le maintien de l'ordre en France, c'était l'ingérence continuelle de la famille royale dans les affaires de politique intérieure et extérieure.

„C'est l'intervention de la famille royale", écrivait-il au comte Capodistria le 18 (30) décembre 1815, „dans les discussions de la Chambre des députés, et en général dans toutes les résolutions du Roi qui empêche la France d'être heureuse et l'Europe d'être tranquille".

L'Empereur Alexandre I et ses deutx conseillers pour les affaires étrangères, le comte Nesselrode et le comte Capodistria, partageaient complètement les vues de Pozzo di Borgo sur la situation intérieure de la France. L'Empereur lui recommandait de ne pas se ralentir dans son zèle à lutter contre les tendances anticonstitutionnelles du frère du roi et de son parti influent. Pozzo di Borgo devait appuyer sans relâche „le système de la modération", représenté avec éclat par le duc de Richelieu, qui occupait à cette époque le poste de premier ministre. (Rescrit Impérial du 25 janvier (6 février) 1816).

Le comte Nesselrode s'évertuait à démontrer à Pozzo di Borgo tous les dangers d'une politique de réaction et lui confia la mission d'agir sur l'esprit du roi afin de le détourner de cet égarement périlleux.

„Tous les regards", écrivait-il à la date du 26 janvier (7 février) 1816, „se portent donc involontairement sur le comte d'Artois", parceque „c'est de l'avenir, c'est de l'esprit dans lequel la France sera gouvernée après le Roi et lorsqu'elle sera affranchie de la surveillance des troupes étrangères, c'est de la France, que les Cabinets étrangers ont plein droit de s'occuper".

En vue de ces considérations, Pozzo di Borgo était appelé à appliquer tous ses efforts pour paralyser l'ingérence inconstitutionnelle du frère du roi dans les affaires du gouvernement et contrecarrer son action antilégale. C'est dans cet ordre d'idées qu'on recommande à l'ambassadeur de ne pas tolérer la nomination du comte de Blacas, le favori du comte d'Artois, au poste influent de Ministre de la Cour. Il serait désirable de voir complètement supprimé ce poste dangereux, car dans le cas, où Blacas y serait nommé, la position du duc de Richelieu ne serait plus tenable.

L'ambassadeur de Russie s'acquitta scrupuleusement de cette mission: il demanda une au-

Наибольшую опасность для сохраненія порядка во Франціи русскій посолъ усматривалъ въ постоянномъ вмѣшательствѣ королевской семьи въ дѣла внутренней и внѣшней политики.

„Вмѣшательство королевской семьи", писалъ онъ графу Каподистріа 18-го (30-го) декабря 1815 года, „въ пренія палаты депутатовъ и вообще во всѣ рѣшенія короля препятствуетъ Франціи быть счастливою, а Европѣ спокойною".

Императоръ Александръ I и оба его совѣтника по вопросамъ внѣшней политики, графы Каподистріа и Нессельроде, совершенно раздѣляли взглядъ Поццо ди Борго на внутреннее положеніе Франціи. Государь предписывалъ ему не уставать противодѣйствовать „антиконституціоннымъ" тенденціямъ брата короля и его вліятельной партіи. Поццо ди Борго долженъ былъ непреклонно поддерживать „систему умѣренности", блестящимъ представителемъ которой былъ французскій первый министръ—дюкъ де Ришелье. (Высочайшій рескриптъ отъ 25-го января (6-го февраля) 1816 г.).

Графъ Нессельроде краснорѣчиво доказывалъ Поццо ди Борго всѣ опасности реакціонной политики и поручилъ ему убѣдить короля отказаться отъ этого пагубнаго заблужденія.

„Всѣ взоры", писалъ онъ 26-го января (7 февраля) 1816 года, „невольно обращаются на графа д'Артуа", ибо „европейскіе кабинеты имѣютъ полное право заниматься Франціею, ея будущностью, тѣмъ духомъ, въ которомъ она будетъ управляема послѣ короля и когда она будетъ освобождена отъ надзора иностранныхъ войскъ".

Въ виду этихъ соображеній Поццо ди Борго обязанъ всѣми силами парализовать антиконституціонное вмѣшательство брата короля въ дѣла правительства и противодѣйствовать его противозаконному вліянію. На этомъ основаніи послу предписывается не допускать назначенія графа Блака, любимца графа д'Артуа, на вліятельный постъ Министра Двора. Было бы лучше всего совершенно упразднить этотъ опасный постъ, ибо, въ случаѣ назначенія на него Блака, положеніе дюка де Ришелье сдѣлается совершенно невыносимымъ.

Русскій посолъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе: онъ испросилъ

dience au roi et lui exposa que s'il se trouvait, à l'heure actuelle, sur le trône de France, ce n'était nullement par déférence pour le principe de la légitimité, mais uniquement grâce au désir des puissances alliées de sauvegarder la tranquillité en Europe. Pozzo di Borgo exposa également cette situation d'une manière très catégorique à l'héritier du trône de France. (Rapport du 19 février (2 mars) 1816).

Tandis que Pozzo di Borgo jouait un rôle si éminent à la Cour de France, il n'y avait pas de représentant en titre français à la Cour Impériale. C'est en février 1816 que fut nommé au poste d'ambassadeur de France en Russie le comte de Noailles, qui avait occupé ce poste antérieurement. Les instructions dont il fut muni à la date du 29 février n. st. exposent en détail l'état des relations entre la France et la Russie, Il est recommandé à l'ambassadeur de ne cesser d'entretenir les relations les plus amicales avec le gouvernement russe, et de faire valoir l'idée que les deux puissances sont unies par des liens indissolubles d'alliance et d'amitié. Il ne devra jamais perdre de vue que, c'est grâce à l'action de la Russie sur les alliés, que la France peut compter sur quelque réduction des charges onéreuses qui lui avaient été imposées.

Enfin on recommande à l'ambassadeur de signaler dans ses rapports tous les incidents quelque peu intéressants à la Cour de Russie, ainsi que les faits pouvant servir à caractériser la situation intérieure du pays.

Jusqu'à l'arrivée du comte de Noailles en Russie, le poste de chargé d'affaires était occupé par le comte de la Moussaye, dont les rapports offrent bien plus d'intérêt que ceux de l'ambassadeur. Ils contiennent sur la situation intérieure en Russie un grand nombre de faits intéressants et de fines observations.

D'après les rapports du diplomate français, les tentatives de l'Empereur Alexandre de réformer les lois de l'Empire et de les codifier devaient nécessairement aboutir à un échec, car „il n'existe pas de code, sans liberté civile". En Russie, écrit-il, „tout frémit dans les conseils du Souverain". Le projet de l'émancipation des serfs doit nécessairement amener des collisions sanglantes.

Le comte de la Moussaye fait un tableau peu attrayant du régime de gouvernement à

аудіенцію у короля и объяснилъ ему, что если онъ находится теперь на французскомъ престолѣ, то не изъ уваженія къ принципу легитимности, но исключительно благодаря желанію союзныхъ державъ сохранить въ Европѣ спокойствіе. Это же самое положеніе Поццо ди Борго категорически высказалъ наслѣднику французскаго королевскаго престола. (Донесеніе отъ 19-го февр. (2-го марта) 1816 года.

Въ то время, когда Поццо ди Борго игралъ такую выдающуюся роль при французскомъ дворѣ, при русскомъ Высочайшемъ дворѣ не было настоящаго представителя Франціи. Въ февралѣ 1816 года на постъ французскаго посла въ Россіи былъ назначенъ графъ Ноайль, уже прежде состоявшій на этомъ посту. Въ данной ему инструкціи отъ 29 февраля (нов. ст.) подробнымъ образомъ опредѣляются взаимныя отношенія между Франціей и Россіей. Послу вмѣняется въ обязанность постоянно поддерживать самыя дружескія отношенія съ русскимъ правительствомъ и повсюду распространять убѣжденіе, что обѣ державы связаны неразрывными узами дружбы и союза. Онъ не долженъ былъ забывать, что только при посредствѣ вліянія Россіи на союзныя державы Франція въ состояніи будетъ уменьшить бремя возложенныхъ на нее тяжелыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе послу предписывается сообщать въ своихъ донесеніяхъ о всѣхъ интересныхъ происшествіяхъ при русскомъ дворѣ и о всѣхъ фактахъ, могущихъ служить для характеристики внутренняго состоянія Россіи.

До прибытія въ Россію графа Ноайль, французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ былъ графъ де ла Муссэ, котораго донесенія представляютъ несомнѣнно бо̀льшій интересъ, нежели донесенія самого французскаго посла. Въ депешахъ графа де ла Муссэ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи послѣ наполеоновскихъ войнъ можно найти очень много интересныхъ фактовъ и чрезвычайно мѣткихъ замѣчаній.

По сообщеніямъ этого французскаго дипломата, попытки Императора Александра I упорядочить законодательство Имперіи и составить общіе кодексы должны были окончиться неудачно, ибо „нѣтъ кодекса безъ гражданской свободы". Въ Россіи, пишетъ онъ, всѣ трепещутъ предъ Государемъ. Проектъ освобожденія крестьянъ долженъ привести къ кровавымъ столкновеніямъ.

Графъ де ла Муссэ рисуетъ очень непривлекательную картину порядка внутренняго

l'intérieur de la Russie. Selon lui toute l'administration locale se réduit à „une police militaire très imparfaite, presque toujours dirigée par la cupidité“. Si quelques gouverneurs s'inspirent de vues tendant au bien de la nation, ce sont des phénomènes, dont l'existence n'est que de courte durée. Tout le budget de l'Empire présente un total de 400 millions de francs dont 300 sont affectés à l'armée „qui, sur papier, est d'un million de soldats“.

„Quelques ministres“, poursuit le comte de la Moussaye, „un très grand nombre de propriétaires, s'élévent contre cette dépense, sans en avoir mûrement considéré l'objet. Elle flatte, il est vrai, les goûts personnels du Souverain, mais ces goûts le servent mieux que les réflexions les plus profondes“.

„Que serait la Russie“, se demanda le diplomate français, „sans l'influence de ses baïonnettes? Les sciences, les arts, tout ce qui rend la paix glorieuse y est inconnu. Tributaire de l'Europe entière par ses besoins ou ses fantaisies, elle ne peut pas même vêtir et armer les soldats par lesquels seuls elle existe... Avides des jouissances du luxe, les Russes ne savent ni se les procurer par l'intelligence et la constance du travail, ni mettre des bornes à leurs désirs, ni souscrire aux privations qu'imposent leurs âpres climats“.

Selon l'avis de ce diplomate français, la flotte militaire russe est également inutile, car elle est impuissante à fermer l'entrée de la Baltique et de la mer Noire et à protéger en cas de guerre le commerce de la Russie, qui est entièrement entre les mains des Anglais.

Le comte de la Moussaye ne s'en tient pas là dans son analyse critique du régime politique de la Russie et de son rôle international. A son avis, l'action exercée par la Russie en Europe n'est dû qu'à l'effet de circonstances accidentelles et à l'aveuglement complet des peuples de l'Occident.

„Un concours de circonstances et de fautes“, écrivait-il à son gouvernement, „dont l'histoire offre peu d'exemples, a donné à la Russie une prépondérance et un éclat qu'elle n'eût pas obtenus par elle-même. La politique insouciante du siècle qui vient de finir a transformé en couronne impériale le casque scythe des tsars

управленія Россіи. По его мнѣнію, мѣстная администрація есть ничто иное, какъ „очень безпорядочная военная полиція, почти всегда руководимая алчностью“. Если немногіе губернаторы руководствуются соображеніями пользы народа, то они составляютъ феномены, существованіе которыхъ обыкновенно весьма непродолжительно. Бюджетъ Имперіи составляетъ всего 400 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 300 милліоновъ расходуются на армію, которая, „на бумагѣ, составляетъ одинъ милліонъ“.

„Нѣкоторые министры“, продолжаетъ графъ де ла Муссэ, „многіе владѣльцы возстаютъ противъ такого расхода, хотя они серьезно не выяснили себѣ, въ чемъ дѣло. Правда, такія издержки на армію отвѣчаютъ личнымъ вкусамъ Государя, но эти вкусы болѣе служатъ ему на благо, нежели самыя глубокія размышленія“.

„Что стало бы съ Россіей“, спрашиваетъ французскій дипломатъ, „безъ ея штыковъ? Наука, искусство, все, что дѣлаетъ міръ славнымъ, здѣсь неизвѣстны. Будучи данницею всей Европы вслѣдствіе своихъ потребностей и фантазій, Россія даже не въ состояніи одѣвать и вооружать своихъ солдатъ, благодаря которымъ она существуетъ... Будучи падки на наслажденія роскошью, Русскіе не умѣютъ ни создавать ихъ для себя умомъ и постоянною работою, ни положить границъ своимъ прихотямъ, ни приноровиться къ лишеніямъ, которыя неизбѣжны при ихъ жестокомъ климатѣ“.

По мнѣнію этого французскаго дипломата, русскій военный флотъ совершенно безполезенъ, ибо онъ не въ состояніи ни закрыть входы въ Балтійское и Черное моря, ни охранить, во время войны, русскую торговлю, которая вполнѣ въ рукахъ англичанъ.

Графъ де ла Муссэ идетъ еще дальше въ своемъ критическомъ анализѣ русскихъ государственныхъ порядковъ и международнаго значенія Россіи. По его мнѣнію, вліяніе Россіи въ Европѣ есть результатъ случайныхъ обстоятельствъ и явнаго недомыслія западноевропейскихъ народовъ.

„Стеченіе обстоятельствъ и ошибокъ“, пишетъ онъ своему правительству, „подобнаго которому трудно найти въ исторіи, дали Россіи такое преобладаніе и блескъ, которыхъ она сама, собственными силами, не достигла бы. Беззаботная политика истекшаго вѣка превратила скиѳскій шлемъ московскихъ царей въ

de Moscou, et a toléré le partage de la Pologne. La précipitation insensée du chef des armées françaises, en 1812, fixa sur les bords de l'Oder des limites qu'il lui était facile (sic!!) de rejeter au delà du Borysthène".

Enfin le comte de la Moussaye pose la question: cette puissance politique de la Russie peut-elle durer encore longtemps? Ne contient-elle pas des germes de décadence et de mort?

Le diplomate français répond à ces fatales questions de la manière suivante: à son avis, à moins de réformer son régime intérieur et ses institutions, la Russie „ne supportera longtemps, ni la prospérité, ni les revers". En suivant les erements de sa politique ambitieuse que luit impose en quelque sorte son immense armée, la Russie devra étendre ses domaines jusqu'à des limites insensées. Elle cherchera à faire la conquête de Constantinople. „Mais qui peut concevoir l'existence d'un Etat appuyé d'un côté à Tornëa et de l'autre à Constantinople? Des lois uniformes régiront-elles le Péloponèse et la Finlande? A la voix de l'Empereur Alexandre, le Grec et le Lapon deviendront-ils un seul et même peuple? Agrandir ainsi ses possessions, c'est donner la garantie qu'elles ne seront pas longtemps unies".

Les conclusions, auxquelles s'arrête le comte de la Moussaye à la suite de ses études sur le régime intérieur et les hommes d'Etat en Russie, n'ont rien de consolant. Il les résume en termes suivants à la fin de son rapport, si intéressant.

„La Russie, vue de près, est loin d'offrir le tableau d'une de ces nations qui, par le développement successif de sages institutions, de vertus, des plus nobles facultés, ont assis leur gloire et leur puissance sur de solides fondements. C'est un colosse qui peut-être ne subsistera qu'un jour, mais dont la chute peut écraser une partie de l'Europe, dont l'imprévoyance l'a élevé à ce point". (Rapport du comte de la Moussaye au duc de Richelieu du 11 mars n. st. 1816).

Il faut rendre justice à ce diplomate français que cette appréciation critique de l'état de choses en Russie ne réduisait nullement à

императорскую корону и позволила совершить раздѣлъ Польши. Безразсудная поспѣшность вождя французскихъ армій въ 1812 году намѣтила границею берега Одера, между тѣмъ какъ ему легко было (sic!!) отодвинуть ее за Борисоепъ (Днѣпръ)".

Наконецъ, графъ де ла Муссэ ставитъ вопросъ: можетъ ли такое политическое могущество Россіи долго существовать? Не коренится ли въ самой Россіи зародышъ ея паденія и смерти?

На эти роковые вопросы французскій дипломатъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. По его убѣжденію, если Россія не усовершенствуетъ свои внутреннie порядки и установленія, то „вѣроятно, что она долго не выдержитъ ни своего благополучія, ни своихъ несчастій". Она будетъ руководиться своею честолюбивою политикою, навязываемою отчасти огромною арміею, и принуждена будетъ расширять свои границы до безразсудныхъ предѣловъ. Она постарается завоевать Константинополь. „Но кто можетъ себѣ представить существованіе государства, опирающагося, съ одной стороны, на Торнео, а съ другой—на Константинополь? Развѣ одни и тѣ же законы могутъ управлять Пелопонезомъ и Финляндіею? По призыву Императора Александра, развѣ грекъ и лапландецъ сдѣлаются единымъ народомъ? Расширять такимъ образомъ свои владѣнія, значитъ дать ручательство въ томъ, что они надолго соединены не будутъ".

Общій выводъ, къ которому пришелъ графъ де ла Муссэ на основаніи своихъ наблюденій надъ внутренними порядками и государственными людьми Россіи, весьма неутѣшительный. Онъ его выражаетъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ своего интереснаго донесенія:

„Если посмотрѣть на Россію вблизи, то она далеко не представляетъ собою образа одного изъ тѣхъ народовъ, которые послѣдовательнымъ развитіемъ своихъ мудрыхъ учрежденій, своихъ добродѣтелей и своихъ наиболѣе благородныхъ способностей, основывали свою славу и могущество на прочныхъ устояхъ. Это—колоссъ, который, быть можетъ, будетъ существовать только одинъ день, но котораго паденіе можетъ задавить часть Европы, близорукость которой подняла его на нынѣшнюю высоту". (Донесеніе графа де ла Муссэ къ дюку Ришелье отъ 11-го марта (н. ст.) 1816 года).

Надо отдать справедливость этому французскому дипломату, что его критическое отношеніе къ Россіи нисколько не умаляло въ его

ses yeux l'importance que devaient avoir pour son pays l'amitié et la bienveillance de l'Empereur. Au contraire, il priait avec instance son gouvernement de ne pas oublier qu'Alexandre I a été de tout temps le protecteur des intérêts de la France et qu'il a toujours empêché les autres alliés d'abuser des droits du vainqueur. A l'heure actuelle, écrivait-il au duc de Richelieu à la date du 12 (24) mars, tous les souverains de l'Europe recherchent l'alliance avec l'Empereur de Russie et désignent comme leurs représentants les personnages les plus haut placés.

Aussi croit-il devoir insister sur la nomination au plutôt d'un représentant français à la Cour de Russie qui, par son rang diplomatique, puisse avoir facilement accès auprès de l'Empereur et paralyser les manoeuvres dirigées contre les intérêts légitimes de la nation française. Il attire en même temps l'attention de Richelieu sur les particularités étranges de cette Cour qui présente une réunion d'hommes occupant des postes, mais n'ayant aucune importance — et d'hommes influents, qui semblent en dehors des affaires et se dérobent aux regards du public. „Araktscheew est le maître absolu dans le domaine de l'administration intérieure, le comte Nesselrode entretient les relations officielles avec les membres du corps diplomatique qui ne l'aiment pas particulièrement, parcequ'il „rebute par la sécheresse de ses manières et l'embarras de sa conversation". Mais en réalité tout dépend du comte Capodistria qui jouit des sympathies de tous les diplomates.

Ces passages empruntés aux rapports du comte de la Moussaye prouvent que ce diplomate français se rendait parfaitement compte non seulement de l'état de choses en Russie, mais également du but que devait poursuivre la politique française. Le comte de Noailles arriva à St.-Pétersbourg tout au commencement de mai 1816. En comparant ses rapports à son gouvernement avec ceux du comte de la Moussaye on est naturellement porté à regretter le départ de celui-ci. Autant les rapports de ce dernier étaient sérieux et d'un contenu abondant, autant ceux de son successeur étaient souvent futiles et dépourvus d'intérêt. Le comte de Noailles les remplissaient presqu'exclusivement de nouvelles concernant des faveurs Impériales, des dîners des bals, des revues etc.

Les rapports de Pozzo di Borgo présentent sans contredit le plus d'intérêt pour la caracté-

глазахъ огромной важности для его отечества дружбы и благоволенія русскаго Императора. Напротивъ, онъ убѣдительно просилъ свое правительство не забывать, что Александръ I всегда былъ покровителемъ французскихъ интересовъ и что онъ всегда удерживалъ другія союзныя державы отъ злоупотребленія правами побѣдителя. Въ настоящее время, писалъ онъ 12-го (24-го) марта Ришелье, всѣ монархи Европы добиваются союза съ русскимъ Императоромъ и назначаютъ къ нему, въ качествѣ своихъ представителей, наиболѣе знатныхъ особъ.

Вотъ почему графъ де ла Муссэ настаиваетъ на скорѣйшемъ назначеніи къ русскому двору такого представителя Франціи, который, по своему дипломатическому рангу, имѣлъ бы легкій доступъ къ Императору и могъ бы парализовать всѣ происки противъ законныхъ интересовъ французскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обращаетъ вниманіе Ришелье на странности этого двора, который представляетъ собою „зрѣлище людей, занимающихъ мѣста, но не имѣющихъ значенія, и людей вліятельныхъ, которые кажутся не у дѣлъ и прячутся отъ взоровъ публики". Аракчеевъ полновластно управляетъ внутренними дѣлами; графъ Нессельроде поддерживаетъ оффиціальныя сношенія съ членами дипломатическаго корпуса, которые его не особенно любятъ „благодаря упорности его манеръ и неуклюжести его разговоровъ". Но, на самомъ дѣлѣ, все зависитъ отъ графа Каподистріа, котораго всѣ дипломаты любятъ.

Только-что приведенныя извлеченія изъ донесеній графа де ла Муссэ доказываютъ, что этотъ французскій дипломатъ не только понималъ положеніе вещей въ Россіи, но также сознавалъ ближайшія цѣли французской политики. Въ самомъ началѣ мая 1816 года прибылъ въ Петербургъ графъ Ноайль. Если прочесть его донесенія своему правительству и сравнить ихъ съ депешами графа де ла Муссэ, то можно только выразить сожалѣніе по поводу отъѣзда послѣдняго изъ Россіи. Насколько донесенія де ла Муссэ были серьезны и содержательны, настолько донесенія Ноайля обыкновенно являются легковѣсными и мало интересными. Графъ Ноайль почти исключительно наполнялъ свои донесенія извѣстіями о Высочайшихъ наградахъ, балахъ, обѣдахъ, военныхъ парадахъ и т. п.

Наибольшій интересъ для характеристики взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи без-

risque des relations entre la Russie et la France; il était une sentinelle infatigable, postée à surveiller le régime intérieur de la France. Il s'appliqua un jour à préciser lui-même les devoirs qu'ils avaient à remplir à la Cour de France. Ils consistaient:

1) à s'opposer à toute modification du ministère par les manœuvres du parti de la Cour ou par celles de la majorité de la Chambre;

2) à rechercher les moyens propres à constituer une Chambre, moins passionnée que celle qui siégeait à cette époque;

3) à s'opposer au triomphe de la réaction et au régime absolu qui aspirait à monopoliser le pouvoir sous le nom de royalisme;

enfin 4) à entretenir de bonnes relations avec le duc de Wellington et les représentants des autres Cours alliées, car cet accord ne pouvait qu'être profitable à la France (Rapport de Pozzo di Borgo du 2 (14) avril 1816).

Pozzo di Borgo ne cessa d'agir dans le sens de ces instructions, et l'Empereur Alexandre I l'énonça dans ce même esprit à la première audience du nouveau représentant de la France. C'est également, en conformité à ces idées, qu'étaient conçues les instructions détaillées du comte Nesselrode du 2 (14) mai qui résumaient en ces termes le but de la politique russe: „consolider l'ordre de choses rétabli en France en 1814 par le maintien inviolable de l'autorité royale et par la remise en vigueur de la Charte constitutionnelle".

Il est évident que le but essentiel de ces instructions consistait à établir un système d'ingérence continuelle dans les affaires intérieures de la France. En effet, Pozzo di Borgo y intervenait sans cesse, désirant rester à la hauteur de la mission qui lui était confiée.

Le comte de Noailles en ressentait toujours les conséquences à St.-Pétersbourg: au moindre mécontentement que lui causait la marche des affaires en France, le gouvernement russe le faisait sentir aussitôt au représentant français qui devait être nécessairement indigné de cet état de choses.

„Comment est-il possible", écrivait-il au duc de Richelieu à la date du 9 (21) mai 1816, „que le général Pozzo di Borgo, qui, tout en servant fidèlement son nouveau maître, conserve quelque attachement pour son ancienne patrie, puisse donner, dans sa correspondance avec son souverain, une tournure si fâcheuse à ses récits

спорно представляютъ донесенія Поццо ди Борго, который не уставалъ стоять на стражѣ внутреннихъ порядковъ Франціи. Онъ самъ разъ опредѣлилъ, въ чемъ состоятъ его обязанности при французскомъ королевскомъ дворѣ. Вотъ въ чемъ онѣ заключались:

1) Препятствовать всякому измѣненію нынѣшняго министерства происками придворныхъ партій и большинства палатъ.

2) Изыскивать всѣ средства для избранія палаты менѣе возбужденной, нежели нынѣшняя.

3) Предупредить торжество реакціи и абсолютнаго режима, стремящагося къ монополизаціи власти подъ ярлыкомъ роялизма.

Наконецъ 4) поддерживать хорошія отношенія съ герцогомъ Веллингтономъ и съ представителями другихъ союзныхъ державъ, ибо отъ согласія съ нимъ Франція только можетъ выиграть (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 2-го (14-го) апрѣля 1816 г.).

Въ смыслѣ этихъ инструкцій дѣйствовалъ Поццо ди Борго и совершенно согласно съ ними выразился Императоръ Александръ I на первомъ пріемѣ новаго французскаго посланника. Наконецъ, въ этомъ же самомъ смыслѣ редактирована большая инструкція графа Нессельроде отъ 2-го (14-го) мая, въ которой вся цѣль русской политики опредѣлена въ слѣдующихъ словахъ: „утверждать порядокъ вещей, возстановленный во Франціи въ 1814 году, посредствомъ ненарушимаго сохраненія королевской власти и дѣйствія конституціонной хартіи".

Очевидно, что вся суть этой инструкціи заключалась въ установленіи постояннаго и систематическаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи. И дѣйствительно, Поццо ди Борго неустанно вмѣшивался въ эти дѣла, желая стоять на высотѣ даннаго ему порученія.

Графъ Ноайль постоянно чувствовалъ послѣдствія такого вмѣшательства въ Петербургѣ: неудовольствіе русскаго правительства ходомъ дѣлъ во Франціи немедленно давалось ему понять совершенно открыто. Такое положеніе вещей должно было вызывать справедливое негодованіе французскаго посланника.

„Какимъ образомъ возможно", писалъ онъ 9-го (21-го) мая 1816 года дюку де Ришелье, „что генералъ Поццо ди Борго, служа вполнѣ добросовѣстно своему новому Государю и сохраняя нѣкоторую преданность своему прежнему отечеству, въ перепискѣ съ своимъ Государемъ, въ своихъ сообщеніяхъ о француз-

des affaires de France, que l'arrivée de ses dépêches soit toujours l'époque d'un redoublement d'indisposition contre nous?“ Les ennemis de la France répandaient à St.-Pétersbourg le bruit que le gouvernement français cherchait l'appui de l'Angleterre et de l'Autriche pour contrecarrer l'action de la Russie sur la politique intérieure. Cette accusation provoque de l'irritation dans les sphères dirigeantes en Russie, et le comte de Noailles croit devoir mettre en garde Richelieu au sujet des conséquences que pourraient avoir ces manœuvres. A son avis, le seul moyen de salut serait de faire sentir à l'Europe le poids réel de la France dans la balance de l'équilibre politique.

Toutefois le comte de Noailles semble très bien comprendre que tous les actes de Pozzo di Borgo et toutes les démarches de la politique russe dépendent entièrement des vues personnelles de l'Empereur. On sait qu'il aime la France. Toutefois, d'après l'usage établi à la Cour de Russie, on a rarement la possibilité de causer avec l'Empereur. Il est seul à diriger la politique étrangère et il ne s'intéresse qu'aux questions militaires qui absorbent toute son attention. Il est atteint de „cette manie de détails de troupes, de revues, de parades, dont son père et son grand-père étaient possédés“.

En présence de cet état de choses, le comte de Noailles s'est décidé de faire usage du moyen heroïque suivant: „Malgré ma répugnance“, écrit-il à Richelieu, „à porter un habit militaire sans avoir fait la guerre, je me revêtirai dans l'occasion de celui de colonel, que je dois aux bontés de mon souverain, comme un moyen de remplir mes devoirs envers lui“.

Il est curieux que, malgré cet engouement pour le service militaire, l'Empereur Alexandre n'ait pas moins conservé, d'après le témoignage de l'ambassadeur de France, quelques idées libérales qui faisaient l'objet de ses rêves dans sa jeunesse.

„Quoique l'Empereur Alexandre“, écrivait-il le 17 (29) mai 1816, „exerce une autorité absolue sur ses peuples, quoiqu'il ait contribué noblement à rétablir le pouvoir légitime en France, il est cependant l'élève de La Harpe, il a pris la plupart des idées de son siècle, il est favorable à toutes ces doctrines dangereuses sous le nom d'idées libérales. La gloire que les armées françaises recueillirent

скихъ дѣлахъ даетъ такую неблагопріятную имъ окраску, что съ момента прибытія его депешъ всегда начинается усиленіе чувствъ нерасположенія къ намъ?“. Въ Петербургѣ врагами Франціи распространяется мнѣніе, что французское правительство ищетъ опоры Англіи и Австріи для противодѣйствія русскому вліянію на внутреннюю политику Франціи. Это обвиненіе вызываетъ опасное неудовольствіе въ руководящихъ русскихъ сферахъ, и графъ Ноайль предостерегаетъ Ришелье относительно возможныхъ послѣдствій такихъ происковъ. По его мнѣнію, единственное средство спасенія—это дать почувствовать Европѣ дѣйствительную силу Франціи на вѣсахъ политическаго равновѣсія.

Впрочемъ, графъ Ноайль совершенно понимаетъ, что всѣ дѣйствія Поццо ди Борго и всѣ ходы русской политики всецѣло зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія Императора. Онъ же любитъ Францію. Однако, по установившимся при русскомъ дворѣ порядкамъ, рѣдко можно говорить съ Государемъ. Онъ одинъ управляетъ внѣшнею политикою и исключительно интересуется военными дѣлами, которыя совершенно поглощаютъ его вниманіе. У него развилась „та же страсть ко всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ военной части, къ смотрамъ и парадамъ, которая увлекала его отца и дѣда“.

Имѣя въ виду такое положеніе вещей, гр. Ноайль рѣшился примѣнить слѣдующее героическое средство. „Не взирая на мое отвращеніе“, писалъ онъ Ришелье, „носить военный мундиръ, не участвовавъ въ войнѣ, я буду надѣвать при случаѣ мундиръ полковника, который король мнѣ милостиво пожаловалъ. Это послужитъ мнѣ средствомъ къ исполненію моихъ обязанностей въ отношеніи моего Государя“.

Весьма любопытно, что, не взирая на свое страстное увлеченіе военнымъ дѣломъ, Императоръ Александръ I все таки сохранилъ, по словамъ французскаго посланника, нѣкоторыя либеральныя мысли, которыми онъ увлекался въ юности.

„Хотя Императоръ Александръ“, писалъ онъ 17-го (29-го) мая 1816 г., „обладаетъ неограниченною властью надъ своими народами; хотя онъ благородно содѣйствовалъ возстановленію во Франціи законной власти, все таки онъ—ученикъ Лагарпа; онъ проникся большею частью идей своего времени и благопріятствуетъ всѣмъ опаснымъ теоріямъ, называемымъ либеральными идеями. Слава, пріобрѣтенная фран-

sous les drapeaux de l'usurpateur le séduisit et lui fit oublier l'usurpation. Si, par mille raisons, Buonaparte est devenu odieux, le brillant de ses armes n'a rien perdu de son éclat aux yeux de l'Empereur de Russie, et tout ce qui s'y rattache a le droit d'agir sur lui".

Cette appréciation des idées libérales de l'Empereur Alexandre, émanant de la plume d'un vieux royaliste français, ne fait que confirmer ce dualisme de caractère, bien connu de ce Monarque. Le comte de Noailles est parfaitement dans le vrai, en assurant qu'il faut tenir compte de ce caractère complexe du Souverain de Russie, sans songer à le refaire. Encore faut-il remercier Dieu qu'il éprouve des sympathies pour la France et qu'il lui rende de grands services par sa puissante protection. Toutefois le comte de Noailles ne pouvait s'empêcher de déplorer la pression que le gouvernement russe ne cessait d'exercer sur la marche des affaires intérieures de son pays.

L'Empereur Alexandre, ainsi que ses ministres, répétaient continuellement que, par amour pour le bien de la France, ils se trouvent dans la nécessité d'y appuyer la royauté rétablie et qu'ils ne songent pas à blesser en quoi que ce fut l'amour-propre légitime de la nation. Chaque Français ne devait pas moins ressentir péniblement l'humiliation de cette ingérence continuelle dans les affaires intérieures de son pays. Il était impossible de contester ces faits par des sophismes ou des détours diplomatiques quelconques.

„Les Français", affirmait le comte Capodistria au ministre de France en mai 1816, „devraient dire: „ajournons nos querelles politiques; débarrassons nous du joug de l'étranger, nous verrons ensuite à régler nos affaires intérieures". Tout le contraire est arrivé; l'étranger est aux portes, et l'on se dispute dans la capitale. On fait plus: un des partis qui la divisent veut se faire un appui à l'étranger. Est-ce ainsi que l'on redevient une nation?"

Il était impossible de suspecter les sympathies du comte Capodistria pour la France. Toutefois, lorsque les sympathies prenaient la forme d'une ingérence continuelle dans les affaires intérieures de la nation française, les vrais amis de la France ne pouvaient s'empêcher de s'indigner de cette flagrante contradiction entre les paro-

цузскими войсками подъ знаменами узурпатора, увлекаетъ его и заставляетъ забывать самую узурпацію. Если, по тысячѣ причинъ, Бонапартъ сдѣлался ненавистнымъ, то блескъ его оружія остался въ глазахъ русскаго Императора все таки непомеркнувшимъ, и все, что сюда относится, имѣетъ силу воздѣйствовать на него".

Это сужденіе стараго французскаго роялиста о либеральныхъ идеяхъ Императора Александра только подтверждаетъ общеизвѣстную двойственность характера этого монарха. Гр. Ноайль совершенно справедливо приходитъ къ окончательному заключенію въ томъ смыслѣ, что съ сложнымъ характеромъ русскаго Государя нужно считаться: его передѣлать нельзя. Нужно благодарить Бога, что къ Франціи онъ вообще относится очень сочувственно и своимъ могущественнымъ покровительствомъ приноситъ ей великую пользу. Однако, графъ Ноайль не могъ не скорбѣть о давленіи, которое русское правительство постоянно оказывало на ходъ внутреннихъ дѣлъ его отечества.

Правда, Императоръ Александръ и его министры постоянно повторяли, что изъ любви къ благу французскаго народа имъ нужно поддерживать возстановленный королевскій режимъ и что они нисколько не желаютъ оскорблять законное самолюбіе французовъ. Но все таки каждый французъ долженъ былъ чувствовать унизительность такого постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла своего отечества. Этого факта нельзя было отрицать никакими софизмами или дипломатическими уловками.

„Французы", сказалъ въ маѣ 1816 года, графъ Каподистріа французскому посланнику, „должны были бы себѣ сказать: Отложимъ наши политическія дрязги; освободимся отъ иностраннаго ига, и тогда мы увидимъ, какимъ образомъ устроить наши внутреннія дѣла. Случилось совершенно противное: иноземцы у воротъ, а въ столицѣ происходятъ ссоры. Этого мало: одна изъ партій, раздирающая Францію, намѣрена создать себѣ опору за границею. Развѣ такимъ образомъ можно опять сдѣлаться націею?"

Нельзя было сомнѣваться въ искренности расположенія графа Каподистріа къ Франціи. Однако, когда это расположеніе принимало форму постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла французскаго народа, истинные друзья Франціи не могли не возмущаться явнымъ противорѣчіемъ, которое существо-

les et les actes de la part de ces protecteurs russes de la dignité nationale et de l'indépendance de ce pays.

Pozzo di Borgo ne cessait de recevoir des instructions qui lui imposaient le devoir de surveiller la marche du gouvernement intérieur en France et de faire, en conséquence, des représentations au roi et à ses ministres. En juin 1816, le comte Nesselrode lui envoya des directions détaillées dans ce sens et s'appliquait à démontrer que les puissances alliées devaient tendre à un accord complet entre leurs vues sur la situation intérieure de la France et celles du roi et de ses ministres.

L'ambassadeur de Russie présenta au duc de Richelieu un questionnaire avec prière d'y répondre le plutôt possible. La première question était celle-ci: „Le roi doit-il s'attendre à trouver dans la Chambre des députés, telle qu'elle est composée actuellement, la déférence et l'impartialité nécessaires à la marche de son gouvernement"? La seconde question devait élucider le point suivant: le renouvellement de la Chambre par cinquième offrait-il une garantie suffisante pour constituer une majorité impartiale au sein de cette assemblée? Enfin on posait encore la question: „le roi doit-il se décider à faire un coup d'Etat, en dissolvant la Chambre des députés"? En posant ces questions à Richelieu, dans sa lettre du 9 (21) juin 1816, Pozzo di Borgo énonce ses propres vues à ce sujet et ne laisse pas que de préjuger ces questions. Il était prescrit à l'ambassadeur de Russie de déclarer au roi de France que son Cabinet n'exige de lui qu'une seule chose savoir que son gouvernement conserve une „direction invariablement constitutionnelle". (Dépêche du comte Nesselrode du 9 (21) août 1816).

Le roi Louis XVIII s'empressa de calmer les inquiétudes des défenseurs de la constitution française par les mots suivants, adressés à l'ambassadeur: „Vous pouvez assurer l'Empereur que je resterai constitutionnellement le Souverain".

L'Empereur Alexandre se montra satisfait de ces promesses du roi de France, mais il exigea de lui des preuves formelles quant à sa ferme résolution de résister à son frère et à son parti des irréconciliables. L'Empereur et ses conseillers les plus intimes, le comte Capodistria et le comte Nesselrode, avaient une entière confiance dans le duc de Richelieu, mais ils se méfiaient quelque peu des sympathies constitutionnelles du roi lui-même.

вало между словомъ и дѣломъ у русскихъ защитниковъ національнаго достоинства и независимости этого государства.

Поццо ди Борго постоянно получалъ инструкціи, вмѣнявшія ему въ обязанность слѣдить за ходомъ внутренняго управленія Франціи и дѣлать по нимъ представленія какъ самому королю, такъ и его министрамъ. Въ іюнѣ 1816 года гр. Нессельроде послалъ ему подробную инструкцію въ этомъ смыслѣ, въ которой доказывается, что союзныя державы обязаны добиваться полнаго согласія съ ихъ взглядами на внутреннее положеніе Франціи взглядовъ французскаго короля и его министровъ.

Русскій посолъ представилъ дюку де Ришелье записку съ вопросами, на которые онъ просилъ скорѣйшихъ отвѣтовъ. Первый вопросъ былъ слѣдующій: „Можетъ ли король надѣяться найти въ палатѣ депутатовъ, въ нынѣшнемъ ея составѣ, нужныя для управленія дѣлами страны уступчивость и безпристрастіе?" Второй вопросъ заключался въ томъ, обезпечиваетъ-ли обновленіе на одну пятую часть депутатовъ образованіе въ Палатѣ безпристрастнаго большинства? Наконецъ, былъ еще вопросъ: долженъ-ли король рѣшиться совершить государственный переворотъ посредствомъ распущенія Палаты депутатовъ? Ставя Ришелье, эти вопросы, въ письмѣ отъ 9-го (21-го) іюля 1816 года, Поццо ди Борго впередъ высказываетъ уже свои собственные взгляды на каждый изъ нихъ и, стало быть, ихъ предрѣшаетъ. Русскому послу было предложено объявить французскому королю, что Россія требуетъ отъ него только одного, а именно, чтобъ его правительство сохранило „неизмѣнно конституціонный характеръ". (Депеша графа Нессельроде отъ 9-го (21-го) августа 1816 г.).

Король Людовикъ XVIII поспѣшилъ успокоить русскихъ защитниковъ французской конституціи, сказавъ русскому послу слѣдующія слова: „Вы можете увѣрить Императора, что я останусь конституціоннымъ Государемъ!"

Императоръ Александръ былъ доволенъ такими обѣщаніями французскаго короля, но требовалъ отъ него еще положительныхъ доказательствъ въ пользу рѣшимости на энергическій отпоръ своему брату и его партіи непримиримыхъ. Императоръ и его ближайшіе совѣтники, графы Каподистріа и Нессельроде, питали полное довѣріе къ Ришелье, но не совсѣмъ довѣряли конституціоннымъ наклонностямъ самого французскаго короля.

D'autre part, le comte de Noailles ne cessait de signaler dans ses dépêches des propos, attestant les sympathies pour la France des hommes d'Etat, chargés de la direction politique en Russie. Mais il ne dissimulait ses craintes au sujet de la durée de ces sentiments. Les dispositions personnelles de l'Empereur Alexandre en faveur de la France étaient connues et le comte de Noailles n'avait pas lieu de les mettre en doute. Mais il lui semblait qu'une nouvelle constellation politique pourrait facilement les altérer: en général, le diplomate français jugeait l'état de choses en Russie avec un certain scepticisme. Ainsi il lui semblait que le culte du peuple russe pour son Souverain s'adressait plutôt à son rang, qu'à sa personne. Les succès militaires entretiennent dans la société russe le sentiment de la fierté nationale. Mais qu'adviendrait-il, se demande le comte de Noailles, „si cette fumée se dissipait? Je ne sais ce que deviendrait ce grand empire". (Rapport du 14 (26) septembre 1816).

Mais en présence des bonnes dispositions actuelles de l'Empereur Alexandre pour la France et de l'ascendant qu'il exerce en Europe, le comte de Noailles estime que pour son pays un raprochement avec la Russie est plus avantageux qu'avec l'Angleterre ou l'Autriche. A son avis, une alliance défensive entre la France et la Russie semble devoir être le résultat naturel de la position géographique des deux Etats, de la prédominance des mœurs françaises en Russie et de la communauté de leurs intérêts politiques. Il serait de l'avantage des deux nations que cette alliance fût conclue le plutôt possible. (Rapport du comte de Noailles du 16 (28) septembre 1816).

L'ambassadeur de France eut lieu de se convaincre bientôt de la bouche de l'Empereur Alexandre lui-même, que la conclusion de cette alliance était parfaitement réalisable. „L'union de mon pays avec le vôtre", lui dit l'Empereur, „ne peut qu'être utile à tous les deux; nous ne pouvons nous heurter, nous ne pouvons avoir de prétentions l'un sur l'autre. En nous donnant la main, nous assurons le repos de l'Europe". (Rapport du comte de Noailles du 3 (15) décembre 1816).

On comprend, qu'en présence de cette disposition d'esprit de l'Empereur Alexandre, le désir du gouvernement français d'obtenir une réduction de 30.000 hommes, dans l'armée d'occupation, devait rencontrer de sa part l'appui le plus énergique. Il fut prescrit à Pozzo di Borgo, ainsi qu'aux représentants du gouvernement Impérial auprès des autres Cours, d'appliquer tous

Съ другой стороны, графъ Ноайль постоянно приводилъ въ своихъ донесеніяхъ увѣренія руководителей русской политики въ ихъ сочувствіи къ Франціи. Но онъ не скрывалъ своихъ опасеній относительно прочности этихъ симпатій. Личныя чувства Императора Александра къ Франціи были извѣстны, и гр. Ноайль не сомнѣвался въ ихъ искренности. Только ему казалось, что перемѣна обстоятельствъ можетъ вызвать и перемѣну личныхъ чувствъ. Вообще французскій дипломатъ относится скептически къ положенію вещей въ Россіи. Такъ, ему кажется, что поклоненіе русскаго народа своему Государю болѣе относится къ его сану, нежели къ его личности. Военные успѣхи поддерживаютъ въ русскомъ обществѣ чувство національной гордости. Но что будетъ, спрашиваетъ графъ Ноайль, „если этотъ дымъ пройдетъ? Я не знаю, что тогда будетъ съ этою великою имперіею". (Донесеніе отъ 14-го (26-го) сентября 1816 г.).

Но въ виду того, что Императоръ Александръ расположенъ къ Франціи и въ данное время пользуется огромнымъ вліяніемъ въ Европѣ, графъ Ноайль полагаетъ болѣе выгоднымъ для его отечества сближеніе съ Россіею, нежели съ Англіею и Австріею. По его мнѣнію, оборонительный союзъ между Франціею и Россіею естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ географическаго положенія обоихъ государствъ, господства французскихъ нравовъ въ Россіи и общности ихъ политическихъ интересовъ. Чѣмъ скорѣе состоится заключеніе такого союза, тѣмъ лучше для обоихъ народовъ. (Донесеніе гр. Ноайль отъ 16-го (28-го) сентября 1816 г.).

Французскій посолъ весьма скоро убѣдился, изъ устъ Императора Александра, что такой союзъ совершенно возможенъ. „Союзъ моей страны съ вашею", сказалъ Императоръ, „только можетъ быть выгоденъ обоимъ народамъ. Мы не можемъ сталкиваться и не можемъ имѣть претензій другъ къ другу. Давая другъ другу руку, мы обезпечиваемъ спокойствіе Европы". (Донесеніе графа Ноайль отъ 3-го (15-го) декабря 1816 г.).

Совершенно понятно, что при такомъ настроеніи Императора Александра желаніе французскаго правительства, объ уменьшеніи оккупаціонной арміи на 30.000 человѣкъ, встрѣтило съ его стороны самую энергическую поддержку. Какъ Поццо ди Борго, такъ и другимъ представителямъ Императорскаго правительства при иностранныхъ дворахъ было при-

leurs efforts pour faire droit à cette requête légitime du Cabinet français. Le gouvernement l'a reconnue légitime parceque 1) le régime de la restauration a fait déjà de sensibles progrès; 2) ces progrès sont une garantie sérieuse pour le maintien de l'ordre légal; 3) le concours des puissances alliées est jugé nécessaire pour l'affermissement de cet ordre légal, et 4) ce concours ne peut se manifester dès maintenant que par la réduction des troupes. (Mémoire, présenté à l'Empereur, du 31 octobre 1816).

Malgré l'opposition énergique de l'Angleterre, le désir du gouvernement français fut pris en considération et l'armée d'occupation subit une réduction de 30.000 hommes. Par une lettre du 1 (13) janvier 1817, le duc de Richelieu exprima en termes chaleureux sa gratitude à l'Empereur Alexandre pour cet appui prêté à la France avec tant de succès dans cette circonstance *).

Tandis que cet échange d'idées se poursuivait entre les Cabinets russe et français au sujet de la situation intérieure de la France, des pourparlers s'ouvrirent à Paris au sujet de la question spéciale de la liquidation des dettes du royaume de Pologne, dans laquelle le gouvernement français se trouvait intéressé. En 1808 le duché de Varsovie avait contracté l'engagement de payer à la France 200 millions de francs. La Prusse avait également une part directe dans ces obligations. Ayant pris possession du duché de Varsovie en vertu des traités de 1814, la Russie dut satisfaire la Prusse **) et tous les autres créanciers. Il fut prescrit à Pozzo di Borgo de s'occuper de cette question et de contracter avec le gouvernement français une convention en vue de satisfaire toutes ses prétentions, consacrées par l'arrangement de Bayonne de 1808 et les actes de Paris de 1814 et 1815.

Le comte Potoçky fut délégué à Paris par le gouvernement de Varsovie pour assister l'ambassadeur de Russie. Ces pourparlers amenèrent la signature de la convention de septembre ci-dessous (№ 515) ***).

казано поддерживать всѣми силами справедливое желаніе французскаго кабинета. Это желаніе русское правительство признало законнымъ, потому что 1) реставрація во Франціи сдѣлала большіе успѣхи: 2) эти успѣхи ручаются за сохраненіе законнаго порядка; 3) для упроченія его необходимо содѣйствіе союзныхъ державъ и 4) это содѣйствіе можетъ нынѣ проявиться только уменьшеніемъ числа союзныхъ войскъ. (Высочайшій докладъ отъ 31-го октября 1816 г.).

Не взирая на энергическое сопротивленіе со стороны Англіи, желаніе французскаго правительства было уважено, и оккупаціонная армія была сокращена на 30,000 человѣкъ. Дюкъ де Ришелье, письмомъ отъ 1-го (13-го) января 1817 года, горячо благодаритъ Императора Александра за столь успѣшную поддержку Франціи въ этомъ дѣлѣ *).

Въ то самое время, когда происходилъ вышеизложенный обмѣнъ мыслей между русскимъ и французскимъ кабинетами относительно внутренняго положенія дѣлъ во Франціи, въ Парижѣ были открыты переговоры по спеціальному вопросу о долгахъ Царства Польскаго, въ которыхъ было заинтересовано французское правительство. Въ 1808 году Варшавское герцогство обязалось уплатить Франціи 200 милліоновъ франковъ. Непосредственное участіе въ этихъ обязательствахъ имѣла также Пруссія. Россія, получившая въ силу трактатовъ 1814 года Варшавское герцогство, должна была удовлетворить Пруссію **) и всѣхъ другихъ кредиторовъ. Поццо ди Борго было приказано заняться этимъ вопросомъ и заключить съ французскимъ правительствомъ конвенцію объ удовлетвореніи всѣхъ ея претензій въ силу Байонской конвенціи 1808 года и Парижскихъ актовъ 1814 и 1815 годовъ.

Въ помощь русскому послу въ Парижѣ былъ командированъ Варшавскимъ правительствомъ графъ Потоцкій. Эти переговоры привели къ подписанію нижеслѣдующей сентябрской конвенціи (№ 515) ***).

---

*) La note des puissances alliées relativement à la dimination des troupes d'occupation se trouve insérée *in extenso* dans le t. IV, part. I, p. 41 et suiv du présent Recueil des traités.

**) Voir le présent Recueil des traités t. VII, № 268, pag. 164 et suiv.

***) Comp. le Recueil de la Société Impériale historique russe, t. CXII, pag. 413, 432, 532, 541, 555 et autres.

*) Нота союзныхъ державъ объ уменьшеніи числа оккупаціонныхъ войскъ цѣликомъ отпечатана въ томѣ IV настоящаго Собр. тракт., ч. I, стр. 41 и слѣд.

**) См. настоящее „Собр. тракт.“, т. VII, № 268, стр. 164 и слѣд.

***) Сравн. Сборникъ И. Р. Истор. Общ. т. CXII, стр. 413, 432, 532, 541, 555 и др.

№ 515.

S. M. L'Empereur de toutes les Russie, Roi de Pologne et S. M. le Roi de France et de Navarre, voulant aplanir et terminer les difficultés qui ont retardé jusqu'à ce jour, l'exécution de l'article additionnel du traité du 18 (30) mai 1814, ont autorisé à cet effet les soussignés, lesquels, après s'être communiqué leurs pleinpouvoirs, trouvés en bonne et dûe forme, sont convenus de ce qui suit:

Article I.

La commission qui doit s'occuper de l'examen et de la liquidation des prétentions réciproques de la France et du ci-devant duché de Varsovie s'assemblera, aussitôt que faire se pourra, à Varsovie et commencera ses opérations dès que la vérification des pouvoirs respectifs aura eu lieu.

Article II.

S. M. Très-Chrétienne s'engage à admettre en compte de liquidation les sommes payées au trésor de France par le trésor du duché de Varsovie, en vertu de la convention signée à Bayonne le 28 avril (10 mai) 1808.

Article III.

Il ne sera admis en compte dans la dite liquidation aucun intérêt pour les sommes susmentionnées.

Article IV.

Il est bien entendu que la dette qui pourra être le résultat de la dite liqui-

№ 515.

Е. В. Императоръ Всероссійскій, Царь Польскій, и Е. В. Король Французскій и Наваррскій, желая положить конецъ затрудненіямъ, доселѣ препятствовавшимъ исполненію дополнительной къ трактату 18 (30) мая 1814 года статьи, уполномочили къ тому обоюдныхъ нижеподписавшихся, кои по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующее:

Статья I.

Коммиссія, коей будетъ поручено разсмотрѣніе и разочтеніе обоюдныхъ долговыхъ требованій Франціи и прежде-бывшаго герцогства Варшавскаго, долженствуетъ въ скорѣйшемъ по возможности времени собраться въ Варшавѣ, и по надлежащемъ взаимномъ освидѣтельствованіи полномочій членовъ ея немедленно приступить къ дѣйствію.

Статья II.

Его Христіаннѣйшее Величество обязывается принять, въ число подлежащихъ ликвидаціи долговъ, тѣ суммы, кои выданы Франціи изъ казны герцогства Варшавскаго, въ силу конвенціи, подписанной въ Байоннѣ 28 апрѣля (10 мая) 1808 года.

Статья III.

Но не должно будетъ причитать никакихъ къ означеннымъ суммамъ процентовъ.

Статья IV.

Постановляется именно, что долгъ, который вслѣдствіе сей ликвидаціи

dation sera remboursé de la manière prescrite par le 3-me paragraphe de l'article XIX de la convention du 8 (20) novembre dernier.

имѣетъ быть обѣими сторонами безспорно признанъ, будетъ уплачиваемъ по правиламъ, опредѣленнымъ въ 3 параграфѣ XIX статьи конвенціи 8 (20) ноября 1815 года.

ARTICLE V.

Le délai fixé par l'article seize de la même convention pour la présentation des réclamations respectives, se trouvant insuffisant pour la liquidation à opérer entre la France et le ci-devant duché de Varsovie, les deux hautes Parties contractantes sont convenues de le proroger de six mois, à partir du jour de l'arrivée à Varsovie de commissaires de la S. M. Très-Chrétienne.

СТАТЬЯ V.

Установленный шестнадцатою статьею той же конвенціи срокъ для представленія обоюдныхъ требованій, оказывается недостаточнымъ въ ликвидаціи взаимныхъ долговъ Франціи и бывшаго герцогства Варшавскаго, а потому обѣ Высокія договаривающіяся стороны согласно положили, опредѣлить для сего отдаленнѣйшій, то есть шестимѣсячный, считая со дня прибытія въ Варшаву коммиссаровъ Его Христіаннѣйшаго Величества.

ARTICLE VI.

La présente convention qui remplace l'article séparé du traité du 8 (20) novembre dernier sera ratifiée et les ratifications en seront échangées à Paris dans l'espace de deux mois, ou plutôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 15 (27) septembre 1816.

(L. S.) Pozzo di Borgo (L. S.) Richelieu.
(L. S.) Le comte Leon Potocky.

СТАТЬЯ VI.

Настоящая конвенція, заключенная на мѣсто дополнительной къ трактату 8 (20) ноября 1815-го года статьи, будетъ ратификована и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ Парижѣ чрезъ два мѣсяца, а буде можно и прежде.

Во увѣреніе чего и т. д.

Въ Парижѣ, 15 (27) сентября 1816 года.

(М. П.) Поццо ди Борго. (М. П.) Ришелье.
(М. П.) Графъ Левъ Потоцкій

1817, 29 mai (10 juin). Traité concernant les duchés de Parme, Piacenza et Guastalla et la principauté de Lucques (voir t. IV, partie 1ère № 107, pag. 55 et suiv.).

1817 г., мая 29-го (іюня 10-го). Трактатъ относительно герцогствъ Пармы, Піаченцы, Гвасталлы и княжества Луккскаго.

(См. т. I, часть IV, № 107, стр. 55 и слѣд.)

№ 516.

1818, 13 (25) avril. Convention de Paris concernant la liquidation des créances, élevées à la charge du gouvernement français.

Dans le cours de l'année 1817 la politique russe à l'égard de la France n'a subi aucune modification. Le Cabinet Impérial persistait à défendre avec énergie les principes libéraux en France et à insister sur la nécessité de sauvegarder l'inviolabilité de la restauration dans la personne de Louis XVIII. (Voir dépêche du comte Nesselrode à Pozzo di Borgo du 26 février (10 mars) 1817).

Toutefois, c'est au sein de la famille royale que se trouvait l'ennemi le plus dangereux de l'ordre légal, consacré par les traités de 1815. C'était le comte d'Artois, futur roi de France. L'Empereur Alexandre jugea nécessaire d'appeler à maintes reprises l'attention du roi sur les menées dangereuses de son frère qui pouvaient amener la chute du trône, élevé avec tant de difficultés par les soins des puissances alliées. Pozzo di Borgo reçut l'ordre d'éclairer le Roi sur les dangers de cette conduite du comte d'Artois et de demander à celui-ci: s'il avait l'intention de gouverner la France, après la mort du roi, conformément à la constitution actuellement en vigueur ou bien s'il se proposait de la violer? Dans le premier cas, les gouvernements alliés se croient autorisés d'exiger de lui non des paroles, mais des actes, attestant son intention de sauvegarder l'ordre légal en France.

„Dans le second cas, les puissances ont le droit et l'obligation de se concerter d'avance, et de pourvoir, dans leur sollicitude, aux moyens de ne pas faire dépendre le repos du monde des erreurs et des intérêts mal entendus d'une poignée de courtisans". (Dépêche du comte Nesselrode du 10 (22) mars 1817).

D'après les assurances du comte Nesselrode, la Russie a plus que toute autre puissance le droit de poser cette question à l'héritier du trône de France, et Pozzo di Borgo fut chargé de donner lecture de la dépêche du 10 (22) au duc de Richelieu et de le consulter sur les moyens les plus propres d'obtenir des réponses précises aux questions susmentionnées.

№ 516.

1818 г., апрѣля 13-го (25). Парижская конвенція относительно долговыхъ обязательствъ французскаго правительства.

Въ продолженіи всего 1817 года русская политика въ отношеніи Франціи нисколько не измѣнилась. Императорскій кабинетъ настойчиво продолжалъ защищать во Франціи „либеральные принципы" и доказывалъ необходимость поддерживать неприкосновенность реставраціи въ лицѣ Людовика XVIII. (Срав. депешу гр. Нессельроде къ Поццо ди Борго отъ 26-го февраля (10-го марта) 1817 года).

Однако въ лонѣ самой королевской семьи находился крайне опасный врагъ законнаго порядка вещей, утвержденнаго трактатами 1815 года. Это былъ—графъ д'Артуа, будущій французскій король. Императоръ Александръ признавалъ нужнымъ неоднократно обращать вниманіе Людовика XVIII на рискованные происки его брата, которые могутъ привести къ паденію королевскаго престола, воздвигнутаго съ такимъ трудомъ союзными державами. Поццо ди Борго получилъ приказаніе объяснить королю всю опасность образа дѣйствій графа д'Артуа и поставить послѣднему вопросъ: намѣренъ ли онъ управлять Франціей, послѣ смерти короля, согласно съ нынѣ дѣйствующею конституціею, или же онъ полагаетъ нужнымъ ее низвергнуть? Въ первомъ случаѣ, союзныя правительства требуютъ отъ него не словъ, но фактовъ, подтверждающихъ его намѣреніе сохранить законный порядокъ во Франціи.

„Во второмъ случаѣ, державы имѣютъ право и обязанность впередъ согласиться между собою и въ своей заботливости подумать о средствахъ, могущихъ обезпечить спокойствіе міра противъ заблужденій и плохо понятыхъ интересовъ кучки куртизановъ". (Депеша гр. Нессельроде отъ 10-го (22-го) марта 1817 года).

По словамъ графа Нессельроде, Россія больше, чѣмъ всякая другая держава, имѣетъ нравственное право поставить наслѣднику французскаго престола упомянутый вопросъ, и Поццо ди Борго долженъ прочесть дюку Ришелье вышеприведенную депешу отъ 10-го (22-го) марта и спросить его совѣта о томъ, какими средствами можно было бы получить точные отвѣты на поставленные вопросы.

Ayant pris connaissance de la dépêche du comte Nesselrode, le duc de Richelieu ne crut devoir élever aucune objection contre la manière parfaitement juste du gouvernement russe d'apprécier les machinations du frère du roi. Le premier ministre de France ne pouvait interpréter les instructions de Pozzo di Borgo que comme une nouvelle preuve de le sollicitude de l'Empereur Alexandre pour le bien-être de la nation française. Il n'était pas question de l'inopportunité d'une semblable ingérence directe d'une puissance étrangère dans les affaires de la France. Dans ses lettres à l'Empereur Alexandre, le duc de Richelieu se plaisait à s'appeler „sujet adoptif" de Sa Majesté et ne trouva rien à objecter aux questions que l'ambassadeur de Russie prit la résolution de poser personnellement au roi de France. Celui-ci s'empressa de lui donner tous les éclaircissements voulus au sujet de sa politique intérieure et ne lui dissimula pas ses inquiétudes au sujet de la conduite du comte d'Artois.

„Mon frère, dit le roi, met beaucoup d'entraves à mon gouvernement, mais j'espère vivre assez longtemps pour calmer et détruire par le succès les erreurs qui le dominent maintenant. Lorsqu'il sera sur le trône un quart d'heure, il agira comme moi, parcequ'il ne devra et ne pourra agir autrement".

Le roi posa, en même temps, catégoriquement une autre question: celle de l'évacuation du territoire français par les troupes alliées, en faisant entendre que le maintien du régime actuel et de la dynastie en France dépendait directement de la solution de cette affaire dans le plus bref délai.

„L'Empereur Alexandre", poursuivit le roi, „a sauvé la France deux fois. Il consommera son ouvrage en faisant cesser l'occupation à la fin des trois années: un plus long séjour appauvrira le royaume et humiliera la nation à un point intolérable".

„Deux années de souffrance de plus ne nous rendront pas meilleurs; elles ne corrigeront pas les conseillers de mon frère, qui serait plus modéré s'il craignait davantage".

„La prolongation de séjour des étrangers au delà de trois ans, devrait être demandée par moi. Or, ce serait me détrôner avec les miens, que de me placer d'une manière aussi odieuse devant les Français. Je ne crains pas les con-

Ришелье выслушалъ депешу графа Нессельроде и не могъ протестовать противъ справедливой оцѣнки русскимъ правительствомъ происковъ брата короля. Французскій первый министръ могъ видѣть въ предписаніяхъ, данныхъ Поццо ди Борго, только новое доказательство заботливости Императора Александра о благосостояніи французскаго народа. Вопросъ о неумѣстности подобнаго открытаго вмѣшательства иностранной державы въ дѣла Франціи даже не ставился. Ришелье, называвшій себя въ письмахъ къ Императору Александру „узаконеннымъ подданнымъ его", не усматривалъ ничего предосудительнаго въ вопросахъ, съ которыми русскій посолъ рѣшился лично обратиться къ французскому королю. Послѣдній далъ послу всѣ требуемыя разъясненія на счетъ внутренней своей политики и не скрывалъ своего безпокойства относительно поведенія своего брата.

„Мой братъ", сказалъ король, „дѣлаетъ большія затрудненія моему правительству, но я надѣюсь прожить еще достаточно долго, чтобы успѣшно успокоить и уничтожить заблужденія, которыя имъ овладѣли въ настоящее время. Когда онъ будетъ на престолѣ хоть четверть часа, онъ будетъ дѣйствовать какъ я, ибо не долженъ и не можетъ дѣйствовать инымъ образомъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ король ребромъ поставилъ другой вопросъ, а именно: объ очищеніи французской территоріи отъ всѣхъ союзныхъ войскъ, доказывая, что сохраненіе королевскаго режима во Франціи и его династіи совершенно зависитъ отъ скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса.

„Императоръ Александръ", продолжалъ свою рѣчь король, „два раза спасъ Францію. Онъ увѣнчаетъ свое дѣло, если приведетъ къ прекращенію оккупаціи по истеченіи трехъ лѣтъ. Дольшее пребываніе послужитъ къ обѣдненію королевства и нестерпимому униженію народа".

„Лишнія двухгодичныя страданія не сдѣлаютъ насъ лучше; они не исправятъ совѣтниковъ моего брата, который былъ бы умѣреннѣе, если бъ больше боялся".

„Продолженія пребыванія иноземцевъ свыше трехъ лѣтъ я долженъ былъ бы требовать. Однако, это было бы равносильно лишенію меня и моей семьи престола, ибо сдѣлало бы меня ненавистнымъ въ глазахъ французовъ.

séquences de l'évacuation de mon royaume, mais, quelles qu'elles puissent être, je demanderais le départ des étrangers ce soir, si les traités me permettaient de le réclamer demain". (Dépêche de Pozzo di Borgo du 31 mars (12) avril 1817).

Toutefois, malgré les déclarations rassurantes de Louis XVIII au sujet de la conduite de son frère, Pozzo di Borgo n'y ajoutait pas une confiance absolue. Chaque jour lui fournissait de nouvelles preuves au sujet de l'ardeur du comte d'Artois à intriguer contre l'ordre politique établi en France. Après cet entretien avec le roi, l'ambassadeur de Russie s'adressa au premier ministre et lui recommanda avec insistance de mettre fin à ces menées. Le duc de Richelieu en reconnaissait parfaitement le danger, mais il était impuissant à lutter contre le frère du roi.

Néanmoins l'ambassadeur s'appliquait à lui prouver que l'ordre de choses actuel en France était sanctionné par le roi et „l'universalité de l'Europe", qu'il constitue une garantie pour le repos à l'intérieur, la fin prochaine de l'occupation étrangère, l'exécution des engagements contractés et l'affermissement de la liberté et du bien-être en France.

D'autre part, le système politique du comte d'Artois doit amener infailliblement la guerre civile, l'intervention des puissances étrangères, la décadence du pays, la chute du roi et de toute la dynastie.

Dans une lettre du 2 mai 1817, Pozzo di Borgo recommandait avec insistance au duc de Richelieu d'abandonner son système de conciliation, de ne pas rester indifférent aux menées de l'héritier du trône et de lui résister avec plus d'énergie qu'il ne le faisait jusqu'à présent. En vue de ces considérations Richelieu ferait bien de procéder sans retard à la nomination d'un ministre de la Maison du Roi et à celle d'un ministre de la marine, plus soucieux de maintenir la discipline au sein de la flotte. En outre il importerait de rappeler au duc de Feltre son devoir de veiller avec plus de souci au maintien de l'ordre dans l'armée et de déployer plus de fermeté à l'égard de l'héritier du trône. En général, une plus grande circonspection serait désirable pour les nouvelles nominations.

„En prenant l'attitude", écrivait l'ambassadeur au chef du Cabinet français, „que votre popularité, la considération attachée à votre personne et le bien de votre pays demandent,

Я не боюсь послѣдствій очищенія моего королевства, но каковы бы они ни были, я настаивалъ бы сегодня же вечеромъ на уходѣ иноземцевъ, если бъ трактаты давали мнѣ право потребовать этого завтра". (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1817 года).

Однако, несмотря на успокоительныя увѣренія Людовика XVIII относительно поведенія своего брата, Поццо ди Борго все-таки имъ не вѣрилъ. Каждый день онъ получалъ новыя доказательства, подтверждающія неутомимыя интриги графа д'Артуа противъ существующаго во Франціи порядка. Послѣ разговора съ королемъ русскій посолъ обратился къ его первому министру и настоятельно совѣтовалъ ему положить конецъ этимъ проискамъ. Ришелье отлично сознавалъ ихъ опасность, но былъ совершенно безсиленъ бороться противъ брата короля.

Между тѣмъ русскій посолъ краснорѣчиво доказывалъ ему, что существующій во Франціи порядокъ управленія одобренъ королемъ и „всею Европою"; что она обезпечиваетъ внутреннее спокойствіе Франціи, скорый конецъ иностранной оккупаціи, исполненіе всѣхъ принятыхъ обязательствъ и господство во Франціи свободы и благосостоянія.

Съ другой стороны, политическая система графа д'Артуа неизбѣжно приведетъ къ междоусобной войнѣ, вмѣшательству иностранныхъ государствъ и неминуемому паденію страны, короля и всей его династіи.

Въ письмѣ отъ 2-го мая 1817 года Поццо ди Борго внушительно убѣждалъ Ришелье измѣнить свою систему примиренія, не оставаться равнодушнымъ къ проискамъ наслѣдника престола и противодѣйствовать ему болѣе энергическимъ образомъ, чѣмъ до сихъ поръ. Въ виду этихъ соображеній Ришелье долженъ былъ бы поторопиться назначеніемъ министра королевскаго двора и назначить другого морского министра, который лучше поддерживалъ бы во флотѣ необходимую дисциплину. Кромѣ того, необходимо напомнить дюку Фельтрскому его долгъ въ смыслѣ лучшаго сохраненія порядка въ арміи и меньшей податливости въ отношеніи наслѣдника престола. Вообще необходима бо̀льшая осторожность въ новыхъ назначеніяхъ.

„Занявъ то положеніе", писалъ посолъ французскому премьеру, „котораго требуютъ отъ васъ ваша популярность, оказываемое вашей личности уваженіе и благо вашей страны, вы

vous pouvez encore, mon cher Duc, et vous seul, guider la barque au milieu des écueils qui l'environnent. Sinon, j'avoue que je ne vois pas d'autre chemin qui mène au port".

Au moment où Pozzo di Borgo donnait ces conseils et ces avertissements au premier ministre, il avait déjà connaissance de l'intrigue ourdi par Blacas, l'ami intime de l'héritier du trône et le pivot du parti ultra-royaliste. Blacas quitta subitement, sans l'autorisation de ses chefs son poste d'ambassadeur auprès du Saint Siège et arriva à Paris, dans l'espoir de se trouver placé à la tête du nouveau ministère. Grâce à l'intervention énergique de l'ambassadeur de Russie et l'insistance catégorique du duc de Richelieu pour que le roi infligeât ouvertement un blâme à la conduite de Blacas, celui-ci dut retourner à Rome. Pour cette fois cette intrigue échoua. (Rapport de Pozzo di Borgo du 28 avril (10 mai) 1817).

Toutefois cet échec de son favori ne déconcerta nullement le comte d'Artois. Il mit encore plus de persistance à intriguer contre le ministère Richelieu et la politique du roi luimême. Désirant paralyser, coûte que coûte, l'action pernicieuse de l'héritier du trône et épargner à la France de nouveaux bouleversements, Pozzo di Borgo prit la résolution d'invoquer le concours du nom retentissant et du prestige du duc de Wellington. Lors de son séjour à Paris en juin 1817, l'ambassadeur de Russie le persuada de causer avec le comte d'Artois et de lui exposer toute l'inconsistance de sa conduite. Le duc de Wellington consentit à faire cette démarche et demanda une audience au frère du roi. Dans son rapport au comte Nesselrode du 2 (14) juin, Pozzo di Borgo rend compte, dans tous ses détails, de cette entrevue de Wellington avec le futur roi de France. Elle n'eut aucune conséquence pratique et donna seulement l'occasion de constater, une fois de plus, l'aversion insurmontable du comte d'Artois pour le régime constitutionnel. Il accueillit toutes ces représentations et ces exhortations pressantes du duc de Wellington avec une „imperturbable incorrigibilité" — comme s'exprime Pozzo di Borgo.

Le comte d'Artois persista à démontrer au duc que Richelieu et les autres ministres ne savent pas ce qu'ils font, qu'ils abusent le roi et qu'il est, lui, le véritable défenseur de ses intérêts et de ceux de la dynastie. Quand le duc de Wellington lui demanda à quelle condition il consentirait à faire la paix avec le

и только вы, любезный дюкъ, еще можете управлять кораблемъ среди окружающихъ его подводныхъ рифовъ. Если нѣтъ, то, признаюсь, я не вижу другого пути, ведущаго въ портъ".

Когда Поццо ди Борго давалъ первому французскому министру эти совѣты и предостереженія, онъ уже зналъ объ опасной интригѣ Блака, интимнаго друга наслѣдника престола и столпа ультра-роялистской партіи. Блака внезапно и безъ разрѣшенія своего начальства покинулъ свой посольскій постъ при римскомъ папѣ и явился въ Парижъ, въ надеждѣ занять мѣсто главы новаго министерства. Благодаря энергическому вмѣшательству русскаго посла и категорическому требованію дюка Ришелье, чтобъ король открыто осудилъ поведеніе Блака, послѣдній долженъ былъ вернуться въ Римъ. На этотъ разъ его интрига не удалась. (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 28-го апрѣля (10-го мая) 1817 года).

Однако, эта неудача съ любимцемъ нисколько не разочаровала графа д' Артуа. Напротивъ, онъ продолжалъ еще съ большею настойчивостью интриговать противъ министерства Ришелье и политики самого короля. Желая во что бы ни стало парализовать опасное вліяніе наслѣдника престола и спасти Францію отъ новыхъ потрясеній, Поццо ди Борго рѣшился воспользоваться громкимъ именемъ и огромнымъ обаяніемъ герцога Веллингтона. Когда послѣдній, въ іюнѣ 1817 года, былъ въ Парижѣ, русскій посолъ убѣдилъ его лично переговорить съ графомъ д' Артуа и доказать ему несообразность его поведенія. Герцогъ Веллингтонъ согласился сдѣлать этотъ шагъ и просить аудіенціи у брата короля. Въ своемъ донесеніи отъ 2-го (14-го) іюня Поццо ди Борго даетъ графу Нессельроде подробный отчетъ о свиданіи Веллингтона съ будущимъ королемъ Франціи. Это свиданіе не имѣло никакого практическаго значенія и только вновь подтвердило непримиримую вражду графа д' Артуа къ конституціонному порядку управленія. Онъ принялъ всѣ настоятельныя представленія и увѣщанія герцога Веллингтона „съ невозмутимою неисправимостью" — какъ выражается Поццо ди Борго.

Графъ д' Артуа сталъ доказывать герцогу, что Ришелье и другіе министры не понимаютъ, что дѣлаютъ; что они вводятъ въ заблужденіе короля и что онъ настоящій защитникъ интересовъ короля и его династіи. Когда герцогъ Веллингтонъ спросилъ его: на какихъ условіяхъ онъ согласился бы примириться съ королемъ

roi et son gouvernement, il répondit: il faut „éloigner les mauvais ministres, cesser de donner des emplois aux ennemis de la légitimité, et gouverner par le moyen des honnêtes gens!“

Pozzo di Borgo trouva que cette explication était „banale“, car elle ne justifiait nullement la conduite révoltante du frère du roi. Lorsque Wellington lui fit entendre qu'il risquait la couronne de France en persistant à agir non comme l'héritier du trône, mais comme le chef d'un parti politique, le comte d'Artois lui répondit avec pathos: „Je suis homme avant tout et veux me régler selon l'honneur et ma conscience!“

Lorsque le duc de Wellington lui objecta, qu'à son avis, l'héritier du trône avait avant tout à consulter les intérêts de la nation et l'avenir de la couronne, le comte d'Artois répondit qu'il connaissait parfaitement les sentiments et les dispositions actuelles de la nation dont la majorité partage ses vues. A ces mots le duc de Wellington ne put se contenir et lui dit: „Dans ce cas, vous me prenez pour une bête, puisque, m'étant occupé à connaître la France, Votre Altesse Royale suppose que j'ignore entièrement sa situation et son état“.

Loin de se laisser troubler par ces paroles du commandant en chef de l'armée d'occupation, le comte d'Artois répondit: „Vous autres étrangers, vous ne connaissez pas les hommes; je suis mieux informé, et mon parti est certainement le plus fort“.

Là-dessus se termina cette conversation du duc de Wellington avec le comte d'Artois. Cet homme d'Etat anglais dut convenir qu'il était impuissant à exercer la moindre action sur cet ennemi juré du gouvernement français à la tête duquel se trouvaient le duc de Richelieu et le roi Louis XVIII lui-même.

Malgré cette obstination du comte d'Artois à suivre la voie dangereuse qu'il avait choisie, Pozzo di Borgo n'abandonnait pas l'espoir de parvenir à fléchir sa haine du régime constitutionnel. L'ambassadeur de Russie était infatigable à poursuivre son but: celui de reconcilier la dynastie avec la liberté. C'était une mission gigantesque et insoluble, car la dynastie des Bourbons et la liberté étaient deux choses incompatibles: l'une excluait l'autre. L'issue du règne de Charles X sert à confirmer cette thèse. Toutefois Pozzo di Borgo ne désespèrait pas

и его правительствомъ, графъ д' Артуа отвѣтилъ: „Нужно удалить плохихъ министровъ, перестать давать мѣста врагамъ легитимности и управлять посредствомъ честныхъ людей!“

Поццо ди Борго назвалъ такое объясненіе „банальнымъ“, ибо оно нисколько не оправдываетъ возмутительное поведеніе брата короля. Когда Веллингтонъ объяснилъ ему, что онъ не долженъ забывать, что онъ рискуетъ французскою коропою, если будетъ продолжать дѣйствовать не какъ наслѣдникъ престола, но какъ глава политической партіи, графъ д' Артуа съ пафосомъ отвѣтилъ: „Я прежде всего человѣкъ и хочу дѣйствовать сообразно съ честью и моею совѣстью!“

Когда герцогъ Веллингтонъ возразилъ, что, по его мнѣнію, наслѣднику престола слѣдовало бы сообразоваться, прежде всего, съ пользою народа и будущностью короны, графъ д' Артуа отвѣтилъ, что онъ отлично знаетъ дѣйствительныя чувства и настоящее настроеніе народа, котораго большинство раздѣляетъ его чувства. Тогда герцогъ Веллингтонъ не выдержалъ и сказалъ: „Въ такомъ случаѣ, вы меня принимаете за дурака, ибо я имѣлъ возможность ознакомиться съ Франціею, а Ваше Королевское Высочество предполагаете, что я совершенно не знаю ея положенія и настроенія“.

Графъ д' Артуа нисколько не смутился словами главнокомандующаго оккупаціонною арміею и отвѣтилъ: „Вы, иностранцы, не понимаете людей. Я ихъ лучше знаю, и моя партія навѣрное сильнѣйшая“.

На этихъ словахъ кончился разговоръ герцога Веллингтона съ графомъ д' Артуа. Англійскій государственный мужъ долженъ былъ сознаться, что онъ не въ состояніи былъ оказать ни малѣйшаго вліянія на заклятаго врага французскаго правительства, во главѣ котораго находился дюкъ Ришелье и самъ король Людовикъ XVIII.

Не смотря на такое упрямство графа д'Артуа въ слѣдованіи по избранному имъ опасному пути, Поццо ди Борго все-таки не переставалъ надѣяться, что ему удастся смягчить его ненависть къ конституціонному режиму. Русскій посолъ былъ положительно неутомимъ въ стремленіи къ поставленной себѣ цѣли: „примирить династію съ свободою“. Это была задача исполинская и неразрѣшимая, ибо династія Бурбоновъ и свобода были несовмѣстимы: одна исключала другую. Исходъ царствованія Карла X вполнѣ подтвердилъ это

entièrement et continuait à réagir sur l'héritier du trône par tous les moyens dont il disposait. Ayant en vue le but idéal qu'il poursuivait, l'ambassadeur de Russie devait surveiller de près la politique de Richelieu qui faisait des fautes qui donnaient prise à de justes critiques du comte d'Artois et de son parti. Pozzo di Borgo avait en haute estime „le sujet adoptif" de l'Empereur Alexandre, comme se plaisait à s'appeler le duc de Richelieu lui-même. Mais ce qui ne pouvait échapper à sa perspicacité, c'était „l'hésitation et l'inexpérience qu'il met dans l'usage de son influence méritée et sans bornes". Toutes ses mesures restent inachevées et donnent lieu à des machinations sans fin.

„Toute la France", écrivait Pozzo di Borgo au comte Nesselrode à la date du 16 (28) août 1817, „le croit nécessaire à son salut, mais l'idée de son habileté diminue et surtout de sa résolution; il faut emporter chaque chose par pièces et morceaux; deux ans n'ont pas suffi pour se former un ministère qui s'entende".

Tous ces faits et ces considérations fournissent une nouvelle preuve de l'ingérence systématique de la Russie et des autres puissances alliées dans les affaires intérieures de la France. Sous ce rapport la palme d'honneur appartient incontestablement à la Russie dont le représentant à Paris s'attribuait le droit légitime de faire la leçon non seulement aux ministres français, mais au roi lui-même.

Lorsque Louis XVIII, dans ses entretiens avec Pozzo di Borgo et le duc de Richelieu, dans ses lettres à l'Empereur Alexandre, soulevèrent la question d'affranchir au plutôt la France de l'occupation étrangère, le Cabinet Impérial crut devoir en faire dépendre la solution de l'état intérieur du pays. Se trouvant à Franzensbrunnen en septembre 1817, le comte Capodistria adressa à Pozzo di Borgo une série de questions sur lesquelles il désirait être éclairé avant de s'énoncer définitivement sur le rappel de l'armée d'occupation. L'idée principale de ce document est que la politique de la Russie et de ses alliés à l'égard de la France dépend entièrement du degré de consolidation du régime intérieur. Tous les efforts du gouvernement français et des puissances alliées doivent tendre

положеніе. Но Поццо ди Борго тѣмъ не менѣе не терялъ надежды и продолжалъ воздѣйствовать на наслѣдника престола всѣми средствами, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Имѣя въ виду поставленную себѣ идеальную цѣль, русскій посолъ долженъ былъ относиться критически къ политической дѣятельности Ришелье, который дѣлалъ промахи, вызывавшіе справедливое осужденіе со стороны графа д'Артуа и его вліятельной партіи. Поццо ди Борго питалъ глубокое уваженіе къ „усыновленному подданному" Императора Александра,—какъ самъ Ришелье себя называлъ. Но онъ не могъ не замѣчать его постоянныхъ „колебаній и неопытности въ использованіи его заслуженнаго и безпредѣльнаго вліянія". Всѣ его мѣропріятія являются неоконченными и вызываютъ противъ него неугомонные происки.

„Вся Франція", писалъ Поццо ди Борго гр. Нессельроде 16-го (28-го) августа 1817 года, „считаетъ его необходимымъ для своего спасенія, но увѣренность въ его умѣлости и въ особенности въ его рѣшимости уменьшается. Каждое дѣло нужно было вырывать отдѣльными кусками, и двухъ лѣтъ оказалось недостаточно для образованія единаго министерства".

Всѣ эти факты и соображенія служатъ новыми доказательствами систематическаго вмѣшательства Россіи и другихъ союзныхъ державъ во внутреннія дѣла Франціи. Пальма первенства въ этомъ отношеніи безспорно принадлежала Россіи, представитель которой въ Парижѣ признавалъ за собою законное право давать наставленія не только французскимъ министрамъ, но равнымъ образомъ самому королю.

Когда Людовикъ XVIII, въ своихъ бесѣдахъ съ Поццо ди Борго, а дюкъ Ришелье въ письмахъ къ Императору Александру, подняли вопросъ о скорѣйшемъ освобожденіи Франціи отъ иностранной оккупаціонной арміи, Императорскій кабинетъ немедленно поставилъ разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ внутренняго состоянія Франціи. Въ сентябрѣ 1817 года графъ Каподистріа, находясь въ Франценсбрунненѣ, обратился къ Поццо ди Борго съ цѣлымъ сводомъ вопросовъ относительно этого положенія, на которые онъ желалъ имѣть отвѣты раньше, чѣмъ окончательно высказаться насчетъ выхода изъ Франціи оккупаціонной арміи. Въ этомъ актѣ выражается та основная мысль, что политика Россіи и ея союзниковъ въ отношеніи Франціи совер-

à un but: celui de „placer le gouvernement de Sa Majesté Très Chrétienne dans une attitude assez forte, afin qu'il puisse se passer, à l'expiration de l'année 1818, de l'armée d'occupation".

Le comte Capodistria demande ensuite: quelles sont les garanties que le gouvernement français pourrait offrir comme preuves de sa viabilité? Ces garanties devraient comprendre 1) les ressources militaires; 2) la force de l'opinion publique, et 3) le crédit financier à l'étranger. L'analyse que le comte Capodistria fait de ces trois garanties est très favorable à la France. Mais il ne désire pas moins connaître à ce sujet l'opinion d'un homme d'Etat aussi compétent que l'était incontestablement Pozzo di Borgo.

Dans sa dépêche du 21 septembre (3 octobre) 1817, celui-ci donna des réponses détaillées à toutes les questions que lui avait posées le comte Capodistria.

Il s'entend de soi-même que l'ambassadeur de Russie accueillit avec beaucoup de sympathie la démarche du gouvernement français ayant pour objet de mettre fin au plutôt à l'occupation étrangère. Il était convaincu que la popularité du roi augmenterait d'une manière notoire aussitôt que les troupes alliées seraient rappelées. Quant à l'armée française, elle était parfaitement en mesure de protéger le roi et l'ordre de choses, établi en France. En ce qui regarde l'opinion publique dans le domaine de l'administration intérieure, elle s'est consolidée dans un sens si favorable au régime constitutionnel qu'il y avait tout lieu de s'attendre à ce qu'elle soutienne le gouvernement, dont les chances de popularité devraient nécessairement s'accroître après l'évacuation du territoire.

Pozzo di Borgo saisit avec enthousiasme l'idée judicieuse du comte Capodistria „qu'il convient de tranquilliser la nation, non par l'inertie, mais par l'action". Il était convaincu que ce principe pouvait être efficacement appliqué à la France, car les Français ont la faculté de déployer leur action coloniale dans différentes parties du monde et dans différents domaines du commerce et de l'industrie.

Enfin l'ambassadeur de Russie énonce sa confiance absolue dans l'honnêteté des convic-

шенно зависитъ отъ прогрессивнаго развитія ея внутреннихъ порядковъ. Всѣ старанія французскаго правительства и великихъ союзныхъ державъ должны быть направлены къ единой цѣли, а именно: „Поставить правительство Его Христіаннѣйшаго Величества въ положеніе настолько сильное, чтобы оно въ состояніи было обойтись безъ оккупаціонной арміи по истеченіи 1818 года".

Графъ Каподистріа спрашиваетъ затѣмъ: какія гарантіи представляетъ французское правительство въ доказательство такой его жизнеспособности? Этими гарантіями должны бы быть: 1) военная сила, 2) сила общественнаго мнѣнія внутри страны и 3) финансовый кредитъ за границею. Анализъ этихъ трехъ гарантій, дѣлаемый гр. Каподистріа, весьма благопріятенъ для Франціи. Но онъ, однако, желаетъ знать мнѣніе о нихъ такого опытнаго и знающаго государственнаго человѣка, каковымъ безспорно былъ Поццо ди Борго.

Въ депешѣ отъ 21-го сентября (3-го октября) 1817 года Поццо ди Борго даетъ подробные отвѣты на всѣ поставленные ему графомъ Каподистріа вопросы.

Само собою разумѣется, что русскій посолъ очень сочувственно относился къ требованію французскаго правительства о скорѣйшемъ прекращеніи иностранной оккупаціи. Онъ былъ убѣжденъ, что популярность короля поднимется до небывалой высоты послѣ очищенія французской территоріи отъ иноземныхъ войскъ. Французская же армія вполнѣ въ силахъ защищать короля и существующій во Франціи правительственный порядокъ. Что касается до общественнаго мнѣнія въ области внутренняго управленія, то оно упрочилось настолько, въ смыслѣ охраненія конституціоннаго режима, что навѣрно поддержитъ правительство, которое, послѣ ухода иностранныхъ войскъ, пріобрѣтетъ въ глазахъ народа огромную популярность.

Поццо ди Борго съ восторгомъ повторяетъ остроумную мысль графа Каподистріа, что „народъ нужно усмирять не бездѣятельностью, но посредствомъ активныхъ дѣйствій". Онъ вполнѣ убѣжденъ, что это положеніе особенно примѣнимо къ Франціи, ибо французы могутъ развивать свою колоніальную и промышленную дѣятельность въ разныхъ частяхъ свѣта и на разныхъ поприщахъ промышленности и торговли.

Наконецъ, русскій посолъ выражаетъ свою глубокую вѣру въ честность убѣжденій дюка

tions du duc de Richelieu qui „a opéré dans le gouvernement de son pays une révolution morale à laquelle aucun homme de son temps, parmi ses compatriotes, n'aurait osé aspirer". (Voir rapport de Pozzo di Borgo du 21 septembre (3 octobre) 1817).

On comprend que les rapports de Pozzo di Borgo devaient agir sur l'esprit de l'Empereur Alexandre dans un sens très favorable à la France. En novembre 1817, le comte Nesselrode écrivait à l'ambassadeur de Russie que l'Empereur était tout disposé à appuyer le désir du gouvernement français quant au rappel de l'armée d'occupation après l'expiration du terme de trois ans. Enfin l'Empereur s'est énoncé dans ce même sens dans un entretien avec le comte de Noailles, ambassadeur de France.

„Tout le monde sent la nécessité", dit l'Empereur, „de débarrasser la France du poids des armées étrangères, soit sous le rapport de l'intérêt financier de votre gouvernement, soit sous celui de la considération qu'il doit jouir auprès des peuples, considération, que ses relations avec les étrangers ne peuvent manquer d'affaiblir. Je rencontrerai des obstacles; la négociation sera difficile, mais vous me trouverez toujours constant dans la ligne que j'ai suivie. La France et l'Europe renferment une espèce d'hommes dangereux; elle se compose de ceux qui ont horreur de l'ordre, de la stabilité et qui s'accomodaient si bien d'un régime qui satisfaisait toutes les passions basses, toutes les inclinations vicieuses. Il ne faudra pas que votre gouvernement, affranchi de la surveillance des armées alliées, s'endorme sur les dangers que peuvent causer de pareils gens". (Rapport du comte de Noailles au duc de Richelieu du 5 mars 1818).

Bientôt après ce rapport, le comte de Noailles quitta son poste d'ambassadeur de France à la Cour de Russie. En parcourant ses rapports à son gouvernement pendant toute la durée de son séjour en Russie, on est forcé de convenir qu'ils étaient si incolores et si peu substantiels, que son rappel ne pouvait exercer aucune influence sur les relations entre la Russie et la France. Le comte de Noailles ne parlait dans ses rapports que des revues, des potins de Cour, des joies de famille ou des malheurs des membres de la haute société de St.-Pétersbourg.

Les fils des rapports diplomatiques entre les

Ришелье, который произвелъ во французскомъ народѣ „моральную революцію, о которой никто изъ его соотечественниковъ-современниковъ не могъ бы мечтать": Все это чудо онъ совершилъ однимъ фактомъ своего присутствія во главѣ французскаго правительства. (Сравн. донесеніе Поццо ди Борго отъ 21-го сентября (3-го октября) 1817 года).

Понятно, что донесенія Поццо ди Борго должны были повліять на Императора Александра въ наиболѣе благопріятномъ для Франціи смыслѣ. Въ ноябрѣ 1817 года графъ Нессельроде писалъ русскому послу въ Парижѣ, что Государь вполнѣ согласенъ поддерживать желаніе французскаго правительства о выводѣ оккупаціонной арміи по истеченіи трехъ лѣтъ. Наконецъ, самъ Государь высказался въ томъ же смыслѣ въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, графомъ Ноайлемъ.

„Всѣ сознаютъ необходимость освободить Францію отъ бремени иностранныхъ войскъ", сказалъ Государь, „имѣя въ виду какъ финансовые интересы вашего правительства, такъ и уваженіе, которымъ оно должно пользоваться въ глазахъ другихъ народовъ, — уваженіе, которое сношенія его съ иностранцами не приминутъ ослабить. Я натолкнусь на препятствія; переговоры будутъ трудные, но вы меня всегда найдете вѣрнымъ разъ избранному пути. Во Франціи и Европѣ развелся особенный родъ опасныхъ людей, состоящій изъ субъектовъ, ненавидящихъ порядокъ и спокойствіе и очень сочувствующихъ режиму, который удовлетворялъ бы всѣмъ низменнымъ страстямъ и порочнымъ наклонностямъ. Нежелательно, чтобъ ваше правительство, освободившись отъ надзора союзныхъ арміи, проспало опасности, которыя представляютъ подобнаго рода люди". (Донесеніе графа Ноайль дюку Ришелье отъ 5-го марта 1818 г.).

Весьма скоро послѣ этого донесенія графъ Ноайль покинулъ свой постъ французскаго посла при русскомъ дворѣ. Если прочесть его донесенія своему правительству за время пребыванія въ Россіи, то нельзя не придти къ заключенію, что они были безцвѣтны и безсодержательны, что отозваніе его не могло въ чемъ либо повліять на отношенія Россіи и Франціи. Графъ Ноайль почти исключительно доносилъ своему правительству о военныхъ парадахъ, придворныхъ сплетняхъ и семейныхъ радостяхъ или печаляхъ высшаго петербургскаго общества.

Всѣ нити дипломатическихъ сношеній между

deux Cabinets se concentraient dans les mains habiles de Pozzo di Borgo. Les instructions précises et détaillées qu'il recevait de St.-Pétersbourg ne lui laissaient aucune incertitude quant à la voie qu'il avait à suivre pour remplir les intentions de son souverain.

Ainsi, dans la question de l'évacuation du territoire français par les troupes alliées, Pozzo di Borgo n'avait pas le moindre doute quant à la ferme résolution de l'Empereur d'atteindre ce but en dépit de l'opposition ouverte de l'Angleterre et de la sourde résistance de la Prusse. A la fin de mars 1818, le comte Capodistria annonça à Pozzo di Borgo, par ordre de l'Empereur, que les troupes alliées devaient quitter la France, car leur présence ne pouvait que soulever des troubles dangereux à l'intérieur. Ce n'est qu'au rappel des armées étrangères que la France s'appartiendra à elle-même et ce n'est qu'à partir de ce moment qu'elle pourra occuper la place qui lui convient „dans l'association européenne".

Mais les puissances alliées sont tenues en même temps de prendre les mesures nécessaires pour protéger l'Europe et la France contre deux grands dangers: la révolution et une politique disposée à encourager les révolutions et à les exploiter. (Dépêche du comte Capodistria du 27 mars (8 avril) 1818).

Pendant que cet échange d'idées se poursuivait entre le gouvernement russe et français au sujet de la question importante de l'évacuation du territoire, siégeait à Paris une conférence internationale, appelée à la mission laborieuse de liquider les nombreuses réclamations élevées à la charge du trésor français par des sociétés privées et des particuliers.

D'après les informations de Pozzo di Borgo, qui jouait un rôle important au sein de cette conférence comme représentant d'une puissance, peu intéressée à l'objet des débats, la convention de novembre 1815 soulevait avec raison le déplaisir du gouvernement français. Elle crut devoir reconnaître des engagements fictifs très contestables et dépourvus de toute base légale et qui, à proprement parler, devaient être considérés comme amortis par la marche des opérations militaires. Les membres étrangers des commissions mixtes, instituées pour l'examen scrupuleux des innombrables réclamations, étaient

русскимъ и французскимъ кабинетами продолжали сосредоточиваться въ искусныхъ рукахъ Поццо ди Борго. Получаемыя имъ изъ Петербурга точныя и подробныя инструкціи не оставляли у него ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того пути, по которому онъ обязанъ былъ идти для исполненія намѣреній своего Государя.

Такъ, въ вопросѣ объ очищеніи французской территоріи отъ иностранныхъ войскъ, у Поццо ди Борго не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ твердой рѣшимости Государя добиться этой цѣли, не взирая на огромное сопротивленіе Англіи и тайную оппозицію Пруссіи. Въ концѣ марта 1818 года графъ Каподистріа, по Высочайшему повелѣнію, объявилъ Поццо ди Борго, что иностранныя войска должны оставить Францію, ибо присутствіе ихъ можетъ вызвать опасныя внутреннія смуты. Только съ момента вывода иностранныхъ войскъ Франція будетъ принадлежать самой себѣ и только съ этого момента Франція въ состояніи будетъ занять свое мѣсто въ средѣ „европейскаго общества".

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, союзныя державы обязаны принять мѣры для спасенія Европы и Франціи отъ двухъ великихъ бѣдствій: во-первыхъ, отъ революцій и, во-вторыхъ, отъ политики, потворствующей революціямъ или пользующейся ими. (Депеша гр. Каподистріа отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1818 г.).

Пока происходилъ вышеупомянутый обмѣнъ мыслей между Императорскимъ и французскимъ правительствами по чрезвычайно важному вопросу объ очищеніи французской территоріи отъ оккупаціонныхъ иностранныхъ войскъ, въ Парижѣ засѣдала международная конференція для улаженія очень спорнаго и запутаннаго вопроса объ удовлетвореніи безчисленныхъ претензій частныхъ лицъ и обществъ къ французскому правительству.

По отзыву Поццо ди Борго, который игралъ вліятельную роль въ парижской конференціи какъ представитель мало заинтересованной страны, ноябрьская конвенція 1815 года вызывала справедливую критику со стороны французскаго правительства. Она признала такія сомнительныя и дутыя обязательства, которыя не имѣли никакихъ законныхъ основаній и, строго говоря, должны были считаться погашенными ходомъ военныхъ дѣйствій. Иностранные члены учрежденныхъ смѣшанныхъ коммиссій для справедливой оцѣнки безчисленныхъ претензій почти всегда открыто враж-

presque toujours en hostilité ouverte avec les membres français, et c'était une mission difficile pour la conférence, constituée de délégués des quatre grandes puissances alliées, de se retrouver, dans ce dédale de réclamations et de créances, embrouillées avec intention.

Après de laborieux pourparlers, de longues discussions et de mutuelles concessions, les parties en litige acceptèrent, d'un commun accord, le projet de compromis, élaboré par Pozzo di Borgo et le duc de Wellington, qui fut signé en avril 1818*).

№ 516.

Les Cours de Russie, d'Autriche, de la Grande-Bretagne et de Prusse, signataires du traité du 8 (20) novembre 1815, ayant reconnu que la liquidation des réclamations particulières à la charge de la France, fondées sur la convention conclue en conformité de l'article IX du dit traité, pour régler l'exécution des articles XIX et suivants du traité du 18 (30) mai 1814, était devenue, par l'incertitude de sa durée et de son résultat, une cause d'inquiétude toujours croissante pour la nation française, partageant en conséquence avec S. M. Très-Chrétienne le désir de mettre un terme à cette incertitude, par une transaction destinée à éteindre toutes ces réclamations moyennant une somme déterminée, les dites Puissances et S. M. Très-Chrétienne ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

*) *Observation.* Pour l'histoire spéciale des pourparlers qui ont précédé la conclusion de cette convention on peut consulter le t. CXIX du „Recueil de la société Impériale historique russe", pag. 172, 197, 224—5, 353, 368, 438, 689 et autres.

довали съ французскими членами, и конференціи, состоявшей изъ представителей четырехъ великихъ союзныхъ державъ, чрезвычайно трудно было распутывать умышленно запутанныя претензіи и долговыя обязательства.

Послѣ продолжительныхъ и весьма трудныхъ переговоровъ, споровъ и взаимныхъ уступокъ всѣ стороны согласились принять выработанный Поццо ди Борго съ герцогомъ Веллингтономъ проектъ компромисса, который и былъ подписанъ въ апрѣлѣ 1818 г. *).

№ 516.

Дворы Россійскій, Австрійскій, Великобританскій и Прусскій, заключившіе съ Франціею трактатъ 8 (20) ноября 1815 года, признавая, что начатое, сообразно съ подписанною вслѣдствіе IX-й статьи онаго трактата и для установленія порядка въ исполненіи статьи XIX-й и слѣдующихъ трактата 18 (30) мая 1814 года конвенціею, разсмотрѣніе долговыхъ исковъ нѣкоторыхъ частныхъ людей на счетъ правительства французскаго, отъ невозможности съ точностію предвидѣть, сколько времени оное продолжится и къ какимъ приведетъ заключеніямъ сдѣлалось причиною общаго, безпрестанно возрастающаго въ народѣ французскомъ безпокойства, и потому раздѣляя съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ желаніе, положить сему конецъ посредствомъ акта о постановленіи для платежа по всѣмъ онымъ искамъ одной опредѣленной въ количествѣ своемъ денежной суммы, назначили вмѣстѣ съ Его Христіаннѣй-

*) *Примѣчаніе.* Для спеціальной исторіи переговоровъ по заключенію этой конвенціи слѣдуетъ обратиться къ тому CXIX Сборника Импер. Р. И. Общества, стр. 172, 197, 224, 225, 353, 368, 438, 689 и др.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies, Roi de Pologne,

le sieur Charles André Pozzo di Borgo, lieutenant-général de ses armées, son aide-de-camp-général, son ministre plénipotentiaire près S. M. Très-Chrétienne, chevalier grand'-croix de l'ordre de St. Wladimir de la seconde classe, etc.,

S. M. l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et de Bohême,

le sieur Nicolas Charles de Vincent, commandeur de l'ordre militaire de Marie Thérèse, grand'-croix de l'ordre impérial de Léopold etc., son chambellan, conseiller intime actuel, lieutenant-général de ses armées, colonel propriétaire d'un régiment de chevaux-légers à son service, son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près S. M. Très-Chrétienne;

S. M. le Roi de France et de Navarre,

le sieur Armand Emmanuel Duplessis Richelieu, duc de Richelieu, chevalier de l'ordre royal et militaire de St. Louis, de l'ordre royal de la légion d'honneur et des ordres de St. Alexandre Newsky, St. Wladimir et St. Georges de Russie, Pair de France, son premier gentilhomme de la chambre, son ministre et Secrétaire d'Etat des affaires étrangères, et Président du Conseil de ses Ministres;

S. M. Roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et d'Irlande,

le sieur Charles Stuart, grand'-croix du très honorable ordre du Bain et de l'ancien ordre de la Tour et l'Epée, son Conseiller intime actuel et son ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. Très-Chrétienne;

шимъ Величествомъ своими полномочными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій Царь Польскій,

Карла Андрея Поццо ди Борго, своего генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта, полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ, кавалера орденовъ Св. Владиміра большаго креста второй степени и т. д.

Е. В. Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій и Богемскій,

Барона Николая Карла де-Венсанъ, коммандора военнаго ордена Маріи Терезіи, кавалера орденовъ: Императорскаго Леопольда большаго креста и т. д., каммергера Двора его, Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, генералъ-лейтенанта, полковника и владѣльца легкоконнаго полка, и его чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ;

Е. В. Король Французскій и Наваррскій,

Арманда Эмануеля Ришелье, дюка Ришелье, кавалера королевскаго и военнаго ордена Св. Лудовика, королевскаго ордена почетнаго легіона и россійскихъ орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра и Св. Георгія, пера Франціи, Двора его перваго камеръ-юнкера, статсъ-секретаря и Министра Иностранныхъ дѣлъ и президента Совѣта Министровъ;

Е. В. Король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи,

Карла Стюарта, кавалера достославнаго ордена Бани большаго креста и древняго ордена Башни и Меча, своего Дѣйств. Тайнаго Совѣтника и чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ;

S. M. le Roi de Prusse,
le sieur Charles Frédéric Henri comte de Goltz, grand'-croix de l'ordre de l'Aigle rouge, chevalier de la croix de fer de la première classe et de l'ordre pour le mérite militaire de Prusse, grand'-croix de l'ordre de St. Anne, chevalier de l'orde de St. Georges de la quatrième classe etc., lieutenant-général de ses armées et son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près S. M. Très-Chrétienne;

et attendu qu'elles ont considéré que le concours de S. E. M. le Maréchal duc de Wellington, contribuerait efficacement au succès de cette négociation, les plénipotentiaires soussignés, après avoir arrêté, de concert avec lui et d'accord avec les parties intéressées les bases de l'arrangement à conclure, sont convenus, en vertu de leurs pleinpouvoirs, des articles suivants:

Article I.

A l'effet d'opérer l'extinction totale des dettes contractées par la France dans les pays, hors de son territoire actuel, envers des individus, des communes, ou des établissements particuliers quelconques, dont le payement est réclamé en vertu des traites du 18 (30) mai 1814 et du 8 (20) novembre 1815, le gouvernement français s'engage à faire inscrire sur le grand livre de sa dette publique avec jouissance du 10 (22) mars 1818, une rente de douze millions quarante mille francs, représentant un capital de deux cent quarante millions huit cent mille francs.

Е. В. Король Прусскій,
Графа Карла Фридриха Гейнриха фонъ-Гольца, кавалера орденовъ: Краснаго Орла большаго креста, желѣзнаго креста первой степени, прусскаго за военныя заслуги, россійскихъ Св. Анны первой степени, Св. Георгія четвертаго класса и т. д., Своего генералъ-лейтенанта и чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ;

а какъ сверхъ того сими Дворами единогласно признано, что участвованіе фельдмаршала дюка Веллингтона въ сей негоціаціи можетъ много способствовать успѣху оной, то нижеподписавшіеся полномочные, вмѣстѣ съ нимъ и по согласію съ Державами, коихъ подданные предъявляли вышеозначенные иски, опредѣливъ главныя основанія предполагаемаго акта, заключили, въ силу полномочій своихъ, слѣдующія условія:

Статья I.

Для окончательной совершенной уплаты долговъ Франціи находящимся внѣ ея нынѣшнихъ границъ частнымъ людямъ, обществамъ или инымъ какимъ-либо независящимъ отъ правительства заведеніямъ, по требованіямъ, возникшимъ вслѣдствіе трактатовъ 18 (30) мая 1814 и 8 (20) ноября 1815 года, правительство французское обязывается внести въ общую книгу государственнаго долга облигацій на двѣсти сорокъ милліоновъ восемь сотъ тысячъ франковъ капитала, или двѣнадцать милліоновъ сорокъ тысячъ франковъ годоваго дохода, съ тѣмъ, чтобы

право на сей доходъ началось съ 10 (22) марта 1818 года.

ARTICLE II.

Les sommes remboursables au gouvernement français en vertu de l'article XXI du traité du 18 (30) mai 1814 et des articles VI, VII et XXII de la susdite convention du 8 (20) novembre 1815, serviront à compléter les moyens d'extinction des susdites dettes de la France envers les sujets des Puissances qui étaient chargées du remboursement de ces sommes; en conséquence le gouvernement français reconnait n'avoir plus rien à réclamer en raison du dit remboursement.

De leur coté les dites Puissances reconnaissent que les déductions et bonifications auxquelles donnait lieu en leur faveur l'article VII de la convention du 8 (20) novombre 1815 étant également comprises dans l'évalution de la somme fixée par l'article premier de la présente convention ou abandonnées par les Puissances intéressées, toutes réclamations et prétentions à cet égard, se trouvent complètement éteintes.

Il est bien entendu que le gouvernement français, conformément aux stipulations contenues dans les articles VI et XXII de la même convention, continuera à servir la rente des dettes des pays détachés de son territoire, qui ont été converties en inscriptions sur le grand livre de la dette publique, soit que ces inscriptions se trouvent entre les mains des possesseurs originaires, soit qu'elles aient été transférées à d'autres personnes. Néanmoins la France cesse d'être chargée des rentes viagè-

СТАТЬЯ II.

Суммы, кои въ силу статьи XXI-й трактата 18 (30) мая 1814 и VI-й, VII-й и XXII-й статьи вышеупомянутой конвенціи 8 (20) ноября 1815 года, правительству французскому слѣдовало получить, будутъ употреблены на достальную уплату означенныхъ долговъ Франціи подданнымъ Державъ, долженствовавшихъ возвратить оныя суммы Двору французскому: а потому сей Дворъ и признаетъ себя уже не въ правѣ оныхъ требовать.

Съ своей стороны, сіи Державы признаютъ, что изъ вычетовъ и иныхъ выгодъ, присвоенныхъ имъ VII статьею конвенціи 8 (20) ноября 1815 года, были нѣкоторыя принимаемы въ соображеніе при опредѣленіи суммы, означенной въ I-й статьѣ настоящей конвенціи, а отъ другихъ Державы по принадлежности отказались, и что слѣдственно на основаніи положеній оной VII-й статьи не можетъ уже быть никакого иска или требованія.

При семъ разумѣется, что правительство французское, согласно съ постановленіями VI-й и XXII-й статьи той же конвенціи будетъ продолжать выдавать проценты за тѣ долги отошедшихъ отъ Франціи земель, кои записаны въ общую книгу ея государственнаго долга, въ чьихъ бы рукахъ ни были облигаціи на сіи долги, у прежнихъ ли хозяевъ, или у иныхъ людей, законнымъ образомъ оныя получившихъ. Но пожизненные доходы, въ тѣхъ же обстоятельствахъ опредѣ-

res de la même origine, dont le payement doit être à la charge des possesseurs actuels du territoire à partir du 10 (22) décembre 1813. Il est de plus convenu qu'il ne pourra être mis aucun obstacle au libre transfert des inscriptions de rentes appartenant à des individus, communautés, ou corporations qui ont cessé d'être français.

ленные, долженствуютъ быть заплачены за все время съ 10 (22) декабря 1813 года, и впредь выдаваемы, не Франціею, а нынѣшними владѣтелями оныхъ земель. Разумѣется также, что не будетъ полагаемо никакихъ препятствій свободной передачѣ облигацій, принадлежащихъ частнымъ людямъ, или обществамъ и товариществамъ, уже не находящимся въ подданствѣ Франціи.

ARTICLE III.

Les reprises que le gouvernement français aurait pu être autorisé à exercer sur les cautionnements de certains comptables dans les cas prévus par les articles X et XXIV de la convention du 8 (20) novembre 1815 étant également entrées dans la transaction qui fait l'objet de la présente convention, elles se trouvent par là complètement éteintes. Quant à ceux de ces cautionnements qui auraient été fournis en immeubles ou inscriptions sur le grand livre, il sera procédé à la radiation des incriptions hypothécaires ou à la levée des oppositions sur la demande des susdits gouvernements et les dites inscriptions, ainsi que les actes de main levée, seront remises à leurs commissaires respectifs ou à leurs délégués.

СТАТЬЯ III.

Данное въ предположенныхъ статьями X-ю и XXIV-ю конвенціи 8 (20) ноября 1815 года случаяхъ французскому правительству право дѣлать вычеты изъ внесенныхъ нѣкоторыми чиновниками денежныхъ залоговъ, было равномѣрно принимаемо въ соображеніе при составленіи настоящей конвенціи, и вслѣдствіе оной совершенно отмѣняется. Что касается до тѣхъ изъ представленныхъ чиновниками залоговъ, кои состояли изъ недвижимыхъ имуществъ или облигацій, записанныхъ въ общую книгу государственнаго долга Франціи, то по требованію Державъ будутъ сняты запрещенія съ сихъ облигацій или имуществъ, и облигаціи и акты о снятіи запрещенія будутъ выданы коммиссарамъ Державъ или ихъ повѣреннымъ, по принадлежности.

ARTICLE IV.

Les sommes versées à titre de cautionnements, dépôts ou consignations par des sujets français, serviteurs des pays détachés de la France, dans leurs trésors respectifs et qui devaient leur être remboursées en vertu de l'article XXII du traité du 18 (30) mai 1814,

СТАТЬЯ IV.

Съ другой стороны и обязанность возвращать французскимъ подданнымъ, служившимъ въ отошедшихъ отъ Франціи земляхъ, внесенныя ими въ тамошнія казначейства въ видѣ залоговъ, вкладовъ или для храненія денежныя суммы, была также принимаема въ

étant comprises dans la présente transaction, les dites Puissances se trouvent complètement libérées à leur égard, le gouvernement français se chargeant de pourvoir à leur remboursement.

соображеніе при начертаніи условій сей конвенціи, и опредѣлено, что Державы, нынѣ оными землями владѣющія, будутъ освобождены отъ сей обязанности, и всѣ таковыя суммы заплатитъ истцамъ правительство французское.

Article V.

Au moyen des stipulations contenues dans les articles précédents, la France se trouve complètement libérée, tant pour le capital que pour les intérêts prescrits par l'article XVIII de la convention du 8 (20) novembre 1815 des dettes de toute nature prévues par le traité du 18 (30) mai 1814 et la convention du 8 (20) novembre 1815, et réclamées dans les formes prescrites par la susdite convention, de sorte que les dites dettes seront considérées à son égard comme éteintes et annulées et ne pourront jamais donner lieu contre elle à aucune espèce de répétition.

Статья V.

Положеніями предшедшихъ статей, Франція совершенно освобождается отъ всякаго иного платежа, какъ суммъ капитальныхъ, такъ и установленныхъ XVIII-ю статьею конвенціи 8 (20) ноября 1815 года процентовъ, по всѣмъ долгамъ какого-либо рода, означеннымъ въ трактатѣ 18 (30) мая 1814 и конвенціи 8 (20) ноября 1815 года и вслѣдствіе коихъ сообразно съ опредѣленными упомянутою конвенціею формами поступили требованія; всѣ оные долги будутъ отнынѣ почитаемы за удовлетворенные и уничтоженные, и никогда уже не могутъ быть поводомъ какого-либо на правительствѣ французскомъ иска.

Article VI.

En conséquence des dispositions précédentes, les commissions mixtes instituées par l'article V de la convention du 8 (20) novembre 1815 cesseront le travail de liquidation ordonné par la même convention.

Статья VI.

Вслѣдствіе сего, общія коммиссіи, установленныя статьею V-ою конвенціи 8 (20) ноября 1815 года, не будутъ уже продолжать ликвидацій, къ коимъ оныя въ силу той же конвенціи приступили.

Article VII.

La rente qui sera créée en vertu de l'article I de la présente convention, sera repartie entre les Puissances ci-après nommées, ainsi qu'il suit:

Статья VII.

Облигаціи, кои на основаніи I-ой статьи долженствуютъ быть вписаны въ общую книгу государственнаго долга Франціи, будутъ раздѣлены между Державами слѣдующимъ образомъ:

Anhalt-Bernbourg, dix sept mille cinq cent francs,

Anhalt-Dessau, dix huit mille cinq cent francs,

Autriche, un million deux cent cinquante mille francs,

Bade, trente deux mille cinq cent francs,

Bavière, cinq cent mille francs,

Brême, cinquante mille francs,

Danemarc, trois cent cinquante mille francs,

Espagne, huit cent cinquante mille francs,

Etats Romains, deux cent cinquante mille francs,

Francfort, trente cinq mille francs,

Hambourg, un million de francs,

Hannovre, cinq cent mille francs,

Grand Duché de Hesse y compris Oldenbourg, trois cent quarante huit mille cent cinquante francs,

Isles Joniennes, Isle de France et autres pays sous la domination de S. M. Britannique, cent cinquante mille francs,

Lubec, cēnt mille francs,

Mecklenbourg-Schwerin, vingt cinq mille francs,

Mecklenbourg-Strélitz, mille sept cent cinquante francs,

Nassau, six mille francs,

Parme, cinquante mille francs,

Pays-Bas, un million six cent cinquante mille francs,

Ангальтъ-Бернбургъ получитъ облигацій на семнадцать тысячъ пятьсотъ франковъ годоваго дохода,

Ангальтъ-Дессау на восемнадцать тысячъ пятьсотъ франковъ,

Австрія на милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Баденъ на тридцать двѣ тысячи пятьсотъ франковъ,

Баварія на пятьсотъ тысячъ франковъ,

Бременъ на пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Данія на триста пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Гишпанія на всемьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Владѣнія Папы на двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Франкфуртъ на тридцать пять тысячъ франковъ,

Гамбургъ на милліонъ франковъ,

Гановеръ на пятьсотъ тысячъ франковъ,

Гросъ-Герцогство Гессенское и Ольденбургъ вмѣстѣ, на триста сорокъ восемь тысячъ полтораста франковъ,

Іонійскіе острова, Иль-де-Франсъ и другія находящіяся во владѣніи Его Великобританскаго Величества земли вмѣстѣ на сто пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Любекъ на сто тысячъ франковъ,

Мекленбургъ-Шверинъ на двадцать пять тысячъ франковъ,

Мекленбургъ-Стрелицъ на тысячу семьсотъ пятьдесятъ франковъ,

Нассау на шесть тысячъ франковъ,

Парма на пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Нидерланды на милліонъ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Portugal, quarante mille neuf cent francs.

Prusse, deux millions six cent mille francs,

Reuss, trois mille deux cent cinquante francs,

Sardaigne, un million deux cent cinquante mille francs,

Saxe, deux cent vingt cinq mille francs,

Saxe-Gotha, trente mille francs,

Saxe-Meiningen, mille francs,

Saxe-Weimar, neuf mille deux cent cinquante francs,

Schwarzbourg, sept mille cinq cent francs,

Suisse, deux cent cinquante mille francs,

Toscane, deux cent vingt cinq mille francs,

Wurtemberg, vingt mille francs,

Hannovre, Brunswick, Hesse Electorale et Prusse, huit mille francs,

Hesse Electorale et Saxe-Weimar, sept cent francs,

Grand Duché de Hesse et Bavière, dix mille francs,

Grand Duché de Hesse, Bavière et Prusse, quarante mille francs,

Saxe et Prusse, cent dix mille francs.

Португалія на сорокъ тысячъ девятьсотъ франковъ,

Пруссія на два милліона шестьсотъ тысячъ франковъ,

Рейсъ на три тысячи двѣсти пятьдесятъ франковъ,

Сардинія на милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Саксонія на двѣсти двадцать пять тысячъ франковъ,

Саксенъ-Гота на тридцать тысячъ франковъ,

Саксенъ-Мейнингенъ на тысячу франковъ,

Саксенъ-Веймаръ на девять тысячъ двѣсти пятьдесятъ франковъ,

Шварцбургъ на семь тысячъ пятьсотъ франковъ,

Швейцарія на двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ,

Тоскана на двѣсти двадцать пять тысячъ франковъ,

Виртембергъ на двадцать тысячъ франковъ,

Ганноверъ, Брауншвейгъ, Курфирство Гессенское и Пруссія вмѣстѣ, на восемь тысячъ франковъ,

Курфирство Гессенское и Саксенъ-Веймаръ вмѣстѣ, на семьсотъ франковъ,

Гросъ-Герцогство Гессенское, Баварія вмѣстѣ, на десять тысячъ франковъ,

Гросъ-Герцогство Гессенское и Бавaрія и Пруссія вмѣстѣ, на сорокъ тысячъ франковъ.

Саксонія и Пруссія вмѣстѣ, на сто десять тысячъ франковъ.

Article VIII.

La somme de douze millions quarante mille francs de rentes stipulée par l'ar-

Статья VIII.

Доходъ съ означенныхъ въ I-й статьѣ облигацій, именно двѣнадцать

ticle I portera jouissance du 10 (22) mars 1818. Elle sera déposée en totalité entre les mains des commissaires spéciaux des Cours de Russie, d'Autriche, de la Grande Bretagne et de Prusse, pour être ensuite délivrée à qui de droit aux époques et dans les formes suivantes:

1. Le premier de chaque mois le douzième de ce qui reviendra à chaque Puissance conformément à la répartion ci-dessus, sera remis à ses commissaires à Paris ou aux délégués de ceux-ci, lesquels commissaires ou délégués en disposeront de la manière indiquée ci-après:

2. Les gouvernements respectifs ou les commissions de liquidation qu'ils établiront feront remettre à la fin de chaque mois aux individus dont les créances auront été liquidées et qui désireraient rester propriétaires des quotités de rentes qui leur sont allouées, des inscriptions du montant de la somme qui reviendra à chacun d'eux;

3. Pour toutes les autres créances liquidées, ainsi que pour toutes les sommes qui ne seraient pas assez fortes pour pouvoir en former une inscription séparée, les gouvernements respectifs se chargent de les faire réunir en une seule inscription collective, dont ils ordonneront la vente en faveur des parties intéressées par l'entremise de leurs commissaires ou agents à Paris.

милліоновъ сорокъ тысячъ франковъ, начнется съ 10 (22) марта 1818 года. Оныя облигаціи будутъ всѣ сполна выданы наряженнымъ для сего коммиссарамъ Дворовъ Россійскаго, Австрійскаго, Великобританскаго и Прусскаго, а отъ нихъ раздаваемы по принадлежности кому слѣдуетъ, въ сроки и на правилахъ, кои ниже сего постановляются:

1-е. Каждое первое число мѣсяца, двѣнадцатая доля того, что по вышеозначенному распредѣленію приходится на часть всякой Державы, будетъ выдаваема находящимся въ Парижѣ коммиссарамъ ея или ихъ повѣреннымъ, а сіи коммиссары или повѣренные будутъ располагать оными слѣдующимъ образомъ:

2-е. Правительства или учрежденныя ими Ликвидаціонныя Коммиссіи, въ концѣ каждаго мѣсяца, тѣмъ изъ кредиторовъ, коихъ иски въ то время будутъ разсмотрѣны и признаны, и кои пожелаютъ взять присуждаемую имъ часть годовыхъ доходовъ, долженствуютъ выдавать облигаціи на сіе количество доходовъ;

3-е. Что касается до прочихъ кредиторовъ, коихъ иски будутъ разсмотрѣны и признаны, но кои, либо не согласятся принять облигацій на доходы, либо имѣютъ право на небольшія суммы, недостаточныя для составленія цѣлой облигаціи, то правительства ихъ принимаютъ на себя обязанность, всѣ слѣдующія симъ людямъ суммы соединить въ одну облигацію и приказать своимъ коммиссарамъ или агентамъ въ Парижѣ, продать оную, для соразмѣрнаго между кредиторами раздѣла денегъ, кои чрезъ то будутъ выручены.

Le dépôt de la susdite rente de douze millions quarante mille francs aura lieu le premier du mois qui suivra le jour de l'échange des ratifications de la présente convention par les Cours d'Autriche, de la Grande-Bretagne et de Prusse seulement, attendu l'éloignement de la Cour de Russie.

Вышеупомянутыя облигаціи на двѣнадцать милліоновъ сорокъ тысячъ франковъ дохода, будутъ выданы первое число мѣсяца, который послѣдуетъ за размѣномъ ратификацій настоящей конвенціи: и для сего, за отдаленностію мѣстопребыванія Россійскаго Двора, достаточно будетъ ратификацій Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго и Прусскаго.

ARTICLE IX.

La délivrance des dites inscrptions aura lieu non obstant toute signification de transfert ou opposition au trésor royal de France.

Néanmoins les oppositions et significations qui auraient été formées, soit au trésor, soit entre les mains des commissaires liquidateurs auront, suivant l'ordre de leurs inscriptions, leur plein et entier effet au profit des tiers intéressés, pourvu (à l'égard de celles qui ont été inscrites au trésor) que, dans le délai d'un mois, à dater du jour de l'échange des ratifications de la présente convention, la liste en ait été remise aux commissaires des Puissances respectives avec les pièces à l'appui, sans néanmoins préjudicier à la faculté que doivent conserver les parties intéressés, d'en justifier directement en produisant leurs titres.

Le terme de rigueur fixé ci-dessus étant expiré, on n'aura plus égard aux oppositions et significations qui n'auraient pas été notifiées aux commissaires,

СТАТЬЯ IX.

Выдача сихъ облигацій не можетъ быть остановлена вслѣдствіе какихъ бы то ни было объявленій предъ французскимъ королевскимъ казначействомъ о продажѣ, уступкѣ или спорѣ.

Но таковые споры и объявленія, кои поданы, или будутъ поданы, во французское ли казначейство, или коммиссарамъ ликвидаціоннымъ, долженствуютъ на законномъ основаніи и соображаясь съ порядкомъ поступленія оныхъ, быть приняты въ уваженіе и къ надлежащему по онымъ удовлетворенію, если (разумѣя тѣ изъ сихъ объявленій, кои поданы французскому казначейству) списокъ оныхъ будетъ доставленъ ликвидаціоннымъ коммиссарамъ правительствъ не позднѣе какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ размѣна ратификацій настоящей конвенціи, а при ономъ и бумаги, доказывающія справедливость объявленій. Впрочемъ чрезъ сіе, люди, подавшіе таковыя объявленія, не лишаются права представлять прямо коммиссарамъ новыя доказательства и документы.

По истеченіи вышеозначеннаго мѣсячнаго срока, тѣ изъ споровъ и иныхъ объявленій, о коихъ не будетъ коммиссарамъ сообщено свѣдѣнія ни отъ

soit par le trésor, soit par les parties intéressées; il sera toutefois permis de former opposition ou de faire tout autre acte conservatoire entre les mains des dits commissaires ou des gouvernements dont ils dépendent.

казначейства, ни отъ людей, подавшихъ оныя, должны быть оставлены безъ уваженія; но истцамъ однакоже дозволяется представить спорный, или какой-либо другой обезпечивающій права ихъ актъ, коммиссарамъ или правительствамъ ихъ.

Les oppositions, dont la notification aura été faite en temps utile, seront, pour les demandes en validité ou en main levée, portées devant le tribunal de la partie saisie.

Дѣйствительность или недѣльность споровъ, о коихъ свѣдѣніе будетъ сообщено до срока, долженствуютъ разсматривать суды мѣстъ, гдѣ поселены отвѣтчики.

Article X.

Les gouvernements respectifs voulant prendre dans l'intérêt de leurs sujets, créanciers de la France, les mesures les plus efficaces pour faire opérer, chacun en particulier, la liquidation des créances et la répartition des fonds auxquels les dits créanciers auront proportionellement droit, d'après les principes contenus dans les stipulations du traité du 18 (20) mai 1814, et de la convention du 8 (20) novembre 1815, il est convenu qu'à cet effet le gouvernement français fera remettre aux commissaires des dits gouvernements ou à leurs délégués les dossiers contenant les pièces à l'appui des réclamations non encore payées et donnera en même temps les ordres les plus précis pour que tous les renseignements et documents que la vérification de ces réclamations pourra rendre nécessaires soient fournies, dans le plus court délai possible aux susdits commissaires par les différents Ministères et administrations.

Il est de plus convenu que, dans le cas où il aurait été payé des acomptes, ou si le gouvernement français avait eu des imputations ou des reprises à

Статья X.

Вышеименованныя правительства, охраняя пользы своихъ подданныхъ, кредиторовъ Франціи, желаютъ принять надежнѣйшія мѣры, для приведенія, каждое въ своемъ кругу, возникшихъ требованій въ надлежащую ясность и для распредѣленія суммъ между кредиторами, по соразмѣрности ихъ правъ, на основаніи постановленій трактата 18 (30) мая 1814 и конвенціи 8 (20) ноября 1815 года; для сего правительство французское обязывается выдать коммисарамъ сихъ правительствъ, или ихъ повѣреннымъ, всѣ бумаги, представленныя въ доказательство дѣйствительности исковъ, по коимъ не сдѣланъ платежъ, и въ то же время строжайшимъ образомъ предпишетъ разнымъ министерствамъ и инымъ правительственнымъ мѣстамъ немедленно собрать и прислать всѣ документы и свѣдѣнія, могущія оказаться нужными при разсмотрѣніи оныхъ исковъ.

Постановляется также, что если по симъ искамъ уже сдѣлана нѣкоторая уплата, или правительство французское имѣло право удержать часть суммъ,

faire sur quelques unes des dites réclamations particulières, ces acomptes, imputations et reprises seront exactement indiqués.

по онымъ слѣдующихъ, то и о суммахъ уплаченныхъ, и о тѣхъ, кои должно бы было вычесть, будутъ сообщены точнѣйшія свѣдѣнія.

Article XI.

La liquidation des réclamations pour services militaires exigeant quelques formalités particulières, il est convenu à cet égard:

1. Que pour le payement des militaires, qui ont appartenu à des corps dont les conseils d'administration ont fourni des bordereaux de liquidation, il suffira de produire les dits bordereaux, ou d'en rapporter des extraits duement certifiés;

2. Que dans le cas où les conseils d'administration des corps, n'auraient pas fourni des bordereaux de liquidation, les dépositaires des archives des dits corps devront constater les sommes dues aux militaires qui en auront fait partie et en dresser un bordereau dont ils attesteront la vérité;

3. Que les créances des officiers sans troupes, ainsi que celles des employés de l'administration militaire seront vérifiées dans les bureaux de la guerre conformément aux règles établies pour les militaires et employés français par la circulaire du 1 (13) décembre 1814 et en joignant aux bordereaux les pièces à l'appui, ou quand cela ne sera pas praticable, en en donnant communication aux commissaires ou à leurs délégués.

Статья XI.

Для разсмотрѣнія требованій, предъявляемыхъ военнослужившими, найдено необходимымъ, постановить особенныя слѣдующія правила:

1-е, что служившимъ въ корпусахъ, коихъ правительственные совѣты окончили свои ликвидаціонные счеты, довольно для полученія слѣдующихъ имъ суммъ представить сіи счеты или надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныя выписки изъ оныхъ;

2-е, что когда правительственными совѣтами не составлены ликвидаціонные счеты, то хранители архивовъ означенныхъ корпусовъ должны взять справки о суммахъ, кои слѣдуютъ служившимъ въ оныхъ, и составить имъ счетъ, ручаясь за вѣрность онаго;

3-е, что требованія офицеровъ Главнаго Штаба и другихъ некомандовавшихъ войсками, а равно и чиновниковъ военнаго управленія будутъ разсмотрѣны и засвидѣтельствованы въ Канцеляріи Военнаго Министерства на основаніи правилъ, циркулярнымъ отношеніемъ 1 (13) декабря 1814 года установленныхъ для разсмотрѣнія требованій французскихъ офицеровъ и чиновниковъ; къ свидѣтельствамъ будутъ приложены и служащіе доказательствомъ документы, а когда сіе невозможно, то оные по крайней мѣрѣ будутъ показываемы коммиссарамъ или повѣреннымъ ихъ.

Article XII.

Pour faciliter la liquidation qui doit avoir lieu conformément à l'article X ci-dessus, des commissaires nommés par le gouvernement français serviront d'intermédiaire pour les communications avec les divers Ministères et administrations. Ce sera de même par eux que se fera la remise des dossiers de pièces justificatives. Cette remise sera exactement constatée et il leur en sera donné acte, soit par émargement, soit par procès verbal.

Статья XII.

Для облегченія ликвидаціи, имѣющей быть вслѣдствіе положеній статьи X-й, коммиссары, назначенные правительствомъ французскимъ, будутъ посредниками въ сношеніяхъ съ разными Министерствами и другими правительственными мѣстами. Чрезъ нихъ же будетъ сдѣлана сдача нужныхъ для ликвидаціи документовъ. Пріемъ оныхъ будетъ производимъ съ надлежащею точностію, и въ исправности онаго дано будетъ коммиссарамъ удостовѣреніе, отмѣткою на поляхъ бумагъ, или внесеніемъ въ журналъ засѣданія.

Article XIII.

Attendu que certains territoires ont été divisés entre plusieurs Etats et que dans ces cas, c'est en général l'Etat auquel appartient la plus grande partie du territoire, qui s'est chargé de faire valoir les réclamations communes fondées sur les articles VI, VII et IX de la convention du 8 (20) novembre 1815, il est convenu que le gouvernement qui aura fait la réclamation traitera pour le payement des créances, les sujets de tous les Etats intéressés comme les siens propres.

D'une autre part, comme malgré cette division de territoires le possesseur principal a supporté la déduction de la totalité des capitaux et intérêts remboursés, il lui en sera tenu compte par les Etats co-partageants, proportionnellement à la part du dit territoire que chacun possède conformément aux principes posés dans les articles VI et VII de la convention du 8 (20) novembre 1815.

Статья XIII.

Какъ нѣкоторыя области раздѣлены между многими Державами, и въ семъ случаѣ обыкновенно лишь то правительство, коему досталась большая часть области, ходатайствовало на основаніи VI-й, VII-й и IX-й статьи конвенціи 8 (20) ноября 1815 года по искамъ всѣхъ жителей оной: то и постановляется, что предъявившее требованія правительство долженствуетъ удовлетворять ввѣренные ему иски подданныхъ другихъ Державъ, по тѣмъ же правиламъ, какъ и своихъ собственныхъ.

Съ другой стороны, какъ, несмотря на сіе раздѣленіе области, вычетъ сдѣланъ изъ капитальныхъ суммъ и процентовъ, слѣдовавшихъ владѣтелю главной части области, то правительства, получившія другіе участки, обязаны вознаградить его за сей вычетъ по соразмѣрности съ долею каждому доставшеюся и сообразно съ постановленіями VI-й и VII-й статьи конвен-

S'il survient quelques difficultés relativement à l'exécution du présent article, elles seront réglées par une commission d'arbritage formée suivant le mode et les principes indiqués par l'article VIII de la susdite convention.

ціи 8 (20) ноября 1815 года. Если въ исполненіи сего встрѣтятся какія-либо затрудненія, то оныя будутъ разрѣшены особливою *Арбитражною Комиссіею* (Comission d'arbitrage), составленною по правиламъ и порядку, кои установлены въ VIII-й статьѣ вышеупомянутой конвенціи.

Article XIV.

La présente convention sera ratifiée par les Hautes Parties contractantes et les ratifications en seront échangées à Paris dans l'espace de deux mois, ou plutôt si faire se peut.

Статья XIV.

Сія конвенція будетъ ратификована Высокими договаривающимися сторонами и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ Парижѣ чрезъ два мѣсяца, а если можно и прежде.

Article XV.

Les Etats qui ne sont pas au nombre des Puissances signataires, mais dont les intérêts se trouvent réglés par la présente convention, d'après le concert préliminaire qui a eu lieu entre leurs plénipotentiaires et S. Exc. Mr. le duc de Wellington, réuni aux soussignés plénipotentiaires des Cours signataires du traité du 8 (20) novembre 1815, sont invités à faire remettre dans le même terme de deux mois leurs actes d'accession.

Fait à Paris, le 13 (25) avril 1818.

(L. S.) Pozzo di Borgo.
(L. S.) Le Baron Vincent.
(L. S.) Richelieu.
(L. S.) Ch. Stuart.
(L. S.) C-te de Goltz.

Статья XV.

Непринадлежащія къ числу заключившихъ сей актъ Державы, до коихъ однако же касаются постановленія онаго, основанныя на предварительныхъ условіяхъ между ихъ полномочными и Г. фельдмаршаломъ дюкомъ Велингтономъ, присутствовавшимъ вмѣстѣ съ подписавшими настоящую конвенцію, будутъ приглашены изъявить свое согласіе въ тотъ же двухмѣсячный срокъ актами приступленія.

Въ Парижѣ, 13 (25) апрѣля 1818 года.

(М. П). Поццо ди Борго.
(М. П.) Баронъ Венсанъ.
(М. П.) Ришелье.
(М. П.) Карлъ Стюартъ.
(М. П.) Графъ Гольцъ.

1818, 27 septembre (9 octobre) au 9 (21) novembre. Actes du congrès d'Aix-la-Chapelle.

(Voir t. VII, № 288 — 296, pages 291 — 328).

1818 г., сентября 27-го (октября 9-го) по 9-ое (21-ое) ноября. Акты Ахенскаго конгресса.

(См. т. VII, № 288 — 296, стр. 291 — 328).

№ 517.

1819, 20 janvier (2 février). Protocole de Paris, concernant le payement des derniers cent millions de la contribution de guerre.

La question de la liquidation des créances particulières ayant été réglée d'une manière satisfaisante par la signature de la convention d'avril 1818, le roi Louis XVIII et son premier ministre s'empressèrent d'exprimer à l'Empereur Alexandre leur vive gratitude pour le puissant appui qu'il leur a prêté dans cette circonstance. Dans une lettre du 18 mai 1818, le roi se plait à constater que cette affaire a été réglée d'une manière aussi avantageuse pour la France que le permettaient les circonstances du moment.

Par une lettre du 5 mai (23) avril 1818, le duc de Richelieu exprimait également sa reconnaissance à Sa Majesté „au nom de la France et au sien propre pour tout ce qu'elle a bien voulu faire en notre faveur dans l'affaire importante que nous venons de terminer".

L'Empereur Alexandre I répondit au roi que ce n'est que grâce à „la grande alliance" et à „la fidèle exécution des traités" qu'il a été possible de terminer d'une manière satisfaisante les travaux de la conférence de Paris. Il espère qu'au congrès qui doit se réunir à Aix-la-Chapelle, ce même esprit de concorde présidera aux débats des grandes puissances de l'Europe, qui ont assumé la mission laborieuse de veiller à la paix du continent et au bien-être des nations. (Lettre au roi du 9 juillet 1818).

Dès le début de l'année 1818, l'attention des grandes puissances alliées était exclusivement absorbée par les travaux préparatoires du congrès qui devait se réunir à Aix-la-Chapelle. Tous les hommes d'Etat reconnaissaient la haute portée politique de cette réunion internationale, au sein de la quelle devaient siéger les souverains eux mêmes, avec leurs ministres des affaires étrangères. En vue de prévenir des surprises dangereuses et des collisions peu désirables, les gouvernements alliés prirent la résolution de déterminer d'avance les questions principales qui devaient faire l'objet des débats, et de s'entendre, dans la mesure du possible, sur les décisions à prendre.

№ 517.

1819 г., января 20-го (февраля 2-го). Парижскій протоколъ относительно уплаты послѣднихъ ста милліоновъ военной контрибуціи.

Благополучное окончаніе вопроса о частныхъ долговыхъ обязательствахъ посредствомъ подписанія апрѣльской конвенціи 1818 года побудило короля Людовика XVIII и его перваго министра обратиться къ Императору Александру съ выраженіемъ ихъ живѣйшей благодарности за могущественную его помощь въ этомъ дѣлѣ. Въ письмѣ отъ 18-го мая 1818 г. французскій король заявляетъ Императору, что это дѣло кончилось настолько выгоднымъ для Франціи образомъ, насколько вообще позволяли обстоятельства.

Дюкъ Ришелье, письмомъ отъ 5-го мая (23-го апрѣля) 1818 года, также благодаритъ Императора Александра, „отъ имени Франціи и отъ себя лично за все, что онъ соблаговолилъ сдѣлать въ нашу пользу въ важномъ дѣлѣ, которое только что окончено".

Императоръ Александръ I отвѣтилъ королю французскому, что только благодаря „великому союзу" и „добросовѣстному исполненію трактатовъ" было возможно благополучно окончить труды парижской конференціи. Онъ надѣется, что на предстоящемъ конгрессѣ въ Ахенѣ будетъ господствовать тотъ же духъ согласія между великими европейскими державами, принявшими на себя трудную обязанность быть стражами европейскаго мира и благосостоянія народовъ. (Письмо къ королю отъ 9-го іюля 1818 г.).

Съ начала 1818 года все вниманіе великихъ союзныхъ державъ почти исключительно было поглощаемо подготовленіемъ трудовъ предстоящаго международнаго конгресса въ Ахенѣ. Всѣ государственные люди сознавали огромное политическое значеніе этого международнаго собранія, на которомъ должны были присутствовать сами монархи съ ихъ министрами иностранныхъ дѣлъ. Съ цѣлью предупредить опасные сюрпризы и нежелательныя столкновенія, союзныя правительства рѣшили впередъ опредѣлить главные вопросы, подлежавшіе обсужденію, и даже согласиться, насколько возможно, относительно ихъ рѣшенія.

Les cabinets de St.-Pétersbourg, de Londres et de Vienne échangèrent entre eux des mémoires volumineux sur les questions qui auraient à être soumises au prochain congrès. Le gouvernement français s'appliquait avec ardeur à insister sur la nécessité impérieuse de rappeler les troupes étrangères du territoire français et de réduire la contribution de guerre, imposée à la France par le second traité de Paris.

Le gouvernement Impérial continuait à accueiller avec sympathie ces vœux légitimes de la France. Il faisait en outre d'énergiques objections au cabinet de Londres qui soulevait toute espèce de difficultés à la convocation d'un congrès à Aix-la-Chapelle (voir t. XI, pag. 269 et suiv.).

En mars 1818, le cabinet de St. James adressa aux gouvernements alliés un mémoire détaillé au sujet du prochain congrès. Dans sa réponse circonstanciée, en date de Varsovie le 8 (20) avril, le gouvernement Impérial s'applique à dissiper les doutes et les craintes énoncées par le gouvernement britannique et les autres alliés. Ce mémoire russe tend à démontrer que la situation intérieure de la France doit être un sujet de satisfaction pour les puissances alliées, car leurs efforts d'établir l'ordre et la paix au sein de la nation française ne sont pas restés stériles. La restauration a réussi à pousser de profondes racines et il est de leur devoir de contribuer à consolider ce régime.

Ces pensées furent admirablement exposées par le comte Pozzo di Borgo dans un mémoire du 25 avril (7 mai) 1818 qui met en lumière les rapports de la France et de la Russie et la position qu'elles seront appelées à occuper au prochain congrès. Il signale en premier lieu les circonstances qu'on ne saurait perdre de vue pour apprécier avec équité les difficultés avec lesquelles les gouvernements alliés, ainsi que celui de Louis XVIII, avaient à lutter. „Lorsque dans des situations délicates et compliquées", ecrivait Pozzo di Borgo, „on doit délibérer sur sa propre conduite, la prudence exige de ne pas perdre de vue celle des autres, d'autant plus que c'est en grande partie avec les mêmes hommes et dans la crainte des mêmes inconvenients qu'il faut agir".

En partant de ce point de vue, on peut s'ex-

Петербургскій, Лондонскій и Вѣнскій кабинеты сообщали другъ другу объемистыя записки по вопросамъ, подлежавшимъ рѣшенію Ахенскаго конгресса. Съ своей стороны французское правительство было неутомимо въ стараніяхъ доказать абсолютную необходимость вывода иностранныхъ войскъ съ французской территоріи и уменьшенія военной контрибуціи, наложенной на Францію вторымъ Парижскимъ миромъ.

Императорское правительство продолжало отзываться на справедливыя желанія Франціи чрезвычайно сочувственно. Въ частности оно энергическимъ образомъ возражало Лондонскому кабинету, который воздвигалъ всевозможныя затрудненія созванію въ Ахенѣ международнаго конгресса. (Сравн. т. XI, стр. 269 и слѣд.).

Въ мартѣ 1818 года С.-Джемскій кабинетъ препроводилъ къ союзнымъ правительствамъ подробную записку о предстоявшемъ международномъ конгрессѣ. Императорское правительство, въ запискѣ отъ 8-го (20-го) апрѣля изъ Варшавы, старалось дать подробные отвѣты на всѣ сомнѣнія и опасенія, возбужденныя великобританскимъ и другими союзными правительствами. Въ этой русской запискѣ доказывается, что внутреннее положеніе Франціи должно вызвать въ великихъ союзныхъ державахъ чувство полнаго удовлетворенія, ибо не пропали даромъ ихъ усилія водворить миръ и спокойствіе въ средѣ французскаго народа. Реставрація успѣла пустить глубокіе корни и обязанность союзниковъ укрѣпить ихъ наиболѣе прочнымъ образомъ.

Если мысли нашли краснорѣчивое развитіе въ запискѣ Поццо ди Борго отъ 25-го апрѣля (7-го мая) 1818 года, въ которой снова и съ убѣдительною ясностью разбираются отношенія Россіи къ Франціи и ихъ взаимное положеніе на будущемъ Ахенскомъ конгрессѣ. Онъ указываетъ, прежде всего, на обстоятельства, которыя нельзя забывать при справедливой оцѣнкѣ всѣхъ трудностей, существующихъ для союзныхъ правительствъ и для правительства Людовика XVIII. „Если въ деликатныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ", писалъ Поццо ди Борго, „нужно подумать о своемъ собственномъ поведеніи, то здравый смыслъ требуетъ не забывать и положенія другихъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что приходится дѣйствовать большею частью съ тѣми же самыми людьми и съ опасеніями тѣхъ же самыхъ неудобствъ".

Съ этой точки зрѣнія понятно будетъ воз-

pliquer facilement le retour de Napoléon de l'île d'Elbe et l'enthousiasme avec lequel il fut accueilli: son prestige aux yeux des Français était trop grand pour se dissiper au lendemain des échecs qu'il avait subis. L'Empereur Alexandre se fit le défenseur chaleureux de la nation française et de son gouvernement après la catastrophe de Waterloo, et l'opinion publique accueillait cette attitude de l'Empereur comme „le simple résultat d'une conduite sage et systématique" et comme une conséquence de la différence de position, existant entre les deux nations. L'Angleterre et l'Autriche se rendaient compte de ce fait et s'efforçaient de contrecarrer par tous les moyens l'action dominante, exercée par la Russie sur les affaires intérieures et étrangères de la France. C'est également par la jalousie de ces deux puissances alliées que s'explique leur manque d'empressement à donner suite aux réclamations du gouvernement français au sujet de l'évacuation du territoire.

Pozzo di Borgo passe ensuite à la question de faire cesser l'occupation des départements français par les troupes alliées après l'expiration d'un terme de trois années et se prononce sans réserve pour l'affirmative. Si Louis XVIII veut continuer à régner, il doit coûte que coûte en arriver à affranchir la France de la présence des troupes étrangères. Si les gouvernements alliés désirent maintenir le roi sur le trône et prévenir de nouvelles catastrophes, ils sont tenues de faire droit à cette réclamation légitime.

Mais dans sa judicieuse défense des intérêts français Pozzo di Borgo va plus loin encore: il insiste sur la nécessité absolue d'accepter la France dans ce „temple de la paix" dans lequel se trouvent les autres puissances. Il ne voit aucun motif raisonnable de refuser au roi Louis XVIII de prendre place à côté des autres monarques alliés. Il comprend parfaitement les raisons qui portent les cabinets de Londres et de Vienne à s'opposer de proclamer la France membre, sur un pied d'égalité, „du grand aréopage des souverains".

Enfin, il eut l'occasion de le remarquer depuis longtemps que le prince de Metternich compte user de la Russie „pour repousser la France". Seulement Pozzo di Borgo se refuse de comprendre que l'Angleterre et l'Autriche puissent s'abuser au point de croire que la Russie pourrait devenir la victime de leurs incessantes manœuvres. Le gouvernement Impérial ne consentira jamais à exclure la France du système

вращеніе Наполеона съ острова Эльбы и энтузіазмъ, съ которымъ онъ былъ принятъ: его обаяніе въ глазахъ французовъ было слишкомъ велико, чтобъ оно могло немедленно исчезнуть вслѣдствіе постигшихъ его неудачъ. Убѣжденнымъ защитникомъ французскаго народа и правительства, послѣ Ватерлооскаго погрома, сдѣлался Императоръ Александръ I, и общественное мнѣніе Франціи усматриваетъ въ такомъ образѣ дѣйствій Государя только „простой результатъ мудрой и систематической политики" и послѣдствіе существующаго различія положенія обоихъ народовъ. Это сознаютъ Англія и Австрія и потому онѣ изо всѣхъ силъ стараются противодѣйствовать преобладающему вліянію Россіи на внутреннія и внѣшнія дѣла Франціи. Наконецъ, этою завистью упомянутыхъ союзныхъ державъ объясняется также и ихъ враждебное отношеніе къ требованію французскаго правительства о скорѣйшей эвакуаціи французской территоріи.

Поццо ди Борго переходитъ затѣмъ къ вопросу о прекращеніи оккупаціи французскихъ департаментовъ союзными войсками по истеченіи трехъ лѣтъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ безусловно положительнымъ образомъ. Если Людвикъ XVIII желаетъ продолжать царствовать, то принужденъ добиться во что бы ни стало очищенія Франціи отъ иностранныхъ войскъ. Если союзныя правительства желаютъ удержать короля на престолѣ и предупредить новыя катастрофы, то обязаны исполнить его законное требованіе.

Но Поццо ди Борго идетъ еще дальше въ своей остроумной защитѣ французскихъ интересовъ: онъ доказываетъ абсолютную необходимость принять Францію въ тотъ „храмъ мира", въ которомъ находятся другія державы. Онъ не видитъ никакихъ разумныхъ причинъ для отказа королю Людовику XVIII стать рядомъ съ другими союзными монархами. Онъ отлично понимаетъ причины, побуждающія Лондонскій и Вѣнскій кабинеты противодѣйствовать провозглашенію Франціи равноправнымъ членомъ „великаго ареопага монарховъ".

Наконецъ, онъ давно наблюдаетъ, какъ князь Меттерних желаетъ воспользоваться Россіею для „отталкиванія Франціи". Только Поццо ди Борго совершенно отказывается понять заблужденіе Англіи и Австріи, что Россія сдѣлается жертвою ихъ неутомимыхъ происковъ. Императорское правительство никогда не согласится на исключеніе Франціи изъ системы европейскаго равновѣсія и никогда

de l'équilibre européen et ne permettra jamais que les intrigues conçues dans ce but puissent triompher.

Dans leurs efforts les puissances alliées de l'occident pêchent contre le grand et sage principe qui recommande, „de marcher avec le temps où l'on vit et de se bien placer dans les circonstances qu'il amène".

Toutes ces considérations portent le comte Pozzo di Borgo s'arrêter aux conclusions définitives suivantes: „En livrant la France à elle-même, cet acte doit être conçu avec pureté d'intention et libéralité. Loin de vouloir imposer à ce pays des lois onéreuses, loin de vouloir l'assujettir à des combinaisons exclusives, on lui tendra une main fraternelle, et il prendra sa place dans l'association européenne".

Les reflexions de Pozzo di Borgo au sujet de la situation politique de l'Europe et de l'ordre de choses intérieur en France attirèrent l'attention sérieuse de l'Empereur Alexandre. Il se rendait compte des intrigues du prince de Metternich qui exerçait une grande influence sur le cabinet de St. James et qui haïssait l'ambassadeur de Russie à Paris. Le chancelier d'Autriche redoutait à un tel point l'opposition que Pozzo di Borgo pourrait faire à ses machinations au congrès d'Aix-la-Chapelle, qu'il avait inventé une combinaison pour le retenir à Paris pendant que cette réunion diplomatique serait appelée à siéger. (Lettre de Pozzo di Borgo au comte Nesselrode du 30 mai (11 juin) 1818).

D'autre part, l'Empereur Alexandre ne partageait pas sans réserve toutes les vues de Pozzo di Borgo au sujet de la situation intérieure de la France.

Dans une lettre fort longue et très intéressante du 10 (22) juillet 1818, le comte Capodistria fait part à son ami des observations critiques, provoquées par ses rapports en usant des propres termes du souverain. „Vos expéditions et vos lettres particulières sur sa table", écrit le comte Capodistria à Pozzo di Borgo, „l'Empereur s'est donné la peine d'en récapituler le contenu et de s'arrêter sur les passages qui signalent particulièrement votre pensée la plus intime".

„Ecoutez le, mon général, comme nous (le comte Capodistria et le comte Nesselrode) nous avons eu le bonheur de l'écouter".

„Le général Pozzo di Borgo", dit l'Empereur, „voit la France déjà restaurée sur la grande base de ses institutions. Il croit aussi qu'une

не позволитъ восторжествовать направленнымъ къ этой цѣли интригамъ.

Западно-европейскія союзныя державы въ своихъ стараніяхъ грѣшатъ противъ великаго и мудраго начала, требующаго „идти въ ногу съ временемъ, въ которомъ живешь, и хорошо оріентироваться въ обстоятельствахъ, имъ созданныхъ".

Всѣ эти соображенія приводятъ Поццо ди Борго къ слѣдующему окончательному выводу: „Предоставляя Францію самой себѣ, нужно это сдѣлать съ чистыми помыслами и широко. Нисколько не желая навязывать этой странѣ обременительные законы или подчинять ее исключительнымъ комбинаціямъ, нужно ей дать побратски руку, и она займетъ свое мѣсто въ европейскомъ общеніи".

Разсужденія Поццо ди Борго о политическомъ положеніи Европы и о внутреннемъ положеніи Франціи обратили на себя серьезное вниманіе Императора Александра. Онъ видѣлъ интриги князя Меттерниха, имѣвшія громадное вліяніе на С.-Джемскій кабинетъ, и ненавидѣвшій русскаго посла въ Парижѣ Австрійскій канцлеръ настолько боялся противодѣйствія со стороны Поццо ди Борго его происканъ на Ахенскомъ конгрессѣ, что даже придумалъ особенную комбинацію, имѣвшую цѣлью удержать его въ Парижѣ на время засѣданій конгресса. (Письмо Поццо ди Борго къ гр. Нессельроде отъ 30-го мая (11-го іюня) 1818 года).

Однако, съ другой стороны, Императоръ Александръ не соглашался со всѣми соображеніями Поццо ди Борго относительно внутренняго состоянія Франціи.

Въ длинномъ и чрезвычайно интересномъ письмѣ отъ 10-го (22-го) іюля 1818 года гр. Каподистріа сообщаетъ своему другу собственными словами Государя всѣ критическія замѣчанія, которыя вызвали донесенія посла. „Ваши донесенія и частныя письма были на его столѣ", пишетъ гр. Каподистріа Поццо-ди-Борго, „и Государь далъ себѣ трудъ повторить ихъ содержаніе и остапавливаться на фразахъ, имѣвшихъ цѣлью особенно уяснить ваши сокровенныя мысли".

„Выслушайте его, генералъ, какъ мы (гр. Каподистріа и Нессельроде) имѣли счастье его выслушать".

„Генералъ Поццо ди Борго", сказалъ Государь, „видитъ Францію уже возстановленною на широкомъ фундаментѣ ея государственныхъ

fois délivrée de l'armée étrangère, cet Etat deviendra un membre actif et utile de l'association européenne".

„Je ne partage point cette opinion, tout en admettant qu'il faut retirer les troupes et que l'on ne doit point isoler la France, ni l'exclure de l'alliance générale".

„A vous entendre, Messieurs, il n'y a que deux alternatives: ou d'exclure la France, ou de l'admettere. J'en trouve une troisième: c'est de lui faire prendre part au système général, mais *à des conditions*. Et quelles sont ces conditions? C'est là le problème que nous avons donné à résoudre, et dans des termes très positifs, par la dépêche adressée au général Pozzo di Borgo, de Varsovie, du 27 mars (8 avril)".

„Et pourquoi donc le général ne discute-t-il pas la question sous ce point de vue?"

„C'est que ses prédilections pour la France, au salut de laquelle il a travaillé très honorablement toute sa vie, le portent à croire que la restauration de la royauté constitutionnelle n'a plus besoin d'aucune surveillance tutélaire, et que la Russie, en élevant par ses efforts la France à une pareille dignité, en fera un allié utile".

„Quant à moi, je suis loin, mais bien loin, de me persuader que telle ou telle autre forme de gouvernement puisse changer en peu de temps une génération entière qui a eu le malheur d'être complétement démoralisée. Les Français sont toujours les mêmes, et, quels que soient les succès des institutions sur lesquelles se fondè leur gouvernement ils seront prêts à bouleverser les unes par l'autre, ou l'un et les autres ensemble, dès que les circonstances ou un prétexte quelconque leur fournira l'occasion".

„En partant de cette conviction, je ne saurais voir dans la France un allié plus intime; mais, serait-elle même garantie pour toujours de toute future révolution, que je me refuserais également à contracter avec cette nation des rapports plus particuliers."

„Le système général," continue l'Empereur, „que nous suivons est incompatible avec les combinaisons de la vieille politique. Le général Pozzo le sait. Vous lui avez écrit plusieurs lettres confidentielles, à l'effet de lui démontrer qu'en prenant à cœur les intérêts de la France, je n'ai jamais en l'intention de préparer de

учрежденій. Онъ также думаетъ, что разъ она будетъ освобождена отъ иностранныхъ войскъ, она сдѣлается дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ европейскаго общенія".

„Я совершенно не раздѣляю этого взгляда, хотя я совершенно согласенъ, что войска нужно вывести и что никакъ не слѣдуетъ ни изолировать Францію, ни исключать ее изъ общаго союза".

„Послушать васъ, господа, такъ имѣются только двѣ альтернативы: или исключить Францію, или же ее принять. Я нахожу третью: а именно позволить ей участвовать въ общей системѣ; *но на условіяхъ*. Какія же это условія? Вотъ въ этомъ именно заключается задача, которую мы задали разрѣшить, и въ очень категорическихъ словахъ, Поццо ди Борго въ депешѣ отъ 27-го марта (8-го апрѣля), отправленной изъ Варшавы".

„Однако, почему же генералъ не изслѣдуетъ вопроса съ этой точки зрѣнія?"

„Это потому, что расположеніе его къ Франціи, для спасенія которой онъ очень добросовѣстно трудится всю свою жизнь, заставляетъ его думать, что возстановленіе конституціоннаго королевства нисколько не нуждается въ попечительномъ надзорѣ и что Россія, возвышая своими стараніями Францію на такую высоту, дѣлаетъ изъ нея полезную союзницу".

„Что касается меня, то я далекъ и даже очень далекъ отъ мысли, что та или другая форма управленія можетъ въ короткое время измѣнить цѣлое поколѣніе, которое имѣло несчастье подвергнуться совершенной деморализаціи. Французы все остаются тѣми же, и какъ бы ни были успѣшны учрежденія, на которыхъ зиждется ихъ правительство, все-таки они готовы низвергнуть послѣднимъ первыя или обоихъ ихъ вмѣстѣ, когда обстоятельства или какой нибудь предлогъ дадутъ имъ къ тому случай".

„Исходя изъ этого убѣжденія, я не могу видѣть во Франціи болѣе близкую союзницу. Но если бы даже она навсегда была застрахована отъ всякой будущей революціи, то всетаки я отказался бы соединить себя съ этимъ народомъ болѣе близкими сношеніями".

„Общая система", продолжалъ Государь, „которой мы слѣдуемъ, несовмѣстима съ комбинаціями старой политики. Генералъ Поццо это знаетъ. Вы ему написали нѣсколько конфиденціальныхъ писемъ съ цѣлью доказать, что, защищая интересы Франціи, я никогда не имѣлъ намѣренія подготовить мало по малу

longue main les éléments d'un système fédératif, opposé et contraire à celui qu'on suppose déjà tramé dans le secret des cabinets de Vienne, de Londres et de Berlin".

„J'ai soutenu, durant les négociations de ces trois années, la cause de la restauration constitutionnelle, parce que toute autre marche aurait été contraire à la religion des traités et au bien général."

„Je désire la prospérité de la monarchie française et l'affermissement progressif de sa puissance, non pour moi, ni pour la Russie, mais pour tout le monde. C'est l'Europe qui à souffert des erreurs et des malheurs de la France. Et c'est l'Europe qui est hautement intéressée au bonheur de ce pays, et au maintien inviolable de l'ordre qui y est établi. Toutes les puissances doivent conséquemment y coopérer, mais en honorant avec loyauté la foi des traités. C'est à ce seul but que doit viser nécessairement la politique de tous les cabinets; et c'est à atteindre ce but que nos efforts se dirigent. Hors de là, point de salut, ni pour la France, ni pour l'Europe".

„Tout en se pénétrant de ces principes souvent répétés, le général Pozzo *sent* différemment. Lisez ses dépêches. Elles parlent le langage d'un serviteur animé du zèle le plus ardent, qui embrasse l'avenir dans toutes ses chances, et qui dévance par conséquent les événements. Il voit l'Autriche, l'Angleterre et la Prusse nous disputer toute participation aux affaires générales. Prévoyant le combat qui aura lieu, dès que la France sera rendue à elle-même, il leur oppose la diplomatie française, et, s'il le faut, même celle de l'Espagne, et, fort de ces auxiliaires, il s'applaudit de nos succès."

„Cette manière de juger des hommes et des affaires entrave les progrès du système général, et n'est point analogue à la pureté de ses principes. Pressentie par les autres cabinets, elle nourrit toutes les jalousies et toutes les méfiances, et en, l'adoptant, nous serions entraînés malgré nous à une déviation. Au lieu de travailler, dans des vues éminemment désintéressées, et par une conduite légale et avouée au maintien de la concorde et de l'union entre les grands Etats, nous vouerions tous nos soins, sous le voile du mystère et par des voies indirectes, à nous-

элементы союзной системы, которая была бы противна и противорѣчила бы той системѣ которая, какъ полагаютъ, уже была задумана въ тайнѣ между Вѣнскимъ, Лондонскимъ и Берлинскимъ кабинетами".

„Въ продолженіи переговоровъ этихъ трехъ лѣтъ я старался поддерживать дѣло конституціонной реставраціи, ибо всякая иная политика шла бы въ разрѣзъ съ святостью трактатовъ и съ общимъ благомъ".

„Я желаю процвѣтанія французской монархіи и поступательнаго укрѣпленія ея могущества, не для себя, не для Россіи, но для всѣхъ. Вѣдь Европа страдала отъ заблужденій и несчастій Франціи. И вѣдь Европа въ высшей степени заинтересована въ счастьѣ этой страны и въ сохраненіи неприкосновенности существующаго въ ней порядка. Всѣ державы обязаны постоянно тому содѣйствовать, но добросовѣстнымъ образомъ уважая святость трактатовъ. Вотъ единственная цѣль, которую необходимо должна имѣть въ виду политика всѣхъ кабинетовъ, и къ достиженію именно этой цѣли направлены всѣ наши усилія. Внѣ этого нѣтъ спасенія ни для Франціи, ни для Европы".

„Хотя генералъ Поццо и вполнѣ проникнутъ этими принципами, часто повторявшимися, но всетаки онъ *чувствуетъ* иначе. Прочтите его депеши. Въ нихъ онъ говоритъ языкомъ слуги, одушевленнаго живѣйшимъ рвеніемъ, обнимающаго будущность со всѣми ея случайностями и потому иногда забѣгающаго впередъ событій. Онъ уже видитъ, что Австрія, Англія и Пруссія оспариваютъ наше право участія въ общихъ дѣлахъ. Предвидя борьбу, которая возникнетъ съ момента предоставленія Франціи себѣ самой, онъ противопоставляетъ имъ французскую дипломатію и, если понадобится, даже испанскую, и видя насъ усиленными этими союзниками, онъ рукоплещетъ нашимъ побѣдамъ".

„Подобная манера судить о людяхъ и о дѣлахъ тормозитъ успѣхи общей системы и нисколько не соотвѣтствуетъ чистотѣ ея принциповъ. Разгаданная другими кабинетами, она подкрѣпитъ всякую ревность и всякую подозрительность и, принявъ ее въ руководство, мы принуждены будемъ, вопреки желанію, къ отступленіямъ. Вмѣсто того чтобъ трудиться совершенно безкорыстно и дѣйствовать закономѣрно и открыто въ пользу сохраненія согласія и единенія между великими государствами, мы, подъ покровомъ тайны и окольн-

mêmes. Nous voudrions devenir les plus forts, pour faire marcher les autres cabinets à volonté. Nous commencerions par croire que c'est dans l'intention bienveillante de conserver à l'Europe les bienfaits inappréciables de la paix. Et qui sait par où nous finirions?“

Tel est le discours remarquable que, d'après le témoignage du comte Capodistria, Alexandre I avait adressé à ses deux conseillers dans les questions de politique extérieure. On peut évidemment avoir quelque doute quant à l'exactitude textuelle des paroles d'Alexandre I, transmises par Capodistria, mais il est certain que le sens du discours a été fidèlement reproduit, car la lettre du comte Capodistria fut revêtue de la sanction suprême avant d'être expédiée à sa destination. Il y avait évidemment entre l'Empereur et son ambassadeur à Paris quelques divergences d'opinion quant au but et à l'avenir de l'alliance, conclue à Chaumont entre les quatre grandes puissances de l'Europe. Selon l'avis de l'Empereur, cette alliance intime devait durer et servir de boulevard au maintien de la paix et de l'ordre européen. C'est là-dessus que reposait „le grand système“ de l'Empereur Alexandre, et jusqu'à présent il n'y avait pas de place pour la France.

Selon l'avis de Pozzo di Borgo, ce système avait fait son temps et ne peut prétendre à la vialité que si la France y est admise.

Le comte Capodistria se rendait perfaitement compte de ces divergences et faisait tout son possible pour en effacer les conséquences inévitables. Il s'appliquait à démontrer à l'Empereur que si Pozzo di Borgo était si empressé à défendre les intérêts de la monarchie constitutionnelle en France, c'était naturel et excusable, car „c'est Pygmalion qui est amoureux de sa statue“. Pozzo di Borgo s'élève naturellement contre les ennemis de la restauration en France qui était l'œuvre de ses mains. Aussi désire-t-il non pas l'abolition du grand système des Etats alliés, mais son extension et son affermissement par le fait de l'admission de la France dans son sein. S'il se prononce en faveur d'un rapprochement plus intime entre la Russie et la France, ce n'est point dans le but de créer „une combinaison particulière“, mais „parcequ'il pressent tous les avantages qui résulteraient pour la cause générale de leur agrégation à l'alliance européenne“.

L'Empereur écouta avec bienveillance ces

ными путями, посвятимъ всѣ наши заботы намъ самимъ. Мы желаемъ быть сильнѣйшими, чтобы заставить другіе кабинеты слѣдовать нашей волѣ. Мы начнемъ съ вѣры, что того требуетъ доброжелательство въ пользу сохраненія Европѣ неоцѣнимыхъ благъ мира. Но кто знаетъ, чѣмъ мы кончимъ?“.

Такова замѣчательная рѣчь, которую, по словамъ графа Каподистріа, Александръ I сказалъ своимъ обоимъ совѣтникамъ по вопросамъ внѣшней политики. Можно сомнѣваться въ абсолютной вѣрности передачи графомъ Каподистріа всѣхъ словъ Императора Александра I, но нельзя не вѣрить тому, что смыслъ всей рѣчи былъ переданъ совершенно точно, ибо текстъ письма графа Каподистріа былъ Высочайше одобренъ до отправленія по назначенію. Между Государемъ и его посломъ въ Парижѣ несомнѣнно существовало разногласіе относительно пониманія цѣли и будущности союза, заключеннаго между четырьмя европейскими державами въ Шомонѣ. По мнѣнію Государя, этотъ тѣсный союзъ долженъ поддерживаться и впредь и считаться оплотомъ всего европейскаго мира и порядка. На этомъ покоилась „великая система“ Императора Александра и въ ней пока не было мѣста для Франціи.

По мнѣнію же Поццо ди Борго, эта система отжила свое время и только тогда имѣетъ право на жизнь, если въ нее принята будетъ Франція.

Графъ Каподистріа отлично понималъ это разногласіе и старался всѣми силами ступевывать его неизбѣжныя послѣдствія. Онъ доказывалъ Государю, что если Поццо ди Борго съ такимъ увлеченіемъ защищаетъ интересы французской конституціонной монархіи, то это понятно и извинительно, ибо „это Пигмаліонъ, влюбленный въ свою статую“. Поццо ди Борго естественно могъ возставать противъ враговъ своего дѣтища—реставрированной Франціи. Вотъ почему онъ желаетъ не уничтоженія великой системы союзныхъ государствъ, но только ея расширенія и укрѣпленія посредствомъ включенія въ нее Франціи. Если же онъ желаетъ большаго сближенія между Франціей и Россіей, то не съ цѣлью созданія „особенной комбинаціи“, но только потому, что онъ „предвидитъ всѣ выгоды, вытекающія для общаго блага изъ ихъ сплоченія съ европейскимъ союзомъ“.

Государь выслушалъ эти заключенія графа

observations du comte Capodistria. Mais celui-ci s'empressa de prévenir Pozzo di Borgo que les Cabinets de Vienne, de St. James et de Berlin voient en lui „le plus redoutable patron de la France“ et mettent tout en œuvre pour qu'il ne fût pas admis au congrès d'Aix-la-Chapelle. Toutefois l'Empereur Alexandre „a reconnu toute l'absurdité d'une pareille prétention; vous seriez avec nous, et nous profiterons de vos talents et de votre expérience.“ D'ailleurs le comte Capodistria recommande à son ami avec instance de tout faire pour paralyser ces dispositions hostiles des trois gouvernements de l'Occident. Leurs représentants à Paris pourraient lui être de quelque utilité pour atteindre ce but.

En un mot, le comte Pozzo di Borgo doit combiner de manière à pouvoir dire de lui-même: „je suis le modèle de la modération en diplomatie“. Il importe en outre que d'autres le disent après lui. C'est alors que Pozzo di Borgo sera dans le cas de donner au comte Capodistria lui-même une leçon de modération, à leur prochaine entrevue à Aix-la-Chapelle.

Telle est la teneur de la longue lettre que le comte Capodistria adressa à Pozzo di Borgo, au mois de juillet. Elle fut signée par le comte Capodistria, mais approuvée également par le comte Nesselrode. On comprend que l'ambassadeur ne voulut pas laisser sans réponse cette lettre, ainsi que les reproches, qui lui étaient adressés. Bien que donnés sous une forme amicale et délicate, ce n'étaient pas moins des reproches.

Le comte Capodistria étant absent de St. Pétersbourg, l'ambassadeur adressa sa réponse au comte Nesselrode, qui se trouvait auprès de l'Empereur, par une lettre du 5 (17) août 1818 dans laquelle il s'applique à refuter, point par point, les accusations dont il a été l'objet. Il retrace de main de maître le tableau de la désorganisation et de la ruine de la France en 1815 au lendemain des guerres de Napoléon. „Presque tous ceux“, écrit Pozzo di Borgo, „qui ont été présents à ce spectacle ont désespéré du salut de la France, et en conséquence de la paix de l'Europe. J'en appelle aux rapports de cette population diplomatique dont Paris était inondé: ambassadeurs, ministres, commissaires-juges, commissaires spéciaux, liquidateurs, aides de camp, adjoints et tout ce que la singularité des temps et des circonstances y avait réuni“. A cette époque, le représentant de la Russie resta

Каподистріа доброжелательно. Но послѣдній спѣшитъ предупредить Поццо ди Борго, что Вѣнскій, С.-Джемскій и Берлинскій кабинеты признаютъ въ немъ „наиболѣе опаснаго покровителя Франціи“ и пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобъ онъ не присутствовалъ на Ахенскомъ конгрессѣ. Впрочемъ, Императоръ Александръ „призналъ все безобразіе подобной претензіи, и вы будете съ нами“, писалъ графъ Каподистріа, „и мы воспользуемся вашими талантами и опытностью“. Однако графъ Каподистріа настоятельно совѣтуетъ своему другу сдѣлать все съ цѣлью парализовать враждебное къ нему настроеніе трехъ западноевропейскихъ союзныхъ правительствъ. Ихъ представители въ Парижѣ могли бы отлично помочь достиженію этой цѣли.

Словомъ, всѣ старанія Поццо ди Борго должны быть направлены къ тому, чтобы онъ могъ сказать о себѣ: „я образецъ умѣренности въ дипломатіи“. Нужно затѣмъ, чтобъ и другіе повторили о немъ тоже самое. Тогда Поццо ди Борго въ состояніи будетъ дать самому графу Каподистріа, при ближайшемъ свиданіи съ нимъ въ Ахенѣ, урокъ умѣренности...

Таково содержаніе длиннѣйшаго іюльскаго письма графа Каподистріа къ Поццо ди Борго. Письмо было подписано только графомъ Каподистріа, но оно было одобрено также графомъ Нессельроде. Понятно, что Поццо ди Борго не считалъ возможнымъ оставить безъ отвѣта это письмо и заключающіеся въ немъ упреки, которые были, правда, высказаны въ весьма деликатной и дружеской формѣ, но все-таки оставались упреками.

За отсутствіемъ изъ Петербурга гр. Каподистріа, Поццо ди Борго написалъ свой отвѣтъ графу Нессельроде, бывшему при особѣ Государя, письмомъ отъ 5-го (17-го) августа 1818 года, въ которомъ онъ силится подробно опровергнуть высказанныя противъ него обвиненія. Онъ рисуетъ художественною рукою картину разстройства и оскудѣнія Франціи въ 1815 году, послѣ наполеоновскихъ войнъ. „Почти всѣ бывшіе зрителями этого спектакля“, пишетъ Поццо ди Борго, „отчаявались въ спасеніи Франціи и, слѣдовательно, въ мирѣ Европы. Я ссылаюсь на донесенія того дипломатическаго населенія, которое наводняло Парижъ: послы, посланники, коммиссары—судьи, особенные коммиссары, ликвидаторы, адъютанты, причисленные и всѣ привлеченные туда исключительными временами и обстоятельствами“. Въ такое-то время представитель

inébranlable dans sa conviction qu'une nation comme la nation française contient tant de germes „de vertus publiques“ qu'elle doit renaître et qu'elle ne saurait périr.

Pozzo di Borgo avait la certitude que cette même confiance était partagée par l'Empereur Alexandre qui avait pris la nation française sous son patronage. Ce n'est qu'en agissant sous sa direction que l'ambassadeur put en arriver à obtenir le titre honorable de „patron redoutable de la France“, auquel il assurait n'avoir aucun droit. L'ambassadeur s'étend ensuite sur la situation intérieure de la France dans les premières années de la restauration et signale les dangers avec lesquels il eut à lutter. Il assure qu'on a tort de lui reprocher d'être un partisan d'une alliance entre la Russie et la France. Il déclare, „sur sa conscience et son honneur“, qu'il partage entièrement les vues du gouvernement Impérial quant à la nécessité de maintenir l'alliance générale des grandes puissances, mais il est convaincu qu'il n'est ni dans les intérêts de la Russie, ni dans ceux de cette alliance de tolérer l'anéantissement complet de la France. Il croit que la France doit être admise dans cette alliance, et alors elle „ne sera plus l'alliée de la Russie que l'Autriche et l'Angleterre“. Tandis que si elle reste isolée, elle ne cessera d'une part de provoquer des suspicions et de l'autre de s'attirer des humiliations.

„Les deux systèmes sont ainsi en face l'un de l'autre. Dans le premier, la Russie règle et conserve; dans le second, elle suit et comprime. Le choix, dans ces hypothèses, n'a pu être douteux“.

Enfin Pozzo di Borgo n'a jamais douté que l'admission de la France dans l'alliance générale n'était possible qu'avec la stricte observation de sa part de certaines conditions, au nombre desquelles devait se trouver en première ligne la scrupuleuse application des traités.

L'Empereur Alexandre accueillit avec bienveillance les explications de Pozzo di Borgo et l'autorisa à se rendre à Aix-la-Chapelle, où il arriva le 4 octobre. Il ne conserva pas moins au fond de son âme quelques doutes au sujet des chances de durée de l'ordre de choses politique en France.

En ce qui regarde le congrès d'Aix-la-Chapelle, nous nous bornerons à compléter par quelques faits le tableau général que nous en

Россіи оставался непоколебимымъ въ своей увѣренности, что нація, подобная французской, заключаетъ въ себѣ столько задатковъ „политическихъ добродѣтелей“, что она должна воскреснуть и погибнуть не можетъ.

Поццо ди Борго убѣжденъ, что эту вѣру имѣлъ и Императоръ Александръ, взявшій французскій народъ подъ свое особенное покровительство. Только дѣйствуя по его указаніямъ, посолъ могъ дослужиться до почетнаго титула: „могущественнаго покровителя Франціи“, на который, однако, онъ не признаетъ за собою никакого права. Вслѣдъ затѣмъ посолъ подробно объясняетъ внутреннее положеніе Франціи въ первые годы реставраціи и указываетъ на всѣ опасности, съ которыми ему нужно было бороться. Наконецъ, онъ защищается противъ обвиненія въ томъ, что онъ сторонникъ союза между Россіей и Франціей. Онъ объявляетъ, „по совѣсти и чести“, что вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Императорскаго правительства на необходимость сохранить общій союзъ великихъ державъ и только убѣжденъ, что не въ интересахъ Россіи и этого самаго союза допускать полное обособленіе Франціи. Онъ думаетъ, что Франція должна быть включена въ этотъ союзъ и тогда она „не будетъ бо́льшею союзницею Россіи, чѣмъ Австрія и Англія“. Если же Франція останется изолированною, то она вызоветъ постоянныя подозрѣнія, съ одной стороны, и нескончаемыя униженія, съ другой.

„Объ системы поставлены такимъ образомъ другъ противъ друга. По первой, Россія управляетъ и сохраняетъ: по второй, она слѣдуетъ за другими и угнетаетъ. Выборъ между этими проблемами не могъ быть сомнителенъ“.

Наконецъ, Поццо ди Борго никогда не сомнѣвался, что принятіе Франціи въ общій союзъ можетъ состояться не иначе, какъ при соблюденіи съ ея стороны опредѣленныхъ условій. Къ таковымъ должно быть отнесено соблюденіе ею всѣхъ обязательныхъ международныхъ трактатовъ.

Императоръ Александръ благосклонно принялъ объясненія Поццо ди Борго и разрѣшилъ ему отправиться въ Ахенъ, куда онъ и прибылъ 4-го октября. Но у него осталась въ душѣ нѣкоторая подозрительность относительно устойчивости французскаго государственнаго порядка.

Обращаясь къ Ахенскому конгрессу, мы ограничимся тѣмъ, что дополнимъ нѣкоторыми фактами общую картину этого конгресса, уже

avons donné dans une autre partie de cette publication (voir t. VII, № 288—296).

Un mémoire soumis à Sa Majesté le 24 juin 1818 formule en termes suivants la mission de ce congrès: „honorer avec loyauté la foi des traités et y faire concourir spontanément et unanimement les Puissances alliées par l'ascendant seul de la vérité, de la bienveillance et de la modération".

Bien que ces paroles contiennent peu de sens pratique, l'Empereur Alexandre ne les accueillit pas moins comme l'expression fidèle du but de la politique russe, pouvant servir de gouverne aux plénipotentiaires russes au congrès d'Aix-la-Chapelle. La paix de l'Europe pouvait être facilement compromise par deux graves dangers: premièrement la reprise des troubles révolutionnaires et secondement le retour au droit de la force. La quadruple alliance signée en 1815 à Chaumont doit être considérée comme la plus sûre garantie contre ce double danger.

Ces idées principales, constituant le programme du cabinet Impérial, furent développeés dans un grand nombre de mémoires rédigés par lui à l'occasion du congrès d'Aix-la-Chapelle et au cours de ses débats. Nous croyons devoir signaler dans ce nombre une notice confidentielle du 26 septembre (8 octobre), signée à Aix-la-Chapelle et communiquée aux Cours alliées*). La circulaire générale, adressée par le gouvernement Impérial à ses représentants diplomatiques à l'étranger, exprime sa pleine satisfaction au sujet de la marche des déliberations au congrès et des résultats obtenus. Enfin le rescrit Impérial adressé à Pozzo di Borgo le 9 (21) novembre lui recommande d'observer strictement dans ses paroles et ses actes le grand principe de la *modération!*

Le gouvernement français avait lieu d'être satisfait des résultats des travaux du congrès d'Aix-la-Chapelle et des décisions qui y ont été arrêtées. Les vœux essentiels ont été pris en considération: l'occupation du territoire par les troupes étrangères devait prendre fin, la contribution de guerre fut considérablement réduite et enfin la France fut admise au nombre des puissances, gardiennes de la paix et de la tranquillité de l'Europe. Le roi Louis XVIII et le

*) Voir le Recueil de la Société Russe Impériale historique, t. CXIX, pag. 832 et suiv; pag. 844 et suiv.

представленную своевременно въ другомъ мѣстѣ (см. т. VII, № 288—296).

Въ докладѣ на Высочайшее имя отъ 24-го іюня 1818 года назначеніе Ахенскаго конгресса опредѣлено слѣдующими словами: „Добросовѣстнымъ образомъ почтить святость трактатовъ и вызвать добровольное и единодушное къ тому содѣйствіе союзныхъ державъ только путемъ торжества правды, доброжелательства и умѣренности".

Хотя въ этихъ словахъ заключается очень мало практическаго смысла, тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ призналъ ихъ вѣрнымъ выраженіемъ цѣлей русской политики и руководною нитью для русскихъ уполномоченныхъ на Ахенскомъ конгрессѣ. Европейскому миру угрожали въ то время двѣ огромныя опасности: во-первыхъ, возобновленіе революціонныхъ движеній и, во-вторыхъ, возвращеніе господства права силы. Четверной союзъ, подписанный въ 1815 году въ Шомонѣ, долженъ былъ считаться лучшимъ спасеніемъ отъ этихъ двухъ опасностей.

Эти основныя мысли Императорскаго кабинета нашли себѣ развитіе во многихъ запискахъ, имъ составленныхъ по поводу Ахенскаго конгресса и въ продолженіи его засѣданій. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія конфиденціальная записка отъ 26-го сентября (8-го октября), подписанная въ Ахенѣ и сообщенная союзнымъ кабинетамъ *). Въ общемъ же циркулярѣ Императорскаго правительства ко всѣмъ дипломатическимъ его представителямъ за границею выражается полное удовольствіе ходомъ и результатомъ переговоровъ на конгрессѣ. Наконецъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 9-го (21-го) ноября на имя Поццо ди Борго вмѣняется ему въ обязанность свято соблюдать во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ одинъ великій политическій принципъ — *умѣренность*.

Французское правительство могло быть довольно результатами трудовъ Ахенскаго конгресса и принятыми на немъ рѣшеніями. Всѣ главнѣйшія его желанія были уважены: оккупація иностранныхъ войскъ должна была кончиться; военная контрибуція была значительно уменьшена и, наконецъ, Франція была принята въ число державъ - хранительницъ мира и спокойствія въ Европѣ. Король Людовикъ XVIII и герцогъ Ришелье обязаны были такимъ бле-

*) См. Сборникъ Импер. Р. Истор. Общ., т. CXIX, стр. 832 и слѣд.; стр. 844 и слѣд.

duc de Richelieu étaient redevables de ces résultats éclatants, obtenus au congrès, avant tout à l'Empereur Alexandre et à ses conseillers intimes, parmi lesquels le comte Capodistria et Pozzo di Borgo étaient les défenseurs les plus fidèles des intérêts de la nation française. Mais après le retour de l'ambassadeur de Russie à Paris survint un événement qui le fit presque désespérer de la possibilité de maintenir en France l'ordre des choses à la conservation duquel il avait consacré tous ses efforts. Le ministère du duc de Richelieu fut renversé et „ce sujet adoptif" de l'Empereur de Russie disparut de la scène politique.

Aussitôt après sa rentrée à Paris, Pozzo di Borgo eut l'occasion de remarquer qu'un changement notable est survenu dans l'état de choses politique, à la suite de l'absence de Richelieu. Il eut l'occasion de constater que Decazes, le rival de Richelieu, réussit à gagner la faveur du roi et à obtenir la confiance du parlement français. L'ambassadeur de Russie se crut autorisé à intervenir dans ces affaires en vue de soutenir Richelieu.

L'Empereur Alexandre éprouvait des sentiments de sincère sympathie pour Richelieu et ne désirait nullement sa chute. Toutefois il trouvait qu'il n'appartenait pas à son représentant à Paris d'intervenir directement dans les affaires intérieures de la France et de lui imposer ses vues personnelles. Le comte Capodistria s'appliqua à expliquer à Pozzo di Borgo, d'une manière très sensée, que le représentant du gouvernement Impérial en France était tenu de „*veiller*" à l'inviolabilité des traités conclus et de la charte (*sic!*) mais non de „*surveiller*" l'exécution de ces actes. En veillant à la foi des traités et à l'intégrité de la constitution, il sauvegarde les intérêts de l'Europe, tandis qu'en surveillant leur exécution, il est forcé d'intervenir sans cesse dans les affaires intérieures de la nation française et s'occupe dès lors à sauvegarder non pas les intérêts généraux de l'Europe, mais exclusivement ceux de la France. (Lettre du comte Capodistria du 13 (25) décembre 1818).

Il est vrai que dans une autre lettre confidentielle de la même date, le comte Capodistria confirme de nouveau l'approbation, donnée par l'Empereur aux considérations énoncées par Pozzo di Borgo sur la situation intérieure de la France, qui prit, à la fin de l'année 1818, une tournure sérieuse. On lui fait part de la conviction de l'Empereur, „que le jour, où Monsieur

стящимъ результатомъ Ахенскаго конгресса, прежде всего, Императору Александру и его ближайшимъ совѣтникамъ, изъ которыхъ въ особенности гр. Каподистріа и Поццо ди Борго были вѣрными защитниками интересовъ французскаго народа. Но послѣ возвращенія русскаго посла въ Парижъ совершилось событіе, которое заставило его почти отчаяваться въ возможности поддержанія во Франціи того порядка вещей, сохраненію котораго онъ посвящалъ всѣ свои силы. Случилось низверженіе министерства дюка Ришелье и, въ частности, исчезновеніе этого „усыновленнаго подданнаго" русскаго Императора съ политической сцены.

Немедленно послѣ своего возвращенія въ Парижъ Поццо ди Борго замѣтилъ, насколько существеннымъ образомъ, за отсутствіемъ Ришелье, измѣнилось положеніе вещей. Онъ не могъ не видѣть, что противнику Ришелье, Деказу, удалось утвердить за собою расположеніе короля и завоевать довѣріе французскаго парламента. Русскій посолъ счелъ себя въ правѣ вмѣшаться въ эти дѣла съ цѣлью поддержки Ришелье.

Императоръ Александръ питалъ чувства искренняго расположенія къ Ришелье и никакъ не желалъ его паденія. Но онъ полагалъ, что его представитель въ Парижѣ не долженъ прямо вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и навязывать ей свои личные взгляды. Графъ Каподистріа очень вразумительно объяснилъ Поццо ди Борго, что представитель Императорскаго правительства во Франціи обязанъ *наблюдать* за святостью заключенныхъ трактатовъ и хартій (sic!), но онъ не призванъ *надзирать* за исполненіемъ того и другого. Наблюдая за исполненіемъ трактатовъ и хартіи, онъ охраняетъ интересы Европы; надзирая же за ними, онъ принужденъ будетъ постоянно вмѣшиваться во всѣ внутреннія дѣла французскаго народа, и тогда уже охранять не общеевропейскіе интересы, но исключительно французскіе. (Письмо гр. Каподистріа отъ 13-го (25-го) декабря 1818 года).

Правда, въ другомъ конфиденціальномъ письмѣ отъ того же числа, гр. Каподистріа вновь подтверждаетъ одобреніе Государя всѣмъ разсужденіямъ Поццо ди Борго о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, которыя въ концѣ 1818 года приняли критическій оборотъ. Ему сообщается убѣжденіе Государя, что „въ тотъ день, когда Тальеранъ сдѣлался бы главою правительства

de Talleyrand parviendrait à la tête de l'administration, Sa Majesté aurait complètement désespéré du salut de la France". Toutefois on recommande à l'ambassadeur de n'agir sur le roi et ses ministres, que par une propagande de „*principes*" c. a. d. en cherchant à les convaincre que l'alliance entre les grandes puissances est inébranlable et qu'elle a été formellement confirmée par les actes du congrès d'Aix-la-Chapelle. La France jouira des fruits de cette alliance, tant qu'elle gardera la foi des traités internationaux, obligatoires pour elle.

A fin de l'année 1818, le duc de Richelieu donna sa démission qui fut accepté par le roi, et Decazes devint premier ministre. Pozzo di Borgo fit tout ce qui était en son pouvoir pour prévenir cette catastrophe. Le comte Nesselrode, arrivé à Paris d'Aix-la-Chapelle, persuadait également le duc de Richelieu de ne pas quitter son poste. Pozzo di Borgo fit auprès de lui assaut d'éloquence pour lui faire abandonner ses projets de démission. Tout fut inutile: Richelieu jugea sa position insoutenable et quitta son poste.

La-dessus, Pozzo di Borgo, du consentement du comte Nesselrode, demanda une audience au roi Louis XVIII et lui exposa que les successeurs de Richelieu n'ont rien fait jusqu'à présent qui ferait supposer qu'ils comprennent le „système de confiance" entre les Etats, établi en 1815 et confirmé au congrès d'Aix-la-Chapelle. Peut-être ne sont-ils pas mêmes capables de comprendre „la simplicité et la grandeur" de ce système, à la création duquel ils n'ont pris aucune part.

D'après le témoignage de l'ambassadeur de Russie, le roi sembla fort troublé de ces paroles et dit que le duc de Richelieu se mit lui-même dans une position qui rendait son maintien au pouvoir impossible. Aussi le roi fut-il obligé d'accepter sa démission. (Rapport de Pozzo di Borgo du 20 décembre 1818 (1 janvier 1819).

Se trouvant dans l'impossibilité de prévenir la chute de Richelieu, avec lequel il entretenait les relations les plus amicales, Pozzo di Borgo cherche à expliquer à son gouvernement les causes vraies de cet événement. Il semble dissimuler avec intention que l'une d'elles était le trop grand empressement avec lequel Richelieu accueillait les ingérences de l'ambassadeur dans les affaires intérieures de la France. Pozzo di Borgo convient, il est vrai, que l'attachement de Richelieu à la Russie et à l'Empereur Alе-

Государь совершенно отчаявался бы въ спасеніи Франціи". Но всетаки послу предписывается преподавать французскому королю и его министрамъ только — „*принципы*," т. е. убѣждать, что союзъ между великими державами несокрушимъ и торжественнымъ образомъ подтвержденъ актами Ахенскаго конгресса. Франція же будетъ наслаждаться плодами этого союза, пока она хранитъ святость обязательныхъ для нея международныхъ трактатовъ.

Въ самомъ концѣ декабря 1818 года дюкъ Ришелье подалъ въ отставку, которая была принята королемъ, и Деказъ сдѣлался первымъ министромъ. Поццо ди Борго выбивался изъ силъ, чтобъ предупредить эту катастрофу. Графъ Нессельроде, пріѣхавъ изъ Ахена въ Парижъ, также уговаривалъ Ришелье не покидать своего поста. Поццо ди Борго всею силою своего краснорѣчія и вѣскихъ доводовъ убѣждалъ дюка не подавать въ отставку. Но все было напрасно: Ришелье считалъ свое положеніе невыносимымъ и оставилъ свой постъ.

Тогда Поццо ди Борго, съ согласія графа Нессельроде, испросилъ у короля Людовика XVIII аудіенцію и объяснилъ ему, что преемники Ришелье до сихъ поръ не дали никакихъ доказательствъ, что они понимаютъ ту „систему довѣрія" между державами, которая была установлена въ 1815 году и подтверждена на Ахенскомъ конгрессѣ. Можетъ быть они даже не въ состояніи понять „простоту и величіе" этой системы, ибо въ созданіи ея не участвовали.

По словамъ русскаго посла, король очень смутился этими замѣчаніями и сказалъ, что самъ дюкъ Ришелье поставилъ себя въ положеніе, въ которомъ онъ больше служить не могъ. Поэтому король принужденъ былъ принять его отставку. (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 20-го декабря 1818 г. (1-го января 1819 г.).

Не имѣвъ возможности предупредить паденіе Ришелье, съ которымъ Поццо ди Борго находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, онъ старается объяснить своему правительству истинныя причины этого событія. При этомъ русскій посолъ умышленно скрываетъ, что одна изъ такихъ причинъ несомнѣнно заключалась въ слишкомъ большой податливости Ришелье внушеніямъ и вторженіямъ самого посла въ правительственныя дѣла Франціи. Правда, Поццо ди Борго признается, что при-

xandre provoquait des soupçons et souvent de l'hostilité des Français à son égard. Il est certain que l'influence dominante de l'ambassadeur de Russie sur la politique du duc de Richelieu causait du déplaisir aux patriotes français. Le duc Decazes en profita habilement pour amener la chute du cabinet Richelieu.

Toutefois Pozzo di Borgo ne cache point combien il fut péniblement impressionné par la démission de Richelieu, qui amena une entière perturbation de ses plans.

„La présence du duc de Richelieu à la tête du Ministère français", écrivait-il à l'Empereur au mois de janvier 1819, „blessait l'orgueil des Français, attendu la carrière distinguée que ce personnage avait fait en Russie".

Cet inconvénient était également ressenti par les représentants des puissances étrangères à Paris, qui voyaient l'influence exclusive de l'ambassadeur de Russie sur la politique du gouvernement français. Pozzo di Borgo cite lui-même les paroles dites par l'ambassadeur d'Angleterre Stuart à l'ambassadeur d'Espagne immédiatement après la chute de Richelieu: „Enfin on écrit au Ministère français non soumis à l'influence d'une Cour étrangère". Lorsque l'ambassadeur d'Espagne attira l'attention de son collègue d'Angleterre sur les conséquences fatales que la chute de Richelieu pourrait avoir pour la dynastie des Bourbons, celui-ci ajouta „que les Bourbons n'avaient qu'à rester ou s'en aller et la France à se conserver monarchie ou se constituer république, car l'un ou l'autre était indifférent à son Cabinet depuis qu'il avait pris la résolution de ne pas se mêler des affaires de ce pays".

En signalant ces paroles sensées de l'ambassadeur d'Angleterre, Pozzo di Borgo ne dissimule pas sa profonde indignation au sujet de cette indifférence du représentant d'Angleterre pour la marche des affaires intérieures en France. En général, il existait toujours un profond antagonisme entre les représentants de l'Angleterre et de la Russie à la Cour de France.

On peut se faire facilement une idée de l'impression produite à St.-Pétersbourg par la nouvelle de la démission de Richelieu. Bien qu'on n'ignorait pas dans cette capitale les grandes difficultés avec lesquelles le premier Ministre en France avait à lutter, on n'esperait pas moins qu'il finirait par les surmonter et qu'il en sortirait vainqueur grâce à la protection

вязанность Ришелье къ Россіи и Императору Александру вызывала подозрительность, а иногда и враждебность къ нему французовъ. Но, нѣтъ сомнѣнія, что рѣшительное вліяніе русскаго посла на всю политику дюка Ришелье вызывало справедливое неудовольствіе французскихъ патріотовъ. Этимъ обстоятельствомъ весьма удачно воспользовался Деказъ для низверженія дюка де Ришелье.

Впрочемъ, самъ Поццо ди Борго не скрываетъ, насколько отставка Ришелье ему лично была непріятна и разстроила всѣ его планы.

„Нахожденіе дюка Ришелье во главѣ французскаго министерства", писалъ онъ въ январѣ 1819 года своему Государю, „оскорбляло гордость французовъ въ виду блестящей карьеры, сдѣланной имъ въ Россіи".

Неудобство это чувствовалось также представителями иностранныхъ державъ въ Парижѣ, которые видѣли исключительное вліяніе русскаго посла на политику французскаго правительства. Самъ Поццо ди Борго приводитъ слова англійскаго посла Стьюарта, сказанныя имъ испанскому послу немедленно послѣ паденія Ришелье: „Наконецъ-то пишешь французскому министерству, не подчиненному вліянію иностраннаго двора". Когда же испанскій посолъ обратилъ вниманіе своего коллеги на пагубныя послѣдствія, которыя паденіе Ришелье можетъ имѣть для судьбы Бурбонской династіи, англійскій посолъ прибавилъ, что „Бурбоны могутъ оставаться или уходить, а Франція можетъ сохранять свою монархію или же устроить республику: то или другое индифферентно для его двора съ того момента, какъ онъ принялъ рѣшеніе больше не вмѣшиваться въ дѣла этой страны".

Приводя эти разумныя слова англійскаго посла, Поццо ди Борго выражаетъ свое глубокое возмущеніе по поводу такого равнодушнаго отношенія представителя Англіи къ ходу внутреннихъ дѣлъ Франціи. Вообще существовалъ постоянный антагонизмъ между представителями Англіи и Россіи при французскомъ дворѣ.

Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело въ Петербургѣ извѣстіе объ отставкѣ Ришелье. Хотя тамъ знали объ огромныхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось бороться французскому премьеру, тѣмъ не менѣе надѣялись, что онъ ихъ преодолѣетъ и выйдетъ побѣдителемъ, благодаря въ особенности покровительству самого Людовика XVIII

personnelle de Louis XVIII. Les résultats si éclatants, assurés à la France par le congrès d'Aix-la-Chapelle, devaient, il semble, relever le prestige de Richelieu à une hauteur inouie. L'événement a prouvé le contraire. Après le congrès d'Aix-la-Chapelle, la cessation de l'occupation étrangère, la réduction de la contribution de guerre, Richelieu n'était plus nécessaire au roi de France, qui d'ailleurs n'avait jamais eu beaucoup de sympathie pour sa personne.

Dans une dépêche au comte Nesselrode du 25 janvier 1819, Pozzo di Borgo exprime ses regrets sincères au sujet de la retraite de Richelieu dont „les succès glorieux l'ont mis à même d'apprécier les principes de religion et de morale sur lesquels est basé l'édifice politique de l'Europe, tel qu'il a été établi par les actes de Vienne et de Paris, et qu'il vient d'être cimenté par les transactions d'Aix-la-Chapelle".

Toutefois le gouvernement Impérial jugeait opportun d'observer une grande circonspection à l'égard du nouveau cabinet français. On recommande à Pozzo di Borgo d'adopter strictement une „attitude d'observation" et de se tenir en garde contre les intrigues qu'on pouvait ourdir contre lui. L'Empereur se réserve de déterminer le moment, où il jugera possible de renouveler les anciennes relations intimes avec le gouvernement français.

Ceci n'arriva pas de si tôt.

L'acte ci-dessous est le résultat naturel des pourparlers poursuivis et des engagements diplomatiques, convenus à Aix-la-Chapelle.

Блестящіе для Франціи результаты Ахенскаго конгресса должны были, казалось, поставить престижъ Ришелье на особенную высоту. На самомъ дѣлѣ вышло совершенно наоборотъ: послѣ Ахенскаго конгресса, прекращенія иностранной оккупаціи и уменьшенія военной контрибуціи, Ришелье уже больше былъ не нуженъ французскому королю, который, впрочемъ, никогда не питалъ большого къ нему расположенія.

Въ депешѣ гр. Нессельроде къ Поццо ди Борго отъ 25-го января 1819 года выражается сожалѣніе по поводу отставки Ришелье, блестящіе успѣхи котораго „дали ему возможность оцѣнить религіозныя и нравственныя начала, на которыхъ зиждется политическое зданіе Европы въ томъ видѣ, какъ оно было создано актами Вѣнскими и Парижскими и укрѣплено Ахенскими соглашеніями".

Однако Императорское правительство считало абсолютно нужнымъ соблюдать большую осторожность въ отношеніи новаго французскаго кабинета. Поццо ди Борго настоятельно рекомендуется сохранять „наблюдательное положеніе" и быть на стражѣ противъ всевозможныхъ происковъ, которые будутъ направлены противъ него. Государь оставляетъ за собою право самому опредѣлить моментъ, когда можно будетъ возобновить прежнія близкія сношенія съ французскимъ правительствомъ.

Это не скоро случилось.

Нижеслѣдующій актъ есть естественное послѣдствіе Ахенскихъ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній.

№ 517.

Protocole.

Les Cours d'Autriche, de France, de la Grande Bretagne, de Prusse et de Russie, ayant approuvé et accepté le projet d'arrangement annexé au protocole qui a été signé à Paris le 12 décembre 1818, ayant pour objet de déterminer le mode de l'acquittement des derniers cent millions de francs que la France doit fournir aux Puissances alliées, à titre d'indemnité pécuniaire; et les ministres soussignés s'étant réunis

№ 517.

Протоколъ.

По одобреніи и принятіи Дворами Австрійскимъ, Французскимъ, Великобританскимъ, Прусскимъ и Россійскимъ проекта соглашенія, приложеннаго къ протоколу, подписанному въ Парижѣ 12-го декабря 1818 года, объ опредѣленіи способа возмѣщенія послѣднихъ ста милліоновъ франковъ, которые Франція должна уплатить союзнымъ Державамъ въ видѣ денежнаго вознагражденія, нижеподписавшіеся ми-

aujourd'hui pour, en vertu de leurs pouvoirs, régler son exécution, sont convenus que l'arrangement susmentionné reste et demeure définitivement arrêté, tel qu'il est joint au présent protocole.

Paris, le 2 février 1819.

(L. S.) Le Baron de Vincent.
(L. S.) Le Marquis Dessolles.
(L. S.) Charles Stuart.
(L. S.) H. de Goltz.
(L. S.) Pozzo di Borgo.

нистры, въ силу данныхъ имъ полномочій, собравшись сего числа для правилъ, касающихся его постановленія, исполненія, рѣшили, что вышеупомянутое соглашеніе будетъ почитаться окончательно установленнымъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ приложеніи къ настоящему протоколу.

Парижъ, 2-го февраля 1819 года.

(М. П.) Баронъ де Венсанъ.
(М. П.) Маркизъ Дессоль.
(М. П.) Карлъ Стьюартъ.
(М. П.) Г. фонъ Гольцъ.
(М. П.) Поццо ди Борго.

Annexe.

Arrangement définitif pour régler le mode et les époques de l'acquittement des derniers cent millions de l'indemnité pécuniaire à fournir par la France.

Приложеніе.

Окончательное соглашеніе объ опредѣленіи способа и сроковъ возмѣщенія послѣднихъ ста милліоновъ франковъ денежнаго вознагражденія, уплачиваемаго Франціею.

Les circonstances existantes ayant fait connaitre la nécessité de chercher les moyens de diminuer, autant que possible, la masse des inscriptions de rente du grand livre de la dette publique de France, qui seraient immédiatement mises en vente sur la place de Paris, il a été convenu ce qui suit.

Въ виду того, что настоящія обстоятельства указываютъ на необходимость изысканія способовъ уменьшенія, насколько возможно, количества выпускаемыхъ, по главной книгѣ французскаго государственнаго долга, рентныхъ свидѣтельствъ, немедленно поступающихъ въ продажу на Парижскій рынокъ, съ общаго согласія постановляется нижеслѣдующее.

Article I.

L'inscription de 6.615.944 francs de rente délivrée par la France aux Cours d'Autriche, de la Grande Bretagne, de Prusse et de Russie, conformément à l'article V de la convention du 9 octobre 1818, restera en dépôt entre les mains des commissaires des dites Cours, jusqu'au

Статья I.

Выпускъ ренты на 6.615.944 франка, сдѣланный Франціей въ пользу Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго, Прусскаго и Россійскаго, согласно статьѣ V конвенціи 9 октября 1818 года, останется на храненіи у коммиссаровъ сказанныхъ Дворовъ до

1-r juin 1820. En conséquence, le contrat passé entre les Cours d'Autriche, de la Grande Bretagne, de Prusse et de Russie, et les maisons Hope et Compagnie, Baring frères et Compagnie, pour la réalisation du capital de ladite inscription de rente, est considéré comme nul et non avenu.

1-го іюня 1820 года. Вслѣдствіе сего заключенный между Дворами Австрійскимъ, Великобританскимъ, Прусскимъ и Россійскимъ и домами Гопе и комп. и братьевъ Берингъ и комп. договоръ о реализаціи капитала на сказанную сумму ренты признается не имѣющимъ силы.

Article II.

Conformément à l'article ci-dessus, l'inscription de 2.205.314 francs que les quatre commissaires spéciaux avaient remise, le 2 décembre 1818, aux maisons Hope et Compagnie, Baring frères et Compagnie, en exécution du contrat de vente susmentionné, sera rendue par ces mêmes maisons de Banque aux quatre commissaires, lesquels leur restitueront en échange leurs engagements pour la même valeur. Ladite inscription de 2.205.314 francs sera transcrite par le Trésor Royal de France, et réunie sous les noms des quatre commissaires spéciaux à celle de 4.410.630 francs qui est restée entre leurs mains.

Статья II.

Согласно предыдущей статьѣ, рента на 2.205.314 франковъ, переданная четырьмя спеціальными коммиссарами 2-го декабря 1818 года домамъ Гопе и комп. и братьевъ Берингъ и комп., во исполненіе вышепомянутаго договора продажи, будетъ возвращена этими банкирскими домами четыремъ коммиссарамъ, которые взамѣнъ передадутъ имъ обратно ихъ обязательства на такую же сумму. Сказанная рента на 2.205.314 франковъ будетъ переписана французскимъ королевскимъ казначействомъ и присоединена, на имя четырехъ спеціальныхъ коммиссаровъ, къ рентѣ на 4.410.630 франковъ, которая остается на ихъ рукахъ.

Article III.

Au 1-r juin 1820, la France remettra aux susdites Cours, en échange de l'inscription susmentionnée de 6.615.944 francs de rente, des bons du Trésor Royal pour la somme de 100.000.000 de francs; les dits bons portant intérêt à cinq pour cent, payables en neuf mois, par parties égales, de jour en jour, à commencer le premier juin 1820, et à finir le premier mars 1821.

Les deux premiers tiers de ces bons ne seront pas négociables; mais le der-

Статья III.

Перваго іюня 1820 года Франція выдастъ поименованнымъ Дворамъ, взамѣнъ вышеупомянутой ренты на 6.615.944 франка, билетами королевскаго казначейства 100.000.000 франковъ, каковые билеты будутъ приносить 5% и подлежатъ погашенію въ теченіи девяти мѣсяцевъ, равными частями, каждодневно, начиная съ 1 іюня 1820 года и кончая 1 марта 1821 года.

Двѣ первыя трети этихъ билетовъ не будутъ обращены въ продажу; по-

nier tiers pourra être négocié, à dater du 1-r décembre 1820.

ARTICLE IV.

Les commissaires des Cours d'Autriche, de la Grande Bretagne, de Prusse et de Russie recevront les arrérages de ladite rente de 6.615.944 francs, inscrite avec jouissance du 22 septembre 1818, qui écheront depuis ce jour jusques, et compris, le 1-r juin 1820, date de l'échange préscrit pour en faire successivement la remise aux parties intéressées.

ARTICLE V.

Il est bien entendu que les dispositions ci-dessus ne préjudicient point aux arrangements conclus entre le gouvernement français et les susdites maisons Hope et Compagnie, Baring frères et Compagnie, ni aux modifications qui pourraient y être apportées à raison du présent arrangement.

ARTICLE VI.

Il est convenu qu'à l'époque où pourra être négocié le dernier tiers des bons qui seront mis à la disposition des Cours d'Autriche, de la Grande Bretagne, de Prusse et de Russie, conformément à l'article III du présent arrangement; et si elles ont l'intention d'user de cette faculté, le gouvernement français en sera prévenu, et aura, à conditions égales, la préférence pour négocier lesdits bons.

слѣдняя же треть можетъ подлежать продажѣ, начиная съ 1-го декабря 1820 года.

СТАТЬЯ IV.

Коммиссары Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго, Прусскаго и Россійскаго получатъ недоимку по сказанной рентѣ въ 6.615.944 франка, записанной къ выдачѣ съ 22 сентября 1818 года, сколько таковой причтется съ сего дня по 1 іюня 1820 года включительно, т. е. по время, назначенное для обмѣна, и будутъ послѣдовательно передавать оную заинтересованнымъ сторонамъ.

СТАТЬЯ V.

Разумѣется само собою, что вышеизложенныя постановленія нисколько не предосуждаютъ ни соглашеній, заключенныхъ французскимъ правительствомъ съ названными выше домами Гопе и комп. и братьевъ Берингъ и комп., ни измѣненій, которыя могутъ быть въ оныя внесены въ силу настоящаго соглашенія.

СТАТЬЯ VI.

Постановляется съ общаго согласія, что, по наступленіи срока, когда, на основаніи III статьи настоящаго соглашенія, послѣдняя треть билетовъ, переданныхъ въ распоряженіе Дворовъ Австрійскаго, Великобританскаго, Прусскаго и Россійскаго, можетъ быть обращена въ продажу, и если эти Дворы будутъ намѣрены воспользоваться таковымъ правомъ, французское правительство будетъ объ этомъ предупреждено и будетъ имѣть, при равныхъ условіяхъ, предпочтительное

Fait quintuple à Paris, le 2 février 1819.

(L. S.) Le Baron de Vincent.
(L. S.) Le Marquis Dessolles.
(L. S.) Charles Stuart.
(L. S.) H. de Goltz.
(L. S.) Pozzo di Borgo.

1819, 8 (20) juillet. Recès général de la commission de délimitation, signé à Francfort s. M.

(Voir t. IV, partie I, № 110—121, pag. 146—265).

№ 518.

1820, le 8 (20) juin. Acte d'accession de la France à l'acte de délimitation, signé à Francfort s. M.

Après sa démission, le duc de Richelieu reçut de l'Empereur Alexandre une lettre très amicale et flatteuse du 25 janvier 1819. „Vous n'ignorez pas", lui écrivait l'Empereur, „l'intérêt constant, que je n'ai cessé de vouer à la cause de votre patrie, ni la confiance que m'ont inspirée vos principes et votre caractère. Ces sentiments vous donneront la mesure des regrets que j'ai dû éprouver à la nouvelle d'un dénouement qui répond si peu aux justes espérances de l'Europe. Les actes d'Aix-la-Chapelle ont accompli l'œuvre de la restauration, commencée et cimentée sous les plus heureux auspices par les transactions antérieures. Ayant puissamment contribué à cette œuvre salutaire, vous sembliez appelé à concourir également au maintien du système de conservation générale qui en dérivait. La Providence en a disposé autrement".

право на покупку сказанныхъ билетовъ.

Составлено въ 5 экземплярахъ въ Парижѣ, 2-го февраля 1819 года.

(М. П.) Баронъ де Венсанъ.
(М. П.) Маркизъ Дессоль.
(М. П.) Карлъ Стьюартъ.
(М. П.) Г. фонъ Гольцъ.
(М. П.) Поццо ди Борго.

1819 г., іюля 8-го (20-го). Общее постановленіе о разграниченіи, подписанное во Франкфуртѣ на Майнѣ.

(См. т. IV, часть I-я, № 110—121, стр. 146—265).

№ 518.

1820 г., іюня 8 (20-го). Актъ приступленія Франціи къ акту разграниченія, подписанному во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Послѣ своей отставки дюкъ де Ришелье получилъ отъ Императора Александра весьма дружеское и лестное письмо отъ 25-го января 1819 года. „Вы знаете", писалъ Государь, „съ какимъ постояннымъ интересомъ я слѣдилъ за судьбою вашего отечества и съ какимъ довѣріемъ я относился къ вашимъ принципамъ и вашему характеру. Эти чувства вамъ послужатъ мѣрою того сожалѣнія, которое я долженъ былъ испытать, когда узналъ о развязкѣ, столь мало соотвѣтствующей справедливымъ надеждамъ Европы. Ахенскіе акты довершили дѣло реставраціи, начатое и упроченное при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ предшествовавшими соглашеніями. И такъ какъ вы могущественно содѣйствовали этому благому дѣлу, то казалось, что на вашу долю также выпадетъ поддержаніе общей охранительной системы, изъ нихъ вытекающей. Но Провидѣнію угодно было рѣшить иначе".

Les rapports et les lettres de Pozzo di Borgo confirmèrent encore davantage l'Empereur dans la pensée que la démission de Richelieu amenerait des suites très fâcheuses. L'ambassadeur de Russie informait son gouvernement que le roi était entièrement entre les mains de son favori — Decazes, qui en dispose d'une manière absolue. Il faisait pressentir une nouvelle catastrophe dans les affaires intérieures en France et donnait à entendre que l'union des grandes puissances de l'Europe ne pouvait rester impassible devant le coup d'Etat qui se préparait dans ce pays. (Rapport du 25 février (9 mars) 1819).

„L'intérêt", écrivait Pozzo di Borgo le 28 mars (9 avril) 1819, „qu'il appartient au Cabinet Impérial de prendre aux affaires de la France a rapport principalement au gouvernement intérieur de ce pays *(sic!)* et aux principes qui doivent en caractériser la nature et en consolider la durée". En partant de ce principe, Pozzo di Borgo critique avec sévérité la politique intérieure du nouveau ministère et s'applique à démontrer que Decazes se trouve dans la nécessité de pactiser avec les ennemis dangereux du gouvernement actuel, tels que „le parti démocratique, les militaires satellites de Bonaparte, et toutes les factions mal éteintes du pays pour s'en faire un appui en rendant le Roi instrument de cette révolution d'un nouveau genre". Les généraux les plus odieux à l'Europe sont réadmis au service et „l'armée de Waterloo est rétablie dans son entier". Enfin tous les doctrinaires et les démocrates-révolutionnaires sont en honneur.

En présence de cet état de choses, il signale l'impérieuse nécessité de prendre des mesures efficaces contre l'explosion imminente de cette nouvelle révolution en France.

„Dès qu'on délibère sur la France", dit-il en terminant ce rapport du mois de mars, „il est bien de se dire que l'on décide du sort et de la tranquillité du monde".

„Lorsqu'il s'agit de la France", écrit Pozzo di Borgo dans un autre rapport du 25 avril (7 mai), „il faut constamment avoir égard aux personnes, si on veut se tromper le moins possible sur les choses".

En vue de cette impression produite par le ministère Decazes sur l'ambassadeur de Russie, on comprend que ses relations avec lui se soient

Донесенія и письма Поццо ди Борго еще болѣе убѣждали Государя въ прискорбныхъ послѣдствіяхъ выхода въ отставку Ришелье. Русскій посолъ доносилъ, что король совершенно „въ рукахъ своего фаворита", Деказа, который распоряжается имъ, какъ ему угодно. Онъ предсказывалъ новую катастрофу во внутреннихъ дѣлахъ Франціи и доказывалъ, что союзъ великихъ европейскихъ державъ не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ готовящагося во Франціи государственнаго переворота (Донесеніе отъ 25-го февраля (9-го марта) 1819 года).

„Интересъ, съ которымъ Императорскій кабинетъ въ правѣ относиться къ дѣламъ Франціи", писалъ Поццо ди Борго 28-го марта (9-го апрѣля) 1819 года, „касается по преимуществу внутренняго управленія этого государства (sic!) и началъ, долженствующихъ опредѣлить его характеръ и упрочить его существованіе". Исходя изъ этой точки зрѣнія, Поццо ди Борго подвергаетъ внутреннюю политику новаго французскаго министерства весьма ядовитой критикѣ, доказывая, что Деказъ принужденъ дружить съ самыми опасными врагами существующаго правительства: „съ демократическою партіею, съ военными сподвижниками Бонапарта и со всѣми мало погасшими страстями страны, чтобъ создать изъ нихъ для себя опору и сдѣлать короля орудіемъ для революціи новаго рода". Наиболѣе ненавистные для Европы генералы опять принимаются на службу и „Ватерлооская армія опять цѣликомъ возстановлена". Наконецъ, всѣ доктринеры и революціонеры-демократы находятся въ большомъ почетѣ.

Въ виду такого положенія вещей Поццо ди Борго считаетъ нужнымъ рекомендовать принятіе дѣйствительныхъ мѣръ противъ неизбѣжной новой революціи во Франціи.

„Обсуждая французскія дѣла", заключаетъ онъ свое мартовское донесеніе, „надо непремѣнно помнить, что рѣшается судьба и спокойствіе всего міра".

„Если же имѣешь дѣло съ Франціею", пишетъ Поццо ди Борго въ другомъ донесеніи отъ 25-го апрѣля (7-го мая), „то постоянно нужно считаться съ лицами, разъ желаешь насколько возможно меньше ошибиться насчетъ дѣлъ".

Въ виду такого мнѣнія русскаго посла о министерствѣ Деказа, понятно будетъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ онъ ограничи-

bornées aux simples bienséances et aux affaires dont la liquidation était urgente.

Les craintes de Pozzo di Borgo au sujet des tendances du ministère Decazes étaient partagées par les représentants des autres grandes puissances à Paris, ainsi que par le gouvernement Impérial lui-même. Au commencement de mars, le baron Vincent, ambassadeur d'Autriche, convoqua à une délibération chez lui les représentants de Russie, d'Angleterre et de Prusse. Le maître de la maison commença les débats par un discours sur les dangers, dont l'Europe entière se trouve menacée par suite de la situation intérieure de la France. Tous les diplomates, sans excepter le ministre d'Angleterre Stuart, examinèrent en détail l'état de choses en France et la politique de Decazes, et arrivèrent à la conclusion unanime que par ses tendances et son personnel, le nouveau ministère constituait un danger manifeste pour la paix de l'Europe et l'ordre international, consacré par les traités. (Rapport de Pozzo di Borgo du 25 février (9 mars) 1819).

L'Empereur Alexandre partageait complètement les vues de son représentant à la Cour des Tuileries sur la politique du ministère Decazes. Il n'éprouvait également pour lui ni confiance, ni sympathie. La nécessité de maintenir l'alliance des quatre grandes puissances augmentait à mesure que s'accusaient les dangers qu'offraient les affaires de France. Cette alliance, reposant „sur les bases de la morale chrétienne", se présentait à l'Empereur comme l'unique ancre de salut à laquelle il fallait s'attacher coûte que coûte. Aussi l'Empereur recommandait-il à Pozzo di Borgo de ne pas témoigner au ministre d'Angleterre de déplaisir au sujet d'un excés de courtoisie dont celui-ci usait à l'égard de Decazes.

Il devait observer une grande circonspection dans ses rapports avec les nouveaux ministres français et ne donner lieu à aucun soupçon quant à la possibilité d'une altération de l'alliance des grandes puissances de l'Europe. (Dépêche à Pozzo di Borgo du comte Nesselrode du 5 mars et lettre du même du 31 mars 1819).

On comprend que le nouveau ministère français devait mettre en œuvre tous les moyens pour paralyser cette attitude hostile des grandes puissances alliées. Il importait surtout de rassurer l'Empereur de Russie et de lui faire accepter le changement survenu dans le gouvernement français. Decazes ne pouvait certaine-

вался самыми обыденными формами вѣжливости и самыми неотложными дѣлами, исполненіе которыхъ было ему предписано.

Опасенія Поццо ди Борго относительно тенденцій министерства Деказа раздѣлялись какъ представителями другихъ великихъ державъ въ Парижѣ, такъ и Императорскимъ правительствомъ. Въ началѣ марта австрійскій посолъ, баронъ Винцентъ, пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе представителей Россіи, Англіи и Пруссіи. Хозяинъ дома открылъ совѣщаніе рѣчью объ опасностяхъ, которыми угрожаетъ всей Европѣ внутреннее положеніе Франціи. Всѣ дипломаты, не исключая англійскаго посланника Стьюарта, подробно разсуждали о внутреннихъ дѣлахъ Франціи и политикѣ Деказа и пришли къ единогласному заключенію, что новое министерство, по своимъ тенденціямъ и личному составу, представляетъ явную опасность для европейскаго мира и обезпеченнаго трактатами международнаго порядка. (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 25-го февраля (9-го марта) 1819 года).

Императоръ Александръ вполнѣ раздѣлялъ взгляды своего представителя при Тьюльерійскомъ дворѣ на политику министерства Деказа. Онъ также не питалъ къ нему ни довѣрія, ни сочувствія. Чѣмъ больше была опасность, которою угрожали французскія дѣла, тѣмъ настоятельнѣе была потребность въ сохраненіи союза четырехъ великихъ державъ. Этотъ союзъ, будучи основанъ „на принципахъ христіанской морали", представлялся Государю единственнымъ якоремъ спасенія, котораго нужно было держаться изо всѣхъ силъ. Вотъ почему Государь рекомендовалъ Поццо ди Борго не показывать англійскому посланнику справедливаго неудовольствія по поводу его ухаживанія за Деказомъ.

Онъ долженъ былъ вести себя очень осторожно въ сношеніяхъ съ новыми французскими министрами и не вызывать подозрѣнія въ томъ, что союзъ великихъ европейскихъ государствъ дѣйствительно расшатался. (Депеша къ Поццо ди Борго отъ 5-го марта и письмо къ нему графа Нессельроде отъ 31-го марта 1819 года).

Понятно, что новое французское министерство должно было пустить въ ходъ всѣ средства, чтобъ парализовать такое враждебное къ нему отношеніе со стороны великихъ союзныхъ державъ. Въ особенности важно было успокоить русскаго Императора и примирить его съ происшедшею во французскомъ прави-

ment pas compter sur un changement dans les dispositions de Pozzo di Borgo à son égard. Mais il était désirable d'avoir à la cour de St.-Pétersbourg un représentant français qui pût paralyser l'action des dépêches haîneuses de Pozzo di Borgo sur l'Empereur.

C'est dans ce but que fut envoyé à St.-Pétersbourg, en juin 1819, le général Hulot sous prétexte d'acheter des chevaux, et cette affaire devait masquer la véritable mission du général.

Au commencement de mai, le marquis Dessolles, nouveau Ministre des Effaires Atrangères de France, adressa une lettre au comte Nesselrode pour lui faire part du désir du roi de nommer un nouveau titulaire au poste, devenu vacant de représentant de la France à la cour Impériale. Le roi pensa un moment de reexpédier à St.-Pétersbourg le comte de Noailles, mais ensuite il renonça à ce projet. Pozzo di Borgo ne donna aucune réponse aux ouvertures qu'on lui fit au sujet de la nomination de quelques hauts fonctionnaires, et la-dessus le gouvernement français proposa quatre candidats pour ce poste: 1) le comte Ricard, 2) le comte Laferronnays, 3) le comte Ruti et 4) le comte Maison. Le Ministre des Affaires Etrangères de France recommandait tout particulièrement le premier de ces candidats. (Lettre du marquis Dessolles au comte Nesselrode du 1 mai 1819).

L'Empereur Alexandre donna la préférence au second, le comte Laferronnays qui fut nommé ambassadeur de France. En mai 1819 arriva à St.-Pétersbourg le général Hulot, porteur d'une lettre de Decazes au comte Nesselrode du 1 mai. Le premier Ministre de France y exprima son vif déplaisir au sujet de l'attitude de Pozzo di Borgo. Il espèrait que l'Empereur voudra bien juger la situation des affaires en France avec plus d'impartialité que ne le fait son ambassadeur à Paris.

„Je n'ai pas le courage de vous parler de Pozzo", écrivait Decazes, „vous savez mon amitié pour lui, mais vous savez son imagination et ce qu'on ne peut contenir en lui. Depuis quelque temps, il se prononce beaucoup moins, mais vous ne vous faites pas d'idée du mal que nous a fait l'opposition presque officielle du corps diplomatique depuis quatre mois. Les faibles en ont été épouvantés, les méchants irrités et aigris, les opposants encouragés. Les seconds en ont tiré parti pour exaspérer la na-

тельствѣ перемѣною. Деказъ не могъ разсчитывать, что Поццо ди Борго положитъ гнѣвъ на милость и откажется отъ непріязни къ нему. Но желательно было имѣть при Петербургскомъ дворѣ французскаго представителя, который былъ бы въ состояніи парализовать дѣйствіе на Императора ядовитыхъ донесеній Поццо ди Борго.

Для устройства этого дѣла, въ іюнѣ 1819 года, былъ отправленъ въ Петербургъ генералъ Гюло, съ порученіемъ купить русскихъ лошадей. Это порученіе должно было маскировать настоящую задачу миссіи генерала.

Въ самомъ началѣ мая 1819 года новый французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, маркизъ Дессоль, написалъ графу Нессельроде письмо, въ которомъ сообщилъ желаніе короля замѣстить вакансію представителя при Императорскомъ дворѣ. Сперва король желалъ вернуть въ Петербургъ бывшаго посла, графа Ноайль, но потомъ онъ отказался отъ этой мысли. На сообщенныя Поццо ди Борго предложенія о назначеніи разныхъ лицъ, послѣдній ничего не отвѣчаетъ. Теперь французское правительство предлагаетъ на выборъ слѣдующихъ четырехъ кандидатовъ въ послы при Высочайшемъ дворѣ: 1) графа Рикаръ, 2) графа Лаферронэ, 3) графа Рюти и 4) графа Мэзона. Изъ нихъ особенно рекомендуется французскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ—первый. (Письмо маркиза Дессоль къ гр. Нессельроде отъ 1-го мая 1819 года).

Императоръ Александръ отдалъ предпочтеніе второму кандидату, графу Лаферронэ, который и былъ назначенъ французскимъ посломъ. Въ маѣ 1819 года прибылъ въ Петербургъ генералъ Гюло съ письмомъ Деказа къ графу Нессельроде отъ 1-го мая. Въ письмѣ французскій первый министръ высказываетъ свое серьезное неудовольствіе по поводу поведенія Поццо ди Борго. Онъ надѣется, что Государь судитъ о положеніи дѣлъ во Франціи болѣе безпристрастно, нежели его посолъ въ Парижѣ.

„У меня нѣтъ храбрости", писалъ Деказъ, „говорить вамъ о Поццо. Вы знаете мою къ нему дружбу, но вы знаете его воображеніе и то, отъ чего нельзя его удержать. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ осторожнѣе, но вы не можете себѣ представить, какое зло причиняетъ намъ чуть не оффиціальная оппозиція дипломатическаго корпуса эти четыре мѣсяца. Слабыхъ она привела въ ужасъ, злобныхъ въ негодованіе и раздраженіе, враговъ въ бодрость. Вторые воспользовались этимъ обстоятельст-

tion contre les étrangers, et le scandale était si patent qu'il ne nous était pas loisible de le nier ou de le démentir".

En terminant, Decazes porte à la connaissance du comte Nesselrode que lord Castelreagh adressa à l'ambassadeur d'Angleterre à Paris les instructions suivantes: le corps diplomatique à Paris doit se conduire comme le fait le corps diplomatique à Londres, et les représentants des cours étrangers à la cour des Tuileries doivent s'abstenir d'intervenir dans les affaires intérieures de la France, sauf le cas, où il le leur serait spécialement prescrit. C'était très clair, et le comte Nesselrode ne put se méprendre sur la portée de cette communication des instructions anglaises.

La réponse du comte Nesselrode du 8 (20) juin 1819, sanctionnée par Sa Majesté, semble quelque peu étrange. Profitant du fait que le général Hulot était ostensiblement chargé d'un achat de chevaux en Russie, le chef du cabinet russe commence par énoncer des considérations au sujet de cette question d'exportation et passe ensuite à celle de la situation intérieure de la France.

L'Empereur et tous ses alliés „regardent la tranquillité de l'Europe comme intimement liée à celle de votre pays", écrivait le comte Nesselrode à Decazes. Voici la raison du vif intérêt que prend tout le monde à la marche des affaires en France.

„Vous connaissez", poursuit le comte Nesselrode, „les conventions d'Aix-la-Chapelle. Elles sont constamment le guide de notre politique... L'Empereur, de son côté, ne cessera de faire des vœux pour que la France ne devienne de nouveau la victime des doctrines funestes, qui, depuis 25 ans, ont désolé le monde".

„Vous voyez, Monsieur le comte, que la politique de l'Empereur est bien simple. Elle est ce qu'elle a toujours été. Défendre en commun les intérêts de tous, repousser et combattre toute combinaison isolée et exclusive, maintenir l'inviolabilité des traités et celle des institutions qui en dérivent. C'est d'après ces principes que vous serez toujours sûr de calculer les résolutions de l'Empereur dans chaque circonstance que de futurs contingens pourront amener".

D'après cette lettre du Secrétaire d'Etat de Russie pour les affaires étrangères, le comte

вомъ для возбужденія народа противъ иностранцевъ, и скандалъ былъ настолько публиченъ, что нельзя ни отрицать его, ни стушевать".

Въ заключеніе Деказъ доводитъ до свѣдѣнія графа Нессельроде, что лордъ Кастльри далъ англійскому послу въ Парижѣ слѣдующую инструкцію: дипломатическій корпусъ въ Парижѣ долженъ вести себя, какъ ведетъ себя дипломатическій корпусъ въ Лондонѣ, и представители иностранныхъ державъ при Тьюильерійскомъ дворѣ не должны были бы вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, за исключеніемъ случаевъ, когда они на это получаютъ прямое предписаніе! Это было очень ясно, и графъ Нессельроде не могъ не понять значенія такого любезнаго сообщенія англійской инструкціи.

Отвѣтъ графа Нессельроде отъ 8-го (20-го) іюня 1819 года, Высочайше одобренный, довольно страннаго свойства. Въ виду того, что предлогомъ миссіи генерала Гюло послужило дѣло о вывозѣ изъ Россіи лошадей, графъ Нессельроде сперва вдается въ соображенія о лошадяхъ и ихъ вывозѣ. Потомъ ужъ онъ переходитъ къ вопросу о внутреннемъ положеніи Франціи.

Государь и всѣ его союзники „признаютъ спокойствіе Европы тѣснымъ образомъ связаннымъ съ спокойствіемъ вашей страны",— писалъ графъ Нессельроде Деказу. Вотъ причина того общаго интереса, съ которымъ всѣ относятся къ внутреннему положенію Франціи.

„Вы знаете", продолжаетъ гр. Нессельроде, „конвенціи, подписанныя въ Ахенѣ. Онѣ постоянно будутъ руководить нашею политикою... Государь, съ своей стороны, не перестанетъ желать, чтобъ Франція не сдѣлалась опять жертвою зловредныхъ доктринъ, которыя въ продолженіи 25 лѣтъ печалили міръ".

„Вы видите, графъ", заключаетъ свое письмо гр. Нессельроде, „что политика Государя Императора весьма проста. Она таковая какою была всегда: общими силами защищать интересы всѣхъ; отвергать и оспаривать всякую обособленную и исключительную комбинацію; поддерживать неприкосновенность трактатовъ и основанныхъ на нихъ учрежденій. Соображаясь съ этими принципами, вы всегда будете въ состояніи съ увѣренностью предвидѣть рѣшенія Государя въ каждомъ случаѣ, который можетъ быть созданъ въ будущемъ обстоятельствами".

Изъ этого письма русскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ графъ Деказъ

Decazes put se convaincre, que selon l'avis du gouvernement Impérial c'était un devoir pour les grandes puissances alliées d'intervenir dans les affaires intérieures de la France et qu'il reposait sur la nécessité de maintenir la paix de l'Europe. En d'autres termes, toute violation de cette paix accordait aux quatre puissances alliées qui en étaient les gardiens, le droit d'intervenir dans les affaires intérieures de tout Etat quelconque. Il semble difficile de supposer que le gouvernement français pût adopter ces „principes" sans des objections sérieuses.

L'événement prouva bientôt que le gouvernement britannique n'était également pas d'accord avec cette théorie du Cabinet Impérial. Stuart, l'ambassadeur d'Angleterre, assista à la première réunion des représentants des quatre puissances alliées, convoquée chez le ministre d'Autriche. Mais il reçut bientôt de lord Castelreagh des instructions qui rendaient impossible sa participation à ces déliberations: on lui donna l'ordre de n'y prendre aucune part.

Selon l'avis du gouvernement anglais, le *casus fœderis*, pour lui et les trois autres alliés, n'existait que dans les cas suivants: 1) le cas d'une agression de la part des Français, 2) le cas d'un retour de Bonaparte et 3) le cas d'un danger manifeste pour l'Europe, provoqué par la conduite de la France. (Rapport de Pozzo di Borgo du 11 (23) mai 1819).

L'ambassadeur de Russie à Paris s'efforce par toute espèce de considérations judicieuses de combattre ces thèses du gouvernement anglais, sans y réussir. Enfin, en homme d'une intelligence hors ligne, il dut se convaincre que la doctrine du comte Nesselrode, que celui-ci appliquait avec tant de conséquence, pouvait amener des suites très fatales. Pozzo di Borgo se prononça lui-même contre le projet autrichien d'une conférence diplomatique permanente à instituer à Paris dans le but d'examiner et de surveiller sans cesse les affaires intérieures de la France. Une conférence internationale de cette nature devait nécessairement provoquer le mécontentement des Français. Toutefois rien n'empêche les représentants des Cours alliées de se communiquer mutuellement, en toute confiance, leurs impressions au sujet des événements de l'évolution intérieure de la nation française. (Rapport de Pozzo di Borgo du 2 (14) juillet 1819).

долженъ былъ вынести убѣжденіе, что, по мнѣнію Императорскаго правительства, вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи есть долгъ великихъ союзныхъ государствъ и основано на необходимости сохранять спокойствіе Европы. Другими словами, всякое нарушеніе европейскаго спокойствія даетъ стражамъ этого спокойствія—четыремъ союзнымъ державамъ—право вмѣшиваться во внутреннія дѣла какого бы ни было государства. Трудно себѣ представить, чтобъ французское правительство могло признать эти „принципы" безъ существенныхъ оговорокъ.

Вскорѣ оказалось, что великобританское правительство также не согласно съ теоріею Императорскаго кабинета. Англійскій посолъ Стьюартъ присутствовалъ на первомъ совѣщаніи представителей четырехъ союзныхъ государствъ, созванномъ въ домѣ австрійскаго посланника. Но весьма скоро онъ получилъ отъ лорда Кастльри инструкцію, сдѣлавшую дальнѣйшее его участіе въ этихъ совѣщаніяхъ немыслимымъ: ему было приказано не принимать въ нихъ участія.

По мнѣнію англійскаго правительства, casus fœderis для него и трехъ другихъ союзниковъ существуетъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ случаѣ нападенія со стороны французовъ, 2) въ случаѣ возвращенія Бонапарта и 3) въ случаѣ неминуемой опасности для Европы, явно вызванной поведеніемъ Франціи. (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 11-го (23-го) мая 1819 года).

Русскій посолъ въ Парижѣ старается всевозможными остроумными соображеніями опровергнуть только-что приведенные англійскіе тезисы. Но это ему плохо удается. Наконецъ, обладая недюжиннымъ умомъ, онъ долженъ былъ самъ убѣдиться, что „доктрина" гр. Нессельроде, которую онъ проводилъ столь послѣдовательнымъ образомъ, можетъ привести къ очень опаснымъ послѣдствіямъ. Поццо ди Борго самъ сталъ оспаривать австрійское предложеніе объ учрежденіи во французской столицѣ постоянной международной конференціи для обсужденія и наблюденія за внутренними дѣлами Франціи. Подобная международная конференція неизбѣжно должна была вызвать справедливое неудовольствіе французовъ. Однако ничто не мѣшаетъ представителямъ союзныхъ державъ съ полнымъ довѣріемъ сообщать другъ другу свои впечатлѣнія насчетъ событій во внутренней жизни французскаго народа. (Донесеніе. Поццо ди Борго отъ 2-го (14-го) іюля 1819 года)

On comprend que personne ne pouvait s'opposer à un pareil échange d'idées entre les diplomates, accrédités à la cour des Tuileries, tout comme personne ne pouvait les empêcher de consigner dans les rapports adressés à leurs cabinets leurs considérations sur la marche de la politique intérieure du gouvernement français. Il y avait loin d'un semblable échange d'idées et de dépêches à une action directe et à une ingérence. En attendant, l'ambassadeur de Russie se permettait quelquefois d'agir directement et d'intervenir.

Toutefois, Pozzo di Borgo se rendait compte du danger de ces empiètements et s'imposait une grande circonspection pour ne pas soulever le déplaisir de Decazes. Mais il convenait lui-même que les affaires intérieures de la France absorbaient toute son attention. Ce n'est que rarement qu'il abordait les questions de politique extérieure en parlant de la France. Le rapport du 8 (20) novembre 1819 fait exception: il y caractérise la politique du cabinet Decazes à l'égard des puissances étrangères.

D'après son témoignage, le gouvernement français, aussi bien que la nation éprouvent une antipathie marquée pour l'Angleterre, sans la craindre, car ils savent que les complications intérieures absorbent entièrement l'attention du gouvernement britannique. Dans l'Autriche les Français voient une rivale, qui désire la déchéance de la France. Ils éprouvent une animosité instinctive pour la Prusse par le souvenir de sa conduite pendant les malheurs qui ont désolé la France. Enfin, en ce qui regarde la Russie, toutes les espérances de la nation et du gouvernement se tournent de son côté.

Cet aperçu de la situation intérieure et extérieure de la France amène Pozzo di Borgo aux conclusions suivantes quelque peu décourageantes:

„Lorsqu'on médite d'une manière abstraite sur les révolutions qui ont agité ce pays, un sentiment de dépit et de désespoir porterait à croire qu'il va se dissoudre une fois pour tout à disparaitre de la surface du globe; de l'autre côté, un examen plus réfléchi force à convenir qu'il existe un principe de cohésion peut-être inconnu à lui-même et qui, au milieu des discordes et des vicissitudes auxquelles un Empire puisse être exposé, conserve son caractère de nationalité". (Rapport du 8 (20) novembre 1819).

L'Empereur Alexandre approuva complètement toutes ces considérations de Pozzo di

Совершенно понятно, что никто не могъ воспрепятствовать такому обмѣну мыслей между дипломатами, аккредитованными при Парижскомъ дворѣ, подобно тому, какъ никто не могъ помѣшать имъ доносить своимъ правительствамъ всѣ свои соображенія насчетъ хода внутренней политики французскаго правительства. Отъ такого обмѣна мыслей или донесеній до воздѣйствія и вмѣшательства—очень далеко. Между тѣмъ русскій посолъ позволялъ себѣ и воздѣйствовать, и вмѣшиваться.

Впрочемъ, Поццо ди Борго не могъ не сознавать опасности и того и другого. Онъ старался быть осторожнымъ и не вызывать неудовольствія Деказа. Однако онъ самъ признавался, что внутреннія дѣла Франціи поглощали все его вниманіе. Только изрѣдка онъ распространялся о внѣшней политикѣ французскаго правительства. Исключеніе составляетъ одно донесеніе отъ 8-го (20-го) ноября 1819 года, въ которомъ онъ даетъ характеристику политики кабинета Деказа въ отношеніи иностранныхъ государствъ.

По его словамъ, французское правительство, какъ и народъ, относятся къ Англіи съ антипатіею, но они ея не боятся, зная, что внутреннія затрудненія поглощаютъ все вниманіе англійскаго правительства. Въ Австріи французы видятъ соперницу, которая желаетъ паденія Франціи. Въ отношеніи Пруссіи они чувствуютъ естественную непріязнь, вспоминая поведеніе этой державы во время постигшихъ Францію невзгодъ. Что касается, наконецъ, Россіи, то къ ней обращаются всѣ надежды французскаго народа и правительства.

Это обозрѣніе внутренняго и внѣшняго положенія Франціи приводитъ Поццо ди Борго къ слѣдующему печальному заключенію:

„Когда подумаешь абстрактнымъ образомъ о переворотахъ, потрясавшихъ эту страну, чувство разочарованія и отчаянія подсказываетъ мысль, что она обречена навсегда исчезнуть съ лица земли. Но, съ другой стороны, болѣе основательное размышленіе заставляетъ согласиться, что существуетъ какое-то начало сплоченія, которое, можетъ быть ею самою не сознаваемое, сохраняетъ за нею національный характеръ, несмотря на раздоры и бѣдствія, могущія постигнуть государство". (Донесеніе отъ 8-го (20-го) ноября 1819 г.).

Императоръ Александръ совершенно одобрилъ всѣ соображенія Поццо ди Борго о

Borgo sur les affaires en France et son attitude pleine de réserve à l'égard du ministère Decazes.

„L'Empereur", lui écrivait le comte Nesselrode le 27 novembre 1819, „veut que ses Ministres parlent constamment et invariablement comme vous l'avez fait, Monsieur le général, en dernier lieu, le langage de transactions. Et s'ils doivent se permettre quelque activité et de l'énergie,—afin d'opérer sur la persuasion de leurs collègues et des cabinets auprès desquels ils sont accrédités, — cette influence ne doit avoir pour objet que *le maintien de l'alliance générale, — la lettre des traités, — l'inviolabilité des engagements qu'ils consacrent*".

Bien que ces derniers mots aient été soulignés dans la dépêche du comte Nesselrode et dussent exprimer les pensées les plus intimes de l'Empereur Alexandre, il faut convenir que ces phrases ronflantes ne se distinguent pas par la profondeur de la pensée. Mais elles sonnent bien.

Lorsque le comte de Laferronnays, nouvel ambassadeur de France, arriva à St.-Pétersbourg en novembre 1819, l'Empereur Alexandre lui exprima à la première audience ses craintes sérieuses quant au maintien des traités, si la France ne réussit pas à sauvegarder à l'intérieur l'ordre et la tranquillité.

„Nous ne ferons pas de politique ensemble", dit l'Empereur à l'ambassadeur, „et que si dans vos relations avec nous, vous mettrez cette franchise, cette loyauté, sans laquelle, avec moi du moins, on ne fait pas d'affaires ou l'on n'en fait que de mauvaises. Je vous donnerai moi-même l'exemple de cette franchise (et en élevant la voix): J'aime le roi, je lui suis sincèrement attaché, et je crois aussi avoir prouvé que je porte de l'intérêt à la France, mais je ne vous cache pas que depuis longtemps, ce qui se passe chez vous m'a donné beaucoup d'inquiétude; elle est une preuve de plus de mon attachement pour le roi et de mon désir de voir son bonheur et celui de la France plus assuré".

„Les conférences d'Aix-la-Chapelle ont créé entre les Puissances une union qui est et doit rester indissoluble; quiconque chercherait à la rompre doit être regardé comme *l'ennemi du monde (sic!)* et justifierait les mesures de sûreté et de conservation générale qu'alors il faudrait prendre".

„La France", dit l'Empereur en terminant,

французскихъ дѣлахъ, равно и его осторожный образъ дѣйствій въ отношеніи министерства Деказа.

„Государь",—писалъ ему графъ Нессельроде 27-го ноября 1819 года, „желаетъ, чтобъ всѣ его министры постоянно и неизмѣнно говорили такъ, какъ вы, генералъ, недавно говорили—*языкомъ соглашеній*. И если они должны позволить себѣ нѣкоторую активность и энергію, съ цѣлью воздѣйствовать на убѣжденія своихъ коллегъ и кабинетовъ, при которыхъ они аккредитованы, то это вліяніе не должно имѣть другой цѣли, кромѣ *сохраненія общаго союза, буквы трактатовъ, неприкосновенности освященныхъ ими обязательствъ*".

Несмотря на то, что послѣднія слова подчеркнуты были въ депешѣ графа Нессельроде и должны были выражать самыя сокровенныя мысли Императора Александра, все-таки нельзя не сказать, что эти громкія фразы глубиною мыслей не отличаются. Но онѣ хорошо звучатъ...

Когда новый французскій посолъ, графъ Лаферроннэ, пріѣхалъ въ Петербургъ, въ ноябрѣ 1819 года, Императоръ Александръ, на первой же аудіенціи, высказалъ ему свои серьезныя опасенія насчетъ сохраненія трактатовъ, если Франція не поддержитъ у себя спокойствія и порядка.

„Мы не будемъ заниматься съ вами политикою", сказалъ Государь французскому послу. „Внесите въ ваши сношенія съ нами ту искренность и честность, безъ которой, по крайней мѣрѣ со мною, нельзя достигнуть результатовъ, кромѣ только плохихъ. Я самъ вамъ дамъ доказательство этой искренности (и возвышая голосъ), я люблю короля, къ нему искренно привязанъ и, полагаю, я доказалъ мое расположеніе къ Франціи. Но я не скрою отъ васъ, что уже давно меня очень безпокоитъ то, что у васъ происходитъ. Въ этомъ вы можете усмотрѣть только новое доказательство моей привязанности къ королю и моего желанія видѣть счастье его и Франціи болѣе обезпеченнымъ".

„Ахенскія конференціи", продолжалъ Государь, „создали между государствами союзъ, который неразрывенъ и долженъ таковымъ оставаться. Кто попытается его разрушить, тотъ долженъ быть признанъ *врагомъ человѣчества* (sic!) и далъ бы право на всѣ мѣры безопасности и общаго сохраненія, которыя нужно было бы тогда принять".

„Франція", заключилъ Государь, „по соб-

„a été volontairement agrégée à cette union d'abord formée contre elle, elle en a accepté les conditions et les conséquences. . . . Ce serait un malheur pour l'Europe, mais surtout pour la France, si elle cherchait à séparer ses intérêts de l'intérêt général, surtout, si par des nouveaux bouleversements inquiétants pour la tranquillité générale, elle dirigeait de nouveau contre elle l'attention de l'Europe".

On comprend que le nouvel ambassadeur prit avec ardeur la défense de son gouvernement, en signalant les difficultés sérieuses, avec lesquelles il avait à lutter, grâce aux nombreux partis politiques et la rivalité des intérêts qui les divisaient.

L'Empereur Alexandre écouta avec bienveillance le comte Laferronnays et termina l'audience par ces paroles: „Au reste que des faits justifient les intentions de vos ministres, et je leur rends toute ma confiance".

L'ambassadeur donna communication au comte Nesselrode du rapport par lequel il rendait compte à son gouvernement de cette première audience chez l'Empereur. Sa Majesté confirma et approuva ce compte rendu et ordonna d'en faire part au comte Pozzo di Borgo, — ce qui fut exécuté par une dépêche du 29 novembre 1819.

Les dernières paroles, adressées par l'Empereur Alexandre à l'ambassadeur de France à cette audience prouvent qu'il se réservait le droit imprescriptible de surveiller les tendances suivies par le gouvernement français. Il promet de rendre sa confiance aux ministres français, s'ils consentent à agir conformément aux principes politiques, qu'il reconnait comme les bases de l'ordre européen. S'ils se permettent d'aller à l'encontre de ces principes, l'Empereur de Russie menaçait de les dénoncer comme „des ennemis du genre humain".

Il est naturel que cette manière d'agir de l'Empereur Alexandre provoquât en France de graves malentendus et donnât lieu à toute espèce d'accusations et d'insinuations qui faisaient entendre que le gouvernement russe détestait le nouveau ministère français et cherchait à le renverser. Pozzo di Borgo reçut l'ordre, en février 1820, de refuter d'une manière catégorique ces accusations et ces insinuations. Il devait expliquer que l'Empereur Alexandre croit volontiers aux promesses données par le nouveau ministère français, écrivait le 24 février

ственному ея желанію примкнула къ этому союзу, первоначально направленному противъ нея; она приняла его условія и послѣдствія... Было бы несчастьемъ для Европы, но въ особенности для Франціи, если бъ она стремилась отдѣлить свои интересы отъ общаго блага и, въ особенности, если бъ новыми тревожными для общаго спокойствія переворотами она снова обратила на себя вниманіе Европы".

Понятно, что новый французскій посолъ съ жаромъ защищалъ свое правительство, указывая на огромныя затрудненія, съ которыми ему приходится бороться, благодаря разнообразію какъ политическихъ партій, такъ и сложности раздѣляющихъ ихъ интересовъ.

Императоръ Александръ благосклонно выслушалъ графа Лаферроннэ и закончилъ аудіенцію слѣдующими словами: „Впрочемъ, пусть факты оправдаютъ намѣренія вашихъ министровъ, и я возвращу имъ полное мое довѣріе".

Графъ Нессельроде получилъ отъ французскаго посла, для прочтенія, его донесеніе своему правительству о первой аудіенціи у Государя Императора Послѣдній утвердилъ и одобрилъ этотъ отчетъ, приказавъ сообщить его Поццо ди Борго, — что и было сдѣлано депешею отъ 29-го ноября 1819 года.

Изъ послѣднихъ словъ Императора Александра, сказанныхъ французскому послу на аудіенціи, совершенно ясно вытекаетъ, насколько онъ признавалъ за собою неотъемлемое право наблюдать за направленіемъ дѣятельности французскаго правительства. Онъ обѣщаетъ возвратить ему свое довѣріе, если французскіе министры будутъ дѣйствовать согласно съ тѣми политическими принципами, которые онъ признаетъ основными для всего европейскаго порядка. Если же они осмѣлятся идти противъ этихъ принциповъ, то русскій Императоръ угрожалъ объявить ихъ „врагами всего человѣчества".

Совершенно естественно, что образъ дѣйствія Императора Александра вызывалъ въ самой Франціи сильныя недоразумѣнія и давалъ поводъ къ всевозможнымъ обвиненіямъ и инсинуаціямъ въ родѣ того, что русское правительство ненавидитъ новое французское министерство и желало бы его низверженія. Поццо ди Борго было приказано, въ февралѣ 1820 года, опровергать эти обвиненія и клеветы самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ долженъ былъ объяснить, что Императоръ Александръ охотно вѣритъ въ данныя новымъ

1820 le comte Nesselrode à Pozzo di Borgo, „mais nous sommes bien loin d'y répondre avec un égal empressement, et nous croyons même de notre devoir de ne pas lui en laisser ignorer les motifs".

Au moment où le comte Nesselrode écrivait ces lignes, des événements se passèrent à Paris qui amenèrent un changement dans le gouvernement. En novembre 1819 le ministère Decazes subit une grave modification, les ministres St. Cyr, Dessolles et Louis donnèrent leur démission. Decazes resta toujours le favori du roi et, à en croire Pozzo di Borgo, s'il fût tombé, „il eût emporté avec lui les richesses, les malédictions et le mépris de la nation entière". (Rapport du 10 (22) novembre 1819).

L'ambassadeur de Russie eut bientôt l'occasion de se convaincre que ses prévisions au sujet du sort de Decazes comme favori ne se confirmèrent pas entièrement. Après l'assassinat du duc de Berry en février 1820, Decazes donna en effet sa démission, mais le roi lui conféra le titre de duc et le nomma au poste important d'ambassadeur de France à Londres. Les circonstances obligèrent le roi Louis XVIII de s'adresser encore une fois au duc de Richelieu qui occupa de nouveau le poste de premier ministre.

Par une lettre du 10 (22) février 1820 Richelieu s'empressa de faire part à l'Empereur Alexandre de sa nomination. Le meurtre odieux du duc de Berry souleva l'indignation de tous les Français bien pensants, écrit Richelieu, et provoqua la nécessité de nouvelles lois qui seront promulguées incessamment.

„C'est jusqu'à cette époque très prochaine", poursuit sa lettre le premier ministre de France, „que je supplie Votre Majesté Impériale de suspendre *son indignation contre nous (sic!)*. Je sens que nos folies et nos crimes ne sont pas faits pour inspirer confiance, mais il faut nous traiter comme des malades et il n'est pas impossible que la raison ne soit pas bannie pour toujours de ce malheureux pays".

„Daignez, Sire, croire que la pensée d'obtenir le suffrage de Votre Majesté Impériale est toujours la règle de mes actions. Puisse-t-elle me soutenir dans ma douloureuse et pénible carrière et puisse-je, la France une fois sortie

французскимъ министерствомъ обѣщанія, „но мы далеки отъ того", писалъ 24-го февраля 1820 г. гр. Нессельроде Поццо ди Борго, „чтобъ отвѣчать на нихъ съ равною горячностью, и мы даже считаемъ нашимъ долгомъ поставить его въ извѣстность о побудительныхъ къ тому основаніяхъ".

Въ то время, когда графъ Нессельроде написалъ только что приведенныя строки, въ Парижѣ совершились событія, приведшія къ новой перемѣнѣ правительства. Въ ноябрѣ 1819 года министерство Деказа подверглось важному преобразованію: министры Сенъ-Сиръ, Дессоль и Луи вышли въ отставку. Деказъ еще остался фаворитомъ короля и, если вѣрить, Поццо ди Борго, „еслибъ онъ палъ, то унесъ бы съ собою богатства, проклятія и презрѣніе цѣлаго народа". (Донесеніе отъ 10-го (22-го) ноября 1819 года).

Русскій посолъ имѣлъ случай неожиданно скоро убѣдиться, что предсказаніе его относительно судьбы Деказа, какъ фаворита, не вполнѣ оправдалось. Послѣ убійства дюка де Берри, въ февралѣ 1820 года, Деказъ, правда вышелъ въ отставку, но онъ унесъ съ собою пожалованный ему королемъ титулъ дюка и важнѣйшій постъ французскаго посла въ Лондонѣ. Обстоятельства принудили короля Людовика XVIII опять обратиться къ помощи Ришелье, который во второй разъ занялъ постъ перваго министра французскаго короля.

Письмомъ отъ 10-го (22-го) февраля 1820 года Ришелье самъ извѣстилъ Императора Александра о своемъ назначеніи на постъ перваго министра. Гнусное убійство дюка Беррійскаго возмутило всѣхъ здравомыслящихъ французовъ, пишетъ Ришелье, и вызвало необходимость изданія новыхъ законовъ, которые будутъ вскорѣ обнародованы.

„До этого весьма близкаго времени", продолжаетъ свое письмо французскій первый министръ, „я умоляю Ваше Императорское Величество отсрочить *ваше негодованіе противъ насъ* (sic!). Я чувствую, что наши сумасбродства и наши преступленія не таковы, чтобъ вселять довѣріе, но нужно обращаться съ нами, какъ съ больными, и не исключена возможность, что разумъ не навсегда будетъ изгнанъ изъ этой несчастной страны".

„Соблаговолите, Государь, повѣрить, что мысль заслужить одобреніе Вашего Императорскаго Величества всегда является масштабомъ моихъ дѣйствій. Благоволите меня поддержать въ моей многострадальной и тяжелой

de cette crise, aller mettre aux pieds de Votre Majesté l'hommage d'un cœur qui lui est dévoué".

Cette lettre éloquente de Richelieu est intéressante sous plus d'un rapport: elle témoigne, en premier lieu, de l'attachement sincère et du profond dévouement de Richelieu à la personne de l'Empereur Alexandre. D'une autre part, cela ne s'est jamais vu qu'un premier ministre d'une nation indépendante ait écrit une lettre de cette nature à un Souverain étranger, le suppliant de suspendre sa juste indignation contre cette nation dont ce ministre est appelé à diriger les destinées.

L'Empereur Alexandre répondit au duc de Richelieu, par une lettre du 3 (15) mars 1820, dans ce ton amical et protecteur dont il usait habituellement avec ce patriote français, cher à son cœur.

„La lettre du 10 (22) février", écrit l'Empereur, „m'a fait éprouver autant de peine que de satisfaction. . . Loin de croire que mon suffrage puisse ajouter à ceux, qui vous placent une seconde fois à la direction des affaires en France, je ne puis cependant pas me dispenser de vous en faire part actuellement, comme je l'ai fait en 1815 et en 1818".

„A présent, comme à ces deux époques, vous êtes appelé par le roi à devenir le médiateur entre les passions extrêmes et les partis, qu'elles enfantent".

„A présent comme alors, je fais taire les sentiments d'amitié personnelle, que vous m'inspirez, et n'écoutant que la voix impérieuse du devoir je vous répète: Sauvez le Roi et la Patrie!"

On peut se représenter facilement la joie qu'éprouva Pozzo di Borgo à la nomination du duc de Richelieu au poste de premier ministre. Ayant de tout temps entretenu des relations d'amitié avec lui et se rappelant l'influence qu'il exerçait lors de son premier ministère sur la politique intérieure et extérieure de la France, Pozzo di Borgo avait tout lieu de croire qu'il lui serait possible de reprendre ce rôle d'Egérie auprès du premier ministre. Le ton protecteur dont la réponse de l'Empereur Alexandre à Richelieu était empreinte semblait devoir le confirmer dans ces prévisions.

En effet, les rapports de Pozzo di Borgo

карьерѣ, и да будетъ мнѣ дана возможность, разъ Франція выйдетъ изъ настоящаго кризиса, повергнуть къ стопамъ Вашего Величества свидѣтельство сердца, которое вамъ предано".

Это краснорѣчивое письмо Ришелье интересно по многимъ причинамъ: оно служитъ, прежде всего, доказательствомъ искреннѣйшей привязанности и преданности Ришелье личности Императора Александра. Но, съ другой стороны, можно замѣтить, что едва ли когда либо первый министръ независимаго народа писалъ подобнаго рода письма иностранному Государю, умоляя его повременить своимъ справедливымъ негодованіемъ противъ народа, дѣлами котораго управляетъ этотъ министръ.

Императоръ Александръ отвѣтилъ Ришелье письмомъ отъ 3 (15-го) марта 1820 года въ той сердечной и покровительственной формѣ, въ какой онъ всегда относился къ любимому французскому патріоту.

„Письмо отъ 10-го (22-го) февраля", писалъ Государь, „вызвало во мнѣ чувства и боли, и удовлетворенія... Далека отъ меня мысль, что мой голосъ могъ бы прибавить вѣса тѣмъ голосамъ, которыми вы во второй разъ поставлены во главѣ французскаго народа. Однако, я не могу не высказать вамъ это и теперь, какъ я это сдѣлалъ въ 1815 и 1818 годахъ".

„Теперь, какъ и въ тѣ времена, вы призваны королемъ быть посредникомъ между крайними страстями и партіями, которыя ими порождаются".

„Теперь, какъ и тогда, я заглушаю чувства личной дружбы, которыя къ вамъ питаю, и только прислушиваясь къ повелительному голосу долга, повторяю вамъ: спасайте короля и ваше отечество!"

Не трудно себѣ представить искреннюю радость Поццо ди Борго по поводу назначенія Ришелье первымъ министромъ. Находясь съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и помня то огромное вліяніе, которое онъ оказывалъ на французскую внутреннюю и внѣшнюю политику во время перваго министерства Ришелье, Поццо ди Борго имѣлъ полное основаніе думать, что его прежняя роль Эгеріи при французскомъ премьерѣ къ нему возвратится. Покровительственный тонъ отвѣтнаго письма Императора Александра къ Ришелье долженъ былъ еще утвердить его въ такомъ взглядѣ на вещи.

И дѣйствительно, донесенія Поццо ди Борго

après la nomination de Richelieu sont pénétrés de certains sentiments de résolution et d'assurance en lui-même. Il voit dans la politique de l'Angleterre et de l'Autriche l'intention manifeste d'entretenir des troubles à l'intérieur de la France en vue de précipiter la déchéance de ce pays. Le gouvernement anglais cherche en particulier à saper les bases morales de l'alliance des quatre grandes Puissances. Selon son avis, le cabinet de Vienne travaille également à ébranler les fondements de l'alliance qui, dans le courant de l'année qui vient de s'écouler, „s'est éloignée de son principe" et „affaiblie dans ses liens".

En général, d'après le témoignage de l'ambassadeur de Russie à Paris, cette grande alliance „a perdu aux yeux des peuples le respect et aux yeux des factions la sainte terreur qu'elle leur avait inspirée". (Rapport de Pozzo di Borgo du 10 (22) février et du 5 (17) mars 1820).

L'Empereur Alexandre ne partageait nullement les vues de son ambassadeur à Paris ni quant aux moyens de réagir sur la politique intérieure de la France, ni encore moins quant à la mission de l'alliance des grandes Puissances qu'il avait contribué à fonder. Il jugeait nécessaire que Pozzo di Borgo menageât davantage l'orgueilleuse vanité des Français et intervint avec plus de réserve dans les affaires intérieures de la France. (Dépêche du comte Nesselrode du 5 (17) mars 1820).

Dans une lettre particulière de la même date, le comte Nesselrode énonce avec plus de franchise les pensées intimes de l'Empereur au sujet de l'attitude recommandée à son ambassadeur à Paris.

„Vous êtes Ministre de Russie en France", écrit le comte Nesselrode, „et votre ancien ami, Monsieur le duc de Richelieu, est replacé encore par la force des choses à la tête des affaires difficiles et critiques de ce pays... La vieille politique a cru voir déjà dans un avenir non lointain, la Russie et la France comme deux grands corps politiques, n'ayant qu'un seul et même principe de vie, de volonté et d'action . . . Mais la malveillance, pour achever son ouvrage, a été et va plus loin. Elle excita la vanité orgueilleuse des Français. Elle la met en délire par la licence éffrénée de la presse; et elle lui fait dire, que c'est encore le prétendu patronage de la Russie qui vient dominer en France, et qui pour dominer, il place et déplace les Ministres, comme il fait donner et révoquer à volonté des lois".

послѣ назначенія Ришелье на постъ главы французскаго правительства проникнуты чувствами самоувѣренности и рѣшимости. Онъ видитъ въ политикѣ Англіи и Австріи явное стремленіе поддерживать во Франціи внутреннія безпорядки, чтобы вызвать паденіе могущества этой державы. Въ частности англійское правительство систематически подрываетъ нравственные устои союза четырехъ великихъ государствъ. По его мнѣнію, Вѣнскій кабинетъ также подкапывается подъ основы союза, который въ продолженіи истекшаго года „удалился отъ своего принципа" и „ослабъ въ своихъ узахъ".

Вообще этотъ великій союзъ, по словамъ русскаго посла въ Парижѣ, „потерялъ въ глазахъ народовъ уваженіе и въ глазахъ партій святой страхъ, который онъ имъ вселялъ". (Донесенія Поццо ди Борго отъ 10-го (22-го) февраля и 5-го (17-го) марта 1820 года).

Императоръ Александръ совсѣмъ не раздѣлялъ взглядовъ своего парижскаго посла ни на средства воздѣйствія на внутреннюю политику Франціи, ни еще меньше на значеніе основаннаго имъ союза великихъ государствъ. Онъ находилъ нужнымъ, чтобъ Поццо ди Борго болѣе щадилъ „горделивое самолюбіе французовъ" и менѣе открыто вмѣшивался во внутреннія дѣла Франціи. (Депеша гр. Нессельроде отъ 5-го (17-го) марта 1820 года).

Въ частномъ письмѣ отъ того же числа гр. Нессельроде болѣе ясно выражаетъ сокровенныя мысли Государя насчетъ образа дѣйствія его посла въ Парижѣ.

„Вы русскій посолъ во Франціи", писалъ гр. Нессельроде, „и вашъ старый другъ, дюкъ де Ришелье, силою обстоятельствъ снова поставленъ во главѣ трудныхъ и критическихъ дѣлъ этой страны... Старая политика уже видѣла въ недалекомъ будущемъ Россію и Францію въ образѣ двухъ громадныхъ политическихъ организмовъ, имѣющихъ одинъ и тотъ же принципъ жизни, воли и дѣйствій... Но явилась злонамѣренность для завершенія своего дѣла и пошла еще дальше. Она возбуждаетъ горделивое самомнѣніе французовъ. Она разжигаетъ его до самозабвенія путемъ безумной свободы печати и заставляетъ говорить, что снова такъ называемое покровительство Россіи одержало верхъ во Франціи и, господствуя, назначаетъ и отставляетъ министровъ,

C'est par tous les moyens qu'il faut lutter avec ces accusations et ces insinuations. L'Empereur ne se considéra pas satisfait par le sentiment de n'avoir rien à se reprocher, mais il tient à donner au monde entier et à toutes les cours de l'Europe des preuves matérielles que la Russie est loin d'exercer ce patronage exclusif sur le duc de Richelieu et son ministère. Voici pourquoi l'ambassadeur doit observer à l'égard de Richelieu la même attitude que vis-à-vis de son prédécesseur, car en dépit de ses sympathies personnelles pour le duc, il n'a pas lieu de renoncer à des défiances légitimes à l'égard du gouvernement français et de la nation en général.

„Il vous est donc très particulièrement recommandé", écrit le comte Nesselrode, „de vous tenir à une certaine distance des affaires et des agens publics, et de ne reprendre plus avec le duc de Richelieu les rapports d'intimité qui existaient entre vous et lui, durant les trois années de l'occupation militaire".

„L'intimité d'alors avait un objet, pour ainsi dire, matériel. Celle d'aujourd'hui en ferait supposer un spéculatif. Il s'agissait alors d'exécuter des traités et de débrouiller des affaires qui étaient d'un intérêt connu et commun. Il s'agit aujourd'hui de combinaisons qui regardent le système intérieur de la France"...

„La Russie doit donc s'abstenir de toute intervention quelconque et vous devez, mon général, en convaincre par votre conduite les hommes les moins disposés à le croire".

Cet ordre suprême, très catégorique, trahit la ferme résolution de l'Empereur Alexandre de ne pas intervenir dans les affaires intérieures de la France, et surtout aussi longtemps que Richelieu se trouvera à la tête du pouvoir. A ce point de vue, la lettre à Richelieu du 3 mars semble être en contradiction avec les passages cités ci-dessus de la lettre du comte Nesselrode à Pozzo di Borgo du 5 mars. Dans la première l'Empereur de Russie parle avec une sollicitude marquée des affaires intérieures de la France, tandis que la seconde recommande à l'ambassadeur de Russie de ne pas oublier qu'il est le représentant d'une puissance étrangère et qu'il ne lui appartient pas d'intervenir dans les affaires intérieures de la nation française.

подобно тому, какъ оно, по усмотрѣнію, даетъ и отмѣняетъ законы".

Противъ этихъ обвиненій и инсинуацій нужно бороться всѣми средствами. Государь не желаетъ удовольствоваться сознаніемъ чистой совѣсти, но хочетъ дать всему свѣту и всѣмъ европейскимъ дворамъ матеріальныя доказательства въ томъ, что такого исключительнаго покровительства со стороны Россіи дюку де Ришелье и его министерству вовсе не существуетъ. Вотъ почему посолъ долженъ относиться къ Ришелье совершенно такимъ же образомъ, какъ онъ относился къ его предшественнику, ибо, не взирая на личное расположеніе къ дюку, всетаки нѣтъ причинъ отказываться отъ справедливаго недовѣрія къ французскому правительству и народу вообще.

„Поэтому", пишетъ гр. Нессельроде, „вамъ особенно настоятельно рекомендуется держаться въ извѣстномъ отдаленіи отъ дѣлъ и политическихъ дѣятелей и не возобновлять больше съ дюкомъ Ришелье прежнихъ существовавшихъ между вами въ продолженіи трехлѣтней военной оккупаціи близкихъ отношеній".

„Въ то время ваша близость имѣла, такъ сказать, фактическое основаніе. Въ настоящее время ей приищутъ какія то комбинаціи. Въ то время требовалось исполненіе трактатовъ и устройство дѣлъ, имѣвшихъ извѣстный и общій интересъ. Въ настоящее время вопросъ идетъ о комбинаціяхъ, касающихся внутренняго порядка Франціи"...

„Вотъ почему Россія должна воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства, и вы должны, генералъ, вашимъ поведеніемъ убѣдить въ этомъ всѣхъ людей, даже наиболѣе недовѣрчивыхъ".

Въ этомъ категорическомъ Высочайшемъ повелѣніи нельзя не видѣть рѣшимости Императора Александра отнынѣ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и въ особенности въ то время, когда ими будетъ управлять Ришелье. Съ этой точки зрѣнія письмо его отъ 3-го марта къ Ришелье, кажется, находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ только что приведенными выдержками изъ письма гр. Нессельроде къ Поццо ди Борго отъ 5-го марта. Въ первомъ заботливость русскаго Императора о внутреннихъ дѣлахъ Франціи выражается въ весьма рельефныхъ словахъ; во второмъ же предписывается русскому послу не забывать, что онъ представитель иностранной державы, который никоимъ образомъ не долженъ вмѣ-

Dans le fond, il n'y avait pas de contradiction, car les efforts du gouvernement Impérial tendaient à dérober cette intervention à la connaissance de cours étrangères et de la nation française. Il fallait à tout prix mettre fin à ces continuelles et légitimes accusations, mais il n'était pas question de renoncer aux conditions exclusivement favorables qui donnaient au gouvernement russe la possibilité d'agir très directement sur la marche des affaires en France. Cette action devait continuer, mais se produire avec plus de réserve et de circonspection. Tel était le véritable but de la longue lettre du comte Nesselrode du mois de mars. La fin de cette lettre semble devoir confirmer la justesse de cette appréciation.

Pozzo di Borgo est autorisé formellement à continuer avec Richelieu, comme par le passé, ses relations particulières, et il est chargé d'assurer le duc que ses lettres à l'Empereur ou au comte Nesselrode ne seront *pas toutes* communiquées aux cours étrangères. Il n'est pas moins étrange que la lettre de Richelieu à l'Empereur, de février, ait été portée à la connaissance des cours alliées.

„Engagez le (Richelieu) donc à ne pas se gêner", poursuit le comte Nesselrode ses instructions, „et dites lui, que dans mon particulier, je le prie de m'honorer de la confiance dont j'ai recueilli des témoignages si flatteurs de sa part... En un mot, il n'a qu'à disposer de moi. Je tâcherai de le servir. Mais entendons-nous, — *lui personne*, et non *lui Premier Ministre*. Voilà, mon cher Pozzo, la distinction que je vous recommande d'établir et de suivre comme régulateur immuable de votre conduite".

„Vous pouvez, et vous devez même, voir souvent Monsieur de Richelieu, — l'écouter, et lui dire avec un abandon plein et entier, votre opinion. Mais ces entrevues et cet échange d'idées doit être son secret et le vôtre. Personne au monde ne doit le pénétrer, — et aucune circonstance accessoire ou extérieure, ne doit le trahir, ni le faire soupçonner".

„Telle est la pensée de l'Empereur. Il vous est réservé de la réaliser. Et ce n'est qu'un maître — homme comme vous, qui puisse y réussir".

шиваться во внутреннія дѣла французскаго народа.

На самомъ же дѣлѣ тутъ не было никакого противорѣчія, ибо всѣ старанія Императорскаго правительства были направлены только къ тому, чтобъ скрыть это вмѣшательство отъ иностранныхъ дворовъ и отъ самого французскаго народа. Нужно было всѣми средствами положить конецъ постояннымъ и справедливымъ обвиненіямъ, но нельзя было отказаться отъ исключительно благопріятныхъ условій, давшихъ русскому правительству рѣдкую возможность непосредственно вліять на ходъ внутреннихъ дѣлъ Франціи. Это вліяніе должно было продолжаться, но менѣе открыто и болѣе осторожно. Вотъ въ чемъ заключалась дѣйствительная цѣль длиннаго мартовскаго письма гр. Нессельроде. Въ основательности такого заключенія вполнѣ убѣждаетъ конецъ этого письма.

Поццо ди Борго дается формальное разрѣшеніе на продолженіе съ Ришелье его прежнихъ „частныхъ сношеній" и онъ уполномочивается увѣрить дюка, что *не всѣ* его письма къ Государю или къ гр. Нессельроде будутъ сообщаться иностраннымъ дворамъ. Только страннымъ образомъ февральское письмо Ришелье къ Государю было доведено до свѣдѣнія союзныхъ державъ.

„Убѣдите Ришелье не церемониться", продолжаетъ свое наставленіе гр. Нессельроде, „и скажите ему, что, въ частности, я прошу его почтить меня своимъ довѣріемъ, о которомъ я сохранилъ столь лестныя доказательства... Словомъ, я къ его услугамъ. Я постараюсь быть ему полезнымъ. Только, вы понимаете меня, *ему лично*, а не ему, какъ *первому французскому министру*. Вотъ, любезный Поццо, различіе, которое я вамъ совѣтую установить и соблюдать, какъ неизмѣнный масштабъ для вашего поведенія".

„Вы можете и вы даже должны часто видѣть Ришелье, выслушивать его и говорить ему ваше мнѣніе съ полною и искреннею откровенностью. Однако, эти свиданія и этотъ обмѣнъ мыслей должны составлять его и вашъ секретъ. Никто на свѣтѣ не долженъ знать о нихъ, и никакое побочное или внѣшнее обстоятельство не должно выдавать васъ, ни вызывать подозрѣнія".

„Такова мысль Государя. Вамъ предоставлено ее осуществить. И только такой мастеръ своего дѣла, какъ вы, можетъ исполнить подобную задачу".

En terminant, le comte Nesselrode conseille à Pozzo de ne parler que dans ses lettres particulières de ses rapports personnels avec le premier ministre de France — qui doivent être des rapports avec l'homme, et non avec le ministre *(sic!)*. L'Empereur de son côté „se confiera à lui *personne*, et non à lui Ministre".

L'ambassadeur de Russie était un diplomate très distingué et la confiance que le gouvernement Impérial avait dans son habileté et son intelligence reposait sur des faits positifs et incontestables. Toutefois la mission que lui imposait la lettre du comte Nesselrode du mois de mars était presque irréalisable. Il était appelé à s'entretenir sans cesse avec le premier ministre de France des affaires qui l'intéressaient lui et son gouvernement, et faire complètement abstraction du fait qu'il causait avec le chef de ce gouvernement. Comme la chose était impraticable, Pozzo continua à exercer de l'influence sur Richelieu et contribua inévitablement à precipiter sa chute qui cette fois fut définitive.

La confiance sans bornes de l'Empereur Alexandre dans les talents diplomatiques de son ambassadeur à Paris, ne l'empêchait pas moins de lui énoncer quelquefois de dures vérités, s'il le jugeait nécessaire. Ainsi l'Empereur n'approuvait nullement le mépris avec lequel Pozzo di Borgo traitait l'alliance dans son rapport du mois de février. L'Empereur admettait bien que quelques unes des puissances alliées, comme l'Angleterre et l'Autriche, eussent manifesté quelques „déviations" dans leur manière d'agir, mais il répoussait catégoriquement la pensée qu'elles puissent désirer la continuation des troubles à l'intérieur de la France. L'Empereur ne croyait pas devoir leur attribuer des intentions aussi perfides.

D'ailleurs ces quelques déviations étaient impuissantes à ébranler les bases de cette alliance „qui n'était point l'œuvre des hommes" (*sic!*). Enfin il n'y a pas lieu de s'étonner que l'orgueilleuse faiblesse travaille à dissoudre cette alliance qu'il est un devoir impérieux des Souverains de conserver. (Dépêche du comte Nesselrode du 19 avril (1 mai) 1820).

En attendant, le mouvement révolutionnaire en Italie et en Espagne prouvait que les nations étaient peu satisfaites de l'état de choses existant, et l'alliance des grandes puissances fut exposée

Въ заключеніе гр. Нессельроде совѣтуетъ Поццо ди Борго только въ „частныхъ письмахъ" доносить о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ французскимъ первымъ министромъ, но—какъ съ человѣкомъ, а не министромъ (sic!). Государь же будетъ высказываться совершенно откровенно также ему, „какъ *человѣку*, но не какъ *министру*".

Русскій посолъ былъ замѣчательный дипломатъ, и довѣріе Императорскаго правительства къ его искусству и уму было основано на несомнѣнныхъ положительныхъ данныхъ. Однако, задача, поставленная ему мартовскимъ письмомъ графа Нессельроде, едва ли была исполнима: онъ долженъ былъ постоянно говорить съ первымъ французскимъ министромъ о дѣлахъ, интересующихъ его и его правительство, совершенно забывая при этомъ, что онъ говоритъ съ главою французскаго правительства! И такъ какъ такая вещь была совершенно невозможна, то Поццо ди Борго продолжалъ вліять на Ришелье и неизбѣжнымъ образомъ ускорилъ его новое и окончательное паденіе въ самомъ непродолжительномъ времени.

Неограниченное довѣріе Императора Александра къ дипломатическому искусству своего посла въ Парижѣ, однако, не останавливало его высказывать ему иногда горькую правду, если онъ считалъ это нужнымъ. Такъ, Государь совершенно не одобрилъ пренебрежительное отношеніе Поццо ди Борго къ союзу, высказанное имъ въ февральскомъ донесеніи. Государь допускалъ, что нѣкоторыя союзныя державы, какъ Англія и Австрія, иногда обнаруживаютъ „колебанія" въ своемъ образѣ дѣйствій, но онъ категорически отвергаетъ мысль, что эти державы могутъ желать продолженія внутри Франціи безпорядковъ. Такихъ коварныхъ замысловъ Государь имъ не приписываетъ.

Кромѣ того, маленькія колебанія никакъ не въ состояніи разрушить основы союза, который „нисколько не есть дѣло рукъ человѣческихъ" (sic!). Наконецъ, нечего удивляться тому, что „горделивая слабость людей" старается поколебать этотъ союзъ, сохраненіе котораго—первѣйшій долгъ монарховъ. (Депеша гр. Нессельроде отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1820 г.).

Между тѣмъ революціонныя движенія въ Италіи и Испаніи доказывали, что народы были совершенно недовольны существующими внутренними порядками, и союзъ великихъ

à des graves épreuves. Pozzo di Borgo jugeait qu'une nouvelle entrevue des Souverains alliés serait le moyen le plus efficace de consolider l'accord mutuel. Le comte Capodistria approuva sans réserve cette pensée et s'en fit le défenseur auprès de l'Empereur. Mais il doutait de la possibilité de la réaliser. L'événement prouva que le moyen proposé était applicable, et les congrès de Laybach et de Vérone donnèrent raison aux projets de Pozzo di Borgo. (Lettre du comte Capodistria à Pozzo di Borgo du 19 avril (1 mai) 1820).

Pour se renseigner sur la portée de l'acte ci-dessous voir t. IV, partie I, page 146 et suiv. Il avait pour objet de consacrer l'accession de la France au Recès général de la commission de délimitation signé à Francfort s. M. en 1819.

державъ опять подвергся опасному испытанію. Поццо ди Борго считалъ нужнымъ для новаго укрѣпленія союза—новое свиданіе союзныхъ монарховъ. Графъ Каподистріа вполнѣ одобрилъ эту мысль и защищалъ ее предъ Государемъ. Но онъ только сомнѣвался въ возможности использовать это средство. Событія показали, что это было возможно, и конгрессы въ Лайбахѣ и Веронѣ подтвердили основательность предложенія Поццо ди Борго. (Письмо къ нему гр. Каподистріа отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1820 г.).

О значеніи нижеслѣдующаго акта см. т. IV настоящаго изданія, часть I, стр. 146 и слѣд. На основаніи его Франція приступила къ общеевропейскому акту разграниченія, подписанному въ 1819 году во Франкфуртѣ на Майнѣ.

№ 518.

S. M. le Roi de France et de Navarre ayant été amicalement invitée par S. M. l'Empereur de toutes les Russies à accéder au recès territorial conclu et signé à Francfort, le 20 juillet 1819, entre les Cours d'Autriche, de la Grande Bretagne, de Prusse et de Russie, et S. M. Très-Chrétienne ayant eu communication du susdit recès territorial et n'ayant rien de plus à cœur que de donner à S. M. Impériale toutes les preuves d'amitié et de confiance qui sont en son pouvoir, a muni à cet effet de ses pleinspouvoirs le soussigné Etienne Denis Baron Pasquier, son Ministre et Secrétaire d'Etat au Département des Affaires Etrangères, membre de la Chambre des Députés, grand-croix de l'ordre royal de la Légion d'honneur etc., pour, en son nom, donner acte de cette accession, lequel en conséquence déclare que S. M. Très-Chrétienne accède par le présent acte au susdit recès territorial conclu et signé à Francfort le 20 juillet dernier, lequel est censé inséré

№ 518.

Е. В. Король Французскій и Наваррскій, получивъ дружественное приглашеніе Е. В. Императора Всероссійскаго приступить къ постановленію о разграниченіи, заключенному и подписанному во Франкфуртѣ 20-го іюля 1819 года между Дворами Австрійскимъ, Великобританскимъ, Прусскимъ и Россійскимъ, и ему сообщенному, не имѣя ничего столь близкимъ своему сердцу, какъ дать Его Императорскому Величеству всѣ, какія только въ его власти, доказательства его дружбы и довѣрія, снабдилъ въ виду сего своими полномочіями нижеподписавшагося барона Этьена Дениса Пакье, своего Министра и Статсъ-Секретаря Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, члена Палаты Депутатовъ, кавалера королевскаго ордена Почетнаго легіона большаго креста и пр., дабы, отъ его имени, былъ учиненъ актъ сего приступленія, каковой уполномоченный объявляетъ вслѣдствіе сего, что Его Христіаннѣйшее Величество при-

ici de mot à mot, s'engageant formellement et solennellement envers S. M. Impériale, à concourir de son côté à l'accomplissement des obligations qui y sont contenues et qui peuvent la concerner.

ступаетъ настоящимъ актомъ къ помянутому выше, заключенному и подписанному во Франкфуртѣ 20-го прошлаго іюля, постановленію о разграниченіи, которое почитается вписаннымъ сюда отъ слова до слова, обязываясь формально и торжественно передъ Его Императорскимъ Величествомъ, съ своей стороны, содѣйствовать исполненію обязательствъ, которыя въ ономъ содержатся и могутъ его касаться.

Le présent acte d'accession sera ratifié dans l'espace de deux mois qui suivra la remise de l'acte d'acceptation et avant l'expiration dudit terme, il sera procédé, si faire se peut à l'échange des instruments respectifs de ratification de l'accession d'une part et de l'acceptation de l'autre part.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 26 juin 1820.

Pasquier.

Настоящій актъ приступленія будетъ ратификованъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ по передачѣ акта принятія онаго, и ранѣе истеченія сказаннаго срока будетъ приступлено, если окажется возможнымъ, къ размѣну обоюдныхъ актовъ ратификаціи приступленія съ одной стороны и принятія съ другой.

Въ увѣреніе чего, и т. д.

Въ Парижѣ, 26-го іюня 1820 года.

Пакье.

Comme par un acte signé le 26 du mois de juin 1820 au nom de S. M. Très-Chrétienne par son Ministre et Secrétaire d'Etat au Département des Affaires Etrangères S. E. M. le Baron Pasquier, ce Souverain, a accédé au Recès territoriale conclu et signé à Francfort le 20 juillet 1819 entre les Cours de Russie, d'Autriche, de la Grande Bretagne et de Prusse, S. M. l'Empereur de toutes les Russies, Roi de Pologne a autorisé le soussigné son Ministre plénipotentiaire près la Cour de France à accepter formellement en son nom ladite accession. En conséquence le soussigné déclare que S. M. Impériale et Royale accepte, par

Такъ какъ въ силу акта, подписаннаго 26-го іюня 1820 года отъ имени Его Христіаннѣйшаго Величества его Министромъ и Статсъ-Секретаремъ Департамента Иностранныхъ Дѣлъ Его Превосходительствомъ барономъ Пакье, сей Государь приступилъ къ постановленію о разграниченіи, заключенному и подписанному во Франкфуртѣ 20-го іюля 1819 года между Дворами Россійскимъ, Австрійскимъ, Великобританскимъ и Прусскимъ, то Е. В. Императоръ Всероссійскій, Царь Польскій уполномочилъ нижеподписавшагося, своего полномочнаго министра при Французскомъ Дворѣ, принять формально отъ его имени сказанное

le présent acte, l'accession de S. M. le Roi de France au Recès de Francfort du 20 juillet 1819, et qu'Elle s'engage à concourir avec S. M. Très-Chrétienne à l'accomplissement des obligations contenues dans le dit Recès pour autant qu'elles peuvent concerner S. M. Impériale et Royale.

Le présent acte d'acceptation sera ratifié et la ratification sera échangée contre celle de l'acte d'accession dans l'espace de trois mois ou plutôt si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 16 (28) du mois de juin 1820.

Pozzo di Borgo.

приступленіе. Вслѣдствіе сего нижеподписавшійся объявляетъ, что Его Императорское и Царское Величество настоящимъ актомъ принимаетъ приступленіе Е. В. Короля Французскаго и Наваррскаго къ Франкфуртскому постановленію 20 іюля 1819 года и обязуется совмѣстно съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ содѣйствовать исполненію обязательствъ, заключающихся въ сказанномъ постановленіи, насколько оныя могутъ касаться Его Императорскаго Величества.

Настоящій актъ принятія будетъ ратификованъ и его ратификація будетъ размѣнена на таковую же акта приступленія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, или и ранѣе, если окажется возможнымъ

Въ увѣреніе чего, и т. д.

Въ Парижѣ, 16-го (28-го) іюня 1820 года.

Поццо ди Борго.

ANNEXE.

1809, 23 décembre (**1810,** 4 janvier). Convention concernant la Pologne, signée à St.-Pétersbourg.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin et Médiateur de la Confédération Suisse, également animés du désir d'assurer d'une manière inébranlable la paix continentale, et voulant ôter à l'Angleterre, qui toujours, et plus particulièrement depuis quelques années, s'est montrée l'ennemi déclaré du Continent, tout espoir d'en troubler de nouveau la tranquilité, ont résolu non seulement de resserrer de plus en plus les nœuds de l'alliance qui unit si heureusement les deux Empires, mais encore de contribuer par tous les moyens possibles à la consolider et à la rendre indissoluble.

Leurs Majestés Impériales ont en conséquence jugé nécessaire de s'entendre amicalement pour écarter d'avance les seuls sujets d'inquiétude qui pourraient porter atteinte à leur union, en mettant un terme aux illusions dangereuses, que l'espérance chimérique de

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1809 г., декабря 23-го (**1810 г.,** января 4-го). С.-Петербургская конвенція относительно Польши.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза и Медіаторъ Швейцарскаго Союза, одинаково одушевляемые желаніемъ обезпечить ненарушимость континентальнаго мира и желая отнять у Англіи, которая всегда и въ особенности въ послѣдніе годы показала себя явнымъ врагомъ континента, всякую надежду снова возмутить спокойствіе онаго, рѣшили не только все болѣе и болѣе скрѣплять узы союза, столь счастливо соединяющаго обѣ Имперіи, но и содѣйствовать всѣми возможными средствами тому, чтобы оный утвердить и сдѣлать неразрывнымъ.

Въ виду сего Ихъ Императорскія Величества почли необходимымъ войти въ дружеское соглашеніе между собою, дабы заранѣе устранить единственные поводы къ безпокойству, могущіе нанести ущербъ ихъ единенію, положивъ конецъ опаснымъ заблу-

la renaissance du Royaume de Pologne peut encore nourrir dans le cœur des anciens Polonais, étant bien convaincues d'ailleurs que c'est servir l'intérêt même de ces peuples que d'assurer leur tranquilité et leur soumission aux gouvernements auxquels ils appartiennent.

A cet effet Elles ont choisi et nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

Monsieur le comte Nicolas de Roumianzoff, Chancelier de Son Empire, Membre du Conseil d'Etat, Ministre des Affaires Etrangères, Ministre du Commerce, Sénateur, Chambellan actuel, chevalier des ordres de S-t André, de S-t Alexandre Newsky etc.

et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin et Médiateur de la Confédération Suisse:

Monsieur Armand Augustin Louis de Caulaincourt, duc de Vicence, général de division, grand Ecuyer de France, grand Aigle de la légion d'honneur etc. son ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près S. M. l'Empereur de toutes les Russies.

Lesquels en vertu de l'autorisation de leurs Souverains respectifs, sont convenus des articles suivants.

ARTICLE I.

Le Royaume de Pologne ne sera jamais rétabli.

жденіямъ, которыя можетъ еще порождать въ сердцахъ старыхъ Поляковъ безумная надежда на возстановленіе польскаго королевства, хотя въ то же время Ихъ Величества твердо убѣждены, что собственный интересъ этихъ народовъ требуетъ обезпеченія ихъ спокойствія и ихъ подчиненія правительствамъ, коимъ они принадлежатъ.

На сей конецъ Ихъ Императорскія Величества выбрали и назначили своими уполномоченными, именно:

Е. В. Императоръ Всероссійскій

Графа Николая Румянцова, своего Государственнаго Канцлера, члена Государственнаго Совѣта, Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Министра Торговли, Сенатора, Дѣйств. камергера, кавалера орденовъ Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и пр.

и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза, Медіаторъ Швейцарскаго Союза

Армана Августина Людовика Коленкура, герцога Висанскаго, дивизіоннаго генерала, оберъ-шталмейстера Франціи, кавалера Почетнаго легіона большаго креста и пр., своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Императорѣ Всероссійскомъ;

кои, въ силу уполномочія своихъ Государей, согласились о слѣдующихъ статьяхъ.

СТАТЬЯ I.

Польское королевство никогда не будетъ возстановлено.

ARTICLE II.

Les Hautes parties contractantes s'engagent à veiller à ce que les dénominations de *Pologne* et de *Polonais* ne s'appliquent jamais à aucune des parties qui ont précédemment constitué ce royaume, ni à leurs habitants, ni à leurs troupes, et disparaîssent pour toujours de tout acte officiel ou public de quelque nature qu'il soit.

СТАТЬЯ II.

Высокія договаривающіяся стороны обязуются имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы наименованія *Польша* и *Поляки* никогда не прилагались ни къ одной изъ тѣхъ частей, которыя въ прежнее время составляли означенное королевство, ни къ ихъ обывателямъ, ни къ ихъ войскамъ, и навсегда исчезли изъ всякаго, какого бы ни было рода, оффиціальнаго или публичнаго акта.

ARTICLE III.

Les ordres de chevalerie qui appartenaient à l'ancien royaume de Pologne, seront abolis sans pouvoir jamais être rétablis.

СТАТЬЯ III.

Кавалерскіе ордена, принадлежавшіе старому Польскому королевству, будутъ отмѣнены и никогда не могутъ быть возстановлены.

ARTICLE IV.

Aucun des anciens Polonais qui sont aujourd'hui sujets de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, ne pourra être admis à l'avenir au service de S. M. le roi de Saxe comme duc de Varsovie, et réciproquement aucun sujet de S. M. le roi de Saxe, en sa qualité de duc de Varsovie, ne pourra être reçu au service de la Russie.

СТАТЬЯ IV.

Никто изъ бывшихъ Поляковъ, состоящихъ нынѣ подданными Е. В. Императора Всероссійскаго, не можетъ впредь быть допускаемъ на службу къ Е. В. Королю Саксонскому, какъ герцогу Варшавскому и, взаимно, ни одинъ подданный Е. В. Короля Саксонскаго, какъ герцога Варшавскаго, не можетъ быть принятъ на Россійскую службу.

ARTICLE V.

Il est établi comme principe fixe et inaltérable que le duché de Varsovie ne pourra à l'avenir obtenir aucune extension territoriale qui serait prise sur l'une des parties qui composaient l'ancien royaume de Pologne.

СТАТЬЯ V.

Постановляется за твердое и неотмѣнимое правило, что Варшавское герцогство впредь не можетъ получить никакого территоріальнаго расширенія на счетъ тѣхъ частей, которыя составляли бывшее Польское королевство.

ARTICLE VI.

Il ne sera plus reconnu de sujets mixtes entre la Russie et le duché de

СТАТЬЯ VI.

Смѣшанныхъ подданныхъ между Россіею и Варшавскимъ герцогствомъ

Varsovie. Il sera accordé à ceux qui sont encore réputés tels, un délai de douze mois à dater du jour de l'échange des ratifications de cet acte, pour déclarer la souveraineté qu'ils voudront adopter, et un terme de trois ans pour aliéner leurs propriétés dans celle à laquelle ils auront renoncé.

болѣе не будетъ признаваться. Тѣ, которые еще почитаются таковыми, будетъ данъ двѣнадцатимѣсячный срокъ, считая со дня обмѣна ратификацій сего акта, для объявленія о томъ, какому государству они желаютъ принадлежать, и срокъ въ три года для отчужденія ихъ недвижимости въ томъ государствѣ, отъ котораго они откажутся.

Article VII

S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, s'engage à obtenir l'accession de S. M. le roi de Saxe aux stipulations ci-dessus, et en garantit l'exécution.

Статья VII.

Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій обязуется получить согласіе Е. В. Короля Саксонскаго на приступленіе къ вышеизложеннымъ постановленіямъ и принимаетъ на себя ручательство за ихъ исполненіе.

Article VIII.

La présente convention sera ratifiée par les Hautes parties contractantes, et les ratifications échangées à St.-Pétersbourg dans l'espace de cinquante jours ou plutôt si faire se peut.

Fait à St.-Pétersbourg, le 23 décembre 1809 (4 janvier 1810).

(L. S.) Le comte de Roumianzoff.

(L. S.) Caulaincourt, duc de Vicence.

Статья VIII.

Настоящая конвенція будетъ ратификована Высокими договаривающимися сторонами и ратификаціи будутъ размѣнены въ С.-Петербургѣ въ теченіи пятидесяти дней, или и ранѣе, если окажется возможнымъ.

Въ С.-Петербургѣ, 23-го декабря 1809 года (4-го января 1810 года).

(М. П.) Графъ Румянцовъ.

(М. П.) Коленкуръ, герцогъ Висанскій.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

КОПИРОВАНИЕ